Кн. В. П. Мещерскій.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(1850—1865 гг.)
(1865—1881 гг.)
(1881—1894 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская, № 27.
1897.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

891.73
M56
Bm56
v.1-3

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

MAY 23 1977
MAY 23 1977
AUG 22 1977
AUG 25 1978
JUL 31 1978
FEB 29 1980
APRIL 15, 1980
JUL 23 1980
SEP 3 1980
AUG 11 1980
APR 7 1981
APR 14 1981
NOV 04 1981
SEP 15 1981
AUG 24 1988
JUN 12 2001

L161—O-1096

Посвящается

священной памяти

моихъ дорогихъ родителей

и Того,

Чье довѣріе дало моей жизни смыслъ, моему труду вдохновеніе и моимъ убѣжденіямъ непобѣдимость.

Сентябрь 1897 г.
С.-Петербургъ.

Кн. В. П. Мещерскій.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1850—1865 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская, № 27.
1897.

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/moivospominaniia13mesh

891.73
M56
BM56
v. 1-3

I.

(До 1850-хъ годовъ).

Мои родители. — Мое дѣтство дома. — Мое дѣтство въ училищѣ Правовѣдѣнія. — Первые училищные начальники и воспитатели.

Самое цѣнное счастье въ жизни—это имѣть хорошихъ родителей.

Это счастье далъ мнѣ Богъ. Мать моя, старшая дочь великаго Карамзина, была олицетвореніемъ высокой души въ лучшемъ смыслѣ этого слова; подобной ей, русской женщины, я не встрѣчалъ: умъ ея былъ замѣчательно свѣтелъ и вѣренъ, сердце никогда не билось ни слабо, ни вяло, оно всегда билось сильно и горячо; любовь къ Россіи была культомъ ея души, а рядомъ съ этимъ все въ жизни міра ее интересовало; въ каждой мысли и въ каждомъ словѣ ея слышалось вдохновеніе правды и благородства... Оттого рѣчи ея покойный Тютчевъ называлъ: la musique d'une belle âme. Пошлость, ложь и сплетни она одинаково презирала, и все это вмѣстѣ взятое, не смотря на то, что она, больная, никуда не выѣзжала, дѣлало ея гостиную въ пятидесятыхъ годахъ средоточіемъ не только политической жизни, но патріотизма и благородства. Отецъ мой, съ оригинальнымъ чиномъ отставного подполковника гвардіи, жилъ издавна только семейною жизнью. Это былъ, безъ преувеличенія скажу, идеалъ человѣка христіанина, именно человѣка, потому

что онъ жилъ полною жизнью свѣта, но въ тоже время сіялъ, такъ сказать, красотою христіанства: его душа слишкомъ любила ближняго и добро, чтобы когда-либо помыслить злое, и въ то же время всегда веселый, всегда довольный, онъ жилъ жизнью всѣхъ, его окружавшихъ; все, что могъ, читалъ, всѣмъ интересовался и, подобно матери моей, никогда не задѣвалъ даже мимоходомъ ни лжи, ни чванства, ни пошлости, ни сплетни...

Таковы были совсѣмъ необыкновенныя, по нравственной красотѣ, существа, которыя я имѣлъ счастье получить отъ Бога родителями.

Увы, ни одно изъ этихъ душевныхъ красотъ, ни одинъ изъ этихъ даровъ не перешли ко мнѣ; но съ дурнымъ характеромъ и дурною натурою я получилъ, благодаря моимъ родителямъ, такую богатую для ума и для сердца духовную атмосферу, что съ раннихъ лѣтъ, рядомъ съ недостатками природы, въ душѣ моей стали жить идеалы, идеалы любви къ Россіи, идеалы правды и честности. Отчетливо помню, какъ въ ранніе уже годы дѣтства я постигъ въ атмосферѣ моихъ родителей, какъ надо любить Царя... Они жили въ карамзинскихъ преданіяхъ этой любви къ Царю... Это былъ глубокій и высокій культъ, но именно потому онъ не допускалъ ничего, похожаго на ложь, на холопство, на заискиванье того, что удовлетворяетъ чванству. И Государь Николай Павловичъ, и Государь Александръ Николаевичъ отлично знали про этотъ культъ въ семьѣ Мещерскихъ, интересовались тѣмъ, что говорилось въ гостиной моей матери, но знали въ то же время, что тамъ не вѣдалось—что значитъ кривить душою, и правда говорилась всегда полная, прямая и безстрашная... Духъ гордой, чистой и безпредѣльной любви къ Царю Карамзина царилъ въ нашей семьѣ...

На счетъ честности житейской — я живо помню, что въ раннемъ дѣтствѣ, когда мнѣ было 8 лѣтъ, я спасенъ былъ два раза строгостью моего отца и моей матери отъ опасности сдѣлаться безчестнымъ. Въ деревнѣ мы съ братомъ украли на оранжереѣ дыню; пятна на рубашкахъ насъ выдали; мы сознались, но нашъ отецъ, сказавши намъ, что кража есть страшный грѣхъ,—подвергъ насъ наказанію розгами и переполнилъ наши дѣтскія души ужасомъ и страхомъ къ этому преступленію. Потомъ черезъ годъ я совершилъ новый проступокъ противъ честности, не подозрѣвая его. Будучи въ училищѣ, я попросилъ у бабушки своей, Карамзиной, денегъ на лакомства. Бабушка мнѣ ихъ дала, но мать моя меня позвала, и съ такимъ глубокимъ чувствомъ объяснила мнѣ, что просить деньги у кого бы то ни было, кромѣ родителей, постыдно и гадко, что горько я заплакалъ, и невольно это запомнилъ...

Восьми лѣтъ меня отдали съ братомъ во вновь открывшіеся тогда приготовительные классы училища Правовѣдѣнія. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій купилъ на свой счетъ барскій домъ Неплюева, на Сергіевской, и тамъ открылъ два класса, съ французомъ Бераромъ, пруссакомъ Штейномъ, и Шильдеромъ нѣмцемъ, какъ воспитателями. Это было своего рода постриженіе, но настоящее: мои длинныя кудри были безпощадно уничтожены казеннымъ цирульникомъ навсегда, и обстриженные по солдатски, мы поступили подъ строгую дисциплину школы...

Тогда директоромъ училища Правовѣдѣнія былъ старикъ Пошманъ; онъ доживалъ свой вѣкъ и процарствовалъ надъ нами только нѣсколько мѣсяцевъ... Но помню, что его фигура и его имя были авторитетны... Съ его смертью

назначили князя Голицына, изъ бывшихъ военныхъ... Онъ на насъ произвелъ впечатлѣніе своею сухостью и холодностью... При немъ кончился 48-й годъ, и до нашего тихаго дѣтскаго убѣжища мира и послушанія стали доходить смутные слухи о чемъ-то неладномъ въ училищѣ. Это неладное заключалось въ броженіи умовъ въ старшихъ классахъ, въ отдѣльныхъ скандалахъ, которые дѣлали воспитанники немилымъ изъ воспитателей и профессоровъ,—князь Николай Семеновичъ Голицынъ оказывался слабымъ и ненаходчивымъ,—и пришлось въ 1849 году сдѣлать coup d'état, т.-е. Голицына смѣнить и искать кого-нибудь построже... Помню, что тогда у насъ ходили слухи о томъ, что Государь училищемъ недоволенъ, и что найдены были будто косвенно замѣшанные въ исторіи Петрашевскаго, разыгравшейся въ 1848 году...

Этого строгаго человѣка нашли въ рижскомъ полиціймейстерѣ, полковникѣ Языковѣ. Его произвели въ генералы и отдали ему училище Правовѣдѣнія. Помню, какъ вчера, его появленіе къ намъ въ приготовительные классы. Онъ не вошелъ, а влетѣлъ, какъ ураганъ, поздоровался, и затѣмъ, съ глазами на выкатѣ, будто бы для приданія себѣ вида строгости, сталъ обходить наши классные столы... Я стоялъ съ руками, положенными на столъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, ударилъ по обѣимъ рукамъ: какъ смѣть какъ стоять?—рявкнулъ онъ,—руки по швамъ! Другому тоже самое сдѣлалъ—онъ расплакался, и затѣмъ, сказавши такъ: смотрите у меня, вести себя хорошо, а не то расправа будетъ короткая!—вылетѣлъ изъ класса, оставивши насъ въ положеніи овечекъ, испуганныхъ внезапно расходившеюся грозою... Это было первое впечатлѣніе новаго режима, коего, разумѣется, мы не понимали ни смысла, ни причины, такъ какъ пребывали, благодаря

отеческой строгости Папа Берара, нашего старшаго воспитателя, въ самой строгой дисциплинѣ...

Дисциплина была, дѣйствительно, строга. Она усилилась съ появленіемъ Языкова тѣмъ, что за то, что мы не ходили въ ногу въ строю, насъ ставили за черный столъ во время обѣда или завтрака...

Характернымъ проявленіемъ тогдашней школьной дисциплины врѣзалась въ память мою происходившая каждую субботу послѣ всенощной церемонія «petite-censure», какъ называлъ ее нашъ Папа Бераръ. Она была и торжественна, и страшна. Папа Бераръ съ ассистентами, въ лицѣ двухъ воспитателей, входилъ къ намъ въ классъ и садился за столъ. Начиналось чтеніе балловъ и нашего журнала поведенія... Всѣ грѣхи недѣли намъ припоминались, съ подобавшимъ внушеніемъ или наказаніемъ. Высшею мѣрою наказанія были розги...

Бравый преображенецъ, унтеръ-офицеръ Илья Ивановъ являлся въ лазаретъ и тамъ происходила экзекуція...

Какъ вчера, помню голосъ Папа Берара, читавшаго такого рода наставленія: Monsieur NN... a été mis à la table noire pour avoir p.. é dans son lit!

— Monsieur NN,—обращался онъ къ виновнику,— quand donc cesserez vous de p...r dans votre lit?..

Послѣ троекратнаго такого постановленія, бѣднаго NN приговаривали къ розгамъ...

— Александръ Ивановичъ,—обращался Папа Бераръ къ воспитателю Шильдеру,—il faut administrer à Monsieur ZZ. une petite correction... И ZZ отправлялся въ лазаретъ для экзекуціи... Но замѣчательно, что ZZ отъ этой дурной привычки отдѣлался.

Но вотъ настали опять безпокойныя времена въ стѣнахъ училища... Языковъ становился грознымъ.

Объ этой грозѣ дошли до насъ нѣкоторые странные разсказы. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ наши дѣтскія души... Вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность директора, Языковъ совершилъ коренную реформу въ воспитательномъ персоналѣ училища и, такъ сказать, въ самой дисциплинѣ. Реформа эта заключалась въ томъ, что почти весь штатскій персоналъ воспитателей былъ замѣненъ гвардейскими и армейскими офицерами, и во главѣ, такъ сказать, дисциплины и ея представителей, воспитателей—былъ поставленъ въ новой должности инспекторъ воспитанниковъ... Выборъ палъ на артиллерійскаго подполковника съ самою внушительною фамиліею, *Рутенберга*... Его наружность гармонировала съ его именемъ: высокаго роста, худой и сухой, съ рѣзкимъ подбородкомъ, съ медленною и всегда одинаковою походкою, онъ являлся передъ воспитанниками всегда суровымъ, всегда строгимъ, и улыбался раза два въ году, что, впрочемъ, не помѣшало намъ современемъ питать къ этому страшному человѣку уваженіе.

Съ назначеніемъ офицеровъ стали предъявляться къ воспитанникамъ строгія требованія почти военной выправки и дисциплины, и прежнія патріархальныя, добродушныя отношенія воспитанниковъ къ воспитателямъ замѣнились отношеніями скорѣе формальными и строевыми...

Эта перемѣна реформы вызвала нѣсколько одинокихъ протестовъ со стороны воспитанниковъ болѣе либеральныхъ, и сажаніе въ карцеръ на сутки стало учащаться... Языковъ, какъ мы дѣтскими умами понимали, по доходившимъ до насъ разсказамъ, хотѣлъ *что-то* сломить, и все усиливалъ свою строгость послѣ каждаго отдѣльнаго случая неповиновенія и строптивости...

И вотъ, вслѣдствіе такой системы усиленія наказаній,

произошелъ слѣдующій драматическій эпизодъ. Одинъ воспитанникъ 4 класса—съ 4-го класса воспитанники считались освобожденными отъ тѣлеснаго наказанія,—гуляя по залу, съ застегнутою на 3 пуговицы сверху курткою и съ руками въ боковыхъ карманахъ—два кармана были строго воспрещены,—мирно бесѣдовалъ съ своимъ товарищемъ... Подходитъ къ нему дежурный офицеръ, останавливаетъ его и приказываетъ ему застегнуть куртку и руки вынуть изъ кармана, а лѣвый карманъ велитъ зашить...

— Я развѣ вамъ мѣшаю?—отвѣчаетъ воспитанникъ, не вынимая руки изъ кармана, а другую руку переведя въ промежутокъ между разстегнутыми пуговицами куртки.

— Прошу не разсуждать,—отвѣчаетъ офицеръ,—и исполнить приказаніе.

— Не хочу,—отвѣчаетъ воспитанникъ.

— Въ карцеръ маршъ!

Виновный посаженъ былъ въ карцеръ.

Офицеръ доложилъ Рутенбергу, Рутенбергъ Языкову. Языковъ приходитъ въ сильное возбужденное состояніе, и рѣшаетъ, повидимому, что пришла минута показать себя во всей строгости своей власти.

Онъ стремглавъ летитъ въ залы училища.

— Строиться!—раздается по обѣимъ заламъ младшаго и старшаго курсовъ его страшный голосъ...

Три старшіе класса входятъ въ строю въ залъ младшаго курса. Затѣмъ онъ зоветъ всѣхъ наличныхъ учителей-профессоровъ и воспитателей, затѣмъ строитъ всѣ классы въ карэ, и вдругъ раздается команда: скамейку и розги...

Когда принесли скамейку и розги, Языковъ велитъ

привести провинившагося изъ карцера и объявляетъ ему приговоръ: за дерзость относительно офицера вы переводитесь изъ четвертаго класса въ пятый и будете высѣчены...

Виновнаго высѣкли 20-ю розгами публично...

Затѣмъ его исключили изъ училища...

Впечатлѣніе эта небывалая въ стѣнахъ училища казнь произвела страшное...

И надо сказать, что этимъ страшнымъ эпизодомъ положенъ былъ конецъ эпохѣ броженія умовъ въ училищѣ и сразу все подчинилось стихіи дисциплины; послѣ этого ничего подобнаго не повторялось, какъ казнь, и ничего подобнаго не повторялось, какъ проявленіе бунта...

Нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ, что столь страшно наказанный воспитанникъ поступилъ въ военную службу, былъ на войнѣ и считался отличнымъ офицеромъ и порядочнымъ человѣкомъ.

II.

(Послѣ 1850—1853 года).

Мое отрочество въ стѣнахъ училища Правовѣдѣнія. — Директоръ Языковъ. — Инспекторъ Рутенбергъ. — Священникъ Богословскій. — Учителя. — Посѣщеніе училища Императоромъ Николаемъ I.

Въ 1850 году, 11-ти лѣтъ съ половиною, я надѣлъ трехъуголку правовѣда къ 15-му августа...

На долгихъ привезъ насъ старый слуга моего отца въ Петербургъ изъ деревни,—брата моего для помѣщенія въ тогдашній знаменитый пансіонъ Эммэ, а меня въ училище Правовѣдѣнія.

Имѣніе моего отца было въ 120 верстахъ отъ Петербурга, въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Въ немъ считалось около 500 душъ. Объ этой деревнѣ Мануилово вспоминается, какъ о раѣ земномъ... Слово: рай—здѣсь вовсе не метафора. Благодаря раннему поступленію въ училищную жизнь – 8 лѣтъ, благодаря умственному богатству семьи моихъ родителей, 11 лѣтъ я былъ развитъ не менѣе, чѣмъ мои товарищи 14 и 15 лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ уже много въ душѣ зарождается не только впечатлѣній, но и мыслей серьезныхъ. Во мнѣ было сознаніе ясное и свѣтлое, что наша деревня была именно раемъ, по совершенному отсутствію зла и по изобилію самыхъ свѣтлыхъ и, такъ сказать, сладкихъ душевныхъ впечатлѣній; тамъ царила какая-то чудная духовная гармонія въ людяхъ

и во всѣхъ проявленіяхъ жизни, и ея слѣды въ душѣ были такъ глубоки, такъ сознательны, что остались живыми на всю жизнь... Этотъ слѣдъ былъ 10 и 20 лѣтъ спустя тѣмъ недоумѣніемъ, тѣмъ непониманіемъ, съ которымъ я со всѣхъ сторонъ послѣ знакомился со сказками и толками о звѣрствѣ крѣпостного права, о лютости помѣщика... Въ нашей деревнѣ чуть ли не съ пеленокъ я видѣлъ только помѣщика въ лицѣ моего отца, и этотъ помѣщикъ былъ не только отцомъ, но былъ ангеломъ и добрымъ геніемъ для своихъ мужиковъ: когда я сталъ разсуждать и понимать, я именно этого ангела узналъ не по своимъ впечатлѣніямъ, а отъ мужиковъ, по тысячамъ проявленій ихъ обожанія къ нему. Я видѣлъ и понималъ, что мой отецъ не только въ каждомъ мужикѣ уважалъ человѣка, во Христѣ брата, но родного, близкаго ему, милаго ему сына, а съ другой стороны я сталъ видѣть и понимать, что другого значенія, какъ родного отца, мой отецъ для крестьянъ не имѣлъ. И въ этой, именно, семейной связи съ крестьянами мы росли. Мы знали чуть ли не всѣхъ крестьянъ по имени, знали каждую заботу, или печаль, или радость въ крестьянскихъ дѣлахъ, ни разу за рядъ лѣтъ мнѣ не пришлось слышать о наказанномъ моимъ отцомъ или его управляющимъ крестьянинѣ; а о помощи тому или другому сколько я слышалъ рѣчей въ устахъ моего отца...

До 1850 года въ деревнѣ съ нами жила моя бабушка, вдова великаго Карамзина, съ двумя незамужними дочерьми. Величавая и стройная 70-лѣтняя Екатерина Андреевна Карамзина была самымъ ярко-свѣтлымъ олицетвореніемъ привѣтливости и любви къ окружавшему ее міру... Отъ нея вѣяло правдою и благородствомъ, и я живо помню, какъ для каждаго она являлась какимъ-то величествен-

нымъ и въ тоже время прелестнымъ образомъ барыни-праведницы. Тутъ же въ полуверстѣ была большая больница воспитательнаго дома. Главный ея докторъ былъ гомеопатъ и чудный человѣкъ, любившій крестьянина и любившій добро. Въ 7 верстахъ была наша Опольская церковь, съ симпатичнымъ и почтеннымъ батюшкою, прекрасно служившимъ и пріѣзжавшимъ служить къ намъ по праздникамъ всенощныя. И вотъ, взаимная связь всѣхъ этихъ хорошихъ и прекрасныхъ лицъ и составляла ту полную и чудную жизненную гармонію, которой на человѣческомъ языкѣ другого названія дать не могу, какъ именно: земной рай.

Съ этими впечатлѣніями земного рая въ душѣ попалъ я на 7-лѣтнее заключеніе въ училище Правовѣдѣнія при Языковѣ.

При переходѣ изъ приготовительныхъ классовъ въ училище Правовѣдѣнія пришлось почувствовать разницу воспитательнаго режима... Въ рукахъ нашего добраго папа Берара мы чувствовали себя какъ будто въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ; каждый изъ насъ сознавалъ свою дѣтскую личность не только существующею для нашихъ воспитателей, но до извѣстной степени имъ близкою: между ими и нами бывалъ постоянный обмѣнъ впечатлѣній, и самая строгость никогда не теряла характера семейнаго, дружескаго или отцовскаго обращенія...

При поступленіи въ училище, въ грозныя руки Языкова, пришлось съ нашими ощущеніями проститься; мы скоро поняли и почувствовали, что становились номерами, подъ которыми справляли свою функцію воспитанника.

Мы сразу постигли, что смѣшно, дико, ненемыслимо было бы представить себѣ нашего брата воспитанника, идущимъ къ директору съ душевнымъ вопросомъ... И то

же самое чувство мы начали испытывать относительно инспектора Рутенберга, относительно воспитателей и относительно учителей... Во всемъ были внѣшнія отношенія, внутреннихъ не было; оттого наша семилѣтняя жизнь въ училищѣ началась и продолжалась для каждаго съ тѣмъ духовнымъ запасомъ матеріала, съ какимъ его снабдили дома, въ своей семьѣ, и не разъ, вслѣдствіе этого, приходилось замѣчать, какъ грубѣли и черствѣли тѣ изъ нашихъ товарищей, родители которыхъ были внѣ Петербурга и которые вслѣдствіе этого запирались на цѣлый годъ въ училищныя стѣны, какъ въ клѣтку, безъ освѣженія домашнею жизнью, то есть жизнью сердца.

Ни разу, напримѣръ, пока онъ былъ живъ, нашъ инспекторъ Рутенбергъ не появлялся среди насъ иначе, какъ въ опредѣленные часы; ни разу не измѣнились ни его походка, ни его движенья, ни его слова... То же самое относительно Языкова, хотя онъ являлся иногда невзначай, не въ опредѣленное время; если невзначай, это былъ все тотъ же блюститель внѣшняго порядка, совершенно равнодушный къ тому, что у каждаго изъ насъ было на душѣ. Всего выразительнѣе въ этомъ культѣ внѣшней дисциплины казался намъ нашъ знаменитый законоучитель, священникъ Михаилъ Измайловичъ Богословскій. Говорю: знаменитый—потому, что его зналъ весь Петербургъ за его строгость и за его особенную по характеру службу... Придетъ, войдетъ въ классъ, сядетъ на каѳедру, прочтетъ урокъ, и начнетъ спрашивать строго и безпощадно-придирчиво и уйдетъ, причемъ до урока и послѣ урока каждый долженъ былъ подходить подъ благословеніе и цѣловать руку... и все это молча и трепеща... Одна была разница: въ какой рясѣ пріѣдетъ Богословскій; мы ждали этого съ нетерпѣніемъ и страхомъ: если въ зеленой—скверно, его

строгость будетъ сердитая; если въ черной—легче было на душѣ: его строгость была мягче и подчасъ нарушалась улыбкою...

Самымъ безпощаднымъ былъ учитель латинскаго языка П. М. Носовъ... Онъ ничего не зналъ, кромѣ мертвострогаго преподаванія урока, и затѣмъ спрашивалъ съ самою безпощадною формальностью, и единицы и двойки сыпались на насъ безъ счета...

Это было возмутительное преподаваніе; мы это чувствовали дѣтьми, но для обрисованія курьезнаго взгляда на внутренній режимъ Языкова—не могу здѣсь не вспомнить, что какъ въ теченіе 7 лѣтъ ни разу ни инспекторъ воспитанниковъ не приходилъ къ намъ невзначай, такъ ни разу въ эти 7 лѣтъ я не видѣлъ, чтобы инспекторъ классовъ (сперва Кранихфельдъ, а потомъ Ф. Ф. Витте) вошелъ въ классъ послушать, какъ учитъ учитель и какія у него отношенія къ воспитанникамъ...

Самыми симпатичными изъ воспитателей для насъ были самые оригинальные, отличавшіеся своею грубостью, какъ воспитатель артиллеристъ Геруцотъ, принявшій насъ въ 6 классѣ, и умѣвшій съ удивительною грубостью и вспыльчивостью соединять ласку и доброту, и отставной военный полуфранцузъ Малльо, котораго мы любили, во-первыхъ, за его доброту, во-вторыхъ, за то, что онъ дежурилъ въ лучшій день нашей недѣли, по субботамъ; онъ имѣлъ вкусъ къ остротамъ, и доводилъ ее до самой утонченной пытки, которую онъ относительно насъ придумалъ, и которою гордился, а именно подходить къ кровати за четверть часа до ужаснаго утренняго звонка, стаскивать одѣяло и говорить: спи скорѣе, mon cher, скоро звонокъ!

У нашего инспектора Рутенберга любимымъ словомъ,

исходившимъ изъ подъ его черныхъ усовъ, были страшные звуки: *я васъ вздеру*... Вотъ онъ розгами распоряжался неумѣло, и мы дѣтьми понимали разницу между отеческимъ пользованіемъ розгами нашего папа Берара и между неумѣлымъ и взбалмошнымъ обращеніемъ съ тѣми же розгами нашего артиллериста-инспектора... Напримѣръ, онъ велъ за руку тихимъ шагомъ *драть* воспитанника, пойманнаго за куреніе, и тѣмъ же тихимъ шагомъ и тою же рукою велъ на экзекуцію воспитанника за гадость... Когда дѣти понимаютъ разницу въ проступкахъ, и видятъ, что воспитатели ея не дѣлаютъ, тогда розги теряютъ свое благодѣтельное педагогическое значеніе.

Дисциплина у насъ, какъ я сказалъ, была почти военная... На улицѣ мы обязаны были отдавать честь всѣмъ военнымъ, а Царской Фамиліи и генераламъ становились во фронтъ... Послѣ завтрака насъ обучали офицеры военному строю и маршировкѣ, и отъ времени до времени Принцъ пріѣзжалъ дѣлать намъ смотры...

И, надо сказать правду, эта военная школа давала блестящіе результаты: мы держали себя стройно и имѣли бравый видъ, нисколько не тяготясь строгими требованіями выправки, къ намъ предъявляемыми.

Около февраля мѣсяца начиналось особенное подтягиваніе; насъ одѣвали въ новыя куртки и мы въ 1851 году впервые узнали, что ждемъ Государя и для этого насъ облекаютъ въ новыя одѣянія.

Но прошелъ и 51-й годъ, прошелъ и 52-й годъ, а Государь не пріѣзжалъ...

Наступилъ февраль 1853 года...

Какъ вчера помню одинъ изъ этихъ дней. Мы сидѣли въ классахъ около 3–хъ часовъ... вдругъ послышалась какая-то страшная суета: кто-то пробѣжалъ опрометью

по залѣ, затѣмъ вбѣжалъ къ намъ въ классъ одинъ изъ сторожей и, запыхавшись, прокричалъ: Государь пріѣхалъ...

Трудно передать, что мы въ эту минуту испытали...

Каждому изъ насъ въ первый разъ въ жизни предстояло лицомъ къ лицу совсѣмъ близко увидѣть того самаго Государя, котораго видъ на улицѣ издали производилъ на насъ какое-то необыкновенное дѣйствіе благоговѣйнаго страха...

Учитель нашъ замеръ и мы всѣ замерли... Учитель нѣмецкаго языка сталъ что-то намъ говорить, но совсѣмъ растерянно, очевидно, мы его не слушали и онъ самъ—мы это видѣли — не слушалъ себя... Онъ и мы всецѣло отдались ожиданію того великаго, что сейчасъ должно свершиться.

Большія стеклянныя двери выходили въ нашъ рекреаціонный залъ. Вдругъ послышался шумъ, сердце у каждаго забилось, мы оглянулись направо, и видимъ сквозь стеклянныя двери, какъ идетъ Государь. Онъ былъ въ сюртукѣ конногвардейскаго полка, съ эполетами, и шелъ онъ тихимъ и ровно величественнымъ шагомъ, и стекла нашей двери дрожали; за нимъ въ припрыжку сѣменилъ Языковъ, затѣмъ инспекторъ и дежурный офицеръ...

Но вотъ входитъ Государь въ классъ и останавливается...

— Здравствуйте, дѣти,—сказалъ онъ намъ громкимъ и привѣтливымъ голосомъ, глядя на насъ ласково. Этотъ чудный, ясный и въ тоже время именно ласковый взглядъ помню, какъ вчера.

Наше «здравья желаемъ Ваше Императорское Величество»—было не только громкое, но и восторженное...

Затѣмъ Государь сталъ глазами обходить каждаго поочередно, какъ бы разсматривая насъ, и провѣряя наши

физіономіи... Мы всѣ глядѣли ему прямо въ глаза, стоя молодцами, съ руками по швамъ. Въ другомъ классѣ, обозрѣвая физіономіи, Государь остановился на одномъ воспитанникѣ, глядѣвшимъ какъ-то изъ подлобья, приблизился къ нему и ласковымъ голосомъ спросилъ его: а у тебя развѣ совѣсть не чиста, что ты не хочешь глядѣть твоему государю въ глаза? Затѣмъ, поклонившись учителю и спросивши: чему они учатся, Государь послалъ намъ поклонъ головою, и пошелъ въ слѣдующій классъ... Въ одномъ изъ классовъ, гдѣ преподавалась географія, учитель Кайпшъ такъ испугался присутствія Царя, что на вопросъ Государя: что преподается, онъ отвѣтилъ— Егоръ Кайпшъ, Ваше Величество. — Что? — повторилъ Императоръ, никогда не слыхавшій про такое имя науки, и уже инспекторъ классовъ долженъ былъ выручить бѣднаго, растерявшагося учителя, сказавши: географія, Ваше Величество.

Когда Государь кончилъ осмотръ классовъ и, пройдя по спальнямъ, сталъ направляться къ лѣстницѣ, тогда мы всѣ изъ классовъ выскочили, и неудержимымъ потокомъ понеслись провожать Государя до подъѣзда... Въ сѣняхъ, когда ему подали его старую, изношенную шинель, съ небольшимъ потертымъ бобровымъ воротникомъ, Государь протянулъ руку Языкову и сказалъ ему; спасибо, ты мнѣ изъ правовѣдовъ сдѣлалъ молодцовъ... Разумѣется, многіе бросились бѣжать за санями чуть ли не до Прачешнаго моста... Языковъ, сіяющій отъ восторга, отпустилъ насъ по домамъ. Когда Государь ему протянулъ руку, онъ сталъ на одно колѣно, и поцѣловалъ ему руку. Опала съ училища Правовѣдѣнія была снята, а лежала она на немъ съ 1848 года...

III.

(1853—1854 годъ).

Крымская война. — Что говорилось о ней въ нашей семьѣ. — Муки Императора Николая. — Настроеніе Россіи.

Въ эпоху турецкой, а потомъ англо-французской войнъ я былъ уже въ четвертомъ классѣ училища 15-лѣтнимъ юношей и многое изъ того славно грустнаго времени запомнилъ отчетливо. Въ гостиной моихъ родителей сходились всѣ тогдашніе толки, всѣ слухи и въ особенности настроенія... Въ началѣ зимы 1853—1854 годовъ въ числѣ часто посѣщавшихъ нашу гостиную, на положеніи пріятеля, былъ лордъ Непиръ, членъ англійскаго посольства... Его положеніе было трудное: живыя связи дружбы влекли его въ нашу гостиную, а горизонтъ политики начиналъ становиться все темнѣе. Пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ тогда не было; всѣ мысли вращались около турецкаго вопроса, и волею неволею лорду Непиру приходилось, какъ пріятелю карамзинской семьи, выслушивать многое, что ему, какъ агенту англійскаго посольства, не могло быть пріятнымъ... Въ эту роковую зиму отъ него мы узнали о тогдашней извѣстной бесѣдѣ Императора Николая Павловича съ Сеймуромъ, тогдашнимъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Этотъ Сеймуръ пользовался въ Петербургѣ уваженіемъ и симпатіями, потому что онъ былъ очень порядочный человѣкъ. Такимъ же

выказалъ онъ себя въ бесѣдѣ съ Николаемъ I, гдѣ несомнѣнно онъ говорилъ не только, какъ англійскій дипломатъ, но какъ искренно лично преданный Императору человѣкъ... Въ этой бесѣдѣ необыкновенно рельефно высказались иллюзіи Императора Николая, а съ другой стороны—его рыцарство, недопускавшее измѣны этому рыцарству въ другихъ... Вѣра въ это рыцарство была въ немъ такъ сильна, что ея не могъ поколебать въ своей бесѣдѣ англійскій опытный и практически умный дипломатъ. Несомнѣнно было, что одинъ только Сеймуръ заговорилъ съ Николаемъ I съ полною честностью друга и обрисовалъ передъ нимъ всѣ ожидавшія его затрудненія и опасности; одинъ онъ не могъ поколебать Николая и имѣть на него рѣшительное вліяніе, а между тѣмъ въ средѣ окружавшихъ тогда Николая I государственныхъ людей не было храбрыхъ, и эгоистъ-эпикуреецъ Нессельроде меньше чѣмъ кто-либо не помогъ Сеймуру предостеречь Николая настолько убѣдительно, чтобы предпочесть дипломатическое улаженіе вопроса европейской войнѣ. Николай I съ обычнымъ фанатизмомъ вѣрилъ тремъ вещамъ: своей военной силѣ, помощи австрійцевъ и пруссаковъ и правотѣ своего дѣла...

Николай I вѣрилъ еще одному: дружбѣ королевы англійской Викторіи къ нему, и эта вѣра тоже сыграла свою роковую роль. Объ этомъ мы узнали изъ разговора Сеймура съ Николаемъ I. Вѣру эту объясняли тѣми впечатлѣніями, которыя прочно засѣли въ Императорѣ Николаѣ послѣ его знаменитой поѣздки въ Англію, гдѣ онъ всѣмъ вскружилъ головы, и оттуда вынесъ убѣжденіе, что никто въ Англіи такъ не популяренъ, какъ онъ. И вотъ съ первыхъ же словъ бесѣды Сеймура съ Николаемъ I, Императоръ заговорилъ съ нимъ о дружбѣ къ нему королевы англійской, сослался на ея письма къ нему, въ которыхъ коро-

лева повторяла свои завѣренія къ нему дружбы, и высказалъ Сеймуру мысль, что онъ никогда не допуститъ, чтобы королева могла въ своей политикѣ относительно Россіи измѣнить этой дружбѣ къ нему... На это Сеймуръ отвѣтилъ Императору, что онъ ни одной минуты не сомнѣвается въ искренности и прочности дружбы королевы къ нему, но что въ тоже время онъ долженъ напомнить Государю, что королева своимъ личнымъ вліяніемъ, даже если бы захотѣла, можетъ очень мало,—какъ относительно правительства и парламента, такъ и относительно общественнаго мнѣнія въ Англіи; что Восточный вопросъ есть вопросъ для Англіи самый чувствительный и острый, и что, по его свѣдѣніямъ, настроеніе общественнаго мнѣнія по этому вопросу къ Россіи недоброжелательно и недовѣрчиво, и что малѣйшая попытка королевы въ пользу Россіи въ данную минуту можетъ встрѣтить такое противодѣйствіе въ умахъ Англіи, что ей придется по необходимости заглушить въ себѣ всѣ свои личныя симпатіи и подчиниться вліянію на нее общественнаго мнѣнія...

Императоръ на эту дружескую откровенность Сеймура отвѣтилъ ему, что онъ не вѣритъ въ безсиліе королевы направлять политику Англіи, но что если въ крайнемъ случаѣ она должна будетъ уступить вліянію партіи, враждебной Россіи, онъ угрозы Англіи бояться не будетъ, и твердо разсчитываетъ на правоту своего дѣла, на силы и преданность своего народа и на вѣрность своихъ союзниковъ въ Европѣ... Вотъ тутъ Сеймуръ сказалъ свои знаменитыя слова объ Австріи, и вставилъ потому, что, какъ онъ говорилъ послѣ, онъ себя чувствовалъ болѣе въ роли искренняго благожелателя Императора Николая, чѣмъ англійскаго дипломата, и ему было и больно, и досадно

оставлять благороднаго монарха въ такомъ роковомъ для него заблужденіи относительно Австріи... Эти личныя чувства къ Императору Николаю и побудили его сказать Государю, что изъ всѣхъ государствъ Европы, по его мнѣнію, всего менѣе слѣдуетъ вѣрить Австріи, и что разсчитывать на ея благодарность или на ея преданность Россіи, по его мнѣнію, будетъ роковою для Императора ошибкою... Какъ я сказалъ, эта знаменательная историческая бесѣда тогдашняго англійскаго посла съ Императоромъ Николаемъ не произвела желаннаго дѣйствія на Русскаго Государя: онъ остался твердъ въ своихъ иллюзіяхъ рыцаря, и въ особенности, какъ говорилъ Сеймуръ, въ своей вѣрѣ въ свою правоту, и въ то, что за него вся Россія...

Лордъ Непиръ, говоря объ этомъ, раздѣлялъ вполнѣ мнѣніе своего принципала, и отъ себя, съ весьма тонкимъ чутьемъ умнаго наблюдателя событій, онъ прибавлялъ, что, по его мнѣнію, во всякомъ случаѣ, не отъ Англіи ждать иниціативы къ войнѣ съ Россіею, что все возбужденіе противъ Россіи идетъ изъ тюльерійскаго кабинета, и что, по его мнѣнію, положеніе можно было бы спасти тѣмъ, чтобы перервать переговоры Наполеона съ Пальмерстономъ противъ Россіи сепаратными переговорами русскаго кабинета съ англійскимъ, что такая политика ему казалась бы производительнѣе, чѣмъ разсчитывать на Австрію и Пруссію, но что, очевидно, именно такой оборотъ политики въ Восточномъ вопросѣ трудно предвидѣть, потому что Императоръ Николай, повидимому, не хочетъ ни вести прямыхъ переговоровъ съ Англіею, ни допустить возможности измѣны Австріи.

Какъ бы то ни было, но событія шли своимъ ровнымъ ходомъ, и какъ совершенно вѣрно говорилъ лордъ Непиръ,

инициатива враждебности противъ Россіи исходила отъ Наполеона III. Менѣе, чѣмъ кто-либо, онъ скрывалъ свои личныя чувства обиды и мести противъ Николая I, и всѣ знали, что они исходили изъ того, что въ письмѣ Николая I по случаю провозглашенія президента республики Наполеона императоромъ Франціи онъ назвалъ его не братомъ, а другомъ, и этимъ подчеркнулъ свое къ нему пренебреженіе передъ всею Европою...

Но живо помню, что въ одномъ Императоръ Николай былъ безусловно правъ въ то время, — это въ своемъ убѣжденіи, или въ своемъ чутьѣ, что за него вся Россія. Въ ходѣ событій тогда было дѣйствительно что-то роковое; все шло по какой-то инерціи, если можно такъ выразиться, къ роковой развязкѣ, къ войнѣ, и къ какой войнѣ!— напомнившей 1812-й годъ, къ войнѣ для Россіи страшной; но нигдѣ, ни въ какихъ гостиныхъ, ни въ какихъ умахъ—не чувствовалось и не слышалось иного настроенія, какъ патріотическая готовность идти на встрѣчу этой войнѣ, не взирая ни на какія угрозы, не взирая на то, что, въ сущности, становясь на реальную и прозаически практическую почву, не трудно было бы повернуть дѣло и затянуть его въ сферу безконечныхъ дипломатическихъ переговоровъ и найти почетный ему исходъ помимо войны... Пруссія предлагала свои посредническія услуги, а съ другой стороны, на что и лордъ Непиръ намекалъ въ своихъ разговорахъ, Англія въ сущности скорѣе враждебно относилась къ имперіи Наполеона III, чѣмъ дружелюбно, и пошла бы, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого на сепаратные переговоры съ Россіею, но интриги Наполеона III и ходъ событій съ его характеромъ слѣпого рока — вталкивали Англію въ объятія тюльерійскаго авантюриста.

Такимъ образомъ, объявленіе войны западнымъ союзникамъ Россіи встрѣтило Россію въ самомъ наэлектризованномъ воинственномъ настроеніи и въ тоже время въ полномъ безстрашіи... Думаю, что въ этомъ была волшебная сила такого сильнаго любовью къ Россіи и вѣрою въ Россію Монарха, какимъ былъ Императоръ Николай. Онъ своимъ безстрашіемъ всѣхъ воодушевилъ сверху донизу...

Въ нашей семьѣ все, разумѣется, горѣло этимъ патріотизмомъ. Старшій сынъ Карамзина, Андрей Николаевичъ, бросилъ свою богатую и счастливую жизнь въ Демидовскомъ палаццо, гдѣ онъ жилъ съ своею женою, вдовою Демидова и съ молодымъ ея сыномъ, и поступилъ снова въ военную службу, въ дѣйствующую армію. Остальные два сына и старшій братъ мой поступили въ ополченіе.

IV.

(1854—1855 годовъ).

Ополченцы. — Послѣдній кадетскій выпускъ при Николаѣ I. — Прекрасныя черты патріотизма въ высшемъ обществѣ въ Петербургѣ. — Князь В. А. Долгорукій. — Князь Меньшиковъ. — Князь Горчаковъ. — Двѣ стороны тогдашняго военнаго міра.

Въ это петербургское ополченіе, предназначавшееся для береговой обороны, подъ вліяніемъ тогдашняго настроенія, офицерскія должности по Петербургскому уѣзду разобраны были на расхватъ самыми блестящими представителями нашего высшаго общества. Можно было думать, что это были князья и графы, поступившіе въ ополченіе только для формы нести службу, но вышло совсѣмъ наоборотъ. Въ этомъ ополченіи создалось между офицерами одно изъ благороднѣйшихъ состязаній: кто кого лучше отдастся царской службѣ; создалась симпатичная единомышленная семья, началась самая горячая и строгая военная служба, ополченецъ солдатъ сталъ для каждаго офицера въ отношенія чисто семейныя, при введеніи самой строгой дисциплины, и когда Императоръ Николай на майскомъ парадѣ увидѣлъ въ строю это ополченіе, онъ удивился, что въ нѣсколько мѣсяцевъ офицеры сумѣли сдѣлать съ своими ополченцами то, что годами дѣлалось въ строю съ солдатами, и громко похвалилъ петербургское ополченіе... А затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя до Петербурга стали доходить извѣстія о томъ, какими героями явились

нѣсколько ополченій изъ внутреннихъ губерній на бастіонахъ славнаго Севастополя... Чудеса эти производило именно настроеніе, въ которомъ тогда была вся Россія...

Къ концу весны много говорили о новомъ Стрѣлковомъ Императорской Фамиліи полкѣ. Онъ составленъ былъ по желанію Императора Николая изъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства. Въ началѣ лѣта этотъ замѣчательный полкъ выступилъ на царскій смотръ въ Царскомъ Селѣ. Красота этого зрѣлища новаго полка была замѣчательна. Люди были на-подборъ: одинъ стройнѣе, красивѣе и ловче другого. Первоначальная форма его была самая красивая сравнительно со всѣми потомъ послѣдовавшими измѣненіями. Полкомъ командовалъ на этомъ первомъ смотру министръ удѣловъ, старикъ-красавецъ, графъ Левъ Перовскій, съ андреевской лентой черезъ плечо. Государь Николай Павловичъ, Наслѣдникъ и всѣ остальные Великіе Князья были въ той же стрѣлковой формѣ. Особенно красивъ въ этомъ мундирѣ былъ Императоръ Николай. Крики «ура», огласившіе послѣ смотра Софійское поле,—длились нѣсколько минутъ.

Къ концу лѣта, на томъ же Софійскомъ полѣ, помню еще болѣе потрясающее по впечатлѣніямъ зрѣлище. Лагерь военно-учебныхъ заведеній былъ въ Царскомъ Селѣ. Вечеромъ въ одинъ изъ іюльскихъ дней было назначено окончаніе лагеря и производство выпускныхъ въ офицеры. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, въ мундирѣ военно-учебныхъ заведеній и въ каскѣ съ знаменитымъ сіяніемъ, окружавшимъ орелъ, безъ султана, велъ кадетъ на Софійское поле. Настроеніе молодежи было сильнѣе воинственнаго. Пріѣзжаетъ верхомъ Николай Павловичъ. Всѣ затрепетали. Пошли раскаты безконечно-громкаго «ура». Когда кончился смотръ, Императоръ подозвалъ къ себѣ всѣхъ

новыхъ офицеровъ и сказалъ имъ прощальное слово. Каждое слово громко звучало по воздуху, потому что молчаніе царило торжественное... Видъ этихъ сотенъ юныхъ молодцовъ, окружавшихъ Императора, притаившихъ дыханіе, съ какимъ-то обожаніемъ глядѣвшихъ на своего Государя и жадно внимавшихъ Его словамъ, сознаніе, что глаза ихъ горятъ потому, что въ эту минуту, лучшую минуту ихъ жизни, силы и расцвѣта, у каждаго на душѣ — мысль о славной смерти за свою родину, за своего Царя, и что въ этой мысли о смерти за родину тайна этихъ веселыхъ, вдохновенныхъ и влюбленныхъ въ Государя своего молодыхъ лицъ,—все это придавало зрѣлищу что-то невыразимое никакимъ словомъ. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія молодежи прозвучали слова о трудномъ положеніи Россіи, потомъ звучный голосъ Государя заговорилъ объ его вѣрѣ въ русскую армію и затѣмъ въ концѣ рѣчи прозвучали торжественные звуки прощанія... Прощайте дѣти, приведетъ-ли намъ Богъ увидаться, не знаю, но моя мысль и мое отцовское благословеніе съ вами; кто будетъ въ бою, пусть помнитъ объ этомъ: за честь Россіи не страшно умереть... Богъ съ вами, дѣти мои, прощайте! Вотъ приблизительно слова, сказанныя Императоромъ. Голосъ въ немъ не дрогнулъ, но на глазахъ Императора блеснули слезы, всѣ стоявшіе вблизи ихъ увидали; заплакали тогда многіе юноши, но то были чудныя слезы молодыхъ героевъ, дѣтей, прощающихся со своимъ обожаемымъ отцомъ, и едва смолкъ голосъ Государя, и его правая рука поднялась, чтобы благословить свою семью новыхъ офицеровъ, какъ сквозь слезы всѣ эти лица засіяли, всѣ крикнули такое «ура», какого я никогда послѣ не слыхалъ, штенцы бросились къ Императору; они подскакивали до его груди и цѣловали

ее, они покрывали поцѣлуями руку, кто хваталъ его саблю, кто бросался къ лошади, желая на ней поднять и понести Государя, и эту улыбку, добрую, ласковую и глубоко задушевную, съ которою глядѣлъ Императоръ на свою семью офицеровъ, разумѣется нельзя было забыть, какъ не забыли и того, что всѣ мы, старъ и младъ, глядѣвши на эту картину, плакали навзрыдъ...

Наша семья въ то время была въ траурѣ... 16 мая убитъ былъ въ Дунайской арміи, близъ Ольтеница, полковникъ Карамзинъ, мой дядя, Андрей Николаевичъ, старшій сынъ Карамзина. Онъ выпросилъ себѣ, горя желаніемъ быть въ дѣлѣ, рекогносцировку и съ своимъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ выступилъ 15 мая. Но, введенный въ заблужденіе невѣрнымъ показаніемъ лазутчика, онъ наткнулся на громадный турецкій отрядъ и былъ окруженъ. Часть его отряда успѣла спастись, но самъ онъ предпочелъ бѣгству или плѣну смерть героя и былъ изрубленъ баши-бузуками.

Такимъ же горемъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, но на другомъ поприщѣ, проявилъ себя и младшій сынъ Карамзина, Владиміръ Николаевичъ. Въ зиму 1854—1855 года страшный тифъ объявился въ нашей южной крымской арміи... Изъ Петербурга стали отправляться всякія медицинскія пособія и гостинцы для бѣдныхъ раненыхъ и больныхъ въ большихъ размѣрахъ. Императрица Александра Ѳеодоровна и Цесаревна Марія Александровна стали во главѣ этихъ отправокъ. Посылались туда уполномоченные для завѣдыванія этою раздачею пособій и подарковъ раненымъ и больнымъ. Въ ряды этихъ уполномоченныхъ наперерывъ стремились лучшіе люди высшаго общества. Вскорѣ мы узнали, что эта комиссія была равносильна боевой службѣ на самыхъ опасныхъ бастіо-

нахъ. Первый уполномоченный, прекрасный графъ Віельгорскій, заразился тифомъ и умеръ; на его мѣсто поѣхалъ князь Долгорукій, въ цвѣтѣ лѣтъ, бодрый и здоровый; не прошло мѣсяца, какъ и онъ палъ жертвою ужасной эпидеміи. Тогда взялъ на себя эту миссію Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ... Съ нимъ прощались, какъ съ ѣдущимъ на вѣрную смерть. Но его звѣзда оказалась счастливѣе... Онъ вернулся изъ Севастополя не заболѣвши...

Жертвовали на нашихъ солдатъ и офицеровъ-севастопольцевъ все, что могли... Я помню, что въ одномъ домѣ, у графини N., сидѣло вечеромъ нѣсколько собесѣдниковъ за скромнымъ чайнымъ столомъ. Говорили о нуждѣ въ пожертвованіяхъ; въ числѣ собесѣдниковъ былъ знаменитый тогда богачъ Яковлевъ.

— Хотите чаю?—спросила его хозяйка.

— Даромъ или за пожертвованіе?—спросилъ Яковлевъ.

— Я даю даромъ,—отвѣтила хозяйка,—а вы принимайте, какъ хотите...

Яковлевъ взялъ чашку чая, затѣмъ, спросивъ себѣ кусочекъ бумаги и карандашъ, написалъ что-то на ней, свернулъ и отдалъ хозяйкѣ.

Это что-то оказалось слѣдующими краткими словами: «1 милліонъ. Яковлевъ».

Наши военныя неудачи нистолько не понижали наше духовное настроеніе. Напротивъ, оно росло и крѣпло... Чувствовалось, что мы очищались отъ чего-то страданіями душевными... Они вездѣ слышались, ибо не было семьи, гдѣ бы не оплакивался какой-нибудь раненый или убитый, и не было человѣка съ душою, который не жилъ тогда всецѣло этою душою въ нашемъ военномъ мірѣ...

Одно, что смущало насъ,—это роковыя неудачи въ назначеніяхъ и въ военномъ министерствѣ...

Послѣднее было, очевидно, въ неумѣлыхъ, хотя и честныхъ рукахъ. Военнымъ министромъ былъ тогда князь Василій Андреевичъ Долгорукій; его братъ, князь Владиміръ, завѣдывалъ провіантомъ.

Князь Василій Андреевичъ былъ прекрасный и честный человѣкъ. Когда онъ былъ еще молоденькимъ конно-гвардейскимъ офицеромъ, Императоръ Николай почему-то разъ поднялъ его на руки, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ ему: вотъ мой будущій военный министръ...

Пророчество это сбылось. И какъ разъ въ самую трудную военную минуту для Россіи... Совсѣмъ не подготовленный къ этой трудной должности, мало знакомый съ боевымъ дѣломъ, и вообще плохой администраторъ, князь Василій Андреевичъ Долгорукій могъ только проявлять честность, преданность и усердіе, но умѣніе было ему не подъ силу... и много обвиненій сыпалось на его голову.

Я помню, что въ военномъ отношеніи эта страдная и въ тоже время славная эпоха—была поразительно странна тою двойственностью впечатлѣній, которыя отъ нея происходили... Съ одной стороны сыпались обвиненія, и обвиненія, къ сожалѣнію, основательныя, на нашихъ главнокомандующихъ и, вообще, на высшихъ военныхъ лицъ... На князя Меньшикова много легло обвиненій за допущенную высадку, за потопленіе славнаго черноморскаго флота, за неудачу первыхъ дѣлъ, за отсутствіе предусмотрительности, за плохое состояніе всей интендантской, всей госпитальной частей, за неумѣлый выборъ людей, словомъ, за все, что въ началѣ Крымской кампаніи изодня въ день насъ поражало такъ неожиданно и такъ грустно; но затѣмъ, когда этотъ злополучный князь Меньшиковъ былъ смѣненъ и замѣненъ княземъ Горчаковымъ, мы стали слышать новаго только отзывы и

анекдоты о феноменальной разсѣянности этого главнокомандующаго, но чтобы явилась съ его назначеніемъ новая эра въ веденіи дѣла, мы про это не слышали... Тѣ же ужасныя подробности о страшномъ состояніи всей подвозной части и госпитальной части, то же ощущеніе, что *тамъ*, на мѣстѣ нашихъ скорбей и нашихъ славныхъ подвиговъ, не было головы и хозяина. И когда мы слышали объ этомъ разсказы отъ пріѣзжавшихъ *оттуда* и связывали невольно съ тѣмъ, что говорилось въ Петербургѣ въ обвиненіе неумѣлости военнаго министерства, тогда становится понятнымъ то нравственное страданіе, которое долженъ былъ испытывать Императоръ Николай, и испытывалъ, и въ особенности то состояніе умовъ, отчасти разочарованныхъ, отчасти угнетенныхъ, изъ котораго послѣ окончанія войны, или, вѣрнѣе, послѣ смерти Императора Николая, такъ сильно и такъ осязательно, и такъ заразительно вышло огульное порицаніе и осужденіе всей эпохи, будто бы приведшей къ банкротству все прошлое и старое и требовавшее будто бы какого-то всеобщаго и коренного перерожденія... Всецѣло живя только впечатлѣніями изъ военнаго міра, мы, невольно поддавшись унынію, перенесли его на все, на весь тогдашній государственный міръ, то есть утратили способность различать хорошее отъ дурного и, какъ я сказалъ, огульно все осуждали...

А рядомъ съ этимъ была другая сторона военнаго міра, великолѣпная и святая сторона, которой мы были обязаны тѣмъ, что сердца и души наши не дрогнули и духъ не упалъ ни въ комъ въ то время, пока умы, какъ я говорилъ, предавались унынію отъ неудачъ военной администраціи. Сторона была — ежедневная лѣтопись подвиговъ героизма въ Севастополѣ... Мы чувствовали и понимали, что всѣ тамъ герои, и каждая малѣйшая

подробность этой эпопеи, приходившая оттуда, вносила въ нашу будничную жизнь что-то необыкновенно святое и облагораживающее, отъ самой великой картины—севастопольскихъ моряковъ, съ Нахимовымъ и Корниловымъ, до самой маленькой, какъ разсказы о подвигахъ арестантовъ и публичныхъ женщинъ на бастіонахъ... Это былъ какой то героическій эпосъ древности, который въ тысячахъ подробностей мы переживали всѣми нашими нервами и всѣми нашими мыслями...

Потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, многіе изъ насъ поняли, какъ мы пристрастно, подъ вліяніемъ дурныхъ впечатлѣній отъ военнаго управленія, отнеслись къ оцѣнкѣ эпохи Николая; вообще, поняли, что эта вторая сторона военнаго міра, этотъ героизмъ, какъ состояніе духовное всѣхъ, и общій какъ черноморскому моряку, такъ и курскому ополченцу, и давшій намъ возможность пережить эту долгую войну въ высокомъ патріотическомъ настроеніи,—и былъ чуднымъ результатомъ николаевскаго царствованія, сумѣвшаго духовный русскій міръ не только сберечь въ его богатствѣ и въ его мощи, но усилить его, обогатить запасами, такъ сказать, неистощимыми. Одинъ черноморскій флотъ въ его проявленіяхъ въ Севастополѣ — что за исполинская сила, что за чудная краса, какъ духовный міръ,—взлелѣянныя и сбереженныя духомъ Николая I! А кавказскій военный міръ, съ его тоже чудными доблестями, духовными сокровищами, развѣ не былъ созданіемъ николаевской эпохи?.. А тогдашній духовный міръ всей Россіи и отдѣльно каждаго дѣятеля, отъ малаго до крупнаго, наши чувства и наши мысли—развѣ все это не было плодами николаевскаго царствованія и именно его духа? Эти двѣ стороны военнаго вопроса имѣли каждая свое духовное рѣшающее дѣйствіе

на исходъ Крымской войны. Тогда мы этого не сознавали, но поняли потомъ. Умъ, судившій строго наше безпомощное состояніе военной администраціи, со смертью Николая I, при первой возможности, подъ вліяніемъ общаго, какъ я сказалъ, разочарованія, направлялъ всѣ мысли къ скорѣйшему окончанію войны и къ заключенію мира, и тѣмъ самымъ служилъ болѣе интересамъ нашихъ враговъ, чѣмъ нашимъ... А вторая военная сторона эпохи: — героизмъ людей, наоборотъ, громко свидѣтельствовалъ, что со взятіемъ Малахова кургана и по переходѣ на сѣверную сторону мы можемъ еще долго держаться, отвергать всякія позорныя для Россіи условія мира. Эту духовную сторону тогдашней эпохи тогдашней Россіи очень чутко уразумѣли наши враги, и ея то они боялись: боялись потому-что къ августу 1855 года чувствовали себя совсѣмъ обезсиленными и всю надежду возлагали на то, что взятіе южной стороны Севастополя насъ понудитъ къ миру, а про себя думали съ боязнью, что если, паче чаянія, мы не примемъ условій мира и начнемъ новый годъ кампаніи, то имъ придется бросить Крымскій полуостровъ, за истощеніемъ не столько денежныхъ, сколько нравственныхъ силъ, особливо энтузіазма и энергіи.

Но разочарованный умъ взялъ верхъ, и мы пошли на переговоры.

Во всякомъ случаѣ, это неисчислимое множество личностей, изображавшихъ собою неистощимый запасъ героизма, высокаго и сознательнаго, и даже, если можно такъ выразиться, интеллигентнаго, — было продуктомъ великолѣпнаго николаевскаго царствованія. Когда придется мнѣ говорить о слѣдующей турецкой войнѣ, разница въ духовномъ настроеніи окажется значительною, и ока-

жется потому, что духовный міръ 70-хъ годовъ уже былъ продуктомъ совсѣмъ другой эпохи.

Но, какъ я сказалъ, въ 1854 и 1855 годахъ, живя въ этомъ мірѣ ежедневныхъ подвиговъ героизма и высокаго духа, проявляемыхъ тысячами, мы все это воспринимали, какъ нѣчто обиходное, потому что сжились съ духовнымъ міромъ той эпохи, которая всѣ эти подвиги героизма создавала, какъ нѣчто обычное, свое, всякому свойственное.

Какъ я говорилъ, во всѣхъ гостиныхъ строгимъ нападкамъ подвергалось военное министерство. Тутъ въ назначеніяхъ Императору не счастливилось; да и то надо сказать, что я отчетливо помню, какъ вездѣ, гдѣ произносилась эта строгая и справедливая критика, не приходилось слышать имени, на которое всѣ бы указывали, какъ на подходящаго военнаго министра; молва, гласъ народа, никого не подсказывала съ особенною настойчивостью, и этимъ можно было отчасти извинить Государя. Имя князя Васильчикова чаще другихъ произносилось, какъ симпатичное имя, озаренное севастопольскими лучами, но всѣ знали, что онъ не администраторъ *).

*) Я получилъ отъ Ф. А. Половцова заявленіе объ одной ошибкѣ памяти, будто мною сдѣланной въ предыдущей главѣ «Монхъ воспоминаній». Ф. А. Половцовъ утверждаетъ, что первый смотръ стрѣлковому полку былъ не при Николаѣ I, а лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, въ 1855 г.

V.

(1854—1855 годы).

Смерть Корнилова.—Первое стихотвореніе Апухтина.—Смерть Императора Николая I.—Его сотрудники: Д. Г. Бибиковъ, графъ Клейнмихель, Киселевъ, графъ Нессельроде.

Возвращаюсь къ училищнымъ воспоминаніямъ.

Маленькія причины ведутъ иногда къ крупнымъ послѣдствіямъ. Двумя классами ниже меня былъ тогда А. Н. Апухтинъ. Въ это время, несмотря на свои небольшіе годы, у насъ объ Апухтинѣ говорили... Около него группировались любители словесности: издавался маленькій рукописный журналъ, въ коемъ Апухтинъ, если не ошибаюсь, игралъ роль редактора и главнаго сотрудника. При этомъ всѣ мы знали тогда Апухтина за талантливаго юмориста. Уже тогда комизмъ его производилъ впечатлѣніе. Его ходившіе по рукамъ въ переписываемыхъ наскоро рукописяхъ сатирическія мелочи заставляли насъ смѣяться самымъ искреннимъ смѣхомъ. Смѣшныя стороны того или другого товарища были предметомъ его неисчерпаемой музы смѣха. Въ этомъ смѣхѣ были три черты: остроуміе, добродушіе и порядочность. Онѣ никогда его ни покидали потомъ во всю его жизнь. Объ Апухтинѣ-лирикѣ тогда мы не имѣли понятія.

Но вотъ умираетъ геройскою смертью Корниловъ.

Извѣстіе это производитъ въ Петербургѣ сильнѣйшее впечатлѣніе. Языковъ, нашъ директоръ, приходитъ къ намъ

и, обращаясь по поводу этого печальнаго событія къ Апухтину, проситъ его написать на смерть Корнилова стихотвореніе...

Вдохновиться такою смертью было нетрудно, и, вотъ, Апухтинъ написалъ на смерть Корнилова свое, чуть ли не первое, лирическое стихотвореніе. Языковъ повезъ его къ Принцу Ольденбургскому. Принцъ показалъ его Императору; оно переписывалось всѣми, всѣми читалось, и, вотъ, впервые имя Апухтина, какъ поэта, вылетѣло изъ затвора училищныхъ стѣнъ въ свѣтъ...

Этотъ первый успѣхъ рѣшилъ участь литературнаго творчества Апухтина. Онъ себя увѣрилъ, что его призваніе лирическая поэзія. Между тѣмъ, мы, его товарищи, уже тогда совсѣмъ другого были мнѣнія о характерѣ его таланта: мы его считали комикомъ и сатирикомъ...

Владѣніе стихомъ у Апухтина въ то время уже было поразительное: его стихотвореніе на смерть Корнилова, богатое именно этимъ красивымъ созвучіемъ, естественнаго лиризма тѣмъ не менѣе не имѣло. А все-таки съ этой минуты у Апухтина въ его творчествѣ случился переворотъ; его комизмъ отошелъ на второй планъ; онъ остался удѣломъ тѣснаго кружка пріятелей, а оффиціально, для свѣта, онъ сталъ лирическимъ поэтомъ, и навсегда. А на самомъ дѣлѣ онъ лирикомъ никогда не былъ.

Упоминаю объ этомъ эпизодѣ потому, что, благодаря ему, русская литература лишилась, по моему твердому убѣжденію, второго Гоголя; лириковъ, какъ Апухтинъ, явилось потомъ много, но комиковъ и сатириковъ его силы и по сей день я не встрѣчалъ ни одного.

Другой смерти скоро суждено было разразиться надъ нами. Помню, что чуть ли не въ воскресенье на масленицѣ видѣлъ въ послѣдній разъ Николая I на улицѣ. Въ

саняхъ онъ ѣхалъ одинъ мимо балагановъ, тогда стоявшихъ на Адмиралтейской площади. Видъ у него былъ все тотъ же богатырскій, но лицо его носило печать величественной скорби, про которую въ ту зиму всѣ говорили. Про это выраженіе душевнаго страданія, какъ постоянное, нельзя забыть. Потомъ каждый изъ насъ понялъ, что надо было быть тѣмъ необыкновеннымъ духовнымъ существомъ монарха, какимъ былъ Николай I, жившимъ заодно съ Россіею, чтобы постоянно, въ теченіе этого тяжелаго года носить не маску, а именно естественное отраженіе на лицѣ русской печали, и умирать отъ этой печали. Эта послѣдняя страница царствованія и жизни Николая I такъ была необыкновенна своимъ величественнымъ драматизмомъ, что изображеніе ея было подъ силу только второму Шекспиру. Фактъ былъ несомнѣненъ: Николай I умиралъ отъ горя и именно отъ русскаго горя...

Это умираніе не имѣло признаковъ физической болѣзни, — она пришла только въ послѣднюю минуту, — но умираніе происходило въ видѣ несомнѣннаго преобладанія душевныхъ страданій надъ его физическимъ существомъ: страдалецъ души побѣждалъ богатыря тѣла; и когда онъ простудился вдругъ, простуда бросилась на легкія и болѣзнь въ этомъ колоссѣ силы пошла такъ скоро, что весь процессъ болѣзни не длился и недѣли; душевныя силы не могли противодѣйствовать физической болѣзни, и физическія силы, въ свою очередь, были слишкомъ поражены душевнымъ недугомъ, чтобы бороться съ разрушительнымъ процессомъ... Оттого этотъ процессъ разрушенія шелъ такъ быстро, и оттого немедленно послѣ этой почти внезапной кончины по всему городу пошли ходить легенды: одна—о томъ, что Николай I былъ отравленъ его док-

торомъ Мандтомъ и другая—о томъ, что онъ самъ себя отравилъ...

Мы спокойно сидѣли въ классахъ, 16 февраля, когда вдругъ явился съ омраченнымъ и озабоченнымъ лицомъ Языковъ и велѣлъ намъ строиться. Когда мы построились, онъ объявилъ намъ, что Императоръ опасно заболѣлъ и что мы идемъ въ церковь молиться за него. Какъ громовымъ ударомъ поразила насъ эта вѣсть...

Въ церкви всѣ мы стояли на колѣняхъ, и многіе изъ насъ впервые плакали съ тѣмъ чувствомъ тоски, которое, потомъ въ жизни входитъ въ душу надъ гробомъ самыхъ дорогихъ существъ. Черезъ день, 18 февраля, мы узнали, что Императора Николая уже нѣтъ...

Кончина его была тихая и прошла безъ страданій...

Финаломъ болѣзни былъ параличъ легкихъ. До послѣдней минуты онъ владѣлъ полнымъ сознаніемъ, и умиралъ съ твердою и ясною покорностью, окруженный всею своею семьею и ни разу не проявивши ни желанія жить, ни страха смерти...

Говорили о томъ, что виноваты были неискусные при Императорѣ врачи, старикъ Мандтъ и медикъ Наслѣдника Карель; винили обоихъ, что они не прибѣгли къ помощи болѣе авторитетныхъ врачей; но дѣло въ томъ, что самъ умершій Императоръ отдался съ полнымъ довѣріемъ своимъ врачамъ, и не дозволялъ никакихъ другихъ медицинскихъ вмѣшательствъ... Мандтъ не имѣлъ ни авторитета, ни практики... Всегда здоровый, Императоръ Николай былъ плохою для него практикою, а въ городѣ онъ не пользовался довѣріемъ; про Карель можно было сказать то же самое.

Въ то время были двѣ знаменитости въ Петербургѣ: какъ консультантъ по внутреннимъ болѣзнямъ, прекрасный

врачъ и еще болѣе прекрасный человѣкъ, Арендтъ и, какъ хирургъ, Пироговъ. Я назвалъ Арендта. Его прозывали ангеломъ больныхъ. Этотъ старикъ, бѣлый какъ лунь, не зналъ отказа больнымъ и не зналъ различія между бѣднымъ и богатымъ, между знатнымъ и послѣднимъ смертнымъ. Это была легендарная личность. До конца жизни онъ давалъ право всякому будить его ночью и куда бы то ни было онъ ѣхалъ.

Я помню, какъ у насъ въ домѣ онъ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе, разсказавъ, какъ въ эту ночь онъ былъ обезпокоенъ; усталый онъ вечеромъ бралъ ванну; но только что вошелъ въ ванну и собирался потомъ выспаться, какъ пришли ему сказать про больного на Васильевскомъ островѣ: пришлось вылѣзать изъ ванны, одѣться и скакать къ больному въ 20 градусовъ мороза... Столь же легендарною была личность Н. И. Пирогова. Это былъ поистинѣ чудный человѣкъ. Взглянешь на его открытое, умное и суровое лицо, страхъ являлся; но едва онъ заговоритъ, едва онъ взглянетъ на больного, какъ сразу страхъ исчезаетъ и замѣняется именно дѣтскимъ довѣріемъ къ нему, и каждое слово его, каждый звукъ его голоса, при ихъ рѣзкости, даже при ихъ грубости, дышали ласкою. Онъ тоже, какъ Арендтъ, не зналъ ни отдыха, ни отказа больному... Типъ этихъ двухъ свѣтилъ медицинской науки съ ихъ смертью угасъ навсегда.

Насъ повели прощаться съ Николаемъ I въ Петропавловскую крѣпость. Черты его лица были отлично сохранены. Онъ лежалъ въ гробу, какъ уснувшій.

Въ день перенесенія тѣла въ Петропавловскую крѣпость, мы стояли шпалерами на Дворцовомъ мосту. На гробѣ была казацкая шапка. За гробомъ первый и отдѣльно шелъ новый Императоръ Александръ II въ атаманскомъ

мундирѣ гвардіи казачьяго полка. Лицо, его фигура были поразительно красивы... Порядокъ при шествіи былъ замѣчательный... Упоминаю объ этомъ потому, что когда 26 лѣтъ спустя пришлось увидѣть перенесеніе тѣла Александра II, совсѣмъ иной характеръ имѣла процессія и вся обстановка: какъ результатъ той эпохи, тогда именно замѣтно было отсутствіе, или, вѣрнѣе, недостатокъ того строгаго порядка, который такъ сильно отражался на всемъ въ февралѣ 1855 года.

Въ минуту своей смерти Николай I, мы всѣ это знали, оставлялъ въ управленіи крупныя личности между государственными людьми. Рядомъ съ ними стояли, правда, и маленькіе, но дѣло въ томъ, что вихрь новаго такъ скоро унесъ всѣхъ въ свои облака, что судъ надъ личностями николаевскаго времени безпристрастно никто не успѣлъ сдѣлать и вслѣдствіе этого однихъ дѣятелей молва осуждала криво и косо, а о другихъ, какъ будто, забыла.

Какъ я говорилъ раньше, военнымъ министромъ въ то время были всѣ недовольны; обвиняли князя В. А. Долгорукова въ неумѣньи администрировать, а министра финансовъ, Брока, бранили за неспособность.

Но рядомъ съ ними была крупная личность министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Дмитрія Гавриловича Бибикова. Ихъ было два брата въ то время и оба генералъ-адъютанты: Дмитрій Гавриловичъ и Илья Гавриловичъ; первый составилъ себѣ громкое имя какъ кіевскій генералъ-губернаторъ, громкое имя умнаго администратора и строгаго государственнаго человѣка; второй былъ мягче и кротче своего брата: онъ былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, а при всѣхъ личныхъ прекрасныхъ качествахъ—могъ быть обвиненнымъ только въ недостаткѣ

того, что имѣлъ въ избыткѣ его братъ: строгости и въ излишкѣ довѣрчивости и доброты...

Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, какъ про него тогда говорили, создалъ своего рода золотой вѣкъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и, какъ я потомъ еще яснѣе сіе уразумѣлъ изъ позднѣйшихъ отзывовъ о немъ его подчиненныхъ, онъ управлялъ не бумагами, а умомъ... Онъ давалъ не мало воли своимъ директорамъ департаментовъ и своимъ губернаторамъ, но себѣ оставлялъ строгій надзоръ за ними и за ходомъ дѣлъ и постоянную провѣрку всего, что въ его министерствѣ дѣлалось. У него былъ тщательно подобранный штатъ чиновниковъ особыхъ порученій, и должность эта при немъ не была синекура, такъ какъ онъ имъ давалъ постоянно серьезныя командировки, и все нужное узнавалъ черезъ нихъ. Затѣмъ надо сказать, что Бибиковъ былъ вполнѣ цѣльною личностью, на мелочи себя не размѣнивалъ и во всѣхъ отношеніяхъ держалъ себя гордо и совсѣмъ независимо, не зная ни поклоновъ, ни лицепріятія. Это былъ своего рода типъ вельможи стараго закала. Объ немъ много говорили, когда онъ вводилъ знаменитые инвентари въ югозападномъ краѣ...

На инвентари Бибикова смотрѣли, какъ на нѣчто въ родѣ перваго шага къ освобожденію крестьянъ, въ то время, когда о послѣднемъ никто не помышлялъ...

Оттого эта мѣра, столь умная и разумная, была принята недовѣрчиво и даже непріязненно извѣстными кругами тогдашняго политическаго общества въ Петербургѣ, и что было замѣчательно, во главѣ этой непріязненной оппозиціи Бибиковскимъ инвентарямъ стоялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ... Въ засѣданіяхъ по этому вопросу, бывавшихъ подъ предсѣдательствомъ самого Николая I, происходили серьезныя схватки между

Бибиковымъ и Цесаревичемъ, и вотъ тутъ-то въ своемъ твердомъ отстаиваніи задуманнаго дѣла — безъ вопроса: кого онъ противъ себя вооружаетъ, — Бибиковъ себя и показалъ во всей красѣ своей гордой и строгой независимости...

Показалъ себя въ томъ и Николай I: разъ онъ вѣрилъ своему министру, онъ стоялъ за него горой, и никому, даже своему Наслѣднику, не давалъ предпочтенія въ довѣріи... Партія антибибиковская была на половину польская, ее тогда называли тоже крѣпостническою, и повторяю, весьма интересно констатировать, что, меньше чѣмъ за 10 лѣтъ до реформы освобожденія крестьянъ, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ случайнымъ противникомъ Бибикова именно потому, что въ его инвентаряхъ видѣли тогда попытку ограниченія помѣщичьяго права... Вражда эта была настолько серьезная, что послѣ похоронъ Николая I Бибиковъ послалъ новому Государю свое прошеніе объ отставкѣ, и получилъ ее, когда выборъ новаго Государя окончательно остановился на Сергѣѣ Степановичѣ Ланскомъ.

Другою крупною и замѣчательною личностью государственною былъ графъ Клейнмихель. Объ немъ, немедленно послѣ его удаленія при Александрѣ II, поторопились составить самое лживое мнѣніе, причемъ молва не поскупилась даже на самую безцеремонную ложь и клевету, разсказывая легенды про его обогащеніе на казенный счетъ. Дѣтьми мы еще ѣздили въ клейнмихельскій дворецъ у Обухова моста, и я живо помню этого въ высшей степени оригинальнаго человѣка; оригинальность его заключалась въ сліяніи въ немъ чего то почти дѣтски-наивнаго и простого съ нѣсколькими рѣзкими чертами государственнаго человѣка; черты эти были: строгость, фанатичная

преданность Царю и умѣнье не только управлять людьми, но выбирать людей для дѣла... Все, что себя прославило умомъ, дарованіями и знаніемъ въ мірѣ путейскихъ инженеровъ въ эту эпоху, было личнымъ выборомъ самого Клейнмихеля, и все это были крупныя личности. Смѣшно даже говорить о деньголюбіи Клейнмихеля... ибо онъ былъ именно смѣшенъ не только въ своей оригинальности, но въ незнаніи даже цѣны деньгамъ: онъ не умѣлъ отличать бумажки, и никогда денегъ близко не видалъ.

Онъ былъ до того равнодушенъ къ вопросамъ матеріальной жизни, что если бы ему сказали жить въ подвалѣ или мансардѣ, онъ жилъ бы, не испытывая никакого неудобства... Обладая чуднымъ даромъ—вдохновлять подчиненныхъ огненнымъ усердіемъ къ службѣ, онъ вдохновлялъ ихъ тоже своею честностью... Въ клейнмихельское время не было ни одного крупнаго инженернаго имени, напримѣръ, про котораго могли бы сказать что либо безчестное: про состоянія, нажитыя тогда инженерами, никто не могъ говорить, ибо ихъ не было, и потомъ, когда начались всѣ эти лживыя легенды про Клейнмихеля, никогда никто не могъ указать ни на одинъ фактъ, и въ особенности ни одного запятнаннаго имени его сотрудниковъ. Можетъ быть, нажились подрядчики при постройкѣ Николаевской желѣзной дороги, можетъ быть, кое-гдѣ по округамъ брали взятки, кое-какіе мелкіе служащіе, но Клейнмихель и его главные сотрудники были чисты, какъ алмазы...

Да, дорого стоила постройка Николаевской желѣзной дороги, но за то, какъ она была построена! Вѣдь тогда, когда ее начали строить, дѣло желѣзнодорожное въ Европѣ было еще въ дѣтскомъ возрастѣ, и громадная историческая заслуга Клейнмихеля заключалась въ томъ, что онъ построй-

кою этой дороги создалъ цѣлый самостоятельный міръ науки и практики постройки, и тогда, когда она была готова, и 10, и 20 лѣтъ спустя весь міръ призналъ, что по качествамъ и достоинствамъ постройки Николаевская дорога первая въ мірѣ.

Насколько расходы не играли роли въ постройкахъ, а играли главную роль требованія прочности и крѣпости,— доказалъ, между прочимъ, Николаевскій мостъ... Николай I былъ самъ инженеромъ, поэтому онъ знакомился съ проектомъ построекъ критическимъ умомъ свѣдущаго въ дѣлѣ человѣка. Когда проектъ Николаевскаго моста былъ оконченъ, Клейнмихель его представилъ на утвержденіе Николая I. Если не ошибаюсь, онъ составленъ былъ знаменитымъ тогда инженеромъ Кербедзомъ. Николай I, разсмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ проектъ, призвалъ Клейнмихеля и, прямо указавъ ему мѣсто на планѣ, со стороны Васильевскаго острова, сказалъ: проектъ не годится; на этомъ мѣстѣ ледъ будетъ затираться и мостъ не выдержитъ; надо все кругомъ въ этомъ углу до дна обложить гранитомъ. Клейнмихель взялъ назадъ проектъ. По разсчетамъ строителей, на осуществленіе мысли Николая I потребовалось бы чуть ли не 2 или 3 милліона больше. Клейнмихель, представляя Государю новый планъ, доложилъ о томъ, насколько онъ обойдется дороже. «Хоть 10 милліоновъ больше, — отвѣтилъ Николай I,—ни мнѣ, ни тебѣ въ карманъ они не пойдутъ, а на прочность!». Оказалось потомъ, что Николай I былъ безусловно правъ, ибо именно въ указанномъ имъ мѣстѣ собирался ледъ, и не будь тамъ гранитнаго дна, мостъ и года не выдержалъ бы. Этотъ-то принципъ: хоть 10 милліоновъ, но чтобы было прочно,—примѣнялся ко всѣмъ сооруженіямъ Клейн-

михеля. Онъ милліоны истратилъ на прочность, но милліоны сберегъ ремонта...

Третья крупная личность Николаевскаго царствованія былъ Киселевъ, создатель министерства государственныхъ имуществъ. Четвертою крупною личностью былъ графъ Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, потомъ замѣненный Авраамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ—тоже крупною личностью. Графъ Уваровъ создалъ прекрасный и живой типъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній въ видѣ гимназій... Рядомъ съ этими крупными государственными личностями выдѣлялась тоже оригинальная, цѣльная и самобытная личность графа Виктора Никитича Панина, министра юстиціи... Объ ней поговорю послѣ...

Наконецъ, не малъ и не дюжинъ былъ, не смотря на свой маленькій ростъ, похожій на Тьера, знаменитый графъ Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ и ловокъ, и уменъ, но, къ сожалѣнію, у него было два крупныхъ недостатка: онъ не былъ русскій по душѣ, и совсѣмъ ею не роднился со своимъ монархомъ, а во-вторыхъ, былъ феноменальный эгоистъ-эпикуреецъ... Оттого про него говорили, что онъ больше сдѣлалъ для кулинарнаго искусства и для цвѣтовъ, чѣмъ для иностранной политики Россіи. Его кухня считалась первою въ Петербургѣ, и его знаменитыя оранжереи на островахъ были храмомъ самаго утонченнаго культа флоры. Туда ѣздили, какъ на богомолье. Про эгоизмъ его припоминаю слѣдующій характерный эпизодъ. Въ Лѣтнемъ саду одинъ молодой человѣкъ, Ганъ, ѣхавъ въ кабріолетѣ, разбился объ дерево и упалъ полумертвый. Его перенесли домой. Г-жа Колерджи, племянница Нессельроде, въ тотъ день должна была ѣхать въ Варшаву, и простилась съ дяденькою, у котораго гостила. Узнавъ о несчастіи, постигшемъ

этого молодого человѣка, котораго она хорошо знала, она отложила свой отъѣздъ, чтобы ухаживать за умирающимъ, и вечеромъ явилась къ дядѣ, думая ему сдѣлать пріятный сюрпризъ. Нессельроде разсердился...

— Я уже съ тобою простился,—сказалъ онъ,—и примирился съ мыслію, что ты уѣхала, а теперь опять я долженъ буду себя тревожить непріятностью второй разъ съ тобою прощаться...

Смерть этого идеала эпикурейства и эгоизма была однако замѣчательная. Казалось бы, ему слѣдовало бояться смерти, какъ лишенія всѣхъ прелестей жизни. Напротивъ, Нессельроде умиралъ ясно и тихо и, умирая, сказалъ:

— Я умираю съ благодарностью за жизнь, которую я такъ любилъ, потому что ею такъ наслаждался.

VI.

(1855—1857 годы).

Наши профессора: И. П. Шульгинъ, Богословскій, В. В. Шнейдеръ, Неволинъ, Калмыковъ.

Общій образовательный курсъ мы кончили въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 4-мъ классѣ...

Кончили мы его съ грѣхомъ пополамъ, какъ-нибудь и кое-чему научившись. Это кое-что заключалось въ законѣ Божіемъ, въ исторіи, географіи, алгебрѣ и геометріи, въ физикѣ съ естественными науками, въ языкахъ: латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и въ географіи... Кромѣ того, въ число общеобразовательныхъ предметовъ входили логика и психологія...

Большая часть предметовъ преподавалась по заведенному шаблону, а потому, разумѣется, преподавалась плохо. Переходя въ старшій спеціальный юридическій курсъ, мы не запомнили ни одного изъ нашихъ учителей—по чему-нибудь оригинальному, или по какимъ-нибудь впечатлѣніямъ, которыя они могли бы произвести на наши молодыя натуры; мы просто отходили отъ нихъ, какъ отъ машинъ, переставшихъ дѣйствовать, и духовныя связи съ учителями порывались въ минуту, когда кончались отношенія ученика къ учителю.

Въ этомъ отношеніи надо припомнить, что должности инспектора классовъ и его помощника были въ нашихъ

глазахъ полнѣйшею синекурою. Какъ я говорилъ, мы не видѣли этого инспектора сидящимъ за уроками и повѣряющимъ собственнымъ впечатлѣніемъ нашего учителя... Объ Языковѣ и говорить нечего; онъ такъ мало имѣлъ общаго съ нашимъ учебнымъ курсомъ, что никогда въ него и носа не совалъ. Въ итогѣ получалось безотвѣтственное и безконтрольное самодержавіе нашихъ учителей, которымъ они пользовались только для того, чтобы не измѣнять своимъ шаблонамъ и своей мертвенности, такъ сказать, въ преподаваніи. Для поясненія этого примѣромъ могу сослаться на самого себя: какъ я поступилъ въ училище плохимъ математикомъ, такъ и вышелъ изъ него; а между тѣмъ въ концѣ общаго четырехъ-класснаго курса по математикѣ со мною былъ такой курьезъ: по алгебрѣ и по геометріи училъ насъ одинъ учитель; по алгебрѣ я имѣлъ 7 балловъ, по геометріи 12 балловъ. Очевидно, это была нелѣпость, ибо если я былъ плохъ по алгебрѣ, то не могъ быть отличнымъ по геометріи; я былъ плохимъ въ томъ и въ другомъ. А громадная эта разница оттого, что въ геометріи я вызубривалъ задачи наизустъ, ничего въ нихъ не понимая, и это зубреніе признавалъ достойнымъ 12 балловъ тотъ самый учитель, который находилъ меня плохимъ по алгебрѣ только потому, что въ алгебрѣ я всего вызубривать не могъ. Иностранныя языки преподавались плохо, такъ что, разумѣется, если домашнее воспитаніе не давало знанія языковъ французскаго и нѣмецкаго, то уже выучиться имъ въ училищѣ было невозможно, ибо система изученія языковъ была не мало похожа на обученіе попугаевъ... Изъ исторіи ничего не оставалось въ памяти обдуманнаго, переработаннаго; характеристики эпохъ и лицъ не интересовали учителя, и неизвѣстно почему отъ зазубриваемыхъ страницъ учеб-

никовъ оставались въ памяти только клочки текста, въ родѣ, напримѣръ. конца исторіи Персіи, по учебнику Шульгина: „и пожаръ Персеполиса, какъ свѣточъ погребальный, освѣтилъ развалины великаго царства отъ Ефрата до Инда...“ Шульгинъ этотъ былъ у насъ не учителемъ, а профессоромъ исторіи въ высшихъ классахъ... Самымъ рѣзкимъ воспоминаніемъ объ немъ въ каждомъ изъ насъ оставался тотъ фактъ, что онъ во время лекцій оплевывалъ весь полъ каѳедры... Про него, какъ характеристика его метода обученія, не измѣнявшагося изъ года въ годъ, сложилась легенда вступленія въ курсъ исторіи, не лишенная комизма.

— «Исторія»,—начиналъ онъ свою первую лекцію ежегодно,—«есть систематическое изложеніе достопамятныхъ событій. Повидимому, такое опредѣленіе не совсѣмъ точно, ибо то, что для иного достопамятно, то для другого недостопамятно. Такъ, открытіе компаса есть событіе достопамятное для морехода, а открытіе картофеля есть событіе достопамятное для земледѣла. Итакъ, опредѣленіе, что исторія есть систематическое изложеніе достопамятныхъ событій, не совсѣмъ точно, потому что не все достопамятное для одного, достопамятно для другого. Я указалъ на примѣры открытія компаса и картофеля и могъ бы указать еще на многіе другіе, но, тѣмъ не менѣе, однако, за неимѣніемъ другого, болѣе точнаго, и это опредѣленіе можетъ быть признано за достаточное».

И эту ерунду мы помнили, но характеристику Карла Великаго или Карла V мы себѣ не усваивали, и исторію, напримѣръ, я пріобрѣлъ, какъ знаніе, только чтеніемъ внѣ уроковъ историческихъ книгъ дома.

Законъ Божій преподавалъ во всѣхъ классахъ нашъ духовникъ, протоіерей Богословскій. Онъ въ особенности

цѣнилъ зазубриваніе въ младшихъ классахъ, признавая насъ неспособными передавать содержаніе урока своими словами. Разставаясь съ младшими курсами, мы не выяснили себѣ: правъ или неправъ былъ Богословскій, предпочитая ученіе наизустъ собственному стилю. Въ массѣ учениковъ онъ предвидѣлъ, подъ видомъ толкованія собственными словами, неряшливость и небрежность въ обращеніи съ ученіями катехизиса и съ текстомъ Евангелія: серьезность предмета требовала точности въ его изложеніи. Вотъ съ какой точки зрѣнія являлся у насъ вопросъ: не былъ-ли правъ нашъ строгій законоучитель? У насъ, въ подтвержденіе этого сомнѣнія, ходилъ комическій разсказъ объ отвѣтѣ о. Богословскому одного изъ товарищей нашихъ, Романова, шепелявившаго, и произносившаго свою фамилію: *Ломановъ*. Отвѣчаетъ онъ изъ закона Божьяго, и долженъ передать разсказъ о явленіи Христа по Воскресеніи Своемъ на озерѣ Тиверіадскомъ. И вотъ его разсказъ собственными словами: «однажды Іисусъ Хлистосъ отплавился на Тивеліадское озело и тамъ увидѣлъ Своихъ учениковъ, — и сплашиваетъ у Симона Петла: Симоне, Симоне, ты Меня любишь? а Симонъ Ему отвѣчаетъ: Господи, Ты знаешь, что я Тебя люблю». Богословскій слушалъ этотъ разсказъ своими словами, видимо, сердясь и, наконецъ, послѣ словъ Ломанова: «ахъ, Господи, я Тебѣ уже сказалъ, что Тебя люблю!»—вышелъ изъ терпѣнія, назвалъ Ломанова глупцомъ и влѣпилъ ему двойку. И мы никогда не могли сказать, чтобы Богословскій не былъ правъ, выйдя изъ себя отъ такого глупаго разсказа своими словами. Но тотъ же Богословскій иногда требовалъ отъ насъ обратнаго. Приходитъ онъ разъ на урокъ въ черной рясѣ, слѣдовательно, въ духѣ, и говоритъ намъ: ну, сегодня я

вамъ прочту одну молитву, а вы слушайте ее со вниманіемъ. Мы слушали.

Чтеніе продолжалось полчаса. Послѣ чтенія онъ къ намъ обращается, и—о, ужасъ,—говоритъ: ну, вотъ, къ слѣдующему разу вы мнѣ эту молитву запомните и своими словами передайте. Мы въ отчаяніи: кто слушалъ невнимательно, кто спалъ, кто слушалъ, но никакъ не могъ запомнить всего, что было въ этой молитвѣ. Страхъ обуялъ насъ велій. Въ особенности въ отчаяніи были наши зубрилы: не по чему было вызубрить. Спасителемъ класса явился я и обратился къ нашему семейному священнику Казанскаго собора, отцу Морошкину, и разсказалъ ему наше горе. Онъ, по моимъ приблизительнымъ къ тексту молитвы словамъ, догадался, что это должна быть, такъ называемая, первосвященническая молитва, и далъ мнѣ книжку, въ которой молитва эта была помѣщена. Оказалась та самая. Я привезъ книжку въ училище на пользованіе всѣмъ. И о, удивленіе Богословскаго! Онъ разсчитывалъ насъ озадачить и поставить втупикъ, но ошибся въ разсчетѣ. Какъ нарочно, первымъ былъ вызванъ я; я отвѣчалъ молодцомъ и получилъ 11 балловъ.

Курсы логики и психологіи по старымъ запискамъ мы учили наизустъ, очень многое совсѣмъ не понимая. Помню мой блестящій отвѣтъ на экзаменѣ, приведшій Принца нашего въ восторгъ, объ *авторитетѣ*, за что получилъ я 12 балловъ, но помню также, что больше половины не понималъ того, что такъ блестяще тараторилъ. Гораздо яснѣе бывалъ Богословскій, когда онъ прибѣгалъ къ конкретнымъ пріемамъ, напримѣръ, къ такому: встаетъ одинъ воспитанникъ и отвѣчаетъ такъ себѣ мямля и ища слова. Богословскій слушаетъ не въ духѣ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ фразу, затѣмъ спохватившись, что совралъ, говоритъ: *то-есть*, и затѣмъ говоритъ противоположное тому, что имъ было сказано раньше; такимъ образомъ, «то-есть» у него соединяло два антитеза. Богословскій вспылилъ и, прогнавъ его, сказалъ: ты умный человѣкъ, то-есть ты дуракъ. Съ той минуты мы сразу поняли, что «то-есть» не можетъ соединять два противорѣчія, а между тѣмъ, эта привычка, грѣшить противъ логики и говорить: это черное, то-есть, виноватъ, бѣлое,—у многихъ бываетъ.

Переходя въ старшій курсъ и получая вмѣсто серебряныхъ золотыя нашивки, мы испытывали извѣстное благоговѣніе къ нашему новому положенію.

Это благоговѣніе происходило отъ сознанія, что теперь мы перестали имѣть дѣло съ учителями, а будемъ имѣть дѣло съ профессорами.

Старшій курсъ являлся намъ съ характеромъ свѣтилища наукъ.

И, дѣйствительно, за немногими исключеніями, составъ профессоровъ у насъ въ то время представлялъ собою нѣчто внушительное по личностямъ, его составлявшимъ.

Самый почтенный изъ профессовъ, носившій названіе заслуженнаго, былъ профессоръ римскаго права Василій Васильевичъ Шнейдеръ. Это былъ и симпатичный, и оригинальный типъ, коего въ теперешнее время смѣшно было бы найти и слѣдъ. Въ немъ жилъ духъ римлянина золотого вѣка Рима и въ то же время жилъ человѣкъ со всѣми оттѣнками благородства и деликатности, съ одной стороны, и высокаго образованія—съ другой... Хотя онъ былъ нѣмецъ, но никогда никому изъ насъ въ голову не приходило на этого старика смотрѣть, какъ на нѣмца: онъ все время въ теченіе 3-хъ лѣтъ намъ представлялся

фантастическимъ римлянином. Личность его могутъ характеризовать слѣдующіе запомненные мною эпизоды... Какъ-то разъ во время лекціи Шнейдеръ торжественнымъ голосомъ объявилъ намъ, что онъ будетъ отъ насъ требовать въ слѣдующій разъ на репетиціи. Когда онъ кончилъ, кто-то на задней скамейкѣ громко сказалъ: ого!.. Это «ого» привело старика въ ярость.

— Тотъ, кто сказалъ «ого», — вдругъ объявилъ съ каѳедры Шнейдеръ,—свинья!

— Я сказалъ «ого», Василій Васильевичъ,—заявляетъ виновный.

— Вы сказали? — отвѣчаетъ Шнейдеръ. Затѣмъ, посмотрѣвъ пристально на воспитанника, старикъ принялъ свое прелестно-доброе выраженіе лица, и сказалъ мягкимъ голосомъ:—ну, такъ простите старика, что онъ вспылилъ!— Трудно выразить, съ какимъ благоговѣніемъ мы въ эту минуту преисполнились къ старику.

Второй эпизодъ характеризируетъ его отношенія къ образованію вообще.

Надо сказать, что въ новой исторіи и, вообще, въ томъ мірѣ, который былъ внѣ нашихъ учебниковъ, мы были очень необразованы. Я былъ, благодаря моей семьѣ, образованной и всѣмъ интересовавшейся, — чуть ли не первый по образованію, такъ сказать, общему. Какъ-то пришлось Шнейдеру заговорить о Франціи и коснуться вопроса бурбонской линіи. Для большинства это оказалась terra incognita. Шнейдеръ спрашиваетъ: — а кто теперь единственный прямой потомокъ королей Франціи; всѣ молчатъ: знающихъ не оказалось. Тогда я говорю: герцогъ Бордосскій.

— Или,—говоритъ, просіявши Шнейдеръ.

— Графъ Шамборъ,—отвѣчалъ я.

Надо было видѣть радость старика.

— Браво! Вы образованный молодой человѣкъ,—сказалъ Шнейдеръ, и съ тѣхъ поръ сталъ со мною особенно любезенъ.

Третій эпизодъ еще характернѣе.

Зная, какую цѣну старикъ придавалъ замѣчательнымъ датамъ изъ римской исторіи и изъ римскаго права въ особенности, мы запомнили день смерти императора Юстиніана.

Когда настала эта годовщина, старшій нашего класса, передъ началомъ лекціи, подходитъ къ старику и говоритъ ему съ торжественною физіономіею: классъ мнѣ поручилъ, Василій Васильевичъ, вамъ засвидѣтельствовать свое глубокое сочувствіе по поводу сегодняшней годовщины смерти великаго Юстиніана...

Старикъ чуть не прослезился отъ умиленія и пришелъ въ такое благодушное состояніе духа, что при репетиціи всѣмъ понаставлялъ хорошіе баллы.

Здѣсь кстати вспомнить, что Императоръ Николай, еще въ началѣ своего царствованія, когда ему сказали, что у насъ мало профессоровъ, вообще, по юридическимъ наукамъ, велѣлъ создать профессоровъ, и для этого приказалъ учредить профессорскій институтъ при дерптскомъ университетѣ. Сказано — сдѣлано... Лучшіе кандидаты юридическихъ наукъ прикомандировывались, по окончаніи курса въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ Дерптъ, и тамъ проходили, кажется, двухъ-лѣтній курсъ въ профессорскомъ институтѣ.

Мы уже пользовались плодами этого института. Онъ далъ нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ въ области юридическихъ наукъ и, между прочимъ, такихъ, какъ

знаменитый Неволинъ, криминалистъ Калмыковъ, цивилистъ Мейеръ.

Неволинъ представлялъ собою тоже оригинальный типъ. Онъ преподавалъ намъ исторію законодательства и энциклопедію законовѣдѣнія, для которой изданная имъ книга славилась въ Германіи чуть-ли не болѣе, чѣмъ у насъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова ученый. Какъ Шнейдеръ жилъ извѣстную долю дня въ римскомъ мірѣ, такъ Неволинъ жилъ цѣлый день въ мірѣ юридическихъ наукъ. Тихій, скромный, онъ никогда не имѣлъ съ нами другихъ отношеній, какъ учебныхъ и научныхъ; каждому изъ насъ невозможно было себѣ представить Неволина въ частномъ обыденномъ быту: какъ онъ ѣстъ, какъ онъ пьетъ; намъ представлялось, что онъ всегда въ мірѣ юридическихъ наукъ—и у насъ, и у себя дома. Мы питали къ нему особое уваженіе. Оно усилилось вслѣдствіе слѣдующаго эпизода, благодаря которому нравственный авторитетъ Неволина для насъ именно возросъ. Одинъ изъ плохихъ воспитаниковъ былъ вызванъ Неволинымъ отвѣчать заданный урокъ. Выходитъ онъ и, кромѣ программы, беретъ вырванные изъ книги энциклопедіи листки и преспокойно начинаетъ по нимъ отвѣчать.

Продолжалось это минуты три.

Мы видѣли, какъ Неволинъ пристально сталъ смотрѣтъ удивленнымъ взглядомъ на отвѣчавшаго воспитанника, чего съ нимъ никогда не бывало, а воспитанникъ, какъ ни въ чемъ не бывало, съ нахальствомъ продолжаетъ читать изъ листковъ, ничего не опасаясь, пока мы чуяли приближеніе грозы...

— Господинъ студентъ,—вдругъ прервалъ его Неволинъ, называвшій насъ всегда студентами, что намъ очень льстило,—дайте мнѣ вашу программу.

Воспитанникъ невозмутимо швыряетъ листки подъ каѳедру и подаетъ профессору свою программу.

Неволинъ беретъ программу, взглянулъ и затѣмъ возвращаетъ воспитаннику программу, и при этомъ онъ снова на него взглянулъ... И вотъ этотъ взглядъ, который помню и понынѣ, былъ событіемъ въ нашей нравственной жизни. Въ немъ столько было презрѣнія, столько было упрека отъ глубины души честнаго человѣка, что намъ холодно стало отъ этого взгляда...

— Садитесь, — проговорилъ затѣмъ Неволинъ и не поставилъ ему никакого балла.

Съ этой минуты, въ теченіе 3-хъ лѣтъ нашего старшаго курса, никто и подумать не смѣлъ прибѣгать къ такому обману при репетиціяхъ.

Взглядъ, полный презрѣнія къ обману, подѣйствовалъ на наши души сильнѣе всякаго слова, и вызванный черезъ два мѣсяца вновь Неволинымъ на репетицію, воспитанникъ отвѣчалъ, какъ мы всѣ.

Въ томъ же духовномъ мірѣ казался намъ нашъ профессоръ уголовнаго права, Калмыковъ, съ тою лишь разницею, что онъ былъ краснорѣчивѣе и діапазонъ его былъ всегда возвышенный.

Мы сознавали и чувствовали, что Калмыковъ священнодѣйствуетъ, обучая насъ уголовному праву; лицо его всегда было вдохновенно, голосъ его всегда былъ взволнованъ и тоже, какъ Неволинъ, онъ казался намъ немыслимымъ въ простой жизни частнаго человѣка. Въ изложеніи его всегда было много фигуральнаго, а въ нашихъ отвѣтахъ онъ требовалъ отъ насъ точности и яснаго изложенія.

Какъ вчера, помню его обращеніе къ воспитаннику:—

скажите мнѣ, — такой-то, — въ краткихъ, но ясныхъ словахъ содержаніе прошедшей лекціи...

Воспитанникъ начинаетъ: въ прошедшій разъ мы говорили...

Калмыковъ его останавливаетъ:

— Остановитесь, молодой человѣкъ: въ прошедшій разъ не мы говорили, а я говорилъ...

Помню тоже его умное, вдохновенное лицо, откинутымъ картинно назадъ, въ позѣ оратора, изрекающимъ основу уголовнаго права, въ видѣ римскаго изреченія: nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legale!— восклицалъ вдохновенный Калмыковъ.

Помню драматизмъ его голоса, когда, объясняя намъ преступленіе безъ умысла, онъ декламировалъ примѣръ: «женщина спала крѣпкимъ сномъ; ребенокъ спалъ возлѣ нея. Во снѣ несчастная мать видитъ, что она зарѣзываетъ гуся, она слышитъ крики гуся, хватаетъ его за горло, гусь кричитъ еще сильнѣе, потомъ крики стихаютъ... Мать просыпается и видитъ, что во снѣ она задушила своего ребенка, принявъ его за гуся, въ состояніи галлюцинаціи...

Долженъ признаться, припоминая нашъ спеціальный юридическій трехлѣтній курсъ наукъ, что за исключеніемъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ я назвалъ, и впослѣдствіи замѣнившаго умершаго Неволина, И. Е. Андреевскаго, всѣ остальные профессора и преподаватели были очень мало интересны и еще меньше авторитетны... Такіе нужные для насъ курсы, какъ гражданское и уголовное судопроизводства, преподавались безцвѣтно и мертво, а у профессора Палибина преподаваніе государственнаго права, напримѣръ, всегда носило характеръ зубрежа, ничего общаго не имѣвшаго съ серьезнымъ и интереснымъ изученіемъ предмета. Для вящей характеристики этого мер-

твеннаго и тупого, такъ сказать, преподаванія, нельзя не вспомнить такую, напримѣръ, науку, какъ межевые законы. Два года мы проходили этотъ курсъ, и кто бы повѣрилъ, что огромнѣйшія литографированныя записки мы выучивали наизустъ, потому что ровно ничего въ этихъ межевыхъ законахъ не понимали, и никому въ голову не приходило познакомить насъ хотя немного съ этимъ предметомъ на практикѣ, то-есть въ натурѣ, дабы хоть сколько-нибудь мы могли понять хоть часть того, что мы попугаями зазубривали...

Кончая курсъ уже въ возрастѣ умственнаго развитія, соотвѣтствовавшаго послѣднему курсу университета, мы ясно сознавали, до какой степени учебная часть, благодаря рутинѣ и отсутствію живыхъ и дѣльныхъ руководителей учебнаго дѣла, была у насъ запущена и печальна. Полное невѣжество директора Языкова въ юридическихъ наукахъ въ особенности и въ педагогическомъ дѣлѣ вообще, полное невѣжество въ области общаго образованія— было, разумѣется, главною причиною такого печальнаго состоянія нашего образованія, и ничего не было удивительнаго, если, кончая курсъ и выдерживая экзамены, мы сознавали прежде всего, какъ плохо мы подготовлены были научно къ карьерѣ судебной и какъ мало мы знали изъ того, что мы вызубривали... Про себя, напримѣръ, я могу сказать, что, выдержавши передъ выпускомъ 16 экзаменовъ и получивши на нихъ круглыя 12 балловъ, я десятой части не зналъ отчетливо изъ того, что зналъ наизустъ и усвоивалъ одною лишь памятью и именно на себѣ испыталъ, насколько вся система преподаванія у насъ юридическихъ наукъ была безсмысленна, нелѣпа и слѣдовательно, столько же непроизводительна, сколько несостоятельна. Вызубренное наскоро столь же скоро уле-

тучивалось изъ головы, и большую часть того, что я усвоилъ себѣ, какъ знаніе прочное, я пріобрѣлъ внѣ училища, послѣ выпуска въ чтеніи и на практикѣ служебной.

По поводу зубрежа припоминаю слѣдующій характерный эпизодъ. У насъ въ классѣ было двое первыхъ воспитанниковъ по балламъ: самый неспособный, Х., и самый способный, покойный теперь Христіановичъ. Кромѣ способностей онъ имѣлъ много цѣнныхъ нравственныхъ качествъ. Видя, какъ его соперникъ Х. разрушаетъ свое физическое здоровье, зубря цѣлый день и почти всю ночь, чтобы получить тѣ 12 балловъ, которые Христіановичу давались сто разъ легче, онъ, то-есть Христіановичъ, обращается къ Х. и говоритъ ему: брось такъ зубрить, я тебѣ конкуррировать не буду и обѣщаю тебѣ никогда не имѣть полныхъ 12 балловъ; и вотъ въ исполненіе этого обѣщанія Христіановичъ нарочно изъ двухъ предметовъ отвѣчаетъ на репетиціяхъ ерунду и добивается того, что ему сбавляютъ два балла изъ каждаго предмета. Благодаря этому Х. могъ спокойно оставаться первымъ по балламъ до самаго выпуска, и на долю самаго неспособнаго выпалъ счастливый жребій золотой медали и надписи золотыми буквами на мраморной доскѣ. По этому примѣру дозволительно догадываться, что онъ повторялся не разъ въ анналахъ выпусковъ изъ училища, и потомству, вѣроятно, не разъ передавались имена только наиболѣе зубрившихъ и наименѣе понявшихъ свои науки.

VII.

Новыя вѣянія.—Ланской.—Конецъ войны.—Коронація.—Послѣ коронаціи.—Увлеченіе Герценомъ.

Теперь возвращаюсь къ міру внѣ училища. Не прошло года со смерти Николая I, какъ начали все усиливаться новыя вѣянія. Въ мірѣ государственныхъ людей, какъ я сказалъ, первой перемѣной было принятіе отставки Бибикова и замѣна его С. С. Ланскимъ. Я ни въ то время, ни послѣ не могъ узнать, что вызвало назначеніе именно Ланскаго, никогда дотолѣ ничѣмъ не заявившаго о своихъ государственныхъ способностяхъ. Его знали какъ человѣка хорошаго, ровнаго, добраго и, затѣмъ, про него ничего не знали. Придворныхъ связей у него не было никакихъ, и къ партіи молодой Россіи, очень скоро сплотившейся около В. Кн. Константина Николаевича, Ланской, какъ старый человѣкъ, не принадлежалъ. По чьей рекомендаціи, подъ чьимъ вліяніемъ состоялось это первое назначеніе новаго Государя, никто въ то время не зналъ. Вслѣдъ за Бибиковымъ подалъ свое прошеніе объ уволненіи отъ должности графъ Клейнмихель; но здѣсь была другая обстановка; Бибиковъ рѣзко подалъ въ отставку и рѣзко былъ уволенъ—безъ объясненій и безъ свиданій съ Государемъ. Всѣ знали, что тутъ играла роль взаимная вражда. Клейнмихель былъ въ другихъ отношеніяхъ къ новому Государю.

Новый Государь его любилъ, а потому, когда Клейнмихель, по своей рыцарской и солдатской прямотѣ, послалъ новому Государю свое прошеніе, Государь пріѣхалъ къ нему и въ самыхъ сердечныхъ словахъ упрашивалъ его подождать, и дать ему время найти преемника Клейнмихелю. Клейнмихель былъ, однако, въ своемъ рѣшеніи непреклоненъ, и указалъ Государю на Мельникова, какъ на лучшаго кандидата для своего преемства. Затѣмъ, послѣдовали еще два крупныхъ новыхъ назначенія. Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ былъ призванъ замѣстить А. Ф. Орлова на должности главнаго начальника III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и шефа жандармовъ, а на его мѣсто былъ назначенъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ; за ними гр. Нессельроде долженъ былъ отдать свой портфель вѣнскому нашему послу, князю Горчакову.

Какъ я писалъ раньше, всѣ до единаго новыя вѣянія исходили изъ мысли кончить войну и начать что-то новое... Это новое было совсѣмъ неопредѣленное, хотя всѣ знали, что прежде всего это новое должно заключаться въ прекращеніи стараго... Но какого стараго? Тутъ-то и начиналась область неопредѣлимаго. Было бы безусловно можно сказать, что требовалась какая-то отмѣна стараго политическаго режима, ибо нигдѣ не было въ нашихъ, по крайней мѣрѣ, сферахъ, политической или общественной, непріязни къ почившему Императору, какъ представителю стараго режима; вѣрнѣе было бы допустить, что эти вѣянія относились къ тому внутренне-административному міру, коего язвы обнаружились войною и имѣли связь съ военнымъ міромъ. Бездорожье, интендантскія и другія злоупотребленія, полная отсталость отъ Европы относительно вооруженія, все это вмѣстѣ взятое, соединя-

ясь съ нашею неудачею на войнѣ, въ тысячахъ разсказовъ, толковъ, легендъ,—принимало характеръ неопредѣленныхъ, но тѣмъ не менѣе отчетливыхъ стремленій къ чему то новому.

Въ августѣ 1855 года была апогея нашего патріотическаго настроенія: съ извѣстіемъ о паденіи Малахова кургана, о переходѣ нашихъ героевъ войскъ съ южной стороны на сѣверную Севастополя, какъ будто оборвалось сердце во многихъ русскихъ: слова горчаковскаго донесенія, «*что и для героевъ есть невозможное*» и что «*войска дрались, какъ львы*»,—все сказали русской душѣ въ въ эту минуту глубокой печали, и хотя въ этомъ же настроеніи одна горсть русскихъ людей въ военныхъ и не военныхъ кружкахъ и почерпнула вдохновеніе—не сдаваться, не просить мира, но продолжать войну, но въ большинствѣ, такъ сказать, громко говорившихъ тогда людей явилась потребность отойти поскорѣе отъ картины нашихъ боевыхъ печалей и отдаться вѣяніямъ новаго... Въ этой потребности и заключается объясненіе, почему такъ скоро послѣ кончины Николая I вездѣ въ умственныхъ сферахъ явилось это исканіе новаго, какъ отвлеченіе, такъ сказать, мысли и духа отъ тяжелой военной дѣйствительности. Севастопольская эпопея, не взирая на то, что ея характеръ былъ святой по неисчерпаемости героизма, являлся для многихъ какъ бы воплощеніемъ и олицетвореніемъ стараго режима; не входя въ подробный анализъ этой эпопеи, гдѣ столько было доказательствъ несокрушимой силы русской мощи,—умы ссылались только на страданія, и изъ этихъ страданій выводили заключеніе, что надо скорѣе покончить со страданіями и искать что-то новое, такъ какъ старое было, будто бы, причиною этихъ страданій...

Скажу, прислушиваясь къ своимъ воспоминаніямъ всей послѣдующей эпохи, что 1856 годъ былъ самымъ свѣтлымъ годомъ царствованія Александра II. Небо надъ нимъ было совсѣмъ ясное. Въ мартѣ заключенъ былъ и подписанъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ парижскій договоръ, и хотя условія этого договора были для насъ и тяжелыя, и позорныя, но настроеніе всего общества, отчасти вслѣдствіе отдыха отъ ужасовъ войны, отчасти отъ вѣяній того неопредѣленнаго новаго, о которыхъ я говорилъ, отчасти отъ ожидавшейся въ августѣ великолѣпной Коронаціи и, отчасти, наконецъ, отъ всего симпатичнаго, что въ видѣ всевозможныхъ слуховъ и откликовъ исходило изъ Зимняго дворца, какъ подробности о новомъ государѣ,—настроеніе общества, говорю я, было именно похоже на голубое, совсѣмъ ясное, весеннее небо... Вѣяло чѣмъ томъ радостнымъ, чѣмъ то благодушнымъ, искреннимъ, будто исчезли куда-то плачущіе и печально озабоченные люди; вездѣ ихъ мѣста заняли веселые и наслаждающіеся жизнью.

У насъ, въ училищѣ Правовѣдѣнія, тоже ощущалось что то новое: Языковъ сталъ мягче и менѣе взбалмошнымъ, а за нимъ и наши воспитатели. Во всѣхъ отношеніяхъ начальства къ намъ явилось больше естественности, простоты и искренности... Только въ этомъ заключалась перемѣна въ 1856 году; я это говорю для того, чтобы отдѣлить именно этотъ годъ отъ послѣдовавшихъ, и даже отъ 57 года, когда начались вѣянія уже политическаго свойства, то-есть либеральнаго, и когда Языковъ, пять лѣтъ послѣ того, что призналъ нужнымъ публично сѣчь взрослаго воспитанника, откровенно говорилъ всякому, что *теперь* его система воспитанія сводится

къ тому, что онъ каждое утро открываетъ форточку и нюхаетъ: откуда вѣтеръ дуетъ...

Лѣто 56 года я провелъ уже воспитанникомъ 1 класса, *со шпагою*, съ моими родителями въ Ревелѣ. Тамъ скончалась, жившая вмѣстѣ съ нашею семьею, старшая дочь Карамзина, Софья Николаевна. Упоминаю объ этомъ потому, что ея болѣзнь и ея кончина остались въ моей памяти какъ доказательство того, насколько сильно было душевное угнетеніе тогдашняго общества отъ только-что окончившейся ужасной войны. Послѣ того, какъ въ маѣ 1857 года убитъ былъ старшій сынъ Карамзина, старшая сестра его Софья Николаевна до того была потрясена этимъ несчастіемъ, что изъ веселой, беззаботной, разговорчивой, какою она всегда была, долгіе годы бывшей умомъ, образованіемъ и прелестнымъ характеромъ, приманкою карамзинской гостиной, вдругъ превратилась въ грустную и задумчивую. Затѣмъ, все усиливавшіеся ужасы войны, стали на нее дѣйствовать такъ сильно, что она мало-по-малу впала въ полную меланхолію и въ этомъ состояніи прожила до кончины...

Припоминаю, въ связи съ этимъ, что въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ ея состоянія до кончины, она, припомнивъ недавнее прошлое, поручила передать своему другу, Ѳ. И. Тютчеву (поэту), чтобы онъ бросилъ заниматься столами, говоря, что это вредно для души. Надо сказать, что 1854 и 1855 года, въ петербургскомъ обществѣ, отчасти подъ вліяніемъ печальныхъ смертей на войнѣ, отчасти подъ вліяніемъ кончины Николая I, были временемъ, когда что-то мистическое и суевѣрное играло роль въ гостиныхъ и семьяхъ. Помню, что самая кончина Николая I была обставлена разсказами о страшныхъ явленіяхъ, ее предвѣщавшихъ. Такъ, говорили объ одномъ

барскомъ домѣ, гдѣ дочь (ее называли) занималась спиритизмомъ, и получала отвѣты на вопросы посредствомъ билліарднаго кія, который она брала въ руки и который ее доводилъ до книжнаго шкафа и ударялъ объ книгу, гдѣ долженъ былъ заключаться отвѣтъ на мысленный вопросъ; при этомъ кій, когда книгу ставили на столъ, развертывалъ ее и ударялъ на ту страницу, гдѣ заключался отвѣтъ. Такъ какъ я видѣлъ такія странныя вещи собственными глазами, то и упоминаю объ этомъ разсказѣ, какъ о чемъ-то правдоподобномъ. И вотъ, однажды, на какой-то вопросъ о войнѣ, еще до болѣзни Николая I, кій очень сильно сталъ вырываться изъ рукъ барышни, затѣмъ, вырвавшись, долетѣлъ до портрета Николая, ударился объ него и, свалившись, разбился въ дребезги. «Будетъ несчастье»!—сказала тогда мать этой дѣвушки. Къ этой же категоріи предзнаменованій слѣдуетъ отнести тотъ фактъ, что пѣвчіе Казанскаго собора, тоже до болѣзни Николая I, по какой-то непонятной ошибкѣ, запѣли при возглашеніи многолѣтія Императору «вѣчную память». Помню тоже разсказъ того времени о какой-то черной птицѣ, три дня до смерти Николая I сидѣвшей надъ спицомъ маленькаго бельведера на крышѣ Зимняго Дворца, какъ разъ надъ его комнатою, и постоянно кричавшей какимъ-то зловѣщимъ голосомъ. Всѣ эти разсказы доказывали, какъ я сказалъ, до извѣстной степени нервное настроеніе тогдашняго общества, и ничего нѣтъ удивительнаго, что первыя явленія и опыты спиритизма, въ формѣ вертящихся столовъ и пишущихъ карандашей, происходили чуть ли не въ каждой гостиной Петербурга. Бесѣды съ духами мертвыхъ—съ душами убитыхъ на войнѣ, а потомъ съ духомъ Николая I—были главными предметами спиритическихъ сеансовъ.

День Коронаціи, 26 августа, пришлось мнѣ провести въ дорогѣ, въ мальпостѣ, изъ Ревеля въ Петербургъ, но помню, какъ вчера, великолѣпное освѣщеніе въ городѣ Нарвѣ, вечеромъ, 26 августа, гдѣ я подумалъ, что если такую блестящую иллюминацію устроилъ городъ Нарва, то что же должно было быть во всѣхъ большихъ городахъ Россіи, не говоря уже о Петербургѣ и Москвѣ...

Тогда всѣ говорили о томъ, что иностранныя государства особенно заботились о приданіи этой Коронаціи особаго блеска, какъ бы желая всѣ вмѣстѣ позолотить недавно нами проглоченную пилюлю парижскаго трактата. У всѣхъ государствъ, надо сказать, была въ ту пору совѣсть нечиста относительно Россіи, за исключеніемъ развѣ Испаніи и Португаліи. Кромѣ Франціи, Англіи и Сардиніи, воевавшихъ съ нами, роль измѣнницы сыграла, какъ извѣстно, Австрія и весьма двусмысленную роль сыграла Пруссія, двусмысленную потому, что она до войны и во все время войны гораздо ближе держалась Австріи, чѣмъ Россіи, и дружбу свою намъ проявила только въ *дружескомъ* совѣтѣ — какъ можно скорѣе заключить намъ миръ на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Наполеонъ III хотѣлъ поразить насъ роскошью своего посольства и поручилъ герцогу Морни быть своимъ представителемъ, съ кредитомъ въ 7 милліоновъ франковъ. Англія послала своего самаго богатаго сановника и вельможу Гренвилля, съ кредитомъ неограниченнымъ. Австрія прислала перваго магната Венгріи, князя Эстергази, съ блестящею свитою.

Наконецъ, тогда мы впервые услыхали о знаменитомъ маркизѣ Карабе Испаніи, о герцогѣ д'Оссуна и д'Инфантадо, милліонерѣ, принявшемъ на себя быть посломъ Испаніи, на свои собственныя средства. Въ Россіи же всѣ рѣши-

тельно, имѣвшіе малѣйшія къ тому средства, сочли своимъ долгомъ прибыть въ Москву.

Этотъ съѣздъ всѣхъ именитыхъ русскихъ дворянъ на коронацію Александра II, во всей ихъ роскоши, получилъ значеніе историческаго событія, ибо въ послѣдній разъ въ стѣнахъ Москвы предстало все русское дворянство in corpore богатымъ... Оттого нанять тогда барскіе дома въ Москвѣ было затруднительно...

Несмотря на этотъ блескъ и всю роскошь, маленькій эпизодъ омрачилъ на минуту одинъ изъ торжественныхъ моментовъ церемоніала. Я упоминаю объ немъ потому, что тогда онъ былъ только непріятнымъ инцидентомъ, а потомъ о немъ вспоминали уже какъ о зловѣщемъ предзнаменованіи. Когда вѣнчанный Императоръ возложилъ корону на Императрицу, то по церемоніалу прикрѣплять ее должны были дежурныя статсъ-дамы—для формы, а въ натурѣ это долженъ былъ исполнить парикмахеръ Императрицы, а такъ какъ всѣ спѣшили ко времени церемоніи, то поспѣшилъ и парикмахеръ, и, на его бѣду, въ минуту, когда должно было начаться обратное шествіе, вдругъ корона сваливается съ головы Императрицы, съ боку ее успѣли поддержать, и уже на ходу несчастному парикмахеру пришлось кое-какъ ее скрѣпить.

Годъ спустя я узналъ отъ князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, что на одномъ изъ баловъ въ Москвѣ во время Коронаціи Государь впервые заговорилъ о крестьянскомъ вопросѣ... Можно было думать, что при вѣнчаніи своемъ на царство Александръ II размышлялъ уже о предстоящей ему великой задачѣ, но припоминаемый мною эпизодъ имѣетъ интересъ потому, что онъ прямо свидѣтельствовалъ о томъ, что въ то время будущій Царь-Освободитель былъ такъ же далекъ отъ этой мысли, какъ

былъ отъ нея далекъ въ тѣ годы, когда, будучи Цесаревичемъ, ссорился съ Бибиковымъ изъ-за инвентарей. Этотъ эпизодъ доказываетъ, что онъ къ крестьянскому вопросу относился такъ же скептически, какъ прежде. Встрѣтивъ на одномъ изъ баловъ князя Оболенскаго, тогда уже вошедшаго въ плеяду молодыхъ приближенныхъ двора Великой Княгини Елены Павловны, Императоръ говорилъ ему: а ты слыхалъ, что Елена Павловна выдумала эмансипацію своихъ крестьянъ... Въ первый разъ тогда было произнесено слово эмансипація, при чемъ князь Оболенскій не могъ усумниться въ томъ, что слова эти звучали въ устахъ Государя если не иронически, то все-же скептически.

Къ концу 1856 года, когда успокоились всѣ волненія коронаціи, небо стало хмуриться и воздухъ сталъ грязниться...

Это было начало, зародышъ той эпохи,—увы!—долголѣтней и смутной, которая столько горя принесла Россіи наравнѣ со столькими благими намѣреніями...

Началась совсѣмъ новая политическая жизнь... Забытъ былъ Николай I, забыты были святыя страды Севастополя, все принялось жить и сосредоточивалось около чего-то новаго.

Это новое, смѣшно вспомнить, былъ Герценъ...

Явился новый страхъ—Герценъ; явилась новая служебная совѣсть — Герценъ; явился новый идолъ—Герценъ....

Теперь, столько лѣтъ проживши, видишь совершенно ясно, какъ легкомысленно, какъ ребячески, или, попросту говоря, какъ глупо отнеслось тогдашнее общество къ той задачѣ перерожденія, которую оно представляло себѣ, какъ неизбѣжное призваніе новаго царствованія, какъ результатъ окончившейся Николаевской эпохи. Серьезно говоря, я и

доселѣ ничего не узналъ, проживши 40 лѣтъ, такого, что меня убѣдило бы въ томъ, что царствованіе великаго Николая требовало послѣ его кончины какого то позорнаго во имя прогресса забвенія; напротивъ, яснѣе, чѣмъ когда-либо, я понялъ, что всѣ завѣты и преданія этого царствованія надо было для счастья Россіи всѣ до единаго свято сберечь, какъ здоровыя и крѣпкія основы русскаго государства, и заняться только переформированіемъ обвѣтшалыхъ учрежденій и крестьянскимъ вопросомъ; вслѣдствіе этого, казалось бы, совершенно естественнымъ, что крупные государственные умы того времени,—а ихъ было не мало въ 1856 году, соединясь около молодого Государя, сообща съ нимъ разработали бы планъ необходимыхъ реформъ въ ихъ разумной постепенности...

Но именно этого-то не случилось. Ничего никѣмъ не было разрабатываемо, съ мыслью начать дѣло по плану и въ порядкѣ. И оттого-то—все сосредоточилось въ Герценѣ...

А Герценъ съ своимъ вліяніемъ являлся выразителемъ самымъ циничнымъ того характера случайности, который должны были принять задачи, такъ-называемаго перерожденія.

Герценъ основалъ эпоху обличенія...

Это обличеніе стало болѣзнью времени, и оно-то испортило нравственно и духовно ту среду, изъ которой должна была исходить серьезная и строго провѣренная реформаторская дѣятельность. А такъ какъ въ основу Герценскаго обличія легла его мелочная, личная, а потому антипатріотическая ненависть къ Николаю I, то этимъ и объясняется, почему эпоха Герценскаго террора соединилась съ эпохою безсмысленнаго развѣнчиванія великой нравственной фигуры Николая I.

По странной случайности наше училище въ послѣдній

годъ моего пребыванія, 1856—1857 года, совсѣмъ игнорировало Герцена: я не помню, чтобы гдѣ-либо его читали, или чтобы мы о немъ говорили. Нашъ обиходъ не измѣнился, и хотя, какъ воспитанники 1-го класса, мы чувствовали себя вольнѣе остальныхъ классовъ и до извѣстной степени авторитетами для всѣхъ 6 классовъ, но я не помню, чтобы въ чемъ-либо относительно дисциплины мы измѣнили свои міровоззрѣнія...

Но едва мы выходили изъ училища, то начинали слышать разговоры о Герценѣ; въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ того момента, Герцена брошюры читались, сваливаясь съ неба, и я помню, при встрѣчѣ съ юнкерами-сверстниками разговоры о томъ, что у нихъ классы дѣлятся на герценистовъ и антигерценистовъ. Дѣйствіе герценовскихъ проповѣдей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и спеціальныхъ не замедлило проявиться; явился новый въ нихъ духъ, либеральный и современный, заключавшійся въ открещиваніи отъ николаевщины, въ порицаніи его *военщины*, въ критикованіи его *дисциплины*... Года два спустя, припоминая эти явленія, я понялъ, почему этотъ либерализмъ въ высшихъ спеціальныхъ военныхъ школахъ не получалъ должнаго отпора въ начальствѣ. Во главѣ военно-учебныхъ заведеній стоялъ человѣкъ, котораго очень незаслуженно связь съ крестьянскимъ дѣломъ возвеличила въ лѣтописяхъ той эпохи, это знаменитый Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, ставшій потомъ графомъ. У него, какъ оказалось, николаевскаго было только обложка, убѣжденій и нравственной стойкости у него вовсе не было, а потому, одинъ изъ первыхъ николаевскихъ слугъ, который устыдился своего Монарха и благодѣтеля и поступилъ съ нимъ какъ Петръ со Христомъ во дворѣ Каіафы, былъ Ростовцевъ; едва появился Герценъ, едва заговорили

о новыхъ вѣяніяхъ, Ростовцевъ оказался однимъ изъ главныхъ его поклонниковъ, и это-то опасеніе прослыть отсталымъ, прослыть на страницахъ герценскихъ обличеній *николаевцемъ*, и было причиною, почему не было принято никакихъ серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобы будущій инженеръ или артиллеристъ-офицеръ не могъ въ стѣнахъ училища заниматься русскою литературою по Герцену.

Помню я, какъ одинъ почтенный другъ нашей семьи, старый служака николаевскихъ временъ, разсказывалъ съ меланхоличнымъ юморомъ, какъ *теперь* у нихъ во всѣхъ министерствахъ забили тревогу; вездѣ явились корреспонденты Герцена изъ министерства; то были и столоначальники, и начальники отдѣленій, вслѣдствіе этого всѣ начальства до министра включительно—съ одной стороны трепетно и злобно доискивались: кто ихъ Іуда, а съ другой стороны—жили въ нервномъ страхѣ Герцена, ибо знали, что Герценъ имѣетъ читателей въ Зимнемъ дворцѣ.

О томъ, какъ велика была сила этого легкомысленнаго, этого глупаго страха герценовскихъ обличеній, свидѣтельствовалъ всего краснорѣчивѣе тотъ фактъ, о которомъ, именно тогда говорили,—что никто и помыслить не смѣлъ принять мѣры къ прекращенію этой дѣятельности Герцена, бравшаго свою силу не въ Лондонѣ, гдѣ онъ жилъ, а въ Россіи, въ тѣхъ департаментахъ и учрежденіяхъ, которые поставляли Герцену обличительный матеріалъ. Тогда говорили, что письма съ сообщеніями писались просто по адресу Герцена въ Лондонъ, или по одному и тому же передаточному адресу, и никто не смѣлъ до этого письма дотрогиваться. Ясно, если бы всѣ письма по адресу Герцена не посылались почтою по назначенію, то Герценъ лишенъ былъ бы главнаго и интереснѣйшаго своего матеріала; стоило бы только двухъ,

трехъ корреспондентовъ-обличителей найти, обличить и прогнать со службы, и сразу пропала бы у каждаго охота рисковать своею шкурою изъ-за удовольствія сотрудничать въ герценовскихъ изданіяхъ. Но, повторяю, никто не смѣлъ помышлять о сопротивленіи Герцену какимъ-либо путемъ и доходило это до того, что право, безъ преувеличенія можно сказать—въ иныхъ сферахъ и кружкахъ Герцена боялись болѣе, чѣмъ правительства.

И достойно вниманія вотъ еще что... Время при Николаѣ I относительно нравовъ служебныхъ было такъ мало сравнительно испорчено, что если сравнить тѣ предметы обличеній, которые громилъ Герценъ, тогдашней дѣятельности съ позднѣйшимъ временемъ, то подчасъ удивляешься, какъ могли такія бездѣлицы казаться обличенными ужасами.

Въ эту зиму 1856—1857 года, по случаю пребыванія моихъ родителей за границей я ходилъ изъ училища въ отпускъ къ моей теткѣ А. К. Карамзиной, вдовѣ убитаго на Дунаѣ А. Н. Карамзина. Жила она въ домѣ сына ея, П. П. Демидова, по Большой Морской. Зима эта и пребываніе въ такомъ жилищѣ роскоши, какъ этотъ Демидовскій домъ, съ его знаменитою малахитовою залою и т. п. былъ для меня съ братомъ важною жизненною школою...

Мы родились и жили въ семьѣ, не имѣвшей понятія о роскоши; теперь я вижу правовѣдовъ, щеголяющихъ въ собственныхъ мундирахъ, чуть ли не съ младшаго класса; я тогда до перваго класса не зналъ, что значитъ собственное платье; до 16 лѣтъ я ходилъ въ нашихъ уродливыхъ казенныхъ сапогахъ; до 17 лѣтъ я получалъ изъ дому на расходы не свыше 6 рублей въ мѣсяцъ, и вотъ, на этомъ то положеніи, и съ этими привычками къ скромной жизненной обстановкѣ, мы съ братомъ начали жить въ Де-

мидовскомъ домѣ. Но не просто жить, а дѣлить жизнь съ молодымъ хозяиномъ дома. Мы были съ Павломъ Демидовымъ почти однихъ лѣтъ, отношенія съ дѣтства у насъ были братскія; онъ тогда былъ студентомъ 2 курса, а я въ послѣднемъ классѣ Училища Правовѣдѣнія, и только *бездѣлица* насъ отдѣляла одного отъ другого: я ходилъ въ Демидовскій домъ, получая въ то время, казавшееся мнѣ огромнымъ, содержаніе изъ дому—25 руб. въ мѣсяцъ, а 17-лѣтній Демидовъ получалъ *сто тысячъ рублей* въ мѣсяцъ на *карманные* расходы!

VIII.

(1857 годъ).

Моя дружба съ П. П. Демидовымъ.—Его личность.—Нравы золотой молодежи.

Я сказалъ, что пребываніе мое въ одной, такъ сказать, комнатѣ съ молодымъ Демидовымъ, при его 1 милл. двѣсти тысячъ годового дохода, оказалось хорошею школою. И дѣйствительно, отчетливо помню, что итогомъ этой странной зимы, мною, какъ сонъ, проведенной въ Демидовскомъ домѣ,—было извѣстнаго рода отвращеніе къ деньгамъ: оно развилось отъ тѣхъ ежедневныхъ картинъ культа денегъ, которыя волею-неволею приходилось видѣть...

При этихъ 100 тысячахъ рублей въ мѣсяцъ жизнь студента Демидова представляла тогда въ высшей степени интересную картину нравовъ того времени... Самая личность молодого Демидова была изъ необыкновенныхъ, и въ связи съ его колоссальнымъ богатствомъ, и съ его поразительною красотою—это былъ тогда своего рода герой нашего времени... Красота его была до того поразительна, что когда онъ гулялъ по Лѣтнему саду, то и дѣло, что приходилось ему слышать возгласы: батюшки, какой красавецъ! или, по-французски: Dieu, qu'il est beau... Отъ этого одного было съ чего вскружить себѣ голову... И если къ этому прибавить его деньги, то одному можно

было удивляться, какъ этотъ молодой человѣкъ могъ выдержать эти первые годы молодости, буквально со всѣхъ сторонъ окруженный и даже опутанный всѣми возможными обольщеніями... Безъ преувеличенія скажу, что не менѣе десяти въ день получалъ молодой Демидовъ объясненій въ любви и зововъ на свиданіе, и не то, что отъ заинтересованныхъ его деньгами, но исключительно по адресу его личности, и не изъ того міра, гдѣ зовъ незнакомаго на свиданіе есть обыденное явленіе, а изъ свѣта, изъ большого даже свѣта, изъ балетнаго міра, изъ міра французскихъ актрисъ и т. д...

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ водоворотѣ обольщеній Демидовъ тогда сравнительно уцѣлѣлъ. Смѣшно сказать, но это такъ: его спасла безалаберная кутежная жизнь въ кружкѣ золотой молодежи, спасла въ томъ смыслѣ, что не давала ему тогда ни времени заводить опасные романы, ни поддаваться самообожанію... Съ утра до вечера въ веселой обстановкѣ компаніи элегантныхъ юнкеровъ онъ о себѣ совсѣмъ не думалъ; въ немъ не успѣли развиться ни фатовство, ни самомнѣніе; il se laissait vivre,—какъ говорятъ французы, и послѣ веселой попойки возвращался усталый домой и спалъ...

Я сказалъ, что онъ былъ изъ необыкновенныхъ личностей. И дѣйствительно, давши ему необыкновенную красоту, давши ему необыкновенное богатство, судьба дала ему, кромѣ того, очень способный и тонкій умъ и въ придачу прекрасное сердце... Со всѣми этими дарами судьбы можно было бы, при хорошихъ условіяхъ воспитанія и при хорошемъ на него вліяніи въ ранней молодости, сдѣлать изъ него выдающагося, прекраснаго и способнаго человѣка, но мой дядя, Карамзинъ, мужъ его матери, который одинъ могъ бы вести его воспитаніе,

былъ убитъ, въ 1855 году, и бѣдный отрокъ остался безъ всякаго мужского руководительства на 15-лѣтнемъ возрастѣ, и если онъ, предоставленный самому себѣ, сумѣлъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: добрымъ и привѣтливымъ, умнымъ и воспріимчивымъ, пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ, хорошимъ товарищемъ и даже учащимся студентомъ—онъ блестяще, съ помощью своихъ репетиторовъ и благодаря своимъ способностямъ, выдерживалъ экзамены,—то всѣмъ этимъ онъ обязанъ былъ только самому себѣ... Страшно подумать, чѣмъ онъ могъ сдѣлаться бы въ 18 лѣтъ, при необыкновенныхъ условіяхъ его жизни...

Его научили, разумѣется, играть въ карты; приходили къ нему играть *друзья*, разсчитывавшіе на его горячій, увлекающійся темпераментъ и на его оттѣнокъ своего рода рыцарства или деликатности, побуждавшей давать отыгрываться проигравшимъ ему круглыя суммы... Приходила играть молодежь безъ денегъ въ карманѣ; выигравши брали сотни и тысячи рублей съ Демидова,—проигравши, записывали на мелокъ или отыгрывались, при полномъ равнодушіи къ проигрышу и къ выигрышу молодого милліонера... Обыгрывали его въ билліардъ, подсовывали ему 5 и 10-тысячныхъ рысаковъ, подсовывали мнимые Корреджо и Рафаэли, словомъ, кто только могъ, тотъ эксплоатировалъ молодого Демидова. Затѣмъ, веселые обѣды, и паче всего веселые ужины у Бореля... Для Бореля Демидовъ былъ божествомъ. И дѣйствительно, кромѣ счетовъ за ужинъ Демидовъ ему ежегодно платилъ огромныя субсидіи или ренту за битыя заркала и проткнутыя картины... Когда приходили такія минуты буйства, тогда Борель, облизываясь, бѣгалъ около Демидова, и послѣ мамаева побоища, совершеннаго Демидовымъ и

опричниками его въ одной комнатѣ, Борель вводилъ его въ другую комнату, говоря почтительно: monsieur Demidoff, voila une glace, qui n'est pas brisée, и выпрашивая у Демидова чести увидѣть и это уцѣлѣвшее зеркало разбитымъ, причемъ послѣ побитія стеколъ, и при представленіи за нихъ счетовъ, они всегда оказывались венеціанскими...

Чтобы дать понятіе о тогдашнихъ кутежахъ золотой молодежи, припомню такой, напримѣръ, эпизодъ. Собралась веселая компанія у Бореля въ общей залѣ ужинать. Въ этой же залѣ сидитъ и скромно ужинаетъ одинъ штатскій...

Узнавши, что этотъ штатскій помощникъ правителя канцеляріи оберъ-полиціймейстера—вся компанія подходитъ къ нему и самымъ невозмутимымъ образомъ начинаютъ дѣлать саладный соусъ на его головѣ, начиная съ горчицы и кончая уксусомъ. Подчинившійся ватагѣ студентовъ и юнкеровъ, чиновникъ убѣжалъ потомъ домой и принесъ жалобу оберъ-полиціймейстеру. Тогда былъ оберъ-полиціймейстеромъ графъ П. А. Шуваловъ... Онъ послалъ за главными кутилами и объявилъ имъ, что если они не желаютъ, чтобы онъ довелъ о случившемся до Государя и до военнаго начальства, то требуетъ, чтобы они всѣ поѣхали къ обиженному чиновнику и попросили у него извиненія, что они и исполнили—и вовсе не изъ трусости, спѣшу прибавить,—ибо никто изъ этой молодежи своею шкурою не дорожилъ, а исключительно изъ порядочности, которая въ трезвомъ состояніи возвращалась въ каждомъ изъ нихъ въ свои права...

Какъ бы то ни было, но въ эту зиму я собственными глазами убѣдился, что можно безъ остатка издержать сто тысячъ рублей въ мѣсяцъ *карманныхъ денегъ* 17-ти лѣтъ,

не сдѣлавши при этомъ ничего *необыкновеннаго*, и не проигравши ни разу болѣе 3 или 4 тысячъ рублей... При чемъ долженъ сказать, что каждое обращеніе къ прекрасному сердцу молодого Демидова, или просто, когда онъ узналъ о чьей-либо нуждѣ, или когда онъ признавалъ себя обязаннымъ кого-нибудь вознаградить за выкинутую штуку или причиненную обиду, вызывало съ его стороны денежное даяніе всегда en grand.

Подъ вліяніемъ денегъ, я совершилъ первый грѣхъ перомъ, какъ разъ въ эту зиму написавши драму, на тему чиновника, послѣ долгой борьбы съ искушеніями взявшаго взятку и, прочитавъ ее въ кружкѣ Демидова, его и моихъ товарищей, вынесъ убѣжденіе, что далеко кулику до Петрова дня, и на этомъ надолго прекратилъ свои литературныя попытки, хотя нашъ профессоръ русской словесности, Н. А. Вышнеградскій, братъ И. А., чудесно преподававшій намъ курсъ русской литературы, громко говорилъ въ классѣ, что во мнѣ чуется внукъ Карамзина.

Не болѣе удачны были мои опыты сценическаго искусства, тоже въ домѣ Демидова. Демидовъ имѣлъ вкусъ къ театру. Въ то время образовался цѣлый кружокъ любителей драматическаго искусства, подъ названіемъ «Фаланстеръ», въ которомъ участвовали: изъ театра Самойлова, знаменитый Теодоръ Бурдинъ, а изъ музыкантовъ Леви, Тамберликъ, затѣмъ любители, какъ графъ Фредра, князь Долгорукій; участвовалъ и Демидовъ... Отсюда къ домашнему спектаклю былъ одинъ шагъ, и вдругъ въ одинъ прекрасный день устраивается въ залѣ сцена; Самойловъ беретъ на себя режиссерство, и назначаетъ спектакль; сперва идетъ на французскомъ языкѣ драма «Elle est folle», которую ставилъ Дешанъ, прелестный актеръ фран-

цузскаго театра, и гдѣ, въ главной роли сумасшедшаго, выступилъ Демидовъ, а потомъ «Свадьба Кречинскаго», гдѣ тотъ же Демидовъ игралъ роль Кречинскаго. И на эти спектакли мать Демидова зоветъ весь Петербургъ, со дворомъ во главѣ; въ первомъ ряду сидѣли Государь, Императрица, всѣ трое Великіе Князья, Великая Княгиня Марія Николаевна, а затѣмъ весь бомондъ... Смѣлость Демидова дебютировать на сценѣ при такихъ зрителяхъ увѣнчалась успѣхомъ: онъ проявилъ талантъ, но я, грѣшный, игравшій вторую роль во французской пьесѣ доктора Еллакъ, почувствовалъ, что ничего не проявилъ, кромѣ негодности...

IX.

(1857 годъ).

Заключительныя впечатлѣнія передъ выпускомъ.—Нашъ классъ и наше товарищество. — Репетиціи. — Экзамены. — Нашъ Принцъ. — Первые дни свободы.

Въ 1857 году намъ предстояло окончить курсъ и выйти на службу въ числѣ 26 человѣкъ.

Очень ясно и живо помню это время... Въ младшемъ курсѣ при серебряныхъ петлицахъ мы вели счетъ днямъ до перехода на старшій курсъ; то былъ счетъ 4-лѣтній; на старшемъ курсѣ мы стали записывать дни и вести имъ счетъ до выпуска, то есть трехлѣтній...

Скоро сталъ наступать и этотъ давно желанный день. Для меня онъ имѣлъ значеніе выхода изъ 10-лѣтняго заключенія, ибо я пробылъ 3 года въ приготовительныхъ классахъ, куда поступилъ 8 лѣтъ. Значитъ, выходилъ я на службу и въ жизнь 18 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ отъ роду.

Съ чѣмъ же я выходилъ, съ какимъ запасомъ духовнаго матеріала? Интересно сіе припомнить... Я говорю о духовномъ запасѣ, потому что въ физическомъ и матеріальномъ отношеніи, надо отдать справедливость нашей alma mater, запаса намъ давали мало: очень плохо насъ кормили для составленія запасныхъ суммъ, очень плохо вели гигіеническую часть, совсѣмъ не заботились о нашемъ физическомъ развитіи, очень плохо соблюдали главныя

условія чистаго воздуха и т. д. Духовный запасъ, надо сказать правду, былъ лучше...

Главнѣйшимъ по цѣнности запасомъ былъ нашъ личный составъ товарищей класса. Каждый изъ насъ подходилъ къ выпуску съ чувствомъ, что онъ прожилъ свои впечатлительные и воспріимчивые годы юности въ здоровой нравственно и честной духовной средѣ...

Огромное большинство нашего класса были не только, какъ принято говорить, добрые и честные малые,—нѣтъ, это были хорошіе люди, это были честные люди въ серьезномъ значеніи этого слова. Отчасти, думалъ я потомъ, этотъ хорошій составъ класса могъ объясняться тѣмъ, что между нами не было воспитанниковъ разныхъ положеній. Прежде всего, между нами богатыхъ не было; всѣ мы были дѣтьми родителей съ ограниченными средствами и, слѣдовательно, не знали различія положенія по карману. Это равенство весьма много способствуетъ гладкимъ и искренне товарищескимъ отношеніямъ между всѣми.

Я помню одинъ эпизодъ, охарактеризовавшій единство и товарищество нашего класса, по моему, очень выразительно. Это было еще въ младшемъ курсѣ. Кто то изъ товарищей, по выходѣ воспитателя изъ физическаго кабинета, заперъ на ключъ за нимъ дверь. Воспитатель пришелъ въ ярость и потребовалъ, чтобы мы назвали ему, кто затворилъ дверь; мы отказались назвать; онъ пошелъ къ Языкову, и это какъ разъ было за день до отпуска на пасхальные праздники. Языковъ изрекаетъ грозный приговоръ: оставить весь классъ безъ отпуска до тѣхъ поръ, пока не назовутъ виновнаго. Мы рѣшили молчать, и со Страстной среды началось наше заточеніе въ училищѣ, съ перспективою просидѣть въ заперти всѣ праздники. Надо полагать, что экономическія соображенія эко-

нома передъ необходимостью кормить цѣлый классъ взяли верхъ надъ педагогическими соображеніями наказанія, и въ Страстную пятницу насъ отпустили домой, не истребовавъ имени виновнаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ доказываетъ именно то, что я говорилъ: нравственный духъ хорошаго и честнаго товарищества.

Затѣмъ, такой фактъ, какъ тотъ, который я привелъ насчетъ покойнаго Христіановича, который, чтобы облегчить положеніе товарища, желавшаго быть первымъ, не менѣе краснорѣчиво показываетъ, какой именно честный духъ товарищества у насъ господствовалъ.

На репетиціяхъ и экзаменахъ я держался для приготовленія самой по моему лучшей въ практическомъ отношеніи системы: я подбиралъ двухъ, трехъ изъ тѣхъ моихъ товарищей, которые своихъ записокъ не имѣли, и очень мало интересовались вопросомъ: какого класса они выйдутъ, и толковалъ имъ курсъ; ничего такъ не облегчаетъ усвоенія себѣ предмета, какъ именно этотъ способъ; для меня онъ замѣнялъ лишнее чтеніе курса, а для моихъ слушателей онъ служилъ практическимъ способомъ наскоро заполучить свѣдѣнія на семерку или восьмерку.

Первая разлука наступила въ мартѣ, когда насъ, воспитанниковъ I класса, по обычаю, распустили по домамъ готовиться къ экзаменамъ... Это было лучшее время нашей жизни: товарищи расположились по маленькимъ квартиркамъ, похожимъ на студенческія, и мы тамъ сходились для скромныхъ чаепитій, съ колбасою и сыромъ, и для *зубрежа вмѣстѣ*... Зубрежъ въ компаніи несравненно легче и веселѣе, и ежедневно вставшее солнце застигало насъ еще сидящими за тетрадями. Какъ вчера помню одинъ эпизодъ со мною, доказавшій лишній разъ

весь вредъ и всю очевидную тщету экзаменовъ... Часамъ къ 6 утра я кончилъ готовиться къ курсу; наканунѣ я тоже спалъ часа два; закончивъ зубрежъ, я умылся и прямо приступилъ къ утреннему чаю, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ идти къ 9 часамъ на экзаменъ. Прихожу на экзаменъ; сижу и чувствую, что въ головѣ что-то не ладно: мысли начинаютъ безсвязно смѣшиваться, какое-то круженіе чего-то въ головѣ съ ощущеніемъ, какъ-будто это что-то кружится въ пустотѣ; меня вызываютъ къ столу съ зеленымъ сукномъ, я машинально беру билетъ, подхожу къ стулу, сажусь, смотрю въ билетъ и вдругъ— о, ужасъ!— чувствую, что я не только ничего не знаю, но что я даже припомнить ничего не могу: словно вся наука разомъ вылетѣла изъ головы... Тогда, блѣдный какъ полотно, я подхожу къ экзаменатору и говорю ему, что долженъ отказаться отъ экзамена: я совсѣмъ не владѣю головою... Это былъ осязательный признакъ остраго переутомленія. Мнѣ разрѣшили уйти; я вернулся домой, заснулъ, проспалъ часовъ шесть, и къ вечеру вернулъ себѣ вмѣстѣ съ памятью и забытую науку; помню, что, по какому-то странному дѣйствію этого мозгового явленія, усвоеніе забытаго курса стало еще полнѣе и яснѣе, чѣмъ до эпизода, и я почти безъ перечитыванія могъ отвѣчать на особомъ экзаменѣ, мнѣ данномъ, и получить 12 балловъ.

Какъ я сказалъ, намъ приходилось держать 16 выпускныхъ экзаменовъ. 16 экзаменовъ въ промежуткѣ времени немного болѣе мѣсяца! Это легко сказать, а если вникнуть въ сущность дѣла и разобраться въ немъ, умъ въ 18—19 лѣтъ былъ въ состояніи выдержать серьезно 16 экзаменовъ изъ разныхъ юридическихъ наукъ; ясно, что это не были экзамены, это были только упражненія памяти, какъ ясно было и то, что еслибы этихъ экзаме-

новъ не было, мы бы прочнѣе усвоили себѣ тѣ науки, по которымъ въ заключеніе курса надо было сдавать черезъ три дня заученные фоліанты... Переутомленіе памяти, и все что она выигрывала, все это пропорціонально проигрывало знаніе.

Изъ веселыхъ минутъ припоминаю примѣриваніе штатскаго платья. Фракъ и сюртукъ я получилъ разрѣшеніе заказать у толстаго и веселаго, тогда самаго моднаго портного, старика Шармера; помню, что онъ бралъ тогда за каждую пару 50 рублей. Наступилъ, наконецъ, и послѣдній экзаменъ, послѣ котораго предстояло отправиться въ баню и облечься въ штатское платье. Мы прощались съ училищемъ, надо сказать правду, безъ слезъ, но и не со злыми чувствами. Языковъ остался въ нашей памяти какимъ-то типомъ взбалмошнаго человѣка, и если съ кѣмъ-либо мы сердечно простились, такъ это съ нашимъ класснымъ воспитателемъ Евгеніемъ Федоровичемъ Герцогомъ. Это былъ сердечный, хорошій и честный человѣкъ, котораго мы не только любили, но и уважали; затѣмъ, такой профессоръ, какъ старикъ Шнейдеръ, типъ художественный, влюбленный въ свое Римское право, чудный человѣкъ, и вотъ и все... Всѣ остальные типы и лица сливались для насъ въ одну массу, довольно безцвѣтную, какъ лицъ, ничего не запечатлѣвшихъ въ наши молодыя души.

Счастливые и веселые мы отправились, разумѣется, гулять въ Лѣтній садъ, съ убѣжденіемъ или вѣрнѣе съ ощущеніемъ, что всѣ гуляющіе будутъ любоваться нашими щегольскими штатскими одѣяніями. На душѣ было легко и весело. За мѣсяцъ до выпуска насъ распредѣлили, по нашему желанію, по разнымъ отдѣламъ службы въ министерствѣ юстиціи. Я попалъ во 2 отдѣленіе 5 департамента

сената... У Donon состоялся традиціонный послѣ выпуска обѣдъ. Мы обѣдали съ нашимъ эксъ-начальствомъ. На мою долю въ заключеніе веселаго обѣда выпало развозить черезчуръ послужившихъ Бахусу по домамъ. 11 мая былъ актъ и принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій намъ далъ по золотой медалькѣ съ своимъ завѣтомъ: «respice finem».

Прежде чѣмъ кончить отдѣлъ моихъ училищныхъ воспоминаній, я хочу вспомнить долгъ благодарной памяти къ человѣку, который былъ для насъ, правовѣдовъ, въ теченіе всей нашей воспитательной эпохи — олицетвореніемъ совсѣмъ особенной доброты, совсѣмъ особенной любви къ добру, правдѣ и чести, и запечатлѣлъ свой свѣтлый простодушный образъ въ сердцѣ каждаго изъ насъ не только какъ воспоминаніе, но и какъ завѣтъ.

Человѣкъ этотъ былъ нашъ *Принцъ*; этимъ краткимъ титуломъ мы всѣ отъ мала до велика величали въ стѣнахъ училища правовѣдѣнія—Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Раздавая намъ, при прощаніи съ училищемъ, золотыя медальки съ надписью: respice finem, Принцъ нашъ заповѣдывалъ намъ всегда взирать на конецъ дѣла.

Но скромный и смиренный нашъ Принцъ никогда не подозрѣвалъ, что Онъ для насъ своею личностью былъ прекраснымъ *началомъ* нашей воспитательной школы, началомъ, слѣдовательно, нашей всей послѣдующей и отвѣтственной жизни труда и дѣла, жизни человѣка, гражданина и вѣрноподданнаго.

У Принца Петра Георгіевича была чудная мать, великая княгиня Екатерина Павловна. Ея душу, любящую и честную, отзывчивую и довѣрчивую, унаслѣдовалъ сынъ ея Принцъ Петръ Георгіевичъ во всей ея полнотѣ, и эту-то душу, прекрасную, высокую и честную, какъ у мла-

денца, онъ отдалъ, можно сказать, намъ, правовѣдамъ; въ нашу alma mater онъ вложилъ эту душу, и мы этимъ гордились, считая себя дѣтьми и семьею нашего Принца. У Принца было подъ начальствомъ много воспитательныхъ заведеній, и мужскихъ, и женскихъ, но правовѣды были его «веніаминами», были его собственными дѣтьми. Принцъ вѣдь создалъ наше училище... Намъ передавали, какъ преданіе въ училищѣ, что въ 30-хъ годахъ Принцъ Петръ Георгіевичъ, преисполненный заботою дать судебному вѣдомству въ Россіи честныхъ и хорошихъ слугъ Престола, долго разрабатывалъ и лелѣялъ эту мечту въ душѣ, а затѣмъ пришелъ къ Императору Николаю просить права ее осуществить. Императоръ Николай его благословилъ на это дѣло, а затѣмъ, когда возникъ вопросъ: на какія же средства будетъ поведено дѣло, Принцъ сообщилъ, что домъ онъ покупаетъ на свои деньги и устраиваетъ его. При этомъ, будто бы, Императоръ Николай сказалъ Принцу: «ну, смотри, ты мнѣ за твоихъ правовѣдовъ будешь отвѣчать». Этотъ нравственный долгъ отвѣта за насъ Принцъ нашъ и принялъ предъ своимъ Государемъ съ особеннымъ фанатическимъ, такъ сказать, убѣжденіемъ, что русское дворянство, которое призвано было давать главный контингентъ будущихъ питомцевъ училища правовѣдѣнія, дастъ хорошихъ и доблестныхъ слугъ Престолу. И Принцъ насъ не иначе называлъ, какъ *своими* правовѣдами, а мы Принца иначе не называли, какъ «нашимъ» принцемъ... Этимъ «нашимъ» Принцемъ онъ всегда былъ и для маленькихъ крошекъ и для выпускныхъ «голіафовъ». Полюбленный нами съ дѣтскаго возраста, онъ для насъ имѣлъ прелесть и обаяніе легендарнаго, такъ сказать, волшебнаго принца, принца—добраго генія и, затѣмъ, серьезное, реальное значеніе нашего главнаго начальника и попечителя.

Уже на старшихъ курсахъ училища мы поняли благодаря Принцу,—а жизнь послѣдующая еще прочнѣе въ насъ утвердила ту же мысль, — что умъ не диво и не главное, а что главное — это сердце. Съ умомъ сколько глупостей дѣлаетъ человѣкъ, а съ такимъ сердцемъ, какое билось у нашего Принца, что представляла его жизнь, какъ не рядъ свѣтлыхъ и полезныхъ для Россіи дѣлъ и лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ этимъ сердцемъ столько вдохновилъ людей къ добру и къ чести, а говорить онъ былъ не мастеръ, и политикою и мудрствованіями не занимался. Мы знали изъ пережитого, что были Великіе Князья съ видными политическими ролями, но кто же изъ членовъ Императорской Фамиліи сдѣлалъ то, что Принцъ сдѣлалъ: изъ заботы, чтобы судьи въ Россіи стали честны, пожертвовать часть своего состоянія на созданіе цѣлаго громаднаго училища правовѣдѣнія!..

Рядомъ съ этимъ неистощимымъ для добра сердцемъ необыкновенна была и его скромность. Онъ себѣ ничего никогда не ставилъ въ заслугу, ничего въ себѣ не цѣнилъ: съ утра до вечера отдавая всего себя на исполненіе обязанностей, онъ не зналъ ни отдыха, ни самодовольства. У правовѣдовъ въ наше время имѣлись двѣ легенды: одна о созданіи училища, а другая о спасеніи училища правовѣдѣнія.

Вторая легенда гласила, что когда въ 1848 году стали проявляться въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки политическаго свойства, и что-то случилось тоже въ училищѣ правовѣдѣнія, Императоръ Николай разсердился и хотѣлъ закрыть наше училище, но будто Принцъ нашъ поѣхалъ къ Государю и на колѣняхъ и со слезами умолялъ Его простить училищу и ему, и что Императоръ, тронутый до глубины сердца горемъ Принца,

пощадилъ его дѣтище, хотя, какъ я выше писалъ, держалъ училище въ своей опалѣ и до 1853 года его не посѣщалъ. Явился Языковъ. Мы часто задавались вопросомъ: какъ такой взбалмошный человѣкъ могъ пріобрѣсти довѣріе нашего Принца? Но потомъ мы поняли причину этого довѣрія. Принцъ такъ былъ счастливъ пріѣздомъ Императора Николая въ училище правовѣдѣнія, и тѣмъ «спасибо», которое онъ высказалъ Языкову, что всю заслугу возвращенія училища къ порядку и къ милости Царской онъ приписалъ къ Языкову. И это чувство его связало съ Языковымъ надолго. А у насъ воззрѣнія были другія. Мы понимали, что и здѣсь опять-таки имѣли дѣло съ проявленіемъ необыкновенной скромности и смиренія нашего Принца. А понимали мы это потому, что между нами никто не придавалъ Языкову значенія спасителя училища, а всѣ вѣрили, что когда въ училище пришла въ среду воспитанниковъ легенда о томъ, какъ Принцъ выпросилъ у Государя прощеніе училищу и взялъ на себя ручательство за его, такъ сказать, возрожденіе, то въ воспитанникахъ тогда, изъ любви и изъ уваженія къ своему Принцу, родилась и упрочилась подъ вліяніемъ чувства чести рѣшимость не огорчать Принца, а напротивъ, радовать его и постоять за него хорошимъ поведеніемъ у Государя. А Принцу и въ голову не приходило, что онъ былъ любовью, къ себѣ внушенною, единственный виновникъ снятія съ училища Царской опалы и все приписывалъ заслугамъ Языкова.

Скромность и смиреніе этого чуднаго старца принимали въ нашемъ дорогомъ Принцѣ самыя разнообразныя проявленія. Напримѣръ, онъ какъ будто извинялся, когда дѣлалъ кому-либо доброе дѣло. Глубоко я запомнилъ, какъ въ 1854 году онъ обошелся съ однимъ изъ моихъ това-

рищей. По домашнимъ обстоятельствамъ воспитанникъ этотъ долженъ былъ выйти изъ училища изъ-за бѣдности своихъ родителей, и поступилъ, надѣвъ солдатскую шинель, въ ряды севастопольцевъ. Принцъ его позвалъ къ себѣ, принялъ, какъ сына родного, обласкалъ, расцѣловалъ, благословилъ и отпустилъ, и едва тотъ вышелъ изъ кабинета Принца, какъ Принцъ за нимъ бѣжитъ и, догоняя его, начинаетъ извиняться и просить его принять отъ него, какъ *личное одолженіе*, маленькій пакетъ.

Въ этомъ пакетѣ оказалась значительная сумма денегъ. И въ извиненіе Принцъ сказалъ эти чудныя слова: я какъ отецъ, какъ отецъ, даю сыну...

Запомнилъ я другое проявленіе смиренія въ нашемъ Принцѣ. Одинъ изъ классовъ нашихъ составилъ заговоръ противъ нашего законоучителя, грознаго протоіерея Богословскаго. По обычаю, всѣ воспитанники должны были передъ началомъ и послѣ лекціи подходить къ законоучителю и цѣловать ему руку, получая благословеніе. Классъ постановилъ, въ отместку Богословскому за его дурные баллы, къ нему не подходить. Тогда Богословскій вышелъ изъ класса и сказалъ: отнынѣ моя нога въ этомъ классѣ не будетъ. Событіе огромнаго размѣра: цѣлый классъ подвергнутъ анаѳемѣ. Воспитатель летитъ къ Языкову; Языковъ летитъ къ Принцу. Что же дѣлаетъ Принцъ? Онъ пріѣзжаетъ въ училище, собираетъ отлученный классъ говоритъ имъ отъ сердца: не хорошо, не почтительно, и затѣмъ приказываетъ классу идти за нимъ. Принцъ приходитъ къ священнику на квартиру. Богословскій выходитъ къ Принцу. Принцъ говоритъ ему: я привелъ къ вамъ блудныхъ дѣтей, я за нихъ извиняюсь передъ вами и прошу ихъ простить, а затѣмъ первый подходитъ къ священнику, цѣлуетъ ему руку и принимаетъ благосло-

веніе. Нужно ли говорить, что черезъ весь классъ прошелъ, какъ электрическій токъ, порывъ благоговѣйной любви къ Принцу, и каждый почтительно сталъ подходить къ священнику, и каждый отдѣльно громко и убѣжденно произносилъ слова: простите меня, батюшка.

Да, въ любви, въ простотѣ и въ смиреніи была его нравственная для насъ, его дѣтей, нашего отца и попечителя Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, сила. Быть честнымъ, быть вѣрнымъ слугою Царя и Россіи, быть добрымъ и любить человѣка мы, правовѣды, научились у нашего Принца... И дорогъ онъ намъ, какъ чудный и вѣчный идеалъ правовѣда!

X.

(1857 годъ).

Выходъ изъ училища на службу. — Характеристика нашихъ знаній и личностей. — Первыя служебныя впечатлѣнія. — Наше служебное начальство: графъ В. Н. Панинъ, Мих. Ив. Топильскій, Ильичевскій. — Петербургское высшее общество. — Центры придворные.

Вступили мы на государственную службу.

Припоминая это начало службы, не скажу, чтобы она оказалась въ какомъ-нибудь отношеніи пріятною.

Не скажу, чтобы мы вышли изъ училища хорошо образованными и съ прочными познаніями; года два спустя послѣ выпуска, когда сношенія съ людьми и большее вниманіе къ политической жизни меня побудили къ извѣстной провѣркѣ степени своего образованія, я долженъ былъ себя сознать очень необразованнымъ, и принялся за новый курсъ самообразованія посредствомъ чтенія. Въ особенности хромали мы, если можно такъ выразиться, общественнымъ образованіемъ... Напримѣръ иностранное государственное право намъ совсѣмъ было незнакомо, въ исторіи политической мы были до нельзя слабы, исторія цивилизаціи намъ была совсѣмъ незнакома и т. д.

Но если запасы свѣдѣній были въ насъ плохи, нельзя

сказать то же про запасъ жизненности и благихъ намѣреній... Мы, несомнѣнно, вышли изъ училища живыми и чувствовали въ себѣ не только жажду къ дѣятельности, но и стремленіе къ борьбѣ, мы рвались, такъ сказать, къ такой дѣятельности, гдѣ бы и голова и душа работали...

Но этого то именно намъ не дала наша служба. Мы сразу очутились въ какой то физической и нравственной сушѣ и духотѣ, подъ непосредственнымъ начальствомъ людей самаго настоящаго чиновничьяго типа. Въ моемъ отдѣленіи 5-го департамента сената такими именно безусловно чиновниками-людьми оказались и секретарь, и оберъ-секретарь, а что есть разница между живыми и мертвыми людьми на службѣ, я это сразу понялъ, ибо во главѣ моего начальства стоялъ оберъ-прокуроръ Гольтгоеръ, который производилъ впечатлѣніе не только почтеннаго и симпатичнаго, но именно живого... Впрочемъ, мѣсто исправляющаго должность младшаго помощника секретаря, съ 18 рублями въ мѣсяцъ, было до того іерархически ничтожно, что я могъ только сквозь многія призмы относиться къ такому высокому начальнику, какъ оберъ-прокурору, и цѣнить разницу между его личностью и личностью моихъ прямыхъ начальниковъ.

Такимъ образомъ, сразу, при поступленіи въ канцелярію сената, явился вопросъ: неужели для этой работы нужно высшее юридическое образованіе, когда не получившіе никакого образованія въ этой же канцеляріи играли роль докъ и представляли изъ себя своего рода дѣлопроизводственный авторитетъ... Скука отъ мертвечины — вотъ было главное впечатлѣніе, съ которымъ, вѣроятно, мы всѣ начали свою службу по судебному вѣдомству...

Не солгу, если скажу, что этотъ элементъ скуки и мертвенности былъ тогда присущъ всему судебному вѣдомству... Мои товарищи, поступившіе не въ сенатъ, а въ министерство юстиціи, — испытывали эту скуку еще въ большей степени...

Объяснялась она весьма просто — характеромъ нашего высшаго начальства... Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, напримѣръ, сперва при Бибиковѣ, а потомъ при Ланскомъ была живая дѣятельность; въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ работа кипѣла; вообще, въ эту эпоху, когда очень наглядно и осязательно вездѣ загоралась жизнь новой эпохи, единственное министерство, которое не давало никакихъ проявленій новой жизни, было министерство юстиціи...

Главныя начальствующія лица этого министерства были типы очень интересные, но всѣ они, не смотря на то, что были разные типы, держали министерство юстиціи въ его безжизненной атмосферѣ. Министръ юстиціи былъ знаменитый графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, уже тогда носившій названіе, данное ему Герценомъ, трехполѣнный... Графъ Панинъ былъ совсѣмъ необыкновенный типъ государственнаго человѣка... По недоступности своей онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ полубога, по легендарной о немъ молвѣ онъ былъ какимъ-то миѳологическимъ существомъ, почитаніе котораго исключало всякую возможность даже думать, что онъ имѣетъ что-нибудь общаго съ житейскою стороною служебнаго міра; все служившее въ вѣдомствѣ его пребывало въ сознаніи, что человѣка въ чиновникѣ министерства юстиціи не существуетъ для графа Панина... Можно было думать, что онъ даже дорожилъ тѣмъ, чтобы никто не могъ изъ среды его подчиненныхъ представлять себя относительно

его *не* чиновникомъ, то есть человѣкомъ съ обыденною жизнью; такіе факты, какъ, напримѣръ, резолюція графа Панина на прошеніе чиновника, ходатайствовавшаго объ отпускѣ: ему не нужно, а пусть ѣдетъ въ отпускъ такой-то, никогда и не помышлявшій объ отпускѣ, — именно свидѣтельствовали о томъ, что чиновникъ, какъ человѣкъ съ заявленіями правъ на жизнь внѣслужебную, какъ будто, для графа Виктора Никитича не существовалъ... Оригинальность этого типа тѣмъ болѣе была замѣчательна, что рядомъ съ этимъ графъ Панинъ былъ несомнѣнно самый образованный изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, и внѣ службы былъ самымъ веселымъ и оживленнымъ собесѣдникомъ... Но это «внѣ службы» было меньшею частью дня графа Панина. Въ теченіе большей части дня онъ былъ министромъ юстиціи, и служебный міръ былъ для него какимъ то отдѣльнымъ отъ жизни священнодѣйствіемъ, коего онъ считалъ себя верховнымъ первосвященникомъ. Это рѣзкое отдѣленіе службы отъ жизни такъ было строго соблюдаемо графомъ Панинымъ, что про него говорили тогда, что онъ для разговоровъ съ своими устроилъ у себя въ двери кабинета окно, черезъ которое разговаривалъ съ семьей, чтобы никого изъ непричастныхъ къ служебному кругу недопустить въ свой кабинетъ, какъ храмъ служителей священнодѣйствія. Не лишена была оригинальности, напримѣръ, и ежедневная прогулка графа Панина. Кто въ Петербургѣ въ то время ее не зналъ, эту прогулку. Каждый Божій день по Невскому проспекту, въ пятомъ часу дня, можно было встрѣтить высокаго старика, прямого какъ шестъ, въ пальто, въ цилиндрѣ на небольшой, длинноватой головѣ, съ очками на носу и съ палкою всегда подъ мышкою. Прогулка эта была тѣмъ интерес-

нѣе, что всѣ видѣли графа Панина, но онъ никого никогда не видѣлъ, глядя прямо передъ собой въ пространство: весь міръ для него не существовалъ во время этой прогулки, и когда кто ему кланялся, графъ машинально приподнималъ шляпу, но, не поворачивая и не двигая головою, продолжалъ смотрѣть въ даль передъ собою. Отсюда сталъ ходить въ тѣ времена анекдотъ про знаменитаго комика Жемчужникова, который однажды осмѣлился рѣшиться нарушить однообразіе прогулки графа Панина: видя его приближеніе и зная, что графъ Панинъ смотритъ прямо передъ собою, онъ нагнулся и, притворился, будто что-то ищетъ на тротуарѣ, до того момента, пока графъ Панинъ не дошелъ до него и, не ожидая препятствія, вдругъ былъ остановленъ въ своемъ ходѣ, и, конечно, согнувшись, перекинулся черезъ Жемчужникова, который затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снялъ шляпу и, почтительно извиняясь, сказалъ, что искалъ на панели уроненную булавку...

Не менѣе комиченъ анекдотъ про Жемчужникова, касающійся ежедневныхъ прогулокъ министра финансовъ Вронченко. Онъ гулялъ ежедневно по Дворцовой набережной въ 9 часовъ утра. Жемчужникову пришла фантазія тоже прогуливаться въ это время, и проходя мимо Вронченко, котораго онъ лично не зналъ, онъ останавливался, снималъ шляпу и говорилъ: министръ финансовъ, пружина дѣятельности — и затѣмъ проходилъ далѣе...

Сталъ онъ продѣлывать это каждое утро, до тѣхъ поръ, пока Вронченко не пожаловался оберъ-полиціймейстеру Галахову, и Жемчужникову подъ страхомъ высылки вмѣнено было болѣе его высокопревосходительство министра финансовъ не безпокоить.

Вторымъ типомъ, тоже необыкновеннымъ, въ министерствѣ юстиціи былъ директоръ департамента Михаилъ Ивановичъ Топильскій, маленькаго роста, съ сѣдыми бакенбардами, съ большими очками; онъ изображалъ собою полнѣйшій типъ чиновника древнихъ временъ... Но типичность его заключалась въ томъ, что все въ мірозданіи и все въ вѣдомствѣ министерства юстиціи для него сосредоточивалось въ графѣ Викторѣ Никитичѣ Панинѣ... Внѣ его и безъ него Михаилъ Ивановичъ не жилъ, и обратно безъ Михаила Ивановича графъ Панинъ не понималъ жизни, онъ былъ его конфидентомъ не только по служебнымъ дѣламъ, но и по домашнимъ, хозяйственнымъ дѣламъ, и безъ него, можно было сказать, ничто же бысть, еже бысть въ министерствѣ юстиціи. Топильскій передъ цѣлымъ вѣдомствомъ являлся не разсуждающимъ, а исключительно исполнявшимъ не только волю графа Панина, но и духъ его, и такія резолюціи, какъ тѣ, о которыхъ я говорилъ — предложить другому вмѣсто просившаго уѣхать въ отпускъ, исполнялъ не только безпрекословно и немедля, но онъ говорилъ чиновнику: вы обязаны подать рапортъ и исчезнуть на все время отпуска. У Топильскаго не было ни убѣжденій, ни взглядовъ, ни намѣреній собственныхъ; онъ ждалъ, чтобы имѣть ихъ по вопросамъ, при свиданіи съ графомъ, а до этого отвѣчалъ: какъ графъ рѣшитъ...

Третій типъ министерства юстиціи былъ тогдашній товарищъ министра Илличевскій. Подходя по росту къ своему министру, онъ потому представлялъ изъ себя типъ, что во всемъ вѣдомствѣ сумѣлъ всякому внушить убѣжденіе, что онъ *ничего* въ полномъ смыслѣ этого слова. Про Топильскаго всѣ знали, что онъ думаетъ, какъ графъ Панинъ. Про Илличевскаго всѣ знали, что

онъ *никакъ* не думаетъ, и это до такой степени, что во время болѣзни или отлучки графа Панина, когда его должность въ министерствѣ юстиціи занималъ управляющій министерствомъ юстиціи товарищъ министра, онъ говорилъ: «не знаю», или призывалъ Михаила Ивановича и говорилъ ему: «поступите, какъ приказалъ бы графъ»...

Время, въ которое я началъ свою службу, было самое симпатичное время. Своею симпатичностью оно было кратковременно... Года два, три—не болѣе, послѣ которыхъ люди какъ будто начали становиться злѣе и въ особенности менѣе искренни...

Отличительною чертою тогдашняго Петербурга была его оживленность. Оживленность эта была и общественная, и свѣтская, и отчасти государственная... Въ придворныхъ сферахъ тоже было замѣтно оживленіе... Придворныхъ сферъ тогда было нѣсколько... Прежде всего центромъ оживленія былъ Зимній дворецъ, гдѣ въ зиму 1857—1858 года начались маленькіе вечера у Императрицы Маріи Александровны... Государь Александръ Николаевичъ имѣлъ свою партію въ ералашъ, съ рѣдко мѣнявшимися партнерами. Они были: графъ А. Адлербергъ, Иванъ Матвѣевичъ Толстой, князь Василій Андреевичъ Долгорукій, новый шефъ жандармовъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, оберъ-гофмаршалъ, затѣмъ князь Суворовъ, баронъ Ливенъ, оба генералъ-адъютанты... А рядомъ съ карточнымъ столомъ собирались гости для бесѣды вокругъ Императрицы... Тогда называли изъ стариковъ князя Горчакова, новаго министра иностранныхъ дѣлъ, графовъ Віельгорскихъ, князя Вяземскаго поэта, графа Алексѣя Бобринскаго, пріѣзжавшаго изъ кіевскаго своего имѣнія, графа Киселева, барона Мейендорфа и т. д., изъ молодыхъ—поэта и друга Государя графа Алексѣя Толстого. Впослѣдствіи стали приглашаться и другіе молодые.

Второй придворный центръ оживленія былъ дворъ Великой Княгини Елены Павловны... Вдова Великаго Князя Михаила Павловича уже тогда начала собою изображать историческую роль покровительницы ума, и преимущественно политическаго, хотя въ то же время у ея очага находили отчизну и науки, и искусства. Сложилось преданіе, будто мужъ ея, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, былъ только строгій фронтовикъ и ничего кромѣ военной службы не зналъ, и что по-неволѣ былъ разладъ между имъ и его женою, любившею науки, искусства и политику... Молва эта была невѣрная. Великій Князь Михаилъ Павловичъ подъ личиною строгаго фронтовика скрывалъ много чертъ и прелестей образованнаго и любившаго образованіе человѣка. Его гостиная при Николаѣ не только благодаря женѣ его, но и благодаря ему была средоточіемъ умныхъ, талантливыхъ и образованныхъ людей, посреди которыхъ Великій Князь постоянно принималъ живое участіе въ литературныхъ и политическихъ бесѣдахъ. Не говоря уже о русской литературѣ, которую Онъ зналъ и изучалъ, Онъ много читалъ изъ иностранной литературы, но въ особенности французской. По этому поводу я запомнилъ эпизодъ съ однимъ изъ моихъ дядей, Карамзинымъ, служившимъ при Николаѣ въ конно-гвардейской артиллеріи.

Пріѣзжаетъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ караулъ и застаетъ караульнаго офицера, именно моего дядю, за чтеніемъ французскаго романа... Онъ сразу на него накидывается за чтеніе романовъ въ караулѣ и приговариваетъ его къ аресту... Нѣсколько дней спустя, Великій Князь, послѣ ученія бригады, вызываетъ моего дядю; раздается его голосъ: Карамзинъ! Карамзинъ подходитъ.

— А я хотѣлъ тебѣ сказать, что вышелъ новый французскій романъ у Беллизара (у Полицейскаго моста, гдѣ былъ Мелье), такой то (сказалъ названіе). Интересный, совѣтую прочесть, но только не въ караулѣ.

Дворъ Великой Княгини Елены Павловны по женской части имѣлъ репутацію симпатичную...

Гофмейстериною ея была тогда очень почтенная и милая старушка княжна Львова, фрейлинами при ней были дѣвицы Раденъ и Эйнеръ, изъ которыхъ первая имѣла уже тогда репутацію очень умной женщины... Для того, чтобы гости могли быть plus á leurs aises. какъ тогда говорили, вечера происходили у княжны Львовой; приглашенія посылала она; надѣвъ фракъ съ чернымъ галстухомъ, приглашенные ѣхали только на чашку чая. Туда приходила Великая Княгиня изъ своихъ аппартаментовъ, садилась и бесѣдовала то со всѣми, то съ отдѣльными гостями.

И вотъ на этихъ-то вечерахъ начались первыя бесѣды объ эмансипаціи, и тутъ впервые заговорили о Самаринѣ. о князѣ Черкасскомъ, о Соловьевѣ, а потомъ о Милютинѣ.

Третій придворный центръ былъ Мраморный дворецъ. Тутъ былъ исключительно политическій очагъ новыхъ людей и новыхъ вѣяній... Имя Великаго Князя Константина Николаевича было уже тогда у всѣхъ на языкѣ и произносилось вездѣ съ симпатіями. Тогда говорили о немъ, во-первыхъ, потому, что онъ начиналъ свою роль генералъ-адмирала, а во-вторыхъ, потому, что онъ тогда занимался исканіемъ людей для своего брата Государя... Онъ мечталъ тогда создать цѣлую плеяду молодыхъ государственныхъ людей. И какъ только ему называли способнаго человѣка, онъ немедленно съ нимъ знакомился... Такъ, напримѣръ, приблизительно около того

времени, услыхавъ, что тогдашній предсѣдатель гражданской палаты князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій пользовался прекрасною репутаціею умнаго и высоко честнаго человѣка, онъ немедленно его позвалъ и упросилъ поступить къ себѣ въ морское министерство. Затѣмъ приближены имъ были къ себѣ Борисъ Павловичъ Мансуровъ, тоже изъ вѣдомства юстиціи, и графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, молодой М. Х. Рейтернъ, отправленный заграницу готовиться въ будущіе министры финансовъ и др.

Имѣлъ тогда тоже значеніе Дворъ Великой Княгини Маріи Николаевны, женщины высокаго ума, съ прямымъ характеромъ, и горячо принимавшей къ сердцу всѣ интересы своего брата Монарха. У нея тоже въ то время бывали маленькіе вечера, гдѣ послѣ ералаша подавали ужинъ, и гдѣ за ужиномъ велись оживленныя политическія бесѣды.

Всѣ эти придворные очаги умственной жизни тогда играли свою роль: во-первыхъ, они произносили имена новыхъ людей, и переносили эти имена изъ своихъ кружковъ въ сферы Зимняго Дворца; во-вторыхъ, они болѣе или менѣе разрабатывали матеріалъ для будущихъ государственныхъ вопросовъ и такъ сказать, двигали время.

Были и частные дома съ политическими гостиными... Полною авторитета и интересною политически тогда была гостиная графа Блудова, гдѣ около его дочери, всегда вдохновленной русскими вопросами жизни, графини Антонины Дмитріевны Блудовой, сходились всевозможные умные люди всякихъ положеній и спеціальностей. Здѣсь очень оживленно разрабатывались въ бесѣдѣ политическіе вопросы будущаго. Была гостиная графа Віельгорскаго, гдѣ, впрочемъ, политика была на второмъ планѣ и гдѣ

на первомъ планѣ была музыка. Затѣмъ была небольшая, но привѣтливая и радушная гостиная князя П. А. Вяземскаго, гдѣ главные элементы были литературные... Рядомъ съ нею была гостиная моей матери, наслѣдство Карамзиныхъ, гдѣ ежедневно у самовара собирались для дружеской бесѣды друзья Карамзинской семьи и моихъ родителей, и гдѣ о всякомъ государственномъ вопросѣ велись оживленные, переходившіе часто въ огненные споры, разговоры...

Оживленнымъ тогда былъ и такъ называемый большой свѣтъ. Принимавшихъ домовъ было нѣсколько. Давали балы тогда, и балы роскошные на 250 персонъ, графъ и графиня Панины, княгиня Бѣлосельская, Эммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, жена бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Бибикова, моя тетка, вдова Карамзина, бывшая Демидова... Почти на всѣхъ балахъ бывали Государь и вся царская фамилія...

Въ итогѣ помню, что, начавши мои выѣзды въ свѣтъ въ эту зиму, я выѣзжалъ въ свѣтъ каждый вечеръ: то на какой нибудь вечеръ въ бѣломъ галстухѣ, то въ какой нибудь семейный домъ на вечернюю бесѣду за чашкою чая въ черномъ... Эти послѣдніе вечера были самые пріятные.

Въ 1857 году, въ концѣ, впервые Государь заговорилъ объ улучшеніи крестьянскаго быта, какъ извѣстно, въ рѣчи, обращенной къ нѣкоторымъ предводителямъ. Послѣ этого вопросъ этотъ вошелъ во всѣ гостиныя и кабинеты Петербурга. Читали затѣмъ «Колоколъ» Герцена и толковали о мужичкахъ... Но толки эти были весьма туманны и неопредѣленны и тогда никому въ голову не приходило—вообразить того, что, два года спустя, признавалось за необходимость почти всѣми: освобожденіе кре-

стьянъ съ землею. Герценъ объ этомъ говорилъ, молодые Самарины и Черкасскій объ этомъ говорили, какъ о мечтѣ, но ихъ считали тогда утопистами, и весь міръ тогдашнихъ gros bonnets и самъ Государь далѣе неопредѣленнаго желанія сдѣлать что-нибудь съ крестьянскимъ вопросомъ не шелъ.

Съ Самаринымъ въ эту зиму я встрѣчался, уже какъ взрослый, въ гостиной князя Д. А. Оболенскаго; до того я встрѣчался съ нимъ въ своей семьѣ, гдѣ онъ издавна былъ, какъ родной, но тогда я былъ мальчикъ и ребенокъ и не удостоивался его вниманія. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ умныхъ русскихъ людей: подобнаго ему я никогда послѣ не встрѣчалъ. Съ очень умнымъ открытымъ лицомъ, въ которомъ выразительные полные мысли глаза соединялись съ улыбкою, принимавшею самыя разнообразныя впечатлѣнія, съ прямымъ носомъ, внизу котораго ноздри расширялись всякій разъ, когда онъ говорилъ съ увлеченіемъ или съ жаромъ, Самаринъ производилъ сразу впечатлѣніе на того, кто съ нимъ встрѣчался. Семья его была старинная московская дворянская семья; и отецъ, и мать пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ всей Москвы и странная вещь: любимый этими родителями сынъ, самъ ихъ нѣжно любившій,—Ю. Ф. Самаринъ уже съ студенческой скамьи считался по мыслямъ и по духу революціонеромъ въ своей семьѣ. Это революціонерство заключалось въ томъ, что онъ своимъ очень тонкимъ и сильно ѣдкимъ умомъ пользовался съ самой молодости, чтобы осмѣивать и денигрировать все то, что ему въ людяхъ и въ строѣ жизни не нравилось... Его умъ, прежде всего требовавшій свободы, роднился съ московскими славянофилами только потому, что въ

нихъ было много духовной свободы, но въ то же время всѣмъ своимъ существомъ онъ жилъ гораздо болѣе въ современной политической жизни. Затѣмъ, изъ перваго же свиданія съ Ю. Ф. Самаринымъ тогда я убѣдился, что онъ не любитъ дворянства: почему онъ его не любилъ, я ни тогда, ни послѣ не могъ узнать, ибо самъ онъ давалъ своею, такъ сказать, жизнью всякому право видѣть и признавать въ немъ только дворянина. Потомъ, когда началась горячка работъ по крестьянскому дѣлу, я понялъ, что это враждебное къ дворянству чувство въ Самаринѣ сыграло свою роковую роль въ разработкѣ крестьянскаго вопроса. Роль эта заключалась въ томъ обаяніи и въ томъ вліяніи, какія имѣлъ Самаринъ между дѣятелями по крестьянскому вопросу... Для большинства ихъ Самаринъ былъ съ огромнымъ авторитетомъ учитель, котораго они не только чтили, но и боялись. И вотъ, подъ этимъ обаяніемъ Самаринскаго ума, его духа, такъ сказать, велось крестьянское дѣло, и велось именно въ духѣ какого-то партійнаго недовѣрія къ дворянскому сословію...

Но объ этомъ послѣ.

Въ домѣ Оболенскихъ, о которомъ я говорю, я, какъ начинавшій тогда жизнь и службу, черпалъ вдохновеніе и стремленіе къ полезной дѣятельности... И тѣмъ скучнѣе и безцвѣтнѣе тогда начала казаться мнѣ моя служба въ сенатѣ, гдѣ главный смыслъ ея заключался въ перепискѣ, и гдѣ для стремленій къ чьей-либо пользѣ рѣшительно не было мѣста.

XI.

(1858 годъ).

Мое поступленіе на службу въ полицію. — Персоналъ моихъ сослуживцевъ. — Мое начальство. — Графъ П. А. Шуваловъ, оберъ-полиціймейстеръ. — Мои служебныя похожденія.

Познакомился я зимою 1858 года съ нѣкіимъ Владиміромъ Никифоровичемъ Спасскимъ, пріятелемъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, который тогда былъ товарищемъ губернскаго прокурора, и у котораго тогда подъ начальствомъ были, такъ называвшіеся въ то время, стряпчіе полицейскихъ дѣлъ, по одному въ каждой части. Должность эта была создана недавно, и на одну изъ такихъ должностей В. Н. Спасскій предложилъ мнѣ поступить, указывая на то, что два правовѣда занимаютъ такія должности.

Я безконечно обрадовался этому предложенію, во-первыхъ, потому, что предстояла совсѣмъ живая дѣятельность, а во-вторыхъ, потому, что я дѣлался богатымъ человѣкомъ, съ 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Должность эта имѣла живой практическій смыслъ. Стряпчій этотъ игралъ въ своей части при слѣдственномъ приставѣ ту же роль, какую товарищъ прокурора игралъ во всемогущей тогда управѣ благочинія, и какую губернскій прокуроръ игралъ относительно всѣхъ губернскихъ тогда учрежденій,—роль представителя ока правосудія и защитника

всѣхъ арестантовъ, безъ котораго никто не могъ быть лишенъ свободы. Къ принятію этой должности поощрялъ меня также тогдашній оберъ-полиціймейстеръ въ Петербургѣ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, мечтавшій тогда объ улучшеніи личнаго состава полиціи.

И вотъ, меня назначили стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ въ Рождественскую часть. Полиція тогда была еще по нравамъ и по личному составу временъ знаменитаго Галахова. Галаховъ требовалъ исполнительности и осуществленія въ полицейскомъ идеальнаго «держиморды», вслѣдствіе чего на личныя, нравственныя и культурныя свойства не обращалъ особеннаго вниманія.

И вотъ этого типа сослуживцевъ я засталъ въ моей Рождественской части. Въ грязномъ двухъ-этажномъ старомъ домѣ, въ бельэтажѣ, помѣщался частный приставъ съ его конторою, внизу—слѣдственный приставъ съ его слѣдственною конторою. Частный приставъ былъ толстый, пожилой, гладко выбритый, средняго роста человѣкъ, съ глазками, на которые достаточно было разъ взглянуть, чтобы признать въ немъ тонкаго плутишку. Онъ мнѣ говорилъ съ благоговѣніемъ, что «таперыча», при графѣ, онъ отдыхаетъ, а при Галаховѣ не то было. «Пріѣдетъ, бывало, Александръ Павловичъ (Галаховъ) въ часть на своихъ дрожкахъ съ пристяжкой и крикнетъ: «пристава сюда!» Я выхожу, а онъ ко мнѣ: «садись!» Сажусь и про себя молюсь «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Ѣдемъ; молчитъ. Только доѣхали до средины первой улицы, «стой»,—кричитъ. «Это что за грязь у тебя? Вылѣзай!» Я въ грязь по ступицу. «Чтобы завтра ея не было, а то смотри у меня»! Былъ въ то время еще знаменитый галаховскій сыщикъ, Шестобитовъ, гроза Петербурга. Коли Галаховъ приказывалъ:

«найти краденое»,—со дна морского отрывали и находили, а не приказывалъ, такъ никогда не находили, а если,—какъ это разъ было при кражѣ серебрянаго сервиза у одной фрейлины въ Зимнемъ Дворцѣ,—не нашли сервиза, и Галаховъ изрекъ резолюцію: «найти», тогда Шестобитовъ преспокойно изъ своихъ секретныхъ суммъ покупалъ или заказывалъ подобный украденному сервизъ и оный торжественно препровождалъ по назначенію.

Слѣдственный приставъ и его контора меня сразу поразили своею типичностью. Толстый, на одинъ глазъ кривой, старый и громадный слѣдственный приставъ, съ отвисшими слюнявыми губами, показался мнѣ просто отвратительнымъ, особливо, когда съ такою рожею, онъ принималъ любезныя или сладенькія выраженія на лицѣ; письмоводитель его и два писца были полнѣйшимъ изображеніемъ иверскихъ стрикулистовъ стараго времени; комната была низкая, вонючая, и вотъ сюда, въ это смрадное захолустье, я попалъ прямо изъ палатъ сената... Но не было дня, чтобы пришлось жаловаться на такую перемѣну обстановки, ибо каждая минута времени въ такой должности была интересна и полезна... Я сидѣлъ въ комнатѣ, гдѣ, я зналъ, все живетъ только для беззаконій и взятокъ, и на мнѣ лежала обязанность ежедневно наблюдать за тѣмъ, чтобы не творилось ничего беззаконнаго. Въ случаѣ нарушенія закона я обязанъ былъ протестовать, и если мой протестъ не былъ уваженъ слѣдственнымъ приставомъ, то я долженъ былъ представлять о томъ товарищу прокурора. Кромѣ того, оберъ-начальникомъ нашимъ былъ самъ губернскій прокуроръ, старичекъ-чиновникъ стараго закала, который, когда я ему представлялся, просилъ меня объ одномъ: не слишкомъ горячиться...

Въ моемъ вѣдѣніи были также арестанты той части. Одни содержались въ арестантской части, а другіе, подслѣдственные, содержались въ Литовскомъ тюремномъ замкѣ. Первое мое посѣщеніе арестантской, въ зданіи части, произвело на меня сильное впечатлѣніе...

Воздухъ ужасный, вонь, тѣснота, грязь, арестанты съѣдены вшами и т. д. Я заявилъ частному приставу; онъ хладнокровно мнѣ отвѣтилъ: загляните въ III-ю часть и не то еще увидите; но, тѣмъ не менѣе, я немедленно потребовалъ мытья помѣщенія и отправленія арестантовъ въ баню. Въ баню 3 мѣсяца не водили.

Я вскользь упомянулъ о новомъ молодомъ оберъ-полиціймейстерѣ графѣ Петрѣ Андреевичѣ Шуваловѣ. Познакомившись съ нимъ, я убѣдился, что это былъ одинъ изъ обаятельнѣйшихъ людей того времени. Наружность его сразу подкупала: средняго роста, сильно сложенный, необыкновенное изящество во всей его личности, красивое, умное и дышавшее энергіею лицо, съ прямыми рельефными чертами, полный жизни взглядъ, симпатичный голосъ, обаятельная манера говорить,—весь этотъ ансамбль составлялъ личность графа Шувалова.

Затѣмъ, у него былъ тонкій, наблюдательный и внимательный умъ, онъ имѣлъ рѣдкую у насъ способность слушать и держалъ себя вездѣ и всегда, какъ съ высшими, такъ и съ низшими, въ полномъ смыслѣ слова аристократомъ, никому не кланяясь ниже того, что нужно было по приличію, и не скупясь на утонченную любезность съ низшими и равными. Про него, не взирая на его сравнительную молодость, всѣ говорили: «вотъ человѣкъ, который далеко пойдетъ», — и никто изъ пророковъ не ошибся.

Тогда былъ золотой вѣкъ для полиціи. Никто не го-

ворилъ о политическихъ преступникахъ, вода Невы была чистая, претензіи обывателей были скромныя, извозчичьи балалайки еще двигались по патріархальнымъ мостовымъ, и кости, и мускулы и нервы тогдашняго жителя, какъ будто, были гораздо тверже и здоровѣе, чѣмъ послѣ.

Самыми страшными людьми въ то время для полиціи могли представляться бѣжавшіе изъ Сибири, но и то, подчасъ отъ избытка усердія и отъ дѣйствительнаго недостатка страшныхъ лицъ для полиціи, выходили курьезные qui pro quo.

Однажды поздно вечеромъ я получаю отъ своего частнаго пристава пакетъ, съ надписью «секретное и весьма нужное», открываю: въ немъ передавалось мнѣ приглашеніе прибыть къ 7 часамъ утра въ такой-то домъ на Пескахъ, для заарестованія бѣжавшаго изъ Сибири каторжника. Въ тоже утро въ назначенный часъ я пріѣзжаю; застаю отрядъ городовыхъ, разставленныхъ цѣпью около небольшого деревяннаго домика, полиціймейстера, частнаго пристава, жандармскаго офицера; все это ходитъ на цыпочкахъ и говоритъ шепотомъ, дабы не испугать скрытаго въ домѣ каторжника. И вотъ, когда всѣ собрались, приступаютъ храбро къ дому; звонятъ, не отворяютъ; стучатъ, тоже не отворяютъ; приставъ съ своимъ жирнымъ лицомъ принимаетъ озабоченную физіономію. Рѣшаютъ, что надо ломать дверь; слесарь и столяръ на лицо. Но ломать не приходится... Дверь отворяется извнутри. Мы входимъ, и я вижу, какъ приставъ, войдя, съ робостью слегка пятится назадъ, въ ожиданіи, чтобы всѣ вошли... и придали ему храбрости... Передъ нами, въ халатѣ и въ ночномъ неглижэ, стояло страшное лицо большого роста, мускулистый, съ длинными волосами, да еще растрепанными, бородатая, злая, угрюмая физіономія, и

что-то держитъ въ рукѣ, спрятавъ подъ халатомъ; ну, каторжникъ, да и только!

Приставъ, слегка блѣдный, дѣлаетъ шагъ впередъ и, знакомъ приблизивъ къ себѣ *на всякій случай* двухъ городовыхъ, спрашиваетъ у страшнаго незнакомаго:

— Что у васъ въ рукѣ?

— А вамъ какое дѣло? — отвѣчаетъ страшный неизвѣстный.

— Отдайте!

Мы всѣ стали и ждемъ: вотъ сейчасъ увидимъ пистолетъ. Приставъ храбро протягиваетъ руку.

— Извольте,—спокойно отвѣчаетъ страшный незнакомецъ.

И, о, ужасъ! оказывается кожаный портсигаръ. Физіономія храбраго пристава моментально представилась намъ глупою.

— Кто вы?

— Не ваше дѣло...

— Приставъ начинаетъ сердиться.

— Какъ вы смѣете такъ отвѣчать полиціи?

— А вы какъ смѣете врываться ночью въ частный домъ, гдѣ живутъ честные люди? Здѣсь живетъ женщина, вы ее можете до смерти испугать, она беременная...

— Мы исполняемъ предписаніе высшаго начальства,—отвѣтилъ приставъ.

Приступаютъ къ обыску. Ищутъ бумаги. Нападаютъ на кухаркины счета, записочки на женское имя...

— Все больше любовныя, — меланхолично замѣчаетъ приставъ.

— Вотъ еще важные документы,—говоритъ съ серьезнымъ видомъ опасный человѣкъ, подавая бумажки.

— Что это?—спрашиваетъ приставъ.

— Прачкины счета,—былъ отвѣтъ секретнаго незнакомца.

Обыскъ продолжается.

— Позвольте мнѣ исполнить долгъ естественной надобности?—спрашиваетъ незнакомецъ.

Приставъ совѣщается съ полиціймейстеромъ и съ жандармскимъ офицеромъ, и рѣшаются подъ конвоемъ двухъ городовыхъ допустить каторжника въ ретирадное мѣсто.

Я скромно заявляю, что мнѣ кажется, что тутъ недоразумѣніе: ясно, что это не бѣжавшій изъ Сибири каторжникъ.

— А лицо-то у него какое!—съ убѣжденнымъ ужасомъ отвѣчаетъ мнѣ приставъ.

— Лицо разбуженнаго человѣка, нечесанаго и немытаго, и больше ничего,—говорю я.

Рѣшили войти въ комнату, гдѣ спала женщина. Таинственный жилецъ протестовалъ, что ее могутъ до смерти испугать.

Я тоже протестовалъ, предложивъ послать къ ней горничную, чтобы ее разбудить и предупредить, а затѣмъ достаточно одному приставу къ ней войти, а не всѣмъ. Такъ и сдѣлали. Ничего не оказалось, кромѣ довольно красивой женщины въ ночной рубашкѣ. Въ концѣ-концовъ, обобрали бумажки, сложили, велѣли подъ конвоемъ незнакомцу одѣться и повезли его въ закрытой каретѣ въ секретный номеръ въ домѣ оберъ-полиціймейстера.

Въ то же утро я поѣхалъ къ графу Шувалову высказать ему сомнѣнія моей совѣсти.

— Ce sont vos premiéres armes,—сказалъ мнѣ графъ въ видѣ привѣтствія.

— Oui, monsieur le comte, — отвѣтилъ я, — mais je crains qu'elles ne soient de carton.

Я объяснилъ графу мои сомнѣнія. Онъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ, что показанія полиціймейстера и пристава совсѣмъ иного характера, несравненно болѣе драматическаго.

— И если это не бѣжавшій каторжникъ,—заключилъ графъ по-французски,—во всякомъ случаѣ, это подозрительная личность.

Черезъ три дня я былъ снова у графа. И что же оказалось?

— Вы были правы въ вашихъ сомнѣніяхъ,—сказалъ мнѣ графъ.—Вчера явился ко мнѣ какой-то, почтенный на видъ, старикъ, и заявляетъ мнѣ, что у него сбѣжалъ уже десятый день племянникъ, военный инженеръ такой-то, что онъ чудакъ и уже въ третій разъ сбѣгаетъ съ квартиры и поселяется у своихъ любовницъ. Мнѣ пришла мысль,—продолжалъ графъ,—показать ему нашего таинственнаго арестанта; его приводятъ, — и старикъ, какъ увидѣлъ, вскрикнулъ: «Миша»! и прямо въ его объятія. Оказалось, что этотъ каторжникъ былъ дѣйствительно военный инженеръ, не только скрывшій свою фамилію, но и надѣвшій, Богъ вѣсть для чего, штатское платье.

Выпадали на мою долю и менѣе веселыя экспедиціи. Не забуду первую мою Пасху въ должности стряпчаго. Готовился я ѣхать къ заутренной. Вдругъ гонецъ, съ предложеніемъ немедленно прибыть на мѣсто убійства въ захолустье моей части. Никогда не забуду этого контраста впечатлѣній. Ѣду и всюду по дорогѣ у церквей вижу пасхальныя процессіи и слышу пасхальный трезвонъ, а на душѣ ожиданіе картины убійства. Пріѣзжаю въ небольшую квартиру чиновника военнаго вѣдомства,

на четвертый этажъ, въ отдаленной улицѣ, и меня ведутъ въ небольшую кухню. Тамъ застаю картину: на полу лежитъ убитая молодая женщина, оказавшаяся кухаркою, а въ двухъ шагахъ отъ нея, низенькаго роста, мизерный на видъ, деньщикъ, съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ глядитъ то на трупъ, то на присутствовавшихъ. Это былъ убійца, а на столѣ, тутъ же, кухонный ножъ, которымъ онъ убилъ свою жертву. Оказалась драма любви. Этотъ сѣрый, жалкій и закорузлый солдатикъ явился полнымъ олицетвореніемъ Отелло и, влюбленный въ свою Дездемону безъ ума, онъ вообразилъ себѣ, что имѣетъ въ своемъ баринѣ соперника, и вотъ, дождавшись пасхальной ночи, онъ къ ней задумалъ пріурочить свою ужасную месть. Баринъ готовился идти къ заутрени, кухарка стояла, обернувшись спиной къ плитѣ, готовя розговѣнье, а онъ сзади къ ней подошелъ съ ножемъ въ рукахъ, и сразу, силою своего звѣрскаго инстинкта, вонзилъ ей ножъ въ затылокъ, такъ что она, даже не крикнувъ, упала мертвая. Тутъ я впервые познакомился съ нравственнымъ міромъ такого люда. Схваченный господиномъ своимъ съ ножемъ въ рукахъ, этотъ тщедушный солдатикъ отрицалъ свою виновность до конца и, когда кончился допросъ и его должны были вести въ арестантскую, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, попросилъ позволенія проститься съ своей жертвой, сталъ на колѣни, нагнулся, сталъ цѣловать ее, а затѣмъ, *перекрестивши* ее три раза, всталъ и пошелъ, бодро и спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало. И въ эту минуту, тихую и ужасную, мы слышали, какъ долетали до насъ веселые звуки пасхальнаго трезвона.

Вскорѣ по службѣ мнѣ пришлось, смѣшно сказать, прослыть въ глазахъ начальства либераломъ—и стропти-

вымъ притомъ. Я былъ причисленъ имъ къ лику самыхъ неудобныхъ на службѣ лицъ, къ лику неспокойныхъ.

Поводомъ къ тому послужило самое пустяшное дѣло.

Знаменитый тогда въ Петербургѣ, всѣхъ державшій въ *респектѣ*, старикъ-торговецъ Степанъ Тарасовичъ Овсянниковъ прислалъ къ намъ въ часть арестованнымъ одного изъ сторожей своихъ хлѣбныхъ магазиновъ, по обвиненію въ попущеніи кражи изъ амбара мѣшковъ хлѣба.

Для слѣдствія надо было допросить купца Овсянникова. И вотъ, мой старый толстякъ слѣдственный приставъ объявляетъ мнѣ, что надо ѣхать къ Степану Тарасовичу для допроса ихъ степенства на дому, по слѣдствію надъ его сторожемъ.

Я протестую, говоря, что не поѣду, ибо Овсянниковъ долженъ явиться въ контору, а не мы должны къ нему ѣхать.

Слѣдственный приставъ, смущенный, указываетъ мнѣ статью закона, въ которой сказано, что *знатные* люди могутъ быть допрашиваемы, какъ свидѣтели, на дому.

Я ему, конечно, отвѣчаю, что никогда не слыхалъ и не могу допустить, чтобы къ знатнымъ лицамъ могъ быть причисленъ купецъ Овсянниковъ только потому, что онъ милліонеръ,—и къ нему не поѣду.

Тогда приставъ доноситъ о моемъ протестѣ управѣ благочинія. Сія отъ меня требуетъ объясненія. Я пишу ей рапортъ, въ которомъ доказываю, что никакимъ образомъ не могу допустить такого явнаго отступленія отъ закона только изъ угоды къ денежному могуществу.

Тогда управа пишетъ на меня жалобу прокурору, съ обвиненіемъ меня въ употребленіи непочтительныхъ выраженій.

Старикъ-прокуроръ призываетъ меня для объясненій по дѣламъ службы. Я являюсь.

— Охота вамъ заводить такую щекотливую переписку,—говоритъ мнѣ прокуроръ, — ну, стоитъ-ли? Поѣзжайте къ Овсянникову, ну, что вамъ стоитъ?

— Мнѣ,—говорю,—ничего ровно не стоитъ, но я не могу поѣхать къ Овсянникову, потому что это было бы, во-первыхъ, насмѣшка надъ закономъ, а во-вторыхъ, это было бы униженіемъ достоинства правительственной власти. Нельзя, не роняя себя, признавать Овсянникова знатнымъ лицомъ.

— Что же, вы все-таки не поѣдете?

— Все-таки не поѣду.

— Ну, вотъ будутъ непріятности... смотрите.

— Будутъ, такъ будутъ, а все-таки не поѣду.

Дней черезъ пять пріѣзжаетъ жандармъ, съ требованіемъ явиться къ генералъ-губернатору по дѣламъ службы.

Пріѣзжаю.

Подходитъ ко мнѣ тогдашній генералъ-губернаторъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ и, послѣ ласковаго привѣтствія, начинаетъ меня уговаривать: смириться и поѣхать къ купцу Овсянникову.

Я почтительно объясняю генералъ-губернатору нравственныя и законныя причины, по которымъ я не могу исполнить его желанія.

— Такъ-то такъ,—отвѣчаетъ старикъ,—но все-таки нужно къ нему поѣхать, онъ почтенный старикъ, весь Петербургъ его знаетъ, и вдругъ требовать въ слѣдственную контору.

Я осмѣлился не согласиться и уѣхалъ домой, оставшись при своемъ мнѣніи.

Дня черезъ три получилъ я записку отъ оберъ-поли-

ціймейстера графа Шувалова на французскомъ языкѣ, съ просьбой заѣхать къ нему отъ 3 до 4 часовъ на другой день «pour causer sur une petite affaire».

Я пріѣзжаю, и что же я застаю въ кабинетѣ графа Шувалова?

Сидитъ онъ, графъ, сидитъ Овсянниковъ, сидитъ слѣдственный приставъ.

— На этотъ разъ,—сказалъ мнѣ графъ Шуваловъ,— вы протестовать не можете. Законъ соблюденъ, господинъ Овсянниковъ вызванъ для допроса въ полицію.

Волею-неволею пришлось подчиниться, найдя весьма характерною эту всеобщую тогда заботу о томъ, чтобы не безпокоить Степана Тарасовича вызовомъ къ слѣдствію по его же жалобѣ. Потомъ я увидѣлъ, что Овсянниковъ не простилъ мнѣ этого либерализма по отношенію къ его особѣ.

Я разсказывалъ намедни, какъ усердная полиція доискалась бѣжавшаго каторжника изъ Сибири въ лицѣ военнаго инженера. Въ томъ же году пришлось убѣдиться, какъ дѣйствительно бѣжавшему каторжнику легко было не быть узнаннымъ тою же полиціею.

Сцена происходила въ слѣдственной комнатѣ тюремнаго замка. Въ камерѣ были слѣдственный приставъ, покойный Христіановичъ, мой товарищъ, и арестантъ, непомнящій родства. Въ прихожей былъ сторожъ.

Наканунѣ былъ полученъ секретный циркуляръ отъ оберъ-полиціймейстера о томъ, что такой-то бѣжавшій изъ Сибири каторжникъ, совершивъ на пути до Петербурга рядъ убійствъ, грабежей и поджоговъ, два раза схваченный въ Нижегородской и Тверской губерніяхъ, и два раза бѣжавшій изъ остроговъ, находится въ Петербургѣ; слѣдуютъ его примѣты, общія, какъ всегда, не

ясныя и безполезныя, и особенныя: недостаетъ праваго коренного зуба, и два пальца на лѣвой рукѣ сведены. Почему — трудно понять, можетъ быть по инстинкту, Христіановичу, глядѣвшему на арестанта, мирно и невинно повѣствовавшаго о своихъ хожденіяхъ по чужимъ людямъ, въ смиренномъ званіи непомнящаго родства, вдругъ пришла въ голову мысль: а что если этотъ непомнящій родства есть именно тотъ самый бѣжавшій изъ Сибири каторжникъ, котораго розыскиваютъ?

Сталъ онъ пристальнѣе глядѣть, общія примѣты какъ будто подходятъ.

И вотъ, подъ вліяніемъ этого внезапнаго подозрѣнія, Христіановичъ пишетъ записку къ смотрителю тюрьмы, и велитъ прислать на всякій случай кандалы и 4-хъ человѣкъ стражи съ ружьями, и какъ ни въ чемъ не бывало, посылаетъ эту записку со сторожемъ, тайкомъ отъ арестанта. А съ арестантомъ онъ продолжаетъ говорить самымъ добродушнымъ образомъ.

Длилось это минуты три. Черезъ три минуты послышался топотъ солдатъ въ прихожей. Христіановичъ вышелъ, велѣлъ кандалы оставить въ прихожей, а солдатъ поставилъ въ слѣдственной комнатѣ.

Затѣмъ онъ обратился къ арестанту съ двумя вопросами: первый вопросъ относился къ коренному зубу. онъ велѣлъ открыть ротъ,—коренного зуба не оказалось; второй вопросъ относился къ двумъ пальцамъ руки.

— Разогни пальцы,—приказалъ приставъ.

Оказалось, что онъ, арестантъ, разогнуть ихъ не могъ.

Тогда Христіановичъ сѣлъ на свое мѣсто и, велѣвъ конвою окружить арестанта, сталъ ему читать циркуляръ объ описываемомъ бѣгломъ каторжникѣ. Непомнящій родства, по мѣрѣ чтенія, сталъ измѣняться въ лицѣ, и по-

степенно изъ мягкаго, горемычнаго и тихаго бродяги превращаться въ то, что онъ былъ; губы посинѣли, лицо поблѣднѣло и искривилось ужасною гримасою полунасмѣшки и полузлобы, глаза стали наливаться кровью, и когда, увидавъ эту метаморфозу на лицѣ своего арестанта, приставъ крикнулъ: «кандалы» и два солдата внесли желѣзныя цѣпи, арестантъ какъ бы судорожно выпрямился и расширился, казалось, что вотъ сейчасъ онъ захочетъ вырваться, но конвой его схватилъ за руки. Тогда на губахъ показалась пѣна, и онъ сквозь эту пѣну началъ говорить: «чего таить, попался, только тутъ не все прописано, а сдѣлалъ я еще вотъ что», и разсказалъ три случая имъ ограбленныхъ церквей и два поджога. А когда его стали уводить, уже въ кандалахъ, онъ остановился у дверей и, обращаясь къ слѣдственному приставу, сказалъ: «ну, смотри, коли встрѣтишься, на меня не пеняй. Ты, небось, смѣтливый, догадался, да и я не дуракъ. Счастливо оставаться».

Очевидно, не будь этого внезапнаго наитія у слѣдственнаго пристава, такъ бы и исчезъ молодецъ, подъ званіемъ непомнящаго родства, и снова, не сегодня, такъ завтра, попалъ бы въ падшую среду... какъ нищій...

А этотъ Христіановичъ вышелъ изъ училища съ золотою медалью и первый изъ правовѣдовъ далъ собою прекрасный примѣръ: пренебрегши службою въ департаментѣ, онъ не побрезгалъ пойти въ слѣдственные пристава и составилъ себѣ очень скоро громкое и прекрасное имя.

Въ числѣ обязанностей монхъ по должности стряпчаго полицейскихъ дѣлъ, именно Рождественской части, была одна, невеселая,—это присутствованіе на казни плетьми.

Наказаніе это сопровождалось извѣстною обрядностью. Приговореннаго везли по городу изъ тюремнаго замка въ особомъ открытомъ экипажѣ, похожемъ на похоронные дроги, на нихъ онъ сидѣлъ прикованный къ столбу, въ черномъ одѣяніи, съ большою надписью на груди: за какое преступленіе онъ везется на казнь. Конвоирами былъ отрядъ солдатъ при ружьяхъ и жандармы; впереди барабанщикъ, бьющій дробь. Къ 7 часамъ утра я долженъ былъ являться на Конную площадь; къ этому времени привозили преступника. Устроены были помостки, на помосткахъ приподнималась доска, наклонная, на которую клали преступника, его обнажали до поясницы и привязывали ремнями у шеи и у ногъ. У помостковъ стояли: полиціймейстеръ, священникъ съ крестомъ и врачъ. Читали приговоръ и послѣ онаго барабанщикъ билъ дробь; затѣмъ привязывали арестанта и, въ заключеніе, палачъ въ красной рубахѣ, съ извѣстнымъ приговариваніемъ: «берегись, обожгу!» приступалъ къ исполненію казни. Послѣ исполненія подавали фургонъ, въ который сажали наказаннаго или укладывали его лежа, и отправляли въ больницу тюремнаго замка.

Первый разъ я вынесъ тяжелое впечатлѣніе отъ вида, который принимала спина наказуемаго, дѣлаясь совсѣмъ синею, но человѣкъ, прежде всего, животное привычекъ, какъ говорятъ французы, и, къ стыду моему, долженъ признаться, что послѣ четвертаго зрѣлища я никакихъ сильныхъ впечатлѣній не испытывалъ.

Впрочемъ, этому способствовало сдѣланное мною въ этотъ промежутокъ времени открытіе. На третьей казни должны были примѣнять надъ преступникомъ-отцеубійцей высшую мѣру наказанія, а именно 99 ударовъ плетей. Такая мѣра наказанія признавалась равносильною смерт-

ной казни. Подробности преступленія были до того ужасны, что никто изъ насъ не могъ чувствовать даже малѣйшей жалости къ нему. На пятидесятомъ ударѣ докторъ осматриваетъ казненнаго и даетъ мнѣніе, что казнь можетъ быть продолжаема. Ее кончаютъ... Преступника, послѣ 99 ударовъ плетей, кладутъ въ фургонъ и, взглянувъ на его лицо, я замѣтилъ, что оно какъ будто не выражало тѣхъ страданій, какія онъ долженъ былъ перенести.

Но впечатлѣніе свое я оставилъ при себѣ. Дней черезъ пять прихожу я въ тюремный замокъ, вхожу въ большой дворъ и застаю невиданную картину: стоятъ, построенные въ карэ, арестанты, а посрединѣ кого-то сѣкутъ. Я узнаю, что сѣкутъ палача за то, что онъ слишкомъ легко наказалъ отцеубійцу. По этому поводу я познакомился со всѣми тайнами этой процедуры. Я узналъ, во-первыхъ, что палачъ избирается всегда изъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ безсрочной каторгѣ; узналъ, что такой молодецъ охотно предпочитаетъ функціи палача, такъ какъ она оказывалась очень выгоднымъ, сравнительно, дѣломъ. Палачъ передъ казнью получалъ отъ наказуемаго или отъ его семьи извѣстную плату, доходившую до тысячи и болѣе рублей за *легкое* сѣченіе и, благодаря этому, всякая казнь, не смотря на то, что плеть тройная, и что каждый ударъ помножался на три,—на дѣлѣ превращалась въ исполненіе лишь формальности: было больно, но никогда не было опасности не только для жизни, но и для здоровья. Весь секретъ заключался въ способѣ привязыванія казненнаго къ наклонной доскѣ. Какъ докторъ мнѣ объяснилъ, отъ палача зависѣло, какъ привязать преступника: если бы онъ привязывалъ его къ доскѣ плотно и такъ, чтобы

преступникъ не могъ приподнимать плечъ, не оставивъ пространства между грудью и доскою, тогда, несомнѣнно, на четвертомъ или пятомъ ударѣ онъ получилъ бы параличъ легкихъ и смерть; если же его привязывали такъ, что онъ могъ поднять плечи и слегка приподняться, тогда онъ могъ безъ всякой опасности перенести и 99 ударовъ. Что при мнѣ и случилось. Всѣ это знали и, разумѣется, не мѣшали палачу привязывать казненнаго по своему. Тутъ же, на этихъ помосткахъ, производилось наложеніе клеймъ: придавливали къ рукамъ и къ ногамъ пластинку съ зубчатыми буквами, которыя врѣзывались въ тѣло, а затѣмъ обмазывали это мѣсто черною краскою, которую нельзя было смыть: словомъ, это была операція, похожая на татуированіе у индѣйцевъ. Въ итогѣ отъ всего этого впечатлѣніе всегда получалось отвратительное, и нельзя было не порадоваться искренно, когда эти наказанія плетьми и клейменіе были отмѣнены. Устрашающее дѣйствіе ихъ было слабо, а всѣ детали были только отвратительны.

Есть преступленія, которыя, по своей безконечной жестокости, во всемъ образованномъ христіанскомъ мірѣ требуютъ смертной казни; отвергать этого нельзя; но не можетъ быть преступленій, которыхъ наказуемость могла бы заключаться въ истязаніяхъ, коихъ самая тяжесть могла зависѣть отъ каприза палача или отъ суммы взятки, получаемой палачемъ.

Какъ символическое зрѣлище, казнь дворянина производила болѣе сильное дѣйствіе. Его привозили въ его платьѣ, на томъ же помостѣ читается приговоръ. Затѣмъ, палачъ снималъ съ наго платье, барабанъ билъ дробь, палачъ подходилъ къ преступнику, и надъ головой его

ломалась шпага; послѣ того его одѣвали въ арестантское сѣрое платье.

Но были и пріятныя обязанности по службѣ. Главнѣйшее изъ нихъ заключалось въ правѣ протеста по актамъ о заарестованіи. Стряпчій полицейскихъ дѣлъ несъ отвѣтственность за соблюденіе при слѣдствіи справедливости и законности, а потому имѣлъ право всякое нарушеніе справедливости и закона пріостанавливать, посредствомъ письменнаго протеста, и, если его протестъ не уважался, жаловаться товарищу прокурора и прокурору. Это право не было формальностью; напротивъ, оно имѣло важное значеніе и фактическую силу. Пользованіе этимъ правомъ нерѣдко сопровождалось борьбою, и эта то борьба имѣла сильное и облагораживающее воспитательное для личности такого стряпчаго значеніе: она развивала и закаляла его характеръ, возвышала въ его собственныхъ глазахъ цѣну его личности и, затѣмъ, служила отличной школою для развитія вниманія къ служебному дѣлу, наблюдательности и логики: мы пріучились умѣть доказывать свои убѣжденія, и это лучшая изъ умственныхъ школъ.

По этому поводу скажу вещь, которая заставитъ вскрикнуть нашихъ судейскихъ, и назвать меня варваромъ, а именно, что въ то время уголовное слѣдствіе велось лучше, чѣмъ теперь, и велось потому лучше, что не соблюдался *святой* принципъ отдѣленія власти судебной отъ администраціи. Слѣдствіе производила административная власть, а наблюденія за правильностью его лежало на чинахъ судебнаго вѣдомства; теперь дознаніе производитъ полиція, а слѣдствіе производитъ судебный слѣдователь, а наблюдать за ними некому: товарищъ прокурора и судебный слѣдователь это одна и

та же рука, оттого слѣдственная часть теперь такъ плоха. Производи слѣдствіе полиція и будь при ней чинъ судебнаго вѣдомства для наблюденія, слѣдствіе производилось бы гораздо лучше. Въ мое время я зналъ, что слѣдственный приставъ и его письмоводитель могли брать взятки, зналъ я тоже, что управа благочинія, начальство слѣдственнаго пристава, брала взятки, но, тѣмъ не менѣе, я съ обоими боролся всегда и всегда удачно, потому что находилъ поддержку и въ честномъ товарищѣ прокурора, и въ честномъ прокурорѣ; и если этой поддержки въ дѣлѣ было недостаточно и дѣло было изъ весьма важныхъ, я обращался къ оберъ-полиціймейстеру, и онъ всегда оказывалъ мнѣ не только содѣйствіе, но и сильную помощь. И все это потому, что революціоннаго принципа отдѣленія властей не было: было ихъ соединеніе, какъ одно изъ средствъ вести дѣло успѣшнѣе и скорѣе. И разъ не было отдѣленія властей, не было и вражды между ними, не было взаимнаго противодѣйствія.

Но попробуйте въ этомъ убѣдить нашихъ судейскихъ. Они скорѣе примутъ буддійскую вѣру, чѣмъ признаютъ практическую непригодность отдѣленія властей.

XII.

(1858 — 1859 годы).

Петербургскій свѣтъ. — Потемкинскій домъ. — Умныя гостиныя. — Валуевъ. — Его восхожденіе. — Д. Н. Замятинъ. — В. П. Бутковъ.

Всю зиму 1858 года я очень дѣятельно выѣзжалъ въ свѣтъ. Свѣтъ тогда былъ многочисленъ и разнообразенъ. Въ немъ было много тѣхъ оригинальныхъ типовъ, которыхъ теперь и слѣдъ простылъ. Въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ прежде всего не было того, что теперь въ избыткѣ: du soi disant grand monde, то-есть такого, который потому такъ величаютъ, что на безрыбьи и ракъ рыба...

Большого свѣта «аплике» тогда не было. Все были въ полномъ смыслѣ слова аристократическіе дома.

Всѣ эти дома принимали: принимали въ извѣстные дни; затѣмъ, принимали запросто, пока другіе принимали en grand, то-есть давали балы.

Одинъ изъ первыхъ домовъ, съ которымъ мнѣ пришлось близко познакомиться, былъ Потемкинскій домъ на Милліонной. Такого дома не было, навѣрно, ни до, ни послѣ. Состоялъ онъ изъ двухъ лицъ, изъ старика Александра Михайловича Потемкина, изображавшаго собою типъ стараго вельможи-дворянина и носившаго преображенскій мундиръ павловскаго времени, и жены его, Татьяны Борисовны Потемкиной. При нихъ состояли старикъ-

врачъ Патенотъ и двѣ барышни въ роли компаніонокъ, или, какъ ихъ называли, фрейлины Татьяны Борисовны.

Домъ Потемкина былъ всегда открытъ. Гости являлись обыкновенно къ обѣду, и, кромѣ того, къ обѣду имѣли право бывать всѣ пріятели дома, безъ зова, такъ что столовая вмѣщала сегодня десять персонъ, а завтра двадцать пять. Состояніе Потемкина было большое, но кто имъ завѣдывалъ, довольно трудно было себѣ представить, такъ какъ оба, и мужъ, и жена, болѣе всего не любили счетоводство.

Мужъ былъ добрѣйшій человѣкъ, но въ то же время весьма цѣльный и упрямый въ своихъ привычкахъ. Онъ былъ полнѣйшимъ олицетвореніемъ, какъ я сказалъ, стараго вельможи, рыцарски честенъ, доступный для послѣдняго изъ простѣйшихъ людей и неумолимо гордый со всѣми, какъ называемыми, тузами; но гордость эта была такъ же добра и проста, какъ его натура; всякій чувствовалъ презрѣніе, которое Потемкинъ питалъ къ идоламъ свѣта, но жесткихъ, рѣзкихъ или злыхъ проявленій этой гордости, или этого презрѣнія никто не видѣлъ, потому что онъ былъ инстинктивно любезенъ со всѣми и былъ христіански добръ, хотя любилъ и ворчать, и дѣлалъ видъ, что сердится.

Самое смѣшное было то, что болѣе всего старикъ Потемкинъ ворчалъ на свою жену, которая расходилась съ нимъ во многихъ симпатіяхъ и увлеченіяхъ. Такъ, напримѣръ, Александръ Михайловичъ Потемкинъ терпѣть не могъ монаховъ и, вообще, возню съ духовенствомъ. Татьяна Борисовна, наоборотъ, ничто такъ не любила, какъ возню съ монахами и съ духовенствомъ... Tatiana avec ses moines.—такъ по десяти разъ въ день говорилъ сердито старикъ Потемкинъ про свою жену. Когда жена

ожидала мужа, она прятала своихъ монаховъ, и я помню общій смѣхъ, когда однажды Александръ Михайловичъ разсказывалъ съ негодованіемъ, какъ онъ вошелъ въ спальню къ женѣ, и лбомъ ударился о спрятаннаго за занавѣсью аѳонскаго монаха.

Дѣло въ томъ, что не одни монахи были любимые гости у Татьяны Борисовны; безъ преувеличенія можно сказать, что домъ ея былъ la maison du bon Dieu, то-есть домомъ для каждаго, кто къ ней обращался за помощью. Помощь эта была богата разнообразіемъ, начиная съ простыхъ подаяній и кончая разными просьбами объ опредѣленіи на мѣста. По десяти и пятнадцати записокъ въ день собственноручныхъ вылетали изъ дома Потемкиныхъ по адресу разныхъ министровъ, съ просьбами за беззащитныхъ, а когда дѣло чье-либо было драматическое или безъисходное, такая же записка съ нарочнымъ отправлялась или къ Императрицѣ или къ Государю, въ собственныя руки. Разумѣется, подчасъ злоупотребляли этою идеальною добротою и высоко-христіанскимъ милосердіемъ Татьяны Борисовны, подчасъ обманывали ея рекомендацію, подчасъ смѣялись надъ ея легковѣріемъ и надъ ея добродушіемъ, называли ея протеже—потемкинскими, съ пренебреженіемъ, но рядомъ съ этимъ какое изобиліе добра дѣлала она и дѣлалъ ея мужъ; но старикъ Потемкинъ дѣлалъ добро такъ, чтобы никто не могъ узнать и сердился, какъ только объ его добрѣ кто-нибудь заговаривалъ. Только монахамъ онъ отказывалъ наотрѣзъ, говоря: Tatiana me ruine assez avec ses moines.

Въ домѣ Потемкинскомъ жили въ разныхъ углахъ разсаживаемые Татьяной Борисовной бѣдняки всякаго рода, скрытые отъ мужа.

Я помню прелестный эпизодъ по поводу этихъ таин-

ственныхъ жильцовъ, разсказанный мнѣ Татьяною Борисовною, съ ея маленькимъ чуть-чуть лукавымъ смѣхомъ. Каждый день являлся къ обѣду одинъ бѣдный протеже Татьяны Борисовны, чиновникъ, жившій на Петербургской сторонѣ, и каждый день добрый Александръ Михайловичъ спрашивалъ его: «ну, что, хорошо прогулялись?» зная, что его гость пришелъ пѣшкомъ съ Петербургской стороны. Однажды Татьяна Борисовна нашла возможнымъ дать этому бѣдному комнату въ ихъ домѣ, но тайкомъ отъ мужа; и вотъ, каждый день Александръ Михайловичъ задавалъ ему все тотъ же вопросъ о прогулкѣ пѣшкомъ съ Петербургской, не подозрѣвая, что вся прогулка ограничивалась двумя сотнями шаговъ по двору и по лѣстницѣ дома.

Характерною чертою этихъ обѣдовъ и, вообще, этихъ пріемовъ въ Потемкинскомъ домѣ было полное сліяніе сословій. За обѣдомъ сидѣли рядомъ и представители высшей аристократіи, даже дипломатіи, высшіе сановники, затѣмъ какой-нибудь монахъ, громко рыгавшій за обѣдомъ, и разные типы бѣдняковъ. Александръ Михайловичъ являлся къ обѣду во фракѣ, а гости иные бывали изъ такихъ, у которыхъ фрака и въ заводѣ не было.

По субботамъ часть бомонда собиралась въ Потемкинскую церковь ко всенощной, послѣ которой сервировался чай и длилась около часа времени бесѣда въ разныхъ комнатахъ. По воскресеньямъ тотъ же бомондъ собирался къ обѣднѣ... Пріѣзжать могъ, кто хотѣлъ, и этою обѣднею сколько разъ пользовались для того, чтобы представлять Татьянѣ Борисовнѣ какого-нибудь pauvre diable, нуждавшагося въ протекціи и въ помощи.

Самымъ блестящимъ пріемнымъ днемъ былъ Татьянинъ день. Съ утра до вечера двери были открыты для всѣхъ,

безъ отличія, поздравителей. Тутъ проявлялась во всей своей красѣ черта, которая показывала, какими дѣйствительно вельможами была чета Потемкиныхъ. Былъ обычай въ тѣхъ домахъ, гдѣ ожидали посѣщенія Государя, прекращать пріемъ на это время гостей, въ ожиданіи Государя. У Потемкиныхъ происходило наоборотъ. Всѣ знали, что отъ 3 до 4 въ Татьянинъ день Государь непремѣнно посѣтитъ именинницу, и, вотъ, къ этому времени съѣзжалось и сходилось много гостей, опять-таки всѣхъ состояній, изъ разныхъ боярскихъ палаццо, и съ Выборгской, и съ Петербургской пѣшеходы... Вся Милліонная была запружена каретами, всѣ комнаты были полны гостями.

Пріѣзжалъ Государь... Александръ Михайловичъ его встрѣчалъ въ сѣняхъ, внизу, именинница—на верху лѣстницы, и Государь, проходя по гостинымъ, раскланивался направо и налѣво, причемъ непремѣнно Татьяна Борисовна гдѣ-нибудь находила возможность представлять Государю какую-нибудь темненькую и жалкую личность, нуждавшуюся въ помощи... Государь это зналъ по преданіямъ, и всегда весело знакомился съ протежэ Татьяны Борисовны... Александръ Михайловичъ, проводивъ Государя до гостиной, сдавалъ, такъ сказать, Гостя въ руки жены, и самъ возвращался въ свои кельи, и оттуда выходилъ, чтобы снова провожать Государя до низу, когда онъ уѣзжалъ...

Въ домѣ Потемкиныхъ я былъ принятъ, какъ родной, такъ какъ одна изъ сестеръ Потемкиной была моя тетка, а такъ какъ эта необыкновенная, чудная, сказочная женщина имѣла огромное значеніе въ моей жизни, то объ ней мнѣ придется еще не разъ говорить. Сорокъ лѣтъ прошло и, приглядываясь къ людямъ и къ жизни, спрашиваешь себя: неужели такая женщина, какъ Татьяна Борисовна

Потемкина, жила на свѣтѣ столь недавно: до того она была одна въ своемъ родѣ.

Одна изъ отличительныхъ чертъ того времени, о которомъ я пишу, та, что люди собирались и разговаривали. Я говорю, «отличительныхъ», ибо лѣтъ двадцать спустя въ томъ же петербургскомъ свѣтѣ—явленіе это, собраніе нѣсколькихъ людей исключительно для бесѣды, совсѣмъ прекратилось... Въ то время это было потребностью. Я помню, напримѣръ, что у меня въ это время бывали разъ въ недѣлю скромныя собранія сверстниковъ, на которыхъ ничего не происходило другого, какъ оживленная бесѣда за чашкою чая: говорили мы вскользь о политикѣ, часто о литературѣ, о той или другой злобѣ дня, и никому изъ насъ не было скучно. Какъ я сказалъ, были гостиныя въ Петербургѣ, гдѣ сходились только для разговоровъ; каждая такая гостиная имѣла своихъ умныхъ людей. Умный человѣкъ имѣлъ свою цѣну, и на него предъявлялся спросъ не только въ сферахъ государственной службы, но просто, какъ потребность будничной общественной жизни.

Приблизительно въ это время я началъ слышать имя Валуева, произносившееся въ гостиныхъ съ извѣстнымъ оттѣнкомъ рекламы. Валуева я помню съ дѣтства въ нашей семьѣ, такъ какъ онъ женатъ былъ на дочери князя Вяземскаго, дяди моей матери, а дѣти его были мои сверстники. Онъ былъ очень статенъ, красивъ и говорилъ съ хладнокровіемъ и извѣстною торжественностью. Послѣ его губернаторства въ Остзейскомъ краѣ при князѣ Суворовѣ, его взялъ къ себѣ въ управленіе государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, и, вотъ, онъ сталъ появляться въ гостиныхъ Петербурга и обращать на себя вниманіи своею наружностью, и своими рѣчами.

Исторія Валуева очень интересна тѣмъ, что доказываетъ, какъ много можно сдѣлать съ хорошимъ воспитаніемъ. Мать Валуева была очень ученая и образованная женщина, жившая въ Москвѣ. Когда ея сынъ кончилъ университетскій курсъ, она нашла, что онъ крупный невѣжда въ области общаго образованія, поселилась въ деревнѣ, и тутъ цѣлые два года посвятила на образованіе сына. Въ этотъ курсъ входили иностранные языки, иностранная литература, исторія и въ особенности упражненіе для пріобрѣтенія навыка и умѣнія говорить. Молодой Валуевъ долженъ былъ передъ аудиторіею своей матери говорить въ теченіе двухъ часовъ на извѣстную тему, то по-русски, то по-французски, то по-нѣмецки. По окончаніи этого курса Валуевъ съ матерью прибылъ на зиму въ Москву; въ эту зиму какъ разъ Дворъ прибылъ въ Москву, и Валуевъ, на балѣ въ дворянскомъ собраніи, будучи представленнымъ Николаю Павловичу, произвелъ на него разговоромъ впечатлѣніе настолько благопріятное, что Государь сказалъ графу Блудову, что ему нужны образованные молодые люди въ Петербургѣ, и указалъ ему на двухъ: на Валуева и на Владиміра Дмитріевича Скарятина (потомъ гофмаршалъ Цесаревича Александра Александровича и убитый на Царской охотѣ). Это было началомъ карьеры Валуева.

Но возвращаюсь къ моему времени. Встрѣчалъ я его тоже въ гостиной моей тетки, Авроры Карамзиной (бывшей Демидовой), гдѣ ему пришлось познакомиться съ большимъ пріятелемъ моей тетки, княземъ Горчаковымъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и большимъ охотникомъ до говоренья.

Валуевъ говорилъ плавно и медленно; Горчаковъ наоборотъ, говорилъ скоро, но тѣмъ не менѣе ему понра-

вился Валуевъ, а такъ какъ Горчаковъ былъ постоянно въ интимномъ кругу Государя и Императрицы, то несомнѣнно, что онъ правду говорилъ, когда увѣрялъ мою тетку, что онъ помогъ *величію* Валуева. Помню тоже, что уже моя тетка для той же цѣли устроила у себя два, три вечера съ Валуевымъ для Великой Княгини Маріи Николаевны, и тутъ между двумя дамами Валуевъ распускался во всемъ блескѣ своего краснорѣчія. Великая Княгиня Марія Николаевна нашла его умнымъ и пріятнымъ, и начала хвалить его громко Государю.

Такъ подготовлялось восхожденіе Валуева, къ коему первый шагъ былъ назначеніе его управляющимъ дѣлами комитета министровъ.

Помню оригинальное, совсѣмъ противоположнаго характера восхожденіе около того же времени другого человѣка, антипода Валуева, Дмитрія Николаевича Замятина. Домъ Замятина я тоже зналъ съ дѣтства по семейнымъ связямъ. Дмитрій Николаевичъ былъ олицетвореніемъ спокойнаго, скромнаго, честнѣйшаго и милѣйшаго человѣка, не знавшаго никакихъ другихъ интересовъ въ жизни, кромѣ заботы о честной и спокойной совѣсти.

Ума онъ былъ самаго обыкновеннаго и имѣлъ много здраваго смысла. Жена его была очень умная женщина и имѣла всѣ качества составлявшія то, что французы называютъ—une maîtresse femme. Замятинъ былъ тогда сенаторомъ. Умираетъ товарищъ графа Панина, Илличевскій. Государь спрашиваетъ у графа Панина: кого онъ желаетъ себѣ въ товарищи. Графъ Панинъ отвѣчаетъ, что онъ все еще думаетъ. Въ заключеніе этихъ размышленій, длившихся довольно долго, когда Государь снова обратился къ графу Панину съ вопросомъ: нашелъ ли онъ себѣ товарища?—графъ Панинъ отвѣтилъ, что нашелъ,

и прибавилъ: что, въ виду затрудненія выбрать, онъ рѣшилъ искать себѣ товарища изъ сенаторовъ *по росту* и остановился по этому случаю на Замятинѣ. Государь разсмѣялся и утвердилъ Замятина товарищемъ министра юстиціи.

Затѣмъ, когда графу Панину пришлось оставить министерство юстиціи, чтобы взяться за наслѣдство графа Блудова, судьба отдала министерство юстиціи въ руки самаго смиреннаго человѣка въ Петербургѣ, Дм. Ник. Замятина, если не ошибаюсь въ 1861 году.

Въ то время для карьеры молодыхъ людей былъ одинъ не лишенный пикантности способъ: это гостиная госпожи Бутковой, и ухаживаніе за нею на положеніи рыцаря дамы и безкорыстнаго обожателя. Мужъ ея, Владиміръ Петровичъ Бутковъ былъ тогда государственнымъ секретаремъ. Это былъ въ высшей степени курьезный типъ, никогда потомъ не повторявшійся. Популярнѣе человѣка въ Петербургѣ не было. Его безъ преувеличенія всѣ знали, начиная съ высшихъ слоевъ и кончая всѣми кокотками Петербурга. Знали его какъ замѣчательно умнаго, способнаго и работящаго человѣка, знали его какъ за самаго забубеннаго жуира, за театрала и за гуляку. Зрѣлище видѣть Буткова идущимъ по Невскому было донельзя характерно; онъ буквально не успѣвалъ надѣвать шляпы, такъ часто онъ долженъ былъ кланяться и ее снимать; затѣмъ, смотришь, выпрыгиваетъ онъ изъ саней или изъ коляски, чтобы здороваться съ какою-нибудь знаменитою кокоткою; затѣмъ, проѣзжая мимо Казанскаго собора, онъ принимается набожно креститься; затѣмъ опять выскакиваетъ кого-нибудь привѣтствовать. Не разъ, а пять-шесть разъ въ день можно было встрѣтить этого государственнаго секретаря на улицахъ, за-

тѣмъ ежедневно онъ часами просиживалъ у знаменитой французской актрисы, любимицы Петербурга, Мюла, не пропускалъ ни одного представленія французскаго театра, ни одного маскарада, и въ то же время велъ всѣ дѣла государственнаго совѣта, всѣ дѣла кавказскаго комитета, а затѣмъ въ это время начиналъ принимать тоже участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ; онъ имѣлъ вполнѣ заслуженную репутацію дѣлового, дѣльнаго и даровитаго государственнаго человѣка. Второго Буткова не явилось, но онъ, весь, каковъ онъ былъ, во всякомъ случаѣ является назидательнымъ доказательствомъ, что можно съ государственными дѣлами соединить жизнь частнаго человѣка. Послѣ того, вскорѣ, стали говорить про переутомленіе государственныхъ людей. Но про Буткова можно было сказать, что онъ себя переутомлялъ бездѣліемъ, то-есть, дѣлая отлично свое государственное дѣло, слишкомъ много отдавалъ времени развлеченіямъ. Его гостиная, или, вѣрнѣе, гостиная его жены, гдѣ онъ никогда не бывалъ, всегда была полна молодыми людьми; днемъ они работали въ государственной канцеляріи, а по вечерамъ исправляли свою службу пріятныхъ собесѣдниковъ госпожи Бутковой, и этою двойною службою пріобрѣтали главное: расположеніе и протекцію своего начальства, и, надо отдать справедливость, что никто такъ не двигалъ своихъ протежэ такъ быстро, какъ Бутковъ, и надо сказать правду, что они къ тому же были люди способные и отличные работники.

XIII.

(1859—1860 годы).

Мой переходъ въ уѣздные судьи. — Дворянскій либерализмъ. — Михайловскій и Мраморный дворцы. — Ихъ политическое значеніе.

Послѣ почти двухъ-лѣтней практики полицейскаго стряпчаго, мнѣ было предложено баллотироваться въ уѣздные судьи Петербургскаго уѣзда. Петербургскій уѣздъ былъ тогда весьма блестящій по именамъ избирательный кругъ, состоя изъ петербургскихъ аристократовъ-домовладѣльцевъ; я принялъ кандидатуру и былъ избранъ въ концѣ 1859 г. петербургскимъ уѣзднымъ судьею по гражданскому отдѣленію.

Помѣщался этотъ судъ на вершинѣ тогдашняго зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ теперь домъ градоначальника, въ трехъ комнатахъ. Нельзя сказать, чтобы я много выигралъ отъ этого движенія по службѣ, ибо сталъ получать вмѣсто 100 р. въ мѣсяцъ — 50 рублей. Секретарь суда получалъ 33 рубля въ мѣсяцъ, засѣдатели 40 съ чѣмъ-то, а столоначальники по 22 рубля.

Составъ канцеляріи былъ печальный и немногимъ отличался отъ тогдашняго состава полицейскихъ конторъ: какія-то допотопныя фигуры писцовъ, какія-то подозрительныя лица у столоначальниковъ... Мои два засѣдателя оказались на видъ порядочными, и мы стали жить очень

мирно. Губернаторъ тогдашній, графъ Александръ Бобринскій, почтенный и симпатичный молодой человѣкъ, возлагалъ на меня надежды въ томъ отношеніи, что-де нужно поднять и улучшить учрежденіе, мнѣ ввѣренное, но, вникнувъ въ положеніе его, я очень скоро убѣдился, что всѣ мои заслуги могутъ быть только отрицательныя, то есть заключаться въ томъ, что я честенъ и что грабить обращающихся къ суду не позволю. Затѣмъ, такъ какъ физически было невозможно, чтобы канцелярія, начиная съ секретаря и кончая писцами, могли жить при ихъ ничтожныхъ окладахъ, то между мною и ими было заключено соглашеніе, на основаніи котораго я имъ предоставлялъ брать деньги за исполненіе частныхъ по дѣламъ услугъ и праздничныя деньги, но подъ условіемъ, чтобы поборы и взятки никто бы не смѣлъ требовать, подъ опасеніемъ немедленнаго изгнанія.

Соглашеніе это было свято соблюдаемо; и всѣмъ было отъ того хорошо: и тяжущимся, и частнымъ лицамъ, и намъ, членамъ суда, было хорошо, такъ какъ мы знали, что на подвохи наша канцелярія не пойдетъ. Да и если бы она на то пыталась, сіе было бы безполезно, такъ какъ дѣла мы всѣ разсматривали и отправляли сами и канцелярію до вліянія на дѣла не допускали. Прошло меньше года, и мы втроемъ достигли блестящихъ результатовъ въ томъ отношеніи, что дѣлъ залежавшихся не было; они шли по очереди, но безостановочно, и не разъ мнѣ приходилось получать заявленія благодарности просителей... Доказательствомъ того, что судъ пріобрѣлъ довѣріе, послужило то обстоятельство, что тяжущіеся стали, по гражданскимъ дѣламъ, прибѣгать къ сокращенному дѣлопроизводству предпочтительно передъ длиннымъ и аппеляціоннымъ порядкомъ. Этотъ сокращенный порядокъ былъ

чѣмъ-то въ родѣ третейскаго суда, то есть судомъ, основаннымъ исключительно на довѣріи къ личности судей. Назывался онъ *судомъ по формѣ* и былъ учрежденъ Петромъ Великимъ. Онъ заключался въ томъ, что судъ записывалъ въ своемъ засѣданіи показанія обѣихъ сторонъ, пунктъ за пунктомъ, за ихъ подписью, и затѣмъ на основаніи сихъ записей произносилъ немедленно окончательное рѣшеніе.

Во всякомъ случаѣ, должно сказать, что, не взирая на нищенскіе оклады, не взирая на жалкій личный составъ канцеляріи суда, дѣла даже исковымъ порядкомъ производились у насъ скорѣе, чѣмъ производятся они теперь въ новыхъ усовершенствованныхъ учрежденіяхъ...

Кстати здѣсь сказать, что тоже самое происходило въ сосѣднемъ съ нашимъ отдѣленіи уголовнаго суда. Въ то время было болѣе человѣколюбія въ судебныхъ сферахъ, чѣмъ теперь, и несравненно болѣе смиренія: никому изъ насъ въ голову не приходило гордится тѣмъ, что мы не беремъ взятокъ; теперь, получающіе 3.000 рублей въ годъ, вмѣсто нашихъ 600 рублей, непремѣнно гордятся своею честностью...

Въ то время мы считали себя обязанными все дѣлать отъ насъ зависящее, чтобы помогать частнымъ лицамъ и облегчать имъ сношеніе съ судомъ, хотя законъ насъ къ тому вовсе не обязывалъ; теперь, кичась тѣмъ, что они честны, члены Ѳемиды считаютъ себя обязанными быть совершенно индифферентными къ тяжущимся лицамъ, какъ къ людямъ, именно вслѣдствіе отсутствія человѣколюбія.

Была и другая черта, отличавшая нашъ судебный бытъ отъ нынѣшняго въ пользу перваго: эта черта была заботливость объ томъ, чтобы не держали напрасно и долго

арестантовъ. Тогда спеціально за этимъ должны были слѣдить прокуроръ и стряпчіе и, въ случаѣ замедленія арестантскаго дѣла, они обязаны были хлопотать объ ускореніи хода дѣла въ судѣ или палатѣ. Теперь этого нѣтъ. Дѣло тянется, сколько суду угодно, и нѣтъ лицъ, спеціально заботящихся о томъ, чтобы арестантовъ напрасно не томили въ заключеніи.

Время, когда происходили дворянскіе выборы, было уже оживлено заботою о злобѣ дня, о крестьянскомъ вопросѣ...

Работа по немъ кипѣла въ петербургскихъ лабораторіяхъ, а рядомъ съ этимъ въ дворянскихъ кружкахъ уже начинали намѣчиваться оттѣнки либеральнаго образа мыслей, а слѣдовательно двухъ лагерей, либеральнаго и консервативнаго. Но, какъ я сказалъ, либерализмъ подъ вліяніемъ Герцена имѣлъ значеніе только какъ оттѣнокъ въ дворянской средѣ; онъ, такъ сказать, зарождался и стремился, хотя довольно смутно и неопредѣленно, къ чему то, въ родѣ политическаго представительства, или вѣрнѣе къ удовлетворенію потребности говорить... Это именно либеральное настроеніе въ извѣстныхъ аристократическихъ кружкахъ являлось какъ бы заявленіемъ права на компенсацію за готовившуюся крестьянскую реформу...

Были гостиныя, гдѣ тогдашніе Мирабо большого свѣта разсуждали такъ, обращаясь къ правительству: вы хотите отнять у насъ помѣщичьи наши права, прекрасно, отнимайте, но взамѣнъ мы хотимъ политическаго вліянія, какъ дворянское сословіе, мы хотимъ права голоса въ государственныхъ дѣлахъ... Не скажу, чтобы эта аристократическая либеральная партія была многочисленна, напротивъ, она представляла изъ себя горсть людей, но въ то-же время я совершенно убѣжденъ, что этимъ именно

идеямъ мы обязаны немедленно послѣ освобожденія крестьянъ—введеніемъ земскихъ учрежденій... Они явились отвѣтомъ не на нужды жизни, а просто на потребность имѣть говорильни.

Идея либеральнаго кружка дворянъ въ Петербургѣ продать свои помѣщичьи права за политическое вліяніе—встрѣчена была несочувственно не столько правительственною сферою, въ то время весьма добродушною, сколько средою эмансипаторовъ, имѣвшей тогда два центра: одинъ у Великой Княгини Елены Павловны, а другой у графа Якова Ивановича Ростовцева... Самаринъ, князь Черкасскій, Милютинъ Николай Алексѣевичъ, Арапетовъ и т. д. — всѣ эти главные вожаки крестьянскаго дѣла слишкомъ явно и страстно были одновременно и главными руководителями крестьянскаго дѣла и главными врагами дворянства, какъ сословія, чтобы они могли допустить что бы то ни было въ родѣ попытки дворянства пріобрѣсти политическую роль... И въ этомъ отношеніи они свою cause держали въ надежныхъ рукахъ... Съ одной стороны, графъ Ростовцевъ, съ другой, графъ Блудовъ, съ третьей—Великая Княгиня Елена Павловна. Ростовцевъ, какъ неофитъ третьяго крещенія—первое было либеральное до 14 декабря 1825 года, второе было Николаевское до Александра II, а третье снова либеральное наступило въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, — былъ озабоченъ, какъ тогда говорили, какъ бы получше угодить Герцену, и онъ не нуждался въ страстныхъ рѣчахъ Самарина, чтобы работать надъ крестьянскимъ дѣломъ изъ ненависти къ дворянству. Графъ Блудовъ былъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безстрастія: его тихій, миролюбивый и спокойный нравъ не допускалъ въ себѣ никакой ненависти, но весь складъ его умственной личности, его служебной карьеры,

былъ таковъ, что онъ, какъ умный бюрократъ, мирился съ либерализмомъ, какъ съ доктриною, какъ съ теченіемъ времени, но идеи политическаго вліянія дворянства онъ не постигалъ и не допускалъ, не находя въ себѣ съ ней ни малѣйшаго отголоска. Что же касается Великой Княгини Елены Павловны, то она представляла изъ себя весьма оригинальный типъ умной женщины, въ которой страннымъ образомъ мирились и шли рядомъ ея либеральныя идеи, ея нѣмецкія традиціи воспитанія и ея великокняжескія понятія или убѣжденія...

Между этими тремя—идея либеральнаго усиленія политическаго значенія дворянства не находила себѣ мѣста. Ни одинъ изъ представителей этой идеи не былъ вхожъ въ ея кругъ умныхъ людей, но за то былъ вхожъ рядомъ съ Самаринымъ, которому она мыла голову за его антибалтскія идеи, остзейскій баронъ, съ его средневѣковыми феодальными идеями... и Самаринъ, не дерзавшій въ ея салонѣ хулить остзейскаго барона, могъ безпрепятственно бранить русское дворянство съ точки зрѣнія либеральной.

Это анти-дворянское направленіе, какъ теченіе тогдашняго времени, слышалось и чувствовалось вездѣ, гдѣ говорили громко о крестьянскомъ вопросѣ и, вообще, о внутренней политикѣ.

Въ живой гостиной моихъ родителей очень чутко откликались главные мотивы тогдашней политической музыки, ибо въ ней сходились умные люди, принимавшіе къ сердцу всѣ государственные вопросы и бывавшіе въ разныхъ сферахъ тогдашняго чиновнаго круга. То пріѣзжалъ Ф. Ю. Самаринъ говорить о тогдашней злобѣ дня и спорить съ моею матерью и съ моимъ отцомъ, горячо отстаивавшими дворянскіе интересы; то пріѣзжалъ декламировать свои монологи Валуевъ, всегда дорожившій тѣмъ,

чтобы стоять на высотѣ минуты, а потому тоже относившійся къ дворянскому вопросу съ извѣстнымъ скептицизмомъ и съ оттѣнками ироніи въ отзывахъ; то пріѣзжалъ прелестный поэтъ Ѳ. Ю. Тютчевъ, горячо интересовавшійся всѣми малѣйшими сторонами современной жизни; то приходилъ дѣлиться слухами и толками англійскаго клуба и разныхъ оффиціальныхъ круговъ старинный другъ дома, генералъ А. Россетти, братъ извѣстной А. О. Смирновой; то пріѣзжалъ со своими впечатлѣніями изъ Мраморнаго дворца, гдѣ онъ былъ однимъ изъ восходившихъ, и изъ Михайловскаго дворца князь Д. А. Оболенскій и разныя другія лица, и общая картина тогдашняго времени представлялась довольно вѣрною и наглядною.

Къ сожалѣнію, это анти-дворянское настроеніе прошло и въ Мраморный дворецъ. Всѣ знали, что непосредственно Великая Княгиня Елена Павловна не имѣла вліянія на своего племянника, Государя, но въ тоже время всѣ знали, что вліяніе молодого генералъ-адмирала Константина Николаевича на своего Брата было очень большое.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, по тогдашнимъ отзывамъ его близко знавшихъ, былъ замѣчательною личностью прежде всего по даровитости, затѣмъ, по воспріимчивости ко всякой идеѣ блага, и въ третьихъ, по сочетанію въ немъ самыхъ высокихъ и лучшихъ порывовъ съ какими то ему самому чуждыми порывами къ дурному. Въ чемъ же заключалось это дурное?

Одна личность, близко его знавшая съ ранней молодости, съ его собственныхъ словъ, очень рельефно характеризовала это дурное въ немъ: то это были припадки сильнѣйшей надменности и заносчивости, то проявленіе непобѣдимаго высокомѣрія, не терпѣвшаго ни противорѣчія, ни даже спора; то это были признаки какой-то потреб-

ности согнуть чью-либо волю, поразить кого-либо въ самое больное мѣсто, уколоть кого-нибудь. Анализъ этотъ именно былъ сдѣланъ въ то время надъ собою самимъ Великимъ Княземъ, причемъ онъ прибавлялъ, въ задушевной бесѣдѣ съ этою личностью, слѣдующія интересныя слова: «онѣ, эти дурныя черты, во мнѣ сидятъ, какъ злой духъ; онѣ сильны во мнѣ, и вы не повѣрите, какихъ мнѣ усилій требуется съ ними бороться... Я иногда побѣждаю моего внутренняго врага совсѣмъ, и тогда я самъ себя не узнаю, до того я становлюсь добръ и воспріимчивъ ко всему доброму; а иногда, наоборотъ, я чувствую себя подъ гнетомъ этого дурного, я такъ чувствую: какъ будто во мнѣ сидитъ кто-нибудь другой, какой-то злой человѣкъ, и распоряжается моимъ умомъ и моимъ сердцемъ... Молиться за меня надо,—прибавилъ молодой Великій Князь...» Я запомнилъ и записалъ эти замѣчательныя слова, столь симпатично освѣщающія эту замѣчательную личность недавняго прошлаго.

А такъ какъ натура Великаго Князя была необыкновенно живая, бойкая и порывистая, то всякое проявленіе въ немъ его мысли и его впечатлѣнія было сильно и безусловно откровенно, такъ что хорошее исходящее отъ него очаровывало сразу, а дурное бывало рѣзко и подчасъ больно. Разумѣется, совсѣмъ было бы другое, если онъ былъ характера спокойнаго, хладнокровнаго и былъ къ тому же равнодушнымъ; но въ томъ-то и было дѣло, что его кипѣвшій жизнью темпераментъ соединялся въ немъ съ живою любознательностью, съ усиленною воспріимчивостью и съ самою искреннею жаждою пользы и блага Россіи.

Тогда говорили о томъ вліяніи, которое имѣлъ на нравъ Великаго Князя его воспитатель Литке, который

будто бы тѣмъ и повредилъ ему, что ставилъ себѣ педагогическою задачею ломать, такъ сказать, волю впечатлительнаго и смѣлаго юноши, вмѣсто того, чтобы его ласками направлять, и постоянно, какъ бы по принципу, проявлять свой авторитетъ наперекоръ его молодымъ и и бойкимъ порывамъ, и именно этимъ объясняли то постоянное неравенство и неравновѣсіе въ характерѣ, которое проявлялъ Великій Князь.

Но при этомъ надо вспомнить, что нѣтъ худа безъ добра, и, какъ говорилъ тогда про него одинъ изъ его приближенныхъ, главное, что было въ молодомъ Великомъ Князѣ цѣнно, это полнѣйшее отсутствіе скрытности и фальшивости. Онъ никогда не притворялся, никогда не лгалъ и не зналъ, что значитъ быть двуличнымъ.

И вотъ, всѣ тогда говорили, что это анти-дворянское настроеніе исходило изъ Мраморнаго дворца, и именно отъ молодого Генералъ-Адмирала, который въ свою очередь его переносилъ въ атмосферу Государева кабинета. Чтобы понять и объяснить, почему это могло такъ быть, надо вспомнить, что хотя Самаринъ и не былъ никогда близкимъ къ Великому Князю лицомъ, но за то въ то время началось полное вліяніе на него Головнина, а Головнинъ по этой части, то-есть по дворянскому вопросу, никогда не давалъ себѣ труда скрывать свои враждебныя или, вѣрнѣе, свои ироническія чувства. А поводъ встать въ отношеніе политическаго антагонизма къ дворянству въ то время для Великаго Князя явился самъ собою... Когда закипѣлъ крестьянскій вопросъ, тогда очень рельефно образовались два взгляда на этотъ вопросъ: одинъ—въ видѣ проекта освобожденія крестьянъ безъ земли; а другой—съ землею. Началась борьба этихъ двухъ взглядовъ. Вся, такъ называемая, либеральная пар-

тія, съ графомъ Ростовцевымъ во главѣ, разумѣется, стояла твердо за второй проектъ; партія, такъ называвшаяся, дворянская, стояла за первый проектъ, и вотъ, охваченный огненнымъ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе великій день освобожденія крестьянъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, видя только представителей первой партій, и слыша отъ нихъ о противодѣйствіи дворянской партіи идеѣ земельныхъ надѣловъ, съ свойственною ему страстностью вооружался всею душою противъ этой партіи, и поневолѣ слилъ ее въ своемъ представленіи съ дворянствомъ вообще.

И, вспоминая это время, нельзя не повторить того, что тогда говорилось; будь эта самая живая, пылкая, воспріимчивая и очень даровитая натура Великаго Князя, при всей его прямотѣ и искренности, подъ вліяніемъ людей, совсѣмъ безпристрастныхъ въ политическомъ отношеніи, только желавшихъ одного добра, какое громадное измѣненіе въ характерѣ и направленіи всей эпохи произвелъ бы, при своемъ вліяніи на Царя-Брата, этотъ выдававшійся по даровитости Великій Князь.

И вѣдь не онъ одинъ вліялъ въ этомъ анти-дворянскомъ духѣ на тогдашнее направленіе правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, не смотря на свои коренныя, такъ сказать, дворянскія убѣжденія, — находился въ то время подъ вліяніемъ своего подчиненнаго Николая Алексѣевича Милютина, человѣка даровитаго, умнаго, рабочаго и весьма пріятнаго въ обращеніи... Нѣсколько лѣтъ спустя я имѣлъ долгую бесѣду съ отдыхавшимъ тогда въ Москвѣ отъ дѣлъ Николаемъ Алексѣевичемъ, и я понялъ многое, что тогда въ разгарѣ крестьянскаго вопроса казалось непонятнымъ... Милютинъ жилъ въ какомъ-то фиктивномъ фантастическомъ мірѣ

представленій о какомъ-то земельномъ дворянствѣ, не то аристократическомъ, не то крѣпостническомъ, которое, будто-бы, проникнуто было какою-то фанатическою враждою къ тому, что тогда считали миссіею Императора Александра II, и всѣ его мысли къ работѣ надъ крестьянскимъ дѣломъ вдохновлялись этимъ представленіемъ о призваніи бороться съ какимъ-то политическимъ врагомъ... Какъ ни странно было это представленіе, но, принимая во вниманіе, что главная часть жизни Милютина проходила въ бюрократической сферѣ, далеко отъ дворянской жизни, можно было понять эту дворянофобскую идею въ Милютинѣ, но почему ей давали, такъ сказать, raison d'être такіе люди, какъ Самаринъ и Черкасскій, отлично знавшіе и дворянскую жизнь, и то, насколько она далека была отъ образа фронды противъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, и почему они не противорѣчили ложнымъ представленіямъ Милютина, я ни тогда, ни послѣ не могъ понять.

XIV.

(1859—1860 годы).

Тогдашнее тихое настроеніе общества.—Элементы либеральные, элементы оппозиціи.—Вредное вліяніе Самарина и его сподвижниковъ.—Умственное движеніе въ среднихъ слояхъ общества.

Ничто такъ не казалось въ то время ненужнымъ и аффектированнымъ, какъ это анти-дворянское настроеніе въ реформаторскихъ сферахъ, по той простой причинѣ, что главною отличительною чертою дворянства наканунѣ грандіозной реформы, его ожидавшей, было добродушіе.

Чтобы вдохновиться, какъ это дѣлали главные дѣятели крестьянской реформы, съ Самаринымъ во главѣ, какою-то стихійною непріязнью къ дворянству, надо было создать себѣ фикцію какого-то постояннаго врага, на дѣлѣ не существовавшаго, и ополчиться противъ него войною, немного похожею на войну Донъ-Кихота съ вѣтренями мельницами. Главное, чего не доставало въ той войнѣ — былъ второй противникъ: первый былъ — это эмансипаторы, но второго, сопротивляющагося дворянства, — не было.

Были, какъ я говорилъ, невинные и, пожалуй, смѣшные мечтатели политическаго вліянія дворянства, затѣмъ были добродушные дворяне, добродушные въ своей оппозиціи, добродушные въ своей покорности, и, наконецъ,

были дворяне — то же, если хотите, добродушные, — преисполненные наивною ревностью быть передовыми и, если нужно, готовые пересолить либерализмомъ и Самарина, и Черкасскаго.

Во всякомъ случаѣ, мы всѣ испытывали въ то время, какъ эта новая эпоха переживалась тихо. Я полагаю, что главною тому причиною были скромные размѣры въ то время ежедневной печати. Двѣ газеты въ то время печатались въ Петербургѣ: „Сѣверная Пчела“ Греча и „С.-Петербургскія Вѣдомости“; обѣ удѣляли злобѣ дня скромное мѣсто, цензура тогда была для газетъ предварительная и, слѣдовательно, страстность не могла создаваться въ печати и изъ нея переходить въ общество. Доказательствомъ того, какъ добродушно было тогдашнее настроеніе дворянства, можетъ служить тотъ фактъ, что въ то время гостиная моихъ родителей слыла за оппозиціонную: on y frondait, какъ тогда говорили; не разъ въ разговорахъ въ Зимнемъ Дворцѣ Государь спрашивалъ полушутя и полусерьезно извѣстныхъ лицъ, которыя бывали въ нашей гостиной: ну, что говорятъ въ Мещерской гостиной, сильно насъ бранятъ? А между тѣмъ — врядъ ли въ Петербургѣ была гостиная, болѣе серьезно преданная тѣмъ идеаламъ, которые собою изображалъ Государь, и самому Государю, что, разумѣется, нисколько не мѣшало осуждать пристрастный образъ реформаторовъ... Значитъ, если такая гостиная, какъ моихъ родителей, гдѣ жилъ и царилъ духъ Карамзина, могла слыть за гостиную фронды, то не доказывало ли это, что на самомъ дѣлѣ ничего похожаго на фронду или на политическую агитацію противъ правительства въ дворянской средѣ тогда и въ зародышѣ не было.

Такого же добродушнаго свойства были извѣстія,

приходившія въ Петербургъ о настроеніи провинціи и Москвы: говорили, спорили, дѣлились на партіи; но ни откуда не приходили извѣстія о какомъ-либо сопротивленіи или о какой-либо враждѣ дворянскихъ кружковъ.

А между тѣмъ, графъ Ростовцевъ и всѣ его сотрудники работали надъ крестьянскимъ дѣломъ въ такомъ настроеніи, будто бы кромѣ реформы имъ предстояла задача побѣдить какого-то всесильнаго врага въ лицѣ земельнаго дворянства. Это привидѣніе, созданное воображеніемъ однихъ и злымъ умысломъ другихъ, — стояло передъ глазами эмансипаторовъ и, какъ я сказалъ, вдохновляло ихъ ненавистью къ дворянству.

Вотъ эту-то особенность того времени нельзя было не ставить въ вину такимъ людямъ, какъ Самаринъ, Черкасскій и Милютинъ, ибо благодаря ей вся реформа приняла тенденціозный и политическій антидворянскій характеръ, котораго она могла бы не имѣть, и отъ отсутствія котораго самое дѣло и вся послѣдующая эпоха чрезвычайно много бы выиграли въ смыслѣ спокойнаго прогресса. Вопросъ о выкупѣ въ той формѣ, въ которой онъ состоялся, несправедливый и насильственный, съ прекращеніемъ обязательствъ по залогу въ опекунскомъ совѣтѣ, послужившій одною изъ главныхъ причинъ разоренія земельнаго дворянства, былъ созданъ въ то время именно во имя политической непріязни къ земельному дворянству. Никому не дали права назвать это громко безнравственнымъ и несправедливымъ злоупотребленіемъ власти.

Достойно вниманія, что тогда и въ средѣ государственныхъ людей мало было оппозиціонныхъ настроенію эмансипаторскихъ элементовъ. Громче другихъ называли имя графа Сергѣя Григорьевича Строганова, всегда го-

ворившаго противъ демократическаго характера реформы, но графъ Строгановъ тогда уже былъ главнымъ воспитателемъ Цесаревича Николая Александровича и могъ отдавать государственному дѣлу только остатокъ своего досуга, а его было весьма немного. Государь его высоко цѣнилъ и уважалъ, но графъ былъ одинъ и рѣдко говорилъ Государю о крестьянскомъ вопросѣ, тогда какъ люди, ведшіе дѣло, говорили Государю о немъ ежедневно. Легко понять, что вслѣдствіе этого противодѣйствіе главному теченію могло быть слабое, а напоръ вліянія главнаго теченія неизбѣжно долженъ былъ усиливаться.

Называли тоже графа Панина въ числѣ оппозиціонныхъ членовъ правительства, но о какихъ-либо проявленіяхъ этой оппозиціи его я ничего не слыхалъ, тѣмъ болѣе, что потомъ графъ Панинъ сталъ вполнѣ на сторонѣ эмансипаторовъ. Какъ бы то ни было, но я запомнилъ, что въ то время много говорили объ одномъ совѣщаніи у Государя, гдѣ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на ту оппозицію, которая была, или, вѣрнѣе, которая Ему была представляема, высказался самымъ категоричнымъ и рѣшительнымъ образомъ за освобожденіе съ землею; слухи прибавляли, что Государь при этомъ сдѣлалъ жестъ, ударивъ кулакомъ по столу, получившій значеніе энергичной и окончательной рѣшимости, при которомъ Онъ сказалъ: какъ Я рѣшилъ, такъ и будетъ.

Лица, которыя передавали объ этомъ эпизодѣ, прибавляли, что Государь проявилъ кромѣ энергической рѣшимости извѣстное возбужденіе или раздраженіе противъ чего-то, будто бы, противившагося Его волѣ.

Вотъ это былъ результатъ того зловреднаго дѣйствія, которое производили Самаринъ и Комп., сочиняя ка-

кого-то врага Государевымъ намѣреніямъ, никогда на дѣлѣ не существовавшаго... Они, какъ будто, опасались, что простое политическое убѣжденіе въ необходимости реформы могло быть недостаточнымъ стимуломъ для Государя вести дѣло энергично до конца; они опасались, какъ будто внутренной реакціи въ самомъ Государѣ во имя дворянскихъ интересовъ, близость которыхъ Государю иные предполагали возможною по его прошлому, по его аристократическимъ, такъ сказать вкусамъ и преданіямъ, и вотъ, изъ опасенія этого поворота или чьего-либо вліянія въ пользу дворянства, они рѣшились отрѣзать путь къ отступленію для Государя, внушивъ ему какое-то искусственное чувство раздраженія противъ какой-то сопротивляющейся дворянской партіи. Оттого, когда они увидѣли Государя въ раздраженіи, ударяющимъ кулакомъ по столу и говорящимъ: Я рѣшилъ, и такъ будетъ! — они обрадовались этому событію, какъ побѣдѣ, и въ особенности какъ несомнѣнному признаку, что поворота къ болѣе дворянскому воззрѣнію, къ болѣе безпристрастному и безличному образу дѣйствій не будетъ.

И дѣйствительно, его уже не было. Всѣ элементы либеральнаго движенія руководили дѣломъ и направляли его къ намѣченному исходу. Приближенные же тогда говорили, что надо избѣгать попытокъ говорить съ Государемъ противъ принятыхъ имъ рѣшеній, чтобы его не раздражать и не сердить.

Государь былъ тогда въ осадномъ положеніи. Это время было, между прочимъ, замѣчательно тѣмъ, что чуть ли не всякій грамотный человѣкъ на Руси брался за перо, чтобы писать какой-либо проектъ реформы по тому или другому государственному вопросу, и всякій посылалъ свой проектъ Государю. Рядомъ съ этимъ

диктаторствовалъ въ заграничной запрещенной печати Герценъ съ своими многочисленными проектами, и тутъ же разные государственные люди сочиняли свои проекты, и все это посылалось или передавалось въ собственныя руки Государя. Разумѣется, всего этого было слишкомъ много, слишкомъ не по силамъ одному человѣку, да еще въ такое время, когда надо было столько отдавать вниманія крестьянскому вопросу, и я совершенно убѣжденъ, что эта огромная масса наваливавшихся на Государя проектовъ и вопросовъ его переутомляла и отнимала у него возможность къ чему бы то ни было относиться съ легкимъ и пріятнымъ настроеніемъ сердца.

Какъ я сказалъ, въ то время газетная печать играла въ нашей умственной жизни весьма слабую роль.

Но, въ то же время, отчасти благодаря несомнѣнному обаянію во многихъ сферахъ такой подпольной проповѣди, какъ Герценскія статьи, отчасти благодаря какому то послабленію рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества, до учебныхъ заведеній включительно, дисциплины, умы постепенно начинали выходить изъ-подъ опеки старыхъ преданій и переходить въ новую область какого то стремленія къ чему то новому, какихъ то сѣтованій на прошлое и какихъ то претензій къ настоящему.

Живя въ большомъ свѣтѣ, я въ немъ этихъ признаковъ новой эпохи не находилъ ни въ какихъ рѣзкихъ проявленіяхъ. Преданія старины оставались въ чести, никто на нихъ не покушался и политическіе разговоры не носили никакого характера ни злобы, ни желчи, ни неудовольствія, такъ сказать, политическаго.

Но совершенно случайно мнѣ пришлось убѣдиться, что совсѣмъ не такъ мирно и благодушно жили люди въ среднемъ или въ интеллигентномъ классѣ. Въ особенности

начала сильно сказываться перемѣна въ образѣ мыслей въ учащейся молодежи. Въ интеллигентныхъ кружкахъ шла умственная работа обличительная и даже раздраженная противъ порядка вещей. Требовалось нетерпѣливо, какъ будто, что то большее, чѣмъ эмансипація крестьянъ. Узналъ я объ этомъ изъ разговоровъ съ Іосафатомъ Петровичемъ Огрицко. Судьба насъ съ нимъ сблизила совершенно естественно. Огрицко былъ при моей теткѣ, А. А. Карамзиной, чѣмъ то вродѣ домашняго секретаря по преемству отъ ея мужа и моего дяди, убитаго въ турецкую войну, Карамзина. Функціи его были несложны, что позволяло ему заниматься своими дѣлами. А его собственныя дѣла заключались въ начатой имъ тогда работѣ, — собраніи польскихъ законовъ для предпринятаго имъ труда, «volumina legum» и въ группированіи около себя, подъ предлогомъ сотрудничества, разныхъ вольнодумцевъ изъ молодыхъ людей университета и изъ своихъ сверстниковъ. Въ ту пору я съ нимъ видѣлся довольно часто въ домѣ моей тетки и, затѣмъ, онъ заходилъ ко мнѣ и мы съ нимъ часто бесѣдовали, а такъ какъ онъ былъ блестяще уменъ и пріятенъ въ бесѣдѣ, то я не могъ не находить большаго удовольствія въ обществѣ съ нимъ.

Общимъ тономъ всѣхъ разговоровъ Огрицки была тонкая иронія. Онъ относился ко всему, что дѣлалось, не только скептически, но насмѣшливо, исходя изъ мысли, что все это ребячество въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно. А нужно было, по его мнѣнію, радикальное измѣненіе строя жизни и именно государственной жизни, въ смыслѣ прекращенія всего, что онъ называлъ деспотизмомъ и произволомъ. По его мнѣнію, тогдашнему, если правительство не приметъ на себя инициативу либеральнаго, самаго рѣшительнаго переформированія государственнаго

строя, начнется внутренняя или подпольная работа всѣхъ элементовъ, *забитыхъ*, *униженныхъ* и *недовольныхъ* противъ правительства и неизбѣжно, путемъ революціоннымъ, дѣйствія достигнутъ того, что теперь, пока еще есть время, правительство могло бы устанавливать путемъ спокойнымъ. Когда на эти мысли я отвѣтилъ Огрицкѣ вопросомъ: «да гдѣ же вы берете эти революціонные элементы? я, признаться, ихъ не вижу»,—онъ мнѣ добродушно отвѣтилъ, что ими кишатъ всѣ канцеляріи и департаменты, ими кишатъ всѣ наши университеты, что они вездѣ есть и только слѣпые ихъ не видятъ.

Зайдя однажды на квартиру Огрицки, я пересталъ быть слѣпымъ, ибо какъ разъ попалъ къ нему въ то время, когда у него въ сборѣ была его *команда*. Признаюсь откровенно, никогда не представлялъ въ своемъ воображеніи типъ нигилиста или анархиста въ натурѣ. У Огрицки увидѣлъ впервые разнообразные экземпляры этого типа и ужаснулся. Тогда слова «нигилистъ» еще не существовало. Еще менѣе, казалось, было поводовъ думать о примѣненіи къ кому-нибудь клички «анархистъ», но самое дѣло того и другого, какъ оказалось, тогда уже существовало. Фигуры эти, немытыя, нечесанныя, гадкія и выраженіемъ и физіономіею, доселѣ во мнѣ воскресаютъ живыми, и когда, послѣ нѣсколькихъ минутъ побывки у Огрицки, я вышелъ на улицу, я почувствовалъ, что вышелъ изъ какого то душнаго смрада.

Но только нѣсколько лѣтъ позже я убѣдился, что Огрицко правду говорилъ, когда увѣрялъ меня, что уже въ то время въ каждой канцеляріи и въ каждомъ департаментѣ есть его единомышленники. Несомнѣнно, что это было чѣмъ то вродѣ скрытно распространившейся духовной эпидеміи, признаки которой, впрочемъ, не долго

заставили себя ждать, ибо уже въ 1861 году явились первые симптомы безпорядковъ въ средѣ студентовъ.

Огрицко говорилъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьяго ига далеко не уѣдешь. Нужнѣе для Россіи освобожденіе образованнаго люда отъ гнета деспотизма и т. д. И вотъ эту то пропаганду вели въ разныхъ сферахъ, преимущественно между молодежью, разные Огрицки.

Полемъ для такой пропаганды было то нетвердое направленіе, которое, со смертью графа Уварова, приняло министерство народнаго просвѣщенія. Преемникъ его, Бородинскій инвалидъ (безъ одной ноги) и писатель, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, былъ прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Товарищемъ его былъ прелестный и обаятельный поэтъ князь Вяземскій, но оба вмѣстѣ и каждый порознь были слишкомъ добры, слишкомъ довѣрчивы, слишкомъ идеальны для своей миссіи. Миссія эта была не легкая. Не только предстояло стоять твердо у кормила министерской власти за всѣ старыя преданія власти и дисциплины, за весь строй порядка, но надо было бороться съ наступавшими на школу волнами и вѣяніями новаго времени. Я живо помню мои впечатлѣнія отъ встрѣчъ тогда у князя Вяземскаго съ однимъ изъ представителей, тогда довольно крупнымъ, педагогическаго міра, и ту антипатію, которую мнѣ внушала тогда его желчная и холодная рѣчь. Человѣкъ этотъ былъ Никитенко. Слушая этого *умнаго* человѣка, всегда говорившаго зло и насмѣшливо рѣшительно о каждомъ и рѣшительно обо всемъ, я въ то время испытывалъ только антипатичное къ нему чувство. Задавалъ себѣ наивный вопросъ: неужели въ эту душу никогда не входило доброе впечатлѣніе, неужели никогда изъ этой души не исходитъ мысль, согрѣтая сердцемъ?

Но потомъ я понялъ и другое. Я понялъ, что когда такіе сухіе, желчные и холодные люди допускаются къ какому либо дѣлу, имѣющему живое отношеніе къ молодежи, тогда они то и являются главными виновниками нравственнаго растлѣнія этой молодежи... Они принимаются за нею ухаживать, ища у нея популярности, вмѣсто того, чтобы ее держать въ строгомъ повиновеніи, и, играя въ фрондеровъ и обличителей, когда можно безопасно, въ мягкомъ креслѣ гостиной, бранить и осмѣивать правительство, они передъ молодежью дѣлаются холопами... Когда, долго послѣ, я читалъ записки этого Никитенки, мои чувства къ нему не улучшились, а, напротивъ, ухудшились, ибо въ запискахъ я увидѣлъ, какъ онъ рисовался и извращалъ факты и характеры лицъ, а себя разрисовывалъ какимъ-то борцомъ за идеальную гуманность. А я помню его, когда въ гостиной князя Вяземскаго онъ умѣлъ соединять ухаживаніе за княземъ, какъ за вліятельнымъ человѣкомъ, съ выгодною тогда ролью фрондера и обличителя-сатирика.

Послѣ Норова явилось еще болѣе слабое управленіе кратковременнаго министерства гр. Путятина, неизвѣстно почему попавшаго на министерское кресло; при немъ, въ сферахъ учащейся молодежи, начали чувствовать, что можно и на головѣ ходить... Явилась сверху какая-то доброта слабости, и если студенты ею не воспользовались, чтобы изъ университета въ то время сдѣлать республику, то это лишь потому, что графъ Путятинъ имѣлъ за себя и за свой авторитетъ обаяніе необыкновенно добраго и почтеннаго человѣка, а молодежь, которая прежде всего молода, то есть, въ сущности, и благородна, и добра, инстинктивно отвращалась отъ мысли отвѣчать на доброту министра зломъ и причинять ему огорченіе.

XV.

(1861 годъ).

Настроеніе общества.—Мой отецъ какъ помѣщикъ.—Черта крестьянской благодарности. — Наканунѣ 19 февраля. — Толки и чувства. — Забытый вопросъ.—19 февраля.—Государь и Его впечатлѣнія.—Настроеніе внутри Россіи.

Необыкновенно спокойное настроеніе умовъ по отношенію къ крестьянскому вопросу, царившее въ теченіе всего подготовительнаго къ крестьянской реформѣ періода, продолжалось и въ началѣ знаменитаго 1861 года.

Въ 1860 году въ Петербургѣ принимали участіе въ разработкѣ вопроса губернскіе депутаты отъ дворянства; казалось бы, можно было ожидать историческихъ, такъ сказать, минутъ—въ теченіе этого послѣдняго подготовительнаго періода, въ видѣ оживленныхъ споровъ и энергическихъ протестовъ, но ничего этого не было: дѣло подвигалось скорымъ, но въ то же время нерушимымъ путемъ. Отчасти тому способствовало то обстоятельство, что петербургскіе воротилы крестьянскаго вопроса тщательно позаботились о томъ, чтобы не допускать въ число провинціальныхъ делегатовъ лицъ слишкомъ оппозиціонныхъ, отчасти потому, что, какъ я сказалъ, на самомъ дѣлѣ этой оппозиціи активной, массовой, партійной и организованной совсѣмъ не было. Какой-нибудь петербургскій ораторъ оппозиціи Безобразовъ — заставлялъ о

себѣ говорить, потому что онъ дѣйствительно и наружностью, и талантомъ былъ выдающійся ораторъ, но онъ былъ одинъ въ полѣ воинъ: имъ восхищались, но на него глядѣли съ меланхоліею, ибо знали, что около него нѣтъ слѣдовъ партіи, способной отстаивать свою оппозицію.

Къ положенію дворянства въ эту минуту какъ нельзя болѣе примѣнялись библейскія слова пророчества: «яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ передъ стригущими его безгласенъ; во смиреніи судъ его взязтся»...

Во всякомъ случаѣ иностранецъ, который пріѣхалъ бы за два или за три мѣсяца до 1861 года въ Петербургъ, несомнѣнно былъ бы пораженъ отсутствіемъ признаковъ того, что готовится и близится моментъ окончанія одного изъ величайшихъ государственныхъ переворотовъ въ Россіи, равнымъ по общественному значенію имѣвшаго себѣ только французскую революцію 1789 года.

Въ эту минуту кстати вспомнить то, что смиренное имя моего отца, отставного подполковника гвардіи, освѣщается яркою славою какъ русскаго дворянина и какъ человѣка-христіанина въ особенности; къ концу работъ по крестьянскому дѣлу выяснилось, что изъ числа помѣщиковъ, всего менѣе взимавшихъ оброка со своихъ крестьянъ, были графъ Шереметевъ и мой отецъ, съ тою лишь разницею, что у графа Шереметева было болѣе ста тысячъ крестьянъ, а у моего отца до 2,000 душъ, и не только ни разу мой отецъ не увеличивалъ 6 рублей оброка, но прощалъ недоимки, всякому помогалъ лѣсомъ, сердечно входилъ въ положеніе всякаго нуждающагося; а такъ какъ при этихъ условіяхъ большая часть крестьянъ была, сравнительно, богата, и отдѣльные крестьяне торговали купцами второй гильдіи и ворочали десятками тысячъ, то легко понять, какое нравственно-прекрасное

значеніе имѣлъ во славу моего отца тотъ фактъ, что онъ, не взирая на безбѣдное состояніе своихъ крестьянъ, никогда и не подумалъ возвышать въ теченіе 30 лѣтъ взимавшійся съ нихъ пустяшный оброкъ. Имена нѣкоторыхъ сподвижниковъ по крестьянскому дѣлу, изъ творившихъ его съ желчью и съ ненавистью, перешли въ исторію. А между тѣмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что такіе помѣщики, какъ мой отецъ и какъ графъ Шереметевъ, болѣе сдѣлали для славы крестьянскаго дѣла своими отношеніями къ крестьянамъ и для славы русскаго дворянства.

Не менѣе историческаго интереса имѣетъ та справка, которую дала жизнь въ отвѣтъ на вопросъ: какъ возблагодарили такого отца-помѣщика наши добрые мужички, эти чуть-ли не евангельскими добродѣтелями прославлявшіеся тогда представители «de ce bon peuple?»

Издавна былъ у крестьянъ моего отца обычай въ Новый годъ и на Пасху присылать депутаціи съ поздравленіемъ и приношеніями конфектъ, сладкихъ пироговъ и фруктовъ. Послѣднее приношеніе ими сдѣлано было въ январѣ 1861 года. Послѣ ни одного разу они не приходили поздравлять моего отца! Черта эта комментарій не требуетъ.

Въ январѣ 1861 говорили въ гостиныхъ о предстоящей 19 февраля реформѣ съ извѣстнымъ оживленіемъ. Состоялось знаменитое засѣданіе государственнаго совѣта, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императора, небывавшее никогда ни до этого, ни послѣ, посвященное окончательному разсмотрѣнію положенія о крестьянахъ. Говорили о томъ, что Императоръ пожелалъ, чтобы составленіе манифеста было поручено митрополиту московскому Филарету, при участіи графа Блудова, графа Панина и

Великаго Князя Константина Николаевича. Но, рядомъ съ этимъ царившимъ по крестьянскому вопросу оживленіемъ, скептики и критики задавали себѣ вопросъ: да гдѣ же тотъ, кто будетъ вводить такую громадную и трудную реформу? Вопросъ этотъ относился къ личности министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Ланской казался слишкомъ слабымъ и развалившимся для такого исполинскаго дѣла, а между тѣмъ по странной случайности, подтвердившей и на сей разъ ту мысль или легенду, что первый министръ въ Россіи всегда Николай Чудотворецъ, приступили къ реформѣ въ 1861 году не только не задумавшись надъ вопросомъ: есть ли человѣкъ, способный ее проводить, но какъ будто забывши про этотъ вопросъ. Забыли и многое другое, не менѣе важное.

Помню, что въ то время спокойные и безпристрастные умные люди говорили о томъ, что хорошо было бы передъ наступленіемъ 19 февраля созвать: 1) всѣхъ губернаторовъ, чтобы преподать имъ одну общую инструкцію, и дать имъ тонъ, по которому они могли бы дѣйствовать, и 2) всѣхъ губернскихъ предводителей дворянства, съ цѣлью: а) въ ихъ лицѣ поблагодарить все дворянство за патріотическое дѣло, ими свершенное, и б) призвать ихъ къ духовному, такъ сказать, содѣйствію правительству въ предстоящемъ великомъ трудѣ введенія положенія 19 февраля. Такой созывъ губернскихъ предводителей дворянства имѣлъ бы историческое значеніе торжественнаго исповѣдыванія Государемъ передъ лицомъ своего народа той громадной исторической заслуги, которая съ такою любовью, съ такимъ глубокимъ вѣрноподданическимъ чувствомъ, съ такимъ безпредѣльнымъ самоотверженіемъ была принесена дворянствомъ на алтарь отечества.

Но ничего изъ этихъ мыслей не осуществилось... Съ

свойственными имъ лукавостью и косностью, дѣятели крестьянскаго вопроса упорно постарались осуществленіе этой прекрасной мысли сдѣлать невозможнымъ.

Это было характерное начало либеральной комедіи, разыгрывавшейся 20 лѣтъ подрядъ; казалось-бы въ принципѣ, что могло быть либеральнѣе, какъ признать цѣлое сословіе и образованное притомъ соучастникомъ въ правительственной дѣятельности и возвысить его общественное значеніе.

Но именно потому это признаніе исторической заслуги за сословіемъ было отвергнуто по ненависти, что рѣчь шла о сословіи дворянскомъ, и отвергнуто для присвоенія заслуги исключительно и всецѣло правительству тѣми самыми людьми, которые немедленно послѣ, когда громадный корабль 19 февраля 1861 года былъ спущенъ на воду, и либералы признали *дворянство загубленнымъ*, всю свою дальнѣйшую дѣятельность направили къ ослабленію того самаго правительства и къ усиленію общественности, но въ видѣ какого то фантастическаго новаго сословія— интеллигентнаго пролетаріата.

Но этого мало. Сначало занялись подбираніемъ очень усердно флигель-адъютантовъ, которыхъ предстояло разсылать по Россіи для объявленія манифеста 19 февраля. Безспорно, между этими флигель-адъютантами были и достойные, и способные люди: прежняя практика посылки для наборовъ дала нѣкоторымъ изъ нихъ кое-какія практическія свѣдѣнія и сметку въ области внутренней жизни Россіи, но были и совсѣмъ неспособные къ этому дѣлу, которые, тѣмъ не менѣе, съ тѣми же полномочіями посланы были въ такую трудную минуту на столь отвѣтственное дѣло.

А рядомъ съ этимъ, только 2 мѣсяца послѣ 19 фе-

враля, въ 1861 году догадались и спохватились въ Петербургѣ, что въ провинціи, въ деревняхъ никакой власти для введенія положенія не имѣется и что *мировыхъ посредниковъ еще нѣтъ*, и вся полицейская часть этого грандіознаго государственнаго переворота легла, съ одной стороны, на присланнаго изъ Петербурга флигель-адъютанта, а съ другой стороны на полицію — *того времени*, то-есть, на знаменитыхъ земскихъ исправниковъ по выбору изъ дворянъ. О реформѣ полиціи надумали только 2 года спустя.

Вотъ какъ легкомысленно тогда пущено было дѣло; воротилы его все свое вниманіе сосредоточили надъ земельнымъ вопросомъ, то-есть надъ заботою какъ можно глубже поразить дворянство, а объ интересахъ порядка и правительства они мало думали, до такой степени мало, что когда вышелъ манифестъ 19 февраля и вышло положеніе о крестьянахъ, оказалось, что эмансипаторы *позабыли* или не захотѣли выработать *уставъ вотчинной полиціи*... на нихъ возложенный, какъ задача. Такъ поднесь онъ и не вышелъ.

Безвластіе и безпорядокъ были тѣми элементами, которые призваны были въ 1861 г. быть воспріемниками отъ купели этого новорожденнаго дитяти 19 февраля 1861 года.

Вотъ и наступило великое 19 февраля.

Потомки наши могли бы себѣ представить обстановку этого дѣла необыкновенною по торжественности и, такъ сказать, въ декоративномъ отношеніи.

Но именно этой декоративной торжественности вовсе не было. Какъ всегда, въ этотъ день было торжественное богослуженіе въ Исаакіевскомъ соборѣ, куда съѣхались

высшіе чины, генералитетъ и военные, и гдѣ прочитанъ былъ прекрасный манифестъ пера Филарета.

Говорили въ городѣ до этого дня, что будто Государь со всею Царскою Фамиліею будетъ присутствовать на богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ и при чтеніи манифеста; другіе говорили, что будетъ въ этотъ день большой выходъ во Дворцѣ; иные даже прибавляли, что съ балкона во Дворцѣ будетъ чтеніе манифеста, но ничего этого не было, и во Дворцѣ, какъ всегда, былъ въ этотъ день малый выходъ.

Единственное необыкновенное событіе, въ этотъ день случившееся, было привѣтствіе Государя народомъ на Сенатской площади въ третьемъ часу дня. Государь ѣхалъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и толпы крестьянъ были допущены къ поднесенію ему хлѣба-соли. Но размѣры этой толпы были настолько скромные, что, очевидно, это было привѣтствіе, заранѣе поставленное генералъ-губернаторомъ княземъ Суворовымъ въ извѣстныя рамки.

Помню, что тогда очень искренно жалѣли, что народному привѣтствію не даны были болѣе достойные событію широкіе размѣры.

Записалъ я въ тотъ день другое впечатлѣніе, которое по своему характеру было историческое. Послѣ прогулки Государь вошелъ къ своей дочери, Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ, любимому своему дѣтищу, съ сіявшимъ лицомъ, поднялъ ее на руки, принялся цѣловать, и съ такимъ чуднымъ, съ сіяніемъ радости, лицомъ сказалъ тутъ же находившейся воспитательницѣ Великой Княжны, Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, потомъ Аксаковой, которая мнѣ это и разсказывала,—j'ai voulu embrasser ma fille le plus beau jour de ma vie! (я захотѣлъ разцѣловать мою дочь въ лучшій

день моей жизни). Слова эти имѣютъ двойной историческій смыслъ. Во-первыхъ, они выражаютъ то прекрасное настроеніе душй, въ которомъ Александръ II совершилъ и объявилъ своему народу великую реформу, и, во-вторыхъ, увы, это были какъ слова радости, какъ слова, выражавшія наслажденіе его души,—его лебединой пѣснью.

Послѣ были отклики мгновеннаго удовольствія, веселія, но такихъ словъ Царь-Освободитель болѣе не произносилъ. Слова Его, что онъ считаетъ этотъ день лучшимъ днемъ его жизни—сбылись въ полномъ смыслѣ этого слова. Никогда лучшаго дня уже не было въ его жизни.

Нельзя себѣ уяснить,—въ тѣ дни, кто, кромѣ Государя, испыталъ 19 февраля такое чистое настроеніе. Мнѣ казалось, что всѣ, съ которыми я встрѣчался, относились къ событію не довольно радостно: иные относились, какъ будто, недовѣрчиво, другіе—сомнительно, третьи—пессимистично, пророча какіе то неизбѣжные безпорядки.

Дѣло въ томъ, что общее впечатлѣніе было таково, будто искренности не доставало въ настроеніи.

Причина тому была нехорошая.

Безъ преувеличенія и безъ натяжки можно сказать, что Царь, радовавшійся 19 февраля 1861 года о совершившейся реформѣ искренно, былъ однимъ изъ немногихъ въ Петербургѣ.

У большей части его сотрудниковъ радость эта не могла быть искренна потому, что и работа ихъ была неискренна: они гораздо болѣе работали для политической и соціальной идеи, чѣмъ для дѣйствительнаго блага народа, чѣмъ для дѣйствительной славы Государя. А Государь работалъ надъ этимъ дѣломъ съ единственною мыслію совершить огромную соціальную реформу для блага своего народа. Оттого его радость о 19 февралѣ 1861 года была

искренна, а радость его сотрудниковъ была испорчена вопросами и сомнѣніями вродѣ слѣдующихъ: достаточно ли отняли у дворянъ земли, достаточно ли пошатнуто дворянство земельное въ своихъ устояхъ и въ своихъ основахъ, достаточно ли создано для него критическое и трудное положеніе?

Это была одна психическая черта, мѣшавшая въ высшихъ сферахъ радоваться крестьянской реформѣ искренно. Но было и другое психическое явленіе, мѣшавшее обществу радоваться дѣлу 19 февраля искренно,—это явленіе происходило въ интеллигентныхъ сферахъ; на этой реформѣ тамъ не задумывались: тамъ на нее не смотрѣли съ участіемъ патріотическимъ и не останавливались надъ нею серьезно; въ этихъ сферахъ смотрѣли на крестьянскую реформу мимоходомъ, какъ на первый шагъ къ дальнѣйшему либеральному будущему, какъ на первую брешь въ цитадели старины, и, нетерпѣливо требуя дальнѣйшаго, умы отходили отъ крестьянской реформы въ минуту, когда она объявилась.

Но совсѣмъ иное настроеніе было тогда внутри Россіи. Реформа 19-го февраля принята была тамъ съ благоговѣніемъ тѣмъ самымъ дворянствомъ, которое въ Петербургѣ либеральные реформаторы хотѣли, во что бы то ни стало, представить какою то оппозиціонною правительству и Государю массою и надъ матеріальнымъ разореніемъ котораго они такъ усердно ломали себѣ головы, совершая задачу освобожденія крестьянъ.

Благоговѣніе это къ реформѣ высказалось какъ нельзя болѣе краснорѣчиво въ томъ единодушіи и въ томъ единомысліи, съ которыми рѣшительно вездѣ дворянство откликнулось на призывъ правительства поставить изъ своей

среды мировыхъ посредниковъ для введенія крестьянскаго положенія 19 февраля.

Это не была простая готовность идти на это дѣло, это не было движеніе, вызванное какими-либо интересами личными; нѣтъ, то былъ энтузіазмъ, то-есть, такое же самое чувство, съ какимъ въ крымскую войну всякій, кто могъ, бросалъ свой домъ и шелъ въ ряды русскихъ ратниковъ. Старики-дворяне или сами шли на должность мирового посредника, или посылали своихъ сыновей; иные бросали удобныя мѣста въ Петербургѣ и Москвѣ и стремились въ свой уѣздъ на должность мирового посредника.

Интересно констатировать, что совсѣмъ этого настроенія въ средѣ земельнаго дворянства эмансипаторы въ Петербургѣ не ожидали. Они ждали другого: они были увѣрены въ томъ, что земельное дворянство пребудетъ вѣрнымъ своей роли безгласнаго передъ стригущими агнца и что не найдется *лучшихъ людей* изъ среды дворянства для дѣятельности мировыхъ посредниковъ, и что за неимѣніемъ ихъ не то чиновники, не то кто-нибудь, первый встрѣчный изъ мѣстнаго дворянства, возьмутся за это дѣло, какъ слѣпые исполнительные чиновники въ рукахъ губернаторовъ.

Дворянство, наоборотъ, сознало, насколько важно было для успѣха дѣла его личное участіе въ его веденіи, и устремилось къ нему въ благородномъ порывѣ патріотизма. Вотъ это была существенно важная историческая минута, важная тѣмъ, что она доказала, насколько дворянство способно подъ вліяніемъ патріотической или политической идеи сплотиться въ замыслѣ выдѣлять изъ своей среды *лучшихъ людей*.

Дѣйствительно, лучшіе люди пошли въ должность ми-

рового посредника и дѣло пошло повсемѣстно поразительно хорошо.

Но лѣтописецъ, констатируя этотъ отрадный для чести русскаго дворянства фактъ, долженъ, увы, тутъ же оговориться и записать въ свою лѣтопись, что это состояніе дворянскаго патріотизма длилось не долго, самое большое два года. Потомъ дворянство охладѣло и съ той минуты о сплоченности его замолкла рѣчь.

XVI.

(1861 годъ).

Путешествіе Государя. — Приглашеніе въ Святыя Горы Потемкиныхъ.— Мои впечатлѣнія въ Святыхъ Горахъ. — Ожиданіе и приготовленіе къ къ пріѣзду Императрицы. — Пріѣздъ. — Впечатлѣніе.—Неожиданное прибытіе Государя.

Въ маѣ начали ходить толки про большое путешествіе Государя и Государыни по Россіи. Въ концѣ мая узналъ отъ Татьяны Борисовны Потемкиной, что толки про Царское путешествіе основательны, и что, дѣйствительно, въ августѣ, послѣ обычнаго лагернаго сезона, Государь съ Императрицею предпринимаютъ поѣздку на югъ, съ конечною цѣлью прожить осень въ Крыму, на южномъ берегу, въ только что пріобрѣтенномъ ими у графа Потоцкаго имѣніи, Ливадіи.

При этомъ Татьяна Борисовна сказала, что она просила Императрицу по дорогѣ заѣхать къ ней въ Святыя Горы, въ Харьковской губерніи, и что Императрица обѣщала ей этотъ визитъ.

— Venez aussi,—сказала мнѣ добрая старушка,—вы мнѣ поможете въ моихъ хлопотахъ.

При этомъ, какъ я узналъ послѣ, самъ владѣтель Святыхъ Горъ, почтенный Александръ Михайловичъ Потемкинъ, проявилъ свою обычную оригинальность. Татьяна Борисовна сообщила мужу о томъ, что она пригласила

въ Святыя Горы Императрицу и сказала ему: я надѣюсь, что ты поѣдешь со мною принимать Государыню.

— Я?—почти разсердившись отозвался старикъ Потемкинъ —я не выѣду ни на шагъ изъ Гостилицы, а ты принимай, кого хочешь.

Такъ онъ и не поѣхалъ, приказавши въ то же время, чтобы Татьянѣ Борисовнѣ былъ открытъ безграничный кредитъ для пріема Царственныхъ Гостей.

И не ѣздилъ онъ въ Святыя Горы только потому, что тамъ Татьяна развела монаховъ, какъ онъ говорилъ.

Въ іюлѣ я поѣхалъ въ деревню, побывалъ въ Смоленской губерніи и въ Курской губерніи; въ обѣихъ засталъ полную тишину и полное спокойствіе, не смотря на самый разгаръ эмансипаціоннаго года.

Тамъ, въ деревнѣ Курской губерніи, я получилъ уже настоятельное приглашеніе отъ Татьяны Борисовны Потемкиной явиться въ Святыя Горы, въ августѣ мѣсяцѣ, и къ назначенному времени направился туда. Изъ Харькова предстояло сдѣлать 120 верстъ по грунтовой дорогѣ до станціи «Голая Долина», а оттуда свернутъ въ Святыя Горы. Прибывъ въ Святыя Горы, я ахнулъ отъ никогда невиданной мною подобной красоты мѣстности, съ живописнымъ Донцомъ, съ однимъ берегомъ луговымъ, а съ другимъ—горнымъ, съ огромною мѣловою скалою, на которой зиждется верхняя часть громаднаго Святогорскаго монастыря, съ роскошною зеленью, и погрузился молодою душою въ дивный міръ поэтическихъ впечатлѣній.

Засталъ Татьяну Борисовну въ разгарѣ ея хлопотъ. Впрочемъ, надо сказать, что хлопоты эти были очень скромныя; какъ настоящая барыня, Татьяна Борисовна Потемкина и не думала о томъ, чтобы поразить Императрицу роскошью въ обстановкѣ, зная, что не Царей

удивлять роскошью, а только старалась о томъ, чтобы все было удобно, говоря: я хочу удивить и угостить Императрицу не блескомъ и не лукулловскимъ обѣдомъ, а красотою природы и прелестями этого поэтическаго уголка. На другой же день я посвященъ былъ въ исторію этого волшебнаго святилища мира и поэзіи. Тутъ когда-то былъ монастырь. Потомъ онъ закрылся и обратился въ развалины. Татьяна Борисовна Потемкина возымѣла мысль снова устроить на старомъ мѣстѣ монастырь: нашелся своего рода Петръ Великій изъ монаховъ, отецъ архимандритъ Арсеній; онъ взялся за устройство монастыря, Татьяна Борисовна убѣдила мужа дать монастырю землю, лѣсу, дали въ распоряженіе настоятеля крѣпостной трудъ мужика, и создалась новая святогорская обитель, съ уставомъ афонскихъ монастырей. Благодаря помощи Татьяны Борисовны, или, вѣрнѣе, щедротамъ ея мужа и энергичнымъ трудамъ отца Аренія, монастырь въ нѣсколько лѣтъ обстроился, расширился и населился монашескою братіею. Я засталъ тамъ уже преемника отца Арсенія, отца Германа, строгаго аскета и очень умнаго энергичнаго настоятеля, державшаго въ желѣзныхъ рукахъ громадную братію. Братія эта изображала собою цѣлый пчелиный рой. Въ этомъ монастырѣ все работало и все работало въ потѣ лица, такъ какъ у монастыря имѣлись большія хозяйства: хлѣбное, молочное и лѣсное. При этомъ церковная служба строго подчинялась аѳонскимъ уставамъ: прекрасный хоръ пѣвчихъ пѣлъ старые напѣвы; всенощная начиналась въ 6 и длилась по 6 и 8 часовъ подрядъ, а въ большіе праздники начиналась около полуночи и кончилась къ 6 часамъ утра.

Дисциплина была строжайшая, и передъ отцомъ Германомъ трепетали всѣ.

Не лишено было комизма, что этотъ строгій аскетъ, отецъ Германъ, подчасъ дѣлалъ внушенія Татьянѣ Борисовнѣ за то, что ея барышни смущали покой сердецъ монастырской братіи. При Татьянѣ Борисовнѣ находились двѣ компаніонки, онѣ были молоды и общительны, и очень естественно, когда отецъ Германъ приходилъ къ Татьянѣ Борисовнѣ служить въ ея домашней церкви и приводилъ съ собою монаховъ, то онѣ обмѣнивались невинными любезностями на словахъ съ монахами, пока отецъ Германъ велъ душеспасительную бесѣду съ Татьяной Борисовной. И вотъ, отецъ Германъ журилъ Татьяну Борисовну за то, что она не въ достаточной святости держитъ своихъ компаніонокъ, а Татьяна Борисовна съ почтительною серьезностью, изъ страха къ отцу Герману, уговаривала своихъ барышень *не губить души* святыхъ отшельниковъ, какъ она говорила.

Я засталъ живописную картину на правомъ берегу Донца. Слухъ объ ожидающемся пріѣздѣ Царицы прошелъ по всей округѣ и произвелъ свое дѣйствіе: сотни народа стали исподволь сбираться къ Святымъ Горамъ и расположились лагеремъ въ шатрахъ на берегу Донца. А такъ какъ 15 августа былъ храмовой праздникъ въ монастырѣ, то и къ этому дню сбирались заранѣе толпы богомольцевъ, такъ что ко времени пріѣзда Императрицы, по словамъ исправника, можно было насчитывать около 30 тысячъ пришлаго народа. И на все это пришлое населеніе— одинъ земскій исправникъ, 1 становой и нѣсколько полицейскихъ стражниковъ.

Въ монастырѣ я, между прочимъ, познакомился съ весьма интереснымъ типомъ схимника. Лѣтъ пятнадцать до того одинъ изъ монаховъ, почувствовавъ приближеніе смерти и выслушавъ отъ врачей свой смертный приго-

воръ, мотивированный чахоткою въ ея послѣднемъ періодѣ, попросилъ у настоятеля позволенія принять большую схиму, и, пріявъ ее, поселился въ вырубленной въ мѣловой скалѣ кельѣ, въ вышину его роста и въ ширину около 3 аршинъ. Въ этой кельѣ былъ столикъ съ иконами и затѣмъ гробъ, въ который онъ ложился на ночь. Свѣта не было, кромѣ освѣщенія отъ восковой свѣчки. Такимъ образомъ, этотъ умиравшій отъ чахотки монахъ поселился въ кельѣ, гдѣ не было дневного свѣта и гдѣ не было притока воздуха, при полномъ отсутствіи вентиляціи. И вотъ этотъ умиравшій, когда я его видѣлъ, уже шестнадцатый годъ жилъ въ этой кельѣ и 15 лѣтъ ежедневно ждалъ смерти. Вотъ вамъ и теорія кубическаго содержанія воздуха, вотъ вамъ и теорія извѣстнаго воздуха для легкихъ въ чахоткѣ. На второй годъ стала уже ходить молва между богомольцами объ этомъ схимникѣ, а года черезъ три онъ сталъ уже извѣстнымъ по всѣмъ окрестнымъ губерніямъ и слылъ за святого. Тутъ, какъ мнѣ разсказывалъ схимникъ, наступила для него невыносимо тяжелая пора: съ одной стороны стали пускать къ нему богомольцевъ, сотнями приходившихъ его смущать своими обращеніями къ нему, какъ къ святому; съ другой стороны, это обманутое ожиданіе смерти, превратившееся въ безконечный затворъ, до того стало его мучить, что онъ рѣшился умолять настоятеля дозволить выйти изъ кельи и вернуться къ братіи, но настоятель, во избѣжаніе соблазна, ему этого не разрѣшилъ. И вотъ, говорилъ онъ, я живу, и чѣмъ больше живу, тѣмъ сильнѣе меня Богъ испытываетъ искушеніями и обольщеніями. Потомъ я узналъ, что схимникъ этотъ прожилъ еще 7 лѣтъ и умеръ черезъ пять минутъ послѣ того, когда былъ перенесенъ изъ

кельи своей въ монастырскую больницу. Онъ прожилъ умирающимъ отъ чахотки 22 года и, какъ говорилъ мнѣ тамъ врачъ, сохранился живымъ по той же причинѣ, по которой при извѣстныхъ условіяхъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ сохраняются мертвыя тѣла.

Управленіе громаднымъ святогорскимъ имѣніемъ Потемкиныхъ было, какъ все у нихъ,—оригинально. Имъ завѣдывалъ, подъ названіемъ le bourmistre, одинъ малограмотный казакъ-крестьянинъ и больше никто. А имѣніе это давало около ста тысячъ дохода. Вотъ этому-то казаку-бурмистру поручено было, между прочимъ, озаботиться, чтобы все нужное для пріема Императрицы было на-лицо, особливо по части провіанта.

Домъ, въ которомъ жила Татьяна Борисовна Потемкина, былъ двухъ-этажный, не особенно большой и, въ ожиданіи своихъ гостей, сама хозяйка должна была поселиться въ одной комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ, отдавши весь верхъ Царственнымъ Гостямъ.

Наступилъ и день пріѣзда. Днемъ, до обѣда, Татьяна Борисовна выѣхала въ коляскѣ четверней, съ форейторомъ, къ парому Донца, въ четырехъ верстахъ отъ дома, на встрѣчу Царицѣ. Я и племянникъ ея, князь А. К., сопровождали ее верхомъ, въ оригинальномъ костюмѣ: въ цилиндрахъ, во фракахъ и при бѣломъ галстухѣ. Около четырехъ часовъ показались экипажи Царицы. Погода была восхитительная и картина встрѣчи — весьма живописная, благодаря морю народа, со всѣхъ сторонъ широко разстилавшемуся. Царскій поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ экипажей. Съ Императрицею прибыли: малолѣтняя тогда Великая Княгиня Марія Александровна и Великій Князь Сергій Александровичъ, съ ихъ воспитательницею, Анною Ѳедоровною Тютчевою, потомъ Аксаковою, за-

тѣмъ, фрейлина Императрицы, княжна Долгорукова (потомъ Альбединская), оберъ-гофмаршалъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ и докторъ Петерсъ. Императрица была въ веселомъ расположеніи духа и, цѣлуя Татьяну Борисовну Потемкину, сообщила ей, что она наслаждается путешествіемъ, какъ чуднымъ сномъ.

Нельзя сказать, чтобы вся эта громадная толпа народа привѣтствовала Царицу, какъ у насъ на сѣверѣ, крикомъ «ура» и нараспашку. Здѣсь мы увидѣли совсѣмъ иную картину: толпа скорѣе безмолствовала, но, глядя съ какимъ-то напряженнымъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ на картину, крестилась, и набожно крестилась. Этотъ особенный здѣсь характеръ народнаго привѣтствія объяснялся тѣмъ, что впервые здѣсь изпоконъ вѣка народъ видѣлъ Царицу; никто изъ этихъ тысячей народа не представлялъ себѣ Царицу иначе, какъ въ коронѣ, въ сіяніи и въ особыхъ облаченіяхъ. Оттого главное дѣйствіе было благоговѣйное разглядываніе, и подъ вліяніемъ представленія о личности Царской Особы, какъ о чемъ-то святомъ, народъ крестился.

Когда, переѣхавъ паромъ, Императрица съ Дѣтьми сѣла въ открытую коляску Татьяны Борисовны Потемкиной и вмѣстѣ съ нею помчались по направленію къ Святымъ Горамъ, тогда всѣ эти толпы народа ринулись вслѣдъ и стали оглашать воздухъ криками «ура».

У Святогорскаго моста картина стала поразительно торжественна. Громкіе колокола разносили звуки своего радостнаго перезвона, тысячи народа кричали «ура». Императрица въ полномъ восторгѣ отъ дивной картины монастыря, отъ этихъ изліяній народнаго привѣтствія, не вѣрила своимъ глазамъ.

Прибывъ въ домъ Потемкина и увидя съ балкона

видъ на монастырь на Донецъ, и на далекіе берега, Императрица воскликнула: non, comme c'est beau, comme c'est beau, и сказала Татьянѣ Борисовнѣ: «Какъ вы счастливы, что имѣете такой рай земной».

Съ перваго раза мы познакомились съ типичной личностью старика графа Шувалова.

— Есть у меня теперь время заниматься вашими красивыми пейзажами,—отвѣтилъ онъ по-французски хозяйкѣ, — когда нужно заниматься всею этою voletaille. Они требовательнѣе Ихъ Величествъ, эти скоты! И едва онъ успѣлъ кончить свой туалетъ, какъ началъ суетиться.

Было отчего: ибо вмѣстѣ съ Императрицею прибыло цѣлыхъ два экипажа придворной челяди, не особенно, какъ мы увидѣли, расположенной къ субординаціи и оказавшейся не въ духѣ, когда убѣдилась, что приходится располагаться бивуакомъ за неимѣніемъ *комфортабельныхъ* помѣщеній.

Передъ обѣдомъ мы, то-есть К. и я, были представлены Императрицѣ. Тутъ же я представлялся графу Шувалову и княжнѣ Долгоруковой, которая, не будучи красивою, своею стройностью и своимъ умнымъ лицомъ производила чарующее впечатлѣніе. Императрица насъ плѣнила своею простотою и своею естественностью: она была весела, разговорчива и все, что она говорила, дышало искренностью и отсутствіемъ всякой банальности; а такъ какъ она была очень умна и образованна, то слушать ее доставляло удовольствіе.

Я, по крайней мѣрѣ, никогда не видавшій вблизи Царской Фамиліи, похожъ былъ, отчасти, на тѣхъ хохловъ, которые представляли себѣ Царей съ сіяніями; я представлялъ себѣ, что они не умѣютъ быть ни простыми, ни естественными. И вдругъ начать знакомство съ

Дворомъ и Императрицею и увидѣть, что она естественнѣе и проще всѣхъ нашихъ тогдашнихъ грандъ-дамъ.

По маршруту Императрица должна была пробыть въ Святыхъ Горахъ слѣдующій весь день и выѣхать утромъ третьяго дня, на соединеніе съ Государемъ, который въ это время дѣлалъ смотръ въ Чугуевѣ. На другой день утро Императрица посвятила монастырю; была у обѣдни, торжественно встрѣченная настоятелемъ съ братіею, и затѣмъ, осмотрѣвъ монастырь, вернулась къ завтраку домой. Впечатлѣнія ея были новыя и самыя пріятныя. Графъ же Шуваловъ ворчалъ на то, что служба была слишкомъ длинная. Вечеромъ послѣ обѣда была восхитительная прогулка въ лодкахъ по Донцу, при лунномъ освѣщеніи, въ теплую и тихую украинскую ночь, и при огняхъ, зажигавшихся по берегамъ, гдѣ раздавались и пѣсни и привѣтствія бивуакировавшихъ тысячей народа.

На другой день, утромъ, сюрпризъ столь же пріятный, сколько совсѣмъ нежданный. Императрица рано утромъ передумала и послала телеграмму Государю, въ которой просила Его пріѣхать къ обѣду въ Святыя Горы.

Тутъ я лишній разъ полюбовался самою Татьяною Борисовною. Она, разумѣется, была въ восторгѣ отъ этого извѣстія, но дѣло въ томъ, что провіантъ былъ истощенъ, предвидѣли утромъ отъѣздъ, а вмѣсто этого надо было приготовить обѣдъ Государю. Какъ ни въ чемъ ни бывало, она мнѣ сообщила это извѣстіе и поручила мнѣ объявить ея повелѣніе бурмистру, чтобы все было къ обѣду готово. Я призвалъ бурмистра и сообщилъ ему краткій приказъ Татьяны Борисовны.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ бурмистръ, — все будетъ исполнено,—и больше ничего мнѣ не прибавилъ.

Черезъ пять минутъ летѣли факторы-евреи верхомъ въ разныя направленія.

Кредитъ, какъ я сказалъ, для пріема былъ объявленъ А. М. Потемкинымъ безграничнымъ.

Комиченъ былъ въ это утро графъ Шуваловъ. Привыкшій къ пунктуальности во всемъ, что касается обихода Императорскихъ Особъ, онъ не могъ допустить возможности такой революціи въ маршрутѣ и такого разсужденія, какъ то, которое высказала Императрица, какъ будто отнимая у нея право быть простою смертною; здѣсь прелестно, я хочу, чтобы Государь здѣсь побывалъ, онъ придетъ въ восхищеніе, спѣшить намъ некуда.

Вотъ эти впечатлѣнія и мысли совсѣмъ сбивали съ толку старика-педанта и онъ съ тономъ упрека констатировалъ, что въ первый разъ ему приходится видѣть такое нарушеніе маршрута. Татьяна Борисовна мило надъ нимъ подшучивала; Шуваловъ же ей говорилъ: да вы сами-то что шутите, а развѣ у васъ готово все, что нужно для пріема Государя?

— Будетъ готово, не безпокойтесь.

— Однако, я сомнѣваюсь: Государь имѣетъ свои привычки, онъ пьетъ свое вино.

— Знаю,—говоритъ Татьяна Борисовна,—il aura son Mozell mousseuz.

Послѣ 4-хъ часовъ прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Государь пріѣдетъ къ 6-ти часамъ.

Все тотъ же исправникъ и все тѣ же два становыхъ пришли въ нервный страхъ. Вѣсть пронеслась мигомъ по всей окрестности. И толпы народа стали подниматься на встрѣчу Царю.

И, дѣйствительно, аккуратно въ 6 часовъ Государь въ коляскѣ съ графомъ Алекс. Влад. Адлербергомъ при-

былъ въ Святыя Горы. Затѣмъ прибылъ сопровождавшій его харьковскій губернаторъ генералъ Ахматовъ.

Когда Государь прибылъ, Татьяна Борисовна обратилась къ нему и говоритъ, что извиняется, но дворца Ему дать для помѣщенія не можетъ, а только маленькій флигелекъ. Государь на это засмѣялся и она провела Его во флигель, гдѣ были двѣ комнаты; ковры въ этихъ комнатахъ были простого домашняго издѣлія, а самая роскошная мебель заключалась въ простыхъ клеенчатыхъ диванахъ. Государь вошелъ и сказалъ: Я буду наслаждаться этою простотою. Онъ тоже испытывалъ чарующее вліяніе мѣстности и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Увидя старика Шувалова съ озабоченнымъ лицомъ, Государь разсмѣялся и сказалъ: а ты, вѣрно, ворчишь на насъ за эту эскападу.

Знаменитый *бурмистръ* исполнилъ данное ему приказаніе. Къ 6 часамъ былъ сервированъ роскошный обѣдъ.

До обѣда мы были представлены Татьяной Борисовной Потемкиной Государю, который съ нами обошелся не только любезно, но ласково. За обѣдомъ Государь былъ главнымъ разговаривавшимъ лицомъ, такъ какъ Онъ разсказывалъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ. Затѣмъ, нечего говорить, что во все время обѣда никто не чувствовалъ себя въ придворномъ оцѣпенѣніи, напротивъ, всѣмъ было весело, пріятно, отрадно, безъ малѣйшаго даже признака принужденнаго состоянія. Государь спрашивалъ хозяйку о крестьянахъ святогорскаго имѣнія. Хозяйка ему отвѣтила, что здѣсь продолжаетъ царить патріархальное состояніе старины, и никакихъ недоразумѣній не обнаружилось, что подтвердилъ и губернаторъ харьковскій генералъ Ахматовъ, тутъ же сидѣвшій и на-

звавшій Святыя Горы благодатнымъ уголкомъ своей губерніи.

Я имѣлъ случай познакомиться ближе въ этотъ вечеръ съ Ахматовымъ. Надо полагать, что здѣсь, въ Святыхъ Горахъ, онъ положилъ основаніе своей новой карьерѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Ахматовъ началъ свою службу въ кавалергардскомъ полку, былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, а потомъ отъ фронтовой службы перешелъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ: спокойный, твердый въ характерѣ, глубоко вѣрующій, со всѣми преданіями и завѣтами старой дворянской семьи въ душѣ, онъ въ то же время былъ человѣкъ впечатлительный, воспріимчивый, очень умный, и съ запасомъ священнаго огня. По наукѣ церковной онъ былъ однимъ изъ учениковъ Андрея Николаевича Муравьева.

Бѣдный Муравьевъ не переставалъ мечтать о постѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода... Когда очистилась Протасовская компанія, слухи городскіе и даже синодскіе прочили на это мѣсто Муравьева; къ его мечтѣ стало приливать подкрѣпленіе, въ видѣ надеждъ, исходившихъ изъ этихъ толковъ, но, увы, какъ потомъ разсказывалъ мнѣ Ахматовъ, когда онъ, появившемуся къ нему Муравьеву, возвѣстилъ въ Петербургѣ о томъ, что выборъ Государя палъ на него, Ахматова, Муравьевъ не могъ скрыть нанесеннаго ему удара, и такъ и опустился, сраженный этимъ извѣстіемъ, на стулъ.

У Ахматова было много разсудительности, и прелесть его заключалась въ тѣхъ мягкихъ и теплыхъ сердечныхъ мотивахъ, которыми сопровождались его мысли.

Послѣ обѣда состоялась прогулка по Донцу на лодкахъ.

Прогулка была эта до такой степени событіемъ изъ сказочнаго міра Шехерезады, по красотѣ впечатлѣній, что Государь буквально испытывалъ нѣчто въ родѣ восторженнаго состоянія. И дѣйствительно, никогда и нигдѣ послѣ, по днесь, я не видѣлъ и не испытывалъ ничего подобнаго, какъ впечатлѣнія отъ прекраснаго. Ночь наступила теплая и лунная. Море десятковъ тысячъ народа волновалось и бушевало по правой сторонѣ Донца, а Донецъ тихо дремалъ волшебно отражая во всю свою даль и мѣсячный блескъ и тысячи всевозможныхъ огней.

Большая лодка вмѣстила всѣхъ гостей съ хозяйкою. Гребцы, въ красныхъ рубахахъ и въ шапкахъ съ павлиньимъ перышкомъ и въ плисовыхъ черныхъ безрукавкахъ, стройно гребли въ двѣнадцать веселъ, впереди шла лодка съ монастырскимъ хоромъ пѣвчихъ; толпы народа покрывали длинный берегъ; раздавались крики, возгласы, кто крестился, кто крестилъ лодку, бабы поднимали дѣтей своихъ на руки, какъ будто прося для нихъ Царскаго благоволенія, молодежь крестьянская бѣгала сотнями вдоль берега за лодкою, иные, чтобы ближе видѣть Царя, стояли по грудь въ водѣ; а на высокомъ, горномъ берегу, въ густой и темной зелени бора ежеминутно вспыхивали и горѣли бенгальскіе огни, въ продолженіе всей прогулки. Первая остановка была въ поэтическомъ скиту монастыря. Тамъ, подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ и мрачныхъ сосенъ, отрядъ монастырскихъ монаховъ устроилъ себѣ особый пріютъ уединенія и молитвы, подъ названіемъ скита, изъ котораго никто уже не выходилъ, и гдѣ цѣлый день они проводили въ молитвѣ. Появленіе Царей въ этомъ мѣстѣ молитвы, стро-

гаго покоя и вѣчнаго разъединенія со свѣтомъ производило какое-то таинственное впечатлѣніе. Изъ скита шествіе направилось внизъ по Донцу къ маленькой фермѣ, на поэтическомъ мѣстѣ устроенной, гдѣ милая святогорская хозяйка устроила вечерній чай. Никогда не забуду выраженіе наслажденія этимъ деревенскимъ просторомъ, этимъ чуднымъ, волшебнымъ вечеромъ на лицѣ Государя. Онъ каждымъ дыханіемъ, каждымъ вѣяніемъ наслаждался... и казался молодымъ двадцатилѣтнимъ человѣкомъ.

Тѣ же волшебныя впечатлѣнія сопутствовали Гостямъ при обратномъ шествіи. Въ одиннадцатомъ часу вечера кончилась прогулка, и такъ какъ на другое утро отъѣздъ долженъ былъ состояться послѣ обѣдни, то всѣ разошлись на ночлегъ рано.

Около полуночи, проходя по святогорскому саду, я увидѣлъ характерную картину, напоминавшую цыганскій таборъ: подъ деревьями пылали огни подъ большими чанами, а около нихъ суетились какія-то фантастическія тѣни; я спросилъ одну изъ этихъ тѣней, что они дѣлаютъ: оказалось, что это была работа царской кухни: повара и мундшенки готовили разныя блюда и соуса для царской кухни на всю дальнѣйшую поѣздку Двора до Ливадіи включительно.

Утромъ въ 8 часовъ всѣ уже были на ногахъ. Государь, отдохнувшій и веселый, вышелъ въ 8 часовъ изъ своей кельи и, привѣтствуя Татьяну Борисовну съ добрымъ утромъ, сказалъ ей, что спалъ какъ убитый, и затѣмъ отправился гулять по саду. Въ 9 часу началась обѣдня въ домовой церкви Татьяны Борисовны, ее служилъ настоятель монастыря отецъ Германъ съ четырьмя старшими іеромонахами. Пѣвчіе пѣли восхитительно.

Во время причастнаго стиха невольно хотѣлось смѣяться,

глядя на безпокойство и даже на тревогу старика графа Шувалова, постоянно глядѣвшаго на часы и приходившаго въ нервное состояніе отъ того факта, что причастный концертъ пѣлся слишкомъ долго.

У графа Шувалова на эту часть обѣдни полагалось по обычаю 5 минутъ, а пѣніе продолжалось около четверти часа.

— Les 5 minutes sont depuis longtemps écoulées, — говорилъ суетясь графъ Шуваловъ, глядя на часы, — et ils chantent toujours...

Послѣ обѣдни появился фотографъ — разумѣется, еврей, — и Царскіе Гости были столь любезны, что, по просьбѣ Татьяны Борисовны, дали снять себя въ общей группѣ святогорской компаніи; группа вышла замѣчательно удачна. Затѣмъ поданъ былъ завтракъ, а послѣ завтрака состоялся отъѣздъ. Государь, прощаясь съ нами (съ К—мъ и со мною), милостиво сказалъ намъ: до свиданья въ Крыму и пригласилъ насъ туда пріѣхать.

Государь, Императрица съ двумя Дѣтьми и съ Татьяною Борисовною поѣхали въ ея коляскѣ до парома. За паромомъ ждали Ихъ Величествъ дорожные экипажи и вся свита. Ѣзда до парома была волшебнымъ шествіемъ въ морѣ народныхъ волнъ. Я и К. мы были снова въ роли верховыхъ и открывали шествіе. Но, увы, тутъ же пришлось мнѣ убѣдиться, что я плохой царедворецъ. Уѣзжая Императрица дала мнѣ свой букетъ съ тѣмъ, чтобы я отдалъ ей букетъ у парома, въ ея дорожную карету.

Я взялъ букетъ, берегъ его, но когда сѣлъ на лошадь, чтобы скакать впередъ, я позабылъ, что букетъ положилъ на столъ въ комнатѣ, и, переполненный впечатлѣніями, вырывавшими слезы отъ зрѣлища народныхъ привѣтствій,

я вспомнилъ о букетѣ тогда, когда Императрица, сѣвъ въ свой дормезъ, сказала мнѣ: et mon bouques... Я долженъ былъ въ наивности своей сознаться, что въ попыхахъ оставилъ его дома... Императрица, глядя на мое сконфуженное лицо, вѣроятно, простила мнѣ мое преступленіе, ибо улыбнулась и протянула мнѣ любезно руку, но потомъ всякій разъ, когда она мнѣ что-нибудь поручала, она прибавляла: seulement n'oubliez pas, comme vous avez oublié le bouquet.

Такихъ чудныхъ часовъ, какъ въ эти три святогорскіе дня, въ жизни ужъ не повторилось... Ни звука о политикѣ никѣмъ произнесено не было.

XVII.

(1861 годъ).

Поѣздка въ Крымъ.—Ливадія.—Старикъ графъ Бобринскій.—Мой первый литературный опытъ.—Чтеніе въ Ливадіи.—Графъ А. П. Шуваловъ.—Мое пожалованіе въ камеръ-юнкеры.

Послѣ отъѣзда Ихъ Величествъ мы оставались долго подъ впечатлѣніемъ и въ обаяніи этого радостнаго совсѣмъ необыкновеннаго событія, и домъ святогорскій сталъ своего рода святынею для тысячей народа, подымавшихся на гору къ нему, чтобы посмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ жили Царь и Царица.

Я пробылъ въ этомъ земномъ раю еще три недѣли и, затѣмъ, отправился на почтовыхъ черезъ Екатеринославскую губернію и землю войска Донского на Таганрогъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и отплыть въ Ялту. По выходѣ парохода въ Азовское море, я познакомился къ вечеру съ зыбью этого моря, которая хуже оказалась качки Чернаго моря и даже Ламанша. Короткая волна все время мѣняетъ направленіе качанія судна, и едва началась эта зыбь, какъ всѣ почти пассажиры легли-лежмя на палубѣ, принявши блѣдно-желтый цвѣтъ лица.

Заходивши въ Бердянскъ и Маріуполь, и въ Керчи пересѣвъ на другой пароходъ, мы прибыли на третій день въ Ялту. Изъ Ялты я отправился въ чудное имѣніе, тогда принадлежавшее моей теткѣ, княгинѣ Мещер-

ской, сестрѣ Татьяны Борисовны Потемкиной, Гатру, гдѣ я и поселился, заставъ уже въ имѣніи Татьяну Борисовну Потемкину. Въ тотъ годъ, благодаря первому пріѣзду Двора, южный берегъ началъ переполняться пріѣзжими гостями, но всѣ удобства, начиная съ гостинницъ— были еще въ зародышѣ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи, я имѣлъ честь быть позваннымъ на вечернее собраніе въ Ливадію.

Причиною этого зова было мое первое произведеніе пера. Я написалъ описаніе пребыванія Ихъ Величествъ въ Святыхъ Горахъ и прочиталъ его Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, которая объ этомъ передала Императрицѣ. Императрица пожелала прослушать эти воспоминанія, и вотъ, вмѣстѣ съ Татьяною Борисовною, былъ позванъ азъ грѣшный. Отъ Государя я имѣлъ честь и радость узнать, что къ 30 августу я былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

Въ большой Ливадійской гостиной сервированъ былъ чайный столъ; Императрица сидѣла у стола и сама разливала чай; Государь съ своими партнерами игралъ въ ералашъ; въ числѣ нихъ былъ графъ Адлербергъ А. В., князь В. А. Долгоруковъ, шефъ жандармовъ и симпатичный, знаменитый графъ Алексѣй Бобринскій, владѣлецъ Смѣла, главный иниціаторъ сахарнаго дѣла въ Россіи и основатель первой желѣзной дороги въ Россіи, Царскосельской. Потомъ я имѣлъ случай ближе познакомиться съ этою дѣйствительно замѣчательною и крупною личностью. Это былъ живой, бойкій, любознательный, образованный и умный старикъ, любившій все, что кипѣло жизнью, что выражало умную мысль и что касалось области труда; онъ говорилъ кратко, но замѣчательно опредѣленно и ясно; онъ слушалъ всегда внима-

тельно, и въ обращеніи съ Царями былъ все тотъ же, въ лучшемъ смыслѣ слова, джентльмэнъ и грансеньеръ, какимъ былъ съ каждымъ изъ насъ. Тутъ же въ гостиной былъ и его близкій другъ оберъ-гофмаршалъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, съ которымъ я познакомилъ читателя уже въ Святыхъ Горахъ. Въ иныхъ проявленіяхъ личности онъ казался контрастомъ своего друга, графа Бобринскаго. Графъ Шуваловъ отличался отъ графа Бобринскаго своею типичностью во всемъ, что было придворный міръ; это былъ оригинальный типъ вельможи-царедворца. При Дворѣ онъ весь отдавался культу Двора, но этотъ культъ не уничтожалъ въ немъ ни человѣка, ни вельможу, но въ особыхъ живописныхъ краскахъ бралъ, такъ сказать, верхъ, или, какъ говорятъ французы, имѣлъ шагъ надъ всѣмъ остальнымъ. Умный и пріятный собесѣдникъ, образцовый семьянинъ, идеальный отецъ, какъ только онъ входилъ въ святилище своего придворнаго культа, онъ весь въ него погружался, и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вы видѣли верховнаго жреца придворнаго культа; но рядомъ съ тѣмъ, какъ онъ самъ въ себѣ, такъ и другіе въ немъ никогда не забывали и не переставали видѣть графа Шувалова, то-есть честнаго человѣка и носителя старыхъ преданій гранъ-сеньера. Послѣ него я встрѣчалъ придворныхъ людей, характерно называемыхъ по-французски des plats pieds, но графа Шувалова я никогда не встрѣчалъ послѣ.

Послѣ чая Императрица пригласила меня начать чтеніе. Государь прекратилъ игру и удостоилъ меня слушать. Чтеніе произвело пріятное впечатлѣніе. Государь сказалъ мнѣ: «спасибо, очень мило и живо написано», а Императрица, одобривъ содержаніе, сказала мнѣ, что она требуетъ только, чтобы всѣ слова: «Августѣйшіе», «из-

волили» и т. п. были выкинуты, такъ какъ они портятъ простоту и жизненность изложенія. Старикъ графъ Бобринскій мнѣ протянулъ руку и сказалъ: «я васъ поздравляю, въ васъ слышится искра святого огня вашего дѣда». Этотъ маленькій успѣхъ моего перваго пера былъ для меня большою радостью, но въ особенности я былъ счастливъ тѣмъ, что доставилъ удовольствіе моей дорогой и милой Татьянѣ Борисовнѣ, которой ласка и доброта ко мнѣ были чисто материнскія, и которой, любуясь ею, я былъ обязанъ, что съ перваго шага моего на придворномъ поприщѣ могъ въ ней найти тотъ духовный секретъ, посредствомъ котораго придворные успѣхи и, вообще, придворный міръ не портятъ и не подлятъ человѣка. Прощаясь, Императрица сказала мнѣ, что будетъ очень рада, если я мою статейку напечатаю въ газетѣ по прибытіи въ Петербургъ.

Послѣ этого вечера я удостоился еще раза два приглашеній на вечеръ и одинъ разъ на обѣдъ къ Ихъ Величествамъ въ Ливадію.

Въ это время я уже былъ по рангу придворнымъ человѣкомъ. По пріѣздѣ, лично отъ Государя узналъ, что 30 августа я былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера, по представленію тогдашняго министра юстиціи Замятина. Ихъ Величества посѣтили мою тетку княгиню Мещерскую и Татьяну Борисовну въ Гатрѣ и провели у нихъ вечеръ. Затѣмъ, я былъ приглашенъ на морскую прогулку на пароходѣ въ Судакъ Императрицею. Первая часть поѣздки была восхитительная, благодаря чудной погодѣ, но къ вечеру начался вѣтеръ, все усиливаясь, дошелъ до такихъ размѣровъ, что явился вопросъ объ опасности высаживаться въ ялтинской бухтѣ. Но Императрица была удивительно храбра, не говоря о томъ, что

Ее не укачивало. Она была бодра и весела и слышать не хотѣла объ опасностяхъ для высадки. На пароходѣ, днемъ, я удостоился бесѣды съ Императрицею tête à tête, въ теченіе часа времени, который, по Ея желанію, я посвятилъ разсказамъ о моей полицейской службѣ, причемъ Она особенно заинтересовалась вопросомъ арестантовъ и образомъ ихъ тогдашняго содержанія, который, дѣйствительно, былъ очень плохъ; въ этомъ разговорѣ я не могъ не обратить вниманія, насколько Императрица много знала такого, что Она, въ своемъ положеніи, казалось могла и не знать и до чего додуматься Ей было некогда. Такъ, напримѣръ, говоря о содержаніи арестантовъ, Она настаивала на той мысли, что арестанты, находящіеся подъ слѣдствіемъ, не могутъ содержаться на такомъ же положеніи, какъ арестанты, приговоренные къ наказанію, такъ какъ каждый изъ первыхъ можетъ оказаться невиннымъ, и содержатся подъ стражею только изъ предосторожности.

Подошли мы, однако, къ Ялтѣ. Дѣйствительно, положеніе было не изъ легкихъ и не изъ пріятныхъ. Море волнуется страшно, темно, шквалъ дуетъ во всю, а приходится высаживаться на катеръ и потомъ пройти добрыхъ полторы версты. Императрица только смѣялась, видя озабоченныя лица въ окружавшихъ и храбро пошла впередъ, ступая по трапу, при поэтическомъ свѣтѣ факеловъ. Попасть въ катеръ было не легко: надо было ждать, когда волна подниметъ его до трапа, и сразу броситься въ объятія матросовъ. Императрица это совершила весьма ловко, на всякомъ изъ насъ лежала обязанность ей подражать.

Но, слава Богу, всѣ попали на катеръ благополучно, и затѣмъ долженъ признаться, что, имѣвши возможность

познакомиться съ тремя видами качки съ Азовскою зыбью, съ Черноморскою качкою на пароходѣ и затѣмъ съ грозною волною на катерѣ, я испыталъ, что послѣднее изъ трехъ ощущеній гораздо пріятнѣе, тогда какъ тѣ ощущенія, хотя я, какъ оказалось, не страдаю морскою болѣзнью, весьма непріятны.

Вскорѣ послѣ этой прогулки мнѣ пришлось возвращаться въ Петербургъ, такъ какъ отпускъ уѣзднаго суда окончился, и здѣсь я былъ осчастливленъ новымъ знакомъ милостиваго вниманія и любезности Императрицы. Она позвала меня къ себѣ и вручила мнѣ письмо для Ея Сына, Цесаревича Николая Александровича, сказавши мнѣ, что будетъ очень рада меня съ нимъ познакомить... Затѣмъ, прощаясь, Императрица сказала мнѣ съ улыбкою: надѣюсь, что вы не забудете мое письмо, какъ забыли мой букетъ,—и протянула мнѣ руку.

Графъ Шуваловъ сдѣлалъ мнѣ другой сюрпризъ, тоже пріятный. Онъ отправилъ меня курьеромъ и выдалъ 500 рублей денегъ на дорогу.

Въ первый разъ приходилось постичь и испытать всю прелесть магическаго слова: курьеръ въ почтовой ѣздѣ. Досталъ я наемную легкую коляску и на четверкѣ помчался въ Москву.

Дѣйствительно, я мчался, дѣлая среднимъ числомъ около 18 верстъ въ часъ. Помню, что когда я ѣхалъ въ Крымъ, мнѣ пришлось на одной станціи ждать лошадей около 3 часовъ времени. Эта станція славилась постояннымъ отвѣтомъ станціоннаго смотрителя всякому пріѣзжему: *нѣтъ лошадей.*

Подъѣзжаю я къ ней. Едва подъѣхалъ, какъ выскочилъ смотритель съ докладомъ: лошадей нѣтъ, придется обождать... Тутъ же стояла коляска съ готовою четвер-

кою. Я, ничего не говоря, отдаю смотрителю свою магическую подорожную, на которой значилось, что я ѣду курьеромъ по Высочайшему повелѣнію, и вхожу на станцію. Тамъ застаю одного генерала, который доканчиваетъ свой завтракъ. Мы раскланялись, и онъ очень любезно предлагаетъ мнѣ закусить, разсказывая при этомъ, что уже третій часъ сидитъ на проклятой станціи и не можетъ дождаться своей четверки. Но вотъ, не прошло трехъ минутъ, какъ вбѣгаетъ смотритель и докладываетъ: ваше сіятельство, лошади готовы! Я прощаюсь съ генераломъ, выхожу и что же вижу: четверка генерала очутилась у моей коляски, а коляска генерала опять безъ лошадей. Пригнала же меня злая судьба пятью минутами раньше его отъѣзда. Я вернулся къ генералу, чтобы извиниться передъ нимъ, но бѣдный генералъ впалъ въ меланхолію.

На одной станціи за Харьковомъ встрѣтился я со старикомъ М. Е. Ковалевскимъ, министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ со мною заговорилъ, и тутъ я узналъ отъ него, что онъ спѣшитъ въ Петербургъ, гдѣ начались студенческіе безпорядки. Ковалевскій произвелъ на меня очень симпатичное впечатлѣніе: отъ его личности вѣяло чѣмъ-то благороднымъ и добрымъ; но сразу можно было почувствовать, что это не тотъ желѣзный человѣкъ, который былъ нуженъ въ ту критическую минуту, когда именно желѣзная энергія была нужна, чтобы сломить въ началѣ стихію шалостей и своеволій, разсвирѣпѣвшую въ молодыхъ умахъ, сломить, чтобы съ ней же спасти сотни юношей отъ дальнѣйшихъ расплатъ съ Немезидою за шалости... Потомъ это оказалось; но въ минуты разговора на станціи Ковалевскій на словахъ хотѣлъ на меня произвести впечатлѣніе будущаго энергичнаго человѣка.

Летѣлъ я, какъ сказалъ, быстро, а главное—безостановочно, днемъ и ночью, такъ что, пріѣхавъ въ Москву вечеромъ, я ни разу въ эти 4 дня не успѣлъ выпить чаю, и ни разу не уснулъ, ибо спать въ коляскѣ не умѣлъ. Какъ вчера, помню адскую муку: выйду изъ коляски подъ утро и сяду на ступеньки крыльца станціоннаго дома, и едва сяду, какъ засыпаю; но едва засну, какъ будятъ меня зловѣщимъ: «готово», и опять дальше.

Въ Москвѣ сказалъ себѣ: высплюсь, такъ какъ поѣзда, въ то время три, изъ Москвы уходили въ Петербургъ только днемъ. Но не тутъ-то было. Выпивъ съ восторгомъ двѣ чашки чаю и закусивъ, я легъ спать. Мигомъ заснулъ; но вдругъ меня сразу будитъ какой-то пушечный выстрѣлъ, я вскакиваю, и затѣмъ начинаю чувствовать какое-то небывалое нервное состояніе, точно въ головѣ все путается, и сонъ отлетѣлъ... Такъ до утра провалялся, и потомъ отъ доктора узналъ, что это былъ припадокъ сильнаго дѣйствія чайнаго яда на нервы, послѣ четырехъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ на открытомъ воздухѣ.

Этотъ выстрѣлъ былъ несомнѣннымъ признакомъ того именно отравленія, которое по своему дѣйствію однородно съ дѣйствіемъ на извѣстные организмы и въ извѣстной дозѣ гашиша.

Кое-какъ укрѣпился сномъ на другой день въ вагонѣ Николаевской дороги. Къ слѣдующему утру выписалъ себѣ по телеграфу коляску въ Колпино и, высадившись тамъ, сдѣлалъ свой туалетъ, облекся въ вицъ-мундирный фракъ и поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ проводили лѣто Государевы Дѣти.

XVIII.

(1861 г.).

Пріѣздъ въ Царское Село. — Впечатлѣнія. — Первое знакомство съ Цесаревичемъ Николаемъ и его братьями.—Въ Петербургѣ мой эпизодъ съ редакціей «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». — Графъ Блудовъ.—Эпизодъ съ Огрицко.—Обѣдъ у Замятиныхъ.—Старикъ Неклюдовъ.

Дорогою изъ Колпина до Царскаго Села предавался размышленіямъ. Я понималъ и чувствовалъ, что начинало сбываться что-то такое, чего я сильно желалъ, это своего рода таинственное впечатлѣніе въ жизни... Сколько разъ подъ вліяніемъ бесѣдъ съ П. Козловымъ, однимъ изъ близкихъ пріятелей Цесаревича Николая Александровича, и разговоровъ съ милыми друзьями нашей семьи Батышковыми, — родственниками Н. В. Зиновьева, бывшаго главнымъ воспитателемъ Великихъ Князей, я составлялъ себѣ идеальное представленіе объ этомъ, тогда слывшемъ за необыкновеннаго по своимъ чарамъ, Великомъ Князѣ, и сколько разъ, встрѣчая его на набережной и глядя на это лицо, выражавшее, дѣйствительно, что-то особенное, какую-то утонченную и въ то же время естественную и живую привѣтливость и дышавшее живымъ участіемъ къ окружавшей жизни, я думалъ, подобно многимъ, какъ хотѣлось бы съ такою выдающеюся личностью говорить и говорить обо всемъ, чѣмъ тогда полна была русская жизнь... И вотъ, когда на балконѣ «Ливадія» Импера-

трица вручила мнѣ письмо къ Наслѣднику, я съ какимъ-то суевѣріемъ почувствовалъ, что начинается осуществленіе одного сильнаго и искренняго желанія въ жизни, а тутъ, по дорогѣ къ Царскому Селу, на получасовомъ разстояніи отъ адресата моего письма, я еще сильнѣе испытывалъ это таинственное впечатлѣніе...

Но вотъ, около 10 час., я подъѣхалъ къ Царскосельскому Дворцу, и тутъ началъ испытывать уже совсѣмъ другое чувство: не то застѣнчивости, не то конфузливости, не то растерянности, при входѣ въ первый разъ въ жизни во дворецъ, гдѣ я никого не зналъ. Это чувство поглотило всѣ остальныя. Велѣлъ я о себѣ доложить, и меня ввели въ какую-то небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ, куда первыми вошли Великіе Князья Александръ и Владиміръ Александровичи, первый — въ своемъ финскомъ стрѣлковомъ сюртукѣ, а второй въ своемъ лейбъ-драгунскомъ сюртукѣ, въ сопровожденіи графа Бориса Алексѣевича Перовскаго. Я долженъ былъ самого себя представлять, и самъ сознавалъ, что долженъ казаться очень глупымъ.

Юные Великіе Князья были въ духѣ, веселые и задали мнѣ очень развязно нѣсколько вопросовъ; графъ Перовскій обошелся со мною очень любезно, такъ что, когда отворилась дверь и вошелъ въ флигель-адъютантскомъ сюртукѣ Наслѣдникъ, я уже чувствовалъ себя менѣе глупымъ и plus à mon aise... Великій Князь поговорилъ со мною минутъ пять и тоже оказался въ хорошемъ настроеніи духа, разспросилъ всѣ подробности крымскаго житья-бытья и, затѣмъ, такъ какъ предстояли имъ всѣмъ уроки, аудіенція кончилась, и я отретировался, познакомившись тоже съ полковникомъ О. Б. Рихтеромъ, который и тутъ, какъ всегда послѣ, явился тѣмъ, чѣмъ

онъ всегда былъ, ледянымъ по виду, что, какъ всѣ знали, никогда не мѣшало ему быть доступнымъ всякому теплому чувству.

Такъ совершилось мое первое знакомство съ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, положившее начало всей послѣдующей моей придворной части жизни. Я говорю «части жизни», ибо дѣйствительно часть жизни, и лучшая ея часть, по годамъ и по духовному содержанію, отдана была мною этому придворному міру съ его неистощимымъ запасомъ очень отрадныхъ и очень горькихъ впечатлѣній.

Изъ дворца я поѣхалъ къ дѣдушкѣ своему, князю Вяземскому, жившему тогда вмѣстѣ съ княгинею въ одномъ изъ китайскихъ домовъ въ царскосельскомъ паркѣ. Князь Вяземскій со своею острою, но доброю улыбкою привѣтствовалъ меня словами: «Поздравляю тебя съ придворными успѣхами!»

Оказалось, что князь имѣлъ въ виду мои литературные успѣхи. Я ему сдѣлалъ рапортъ объ этомъ моемъ первомъ произведеніи и просилъ у него разрѣшенія прислать ему для прочтенія мою рукопись. По его совѣту, я долженъ былъ передать ее, послѣ прочтенія имъ, княземъ Вяземскимъ, въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» для напечатанія. Вернувшись въ Петербургъ, я послалъ князю Вяземскому рукопись, затѣмъ, получивъ полное одобреніе отъ него и исправивъ ее согласно указаніямъ князя-поэта, я ее свезъ къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Очкину, съ записочкою рекомендательною отъ князя Вяземскаго.

Редакторъ, конечно, меня принялъ очень любезно, но сразу удивилъ меня, когда я увидѣлъ на лицѣ его что то вродѣ гримасы, едва я вкратцѣ передалъ ему со-

держаніе моей рукописи. Я въ наивности своей думалъ, что изъ-за содержанія статьи ее примутъ съ безконечнымъ удовольствіемъ.

Вернувшись въ Петербургъ, я сразу изъ одного міра перекинулся въ другой, совсѣмъ противоположный. Два цѣлыхъ мѣсяца я жилъ въ чудной поэзіи и въ душевномъ мирѣ; по пріѣздѣ въ Петербургъ очутился сразу въ мірѣ самой непривѣтливой прозы.

Засталъ Петербургъ нервно живущимъ студенческими безпорядками. Непостижимая ненаходчивость всего учебнаго начальства дала ребяческимъ шалостямъ студентовъ развернуться въ цѣлую политическую революцію; явились вожаки, своего рода Дантоны; явились бурныя сходки, уличныя толпы, студенческія делегаціи, съ шествіемъ на домъ попечителя, явилось требованіе студенческой конституціи, и все это—такъ себѣ, здорово живешь, только потому, что въ началѣ не нашлось ни одного энергичнаго и умнаго человѣка, который взялся бы весь этотъ мятежъ затушить въ корнѣ.

Гадко было, что студенты дали себя увлечь въ безпорядки именно въ 1861 году, доказывая этимъ, что первое проявленіе безпорядковъ въ Россіи въ отвѣтъ на великое Царское дѣло, первое проявленіе неблагодарности къ Царю, первое огорченіе Ему—произошло въ средѣ учащейся молодежи...

Во всякомъ случаѣ, съ этой осени начинается эпоха безпорядковъ въ Россіи. Несомнѣнно и то, что всѣ студенческіе безпорядки были дѣломъ политическихъ подстрекателей, которые пролѣзли въ университетъ. Черезъ нѣсколько дней по моемъ возвращеніи, я видѣлъ Огрицко, и отъ него узналъ именно это. Онъ сообщилъ мнѣ сіе даже съ улыбкою.

Во всякомъ случаѣ, время начиналось странное.

Эпизодъ, случившійся со мною по поводу моей статьи о пребываніи Ихъ Величествъ въ Святыхъ Горахъ, впервые меня научилъ тому, что врали тѣ, которые увѣряли, что либеральная тенденція у насъ не помѣшаетъ преданности Государю. Увы, потомъ мы дорогою цѣною узнали на опытѣ, какъ тѣсно сходились либерализмъ съ антимонархизмомъ, но въ то время это было для меня совсѣмъ неожиданнымъ открытіемъ. Проходятъ дни, а статья моя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ не появляется. Наконецъ, я ѣду въ редакцію.

Тутъ мнѣ говоритъ редакторъ, что, при всемъ желаніи, онъ не рѣшается печатать моей статьи.

— Отчего?—спрашиваю наивно.

— Да, видите-ли, отчего... Ужъ вы очень поэтизируете монастырь, а затѣмъ, по правдѣ сказать, не такое теперь время, чтобы восхищаться Царскими поѣздками...

Я остолбенѣлъ... Потомъ, оправившись, говорю редактору:—да вы, можетъ быть, все это говорите мнѣ, чтобы не высказать мнѣ прямо, что статья моя по вашему не пригодна для печати.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ редакторъ,—статья написана хорошо, съ огонькомъ и интересна, да не то время, чтобы ее печатать.

Я взялъ статью назадъ и съ негодованіемъ въ душѣ испросилъ аудіенцію у графа Блудова, бывшаго тогда президентомъ академіи наукъ, при которой «С.-Петербургскія Вѣдомости» и издавались. Графъ Блудовъ меня принялъ, выслушалъ, удивился и сказалъ мнѣ, что самъ прикажетъ напечатать *своею властью*. Я оставилъ у него рукопись, потомъ отъ него узналъ, что онъ ее прочиталъ

и послалъ къ редактору за подписью: прошу напечатать немедленно, и затѣмъ она напечатана все-таки не была.

Но, затѣмъ, со мною произошелъ эпизодъ еще характернѣе. Подъ впечатлѣніемъ студенческихъ безпорядковъ, я написалъ свое первое публицистическое произведеніе, подъ заглавіемъ: *Въ улику времени*, прочелъ ее князю Вяземскому, прочелъ ее нѣкоторымъ своимъ друзьямъ и, затѣмъ, получивъ одобреніе, я рѣшился ее напечатать брошюрою... Но для этого надо было мнѣ ее прежде послать къ цензору. Не зная, какъ это дѣлается и, вообще, ничего не зная о мірѣ печати, я обратился съ просьбою мнѣ помочь совѣтами и свѣдѣніями... къ Огрицкѣ, всегда возившемуся съ этимъ міромъ.

Огрицко взялъ рукопись къ себѣ, обѣщавъ передать ее цензору.

Не далѣе какъ на слѣдующій день, онъ приходитъ ко мнѣ и возвращаетъ мнѣ рукопись.

— Я такую гадость своими руками въ цензуру сдавать не буду.

— Отчего гадость?

— Оттого, что это доносъ на насъ!

— На васъ?

— Да, на насъ, революціонеровъ...

Въ десятый разъ мы поругались съ Огрицкой. Но вотъ что замѣчательно: это его пророчество.

— Впрочемъ, я вамъ впередъ говорю: никакая цензура вашей брошюры не допуститъ къ печати! Попробуйте и увидите.

— Отчего?

— Оттого, что она нашему брату не нравится, а нашихъ братьевъ больше, чѣмъ вы думаете... Попробуйте, увидите!

Я попробовалъ.

Нисколько не испугавшись, а, напротивъ, поощренный зловѣщими предсказаніями Огрицки, я лично отправился въ цензурный комитетъ и просилъ передать рукопись пензору.

Прошло мѣсяца три.

Я получаю свою рукопись обратно, раскрываю и ахнулъ. Почти не было страницы или не испачканной или прямо вымаранной. Слова замѣнены противоположными по смыслу. И вотъ, что замѣчательно: статья была перековеркана четырьмя вѣдомствами: красными чернилами, черными, синимъ карандашемъ, чернымъ карандашемъ и синими чернилами. Оказалось, что въ насмѣшку, вѣроятно, надъ моими мыслями и съ тѣмъ, чтобы статью сдѣлать невозможною для печати, она отъ цензора, смотрѣвшаго ее, попала въ комитетъ, оттуда къ попечителю учебнаго округа, оттуда въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, оттуда даже въ крестьянскій главный комитетъ, такъ какъ въ статьѣ встрѣчались слова: «крестьяне» и «освобожденіе крестьянъ».

Случайно или потому ли, что Огрицко узналъ о судьбѣ моей рукописи, но на другой же день онъ ко мнѣ явился и съ сіяющимъ лицомъ спрашиваетъ меня: «Ну что, получили вы вашу улику времени?»

— Что же это должно значить?—спрашиваю я у Оргицки.

— А это должно значить,—сказалъ, лукаво улыбаясь Огрицко,—что надо, чтобы съ волками жить, по-волчьи выть, а овечкою заговоришь,—волки съѣдятъ.

Во всякомъ случаѣ эпизодъ этотъ въ высшей степени характеренъ.

Обѣдалъ въ одно изъ воскресеній у новаго министра

юстиціи, Дмитрія Николаевича Замятина. Забылъ въ свое время записать, что раньше, весною, обѣдалъ я у него какъ разъ на другой день послѣ его назначенія министромъ. Жена его и онъ были сіяющіе, но ихъ радость была различная. Она сразу занеслась; онъ радовался и былъ счастливый во смиреніи, и когда я его поздравилъ, онъ мнѣ говоритъ: да, вотъ, кто бы могъ подумать, что я попаду въ министры; жена правду говорила: не родись богатъ, не родись уменъ, а родись счастливъ... Стоявшій рядомъ, въ той самой подобострастной позѣ, въ какой годы стоялъ при графѣ Панинѣ, Михаилъ Ивановичъ Топильскій благоговѣйно улыбнулся и сказалъ: кому же, какъ не вамъ было и быть министромъ... Старикъ Неклюдовъ, отецъ госпожи Замятиной, 80-лѣтній старикъ, расхаживалъ въ своихъ гетрахъ стараго времени и казался всѣхъ удовлетвореннѣе. Это былъ оригинальный старикъ. Одна изъ его оригинальныхъ выходокъ была та, что онъ отправился къ гробовщику Туранову и спросилъ себѣ гробъ на выборъ. Тотъ остолбенѣлъ отъ удивленія, когда узналъ, что гробъ ему нуженъ для примѣрки по его собственной особѣ; онъ пошелъ въ кладовую и тамъ сталъ ложиться то въ одинъ, то въ другой гробъ; нашелъ по мѣркѣ и, разсказывая, прибавлялъ: on y est mieux mon cher, que dans un fauteuil de Gambs, и затѣмъ велѣлъ себѣ принести гробъ, напомнивъ, чтобы пришли съ черной лѣстницы—въ кухню, чтобы не пугать народъ. И въ этой кухнѣ гробъ стоялъ 8 лѣтъ! Затѣмъ, онъ поѣхалъ въ Невскую лавру, купилъ могилу, велѣлъ ее обложить камнемъ, и когда ему доложили, что высохла, самъ полѣзъ въ могилу и посидѣлъ въ ней нѣсколько минутъ, чтобы убѣдиться—суха ли.

Я разсказалъ Замятину мой эпизодъ съ «С.-Петер-

бургскими Вѣдомостями». Онъ вѣрить не хотѣлъ и пришелъ въ негодованіе.

Какъ судьба у насъ играетъ событіями и людьми! Когда вспомнишь, что графъ Панинъ избралъ Замятина въ товарищи по росту, и что замѣмъ именно этому Замятину пришлось вводить самую мудреную и сложную реформу царствованія—судебную, то невольно придешь къ мысли, однажды сказанной Ф. И. Тютчевымъ: il faut avouer que les fonctions du русскій Богъ ne sont pas une sinécure.

XIX.

(1861 г.).

Перемѣна службы. — Поступленіе къ П. А. Валуеву въ чиновники особыхъ порученій.—Валуевъ. — Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ.— Первый вечеръ у О. Б. Рихтера съ Цесаревичемъ въ Царскомъ Селѣ.— Мои впечатлѣнія.

Вѣроятно, вѣсти о моихъ придворныхъ quasi-успѣхахъ дошли до Валуева, которому въ 1861 году было предложено министерство внутреннихъ дѣлъ, ибо только этимъ объясняю себѣ, почему, встрѣтившись со мною у князя Вяземскаго,—онъ былъ женатъ на дочери князя Вяземскаго,—онъ мнѣ любезно предложилъ перейти къ нему на службу, въ должность чиновника особыхъ порученій, на 1,500 руб. жалованья. Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, потому что Валуевъ по этому поводу высказалъ нѣкоторые комментаріи, изъ которыхъ я могъ понять, что ему нужны люди для командировокъ по Россіи.

Валуевъ былъ интересный типъ своей эпохи. Я впервые съ такимъ типомъ встрѣчался, и долженъ сказать, что послѣ повторенія этого типа никогда не встрѣчалъ поднесь. Его исторію образованія я разсказалъ раньше. Благодаря ему, онъ былъ, несомнѣнно, и образованный, и начитанный, и до извѣстной степени въ умственномъ отношеніи импозантный или представительный человѣкъ. Таково было первое впечатлѣніе; но потомъ, при сближе-

ніи съ нимъ, онъ производилъ странное впечатлѣніе тѣмъ, что казался обожателемъ музыки словосочетанія, и этотъ культъ фразы звонкой и громкой ставилъ выше всѣхъ остальныхъ къ нему предъявлявшихся ожиданій и требованій. Рядомъ съ этимъ онъ представлялъ въ отношеніи характера и всей его духовной личности изумительное спокойствіе, спокойствіе безстрастія и, какъ будто равнодушіе къ убѣжденіямъ... Онъ не зналъ, что значитъ что-нибудь принимать къ сердцу: и такимъ квіетистомъ онъ былъ въ семейной и частной жизни и во всѣхъ положеніяхъ въ государственной жизни. Физіономія спокойная, безстрастная, скорѣе добрая, чѣмъ равнодушная, мягкая и привѣтливая, съ тонкими, красивыми губами, всегда наготовѣ говорить—физіономія эта никогда не измѣнялась. Злость, негодованіе, ненависть, радость, восторгъ, нѣжность—всѣ эти элементы духовной жизни никогда не находили отраженія или выраженія на лицѣ Валуева; барометръ у него какъ будто стоялъ постоянно на ясной погодѣ, beau fixe, и вотъ именно это въ постоянныхъ отношеніяхъ производило извѣстное тягостное впечатлѣніе. Душа возмущалась отъ этого постояннаго maestoso moderato, какъ отзвукъ человѣка, и такъ и рвалась крикнуть ему: да выйдите хоть разъ изъ себя, да разсердитесь же.

Тоже странное впечатлѣніе производитъ Валуевъ относительно мыслей. Его умъ не зналъ простой мысли, какъ не зналъ онъ тоже простого силлогизма, какъ не зналъ онъ простого разрѣшенія мыслію вопроса. Не разъ мнѣ придется, вѣроятно, приводить тому доказательства въ моихъ воспоминаніяхъ, а пока ограничиваюсь лишь этими краткими чертами его характеристики, для того собственно, чтобы имѣть право задать послѣ вопросъ, который я задавалъ себѣ и тогда: почему, когда нуженъ былъ въ

столь трудное политическое время, какъ 1861 годъ, министръ внутреннихъ дѣлъ,—выборъ могъ пасть на Валуева, у котораго рессурсовъ для такого страшно важнаго и страшно отвѣтственнаго поста не было именно въ свойствахъ его ума и его личности.

Валуевъ, какъ членъ государственнаго совѣта, какъ посолъ, какъ предсѣдатель какого-либо важнаго учрежденія—могъ удовлетворять главнымъ требованіямъ, будучи образованнымъ человѣкомъ, будучи спокойнымъ собесѣдникомъ, будучи внимательнымъ слушателемъ; но администраторомъ, призваннымъ постоянно брать инициативу вопросовъ и постоянно напрягать умъ къ разрѣшенію ихъ, Валуевъ никогда не могъ быть.

Но такова была, какъ я говорилъ, игра судьбы. Изъ Ростовцева, никогда не видѣвшаго вблизи ни мужика, ни деревни, она сдѣлала главнаго дѣятеля крестьянской реформы; изъ Замятина, выбраннаго Панинымъ въ товарищи изъ-за роста, она сдѣлала судебнаго реформатора; Валуеву она поручила вести крестьянское дѣло, вводить земскую реформу.

Затрудненія въ предстоящемъ ему дѣлѣ для Валуева заключались и въ томъ, что онъ очень мало зналъ Россію, въ ея внутренней жизни. Онъ былъ губернаторомъ въ Остзейскомъ краѣ, и только тамъ познакомился съ пружинами губернской жизни, а между тѣмъ Остзейскій край въ то время мало походилъ на русскій край.

Но, при всемъ томъ, Валуевъ былъ, какъ начальникъ, весьма почтенный и симпатичный человѣкъ. Помпезный въ рѣчи, онъ былъ въ обращеніи простъ и доступенъ; онъ уважалъ свободу мнѣнія и чужое убѣжденіе, онъ со всѣми всегда былъ джентельмэномъ, былъ безусловно чест-

нымъ человѣкомъ и не зналъ, что значитъ придворное холопство.

Впрочемъ, чтобы оставаться честнымъ и добросовѣстнымъ лѣтописцемъ того времени, я долженъ сказать, припоминая время и отношенія къ его задачамъ тогдашнихъ людей, что назначеніе Валуева и его личность имѣли свой историческій смыслъ. Разумѣется, государственный человѣкъ, ближе знавшій Россію, съ твердою и ясною программою, съ цѣльнымъ характеромъ и съ желѣзною энергіею—былъ бы гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ въ то время, чѣмъ Валуевъ; но для этого надо было, чтобы этотъ человѣкъ былъ русскій баринъ и осмысленный консерваторъ, вродѣ, напримѣръ, графа Сергѣя Строганова, тогдашняго попечителя Наслѣдника, или такого, какимъ потомъ сдѣлался графъ Дмитрій Толстой. Но въ то время, когда кругомъ все кипѣло какимъ-то озлобленіемъ къ дворянству и какимъ-то нетерпѣливымъ и лихорадочнымъ стремленіемъ ко всему новому, очень была серьезная опасность для государства отъ назначенія на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ какого-нибудь молодого генія, по внушенію или Михайловскаго или Мраморнаго Дворца, который повелъ бы министерство внутреннихъ дѣлъ въ духѣ либерализма tambour battant.

Выборъ, павшій на Валуева, выборъ самого Государя, который успѣлъ съ нимъ познакомиться, какъ съ докладчикомъ по комитету министровъ, и за котораго былъ такой вѣскій голосъ, какъ М. Н. Муравьева, его недавняго начальника, выборъ этотъ, говорю я, былъ счастливъ въ томъ отношеніи, что онъ поставилъ во главу министерства внутреннихъ дѣлъ, съ того времени призваннаго встать въ первенствующую въ ряду министерствъ роль, человѣка внѣ партій, человѣка спокойнаго и хладнокров-

наго, человѣка безусловно преданнаго Государю и слишкомъ образованнаго и джентльмэна, чтобы симпатизировать начинавшимъ зарождаться Базаровымъ, какъ кандидатамъ для государственныхъ должностей.

На русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое имѣетъ смыслъ при оцѣнкѣ людей; это французское слово: comme il faut. Валуевъ былъ типомъ этого comme il faut, и потому именно, что онъ имъ былъ, онъ никогда не могъ восхищаться черными ногтями и нечесанными волосами, какъ признаками новыхъ политическихъ убѣжденій. И я нисколько не преувеличиваю, нисколько не грѣшу даже противъ оттѣнковъ истины, если, отдавая себѣ отчетъ въ личности Валуева въ то время, я именно эту личность со всѣми ея недостатками признаю въ отрицательномъ смыслѣ полезною, какъ причину, почему многое что при какомъ-нибудь кн. Черкасскомъ, напримѣръ, могло бы прямо привести Россію къ соціальной революціи, при Валуевѣ и благодаря ему шло съ горы затормаженымъ. Валуевъ явился невольнымъ тормазомъ. Его сладкозвучная фраза получила свою историческую роль.

И потомъ, надо было и то сказать... Давно министерство внутреннихъ дѣлъ нуждалось въ очищеніи своего персонала появленіемъ какого-нибудь homme comme il faut. Бибиковъ былъ безусловно умный министръ внутреннихъ дѣлъ; но къ вопросу: кто у него директора,—онъ относился очень равнодушно. Ланской тоже не отличался умѣньемъ выбирать сотрудниковъ. Кромѣ Милютина и двухъ-трехъ чистыхъ именъ—среда была довольно сѣрая.

Въ это самое время мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ крупныхъ, если не крупнѣйшимъ, изъ государственныхъ людей той эпохи. Лицо это былъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ.

Это былъ по наружности сухой, большого роста, съ сѣдыми небольшими бакенбардами старикъ, всегда ходившій, опираясь на палку, съ виду всегда полунасмѣшливый и холодный, но, на самомъ дѣлѣ, между его наружностью и его личностью былъ существенный разладъ въ томъ отношеніи, что, весь отданный своему живому и важному дѣлу, этотъ человѣкъ очень рѣдко бывалъ холоднымъ, а насмѣшливымъ бывалъ только кстати.

Кто подсказалъ выборъ графа Сергѣя Григорьевича Строгонова въ главные воспитатели тогдашняго Наслѣдника,—я никогда не могъ узнать, но, во всякомъ случаѣ, побужденіемъ къ такому выбору, разумѣется, была блестящая страница и въ московскомъ учебномъ округѣ и въ жизни графа Строгонова, его попечительства въ Москвѣ въ послѣдніе годы царствованія Николая. Съ его именемъ связано воспоминаніе въ Москвѣ о золотомъ вѣкѣ въ ея университетѣ. А если это такъ, то легко понять, почему выборъ молодого Государя Александра II воспитателемъ для Наслѣдника могъ остановиться на графѣ Строгоновѣ.

Въ домѣ его, на Невскомъ, у Полицейскаго моста, былъ длинный и узкій кабинетъ, необыкновенно простой по убранству и только наполненный книгами, въ которомъ онъ принималъ, сидя у простого своего письменнаго стола.

Графъ Строгоновъ взялъ палку, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу, далъ руку и затѣмъ поглядѣлъ на меня пристально и внимательно, какъ бы желая съ перваго взгляда составить себѣ впечатлѣніе.

Потомъ онъ сѣлъ, пригласивъ меня сѣсть передъ нимъ, и началъ мнѣ задавать вопросы. Вопросы его были прогулкою его ума въ разныхъ областяхъ, начиная съ Крыма, откуда я пріѣхалъ, и кончая моею собственною біогра-

фіею. Потомъ разговоръ перешелъ на дневныя темы, то-есть на слухи о студенческихъ безпорядкахъ. Графъ Строгоновъ ихъ приписывалъ общей débandade въ университетѣ, а самую débandade онъ приписывалъ отсутствію одного авторитетнаго лица во главѣ университета и отсутствію дисциплинарнаго единомыслія между профессорами университета. Это послѣднее графъ Строгоновъ призналъ симптомомъ положенія тогда, въ самомъ началѣ безпорядковъ; его, знакомый по опыту съ этимъ міромъ, тонкій и наблюдательный умъ сразу видѣлъ главное больное мѣсто и, Боже мой, сколько разъ потомъ, пять, десять, двадцать лѣтъ спустя, это самое осужденіе университета произносилось разными лицами.

Тутъ же въ разговорѣ графъ Строгоновъ высказалъ мысль, которая по простотѣ своей могла казаться общимъ мѣстомъ, но глубокій смыслъ которой потомъ сто разъ приходилось припоминать именно потому, что эта, казавшаяся общимъ мѣстомъ, мысль все болѣе и болѣе дѣлалась рѣдкостью въ головахъ нашихъ руководителей времени.

— Возиться съ молодежью,—сказалъ, между прочимъ, графъ Строгоновъ,—не значитъ еще умѣть ее вести; а у насъ думаютъ, что можно быть попросту такъ же легко педагогомъ, какъ чиновникомъ.

Это первое свиданіе съ графомъ Строгоновымъ, длившееся около получаса, произвело на меня сильное впечатлѣніе и преисполнило мое молодое существо какимъ-то культомъ къ этому замѣчательному человѣку.

О Царственномъ своемъ воспитанникѣ онъ ничего не говорилъ. Онъ сказалъ мнѣ только по французски: Николай Александровичъ мнѣ сказалъ, что онъ съ вами познакомился. Затѣмъ, прощаясь со мною, графъ сказалъ

мнѣ: милости просимъ, заходите, буду всегда радъ васъ видѣть.

Приблизительно такую же фразу сказалъ мнѣ въ Царскомъ Селѣ полковникъ Рихтеръ, но я все не рѣшался придавать ей значеніе, боясь навязываться. Однажды, однако, послѣ обѣда у Вяземскихъ, въ Царскомъ, имѣя часъ впереди до поѣзда, зашелъ къ О. Б. Рихтеру, занимавшему двѣ маленькія комнатки рядомъ съ комнатами Наслѣдника. Засталъ его за чтеніемъ; и минутъ 20 спустя послѣ нашей бесѣды en tête-á-tête, послышались въ сосѣдней комнатѣ чьи-то шпоры, и затѣмъ, вошелъ Наслѣдникъ. Я собрался было уходить, но Великій Князь очень любезно мнѣ сказалъ: я пришелъ васъ повидать, и сѣлъ на диванчикъ; хозяинъ приказалъ подать чаю, и я провелъ добрый часъ времени въ этой бесѣдѣ втроемъ.

Первое впечатлѣніе, которое я отчетливо испыталъ въ этотъ вечеръ, было то, что молодой Наслѣдникъ жилъ совсѣмъ въ общеніи съ нашею жизнью въ Петербургѣ до малѣйшихъ подробностей, и, слѣдовательно, почва для обмѣна мыслей являлась безпредѣльная.

Изъ первыхъ же нотъ духовнаго репертуара Цесаревича я познакомился съ одною изъ чертъ его ума, что французы называютъ un esprit caustique; по-русски это можно выразить только приблизительно словами: слегка насмѣшливый, или тонко-насмѣшливый... Позже я могъ убѣдиться, что Наслѣдникъ имѣлъ отъ кого вдохновляться этою чертою его ума, такъ какъ она очень развита была въ графѣ Строгоновѣ и очень симпатично-своеобразно сказывалась въ О. Б. Рихтерѣ.

Что же касается характера, который приняла наша бесѣда, то главное впечатлѣніе, мною замѣченное, было то, что съ первой же минуты я почувствовалъ полнѣй-

шую потребность говорить съ безграничною искренностью. Къ тому побуждала и даже повелительно побуждала милая естественность Царственнаго собесѣдника и видимыя проявленія той цѣны, которую онъ придавалъ правдивой и искренней рѣчи, проявленія, которыя я сразу же въ немъ замѣтилъ.

Въ наброскахъ моего тогдашняго «Дневника» сказано такъ: говорили обо всемъ, что тогда касалось интересовъ минуты. Великій Князь задавалъ мнѣ много вопросовъ, но при этомъ, по мѣрѣ того, какъ я ему давалъ отвѣты, видно было по тому, что онъ отъ себя говорилъ или замѣчалъ, что онъ не технически задаетъ вопросы, а интересуясь и не мало знаючи самъ. Въ особенности видно, что какъ онъ ни молодъ и какъ ни похожъ на монастырь,—по его же словамъ,—царскосельскій затворъ,—онъ уже людей началъ учиться понимать... Горечи или разочарованія я не примѣчалъ, но острая критика сказывалась не разъ, причемъ стрѣлы его ума попадали мѣтко. Мы коснулись университетскихъ безпорядковъ. Великій Князь очень вѣрно замѣтилъ, что, вѣроятно, тутъ кроются какіе-нибудь вожаки, которые ничего не хотятъ, кромѣ того только, чтобы сбивать съ толку. Я сообщилъ Цесаревичу про то, что мнѣ говорилъ графъ Строгоновъ. Да,—сказалъ Великій Князь,—если бы студенты имѣли дѣло съ такими людьми, какъ графъ Строгоновъ, то, вѣроятно, и бунтовать не хотѣли бы... Узнавъ, что я перешелъ на службу къ Валуеву, Наслѣдникъ повторилъ сложившуюся про него молву, что онъ любитъ себя слушать... Я разсказалъ Великому Князю всю эпопею мою со статьею о пребываніи Ихъ Величествъ въ Святыхъ Горахъ и съ «Петербургскими Вѣдомостями»... Великій Князь воскликнулъ: «Неужели это возможно»... Веселое, свѣтлое лицо

его какъ будто отуманилось, на лбу я увидѣлъ складки, и задушевнымъ голосомъ онъ сказалъ: это утѣшительно слышать нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 19 февраля. Увы, наступилъ часъ отправленія поѣзда, часъ и 20 минутъ пронеслись, какъ минута. Пришлось встать и расклaниваться. Великій Князь сказалъ мнѣ: надѣюсь, до свиданія... Когда О. Б. меня проводилъ, я ему сказалъ самымъ наивнымъ по искренности языкомъ, что мнѣ очень хотѣлось бы иногда бесѣдовать съ Великимъ Княземъ, въ этой симпатичной обстановкѣ, но въ то же время я все боюсь навязываться. На это О. Б. своимъ добрымъ голосомъ отвѣтилъ мнѣ: не бойтесь и пріѣзжайте; въ это время вы всегда можете разсчитывать меня заставать.

Тогда бесѣда, надо здѣсь сіе пояснить, имѣла иной смыслъ, чѣмъ теперь. Теперь всѣ почти бесѣды заключаются въ жеваніи прочитаннаго въ газетахъ; чтеніе газетъ тогда не играло никакой роли, или маленькую роль. Бесѣда происходила отъ непосредственныхъ впечатлѣній каждаго отъ жизни.

XX.

(1861 годъ).

Свѣтскія впечатлѣнія.—Барышни Смирновы.—Начало сезона.—Вечерній чай у О. Б. Рихтера въ Царскомъ Селѣ съ Цесаревичемъ.—Вел. Кн. Марія Николаевна. Ея сынъ Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій.—Вел. Кн. Елена Павловна.

Познакомился я въ эту осень съ тремя барышнями Смирновыми. Хочу вспомнить объ нихъ, потому что этотъ домъ сестеръ Смирновыхъ для всѣхъ, кто въ немъ бывалъ, имѣлъ двоякій интересъ: общеніе съ милыми и симпатичными личностями, во-первыхъ, а во-вторыхъ,—пребываніе въ такой духовной атмосферѣ, которая ни для кого не могла повториться, до того она была оригинальна, и сохранилась въ то время, какъ уцѣлѣвшій обелискъ старины.

Всѣмъ тремъ сестрамъ вмѣстѣ было тогда около 210 лѣтъ. Ихъ молодость относилась ко временамъ Александра I, при которомъ отецъ ихъ, Смирновъ, исправлялъ, кажется, должность начальника казначейства. Дочери же называли эту должность: *государственный казначей*. Міръ этихъ трехъ сестеръ Смирновыхъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что у нихъ бывало чуть ли не полъ-Петербурга: бывалъ въ это время Бисмаркъ, бывшій тогда прусскимъ посланникомъ, бывалъ князь Долгоруковъ, шефъ-жандармовъ, бывали разные дипломаты и разные знатные люди

того времени, но въ то же время, едва вы входили въ эту скромно, по-старинному меблированную квартиру въ домѣ Жербина, по Михайловской, съ ея старыми слугами московскаго типа, вы сразу переставали жить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ кипѣла и волновалась вокругъ современная жизнь, и входили въ какой то міръ, гдѣ маленькія подробности и маленькія сплетни свѣта постоянно шли рядомъ съ воспоминаніями давно минувшихъ временъ.

Современная политическая жизнь съ ея крупными вопросами ихъ вовсе не интересовала; всѣ три ограничивались только интересами и вопросами въ жизненной сферѣ ихъ знакомствъ и связей: вещи ихъ не интересовали, ихъ интересовали только лица, съ ихъ свѣтскою и интимною жизнью. Я помню, напримѣръ, какъ я, года два спустя послѣ знакомства со Смирновыми, задалъ вопросъ одной изъ сестеръ о Бисмаркѣ, разсчитывая узнать отъ нея что-нибудь интересное, какъ впечатлѣніе. Она мнѣ отвѣтила по-французски: «какже, я отлично помню, что когда онъ у насъ обѣдалъ, онъ всегда опаздывалъ». Больше этого она ничего не могла сообщить интереснаго.

Старшая сестра называлась Еленою Осиповною, вторая—Марьею Осиповною, третья—Александрою Осиповною. Про первыхъ двухъ разсказывали, что Елена Осиповна продала свое первенство второй сестрѣ за чечевичную похлебку, ибо домомъ завѣдывала и играла роль хозяйки Марья Осиповна. Роли ихъ распредѣлялись такъ: Марьи Осиповнѣ предоставлено было сидѣть дома и принимать, Елена Осиповна командировывалась въ разныя гостиныя къ знакомымъ и пріятелямъ, а третья—завѣдывала хозяйствомъ. Всѣ три были добры, привѣтливы и любезны. Ихъ культъ былъ обѣдъ, къ которому звались знакомые и пріятели. Обѣды бывали разныхъ разрядовъ: первый былъ

съ посланниками и сановниками, на нихъ мнѣ не удалось попасть, послѣдній, кажется, пятый разрядъ, былъ для черненькихъ, онъ назывался обѣдъ съ гувернантками, потому что звалась *Нивеша* (мадамъ Ниве), какъ они говорили, гувернантка у Ольденбургскихъ.

Марія Осиповна, несмотря на свои 70 лѣтъ, глядѣла бодро; ея лицо носило слѣды красоты. Какъ она сама говаривала, les gens m'appellent, *прямая*, потому что, дѣйствительно, она всегда держала себя безукоризненно прямо.

Старшая сестра Елена Осиповна величала свою сестру Марію Осиповну словомъ «fière», а сама она съ третьей сестрой были олицетвореніемъ скромности и смиренія.

Насколько онѣ жили внѣ реальнаго міра, можно было судить по тому, напримѣръ, что онѣ не знали, въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ ихъ имѣніе. На вопросъ объ этомъ, онѣ объясняли свой лѣтній адресъ такъ: „Мы садимся на Никольскую желѣзную дорогу, выходимъ на станціи Тверь, тамъ насъ ждетъ коляска и мы ѣдемъ въ деревню».

Говорили онѣ охотнѣе по-французски; по-русски, какъ всѣ наши старыя барыни того времени, онѣ говорили плоховато, съ постоянными галлицизмами и съ примѣсью французскихъ словъ а ля мадамъ Курдюкова.

Про свою молодость былая красавица, Марія Осиповна, разсказывала съ вдохновеніемъ, что она плѣняла всѣхъ и что даже на балѣ у Коленкура Императоръ Александръ со всею свитою подошелъ къ ней и, ставъ на одно колѣно, сказалъ ей: «hommage à la plus belle des belles». Старшая про себя говорила, что она никогда не была красива, но имѣла un air piquant.

Эти смирновскіе обѣды были замѣчательны тѣмъ, что хозяйки очень не любили, чтобы послѣ обѣда засиживались.

Подадутъ кофе и, затѣмъ, хозяйки очень цѣнили, когда гости убирались. Обороты рѣчи ихъ всегда были непредвидѣнны по своей оригинальности. Помню, какъ сердилась старшая Смирнова на невообразимо блестящія похороны, которыя Петербургъ устроилъ любимицѣ своей, прелестной пѣвицѣ итальянской оперы Бозіо. Весь Невскій былъ запруженъ публикой и учащеюся молодежью всѣхъ учебныхъ заведеній. Смирнова сердито говорила, что она не можетъ понять такихъ почестей, потому *все же она была только актерка*, и таперича возьмите, прибавляла она, умри хоть бы я, on dira seulement: «умерла гостепріимная дворянка». Помню ея впечатлѣніе отъ «Руслана и Людмилы». Всего больше на нее произвелъ впечатлѣніе Черноморъ и она говорила самымъ серьезнымъ образомъ: je ne sais pas ce qu'on a contre Черноморъ, je le trouve très gentil, и онъ такой миленькій.

Такъ какъ ни одна изъ трехъ ничего не понимала въ дѣлахъ, то знаменитая въ свое время игуменья Митрофанія намѣтила ихъ, какъ свои жертвы, выпросивъ у нихъ поручительство, и, въ концѣ концовъ, разорила этихъ трехъ сестеръ, такъ что подъ самую глубокую старость этихъ бѣдныхъ старушекъ коснулась почти нищета. Въ разсказахъ объ этой игуменьѣ сестры Смирновы остались вѣрны себѣ: никто изъ насъ не могъ отъ нихъ узнать сущность дѣла съ точки зрѣнія дѣловой, потому что онѣ, бѣдненькія, сами ничего не понимали, кромѣ того только, что она ихъ обобрала и обманула. «Все дѣло съ того зачалось,— разсказывала Марья Осиповна,—что мы подписали одну бумагу и съ эвтой бумаги все и пошло». А какая эта была бумага, мы и не могли узнать. Елена Осиповна съ наивною злобою ее звала великою премерзавкою и разсказывала, «что когда она пріѣхала къ Маріи (второй сестрѣ), то

стала на колѣни и клялась ей Богомъ и эвтимъ соборомъ, что изъ окна глядѣлъ съ его кумоломъ. Што же? И тутъ она солгала, потому оказалось, что эта церковь была вовсе не соборъ, а армянская церковь». Прелестно передавала Марья Осиповна остроумное слово по этому поводу царя остроумія, поэта Тютчева. Тютчевъ однажды сказалъ: ces pauvres demoiselles Smirnoff, leurs fonds sont à la baisse (à l'abbesse—игуменьѣ). А Марья Осиповна Смирнова говорила такъ: et même monsieur Tutcheff a fait sur ce sujet un trés joli mot; il a dit ces pauvres demoiselles Смирновъ, comme elles ont baissé.

Да, порою онѣ были смѣшны, эти почтенныя и милыя старушки, но сколько благоговѣнія стали внушать онѣ къ себѣ тогда, когда, обобранныя и разоренныя этою игуменьею Митрофаніею, онѣ съ покорностью гордыхъ дворянокъ склонили свои старческія головки подъ удары неумолимой нищеты.

Эта, всегда сіявшая веселою улыбкою Марья Осиповна Смирнова лежала умирающею на своей постели, и входитъ къ ней старый слуга, оставшійся при ней служить безъ жалованья, изъ благодарности, и докладываетъ, что княгиня Наталья Семеновна Голицына (ея пріятельница) проситъ ей продать зеркало. Это былъ придуманный старою княгинею деликатный способъ помочь на одрѣ болѣзни своей пріятельницѣ. Но гордая бѣдняжка поняла это и, приподнявшись на своемъ ложѣ, сказала своему слугѣ: «передай княгинѣ, что я скоро умру и послѣ моей смерти она можетъ купить все, что хочетъ».

И таковыми въ ихъ предсмертныя минуты оказались всѣ три сестры.

Пока онѣ были въ довольствѣ, онѣ все отдавали, что

имѣли, другимъ; когда съ глубокою старостью пришла тяжелая нужда, онѣ ничего ни у кого не просили.

И, хороня каждую изъ нихъ, мы вспоминали слова Елены Осиповны по поводу похоронъ Бозіо, что «хоронимъ гостепріимную дворянку».

Зима 1861 года на 1862 годъ была оживленная, въ смыслѣ великосвѣтскаго сезона. Всѣ тогдашніе большіе дома принимали широко и давали блестящіе балы: дома Паниныхъ, княгини Кочубей, Эммануила Дмитріевича Нарышкина, Софьи Сергѣевны Бибиковой, жены бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Павла Строгонова...

Къ этимъ баламъ для меня прибавились и придворные балы. Впервые, помню, я въ эту зиму испытывалъ чисто куртизанское впечатлѣніе отъ рокового вопроса: есть ли приглашеніе ко Двору, или нѣтъ?

Пока Дворъ былъ въ Царскомъ Селѣ, я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ О. Б. Рихтера, и раза три, въ теченіе поздней осени, провелъ вечеръ у него въ той бесѣдѣ à trois, про которую я говорилъ выше.

Цесаревичъ приходилъ въ комнату Рихтера, приносили чай, и мы добрыхъ два часа бесѣдовали самымъ пріятнымъ образомъ. Потомъ, когда Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, меня позвали на простой вечеръ, гдѣ играли въ разныя игры и немного танцовали, въ одно изъ воскресеній, и гдѣ главный персоналъ составляли Великіе Князья и Герцоги Лейхтенбергскіе. Здѣсь я познакомился съ другомъ и сверстникомъ Наслѣдника, старшимъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, Николаемъ Максимиліановичемъ, и съ его сестрами принцессами. На второе или третье воскресенье я не получилъ приглашенія на этотъ маленькій вечеръ, и помню, въ какое я пришелъ отчаяніе. Міръ

опостылъ въ тотъ вечеръ, пока я ждалъ приглашенія, и оно не пришло... Ядъ придворный уже вошелъ въ мой организмъ, хотя, къ счастью, не совсѣмъ, ибо, потомъ, до такой степени Богъ помогъ отдѣлить личныя отношенія при Дворѣ отъ придворныхъ, что годъ спустя старикъ графъ Строгоновъ мнѣ сказалъ: если вамъ это пріятно, то могу вамъ сказать, что, по вашей манерѣ держаться и по вашимъ дѣйствіямъ, вы—плохой куртизанъ. Это подтверждалось потомъ не разъ, а нѣсколько разъ, когда я ломалъ себѣ шею, но зато это же помогало мнѣ переносить мои придворныя невзгоды съ тою философіею, которая не позволяла огорченіямъ вліять на мою духовную жизнь, ослаблять энергію и падать духомъ...

Но, какъ я сказалъ, въ началѣ зимы 1861 года я былъ вполнѣ куртизаномъ, когда такъ сильно почувствовалъ себя ужаленнымъ случайнымъ фактомъ непріглашенія на придворную вечеринку. Потомъ, въ качествѣ новаго камеръ-юнкера, я сталъ представляться Августѣйшимъ Особамъ... Изъ нихъ всего болѣе на меня произвело симпатичное впечатлѣніе представленія Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ и ея старшему сыну. Великая Княгиня Марія Николаевна называла себя тогда уже старушкою, но, кромѣ своей чудной николаевской профили и наружной подвижности, сберегла и свою молодую впечатлительность, и свою прямую и откровенную натуру... Я слышалъ не разъ отъ придворныхъ судей, что никто не былъ такимъ повтореніемъ Николая I, изъ его дѣтей, какъ Великая Княгиня Марія Николаевна въ главныхъ чертахъ характера. Она была умна и добра, и въ то же время оригинальна, непредвидѣнна въ своихъ мысляхъ, и часто въ своихъ дѣйствіяхъ, не зная ни притворства, ни фразы... Въ итогѣ, въ эти четверть часа, пока я былъ

удостоенъ разговора съ нею въ ея маленькомъ будуарѣ, я получилъ живое представленіе о необыкновенно привлекательномъ типѣ русской Великой Княгини, впервые мною увидѣнной вблизи.

Представленію герцогу Н. М. Лейхтенбергскому предшествовало знакомство съ его воспитателемъ, свитскимъ генераломъ К. Гр. Ребиндеромъ.

Это былъ весьма симпатичный типъ честнаго человѣка съ сердцемъ, который отдалъ себя всего на дѣло воспитанія своего питомца, порученное ему еще Императоромъ Николаемъ. Онъ велъ это воспитаніе, какъ умѣлъ, какъ могъ, влагая въ него не только все свое теплое сердце, но и святой огонь, и держалъ своего воспитанника въ атмосферѣ впечатлѣній своей честности и своей естественности. Воспитаннику его было тогда 19 лѣтъ, росту онъ былъ выше средняго, лицо блѣдное, волоса почти темные, много изящнаго и нарядnаго въ манерахъ и въ сложеніи и въ лицѣ привѣтливость и оживленіе; въ движеніяхъ что-то медленное и небрежное. Такова была наружность герцога. Затѣмъ, по внутреннему своему міру онъ былъ образованъ, развитъ, любознателенъ, воспріимчивъ и предпочиталъ свою собственную домашнюю жизнь придворной. Это полное отсутствіе въ немъ придворныхъ чертъ, отчасти происходившее отъ того, что онъ, глядя со стороны, видѣлъ и замѣчалъ ихъ смѣшныя стороны, и отчасти потому, что герцогъ много времени съ дѣтства провелъ за границей и, въ особенности, въ Англіи, въ обстановнѣ самаго простого и обыкновеннаго быта,—придавало его личности много прелести и завоевывало ему симпатіи вездѣ.

Иное впечатлѣніе я вынесъ отъ представленія другой

Великой Княгинѣ, знаменитой своимъ умомъ и политическимъ вліяніемъ, Еленѣ Павловнѣ.

Садясь, по ея повелѣнію, передъ нею, я испытывалъ нѣчто вродѣ страха: не оказаться достаточно въ уровнѣ ея прославленнаго ума. Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ я сейчасъ услышу замѣчательно умныя вещи, но, какъ всегда это бываетъ, когда ожидаешь многаго,—я испыталъ разочарованіе и нашелъ, уходя отъ нея, что куда умнѣе и пріятнѣе, какъ собесѣдница, какъ женщина, Императрица Марія Александровна. Прежде всего, что я ощутилъ, это—то, что передо мною сидѣла персона, совсѣмъ убѣжденная въ томъ, что она необыкновенное по уму существо и что она совсѣмъ—не какъ другіе. Чувствовалось, что она думала объ эффектѣ, который она должна произвести. Въ эти нѣсколько минутъ Великая Княгиня задала мнѣ рядъ вопросовъ, но, видимо, нисколько ими не интересуясь, и, не слушая отвѣтовъ, сама отвѣчала на нихъ, владѣя, какъ мастерица своего дѣла, искусствомъ играть словами и видимо убѣжденная, что все, что гласятъ ея уста,—умныя слова.

Этимъ ограничились мои представленія ко Дворамъ. Зима эта для меня была чисто свѣтская,—на недѣлѣ по 5 и по 6 вечеровъ и баловъ, по воскресеньямъ балы придворные, днемъ катанье на конькахъ въ Таврическомъ саду, а когда я приходилъ къ Валуеву и говорилъ ему, что желаю работать, онъ мнѣ, какъ и другимъ, отвѣчалъ: «подождите, я *вамъ придумаю* работу». Не очень ободрительны были такія слова, но, къ счастью, въ началѣ 1862 года онъ началъ *придумывать* работы и съ той поры началась моя командировочная служба, отъ которой добылъ много свѣдѣній и взглядовъ на жизнь, отъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, сталъ умнѣе въ томъ отно-

шеніи, что постигъ неизмѣримую разницу между петербургскимъ управляющимъ и между русскимъ управляемымъ міромъ. Впрочемъ, при свиданіяхъ съ Валуевымъ въ эту зиму, какъ записано въ моемъ дневникѣ, я узналъ, въ числѣ изрѣченій, которыя онъ любилъ произносить, одну умную вещь, надъ правдою которой не разъ приходилось задумываться въ жизни. La science de la vie,—сказалъ мнѣ однажды Валуевъ,—conciste á ne jamais méconnaître la fragilité du fait et la stabilité du principe. (Наука жизни заключается въ томъ, чтобы никогда не забывать непрочности факта и вѣчности принципа). Нигдѣ, какъ въ придворной жизни, гдѣ фактъ самый мелкій, самый проходящій, самый пошлый играетъ роль громаднаго событія, затемняющаго собою видъ на все важное и живое и притупляющаго чувствительность ко всему, что не ты самъ,—это изрѣченіе Валуева я припоминалъ не разъ не праздно, а съ заботою его примѣнять къ дѣлу, то есть не преувеличивать значеніе и дѣйствіе отдѣльныхъ фактовъ и личныхъ впечатлѣній.

XXI.

(1862 годъ).

Мои служебныя командировки.—Поѣздка въ Архангельскъ и въ Каргополь.—Впечатлѣнія.

Въ январѣ 1862 года мой министръ объявилъ мнѣ о трехъ командировкахъ, изъ которыхъ двѣ были срочныя, а одна долгосрочная. Первая—была поѣздка въ Каргополь, Олонецкой губ., для уголовнаго слѣдствія по Высочайшему повелѣнію, сообща съ членомъ отъ министерства юстиціи; вторая—въ Архангельскъ для введенія взаимнаго отъ огня страхованія и, наконецъ, третья—разъѣзды по волостнымъ правленіямъ для того, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о томъ, какъ начали дѣйствовать новыя крестьянскія учрежденія самоуправленія.

Послѣ блестящаго бала въ Эрмитажѣ я вернулся домой, переодѣлся, у подъѣзда стояла кибитка, и подъ веселые звуки Juristen walzer, еще звучавшіе въ ушахъ, я пустился въ далекій путь...

На третій день ѣзды въ кибиткѣ по снѣгамъ, гдѣ встрѣчались подъ конецъ пути населенные пункты только черезъ 40—50 верстъ, прибылъ я въ Каргополь, Олонецкой губерніи, городокъ съ 450 душами населенія, гдѣ интеллигенцію изображали 6—7 представителей мѣстнаго чиновничества. Засталъ тамъ очень почтеннаго нѣмца,

старичка городничаго изъ пансіонеровъ комитета о раненыхъ, очень умнаго, энергичнаго, лѣтъ пятидесяти; исправника, кончившаго университетъ, и симпатичнаго лѣсничаго. Чего же больше было ожидать въ такомъ городкѣ. Каргополь поразилъ меня своимъ изобиліемъ церквей. Церкви эти были остатки старины, временъ Іоанна IV, когда Каргополь былъ мѣстомъ ссылки для татей и разбойниковъ, и представлялъ въ тоже время оживленный путь торговли для сѣвернаго края.

По прибытіи члена отъ министерства юстиціи, г. Лакіери, мы приступили къ слѣдствію. Намъ предстояло въ одной деревнѣ произвести слѣдствіе по жалобѣ, поданной на Высочайшее имя однимъ каторжникомъ на неправильное его осужденіе за убійство трехъ лицъ. Онъ признавалъ себя невиннымъ. Шутка сказать: слѣдствіе о неправильномъ осужденіи, послѣ того, что обвиненный былъ наказанъ плетьми съ наложеніемъ клеймъ! Слѣдствіе было нами произведено тщательно и, о ужасъ, чѣмъ болѣе оно разъяснялось, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что, дѣйствительно, обвиненіе и осужденіе были неправильны... Послѣ двухъ мѣсяцевъ мы закончили слѣдствіе.

Пришлось мнѣ провести Пасху въ этомъ городкѣ. Помню, какъ жутко было въ пасхальную ночь, сидя у окна въ пустынномъ безмолвіи, одиноко глядѣть на огонекъ единственнаго жалкаго фонаря въ городѣ, у тюрьмы, и далеко отъ всѣхъ, кого любишь, проводить эту свѣтлую ночь... Узнавъ, что никогда въ Каргополѣ не слыхали пѣвческаго пѣнія, я сталъ вмѣстѣ съ смотрителемъ духовнаго училища устраивать хоръ пѣвчихъ, съ цѣлью, чтобы они пѣли пасхальную службу заутрени. Обиходъ нотный оказался, и опытъ сравнительно удался; импровизированный и въ 4 недѣли подготовленный хоръ

пѣвчихъ пѣлъ всю пасхальную заутреню, и на другой день *депутація* отъ города пришла меня благодарить за этотъ удавшійся опытъ. Замѣчательно было, что въ эту ночь протоіерей собора облаченъ былъ въ ризу временъ Іоанна IV, съ верхомъ, страшно тяжелымъ, такъ какъ онъ былъ изъ толстой золотой тканой парчи, и усыпанъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; нижняя часть ризы нѣсколько разъ возобновлялась.

Странно: что значитъ привычка. Когда пришлось выѣзжать изъ Каргополя и прощаться съ маленькимъ кружкомъ людей, съ которымъ сжился въ эти 2 мѣсяца, въ городкѣ, гдѣ помину не было ни о моркови, ни о бѣломъ хлѣбѣ, все-таки взгрустнулось...

Пріѣхалъ я въ Архангельскъ, гдѣ засталъ городъ подъ снѣгомъ. Губернаторомъ былъ тамъ старикъ Арендаренко; онъ поручилъ городскому головѣ собрать городскую думу; явился я въ думу читать предложеніе устроить взаимное страхованіе отъ огня; иностранцы отозвались сочувственно; коренные горожане испугались нововведенія, и исходя изъ убѣжденія, что пожаръ Божья воля, настаивали на томъ, что страхованіе взаимное будетъ стачкою противъ Бога, который разсердится и въ наказаніе пошлетъ пожаръ.

Какъ я ни убѣждалъ, но главные вожаки думы не сходили съ своей ѳеократической почвы... Это было одно проявленіе нравовъ того первобытнаго общества и времени. Но другое проявленіе было еще характернѣе. Изъ разговоровъ съ губернаторомъ и съ купцами узналъ, что всѣ громадные лѣса въ краѣ были отданы за безцѣнокъ по контракту на эксплоатацію англійскимъ лѣсопромышленникамъ, наживавшимъ сотни тысячъ и эксплоатировавшимъ, кромѣ того, мѣстный крестьянскій трудъ,

какъ цари-монополисты, за безцѣнокъ... Весь край стоналъ подъ игомъ столь возмутительнаго контрагента, но голоса русскихъ людей никуда не доходили, и этотъ видъ *лѣсного грабежа* называли тогда управленіемъ государственными имуществами, *государственнымъ доходомъ* и лѣснымъ промысломъ! Выѣхалъ изъ Архангельска съ впечатлѣніемъ холода. Не забуду переѣзда черезъ Сѣверную Двину, когда ѣздилъ въ Соломбаны, предмѣстье города; ширина рѣки 4 версты; дулъ сѣверный вѣтеръ; я былъ одѣтъ въ полушубокъ, а сверху шуба, и то продрогъ до такой степени, что съ трудомъ могъ согрѣться въ теченіе цѣлаго часа.

Верстъ 400 южнѣе засталъ уже начало весны и ледоходъ на рѣкахъ; выѣхавъ изъ Архангельска въ саняхъ, въ Лодейномъ полѣ пересѣлъ въ телѣгу и на перекладныхъ благополучно прибылъ въ Петербургъ въ срединѣ апрѣля.

XXII.

(1862 годъ).

Весна.—Свиданіе съ Огрицко.—Кн. Долгоруковъ—шефъ жандармовъ.—Царское Село.—Приглашеніе на вечеръ во дворецъ.—Пожаръ въ Петербургѣ.—Толки.—Валуевъ.—Впечатлѣніе Наслѣдника.—Эпизодъ изъ придворной жизни.—Осень въ Царскомъ Селѣ.—Графъ Павелъ Шуваловъ.

Въ Петербургѣ снова окунулся, послѣ 3-хъ мѣсяцевъ затишья, въ омутъ столичной жизни, со всѣми его тогдашними дрязгами. Весна 1862 года явилась какъ бы преддверіемъ безпокойнаго лѣта... Отъ успокоившихся студенческихъ безпорядковъ остался какой-то подземный гулъ, и нѣтъ, нѣтъ, приходилось слышать какіе-то смутные намеки на подпольныя политическія интриги. Появлялись на Невскомъ какіе-то косматые парни и подозрительные фигуры, ходили толки про какія-то сходки и, вообще, чувствовалось что-то безпокойное въ воздухѣ.

Въ этой атмосферѣ родился «*Голосъ*» Краевскаго, про который говорили, что онъ пользуется протекціею извѣстныхъ либеральныхъ правительственныхъ сферъ.

Въ маѣ встрѣчаюсь подъ аркою главнаго штаба съ Огрицкою. Лицо у него сіяющее.

— Что это вы такой сіяющій,—спрашиваю я его,—должно быть, дѣла вашей партіи идутъ хорошо?

— Я сіяющій потому, что радуюсь,—отвѣтилъ мнѣ

Огрицко,—а радуюсь я потому, что ѣду къ донскимъ казакамъ учить ихъ, какъ спиваться...

Отвѣтъ былъ очень характерный.

Но всего характернѣе было то, что Огрицко, котораго репутація политическая была слишкомъ извѣстна, который ничего не пожалѣлъ, чтобы себя прославить, какъ яраго врага Россіи и правительства, былъ не только причисленъ на службу въ министерствѣ финансовъ, но даже назначенъ вице-директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ тогдашнимъ директоромъ К. К. Гротомъ. И вотъ, замыселъ спаивать донскихъ казаковъ новыми питейными правилами радовалъ его, какъ врага Россіи, и давался ему къ осуществленію, какъ вице-директору департамента.

Какъ-то на царскосельской желѣзной дорогѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ шефомъ жандармовъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ, и, между прочимъ, въ разговорѣ я ему высказалъ мое изумленіе по поводу Огрицко и передалъ ему мой послѣдній съ нимъ разговоръ.

Князь Долгоруковъ добродушно усмѣхнулся.

— Мы знаемъ больше васъ про Огрицко,—отвѣтилъ князь по-французски,—но что прикажете намъ дѣлать, когда министръ финансовъ его беретъ въ свои вице-директоры.

Дней черезъ пять я опять встрѣчаю Огрицко и сообщаю ему про свой разговоръ съ княземъ Долгоруковымъ.

— Это доказываетъ только,—отвѣчаетъ мнѣ съ язвительною улыбкою Огрицко,—что не надо быть plus royaliste, que le roi.

По этому же поводу былъ у меня тогда разговоръ съ П. А. Валуевымъ, которому я высказалъ свое наивное удивленіе тому, что людей, какъ Огрицко, не только не

боятся, но даютъ имъ возможность осуществлять свои, явно враждебные правительству, замыслы.

Валуевъ мнѣ на это, какъ это онъ всегда дѣлалъ въ щекотливыхъ вопросахъ, отвѣтилъ фразами.

— Qui sait,—сказалъ онъ,—c'est peut être un système comme un autre: préfrèr que les Ogrisko soient plutôt en évidence, que cachés.

— Да,—отвѣтилъ я,—но вѣдь эти Огрицки, пользуясь своимъ положеніемъ, даютъ смѣлость и силу подпольнымъ агитаторамъ.

— Laissez les faire,—спокойно отвѣчаетъ Валуевъ,—nous assistons à l'ébullition; et l'ébullition c'est la maladie qui sort (Пускай себѣ дѣйствуютъ. Мы присутствуемъ при эпохѣ высыпанія, а сыпь означаетъ выходящую наружу болѣзнь).

Вѣроятно, съ этою цѣлью Валуевъ разрѣшилъ А. А. Краевскому издавать «Голосъ», про который всѣ знали, что это органъ антиправительственный, создающійся подъ эгидою и протекціею восходившаго тогда яркою звѣздою на горизонтѣ Головнина.

Въ это лѣто я поселился въ Царскомъ Селѣ. Не скрою, что къ тому побудило меня пребываніе тамъ Двора.

Однажды вечеромъ, гуляя по Царскосельскому саду, вижу, какъ Государь и Императрица съ сыновьями гуляютъ по аллеѣ вдоль дворца. Я шелъ навстрѣчу по другой аллеѣ. Вдругъ вижу—черезъ траву ко мнѣ идетъ Великій Князь Александръ Александровичъ. Я направился къ нему.

— Государь приглашаетъ васъ сегодня вечеромъ къ

намъ въ Китайскую гостиную чай пить,—сказалъ Великій Князь.

Вечеръ, на который я столь милостиво былъ позванъ,—имѣлъ самый простой характеръ. Въ небольшой китайской гостиной Зубовскаго павильона дворца, гдѣ жили Ихъ Величества, накрытъ былъ круглый чайный столъ. Въ сосѣдствѣ былъ поставленъ карточный столъ. Въ четверть десятаго Ихъ Величества вошли вмѣстѣ съ Великими Князьями. Въ числѣ гостей были живущіе въ Царскомъ придворные приближенные. Изъ чужихъ былъ только азъ грѣшный. Императрица сѣла за чайный столъ и принялась разливать чай. Молодежь сидѣла за другимъ чайнымъ столомъ. Послѣ чая Государь съ графомъ Адлербергомъ, графомъ Перовскимъ и И. Н. Толстымъ сталъ играть въ ералашъ. Императрица съ работою вышиванія вела разговоръ съ окружавшими ее лицами, а молодежь занималась бесѣдою и такъ называемыми petits jeux. Собраніе продолжалось до половины двѣнадцатаго. Такъ какъ серьезныхъ разговоровъ за нашимъ столомъ молодежи не было, то и серьезныхъ впечатлѣній не пришлось испытать.

Такіе вечера стали повторяться. Въ другіе разы, когда ихъ не было, Великіе Князья ѣздили вечеромъ въ Павловскъ. Тамъ въ вокзалѣ игралъ оркестръ Іоганна Штрауса. Они садились въ отдаленіи на скамейку и слушали музыку. Павловская аллея у вокзала была въ то время мѣстомъ блестящаго rendez-vous для царскосельскаго highlife, или, вѣрнѣе, для петербургскаго, такъ какъ большая часть петербургскаго большого свѣта переѣзжала на лѣто въ Царское Село, любимое мѣстопребываніе Государя. Пѣшеходы подходили къ коляскамъ, съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ во главѣ, и у коляски проис-

ходили оживленныя бесѣды, въ родѣ тѣхъ, которыя происходили раннею весною на Елагинской стрѣлкѣ. Съѣздъ этотъ продолжался до 10 часовъ вечера.

Въ понедѣльникъ, въ Духовъ день, прибывшій изъ Петербурга поѣздъ принесъ извѣстіе о страшномъ пожарѣ на Толкучемъ рынкѣ. Это былъ первый день тѣхъ ужасныхъ пожаровъ, которые поразили всѣхъ своею неожиданностью и своими размѣрами. На другой день пожаръ продолжался: онъ вспыхивалъ въ разныхъ мѣстахъ и никакія пожарныя команды не могли его остановить. Какъ онъ подкрался къ каменному громадному дому министерства внутреннихъ дѣлъ, — никто не могъ понять, но горѣлъ архивъ, горѣлъ второй этажъ, и тысячи бумагъ въ этомъ адскомъ вихрѣ летали по воздуху: общая картина ужаса не подлежала никакому описанію. Опасность угрожала государственному банку; на отстояніе его направлены были главныя силы пожарныхъ. На мѣстахъ пожара стоны и вопли прерывались подчасъ озлобленными криками: держи его, хватай его, и толпа хватала какихъ-то людей, тащила ихъ въ распоряженіе полиціи по подозрѣнію въ поджигательствѣ. Ихъ Величества посѣтили мѣсто пожара и обходили его съ грустнымъ, но величественнымъ спокойствіемъ.

На третій день стали ходить во всѣхъ сферахъ городского населенія толки о поджигательствѣ. Слово *нигилистъ* стало слышаться вездѣ и нигилисты невинно стали обвиняться, какъ поджигатели и какъ заговорщики. Жутко приходилось тогда студентамъ, которые должны были прятаться, такъ какъ въ простонародьѣ, благодаря безпорядкамъ студенческимъ минувшей осени, составилось представленіе о чемъ-то неблагонадежномъ въ лицѣ студентовъ, — и то здѣсь, то тамъ раздавались въ про-

стыхъ толпахъ обвинительные возгласы противъ студентовъ, какъ противъ поджигателей и какъ противъ нигилистовъ.

Было-ли что-либо основательное въ этой народной молвѣ, я не могъ узнать ни тогда, ни послѣ, и не слыхалъ ни объ одномъ фактѣ пойманнаго студента.

Но въ томъ, что этотъ небывалый по своимъ размѣрамъ пожаръ, вспыхнвавшій въ разныхъ мѣстахъ, былъ дѣломъ поджога организованной какой-то шайки поджигателей, въ этомъ никто не могъ сомнѣваться.

Но кто были эти поджигатели—мы не знали. Потомъ стали говорить о слѣдствіи, но что открыло оно—также осталось неизвѣстнымъ.

Долженъ сказать, что этотъ пожаръ явился, увы, грустно-важнымъ событіемъ въ исторіи политическихъ безпорядковъ, предстоявшей развернуться въ видѣ цѣлой эпохи. Я говорю это, связывая дальнѣйшіе эпизоды этой печальной эпохи съ тѣмъ ужаснымъ пожаромъ, и связываю потому, что долго послѣ этого пожара приходилось слышать не разъ сужденія о томъ, что причиною и началомъ той разнузданности и смѣлости, которыя проявлять стали подпольныя партіи преступниковъ, признавали ту слабость, которая проявлена была правительствомъ въ минуты ужаса, охватившаго всѣхъ въ лѣто 1862 года. Поступи правительство тогда съ подобавшею событію строгостью, порази оно строгостью наказанія, можетъ быть, дѣйствіе репрессалій было бы на столько сильно, что остановило бы сразу пропаганду подпольной крамолы и многихъ удержало бы страхомъ. Такъ говорили нѣсколько лѣтъ спустя, и мнѣ казалось тогда, что такія разсужденія были вѣрны. Къ этой строгости взывали въ самый разгаръ минуты разыгравшихся ужасовъ, особливо

въ средѣ лавочниковъ и купцовъ, пострадавшихъ отъ пожара, но этому настроенію не соотвѣтствовало настроеніе властей, правившихъ въ то время порядкомъ въ Петербургѣ, гдѣ главнымъ начальникомъ былъ генералъ-губернаторъ князь Суворовъ. Онъ кричалъ, кипятился, но не измѣнялъ своему характеру добряка и несерьезнаго человѣка.

Общее впечатлѣніе при ближайшемъ взглядѣ на высокія правящія сферы было такое, что онѣ были слишкомъ похожи на наши сферы и не давали намъ ничего, что мы въ правѣ были отъ нихъ ожидать: мы были растеряны, мы были удручены, и тамъ, на верхахъ, отзывалось растерянностью и какимъ-то состояніемъ недоумѣнія отъ страха. Вотъ это-то именно и производило скверное деморализирующее дѣйствіе во всѣхъ средахъ общества и, такъ сказать, на время.

Я записалъ тогда въ «Дневникъ» мой нѣсколько минутъ свиданія съ Валуевымъ. Хотя тогда главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за явленія въ мірѣ безпорядковъ политическихъ былъ шефъ жандармовъ, но все же нельзя было представлять себѣ министра внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ внѣ этой отвѣтственности, хотя бы потому, что онъ былъ главнымъ начальникомъ полиціи оффиціальной и внѣшней. А между тѣмъ, Валуевъ мнѣ показался тогда растерянным и я записалъ это впечатлѣніе. Никакой энергичной мысли о необходимости поступать строго и этою строгостью успокоить умы я въ немъ не нашелъ.

Валуевъ оказался совсѣмъ погруженнымъ въ вопросъ о разлетѣвшихся по вѣтру бумагахъ и дѣлахъ министерства, и насъ всѣхъ запрегъ въ работу сбиранія подбиравшихся остатковъ. Я ему сказалъ очень наивно, что было бы хорошо, если бы отыскивали виновниковъ пожара

такъ же усердно, какъ отыскиваютъ les papiers éparpillés du ministère.—Да,—отвѣтилъ онъ по-французски, выпуская граціозно по воздуху дымъ своей ароматной сигары,—но я очень боюсь, чтобы наши милые князья (князь В. А. Долгоруковъ, шефъ жандармовъ, и князь Суворовъ генералъ-губернаторъ) не употребляли больше времени на возню въ пространствѣ (dans le vide), чѣмъ на выясненіе дѣла. Эта фраза Валуева получила свое историческое оправданіе, ибо, что эти милые князья открыли и открыли ли что-нибудь по поводу пожара, осталось для насъ всѣхъ тайною.

Съ Наслѣдникомъ мнѣ приходилось мало говорить—и то урывками только, потому что въ обстановкѣ Китайской гостиной и Павловскаго вокзала было не до серьезныхъ разговоровъ. Слышалъ, однако, отъ него однажды при встрѣчѣ въ Павловскомъ вокзалѣ и записалъ въ «Дневникъ» скептическія размышленія.—У насъ очень любятъ популярность,—говорилъ Великій Князь по поводу того, что ничего не раскрывалось по дѣлу о поджогахъ,—но очень не любятъ дѣло дѣлать.

Мысль эту Наслѣдникъ высказалъ по поводу князя Суворова, который, въ числѣ особенностей, имѣлъ ту, что до комизма проявлялъ свой культъ популярности. Онъ иначе не говорилъ, какъ: mon ami Чернышевскій, mon ami Михайловъ, и не было того негодяя, съ которымъ князь Суворовъ не становился любезнымъ и не разсыпался передъ нимъ, если только этотъ негодяй ему скажетъ: вы самый популярный человѣкъ въ Петербургѣ. Мало того, князь Суворовъ пріобрѣлъ своего рода знаменитость въ Петербургѣ своими рекомендаціями. Дѣйствительно, каждый съ улицы приходившій къ нему замухрышка или самый подозрительный на видъ ниги-

листъ—получали отъ него собственноручную записку на имя тѣхъ министровъ, которымъ князь рекомендовывалъ этихъ лицъ, какъ заслуживающихъ *особаго* вниманія. Со временемъ эти рекомендаціи стали производить обратное дѣйствіе и полученіе Суворовскихъ рекомендацій аттестовывало рекомендуемыхъ лицъ, какъ ненадежныхъ.

Въ Царскомъ Селѣ жизнь вѣяла полною тишиною...

Нигдѣ не была замѣтна грань предосторожности, отдалявшая жизнь Царственныхъ Хозяевъ Царскаго Села отъ простыхъ смертныхъ... Утромъ, въ 8 часовъ, Государь съ Императрицею выходили гулять вмѣстѣ со своими дѣтьми и обходили озеро, предшествуемые чернымъ сетеромъ Милордомъ. Къ этому же времени выходили на ту же прогулку всѣ тѣ, которымъ хотѣлось лишній разъ встрѣтить Ихъ Величества, а къ колоннадѣ, у которой выходили они для прогулки, сбирались люди съ прошеніями. Государь, выходя съ Императрицею, принималъ прошенія и передавалъ ихъ дежурному флигель-адъютанту. Но, кромѣ того, ему случалось и на прогулкѣ встрѣчаться съ просителями, и всегда ласково и привѣтливо онъ выслушивалъ подходившаго къ нему. Такая милая картина у меня до сихъ поръ свѣтится передъ глазами. Государь подъ руку съ Императрицею останавливались привѣтливо, выслушивали просителя, кругомъ Ихъ стояли всѣ дѣти, а впереди, тоже остановившись, ждалъ Милордъ терпѣливо, когда ему можно будетъ пуститься въ путь. При встрѣчѣ съ знакомыми Государь непремѣнно скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Послѣ завтрака, около 2 часовъ, Ихъ Величества выѣзжали въ коляскѣ и гуляли или въ Павловскомъ, или въ Царскосельскомъ паркѣ; затѣмъ до обѣда Государь со своимъ рейткнехтомъ позади ѣздилъ верхомъ. Издалека можно было узнать приближеніе Го-

сударя по шагу галопа его лошади. Государь ѣздилъ только галопомъ, и этотъ галопъ, средній между тихимъ и скорымъ, былъ по темпу всѣмъ извѣстенъ. Вечеромъ Ихъ Величества снова гуляли или въ экипажѣ или пѣшкомъ. Въ лѣтнемъ пребываніи Ихъ Величествъ въ Царскомъ былъ лагерный красносельскій перерывъ, послѣ котораго они снова вернулись въ Царское.

Къ этому времени относится очень интересный эпизодъ изъ придворной жизни, въ которомъ милая Татьяна Борисовна Потемкина играла главную и прекрасную роль. Не задолго до 26-го августа, дня Коронованія Ихъ Величествъ, Татьяна Борисовна напомнила, въ разговорѣ съ Императрицею, о томъ, какъ ей больно и досадно, что Ихъ Величества, по какому-то странному обычаю, не присутствуютъ на чудномъ молебствіи, которое служатъ объ Нихъ въ дни восшествія на Престолъ и Коронованія, такъ какъ и эти молебствія служатся, какъ другія, до обѣдни—по придворному этикету.

— Кому же слушать этотъ молебенъ, какъ не вамъ?— сказала Татьяна Борисовна,—и теперь, когда Богъ посѣщаетъ васъ печалями, тѣмъ болѣе? Оказалось, что Императрица не знала, что въ эти два дня въ году служатъ тотъ молебенъ, который она слушала въ день Коронованія. Императрица сказала это Государю, и 26-го августа они дали приказаніе молебенъ служить послѣ обѣдни, но сказали это прямо протопресвитеру Бажанову, не предупредивъ никого.

Не забуду этого эпизода, столько заключавшаго въ себѣ сердечнаго. Ихъ Величества съ Дѣтьми слушали обѣдню вверху, а внизу, во второй половинѣ церкви, стояли придворные, публика... Первая часть, ближе къ алтарю, была пуста. По заведенному обычаю, когда на-

чалось пѣніе «Отче нашъ», графъ Шуваловъ, началъ суетиться и по знаку, отъ него исходившему, всѣ главныя придворныя особы и имѣющіе представляться Государю выходили изъ церкви и поднимались наверхъ въ гостиную, гдѣ ожидался выходъ Ихъ Величествъ изъ церкви. Такъ было и 26-го августа.

Но каково было всеобщее изумленіе, а въ особенности графа Шувалова, совсѣмъ растерявшагося отъ такого отступленія отъ этикета и обычая, когда послѣ литургіи все духовенство выходитъ на амвонъ... Но этого мало... Удивленіе ихъ болѣе усилилось, когда Ихъ Величества сошли внизъ и вмѣстѣ съ дѣтьми стали въ первой половинѣ церкви.

Начали раздаваться прекрасныя слова этого молебна... И когда протодіаконъ возгласилъ слова «Да услышитъ Его Господь Богъ въ день печали», Государь и Императрица, въ глубокомъ молитвенномъ порывѣ, преклонили колѣна и слезы потекли по лицу Императрицы... Минута была трогательная и прекрасная. У многихъ брызнули слезы. Но рядомъ съ этимъ на нѣкоторыхъ лицахъ придворнаго закала можно было прочитать комическое смущеніе. По обычаю, эти лица становились на колѣни тогда, когда Государь становился на колѣни при возгласѣ *со страхомъ Божіемъ*; тутъ явилось колѣнопреклоненіе неожиданное, не по уставу, такъ сказать, и они не знали, на что рѣшиться... Одинъ изъ нихъ, приподнимаясь, изрекъ чистосердечно: c'est un exstra...

Во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ получилъ свое значеніе потому, что съ тѣхъ поръ всегда молебствія въ день восшествія на Престолъ и въ день Коронованія служились не до обѣдни, а послѣ обѣдни, въ присутствіи Ихъ Величествъ.

Въ этомъ году Дворъ совершилъ выѣздъ въ Новгородъ на празднованіе тысячелѣтія Россіи.

Осенью Ихъ Величества на недѣлю переѣхали въ Гатчино, воскресить, какъ тогда говорилось, обычай, соблюдавшійся при Николаѣ I-мъ, который вставлялъ гатчинскій сезонъ въ осень до зимняго петербургскаго. Пріѣхалъ ко мнѣ на дачу скороходъ съ извѣщеніемъ, что я приглашенъ въ Гатчино, во время Высочайшаго пребыванія. Эта гатчинская недѣля носила свой особенный характеръ. Онъ заключался въ томъ, что велась тамъ la vie de chateau, то-есть жизнь сообща, начинавшаяся съ завтрака. Мѣстомъ собраній былъ такъ называемый арсеналъ, огромная зала въ два свѣта, гдѣ и завтракали, и обѣдали, и ужинали и гдѣ была, кромѣ того, театральная сцена. Въ промежуткахъ между собраніями всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, а вечеромъ вся молодая часть общества занималась играми и импровизированными дивертисментами. Графъ Фредро, талантливый и веселый поэтъ и авторъ миленькихъ пьесъ, устраивалъ изъ насъ цѣлый персоналъ для оперетокъ его сочиненія.

Ставились и живыя картины. Помню мой конфузъ и мой протестъ, когда въ одной картинѣ, имѣвшей изобразить юстицію, меня посадили на возвышенное сидѣніе въ роли Немезиды, а Наслѣдникъ принялъ на себя роль колѣнопреклоненнаго подсудимаго, надъ которымъ съ сѣкирою стоялъ палачъ въ лицѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Мой протестъ, съ цѣлью измѣнить *постановку* распредѣленія ролей, не былъ уваженъ и картина была представлена. На обѣды и вечера приглашались пріѣзжіе гости изъ Петербурга, такъ что вечеромъ собраніе было многолюдное. Отличительною ихъ чертою было необыкновенное радушіе и простота Хозяевъ Гатчинскаго

Дворца и общее веселіе, царившее во всѣхъ гостяхъ. Одною изъ звѣздъ этихъ собраній была совсѣмъ необыкновенная красавица, молодая княжна Мещерская, дочь князя Элима Мещерскаго, извѣстнаго французскаго поэта. Она принята была Императрицею во фрейлины и потомъ, какъ извѣстно, была первою женою знаменитаго Павла Демидова.

Въ министерствѣ у Валуева въ это время начала кипѣть работа реформъ. Разрабатывался проектъ полицейской реформы въ Россіи и началась работа по разработкѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Явились у него новые дѣятели по министерству: для хозяйственнаго департамента Шумахеръ, для департамента общихъ дѣлъ Н. П. Мансуровъ, бывшій прежде самарскимъ губернаторомъ. На этотъ постъ до Мансурова Валуеву пришла мысль назначить графа Павла Андреевича Шувалова (нынѣ варш. генералъ-губернатора). Назначеніе на должность директора департамента военнаго человѣка, никогда инымъ дѣломъ, какъ строевымъ, не занимавшагося, удивило всѣхъ, и самого графа Шувалова больше другихъ. По этому поводу мною записано было въ «Дневникъ» слѣдующее: «видѣлъ новаго директора департамента общихъ дѣлъ графа Шувалова въ его кабинетѣ. Онъ говоритъ про себя съ добродушною улыбкою, что его призваніе быть *ногою Валуева*. Оказывается, что Валуевъ просилъ графа взять на себя эту должность, pour avoir un pied dans le monde». Графу Шувалову, однако, это призваніе быть ногою Валуева въ свѣтѣ наскучило и онъ вскорѣ вернулся къ военной службѣ. Назначеніе Мансурова вскорѣ всѣми въ министерствѣ было привѣтствовано. Это былъ одинъ изъ идеальнѣйшихъ директоровъ департамента, которыхъ когда-либо приходилось встрѣчать: способный,

быстро схватывающій, добрый и привѣтливый, терпѣливый, порядочный до тончайшихъ оттѣнковъ, самостоятельный и всегда ровный въ обращеніи и въ настроеніи.

XXIII.

(1862 годъ).

Проектъ полицейской реформы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Роковое совпаденіе питейной реформы съ крестьянскою.—Русскій богъ.—Мысли Огрицко.—Его роль.—Начало польскаго мятежа.—Роль Вел. Кн. Константина Николаевича.—Его ошибка.

Я говорилъ выше о проектѣ полицейской реформы для провинціи.

Фактъ, что объ этой реформѣ подумали 2 года спустя послѣ освобожденія крестьянъ,—не служилъ ли убѣдительнымъ доказательствомъ того, что порядокъ въ Россіи охранялся только русскимъ богомъ, то есть какою-то невидимою силою, въ которой, всего менѣе, участвовали: людской разумъ и людская воля...

Разскажите любому иностранцу, что величайшая соціальная революція въ Имперіи съ 70-милліоннымъ населеніемъ, имѣвшая цѣлью дать свободу десяткамъ милліоновъ необразованнаго народа, съ надѣленіемъ ихъ землею и съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній къ сословію земельнаго дворянства, была подготовлена и примѣнена и пошла безъ прибавки хотя бы одного человѣка полицейскаго на всю необъятную ширь Русской земли и при условіяхъ самой первобытной полиціи,—ни одинъ иностранецъ не повѣрилъ бы этому сказу и задалъ бы вопросъ: да какъ же вы могли избѣгнуть, чтобы рево-

люція, государственная и правительствомъ сдѣланная, не обратилась въ кровавую и народную анархію?

А между тѣмъ, этотъ замѣчательный историческій фактъ совершился въ Россіи... Легендарный капитанъ-исправникъ съ своими становыми былъ единственнымъ представителемъ полиціи въ уѣздѣ, гдѣ тысяча крестьянъ проходила черезъ коренную соціальную реформу, и гдѣ никакого не было основанія не предвидѣть какого угодно проявленія своеволія и безпорядка со стороны крестьянскихъ массъ, со дня на день послѣ вѣкового подчиненія помѣщичьей власти—объявленныхъ отъ этой власти освобожденными.

И тѣмъ не менѣе, этотъ невѣроятный фактъ совершился. Когда же въ департаментѣ полиціи исполнительной началось обсужденіе полицейской реформы, явился курьезный, хотя и естественный вопросъ: какъ совершить полицейскую реформу? En grand, то есть въ размѣрахъ ли государственныхъ потребностей, имѣя въ виду перспективу дальнѣйшаго развитія внутренней жизни въ государствѣ, или *en petit*, измѣнивъ только принципъ избранія и замѣнивъ его принципомъ назначеній отъ правительства, и придерживаясь масштаба существующей полиціи?

Курьезъ заключался въ вопросѣ: казалось непонятнымъ, какъ можно было сомнѣваться въ томъ, что реформа полицейская требовалась *en grand*, сообразная новымъ жизненнымъ потребностямъ, и въ предвидѣніи усложненій этой новой жизни...

Но еще крупнѣе курьезъ былъ въ томъ, что главные составители проекта полицейской реформы, съ Валуевымъ во главѣ, рѣшили дѣлать реформу *en petit*, и оставаться при масштабѣ прежней—до комизма неудовлетворительной

по количеству—полиціи, и самую эту реформу признать *временною*, имѣя въ виду ее примѣнить въ видѣ опыта... И вотъ, все свелось къ переименованію земскихъ исправниковъ въ уѣздные исправники, къ упраздненію поста городничаго, къ замѣнѣ его должностью помощника исправника, къ учрежденію полицейскаго управленія, вмѣсто прежняго земскаго суда, и къ сохраненію становыхъ приставовъ. Итакъ, по уѣзду полицейская сила изображалась однимъ исправникомъ и двумя, тремя становыми и, затѣмъ, при извѣстномъ количествѣ сотскихъ, оставленныхъ въ распоряженіи становыхъ приставовъ...

Словомъ, вся полицейская реформа того времени была направлена къ тому, чтобы полиція въ уѣздѣ явилась приличною *иллюзіею*, и такою именно она явилась.

Это былъ, какъ я сказалъ, курьезъ.

Но что сказать о томъ, что эта реформа, признанная въ 1862 году временною и опытомъ, сохранилась *доселѣ*, и что съ населеніемъ, увеличившимся милліоновъ на 50, и съ условіями жизни весьма усложнившимися, мы пребываемъ доселѣ съ однимъ исправникомъ и съ 2—3 становыми на уѣздъ и, какъ будто, находимъ этотъ порядокъ вещей нормальнымъ. Русскій богъ вводится въ искушеніе нашею изумительною безпечностью, но, тѣмъ не менѣе, Россія живетъ.

Но въ то время имѣло мѣсто явленіе, еще болѣе поразительное, какъ искушеніе русскаго бога. Это вводившаяся питейная реформа, имѣвшая двѣ цѣли: 1) удешевить водку и 2) улучшить ея качества.

Я помню, какъ въ то время люди, серьезно относившіеся къ вопросамъ государственной жизни, говорили съ негодованіемъ о томъ, насколько несвоевременна питейная

реформа, вводимая какъ разъ въ то время, когда крестьянскія массы проходятъ черезъ столь соблазнительную реформу, какъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостного состоянія. Отъ присоединенія къ присущему этой реформѣ соблазну воли, соблазна *дешевки* не надо ли было предвидѣть серьезныхъ послѣдствій, въ смыслѣ вреда для нравственнаго быта крестьянъ? Но голосамъ этихъ серьезныхъ людей пришлось раздаться въ пустынѣ. Ихъ не слушали и питейная реформа сошла, какъ по маслу.

Для меня лично именно этотъ фактъ совпаденія крестьянской реформы съ питейною, имѣлъ значеніе весьма чувствительнаго тезиса для размышленій и для зловѣщихъ, такъ сказать, впечатлѣній, ибо пока другіе этотъ вопросъ обсуждали скорѣе принципіально и имѣли дѣло съ представителями оффиціальнаго міра министерства финансовъ, на видъ благонадежными, я имѣлъ дѣло съ одною изъ тайныхъ пружинъ этого міра, съ знаменитымъ зловѣщимъ Огрицкою. Я уже говорилъ здѣсь объ его мысляхъ спаивать донскихъ казаковъ, а затѣмъ, что касается самаго проекта питейной реформы, то Огрицко, какъ вице-директоръ департамента акцизныхъ сборовъ, дѣлалъ все, что могъ своимъ умомъ, своею энергіею и своими подпольными связями, чтобы это дѣло вести tambour battant, ибо имъ руководила мысль именно сдѣлать то, чего опасались серьезные и порядочные люди, подставить крестьянину въ первыхъ порахъ его освобожденія *дешевый кабакъ*.

Именно эту перспективу—соблазнить мужика дешевою водкою и, затѣмъ, его споить,—споить въ смыслѣ раззоренія матеріальнаго, споить въ смыслѣ нравственнаго растлѣнія, Огрицко лелѣялъ, какъ мечту дорогую и сладкую для его ненавидѣвшей Россію души. Если я это зналъ отъ

самаго Огрицко, то, значитъ, онъ не скрывалъ своихъ затаенныхъ мыслей, и кромѣ меня знали и другіе, поэтому понятно, что мнѣ представлялось замѣчательнымъ, какъ при этихъ условіяхъ могъ быть Огрицко вице-директоромъ департамента въ министерствѣ финансовъ и какъ *никого* не безпокоилъ ни этотъ курьезъ, ни осуществленіе замысла соединить освобожденіе крестьянъ съ питейною реформою, признанною нужнѣе и безотлагательнѣе полицейской? Точно какая то таинственная сила спѣшила, не теряя ни одной минуты, создать для народа роковое искушеніе, а для правительства угрожающее положеніе...

И дѣйствительно—если представить себѣ, что могло бы случиться въ то время на Руси, если то, что предвидѣлъ и желалъ Огрицко (и его таинственные союзники и покровители), какъ послѣдствіе совпаденія питейной реформы съ освобожденіемъ крестьянъ бы, осуществилось, и народныя толпы, пользуясь фактическимъ отсутствіемъ полиціи въ Россіи, набросились на кабаки со стихійною безшабашностью?

Богъ хранилъ Россію совершенно чудотворно, ибо совершенно такъ-же, какъ случилось съ крестьянскою реформою, обманувшей всѣ разсчеты тѣхъ, которые ожидали отъ нея разгула мужицкой свободы и увидѣли тихое и спокойное время, по поводу котораго даже мало говорилось въ столичныхъ образованныхъ кружкахъ,—тоже, говорю я, повторилось съ питейною реформою: она примѣнялась тихо и спокойно, и стихійнаго разгула народныхъ страстей около кабака, изъ-за кабака, и въ кабакѣ, на который такъ разчитывали тайные враги порядка и правительства, никакого не случилось...

— Этимъ Русскій народъ обманываетъ всѣ наши

разсчеты,—сказалъ мнѣ однажды Огрицко, съ выраженіемъ искренняго разочарованія...

Въ это время, то есть въ концѣ 1862 года, Огрицко имѣлъ еще другое дѣло, и Огрицко, нисколько не скрываясь говорилъ мнѣ, что онъ работаетъ одновременно для торжества революціи въ Россіи и для польскаго повстанія въ ближайшемъ будущемъ. Повторяю, если я это зналъ отъ него, то всякій это зналъ, и никто не мѣшалъ ему для этихъ «благихъ» дѣлъ работать... А въ тоже время въ Петербургъ приходитъ извѣстіе, какъ Назимова въ Вильнѣ начинаютъ травить иниціаторы польскаго жонда, и какъ онъ былъ непростительно слабъ, давая плевать на русскихъ солдатъ на улицахъ.

Исторія польскаго мятежа, начавшагося въ концѣ 1862 года въ видѣ отдѣльныхъ попытокъ къ проявленію безпорядковъ, была любопытнымъ этюдомъ тогдашней политической эпохи.

Принято говорить, что его подготовили и совершили, этотъ мятежъ, поляки. Но историческая правда требуетъ исправленія этой мысли: мятежъ 1863 года подготовили мы, а воспользовались имъ для своихъ глупыхъ бредней— поляки.

Начало этого печальнаго событія надо искать въ общемъ тогда политическомъ настроеніи нашего интеллигентнаго общества, коего отличительною чертою была распущенность; мы жили тогда въ какой-то мягкой атмосферѣ уступчивости и слабости относительно всего, что было принципомъ порядка и дисциплины. Эта-то мягкость, эта-то терпимость всего, что проявляло духъ послабленія дисциплины, составляли одинъ изъ главныхъ признаковъ политическаго либерализма. Огрицко, на котораго я часто ссылаюсь и котораго я видѣлъ часто до

факта его прямой измѣны, для меня, по крайней мѣрѣ, былъ самымъ рельефнымъ выразителемъ тогдашняго либеральнаго настроенія умовъ—съ одной стороны, а съ другой стороны — самымъ полнымъ воплощеніемъ того практическаго употребленія, которое тогда могли дѣлать политическіе дѣльцы изъ этой мягкой и слабой, относительно принциповъ, атмосферы для своихъ цѣлей. Огрицко съ своими союзниками одновременно эксплоатировалъ тогдашнюю атмосферу распущенности для двухъ цѣлей: для революціоннаго дѣла въ Россіи вообще, и для польскаго дѣла—въ особенности.

И вотъ почему я такъ утвердительно говорю, что польскій мятежъ 1863 года явился послѣдствіемъ не польской работы, но общей политической атмосферы того времени у насъ, въ нашихъ интеллигентныхъ и общественныхъ сферахъ. За эту разслабленность въ дѣлѣ принциповъ порядка стояли одинаково и Герценъ и Краевскій въ своемъ «Голосѣ», и довели они ее до требованій пассивности и терпимости въ вопросахъ даже національныхъ. Это дѣлалось во имя культа къ либеральному Западу. Служеніе этому культу предъявляло, между прочимъ, къ правительственнымъ агентамъ власти требованіе извѣстной политики laissez faire и laissez passer рѣшительно во всемъ, гдѣ сталкивался какой-нибудь представитель элемента либерализма и даже самоволія съ элементомъ правительственной власти.

Культъ либерализма одновременно ободрялъ и, такъ сказать, бралъ подъ свою протекцію—идею національнаго сепаратизма на столько, на сколько они его прикрывали либерализмомъ, и обязывали и понуждали каждаго представителя правительственной власти быть снисходитель-

нѣе ко всякимъ проявленіямъ либерализма, даже въ области національнаго сепаратизма и не заявлять о необходимости строгихъ мѣръ противодѣйствія и дисциплины даже тамъ, гдѣ либерализмъ переступалъ границы и входилъ въ область и правительственныхъ, и національныхъ интересовъ. Идея Огрицки повторялась въ разныхъ видахъ и степеняхъ вездѣ: Россія слишкомъ варварское, и по своему *самодержавію* и по своему *православію*, государство, чтобы имѣть право требовать во имя единодержавія подчиненія ея національностей болѣе цивилизованныхъ и болѣе либеральныхъ. Вотъ что говорилъ тогда Огрицко, и, повторяю, съ разными видоизмѣненіями ту же мысль повторяли и пускали въ обращеніе въ тогдашнее русское общество Герценъ и Краевскій.

Но отголоски или отклики этого либеральнаго космополитизма были не только слышны, но и вліятельны въ тогдашнихъ высшихъ политическихъ сферахъ. Валуевъ былъ очень убѣжденный ихъ представитель въ то время въ своей сферѣ. Не скажу, чтобы Валуевъ былъ въ области вопросовъ внутренней политики изъ передовыхъ либеральныхъ государственныхъ людей; онъ видѣлъ очень ясно эксессы этой партіи въ государственныхъ сферахъ и не только не сочувствовалъ имъ, но вездѣ, гдѣ не требовалось une lutte corps á corps, онъ противопоставлялъ умѣренность неумѣренности; но въ вопросѣ національностей онъ былъ несомнѣнно космополитъ и взялъ на душу грѣхъ не малый, когда и Назимова въ Вильнѣ, и князя Илларіона Васильчикова въ Кіевѣ не вдохновлялъ къ энергичному образу дѣйствій противъ дерзостей поляковъ-безумцевъ,—на землѣ, гдѣ не только не могло быть спора польской національности съ русскою, но гдѣ о первой не могло быть рѣчи,—и даже одобрялъ своимъ авторитетомъ

министра внутреннихъ дѣлъ ихъ генералъ-губернаторскія бездѣйствіе и пассивность.

И вотъ почему для насъ въ то время было ясно, что польскій мятежъ зажгли, своею политикою *непротивленія* и *непротиводѣйствія*, въ центрѣ управленія — Валуевъ, а въ Вильнѣ, Кіевѣ и въ Варшавѣ—представители русской власти. Будь въ 1862 году въ центрѣ твердый и строгій отпоръ польскимъ бреднямъ, и повторись этотъ отпоръ неумолимо строго въ Кіевѣ, въ Вильнѣ и въ Варшавѣ,—никакого мятежа не было бы и въ поминѣ. Валуевъ допустилъ политику заигрыванія съ поляками, и она-то и привела къ мятежу 1863 года, замѣчательному столько же своею глупостью, сколько своею дерзостью; а дерзость эта явилась послѣдствіемъ политики заигрыванія съ поляками, принявшей характеръ непростительной слабости.

Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствовали размѣры, которые принялъ мятежъ и которые превзошли своею дерзостью размѣры 1831 года, ибо въ Кіевѣ и подъ Кіевомъ въ 1863 году образовалась банда польскихъ инсургентовъ, чего не смѣли думать поляки въ разгаръ революціи 30-хъ годовъ.

Эту слабость въ отстаиваніи прерогативъ и принциповъ власти и дисциплины можно было назвать тогда болѣзнью времени. Назимовъ, виленскій генералъ-губернаторъ, былъ прекраснѣйшій и честнѣйшій старикъ, до мозга костей Николаевскаго времени, а между тѣмъ, я помню, какъ приходившіе изъ Вильны въ то время отголоски повѣствовали о томъ, какъ Назимовъ терялся и считалъ своимъ *долгомъ* стушевывать себя, какъ русскаго генералъ-губернатора, передъ всякими уличными проявленіями польской дерзости. Онъ былъ болѣе озабоченъ тѣмъ

какъ бы не оказаться слишкомъ строгимъ и какъ бы не прослыть недостаточно снисходительнымъ, чѣмъ думалъ о своемъ серьезномъ призваніи передъ Россіей, и о силѣ, съ которою онъ могъ бы истребить сѣмя мятежа въ зародышѣ. То же самое думалъ князь Илларіонъ Васильчиковъ въ Кіевѣ. Какъ князь Васильчиковъ—онъ былъ рыцарь чести и честности. Какъ человѣкъ—онъ былъ и добръ и честенъ, но какъ генералъ-губернаторъ того времени—онъ былъ болѣнъ тою же болѣзнью, какъ многіе тогда,—болѣзнью воли, болѣзнью энергіи, болѣзнью русскаго чувства долга и достоинства. Онъ боялся энергіи и строгости и вѣрилъ въ какую-то теорію примиренія и взаимнаго соглашенія, которая на практикѣ выражалась въ согласованіи дерзости поляковъ съ добродушною слабостью русскихъ представителей и агентовъ власти. Въ Варшавѣ же эта же политика laissez faire доходила до мечтаній какого-то польскаго представительства. А въ Зимнемъ дворцѣ князь Суворовъ, съ свойственными ему распашкою въ рѣчи и безцензурностью выраженій кричалъ во всеуслышаніе о необходимости этимъ *бѣднымъ полякамъ* дать вздохнуть свободнѣе и облегчить имъ ненавистное иго русскаго чиновника.

Такимъ образомъ, Герценъ въ заграничной печати Краевскій въ «Голосѣ», князь Суворовъ во дворцѣ, Валуевъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторы на мѣстахъ броженія умовъ и Огрицки въ подпольныхъ сферахъ—каждый по своему, но все же всѣ вмѣстѣ, въ 1862—1863 гг. дѣлали изъ польскаго вопроса, какъ политическаго, порохъ, а что полякъ взялъ да зажегъ его первой попавшеюся спичкою, — что же было удивительнаго?

Вотъ, при какихъ условіяхъ и при какой духовной

атмосферѣ политической родился на Страстномъ бульварѣ, въ редакторѣ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», протестъ противъ этой политики и пробудился геній Каткова.

Назначеніе Великаго Князя Константина Николаевича намѣстникомъ въ Варшаву было въ то время комментировано во всѣхъ политическихъ сферахъ, какъ признакъ желанія правительства идти на встрѣчу ожиданіямъ поляковъ чего-либо новаго. Какъ я говорилъ выше, поляки имѣли своихъ ходатаевъ при дворѣ въ лицѣ Валуева, князя Суворова и самого генералъ-адмирала, который относился къ польскому вопросу съ общей либеральной точки зрѣнія. Къ нимъ присоединился и князь Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, находившій либеральную политику внутреннюю болѣе согласною съ интересами нашей иностранной политики, гдѣ въ то время извѣстнымъ престижемъ пользовался Наполеонъ III, до минуты, когда онъ его испортилъ своимъ прямымъ вмѣшательствомъ въ польскія дѣла.

Характерною чертою того времени было то, что поляки въ Варшавѣ ожидали и даже почти требовали чего-то для себя новаго, и въ Петербургѣ правительство думало о дарованіи полякамъ чего-то, но ни въ Варшавѣ, ни въ особенности въ Петербургѣ никто не могъ опредѣлить въ точности и сколько-нибудь ясно, что именно могло входить въ планъ возможныхъ уступокъ въ пользу польскихъ національныхъ интересовъ и плана дѣйствія при назначеніи Великаго Князя намѣстникомъ въ Варшаву на мѣсто князя Горчакова,—никто не зналъ, ни отправлявшійся въ Варшаву новый намѣстникъ, ни отправлявшее его правительство въ Петербургѣ.

Но обстановка, въ которой признано было нужнымъ

отправить Великаго Князя въ Варшаву, объяснялась желаніемъ правительства сдѣлать кое-что для того, чтобы польстить польскому самолюбію и потѣшить ихъ декораціями, имѣвшими цѣлью напомнить въ Царствѣ Польскомъ либеральныя времена намѣстничества Великаго Князя Константина Павловича. Позаботились о томъ, чтобы создать великолѣпный дворъ въ Варшавѣ, и для усиленія блеска и престижа сдѣлали то, что было при Константинѣ Павловичѣ: отправили двѣ гвардейскія дивизіи, одну пѣхоты, другую кавалеріи, въ Варшаву.

Поляки, со свойственною имъ легкостью увлекаться, увидѣли въ этихъ желаніяхъ правительства — обставить особымъ блескомъ явленіе брата Государя въ Варшаву— признаки политики уступокъ, поспѣшили перейти къ мечтамъ національнаго сепаратизма, и едва Великій Князь успѣлъ прибыть въ Варшаву, какъ уже въ этой Варшавѣ была организована цѣлая партія политическихъ дѣятелей польскаго лагеря, которая хотѣла независимо отъ намѣстника взять въ руки движеніе умовъ въ Царствѣ Польскомъ, и, такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною политикою русскою, создать особую національную партію дѣйствія.

Съ этого началось недоразумѣніе, превратившееся въ мятежъ.

Недоразумѣніе это родилось въ ту минуту, когда Великій Князь, прибывъ въ Варшаву, первою своею заботою проявилъ желаніе, такъ сказать, опираться на національныя симпатіи въ краѣ, гдѣ онъ былъ совсѣмъ новый человѣкъ, и всего менѣе зналъ нравы и характеры интеллигентной среды, его окружавшей. У него явилась мысль сдѣлать свое правительство популярнымъ. Въ этомъ и была его первая и главная ошибка. Польскихъ магна-

товъ, явившихся къ нему съ изъявленіями готовности содѣйствовать его миссіи, новый намѣстникъ bona fide признавалъ за польское, такъ сказать, высшее общество и за представителей національной интеллигенціи, и въ этомъ жестоко заблуждался. Вѣрные своему политическому прошлому, едва только поляки стали легче дышать при Александрѣ II, они перешли къ тому умственному состоянію, которое тогда такъ мѣтко Государь охарактеризовалъ словомъ *rèveries*, и какъ только затѣмъ они перешли въ эту область rèveries, и создали нѣчто вродѣ національной политической жизни, такъ немедленно они раздѣлились на партіи съ различными цѣлями и задачами, вслѣдъ затѣмъ явилась между ними рознь, развивавшаяся такъ скоро и такъ сильно, что пока Великій Князь съ одною польскою партіею вступалъ, такъ сказать, въ переговоры, соображаясь съ ея мыслями для своей будущей политики, разладъ этой партіи съ другими доходилъ до того, что уже крайнія партіи образовывали комитеты возстанія противъ русскаго правительства.

Ошибка Великаго Князя, такимъ образомъ, обнаружилась съ самаго начала. Онъ могъ сдѣлать совсѣмъ другое. Онъ могъ явиться сразу представителемъ твердой русской власти, сразу же обозначить предѣлы своей терпимости и затѣмъ энергично мѣшать всякому проявленію требованій и мечтаній иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ признавалъ возможными. Ставши сразу хозяиномъ почвы, онъ могъ бы повести съ умными русскими людьми политическую жизнь по своему направленію, но, какъ я сказалъ, не зная почвы и не сдѣлавшись ея хозяиномъ, онъ сразу перешелъ къ политикѣ примиренія и соглашеній; а такъ какъ плана политики выработано не было при его назначеніи въ Варшаву, то вслѣдствіе этого главное впечатлѣ-

ніе, которое получили въ Царствѣ Польскомъ отъ новаго Великокняжескаго режима, была неопредѣленность, дававшая право однимъ—всего желать, а другимъ—все смѣть.

И не прошло мѣсяца съ назначенія Великаго Князя въ Варшаву, какъ въ Петербургѣ стали ходить самые разнообразные толки о томъ, что поляки, пользуясь либеральною терпимостью новаго намѣстника, переходятъ уже въ наступательное противъ него національное движеніе.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ 1863 года мы знали, что польскій мятежъ разыгрался не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Западномъ краѣ, въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, Гродненской и даже Могилевской. Какъ тогда, такъ и теперь, 33 года спустя, остается неразъяснимымъ, какъ могло что-либо похожее на вооруженныя банды инсургентовъ, не то, что образоваться и дѣйствовать въ краяхъ, гдѣ столько было войскъ и гдѣ все управленіе было русское, но даже зародиться; другого объясненія, какъ изумительная слабость правительства въ мѣстахъ вспыхнувшаго въ то время мятежа, не находили. А что оно было вѣрно, это доказала та быстрота, съ которою Муравьевъ въ Вильнѣ и графъ Бергъ въ Варшавѣ, въ томъ же 1863 году назначенные, подавили мятежъ, прибѣгая не къ репрессаліямъ, а только замѣнивъ слабую власть сильною, капризную власть твердою.

Но прежде чѣмъ дойти до этихъ результатовъ, пока въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ бездѣйствовала власть и своею слабостью давала плоть и духъ безумнымъ бреднямъ поляковъ, въ петербургскихъ политическихъ сферахъ слышались ноты растерянности и деморализаціи до того сильныя, что когда назначенъ былъ именно подъ вліяніемъ паническаго страха Муравьевъ съ

правами диктатора въ Вильну и онъ по этому случаю представлялся передъ отъѣздомъ Императрицѣ, то Она съ волненіемъ и скорбью на лицѣ обратилась къ нему съ моленіемъ отстоять хотя бы Западный край. Слова эти характеризовали тотъ духъ, въ которомъ приближенные къ Ихъ Величествамъ поясняли Имъ событія.

Весною же 1863 года моя тетка Карамзина (бывшая Демидова, у мужа которой Огрицко когда-то былъ домашнимъ секретаремъ) обратилась къ Огрицко съ вопросомъ: а вы, Іосафатъ Петровичъ, въ банды не собираетесь?

— Пока я не заплачу вамъ послѣднюю часть моего долга, я не свободенъ, — отвѣтилъ онъ.

Мѣсяцъ спустя онъ внесъ моей теткѣ свой долгъ.

— Теперь вы свободны?—спросила его моя тетка.

— Теперь я свободенъ дѣлать то, что мнѣ велитъ долгъ.

Черезъ 3 дня мы узнали, что вице-директоръ департамента акцизныхъ сборовъ Огрицко бѣжалъ въ виленскія банды.

XXIV.

(1863 годъ).

Моя командировка въ Смоленскъ. — Тогдашніе страхи. — Пограничныя волости государственныхъ крестьянъ.—Волостные головы.—Какъ я исполнилъ порученіе. — Въ Москвѣ познакомился съ Катковымъ и Леонтьевымъ.—Моя аудіенція у митрополита Филарета.—Знакомство въ Петербургѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ.

Доказательствомъ того, какъ преувеличены были въ Петербургѣ представленія о польскомъ возстаніи и, къ стыду надо признаться, и страхи его размѣровъ, послужившіе причиною тѣхъ словъ, съ которыми Императрица обратилась къ Муравьеву въ минуту его отъѣзда въ Вильну,— можетъ послужить эпизодъ моей командировки. Въ концѣ мая Валуевъ присылаетъ за мною. Я являюсь.

— У васъ револьверъ есть?—задаетъ онъ мнѣ вопросъ, въ видѣ вступленія.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ револьвера.

— Ну, такъ заведите ихъ два и поѣзжайте немедленно въ Смоленскъ; тамъ вы получите въ компаньоны офицера и, затѣмъ, вы отправитесь на границу Могилевской губерніи устраивать народныя стражи, по Высочайшему повелѣнію, которое вы получите.

Сборы были коротки. Я купилъ револьверъ, получилъ деньги и, затѣмъ, инструкцію.

Оказалось, что въ то время въ Петербургѣ имѣлось

извѣстіе о томъ, что образовавшіяся въ Западномъ краѣ шайки инсургентовъ собираются, будто бы, переступить границы и идти въ Смоленскую губернію, и, между прочимъ, главнѣйшая шайка Н. Топора, въ Могилевской губерніи. Объ этихъ опасеніяхъ говорили самымъ серьезнымъ образомъ, точно рѣчь шла о какой-то арміи, угрожающей безопасности Россіи. И вотъ, въ виду этого командировались по Высочайшему повелѣнію чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы по всей границѣ Смоленской и Могилевской губерній составить народную стражу, то-есть отряды крестьянъ, подъ командою офицеровъ, вооруженные, чѣмъ попало. Назначеніе этой стражи заключалось въ томъ, чтобы препятствовать вторженію инсургентскихъ бандъ въ Смоленскую губернію.

По прибытіи въ Москву, я нашелъ умы еще болѣе встревоженными, чѣмъ въ Петербургѣ. Тутъ уже прямо говорили о томъ, что Смоленску грозитъ опасность, изъ чего самые боязливые и смущенные старички англійскаго клуба выводили заключеніе, что и Москвѣ, пожалуй, грозитъ опасность отъ новаго нашествія на нее ляховъ.

Въ Москвѣ я взялъ коляску и съ курьерскою подорожною поскакалъ въ Смоленскъ. На пути къ Смоленску, чѣмъ ближе я къ нему подъѣзжалъ, все усиливались паническіе страхи и басни насчетъ польскихъ бандъ. Заставалъ станціонныхъ смотрителей, буквально дрожавшихъ отъ страха подъ гнетомъ слуховъ и толковъ о какой-то *арміи* инсургентовъ, подступающей штурмовать Смоленскъ. Къ вечеру на другой день я началъ подъѣзжать къ Смоленску. Было темно; я заснулъ въ коляскѣ. Вдругъ пробуждаюсь отъ голосовъ. Коляска моя стоитъ; слышу какіе-то перегеворы. Смотрю, предо мною какіе-то вооруженные люди. Въ просонкахъ пришла въ голову мысль: не

инсургентскіе-ли аванпосты? Оказалось, что это были городскіе патрули, сформированные на случай приближенія къ Смоленску инсургентовъ. Подвергнувшись опросу и удовлетворивъ любопытство начальника патруля изъ унтеръ-офицеровъ, я поѣхалъ далѣе и прибылъ въ Смоленскъ благополучно.

Смоленскъ засталъ, судя по губернатору Бороздину, умному и пріятному старику, несравненно спокойнѣе, чѣмъ Москву. Получивъ своего компаніона офицера, я отправился въ Порѣцкій уѣздъ, на Могилевскую границу. Поѣздка эта доставила мнѣ возможность близко познакомиться съ образцовымъ состояніемъ, въ которомъ тогда находились государственные крестьяне.

По просьбѣ губернатора, прежде чѣмъ выѣхать въ уѣздъ, я просидѣлъ три дня въ Смоленскѣ, такъ какъ нужно было послать гонцовъ во всѣ волости и созвать волостные сходы. Прибылъ я въ первое волостное правленіе и засталъ всю громаду собранною. Встрѣтилъ меня волостной голова, бѣлый старикъ, въ золотомъ кафтанѣ, съ бесчисленнымъ множествомъ медалей и орденскихъ лентъ на груди, до андреевской включительно. По возложенной на меня инструкціи, я долженъ былъ прочитать волостному сходу Высочайшее повелѣніе или, воззваніе, въ которомъ предлагалось крестьянамъ избрать изъ себя охотниковъ, а буде таковыхъ не окажется, то поставить десятокъ человѣкъ для составленія пограничной стражи и разставить ее по линіи цѣпью, вооруживъ ее, чѣмъ угодно, отъ ружья до палки включительно. Для приданія моей фигурѣ болѣе значенія въ глазахъ громады, я надѣлъ камеръ-юнкерскій галунный мундиръ и, ставъ на крыльцо, сталъ громогласно читать воззваніе.

Затѣмъ, когда я кончилъ, я спросилъ крестьянъ: поняли-ли они?

— Поняли,—отвѣчали они.

— Охотники есть?—спрашиваю я.

Молчаніе.

Я спрашиваю второй разъ.

Опять молчаніе. Кое-кто мнется, а говорить никто не говоритъ.

Тогда подходитъ ко мнѣ старикъ-голова.

— Ваше сіятельство,—говоритъ онъ мнѣ въ видѣ à parte,—не потрудитесь-ли войти на минуту въ правленіе, а я съ мужичками тѣмъ временемъ потолкую? Можетъ и найдутся охотники.

Я исполнилъ его желаніе. Минутъ черезъ пять входитъ въ контору голова.

— Извольте вызвать охотниковъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Я вернулся на крыльцо, и—каково было мое изумленіе, когда въ отвѣтъ на мое вторичное предложеніе, охотниковъ оказалось втрое больше, чѣмъ было нужно по Высочайшему повелѣнію.

Такова была сила авторитета этого старика-головы.

Замѣчательно, что, буквально та же сцена повторилась во всѣхъ 5 волостяхъ, мною посѣщенныхъ. Вездѣ я нашелъ головъ того же прекраснаго типа, вездѣ отвѣтомъ на мною прочитанное воззваніе было молчаніе громады, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ словъ головы съ громадою, вездѣ являлось охотниковъ болѣе, чѣмъ нужно. А между тѣмъ составленіе такихъ пограничныхъ стражъ являлось въ самую горячую для крестьянъ рабочую пору и, слѣдовательно, не могло не быть тяжелымъ для нихъ бременемъ.

Я воспользовался посѣщеніемъ этихъ волостей, сплошь

составленныхъ изъ государственныхъ крестьянъ, чтобы познакомиться ближе съ ихъ бытомъ. Два года уже въ другихъ мѣстахъ помѣщичьи крестьяне пользовались свободою, а государственные крестьяне еще продолжали находиться при прежнемъ своемъ управленіи; а между тѣмъ, какая огромная была разница въ бытѣ между государственными крестьянами и бывшими помѣщичьими: первые въ полномъ смыслѣ слова благоденствовали,—избы глядѣли весело и всѣ были цѣльныя и просторныя; крестьянскій дворъ имѣлъ среднимъ числомъ 2 лошади и до 5 штукъ рогатаго скота. Въ каждой волости было нѣсколько тысячъ крестьянскаго общественнаго капитала, запасный хлѣбный магазинъ былъ засыпанъ, недоимокъ въ платежахъ я нигдѣ не нашелъ, и на мои вопросы: какъ имъ живется?—вездѣ крестьяне говорили мнѣ, что живется имъ, слава Богу, хорошо.

Прекрасный типъ представляли эти старики-головы, выбранные громадами изъ лучшихъ крестьянъ волостей; въ нихъ столько было сознанія своей силы, своего авторитета и своего достоинства, что пріятно было съ ними бесѣдовать, и невольно при этомъ приходилось испытывать уваженіе къ этимъ нравственно честнымъ и крупнымъ личностямъ изъ крестьянъ. Власть ихъ была буквально неограниченна, но не по закону, а въ силу ихъ нравственнаго авторитета и уваженія къ нимъ крестьянъ, каждаго отдѣльно и сообща. Рядомъ съ этимъ бытомъ у помѣщичьихъ крестьянъ начинали раздаваться сѣтованія на то, что крестьяне въ матеріальномъ отношеніи опускаются и слабѣютъ. Именно это ослабленіе матеріальнаго быта было первымъ послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ, первымъ шагомъ ихъ свободной жизни. Отчасти это происходило отъ первыхъ проявленій распущенности, какъ перваго

признака и перваго преимущества воли, а отчасти отъ начавшихся уже семейныхъ раздѣловъ, которые, кромѣ того, что ослабляли матеріальную состоятельность семьи, происходили отъ извѣстнаго уже ослабленія уваженія къ родительской власти и къ авторитету главы семьи. У государственныхъ же крестьянъ о раздѣлахъ и помину не было.

Окончивъ въ 3 дня свое порученіе и поставивъ вдоль Могилевской границы крестьянскій кордонъ, я вернулся въ Смоленскъ, не встрѣтивъ въ порѣцкихъ лѣсахъ ни одного инсургента. Въ Смоленскѣ нашелъ уже извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ шайкѣ Топора при Горахъ въ Могилевской губерніи.

Петербургъ засталъ въ воинственномъ настроеніи. Двинули гвардію въ Западный край въ распоряженіе Муравьева. Наполеонъ III начиналъ кампанію дипломатическую за поляковъ. Валуева засталъ не въ духѣ отъ полновластія Муравьева. Въ Москвѣ я познакомился съ Катковымъ.

Доступъ въ кабинетъ Каткова былъ изъ самыхъ курьезныхъ. Жилъ онъ въ казенномъ университетскомъ домѣ, на Страстномъ бульварѣ; но если бы вамъ, чтобы видѣть Каткова, пришла естественная мысль подойти къ парадному подъѣзду, позвонить и, вышедшему на звонокъ лакею, сказать: я желаю видѣть г. Каткова,—на васъ взглянулъ бы онъ какъ на помѣшаннаго. Надо было пройти дворомъ, зайти въ маленькую темную дверь, и по узенькой черной лѣстницѣ добраться до старенькой, разорванной клеенкою обитой двери, затѣмъ очутиться въ темненькой какой-то коморкѣ, тамъ наткнуться на какого-то сторожа, и отъ него узнать: что и какъ? Если эту экскурсію вы совершили утромъ, то этотъ сторожъ

неизмѣнно вамъ отвѣчалъ: «еще спятъ», такъ что видѣть Каткова можно было только вечеромъ.

Съ Катковымъ я уже былъ заочно знакомъ, какъ съ издателемъ «Русскаго Вѣстника», и отчасти черезъ его брата Мефодія Никифоровича, съ которымъ былъ сослуживцемъ по должности полицейскаго стряпчаго.

Это заочное знакомство представляло мнѣ Каткова умнымъ и страстнымъ англоманомъ—съ одной стороны и чисто европейскимъ политическимъ мыслителемъ—съ другой. Личное же знакомство мое началось съ Катковымъ въ минуту его жизни, когда два вопроса сразу его ставили на исключительно русскую государственную почву и создали совсѣмъ новаго Каткова: Герценъ и польскій мятежъ.

Въ этомъ отношеніи исторія Каткова—весьма интересное и поучительное явленіе. Молодой, даровитый доцентъ московскаго университета Катковъ, гегеліанецъ—какъ мыслитель, англійскій парламентаристъ—какъ политикъ,—стоялъ ли онъ въ сущности далеко отъ чисто-европейскаго либерала-доктринера Герцена, или отъ мечтаній о польской автономіи? Само собою разумѣется, что нѣтъ. Въ обоихъ вопросахъ, пока Катковъ стоялъ на европейской почвѣ, онъ не только могъ быть ближе къ Герцену и къ теоріи польскаго парламента, чѣмъ къ политическимъ началамъ русской жизни, но онъ былъ даже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ политическимъ противникомъ московскихъ славянофиловъ и даже такого прямого и чисто русскаго направленія, какого въ то время былъ представителемъ въ московскомъ университетѣ Шевыревъ. Уже тогда духовно слившійся съ Катковымъ во-едино П. М. Леонтьевъ не иначе говорилъ о Шевыревѣ, какъ съ пѣною

у рта и какъ о зломъ духѣ. Таковъ былъ первоначальный Катковъ.

Но въ 1863 году, когда мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться лично, я увидѣлъ передъ собою съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ человѣка, всецѣло охваченнаго, даже горѣвшаго русскими чувствами и мыслями, до такой степени, что все остальное, очень видимо, для него перестало существовать.

Послѣ приходилось слышать отъ враговъ Каткова сомнѣніе въ искренности его обращенія. Но для меня, скажу по совѣсти, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія не только въ искренности, но и въ энтузіазмѣ этого обращенія. Это было подобіемъ обращенія Савла въ Павла подъ вліяніемъ сильнаго внезапнаго наитія, и то безпредѣльное и постоянное увлеченіе, то вдохновеніе, съ которымъ Катковъ тогда говорилъ о политической злобѣ дня, не позволяли ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что эти вопросы русской чести, русскаго достоинства и русскаго быть или не быть—заполонили всю душу Каткова. Въ немъ говорила ревность именно новообращеннаго, и оттого, мнѣ кажется, получили такую обаятельную и могучую силу его слова публициста въ передовыхъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей».

О П. М. Леонтьевѣ, съ которымъ познакомился въ то же время, до конца съ нимъ знакомства я не могъ составить себѣ ни яснаго, ни точнаго представленія, подчинилъ ли онъ свое «я» безаппеляціонно авторитету Каткова, и, браня Герцена столь же сильно, какъ бранилъ прежде Шевырева, былъ ли онъ искрененъ въ своей метаморфозѣ,—я не могъ себѣ уяснить. Помню, что въ 1863 году Катковъ на меня произвелъ сильное впечат-

лѣніе своею огненною и негодующею рѣчью, но Леонтьевъ на меня не произвелъ никакого впечатлѣнія.

Въ то же время я имѣлъ случай увидѣть вблизи митрополита Филарета. Я къ нему отправился однажды утромъ и просилъ служку о себѣ доложить. Меня ввели въ довольно большую, просто убранную и украшенную Царскими портретами гостиную и сказали, что владыка выйдетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворяется, и я вижу небольшую черную тѣнь. Худой, блѣдный, тихими шагами вошелъ владыко, въ черномъ подрясникѣ и въ маленькой скуфьѣ на головѣ. Я подошелъ подъ благословеніе, поцѣловалъ его руку, и затѣмъ на заданный мнѣ вопросъ: какой я Мещерскій—далъ ему отвѣтъ. Владыко сѣлъ на диванъ и предложилъ мнѣ возлѣ себя сѣсть.

Въ началѣ голосъ старца едва издавалъ звуки; взглядъ его казался мнѣ потухшимъ. Но минуты черезъ три эти потухшіе глаза ожили; въ нихъ явился блескъ проснувшейся мысли, и голосъ сталъ совсѣмъ слышенъ. Онъ заговорилъ о времени со злобами. Съ первыхъ же словъ онъ произнесъ имя моего дѣда Карамзина, высказавши сожалѣніе, что столько лѣтъ прошло, и опять является какъ бы споръ о томъ, гдѣ такъ ясно и неоспоримо Карамзинъ указалъ Государю права Россіи въ польскомъ вопросѣ. Въ разговорѣ митрополитъ похвалилъ Каткова, и высказалъ опасеніе, какъ бы его *слишкомъ русскія* статьи не навлекли на него гнѣвъ петербургскихъ космополитовъ. Вспомнилъ, впослѣдствіи, когда Валуевъ началъ свой походъ противъ Каткова, какъ правъ былъ въ своихъ предвидѣніяхъ Филаретъ. Говорилъ Филаретъ не длинными фразами, но каждая фраза заключала въ себѣ законченную мысль. Мысли эти были и ясны и просты! Польскій

мятежъ онъ приписывалъ, какъ многіе тогда, отсутствію твердой правительственной программы вообще, а это отсутствіе программы приписывалъ дѣйствію въ Петербургѣ разнородныхъ политическихъ и партійныхъ вліяній.

Вынесъ послѣ 20 минутъ бесѣды благоговѣйное впечатлѣніе отъ этого знаменитаго старца. Вотъ ужъ былъ полное олицетвореніе бодраго духа въ немощной плоти. Осенью я слышалъ, что Филаретъ написалъ Государю письмо по польскому вопросу настолько сильное и убѣдительное, что оно побудило Государя къ рѣшительному повороту въ политикѣ по польскому вопросу и къ отозванію Великаго Князя Константина Николаевича изъ Варшавы, коего присутствіе онъ не признавалъ нужнымъ съ той минуты, какъ признано было необходимымъ отъ политики примирительной перейти къ политикѣ твердой и неумолимой строгости.

Въ Петербургѣ около того же времени познакомился съ К. П. Побѣдоносцевымъ. Онъ произвелъ на меня очень симпатичное впечатлѣніе своимъ оригинальнымъ костическимъ умомъ, постоянно сливавшимся съ добродушіемъ и съ веселостью, своею простотою и увлекательною рѣчью и начитанностью. То были дни прекрасной весны его политической жизни. Призванный учить Цесаревича Николая Александровича, онъ всею душою отдавался этому дѣлу, ибо находилъ въ своемъ Ученикѣ такую благодарную и богатую почву для прививанія къ Его молодой душѣ мыслей и знанія. Этимъ наслажденіемъ отъ отзывчивости и даровитости Цесаревича наполнилась жизнь К. П. Побѣдоносцева въ то время, и оно давало ему столько свѣтлаго, столько доброжелательнаго, столько свѣжаго и бодраго въ мысляхъ и въ проявленіи чувствъ.

Онъ готовился тогда къ большому путешествію по

Россіи, которое долженъ былъ совершить Цесаревичъ по плану, разработанному графомъ Строгоновымъ.

Вернувшись въ Петербургъ, послѣ исполненной командировки, засталъ Валуева еще болѣе страннымъ относительно польскаго вопроса. Странность эта заключалась въ томъ, что онъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, гораздо болѣе сердился на партію *русскихъ*, коихъ представителями тогда были—Муравьевъ и Катковъ, чѣмъ на поляковъ въ польскомъ вопросѣ.

XXV.

(1863 годъ).

Мои бесѣды въ Царскомъ Селѣ съ Цесаревичемъ.—Отъѣздъ Цесаревича въ путешествіе по Россіи.—Мое постоянное сближеніе съ Вел. Кн. Александромъ Александровичемъ. — Письма Наслѣдника. — Его письмо съ Дону.—Оцѣнка путешествія Цесаревича.—Мой инцидентъ съ орденомъ.

Въ началѣ лѣта, видясь ежедневно, по вечерамъ, на Павловской музыкѣ, я сблизился съ Цесаревичемъ и съ двумя Великими Князьями, его братьями, болѣе, чѣмъ за цѣлые минувшіе полтора года, и вслѣдствіе этого сталъ лелѣять мечту, какъ бы попасть въ составъ счастливцевъ, имѣющихъ сопровождать Наслѣдника въ Его путешествіи по Россіи. Дѣйствительно, было о чемъ мечтать.

Однажды, при нашемъ свиданіи въ Павловскѣ, Великій Князь Александръ Александровичъ говоритъ мнѣ по поводу этого путешествія: проситесь ѣхать съ Никсой, а Наслѣдникъ поддержалъ его, сказавши: попытка не пытка; и сталъ я съ той минуты мечтать объ этомъ еще сильнѣе; но, разумѣется, просить кого бы-то ни было не рѣшился. Потомъ я узналъ, что, по иниціативѣ Наслѣдника, зашла рѣчь о моемъ участіи въ путешествіи, но она опоздала, ибо все распредѣленіе лицъ на пароходахъ было уже сдѣлано и, весьма естественно, предпочтеніе передо мною было дано младшему сыну гр. Строгонова и сыну гр. Перовскаго.

Тѣмъ не менѣе, этотъ самый моментъ передъ отъѣздомъ Цесаревича получилъ для меня особенное историческое, такъ сказать, значеніе въ моей жизни и именно особенный психическій смыслъ. Наслѣдникъ, какъ бы желая утѣшить меня за неосуществившуюся мечту, держалъ меня подъ обаяніемъ особенно ласковаго и деликатнаго со мною обращенія. Онъ посѣтилъ меня на моей дачѣ и предложилъ прогулку вмѣстѣ въ шарабанѣ въ Павловскъ; этотъ откликъ душевнаго міра меня глубоко тронулъ, но еще болѣе произвели на меня впечатлѣніе слова Наслѣдника, наканунѣ отъѣзда его, когда, обращаясь ко мнѣ, онъ мнѣ сказалъ при своемъ братѣ полушутя: пожалуйста, не тужите, что съ нами не ѣдете, я вамъ поручаю Сашу, сблизьтесь съ нимъ, и вы увидите, что это интереснѣе, чѣмъ наша поѣздка. «Да, какъ не такъ», съ насмѣшливымъ своимъ лаконизмомъ отвѣтилъ Великій Князь Александръ Александровичъ.

Слова эти мною записаны были тогда въ «Дневникъ» и, дѣйствительно, оправдались! И странно, именно тотъ фактъ, что я остаюсь въ Царскомъ, а не поѣхалъ, какъ мечталъ, съ Наслѣдникомъ, и былъ главною именно причиною, совершившей сближеніе мое съ нимъ отъ той поры до конца его жизни.

Цесаревичъ уѣхалъ, а я, по предложенію графа Перовскаго, сталъ бывать у Великихъ Князей, его братьевъ, ежедневно, а такъ какъ въ это лѣто они оставались все время въ Царскомъ, то само собою установилось сближеніе... Мы фехтовались утромъ, вмѣстѣ завтракали, гуляли, обѣдали, вмѣстѣ совершали ежедневную прогулку въ Павловскъ; при этомъ я имѣлъ возможность удостовѣриться, что довѣріе свое Великій Князь Александръ

Александровичъ давалъ не сразу: онъ какъ будто въ началѣ присматривался ко мнѣ и только постепенно сталъ проявлять уже самостоятельно свою симпатію, что, разумѣется, придавало ей лишь бо́льшую цѣну. Эта постепенность въ сближеніи съ нимъ точно также постепенно открывала его духовную личность, и съ каждою развертывавшеюся складкою его внутренняго существа отрадно было знакомиться съ новою, симпатичною въ немъ чертою, и убѣдиться, какъ правъ былъ Наслѣдникъ тогда, говоря о «*своемъ Сашѣ*», какъ о «*чудномъ человѣкѣ*». Съ своей стороны Великій Князь Александръ Александровичъ питалъ къ своему старшему брату самое нѣжное обожаніе и въ началѣ, въ особенности, центромъ нашихъ разговоровъ бывалъ всегда его «*Никса*». Главная прелесть въ Великомъ Князѣ Александрѣ Александровичѣ заключалась въ немъ, въ его бившей, какъ родникъ воды, правдивости, отстранявшей всякія попытки собесѣдника къ придворнымъ или дипломатическимъ разговорамъ, во-первыхъ, потому, что ихъ терпѣть не могъ Великій Князь, а, во-вторыхъ, потому, что отъ нихъ онъ всегда инстинктивно отталкивался. Уже тогда его душа напоминала тотъ лиловый цвѣтокъ, въ видѣ колокольчика, который при соприкосновеніи къ нему затворяется; такъ затворялась и душа Великаго Князя Александра Александровича при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней рѣчи придворной... При этой правдивости его натуры—выступали наружу и ея недостатки. Но ихъ было такъ мало, что невольно, кромѣ симпатическаго влеченія къ честной натурѣ, приходилось испытывать и удивленіе... Немного лѣни и много упрямства — вотъ были единственные его недостатки. Ломить прямо его упрямство было невозможно и безполезно: оно только усиливалось отъ противодѣйствія; но

такъ какъ онъ былъ необыкновенно добръ и мягокъ сердцемъ весьма деликатенъ, и надъ всѣмъ этимъ главною чертою его души царила высокая и чистая честность, то можно было тогда побѣждать его упрямство обходными путями, именно прибѣгая къ дѣйствію на его сердце, на его честность и прямоту.

Очень рельефно въ немъ проявлялась антипатія къ *придворному* міру, въ особенности къ духовному. Тому главною причиною, весьма естественною, была прямая и ненавидѣвшая лжи натура Великаго Князя; а затѣмъ, какъ я уже имѣлъ случай убѣдиться, въ томъ же поддерживалъ его скептицизмъ и очень тонкое пониманіе людей въ придворномъ смыслѣ Наслѣдника и, затѣмъ, воспитательная атмосфера. Тонъ ей давалъ графъ Перовскій, рыцарь чести и правды, не имѣвшій въ себѣ оттѣнка придворнаго яда, и затѣмъ этой главной нотѣ подчинялись воспитатели и учителя. Въ то же время всѣ вмѣстѣ вносили въ воспитательную атмосферу много простой людской жизни, такъ что въ эту пору, несмотря на ихъ молодость, я засталъ Великихъ Князей совсѣмъ не на Олимпѣ, а просто на землѣ, знающими и понимающими многое, какъ понималъ каждый изъ насъ, простыхъ смертныхъ.

Наслѣдникъ просилъ меня ему писать изъ Царскаго Села и сообщать подробности о житьѣ-бытьѣ братьевъ. Въ первомъ письмѣ къ нему я далъ волю своимъ мыслямъ и чувствамъ, говоря о томъ, какъ мнѣ хотѣлось передъ его отъѣздомъ поговорить съ нимъ задушевно о вопросахъ, волновавшихъ тогда русскую жизнь... На это посланіе онъ мнѣ прислалъ съ Волги прелестное письмо, первое его письмо ко мнѣ.

Вотъ это письмо.

Донъ. Пароходъ *Атаманъ*.

Воскресенье, 4-го августа 1863 года.

«Любезный князь!

«Вы хорошо сдѣлали, что послѣдовали совѣту Шекспира и не поддались мыслямъ, ослабляющимъ, какъ вы говорите, ваше первое желаніе. Надѣюсь, что въ отношеніи ко мнѣ эти мысли васъ не будутъ болѣе безпокоить.

«Какъ я жалѣю, что не былъ при присягѣ Николая Максимиліановича и не могъ провести съ нимъ день его рожденія. Я даже не зналъ, что онъ будетъ присягать. Вѣроятно, это было рѣшено послѣ моего отъѣзда. Никто меня даже объ этомъ не предупредилъ, такъ что я его съ этимъ не поздравилъ въ моемъ письмѣ съ Волги.

«Завидую Вашему мирному житью-бытью на *берегахъ Финскаго залива*, въ скромной фермѣ. Завидую не потому, что недоволенъ своимъ путешествіемъ, а потому, что вездѣ хорошо, а дома лучше *).

«Что Вамъ сказать про мое путешествіе? Вы, вѣроятно, уже имѣете о немъ нѣкоторое понятіе. Скажу только, что трудно было бы выбрать болѣе удачное время для такой поѣздки. Причина слишкомъ ясна, чтобы объ ней распространяться. До сихъ поръ все намъ удавалось какъ нельзя лучше, какъ бы только не сглазить. Если хотите знать нѣкоторыя подробности, то попросите моихъ братьевъ

*) Проведя нѣсколько дней на фермѣ Сергіевской дачи Великой Княгини Маріи Николаевны, въ гостяхъ у Ея старшаго сына Герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, я описывалъ это пребываніе въ письмѣ къ Наслѣднику.

Издатель.

прочесть вамъ ихъ изъ моихъ писемъ. Астрахань и ея окрестности особенно были любопытны. Теперь мы плаваемъ по тихому Дону, берега котораго очень живописны. Въ Цымлянской станицѣ мы просто наслаждались: горы, степь, сады, виноградники, отличныя прогулки верхомъ, маленькій уютный домикъ у подошвы горы. Хозяинъ попался радушный и весьма неглупый. Онъ много намъ передалъ любопытнаго. Скажите Николаю Максимиліановичу, что мы пили въ Цымлянской станицѣ отличное вино здѣшняго издѣлія: хозяинъ имѣетъ погребъ и подчивалъ насъ разными сортами. Тутъ было и 40-лѣтнее, и 20-лѣтнее, и красное и бѣлое, сладкое и не сладкое.

«Въ прекрасный, теплый вечеръ, сидимъ мы на ступенькахъ широкаго и чистаго крыльца, и тутъ же пробуемъ вина, принесенныя хозяиномъ. Николай Максимиліановичъ, какъ любитель поэзіи, оцѣнитъ эту сцену; я вспомнилъ о немъ невольно, и надѣюсь, что онъ не обидится, узнавъ, что праздникъ Бахуса соединился въ моемъ воображеніи съ воспоминаніемъ объ немъ. Теперь мы всѣ сдѣлались здѣсь болѣе или менѣе поклонниками виннаго бога, хотя, конечно, въ *скромныхъ* размѣрахъ.

«Слѣдовавшій за этимъ вечеромъ день былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ во время путешествія. Мы встали въ 5 часовъ, напились чаю и отправились верхомъ цѣлымъ обществомъ. Утро было чудное, прохладное; горизонтъ былъ подернутъ тою лѣтнею мглою, которая обыкновенно предвѣщаетъ жаркій день. Мы ѣхали берегомъ Дона; трудно было-бы выбрать болѣе красивое мѣсто. Налѣво Донъ, съ его красивыми изгибами и темною далью, направо горы, покрытыя садами и виноградниками. впереди цѣлая перспектива съ разными планами и разными колоритами. Мы ѣхали тихо, наслаждаясь утромъ

и прогулкою. Добрые кони осторожно ступали по каменистой дорогѣ; изрѣдка раздавался въ воздухѣ ударъ нагайки, напоминавшей лошади, что она несетъ ѣздока и и не должна оступаться.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сады подходятъ къ самой дорогѣ, такъ что ѣдешь по тѣнистой аллеѣ, устроенной безъ помощи человѣка. Отъѣхавъ верстъ 10, мы слѣзли у одного виноградника, чтобы дать лошадямъ отдохнуть; солнце начинало уже печь. Старикъ казакъ-садовникъ принесъ намъ простого, но добраго вина, которое мы съ удовольствіемъ выпили. Вернулись мы шибче, чтобы солнце не слишкомъ палило, но не избѣгли его палящихъ лучей. Домой мы явились запрѣлые, покрытые потомъ и пылью.

«День былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ.

«Вообще Донъ всѣмъ намъ нравится; принимаютъ насъ, конечно, болѣе чѣмъ радушно.

«Однако, пора кончать и ложиться спать. Письмо вышло длиннѣе, чѣмъ я думалъ. Итакъ, любезный князь, вотъ вамъ мое первое посланіе. Благодарю васъ за ваше, оно было писано отъ души, что я всегда цѣню. Поклонитесь отъ меня, пожалуйста, братьямъ, Николаю Максиміліановичу и гр. Б. А. Перовскому.

Любящій Васъ Николай».

Это путешествіе по Россіи Наслѣдника Престола, на которое было посвящено все лѣто 1863 года, по своему плану, а въ особенности по подробностямъ своимъ составило одну изъ блестящихъ страницъ исторіи воспитанія графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ своего Воспитанника...

Объ этихъ подробностяхъ мы узнавали изъ писемъ,

печатавшихся въ «*Моск. Вѣд.*» Конст. П. Побѣдоносцевымъ и составившихъ потомъ цѣлый большой томъ, и изъ разсказовъ послѣ путешествія всѣхъ лицъ, сопровождавшихъ Цесаревича.

Въ планѣ графа Строганова имѣлись всегда въ виду двѣ главныя цѣли: доставить возможность Цесаревичу знакомиться съ каждою достопримѣчательностью мѣстности, и въ то же время дать ему возможность знакомиться съ людьми... Для этой второй цѣли графомъ Строгановымъ было заранѣе такъ устроено, что отъ одного пункта до другого приглашаемы были мѣстныя лица для сопровожденія Великаго Князя; лицами этими были губернаторы, предводители дворянства, извѣстные фабриканты, выдающіеся сельскіе хозяева-помѣщики, выдающіеся профессора и т. д... Въ каждой мѣстности они составляли кружокъ собесѣдниковъ Цесаревича во все время плаванія по Волгѣ и по Дону, и лозунгомъ этихъ бесѣдъ была *правда* обо всемъ...

Я запомнилъ одинъ эпизодъ, доказывающій, какъ сердечно относился Великій Князь къ своимъ мѣстнымъ гостямъ-собесѣдникамъ, и какъ они сердечно относились къ Царственному Путешественнику... Прощаясь на Волгѣ съ однимъ изъ помѣщиковъ, Великій Князь ласково ему сказалъ: когда будете въ Петербургѣ, меня не забудьте, буду всегда радъ васъ видѣть. Зимою этотъ помѣщикъ, принявъ за чистую монету эти слова Цесаревича, дѣйствительно, явился къ Наслѣднику и поручилъ камердинеру доложить: помѣщикъ такой-то...

— Вѣроятно, одинъ изъ нашихъ спутниковъ по Волгѣ,—сказалъ Цесаревичъ и велѣлъ его принять. Онъ принялъ его въ своемъ кабинетѣ, и пробесѣдовалъ съ

нимъ полчаса. И надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ вышелъ отъ этого свиданія помѣщикъ...

Но самое интересное было то волшебное дѣйствіе, которое произвело на Великаго Князя это путешествіе въ смыслѣ образовательномъ. Объ этомъ волшебномъ дѣйствіи говорилъ онъ самъ. «Эти три мѣсяца путешествія научили меня большему», — говорилъ Великій Князь, — «чѣмъ три года ученія за книгами». И оно дѣйствительно такъ было: не только Великій Князь значительно обогатился познаніями, но проявлялъ замѣчательное развитіе въ своемъ умственномъ мірѣ, въ смыслѣ расширенія кругозора и пріобрѣтенія новыхъ взглядовъ на русскую жизнь... Главное, что въ немъ замѣтно было, это пріобрѣтеніе знаній изъ практической жизни Россіи, и что еще важнѣе, теплыя чувства къ провинціальной жизни и къ ея разнообразнымъ русскимъ людямъ...

Вотъ почему, убѣдившись на дѣлѣ, какое дѣйствіе производитъ не только на умъ, но и на сердце путешествіе по Россіи, основанное на желаніи узнать жизненную правду, молодой Цесаревичъ совершенно вѣрно упрекалъ нашихъ въ то время государственныхъ людей въ томъ, что они въ такое время, когда такъ нужно ближе знакомиться съ разными вопросами жизни въ провинціи, сидятъ въ Петербургѣ и по Россіи не ѣздятъ..

Я сообщилъ Валуеву о размышленіи Великаго Князя; онъ улыбнулся и сказалъ: мысль эта совершенно вѣрна, но, къ сожалѣнію, для ея осуществленія недостаетъ главнаго для министра, — времени! Слова эти тоже не лишены интереса и пикантности... Съ тѣхъ поръ прошло 33 года; я полагаю, что въ эти 33 года значительно умножились въ Россіи причины и поводы знакомиться съ разными вопросами и сторонами русской жизни на мѣстѣ, но за

эти 33 года доселѣ государственные люди въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, *страдаютъ* отсутствіемъ свободнаго времени для ѣзды по Россіи...

— За мои командировки я былъ представленъ Валуевымъ къ первой наградѣ, къ Станиславу на шею. Однажды вечеромъ, въ Китайской гостиной, въ Царскомъ Селѣ. пока я сидѣлъ и игралъ въ секретеръ съ фрейлинами и Вел. Князьями, Государь, проходя за моимъ стуломъ, остановился, потрепалъ меня по головѣ и сказалъ: а тебя представили къ Станиславу на шею, а Я, чтобы тебя не старить, далъ тебѣ Анну 3-й степени.

Это была единственная перемѣна, которую сдѣлалъ Государь въ докладѣ Валуева по наградамъ.

— Вотъ, что значитъ быть при Дворѣ интимнымъ,— сказалъ мнѣ Валуевъ,—это маленькіе шипы прекрасныхъ розъ.

XXVI.

(1863 годъ).

Валуевъ и польскій вопросъ.—Дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ.—Огрицко и Сѣраковскій.—Лѣтнія мои командировки.—Курскъ.—Имѣніе моего дяди.—В. И. Карамзина.

Впрочемъ, Валуеву въ то время было не до ѣзды по Россіи. Онъ занятъ былъ всецѣло поединкомъ съ виленскимъ своимъ врагомъ, Муравьевымъ, и затѣмъ вводилъ земскія учрежденія... Болѣе всего Валуева сердилъ несомнѣнный успѣхъ Муравьева въ Вильнѣ, котораго, надо отдать справедливость Муравьеву, онъ достигалъ, не взирая на то, что Валуевъ всѣми силами старался мѣшать Муравьеву и даже хвастался этимъ... Эта политическая ненависть къ Муравьеву ложилась темнымъ пятномъ на Валуева, ибо если ему не удавалось на дѣлѣ мѣшать Муравьеву въ Вильнѣ, то все же на совѣсть Валуева легла отвѣтственность за то, что анти-муравьевская партія желала вооружить противъ него Государя. У Государя явилось, подъ вліяніемъ всякихъ наговоровъ и сплетень, враждебное чувство къ Муравьеву. Муравьевъ это зналъ, и потому, исполнивъ главную часть своей задачи,—усмиривъ мятежъ и вернувъ краю спокойствіе,—онъ сослался на свою старость, чтобы хлопотать о своемъ уходѣ изъ Вильны при первой же возможности. Это торжество анти-муравьевской интриги при дворѣ, достигнутое уси-

ліями всей космополитической и всей либеральной партіи въ Петербургѣ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ политическихъ событій этого времени, ибо отсутствіе симпатій и полнаго довѣрія къ Муравьеву сверху подорвало довѣріе и къ плану и къ программѣ этого великаго государственнаго человѣка, какъ разъ въ минуту, когда то и другое надо было упорно и энергично продолжать въ Западномъ краѣ, и создало порядокъ вещей—неопредѣленный, перемѣнчивый и шаткій, въ зависимости отъ личныхъ соображеній и интересовъ генералъ-губернаторовъ, отъ заботы согласовать польскую политику со вкусами и взглядами въ петербургскихъ вліятельныхъ кружкахъ. Эта неопредѣленность, къ сожалѣнію, существуетъ доселѣ.

Въ этомъ исторически-роковомъ недоразумѣніи значительная доля вины принадлежитъ Валуеву; хотя надо сказать и то, что всякій, знавшій близко Валуева, не могъ ни злиться, ни негодовать на Валуева за это: la plus jolie femme ne peut donner que ce qu'elle a; Валуевъ не могъ давать государственнымъ вопросамъ того, чего у него не было; а у него не было ни русскаго духа, ни русскаго чувства, или было того и другого такъ мало, что весь онъ отдавался въ распоряженіе какихъ угодно—европейскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ—вѣяній культуры и политики, съ полнѣйшимъ подобострастіемъ, но русскаго духа, русскаго разума стыдился и стыдился потому, что не зналъ ихъ, и не имѣлъ ихъ.

Кто тогда не принадлежалъ къ партіи анти-русской трудно было опредѣлить. Одно несомнѣнно: факты—какъ прямое участіе офицера генеральнаго штаба Сѣраковскаго и вице-директора департамента въ министерствѣ финансовъ Огрицки въ мятежѣ—доказывали, что этимъ измѣн-

никамъ легче было, повидимому, въ Петербургѣ проводить свою крамолу, чѣмъ русской партіи, съ Муравьевымъ во главѣ, побѣждать крамолу.

Здѣсь умѣстно вспомнить, что когда Огрицко былъ въ Западномъ краѣ схваченъ на мѣстѣ преступленія, и Муравьевъ послалъ одного изъ своихъ жандармскихъ полковниковъ, завѣдывавшихъ розысками въ Петербургъ, произвести обыскъ у Огрицки въ его квартирѣ, онъ *не былъ допущенъ* произвести этотъ обыскъ внезапно, а ему назначили часъ, когда онъ долженъ былъ явиться съ представителями мѣстной полиціи и депутатомъ отъ министерства финансовъ; онъ явился и ничего, кромѣ папиросныхъ окурковъ, не нашелъ...

Тѣмъ не менѣе, Огрицко былъ приговоренъ наравнѣ съ Сѣраковскимъ къ смертной казни. Но Огрицко отъ казни спасся благодаря моей тетушкѣ, А. К. Карамзиной, которая просила о помилованіи лично Государя и получила его, такъ что Огрицкѣ смертная казнь была замѣнена ссылкою въ Сибирь на пожизненную каторгу.

Осенью 1863 года Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ уже въ Павловскѣ, бросивъ Варшаву, гдѣ ничего не получилъ. отъ благодарныхъ поляковъ. кромѣ выстрѣла въ эполету. Мѣсто его занялъ графъ Бергъ несмотря на преклонныя лѣта, отличавшійся энергіею, свѣжимъ умомъ и распорядительностью. Онъ повелъ дѣло круто и могъ многое сдѣлать потому, что пользовался, въ отличіе отъ Муравьева, симпатіею и большимъ довѣріемъ Государя.

Въ началѣ августа я побывалъ въ имѣніи жены моего дяди, В. Н. Карамзина, въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, въ с. Ивнѣ. Это было въ полномъ смыслѣ слова великолѣпное имѣніе. Огромныя дубовыя рощи, велико-

лѣпныя поля пшеницы, громадный сахарный заводъ составляли финансовую прелесть имѣнія; затѣмъ въ паркѣ великолѣпный дворецъ, съ терассою изъ бѣлаго мрамора во всю длину дома, изображали собою полнѣйшій комфортъ, и передъ домомъ красивая каменная церковь, гдѣ въ красивыхъ облаченіяхъ, при домашнихъ пѣвчихъ изъ дворовыхъ старой памяти, совершалось чинное и прекрасное Богослуженіе; все это вмѣстѣ составляло полную картину вельможеской деревенской роскоши. Жили въ нихъ мой дядя съ женою вдвоемъ, съ глухонѣмымъ старикомъ изъ угасшаго мелкопомѣстнаго рода, который изображалъ собою, несмотря на свои природные недостатки, самый оживленный элементъ въ этомъ царствѣ однообразной тишины. Второго такого глухонѣмого я никогда послѣ не встрѣчалъ. Онъ съ утра до вечера готовъ былъ болтать не то звуками, не то жестами, не то безконечнымъ разнообразіемъ въ игрѣ своей физіономіи. Источникъ разговоровъ у него былъ безконечный: во-первыхъ, весь міръ дворянскихъ интригъ и сплетень Курской губерніи, который тогда изображалъ собою цѣлый океанъ; во-вторыхъ, цѣлый ореолъ воспоминаній и, въ-третьихъ, всѣ сплетни дома, такъ какъ этотъ глухонѣмой съ ранняго утра шлялся по дому, съ изумительною способностью все подсматривать и замѣчать до мельчайшихъ подробностей, съ тѣмъ, чтобы потомъ дѣлать выводы и догадки, какъ будто онъ все подслушалъ...

Я сказалъ о курскихъ сплетняхъ. Тогда это былъ курьезный міръ. Курское дворянство и доселѣ считается самымъ многолюднымъ; но тогда оно изображалось чуть ли не тысячью отдѣльныхъ Монтекки и Капулетти, и все это воевало другъ съ другомъ, сплетничало и ссорилось, разумѣется, съ губернаторомъ. Пріѣзду моему въ деревню къ

дядѣ предшествовали нѣсколько дней моего пребыванія въ Курскѣ, гдѣ Валуевымъ мнѣ дано было щекотливое и дипломатическое порученіе выяснить войну дворянъ съ губернаторомъ.

Губернаторомъ былъ свитскій генералъ Владиміръ Ивановичъ Денъ, очень умный, энергичный и, по моему, пріятный человѣкъ. Разумѣется, потому, что онъ былъ энергиченъ и строго честенъ, противъ него была вся та партія дворянъ, которая энергіи и честности не любитъ, и, какъ вездѣ это бываетъ, эта-то партія дѣйствовала и интриговала противъ губернатора, а партія порядочныхъ людей, вмѣсто того, чтобы поддерживать губернатора, держалась политики пассивности и лозунга: моя хата съ краю... Это было мое первое знакомство съ міромъ дворянства въ губерніи и съ исторіею войны губернатора съ дворянствомъ; послѣ я имѣлъ случай видѣть въ другихъ губерніяхъ тѣ же войны и убѣдился, что вездѣ главная причина одна: шумитъ и орудуетъ только дурная партія дворянъ, а партія порядочныхъ людей бездѣйствуетъ и безмолвствуетъ; и если губернаторъ порядочный человѣкъ и хорошій губернаторъ, то на него всегда сыплется дождь доносовъ въ Петербургъ, исходящихъ изъ лагеря дворянской дряни, а партія хорошихъ людей не поддерживаетъ... Это было тогда и съ Деномъ...

— Что же вы даете волю этимъ негодяямъ?—спрашивалъ я отдѣльныхъ порядочныхъ людей изъ дворянъ.— Отчего вы не поддерживаете Дена; вѣдь вы сами говорите: они негодяи, а Денъ порядочный человѣкъ...

— Стоитъ ли связываться съ этою сволочью?—отвѣчаютъ мнѣ.

Послѣ я понялъ, какой печальный смыслъ доказательствъ въ мою пользу имѣли эти дворянскія войны въ

губерніяхъ. когда я принялся говорить объ отсутствіи въ нашемъ дворянствѣ солидарной сословности и объединенія, для работы самосохраненія, послѣ переворота 19 февраля 1861 года.

Я пишу о 1863 годѣ; казалось бы, именно въ эту пору, два года послѣ манифеста 1861 года, дворянству слѣдовало бы сплачиваться, чтобы сообща, по разработанному плану, устраивать свой новый экономическій бытъ, съ цѣлью самосохраненія для будущаго, но именно въ эту-то пору, въ Курской сегодня, въ Смоленской завтра, въ Орловской послѣ-завтра и т. д.—дворянство губерній всецѣло занято было междоусобною войною и распрями съ губернаторами, совсѣмъ забывая свои экономическія задачи.

Дядя, у котораго я гостилъ, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по оригинальности и крупныхъ по цѣльности типовъ, мною когда-либо встрѣчаемыхъ. Онъ былъ младшій сынъ Карамзина. Высокій, статный, великолѣпно сложенный, съ красивымъ и умнымъ лицомъ, онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ наружнымъ видомъ, и такъ какъ онъ никогда не сгибался и имѣлъ необыкновенно гордый видъ, то можно было подумать, съ перваго взгляда, что онъ самый безсердечный и самодовольный человѣкъ. Но на дѣлѣ—это была маска, Богъ вѣсть почему навсегда имъ надѣтая. Въ этомъ-то оригинальность его и заключалась. Замѣчательно умный и даровитый человѣкъ, онъ всегда искалъ поводовъ спорить со всякимъ, кто говорилъ не глупо, а, напротивъ, умно; добрый сердцемъ, онъ всегда искалъ только повода дѣлать и говорить людямъ непріятности и отличаться отъ другихъ проявленіями безсердечія... Его главная потребность заключалась

въ томъ, чтобы быть съ кѣмъ-нибудь или съ чѣмъ-нибудь въ противорѣчіи. Съ молодости онъ былъ уже представителемъ постояннаго возстанія противъ придворнаго этикета, служебной дисциплины, противъ традицій гостиныхъ. Еще студентомъ петербургскаго университета, при Николаѣ I, онъ игралъ въ вольнодумца, и когда его за это бранили, онъ усиливалъ свое вольнодумство. Разъ онъ появился на балу дворянскаго собранія, въ присутствіи Двора, въ синемъ галстухѣ. Николай Павловичъ, любя карамзинскую семью, какъ родную, просилъ вдову Карамзину прислать къ нему своего шалуна-сына. Онъ явился. Императоръ принялся его отечески журить, ласково, но строго. Когда онъ кончилъ, молодой Карамзинъ отвѣтилъ Ему, что не стоило за нимъ посылать, чтобы высказывать ему такія извѣстныя истины. Даже Николай I разсмѣялся отъ вида, съ которымъ гордый бунтовщикъ Карамзинъ Ему отвѣтилъ, и сказалъ, отпуская его: видно, на тебя надо махнуть рукою.

Въ семьѣ разсказывали, что единственный разъ, когда онъ измѣнилъ своему *принципу* не сгибать шеи, чуть не стоилъ ему жизни. Онъ былъ женихомъ и гулялъ съ своею невѣстою по горѣ въ Ревелѣ, на берегу моря; въ разговорѣ, ни съ того, ни съ сего, чтобы показать свою неустрашимость, онъ бросился съ горы внизъ и разбилъ себя такъ, что пролежалъ между жизнью и смертью двѣ недѣли. Въ разговорахъ онъ позволялъ себѣ дерзости, иногда непостижимыя, и мы всегда удивлялись, какъ онѣ ему сходили, а сходили онѣ ему потому, что его не ненавидѣли, а только боялись; напротивъ, у него были друзья и вездѣ онъ пользовался уваженіемъ. Въ разговорахъ политическихъ онъ былъ рѣзокъ и нецензуренъ до крайности, и чѣмъ приближеннѣе ко Двору была персона,

съ которою онъ говорилъ, тѣмъ нецензурнѣе были его отзывы...

Съ любымъ демагогомъ могъ поспорить онъ въ подборѣ антиправительственныхъ и антипридворныхъ выраженій. Мало того, зная, что письма проходятъ черезъ перлюстрацію, онъ забавлялся тѣмъ, что писалъ на почтѣ самыя нецензурныя политическія вещи, съ цѣлью компрометировать то лицо, которому онъ писалъ, и всегда выбиралъ лицо, очень дорожившее своею репутаціею политической благонадежности, и Карамзинъ потѣшался видомъ ужаса этого лица, получавшаго по почтѣ такія компрометирующія письма. При мнѣ однажды въ гостиной, полной гостями высшаго калибра, онъ говоритъ одной очень бойкой на языкъ фрейлинѣ по французски: il faut être femme de chambre, comme vous, pour dire ce que vous dites (надо быть горничною, что вы и есть, чтобы говорить такія вещи). Одной великосвѣтской матронѣ изъ самыхъ блестящихъ онъ говоритъ опять-таки при всѣхъ: вы не рожаете, вы щенитесь каждые шесть мѣсяцевъ... Въ одну фешенебельную гостиную онъ сталъ являться по вечерамъ съ своимъ чаемъ подъ мышкою, и требовалъ себѣ чайникъ, говоря хозяйкѣ: у васъ такой скверный чай, что я предпочитаю пить свой собственный... Онъ никогда не бывалъ въ обществѣ, гдѣ были великіе міра сего—только потому, *чтобы не сгибать шеи.* При всѣхъ этихъ странностяхъ легко понять, что онъ, несмотря на свой свѣтлый умъ и даровитость,—карьеры на службѣ не сдѣлалъ. Онъ дальше сенатора въ кассаціонномъ департаментѣ не пошелъ; но на этомъ мѣстѣ составилъ себѣ имя; онъ работалъ, какъ волъ, и въ кружкѣ своихъ товарищей-сенаторовъ пріобрѣлъ авторитетъ лидера. Въ области религіи, какъ и въ другихъ, онъ былъ, то есть, вѣр-

нѣе, игралъ роль вольнодумца; но въ деревнѣ, чтобы не смущать народъ и служить ему примѣромъ, онъ не только не пропускалъ ни единаго богослуженія, но строго соблюдалъ всѣ посты. Во всякомъ случаѣ, это былъ типъ, богатый оригинальностью.

XXVII.

(1863 годъ).

Мое сближеніе съ Герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ.—Лекціи у него.—Земская реформа.—«Голосъ» и Валуевъ.—Валуевъ и «Московскія Вѣдомости».—Новый правительственный органъ «Сѣверная Почта».—Князь Горчаковъ.

Я говорилъ въ началѣ своихъ воспоминаній о томъ, насколько, въ смыслѣ политическаго образованія, мы, правовѣды, выходили изъ нашей alma mater круглыми невѣждами. Мы понятія не получали о государственномъ правѣ въ европейскихъ государствахъ. Вотъ почему, когда въ эту зиму воспитатель герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, К. Г. Ребиндеръ, предложилъ мнѣ слушать лекціи профессора М. И. Куторги о европейскихъ конституціяхъ, я съ благодарностью вступилъ въ число аккуратныхъ слушателей.

Лекціи эти читались весьма оживленно и, слѣдовательно, интересно. На нихъ Куторга познакомилъ насъ съ образцами всѣхъ конституцій европейскихъ, отъ англійскаго парламентаризма начиная. Какъ жаль, подумалъ я 16 лѣтъ спустя, что устроители судебъ освобожденной Болгаріи не слушали съ нами увлекательныя, умныя и поучительныя лекціи Куторги, ибо они узнали бы изъ нихъ, что конституція съ одною палатою есть такое политическое устройство, гдѣ никогда не можетъ быть ни

порядка въ управленіи, ни безопасности отъ равновѣсія между главными двумя политическими стремленіями: консервативнымъ и либеральнымъ, и что рано или поздно государства съ одною палатою сдѣлаются жертвою анархіи. Послѣ одной изъ лекцій, кто-то изъ слушателей обратился къ Куторгѣ съ вопросомъ, очень для него щекотливымъ: что лучше, по его мнѣнію, конституціонное или самодержавное управленіе? Куторга очень умно отвѣтилъ, что то государство сильно, гдѣ управленіе есть исторически сложившійся порядокъ: Англія не потому крѣпка, что у нея конституція, а потому, что ея управленіе, есть исторически сложившійся порядокъ; про Россію можно сказать тоже самое; неизвѣстно — будетъ ли Россія сильнѣе отъ конституціи; но несомнѣнно — ея сила заключается въ томъ, что ея управленіе есть исторически развившійся въ ней порядокъ.

Я въ тоже время, пока слушалъ эти лекціи, внимательно читалъ знаменитую книгу Токвиля: «L'ancien règime et la révolution», гораздо раньше во мнѣ уложились въ порядкѣ мои политическія міровоззрѣнія послѣ чтенія «Discours sur l'histoire universelle», Бассюэта, и сильное вліяніе на меня книги Токвиля я приписывалъ тому, что порядокъ, установившійся въ головѣ отъ воспринятаго міровоззрѣнія Боссюэта, не только не поколебался отъ Токвиля, но какъ бы упрочился, ибо при чтеніи Токвиля стало ясно, что монархія пала и революція перешла въ торжество анархіи по тѣмъ же причинамъ, изъ которыхъ главнѣйшая была поруганіе тѣхъ основъ христіанской нравственности, коихъ сила и необходимость такъ превосходно изображены въ геніальномъ твореніи Боссюэта.

Въ ту же зиму, пока мы учились у Куторги исторіи

европейскихъ конституцій, старый, николаевскаго времени, вельможа, князь Долгорукій, ужасно сердился на затѣи Валуева: создавать *какое-то земство*. Онъ восклицалъ съ негодованіемъ: qu'est ce qu'ils ont avec leur semska, — не желая даже знать, какъ это революціонерное слово произносится. Впрочемъ, не одинъ этотъ старикъ-вельможа имѣлъ смутное понятіе о готовившейся реформѣ; онъ, въ своемъ смутномъ представленіи о земствѣ, прямо и безъ хитрости называлъ его дѣломъ якобинцевъ, но въ разныхъ другихъ интеллигентныхъ сферахъ Петербурга, болѣе близкихъ къ реформаторской кухнѣ, представленія о будущемъ земствѣ были тоже не менѣе смутны. Одно было несомнѣнно: съ этимъ представленіемъ о земствѣ соединилось ожиданіе чего то очень либеральнаго. Одни радовались тому, что крестьянинъ вводился въ политическую, такъ сказать, жизнь равноправнымъ съ дворяниномъ-помѣщикомъ. Это была радость либерально-демократической партіи, съ «*Голосомъ*» во главѣ.

Но затѣмъ радовались тоже либералы-аристократы. Въ то время начала создаваться и такая партія въ аристократическихъ сферахъ петербургскаго общества. Назывались тогда уже нѣкоторыя гранситьерскія имена и политическіе салоны, гдѣ на будущее земство смотрѣли, какъ на арену для политической роли дворянства, думали о будущихъ политическихъ рѣчахъ, о будущихъ петиціяхъ, — и пока либералы-демократы предвкушали близкое наступленіе торжества всесословія, слѣдовательно, окончательнаго пораженія дворянства, либералы-аристократы мечтали о руководящей политической роли дворянства посредствомъ земства.

Валуевъ смотрѣлъ на разрабатываемое подъ его главенствомъ земское положеніе скорѣе академически, чѣмъ

съ точки зрѣнія какой-либо политической доктрины. Какъ во многихъ мысляхъ Валуева, и въ этомъ академическомъ взглядѣ на созидавшееся земство была доля наивнаго.

Валуевъ исходилъ изъ мысли, что, создавая въ губерніяхъ цѣлую область земскихъ, то-есть хозяйственныхъ заботъ, онъ этимъ давалъ умамъ сферу дѣятельности, которая могла бы ихъ оживлять, занять и отвлечь отъ политическихъ мечтаній въ общей, такъ сказать, *сферѣ*.

Развѣ это не было наивно?

А затѣмъ, говоря о земствѣ, какъ о всесословномъ органѣ хозяйства въ губерніи, онъ не менѣе наивно представлялъ его себѣ какимъ то оркестромъ, въ которомъ будутъ *гармонично* разыгрываться всѣ мотивы земскаго Self government, всѣ *инструменты* провинціальной жизни, и гдѣ дирижеромъ въ каждой губерніи будетъ губернаторъ.

Все это было очень идиллично и мило, но дѣло въ томъ, что либералы того времени интересовались будущимъ земствомъ вовсе не потому, что хозяйство въ губерніи и въ уѣздѣ переходило изъ рукъ губернской администраціи къ земскимъ собраніямъ и управѣ, а исключительно тѣмъ, что созданіе губернскаго земства неизбѣжно должно повлечь за собою центральное земство, то есть, по мнѣнію однихъ, земскій соборъ, а по мнѣнію другихъ—земскую палату. Но о палатѣ лордовъ, или о второй палатѣ, консервативной—надо это прибавить для характеристики того времени—въ этихъ кружкахъ интеллигенціи считалось даже преступленіемъ и думать.

Тогда руководящею интеллигенціею и въ особенности чиновническою интеллигенціею силою былъ органъ Краев-

скаго «*Голосъ*». Онъ былъ всемогущъ въ оффиціальномъ мірѣ, онъ пользовался особенною протекціею восходившаго тогда во всемъ блескѣ своего могущества Головнина, новаго министра народнаго просвѣщенія, а такъ какъ этотъ же «*Голосъ*» воспѣвалъ будущее земство, то и Валуевъ ему покровительствовалъ, не взирая на то, что называлъ его демократическое направленіе *антипатичнымъ*.

Это было тоже характернымъ курьезомъ. Валуевъ покровительствовалъ «*Голосу*» и самымъ искреннимъ образомъ являлся врагомъ политическимъ Каткова. Въ то время умный и ловкій Головнинъ, не желая себя ставить въ фальшивое положеніе относительно общественнаго мнѣнія и боговъ популярности, цензуру сдалъ Валуеву и первое употребленіе, которое изъ нея сдѣлалъ Валуевъ, скопировавъ и переведя для примѣненія къ нашей печати правила наполеоновскаго режима съ его системою предостереженій, было преслѣдованіе Каткова. Катковъ, чувствуя совершенно основательно свою нравственную силу въ то время, не хотѣлъ склоняться передъ Валуевымъ въ польскомъ вопросѣ, и кончилось это тѣмъ, что Валуевъ далъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» третье предостереженіе, думая газету на время прекратить. Но Катковъ не подчинялся; онъ сталъ все-таки выпускать «Московскія Вѣдомости» и платить штрафы. Валуевъ потерпѣлъ фіаско. Государь лично вмѣшался въ это дѣло, и бывши въ Москвѣ, протянулъ Каткову руку, и благодарилъ его за его патріотическія статьи и снялъ запреты съ газеты его.

Отъ этого рикошетомъ выигралъ «Голосъ», ибо Валуевъ, изъ ненависти къ Каткову, далъ волю Краевскому, который ею воспользовался, между прочимъ, для

того, чтобы въ угоду Валуеву, при всякомъ случаѣ, ругать Каткова.

Но Валуевъ издалъ свой собственный органъ. Это была оффиціальная газета «*Сѣверная Почта*», изъ которой онъ замыслилъ сдѣлать нѣчто вродѣ французскаго «Moniteur Universel». Но и эта мечта Валуева оказалась наивностью. Валуевъ создалъ особый отдѣлъ полуоффиціальный, гдѣ думалъ помѣщать руководящія и даже полемическія статьи по вопросамъ внутренней политики. Онъ даже самъ писалъ для газеты статьи.

Но, разумѣется, ничего не вышло кромѣ комичнаго, ибо всѣ знали, что Валуевъ за слишкомъ усердную полемику противъ «Сѣверной Почты» могъ отвѣчать предостереженіями, а потому никто о «Сѣверной Почтѣ» не говорилъ въ печати и она глохла.

Однажды Валуевъ предложилъ мнѣ писать статьи въ «Сѣверной Почтѣ» политическаго характера по поводу того или другого, газетами освѣщаемаго, факта. Я попробовалъ было написать и пришелъ ему показать мой первый опытъ.

— Это хорошо,—отвѣтилъ Валуевъ,—но я бы измѣнилъ вступленіе и держался, вообще, для вступленія въ статьи, характера англійскихъ газетъ. Я бы началъ статью (рѣчь шла о земствѣ), напримѣръ, такъ: однажды Питтъ гулялъ съ своимъ другомъ Фоксомъ по берегу Темзы... Какъ грязна вода,—сказалъ Питтъ и т. д. Такое вступленіе даетъ вамъ широкую свободу для дальнѣйшаго вашего изложенія.

Я не пропустилъ ни одного звука. По этому маленькому эпизоду можно судить, какъ часто несерьезенъ бывалъ Валуевъ.

Въ этомъ году мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть

близко, въ интимной, такъ сказать, его жизни, нашего тогдашняго канцлера, министра иностранныхъ дѣлъ князя Александра Михайловича Горчакова...

Знакомъ я съ нимъ былъ уже съ 1856 года, съ зимы, но тогда я былъ кончающимъ курсъ правовѣдомъ, и только присматривался къ нему, поднимая на него глаза съ низменности моего ничтожества на высоту его величія. Онъ бывалъ тогда по вечерамъ въ кабинетѣ моей тетушки, Авроры Карамзиной, которая, несмотря на свои 50 лѣтъ, была еще въ то время стройною красавицей, и къ которой князь Горчаковъ питалъ культъ. И вотъ, онъ пріѣзжалъ къ ней по вечерамъ, сѣсть въ свое кресло, ногу положить на ногу и, отпивая по глоткамъ свой стаканъ воды съ клюквою, говорить и слушать музыку своихъ словъ. Улыбка самодовольства никогда не слетала съ его розовыхъ, слегка чувственныхъ губъ, изъ-подъ золотыхъ очковъ блисталъ всегда оживленный и выразительный взглядъ, лобъ его не зналъ, что значитъ морщина заботы или задумчивости, и когда онъ сердился, тогда у него слегка краснѣли пухленькія щечки, и онъ изливалъ безъ остатка весь свой гнѣвъ въ огненномъ словоизліяніи. Семь лѣтъ спустя мнѣ пришлось видѣть князя Горчакова уже у него дома за завтракомъ, въ черной бархатной шапочкѣ, и въ халатѣ, въ роли идола обожанія. Прежде я его видѣлъ обожателемъ у насъ прекрасной женщины. Тутъ я сталъ видѣть божество въ его храмѣ.

И вотъ, съ этого угла зрѣнія онъ былъ весьма интересный типъ тогдашней эпохи. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова блестящій баловень фортуны. Во время Крымской войны онъ былъ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Можно было думать, что та развязность, съ которою могла Австрія въ эту войну дѣлать относительно Россіи

свои гадости—составлявшія цѣлый планъ коварнаго предательства относительно насъ—не будетъ служить особенно блестящею рекомендаціею для того нашего дипломата, который давалъ всему этому плану въ Вѣнѣ составляться и осуществляться; но невзирая на то, именно на князя Горчакова палъ выборъ Александра II, когда, по вступленіи на престолъ, Онъ принялъ отставку графа Нессельроде, и сталъ искать ему преемника. Впрочемъ, тогда говорили, что выбору этому помогла не мало сестра Государя, тогдашняя принцесса Ольга Николаевна Виртембергская, которая всегда дружески относилась къ князю Горчакову, и вотъ онъ сталъ министромъ, и съ этой минуты особая милость къ нему фортуны заключалась въ томъ, что никто не наслаждался такъ министерствомъ, какъ онъ, и никто такъ не обожалъ въ себѣ министра, и въ министрѣ себя съ такимъ упоеніемъ, съ такимъ вкусомъ и съ такимъ умѣньемъ, какъ онъ. Это не былъ банальный типъ элегантнаго фата, или еще болѣе банальный типъ самодовольнаго выскочки; нѣтъ, это былъ оригинальный, и именно художественный типъ человѣка безспорно умнаго, безспорно остроумнаго, безспорно блестящаго, который умѣлъ, что называется, donner du cachet и отчасти du chic своему самому искреннему обожанію къ самому себѣ.

Мои близкіе пріятели тогда были изъ числа близкихъ подчиненныхъ князя-канцлера; слѣдовательно, соединивъ мои личныя впечатлѣнія съ ихними, я могъ составить себѣ довольно ясное понятіе объ этомъ интересномъ историческомъ типѣ. Съ этимъ культомъ къ самому себѣ, вступивъ во главу министерства, князь Горчаковъ составилъ себѣ понемногу изъ ближайшихъ сотрудниковъ цѣлый Sacerdoce жрецовъ-обожателей не только его оффиціальной

личности, но его собственнаго къ себѣ культа. Покойный Тютчевъ назвалъ князя Горчакова, коего онъ былъ самымъ безкорыстнымъ пріятелемъ le narcisse de l'écritoire. Вѣрнѣе нельзя было охарактеризовать автора дипломатическихъ нотъ того времени: диктуя ихъ и перечитывая ихъ, князь Горчаковъ любовался ими, какъ любуется граціозный нарциссъ склоненный надъ водою, своими красивыми формами. Но этимъ нарциссомъ князь Горчаковъ былъ не только надъ своею чернильницею, но вездѣ и во всемъ: за круглымъ столомъ его столовой, гдѣ онъ передъ такими слушателями, какъ мы, ронялъ свои блестящія слова, какъ Венера свои улыбки толпѣ профановъ; за столомъ своего кабинета передъ послами и политиками, когда онъ говорилъ Европѣ; за столомъ у Государя въ кабинетѣ, когда онъ излагалъ свои политическіе виды; въ государственномъ совѣтѣ, когда онъ высказывалъ свое мнѣніе, и еще болѣе въ будуарѣ любой красавицы большого свѣта, когда онъ говорилъ, чтобы нравиться, и ставилъ въ затрудненіе кокетливую слушательницу передъ вопросомъ: чѣмъ болѣе любуется ея блестящій обожатель: собою или ею.

Я иногда слышалъ сравненіе князя Горчакова съ Валуевымъ. И сравнивать было что, ибо дѣйствительно между этими двумя типами—хотя и рѣзко отличными—были точки подобія. Оба носили въ себѣ культъ фразы; оба прежде всего любили себя слушать. Но здѣсь разница была въ оттѣнкахъ. Валуевъ любилъ мѣрную музыку своихъ изреченій, онъ къ ней прислушивался, какъ поэтъ къ журчанію ручейка. Князь Горчаковъ любилъ потоки, фейерверки своихъ словъ, любилъ ихъ ураганы, любилъ ихъ бряцанье, любилъ въ нихъ тотъ эффектъ, который онъ себѣ живо представлялъ и которымъ упивался. Затѣмъ оба не любили углубляться въ предметъ и разбираться въ под-

робностяхъ. И оба не любили этого потому, что такая работа ихъ слишкомъ отдаляла отъ самослушанья.

Но личность Горчакова была крупнѣе Валуева, интереснѣе и, если можно такъ выразиться, благодарнѣе и живописнѣе. Въ Валуевѣ впечатляло утомительное однообразіе. Въ Горчаковѣ, напротивъ, все плѣняло разнообразіемъ вдохновенія, взглядовъ, впечатлѣній, тоновъ, оттѣнковъ и т. д. Но за то не легокъ былъ культъ обожанія князя Горчакова для его приближенныхъ: съ утра до вечера на нихъ лежала обязанность обожать владыку и исправлять въ то же время служебное дѣло: восторгаться и благоговѣть передъ инспираціями князя, и въ то же время что-нибудь да значить въ его глазахъ собственнымъ умомъ, ибо надо сказать, что князь Горчаковъ умѣлъ себя окружать замѣчательно умными и способными людьми. И всегда чувствовалось, что въ этихъ святилищахъ иностранныхъ дѣлъ шли двѣ работы, и обѣ кипѣли: работа собственно министерства иностранныхъ дѣлъ, и затѣмъ совсѣмъ оригинальная работа, но весьма важная, постоянное держаніе равновѣсія съ обѣихъ сторонъ, между собственнымъ умомъ и между обожаніемъ къ уму канцлера. И всѣ эти жрецы—обожатели канцлера, относительно умѣнья держать равновѣсіе, были мастера своего дѣла.

Они воздавали божіе—богу своему, и свое—себѣ съ замѣчательнымъ искусствомъ и тактомъ. Никогда князь не чувствовалъ въ своихъ жрецахъ противорѣчія себѣ, никогда они его не сводили съ престола всевѣдующаго божества, но, въ то же время, нерѣдко это божество говорило ихъ мыслями. Но искусно также велъ работу равновѣсія самъ канцлеръ во всемъ, что его касалось.

Тысячи людей въ его положеніи, сдѣлавшись идоломъ цѣлаго сонма жрецовъ, и героемъ всѣхъ прелестнѣйшихъ

будуаровъ, прежде всего потеряли бы сперва равновѣсіе, а потомъ и голову, и были бы только смѣшны. Князь Горчаковъ никогда и ни на одну минуту не терялъ равновѣсія; онъ давалъ себя всего на обожаніе всѣмъ, онъ отдавалъ себя всего на самообожаніе, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда былъ блестящъ и великолѣпенъ вездѣ тѣмъ, что онъ входилъ въ каждое положеніе, въ каждую минуту, въ каждый вопросъ—не какъ богъ, а какъ умный человѣкъ, никому не навязывая и никому не импозируя ни свое самообожаніе, ни свое значеніе божества для цѣлаго вѣдомства. Этотъ царь слова, этотъ богъ своего вѣдомства никогда не оскорблялъ чье-либо самолюбіе, никогда не осмѣивалъ чье-либо убѣжденіе, никогда не являлся деспотомъ своего великозначущаго я! Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ о томъ искусствѣ, съ которымъ князь Горчаковъ умѣлъ держать равновѣсіе между явленіями обожанія его окружавшихъ и между его личными проявленіями такта и разума въ сношеніяхъ съ людьми. Словомъ, роль божества въ министерствѣ и героя въ гостиной—онъ проводилъ мастерски, никогда не теряя голову, никогда не давая противъ себя оружія и не дѣлаясь смѣшнымъ.

Но у него были секунды, не лишенныя комизма.

Тогда въ кругу подчиненныхъ князя-канцлера разсказывался слѣдующій весьма характеристичный и глубококомичный эпизодъ.

Обходя утромъ въ своемъ халатѣ канцелярію, князь Горчаковъ наткнулся на стоявшаго у окна Катакази, молодого человѣка, не вылѣзавшаго изъ числа несчастливыхъ кандидатовъ на какую либо должность по дипломатической канцеляріи и, за неимѣніемъ протекціи, предназначавшагося заглохнуть... У него въ видѣ капитала

имѣлся только бойкій и злой языкъ, а съ этимъ, какъ извѣстно, далеко не уйдешь, такъ какъ необыкновенно злой языкъ безъ протекціи мѣшаетъ карьерѣ.

Увидя Катакази, князь на него ни съ того ни съ сего напустился, укоряя въ ничего недѣланіи, и кончилъ свою нотацію словами: Vous vous perderez (вы пропадете).

Только этихъ словъ и нужно было молодому Катакази. Едва они слетѣли съ сіятельнѣйшихъ устъ, какъ Катакази сосредоточился въ почтительную позу, благоговѣйно наклонилъ голову и, дѣлая поклонъ, сказалъ послѣ мгновенія молчанія, придавшаго инциденту еще болѣе краснорѣчія: Oui, mon prince, mais dans la foule de vos adorateurs (да, ваше сіят—ство, но въ толпѣ вашихъ обожателей).

Слова эти, какъ звонкое алали, красиво прозвучали по воздуху и полетѣли прямо въ цѣль. Князь поднялъ голову, обернулъ ее къ Катакази, улыбка довольства на его розовыхъ губахъ.

— Bien répondu,—сказалъ князь.

Въ тотъ же день князь велѣлъ своему начальнику канцеляріи Вестману принять Катакази, а затѣмъ онъ сталъ его двигать...

Въ развитіи историческаго, такъ сказать, характера князя Горчакова сыгралъ очень рѣшительную и важную роль тогдашній графъ Бисмаркъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ бывшій прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Бисмаркъ не потерялъ ни одной минуты даромъ на своемъ дипломатическомъ посту въ Петербургѣ, послужившемъ ему преддверіемъ и очень полезною школою для его будущей всемірной карьеры.

Онъ очень подружился съ Горчаковымъ, и раскусить

хитрому Бисмарку совсѣмъ не хитраго Горчакова ровно ничего не стоило... Онъ понялъ, что главная нравственная струна Горчакова, на которой можно разыгрывать какіе угодно мотивы,—это самообожаніе, и вотъ, играя на этой струнѣ виртуозомъ, Бисмаркъ увѣрилъ Горчакова въ томъ, что умнѣе и сильнѣе его нѣтъ дипломата въ Европѣ, и что Европу ведетъ онъ, Горчаковъ... Эта музыка Бисмарка, какъ Эолова арфа, совсѣмъ отдала Горчакова въ его власть, дружбѣ своей къ Бисмарку онъ отдавался съ полнымъ добродушіемъ, и что было замѣчательно, когда Бисмаркъ оставлялъ Петербургъ съ зачатками своихъ грандіозныхъ замысловъ въ головѣ, онъ оставилъ Горчакова въ полной увѣренности, что онъ дѣлаетъ изъ Бисмарка, что онъ хочетъ; внушить князю Горчакову это убѣжденіе было постоянною заботою хитраго Бисмарка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ничего не упустилъ изъ того, что было нужно для охлажденія того же Горчакова относительно Наполеона III, къ которому одно время въ Горчаковѣ стала довольно замѣтна извѣстнаго рода Schwärmerei.

Этой части задачъ Бисмарка какъ нельзя болѣе кстати помогъ и случай по поводу польскаго вопроса. Наполеонъ имѣлъ глупость послушаться внушеній англійской политики и сунулся въ союзѣ съ нею съ своею нотою въ защиту поляковъ, будто бы притѣсняемыхъ русскимъ правительствомъ... Ничто такъ не послужило интересамъ Бисмарка, какъ эта безтактная нота Наполеона III, она дала Бисмарку право торжествующе сказать Горчакову: вы видите, почтенный другъ, я былъ правъ, предостерегая васъ отъ коварства Наполеона III, и Горчаковъ сталъ въ 1863 году врагомъ Франціи и болѣе чѣмъ когда либо другомъ Бисмарка. Въ 1870 году

Наполеонъ III поплатился за свою ноту 1863 года, въ этомъ ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія...

За то этотъ 1863 годъ былъ огромнымъ козыремъ въ рукахъ Горчакова... Вдохновляемый великолѣпными статьями Каткова, sous main подстрекаемый Бисмаркомъ изъ Берлина и тонкимъ собственнымъ чутьемъ угадывая важность минуты и современность заговорить голосомъ твердымъ, Горчаковъ создалъ себѣ золотую страницу своимъ отвѣтомъ западнымъ державамъ на польскую ноту. Отвѣтъ этотъ былъ сочиненъ имъ самимъ. Прежде чѣмъ его обнародовать, онъ его смаковалъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ на-единѣ съ своими секретарями, писавшими подъ его вдохновенную диктовку, и когда онъ появился въ свѣтъ, этотъ отвѣтъ Россіи, полный величія и достоинства, и англійскій клубъ въ Петербургѣ, и англійскій клубъ въ Москвѣ громкимъ «ура» привѣтствовали князя-канцлера, и Катковъ загремѣлъ ему похвалою, и вся Россія ему отвѣтила единодушнымъ трепетомъ восторга и благодарности, тогда надо было видѣть, какъ былъ счастливъ Горчаковъ и съ какимъ упоеніемъ онъ виталъ высоко надъ своими современниками и наслаждался ощущеніями этого полета.

Я говорилъ выше объ удачномъ выборѣ княземъ Горчаковымъ своихъ сотрудниковъ. Дѣйствительно, его окружали въ то время способные и даровитые люди. Самыми близкими и постоянными его сотрудниками были Жомини и Гамбургергъ; затѣмъ Сантуновъ, его родственникъ, завѣдывавшій однимъ изъ департаментовъ, одинъ изъ Жеребцовыхъ, Хельскій, а подъ ними уже кишѣла и работала цѣлая канцелярія, составленная изъ подбора способныхъ молодыхъ людей изъ хорошихъ дворянскихъ семействъ. Тогда канцелярія Горчакова носила извѣстный

отпечатокъ элегантности и была дѣйствительно подготовительною школою для дипломатической службы.

Впрочемъ, все окружавшее тогда князя-канцлера, имѣло оригинальный отпечатокъ. Начать съ того, что входя въ святилище министерства иностранныхъ дѣлъ, вы забывали, что есть русскій языкъ въ Россіи. Всѣ говорили только по французски... Затѣмъ, всѣ высшіе сателлиты Горчакова, про которыхъ я сейчасъ говорилъ, русскимъ языкомъ владѣли слабѣе, чѣмъ французскимъ: Жомини—тотъ плохо говорилъ по русски; затѣмъ Жеребцовъ, Хельскій и даже Гамбургеръ предпочитали говорить по французски. И надо сказать, что въ то время владѣніе французскимъ языкомъ и обращеніе съ нимъ доведены были въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ до совершенства и до своего рода виртуозности, а между младшими, то-есть между чинами канцеляріи завелся даже своеобразный французскій языкъ, отчасти академическій, отчасти style sévigné.

Въ Лондонѣ тогда былъ нашимъ посломъ баронъ Брунновъ, старый оригиналъ, нѣмецъ-эгоистъ, даже не понимавшій, что значатъ русскія чувства, но очень умный человѣкъ; онъ считался профессоромъ французскаго стиля въ перепискѣ между русскими дипломатами, и чтобы характеризировать тогдашнія отношенія нашихъ агентовъ къ Горчакову, достаточно привести слѣдующій, напримѣръ, образецъ стиля Бруннова въ письмѣ къ Горчакову. Несогласіе съ мнѣніемъ князя, своего начальника, онъ выражалъ такъ: et si mon audace à contredire votre excellence pouvait ègaler le dévouement sans bornes que je lui porte, je me permettrais... (и если дерзость противорѣчить вашему сіятельству могла равняться моей къ вамъ преданности, то я бы позволилъ себѣ и т. д.).

Такимъ языкомъ теперь уже не пишутъ.

Запомнилъ также образецъ Горчаковскаго французскаго стиля. Какъ-то разъ приходитъ ко мнѣ одинъ изъ пріятелей моихъ, одинъ изъ секретарей канцеляріи князя, а разсказываетъ, какъ сегодня ему диктовалъ князь одну конфиденціальную ноту въ Вѣну.

«Я сижу,—разсказываетъ мнѣ пріятель,—а князь ходитъ по комнатѣ и диктуетъ... Затѣмъ пауза... Я думаю, что конецъ... хочу встать; не тутъ-то было... attendez...—говоритъ князь,—maintenant le mot de la fin... (подождите теперь заключительное слово), и вдругъ я вижу, какъ мой князь начинаетъ скользить по паркету, точно на конькахъ по льду».

«Enfin,—говоритъ онъ,—pour vous exprimer à quel point ma position se trouve être difficile... je suis le patineur qui glisse sur une glace fragile... и говоря это, князь продолжалъ скользить по паркету... Я думалъ было, что онъ шутитъ, но оказалось, что это былъ придуманный княземъ ловкій оборотъ для своей ноты, и я цѣликомъ имъ заключилъ письмо».

Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, началъ свою министерскую карьеру знаменитою фразою, съ которой началась первая его европейская нота послѣ войны 1855 года; la Russie ne boude pas, mais se cueille! Это историческое и умное слово дало характеръ всей послѣдующей эпохѣ.

Князь Горчаковъ, какъ я говорилъ, любилъ культъ женской красоты.

Про этотъ фазисъ своихъ подвиговъ онъ говорилъ: le succés de mes galanteries m'est agrèable, quand à l'Europe il est utile, car je la tiens dans ma bonne humeur... (Успѣхъ моихъ галантерей для меня пріятенъ, а для Европы полезенъ, ибо я держу ее въ моемъ хорошемъ настроеніи).

Во всякомъ случаѣ, подводя итоги воспоминаніямъ о князѣ Александрѣ Михайловичѣ Горчаковѣ, слѣдуетъ причислить его къ числу блестящихъ личностей царствованія Александра Второго. Какъ личность, онъ имѣлъ свои недостатки, свои слабости, но всѣ они охотно предавались тогда забвенію, при сравненіи съ нѣкоторыми свѣтлыми чертами этой личности. Во главѣ этихъ свѣтлыхъ сторонъ была его нравственная, такъ сказать, самостоятельность и та вельможеская стараго закала самобытность, которая не позволяла ему нигдѣ и никогда унижаться до какихъ-либо интригъ или заискиваній. Умное лицо его носило отпечатокъ извѣстной гордости. Съ подчиненными и съ низшими я не запомню когда-либо князя Горчакова гордымъ, но при Дворѣ, гдѣ такъ естественно гнется шея и дрожатъ, какъ выразился Пушкинъ, икры ногъ, я часто любовался Горчаковымъ. Всегда однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Государю и къ Императрицѣ, онъ впечатлялъ изяществомъ своего грансиньерства, и не только стоялъ головою выше надъ міркомъ придворныхъ сплетень и никогда не стихавшихъ интригъ,—но ни разу не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ, чтобы кому-нибудь повредить языкомъ, который у него былъ остеръ и уменъ, или даже кому-нибудь отплатить за дурное слово, противъ него сказанное. Онъ презиралъ все, что было недостойно настоящаго вельможи, и рядомъ съ этимъ онъ былъ рабомъ потребности быть любезнымъ.

Какъ государственный человѣкъ и какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ уже потомъ, послѣ 1865 и 1866 годовъ, сталъ проявлять слишкомъ большое значеніе роли Европы относительно Россіи и при немъ создался тотъ неизмѣнный лозунгъ, который потомъ повторялся до са-

маго начала новаго царствованія: que dira l'Europe. Этому были двѣ причины: одна заключалась въ обаяніи, которое сумѣлъ внушить Горчакову Бисмаркъ, а другая въ окружающей его средѣ сотрудниковъ. Говоря о нихъ, я назвалъ ихъ способными и иныхъ даровитыми, и дѣйствительно таковы они были: но общій характеръ этой среды, ежедневно вліявшей на канцлера, былъ именно избытокъ почтительности къ Европѣ, иногда доходившій до какого то нервнаго страха. Тогда это была черта общая нашей дипломатіи; князь Горчаковъ самъ этого чувства не имѣлъ: въ 1863 году онъ это доказалъ очень ясно: онъ не склоненъ былъ преклоняться передъ Европою, но въ окружавшихъ его чуялся и слышался отчасти духъ космополитизма, отчасти духъ поклоненія Европѣ, какъ старшему, и вотъ въ этой то средѣ, какъ Русланъ въ замкѣ Наины, князь Горчаковъ мало-по-малу сталъ стынуть и смиряться, какъ русскій, и утрачивать инициативу и охоту къ противодѣйствію Бисмарку въ его все расширявшихся властолюбивыхъ замыслахъ. Этимъ и только этимъ объясняется колоссальный успѣхъ замысловъ Бисмарка. Будь у Горчакова среда сотрудниковъ болѣе русская, онъ бы остался на высотѣ 1863 года и не далъ бы Бисмарку начать свой первый шагъ въ 1864 году въ войнѣ съ Даніею. Вотъ тогда то симпатіи франко-русскія имѣли бы громадное историческое значеніе, если, вмѣсто обаянія Бисмарка, среда, окружавшая Горчакова, влекла его въ русскихъ интересахъ къ союзу съ Наполеономъ III для умѣренія замысловъ Бисмарка.

XXVIII.

(1863 годъ).

Князь Суворовъ. — Корифеи Мраморнаго дворца. — Головнинъ, Зарудный и Рейтернъ.

Рядомъ съ княземъ Горчаковымъ въ числѣ самыхъ близкихъ къ Государю лицъ былъ князь Суворовъ. Это былъ оригинальный типъ чудака, и относительно умѣнья себя держать при Дворѣ вельможей онъ былъ совсѣмъ антиподъ князя Горчакова. Князь Суворовъ съ утра до вечера оглашалъ Петербургъ громкими возгласами о своихъ придворныхъ связяхъ. Не разбирая никогда, съ кѣмъ онъ говорилъ—съ полицейскимъ ли, съ сановникомъ ли, съ женою ли своею, или съ Чернышевскимъ, — онъ всегда третьимъ словомъ вставлялъ: l'Empereur! l'Empereur m'a dit cela, я сегодня видѣлъ Государя, Государь мнѣ сказалъ это, я скажу Государю и т. д., такъ что болѣе *индискретнаго* болтуна, какъ князь Суворовъ, въ Петербургѣ въ то время не было. Но этого мало. Онъ былъ въ то же время очень мелоченъ и щекотливъ въ своихъ придворныхъ ощущеніяхъ: обижался и дулся за всякій пустякъ, и тогда опять-таки, не разбирая своей аудиторіи, всякому начиналъ изливать свою огорченную душу и жаловаться на обиды, причиненныя ему Государемъ. Государь, съ свойственною ему добротою и дели-

катностью, мирился съ выходками и капризами своего друга, а князь Суворовъ ими пользовался въ странномъ заблужденіи, что такая манера себя держать дѣлаетъ его популярнымъ человѣкомъ.

Не запомню на своемъ вѣку кого-нибудь изъ государственныхъ дѣятелей, который такъ комично и въ то же время такъ безшабашно эксплоатировалъ популярность, какъ князь Суворовъ.

Понять его, найти въ немъ что-либо похожее на послѣдовательность, или осмысленную причину его образа дѣйствій было невозможно. Когда онъ былъ въ Ригѣ остзейскимъ генералъ-губернаторомъ, объ немъ говорили, какъ о главномъ шампіонѣ остзейскихъ бароновъ. Эти бароны его боготворили, и о либерализмѣ Суворова тамъ никто и во снѣ не видалъ. Имя Суворова тогда означало не только самое фанатичное нѣмцефильство, но даже какое то анти-русское и тоже фанатичное политическое настроеніе.

Этотъ же Суворовъ переселяется въ Петербургъ, на должность генералъ-губернатора, и не прошло года, какъ этотъ самый шампіонъ бароновъ вь Остзейскомъ краѣ дѣлается самымъ воодушевленнымъ покровителемъ всѣхъ либеральныхъ идей эпохи, до антидворянской включительно. И все это шутя, школьнически—такъ сказать, и исключительно посредствомъ языка.

А между тѣмъ, шутя — поставивъ себѣ странную задачу быть въ одно время другомъ Государя и самымъ популярнымъ въ общественномъ мнѣніи человѣкомъ, называя для смѣха своимъ другомъ и Чернышевскаго, и Михайлова, князь Суворовъ очень много надѣлалъ вреда своимъ неукротимымъ чудачествомъ. Около него образовалась какая то атмосфера распущенности въ языкѣ

сперва, а потомъ въ принципахъ и дѣйствіяхъ, какого то духовнаго переимства относительно служебнаго долга, обязанностей, принциповъ, которые многихъ сбивали съ толку, и разными окольными путями отражались иногда и въ иныхъ сферахъ общества, и въ средѣ учащейся молодежи. Съ рекомендаціями князя Суворова толкались по Петербургу, ища занятій, всевозможные косматые нигилисты: князь Суворовъ любилъ съ ними заигрывать. Я видѣлъ его въ пріемной, болѣе любезничающимъ съ ними, чѣмъ съ какимъ нибудь почтеннымъ генераломъ. А между тѣмъ, всѣми этими шутками и чудачествами пробавлялся князь Суворовъ одинъ, а возлѣ него должностныя лица относились ко всему, къ чему Суворовъ относился балагуромъ, серьезно, а въ области серьезнаго Суворовъ всегда былъ безгласенъ, и пока шутя съ разными нигилистами и называя Михайлова и К⁰ mes amis, князь Суворовъ невольно ободрялъ ихъ шалить, тотъ же Суворовъ не умѣлъ быть серьезнымъ, не умѣлъ мѣшать и не могъ мѣшать, чтобы то здѣсь, то тамъ не попадались эти юные шалуны, входя въ категорію политическихъ преступниковъ.

Гостиная князя Суворова была интереснымъ зрѣлищемъ...

Гости были самые разнообразные! И когда въ нее входилъ самъ хозяинъ, послѣ ряда самыхъ энергичныхъ и дружескихъ рукопожиманій со знакомыми и незнакомыми, и садился въ кресло, тогда княгиня-хозяйка смолкала, смолкали и гости, и князь Суворовъ начиналъ свою болтовню, непремѣнно произнося разъ десять имя Государя, при чемъ въ упоеніи своихъ разсказовъ или своихъ декламацій, онъ никогда не разбиралъ, кто его слушаетъ.

И всѣ его считали *добрякомъ*... Да, пожалуй, онъ

былъ добрякъ, то-есть то, что принято называть добрымъ человѣкомъ; но это качество въ немъ было отрицательное. Именно въ это время я его помню далеко не добрымъ, ибо никто не шелъ такъ зло, такъ пристрастно противъ Муравьева и противъ русскаго народнаго чувства, какъ Суворовъ. Пользуясь своею близостью ко Двору и снисходительностью Царя къ его языку, онъ не останавливался ни передъ какою сплетнею, ни передъ какою клеветою, чтобы чернить Муравьева въ глазахъ Государя; мало того, онъ дѣлалъ изъ симпатій къ Муравьеву какое-то политическое, будто бы, вредное настроеніе умовъ вездѣ, гдѣ могъ, мѣшалъ всякому проявленію уваженія и симпатій къ Муравьеву, и не мало содѣйствовалъ тому, чтобы въ глазахъ Государя дискредитировать ту единственную, вѣрную и мудрую политику въ Западномъ краѣ, которую создалъ Муравьевъ и которая кончилась въ Вильнѣ не потому, что Муравьевъ ушелъ, а потому, что сама политика была подорвана въ своемъ главномъ—въ довѣріи къ ней Царя.

Одною изъ характерныхъ чертъ того времени было то, что тогда, подъ вліяніемъ царившаго въ политической атмосферѣ стремленія къ прогрессу, то-есть къ реформамъ по всѣмъ отраслямъ управленія, искались люди, своего рода спеціалисты,—то для одной, то для другой отрасли.

Прежде всего искали спеціалиста для финансовъ, они считались и дѣйствительно были разстроенными послѣ Крымской войны, и первыя попытки къ ихъ починкѣ, порученныя старику Княжевичу, не особенно считались удачными. Изъ Мраморнаго дворца, какъ я говорилъ выше, вылетали извѣстныя имена, особенно рекомендовавшіяся какъ личности, какъ молодыя и способныя силы,

а между ними вылетѣло имя Рейтерна. Его признали годнымъ быть спеціалистомъ по части финансовъ, отправили за-границу, и чуть-ли даже не въ Америку, съ задачею готовиться быть министромъ финансовъ. Рейтернъ поѣхалъ за-границу; какъ способный старательный и добросовѣстный нѣмецъ, онъ дѣйствительно употребилъ свою поѣздку для изученія финансовыхъ вопросовъ, и когда онъ вернулся, ему отдали русскіе финансы въ управленіе.

Помню, что въ то время, не безъ основанія, серьезные люди недоумѣвали, почему бы будущему министру финансовъ не посвятить два годика на путешествіе по Россіи, для ея изученія въ экономическомъ отношеніи, что было бы, несомнѣнно, полезнѣе путешествія за-границею, но въ то же время эта простая мысль не пришла никому изъ заправилъ въ голову. На «*заграницу*» тогда смотрѣли съ благоговѣніемъ ученика передъ учителемъ, маленькаго человѣка передъ большимъ, и когда Рейтернъ вернулся изъ-за границы, передъ нимъ преклонились, какъ передъ избранникомъ и сосудомъ мудрости и знанія, неизбѣжно имѣющимъ сдѣлать Россію богатою.

Изъ того же Мраморнаго дворца вылетѣло другое имя, спеціалиста-педагога,—это имя Александра Васильевича Головнина. Министерство народнаго просвѣщенія не клеилось. Назначеніе Ковалевскаго, почтеннаго, добраго, умнаго человѣка не давало никакихъ результатовъ въ смыслѣ приведенія въ порядокъ учебнаго мира, расшатаннаго и деморализованнаго послѣ Уварова, и въ особенности послѣ періода безпорядковъ 61 и 62 годовъ. Всѣ понимали и сознавали, что нуженъ энергичный и твердый человѣкъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, но въ высшихъ сферахъ тогда взглянули иначе:

тамъ подумали, что нуженъ популярный человѣкъ, и тогда-то вылетѣло имя Головнина.

Въ консервативныхъ кружкахъ Петербурга это имя было не любимо; всѣ знали, что Головнинъ — главный вдохновитель крайнихъ либеральныхъ тенденцій, и потому съ большимъ недовѣріемъ и разочарованіемъ отнеслись къ факту признанія Головнина спеціалистомъ по части педагогіи, и самымъ надежнымъ кандидатомъ на должность министра народнаго просвѣщенія. Во всякомъ случаѣ, это было странное назначеніе: всѣ знали Головнина какъ либерала, но никто никогда не слышалъ о Головнинѣ, какъ о человѣкѣ, имѣющемъ какія-либо отношенія къ педагогическому дѣлу, и тѣмъ паче какую-нибудь подготовку, или хоть какія-нибудь по этой спеціальности свѣдѣнія. Иные сомнѣвались даже въ достаточной степени его образованія. А глядя на его маленькую, неуклюжую и нестройную фигуру, съ несоразмѣрною туловищу головою, и съ лицомъ, гдѣ читались сухость и что-то непривѣтливое, всѣ спрашивали про Головнина: да имѣетъ ли этотъ человѣкъ довольно сердца, чтобы любить учащуюся молодежь?

Первымъ дѣломъ Головнина, по вступленіи въ должность министра народнаго просвѣщенія, была выходка съ цѣлью сдѣлаться популярнымъ; онъ отказался отъ казенной министерской квартиры и обратилъ ее въ помѣщеніе для новой гимназіи. Затѣмъ, что касается дѣла, то про Головнина въ то время можно было сказать, что онъ заботился объ одномъ: какъ бы заручиться симпатіями либеральной части общества, и съ этою цѣлью онъ поставилъ себѣ задачею разрушать Уваровскую систему образованія и воевать противъ классицизма. Но такъ какъ Уваровская система была стройнымъ, цѣльнымъ и гар-

моничнымъ учрежденіемъ, Головнинъ, несмотря на свой умъ, не имѣлъ никакого ни яснаго, ни опредѣленнаго плана новой системы, а бродилъ умомъ въ какихъ то дебряхъ общаго образованія, то само собою разумѣется, что онъ могъ только развинчивать старое, но создать что-либо стройное и цѣльное новое онъ никакъ не могъ. Всѣ серьезные люди это тогда видѣли ясно и съ прискорбіемъ указывали на то, что въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія—и въ высшихъ и среднихъ—еще сильнѣе расшатывается дисциплина, еще замѣтнѣе царитъ безтолковщина, но на эти сѣтованія серьезныхъ людей не обращали вниманія; Головнинъ былъ признанъ спеціалистомъ-педагогомъ, его возвели въ спеціалисты, и вся русская гражданская школа отдана была ему въ полное распоряженіе для проявленія въ ней Головнинскихъ способностей спеціалиста.

Затѣмъ искать принялись третьяго рода спеціалистовъ: спеціалистовъ по судебной реформѣ. И нашелся тогда очень оригинальный или, вѣрнѣе, странный, который и сыгралъ свою историческую роль, несмотря на то, что опять-таки серьезные люди недоумѣвали, почему именно онъ попалъ въ спеціалисты.

Спеціалистъ этотъ былъ маленькій въ іерархіи чиновничьей человѣкъ, Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ кандидатомъ, если не ошибаюсь, *естественныхъ* наукъ, ни раньше, ни послѣ не думая, что ему будетъ суждено играть роль спеціалиста по судебной реформѣ. Братъ его Митрофанъ былъ моимъ товарищемъ по училищу и пріятелемъ, и черезъ него я имѣлъ свѣдѣнія объ Одиссеѣ его брата... Онъ направился за границу, побывалъ во Франціи, побывалъ въ Италіи, и привезъ съ собою находку: судебные итальянскіе уста-

вы, какъ извѣстно, скопированные съ французскихъ, только съ большимъ оттѣнкомъ либерализма. И вотъ въ Петербургѣ всѣ ахнули: батюшки, какое сокровище, а мы то дураки и не подозрѣвали, и сразу туриста дилетанта Сергѣя Заруднаго взяли да и пожаловали въ Христофора Колумба для Россіи по судебной реформѣ... Съ нимъ стали носиться... У Замятиныхъ въ домѣ я сталъ слышать это имя. Мнѣ тогда было 25 лѣтъ: лѣта не почтенныя, но все-таки несмотря на нихъ, я позволялъ себѣ тогда имѣть кое о чемъ свое сужденіе, и помню, что именно по вопросу о судебной реформѣ, бывая у Замятина, который тогда былъ министромъ юстиціи, и въ своихъ правовѣдныхъ кружкахъ я высказывалъ недоумѣніе. почему для судебной реформы не берутъ въ основу весь строй старыхъ учрежденій, очень мудро созданныхъ Екатериною II, съ примѣненіемъ этого стараго основного учрежденія къ новымъ потребностямъ времени, вмѣсто того чтобы брать цѣликомъ все иностранное, быть можетъ, для русской жизни непригодное. Я доказывалъ тогда, что въ старыхъ учрежденіяхъ были два прекрасныя начала, которыя надо было сохранить: во-первыхъ, три степени суда для аппеляціоннаго порядка, какъ наилучшая гарантія для интересовъ подсудимаго или тяжущагося—уѣздный судъ, палата и сенатъ; а во-вторыхъ—выборное начало судей...

Но мои мысли не имѣли никакого успѣха и бѣдный Замятинъ, какъ и многіе, смѣло вѣрили, что вся премудрость въ откровеніяхъ, привезенныхъ съ Запада Зарудnымъ... Я съ нимъ познакомился и долженъ признаться, что очень добродушно удивился, почему судьба такого обыкновеннаго по уму и столь мало юридически образованнаго человѣка избрала въ апостолы судебной реформы для Россіи, и почему именно совсѣмъ юридически не-

образованный кандидатъ-математикъ или естественникъ былъ признанъ спеціалистомъ по судебной реформѣ. Можно было подумать, что главное, что составляло таинственную прелесть Заруднаго въ то время, было его фанатическое обожаніе къ иностраннымъ судебнымъ порядкамъ и полное презрѣніе къ русскимъ порядкамъ, а обожаніе иностранныхъ порядковъ, въ свою очередь, происходило отъ мысли, что они проникнуты либерализмомъ.

Я помню, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, англійскимъ посломъ былъ очень умный человѣкъ лордъ Нэпиръ. Онъ еще до Крымской войны былъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ и очень усердно занимался изученіемъ Россіи и любилъ Россію, что для англичанина составляетъ рѣдкость. Нэпиръ былъ близкимъ пріятелемъ нашей семьи. Я у нихъ бывалъ по выходѣ изъ училища, и частенько бесѣдовалъ съ Нэпиромъ. Изъ этихъ бесѣдъ у меня осталось одно живое воспоминаніе, доселѣ подчасъ возвращающееся на память, — это мысли наблюдательнаго ума Нэпира по поводу страннаго явленія, имъ подмѣченнаго въ Россіи. «Отчего, — говорилъ онъ, — у васъ такъ мало изучаютъ Россію, и такъ много интересуются Европою: вѣдь въ Европѣ мало что годится для Россіи, а въ Россіи у васъ такъ много умнаго и прочнаго устроила ваша исторія въ видѣ учрежденій и принциповъ. Вы, какъ будто, не только всѣ эти историческія сокровища не цѣните, но стыдитесь ихъ передъ Европою. И умныхъ людей у васъ много, но вы, какъ будто, болѣе ищете обезьянъ по отношенію къ Европѣ, чѣмъ русскихъ самородныхъ умныхъ людей»...

XXIX.

(1863 годъ).

Типы: И. С. Мальцевъ, А. Н. Муравьевъ, графъ Комаровскій, Ѳ. И. Тютчевъ и А. Ѳ. Тютчева.

Выше я говорилъ о томъ, какъ искали кандидата въ министры финансовъ, и какъ его заказали и нашли въ лицѣ Рейтерна.

Невольно по этому поводу припоминается мнѣ одинъ изъ близкихъ пріятелей нашей семьи, пожилой, въ высшей степени оригинальный типъ, съ которымъ въ воспоминаніяхъ моей молодости всегда соединялся вопросъ, ему часто задававшійся: отчего вы не министръ финансовъ?

По странному капризу судьбы, этотъ оригинальный человѣкъ, которому всѣ его знавшіе близко задавали этотъ вопросъ, былъ въ то время русскимъ дипломатомъ, или подобіемъ, по крайней мѣрѣ, его въ должности члена совѣта при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Его звали Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ.

Какъ я сказалъ, это былъ замѣчательно интересный типъ... Все въ немъ было оригинально и все было типично, начиная съ его большого ума и кончая его феноменальнымъ скряжничествомъ.

По воспоминаніямъ и разсказамъ въ семьѣ я зналъ, что этотъ человѣкъ ни разу ничего не просилъ и ничего не искалъ для себя, и только изъ миролюбія давалъ себя вести тѣмъ, которые его толкали по чиновнической лѣст-

ницѣ снизу кверху... и довели его до этой одной изъ высшихъ должностей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ всего менѣе его интересовали иностранныя дѣла... А интересовали его только финансовые вопросы Россіи; когда о нихъ заговаривали, у него зажигался взглядъ, у него прояснялось лицо и онъ говорилъ о нихъ такъ, какъ не говорилъ ни о чемъ другомъ, съ отзвукомъ душевнаго участія, съ отголоскомъ любви къ Россіи... Обо всемъ остальномъ онъ говорилъ, роняя слова, и то неохотно, и перемѣшивая ихъ то саркастическою усмѣшкою, то скептическимъ словомъ, то остроумною эпиграммою въ прозѣ и производилъ впечатлѣніе скептика, на все глядѣвшаго съ добродушнымъ, хотя и презрительнымъ равнодушіемъ.

Князь Горчаковъ былъ не только его министромъ, но и его пріятелемъ. Оттого мнѣ приходилось слышать, что знавшіе Мальцева близко упрекали Горчакова за то, что онъ никогда не воспользовался своимъ голосомъ, чтобы рекомендовать Мальцева Государю, какъ кандидата для министерства финансовъ: хотя, съ другой стороны, можно было предвидѣть, что даже Государю, если бы Онъ лично сдѣлалъ Мальцеву предложеніе министерскаго портфеля, Мальцевъ отвѣтилъ бы то, что говорилъ у насъ въ гостиной: «гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить», или: «въ калачный рядъ съ суконнымъ рыломъ не лазь», или: «я слишкомъ старъ».

А между тѣмъ, что насъ всѣхъ впечатляло, когда Мальцевъ говорилъ о финансовыхъ вопросахъ, — это ясность его взглядовъ, простота его мыслей и мѣткость его обвиненій. Впрочемъ, можетъ быть, и другое помѣшало бы карьерѣ Мальцева, какъ финансиста, именно въ это время,—это направленіе финансовой политики. Хотя

финансовыхъ головъ никто тогда не встрѣчалъ, но направленіе финансовой политики чуялось въ атмосферѣ довольно отчетливо и оно было, какъ все въ то время, строго либеральное, т.-е. склонное къ доктринѣ свободной мѣны и недовѣрчивое къ протекціонизму. А Мальцевъ былъ глубоко убѣжденный протекціонистъ. Его любимою темою для размышленій было доказывать необходимость усиленія внутренней производительности — во чтобы то ни стало.

Его финансовыя убѣжденія въ немъ складывались подъ вліяніемъ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, фабриканта, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ крупныхъ производителей въ стеклянномъ дѣлѣ, и, во-вторыхъ—государственнаго человѣка.

Но въ то время, если съ нимъ совѣтовались для формы и оффиціально по дипломатическимъ дѣламъ, за то никто не совѣтовался съ нимъ, какъ съ финансистомъ умнымъ и знающимъ.

Скромность и извѣстнаго рода застѣнчивость, не взирая на года, удерживали этого человѣка во всю его жизнь въ самомъ отдаленномъ отъ свѣта уединеніи; онъ избѣгалъ свѣтскихъ отношеній и вездѣ всегда сторонился отъ людей. Владѣя огромнымъ состояніемъ, онъ жилъ, какъ пассажиръ на станціи, не зная ни домашняго очага, ни, еще менѣе, своего дома. Часть зимы онъ жилъ старымъ холостякомъ въ одной комнаткѣ въ домѣ своего двоюроднаго брата, а другую часть проводилъ за границею, гдѣ нанималъ маленькій номерокъ и жилъ, какъ бѣднякъ, отказывая себѣ во всемъ, что не было крайнею нуждою. Это былъ скупѣйшій изъ скупыхъ людей, но не изъ тѣхъ, которые скупы по обожанію къ деньгамъ, изъ

страсти скопить,—нѣтъ, онъ былъ скупой скорѣе изъ ненависти къ проявленіямъ богатства въ видѣ роскоши и комфорта, въ видѣ людского культа къ богатству и во всемъ отказывая себѣ, онъ, какъ говорили тогда, былъ очень широкъ въ своихъ затратахъ на фабричное дѣло и на самихъ рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ оригиналенъ тѣмъ, что издерживалъ на себя только самую ничтожную часть своихъ доходовъ и гордился этимъ. И, надо думать, что если онъ никогда не женился, то, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой онъ отказался бы отъ какого-нибудь высокаго поста, чтобы не имѣть дома и не издерживать на ненужное деньги. Жизнь философа и анахорета посреди людей ему нравилась, онъ ею наслаждался, она давала ему здоровье, спокойствіе и своего рода счастье.

Въ это время я познакомился съ другимъ оригинальнымъ типомъ анахорета въ шумномъ и суетливомъ Петербургѣ... Это былъ тайный совѣтникъ Мозовской... Онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе своимъ аскетизмомъ, доведеннымъ, съ самою полною естественностью и простотою, до идеала. Онъ служилъ, кажется, у принца Ольденбургскаго, былъ однимъ изъ учениковъ и почитателей Андрея Николаевича Муравьева, но пока его учитель жилъ въ страстномъ желаніи попасть въ оберъ-прокуроры святѣйшаго сѵнода, — Мозовской свою глубокую вѣру довелъ до признанія, что человѣку ничего не нужно на землѣ, кромѣ чистой и спокойной совѣсти. Отдавая ему визитъ на Пантелеймонской, гдѣ онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, я засталъ у него въ комнатѣ кровать, два стула, столикъ, полотенце и маленькій комодъ...

— А гдѣ же ваши вещи?—спросилъ я удивленно.

— Какія вещи, — отвѣтилъ онъ мнѣ удивленно:—у меня вещей нѣтъ.

— И ни одной книжки?

— Ни одной: все это лишнее, все это балластъ; я давно съ вещами развязался на землѣ: надо жить налегкѣ, чтобы легко умирать было,—сказалъ онъ самымъ естественнымъ тономъ.—Часъ пробьетъ, готовъ, ничѣмъ не окажусь связаннымъ!..

И въ то же время это былъ пріятный и веселый собесѣдникъ, интересовавшійся всѣмъ, что вокругъ него жило, безъ малѣйшихъ признаковъ суроваго аскетизма въ словахъ или во взглядахъ и, что цѣннѣе всего было въ немъ, — никогда никого не осуждавшій во имя своей строгой нравственности, а на всѣхъ глядѣвшій съ любезностью, съ добродушіемъ и снисходительностью. Все жалованье свое онъ раздавалъ нуждающимся, а какъ и кому никто не зналъ.

Послѣ я никогда второго такого человѣка не встрѣчалъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ евангельскаго міра, переселенный въ Петербургъ въ XIX вѣкѣ, для котораго людской свѣтъ былъ обстановкою для жизни, но въ то же время ни въ чемъ онъ не былъ связанъ съ жизнью.

Онъ жилъ и наслаждался жизнью развязанный отъ нея совсѣмъ.

Я упомянулъ объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Вотъ тоже замѣчательно типичная личность. Громаднаго роста, съ курчавыми прекрасно сохранившимися густыми волосами, съ бритымъ лицомъ, небольшими чертами лица, онъ напоминалъ собою скорѣе типъ шотландскаго лорда, чѣмъ русскаго человѣка. Это былъ пріятный, остроумный и богатый начитанностью собесѣдникъ.

Онъ писалъ умно и красиво и составилъ себѣ имя лучшаго знатока нашей церковной исторіи, нашего Востока и нашей церковной догматики, но какъ всѣ Муравьевы, онъ не могъ похвастаться, не смотря на доброе сердце, своимъ характеромъ,—отчасти тяжелымъ, отчасти капризнымъ и весьма часто неуживчивымъ.

Его жизнь была драматическая въ томъ отношеніи, что цѣлью ея онъ себѣ намѣтилъ быть оберъ-прокуроромъ сѵнода, подходилъ къ ней близко, все время тогда, когда я его знавалъ, вращался около нея, но не достигъ ея. Тѣмъ не менѣе, имя его для русскаго духовенства было не только извѣстно, но звучало какимъ-то страшилищемъ. Всякій архіерей и всякій петербургскій священникъ знали, что Андрей Николаевичъ вхожъ къ высшимъ іерархамъ и боялись его. Въ церковь онъ ходилъ и молиться, и повѣрять чинъ богослуженія; за чинонарушеніе онъ бранилъ священника и я думаю, что главною причиною, почему А. Н. Муравьевъ никогда не достигъ своей жизненной цѣли, былъ именно страхъ его имени между попами, и хотя Филаретъ московскій его жаловалъ своимъ расположеніемъ и давалъ ему помѣщеніе, чуть-ли не свои покои, въ домѣ Троицкаго подворья, на Фонтанкѣ, но надо полагать, что онъ первый подалъ бы голосъ противъ назначенія Муравьева на оберъ-прокурорское въ сѵнодѣ мѣсто—по той причинѣ, по которой у насъ такъ много способныхъ людей отстранялось отъ высшихъ постовъ на службѣ: онъ былъ безпокойный человѣкъ.

Я помню А. Н. Муравьева въ нашей приходской церкви, у Сѵмеона, въ алтарѣ. Ни діаконъ, ни священникъ не забывали никогда ему *особо* покадить и всякій

разъ, какъ стоялъ въ алтарѣ Муравьевъ, служба была куда строже, чѣмъ безъ него...

Въ этой церкви бывалъ другой замѣчательно типичный старикъ, графъ Комаровскій — сѣдой и тоже рослый старикъ. Онъ стоялъ за амвономъ и раза три за обѣднею вспоминалъ позабытыхъ имъ въ поминальныхъ запискахъ, которыя приносилъ священнику въ алтарь для вынутія просфоры, и всякій разъ бѣгалъ въ алтарь для дополнительнаго поминовенія. Муравьевъ называлъ эту троекратную бѣготню графа Комаровскаго троекратными путешествіями капитана Кука и говорилъ, когда кто опаздывалъ въ церковь: какъ не стыдно, капитанъ Кукъ уже свершилъ второе путешествіе.

Я упомянулъ имя графа Комаровскаго.

Вотъ тоже была оригинальная и типичная личность.

Я съ нимъ часто видался у пріятельницы его, одной изъ умнѣйшихъ женщинъ того времени, моей тетушки, княжны С. И. Мещерской, и послѣ никогда не встрѣчалъ подобнаго ему образованнаго и начитаннаго человѣка. Своимъ образованіемъ онъ воспользовался, чтобы лично воспитать и обучить всѣхъ своихъ дѣтей—а у него ихъ было много,—и въ тоже время онъ успѣвалъ, какъ цензоръ иностранной печати, прочитывать массу книгъ, и не взирая на старость, онъ все читалъ съ увлеченіемъ юноши, и отчетливо помнилъ все то многое и разнообразное, что читалъ.

Подъ конецъ жизни съ нимъ случилось курьезное явленіе. Какъ цензоръ, онъ такъ много долженъ былъ читать книгъ противъ христіанства, что, какъ тогда говорили, онъ сталъ колебаться и сомнѣваться въ своей давнишней твердой вѣрѣ. Это сомнѣніе стало его озабочивать и мучить до такой степени, что онъ къ каждому

близкому человѣку обращался съ своими вопросами сомнѣнія. Покойный Тютчевъ, бывши тогда предсѣдателемъ того комитета иностранной цензуры, гдѣ гр. Комаровскій былъ членомъ, разсказывалъ, что бѣдный графъ Комаровскій даже къ экзекутору комитета обращался съ теологическими вопросами, и уходилъ отъ него смущенный тѣмъ, что этотъ экзекуторъ признавалъ такіе вопросы до него не касавшимися. По этому поводу Тютчевъ сказалъ прелестное слово: ce pauvre Komaroffsky,—сорвалось у него однажды съ языка, какъ всегда, какъ будто нечаянно,—il veut décider la question de l'immortalité de l'ame par le suffrage universel (бѣдный Комаровскій, онъ хочетъ рѣшить вопросъ о безсмертіи души посредствомъ всеобщаго голосованія).

Семью Тютчевыхъ я помню съ дѣтства, какъ одну изъ самыхъ близкихъ къ нашей семьѣ и прежде къ карамзинской семьѣ. Душой и сердцемъ этой семьи была прелестная Эрнестина Ѳедоровна, вторая жена Ѳ. И. Тютчева, поэтичная и высокая женщина, въ которой умъ, сердце, и прелесть женщины сливались въ одно гармоничное и граціозное цѣлое... Самъ Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ былъ чѣмъ-то въ родѣ витающаго духомъ въ своей семьѣ... Онъ всюду казался случайно залетѣвшею птичкою и дома въ своей прекрасной и симпатичной семьѣ тоже... Изъ многихъ оригинальныхъ типовъ той епохи, мною видѣнныхъ, Ѳ. И. Тютчевъ помнится мнѣ какъ самый оригинальный.

Онъ былъ олицетвореніемъ и осуществленіемъ поэта въ жизни: реальная проза жизни для него не существовала... Онъ жизнь свою дѣлилъ между поэтическими и между политическими впечатлѣніями и, отдаваясь имъ, онъ могъ забывать время, мѣсто и подавно такія прозаи-

ческія вещи, какъ ѣду, сонъ или такія стѣсняющія свободу вещи, какъ аккуратность, дисциплина, придворный этикетъ... Про него разсказывали два характерныхъ эпизода. Одинъ,—когда, будучи временно начальникомъ миссіи гдѣ-то въ Италіи, онъ забылъ о ней, по разсѣянности ключъ отъ ея дверей засунулъ въ карманъ и отправился гулять по Европѣ, никого не спросивши и никого не предупредивши. Пришлось искать ключъ отъ квартиры миссіи и самого Тютчева, пропавшаго безъ вѣсти, искать, пока недѣли черезъ три онъ самъ не вспомнилъ, что брошенная имъ миссія, вѣроятно, его ищетъ... Другой эпизодъ,—когда гдѣ-то за гроницею онъ до того занемогъ, что долженъ былъ слечь въ постель и послать за докторомъ, который обнаружилъ, что Тютчевъ собирался умереть съ голода, потому что въ политическихъ волненіяхъ того времени совсѣмъ забылъ, что надо ѣсть... Эта необходимость стѣсняться образомъ жизни на дипломатической службѣ заставила его ее бросить, и продолженіемъ его служебной карьеры оказалось то мѣсто предсѣдателя комитета иностранной цензуры, на которомъ онъ и остался до кончины, и гдѣ одно время при Тютчевѣ было царство поэзіи: Тютчевъ—предсѣдатель, и А. Н. Майковъ и Полонскій—члены...

Свои прелестные стихи, какъ и свои прелестныя слова Тютчевъ ронялъ, какъ цвѣты мгновеннаго вдохновенія... Онъ не зналъ, что значитъ сочинять стихи; они создавались въ ту минуту какъ созвучіемъ нужно было высказать мысль или чувство, наскоро онъ набрасывалъ ихъ на клочкѣ бумаги, и затѣмъ ронялъ, позабывая о нихъ, на полъ, а жена его подбирала; или онъ вдругъ импровизировалъ, а жена его записывала выливавшіяся изъ души его мысли и чувства въ стихахъ. Какъ-то разъ,

вернувшись домой подъ проливнымъ дождемъ, Тютчевъ стоялъ въ своемъ кабинетѣ, терпѣливо глядя, какъ камердинеръ подъ надзоромъ жены снималъ замоченный сюртукъ... Стоитъ и съ устъ его падаютъ тѣ прелестные стихи: «Слезы людскія», которыя онъ такъ поэтично уподоблялъ каплямъ дождя.

Точно также падали съ устъ его умныя слова.... Онъ говорилъ медленно, изящно и спокойно... Но тогда, когда его задѣвали за живое русское чувство, или когда кто нибудь его раздражалъ своими сужденіями, онъ выходилъ изъ себя и говорилъ съ огнемъ... Образецъ первой рѣчи: одного изъ сановниковъ при немъ бранили, Тютчевъ, когда смолкли рѣчи, сказалъ медленно и спокойно: oui, c'est un lion, je dis lion, pour dire que c'est le roi des animaux. Образецъ второй рѣчи, оживленной: Тютчевъ слушаетъ одного князя, говорящаго либеральныя глупости, слушаетъ, и я вижу, что его коробятъ глупыя слова, онъ ежится, ворочается въ креслѣ, морщится и, наконецъ, когда ему стало не въ мочь, онъ вскакиваетъ... и, обращаясь къ собесѣднику, восклицаетъ: ah, cher prince, si vous pouviez apprècier la sottise de vos inspirations, vous nous en feriez grace... (О, дорогой князь, если бы вы могли оцѣнить глупость вашего вдохновенія, вы бы насъ пощадили). Бѣдный князь-ораторъ долженъ былъ проглотить этотъ возгласъ старика Тютчева.

Когда князь Вяземскій написалъ свое прелестное стихотвореніе «Русскій Богъ», Тютчевъ сказалъ: il faut avouer pourtant que les fonctions du Русскій Богъ ne sont pas une sinécure. Тютчевъ любилъ солнце; помню какъ вчера его живописную позу, на Невскомъ проспектѣ, лѣтомъ, въ сильнѣйшій зной, онъ сидитъ развалившись на скамейкѣ дворника, у дома армянской церкви, гдѣ

онъ жилъ, на панелѣ, и читаетъ газеты. Помню тоже, какъ, уходя отъ меня однажды вечеромъ, онъ беретъ первую попавшуюся шубу и говоритъ лакею: все равно, скажите хозяину этой шубы, что я ее принялъ за свою. Его камергерскій мундиръ былъ очень поношенъ; ему говорятъ по-французски: да сшейте себѣ новый мундиръ, Государь васъ замѣтитъ и обидится.

— Mais l'Empereur m'a deja vu dans cet uniforme,— отвѣчаетъ Тютчевъ.

— Et il ne vous a rien dit?

— Rien, il m'a seulement regardé avec mélancholie.

Тютчевъ былъ глубоко русскій человѣкъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, и въ тоже время глубоко искренный. Оттого онъ ненавидѣлъ либерализмъ того времени, потому что считалъ его космополитизмомъ и совсѣмъ не русскимъ; а въ силу его глубокой искренности онъ не зналъ, что значитъ неискренняя рѣчь... При Дворѣ, гдѣ Императрица Марія Александровна его очень цѣнила, онъ говорилъ такъ же мало стѣсняясь въ своей искренности, какъ у себя дома...

Въ этомъ отношеніи его три старшія дочери, а въ особенности старшая Анна Ѳедоровна, вышедшая потомъ за И. С. Аксакова, были достойными его дѣтьми. Императрица Марія Александровна, когда она была Цесаревною, выбрала себѣ двухъ замѣчательныхъ по уму и по качествамъ фрейлинъ, княжну А. С. Долгорукову, потомъ вышедшую замужъ за Альбединскаго, и А. Ѳ. Тютчеву; второй потомъ поручено было воспитаніе Великой Княжны Маріи Александровны. Искренность и правдивость этой умной женщины была замѣчательна. Чадъ, чары и ядъ Двора до нея не только не касались, но не доходили близко. Не то что словами, но улыбкою, глазами она не

умѣла выразить то, что не думала, а зато, что думала, она высказывала всегда и вездѣ прямо и безбоязненно. Сколько разъ я помню въ мои молодые годы приходилось на царскосельскихъ вечернихъ собраніяхъ слышать, какъ говорила А. Ѳ. Тютчева; бывало она, склонивъ голову и глядя на скатерть, такія вещи вызсказывала въ правдивой рѣчи, что съ одной стороны и страхъ бралъ, ибо Государь слышалъ эти рѣчи, и смѣхъ бралъ при видѣ испуганныхъ этою правдою физіономій царедворцевъ; но Государь искренно любилъ и уважалъ Анну Ѳедоровну Тютчеву и не стѣснялъ ея свободы рѣчи; я не замѣчалъ, чтобы онъ сердился, хотя иногда онъ отвѣчалъ ей колкости. У Государя было то, что французы называютъ la repartie vive, и въ долгу Онъ передъ Анною Ѳедоровною никогда не оставался... Но Анна Ѳедоровна была чудною личностью не этимъ, а тѣмъ, что черезъ нея, черезъ ея теплое благородное сердце проходило и доходило до Царей столько жизненной правды въ видѣ людскихъ несчастій, что нельзя было ее не любить и не благословлять какъ добраго генія при Дворѣ... Сколькимъ она помогла! Сколькихъ она спасла...

XXX.

(1863 годъ).

Князь В. А. Долгоруковъ, графъ А. К. Толстой и графиня А. Д. Блудова.

Достойно вниманія лѣтописца то обстоятельство, что когда душою III отдѣленія былъ такой страшный человѣкъ, какъ Дубельтъ, тогда оно было страшно и устрашало настолько, что бороться съ нимъ рѣшались немногіе изъ либераловъ.

Когда же во главѣ этого III отдѣленія очутился такой человѣкъ, какъ генералъ-адъютантъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, тогда оно приняло окраску чего-то мягкаго и любезнаго, какимъ былъ самъ князь, и перестало быть страшнымъ. Надъ домомъ шефа жандармовъ пересталъ мерещиться грозный образъ Дубельта, съ поднятымъ угрожающимъ кулакомъ, и смѣнило его сладкое видѣніе — добраго съ милою улыбкою лица князя Василія Андреевича. И тогда, во исполненіе печальнаго закона человѣчества, всѣ крайніе либералы воспользовались этою доброю и честною личностью, чтобы храбро свершать свои походы въ область соціализма и записываться въ политическіе дѣятели.

Личность этого государственнаго человѣка, сдѣлавшаяся главнымъ въ первый періодъ царствованія Императора Александра II, во многихъ отношеніяхъ заслуживала самаго сочувственнаго вниманія. Онъ былъ полнѣйшимъ олицетвореніемъ не только вельможи стараго

благороднаго закала, но необыкновенно деликатнаго человѣка. Нѣкоторые говорили про него, что онъ былъ простъ умомъ, но этого никакъ нельзя было про него сказать; напротивъ, у него былъ тонкій и быстро охватывавшій умъ, но главный недостатокъ этого ума былъ тотъ, что онъ не умѣлъ сосредоточиваться и углубляться въ предметы, а предпочиталъ скользить по поверхностямъ вопросовъ. Это былъ общій, такъ сказать, недостатокъ его ума; а затѣмъ, для шефа жандармовъ умъ его имѣлъ тотъ недостатокъ, что онъ слишкомъ подчинялся его доброму сердцу и той деликатности, про которую я сейчасъ писалъ.

Привѣтливая, добрая и благородная улыбка никогда не покидала князя Василія Андреевича, даже тогда, когда отъ него требовали, чтобы онъ являлся грознымъ представителемъ своего страшнаго вѣдомства. А улыбка эта была отраженіемъ его постоянно свѣтлаго и привѣтливаго настроенія духа. Изъ разговора съ нимъ получалось впечатлѣніе, что умъ князя Василія Андреевича никакъ не могъ усвоить себѣ представленіе о какомъ-либо подлецѣ, или о какомъ-нибудь зломъ политическомъ преступникѣ. Онъ не понималъ ни нравственнаго уродства, ни жизни, посвященной преступному замыслу. Онъ не вѣрилъ ни въ полноту преступнаго замысла, ни въ полноту испорченности человѣка, и все, что до него доходило, онъ торопился относить насчетъ увлеченія, на счетъ заблужденія, и гораздо больше боялся строгости на своемъ мѣстѣ, чѣмъ опасности отъ политическихъ злоумышленниковъ, и ни разу—это можно навѣрное сказать—не останавливался на мысли, что будь онъ строгъ въ извѣстныхъ случаяхъ, или допусти онъ строгость, — онъ, вѣроятно, спасъ бы Россію отъ ужасной послѣдующей эпохи политическаго

растлѣнія. На бѣду тогда былъ цѣлый тріумвиратъ мягкости, коего центръ былъ князь В. А. Долгоруковъ: онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и министръ юстиціи Замятинъ. Передъ этимъ тріумвиратомъ Муравьевъ въ Вильнѣ и графъ Бергъ въ Варшавѣ являлись какими то страшными звѣрями Апоколипса, Валуевъ былъ помѣшанъ на своей idée fixe, что полнота оркестра требуетъ и рѣзкихъ звуковъ того или другого инструмента (это были будущіе анархисты). Замятинъ все говорилъ: «надо помягче, надо помягче», а тогдашній шефъ жандармовъ усовѣщевалъ Огрицко во имя порядочности. И какъ будучи военнымъ министромъ при Императорѣ Николаѣ, князь Василій Андреевичъ Долгорукій никакъ не могъ себѣ представить мысли о возможности пользоваться войною, чтобы набивать себѣ карманы, и, вслѣдствіе этого, кражи и хищенія интендантства доходили до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ и въ царствованіе Алекрандра II онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы люди захотѣли воспользоваться добротою и довѣріемъ Государя къ либерализму для обращенія его въ оружіе противъ самого Государя, и этимъ именно пользовались люди, чтобы работать смѣло и дружно противъ власти и порядка.

И на бѣду, врагъ по своему характеру всякихъ энергическихъ мѣръ противъ начавшейся тогда заразы соціализма, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ являлся въ то же время союзникомъ Валуева въ его борьбѣ противъ Муравьева и русской партіи въ польскомъ вопросѣ; это было неизбѣжное послѣдствіе его кроткаго и миролюбиваго характера: не одобряя крутыхъ мѣръ противодѣйствія, какъ шефъ жандармовъ, въ области политическихъ дѣлъ, князь В. А. Долгоруковъ не симпатизировалъ и крутымъ мѣрамъ Муравьева въ Вильнѣ, какъ бы разумны онѣ ни

были, и какъ бы ни были и очевидны благіе ихъ результаты. Этимъ Валуевъ и пользовался, чтобы въ своемъ ратоборствѣ противъ Муравьева окрылиться поддержкою князя Долгорукова, и благодаря именно этому сталъ возможенъ фактъ, что такъ скоро, послѣ блестящихъ успѣховъ Муравьева, Валуеву удалось ему сломать шею. Этому же тогда помогъ и начинавшій выступать въ роли государственнаго человѣка графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Онъ былъ въ роли Дубельта при князѣ Долгоруковѣ. Потомъ мнѣ стало казаться, что по отношенію политической терпимости князя Долгорукова, какъ шефа жандармовъ, графъ Шуваловъ держался принципа laisser faire, ибо съ тонкимъ и дальновиднымъ умомъ онъ, вѣроятно, отлично понималъ, что прійдетъ часъ, когда доброта князя Долгорукова окажется слабостью, и вызоветъ нужду въ человѣкѣ болѣе энергичномъ, чѣмъ князь Долгоруковъ, на постѣ шефа жандармовъ, и тогда онъ могъ быть на готовѣ; но относительно Муравьева и польскаго вопроса, несомнѣнно, Валуевъ потому находилъ въ князѣ Долгоруковомъ такого могущественнаго протектора и союзника, что за спиною князя стоялъ энергичный, умный и даже страстный въ этомъ вопросѣ противникъ Муравьева въ лицѣ графа Шувалова.

При Дворѣ тогда, какъ я говорилъ, это мягкое направленіе очень сильно брало верхъ надъ тѣмъ, которое въ Муравьевѣ находило геніальнаго борца за русскую народность и за русское единодержавіе. Борьба была неровная, ибо за Муравьева въ то время были только двѣ женщины, Анна Федоровна Тютчева и графиня Блудова, послѣ кончины отца пожалованная въ камеръ-фрейлины и переѣхавшая во дворецъ. Императрица, не смотря на этихъ двухъ близкихъ къ ней женщинъ, была поколе-

блена сильными вліяніями придворныхъ политикановъ противъ Муравьева. Я назвалъ князя Суворова, но онъ былъ недостаточно уменъ, чтобы имѣть сильное вліяніе; онъ только громко кричалъ и ругался, а тутъ же были люди умные, коихъ космополитическое вліяніе было гораздо сильнѣе Суворовскаго. Два графа Шувалова, отецъ графъ Андрей Петровичъ и сынъ его графъ Петръ, затѣмъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, затѣмъ Мраморный дворецъ; тутъ же Иванъ Матвѣевичъ Толстой, баронъ Ливенъ, постоянные habitué Государя, графъ Віельгорскій, затѣмъ, съ своими острыми шутками князь Вяземскій и, наконецъ, графъ Алексѣй Толстой, одинъ изъ друзей Государя, имѣвшій за собою право всегда правдиваго и всегда смѣлаго и откровеннаго голоса. Еще ближе подходило вліяніе вступившей тогда въ положеніе приближенной Императрицы, женщины умной и живой, Анастасіи Николаевны Мальцевой, урожденной княжны Урусовой, и вотъ всѣ эти лица вмѣстѣ представляли при Дворѣ силу, противодѣйствовавшую съ одной стороны общественному мнѣнію, крѣпко поддерживавшему, съ Катковымъ во главѣ, Муравьева, а съ другой стороны, такимъ одинокимъ представителямъ русскаго настроенія, какъ были графиня Блудова и А. Ф. Тютчева.

Я назвалъ графа Алексѣя Толстого. Я съ нимъ тогда познакомился. Это былъ интересный и очаровательный типъ, но въ то же время, съ перваго дня, когда я съ нимъ познакомился, я чувствовалъ полную невозможность свои карамзинскія убѣжденія примирять съ мыслями и убѣжденіями графа А. К. Толстого.

Это былъ идеалъ благородства, правды и искренности; объ его честности и говорить нечего; но именно вслѣдствіе этихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, какъ

тогда, такъ и послѣ, никто, ни одинъ изъ его друзей и никакіе уроки событій не могли совладать съ его оригинальными историческими міровоззрѣніями, которыя онъ любилъ, какъ культъ поэта и какъ вѣроисповѣданіе своего собственнаго политическаго катехизиса, съ фанатизмомъ горячей души и съ убѣжденіемъ, что въ нихъ отражаются всѣ идеалы нравственности, и что идеалы эти другихъ проявленій, какъ именно такихъ политическихъ убѣжденій имѣть не могутъ и перестаютъ быть идеалами, какъ только соединяются съ узкими, по его понятіямъ, задачами народности, православія и т. д. Его главною духовною стихіею была свобода, опять-таки въ идеальномъ значеніи этого слова, и въ этомъ культѣ свободы онъ, когда переходилъ на почву практическую, самымъ искреннимъ и теплымъ образомъ предпочиталъ многое на Западѣ Европы многому русскому только потому, что тамъ находилъ больше уваженія къ свободѣ, чѣмъ у насъ. Съ молодости его свобода перестала мириться съ мундиромъ. Онъ оставилъ блестящую карьеру флигель-адъютанта и оставилъ Дворъ, хотя остался при Государѣ и при Императрицѣ на положеніи друга.

Я назвалъ графиню Блудову.

Графиня Антонина Дмитріевна Блудова была одною изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ своего времени. При жизни ея отца, графиня была душою Блудовской гостиной, гдѣ собирались всѣ тѣ русскіе люди, которые мало интересовались свѣтскими салонными сплетнями или чиновничьими вопросами. Кромѣ того, дверь Блудовской гостиной была широко открыта для братьевъ-славянъ, и спеціально, разумѣется, для тогдашнихъ славянофиловъ.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, сколько я его помню, былъ мало сообщительный человѣкъ. Онъ любилъ

паче всего свой рабочій кабинетъ, свои кабинетныя работы, и въ промежутки между многочисленными дѣлами не любилъ вставлять свѣтскую жизнь. Вотъ почему душею его гостиной была его дочь. Богъ далъ ему прекрасную старость и прекрасный конецъ. Онъ скончался тихо и безболѣзненно и непостыдно мирно, если не ошибаюсь, 19 февраля, годъ спустя послѣ великаго 19 февраля, славословя и благословляя этотъ день своею русскою, благолюбивою душою.

Какъ я говорилъ, послѣ кончины своего отца, графиня Антонина Дмитріевна переѣхала на жительство въ Зимній Дворецъ... Тамъ ея жилище стало средоточіемъ для всѣхъ живыхъ русскихъ людей, и для всѣхъ жизненныхъ вопросовъ. Странное впечатлѣніе испытывалъ тотъ, кто попадалъ въ это жилище жизненной правды... въ одномъ изъ коридоровъ Зимняго Дворца... Кругомъ въ этомъ Дворцѣ все жило и волновалось злобами дня міра придворнаго; крошечные вопросики его тутъ казались громадными вопросами; интрига и сплетня, какъ культъ, имѣли свои храмы въ разныхъ углахъ громаднаго Зимняго Дворца и вдругъ, посреди всего этого вѣчно бушующаго моря, вы входите въ гостиную графини Блудовой и тамъ вы сразу видите и слышите, что тутъ все кипитъ самыми животрепещущими вопросами русской жизни, между которыми нѣтъ мѣста для малѣйшей сплетни, для малѣйшей интриги. Съ утра до поздняго вечера эта гостиная графини Блудовой была открыта для каждаго, кому нужно было подѣлиться русскими чувствами... Всѣхъ помню въ этой гостиной, но не запомню встрѣчи съ дипломатами, съ поляками и съ нѣмцами... Помню я тамъ встрѣчи съ умными москвичами, съ славянофилами и съ профессорами; помню я тамъ всякихъ славянъ, помню встрѣчи съ мировыми по-

средниками, помню русскихъ дѣятелей изъ Западнаго края, помню офицериковъ и генераловъ, помню священниковъ, помню въ особенности ту живую и никогда не истощавшуюся бесѣду о вопросахъ тогдашняго времени, гдѣ каждый говорилъ, давая волю своей душѣ своему сердцу; помню чистодушную улыбку милой графини-хозяйки, отражавшую радость, когда она, какъ русская, чему-нибудь радовалась, чѣмъ-нибудь гордилась, помню и эти чудныя слезы, которыя подчасъ катились по ея лицу отъ состраданія къ чужому горю, отъ боли за русскую бѣду; помню, какъ, побывавъ въ этой гостиной, уносилъ съ собою въ душѣ впечатлѣнія о чемъ то ободряющемъ и вдохновляющемъ добромъ для жизни.

Да, это была замѣчательная въ петербургскомъ свѣтѣ русская женщина. Она жила только любовью къ Россіи. Всякій день эта любовь создавала для нея новыхъ духовныхъ братьевъ, новыхъ духовныхъ дѣтей, новыхъ друзей, и все, гдѣ ея отзывчивое сердце находило русскій вопросъ чести или пользы, она принимала къ сердцу и переносила въ свою гостиную, какъ свою собственную душевную заботу.

Она вѣрила въ русскаго человѣка, душою никогда не лгавшею ни себѣ, ни людямъ, ни Богу, и что удивительнаго, если вслѣдствіе этого честные труженики русскаго дѣла чувствовали себя у нея, какъ дома, а нечестные вслѣдствіе этого же ее обманывали. Быть обманутымъ— это удѣлъ такихъ прекрасныхъ личностей. Никого такъ часто не обманывали, какъ Татьяну Борисовну Потемкину; никого такъ часто не обманывали, какъ графиню Блудову; но нельзя было не благоговѣть передъ такими женщинами, потому именно, что эти обманы ни на іоту не разочаровывали и не охлаждали ихъ къ своему прекрасному жиз-

ненному дѣлу; они помнили, что грѣшно изъ-за одного обманувшаго недовѣрить десяти обращающимся къ нимъ искренно.

Я сказалъ, что не помню въ гостиной графини Блудовой поляковъ, нѣмцевъ и дипломатовъ. Это не полная характеристика, для полности ея надо прибавить, что тамъ нельзя было найти свѣтскаго пустомелю и тогдашнихъ нашихъ hommes d'état. Имъ гостиная графини Блудовой была не по вкусу своею откровенностью въ обращеніи съ государственными вопросами, а потому они избѣгали ее, сколько помню; избѣгали ее тоже и наши владыки, изъ *мудраго* опасенія показаться начальству слишкомъ преданными православію и недостаточно преданными оберъ-прокурорству.

Какъ счастлива была милая и добрая Татьяна Борисовна Потемкина, когда Богъ ей послалъ увидѣть осуществленіе ея главной мечты: возсозданія и возрожденія во всей славѣ и красѣ его свято-горской обители, этого огромнаго пріюта молитвы и труда въ Харьковской губерніи; помню тоже, какъ счастлива была графиня Антонина Дмитріевна Блудова тѣмъ, что Богъ ей далъ въ Острогѣ Волынской губерніи, осуществить святую мечту и создать кирилло-меѳодіевское братство, во славу русскаго дѣла и православной церкви.

Наши великосвѣтскіе скептики, все смѣялись надъ ней: la comtesse Bloudoff avec son братство, подшучивали они; однако, какое прекрасное, живое и живительное учрежденіе она одна, своею энергіею, своею любовью, и своею вѣрою сумѣла и на другой день повстанія создать, поставить, повести и вдохновить на Волыни, привлекая сотрудниковъ не орденами и чинами, а только сочувствіемъ къ дѣлу и вѣрою къ себѣ.

Запомнилъ одинъ моментъ на вечерѣ въ Китайской гостиной у Ихъ Величествъ въ эту осень, вызвавшій во мнѣ глубокія впечатлѣнія, и гдѣ главнымъ страдательнымъ лицомъ была бѣдная и милая графиня Блудова. Она только что вернулась изъ своего имѣнія въ Смоленской губерніи, и полна была впечатлѣніями отъ новаго крестьянскаго житья-бытья, на которое она глядѣла очами своей прекрасной души. Сидѣла она за главнымъ чайнымъ столомъ, неподалеку отъ Императрицы, и въ извѣстную минуту съ нею рядомъ сѣлъ Государь.

Государь началъ ее разспрашивать про ея поѣздку въ деревню, и я вижу, какъ во время разговора лицо графини какъ бы озаряется какимъ-то вдохновеніемъ сердца, и какъ затѣмъ капнули изъ глазъ двѣ, три слезинки умиленія, то была минута, когда она говорила Государю о благодарности къ нему народа.

Государь слушалъ ее, потомъ я вижу, какъ Его свѣтлое и доброе лицо вдругъ отуманилось и съ грустью въ глазахъ и на челѣ, смѣнившей улыбку, онъ говоритъ графинѣ Блудовой: ah chère comtesse, c'est de l'idylle.

Графиня смутилась, и даже испугалась.

— Comment de l'idylle, c'est la pure vérité, pouvez vous douter de la reconnaissance du peuple russe?

— Helas,—съ тою же грустью отвѣчаетъ Государь,— je ne crois plus à la reconnaissance humaine.

Бѣдная графиня, собиравшаяся обрадовать, тронуть, утѣшить Государя, въ этотъ годъ не мало пострадавшаго, была въ этотъ вечеръ какъ убитая словами Государя. Ее мучила мысль, сколько же долженъ былъ перестрадать бѣдный Государь, если такъ рано и такъ скоро онъ могъ прійти къ такому разочарованію. И дѣйствительно, во многомъ онъ долженъ былъ обмануться, многое должно

было его глубоко огорчить, если вспомнить, что два года передъ тѣмъ, сіяя восторженною радостью, онъ сказалъ 19 февраля 1861 г. Аннѣ Федоровнѣ Тютчевой: aujourd'hui c'est le plus beau jour de ma vie.

Я остановился долго на графинѣ Блудовой.

Дѣло въ томъ, что, войдя въ ея гостиную, я, несмотря на свою молодость, почувствовалъ и понялъ, что эта гостиная имѣла въ то время историческое значеніе. Въ тогдашнемъ водоворотѣ мыслей, стремленій, увлеченій, проектовъ, партій, интригъ—гостиная эта имѣла характеръ мирной пристани, въ которой люди изъ разныхъ концовъ Россіи, разныхъ положеній, разныхъ взглядовъ встрѣчались и сближались во имя высшихъ государственныхъ идей, во имя идеаловъ, и получали извѣстныя впечатлѣнія, дававшія мыслямъ направленіе, вопросамъ—разрѣшеніе. Не разъ мнѣ приходилось убѣждаться, что благодаря гостиной графини Блудовой, благодаря ей, люди изъ провинціи чувствовавшіе себя совсѣмъ одинокими, совсѣмъ потерянными, находили въ этой гостиной нѣчто въ родѣ родного дома, и тамъ получали самое дорогое благо для жизни труженика—бодрость духа и сердечную теплоту...

И дѣйствительно, когда какой-нибудь пріѣзжій въ Петербургъ русскій дѣятель изъ провинціи, объѣхавъ всѣ департаменты и канцеляріи съ ихъ ледниками равнодушія и квіэтизма, разочарованный, усталый, вдругъ находилъ въ корридорѣ Зимняго двора гостиную, гдѣ не смѣялись надъ его мечтами служить Россіи, надъ его порывами молодой любви къ этой Россіи, но гдѣ встрѣчали его отрадно, съ ласкою и ободреніемъ, гдѣ онъ оправлялся и снова начиналъ вѣрить въ людей; а случалось это много разъ,—то, понятно, что онъ такую русскую женщину благословлялъ.

XXXI.

(1863 годъ).

6 декабря 1863 года.—Цесаревичъ, графъ С. Г. Строгановъ и графъ Б. А. Перовскій.—Два брата.

Утро 6 декабря было для меня памятно.

Наканунѣ я видѣлъ Цесаревича на катаньи въ Таврическомъ саду и спросилъ его: когда можно будетъ его на другой день поздравить.

— Приходите утромъ ко мнѣ кофе пить, — отвѣтилъ Цесаревичъ,—запросто; вамъ пріятнѣе будетъ въ нашемъ маленькомъ кругу.

Въ 8 часовъ утра я явился. За столомъ были только братья Цесаревича и воспитатели.

Тутъ Цесаревичъ мнѣ сказалъ: если хотите побесѣдовать, приходите вечеромъ послѣ 10; если я не въ театрѣ, то я дома...

Цесаравичъ жилъ въ павильонѣ между Эрмитажемъ и главнымъ зданіемъ Зимняго Дворца и занималъ три комнаты, весьма скромно обставленныя, посреднѣ была большая гостиная, направо кабинетъ, а налѣво спальня. День его проходилъ въ извѣстномъ порядкѣ. Вставалъ онъ рано; въ 8 часовъ былъ уже одѣтъ и пилъ кофе. Затѣмъ, все утро дѣлилось между занятіями съ профессорами и слушаніемъ въ иные дни докладовъ министровъ у Государя, затѣмъ шелъ завтракъ и прогулка до обѣда. Послѣ

обѣда занятія, чай вечерній у Императрицы, или вечеръ въ театрѣ.

Приглашеніемъ Цесаревича я воспользовался раза четыре. Бесѣдовали мы втроемъ: Цесаревичъ, Его Братъ Александръ Александровичъ и я грѣшный...

Предметомъ бесѣдъ была политика. Прелесть ихъ заключалась въ томъ, что всякій вопросъ живо интересовалъ обоихъ собесѣдниковъ, и взгляды Цесаревича на русскіе вопросы всегда отражали въ немъ такой образъ мыслей, гдѣ никогда не звучалъ ни одинъ диссонасъ, гдѣ никогда не слышалось ни сомнѣнія, ни шаткости, ни вліянія тогда сильнаго космополитизма.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ умственной личности Цесаревича. Развитіе его было, какъ всѣ тогда замѣчали, въ умственномъ отношеніи замѣчательное, а тогда ему было всего 20 лѣтъ. Главною причиною этого изумительнаго развитія была, разумѣется, его даровитость, соединенная съ тонкимъ умомъ и очень воспріимчивою натурою. Кромѣ того, онъ умѣлъ слушать, а эта способность столь же цѣнная и рѣдкая, какъ даровитость...

Правда, и воспитаніе его, въ послѣдніе годы въ особенности, велось благодаря графу Строганову въ полной гармоніи съ его дарованіями и въ полное удовлетвореніе высокихъ требованій, предъявлявшихся къ Наслѣднику Престола, какъ ихъ понималъ такой свѣтлый и живой умъ, какъ графа Строганова...

Воспитательная школа Цесаревича, насколько я съ нею познакомился изъ разсказовъ самого Великаго Князя въ то время и изъ другихъ источниковъ, была весьма разнообразна.

Первыми воспитателями его были генералъ-адъютантъ

Николай Васильевичъ Зиновьевъ, съ двумя помощниками, генераломъ Гоголемъ и генераломъ Казнаковымъ. Зиновьевъ принялъ Цесаревича на воспитаніе вмѣстѣ съ двумя его братьями, изъ рукъ очень почтенной и хорошей женщины Скрипицыной, къ которой они сохранили сердечное чувство привязанности... Зиновьевъ изображалъ собою идеалъ честнаго человѣка, преданнѣйшаго слуги Государю и вельможи стараго закала... Но въ немъ недоставало двухъ вещей: онъ не имѣлъ педагогическаго ума и въ то же время не имѣлъ способности выбирать людей. Вслѣдствіе этого воспитательное дѣло въ тотъ первый періодъ шло случайно, въ сущности, никѣмъ не веденное и, такъ сказать, вдохновленное только тѣмъ дѣтскимъ уваженіемъ, котораго Царственные Воспитанники не могли не питать къ такому золотому человѣку, какъ Н. В. Зиновьевъ. Какъ разъ въ 1863 году я имѣлъ случай познакомиться съ бывшими помощниками генерала Зиновьева по воспитанію царскихъ дѣтей. Н. Г. Казнаковъ былъ въ то время кіевскимъ губернаторомъ. Въ немъ я нашелъ прекраснаго и симпатичнаго человѣка, но долженъ сказать, что воспитательнаго элемента въ немъ не нашелъ; еще менѣе можно было его найти въ генералѣ Гоголѣ. Это былъ типъ прямолинейнаго, мало культурнаго генерала, въ которомъ съ перваго же раза бросалось въ глаза отсутствіе малѣйшихъ даже признаковъ какого бы то ни было духовнаго разнообразія.

Затѣмъ, въ извѣстный моментъ генералъ Зиновьевъ призналъ нужнымъ создать спеціальную воспитательную часть—учебную. Почему-то ему указали на молодого профессора русской словесности Якова Карловича Грота. Ему поручена была учебная часть. Какъ человѣкъ замѣчательно добросовѣстный, онъ принялся за свою дѣятель-

ность всею своею душой и всѣми своими дарованіями. Онъ составилъ цѣлый учебный планъ для двухъ старшихъ Великихъ Князей, сумѣлъ внушить къ себѣ ихъ довѣріе, и дѣло начало было идти. Но Гротъ, въ свою очередь, имѣлъ существенные недостатки. Онъ совсѣмъ былъ чуждъ той среды, въ которой онъ началъ дѣйствовать; его среда была—ученая среда, и кромѣ того съ молодежью въ этомъ возрастѣ онъ не имѣлъ воспитательныхъ отношеній, такъ что внѣ уроковъ ему было трудно поддерживать живыя воспитательныя связи съ своими учениками. Да и не тотъ былъ нравъ. Гротъ былъ до извѣстной степени педантъ и философъ. Его характеръ и вся его личность не имѣли той оживленной веселости и откровенности, которыя въ молодые годы приманиваютъ къ воспитателю питомцевъ. Какъ бы то ни было, онъ повелъ, какъ я сказалъ, дѣло свое замѣчательно добростѣстно. Но затѣмъ Императрица признала нужнымъ во главѣ ученія Великихъ Князей поставить человѣка съ болѣе высокимъ и авторитетнымъ положеніемъ, и выборъ Ея остановился на одномъ изъ нашихъ дипломатовъ, Владимірѣ Павловичѣ Титовѣ. Это былъ одинъ изъ друзей Карамзинской и нашей семьи. Титовъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, начитаннымъ и умнымъ человѣкомъ, но воспитательнаго элемента и у него не оказалось ни атома. Но такъ какъ онъ былъ самолюбивъ, то захотѣлъ сразу оправдать павшій на него выборъ, и потому принялся за то, что всего хуже въ воспитательномъ дѣлѣ, за сочинительство проектовъ воспитанія, и первымъ послѣдствіемъ Титовской диктатуры въ учебномъ дѣлѣ въ классной Великихъ Князей было то, что скромный и смиренный Гротъ долженъ былъ лишиться той самостоятельности, которую онъ имѣлъ, и подчиниться смутнымъ и сбивчивымъ идеямъ Титова.

Идеи эти Титовъ бралъ отовсюду, не имѣя ихъ въ себѣ, то въ нѣмецкой педагогіи, то во французской, то въ разныхъ вѣяніяхъ современной жизни, а такъ какъ вѣянія въ то время были исключительно либеральныя, а прежде всего проникнуты неуваженіемъ къ преданіямъ старой дисциплины, то время титовскаго учебнаго періода для Великихъ Князей и отразилось извѣстною путаницею въ учебномъ дѣлѣ. Дошла эта путаница до того, что Титовъ, искренно представляя себѣ, что онъ изобрѣлъ геніальную вещь и дошелъ до апогеи въ пониманія вѣка, сочинилъ проектъ особаго учебнаго заведенія—не то гимназіи, не то лицея, въ которомъ Великіе Князья должны были учиться вмѣстѣ съ дворянскими и сановными дѣтьми и и чрезъ это получить общечеловѣческое образованіе. Очевидно, Титовъ эту идею взялъ отчасти и изъ Англіи, отчасти изъ лѣтописей германскихъ университовъ, совсѣмъ забывъ, что такое воспитаніе для Наслѣдника Престола у насъ, по нашимъ нравамъ, во многомъ съ ними не могло согласовываться. И самый переходъ отъ воспитательнаго режима при 3 генералахъ къ воспитанію въ штатской гимназіи — не долженъ ли былъ казаться скорѣе чудачествомъ, какъ фантазія, чѣмъ серьезною мыслію.

Во всякомъ случаѣ, этотъ странный проектъ, какъ и слѣдовало ожидать, не нашелъ ни малѣйшаго сочувствія ни въ Государѣ, ни въ Императрицѣ, и послужилъ только одною изъ причинъ для дискредитированія В. П. Титова, какъ педагога, въ глазахъ избравшей его Императрицы. Ему пришлось думать объ уходѣ, но прежде ушелъ и Гротъ, не сумѣвши, при всей своей уживчивости,—примѣниться къ фантазіямъ и капризамъ Титова...

Послѣдній отошелъ отъ своей должности съ почетомъ

и повышеніемъ, получивъ званіе члена государственнаго совѣта... Послѣ Титова явился Гриммъ, бывшій когда-то инспекторомъ классовъ при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Говорили, что отъ него изошло это указаніе въ то время, когда стали искать преемника Титову... Дѣло въ томъ, что Гриммъ для молодого Константина Николаевича былъ однимъ, а призванный къ Цесаревичу и къ Его брату 20 лѣтъ спустя, послѣ долгаго пребыванія въ Германіи, гдѣ онъ жилъ богатымъ русскимъ пансіономъ, онъ оказался другимъ, и явился съ программою, пожалуй, еще болѣе странною, чѣмъ Титовская, основанной на призваніи всего русскаго негоднымъ для школы Великихъ Князей, какъ педагогическій матеріалъ, вслѣдствіе чего въ основу школы было принято все нѣмецкое: русское онъ называлъ чуть ли не варварствомъ, а нѣмецкое высоко культурнымъ. Такимъ образомъ, Гриммъ началъ съ разрушенія всего Титовскаго и Гротовскаго въ классахъ Великихъ Князей, но царство его продолжалось недолго. Гриммъ не сумѣлъ достичь главнаго: ни привязанности, ни довѣрія, ни уваженія отъ своихъ учениковъ, и послѣ всѣхъ этихъ періодовъ начинавшихся и не кончавшихся системъ воспитанія выборъ Государя палъ, наконецъ, на графа Сергѣя Григорьевича Строганова, котораго сдѣлали полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ воспитанія Цесаревича. Затѣмъ Его два брата были отдѣлены и, взамѣнъ прежнихъ воспитателей, назначенъ былъ къ нимъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій...

Съ назначеніемъ графа Строганова попечителемъ Цесаревича, а потомъ графа Перовскаго къ Его двумъ Братьямъ, кромѣ непосредственной пользы воспитательной, отъ личностей новыхъ воспитателей, достигалось и то существенное благо, что съ ними кончился навсегда

періодъ педагогическихъ надъ молодыми натурами Великихъ Князей опытовъ. Установился правильный, спокойный и прочный порядокъ вещей.

Объ этихъ опытахъ Цесаревичъ говорилъ съ юморомъ.

— Слава Богу, — говорилъ онъ, — всѣ эти опыты и перемѣны лицъ проходили надъ нами довольно поверхностно; мы не успѣвали ни серьезно привязываться къ личностямъ, ни подчиняться ихъ вліянію; однимъ, какъ, напримѣръ, Гроту, — мы симпатизировали, къ другимъ были равнодушны, и слава Богу.

И дѣйствительно, слава Богу, ибо трудно себѣ представить, какія могли бы быть послѣдствія, въ видѣ отраженія на молодыхъ характерахъ Великихъ Князей, если всѣ эти перемѣны въ личномъ составѣ воспитателей и педагогическіе опыты производили бы на нихъ глубокое вліяніе—въ томъ возрастѣ, когда натура такъ воспріимчива и податлива на впечатлѣнія.

В. П. Титовъ, напримѣръ, призвалъ себѣ на помощь Кавелина, знаменитаго тогда цивилиста и политическаго публициста. Безспорно, Кавелинъ былъ почтенный авторитетъ въ наукѣ законовѣдѣнія, онъ могъ быть и прекраснымъ человѣкомъ, но всѣ мы знали въ то время, что этотъ же Кавелинъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, принадлежалъ къ категоріи самыхъ ультра-передовыхъ мыслителей, и изъ того, что говорилъ объ этомъ выборѣ самъ Титовъ, можно было легко понять, что остановился-то онъ на немъ изъ-за популярности этого имени; а популярно это имя было именно въ лагерѣ либеральномъ! Теперь представимъ себѣ, если бы не было такъ, какъ мѣтко характеризовалъ покойный Цесаревичъ характеръ вліянія на нихъ этихъ пробныхъ періодовъ воспитанія, и Кавелину удалось бы получить сильное влія-

ніе на воспріимчиваго и впечатлительнаго юнца-Цесаревича, врядъ-ли изъ этого вышло что-либо хорошее, и во всякомъ случаѣ въ юные его годы положено было бы въ его умъ либеральной фальши на столько, чтобы произвести въ немъ путаницу; а при путаницѣ въ умѣ очень трудно правильное его развитіе и прочное усвоеніе себѣ ясныхъ государственныхъ взглядовъ.

Графъ же Строгановъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что если были какіе-нибудь элементы путаницы въ головѣ его воспитанника какъ остатокъ прежняго періода опытовъ, или если не путаницы, то все же неурядицы, онъ своимъ яснымъ и твердымъ авторитетомъ, уничтожилъ въ зародышѣ всѣ эти элементы неурядицы или сомнѣнія и поставилъ своего воспитанника въ умственномъ отношеніи съ одной стороны такъ твердо на собственныя ноги, а съ другой стороны такъ ясно познакомилъ его со всѣми теченіями политическихъ, такъ сказать, мыслей, что ничего тайнаго, недосказаннаго, или неяснаго, не могло подкрасться въ его душу и колебать втихомолку главные основы мышленія.

Увѣренный въ истинѣ, полновластный хозяинъ въ томъ педагогическомъ мірѣ, который онъ создалъ для Цесаревича, графъ Строгановъ не сомнѣвался ни въ своемъ правѣ имѣть вліяніе, ни въ силѣ своего вліянія, какъ не сомнѣвался онъ и въ невозможности, при ясномъ представленіи, имъ даваемомъ Цесаревичу о бѣломъ и чертомъ, чтобы онъ въ чемъ либо черное принялъ за бѣлое, и доктринѣ или теоріи изъ области тогдашнихъ ходячихъ увлеченій въ области либерализма далъ поколебать основные взгляды или идеалы. Въ этомъ была безмѣрная и неоцѣнимая заслуга графа Строганова; онъ создалъ для Великаго Князя такой спокойный, такой ясный умствен-

ный міръ, и въ тоже время такой широкій, что онъ могъ получать въ немъ умственное развитіе не только богатое и полное, но твердое и совсѣмъ застрахованное отъ опасностей вліянія со стороны или изподтишка.

Ничего не скрывая отъ ума Великаго Князя изъ того, что тогдашнія увлеченія времени и моды противопоставляли всему, что графъ Строгановъ считалъ основными истинами въ политическомъ вѣроученіи, онъ умѣлъ такъ убѣждать своего воспитанника въ истинѣ, и такъ опровергать всѣ покушенія на нее, что правильное умственное воспитаніе Цесаревича дѣлалось безъ малѣйшихъ усилій, совсѣмъ естественно, незамѣтно и въ тоже время прочно.

То серьезною рѣчью—гдѣ логика, опытъ и знаніе были въ графѣ Строгановѣ такъ тѣсно слиты и такъ богаты, то—шуткою, ироніею, сарказмомъ, мѣтко и кстати сказанными, онъ свершалъ свою ежедневную воспитательную задачу, и обращался съ Великимъ Княземъ такъ, что вызывалъ въ немъ и полное довѣріе, и полную откровенность. Между воспитателемъ и воспитанникомъ былъ постоянный обмѣнъ мыслей, и благодаря этому міръ, въ которомъ воспитывалъ графъ Строгановъ вмѣстѣ съ своими помощниками-професорами Цесаревича, былъ замѣчательно живой.

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, воспитатель двухъ Великихъ Князей, Александра и Владиміра, былъ человѣкъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ графъ Строгановъ. Онъ никогда не былъ педагогомъ и долго отказывался отъ предложеннаго ему дѣла, говоря Государю, что признаетъ себя для воспитательнаго дѣла совсѣмъ не подготовленнымъ. Но Государь настоялъ на своемъ выборѣ и былъ правъ, ибо врядъ ли лучшій выборъ онъ могъ сдѣлать; въ то время второго графа Строганова не было, но

за то много было генераловъ, которые взялись бы за это дѣло очень охотно, не имѣя, какъ графъ Перовскій, педагогическй подготовки или способности, но за то не имѣя той замѣчательной души графа Перовскаго, которой, очевидно, Государь зналъ цѣну, настаивая на своемъ выборѣ. Душа эта была идеально честная, рыцарски благородная, теплая и открытая, и въ то же время глубоко русская, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, горѣвшая ко всему доброму и хорошему и ненавидѣвшая все лживое, все нечестное... Благодаря этому, графъ Перовскій создалъ тоже въ мірѣ своихъ питомцевъ спокойный и ясный духовный міръ; въ этомъ мірѣ атмосфера была чистая, здоровая и благородная; она пришлась по душѣ Царскимъ Дѣтямъ, въ ней, подъ начальствомъ опытнаго руководителя московскаго профессора А. И. Чевелева, классное дѣло пошло правильно, а такъ какъ графъ Перовскій горячо полюбилъ и своихъ воспитанниковъ, и рядомъ съ ними Цесаревича, который тоже его полюбилъ, то само собою установилось, что любимый другъ Цесаревича Великій Князь Александръ Александровичъ сталъ вдвойнѣ воспитываться: отдѣльно, подъ руководствомъ своего воспитателя и, рядомъ съ этимъ, посредствомъ дружбы съ своимъ Старшимъ Братомъ, съ которымъ все ближе и тѣснѣе входилъ въ общеніе. Этой двойной, такъ сказать, школѣ Великаго Князя Александра Александровича графъ Перовскій содѣйствовалъ всѣми силами своей любящей и прекрасной души, и она-то, какъ потомъ мы всѣ поняли сыграла свою великую историческую роль.

Графъ Строгановъ готовилъ Цесаревича къ Престолу, а Цесаревичъ готовилъ своего друга и брата къ Его судьбѣ.

Все, что я говорилъ о прекрасныхъ сторонахъ воспи-

тательной школы графа Строганова, сказывалось въ той прелести, которую имѣли такія бесѣды съ Цесаревичемъ, какъ тѣ, которыя мнѣ пришлось съ нимъ имѣть въ зиму 1863—1864 года.

Не то въ нихъ интересно было, не то составляло ихъ прелесть, что онъ такъ бойко владѣлъ своимъ большимъ умомъ, а именно то, что его взгляды на жизнь дышали такою правдою и такимъ ея знаніемъ. Путешествіе по Россіи, совершенное Цесаревичемъ лѣтомъ, въ обстановкѣ небывалой для Наслѣдника Престола, кромѣ того, что открыло ему, что есть люди, и охарактеризовало жизненное различіе между Петербургомъ и провинціею, сдѣлало въ любви его къ Россіи извѣстную метаморфозу, которую можно было выразить такъ: оно изъ абстрактной сдѣлало ее конкретною, и къ разнымъ вопросамъ приблизило его сердце тамъ, гдѣ прежде былъ только умъ. И эти ноты молодого сердца, получившаго во время путешествія по Россіи цѣлый новый контингентъ, такъ сказать, предметовъ для любви и составляли одну изъ главныхъ прелестей нашихъ зимнихъ бесѣдъ. Онъ сталъ къ извѣстнымъ вопросамъ роднымъ и многое изъ русской жизни стало ему роднымъ. Прежде, до путешествія, бывали вопросы, по которымъ если заговоришь, получались отвѣты отъ молодого Цесаревича, въ которыхъ слышалось, что это отзывался его умъ и только, а послѣ его путешествія однимъ умомъ Цесаревичъ пересталъ говорить: во всемъ слышалось біеніе сердца.

Въ эту зиму, присматриваясь ближе къ положенію Цесаревича, которое со всѣхъ сторонъ на первый взглядъ казалось да и было, яркимъ блестящимъ, — я понялъ, насколько въ то же время оно было труднымъ, и какую нравственную выдержку оно отъ него требовало.

Впервые я уразумѣлъ ту трудность въ его положеніи, которая исходила изъ факта, что онъ Наслѣдникъ Престола. Тутъ, при ближайшемъ къ его положенію, къ его внутреннему и внѣшнему мірамъ вниманіи — открывался цѣлый тайникъ самыхъ тонкихъ и едва замѣтныхъ духовныхъ оттѣнковъ, съ которыми надо было ему считаться, и изъ соблюденія коихъ онъ долженъ былъ создавать своимъ чутьемъ и тактомъ цѣлый планъ поведенія. Этотъ міръ оттѣнковъ заключался въ его отношеніяхъ къ Государю. При дворѣ сложилось мнѣніе, что любимымъ сыномъ Государя былъ второй его сынъ, любимцемъ Матери считался Цесаревичъ... Хотя, долженъ признаться, я не видѣлъ въ это время подтвержденія этой первой мысли въ какихъ-либо проявленіяхъ особаго обращенія Государя съ тѣмъ или другимъ изъ Его сыновей; мнѣ казалось, что Государь былъ со всѣми одинаковъ, но въ то же время инстинктивно я сталъ чуять, что блестящее положеніе, создавшееся для Цесаревича всѣми его качествами — и внѣшними и внутренними, обязывало его, какъ Наслѣдника, именно въ массѣ оттѣнковъ избѣгать всего, что могло бы быть комментируемо, какъ замыселъ играть роль, получить значеніе, привлечь къ себѣ популярность. Я чуялъ, что если бы это стало проявляться, то неизбѣжно оно задѣло бы извѣстныя струны деликатности въ Государѣ, и отношенія могли бы отъ этого пострадать въ искренности. Съ своимъ тонкимъ и воспріимчивымъ чутьемъ Цесаревичъ понималъ этотъ міръ не обязанностей, а оттѣнковъ обязанностей— яснѣе, чѣмъ кто-либо. и нельзя было не преклониться передъ тою старательностью и строгостью къ себѣ сердца Цесаревича, съ которымъ онъ себя держалъ вездѣ: дома, въ придворныхъ кружкахъ, въ свитѣ, въ военныхъ

кружкахъ. Нигдѣ никто не видѣлъ Его иначе, какъ скромнымъ, и въ то же время совершенно естественнымъ. А между тѣмъ, припоминая то время и тотъ ореолъ, который его окружалъ, — и провѣряя свои долголѣтнія воспоминанія до сего дня, я долженъ сказать, что никого послѣ него не встрѣчалъ, кто бы имѣлъ такое право именно блистать и доминировать своимъ положеніемъ. А между тѣмъ, именно этого Цесаревичъ себѣ тогда никогда не дозволялъ.

Эта естественная, а въ то же время осмысленная и, такъ сказать, элегантная скромность происходила отъ его внутренняго смиренія, а смиреніе это въ немъ было не дѣланное, не напускное, а естественное, какъ отголосокъ его утонченной порядочности.

И что при этомъ въ его натурѣ было замѣчательно, что при этомъ смиреніи Онъ любилъ съ извѣстнымъ кокетствомъ нравиться и въ то же время, будучи остроуменъ,—Онъ любилъ играть то сарказмомъ, то ироніею. Все это вмѣстѣ дѣлало его очаровательнымъ, а когда личность при такихъ чарахъ поставлена на высоту Наслѣдника Престола въ 22 года, то легко понять, сколько искушеній со всѣхъ сторонъ подкрадывалось къ нему отъ людского обожанія, и какою силою нравственною надо было обладать, чтобы ни единому изъ этихъ многихъ искушеній не поддаваться, и оставаться хозяиномъ своего скромнаго положенія.

Цесаревичъ, съ свойственнымъ ему смиреніемъ. отрицалъ всякія въ себѣ заслуги и все объяснялъ тѣмъ, что у него, какъ онъ выражался, рыбій темпераментъ, но на дѣлѣ главною причиною его заслугъ былъ избытокъ его порядочности.

Въ этомъ отношеніи, видя вмѣстѣ обоихъ братьевъ,

Цесаревича и Александра Александровича, нельзя было не замѣтить ихъ тождества. Даже, вдумываясь глубже во всѣ оттѣнки воспоминаній, сердце благоговѣйно клонитъ какъ будто на сторону брата Цесаревича. Душа его была хранилищемъ такой нравственной чистоты, такой инстинктивной и въ то же время сознательной непорочности, что для тѣхъ, кому эта душа открывалась, становилось понятно то обожаніе, которое питалъ Цесаревичъ къ душѣ своего брата. А ему вѣдь тогда былъ 19-й годъ, — возрастъ, въ которомъ всѣ мы, увы, такъ чувствовали себя уже далекими отъ всякихъ идеаловъ и испытывали уже первые признаки огрубѣлости. А онъ и Цесаревичъ, при полной свободѣ дѣлать, что они хотѣли, живя жизнію всѣхъ, такъ отличались отъ всѣхъ почитаніемъ нравственныхъ началъ на дѣлѣ, что невольно въ сношеніяхъ съ ними человѣкъ испытывалъ опасенія, какъ бы даже не хотя не портить этой прекрасной душевной чистоты. Разумѣется, часть заслуги въ этомъ прекрасномъ явленіи принадлежала воспитателямъ, но въ то же время совершенно вѣрно одинъ изъ воспитателей Великихъ Князей говорилъ мнѣ, что нравственная чистота Александра Александровича такъ полна, что воспитателю приходится думать не объ улучшеніи ея, а о томъ чтобы собою ее не портить.

XXXII.

(1864 годъ).

Поѣздка въ Кіевъ. — Генералъ-губернаторъ Анненковъ. — Старикъ Юзефовичъ.—Впечатлѣніе при объѣздѣ края.

Въ февралѣ 1864 года Валуевъ далъ мнѣ порученіе объѣздить Юго-Западный край, съ цѣлью познакомиться съ мѣстными крестьянскими учрежденіями. Когда я явился откланяться, онъ счелъ нужнымъ мнѣ сказать маленькую напутственную рѣчь по французски слѣдующаго приблизительно содержанія:

— Вы увидите, — сказалъ онъ, — великолѣпный край, гдѣ къ сожалѣнію, политическія страсти мѣшаютъ спокойному развитію народнаго благосостоянія. Вы знаете мой взглядъ на несчастный польскій вопросъ. Я не одобряю ни поляка-мятежника, ни поляка-мечтателя, но не могу также сочувствовать тѣмъ руссофиламъ, которые хотятъ подъ предлогомъ обрусѣнія, посадить мужика въ барскіе хоромы, въ видѣ представителя русской народности. Подавлять мятежъ не значитъ разрушать преданія и цивилизацію, какой бы національности она не была. Избыткомъ цивилизаціи мы хвастаться не можемъ, а потому, мнѣ кажется, что вездѣ, гдѣ она есть, ее надо уважать. Vous trouverez á Kieff le general Annenkoff (генералъ-губернаторъ) c'est un brave homme, et son merite consiste à ne pas etre Mouravieff...

Прощаясь со мною, Цесаревичъ сказалъ мнѣ: какъ я вамъ завидую: пока мы будемъ здѣсь плясать, вы будете заниматься самымъ лучшимъ дѣломъ,—изученіемъ Россіи. Со времени моей поѣздки, — прибавилъ Великій Князь,— я себя здѣсь чувствую на бивуакѣ, а *тамъ* дома... Въ разговорѣ по этому поводу Цесаревичъ очень мѣтко опредѣлилъ различіе между Петербургомъ и провинціею: въ Петербургѣ любятъ Россію больше на словахъ и на бумагѣ, а въ Россіи ее больше любятъ на дѣлѣ.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ пришлось начать свою командировку съ пляски, да еще въ костюмѣ молодого русскаго боярина. Я прибылъ въ Кіевъ на масляницѣ, засталъ тамъ чудную и теплую весну, и въ то же время сезонъ веселья въ разгарѣ. Въ генералѣ Анненковѣ, дѣйствительно, нашелъ добраго и гостепріимнаго человѣка, желавшаго быть энергичнымъ представителемъ русскаго правительственнаго: «я хочу», настолько по крайней мѣрѣ, насколько сіе позволяли ему его добрая натура и его преклонныя лѣта. Но около него все кипѣло пробужденіемъ русской народности. И вотъ съ этою, между прочимъ, цѣлью въ залѣ дворянскаго собранія, по иниціативѣ супруги генералъ-губернатора, впервые устроился русскій костюмированный балъ, въ которомъ заставили и меня принимать участіе. Я не могъ не замѣтить милымъ хозяевамъ, что въ Кіевѣ не совсѣмъ подобаетъ русскому балу быть *костюмированнымъ*; они сказали: это правда, но балъ все-таки состоялся!

Въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ русскаго духа, я нашелъ свѣжія воспоминанія прошлогодняго польскаго мятежа, о которомъ разсказы казались мнѣ сказками Шехерезады,—до такой степени не могло вѣриться, чтобы въ Кіевѣ могло на глазахъ у генералъ-губернатора

образовываться что нибудь похожее на польскій мятежъ. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ этими разсказами изъ разныхъ источниковъ, я понялъ, что дѣло, издали казавшееся невѣроятнымъ, на мѣстѣ объяснилось очень печально, но очень просто въ то же время. Суть дѣла и успѣхъ его были не въ полякахъ и не въ ихъ силѣ, а въ какой то совсѣмъ непостижимой слабости, доходившей до потворства полякамъ во всѣхъ русскихъ сферахъ, не исключая и правительственной. Во главѣ ея въ 1863 году стоялъ честный рыцарь, князь Васильчиковъ, но его рыцарствомъ и его добротою всѣ пользовались для того, чтобы довести правящія и интеллигентныя сферы до невообразимой распущенности. Этою распущенностью этою деморализаціею, какъ покровомъ, воспользовалась горсть безумцевъ-поляковъ. Никто не мѣшалъ имъ доходить до безумія въ дерзости, и они дошли до этой безумной дерзости.

Въ Кіевѣ я познакомился съ почтеннымъ старикомъ Юзефовичемъ. Его домъ, или, вѣрнѣе, его домикъ, сколько уже лѣтъ былъ средоточіемъ всей кіевской русской интеллигенціи; къ нему послѣ генералъ-губернатора являлся на поклонъ всякій пріѣзжій. Такъ и я сдѣлалъ.

Это былъ симпатичный типъ. Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ оффиціально былъ и въ то время, кажется, ничѣмъ инымъ, какъ скромнымъ и тихимъ предсѣдателемъ археографической комиссіи, но неоффиціально, какъ я сказалъ, онъ былъ тѣмъ кіевскимъ старожиломъ, котораго считали душою русскаго Кіева. Въ мое время быть въ этой роли не представляло ни затрудненій, ни неудобствъ, но годомъ раньше, когда въ Кіевѣ царили два духа: духъ либерализма и духъ полонизма, представлять собою душу русскаго, да притомъ консервативнаго общества — было

дѣломъ не легкимъ и, во всякомъ случаѣ, неблагодарнымъ и непроизводительнымъ. Къ нему тогда въ его кабинетъ русскіе сбирались на шепотъ, какъ заговорщики, на шепотъ печали и негодованія, а вокругъ этого домика оффиціальная и общественная жизнь шумными волнами смѣялась надъ этимъ могиканомъ, плакавшимъ надъ настоящимъ и благоговѣйно вызывавшимъ свѣтлый образъ Бибикова и его времени во обличеніе нагло воцарившагося полонизма...

Много отъ этого старика-могикана я слышалъ разсказовъ о старомъ свѣтломъ и о свѣжемъ прошломъ...

Добродушно, по поводу этого свѣжаго прошлаго, я исповѣдывалъ свое непониманіе того, какъ это могло случиться, и столь же добродушно старикъ мнѣ говорилъ, по своему обыкновенію, минорнымъ шепотомъ, что случилось все это потому, что русскіе либералы давали руки полякамъ, и помогали имъ постепенно выходить изъ колеи. И что всего было курьезнѣе, что тутъ же приходилось слышать толки про хохломановъ... И они, какъ мнѣ разсказывали, стали подъ сѣнью университета и въ то время, пробуждали въ себѣ національныя грезы и, подобно полякамъ, держались враждебно относительно всего русскаго... Хохломаны сходились съ поляками въ этомъ чувствѣ глухого антагонизма къ Россіи, расходясь съ ними, разумѣется, въ существѣ національныхъ мечтаній и стремленій; и тѣ и другіе затѣмъ сходились съ разными либералами на почвѣ антагонизма къ правительству, и такимъ образомъ русскій элементъ, не либеральный и правительственный, оказывался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ совсѣмъ изолированнымъ, тогда какъ всѣ антирусскіе элементы, при симпатіяхъ къ нимъ либераловъ,

имѣли общею почвою свою вражду къ правительственному русскому началу...

Я же засталъ старика Юзефовича уже съ благовѣстною и милою добродушною улыбкою на губахъ... Онъ жилъ въ радостномъ ощущеніи разсвѣта послѣ тяжелой тьмы, весны послѣ суровой зимы, и благословлялъ свои надежды увидѣть наконецъ русскую зарю надъ бѣднымъ Юго-Западнымъ краемъ...

Семьею Анненковыхъ, вполнѣ и сердечно русскою, онъ былъ принятъ какъ свой, онъ могъ тамъ изливать свою наболѣвшую душу, и настоящимъ русскимъ людямъ можно было глядѣть наверхъ съ поднятыми главами— уже не во имя либерализма, а во имя Русской вѣры, Русскаго Самодержавія и Русскаго народа...

Рядомъ съ этимъ старикомъ, добродушнымъ и добрымъ, всегда жившимъ сердцемъ, и притомъ совсѣмъ молодымъ сердцемъ, былъ въ Кіевѣ другой русскій, о которомъ многіе говорили. Русскій этотъ—былъ Воронинъ. Это былъ Милютинъ Юго-Западнаго края. Съ перваго же знакомства съ нимъ увидѣлъ въ немъ уже совсѣмъ другой типъ. Это былъ почти молодой человѣкъ, тяжелый на подъемъ и неповоротливый, очень умный, представлявшій изъ себя главнаго воротилу крестьянскаго дѣла...

Его главная психическая струна была полонофобія; но при этомъ онъ всего сильнѣе ненавидѣлъ польскаго пана, польскаго помѣщика, а такъ какъ русскихъ помѣщиковъ тогда въ краѣ почти не было, то само собою разумѣется, что его полонофобія имѣла двойной политическій оттѣнокъ: оттѣнокъ ненависти къ поляку и оттѣнокъ ненависти къ помѣщику.

Послѣ уже, нѣсколько лѣтъ спустя, побывавши опять въ Юго-Западномъ краѣ, я понялъ, какое сильное вліяніе

на весь дальнѣйшій ходъ не только крестьянскаго дѣла, но и всего землевладѣльческаго быта имѣла диктатура Воронина въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Онъ вдохновилъ цѣлую армію мировыхъ посредниковъ своею ненавистью къ помѣщику (помѣщикъ и полякъ были тогда въ этомъ краѣ тождественны), и въ то же время, въ свою очередь, духъ этотъ мало-по-малу привилъ, черезъ волостныхъ старшинъ, и крестьянскому міру, и вотъ это-то произвело, что когда дальнѣйшіе генералъ-губернаторы Юго-Западнаго края стали искусственно разводить въ немъ русскій помѣщичій элементъ, этимъ новымъ русскимъ помѣщикамъ немногимъ стало лучше житься, чѣмъ полякамъ, ибо въ основу отношеній къ нимъ народа легло то чувство, которое, по иниціативѣ Воронина, внушено было послѣ мятежа,—чувство непріязни и недовѣрія къ пану... Русскаго крестьянина въ Юго-Западномъ краѣ возбудили не столько противъ поляка, сколько противъ пана...

Поѣздка моя по Юго-Западному краю произвела на меня очень сильное впечатлѣніе... Послѣ нѣсколькихъ губерній средней Россіи, съ ея полуразвалившимися избенками, съ ея пьяницами, съ ея лаптями, съ ея общимъ характеромъ безпомощности, не взирая на два года, прошедшихъ съ великаго дня освобожденія, передо мною предсталъ богатый и свѣтлый край, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчался свободный, развитой и богатый (сравнительно, разумѣется) народъ. Съ первыхъ же остановокъ въ волостныхъ правленіяхъ я сталъ испытывать эти впечатлѣнія. Они были странны, и сначала казалось чѣмъ-то въ родѣ видѣній сна; я какъ будто протиралъ себѣ глаза и, съ попыткою очнуться, спрашивалъ себя въ недоумѣніи: да гдѣ же этотъ забитый польскими панами

несчастный Русскій народъ, гдѣ же эти вѣковые страдальцы? И, грѣшный человѣкъ, на половинѣ моего объѣзда, хотя я рѣдко придавалъ серьезное значеніе мыслямъ Валуева,—я долженъ былъ сознавать, что въ его напутственныхъ словахъ, тогда, когда они были сказаны, казавшихся мнѣ смѣшными, оказалась доля серьезной правды... Я слышалъ, я чувствовалъ вездѣ мужика царящимъ владыкою... Я понялъ изъ разговоровъ съ мужиками, что имъ привитъ былъ очень бойкій аппетитъ къ разнымъ земельнымъ вкуснымъ правамъ, и что по закону человѣческихъ инстинктовъ этимъ крестьянамъ дано было уже настолько много, что всѣ они хотѣли гораздо болѣе...

Хотя мое порученіе по службѣ ограничивалось только знакомствомъ съ волостными правленіями, но почему-то о пріѣздѣ какого-то чиновника изъ Петербурга прошелъ слухъ въ селахъ, гдѣ я останавливался, и, къ крайнему моему удивленію, въ иныхъ селахъ крестьяне собирались чуть-ли не сходомъ и обступали меня своими не то что просьбами, но *требованіями*. Въ одной волости я даже очутился почти въ опасномъ положеніи, такъ какъ цѣлая громада меня обступила и требовала, не давая мнѣ прохода, чтобы я принялъ ихъ ходатайство. Всѣ эти ходатайства и требованія, само собою разумѣется, относились къ правамъ на лѣсъ, на пастбища, на водоемы и т. д. Мировые посредники, съ которыми я имѣлъ случай знакомиться, въ большинствѣ показались мнѣ людьми порядочными, иные даже симпатичными, но всѣхъ, съ которыми видѣлся, нашелъ настроенными, какъ я говорилъ выше, по камертону Воронина, то-есть враждебно противъ помѣщичьяго элемента. Въ Острогѣ, Волынской губ., я нашелъ маленькій рай: это — расцвѣтшее учрежденіе братства Кирилла и Меѳодія графини Блудовой. Я за-

сталъ и въ ея семьѣ: дѣти, учитель, священникъ, а надъ ними она—все въ этомъ гнѣздѣ дышало духомъ любви и вѣры, такъ было тепло, такъ свѣтло въ этомъ уголкѣ, что не хотѣлось разставаться съ нимъ. Замѣтилъ при объѣздѣ еще одно характерное явленіе—это прекрасныя церковно-приходскія школы. Это были двухклассныя народныя училища, учрежденныя духовенствомъ, которыя содержались на счетъ крестьянъ и отчасти на счетъ церкви.

Я посѣтилъ нѣсколько такихъ школъ, съ контингентомъ до 50 учениковъ, и вездѣ нашелъ обученіе, лучше котораго нельзя было желать. Опять курьезъ: въ этомъ забитомъ будто-бы поляками помѣщиками краѣ я нашелъ церковныя училища, ведомыя священниками, о которыхъ въ то время въ самой Россіи не имѣли и понятія. Духовенство въ краѣ мнѣ показалось болѣе образованнымъ и гораздо обезпеченнѣе великорусскаго. Вообще, какъ я сказалъ, край поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ.

Въ то время въ Юго-Западномъ краѣ были хорошіе губернаторы: это обстоятельство не мало помогло генералу Анненкову въ его задачѣ успокоенія края. Въ Кіевѣ былъ симпатичный генералъ Н. Г. Казнаковъ, бывшій воспитателемъ молодыхъ Великихъ Князей; въ Житомирѣ молодой и блестящій генералъ М. И. Чертковъ, а въ Каменцѣ — Брауншвейгъ, умный и серьезный человѣкъ. Красою губернаторовъ былъ генералъ Чертковъ; онъ имѣлъ всѣ качества администратора: онъ былъ уменъ, твердъ, ясенъ и быстръ, и въ то же время красивъ, представителенъ, изященъ и привѣтливъ. И если ко всему этому прибавить отзвуки прямой и благородной души въ каждомъ его словѣ, то получался въ итогѣ образъ рѣдкаго типа.

Во время моихъ странствованій по большимъ дорогамъ, со мною случился маленькій эпизодъ, очень характерный по отношенію ко взглядамъ высшей политики въ польскомъ вопросѣ Валуева. На одной изъ почтовыхъ станцій мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ два польскіе пана самымъ безцеремоннымъ образомъ на дворѣ станціи ругали по польски станціоннаго смотрителя при ямщикахъ. Между тѣмъ, по всему краю было объявлено предписаніе генералъ-губернатора въ публичныхъ мѣстахъ по польски не говорить. Увидя эту сцену, я позволилъ себѣ самымъ мирнымъ и вѣжливымъ образомъ замѣтить этимъ двумъ молодцамъ, что, во-первыхъ, по польски говорить съ должностнымъ лицомъ не подобаетъ, и во-вторыхъ, — не слѣдуетъ позволять себѣ такое непочтительное обращеніе съ русскимъ чиновникомъ въ присутствіи ямщиковъ въ особенности.

Они сдѣлали видъ, что успокоились. Но, когда, мѣсяцъ спустя, я вернулся въ Петербургъ и представлялся Валуеву, оказалось, что первое, о чемъ онъ заговорилъ, былъ этотъ эпизодъ съ двумя поляками на станціи. Два эти нахала оказались какими-то ясновельможными панами, которые не только признавали себя въ правѣ ругать русскаго чиновника и нарушать распоряженіе генералъ-губернатора, но вломились въ амбицію на меня, что я *смѣлъ* имъ сдѣлать замѣчаніе, и пожаловались Валуеву. Валуевъ, къ изумленію моему, принялъ ихъ сторону и высказалъ при этомъ, что онъ находитъ распоряженіе генералъ-губернатора относительно польскаго языка *варварствомъ* и *насиліемъ*. Какъ бы мелокъ ни былъ этотъ эпизодъ, но онъ весьма характерно и живописно иллюстрируетъ тогдашніе политическіе нравы: министръ внутреннихъ дѣлъ называетъ варварствомъ распоряженіе генералъ-губернатора

въ двухъ краяхъ и культъ польскаго пана доводитъ до признанія за нимъ права, на другой годъ послѣ мятежа, на польскомъ языкѣ ругать русскаго станціоннаго смотрителя публично.

Три года спустя, уже при Тимашевѣ, со мною былъ въ томъ же Юго-Западномъ краѣ эпизодъ еще характернѣе и еще курьезнѣе. Пробылъ я нѣсколько дней въ Острогѣ, въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи. Въ этомъ помѣщеніи мнѣ пришлось написать два письма въ Петербургъ: одно я послалъ, другое я разорвалъ вслѣдствіе сдѣланнаго клякса на мелкіе кусочки. Возвращаюсь въ Петербургъ.

Первое, что говоритъ мнѣ Тимашевъ, когда я къ нему представился, были слѣдующія слова: я вамъ дамъ добрый совѣтъ: когда вы хотите уничтожить письмо, которое вы пишете извѣстнымъ лицамъ, тогда жгите ихъ, а не рвите на клочки, потому что эти клочки могутъ подобрать и возстановить, что и было сдѣлано съ вашимъ письмомъ въ Острогѣ; какой-то жидъ подобралъ мелкіе кусочки письма, составилъ письмо, и оно дошло до шефа жандармовъ, и *оттуда* пошло дальше и выше, и я не думаю, что Потаповъ былъ доволенъ тѣми разсужденіями, которыя вы въ началѣ письма ему посвящаете. (Потаповъ былъ тогда виленскимъ генералъ-губернаторомъ).

Русскихъ помѣщиковъ въ Юго-Западномъ краѣ я видѣлъ при объѣздѣ, одного. Это былъ старикъ графъ Бобринскій, котораго я посѣтилъ въ его великолѣпномъ имѣніи Смѣла. Засталъ тамъ и графиню, супругу его, когда-то знаменитую красавицу, прелестную умомъ и живостью старушку, жившую безвыѣздно въ деревнѣ. Рѣдко такъ наслаждался умственно, какъ въ тѣ два дня, которые я провелъ между этими двумя стариками. Оба

читали въ своемъ уединеніи все, что писалось въ то время замѣчательнаго, оба были умны и полны жизни, и просиживать съ ними часы было истинное наслажденіе.

Недалеко отъ Кіева заѣзжалъ въ великолѣпную столицу Браницкихъ, Бѣлую Церковь. Тамъ любовался чуднымъ дворцомъ, великолѣпнымъ паркомъ, подобіемъ царскосельскаго; тамъ же посѣтилъ прекрасную гимназію и великолѣпную православную церковь. По поводу церкви я наткнулся на курьезное явленіе. Мнѣ совѣтовали въ церковь не ѣздить.

— Отчего,—спрашиваю я.

— Оттого, что васъ заѣдятъ блохи!..

Я засмѣялся и принялъ это предостереженіе за гиперболическую фигуру.

Вошелъ я въ великолѣпную церковь, сіявшую своею яркою бѣлизною снаружи и внутри и началъ ее осматривать.

Минутъ черезъ пять я началъ чувствовать по всему тѣлу укусы, еще пять минутъ и эти укусы становятся до того невыносимыми, что я долженъ былъ бѣжать изъ церкви и вернуться въ свой номеръ; тамъ я съ ужасомъ увидѣлъ, что я покрытъ блохами. Оказывается, что эти миріады блохъ будто бы зарождаются отъ свойства этого бѣлаго камня; правда ли это, я не могъ провѣрить, но во всякомъ случаѣ это курьезное явленіе до такой степени было ужасно, что священникъ мнѣ тутъ же говорилъ, что ему приходилось прекращать богослуженіе, до такой степени онъ былъ заѣдаемъ блохами.

Проѣзжалъ я мѣстечко Шпола. Тамъ мнѣ разсказывали любопытный траги-комическій историческій эпизодъ о томъ, какими стихійными явленіями сопровождался послѣдній пріѣздъ Николая I подъ Шполою, на послѣд-

ней почтовой станціи. Зданіе станціи было въ ремонтѣ. За дворомъ станціи была степь. На дворѣ станціи было 3 зданія: одно—станція, другое—домъ, въ которомъ жило нѣсколько лицъ и, между прочимъ, внизу одинъ отставной и больной маіоръ, а третье зданіе было временное помѣщеніе для станціи. Ямщику Императора Николая I дано было приказаніе подъѣхать къ третьему зданію. Подъѣзжаетъ коляска съ Императоромъ и графомъ В. Ф. Адлербергомъ въ ней. Станціонный смотритель стоитъ на крыльцѣ перваго зданія и дѣлаетъ усиленные знаки ямщику, изъ которыхъ ямщикъ выводитъ заключеніе, что ему, въ отмѣну прежняго приказанія, слѣдуетъ остановиться не у третьяго дома, а у второго, и вотъ коляска останавливается у этого дома, и въ немъ, о, ужасъ! — сидитъ у открытаго окна бѣдный маіоръ въ своемъ халатѣ и куритъ трубку.

Перекладка длилась менѣе двухъ минутъ; но въ эти двѣ минуты произошло страшно много событій. Императоръ Николай вышелъ изъ коляски, чтобы размять ноги, и прямо подошелъ къ окну, гдѣ сидѣлъ отставной маіоръ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ съ нимъ поговорить, и сказалъ ему два, три слова, на которыя вдругъ оторопѣвшій маіоръ ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ, отойдя отъ него, Николай Павловичъ увидѣлъ два жидовскіе силуэта, выглядывавшіе изъ-за угла зданія; жидамъ было строжайше запрещено показываться на глаза Императору. Увидѣвъ эти силуэты, Императоръ направился къ нимъ: они въ мигъ исчезли. Въ тотъ же моментъ лошади были запряжены, раздалось: «*готово*», Николай Павловичъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Но что же произошло на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ пробылъ двѣ минуты? Отставной маіоръ, при приближеніи Государя къ окну, отъ испуга не только

ничего не могъ отвѣтить Императору на его слова, но пришелъ въ такое состояніе, что получилъ нервный ударъ, и отвезенъ былъ въ больницу; станціонный смотритель, увидѣвъ, что ямщикъ не туда подвезъ Императорскую коляску, бѣжалъ черезъ весь дворъ съ такою быстротою и въ такомъ взволнованномъ состояніи, что заболѣлъ нервною горячкою; два еврея, увидя направившагося къ нимъ Государя, испугались, пришли въ истерическое состояніе, и пустились бѣжать по степи, и бѣжали до тѣхъ поръ, пока не свалились оба, одинъ сраженный параличемъ сердца, мертвымъ, а другой въ трудномъ состояніи.

Приказаніе не допускать евреевъ къ Царскому проѣзду состоялось вслѣдствіе ночного эпизода съ Государемъ въ Бердичевѣ. Государь въ коляскѣ спалъ. Шепотъ собравшихся жидовъ разбудилъ его; Императоръ разсердился и сдѣлалъ два постановленія: одно — чтобы отнынѣ Бердичевъ ставилъ двухъ рекрутъ, вмѣсто одного; второе — чтобы никогда евреевъ не допускать къ мѣсту Царскаго проѣзда.

Въ тѣ дни мы были сильнѣе нервами и мускулами, чѣмъ нынѣшніе молодые люди, приходящіе въ изнеможеніе отъ одной безсонной ночи, отъ одного проѣзда по желѣзной дорогѣ.

Чтобы попасть въ Петербургъ, я избралъ самый скорый и ужасный путь: 800 съ чѣмъ-то верстъ по шоссе до Острова, а оттуда остатокъ пути по желѣзной дорогѣ. Экипажъ мой былъ перекладная. Храбро выѣхалъ въ среду изъ Кіева, разсчитывая въ Петербургѣ быть на Вербную субботу; но для это надо было ѣхать безостановочно круглыя сутки, и нигдѣ не спать, вплоть до Острова.

Программа была строго и исправно выполнена. Но, задавшись ею, я не подозрѣвалъ, на какую шелъ я пытку. Шоссе оказалось въ неремонтированномъ послѣ зимы состояніи, и сказать, что пришлось костямъ переиспытать въ телѣгѣ, скача по этому шоссе,— невозможно. Это были пытки адскія. Не менѣе сильно было мученіе отъ борьбы со сномъ. Заснуть въ телѣгѣ нельзя: упадешь назадъ; пріѣдешь на станцію ночью, сядешь на нижнее крыльцо и начинаешь чувствовать, какъ идетъ и захватываетъ сонъ, особливо на вторую ночь, и сейчасъ вскакиваешь, чтобы не уснуть во время перекладки.

И вотъ прибылъ въ Островъ въ субботу послѣ полудня. Пришелъ поѣздъ; я думалъ: ну, просплю, какъ убитый, до Петербурга; ничуть не бывало: проспалъ два часа, и затѣмъ явился въ Петербургъ до того бодрый, что весь вечеръ просидѣлъ въ превеселой бесѣдѣ у родителей.

XXXIII.

(1864 годъ).

Возвращеніе въ Петербургъ.—Пасха.—Весна.—Первые признаки болѣзни Цесаревича. — Его отъѣздъ за границу. — Моя заграничная поѣздка.—Свиданіе съ Цесаревичемъ въ Скевенингѣ.—Лондонъ.—Парижъ.—Второе и послѣднѣе свиданіе съ Цесаревичемъ въ Дармштадтѣ.—Его помолвка.

На другой день, вечеромъ, по обычаю, послѣ 10 часовъ, пріѣхалъ къ Цесаревичу: прождалъ минутъ десять; Великіе Князья были у родителей; затѣмъ явился Цесаревичъ съ братомъ Александромъ, и первое, что я получилъ отъ обоихъ, было—выговоръ за то, что я не явился въ вечеръ своего пріѣзда. Побесѣдовали мы почти до часа; Цесаревичъ велѣлъ подать шампанскаго въ честь моего возвращенія, и такъ до часу ночи мы просидѣли въ бесѣдѣ, гдѣ главную роль пришлось играть мнѣ, такъ какъ Цесаревичъ требовалъ отъ меня самаго подробнаго повѣствованія.

Этотъ вечеръ былъ началомъ послѣдняго періода въ моихъ отношеніяхъ къ Цесаревичу, въ теченіе котораго мы видѣлись почти ежедневно, и съ котораго, увы, вскорѣ соединились первыя впечатлѣнія отъ нездоровья Цесаревича. Прошла Пасха, прошла Святая; Цесаревичъ казался здоровъ и былъ веселъ; затѣмъ наступила пора переѣзжать въ Царское Село: и какъ разъ, когда Дворъ переѣхалъ, Цесаревичъ впервые занемогъ и долженъ былъ

остаться въ Петербургѣ. Чѣмъ именно онъ занемогъ — трудно было сказать, ибо состоявшій при немъ докторъ Шестовъ самъ ограничивался догадкою, что это маленькая простуда. Но когда я вошелъ въ спальню Цесаревича, я увидѣлъ его лежащимъ на кровати, съ лицомъ совсѣмъ бѣлымъ, какъ полотно, я испугался своего впечатлѣнія и никакъ не могъ уяснить себѣ, чтобы маленькая простуда могла отразиться на лицѣ такою страшною перемѣною. Самъ же Цесаревичъ жаловался только на слабость, и по временамъ на боли въ поясницѣ. Дня черезъ три онъ всталъ и какъ будто выздоровѣлъ, но увы, съ той болѣзни онъ навсегда лишился своего свѣжаго молодого лица: оно приняло какой то желтоватый оттѣнокъ и какъ то осунулось, въ особенности въ нижней его части. Это было роковымъ признакомъ, что болѣзнь началась съ того припадка въ концѣ апрѣля, и начала свое разрушительное дѣйствіе подъ прикрытіемъ отсутствія внѣшнихъ признаковъ какого-либо недуга. А докторъ Шестовъ менѣе, чѣмъ кто–либо, былъ бы въ состояніи тогда подвергнуть Цесаревича постепенному наблюденію, будучи и легкомысленнымъ, и мало знающимъ опытнымъ врачемъ, безъ взгляда и безъ привычки наблюденій.

Потомъ, я понялъ, какъ относительно врачебной части великіе міра сего находятся въ наихудшемъ состояніи сравнительно съ простыми смертными. У нихъ *свой* врачъ.

Этотъ врачъ, вслѣдствіе своего положенія, съ одной стороны не нуждается въ практикѣ, какъ въ средствахъ къ жизни, а потому не ищетъ ея, а съ другой стороны, въ интересахъ своего, такъ сказать, самосохраненія или своего положенія, ведетъ относительно особы, при которой состоитъ, политику куртизана больше, чѣмъ политику врача; онъ старается не надоѣдать этой особѣ своими

врачебными сторонами, затѣмъ привыкаетъ глазомъ къ ней до того механически, что никогда, разумѣется, не имѣетъ свѣжаго взгляда на своего постояннаго паціента и не замѣчаетъ тѣхъ перемѣнъ въ немъ, которыя не рѣзки, а затѣмъ, по какому то инстинкту политики, старается всякому болѣзненному явленію давать значеніе случайнаго, преходящаго недуга, никогда не дозволяя себѣ дѣлать догадокъ о какомъ-либо хроническомъ недугѣ. Такая политика для него тѣмъ болѣе удобна и тѣмъ легче осуществляется, что онъ встрѣчаетъ полное сочувствіе ей со стороны постояннаго паціента придворнаго врача, который врежде всего не любитъ ни оскультацій, ни изслѣдованій, ни приставаній къ нему съ извѣстными требованіями режима, и на должность своего врача смотритъ, какъ на веселую синекуру.

Увы!—буквально все такъ было относительно Цесаревича и его врача Шестова. Это былъ любезный и веселый человѣкъ, но серьезнымъ врачемъ представить его себѣ было невозможно.

А затѣмъ, во все время, которое пробылъ Цесаревичъ въ Царскомъ Селѣ до отъѣзда за границу, хотя Онъ и былъ, какъ сказано выше, на видъ здоровъ, но не одинъ разъ въ это время мнѣ пришлось слышать отъ него самого, что онъ чувствуетъ себя *неважно*. И единственное, что было рѣшено по совѣту Шестова сдѣлать для здоровья Цесаревича, былъ планъ морского лѣченія въ Скевенингѣ, планъ роковой, ибо это морское лѣченіе оказалось началомъ его гибели.

Планъ путешествія Цесаревича за границею былъ разработанъ графомъ Строгановымъ въ смыслѣ научно-образовательномъ, а затѣмъ главная цѣль была доставленіе

возможности Цесаревичу сдѣлать по сердцу выборъ невѣсты.

Въ видѣ ближайшихъ сверстниковъ-спутниковъ Цесаревичъ выбралъ себѣ двухъ молодыхъ людей, изъ прежнихъ товарищей дѣтскихъ игръ, кирасира П. А. Козлова и преображенца В. В. Барятинскаго. Выборъ этотъ намѣчалъ, такъ сказать, первыхъ адъютантовъ Цесаревича и всѣмъ понравился своею симпатичностью. Козловъ, племянникъ перваго главнаго воспитателя Цесаревича Н. В. Зиновьева, былъ однимъ изъ привлекательныхъ и выдающихся молодыхъ людей своего времени. Кромѣ рыцарски-благородной и юношески-пылкой натуры, онъ былъ уменъ, даровитъ, боекъ умомъ и идеалъ порядочности. Князь Барятинскій съ перваго на него взгляда казался тѣмъ, кѣмъ онъ былъ,—человѣкомъ, къ которому сразу лежитъ сердце; а лежало къ нему сердце каждаго, потому что онъ былъ добръ, привѣтливъ, а главное, какъ и Козловъ, рыцарски благороденъ. Кромѣ этихъ двухъ спутниковъ, графомъ Строгановымъ былъ приглашенъ и Б. Н. Чичеринъ, преподаватель Цесаревича по государственному праву и слывшій за авторитетъ въ дѣлѣ искусства.

Въ это лѣто вся Царская Семья поѣхала за границу, кромѣ Великаго Князя Александра Александровича. Императоръ и Императрица съ младшими Дѣтьми поѣхали въ Дармштадтъ. Великій Князь Владиміръ Александровичъ въ Штутгартъ для лѣченія. Цесаревичъ направился прямо на морскія купанья въ Скевенингенъ, въ Голландію.

Въ Царскомъ передъ отъѣздомъ Онъ меня пригласилъ пріѣхать навѣстить его въ Скевенингенѣ.

— Вамъ непремѣнно нужно побывать за границею,— сказалъ Цесаревичъ,—и вотъ отличный случай соединить пріятное съ полезнымъ. Графъ Строгановъ еще повели-

тельнѣе ко мнѣ отнесся, сказавши, что я останусь неучемъ и варваромъ, если не поѣду за границу, и наказалъ мнѣ безъ разсужденій исполнить желаніе Цесаревича. Валуевъ, давая мнѣ разрѣшеніе ѣхать за границу, при этомъ сказалъ: но съ условіемъ, чтобы вы поѣхали въ Лондонъ, познакомились тамъ съ полиціею, и привезли мнѣ книжку «Peerage» (своего рода альманахъ Гота). Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Англію въ С.-Леанардъ на купанье. Дѣла оказалось много. Это былъ мой первый выѣздъ за границу.

Итакъ, впервые въ моей жизни я отправился за границу...

Первымъ мѣстомъ назначенія было Скевенингенъ возлѣ Гааги, гдѣ, какъ я сказалъ, находился для морскихъ купаній Цесаревичъ. Впечатлѣніе отъ новаго для меня вида благоустроенной виллегіатуры въ Пруссіи усилилось, когда я увидѣлъ голландскую деревню съ ея полями и лугами, гдѣ, казалось мнѣ, работали какіе-то художники-пахари. Въ Гаагѣ я пробылъ полтора дня, чтобы познакомиться съ городомъ, и вынесъ два впечатлѣнія: одно—изумленіе отъ поразительной чистоты города, гдѣ все чуть ли не ежедневно мылось мыломъ, начиная со стѣнъ домовъ и кончая панелью; а второе—скуку. Послѣ объѣзда другихъ городовъ воспоминаніе объ этой скукѣ врѣзалось въ память еще сильнѣе. Скукою этою, казалось мнѣ, дышало и вѣяло кругомъ рѣшительно все; скучно, казалось мнѣ, говорили голландцы, скучно они ходили и глядѣли, скукою дышало отъ домовъ и садовъ, скука гнѣздилась во всѣхъ складкахъ жизни. И въ то же время, Гаага представлялась мнѣ городомъ добродѣтели и нравственности. Представившись милому старику, генералъ-адъютанту Ман-

сурову, бывшему тогда нашимъ посланникомъ въ Гаагѣ, я отправился въ Скевенингенъ. Въ большомъ отелѣ на берегу моря я досталъ себѣ номеръ, а затѣмъ отправился на виллу Цесаревича. Хозяинъ виллы принялъ меня очень любезно, высказалъ мнѣ удовольствіе по поводу моего пріѣзда, и приказалъ мнѣ немедленно переѣхать изъ гостинницы къ нему на виллу, гдѣ я получилъ прелестную комнату наверху, съ видомъ на море.

Колонію Великаго Князя составляли графъ Строгановъ, флигель-адъютантъ Рихтеръ, Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, преображенецъ князь Барятинскій и кирасиръ Козловъ въ должности адъютантовъ, въ должности секретаря Ф. А. Оомъ и докторъ Шестовъ; сверхъ того, постоянно находился при Цесаревичѣ адъютантъ король, очень симпатичный, но неизбѣжно скучный капитанъ.

Въ тотъ же день мы совершили вдвоемъ съ Цесаревичемъ прогулку пѣшкомъ по берегу моря. Великій Князь еще разъ мнѣ сказалъ: какъ я радъ, что вы пріѣхали; я люблю съ вами бесѣдовать откровенно, и признаться, здѣсь очень скучно. Увы, во время этой первой прогулки я вынесъ впечатлѣніе скорѣе грустное отъ задушевной бесѣды съ Цесаревичемъ. Я нашелъ его похудѣвшимъ, блѣднымъ, и отъ него слышалъ, что онъ чувствуетъ себя вообще не хорошо, и часто хандритъ.

— Давно ли я выѣхалъ, — говорилъ мнѣ Цесаревичъ,—а ужъ тянетъ домой, тоска по родинѣ, безъ Саши какъ-то скучно.

На другое утро послѣ купанья, и на слѣдующее за нимъ утро, когда я сталъ видѣть Цесаревича гуляющимъ до чая — совсѣмъ почти синимъ отъ дѣйствія купанья, и слышалъ отъ него, какъ ему было холодно, и какъ онъ не могъ согрѣться, несмотря на ходьбу, я невольно по-

чувствовалъ на сердцѣ безпокойство. Правда, что погода была скверная и холодная, но все-же я не могъ преодолѣть въ себѣ ощущенія или предчувствія, что купанье приносило Великому Князю скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Это предчувствіе во мнѣ стало затѣмъ убѣжденіемъ, ибо на четвертомъ купаньи я сталъ испытывать и на себѣ вредное его дѣйствіе, и совершенно такое же дѣйствіе испытывалъ и Козловъ. Оказалось въ нашей колоніи трое, которые отъ скевенингенскаго моря чувствовали себя хуже, Цесаревичъ, Козловъ и я; а остальные члены колоніи, напротивъ, чувствовали себя лучше; значитъ, ясно было, что сильное морское купанье, да еще въ холодную погоду — дѣйствовало на одинъ организмъ вредно, а на другой благотворно. Вслѣдствіе этого я ограничился четырьмя купаньями, и прекратилъ ихъ, и когда прекратилъ ихъ, сталъ себя чувствовать гораздо бодрѣе и лучше. Я посовѣтовалъ Цесаревичу послѣдовать моему примѣру и, независимо отъ сего, спросилъ доктора Шестова, не видитъ ли онъ, что Цесаревичу морское купанье вредно, и не слѣдуетъ ли его прекратить, но рокъ безпощаденъ для великихъ міра сего въ лицѣ медиковъ, состоящихъ при нихъ Шестовъ не только не призналъ нужнымъ остановиться на этомъ вопросѣ, чтобы надъ нимъ призадуматься, но отвѣтилъ мнѣ такъ, какъ будто онъ хотѣлъ мнѣ сказать: не ваше дѣло, я одинъ въ этомъ дѣлѣ понимаю. А бѣдный Цесаревичъ—на мой совѣтъ бросить купанье — отвѣтилъ мнѣ, что на то есть воля его эскулапа. Въ бесѣдѣ съ графомъ Строгановымъ я снова высказалъ мое опасеніе насчетъ вреда отъ морского купанья для Цесаревича, но графъ Строгановъ не придалъ вопросу никакого значенія, говоря, что дѣйствіе морского купанья оказывается благотворнымъ не во время купанья, а послѣ-

Потомъ я понялъ тотъ роковой психическій міръ, въ которомъ этотъ вопросъ находился.

Простой смертный, если онъ видитъ, что нѣтъ ему пользы отъ купанья, или что купанье ему вредитъ, беретъ и бросаетъ это купанье и конецъ; но для Цесаревича вопросъ являлся въ сложной обстановкѣ цѣлаго государственнаго дѣла: рѣшенію ѣхать въ Скевенингенъ предшествовалъ медицинскій придворный консиліумъ: Шестовъ явился только исполнителемъ его рѣшенія и уполномоченнымъ, такъ сказать, отъ этого консиліума при Цесаревичѣ. Вслѣдствіе этого какъ допустить, чтобы вдругъ весь маршрутъ былъ измѣненъ, чтобы рѣшеніе докторовъ было признано никуда негоднымъ и отмѣненнымъ какимъ то Шестовымъ, какъ взять и бросить купанье по собственному почину на мѣстѣ. Все это представлялось чѣмъ то немыслимымъ, чѣмъ то преступнымъ и крайне вольнодумнымъ противъ традицій какого то этикета, и вотъ мы съ Козловымъ ежедневно призваны были другъ-другу повѣрять свои печальныя впечатлѣнія, при видѣ того, какой несомнѣнный вредъ приносило это проклятое морское купанье Великому Князю.

Жизнь наша протекала совсѣмъ мирно. Утромъ, послѣ прогулки, всѣ собирались къ утреннему чаю въ столовой Цесаревича, затѣмъ собирались къ завтраку, къ обѣду и къ вечернему чаю. Въ промежутки всякій занимался своимъ дѣломъ, а вечеромъ я сопровождалъ Великаго Князя въ Его прогулкѣ пѣшкомъ; мы садились гдѣ-нибудь на скамейку и бесѣдовали, подъ отдаленные звуки курзальной музыки, или подъ шумъ морской волны, когда она поднималась. Бывали дни, когда Цесаревичъ былъ веселъ и въ духѣ, но бывали вечера, когда онъ глубоко опечаливалъ меня своимъ всеобщимъ физическимъ и нрав-

ственнымъ недомоганіемъ. Иногда предпринимались поѣздки по окрестностямъ. Ѣздили на поклоненіе воспоминаніямъ Петра Великаго въ Сардамѣ, ѣздили въ Роттердамъ на ярмарку, ѣздили въ Амстердамъ. Всѣ эти поѣздки Великій Князь предпринималъ въ строгомъ инкогнито туриста. Кромѣ визитовъ вдовствующей королевѣ Аннѣ Павловнѣ въ ея замкѣ и одного обѣда у короля, Цесаревичъ строго избѣгалъ всякой оффиціальности.

Въ то время много говорили о принцѣ Оранскомъ. Добродѣтельная и нравственная Голландія съ ужасомъ видѣла въ своемъ будущемъ королѣ «донъ-жуана» и самаго отчаяннаго mauvais sujet. Ему было слишкомъ 30 лѣтъ; наружности онъ былъ если не красивой, то элегантной, и вся его жизнь отдавалась удовольствіямъ, романическимъ похожденіямъ, оргіямъ и безумнымъ тратамъ, заставлявшимъ его при умѣренности его личныхъ средствъ входить въ неоплатные долги. Репутація его до такой степени стала ужасна, что намъ приходилось слышать отъ добродѣтельныхъ голландцевъ, что иные избѣгали встрѣчъ съ принцемъ и боялись публично компрометировать себя его сообществомъ. Но принцъ на все это плевалъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свою эпикурейскую жизнь, смѣясь даже надъ тѣмъ, что иные благочестивые государственные люди Голландіи громко стали говорить объ устраненіи принца за порочное поведеніе отъ престолонаслѣдія.

Наше мирное житье-бытье было нарушено однимъ печальнымъ эпизодомъ въ жизни графа Строганова. О. Б. Рихтеръ получилъ телеграмму, извѣщавшую его о внезапной смерти старшаго сына графа Строганова, графа Александра Сергѣевича, и заключавшую въ себѣ просьбу подготовить къ этому несчастію стараго графа.

Здѣсь я еще сильнѣе почувствовалъ благоговѣніе къ Цесаревичу, увидавъ не только его доброе сердце, но глубокіе оттѣнки его нѣжной деликатности. Рихтеръ пришелъ съ этою телеграммою къ Цесаревичу. Онъ сказалъ Рихтеру, что возьметъ на себя подготовить графа на другое утро, дабы не огорчить его извѣстіемъ вечеромъ, передъ сномъ.

Я запомнилъ этотъ вечеръ всѣмъ сердцемъ. Мы вышли вдвоемъ гулять, и Цесаревичъ все время мучился при мысли, какъ огорчитъ это извѣстіе бѣднаго старика графа Строганова. Тутъ я понялъ, какъ глубоко онъ былъ привязанъ къ своему попечителю и насколько въ этой привязанности имѣло значеніе то, что такъ рѣдко въ жизни встрѣчается, въ особенности между молодыми людьми,— это благодарность. Во время разговора у Цесаревича сорвались слова, которыя, подъ вліяніемъ темноты вечера, шумящаго уныло моря, и грустнаго настроенія, въ которомъ онъ находился, на меня суевѣрно подѣйствовали до такой степени, что я вернулся къ себѣ въ какомъ то совершенно грустномъ настроеніи.

— Я иногда думаю о смерти, — сказалъ мнѣ вдругъ Цесаревичъ,—развѣ она такая страшная вещь? Мнѣ кажется, что она должна быть переходомъ отъ чего то тяжелаго къ чему то легкому.

— Не вамъ объ этомъ думать,—отвѣтилъ я,—когда впереди столько причинъ любить жизнь.

— А я думаю потому, что иногда мнѣ кажется, что я недалекъ отъ смерти.

Я упрекнулъ Великаго Князя въ его впечатлительности, перевелъ разговоръ на другую тему, но почувствовалъ холодъ на душѣ отъ его словъ.

На другое утро Цесаревичъ исполнилъ свою тяжелую миссію.

Бѣдный графъ Строгановъ ему помогъ своимъ удивительнымъ стоицизмомъ.

Стоицизмъ этотъ удивилъ даже Великаго Князя, который ближе всѣхъ изъ насъ зналъ графа Строганова.

Едва Цесаревичъ началъ говорить ему о полученной депешѣ о болѣзни его сына, старикъ его остановилъ, и, взглянувъ въ упоръ Цесаревичу въ глаза, сказалъ: вы меня подготовляете, мой сынъ умеръ?

Цесаревичъ замолчалъ. Вотъ приблизительно, что произошло. Старикъ не пролилъ ни одной слезы; всю полноту удара онъ перенесъ и скрылъ въ себѣ съ изумительною силою воли. Мнѣ показалось, что извѣстная гордость побуждала этого необыкновеннаго старика не показывать проявленія чувствъ. Это же впечатлѣніе онъ произвелъ на Цесаревича, который мнѣ сказалъ въ тотъ же день, насколько ему больно было слышать и видѣть какъ графъ Строгановъ играетъ комедію стоицизма въ такую ужасную минуту его жизни, разговаривая, какъ ни въ чемъ не бывало, обо всемъ.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Скевенингенѣ, наступила пора съ нимъ разстаться. Цесаревичу предстояло уѣхать для продолженія своего путешествія, мнѣ же предстояла поѣздка въ Англію.

Тяжелымъ камнемъ легъ мнѣ на душу послѣдній день моего пребыванія въ Скевенингенѣ. Во-первыхъ, я разставался съ Великимъ Княземъ, видя, какъ за эти 3 недѣли здоровье его несомнѣнно ухудшилось; во-вторыхъ, за эти 3 недѣли мы сблизились въ этой простой обстановкѣ, какъ никогда нельзя было-бы сблизиться годами въ обстановкѣ петербургской; проявилась потребность еже-

дневной задушевной бесѣды; а въ третьихъ—и это было самое мучительное впечатлѣніе—на душѣ осталось воспоминаніе нашего послѣдняго вечера, нашей послѣдней бесѣды передъ разлукою.

Эта бесѣда прозвучала для меня первымъ memento mori для Цесаревича, котораго такъ недавно я не могъ себѣ представить иначе, какъ въ свѣтломъ и яркомъ сіяніи долгаго будущаго. Тутъ впервые вдругъ померкъ этотъ свѣтившійся надеждами и мечтами горизонтъ, холодъ вошелъ въ душу, и сразу я очутился передъ страшнымъ привидѣніемъ, если не самой смерти, то чего-то мучительнаго, какъ страхъ, какъ тоска, какъ предчувствіе. Сразу какъ будто и прошедшее обрывалось въ его веселыхъ и улыбкою полныхъ воспоминаніяхъ: я почувствовалъ себя вдругъ стоящимъ надъ обрывомъ, за которымъ ничего не видать, кромѣ темной глубины, и сразу же будущее сдѣлалось темнымъ отъ злого предчувствія.

Какъ всегда, мы вышли вечеромъ гулять. Какъ помню, вечеръ былъ холодный и море шумѣло страшно и уныло.

Объ этой *предпослѣдней*—увы—на землѣ бесѣдѣ съ Цесаревичемъ записаны мною слѣдующія строки въ моихъ путевыхъ замѣткахъ.

«Уѣзжаю съ невыразимою грустью въ душѣ. Мы бесѣдовали съ Цесаревичемъ болѣе часа, и каждое Его слово звучитъ въ душѣ невыразимою болью. Несомнѣнно, что въ немъ, скрытая какая-то болѣзнь, которую доктора не видятъ и не подозрѣваютъ. Онъ ее чувствуетъ, но скрываетъ свои страданія. И если къ этому прибавить то, что Павликъ (Козловъ) и я мы замѣчаемъ, а другіе какъ будто не замѣчаютъ того, что Великій Князь то таетъ, какъ горящая свѣча, то становится страшнымъ.

«Никогда такъ нѣжно и ласково не говорилъ со мною Цесаревичъ.

«Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы пріѣхали съ нами скучать въ такое захолустье. А когда я сказалъ, что благодарить ему меня не за что, ибо я ничего не испыталъ, кромѣ пріятнаго для души, то Цесаревичъ сказалъ мнѣ: если бы вы могли знать, что у меня подчасъ дѣлается на душѣ, вы бы поняли мою къ вамъ благодарность... Я васъ понялъ и понялъ, что и вы меня понимаете. Мнѣ становилось легче, когда я съ вами говорилъ откровенно... Взволнованный этими словами, я спросилъ Цесаревича: что онъ испытываетъ, чѣмъ онъ страдаетъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: трудно передать; бываютъ минуты, когда я ужасно страдаю: наступаетъ безсонница, тоска гложетъ, не знаешь, куда дѣваться, выступаетъ холодный потъ, бредъ какой-то начинается въ головѣ, и когда это проходитъ, является предчувствіе смерти... Но это какъ будто легче,—прибавилъ Цесаревичъ.

— Отчего же вы ничего не говорите доктору: вѣдь тутъ есть хорошіе доктора...

— Не стоитъ: они скажутъ, что это нервы, дѣйствіе морскихъ купаній.

— Такъ позвольте, я поговорю съ Шестовымъ, съ Оттономъ Борисовичемъ.

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Вашъ долгъ быть конфидентомъ только моей души... Можетъ быть, это все и пройдетъ и я опять молодцомъ стану... Одно мнѣ тяжело въ такія минуты—быть безъ Саши; его чистая и спокойная душа такъ на меня хорошо дѣйствуетъ...

Я совершенно невольно сталъ ободрять Цесаревича, тѣми мыслями, которыя мнѣ приходили въ голову, при-

писывая это мрачное настроеніе просто дѣйствію моря, тѣмъ болѣе, что и самъ его испытывалъ.

— Можетъ быть, и такъ,— отвѣтилъ Цесаревичъ,— но все-таки я предчувствую что-то нехорошее. Не браните меня за это: я говорю, что чувствую... А теперь поговоримъ о другомъ: вы увидите въ Англіи Колю (Николая Максимиліановича)»...

Цесаревичъ далъ къ нему порученія. Разговоръ сталъ какъ будто веселѣй. Но Боже, какъ въ душѣ было далеко отъ веселья и какъ томительны были эти послѣднія четверть часа прогулки, когда приходилось говорить обо всемъ, думая о другомъ.

Подойдя къ дому, Цесаревичъ остановился, протянулъ мнѣ руку и крѣпко ее пожалъ: «все-таки,—сказалъ онъ,— спасибо вамъ за дружбу, спасибо вамъ за скевенингенское свиданіе»... Какую мучительную ночь привелось провести, думая все о томъ же. И вѣтеръ какъ зловѣще выл.

Утромъ мы собрались, какъ ни въ чемъ не бывало, къ первому завтраку, всѣ веселые.

На прощаніи Цесаревичъ еще разъ выказалъ мнѣ прекрасную деликатность своей души. По поводу разговоровъ о цѣли моей поѣздки изучать въ городахъ полицію, графъ Строгановъ страшно на меня напустился за то, что я прежде всего не забочусь о своемъ образованіи путемъ изученія chef d'oeuvre'овъ искусствъ, чуть-ли не назвалъ меня варваромъ и т. д. Послѣ завтрака Цесаревичъ отвелъ меня въ сторону, подойдя къ окну, и съ такимъ ласковымъ голосомъ сказалъ мнѣ: я извиняюсь за нашего Сергѣя Григорьевича, вы знаете, какой онъ фанатикъ искусствъ, не сердитесь за него.

Затѣмъ, пришлось прощаться. Скверная была минута.

Разставаясь, Цесаревичъ мнѣ назначилъ пріѣхать къ нему въ Дармштадтъ, послѣ поѣздки его въ Данію.

Днемъ я уѣхалъ въ Брюссель.

Дорогою, одинъ въ вагонѣ, я отдался размышленіямъ и воспоминаніямъ.

Тогда я ничего не понималъ въ состояніи Цесаревича: меня давили болѣзненныя впечатлѣнія отъ предчувствія, что онъ нездоровъ, и что состояніе его должно внушать тревогу, воспоминаніе о его душевномъ состояніи лежало страшно тяжелымъ камнемъ на душѣ, все это было тревожно, мучительно, но въ то же время неясно, неопредѣленно, а потому мысль о грозящей опасности для его жизни не заходила въ душу. Я именно думалъ, что это нервное дѣйствіе воздуха, и предавался надеждѣ, что, когда кончится пребываніе его на берегу моря. Цесаревичъ поправится.

Потомъ, когда такъ скоро разыгралась ужасная драма, и когда вся послѣдовательная связь постепенныхъ явленій въ состояніи здоровья Цесаревича развернулась, только тогда, говорю я, можно было, увы, слишкомъ поздно, понять то роковое значеніе, которое имѣло въ исторіи болѣзни Цесаревича это пребываніе для морскихъ купаній въ Скевенингенѣ.

Тогда я понялъ ясно, что не даромъ на меня произвелъ такое впечатлѣніе таинственный припадокъ нѣсколькихъ дней болѣзни, весною въ Петербургѣ, когда такъ сильно Цесаревичъ перемѣнился въ лицѣ. Это, очевидно, было первое проявленіе наружное скрытаго недуга, которое потомъ назвали туберкулезнымъ процессомъ, позже, когда болѣзнь стала непобѣдима, и роковой исходъ сталъ неизбѣженъ. Весною и въ началѣ лѣта на царскосельскомъ

воздухѣ Цесаревичъ оправился настолько, что исчезли поводы говорить о немъ, какъ о больномъ.

Но явилось фатальное морское купанье.

Очевидно, ни о чемъ не догадывавшіеся, ничего не подозрѣвавшіе и ничѣмъ не обезпокоенные врачи—взглянули на морское купаніе, какъ на невинное средство укрѣпить общее состояніе организма, а для того, чтобы прійти къ такому общему, такъ сказать, мѣсту, не понадобилось ни подробной и самой добросовѣстной оскультаціи, ни какихъ-либо изслѣдованій и наблюденій, никакой исторической провѣрки обстоятельствъ жизни послѣдняго времени Цесаревича, въ связи съ измѣненіями въ его состояніи здоровья. Какъ оказалось потомъ, никому изъ врачей не пришла мысль составить діагнозъ въ связи съ тѣмъ, о чемъ потомъ, послѣ его кончины, такъ много было говорено, съ эпизодомъ паденія его съ лошади, сопровождавшимся ударомъ въ голову и, можетъ быть, сотрясеніемъ въ спинномъ или головномъ мозгу.

Наступило морское купаніе. Какъ я говорилъ выше, съ перваго же купанія нельзя было не видать, что оно слишкомъ сильно для Великаго Князя, и никакъ не достигаетъ своей главной цѣли,—укрѣпленія, ибо тамъ, именно въ Скевенингенѣ, явилось въ состояніи Цесаревича то, чего у него никогда прежде не было: тревожная безсонница, прямой признакъ раздраженія и возбужденія вмѣсто укрѣпленія, которое всегда должно сопровождаться успокоеніемъ нервовъ организма. Что же происходило въ эти роковыя 5 недѣль?.. Потомъ, въ разговорѣ съ умными врачами, пришлось понять роковую тайну морского лѣченія: оно сразу начало усиливать не организмъ, а скрытую болѣзнь въ организмѣ, и способствовало быстрому и острому ея ходу. Вотъ что произвело скевен-

нингенское пребываніе: оно нанесло смертельный ударъ молодому организму, вызвавъ къ дѣйствію всѣ разрушительныя силы болѣзни. Въ бесѣдѣ съ этими врачами я задавалъ имъ вопросъ: а что было бы, если не было морского купанія? Они отвѣчали мнѣ: категоричести сказать ничего нельзя; но, судя по тому, что стало извѣстно изъ діагноза профессора Опольцера (Вѣнскаго), можно предположить, что если бы Великій Князь пробылъ два, три года въ ровномъ и умѣренномъ климатѣ, болѣзнь была бы пріостановлена, и онъ могъ бы, перейдя критическій періодъ, жить и окрѣпнуть. Повторяю, что сказалъ тогда: увы, высокіе міра сего призваны имѣть печальную привилегію предъ нами простыми смертными быть жертвами медицинскихъ недоразумѣній.

Я помню, какъ меня послали въ Франценсбаденъ лѣчиться отъ малокровія. Я поѣхалъ и началъ лѣчиться. На пятый день я почувствовалъ себя хуже. Докторъ сказалъ мнѣ: бросьте лѣченіе, оно вамъ не годится, и я бросилъ его, а въ Прагѣ, явившись къ тогдашней знаменитости въ медицинскомъ мірѣ и разсказавъ ему, что со мною случилось въ Франценсбаденѣ, выслушалъ отъ него резолюцію. Я очень радъ, что вы попали въ Франценсбаденѣ на честнаго врача, сказавшаго вамъ, бросьте лѣченіе; обыкновенно—бываетъ наоборотъ; мѣстные врачи говорятъ: умрите, но лѣчитесь.

Увы—такого простого обращенія врачей съ паціентами, высшіе міра рѣдко испытываютъ.

Изъ Брюсселя, гдѣ я пробылъ четыре дня, я отправился въ Остенде, чтобы оттуда добраться на пароходѣ до Дувра. Переходъ нашъ по Сѣверному морю былъ почти благополучный, но за два часа до Дувра пришлось перенесть качку, столь обычную въ Ламаншѣ. Дорогою я

замѣтилъ одну фигуру оригинальную: огромнаго роста, лѣтъ подъ пятьдесятъ человѣка, въ длинномъ плащѣ и въ тирольской шляпѣ, поглядѣвшаго на меня довольно внимательно и, какъ будто, съ любопытствомъ. У буфета въ Дуврѣ я снова увидѣлъ эту фигуру, но уже возлѣ себя и, потомъ, когда онъ подошелъ ко мнѣ, заговорилъ по-французски и спросилъ меня: не русскій-ли я? я отвѣтилъ нехотя, и представивъ себѣ, что имѣю дѣло съ какимъ-нибудь подозрительнымъ человѣкомъ, а можетъ быть и съ жуликомъ, постарался его избѣгать. Но каково мое было изумленіе, когда, выйдя на платформу вокзала, къ готовому для отхода поѣзду, я увидѣлъ, какъ кондукторъ почтительно поклонился этому таинственному великану, стоя у дверей отдѣленія 1-го класса. Едва онъ меня завидѣлъ, какъ подошелъ ко мнѣ, и пригласилъ сѣсть съ собою въ купэ; затѣмъ, онъ купилъ великолѣпныхъ персиковъ, предложилъ мнѣ и кондуктору далъ приказаніе это купэ считать за нимъ. Мы вошли, поѣздъ тронулся. Оказалось, что мой незнакомецъ былъ руссофилъ и говорилъ мнѣ о своихъ симпатіяхъ къ Россіи, о своей любви къ Москвѣ, гдѣ онъ былъ на послѣдней коронаціи; затѣмъ, онъ мнѣ сказалъ, что увидавъ меня, угадалъ во мнѣ русскаго хорошей семьи, по моимъ, будто бы, манерамъ, и въ заключеніе предложилъ мнѣ читать «Times», прибавивъ, что всякій порядочный человѣкъ, пріѣзжающій въ Англію, долженъ читать «Times». Говорилъ онъ о своей страсти къ охотѣ, о картинахъ, а я все не зналъ съ кѣмъ говорю, какъ и онъ не зналъ, съ кѣмъ онъ говоритъ. Наконецъ, передъ приближеніемъ къ Лондону, онъ отдаетъ мнѣ свою карточку, и я читаю на ней: Carl of Dudlay. Тогда и я ему далъ свою карточку.

Когда онъ прочелъ мою фамилію, онъ сказалъ: „О, какъ я радъ“, и сталъ еще любезнѣе со мною. Прежде всего онъ потребовалъ, чтобы я далъ ему слово пріѣхать къ нему въ Шотландію на охоту въ его замокъ, и затѣмъ, по пріѣздѣ въ Лондонъ, навѣстить его въ его домѣ въ Вестэнде. Зная, что изображаетъ собою шотландскій замокъ, какъ расходы, я ему слова не далъ, ограничившись обѣщаніемъ постараться пріѣхать, но обѣщался зайти къ нему въ Лондонѣ. Но вотъ поѣздъ остановился у Victoria Station, у громаднаго отеля Викторія.

Тутъ со мной мой новый пріятель сыгралъ ужасную штуку, желая мнѣ услужить. Я собирался остановиться въ этой гостинницѣ и пробыть въ Лондонѣ, тщательно скрывъ свой княжескій титулъ, изъ опасенія излишнихъ расходовъ, ибо въ то время больше чѣмъ теперь, титулъ князя въ Лондонѣ имѣлъ огромный престижъ, и обязывалъ англичанъ съ этимъ титуломъ соединять представленіе о богатствѣ.

Выходимъ мы изъ вагона. Едва я вышелъ, какъ ко мнѣ подлетѣли какіе-то мальчуганы въ красныхъ ливреяхъ. Но, о ужасъ, я слышу, какъ мой графъ Дэдлей громко говоритъ мальчуганамъ: «Возьмите вещи князя»,— указывая на меня. Въ мигъ на меня накинулись, взяли мои вещи, но прежде каждый мнѣ сотворилъ нижайшій поклонъ. Мой приговоръ, почти смертный, свершился. Съ той минуты я обреченъ былъ обанкротиться. Распростившись съ моимъ графомъ, я вошелъ въ гостинницу какимъ-то тріумфаторомъ: всѣ, конечно, кланялись и провожали меня до моего номера. Оказалось, это этотъ графъ Дэдлей былъ одинъ изъ богатѣйшихъ лордовъ Англіи, тотъ самый, который потомъ женился и имѣлъ приключеніе съ ожерельемъ своей молодой жены.

На другой день я отправился къ нему съ визитомъ. Въ Вестэнде у него оказался небольшой дворецъ. Войдя въ него, я ахнулъ отъ картины великолѣпія: никогда не видѣлъ такой богатой роскоши ни въ дворцахъ, ни въ частномъ домѣ. Кабинетъ его, въ два свѣта, представлялъ громадную залу. Потерянный въ немъ, мой великанъ-англичанинъ сидѣлъ у своего громаднаго, чернаго дуба, письменнаго стола. Онъ принялъ меня очень любезно, сперва послалъ купить большой планъ Лондона и принялся, когда его принесли, мнѣ объяснять этотъ планъ во всѣхъ подробностяхъ, а затѣмъ повелъ меня показывать свое жилище. Когда мы вошли въ его картинную галлерею, я остолбенѣлъ отъ изумленія и восторга. Чего-чего тамъ не было, начиная съ Рафаэля и Корреджіо. Онъ спокойно сказалъ мнѣ, какъ бы мимоходомъ, что купилъ галлерею картинъ кардинала Фэша, знаменитаго дяди Наполеона I, и въ ней-то и оказались всѣ эти chef d'oeuvre'ы стараго искусства... Разумѣется, вся роскошь мебели, бронзы, серебра, ковровъ, мрамора его дворца—показались мнѣ мизерными сравнительно съ этою восхитительною картинною галлереею...

Послѣ двухъ часовъ времени, я вышелъ изъ этой святыни сокровищъ искусства, какъ изъ волшебнаго замка. Но тутъ, въ заключеніе, очнувшись въ мірѣ реальномъ, я засмѣялся невольно, при встрѣчѣ съ характерною чертою нравовъ лорда-чудака... Я обратился къ нему съ вопросомъ: не знаетъ-ли онъ, гдѣ живетъ сэръ Ричардъ Мейнъ. Имя это извѣстно было во всей Европѣ. Уѣзжая изъ Петербурга, я получилъ отъ лорда Нэпира, британскаго посла, письмо на его имя, которое мнѣ нужно было для изученія лондонской полиціи. Сэръ Ричардъ Мейнъ былъ главный начальникъ полиціи въ Лондонѣ,

почтенный старикъ, назначенный на эту должность еще лордомъ Джономъ Россель, премьеромъ, знаменитымъ тѣмъ, что онъ создалъ и пустилъ въ ходъ новую лондонскую полицію въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ доселѣ.—Могъ-ли не знать о немъ мой лордъ Дэдлей.

И что же?

— Сэръ Ричардъ Мейнъ?—спросилъ онъ.—И, взявши планъ Лондона и показавъ мнѣ на немъ на Сити, сказалъ съ пренебрежительнымъ тономъ: онъ, вѣроятно, живетъ гдѣ-нибудь здѣсь. Больше онъ ничего не могъ мнѣ сказать.

Я вышелъ на улицу и, увидя извозчика, спросилъ его, гдѣ живетъ сэръ Ричардъ Мейнъ?

— Сэръ Ричардъ Мейнъ, — отвѣтилъ извощикъ, — а вотъ...

И онъ указалъ мнѣ на домъ, въ шагахъ двадцати отъ палаццо лорда Дэдлей.

Какъ характерна эта черта нравовъ. Одинъ изъ богатѣйшихъ лордовъ Англіи живетъ десятки лѣтъ рядомъ съ сэромъ Ричардомъ Мейнемъ и думаетъ, что онъ живетъ гдѣ-нибудь въ Сити, изъ аристократическаго пренебреженія къ полицейскому люду.

Я пошелъ къ сэру Ричарду Мейну. Онъ принялъ меня очень любезно, прочиталъ письмо посла и сказалъ, что вся полиція въ Лондонѣ къ моимъ услугамъ.

— Прежде всего,—сказалъ мнѣ почтенный и умный старикъ, бѣлый какъ лунь, съ энергичнымъ лицомъ и врожденною порядочностью во всей фигурѣ,—я вотъ что сдѣлаю: я васъ поставлю въ Лондонѣ въ пріятное и удобное положеніе: хотя вы говорите по-англійски, но все же, я думаю, что вамъ удобнѣе будетъ имѣть такого чичероне, который говоритъ по-французски и по англій-

ски. Я вамъ назначу одного изъ моихъ континентальныхъ инспекторовъ состоять при васъ во все время вашего пребыванія въ городѣ. Онъ вамъ покажетъ весь Лондонъ оффиціальный и тайный, и съ нимъ вамъ будетъ очень легко познакомиться со всѣми пружинами нашей полиціи. И ручаюсь вамъ,—прибавилъ старикъ,—вы останетесь моимъ агентомъ довольны.

Сказавши сіе, сэръ Ричардъ позвонилъ. Явился полицейскій.

— Дайте знать инспектору Миллеру, чтобы онъ немедленно явился ко мнѣ.

Въ получасовой бесѣдѣ со старикомъ, я узналъ главныя черты англійской полиціи. По словамъ ея главнаго начальника—нынѣшняя лондонская полиція имѣетъ несомнѣнныя качества: во-первыхъ,—сказалъ онъ,—ея достаточно много; во-вторыхъ, она состоитъ изъ расторопныхъ, смышленыхъ и дисциплинированныхъ людей; въ-третьихъ, она сумѣла себя поставить въ Лондонѣ на столько авторитетно и съ достоинствомъ, что всѣ ее уважаютъ и даже всѣ ея боятся.

— Вы меня спросите,—продолжалъ сэръ Ричардъ,—честные-ли у меня полицейскіе?—На это я вамъ скажу, что было бы съ моей стороны смѣшнымъ хвастовствомъ ручаться за то, что 5,000 человѣкъ полицейскихъ стражниковъ—честные люди, но могу только одно сказать: большая часть изъ полицейскихъ—люди развитые и смышленые, отлично понимающіе, что при своемъ хорошемъ положеніи имъ нѣтъ разсчета изъ-за отступленія отъ честности рисковать всего лишиться и попасть въ непривлекательную категорію исключеннымъ изъ штата лондонской полиціи... Когда лордъ Джонъ Россель переформировывалъ лондонскую полицію, онъ особенно заботился

о томъ, чтобы его будущій полицейскій былъ поставленъ въ возможно лучшее матеріалное положеніе, дабы у него не могло быть искушенія наживаться насчетъ отступленія отъ своего долга. И вотъ, результаты его заботливости по этому вопросу оказались утѣшительными. Я убѣдился, что не только мы, начальники полиціи, но большая часть лондонскаго народонаселенія можетъ положиться на свою полицію и, дѣйствительно, ей довѣряетъ; а это главное: полиція, безъ довѣрія къ ней населенія, — это мертвая и непроизводительная сила. Впрочемъ, вы всего лучше убѣдитесь въ этомъ по личнымъ вашимъ наблюденіямъ. Я дамъ инструкціи инспектору Мюллеру васъ ставить въ возможность близко посмотрѣть на бытъ моихъ полицейскихъ и на отношенія ихъ къ населенію.

Я уѣхалъ очарованный этимъ энергичнымъ, умнымъ и милымъ старикомъ.

Ровно черезъ два часа явился ко мнѣ съ карточкою отъ сэра Ричарда Мейна Миллеръ. Онъ оказался молодымъ, очень симпатичнымъ и порядочнымъ на видъ человѣкомъ. Говорилъ онъ совсѣмъ свободно по-французски и, какъ онъ мнѣ сказалъ, его главныя занятія заключаются въ исполненіи секретныхъ розысковъ на континентѣ. Оффиціальное его званіе было: inspector of the det ctive policy (detective—это значитъ сыскная полиція). Съ того же дня онъ поступилъ ко мнѣ въ постоянные чичеронэ.

Съ перваго же дня я убѣдился во всемогуществѣ моего чичеронэ, ибо когда мы явились къ дверямъ British музея и намъ объявили, что входъ закрытъ, моему инспектору достаточно было показать и преподнести свою магическую палку, и двери музея сразу предо мною открылись, и я сталъ его осматривать самымъ удобнымъ образомъ. Тоже

самое чудодѣйственное вліяніе производила палка моего компаніона вездѣ. Не только всѣ двери разверзались, но при этомъ оказывалось особенное какое-то почтеніе.

Круглая палка, или вѣрнѣе жезлъ полицейскаго въ Лондонѣ поразилъ меня своею силою въ этомъ городѣ, гдѣ, казалось бы, у толпы, переполняющей всѣ улицы, такая громадная сила самостоятельности и противодѣйствія. На первыхъ порахъ это лондонское движеніе по такимъ улицамъ, какъ Piccadilly или въ Сити, поразило меня: голова стала кружиться, Парижъ мнѣ показался потомъ мало населеннымъ и тихинькимъ городомъ въ сравненіи съ Лондономъ.

Десятки рядовъ экипажей сплошь наполняютъ улицу, и какъ будто все время наѣзжаютъ одинъ на другой; смотришь со страхомъ: вотъ, вотъ сейчасъ зацѣпитъ, разобьетъ въ дребезги; ѣзда при этомъ быстрая—но нигдѣ, ни зацѣпки и ловкость, съ которой проскакиваютъ встрѣчные экипажи одинъ мимо другого, показалась мнѣ зрѣлищемъ въ высшей степени курьезнымъ.

Для насъ, русскихъ, главнымъ курьезомъ въ то время въ Лондонѣ было наше посольство. Вообще, съ посольствами нашими я тогда не былъ знакомъ. Пришлось начать знакомство съ лондонскаго, а лондонское въ смыслѣ экземпляра курьезности было своего рода левіафаномъ. Посломъ нашимъ тогда былъ знаменитый Брунновъ. Никогда послѣ не встрѣчалъ подобнаго типа. Знаменитымъ онъ былъ потому, что года сидѣлъ безвыѣздно въ Лондонѣ, отличался капризностью своего характера, съ княземъ Горчаковымъ былъ въ отношеніяхъ пикантріи, и паче всего извѣстенъ былъ тѣмъ, что ничего не признавалъ, кромѣ своей собственной особы.

Я къ нему явился въ качествѣ русскаго. Онъ меня

принялъ, и тогда я увидѣлъ передъ собою эту толстую и рослую фигуру, напоминающую неуклюжаго бегемота, съ большою головою, бритую, съ лицомъ ничего не выражающимъ, кромѣ полнѣйшаго безучастія,—я получилъ впечатлѣніе, какъ отъ зрѣлища чего-то курьезнаго въ какой-нибудь кунсткамерѣ, и больше ничего.

Первый вопросъ, который мнѣ задалъ знаменитый баронъ, былъ чисто брунновскаго цинизма.

— Надѣюсь,—сказалъ онъ мнѣ по-французски,—что вы не имѣете ко мнѣ никакой просьбы.

Я отвѣтилъ такъ же.

— Нѣтъ, баронъ, сознаюсь, въ предвидѣніи именно этого вопроса, я заручился уже въ Петербургѣ рекомендательными письмами лорда Нэпира.

— А для чего вы пріѣхали въ Лондонъ?

— Для изученія лондонской полиціи.

— Ну, вотъ видите, какъ это выходитъ кстати (comme cela se trouve bien), въ этомъ дѣлѣ я ровно ничего не смыслю, и ничѣмъ не могу быть вамъ полезнымъ.

Затѣмъ проявленія его цинизма шли crescendo.

Изъ разговора онъ узналъ, что я былъ въ Скевенингенѣ и видѣлся съ Цесаревичемъ.

Тогда онъ вдругъ перемѣнилъ свой тонъ; сталъ какъбы медовымъ, и не только обѣщалъ мнѣ пригласить къ себѣ къ обѣду, и *честь* быть представленнымъ à madame la baronne, но, какъ ни въ чемъ не бывало, предложилъ мнѣ тѣ самыя услуги, отъ которыхъ такъ цинично онъ отказалъ мнѣ въ началѣ, въ предвидѣніи моей просьбы о нихъ.

— Можетъ быть, вамъ нужна рекомендація къ министру внутреннихъ дѣлъ, или къ кому-нибудь другому: я въ Лондонѣ для всѣхъ свой человѣкъ.

Несмотря на такую вдругъ проявившуюся любезность, я соблюлъ свое достоинство и отвѣтилъ барону, что никакими просьбами его утруждать не буду.

На этомъ мы разстались. Я дѣйствительно былъ удостоенъ приглашенія обѣдать, и познакомился съ знаменитою баронессою, съ черными локонами, окаймлявшими толстое, безъ всякаго выраженія, лицо, и нашелъ ее совершенно одинаковаго типа съ мужемъ. Оба разговаривали, но я все время испытывалъ непріятное ощущеніе, что говорили они по необходимости, безъ малѣйшаго жизненнаго участія къ лицу и къ предметамъ разговора. Мнѣ казалось, что я провелъ два часа въ обществѣ говорящихъ мумій. Самымъ интереснымъ и характернымъ за весь обѣдъ эпизодомъ были слова Бруннова, мною записанные въ путевой дневникъ, какъ голосъ нашего дипломата, какъ квинтъ-эссенція его credo.

— Я всегда говорю моимъ дорогимъ соотечественникамъ, къ счастью ихъ въ Лондонѣ немного,—если вы имѣете наивность думать, что посольство служитъ для васъ, то вы жестоко ошибаетесь...

Въ этомъ отношеніи заслуга Бруннова заключалась пожалуй въ томъ, что онъ съ цинизмомъ высказывалъ то, что его милые коллеги практиковали, какъ и онъ но только подъ прикрытіемъ любезныхъ формъ и пустяшныхъ отговорокъ.

И это былъ Андреевскій кавалеръ.

Мнѣ говорили, что карьерою своею въ началѣ онъ былъ обязанъ своему красивому почерку, а затѣмъ своему стилю. Что онъ сдѣлалъ для Россіи полезнаго, я никогда не могъ узнать, но подъ конецъ его карьеры его могли цѣнить потому, что онъ годы высиживалъ въ Лондонѣ—и

пріучилъ къ своей фигурѣ и къ своему чудачеству чуть-ли не весь политическій міръ Англіи.

Вообще, какъ я сказалъ, такого оригинальнаго и самобытнаго типа цинизма, въ своемъ презрѣніи къ какимъ-то ни было нравственнымъ обязаностямъ по должности, и въ своемъ куртизантствѣ, я никогда не встрѣчалъ. Изъ куртизантскаго поклоненія и самоуниженія онъ дѣлалъ культъ, и находилъ въ его отправленіи какое-то циничное наслажденіе, какъ онъ самъ въ томъ сознавался.

Какой націи онъ былъ, какой вѣры, такъ я никогда не могъ узнать; но одно было всѣмъ извѣстно, это удивленіе каждаго, что столько лѣтъ могъ быть русскимъ посломъ въ Лондонѣ человѣкъ, который ничего не признавалъ, кромѣ заботы о своемъ здоровьѣ, и столько же любилъ Россію, какъ любилъ ее любой англичанинъ.

Познакомился я также съ священникомъ нашей церкви, отцомъ Е. И. Поповымъ. Это былъ умный и почтенный старикъ, съ сѣдыми обстриженными до воротника волосами, съ гладко выбритымъ лицомъ, и съ физіономіею и манерами англиканскаго пастора.

По этому поводу мнѣ пришлось замѣтить характерную черту въ нашемъ заграничномъ духовенствѣ: въ Берлинѣ русскій священникъ похожъ на пруссака, въ Лондонѣ—на англичанина, въ Парижѣ—на француза; но ни въ одномъ изъ этихъ трехъ городовъ мнѣ не пришлось увидѣть сберегшаго свою первобытную личность русскаго священника. Въ разговорѣ почтенный Евгеній Ивановичъ Поповъ жаловался мнѣ на три вещи: 1) на скуку въ Лондонѣ, 2) на дороговизну жизни: съ содержаніемъ въ 1,000 фунтовъ ему приходилось позволять себѣ мясныя блюда только два раза въ недѣлю, и 3) на полный индифферентизмъ къ русской церкви почтеннаго нашего посла...

Скука въ Лондонѣ происходила отчасти отъ отсутствія русскаго общества... Большинство русскихъ, находившихся въ Лондонѣ, составляли герценисты и бакунисты, которымъ, разумѣется, до русскаго священника и русской церкви не было ни малѣйшаго дѣла.

Мое изученіе полиціи въ Лондонѣ продолжалось около двухъ недѣль. Въ это время я успѣлъ также познакомиться съ учрежденіями и нравами, которые по своей оригинальности только и мыслимы въ такой странѣ оригинальности, какъ Англія. Поздно вечеромъ, мой инспекторъ повезъ меня въ кварталъ доковъ, знакомить съ *воровскими интернатами* или lodging house, какъ они тамъ называются. Двое мѣстныхъ инспекторовъ насъ встрѣтили, съ маленькимъ отрядомъ изъ 4 полисменовъ, и въ первомъ часу ночи мы начали осмотръ трехъ-этажнаго большого дома, гдѣ изволили ночевать лондонскіе воры. Жили они по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, и кромѣ спаленъ имѣли свою общую столовую, свою умывальную и ванную комнату, свою читальню и даже свою курительную комнату, такъ какъ изъ *уваженія* къ старымъ традиціямъ—чтобы не безпокоить некурящихъ воровъ, курить не позволялось ни въ спальнѣ, ни въ столовой, ни въ читальнѣ... Въ домѣ царствовала полная тишина сна... Когда мы входили, и жильцы, просыпаясь, сквозь просонокъ видѣли фигуру знакомыхъ имъ инспекторовъ, они привѣтствовали ихъ любезнымъ: good night. Когда инспекторъ, увидѣвъ пустыя желѣзныя кровати спрашивалъ: гдѣ такой-то, на работѣ?—сосѣдъ преспокойно отвѣчалъ: да, на работѣ. Быть на работѣ означало заниматься воровствомъ... По словамъ моихъ чичероне оказывалось, что какъ только совершалась гдѣ-нибудь кража, прежде всего обыски концентрировались въ этомъ домѣ, и, въ случаѣ

нужды, на этотъ или другой кружокъ воровъ возлагалась полиціею обязанность розыскать во что-бы то ни стало украденныя вещи...

Я посѣтилъ въ томъ же кварталѣ ночное увеселительное мѣсто для рабочаго и матроскаго населенія домовъ. Это была громадная зала, гдѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ— и какихъ женщинъ, страшно высказать—плясало, пѣло, гуляло, болтало; пили и ѣли съ нравами полнаго разгула... Въ иныхъ мѣстахъ этой громадной залы разгулъ былъ отвратительный.

— Это самое опасное мѣсто въ Лондонѣ, — сказалъ мнѣ инспекторъ,—это клубъ всѣхъ сорви-головъ Лондона; и если здѣсь страсти разгорятся, то бѣда... У насъ здѣсь до ста переодѣтыхъ полисменовъ каждую ночь, да на готовѣ столько же...

Какъ я сказалъ выше, съ минуты, какъ я былъ названъ княземъ въ моей гостинницѣ, я былъ приговоренъ къ банкротству. И дѣйствительно, счета, подававшіеся мнѣ въ гостинницѣ,—къ концу второй недѣли моего пребыванія въ Лондонѣ опустошили мою казну до такой степени, что я долженъ былъ телеграфировать въ Петербургъ просьбу о присылкѣ мнѣ денегъ, и спѣшить выѣздомъ изъ Лондона, какъ можно скорѣе. Прощальныя мои впечатлѣнія въ Лондонѣ были не изъ поэтичныхъ... Поѣхалъ я съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, въ знаменитый тогда Cremorn Garden, увеселительный садъ, въ родѣ парижскаго Mabile, но только съ тою разницею, что послѣдній показался мнѣ чуть ли не порядочнымъ и даже благоприличнымъ въ сравненіи съ лондонскимъ. Англичане, видно, не любятъ дѣлать вещей на половину: коли быть неприличнымъ, такъ ужъ совсѣмъ. И замѣчательно,

что послѣ этого я на своемъ вѣку нигдѣ не встрѣчалъ такого цинизма въ неприличіи, какъ въ Cremorn Garden. Большой садъ съ музыкою и шансонеточными пѣвицами, освященъ à giorno; нигдѣ не было темнаго уголка; садъ переполненъ замѣчательными красавицами; все лондонскія кокотки, и одна элегантнѣе другой. Но затѣмъ, что позволяютъ себѣ эти прелестныя дѣвы относительно мужчинъ при томъ яркомъ освѣщеніи, — не берусь описывать... Скажу только, хотите ли вы, или не хотите, никто васъ о томъ не спрашиваетъ, но въ любую минуту къ вамъ подходятъ двѣ-три красавицы и берутъ васъ въ плѣнъ. Всѣ подробности этого плѣненія, коего намъ приходилось быть свидѣтелями то направо, то налѣво, до того насъ испугали, что въ ту минуту, когда къ намъ подошли три красавицы, прося угощенья, мы бѣжали отъ ужаса изъ этого сада!..

Вторымъ прозаическимъ впечатлѣніемъ было знакомство на практикѣ съ лондонскою медициною. Не желаю ее врагу. Заболѣвъ отъ лондонской кухни гастрическимъ разстройствомъ, я обратился къ врачу. Врачъ, какъ оказалось, есть въ тоже время и аптекарь, онъ самъ готовитъ свое лекарство, и вотъ онъ мнѣ любезно предложилъ своего изобрѣтенія слабительное. Вспомнить объ этомъ смѣшно, но въ то время, когда я переживалъ дѣйствіе этого лекарства, я думалъ, что приходится прощаться съ жизнью. Ничего подобнаго никогда не испыталъ послѣ. Послѣ такого лѣченія я просто бѣжалъ изъ Лондона, чтобы сколько нибудь возстановить свои силы. Въ утѣшеніе мнѣ сказали, что англійскіе желудки по отношенію къ континентальнымъ все равно, что лошадиные сравнительно съ человѣческими.

Прибылъ наконецъ изъ Лондона въ Парижъ, который,

не смотря на лѣтнее время, показался мнѣ въ сравненіи съ Лондономъ раемъ земнымъ. Это былъ золотой вѣкъ Имперіи. Парижъ украшался и чистился великимъ чудодѣемъ Гаусманомъ. Полисмены въ треуголкахъ казались джентельменами. Войска двигались по улицамъ, трубили военныя трубы, билъ барабанъ; Булонскій лѣсъ былъ восхитителенъ своею роскошью въ чистотѣ. Всѣ интересы дня сосредоточивались около Тюльерійскаго дворца. Наполеонъ III въ немъ жилъ въ ореолѣ генія. Онъ считался тогда главною силою въ Европѣ, и будущій его страшный соперникъ Бисмаркъ, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, гдѣ былъ посланникомъ, начиналъ только зарождаться. Изъ бесѣдъ того времени съ герцогомъ Николаемъ Лейхтенбергскимъ и съ окружавшими Великую Княгиню Марію Николаевну я могъ составить себѣ представленіе о Наполеонѣ III. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова пріятный и даже съ обаятельнымъ умомъ человѣкъ. Онъ прелестно разговаривалъ, прелестно слушалъ. никогда не выходилъ изъ себя, никто не зналъ, какъ сердится Наполеонъ III. Въ такую критическую минуту, когда, казалось, послѣднее терпѣнье должно было быть въ немъ истощено, и всѣ ожидали грозы, Наполеонъ III говорилъ только: cela ne peut pas aller, comme cela. Про Императрицу Евгенію говорили, что она была очень добрая и милая женщина. Но про entourage тюльерійскихъ величествъ отзывы были куда менѣе благопріятны. За исключеніемъ двухъ-трехъ, и въ томъ числѣ Морни, про большинство говорили, что это были люди de sac et de corde. Въ числѣ нелюбимыхъ былъ знаменитый Plon Plon, двоюродный братъ императора, принцъ Наполеонъ. Онъ былъ олицетвореніемъ безтактности и циническаго самодурства; кромѣ того, онъ былъ при дворѣ главою антирусской

партіи, и по тогдашнимъ отзывамъ никто болѣе этого кузена, дерзкаго, коварнаго и въ то же время игравшаго въ либерала, не вредилъ популярности императора. Наполеонъ III, какъ тогда мнѣ разсказывали, не скрывалъ своихъ симпатій къ Россіи. Послѣ крымской войны, которую онъ велъ подъ вліяніемъ лично претерпѣнныхъ отъ Николая I оскорбленій, но въ особенности подъ вліяніемъ Пальмерстона, его психическій міръ по отношенію къ Россіи можно было выразить словомъ: сожалѣніе, которое его побуждало все дѣлать и всего желать, чтобы загладить впечатлѣнія 1854 года; но тогда же говорили, что. не взирая на сомнительную роль, игранную Пруссіею во время крымской войны относительно Россіи, тяготѣніе къ Берлину въ Петербургѣ всегда было сильнѣе, чѣмъ къ Парижу, и обливало холодною водою авансы Тюльерійскаго двора къ Россіи. Я помню разсказъ, какое сильное впечатлѣніе на Наполеона III произвело свиданіе съ вдовствующею Императрицею Александрою Ѳеодоровною вскорѣ послѣ войны, на югѣ Франціи. Разсказъ этотъ исходилъ отъ самого Наполеона III. Императрица, поборовъ въ себѣ всѣ чувства жены и русской, поборовъ въ себѣ всѣ тяготы ея болѣзни, собравши всѣ свои силы, является передъ Наполеономъ III русскою Императрицею, во всемъ импозантномъ величіи этого слова. Она приняла императора стоя, и когда Наполеонъ III вошелъ, и увидѣлъ ея лицо, ея позу, ея станъ, въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ что-то въ родѣ страха, онъ почувствовалъ себя склоненнымъ передъ чѣмъ то великимъ.

И, какъ онъ самъ говорилъ, послѣ того свиданія, этотъ прекрасный образъ величія наполнилъ его душу глубокимъ сожалѣніемъ о прошломъ (respectueux regrets

du passé) и искреннимъ желаніемъ его предать навсегда забвенію.

Послѣ этого Великая Княгиня Марія Николаевна провела нѣкоторое время въ Парижѣ, остановившись въ гостинницѣ. Тутъ ее навѣстилъ Наполеонъ III. Великая Княгиня была слишкомъ дочерью своихъ Родителей, чтобы не умѣть впечатлять величіемъ въ пріемѣ. Свидѣтель этого перваго свиданія мнѣ разсказывалъ, какъ онъ восхищался чудною фигурою Великой Княгини, съ осанкою царицы и съ профилью Николая I, стоявшей на площадкѣ у своихъ комнатъ въ ту минуту, когда по лѣстницѣ всходилъ императоръ. Она протянула ему руку, онъ нагнулся и поцѣловалъ ее... и затѣмъ у самыхъ дверей произошелъ нѣкоторый qui pro quo, не лишенный характерности.

По обычаю въ Парижѣ, Наполеонъ входитъ въ комнаты Великой Княгини въ пальто, съ тростью въ рукахъ. Великая Княгиня стоитъ въ дверяхъ и съ тономъ любезнаго, но внушительнаго напоминанія говоритъ ему: Sir, vous entrez dans mon salon. Наполеонъ ничего не отвѣтилъ, и продолжалъ входить. Только послѣ повторенія этой фразы, Наполеонъ остановился и оглянулся.

— Возьмите пальто императора,—приказала великая княгиня по французски.

Послѣ этого оффиціальнаго и проникнутаго достоинствомъ пріема, Великая Княгиня перешла къ дружескимъ отношеніямъ родственницы, ибо, какъ извѣстно, по мужу своему, герцогу Лейхтенбергскому, Великая Княгиня считалась въ родствѣ съ Наполеономъ. Я запомнилъ презабавный эпизодъ изъ интимной жизни Наполеоновскаго двора въ С.-Клу. Однажды при императорѣ за обѣдомъ Великая Княгиня заговорила о французской орфографіи

и о томъ, какъ трудно сочетаніе participe'овъ. Кто то возразилъ и сталъ доказывать, что ничего нѣтъ легче, какъ примѣненіе этихъ правилъ. Наполеонъ высказался за великую княгиню, и прибавилъ: я постараюсь вамъ доказать это на дѣлѣ. И вотъ, на слѣдующій день, послѣ обѣда, къ которому были приглашены всѣ знаменитѣйшіе знатоки французской словесности и литературы съ Villemain во главѣ, Наполеонъ III предлагаетъ всѣмъ гостямъ сѣсть за столъ, на которомъ уже были приготовлены бумага, перья и чернильница, и писать подъ его диктовку. Диктовка эта была имъ сочинена нарочно съ самыми трудными, относительно participe'овъ passéss фразами: въ ней было всего семь строкъ. Послѣ диктовки начался экзаменъ: оказалось, что ни одной диктовки не было написано безъ ошибокъ. Villemain сдѣлалъ три ошибки, императрица 7 ошибокъ, столько же Великая Княгиня. Вы видите, — заключилъ Наполеонъ, улыбаясь своимъ тонкимъ и добродушнымъ смѣхомъ,—что правила о participe'ѣ не совсѣмъ такъ легки.

Говорили тогда тоже объ англоманіи Наполеона III. Люди компетентные подтверждали этотъ слухъ, и ею, то есть этою англоманіею, объясняли тогда, почему русскія симпатіи Наполеона III, которыя въ немъ были и правдивы и искренни, на самомъ дѣлѣ въ немъ оставались въ состояніи невоздѣланномъ и, имѣя скорѣе пассивный характеръ, оказывались непроизводительными. Наполеонъ III подчинялся, часто безъ участія въ томъ его воли, англійскому вліянію, къ котому имѣлъ какой то странный культъ. Разумѣется, и въ то время англичане ничего такъ не ненавидѣли, какъ чьи бы то ни было симпатіи къ Россіи, и тѣмъ паче симпатіи крымскаго ихъ союзника, и потому не упускали никакого случая, чтобы

противодѣйствовать стремленію Наполеона къ сближенію съ Россіею, и увѣрять его въ томъ, что единственный вѣрный союзникъ и другъ Франціи — это Англія.

Замѣчательно было, что, при несомнѣнномъ умѣ Наполеона III, онъ ни разу не задавалъ себѣ вопроса насчетъ степени довѣрія, котораго, послѣ столь поучительныхъ опытовъ исторіи, могло заслуживать увѣреніе англійской дружбы.

Совершивъ круговую поѣздку по Швейцаріи и отчасти по Германіи, я къ концу осени, уже на возвратномъ пути въ Россію, пріѣхалъ въ Дармштадтъ, гдѣ находилась вся Царская Фамилія, и куда прибылъ изъ Даніи, уже послѣ помолвки, Цесаревичъ.

Въ минуту моего пріѣзда маленькій Дармштадтъ показался мнѣ Царскимъ Селомъ, по сновавшимъ въ разныхъ направленіяхъ придворнымъ русскимъ лакеямъ, фельдъегерямъ и т. д.

Переночевавъ въ гостинницѣ, я отправился утромъ гулять по саду, и тамъ встрѣтилъ Государя, любезно меня остановившаго.

Я поздравилъ Государя съ помолвкою Цесаревича.

— И тебя поздравляю,—сказалъ мнѣ Государь, съ сіявшимъ отъ радости лицомъ.

Къ вечеру получилъ приглашеніе во Дворецъ на чай и на собраніе. Тутъ я свидѣлся съ Цесаревичемъ. Несказанно обрадовался увидѣть на лицѣ его, прежде всего, естественную радость и, затѣмъ, отраженіе свѣжести и отдыха.

— Вы меня днемъ не застали,—сказалъ онъ мнѣ,— приходите ко мнѣ послѣ собранія, мы побесѣдуемъ по старому...

Собраніе имѣло тотъ же характеръ, какъ въ царско-

сельской китайской гостиной. Императрица сидѣла у круглаго чайнаго стола и разливала чай. Государь игралъ въ ералашъ со своими партнерами: графомъ Адлербергомъ, И. М. Толстымъ и графомъ Шуваловымъ. Новыя были только лица дармштадтскаго дворца: великій герцогъ, почтенный и пожилой человѣкъ около 50 лѣтъ, великая герцогиня, принцъ Александръ, братъ Императрицы и принцесса, и молодые герцоги. Тутъ былъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, предложившій мнѣ вмѣстѣ съ нимъ на другое утро вернуться въ Россію.

Послѣ собранія я отправился къ Цесаревичу.

Это была, увы, послѣдняя съ нимъ бесѣда. На другой день онъ долженъ былъ уѣхать на югъ, такъ какъ рѣшено было, что зиму онъ проведетъ или въ Италіи, или на югѣ Франціи. Когда я вошелъ, Цесаревичъ подошелъ къ дверямъ, заперъ ихъ и сказалъ:

— Теперь мы можемъ говорить по душѣ...

Не ожидая моихъ вопросовъ, Цесаревичъ сказалъ:

— Ну, Владиміръ Петровичъ, теперь вы будете мною довольны: я могу сказать, что предчувствую счастье...

Тутъ Цесаревичъ мнѣ передалъ свои новыя и прелестныя ощущенія жениха, очертилъ свое пребываніе въ Даніи, и чѣмъ больше онъ вводилъ меня въ свой новый міръ и расширялъ горизонтъ своихъ впечатлѣній, тѣмъ отраднѣе становилось на душѣ.

— Теперь я у берега,—говорилъ мнѣ Цесаревичъ,— Богъ дастъ, отдохну и укрѣплюсь зимою въ Италіи, затѣмъ свадьба, а потомъ новая жизнь, семейный очагъ, служба и работа... Пора... Жизнь бродяги надоѣла... Въ Скевенингенѣ все черныя мысли лѣзли въ голову. Въ Даніи онѣ ушли и смѣнились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невѣста ихъ мнѣ дала, съ тѣхъ

поръ я живу мечтами будущаго... Мнѣ рисуется нашъ домъ и наша общая жизнь труда и совершенствованія... И вы знаете, что я вамъ скажу: вѣроятно, это вамъ доставитъ удовольствіе,—однимъ изъ виновниковъ моего возрожденія будете вы; вы умѣли находить во мнѣ хорошія стороны и будили постоянно мою энергію. Помните, какъ вы меня журили въ Скевенингенѣ? Да, Владиміръ Петровичъ, мы съ вами пережили дурные дни, дастъ Богъ, начнемъ переживать лучшіе. Ну, что, каковы ваши путевыя впечатлѣнія? Изъ вашихъ писемъ я увидѣлъ, что вамъ менѣе всего понравилась Англія. Я даже думаю, что Англію любить могутъ только англичане.

Я передалъ Цесаревичу сущность моихъ впечатлѣній.

Передалъ я ихъ со смущеніемъ, ибо получилъ главное впечатлѣніе такое: вездѣ лучше чѣмъ у насъ въ смыслѣ порядка и людей. И совсѣмъ независимо отъ политическаго міра. Въ Англіи лучше при парламентѣ; во Франціи лучше при подобіи англійской конституціи, цезаризмѣ; въ Швейцаріи—при республикѣ.

— Да, это правда,—отвѣтилъ мнѣ Цесаревичъ,—хотя я гораздо меньше васъ видѣлъ чужіе края, но я испыталъ то же самое впечатлѣніе. Но я утѣшаю себя тѣмъ, что у насъ вся будущность впереди. Здѣсь, въ Европѣ лѣто, а у насъ въ Россіи весна, съ ея неурядицами, но за то и съ ея надеждами, съ ея первыми отпрысками пробуждающейся жизни. Вся работа впереди.

— Вы очень вѣрно сравнили Европу съ лѣтомъ и Россію съ весною,—отвѣтилъ я Цесаревичу,—но меня одно смущаетъ: люди, или безлюдіе: какіе у насъ государственные люди? Что они не геніи, это не бѣда, геніевъ и въ Европѣ нѣтъ; а бѣда въ томъ, мнѣ кажется, что они какъ будто вовсе не интересуются Россіею, а

здѣсь каждый интересуется своимъ дѣломъ потому, что интересуется своимъ государствомъ.

— И это правда,—сказалъ Цесаревичъ,—но до извѣстной степени, мнѣ кажется, что люди есть, но только ихъ не ищутъ. Сколько людей и дѣльныхъ и интересныхъ намъ пришлось видѣть въ прошломъ году во время нашего путешествія по Россіи. Я, напримѣръ, думаю, что если земскія учрежденія у насъ пойдутъ съ толкомъ, то получится отличная школа для выработки людей.

Вотъ дайте мнѣ только жениться... Какъ бы то ни было, а до сихъ поръ и я жилъ за китайскою стѣною... Мы выѣзжали въ свѣтъ, эту зиму, съ Сашею, а много ли толку было: все сплетни да сплетни... А когда я женюсь, и у меня будетъ свой домъ, китайская стѣна провалится, и мы будемъ искать и принимать людей...

Нѣкоторые говорятъ, что людей создаетъ конституціонный образъ правленія. Я объ этомъ не разъ думалъ и кое съ кѣмъ разговаривалъ. По моему врядъ ли это вѣрно... Посмотрите вѣкъ Екатерины... Вѣдь это былъ вѣкъ богатѣйшій людьми—не только у насъ, но сравнительно во всей Европѣ. Возьмите николаевскую эпоху... Сколько людей замѣчательныхъ онъ вокругъ себя создалъ... Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ, что форма правленія тутъ не при чемъ. Это мое твердое убѣжденіе, и я надѣюсь, что никто меня въ этомъ отношеніи не разубѣдитъ. Мнѣ представляется, что неограниченный монархъ можетъ гораздо болѣе сдѣлать блага для своего народа, чѣмъ ограниченный, потому что въ каждой палатѣ гораздо болѣе интересовъ личныхъ и партійныхъ, чѣмъ можетъ ихъ быть въ самодержавномъ государѣ...

Слова эти я записывалъ потомъ въ свой дневникъ подъ глубокимъ ихъ впечатлѣніемъ. Скажу откровенно,

хотя я четырьмя годами былъ старше Великаго Князя, но они имѣли для меня авторитетное вліяніе, ибо въ то время, испытывая поневолѣ дѣйствіе сильно напиравшихъ на жизнь либеральныхъ стремленій, я иногда чувствовалъ себя колеблющимся и, во всякомъ случаѣ, твердымъ хозяиномъ своихъ политическихъ убѣжденій, какъ послѣ далеко еще себя не чувствовалъ... мнѣ подчасъ казалось, что авторитетнѣе и умнѣе меня тѣ люди, которые такъ смѣло вели пропаганду, противоположную убѣжденіямъ моимъ, привитымъ мнѣ съ дѣтства карамзинскою семьею.

Записалъ изъ этого разговора еще слѣдующее.

Говоря о людяхъ, Великій Князь сказалъ приблизительно слѣдующее: «Да и грѣшно мнѣ было бы не вѣрить въ то, что есть люди. Благодаря графу Строгонову я имѣлъ возможность сходиться съ такими почтенными и достойными людьми, что было бы съ моей стороны глупо отрицать фактъ, что люди есть; если въ ограниченномъ районѣ, графъ Строгановъ выбиралъ для меня профессоровъ, нашлись прекрасные люди, то, разумѣется, они имѣются въ обширномъ районѣ русскихъ людей... Во всякомъ случаѣ, на нихъ основана вся моя надежда на мое дальнѣйшее образованіе—въ будущемъ».

Былъ второй часъ ночи, когда мы какъ будто очнулись отъ бесѣды и вспомнили, что давно всѣ спятъ въ благочестивомъ замкѣ... Наступила минута разставанія...

Великій Князь меня обнялъ, со словами: до свиданія, до весны...

— Кланяйтесь брату (Великому Князю Александру Александровичу)—были его послѣднія слова,—скажите ему, что вы меня видѣли счастливымъ и вѣрящимъ въ счастье, и скажите ему, чтобы онъ мнѣ почаще писалъ; я васъ прошу мнѣ писать обо всемъ, и особливо о братѣ,

малѣйшая подробность о немъ меня интересуетъ, и, пожалуйста, будьте ему вѣрнымъ другомъ. Богъ съ вами...

На этомъ мы разстались.

Въ 8 часовъ утра я выѣхалъ изъ Дармштадта.

Черезъ три дня поѣздъ остановился на царскосельской станціи въ пятомъ часу вечера. Брата своего пріѣхалъ встрѣтить Великій Князь Александръ Александровичъ.

Великій Князь Владиміръ Александровичъ сѣлъ въ коляску съ графомъ Перовскимъ, а меня Великій Князь Александръ Александровичъ посадилъ въ свою коляску и повезъ къ себѣ. Глубоко тронуло меня то радушіе, съ которымъ онъ меня увидалъ неожиданно въ поѣздѣ.

XXXIV.

(1864—1865 года).

Возвращеніе изъ-за границы.—Князь В. А. Долгоруковъ.—Земскія броженія умовъ —Агитація и интриги противъ М. П. Муравьева —Уходъ Муравьева.—Князь С. Н. Урусовъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, явился къ своему министру Валуеву и засталъ его въ розовомъ настроеніи. Вручилъ ему книжку, Peerage, которую онъ мнѣ поручилъ для него купить въ Лондонѣ, а на вопросъ, который онъ мнѣ задалъ: благополучно ли я съѣздилъ? — отвѣтилъ ему, что вернулся съ душею, ущемленною досадою отъ всего того хорошаго, что есть заграницею, и нѣтъ у насъ...

— Да,—сказалъ съ обычною emphase Валуевъ:—намъ недостаетъ очень многаго для того, чтобы имѣть право себя считать частью цивилизованной Европы; вотъ эта маленькая штучка, — сказалъ онъ, указывая на Peerage, — она, въ сущности, изображаетъ собою то главное, чего намъ недостаетъ: это поколѣнія людей, изъ рода въ родъ приготовляющихся къ великому дѣлу государственной службы; у насъ управляетъ чиновникъ, тамъ политическія традиціи. Это маленькая разница, — съ оттѣнкомъ ироніи прибавилъ Валуевъ.

Еще немного и Валуевъ пришелъ къ той мысли, что

и я: что у насъ паче всего ощущается недостатокъ въ *людяхъ*...

Это мнѣ показалось не лишеннымъ пикантности... Когда я, или другой кто-либо, сѣтовалъ на недостатокъ у насъ людей, то, между прочимъ, какъ доказательство этого недостатка людей непремѣнно должна была являться въ умѣ помпезная фигура Валуева, во свидѣтельство этого неурожая на людей, достойныхъ занимать высшія государственныя должности... Но чтобы самъ Валуевъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ говорилъ тоже самое, что мы, будучи министромъ самаго важнаго министерства въ самое важное время, это было именно пикантно потому, что, очевидно, не въ себѣ онъ видѣлъ торжество принципа неспособнаго, замѣняющаго мѣсто способнаго, а въ другихъ и, несомнѣнно, подъ словами: недостатокъ въ людяхъ — разумѣлъ недостатокъ въ себѣ подобныхъ: два, три Валуевыхъ,—думалъ вѣроятно онъ,—и мы имѣли бы вѣкъ славнѣй екатерининскаго!..

Потомъ этотъ пикантный qui pro quo я встрѣчалъ въ нашихъ государственныхъ людяхъ часто: сидишь передъ государственнымъ человѣкомъ, про котораго думалось одно: какими судьбами такой убогій человѣкъ могъ попасть въ государственные люди? И первое, что слышишь, какъ размышленіе, это фраза, сказанная какъ бы тономъ самого Юпитера съ Олимпа, тономъ пренебреженія и жалости къ простымъ смертнымъ: *людей нѣтъ*...

Покойный Ф. М. Тютчевъ въ то время, я помню, не веселѣе смотрѣлъ на недостатокъ въ людяхъ, но свою безотрадную мысль высказывалъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ тогда, напримѣръ, когда являлся вакантный постъ, послѣ чьей-либо смѣны, и эта смѣна вызывала радость.

— Не торопитесь радоваться,—говорилъ онъ по французски,—можетъ быть придется плакать надъ преемникомъ.

Одинъ тогда былъ государственный человѣкъ, который никакими размышленіями пессимиста не отуманивалъ своего горизонта и всегда являлся въ сіяніи привѣтливой улыбки, это тогдашній шефъ жандармовъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ.

Это одинъ изъ людей, про котораго, заглянувъ въ давно минувшую даль, пріятное воспоминаніе невольно сливается съ грустью.

Это былъ замѣчательный типъ олицетворенія порядочности, доброты и скромности: его здравый смыслъ питался этими качествами и создавалъ для него, какъ для шефа жандармовъ, какой-то его собственный міръ, гдѣ все было, начиная отъ всѣхъ оттѣнковъ и принциповъ настоящаго вельможи, и кончая всѣми тонкостями любезнаго человѣка, все, кромѣ міра государственнаго человѣка... Съ перваго же разговора съ нимъ можно было понять такого пріятнаго и привлекательнаго даже человѣка другомъ Государя, именно вслѣдствіе его благородства и симпатичности, но его физіономію государственнаго человѣка никакъ нельзя было постигнуть... Императоръ Николай I, когда князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ былъ еще молоденькимъ, свѣженькимъ красавцемъ корнетомъ конно-гвардейскаго полка, взялъ его однажды въ свои могучія руки, приподнялъ и, поцѣловавъ, сказалъ: вотъ кто будетъ когда-нибудь моимъ маленькимъ военнымъ министромъ...

Пророчество сбылось, и, по замѣчательному капризу судьбы, князь В. А. Долгоруковъ сдѣлался *маленькимъ*

военнымъ министромъ Николая I въ труднѣйшую и великую годину крымской войны!

При Александрѣ II, послѣ князя Орлова, онъ сдѣлался шефомъ жандармовъ... Тихій, скромный, съ пріятною своею улыбкою кротости и честности, онъ вошелъ въ этотъ страшный домъ дубельтскихъ преданій, и сдѣлалъ изъ него жилище и отраженіе всѣмъ своихъ добродѣтелей... Вѣра въ честнаго человѣка и снисходительность къ дурному человѣку — стали девизомъ этого шефа жандармовъ, барометръ въ кабинетѣ его всегда стоялъ на ясной погодѣ, и не думаю, по крайней мѣрѣ, не могу себѣ представить, чтобы входившіе въ этотъ кабинетъ — будущіе Каракозовы — увидѣли когда-либо шефа жандармовъ выражавшимъ къ кому-либо негодованіе или презрѣніе...

Не думаю также, чтобы когда-либо стѣны этого страннаго кабинета могли увидѣть своего шефа жандармовъ сидящимъ въ креслѣ въ долгомъ раздумьи надъ будущимъ.

Тутъ опять виднѣлась игра капризной судьбы... На Малой Садовой въ то время, какъ я говорилъ, жилъ въ домѣ министерства юстиціи Д. Н. Замятинъ, человѣкъ самый недоступный для какого бы то ни было государственнаго творчества, даже самаго миніатюрнаго во всемъ судебномъ вѣдомствѣ; ему судьба поручила вводить самое громадное дѣло — судебной реформы... У Цѣпного моста, въ домѣ шефа жандармовъ, жилъ человѣкъ, которому судьба предназначала быть въ этой должности въ самое трудное, по броженіе и горячкѣ умовъ, время, когда рѣшительно во всѣхъ слояхъ образованнаго общества, чуть ли не въ каждой русской семьѣ, возлѣ человѣка, работавшаго для своего дневного дѣла, бушевалъ умъ для какой-нибудь лихорадочной дѣятельности, ломки или реформы. Всякій изъ насъ это сознавалъ въ это время.

Князь Долгоруковъ одинъ какъ будто этого именно безпокойнаго, тревожнаго міра въ русской жизни не подозрѣвалъ, какъ умственной работы эпохи... Свой умъ,— а его у него было не мало, было и тонкое остроуміе,— воспитанный въ преданіяхъ и въ атмосферѣ Николаевской эпохи, эпохи дисциплины и порядка, эпохи культа власти, онъ бы легко могъ употребить на то, чтобы сдерживать имъ черезъ-чуръ пылкій и стремительный напоръ на молодого Государя преобразовательныхъ, въ либеральномъ духѣ, стремленій; но именно этого онъ не дѣлалъ, по той простой причинѣ, что, какъ я говорилъ, онъ не сознавалъ или не понималъ характера наступившаго времени. Изъ отдѣльныхъ лицъ и изъ отдѣльныхъ фактовъ онъ никогда не допускалъ связи, и никогда не могъ дѣлать общей картины. И когда ему говорили объ этихъ отдѣльныхъ личностяхъ, или объ этихъ отдѣльныхъ фактахъ, онъ всегда съ милою улыбкою говорилъ: да, это увлеченіе, или, эта непростительная распущенность, и т. д.; но дальше этой оцѣнки добродушной или снисходительной, по поводу каждаго отдѣльнаго случая, онъ не шелъ.

И вотъ, грозное когда-то III отдѣленіе стало храмомъ улыбки...

Увы, гораздо позже мы должны были понять, что не въ этомъ было тогда его назначеніе, и превращеніе III отдѣленія въ оптимистическую обсерваторію, съ такимъ прекраснымъ и высоко честнымъ человѣкомъ, какимъ былъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, было, увы, одною изъ тѣхъ роковыхъ причинъ, которыя способствовали несчастью бѣднаго благолюбиваго Государя...

Въ этомъ избыткѣ деликатности, доброты и снисходительности, которымъ дышало тогда III отдѣленіе при

князѣ В. А. Долгоруковѣ—черпали смѣлость и наглость всѣ кривыя и горячія головы эпохи: Огрицко и Сѣраковскій стали не только мыслимы, они стали живыми, во плоти и въ костяхъ свидѣтелями, до чего можетъ дойти распущенность вольнодумца, и въ то же время родоначальниками или идеалами для будущихъ подростковъ политическихъ преступниковъ всякихъ категорій...

Мы тогда это смутно и слабо сознавали; къ тому же нельзя было, хоть разъ увидѣвъ такую пріятную по чистотѣ и честности личность, какою былъ князь В. А. Долгоруковъ, не полюбить его сразу, и слѣдовательно быть навсегда обезоруженнымъ противъ него, и вотъ почему время дѣлало свое, пока III отдѣленіе дѣлало свое, то есть противопоставляло духу тревоги и неудовольствія духъ кроткаго и сердобольнаго терпѣнія...

И потомъ, всѣ наружныя оболочки жизни казались такими розовыми, чистенькими и невинными... Онѣ такъ роднились съ Долгоруковскими улыбками...

Laissez les s'amuser, говорилъ князь Долгоруковъ про начинавшее тогда свое самоуправленіе земство.

Зима 1864—1865 года была, если можно такъ выразиться, политически оживленною...

Элементы этого оживленія заключались въ то время въ борьбѣ извѣстныхъ теченій мысли и мнѣній между собою...

Во-первыхъ, въ концѣ 64 года для насъ доходили отголоски перваго поднимавшагося земскаго шквала... Земское положеніе, произведеніе Валуева сообща съ кабинетными либералами-доктринерами, введено было въ 1864 году... Въ декабрѣ предстояли земскія собранія. И вотъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ къ концу года стали обнаруживаться извѣстныя броженія умовъ

въ извѣстныхъ дворянскихъ кружкахъ, направленныя къ тому, чтобы отъ мѣстнаго или губернскаго земства перейти къ земству центральному.

Потомъ уже, съ болѣе зрѣлымъ взглядомъ на жизнь я понялъ, на сколько русскіе люди, составлявшіе тогда земство, легкомысленно относились къ своему новому дѣлу, и не сдѣлавши еще даже перваго шага на пути земской дѣятельности, ни на что не взглянувши въ области имъ предоставленнаго управленія внимательно и мало-мальски добросовѣстно, прямо перешли къ мечтаніямъ о земствѣ центральномъ, или о земской палатѣ, или о земской думѣ, какъ тогда говорилось въ нѣкоторыхъ кружкахъ... Послѣ для меня ясно стало, что это стремленіе къ центральному земству тогда, когда для мѣстнаго земства не было еще ничего положено въ основу, когда все переданное правительствомъ земское хозяйство въ 36-ти губерніяхъ земскимъ учрежденіямъ было въ полномъ безпорядкѣ, не могло не быть проявленіемъ съ одной стороны полнаго презрѣнія къ мѣстнымъ нуждамъ Россіи, а съ другой стороны, непростительнымъ ребячествомъ, побуждавшимъ серьезныхъ, повидимому, людей добиваться не пользы народной или общественной, а исключительно либеральныхъ игрушекъ.

Но, въ то время, всѣ эти броженія и вспышки либеральныхъ мыслей около либеральнаго вопроса о конституціи казались даже несочувствовавшимъ идеѣ и остававшимся отъ движенія въ сторонѣ людямъ, какъ будто, въ порядкѣ вещей, какъ неизбѣжныя принадлежности времени, и рѣшительно ни въ комъ не вызывали особенной тревоги. Говорилось объ нихъ въ гостиныхъ большого свѣта, на-ряду съ разными nouvelles du jour и разными сплетнями; одни восхищались этими талантами земскаго

слова, другіе называли ихъ глупостями и ребячествомъ, но какой-либо общей тревоги, или даже общей заботы въ то время, въ нашемъ обществѣ не замѣчалось. Какъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, шефъ жандармовъ, князь В. А. Долгоруковъ называлъ земскія дѣла забавами и этимъ доказывалъ, что высшее правительство и самъ Государь въ то время не особенно безпокоились либеральными рѣчами новыхъ земскихъ ораторовъ. Въ Петербургѣ въ эту зиму ораторы открылись въ средѣ петербургскаго дворянства... Стали произноситься имена Безобразова, графа А. П. Шувалова, Платонова и нѣсколькихъ другихъ; дамы большого свѣта стали ѣздить на хоры въ дворянское собраніе слушать своихъ Питтовъ и Фоксовъ, и договорились эти Питты до того, что пришлось, въ одинъ печальный день, закрыть собраніе. Помню, что я въ этотъ день пришелъ къ Валуеву что-то спросить, и онъ, ставши въ позу, отвѣтилъ мнѣ: Comment voulez vous qu'un ministre de l'interieur ait le temps de penser à vous repondre, quand il s'ajit de fermer le земское собраніе.

Въ Москвѣ эти самыя броженія начались въ январѣ 65 года въ средѣ дворянскаго собранія. Тамъ изучали имена Самариныхъ, Голохвастова, князя Щербатова и другихъ. Но, сколько я помню, тамъ эти либеральныя стремленія были, какъ будто, компактнѣе и цѣльнѣе; въ то же время они были опредѣленнѣе. Я это говорю потому, что результатомъ всѣхъ этихъ стремленій и броженій въ московскомъ дворянскомъ собраніи было то, что довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ былъ вотированъ адресъ на имя Государя, въ которомъ дворянство ходатайствовало о двухъ вещахъ, одинаково невозможныхъ, но весьма опредѣленныхъ: 1) о земскомъ центральномъ учрежденіи депутатовъ со всей Россіи, и

2) о спеціальномъ учрежденіи отъ дворянъ, или, другими словами, о палатѣ общинъ и о палатѣ лордовъ.

Разумѣется, эти amusements, какъ ихъ называлъ тогда шефъ жандармовъ, не привели ни къ чему другому, какъ къ строгому ихъ порицанію въ видѣ рескрипта Государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ, Валуевымъ сообща съ шефомъ жандармовъ редактированнаго, въ которомъ строгими, но въ то же время спокойными выраженіями сказано было, чтобы отнюдь дворянство не позволяло себѣ вмѣшиваться въ дѣла другихъ сословій и не присвоивало себѣ иниціативы во внутреннихъ реформахъ, исключительно принадлежащей Государю.

Рескриптъ былъ принятъ съ полнымъ спокойствіемъ и съ искреннею покорностью какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Конституціоннымъ дѣломъ земства вновь учрежденнаго перестали заниматься, но начали-ли они заниматься серьезно своимъ дѣломъ, это тогда было для всѣхъ вопросомъ. Одно помню, что съ исчезновеніемъ и потерею пикантнаго и, такъ сказать, запрещеннаго, земство порученнымъ ему все-таки не интересовалось.

Другой предметъ если не для волненія умовъ, то все же для болѣе оживленнаго обмѣна мыслей — былъ западно-польскій вопросъ. Въ немъ я участвовалъ, такъ сказать, сознательнѣе и съ большей connaissance de cause, чѣмъ въ земскомъ вопросѣ. Тутъ сердце принимало участіе и я отчетливо помню, какъ оно сжималось и болѣло отъ тѣхъ *сквернымъ* вліяній, которыя тогда, къ сожалѣнію, усиливались. Объектомъ этой борьбы въ западно-польскомъ вопросѣ былъ, разумѣется, Муравьевъ. Какъ я писалъ раньше, Муравьеву сразу не посчастливилось въ Западномъ краѣ. Пока въ тѣхъ же условіяхъ реформатора и обрусителя дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ въ

Варшавѣ графъ Бергъ, окруженный лучшими русскими умными людьми, съ Н. А. Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ во главѣ, его оставляли въ покоѣ всѣ петербургскіе полонофилы, Муравьеву же чуть-ли не съ перваго дня его энергичной и умной дѣятельности въ Западномъ краѣ не давали покоя его многочисленные зложелатели въ Петербургѣ...

Эта травля и интриги, противъ него направленныя, были мелки и мизерны, онѣ были гадки сколько потому, что онѣ исходили отъ отсутствія честнаго и гордаго русскаго чувства, столько же потому, что отъ нихъ пахло чѣмъ-то въ родѣ лакейской польскихъ магнатовъ. И этотъ характеръ лакейской имѣли сами интриги противъ Муравьева... Черное пятно легло на имя Валуева въ этомъ дѣлѣ... Не будучи въ состояніи бороться съ Муравьевымъ въ честномъ бою, лицомъ къ лицу, ибо онъ былъ слишкомъ слабъ умомъ въ сравненіи съ Муравьевымъ, Валуевъ боролся съ нимъ изподтишка, ища доносы, сплетни и клеветы вездѣ, гдѣ онъ могъ ихъ находить, не стѣсняясь ни ихъ грязью, ни ихъ лживостью и въ компаніоны себѣ по этому скверному дѣлу бралъ, какъ я прежде писалъ, безшабашнаго и часто невмѣняемаго въ политическомъ вопросѣ князя Суворова. Въ союзѣ съ Потоцкими и Браницкими, съ Радзивиллами и Огинскими и съ нѣкоторыми русскими полонофилами петербургскаго высшаго общества, Валуевъ и Суворовъ не переставали навѣвать Государю всякія тенденціозныя мысли съ комментаріями противъ Муравьева, доходившими до того, что хотѣли изобразить Муравьева чуть-ли не диктаторомъ, который опираясь на симпатіи къ нему Россіи, хочетъ не подчиняться самому Императору...

Я назвалъ всю эту агитацію *скверным*ъ дѣломъ; дѣй-

ствительно, оно было скверно, и мы всѣ это тогда живо и горячо чувствовали. Они брали смѣлость въ томъ фактѣ, что всѣ знали съ самаго начала, что лично Государь не любилъ Муравьева и этимъ-то пользовались, чтобы не только мѣшать Муравьеву, но и вредить ему... Въ этомъ было что-то гадкое, въ смыслѣ неблагороднаго. Государь далъ всей Россіи ясное доказательство, что когда рѣчь идетъ о пользѣ государства, онъ не руководится личными ощущеніями, а напротивъ, забываетъ о нихъ и назначаетъ того, кого голосъ честнаго общественнаго мнѣнія ему указываетъ, какъ на достойнаго его довѣрія. Это онъ сдѣлалъ при назначеніи Муравьева, снабдивъ его и довѣріемъ и широкими полномочіями, и давши ему свою гвардію въ распоряженіе... И вотъ эту-то прекрасную заслугу Государя передъ Россіею и исторіею Валуевъ и Суворовъ, съ польскими панами въ соглашеніи, во чтобы то ни стало хотѣли, въ угоду своимъ мелкимъ инстинктамъ и въ угоду полонизму, — уничтожить... съ тѣмъ, чтобы направить Государеву волю относительно Муравьева въ полное подчиненіе его личныхъ чувствъ. Какъ змѣи, они то ползали, то приподнимали свои ядовитыя головы около Государя, чтобы на всякій отзывъ молвы о Муравьевѣ, какъ объ умиротворителѣ Западнаго края, отвѣчать какою-нибудь пошлою сплетнею, какою-нибудь выдумкою, направленной прямо къ возбужденію Государя лично противъ Муравьева.

Впрочемъ, для исторической правды слѣдуетъ сказать, что Петербургъ былъ почвою скорѣе благопріятною для враговъ Муравьева, чѣмъ для его благожелателей, во-первыхъ, по изобилію въ немъ равнодушія, а во-вторыхъ, по вліянію въ немъ рѣшительно на всѣ вопросы русскіе — космополитическаго духа, столь сильнаго въ Петербургѣ.

Въ минуту самаго сильнаго разгара польскаго вопроса въ 1863 году, пока Катковъ своими вдохновенными статьями будилъ русскія сердца по всей Россіи, въ Петербургѣ онъ имѣлъ мало слушателей его патріотической проповѣди... Гостиная Блудовыхъ, Тютчевыхъ, Батюшковыхъ (Помпея Николаевича, брата поэта и Софіи Николаевны), моихъ родителей и еще двѣ, три гостиныя, гдѣ русскіе вопросы понимались по-карамзински и, затѣмъ, нигдѣ больше. Когда наступила пора отвѣчать на дерзкія ноты европейскихъ державъ по польскому вопросу, вопросъ: какъ отвѣтить? — далеко не былъ предрѣшеннымъ вопросомъ. Во многихъ гостиныхъ тогда, съ точки зрѣнія миролюбія и страха Европы, говорилось о томъ, что необходимо отвѣчать чуть ли не покорно и почтительно, и что *напрасно* правительство такъ энергично поступаетъ съ польскимъ вопросомъ на другой день мятежа. Мало того, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ — никто не имѣлъ увѣренности, что князь Горчаковъ отвѣтитъ Европѣ съ подобающимъ Россіи достоинствомъ, и достаточно было въ то время видѣть измученнаго страданіями и тоскою поэта и пріятеля канцлера Ф. И. Тютчева, чтобы догадываться, какъ не хорошо шли тогда дѣла въ смыслѣ русскихъ интересовъ. Мнѣ разсказывали, что наканунѣ дня, когда огласилась прекрасная отвѣтная нота петербургскаго кабинета, Тютчевъ вечеромъ заходилъ къ Блудовымъ и тамъ, сказавши, что *мы уступаемъ Европѣ*, разрыдался. Легко понять, какъ онъ обрадовался на другой день, прочитавъ вмѣстѣ съ нами полный достоинства и гордой твердости отвѣтъ Русскаго Государя на дерзкое вмѣшательство Европы въ польскія дѣла Россіи. Говорили, что дѣйствительно такъ было: еще наканунѣ ничего не было рѣшено, и Государь находился между нерѣши-

тельностью Горчакова и своимъ собственнымъ чутьемъ. Говорили тоже, что на помощь второму—именно въ тотъ вечеръ, когда отецъ Тютчевъ рыдалъ надъ ожидающимъ Россію срамомъ, доблестная дочь его Анна Федоровна умоляла Императрицу взять на себя иниціативу и поддержать Государя въ его рѣшимости отвѣтить Европѣ достойно Россіи, и что голосъ Императрицы рѣшилъ побѣду русской чести. Изъ двухъ представленныхъ Горчаковымъ Государю проектовъ отвѣта, слабаго и сильнаго, Государь выбралъ второй. Говорили тогда, что главныя мысли этой ноты принадлежали перу Тютчева. Такъ было въ 1863 году. Въ 1864 году относительно подкоповъ подъ Муравьева было то же самое, но съ тою лишь разницею, что ни Блудовской гостиной, ни доблестной Аннѣ Федоровнѣ Тютчевой не удавалось быть сильными въ борьбѣ съ противниками Муравьева, добивавшимися его паденія. Императрица оставалась въ этомъ вопросѣ нейтральною, а къ противникамъ Муравьева подоспѣвала такая помощь, какъ, напримѣръ, слово одного изъ близкихъ Государю людей, графа А. К. Толстого. Тамъ, у Валуевыхъ и Суворовыхъ, былъ мелкій и низменный разсчетъ сломить крупную силу независимаго государственнаго дѣятеля. Здѣсь, въ лицѣ графа Толстого, было страстное, но честное убѣжденіе человѣка самыхъ искреннихъ и даже фанатичныхъ гуманно-космополитическихъ принциповъ и стремленій. Тютчевъ въ своемъ негодованіи на князя Суворова, по этому случаю, написалъ колкіе стихи, въ которыхъ назвалъ его «гуманнымъ внукомъ воинственнаго дѣда», но это слово «*гуманность*» не шло къ взбалмошному темпераменту князя Суворова. Онъ былъ только взбалмошнымъ и безшабашнымъ повѣсой въ серьезныхъ вопросахъ, и больше ничѣмъ; а гуманность въ этомъ

вопросѣ представлялъ собою такой искренній человѣкъ, какимъ былъ графъ А. К. Толстой. Его мечты требовали отъ Россіи не Муравьевской энергіи послѣ мятежа, а признанія въ полякахъ элемента культуры и европейской цивилизаціи выше нашихъ; отсюда у него естественно исходило требованіе гуманности вмѣсто строгости.

Какъ бы то ни было, но Муравьеву въ началѣ 65 года пришлось явиться въ Петербургъ и сослаться на свое болѣзненное состояніе, на свою старость и на свою усталость, чтобы просить Государя объ увольненіи. Государь принялъ просьбу Муравьева объ увольненіи отъ должности, но въ то же время, въ оцѣнку его заслугъ передъ Россіею, сдѣлалъ его графомъ и удостоилъ его прекраснаго рескрипта.

На грустныя размышленія наводило это событіе... Менѣе чѣмъ два года назадъ, этотъ же самый Муравьевъ явился во дворецъ, гдѣ къ нему обратились съ просьбою спасти Западный край, и гдѣ страхъ опасности, угрожавшей Россіи, былъ такъ великъ, что ему сказано было: хотя бы Западный край сохраните Россіи. Муравьевъ быстро и мудро прекратилъ мятежъ въ его корнѣ; Западный край сразу закипѣлъ первыми отпрысками русской жизни, и въ заключеніе, подъ давленіемъ враговъ, ставшихъ сильнѣе его, онъ долженъ въ томъ же дворцѣ просить о своемъ увольненіи отъ должности, гдѣ онъ усмирилъ цѣлый край и возрадовалъ Россію.

Нѣсколько человѣкъ тогда сдѣлали подписку, чтобы поднести Муравьеву образъ, и князь Суворовъ бѣшенно кричалъ по городу и во дворцѣ, что подносившіе Муравьеву образъ были врагами Государя и чуть ли не измѣнниками Россіи. Въ числѣ ихъ былъ и я грѣшный.

Выборъ Государя, для замѣстительства графа Му-

равьева, палъ на генерала - адъютанта Кауфмана Это былъ умный и очень хорошій человѣкъ. Какъ человѣка, лучшаго найти было трудно, но это былъ уже представитель иной идеи относительно политики въ Западномъ краѣ, идеи пониженнаго тона, и большей мягкости русской политики; правда, изъ всѣхъ представителей этихъ идей, самый лучшій, но все же въ улыбкѣ самодовольствія, съ которою говорилъ Валуевъ про этого преемника графа Муравьева: c'est le meilleur des choix, нельзя было не предугадывать надежды на новый режимъ въ Западномъ краѣ, нельзя было не предвидѣть бреши, сдѣланной въ твердынѣ муравьевской политики.

Энергія и твердость,—превосходныя вещи,—говорилъ мнѣ тогда князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, маленькій человѣкъ, постоянно и равно для всѣхъ очень низко кланявшійся, но съ большимъ и необыкновенно пріятнымъ умомъ,—но не всякій ихъ имѣетъ, кто хочетъ. Я, напримѣръ, какъ бы ни желалъ, а не умѣю быть не сокрушимымъ, я гнусь передъ людьми и передъ обстоятельствами. Слова эти, какъ нельзя вѣрнѣе, характеризовали милаго покойнаго князя. То былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и способнѣйшихъ людей царствованія Александра II, которымъ оно не могло воспользоваться въ размѣрѣ этихъ способностей только потому, что онъ «гнулся передъ людьми и обстоятельствами» и имѣлъ честность въ этомъ сознаваться. Въ этихъ словахъ его о себѣ самомъ сразу обрисовывается его оригинальность. И дѣйствительно, это былъ оригинальный человѣкъ. Его первою потребностью, казалось, при встрѣчѣ человѣка было поразить его любезностью, и этимъ объясняется тотъ всенижайшій поклонъ, которымъ онъ привѣтствовалъ каждаго, причемъ, когда князь Урусовъ бывалъ при Дворѣ, я не замѣчалъ,

чтобы его поклонъ Государю былъ ниже, чѣмъ поклонъ столоначальнику. Однажды, въ бытность его помощникомъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, при графѣ А. П. Толстомъ, приходитъ къ нему одинъ азіатскій или греческій монахъ, чуть ли не въ сажень росту. Изложивъ свое ходатайство передъ княземъ Урусовымъ, который на него поглядывалъ со страхомъ снизу вверхъ, какъ на Монбланъ, монахъ заключилъ свои слова заявленіемъ, что, какъ монахъ, онъ обязанъ прежде всего смиреніемъ, и въ доказательство своего смиренія — бацъ, бросается въ ноги къ князю Урусову, и стоитъ на колѣняхъ, и головою на полу. Князь Урусовъ обомлѣлъ; онъ сталъ втупикъ отъ вопроса: что дѣлать, ибо монахъ его перещеголялъ любезностью. Затѣмъ, не долго думая, маленькій князь Урусовъ тоже бросается на колѣни, но очутился не на полу, а въ комической позѣ на спинѣ монаха.

Рѣдко съ кѣмъ въ бесѣдѣ испытывалъ такое наслажденіе, какъ съ княземъ Урусовымъ: онъ все, что можно было, читалъ, многое зналъ, и тонкимъ своимъ умомъ удивительно мѣтко и ясно, съ прелестнымъ юморомъ, дѣлалъ характеристики и опредѣленія. Одной изъ его оригинальностей было то, что, изъ страха казаться твердымъ, онъ чаще всего прибѣгалъ къ вопросительному обороту мысли и даже тону, съ которымъ онъ тоненькимъ голоскомъ выкрикивалъ: а?—послѣ фразы, какъ-бы указывая на его желаніе казаться не совсѣмъ настойчивымъ и увѣреннымъ; а между тѣмъ, съ его свѣтлымъ умомъ, съ его знаніемъ и съ его памятью, и въ особенности съ его справедливостью и отзывчивостью—ему-ли было не имѣть права говорить съ авторитетомъ. Мнѣ случалось слышать отъ князя Урусова умныя и правдивыя рѣчи передъ Императрицею, напримѣръ; но когда ему

говорили: да скажите это Государю,—онъ сейчасъ съежи-вался, принималъ испуганную фигуру, и торопился отвѣ-тить: извините, ужъ отъ этого увольте, куда намъ съ суконнымъ рыломъ да въ калачный рядъ соваться, а? И при этомъ непремѣнно самъ надъ собою усмѣхнется.

Я говорилъ о томъ, что царствованіе Александра II не воспользовалось этою одною изъ крупнѣйшихъ по спо-собности личностью; и дѣйствительно, такъ и случилось. Всякій, знавшій лично князя Сергѣя Николаевича, — го-ворилъ про себя и громко: вотъ министръ юстиціи. Думаю, что впослѣдствіи ему и былъ предложенъ этотъ постъ; но разъ я помню, когда я ему это сказалъ, онъ сейчасъ же, согнувшись въ три погибели, отвѣтилъ: нѣтъ, покорно благодарю, ни за что, я главнаго для этого не имѣю: мужества и твердости, я бороться не умѣю, а тутъ глав-ное, что нужно,—это бороться. А я струшу, непремѣнно струшу. И единственную должность, которую онъ принялъ потомъ, была спокойная и безстрашная должность, на-чальствованіе надъ II отдѣленіемъ, то-есть надъ арміею составителей свода законовъ.

XXXV.

(1864—1865 года).

Рескриптъ министру юстиціи.—Добродушіе Д. Н. Замятина.—Эпизодъ Государя и Замятина по вопросу о несмѣняемости.—Валуевскіе рауты.—Государь и Его мысли.—Его разочарованіе.—А. Н. Мальцева.—Князь П. А. Вяземскій.

20-го ноября 1864 года вышелъ знаменитый рескриптъ на имя министра юстиціи, сопровождавшій опубликованіе новыхъ судебныхъ уставовъ.

Какъ всѣ, въ то время, реформенныя законодательныя работы, и эта разработка совсѣмъ новыхъ судебныхъ учрежденій шла необыкновенно скоро... Какихъ-нибудь 3 года прошло съ той поры, когда С. И. Зарудный, вернувшись изъ своей поѣздки туриста по Сардиніи и отчасти изъ Франціи, привезъ съ собою свои восторги отъ судебныхъ сардинскихъ уставовъ и изъ перевода ихъ на русскій языкъ сдѣланъ былъ на-скоро тотъ первоначальный проектъ, который соблазнилъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ юпитеровъ судебнаго міра, и послужилъ основаніемъ къ грандіозному проекту судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года.

Если не ошибаюсь, главная редакціонная комиссія, назначенная для ихъ окончательнаго составленія, подъ предсѣдательствомъ Буткова,—окончила свои занятія въ одинъ годъ, и въ ней впервые, какъ годарственнаго дѣя-

теля и авторитета-юриста, стало произноситься имя К. П. Побѣдоносцева, какъ члена этой главной комиссіи. Дѣло это было послѣднимъ государственнымъ дѣломъ Буткова. Фактъ его назначенія въ предсѣдателя этой комиссіи былъ именно причиною, почему такъ скоро шла эта работа, ибо быстрота работы была отличительною чертою Бутковской дѣятельности, хотя въ тоже время могло казаться страннымъ предоставленіе первенствующей роли въ этомъ совсѣмъ новомъ дѣлѣ именно Буткову, который собою изображалъ идеалъ сановника стараго времени, воспитаннаго въ духѣ старыхъ бюрократическихъ преданій, и по образованію ничего общаго не имѣвшаго съ новыми восходившими людьми того времени.

Впрочемъ, и такой новый человѣкъ, какъ С. И. Зарудный, съ которымъ мнѣ пришлось въ одномъ законовѣдскомъ кружкѣ провести цѣлый вечеръ, показался мнѣ, откровенно говоря, очень задушевнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, но мало образованнымъ въ смыслѣ общекультурнаго образованія. Онъ показался мнѣ влюбленнымъ въ свои сардинскіе судебные идеалы, но въ тоже время внѣ ихъ онъ казался весьма безцвѣтнымъ, малознающимъ и относительно Россіи и русской жизни менѣе всего свѣдущимъ.

Къ этой третьей реформѣ, какъ и ко второй, земской,—Петербургъ былъ довольно равнодушенъ...

Не равнодушенъ лишь былъ нашъ правовѣдскій міръ. Въ немъ загорѣлись лучезарныя карьерныя надежды, надежды безъ конца... Но грѣшно было бы въ это время называть эти разгоравшіяся надежды—мечтами карьеристовъ... Какъ было бы невѣрно тоже сказать, что въ то время въ нашихъ правовѣдскихъ кружкахъ думали о политической роли новыхъ судебныхъ учрежденій... Поли-

тику въ судебныя учрежденія суда, по нашимъ тогдашнимъ впечатлѣніямъ, не правовѣды внесли въ эту область государственной жизни... Но въ правовѣдскихъ кружкахъ, по крайней мѣрѣ нашихъ, разгорѣлись очень хорошаго качества надежды,—надежды на свободную и благородную дѣятельность...

Загорался святой огонь для будущей судебной службы, разговоры и мечты вращались около святой идеи—честности и добра, посвящаемыхъ служенію ближняго...

Всего добродушнѣе и невиннѣе относился въ то время къ судебной реформѣ тогдашній почтенный и симпатично-прямодушный министръ юстиціи Д. Н. Замятинъ... Болѣе чѣмъ для кого-либо для него совсѣмъ была незнакома политическая подкладка судебныхъ уставовъ и, вообще, что-либо похожее на тенденцію...

Въ эпизодѣ съ однимъ изъ сенаторовъ онъ это обнаружилъ весьма краснорѣчиво. Въ числѣ ораторовъ петербургскаго земства оппозиціонныхъ произвелъ сенсацію своею либеральною рѣчью одинъ изъ сенаторовъ... Содержаніе этой рѣчи дошло до Государя, который немедленно велѣлъ этого сенатора уволить. Министръ юстиціи Замятинъ, которому Государь передалъ это приказаніе, сказалъ: слушаюсь, и, вернувшись домой, приказалъ своему директору департамента составить докладъ объ увольненіи, по волѣ Государя, сенатора такого-то отъ должности...

На это ему отвѣтилъ директоръ, что исполнить такое приказаніе затруднительно.

— Какъ!—съ изумленіемъ возразилъ министръ юстиціи,—да это воля Государя.

Директоръ департамента, съ судебными уставами 20-го ноября 1864 года въ рукахъ, почтительно объявляетъ ми-

нистру, что административнымъ порядкомъ члены судебнаго вѣдомства увольняемы отъ должности быть не могутъ.

— Да они же назначаются Высочайшимъ приказомъ, значитъ, могутъ быть и увольняемы? — робко замѣтилъ министръ юстиціи.

— Да, они назначаются, но увольняемы, по смыслу судебныхъ уставовъ, быть не могутъ.

Съ этимъ печальнымъ для себя извѣстіемъ Замятинъ явился къ слѣдующему докладу къ Государю.

А такъ какъ кривить языкомъ и душою Замятинъ не умѣлъ, то онъ прямо доложилъ Государю, что Онъ не имѣетъ права увольнять сенатора.

— Какъ!—будто бы сказалъ Государь, — Я не имѣю права увольнять сенатора?..

— На основаніи судебныхъ уставовъ не имѣете,— будто бы отвѣтилъ Замятинъ.

— Какъ, и Я такую нелѣпость подписалъ?—сказалъ Государь.

Замятинъ ничего не отвѣтилъ.

Но интересъ этого эпизода заключался въ томъ, что, прогуливаясь, затѣмъ, по городу въ видѣ характернаго и курьезнаго анекдота, онъ анекдотомъ и остался, и такъ названная самимъ Государемъ столь основательно нелѣпостью статья закона о неприкосновенности членовъ судебнаго вѣдомства оставалась въ силѣ долгое время послѣ.

Эпизодъ этотъ случился, кажется, годъ спустя послѣ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій. Но въ то время, въ концѣ 1864 года, какъ я сказалъ, между нашимъ правовѣдскимъ кружкомъ о будущей несмѣняемости судей, и о судебныхъ уставахъ, какъ о политической хартіи, мало говорилось.

Валуевъ въ эту зиму началъ дѣлать опыты, какъ онъ говорилъ, сближенія провинціи съ Петербургомъ. Мысль была очень хорошая. Для этой цѣли онъ сталъ устраивать у себя разъ въ недѣлю рауты, на которые приглашались всѣ пріѣзжавшіе въ Петербургъ по его вѣдомству провинціалы и, затѣмъ, представители петербургскаго большого и чиновничьяго свѣта... Но прекрасная эта мысль оказалась на практикѣ непроизводительною... Первый же раутъ dans les salons du ministre de l'intèrieur оказался копіею ежегоднаго раута, дававшагося dans les salons du ministre des affaires etrangères, съ тою лишь разницею, что у Горчакова наѣзжала масса дипломатовъ, а у Валуева масса провинціаловъ, но у обоихъ царила скука и взаимный индифферентизмъ между гостями... Гости съ трудомъ протискивались въ двери гостинныхъ, нигдѣ не находили удобнаго мѣста для разговора, и разъѣзжались безъ всякихъ впечатлѣній... У Горчакова все толпилось около Особъ Царской Фамиліи, у Валуева—около него и другихъ министровъ, и собственно общенія между провинціею и Петербургомъ никакого не было по той причинѣ, что бѣдные провинціалы стояли и двигались, какъ одинокія тѣни, и похожи были скукою своихъ физіономій на несчастныхъ мамашъ во время баловъ... Главнаго не дѣлалось: ихъ не знакомили съ петербуржцами. Было бы гораздо проще, говорилъ я тогда Валуеву, если бы вы устраивали у себя маленькіе званые вечера за самоваромъ, и приглашали нѣсколько провинціаловъ для бесѣды. Но Валуеву болѣе нравилась эта помпезность: стоять у дверей гостинной, и изрекать каждому два-три привѣтственныя витіеватыя слова.

Зима 1864 года была веселая, какъ сезонъ, зима. Дворъ и большой свѣтъ не скупились на пріемы...

Тогда начался разгаръ эпохи выкупныхъ свидѣтельствъ. Это была своего рода историческая по интересу минута въ жизни нашего большого свѣта. Потомъ понято было всѣми, насколько она была на дѣлѣ печальная и роковая эпоха въ жизни нашего дворянства,—потомъ, когда помочь горю нельзя было, но тогда она была блестящая эта эпоха выкупныхъ свидѣтельствъ. Въ каждую семью, въ каждый домъ сваливались съ неба крупныя тысячныя суммы, въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, сначала котировавшихся на биржѣ очень низко, чуть-ли не на 18 проц. ниже номинальной стоимости, и вотъ эти-то выкупныя продавались и превращались въ капиталы, на которые одни бросились въ заграничныя поѣздки, а другіе стали жить очень роскошно въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Замѣчательно было, что только меньшая часть тогда владѣльцевъ выкупныхъ, въ виду низкой ихъ цѣны, рѣшилась выжидать повышенія цѣнъ; большая же часть съ изумительною легкостью бросилась ихъ реализировать...

Итальянская опера въ Большомъ театрѣ и французскій спекталь въ Михайловскомъ театрѣ никогда не представляли на моей памяти такого блестящаго бель-этажнаго бомонда, какъ въ эту зиму... Это были феерическія выставки великолѣпнѣйшихъ туалетовъ и фамильныхъ драгоцѣнныхъ камней. Балы поражали своею роскошью... Улыбки сіяли на всѣхъ устахъ, и въ этомъ разливанномъ морѣ роскоши можно было подумать, что ни у кого не было заботъ, а у всѣхъ было полное довольство...

Странная минута. «Голосъ», сдѣлавшись тогда настольною газетою и органомъ всѣхъ, не исключая самыхъ истыхъ аристократовъ, ежедневно обливалъ помоями наше именитое дворянство, позоря его въ свѣжихъ воспоминаніяхъ упраздненнаго крѣпостного права; сами дворяне,

какъ это я могъ убѣдиться во всѣхъ моихъ командировочныхъ поѣздкахъ по Россіи, съ «Голосомъ» въ рукахъ, сами себя безпощадно бичевали и унижали, настаивая на томъ, что они теперь не дворянство, а земство; на дѣлѣ, послѣ выкупной операціи, начался историческій процессъ разоренія дворянства, всѣ это понимали, и вотъ именно тогда-то кипѣла самая веселая, самая разбитная по денежнымъ тратамъ и по безпечной веселости эпоха въ средѣ высшаго дворянства въ Петербургѣ...

Подъ веселые звуки вальса и мазурки устраивались по обычаю браки большого свѣта, но подъ тѣ же веселые звуки велись разговоры о земствѣ и о конституціи, о выкупныхъ свидѣтельствахъ, о желѣзнодорожныхъ обществахъ, и вообще, о всѣхъ злобахъ дня... Серьезныя гостиныя, какъ Блудовская, моей матери,—какъ будто кололи глаза своимъ контрастомъ съ общимъ колоритомъ безпечности и веселія... Онѣ получили репутацію гостиной фронды.

Я помню одного губернатора, который говорилъ мнѣ самымъ серьезнымъ образомъ: здѣсь такъ веселятся, что некогда найти время говорить о серьезныхъ вопросахъ... Два бала, или три вечера въ одинъ вечеръ—были не рѣдкимъ для насъ явленіемъ въ эту зиму...

Этотъ губернаторъ разсказывалъ мнѣ свое представленіе Государю... Оно врѣзалось мнѣ въ память потому, что имѣло особенно интересный характеръ... Губернаторъ ожидалъ, представляясь Государю, обычнаго пріема или общаго, или особеннаго, но по обыкновенной программѣ вопросовъ... Вмѣсто этого съ нимъ случилось нѣчто неожиданное. Государь его принялъ въ своемъ кабинетѣ и, послѣ нѣсколькихъ словъ, говоритъ ему: ну, садись и разсказывай мнѣ все, что у тебя въ губерніи дѣлается...

А самъ Государь сталъ ходить по кабинету. Пріемъ обратился въ экзаменъ. Онъ началъ говорить по порядку: съ дворянства...

— Что дворянство очень на меня сердится за освобожденіе крестьянъ?—спросилъ, полушутя, Государь.

Губернаторъ отвѣтилъ, что этого чувства онъ никогда не замѣчалъ въ дворянствѣ.

— Ils font bonne mine á mauvais jeu,—сказалъ Государь,—ils veulent se rattraper sur le земство... А у тебя оно спокойно?—спросилъ серьезно Государь.

Губернаторъ отвѣтилъ, что спокойно.

— Столичныя земства, — сказалъ Государь,—даютъ дурной примѣръ, къ сожалѣнію. Они вздумали было меня учить, что дѣлать... Я надѣюсь, что губернаторы сумѣютъ сдерживать нетерпѣливые и слишкомъ увлекающіеся умы въ губерніи—съ тактомъ и съ энергіею...

Я спросилъ губернатора, какъ говорилъ Государь эти слова: съ гнѣвомъ, или спокойно?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—безъ всякаго гнѣва, а скорѣе добрымъ голосомъ и совсѣмъ спокойно.

Вспоминаю то, что когда губернаторъ заговорилъ о народѣ и о его благодарности,—Государь сразу его прервалъ.

— Ну, насчетъ народной благодарности ты можешь мнѣ не говорить: я ни въ чью благодарность не вѣрю.

Это было въ январѣ 1865 года. Я запомнилъ эти грустныя слова потому, что какъ разъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ я слышалъ изъ устъ Государя тѣ же мысли, обращенныя лѣтомъ къ графинѣ Блудовой въ китайской гостиной за чайнымъ столомъ.

Вообще, губернаторъ, послѣ получасового свиданія съ Государемъ, вынесъ впечатлѣніе, что Онъ слишкомъ раз-

очарованъ въ людяхъ и въ особенности въ идеяхъ реформъ.

Да, уже въ это время далеко, далеко—мы всѣ это чувствовали,—было отъ той прекрасной весны въ душѣ Государя, когда въ 1861 году въ Святыхъ горахъ, и потомъ въ Крыму Государь такъ наслаждался своею Царскою дѣятельностью, такъ любилъ свое великое дѣло и такъ вѣрилъ въ свое призваніе и въ человѣка.

Въ три года онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Даже въ домашнемъ кругу его мы знали о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ обычаяхъ, которые были въ связи съ этою перемѣною въ настроеніи и во взглядахъ Государя. Такъ, напримѣръ, гостиная Императрицы была уже не та. Прежде, съ начала царствованія, въ Петербургѣ говорили объ этой гостиной, потому что въ ней разъ или два раза въ недѣлю бывали небольшіе вечера, гдѣ велась оживленная бесѣда о вопросахъ русской жизни, и на которые приглашались люди, называвшіеся въ обществѣ умными или достойными вниманія. Вечера эти имѣли живой смыслъ и благотворное вліяніе, внося въ придворную атмосферу много правдивыхъ отголосковъ жизни. Тогда же говорилось много о благомъ вліяніи Императрицы на многія дѣла и на многіе государственные взгляды. Но въ 1864 году уже этихъ вечеровъ исчезли и слѣды. И всѣ знали съ грустью, что Императрица старалась отстраняться отъ всякаго прямого вмѣшательства въ дѣла. Почему? Увы, отвѣтъ былъ очень простъ: потому, что стали находиться люди, которые этому умному, умѣряющему и спокойному вліянію Императрицы признавали нужнымъ мѣшать, дабы другія менѣе умѣренныя и менѣе спокойныя вліянія не могли ея вліяніемъ парализоваться. Вечера бывали, но они имѣли характеръ свѣтскій и абсолютно не политиче-

скій, или же заключались въ чтеніи какой-нибудь беллетристической вещи. Только по средамъ, когда Государь уѣзжалъ на охоту, Императрица собирала у себя за обѣдомъ иногда людей для политическихъ бесѣдъ... Въ ту зиму на одномъ изъ вечеровъ у Императрицы произошелъ эпизодъ, давшій наглядное понятіе о прекрасной добротѣ Императрицы. Она сидѣла за чайнымъ столомъ, подходитъ кафешенъ (буфетчикъ) съ подносомъ, на которомъ стоялъ спиртовой золотой чайникъ; Императрица приподнялась, не замѣчая слуги, и ударилась объ подносъ такъ сильно, что золотой чайникъ повалился и облилъ ей шею кипяткомъ. Страшная настала минута: всѣ крикнули, Государь, поблѣднѣвъ, направился на несчастнаго буфетчика, но въ этотъ самый мигъ—между нимъ и Государемъ стала Императрица и съ умоляющимъ взоромъ взглянула на Государя. Въ этомъ одномъ взглядѣ онъ увидѣлъ моленіе о пощадѣ...

— Это ничего,—съ притворною улыбкою сказала по-французски Императрица—маленькій обжогъ, въ которомъ никто не виноватъ, кромѣ меня одной,—и, велѣвъ принести себѣ ваты и платокъ, Императрица весь вечеръ просидѣла съ гостями веселая и разговорчивая. А между тѣмъ, каковы должны были быть ея страданія, если послѣ этого цѣлую недѣлю Она должна была сидѣть взаперти—до того были сильны обжоги. Но главное было достигнуто: буфетчикъ былъ спасенъ.

Тогда мы задавали себѣ вопросъ: какъ объяснить это столь скоро наступившее разочарованіе въ Государѣ?.. Увы, причинъ этому было много... Десять лѣтъ прошло съ начала Его царствованія... Сколько людей наговорили ему въ эти 10 лѣтъ худого о худомъ и хорошемъ, и какъ мало, напротивъ, людей говорили ему хорошее о

хорошемъ и въ извиненіе худого. Печать на 1/4 говорила о благодарности и на 9/10 говорила во имя отрицанія, обличенія и осужденія. Подпольная и заграничная русская публицистика была полна доносами, обвиненіями и злобою. Каждый день подавались Государю въ разныхъ видахъ всѣ людскіе злые отзывы и злыя сплетни... Это одна сторона. А другая еще понятнѣе. Въ первые дни своего царствованія Государь только жилъ для мечтанія и желаній добра. Онъ могъ, слѣдовательно, ожидать отъ людей довѣрія и терпѣнія къ своимъ прекраснымъ и благолюбивымъ стремленіямъ. Но нѣтъ; едва онъ дѣлалъ благое дѣло, никто не успѣвалъ еще сказать: спасибо, какъ начиналось нетерпѣливое требованіе другого, еще и еще; нервная похоть къ новому и къ реформѣ была главнымъ двигателемъ всѣхъ, и чтобы ни дѣлалъ Государь, всѣ дѣла встрѣчала критика однихъ и нетерпѣливыя требованія другого отъ другихъ... Ему не давали услыхать и увидать благодарность на дѣлѣ... Трудно-ли было при этихъ условіяхъ, окружавшихъ Царя, не разочароваться.

Въ то время при большомъ дворѣ произносилось часто одно громкое имя: имя Анастасьи Николаевны... Кто тогда не зналъ этого имени. Его носила, въ полномъ смыслѣ слова, прелестная женщина, Анастасья Николаевна Мальцева, жена извѣстнаго брянскаго помѣщика и заводчика, Сергѣя Ивановича Мальцева, родная сестра того князя Урусова, о которомъ я нѣсколько раньше говорилъ. Женщина эта была близкимъ другомъ Татьяны Борисовны Потемкиной, была другомъ Великой Княгини Маріи Николаевны и, затѣмъ, мало-по-малу сблизилась съ Императрицею до такой степени, что считалась самымъ близкимъ и довѣреннымъ къ ней лицомъ. Я часто въ это время съ нею видѣлся, и не могъ, подобно

всѣмъ ее знавшимъ, не находиться подъ ея чарующимъ вліяніемъ. Въ умномъ и красивомъ лицѣ кипсэка было столько жизни, столько оригинальной физіономіи, что, несмотря на далеко не молодые годы, она производила своею наружностью именно чарующее впечатлѣніе. Но главное впечатлѣніе она производила своимъ умомъ, своею бойкою, такъ сказать, и всегда энергичною сердечностью... Но, сходясь съ нею въ нашихъ вечернихъ бесѣдахъ во многомъ, въ одномъ мы расходились съ нею постоянно, это въ томъ странномъ, страстномъ и ревнивомъ образѣ, коимъ она осуществляла свой культъ къ Императрицѣ... Такія странныя обожанія рождаются только при Дворѣ. Ихъ цѣль завладѣть довѣріемъ особы, и стать ей на столько нужною, сдѣлаться ея привычкою на столько, чтобы можно было обходиться безъ другихъ лицъ... Къ тому же А. Н. Мальцева была остроумна, и ей ничего не стоило подчасъ прибѣгать къ острому словцу, чтобы той или другой личности не давать дѣлать лишняго шага къ придворной интимности... А такъ какъ въ это время сама Императрица старалась держать себя какъ можно отдаленнѣе отъ всего, что могло казаться политикою, то А. Н. Мальцевой было тѣмъ удобнѣе поддерживать свое привилегированное и исключительное положеніе самаго близкаго лица...

Это былъ интересный типъ, оставшійся живымъ въ моей памяти. Пользуясь ея расположеніемъ, я былъ, какъ я сказалъ, подъ вліяніемъ ея чаръ, но въ то же время я не могъ не замѣчать, что она была при Императрицѣ тою призмою, черезъ которую люди и событія или получали произвольное освѣщеніе, или уменьшались въ размѣрахъ — сегодня подъ вліяніемъ заботы не слишкомъ тревожить или безпокоить, завтра изъ опасенія какого-

нибудь другого вліянія. Но въ то же время, ничего не желая, кромѣ блага Императрицѣ, и одаренная отъ природы добрымъ сердцемъ, она постоянно казалась мнѣ лишенною главнаго: свѣтлаго спокойствія духа, ибо непрестанно должна была бороться сама съ собою, посреди ежедневнаго отлива и прилива впечатлѣній личныхъ стремленій къ добру... Она страшно желала, чтобы все доброе проходило только черезъ нее, и только черезъ нее доходило до храма и богини своего культа... А разъ такая забота является доминантною, такъ сказать, нотою въ культѣ къ особѣ, то невольно она призываетъ къ себѣ въ союзники умъ, а умъ въ этихъ случаяхъ, въ особенности когда онъ остеръ и тонокъ, даетъ подчасъ указанія если не совсѣмъ, то немного лукавыя относительно того или другого лица...

Заговорилъ же я объ этой чертѣ, свойственной обожанію въ придворномъ мірѣ потому, что не позже, какъ годъ спустя, послѣ того, какъ я такъ горячо спорилъ съ прелестною и милою Н. А. Мальцевой о томъ, что не слѣдуетъ культъ къ великимъ міра сего доводить до отвоевыванія ихъ отъ другихъ, съ цѣлью исключительнаго ими владѣнія, я впалъ совершенно въ ту же слабость въ своихъ отношеніяхъ къ Великому Князю Александру Александровичу, вскорѣ послѣ кончины Его Брата, фанатично увѣровавши, что я лучше всѣхъ сумѣю знакомить съ правдою, и отъ этого убѣжденія незамѣтно перешелъ къ ревности изъ-за того или другого вліянія. Къ счастію, я очень скоро отъ этого *страшнаго* недуга излѣчился и самымъ радикальнымъ образомъ, благодаря словамъ Великаго Князя, такъ мѣтко сказаннымъ и такъ во время мною услышаннымъ. Я всегда успѣю разочаровываться въ людяхъ,—сказалъ Онъ мнѣ однажды, когда

я подпустилъ шпильку на счетъ одного лица, — гораздо лучше меня привлекать къ людямъ... Я поразился тогда этими словами и ихъ простою правдою... Но объ этомъ послѣ. Я хотѣлъ только остановиться на этой чертѣ придворнаго міра, чтобы показать, какой она изображаетъ собою крупный подводный камень, именно для этого житейскаго моря...

Однимъ изъ близкихъ тогда лицъ къ Императрицѣ былъ старикъ князь П. А. Вяземскій, остроумный собесѣдникъ, милый поэтъ, который тоже, не взирая на свои 70 лѣтъ, питалъ высоко поэтическій культъ къ изящной и умной личности Императрицы... Старикъ князь Вяземскій былъ очаровательный человѣкъ, но вся его долгая и прекрасная жизнь прошла въ томъ, что онъ все собирался, какъ онъ самъ говорилъ, и не успѣлъ изъ себя что-либо сдѣлать, и ничего изъ него не вышло, кромѣ прекраснаго и очаровательнаго человѣка. По государственной службѣ, не взирая на блескъ положенія и на его дарованія, онъ дальше товарища министра при кратковременномъ министерствѣ Норова не пошелъ. На литературномъ поприщѣ, одаривъ русскую литературу такимъ критическимъ chef d'oeuvr'омъ, какъ его этюдъ надъ Фонвизинымъ, онъ дальше стиховъ не шелъ... Въ свой 50-ти-лѣтній юбилей, со свойственными ему юморомъ и остроуміемъ, онъ сказалъ про себя, что онъ даже не кончилъ тѣмъ, съ чего *теперь* всѣ начинаютъ, *полнымъ* собраніемъ сочиненій!... Но придворная жизнь подъ старость лѣтъ его сладко усыпляла, какъ замокъ Наины— Руслана... Вспоминая прошлое, онъ говорилъ, что считался когда-то либераломъ и вольнодумцемъ. Въ это время, состоя при Императрицѣ, онъ тихо и сладко отдалился отъ тогдашней бурной политической жизни и,

любя свою Царицу обожаніемъ поэта, онъ не вносилъ въ свой новый храмъ ни разсчетовъ честолюбія, ни горькихъ примѣсей души умнаго старика, судящаго глупыя увлеченія молодости того времени...

Эта ясная погода въ духовномъ мірѣ князя Вяземскаго была одною изъ его прелестей... Онъ никогда не осуждалъ, никогда никого не бранилъ: онъ всегда только судилъ кротко и остроумно о людяхъ и о событіяхъ, и только съ тонкимъ юморомъ осмѣивалъ въ нихъ смѣшное и дурное. Интрига и сплетня были отъ него столь же далеки, какъ ложь и лесть. 70 лѣтъ, въ центрѣ придворнаго водоворота, онъ, какъ будто, *продолжалъ* ихъ не понимать.

Самымъ оригинальнымъ и прелестнымъ зрѣлищемъ въ то время были бесѣды и общеніе князя Вяземскаго съ его другомъ Тютчевымъ... Тютчевъ, съ своими бѣлыми волосами, развѣвавшимися по вѣтру, казался старше князя Вяземскаго, но былъ моложе его; но, находясь передъ княземъ Вяземскимъ, онъ казался юношей по темпераменту... Бывало, Тютчевъ приходитъ къ горячо имъ любимому князю Вяземскому отвести душу, и сразу рисуется прелестная картина: безмятежнаго, съ умнымъ лицомъ, гдѣ добрая улыбка поперемѣнно смѣняется ироническою усмѣшкою старика князя Вяземскаго, и пылающаго своимъ вдохновеніемъ или своею главною заботою минуты старика Тютчева. Тютчевъ усаживается, какъ всегда, уходя въ кресло, князь Вяземскій сидитъ прямо въ своемъ креслѣ, покуривая трубку, и Тютчевъ начинаетъ волноваться и громить своимъ протяжнымъ и въ то же время отчеканивающимъ каждое слово языкомъ въ области внѣшней или внутренней политики. А князь Вяземскій только съ перерывами издаетъ звуки въ родѣ:

гмъ... пускаетъ изъ трубки дымъ, такой же спокойный, какъ и онъ, и когда Тютчевъ окончитъ свою тираду, вставляетъ въ промежутокъ между другою тирадою какое-нибудь спокойное или остроумное размышленіе, и какъ часто съ единственною заботою оправдать или извинить, послѣ чего Тютчевъ, какъ бы ужаленный этимъ спокойствіемъ, уносится еще дальше и еще сильнѣе въ область своихъ страстныхъ разсужденій. Изумительно кроткая терпимость была отличительною чертою князя Вяземскаго. Нетерпимость была отличительною чертою его друга Тютчева. Я говорилъ, что слышалъ Тютчева въ гостиной говорящаго одному либеральному оратору въ лицо: mais vous dites des sottises. Также помню я и Тютчева, послѣ долгой необходимости слушать одну политическую даму, болтавшую по-французски про политику, говорящимъ съ досадою: fatal abus d'une langue étrangère: elle n'aurait jamais dit tant de sottises, s'il fallait les dire en russe! Князь Вяземскій, наоборотъ, съ тою же прекрасною, доброю и умною улыбкою слушалъ изъ уваженія къ человѣку, изъ уваженія къ чужому мнѣнію, изъ гостепріимства, изъ-за добраго сердца — и глупости дурака, и подленькія рѣчи куртизана, и умныя рѣчи друга...

XXXVI.

(1865 годъ).

Весна.—Ухудшеніе болѣзни Цесаревича.—Отъѣздъ Государя въ Ниццу.—Послѣдніе дни Цесаревича.—Его кончина.—Новый Цесаревичъ.—Его возвращеніе въ Россію.—Похороны Цесаревича.

Зима кончалась, какъ началась,—весело.

Извѣстія, которыя приходили сперва изъ Италіи, а потомъ изъ Ниццы о Цесаревичѣ,—имѣли характеръ скорѣе благопріятный. Судя по тону Его писемъ ко мнѣ, писемъ въ 8 страницъ, и по письмамъ, которыя часто Онъ посылалъ своему Другу и Брату, Великому Князю Александру Александровичу, письмамъ веселымъ и полнымъ жизненнаго участія, можно было заключать, что состояніе здоровья Цесаревича скорѣе улучшалось. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Великій Князь говорилъ не только о своихъ впечатлѣніяхъ, но о будущемъ, подъ вліяніемъ сознанія и ощущенія возврата энергіи и живого интереса ко всему, смѣнившаго его лѣтнюю апатію. Въ письмахъ же къ Брату своему онъ шутилъ, острилъ, и въ каждомъ дышало, какъ я сказалъ, веселое состояніе духа.

Увы, это было затишье передъ бурею, то была его лебединая жизненная пѣснь. Начало его возрожденія вызвало его обрученіе, оно казалось такимъ и въ декабрѣ,

и въ январѣ, и въ мартѣ, но въ концѣ марта прекратились вдругъ его письма.

А затѣмъ, однажды вечеромъ я заѣзжаю къ Великимъ Князьямъ, и застаю Великаго Князя Александра Александровича въ слезахъ. Телеграмма пришла отъ Императрицы изъ Ниццы (гдѣ Она провела вторую половину зимы), съ роковымъ извѣстіемъ объ опасномъ состояніи Цесаревича. Тутъ же я узналъ объ отъѣздѣ Государя и Великихъ Князей въ Ниццу.

Вдругъ жутко стало во всемъ недавно веселившемся Петербургѣ. Вѣсть о смертельной болѣзни Цесаревича, какъ громомъ въ ясный день, поразила столицу, гдѣ не было рѣшительно угла, гдѣ не былъ прекрасный образъ этого Царскаго Первенца роднымъ и милымъ. Ему улыбался всякій въ Петербургѣ, какъ чудному весеннему дню, какъ милому юному витязю, и вдругъ—эти зловѣщія телеграммы.

Съ первой телеграммы, сразу возвѣстившей объ опасномъ положеніи Цесаревича, не было ни одной, послѣ подававшей хотя бы слабую надежду. Утромъ мы просыпались съ надеждою, утромъ же прибывавшая телеграмма разрушала безпощадно эту надежду.

По роковому ходу обстоятельствъ, всѣ знаменитые врачи, начиная съ великаго профессора Опольцера, были призваны въ Ниццу. Прибыла немедленно и королева Датская съ невѣстою Цесаревича. Онѣ выѣзжали изъ Копенгагена, пока одновременно изъ Петербурга выѣзжалъ Великій Князь Александръ Александровичъ. Увы, съѣхавшіеся врачи могли только констатировать болѣзнь, ее назвали: менингитомъ — мозговымъ и спиннымъ, то-есть приливомъ туберкулъ къ головному и къ спинному мозгамъ.

Съ 6-го апрѣля начали получаться телеграммы.

6-го апрѣля.

Ночь довольно спокойная; рѣдко просыпался; серьезность болѣзни неизмѣнно угрожающа, хотя признаки опасности слабѣе.

Голова свободнѣе, память хороша, отвѣты правильны, но положеніе свое не сознаетъ.

Вечеромъ. Тоже состояніе. Желудокъ дѣйствуетъ.

Здекауеръ прибылъ. Позвали Пирогова.

7-го апрѣля.

Положеніе серьезное, хотя нѣсколько лучше. (Отъ 5-ти часовъ утра). Конецъ ночи безпокойный, лихорадка нѣсколько усилилась, признаковъ давленія на мозгъ меньше, движенія свободны (10 час. утра).

Здекауеръ находитъ состояніе крайне опаснымъ. Надежда только на Бога. Онъ называетъ болѣзнь: méningite cerebro-spinale.

8-го апрѣля.

Бредъ послѣ тревожной ночи. Усиленіе признаковъ мозговыхъ. Опасность усиливается. Ждемъ Опольцера.

9-го апрѣля.

Состояніе опасное продолжается. Ночь эта можетъ быть рѣшающею. Прописанныя средства произвели временное успокоеніе. Сонъ прерывается бредомъ. Временами больной узнаетъ окружающихъ. Опасность все та же.

10-го апрѣля.

Ночь безпокойная, съ бредомъ. Узнаетъ, отвѣчаетъ хорошо, но языкъ нѣсколько затрудненъ; опасность очень велика.

Большая слабость. Истощеніе опасное.

Государь прибылъ. Не могъ видѣть Цесаревича. При-

были королева Датская съ принцессою Дагмаръ и наслѣдный принцъ.

Вечеромъ, 10 часовъ. Государь имѣлъ утѣшеніе свидѣться съ Цесаревичемъ. Больной улыбнулся, увидѣвъ Отца, и нѣжно поцѣловалъ Ему руку.

11-го апрѣля.

Легкое тревожное состояніе. Быстрый упадокъ силъ. 24 часа безъ сна. Сегодня утромъ свиданія съ принцессою Дагмаръ и съ братьями. Опасность усиливается...

Это была послѣдняя телеграмма о больномъ.

Слѣдующая сказала Петербургу и Россіи, что ея возлюбленный Цесаревичъ тихо скончался на рукахъ убитыхъ горемъ родителей...

Эти 6 дней прожить было невыносимо тяжело...

На первой панихидѣ въ церкви Зимняго Дворца самые твердые люди плакали. Къ этимъ слезамъ примѣшивалась у всѣхъ необыкновенно тяжелая тоска, въ видѣ вопроса со дна недоумѣвающей души: зачѣмъ?

Потомъ пришли облегчившія нѣсколько душу подробности о томъ, какъ умирающій Цесаревичъ встрѣтилъ смерть съ ясною и покорною душою; какъ Онъ, исповѣдавшись, пріобщился, какъ Онъ символически прощался со своею невѣстою и съ своимъ дорогимъ Преемникомъ, какъ Онъ прощался съ Родителями, и какъ, умирая, создалъ вокругъ своей постели атмосферу мира и свѣта.

Такъ кончилась эта прекрасная жизнь, столь богатая надеждами и обѣщаніями; такъ умеръ этотъ расцвѣтшій цвѣтокъ въ минуту своего полнаго расцвѣта.

Государь позвалъ всѣхъ членовъ Семьи и у постели скончавшагося Цесаревича заповѣдалъ перенести надежды и любовь на новаго Наслѣдника Престола. Слезы Отца соединяясь со слезами Сына, сопровождали благословеніе,

которымъ Государь осѣнилъ Своего новаго Наслѣдника и преисполнили благоговѣніемъ всѣ сердца. Императрица своимъ видомъ раздирала душу и тревожила всѣхъ, ибо не могла плакать въ первые часы горя. Она казалась окаменѣвшею въ своемъ горѣ, и глядѣла на уснувшаго на вѣки любимаго Сына, какъ будто потухая Сама.

Когда всѣ вернулись изъ злополучной Ниццы, я узналъ отъ приближенныхъ покойнаго Цесаревича, что, по странному капризу судьбы, никогда онъ не былъ такъ свѣтѣлъ и такъ уменъ, какъ въ послѣдніе дни, предшествовавшіе роковому приступу смертельнаго недуга. Онъ цѣлые часы разговаривалъ о политическихъ предметахъ съ такою изумительною логикою и съ такою ясностью въ высказываемыхъ имъ мысляхъ, что слушавшіе его изумлялись его уму. Умъ, казалось, спѣшилъ достичь своего развитія, спѣшилъ высказаться подъ вліяніемъ молодой души, быть можетъ предчувствовавшей смертный часъ.

Въ эти дни, послѣ 12 апрѣля, любившіе и знавшіе близко Цесаревича собирались въ тѣсный кружокъ вспоминать и бесѣдовать о немъ.

Тогда каждый изъ насъ въ полномъ недоумѣніи стоялъ передъ тѣмъ тяжелымъ вопросомъ: зачѣмъ? о которомъ я говорилъ выше, ибо никто изъ насъ не могъ понимать сокровеннаго смысла этого печальнаго событія въ жизни Русскаго государства и мириться съ потерею для Россіи столь прекрасно приготовленнаго Наслѣдника Престола...

Но стали проходить года, стало печальною скорбію заволакиваться, какъ тучами время, стали усложняться и затрудняться условія жизни и требованія, предъявлявшіяся ими къ Русскому Престолу, и пришелъ день, когда въ событіяхъ можно было читать довольно ясно разъяс-

неніе тайны 12 апрѣля 1865 года и отвѣтъ на вопросъ, столь томившій насъ тогда: зачѣмъ?

Два сосуда заключали въ себѣ ту же чистую и благотворную влагу; но одинъ былъ тонкаго хрусталя, другой былъ плотнѣе, слѣдовательно, и менѣе хрупокъ... Пришли минуты, когда я понялъ, что сосуду изъ хрупкаго хрусталя угрожала опасность отъ неумѣлаго и суетливаго обращенія съ нимъ многихъ—разбиться; а сосуду изъ того же чистаго хрусталя, но болѣе твердаго и прочнаго предстояло не бояться обращенія съ нимъ человѣческихъ рукъ—и русскій Промыслъ избралъ сосудъ болѣе твердый, болѣе безопасный.

Я понималъ, что душа покойнаго Цесаревича была подготовлена царствовать, но пришли дни, когда я понялъ, что она была слишкомъ нѣжна для ожидавшаго ее черствaго времени. Душа Его Брата не готовилась царствовать, но она была готова не только устоять противъ времени, но побороть его и повести...

Новый Цесаревичъ съ двоими младшими своими братьями вернулись въ Россію раньше Государя, такъ какъ Ихъ Величества рѣшили нѣсколько времени, на возвратномъ пути въ Россію, остановиться въ Дармштадтѣ, чтобы бѣдной Императрицѣ хотя немного прійти въ себя въ новой обстановкѣ жизни.

Я поѣхалъ на Сиверскую станцію встрѣчать Великихъ Князей. Когда на станцію прибылъ заграничный поѣздъ, и я, войдя въ вагонъ Великихъ Князей, просилъ камердинера о себѣ доложить, Великій Князь Александръ Александровичъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и обнялъ меня съ такимъ чувствомъ, какого нельзя забыть. Всю дорогу Онъ мнѣ разсказывалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ пребываніе свое въ Ниццѣ и всю пережитую ими драму.

Я жадно слушалъ каждое слово и, глядя на лицо новаго Наслѣдника Престола, не могъ не поразиться перемѣною, происшедшею въ этомъ лицѣ. Въ первую минуту я сказалъ себѣ, что мнѣ это только такъ въ минуту волненія показалось, но потомъ, чѣмъ внимательнѣе я въ него вглядывался, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ дѣйствительности этой перемѣны. Я понялъ тогда, что Онъ пережилъ въ Ниццѣ у изголовья умиравшаго Брата, дѣйствительно, глубокую драму. Онъ вернулся съ другою физіономіею: Онъ уѣхалъ съ лицомъ, выражавшимъ свѣтлое, доброе и полное спокойствіе души; я не помнилъ на этомъ лицѣ отраженій глубокой заботы.

Въ роковой вечеръ, когда я увидѣлъ его въ слезахъ, отъ полученныхъ изъ Ниццы извѣстій, въ его лицѣ было много горя, настоящаго горя, но это было дѣтское горе, разлитое, такъ сказать, по всему лицу. Видѣлъ я его иногда сердящимся или недовольнымъ, но и тутъ это были только цѣльныя тѣни на лицѣ, цѣльныя, хотя кратковременныя новыя освѣщенія.

Но въ эти полтора часа нашего свиданія въ вагонѣ я увидѣлъ передъ собою новое лицо. Исчезло дѣтское по беззаботности выраженіе, и на лбу, ближе къ глазамъ, къ переносицѣ, образовались тѣ складки, которыя измѣняли его физіономію, отражая, когда онѣ появлялись душевную заботу и умственное напряженіе. Тогда я увидѣлъ зародышъ этихъ признаковъ пережитой драмы, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже эти складки на лбу стали врѣзываться въ его лицо. Измѣнился при этомъ и взглядъ Его: Онъ остался чистъ и свѣтелъ, осталось въ немъ чудное отраженіе Его душевной правды, но постоянно находили, какъ легкія тучки на ясномъ небѣ, тѣни задумчивости. И затѣмъ, я увидѣлъ, что исчезла

дѣтская беззаботная веселость и исчезла навсегда. Два, три раза, во время разсказа, слезы текли по лицу новаго Цесаревича, и при этомъ глубокое впечатлѣніе произвели на меня тѣ слова, въ которыхъ Онъ высказалъ: чѣмъ была эта драма для всѣхъ, кого она потрясла горемъ, и чѣмъ она была для него одного. На меня, — говорилъ Цесаревичъ, — разомъ обрушивались два удара; вдругъ создавалось положеніе, страшное по тяжести, о которомъ никогда я и во снѣ не могъ думать, и тутъ же я лишался моего единственнаго друга, руководителя и спутника!

Пріѣхали мы въ Царское Село. На станціи я вспомнилъ отъѣздъ покойнаго Цесаревича за границу менѣе года назадъ, вспомнилъ я и слова его при прощаньи, которыми онъ поручалъ мнѣ своего брата, и въ эту тяжелую минуту возставшихъ съ такою силою со дна души воспоминаній я былъ возвращенъ къ дѣйствительности голосомъ новаго Цесаревича. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «надѣюсь, что вы къ намъ пріѣдете, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, я вамъ приготовлю комнату. Спасибо, что вы меня встрѣтили». Эти слова положили начало отношеніямъ, которыя получили для меня значеніе исполненія во всей его святости порученія покойнаго Цесаревича.

Они рѣшили участь моей жизни: я весь отдался одной мысли и одному чувству; эта мысль и это чувство составляли цѣль моей жизни, и стали причиною всего хорошаго и всего дурного, всего свѣтлаго и отраднаго, и всего печальнаго въ моей жизни. Цѣль безконечно святая, которая создалась, — волею - неволею дѣлала меня чѣмъ-то болѣе опредѣленнымъ и личнымъ, чѣмъ прежде, и это «что-то», въ свою очередь, создало для меня что-то

новое,—это отношенія къ людямъ подъ угломъ зрѣнія, прежде для меня не существовавшимъ. Для меня новое земное положеніе Великаго Князя Александра Александровича не измѣняло ни въ чемъ свойства и прелести его духовной личности, не поднимало, такъ сказать, цѣну его духовнаго существа; оно только обязывало къ большей святости и отвѣтственности въ отношеніяхъ къ нему; но для другихъ эта земная перемѣна въ Великомъ Князѣ измѣняла и отношенія къ нему людей: онъ сразу очутился окруженный людьми, вчера не замѣчавшими его, а сегодня преисполненными желаній не только его отличать и превозносить, но и быть имъ замѣченными. Тутъ уже, не съ отдѣльными людьми, случайными и мимоходящими, какъ прежде, приходилось имѣть дѣло: тутъ подступало къ молодому человѣку, вдругъ измѣнившему свое положеніе, цѣлое человѣчество, а человѣчество — какая страшная стихія!

Мнѣ живо тогда припомнился эпизодъ въ минувшую зиму, въ комнатахъ Великаго Князя Александра Александровича. Онъ былъ на Государевой половинѣ. Въ ожиданіи его пришлось вести бесѣду съ двумя изъ его приближенныхъ по службѣ лицъ: съ однимъ изъ имѣвшихъ обязанности по учебной части, а съ другимъ по воспитательной части. Разговоръ зашелъ о Великомъ Князѣ. Помню, съ какимъ непріятнымъ чувствомъ я отошелъ отъ нихъ, послѣ спора, въ которомъ одно изъ этихъ двухъ лицъ съ такимъ пренебреженіемъ и съ такимъ непониманіемъ личности Великаго Князя отзывался объ его умственной личности, сравнительно съ Его братомъ Цесаревичемъ. И что же! Не прошло мѣсяца послѣ возвращенія новаго Цесаревича изъ Ниццы, какъ этотъ самый человѣкъ, при встрѣчѣ со мною въ Царскомъ Селѣ, бе-

ретъ меня въ сторону и начинаетъ говорить съ какимъ-то горячимъ восторгомъ о той самой умственной личности Великаго Князя Александра Александровича, о которой годъ назадъ говорилъ съ такимъ пренебреженіемъ, и при этомъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ говоритъ о томъ, какъ онъ прежде ошибался въ оцѣнкѣ его личности. Ода смѣнила злую сатиру. А когда я совершенно невольно на эти восторженные отзывы о новомъ Цесаревичѣ отвѣтилъ ему: да, скоро мѣняются мнѣнія о людяхъ,—я, увы, пріобрѣлъ въ немъ врага.

На нѣсколько дней я переѣхалъ въ маленькую комнату, выходившую въ садъ Царскосельскаго Дворца, и провелъ тихіе дни гостемъ у Великаго Князя. Расцвѣтъ весны въ природѣ мало согласовался съ тогдашнимъ настроеніемъ бѣднаго Цесаревича, но, тѣмъ не менѣе, Онъ ею пользовался, чтобы ободрять себя и много гулялъ, избирая любимыя цѣли прогулки покойнаго брата. Минутами онъ впадалъ въ уныніе, но вѣра во все то многое прекрасное, что въ немъ было, — давала мнѣ неисчерпаемую возможность его ободрять.

Наступили тяжелые дни привоза тѣла и погребенія Цесаревича Николая Александровича. Безъ преувеличенія можно сказать, что весь Петербургъ былъ въ то утро на набережной Невы, когда прибылъ на катерѣ дорогой гробъ изъ Кронштадта. Ночью мнѣ пришлось дежурить у этого гроба. Тишина была полная. Раздавался только голосъ священника, читавшаго Евангеліе. Послышался вдругъ шорохъ, и мы увидѣли, какъ Государь подводилъ къ гробу Императрицу. Она стояла у гроба, глядя на молодое, сохранившееся лицо Сына нѣсколько долгихъ минутъ. Никогда не забуду этихъ минутъ и того выра-

женія, съ которымъ глядѣла Мать на черты Сына, молясь и крестя Его прекрасное лицо.

Потомъ была другая минута, которую не легко забыть.

Когда кончилось погребеніе и у могилы остались только дежурства и министръ Двора графъ А. В. Адлербергъ, я взглянулъ на лицо графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, попечителя покойнаго Цесаревича. Онъ изображалъ собою статую нѣмой покорности. Онъ стоялъ неподвиженъ у могилы, со взглядомъ, устремленнымъ на нее: ни одного движенія, ни одной перемѣны въ лицѣ. Поза эта и взглядъ этотъ выражали все, что должно было происходить въ его душѣ: подъ эти камни зарывался прахъ всего того міра надеждъ, трудовъ, успѣховъ и ярко-свѣтлаго будущаго, которому посвятилъ этотъ старикъ все свое существо! И глядя на это лицо изъ сѣраго мрамора, на которомъ ничего нельзя было прочесть, я вспомнилъ скевенингенское утро, когда Цесаревичъ сообщилъ ему съ такою нѣжною осторожностью извѣстіе о смерти старшаго сына и графъ Строгоновъ себя принудилъ надѣть маску неподвижнаго лица. Въ этой же маскѣ я увидѣлъ его годъ спустя у могилы его дорогого Николая Александровича, какъ онъ называлъ Цесаревича.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТРАН.

I. (До 1850-хъ гг.). Мои родители.—Мое дѣтство дома.—Мое дѣтство въ училищѣ Правовѣдѣнія.—Первые училищные начальники и воспитатели 1

II. (Послѣ 1850—1853 г.). Мое отрочество въ стѣнахъ училища Правовѣдѣнія. — Директоръ Языковъ.—Инспекторъ Рутенбергъ. — Священникъ Богословскій.—Учителя.—Посѣщеніе училища Императоромъ Николаемъ I. 9

III. (1853—1854 г.). Крымская война.—Что говорилось о ней въ нашей семьѣ.—Муки Императора Николая.—Настроеніе Россіи. 17

IV. (1854—1855 г.). Ополченцы.—Послѣдній кадетскій выпускъ при Николаѣ I.—Прекрасныя черты патріотизма въ высшемъ обществѣ въ Петербургѣ.—Князь В. А. Долгорукій.—Князь Меньшиковъ. — Князь Горчаковъ.—Двѣ стороны тогдашняго военнаго міра 23

V. (1854—1855 г.). Смерть Корнилова.—Первое стихотвореніе Апухтина.—Смерть Императора Николая I.—Его сотрудники: Д. Г. Бибиковъ, графъ Клейнмихель, Киселевъ, графъ Нессельроде 33

VI. (1855—1857 г.). Наши профессора: И. П. Шульгинъ, Богословскій, В. В. Шнейдеръ, Неволинъ, Калмыковъ 45

VII. Новыя вѣянія.—Ланской.—Конецъ войны.—Коронація.—Послѣ коронаціи.—Увлеченіе Герценомъ 59

VIII. (1857 г.). Моя дружба съ П. П. Демидовымъ.—Его личность.—Нравы золотой молодежи. 73

IX. (1857 г.). Заключительныя впечатлѣнія передъ выпускомъ.—Нашъ классъ и наше товарищество.—Репетиціи.—Экзамены.—Нашъ Принцъ.—Первые дни свободы. 79

X. (1857 г.). Выходъ изъ училища на службу.—Характеристика нашихъ знаній и личностей.—Первыя служебныя впечатлѣнія.—Наше служебное начальство: графъ В. Н. Панинъ, Мих. Ив. Топильскій, Илличевскій.—Петербургское высшее общество.—Центры придворные 91

XI. (1858 г.). Мое поступленіе на службу въ полицію.—Персоналъ моихъ сослуживцевъ.—Мое начальство.—Графъ П. А. Шуваловъ, оберъ-полиціймейстеръ.—Мои служебныя похожденія 105
XII. (1858—1859 г.). Петербургскій свѣтъ.—Потемкинскій домъ.—Умныя гостиныя.—Валуевъ.—Его восхожденіе.—Д. Н. Замятинъ.—В. П. Бутковъ 125
XIII. (1859—1860 г.). Мой переходъ въ уѣздные судьи.—Дворянскій либерализмъ.—Михайловскій и Мраморный дворцы.—Ихъ политическое значеніе 135
XIV. (1859—1860 г.). Тогдашнее тихое настроеніе общества.—Элементы либеральные, элементы оппозиціи. — Вредное вліяніе Самарина и его сподвижниковъ.—Умственное движеніе въ среднихъ слояхъ общества 147
XV. (1861 г.). Настроеніе общества.—Мой отецъ какъ помѣщикъ.—Черта крестьянской благодарности.—Наканунѣ 19 февраля.—Толки и чувства.—Забытый вопросъ.—19 февраля.—Государь и Его впечатлѣнія.—Настроеніе внутри Россіи. 157
XVI. (1861 г.). Путешествіе Государя.—Приглашеніе въ Святыя Горы Потемкиныхъ.—Мои впечатлѣнія въ Святыхъ Горахъ.—Ожиданіе и приготовленіе къ пріѣзду Императрицы.—Пріѣздъ. — Впечатлѣніе. — Неожиданное прибытіе Государя. 169
XVII. (1861 г.). Поѣздка въ Крымъ.—Ливадія.—Старикъ графъ Бобринскій.—Мой первый литературный опытъ.—Чтеніе въ Ливадіи.—Графъ А. П. Шуваловъ.—Мое пожалованіе въ камеръ-юнкеры. 185
XVIII. (1861 г.). Пріѣздъ въ Царское Село.—Впечатлѣнія.—Первое знакомство съ Цесаревичемъ Николаемъ и его братьями.—Въ Петербургѣ мой эпизодъ съ редакціей «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». — Графъ Блудовъ.—Эпизодъ съ Огрицко.—Обѣдъ у Замятиныхъ.—Старикъ Неклюдовъ . . 193
XIX. (1861 г.). Перемѣна службы.—Поступленіе къ П. А. Валуеву въ чиновники особыхъ порученій.—Валуевъ.—Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ.—Первый вечеръ у О. Б. Рихтера съ Цесаревичемъ въ Царскомъ Селѣ.—Мои впечатлѣнія. 203
XX. (1861 г.). Свѣтскія впечатлѣнія.—Барышни Смирновы.—Начало сезона.—Вечерній чай у О. Б. Рихтера въ Царскомъ Селѣ съ Цесаревичемъ.—Вел. Кн. Марія Николаевна. Ея сынъ Герцогъ Николай Максиміліановичъ Лейхтенбергскій.—Вел. Кн. Елена Павловна 213
XXI. (1862 г.). Мои служебныя командировки.—Поѣздка въ Архангельскъ и въ Каргополь.—Впечатлѣнія 223

стран.

XXII. (1862 г.). Весна. — Свиданіе съ Огрицко. — Кн. Долгоруковъ—шефъ жандармовъ. — Царское Село.—Приглашеніе на вечеръ во дворецъ.—Пожаръ въ Петербургѣ.—Толки.—Валуевъ. — Впечатлѣніе Наслѣдника.—Эпизодъ изъ придворной жизни.—Осень въ Царскомъ Селѣ.—Графъ Павелъ Шуваловъ 227

XXIII. (1862 г.). Проектъ полицейской реформы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Роковое совпаденіе питейной реформы съ крестьянскою.—Русскій богъ.—Мысли Огрицко.—Его роль.—Начало польскаго мятежа.—Роль Вел. Кн. Константина Николаевича.—Его ошибка 241

XXIV. (1863 г.). Моя командировка въ Смоленскъ.—Тогдашніе страхи.—Пограничныя волости государственныхъ крестьянъ.—Волостные головы.—Какъ я исполнилъ порученіе.—Въ Москвѣ познакомился съ Катковымъ и Леонтьевымъ.—Моя аудіенція у митрополита Филарета.—Знакомство въ Петербургѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ. 257

XXV. (1863 г.). Мои бесѣды въ Царскомъ Селѣ съ Цесаревичемъ.—Отъѣздъ Цесаревича въ путешествіе по Россіи.—Мое постоянное сближеніе съ Вел. Кн. Александромъ Александровичемъ. — Письма Наслѣдника. — Его письмо съ Дону.—Оцѣнка путешествія Цесаревича.—Мой инцидентъ съ орденомъ. 269

XXVI. (1863 г.). Валуевъ и польскій вопросъ.—Дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ.—Огрицко и Сѣраковскій.—Лѣтнія мои командировки.—Курскъ.—Имѣніе моего дяди, В. И. Карамзина 279

XXVII. (1863 г.). Мое сближеніе съ Герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ. — Лекціи у него.—Земская реформа.—«Голосъ» и Валуевъ.—Валуевъ и «Московскія Вѣдомости».—Новый правительственный органъ «Сѣверная Почта».—Князь Горчаковъ 289

XXVIII. (1863 г.). Князь Суворовъ.—Корифеи Мраморнаго дворца.—Головнинъ, Зарудный и Рейтернъ 307

XXIX. (1863 г.). Типы: И. С. Мальцевъ, А. Н. Муравьевъ, графъ Комаровскій, Ѳ. И. Тютчевъ и А. Ѳ. Тютчева 317

XXX. (1863 г.). Князь В. А. Долгоруковъ, графъ А. К. Толстой и графиня А. Д. Блудова 329

XXXI. (1863 г.). 6 декабря 1863 года.—Цесаревичъ, графъ С. Г. Строгановъ и графъ Б. А. Перовскій.—Два брата. 341

XXXII. (1864 г.). Поѣздка въ Кіевъ. — Генералъ-губернаторъ Анненковъ. — Старикъ Юзефовичъ.—Впечатлѣніе при объѣздѣ края. 355

XXXIII. (1864 г.). Возвращеніе въ Петербургъ.—Пасха.—Весна.—Первые признаки болѣзни Цесаревича. — Его отъѣздъ за

границу. — Моя заграничная поѣздка.—Свиданіе съ Цесаревичемъ въ Скевенингенѣ.—Лондонъ.—Парижъ.—Второе и послѣднее свиданіе съ Цесаревичемъ въ Дармштадтѣ.—Его помолвка 369

XXXIV. (1864—1865 г.). Возвращеніе изъ-за границы.—Князь В. А. Долгоруковъ.—Земскія броженія умовъ.—Агитація и интриги противъ М. П. Муравьева. — Уходъ Муравьева.—Князь С. Н. Урусовъ. 409

XXXV. (1864—1865 г.). Рескриптъ министру юстиціи.—Добродушіе Д. Н. Замятина.—Эпизодъ Государя и Замятина по вопросу о несмѣняемости.—Валуевскіе рауты.—Государь и Его мысли.—Его разочарованіе.—А. Н. Мальцева.—Князь П. А. Вяземскій 427

XXXVI. (1865 г.). Весна.—Ухудшеніе болѣзни Цесаревича.—Отъѣздъ Государя въ Ниццу. — Послѣдніе дни Цесаревича.—Его кончина.—Новый Цесаревичъ.—Его возвращеніе въ Россію.—Похороны Цесаревича 443

Кн. В. П. Мещерскій.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1865—1881 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская, № 27.
1898.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

(1865 годъ).

Присяга Цесаревича.—Его личность.—Его мысли.—Его чувства.

Въ это лѣто назначено было торжественное принесеніе присяги новымъ Наслѣдникомъ Престола. Дворъ наканунѣ дня присяги переѣхалъ въ Елагинъ дворецъ. Впервые послѣ Императора Николая Дворъ поселялся въ Елагиномъ дворцѣ.

Вечеромъ я посѣтилъ Цесаревича въ одномъ изъ флигелей возлѣ дворца. Онъ предложилъ мнѣ съ нимъ пойти пѣшкомъ гулять. Во время прогулки Великій Князь былъ невеселъ и неразговорчивъ. Понимая его душевное состояніе я воздерживался отъ того, что называется занимать собесѣдника. На берегу Невы мы присѣли на скамейку. Цесаревичъ сѣлъ и вздохнулъ.

Я обернулся къ нему и спрашиваю: тяжело вамъ?

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ,—отвѣтилъ мнѣ Цесаревичъ.—Я одно только знаю, что я ничего не знаю, и

ничего не понимаю. И тяжело, и жутко, а отъ судьбы не уйдешь.

— А унывать нечего: есть люди хорошіе и честные, они Вамъ помогутъ.

— Я и не думаю унывать. Это не въ моей натурѣ. Я всегда на все глядѣлъ философомъ. А теперь нельзя быть философомъ. Прожилъ я себѣ до 20-ти лѣтъ спокойнымъ и беззаботнымъ, и вдругъ сваливается на плеча такая ноша. Вы говорите: люди; да, я знаю, что есть и хорошіе и честные люди, но и не мало дурныхъ, а какъ разбираться, а какъ я съ своимъ временемъ управлюсь? Строевая служба, придется командовать, учиться надо, читать надо, людей видѣть надо, а гдѣ же на все это время?...

Дѣйствительно, дѣла предстояло бѣдному Великому Князю страшно много. Ему надо было серьезно заниматься военною службою, и Ему нельзя было избѣгнуть оффиціальной стороны своего новаго положенія, т. е. пріемы и обязанность быть вездѣ тамъ, гдѣ Государь бываетъ. При покойномъ Цесаревичѣ былъ графъ Строгоновъ, который отвоевывалъ для своего воспитанника право не ѣздить никуда въ часы урочныхъ занятій; но для новаго Наслѣдника никто не могъ отвоевывать ему отъ Государя этихъ льготъ, тѣмъ болѣе, что Государь съ самаго начала началъ показывать, на сколько Онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы новый Наслѣдникъ вездѣ являлся и вездѣ Его сопровождалъ.

Послѣ прогулки я проводилъ Цесеревича до Его жилища и мы разстались... Въ этотъ же вечеръ Государь пришелъ къ Своимъ Сыновьямъ въ комнаты и обоимъ старшимъ подарилъ флигель-адъютанскіе мундиры.

Не смотря на лѣтнее время, съѣздъ былъ къ выходу

многочисленный. Цесаревичъ прочелъ присягу взволнованнымъ, но громкимъ и яснымъ голосомъ. Послѣ присяги я зашелъ къ Цесаревичу поздравить Его и передать Ему впечатлѣнія торжества!

Люди! Все дѣло въ нихъ: отъ нихъ зависятъ всѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ извѣстная личность мало-по-малу обрисовываетъ свои взгляды на главные вопросы жизни и въ особенности на свои нравственныя обязанности относительно людей. Всякій воспринимаетъ вліяніе людей не только смолода, но въ продолженіе всей жизни. Это вліяніе происходитъ не отъ всѣхъ и не отъ всякихъ людей, но отъ тѣхъ, съ которыми человѣкъ чаще всего и, такъ сказать, постоянно сталкивается... Эти люди составляютъ то, что принято называть средою...

Какая среда людей должна быть средою Наслѣдника Престола, т. е., кто и гдѣ тѣ люди, которые должны вліять на постепенное образованіе его личности и его взглядовъ на жизнь... Тутъ предстоитъ и знакомство съ Россіею, въ видѣ многосложной задачи, и знакомство съ человѣческою жизнью, и знакомство съ эпохою, въ политическомъ смыслѣ, и все это предстояло новому Наслѣднику Престола узнавать отъ людей...

А какъ?

Всѣ эти вопросы тысячу разъ приходили на душу, и всего чаще въ бесѣдѣ съ такимъ прекраснымъ человѣкомъ и такимъ прекраснымъ другомъ молодого Цесаревича, какимъ былъ его главный воспитатель, графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Его мучилъ этотъ вопросъ его сердца и его совѣсти. А между тѣмъ, строй жизни Великихъ Князей былъ таковъ, что случайно могли, такъ сказать, подвертываться люди, но подбираться не могли.

Хорошо, если подвернувшійся человѣкъ оказывался хорошимъ и честнымъ, а что, если, наоборотъ, онъ оказывался нехорошимъ...

Въ сущности, какъ я наблюдалъ за эти годы, Великіе Князья знакомились съ людьми въ гостиныхъ и видѣлись съ ними въ гостиныхъ. Въ тѣ годы главною сценою для знакомствъ и для сношеній бывали зимнія катанья на конькахъ въ Таврическомъ саду, введенныя въ моду покойнымъ Цесаревичемъ. Буквально весь бомондъ сталъ кататься на конькахъ, чтобы ежедневно бывать отъ 2 до 4 час. на Таврическомъ каткѣ въ обществѣ Великихъ Князей. Другой, болѣе оживленной сцены для знакомствъ Великихъ Князей въ то время не было.

Во всякомъ случаѣ, они знакомились съ людьми съ парадной или чистой стороны, съ людьми всегда улыбающимися, всегда соглашающимися съ ними, всегда ими восхищающимися, а знакомство съ человѣкомъ въ его будничномъ неглижэ для нихъ не существовало... Вслѣдствіе этого объ сей сторонѣ людской жизни, къ сожалѣнію, они получали понятія только отъ услужливыхъ сплетниковъ, отъ любителей въ великой наукѣ придворныхъ разговоровъ...

Само собою разумѣется, что эта среда людей мало могла способствовать развитію въ молодомъ человѣкѣ практическихъ и серьезныхъ въ то же время взглядовъ на жизнь, и очень мало могла давать пищи, какъ духовный матеріалъ для саморазвитія. Въ обоихъ случаяхъ, и тѣ, которые хотѣли улыбками и лестью снискать себѣ благорасположеніе Великаго Князя, и тѣ, которые промышляли сплетнями и увеселительными разговорами, всего менѣе думали и могли думать о Великомъ Князѣ съ точки зрѣнія его пользы... И, увы, эта среда много

заключаетъ въ себѣ прямо вреднаго, пріучая молодой умъ и молодое сердце, съ одной стороны, къ легкому обращенію съ вопросами серьезными и въ томъ числѣ съ личностью человѣка вообще, а съ другой стороны—смотрѣть на людей, ихъ окружающихъ, свысока и даже презрительно... Какъ это дѣлалось — я видѣлъ это ясно уже тогда: большая часть людей этой среды, разумѣется, того не замѣчая, практиковали на самихъ себѣ школу пренебреженія къ человѣку: они на себѣ учили того или другого изъ великихъ міра сего въ грошъ не ставить ихъ достоинство и ихъ личность, и сколько разъ съ удивленіемъ мнѣ приходилось видать, что случайное проявленіе въ Великомъ Князѣ къ какому-нибудь человѣку почти презрѣнія доставляло этому человѣку удовольствіе: то, что французы называютъ: être traité sous jambes,— считалось для иныхъ признакомъ интимности...

Это была одна среда; другая была среда учебная и воспитательная; но она имѣла очень ограниченное вліяніе на развитіе личности въ Великихъ Князьяхъ, такъ какъ къ воспитателямъ Они слишкомъ привыкали, а учителей видѣли только въ классахъ. И притомъ, учителя съ вліяніемъ на жизнь были рѣдкостью. Таковыми были: Буслаевъ, Побѣдоносцевъ и немного Бабстъ.

Но въ эту минуту, когда Богу было угодно на Великаго Князя Александра Александровича возложить призваніе Наслѣдника Престола, задавая вопросъ: гдѣ люди и откуда ихъ взять,—можно было въ то же время быть увѣреннымъ, что та среда свѣтско-придворная, о которой я сейчасъ говорилъ, на него вліяніе дурного уже имѣть не будетъ...

Его нравственная личность до того была уже сложена твердо въ свою самобытную, такъ сказать, конститу-

цію, что опасеній за тлетворное вліяніе куртизановъ можно было не имѣть...

Сознавать это въ такія наступившія трудныя минуты жизни Цесаревича — было неизмѣримо отрадно... Много людей Онъ перевидалъ въ эти годы; но когда о нихъ заговаривали, Онъ скользилъ мыслію надъ ними, со дна Его души вылетали отрывками воспоминанія лишь о двухъ, трехъ друзьяхъ или товарищахъ дѣтства; дѣтскую симпатію смѣнило уваженіе молодого человѣка къ этимъ нѣсколькимъ, а къ массѣ придворныхъ его не только не тянуло, но они не существовали для Него... Какъ все это произошло, разскажу сейчасъ.

Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ шутку называлъ себя философомъ.

Но это не было шуткою — Онъ дѣйствительно былъ философомъ, въ смыслѣ такого имъ добытаго міровоззрѣнія, и такихъ особенностей его духовнаго существа, которыя позволяли ему, во-первыхъ, жить отдѣльною отъ другихъ жизнью, и не испытывать вліянія людей въ той степени, въ какой обыкновенно испытываетъ большая часть людей, а тѣмъ паче, вліянія придворной людской среды...

Онъ могъ казаться философомъ и въ отсутствіи въ немъ всякихъ, такъ сказать, прихотей матеріальной жизни: будь онъ перенесенъ сразу въ крестьянскую избу, онъ не почувствовалъ бы ни лишеній, ни стѣсненій для своего физическаго существа; и, рядомъ съ этимъ, онъ былъ философомъ въ смыслѣ отсутствія всякихъ тѣлесныхъ страстей...

Философомъ, но какой школы?

Разумѣется, философомъ—христіанской школы... Не-

вѣрно было бы сказать, что онъ былъ просто хорошимъ христіаниномъ; нѣтъ, онъ именно былъ философомъ-христіаниномъ; потому что не изъ одного христіанства онъ черпалъ свой стоицизмъ, но изъ своего собственнаго мышленія, изъ того процесса саморазвитія, который сложилъ его личность въ безусловно оригинальную...

Она сложилась за послѣдніе годы подъ сѣнью, такъ сказать, и подъ вліяніемъ духовнаго міра его старшаго брата... Они жили эти послѣдніе годы, что называется, душа въ душу... И это не было слѣпое подчиненіе младшаго брата старшему; совсѣмъ нѣтъ, это былъ взаимный обмѣнъ и мыслями, и чувствами и впечатлѣніями, при которомъ одинъ дополнялъ другого. Дружба эта была объединеніемъ двухъ совсѣмъ различныхъ и самостоятельныхъ при томъ существъ. Въ старшемъ братѣ не было никакихъ элементовъ философіи; напротивъ, своимъ чуткимъ и воспріимчивымъ ко всѣмъ оттѣнкамъ окружавшаго его міра, своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ, понимавшимъ сразу намеки на мысль, онъ всецѣло воспринималъ и вліянія на себя жизни, или считался съ нею, и признавалъ ея силу; младшій братъ потому и представлялся философомъ, что, наоборотъ, онъ не подчинялся, такъ сказать, силѣ окружавшей его жизни, не моделировалъ себя по ней, не дорожилъ никакимъ «on dit», и крупными и цѣльными, такъ сказать, штрихами выражалъ свой образъ мыслей и свой духовный міръ, минуя тѣ оттѣнки и утонченности, которые въ личности старшаго брата играли свою роль и имѣли свое значеніе. Первый былъ художникъ мысли, второй былъ ея философъ своей собственной школы; и чтобы конкретнѣе выразить это различіе, я бы сравнилъ перваго съ искуснымъ

столяромъ, а второго съ плотникомъ съ вѣрнымъ взглядомъ и съ вѣрною рукою.

И вотъ, въ этомъ общеніи послѣднихъ лѣтъ, именно подъ сѣнью своего даровитаго, блестяще развившагося и богато образовавшагося брата, Великій Князь Александръ Александровичъ воспринималъ отъ него, не мѣняя своего характера, своего основного міровоззрѣнія, множество мыслей, свѣдѣній, впечатлѣній, которыя подъ вліяніемъ самой полной и самой искренней дружбы сердца служили для него главнымъ матеріаломъ и главнымъ подспорьемъ для самообразованія.

Когда въ эту пору начались наши ежедневныя бесѣды и занятія, я сразу убѣдился въ двухъ вещахъ, которыя слишкомъ ясно доказывали, какъ ошибались тѣ, которые, мало и только поверхностно зная Великаго Князя Александра Александровича, могли думать, что онъ мало знаетъ и мало думаетъ... Одна вещь—была открытіе, какъ мало изъ того, что приходилось ему сообщать, было ему неизвѣстно, и вторая—это невозможность поколебать извѣстные имъ добытые основные взгляды и убѣжденія: до того они были въ немъ прочны и неотдѣлимы отъ его духовнаго самобытнаго міра... Передъ самою кончиною Цесаревича Николая Александровича послѣдній откликъ своихъ умиравшихъ умственныхъ силъ былъ для брата; умиравшую мысль, какъ потухавшее пламя, онъ на мигъ оживилъ послѣднимъ дуновеніемъ своей любви къ брату, чтобы повѣдать Россіи, кому онъ оставлялъ свое преемство; въ нѣсколькихъ словахъ онъ сдѣлалъ изъ характеристики его души чудную картину, и сдѣлалъ потому, что онъ одинъ въ послѣдніе годы своей жизни понялъ и оцѣнилъ и правдивую красоту и простую твердость его души. Онъ одинъ понялъ эту душу, ибо, съ одной сто-

роны, лелѣялъ ее и трудился надъ ея развитіемъ, а съ другой стороны—самъ испыталъ на себѣ ея благотворное вліяніе и успѣлъ оцѣнить ея самобытныя качества...

Но, отстаивая всѣми силами своей природы философа-христіанина свою самобытность и свою самостоятельность въ прекрасныхъ чертахъ самой природы, Великій Князь Александръ Александровичъ поражалъ тѣмъ, что насколько онъ своимъ качествамъ придавалъ инстинктивную, такъ сказать, цѣну, настолько онъ себѣ не придавалъ никакой цѣны, и именно поражалъ своимъ смиреніемъ... Ему не было предѣловъ, и это заставляло при сближеніи съ нимъ благоговѣть предъ нимъ, ибо въ этомъ смиреніи чувствовалась сила его нравственности...

Но кромѣ самого себя новый Цесаревичъ вовсе не цѣнилъ еще другое: это усилія людей ему понравиться и обратить на себя его вниманіе...

Со свѣтомъ и съ придворнымъ міромъ онъ успѣлъ уже ознакомиться настолько близко, что лесть, заискиваніе, ломанье шута или вкрадчивость куртизана—все это отталкивало отъ него человѣка подъ вліяніемъ непосредственнаго и инстинктивнаго побужденія...

А въ этихъ усиліяхъ людей къ нему прилаживаться недостатка не было. Можно сказать, что съ перваго же дня его новаго положенія и въ свѣтѣ и при Дворѣ стали со всѣхъ сторонъ проявляться усиленныя заботы и превозносить новаго Цесаревича, и заискивать у него, но на то и другое въ отвѣтъ онъ оставался непобѣдимымъ философомъ, подтрунивая надъ тѣмъ, что вдругъ для многихъ онъ сдѣлался такимъ интереснымъ.

Въ особенности онъ не любилъ фразъ... Бѣднаго Валуева онъ не любилъ именно за избытокъ фразъ. Про него онъ весьма вѣрно говорилъ: онъ столько наговоритъ

посторонняго и ненужнаго, что до нужнаго и не доберешься... Наоборотъ, краткая, простая, правдивая рѣчь ему нравилась, и только къ ней онъ прислушивался съ довѣріемъ и со вниманіемъ. Сколько разъ, помню, приходилось видѣть, какъ человѣкъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы плѣнить Великаго Князя своимъ краснорѣчіемъ говорилъ, говорилъ, и уходилъ съ упованіемъ, что произвелъ впечатлѣніе, а Великій Князь съ его уходомъ—говорилъ про него: какой болтунъ, или какой пустомеля. Придворный міръ былъ не по сердцу Великому Князю издавна, по той простой причинѣ, что онъ грѣшилъ двумя вещами, ему антипатичными,—отсутствіемъ правдивости и избыткомъ угодливости...

Тѣ же причины въ немъ объясняли очень ясно одну изъ самыхъ симпатичныхъ и прекрасныхъ чертъ его характера: уваженіе къ чужому мнѣнію. Онъ уважалъ чужое мнѣніе, во-первыхъ, потому, что любилъ инстинктивно и всѣми фибрами своего нравственнаго существа правду; во-вторыхъ, потому, что столь же инстинктивно ненавидѣлъ угожденіе ему и, въ третьихъ, потому что былъ смиренъ.

Въ мелочахъ чисто будничнаго обихода молодой Цесаревичъ иногда бывалъ упрямъ, въ главныхъ принципахъ и основныхъ убѣжденіяхъ своихъ онъ былъ непреклоненъ, но затѣмъ между этою маленькою чертою и этою крупною чертою его характера—оставалась цѣлая широкая область вопросовъ и мнѣній, по которымъ онъ любилъ выслушивать мнѣнія людей и обязывалъ, такъ сказать, своего собесѣдника съ нимъ спорить, и если ему удавалось доказать, что онъ правъ и что неправъ Великій Князь, то послѣдній всегда убѣждался...

Вотъ эта то черта давала необыкновенную прелесть

близкимъ къ нему отношеніямъ... Слово, искренно сказанное, съ цѣлью или убѣдить или разубѣдить Цесаревича, никогда не пропадало даромъ.

А затѣмъ, въ заключеніе характеристики его духовной личности въ то время слѣдуетъ сказать, что уже тогда въ немъ образовалась одна прекрасная черта, которая въ немъ развилась и окрѣпла,—это прочность его привязанности къ человѣку... Онъ отстаивалъ противъ нападокъ того человѣка, котораго онъ любилъ, и онъ презрительно относился къ личностямъ тѣхъ, которые сплетничали или клеветали, стараясь вредить въ его глазахъ человѣку, которому онъ вѣрилъ.

Черта эта была послѣдствіемъ двухъ внутреннихъ причинъ... Одна происходила отъ его честности: честный во всемъ, въ маломъ и большомъ, онъ былъ честенъ въ своихъ привязанностяхъ, а затѣмъ онъ отстаивалъ своего близкаго и презиралъ на него клевету, потому что былъ философъ; именно, какъ философъ онъ былъ и снисходителенъ къ слабостямъ людей, не ждалъ отъ нихъ ни героизма, ни святости и, зная, что всякій человѣкъ имѣетъ свои слабости, прощалъ ихъ каждому и цѣнилъ въ человѣкѣ хорошія стороны.

Изъ всего этого духовнаго матеріала, далеко не скуднаго, въ день, когда Великій Князь сталъ Наслѣдникомъ Престола, у него сразу явилось владычествующимъ началомъ его жизни—сознаніе долга...

Онъ ясно и во всей его полнотѣ сознялъ свой долгъ и началъ для него жить, но опять-таки по своему, безъ всякихъ манифестацій, безъ всякихъ фразъ, безъ всякой наружной вывѣски, а совсѣмъ просто, совсѣмъ обыкновенно и почти незамѣтно...

Осень какъ лѣто, а зима какъ осень 1865 года про-

шли мирно и тихо. Осенью возобновились въ Царскомъ Селѣ простыя вечернія собранія въ Китайской гостиной, на которыхъ очень рѣдко присутствовала Императрица, и эта тихая уединенная жизнь Двора продолжалась и по переѣздѣ изъ Царскаго въ Петербургъ въ концѣ ноября. Ежедневно мы видѣлись съ Цесаревичемъ. Въ это время я далъ ему совѣтъ, который ему понравился и который Онъ принялъ: писать свой дневникъ но аккуратно, то-есть, записывать каждый день, что случилось и дневныя мысли и впечатлѣнія. Мнѣ казалось, что веденіе дневника, кромѣ удовольствія для будущаго, кромѣ практической пользы, какъ справочной книги, имѣло и ту пользу, что, съ одной стороны, служило упражненіемъ для памяти, а съ другой стороны, пріучало умъ къ резюмированію впечатлѣній и мыслей, и могло изображать собою извѣстную умственную гимнастику. Я подарилъ Великому Князю толстую переплетенную съ замкомъ книгу in quarto, и Онъ началъ ежедневно писать свой дневникъ; съ своей стороны, и я въ то время писалъ дневникъ, и ежедневно по вечерамъ, по окончаніи дня, мы обмѣнивались чтеніемъ нашихъ дневниковъ, которые затѣмъ служили темами для разговоровъ, а разговоры, въ свою очередь, служили темами для дневниковъ.

Вспоминаю наше чтеніе 31 декабря. Около 11 часовъ вечера, по обычаю, я приходилъ къ Великому Князю. Онъ возвращался къ тому времени отъ Своихъ Родителей. На столѣ его ждалъ самоваръ. Онъ разливалъ чай, начиналась бесѣда, а потомъ мы переходили въ его кабинетъ, гдѣ у письменнаго его стола начиналось чтеніе дневниковъ. Цесаревичъ тогда жилъ одинъ, въ комнатахъ своего покойнаго брата, въ павильонѣ, возлѣ Эрмитажа. 31 декабря кончался печальный годъ. Въ эту ночь, около

двѣнадцати часовъ, отворилась дверь кабинета и вошелъ Государь. Цѣль его посѣщенія была привѣтствовать Цесаревича съ Новымъ годомъ и благословить его. Нѣжно обнявъ и благословивъ его три раза, Государь и мнѣ протянулъ руку, и при этомъ, сказавъ мнѣ глубоко тронувшія меня сердечныя слова, добавилъ: Я увѣренъ, что ты будешь ему,—при этомъ Государь положилъ руку на плечо сына,—всю свою жизнь вѣрнымъ слугою. Я поцѣловалъ съ глубокимъ волненіемъ руку Государя и чѣмъ инымъ, какъ не обѣтомъ жизнь свою посвятить Цесаревичу, могъ я отвѣтить. Государь, затѣмъ спросилъ, чѣмъ мы занимаемся и удалился, провожаемый Сыномъ. Я остался на нѣсколько минутъ одинъ въ комнатѣ.

Такой ночи мнѣ не забыть. И доселѣ припоминается она мнѣ, тихая, мирная, какъ она была, безъ шампанскаго, безъ гостей, безъ яркаго освѣщенія и безъ громкихъ пожеланій, а все-таки въ сіяніи, но въ сіяніи чего-то торжественнаго, дорогого и таинственнаго. Комната, въ полумракѣ, гдѣ два года назадъ раздавалась живая и полная надеждъ на будущее рѣчь покойнаго Цесаревича, гдѣ возлѣ него глядѣлъ на жизнь весело и беззаботно, бѣдный Александръ Александровичъ теперь одинокъ, задумчивъ и озабоченъ передъ цѣлымъ громаднымъ неизвѣстнымъ будущимъ, эти дрожавшія еще въ воздухѣ задушевныя слова Государя и этотъ въ таинственной тишинѣ полутемнаго уголка Зимняго Дворца наступающій Новый неизвѣстный годъ, — все это переполняло тогда душу впечатлѣніями святыми и глубокими, оживающими 30 лѣтъ спустя съ такою силою, точно все это происходило вчера...

Чтеніемъ и мирною бесѣдою мы встрѣтили новый годъ.

Въ ту зиму Великій Князь усиленно занимался политическими и юридическими науками; по законовѣдѣнію его профессоромъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ, по финансовой наукѣ ему читалъ лекціи Ф. Г. Тернеръ.

II.

(1866 годъ).

4 апрѣля и его послѣдствіе.—Коммиссаровъ.

---

4 апрѣля, днемъ, въ третьемъ часу, я ѣздилъ по городу и, вдругъ, послѣ трехъ часовъ, сталъ замѣчать какую-то необыкновенную суету на улицахъ: кое-гдѣ замѣчалъ кучки, быстро расходившіяся, затѣмъ вижу въ парадныхъ мундирахъ спѣшатъ военные по направленію къ Зимнему Дворцу. Выѣхавъ на Дворцовую площадь, я вижу, какъ экипажи подъѣзжаютъ къ подъѣздамъ Дворца, вижу уже съѣздъ экипажей.

Я остановился у Комендантскаго подъѣзда, соскочилъ съ дрожекъ и бѣгу къ швейцару узнать: въ чемъ дѣло?..

Какъ громомъ поразили меня три слова: въ Государя стрѣляли! Никогда ничего ужаснѣе этихъ трехъ словъ не слышалъ со дня рожденія по эту минуту. Я не смѣлъ спросить: что дальше?.. да и не къ чему было: швейцаръ отвѣтилъ на вопросъ, читая его въ лицѣ спрашивавшихъ: слава Богу, мимо,—сказалъ онъ.

Я поспѣшилъ домой, одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ во Дворецъ.

Съѣздъ все усиливался. Всѣ залы переполнились людьми въ мундирахъ и безъ мундировъ, дамами, купечествомъ и

само собою образовался громадный по численности лицъ, выходъ. Когда двери изъ Золотой гостиной открылись и Императрица, стоя у дверей, съ лицомъ облитымъ слезами, но съ радостью во взорѣ, пропустила Государя и Онь вышелъ, произошло что-то необыкновенное. Это былъ взрывъ такого восторга, такой радости, такого душевнаго состоянія, которыя разъ въ жизни можно увидѣть и услыхать. Окна дрожали точно отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Къ Государю бросились со всѣхъ сторонъ, цѣловали Ему руки, плечи, одни плакали, другіе благословляли спасшагося Царя. Государя лицо сіяло благоговѣйною радостью. Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, при чтеніи благодарственной молитвы, было глубоко умилительно.

До появленія Государя я увидѣлъ въ одной изъ залъ шествіе Комиссарова, ведомаго княземъ Суворовымъ къ Государю. Помню, что всѣ глядѣли на него съ чувствомъ зависти; ему завидовали за жребій судьбы, избравшей его орудіемъ Провидѣнія для спасенія Русскаго Государя. Видъ его представлялъ въ этомъ морѣ золота и сіяющихъ лицъ картину въ высшей степени любопытную. Въ потертомъ костюмѣ мастерового (онъ былъ рабочій у шляпочнаго мастера), съ лицомъ скорѣе пріятнымъ и съ правильными чертами, выражавшимъ полную растерянность, онъ внушалъ кромѣ зависти, и жалость, ибо выражалъ лицомъ душевную муку; потъ съ него лилъ градомъ, глаза или глядѣли внизъ, или растерянно блуждали, онъ двигался точно во снѣ, или въ летаргіи, не понимая какъ будто, что происходитъ около него и съ нимъ. Къ нему подходили со всѣхъ сторонъ, жали ему руки, цѣловали его, а онъ скорѣе былъ похожъ на осужденнаго послѣ приговора. Тутъ мы узнали подробности. Государь, по обычаю, гулялъ одинъ съ своимъ Милордомъ, чернымъ

сетеромъ, въ Лѣтнемъ саду, и послѣ прогулки выходилъ въ ворота на набережной, чтобы сѣсть въ коляску. Стоять около коляски при выходѣ Государя дозволялось всякому: были тутъ обычный жандармъ, обычный полицейскій городовой и обычный сторожъ сада. Всѣ они, при приближеніи Государя, становясь во фронтъ, стояли къ нему лицомъ, и спиною, увы, къ той кучкѣ, гдѣ былъ злоумышленникъ Каракозовъ. Едва Государь сѣлъ въ коляску, какъ раздался надъ Его головою выстрѣлъ: пуля пролетѣла мимо благодаря тому, что стоявшій рядомъ съ Каракозовымъ Коммисаровъ въ мигъ, когда первый цѣлилъ въ Государя, подтолкнулъ его руку подъ локтемъ. Преступникъ былъ схваченъ немедленно. Государь вернулся въ Зимній Дворецъ.

Въ одной изъ залъ дворца сошлись дворяне петербургской губерніи, во главѣ ихъ былъ старикъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Онъ предложилъ дворянамъ просить Государя о дарованіи крестьянину Комиссарову дворянскаго достоинства за спасеніе Русскаго Государя. Въ этой кучкѣ нашлись благоразумные протестанты, которые основательно замѣтили, что Сусанинъ не былъ пожалованъ въ дворяне, а былъ прославленъ Царемъ и Россіею именно въ своемъ крестьянскомъ быту на вѣки вѣчные. Но эти голоса не были послушаны, къ сожалѣнію. Восторгъ минуты увлекъ большинство идеею, и случилось то, что,—увы, какъ предвидѣли одинокіе протестовавшіе дворяне, погубило бѣднаго Комиссарова.

Въ это же время совершалось во дворцѣ другое важное событіе, важное въ государственномъ смыслѣ. Шефъ жандармовъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, явился въ эту минуту тѣмъ, чѣмъ онъ былъ,—рыцаремъ и настоящимъ русскимъ вельможею. Блѣдный и раз-

строенный, онъ вошелъ къ Государю и сказалъ: это печальное и въ то же время счастливое событіе доказало мнѣ, что я плохой шефъ жандармовъ; я прошу принять отъ меня мою просьбу объ увольненіи меня отъ этой должности. Государь, со слезами на глазахъ, обнялъ князя Долгорукова и сталъ просить его оставаться; но князь былъ неумолимъ.

— Это нужно не для васъ, Государь, — сказалъ князь,—а для Россіи: надо, чтобы всѣ знали, что плохой шефъ жандармовъ увольняется немедленно, когда всѣ видятъ, что онъ плохой.

Тогда Государь спросилъ у князя: на кого же онъ можетъ указать, какъ на своего преемника?

— На графа Петра Андреевича Шувалова, моего бывшаго начальника штаба.

Государь послалъ за графомъ Шуваловымъ, и тутъ же ему предложилъ мѣсто шефа жандармовъ въ присутствіи князя Долгорукова. Въ 4 часа дня князь Долгоруковъ уже отослалъ свою придворную карету.

Я очертилъ событіе 4 апрѣля только въ главныхъ его чертахъ.

Такъ какъ въ немъ было много полныхъ живого интереса подробностей, и такъ какъ, увы, это событіе получило свое роковое историческое значеніе въ судьбахъ дальнѣйшаго царствованія, то считаю необходимымъ воспроизвесть въ моихъ воспоминаніяхъ цѣликомъ подробности тѣхъ дней въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были мною занесены въ «Дневникѣ» моемъ отъ того времени. Какъ читатель увидитъ, въ разсказѣ, писанномъ мною по памяти, вкрались нѣкоторыя неточности въ маленькихъ подробностяхъ, сравнительно съ текстомъ моего «Дневника».

«Въ понедѣльникъ, 4 апрѣля, проѣзжая отъ родителей, на Большую Милліонную, къ брату, въ дежурную комнату 1 батальона преображенскаго полка, я увидѣлъ громадный съѣздъ у Зимняго Дворца. У Комендантскаго подъѣзда я выскочилъ съ дрожекъ. У швейцара узналъ, что сейчасъ будетъ молебенъ и что въ Государя стрѣляли, и, слава Богу, пуля Его не тронула. Я бросился затѣмъ къ подъѣзду Наслѣдника, побѣжалъ на верхъ, но Его не засталъ; прислуга сказала, что Онъ у Государя, а подробностей о событіи она мнѣ не могла сообщить никакихъ, какъ только то, что въ Государя стрѣляли и Великій Князь немедленно побѣжалъ къ Государю и не возвращался. Я поѣхалъ домой, одѣлся въ мундиръ и вернулся во дворецъ. Залы были переполнены. Вездѣ восторгъ, слезы, оживленные разговоры. Здѣсь только отъ К. Гр. Ребиндера узналъ подробности. Государь садился въ третьемъ часу дня, въ коляску у воротъ Лѣтняго сада, послѣ прогулки въ немъ пѣшкомъ съ Принцессою Маріею Максимиліановною и съ Герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ. Оба, простившись съ Государемъ, продолжали прогулку, и вдругъ слышатъ выстрѣлъ. Государь, подойдя къ коляскѣ, одною ногою сталъ на подножку коляски, чтобы садиться, а городовой въ это время подавалъ Ему шинель. Какъ разъ въ это время, одѣтый по крестьянски неизвѣстный человѣкъ, пробравшись изъ заднихъ рядовъ толпы въ передній, поднималъ руку съ пистолетомъ; къ счастью, оказавшійся потомъ крестьяниномъ Комиссаровымъ замѣтилъ, какъ неизвѣстный человѣкъ пробирался впередъ и невольно не спускалъ съ него глазъ, и, увидя, какъ вдругъ онъ поднялъ руку съ пистолетомъ и сталъ цѣлиться въ Государя, быстрымъ движеніемъ успѣлъ толкнуть его руку подъ локоть, такъ что выстрѣлъ раз-

дался, но пуля пролетѣла мимо... Крестьянинъ этотъ оказался бывшій крѣпостной г. Кюстера, Костромской губ., Буйскаго уѣзда, Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, который въ этотъ день былъ именинникъ, и, по обычаю своему шелъ на Петербургскую сторону, къ Спасителю помолиться и поставить свѣчу, но не могъ туда попасть, такъ какъ мостки черезъ Неву были сняты, и, отъ нечего дѣлать, увидя коляску у Лѣтняго сада, и узнавши, что она Государева, остановился у коляски, чтобы увидѣть Царя при Его выходѣ изъ сада. Послѣ выстрѣла Государь подозвалъ схваченнаго убійцу. Онъ назвалъ себя крестьяниномъ и имѣлъ настолько наглости, что на вопросъ Государя, зачѣмъ ты это сдѣлалъ, дерзнулъ отвѣтить, обращаясь къ стоявшей толпѣ: «я сдѣлалъ это для васъ, братцы, потому васъ обидѣли землею». Государь велѣлъ отправить преступника въ III отдѣленіе и Самъ отправился туда. Тутъ онъ не зналъ ничего о роли Комиссарова. Князя Василія Андреевича Долгорукова не было дома, онъ былъ въ то время въ государственномъ совѣтѣ. За нимъ поѣхалъ, по приказанію Государя, Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Государь его ждалъ. Какъ громомъ ударило въ средѣ государственнаго совѣта; всѣ онѣмѣли, когда узнана была вѣсть, потомъ перекрестились... Князь Долгоруковъ поспѣшилъ въ III отдѣленіе, и первое его показаніе о событіи 4 апрѣля выслушано было шефомъ жандармовъ изъ устъ Государя... Потомъ привезли арестанта. Онъ сталъ называть себя разными именами, и на всѣ вопросы отвѣчалъ или упорнымъ молчаніемъ, или явною ложью. Государь изъ III отдѣленія поѣхалъ въ Казанскій соборъ, и, тамъ, преклонивъ колѣна у Казанской Божіей Матери, поблагодарилъ Бога за спасеніе своей жизни. Въ соборѣ о событіи ни-

кто не зналъ. Изъ собора Государь поѣхалъ въ Зимній Дворецъ, и прямо прошелъ къ Императрицѣ, уже знавшей о событіи. Тутъ же были уже собраны всѣ Члены Императорской Фамиліи... Государь сказалъ Императрицѣ: Je viens d'échapper à un horrible accident (Я спасся отъ ужаснаго несчастья). Императрица, блѣдная какъ смерть, прервавъ Его сказала: Un attentat! (покушеніе) и потомъ поднявши глаза къ Небу, проговорила какъ-бы отъ всей души: pourvu que cela ne soit pas un Russe! (лишь-бы только это не былъ русскій!) Замѣчательно, что, почти въ одно и то же время, между собиравшимися въ Зимній Дворецъ съ поздравленіями членами государственнаго совѣта и министрами, въ пылу разговоровъ о событіи— раздался голосъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева и онъ, вѣрный себѣ, вѣрный своему космополитизму, изрекъ въ pendant къ чудному возгласу Императрицы— свое слово: pourvu que cela ne soit pas un polonais,—проговорилъ онъ съ помпезною интонаціею. Слово это повторялось съ негодованіемъ во всѣхъ гостиныхъ и вызвало противъ Валуева самыя ожесточенныя осужденія...

«Первое привѣтствіе Государь принялъ отъ государственнаго совѣта. Великій Князь Константинъ Николаевичъ взволнованнымъ голосомъ его высказалъ. Государь въ отвѣтъ сказалъ громко и твердо, между прочимъ, слѣдующія слова: видно Богу угодно, чтобы Я еще могъ быть полезенъ для Россіи; если нѣтъ, то да свершится Его воля... Слова эти произвели потрясающее впечатлѣніе... и вызвали крики: живи, живи для Россіи, Государь! Старики кричали точно молодые... Тутъ вбѣжалъ Наслѣдникъ. Онъ бросился въ объятія Государя и долго въ нихъ оставался. Отецъ и сынъ, и всѣ присутствовавшіе плакали.

«Съ этой минуты, до 20 апрѣля, двери Зимняго Дворца оставались открытыми для всякаго желавшаго видѣть и поздравить Государя. Всѣхъ и Государь, и Государыня принимали; всѣхъ Государь ласково выслушивалъ; всѣхъ, кого могъ, Онъ обнималъ; всякій, кто могъ, цѣловалъ Его добрую Царскую руку.

«Мы видѣли, понимали и чувствовали, что торжество спасенія Царевой жизни имѣло характеръ долго длившагося и непрерывавшагося ни на одну минуту простого, но великаго семейнаго праздника. Въ эти минуты также на площади днями толпились массы народа въ ожиданіи появленія Государя то на балконѣ, на который Онъ выходилъ часто, то на площади въ экипажѣ. Замѣчательно, что именно это событіе,—вмѣсто опасенія и предосторожности,—открыло настежъ широкій доступъ народа къ Царю, о какомъ дотолѣ никто не могъ себѣ даже представить.

«Въ этотъ день масса съѣхавшихся въ Зимній Дворецъ и опоздавшихъ на молебенъ въ Дворцовой церкви направилась въ Преображенскій соборъ, и тамъ былъ торжественно отслуженъ первый благодарственный молебенъ въ столицѣ. Въ театрахъ въ этотъ день произошли неподдающіяся описанію сцены народнаго восторга. Гимнъ требовался болѣе 10 разъ. Эти проявленія радости повторялись въ театрахъ ежедневно, а тамъ, куда пріѣзжалъ Государь,—проявленія восторженной радости длились болѣе четверти часа. Въ Михайловскомъ французскомъ театрѣ, во вторникъ, 5-го, кромѣ гимна, повтореннаго 8 разъ, милая старушка Вольнисъ устроила трогательную манифестацію всей семьи артистовъ и артистокъ. Она сочинила прелестные стихи для кантаты, капельмейстеръ подобралъ музыку, и вся труппа подъ звуки оркестра пѣла

эту кантату... съ г-жею Вольнисъ во-главѣ. Въ эту ночь рестораны были переполнены: вездѣ были импровизированныя трапезы радости, на которыхъ тысячи разъ провозглашался дорогой тостъ за Государя.

«Утромъ, 5-го, въ восемь часовъ, я отправился къ Зимнему Дворцу въ надеждѣ увидѣть Государя. Толпы народа покрывали площадь. Государь выѣхалъ въ коляскѣ, провожаемый криками и крестными знаменіями народа, и поѣхалъ по Дворцовой набережной. Я возымѣлъ мысль, что подальше по набережной онъ вѣроятно, пойдетъ пѣшкомъ и вернется пѣшкомъ, а потому пошелъ на набережную съ мыслью, можетъ-быть встрѣчу. Дѣйствительно, къ великой радости моей, увидѣлъ минутъ черезъ 15, издали Государя возвращающимся пѣшкомъ по набережной. Государь былъ одинъ и казался свѣтлымъ и бодрымъ. Онъ остановился, протянулъ мнѣ руку, которую, съ тѣмъ же чувствомъ, какое тогда испытывала вся Россія, я поцѣловалъ, и сказалъ Ему, что пришелъ Его привѣтствовать отъ имени моихъ больныхъ родителей. Никогда не забуду, съ какимъ ласковымъ и свѣтлымъ лицомъ, услышавъ мои слова, Онъ мнѣ отвѣтилъ: скажи отъ Меня твоимъ старикамъ, что Я ихъ благодарю и цѣлую ихъ, и тутъ же меня поцѣловалъ.

«Нечего говорить, какое зажглось во мнѣ настроеніе радости отъ этой встрѣчи и какъ глубоко тронулъ я порученіемъ Государя моихъ родителей. Въ это утро былъ торжественный молебенъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Никогда не видалъ такого стеченія въ немъ народа.

«На молебствіе должна была прибыть Императрица, но Государь упросилъ Ее не ѣхать, такъ какъ наканунѣ къ вечеру, послѣ волненій дня, Она почувствовала себя дурно. Когда прибылъ Наслѣдникъ, митрополитъ съ духо-

венствомъ вышелъ на средину собора и начался молебенъ. Вотъ уже была всеобщая по теплотѣ и искренности народная молитва»...

«Появленіе депутацій и адресовъ началось съ 5-го апрѣля и продолжается доселѣ: одною изъ первыхъ депутацій явилась къ Ихъ Величествамъ уполномоченныя отъ русскихъ дамъ, съ просьбою о дозволеніи отслужить 5-го апрѣля молебенъ на мѣстѣ счастливаго событія; тутъ же родилась мысль о постройкѣ на этомъ мѣстѣ часовни. Государь согласился и дамы передали о томъ генералъ-губернатору князю Суворову. Дѣйствительно, на другой день митрополитъ служилъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ у воротъ Лѣтняго сада, при огромномъ стеченіи общества и народа. На молебствіе прибыли Ихъ Величества.

«Въ числѣ первыхъ прибыла депутація костромичей-дворянъ, родичей Комиссарова. Она явилась во дворецъ вмѣстѣ съ Комиссаровымъ, его женою и 8-ми-мѣсячнымъ грудным ребенкомъ, ихъ дочерью. Государь въ это время сходилъ по лѣстницѣ, чтобы ѣхать на парадъ. Онъ принялъ депутацію костромичей на лѣстницѣ; выслушавъ безъискусственное ихъ привѣтствіе, Государь ихъ поблагодарилъ, обнялъ Комиссарова, поцѣловалъ жену его и взялъ на руки ребенка. Въ этотъ же день говорили, будто, взявъ на руки дѣвочку, Государь сказалъ: это будущая фрейлина.

«Когда Государь уѣхалъ съ мѣста выстрѣла, Онъ не зналъ, что Богъ избралъ мужичка-фуражечника въ орудіе спасенія Его жизни: Онъ думалъ, что спасеніе Его произошло отъ случайнаго полета пули.

«Въ числѣ гулявшихъ въ Лѣтнемъ саду во время прогулки Государя былъ и генералъ Тотлебенъ. Онъ,

услыхавъ выстрѣлъ, направился къ мѣсту, гдѣ онъ раздался и засталъ только толпу въ недоумѣніи, въ страхѣ, въ негодованіи. На первый разспросъ ему указали на мужичка, скромно стоявшаго съ потупленнымъ къ землѣ взоромъ, какъ на спасителя Царской жизни. Тотлебенъ тогда обратился къ мужичку и сталъ его разспрашивать. Какъ сумѣлъ, Комиссаровъ, въ отрывистыхъ рѣчахъ, передалъ содержаніе своего безсознательнаго почти подвига. Тогда Тотлебенъ взялъ Комиссарова съ собою въ коляску и, послѣ оффиціальнаго показанія, у него отобраннаго у оберъ-полиціймейстера, повезъ его сперва къ себѣ и затѣмъ въ Зимній дворецъ. Здѣсь онъ былъ представленъ Ихъ Величествамъ. Выслушавъ разсказъ, Государь обнялъ Комиссарова, а Императрица подала ему руку. Комиссаровъ преспокойно взялъ да пожалъ руку Императрицѣ и пояснилъ потомъ это тѣмъ, что у нихъ не принято женщинѣ цѣловать руку...

«Государь взялъ Комиссарова за руку и повелъ его въ залу, гдѣ всѣ были собраны. Здѣсь Онъ громогласно объявилъ, что жалуетъ крестьянина Комиссарова потомственнымъ дворянствомъ на память о нынѣшнемъ днѣ; потомъ, обратившись къ стоявшимъ вблизи Его, Онъ сказалъ: Я думаю, что всѣ одобрятъ эту награду. Крики: да, да, всѣ, всѣ, и страшное «ура» были отвѣтомъ Государю на Его слова.

«Уже четверть часа спустя я увидѣлъ, какъ Комиссаровъ пробирался по заламъ дворца, въ сопровожденіи коменданта и плацъ-адъютанта, въ своемъ длиннополомъ истертомъ сюртукѣ мастерового, съ выраженіемъ вытащеннаго изъ воды или пробужденнаго отъ тяжелаго сна человѣка, потъ лилъ съ него градомъ, глаза опущены были къ землѣ, такъ что глядя на его эскортъ, всякій

не знавшій, кто этотъ герой дня, могъ принять его за арестованнаго человѣка, ведомаго въ заключеніе.

«Любопытно было возвращеніе Комиссарова домой, въ то смиренное и убогое жилище, откуда онъ вышелъ утромъ, съ 15 коп. въ карманѣ, занятыми у кучера-земляка, и куда возвращали его потомственнымъ дворяниномъ. По дорогѣ къ дому его завезли въ магазинъ платья и одѣли его въ новое платье. Жена его давно поджидала къ обѣду и накинулась на него съ бранью за то, что пропадалъ. Плацъ-адъютантъ передаетъ женѣ о случившемся, та слушаетъ какъ во снѣ и ничему не вѣритъ, и когда ушелъ плацъ-адъютантъ, она говоритъ мужу: ты лучше ложись спать, а то съ-пьяна бредить сталъ... И Комиссаровъ, дѣйствительно, легъ, но не спалось, такъ до утра онъ пролежалъ какъ въ бреду. Утромъ опять вернулась дѣйствительность. Стали приходить посѣтители привѣтствовать его; затѣмъ Комиссарова торжественно перевезли съ женою и дѣвочкою въ нанятое ему помѣщеніе, въ домѣ Руадзе (на Большой Морской, гдѣ теперь Кюба). Затѣмъ Шармеръ (тогдашній первый портной) приходитъ брать съ него мѣрку и шьетъ ему платье, до фрака включительно, *даромъ*. Въ тотъ же день какой-то сапожникъ изъ Москвы предлагаетъ по телеграфу Комиссарову шить ему даромъ сапоги. Дня черезъ четыре по Невскому проспекту разносчики съ криками: Комиссаровъ, Комиссаровъ, продаютъ портреты *„спасителя“*, какъ его стали тогда вездѣ называть, и появляются папироски Комиссаровскія. Его комната наполняется подарками со всѣхъ сторонъ, а въ особенности образами. 6-го апрѣля сонъ Комиссарова сталъ еще волшебнѣе. Ему приносятъ отъ Государя 50,000 руб. и 3,000 руб. ежегоднаго содержанія, и, съ Высочайшаго разрѣшенія, открывается под-

писка на составленіе капитала для пріобрѣтенія ему дома въ Петербургѣ и имѣнія.

«На третій день въ «Русскомъ Инвалидѣ» появилось мое небольшое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: 4-е апрѣля. Запомнилъ первые четыре стиха:

«Благословенно будь мгновенье,
Когда Всевышняго рука
Остановила преступленье
Рукой смиренной мужика».

«Четыре дня никто ничего не зналъ о преступникѣ. Всю Россію затомила эта неизвѣстность. Случай, какъ всегда у насъ, пришелъ на помощь юстиціи. Гдѣ-то на улицѣ, одинъ изъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ слышитъ, какъ въ разговорѣ одинъ господинъ говоритъ другому, что онъ навѣрное знаетъ, что въ Знаменской гостиницѣ живутъ темные люди безъ предъявленія паспортовъ. Послушавъ еще немного, агентъ вмѣшивается въ подслушанный разговоръ и узнаетъ отъ говорившаго господина, что онъ знаетъ тамъ человѣка, живущаго въ гостиницѣ и теперь безъ паспорта, и что возлѣ его номера есть номеръ три дня уже запертый, и бывшій въ немъ жилецъ неизвѣстно куда скрылся. Немедленно полиція отправилась съ этимъ господиномъ въ Знаменскую гостиницу; показанія относительно комнаты оказались справедливыми; запертую комнату открыли и въ ней нашли одну лишь шкатулку; но эта шкатулка сказала многое, ибо на ней оказались тѣ же буквы, которыя были на письмѣ, найденномъ въ пальто преступника; затѣмъ у печки обратили вниманіе на клочки изорваннаго письма; клочки эти были подобраны и возстановлены, и изъ нихъ составилось письмо, писанное кому-то въ Москву Каракозовымъ; имя и отчество адресата извѣстны полиціи.

Преступникъ продолжалъ все молчать, пока по найденному письму не былъ привезенъ изъ Москвы тотъ, кому оно было преступникомъ адресовано, и тотъ не узналъ въ предъявленномъ ему преступникѣ своего двоюроднаго брата, сына мелкопомѣстнаго помѣщика Саратовской губерніи, Каракозова. Затѣмъ было дознано, что онъ былъ въ университетѣ сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Казани, но нигдѣ не кончилъ курса, что уже давно онъ привилъ къ себѣ крайне соціалистическія убѣжденія и, сверхъ того, страдаетъ меланхоліею и ненавистью къ людямъ, къ Государю, къ самому себѣ и къ жизни. Ничего другого не было узнано.

«Мало-по-малу онъ, какъ будто, смиряется и просилъ перо и бумагу, чтобы писать свою исповѣдь на имя Государя... Потомъ онъ впалъ въ религіозное настроеніе; часто и много плачетъ и просилъ о дозволеніи ему говѣть, что ему разрѣшили.

«Каракозовъ назвалъ только одно лицо: доктора Кобылина, адъюнкта Боткина въ медицинской академіи: онъ, будто бы, у него лѣчился и отъ него получалъ тѣ яды (синильную кислоту и стрихнинъ), которые были на немъ найдены въ день преступленія. Кобылинъ сталъ, было, съ перваго раза отпираться, но когда, съ одной стороны, самъ Боткинъ узналъ Каракозова и сказалъ, что онъ его видалъ однажды въ своей клиникѣ, а, съ другой стороны, сталъ его уличать Каракозовъ, причемъ открылось, что онъ даже ночевалъ у Кобылина, тогда Кобылинъ сознался, что онъ, дѣйствительно, лѣчилъ Каракозова и разъ изъ жалости дозволилъ ему ночевать. Но такъ какъ оказалось, что и тутъ Кобылинъ лгалъ, ибо ночевалъ у него Каракозовъ нѣсколько разъ и отъ

него получилъ яды, то Кобылинъ былъ арестованъ. Другихъ уликъ, болѣе серьезныхъ, однако, не обнаружено».

Но кромѣ этихъ двухъ именъ, произносившихся по нѣсколько разъ въ день (Комиссаровъ и Каракозовъ), было нѣсколько, такъ сказать, героевъ этихъ дней.

Первымъ являлся графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, котораго 4-е апрѣля изъ его уединенія и покоя вновь вернуло къ дѣятельности. 9-го апрѣля онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи для выясненія событія 4 апрѣля.

Какъ у меня сказано въ «Дневникѣ» того времени, назначеніе это было вызвано напоромъ общественнаго мнѣнія. Всѣ слои петербургскаго общества одинаково негодовали въ то время на политику вилянія Валуева и на полную распущенность въ управленіи Петербургомъ, обращенную въ statu quo легкомысленнымъ княземъ Суворовымъ.

Громко говорили о необходимости энергическихъ мѣропріятій, искали людей съ энергіей, способныхъ,—и никого не находили, кромѣ графа Муравьева. Не смотря на свою старость, онъ принялъ предложенную ему страшно трудную должность безъ разсужденій, къ великой досадѣ его двухъ заклятыхъ враговъ, столь недавно праздновавшихъ его паденіе, Валуева и князя Суворова.

Муравьевъ, какъ говорили тогда, энергично взялся за дѣло и окружилъ себя энергичными людьми. Но замѣчательно, что результаты дѣятельности этой комиссіи остались тайною для всѣхъ. Что открылъ Муравьевъ, а главное—вопросъ: что такое было преступленіе 4-го апрѣля, одинокое дѣйствіе больного ума и испорченной воли или это было преступленіе коллективное, дѣло организованнаго кружка, коего Каракозовъ явился только исполнителемъ

и слѣпымъ орудіемъ,—этотъ самый важнѣйшій вопросъ, интересовавшій всякаго русскаго и для правительства имѣвшій важнѣйшее значеніе, такъ навсегда и остался тайною для всей Россіи.

Вторымъ героемъ дня явился Головнинъ.

Про него у меня въ тогдашнемъ «Дневникѣ» написано такъ: «Пока Головнинъ систематически, но безъ явнаго вреда для правительства давалъ растлѣвать нравственность будущей Россіи, то-есть, молодежи, и подготовлялъ изъ учащейся молодежи будущихъ дѣятелей революціи въ Россіи, основанной на низложеніи всѣхъ авторитетовъ, начиная съ божественнаго, его оставляли въ покоѣ, казалось, никому нѣтъ дѣла до молодежи въ Россіи, лишь бы только не было шума, и никого изъ нашихъ сановниковъ не безпокоили и не трогали»...

Но вотъ, 4 апрѣля точно обухомъ треснуло всѣхъ по головѣ: Государя чуть не убила пуля изъ рукъ какого-то человѣка, про котораго знали, что онъ побывалъ въ двухъ университетахъ, и вотъ этого сопоставленія было достаточно, чтобы привлечь къ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, требовавшимъ мщенія и искупительныхъ жертвъ въ лицѣ Головнина... Замѣчательно, что это возбужденіе противъ Головнина появилось въ средѣ государственныхъ людей. До 4-го апрѣля никто изъ коллегъ Головнина не задумывался надъ вопросомъ: хорошо или дурно онъ ведетъ свое министерство народнаго просвѣщенія?.. Послѣ 4-го апрѣля вдругъ у нихъ пробуждается какая-то усиленная ревность по Россіи. Здѣсь умѣстно вспомнить, что нѣсколько мѣсяцевъ передъ 4-мъ апрѣлемъ, Цесаревичъ Александръ Александровичъ рѣшился сказать Государю, Своему Отцу, откровенное свое слово насчетъ Головнина. Онъ могъ разсчитывать, что

кто-либо изъ государевыхъ сановниковъ его тогда поддержитъ; но никто не осмѣлился поддержать Наслѣдника престола, и рѣчь о вредѣ, который приноситъ государству министръ, который отмѣнилъ постепенно всѣ преданія дисциплины въ учебномъ мірѣ, осталась гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ...

«Когда же назначили графа Муравьева предсѣдателемъ комиссіи по слѣдствію надъ Каракозовымъ, и Муравьевъ послѣ нѣсколькихъ дней слѣдствія былъ поставленъ въ печальную необходимость донести Государю, что въ числѣ арестованныхъ по подозрѣнію въ составленіи политическихъ противоправительственныхъ кружковъ пришлось наложить руку на нѣсколько десятковъ учащейся молодежи, тогда Государю начали говорить тѣ же государственные люди: виноватъ Головнинъ... Государь призвалъ Головнина и сказалъ ему, что въ виду печальныхъ событій, обнаружившихъ связь 4-го апрѣля съ дурнымъ настроеніемъ въ учащейся молодежи, ему подвѣдомственной, Онъ считаетъ необходимымъ его уволить. Увольненіе состоялось милостивое, такъ какъ Головнину дали 12 тысячъ жалованья и назначили его членомъ государственнаго совѣта»...

Выборъ Государя преемника Головнину оказался, какъ говорили тогда, въ духѣ реакціи: онъ палъ на графа Дмитрія Андреевича Толстого, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Вопросъ же о томъ, кому быть оберъ-прокуроромъ, рѣшился весьма просто, такъ какъ Государь предложилъ графу Толстому оставить за собою обѣ должности, и графъ Толстой съ удовольствіемъ на это согласился.

По поводу этого соединенія двухъ вѣдомствъ у меня въ «Дневникѣ» сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Петербургѣ говорятъ, что сохраненіе за графомъ

Толстымъ поста оберъ-прокурора синода объясняется желаніемъ сблизить эти два вѣдомства, дабы духовное образованіе не расходилось съ гражданскимъ. При этомъ указываютъ на то, что Головнинъ наканунѣ своего ухода согласился съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ изъять народное образованіе изъ рукъ духовенства, что, очевидно, исходило изъ принципіальнаго неуваженія къ Церкви, а вовсе не изъ положенія школъ въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ онѣ въ рукахъ духовенства были въ очень хорошемъ состояніи. Замѣчательно, что при обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ всѣ подали голосъ за Головнина и за Безака, а протестовалъ только одинъ голосъ, и этотъ одинъ голосъ изображалъ собою графъ Толстой».

Немного ниже въ «Дневникѣ», по поводу Головнина, у меня записано слѣдующее:

«Сегодня узналъ, что не одинъ Наслѣдникъ подавалъ голосъ противъ Головнина... Зимою, подъ предсѣдательствомъ графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, по порученію Государя, была учреждена конфиденціальная комиссія, съ цѣлью изслѣдовать, такъ сказать, состояніе учебнаго дѣла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; комиссія эта будто бы не только обнаружила много неурядицъ, но прямо такіе безпорядки, которые явно свидѣтельствовали о злоумышленной неблагонадежности нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго учебнаго персонала. Докладъ графа Строгонова въ этомъ смыслѣ былъ представленъ Государю, но могучіе друзья Головнина спасли его и на этотъ разъ и до апрѣля 1866 года его не трогали»...

Третій герой дня былъ несомнѣнно шефъ жандармовъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ. Объ немъ у меня въ «Дневникѣ» переданы слѣдующія интересныя и пре-

красныя подробности. «Когда князь Василій Андреевичъ созналъ, что онъ долженъ себя считать однимъ изъ виновниковъ событія 4 апрѣля, — прямо виня себя въ слабости и въ плохомъ веденіи тайной полиціи,—онъ явился къ Государю и говоритъ ему: Ваше Величество, у меня есть къ вамъ маленькая просьба, обѣщайте мнѣ ее исполнить...

— Какая?—спросилъ Государь.

— Маленькая и притомъ такая, которая касается только меня лично.

— Если маленькая, то я обѣщаю ее исполнить.

— Благодарю Васъ, Государь, — отвѣтилъ князь, — увольте меня отъ должности шефа жандармовъ.

— Ну, нѣтъ, это извини меня, я не сдѣлаю. Ты имѣешь мое довѣріе.

— Я утратилъ довѣріе Россіи,—отвѣтилъ князь, —и имѣю Ваше слово, Государь, Вы обѣщали мою просьбу исполнить...

Государь сталъ упрашивать князя. Но князь не только былъ неумолимъ, но онъ потребовалъ небывалаго: чтобы въ приказѣ не было сказано: *уволенъ по прошенію*, а просто «*уволенъ отъ должности*». Государь упрашивалъ его согласиться на слово: *по прошенію*, но князь Долгоруковъ и тутъ былъ неумолимъ, сказавши: «пусть вся Россія знаетъ, что я уволенъ за неумѣніе охранять моего Государя». Замѣчательно, что князь Долгоруковъ въ день своего увольненія выѣхалъ изъ казеннаго дома на частную квартиру. Не лишено тоже интереса, какъ характеристика этого идеала честности, когда графъ Шуваловъ, вступивъ въ должность, сталъ просматривать дѣла III-го отдѣленія, то нашелъ въ книгахъ его, что все время, пока сынъ князя жилъ у него въ казенномъ домѣ, князь

Василій Андреевичъ бралъ съ него квартирныя деньги, и вносилъ ихъ въ приходъ по жандармскому управленію, дабы нельзя было сказать, что сынъ его живетъ на казенной квартирѣ...

Четвертымъ героемъ этихъ дней, военнаго характера, былъ петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ. Казалось бы, послѣ покушенія, ему слѣдовало бы быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими во Дворцѣ; дѣйствительно, ему-ли было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія, и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ-будто объ этомъ не подумалъ. Онъ явился во Дворецъ разыгрывать комедію сентиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ, онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному, и говоря по-французски: вы всѣ веселитесь о спасеніи Государя, я одинъ плачу, я, генералъ-губернаторъ! Съ такими же слезами онъ предсталъ передъ Государемъ Императоромъ и Государынею, и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ Великихъ Князей, Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь, и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ Государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями Императорскихъ Особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-фрау Императрицы, и цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрноподданническія чувства. Такъ продолжалось это нѣсколько дней; тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ Государю и къ Императрицѣ гово-

рить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только этого и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодовавшимъ къ нему общественнымъ мнѣніемъ, князь Суворовъ въ Царскихъ ложахъ въ театрахъ, въ присутствіи Государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: ругайте, сколько хотите, а я, все-таки, генералъ-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ.

Назначеніе графа Шувалова на мѣсто шефа жандармовъ разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній, съ элегантною и тонкою своею манерою обращенія, его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрить въ сумасшествіи отъ бѣшенства: до того его поступки стали непристойны по ребяческой злобѣ и по безтактности. Такъ, напримѣръ, онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушались Муравьева и не исполняли его требованій. Чтобы судить о томъ, чѣмъ былъ тогда полицейскій режимъ въ Петербургѣ, достаточно припомнить, что тогда оберъ-полиціймейстеромъ былъ добрѣйшій и честнѣйшій генералъ Анненковъ, видъ котораго, всегда растерянный, всегда нерѣшительный, всегда добродушный, изображалъ собою добрую старушку, и больше ничего. Это былъ выборъ князя Суворова, и когда графъ Шуваловъ возбудилъ вопросъ о необходимости для Петербурга имѣть болѣе энергичнаго оберъ-полиціймейстера, князь Суворовъ пришелъ въ изступленіе отъ негодованія и побѣжалъ къ Государю сказать: что онъ безъ Анненкова не можетъ отвѣчать за спокойствіе Петербурга. Государь было согласился, но торжество Суворова было весьма непродолжительно. Графъ Бергъ, поощряемый къ тому графомъ Шува-

ловымъ и самъ отъ себя, видя безпомощное положеніе Петербурга, заговорилъ съ Государемъ о своемъ варшавскомъ генералъ-полиціймейстерѣ Треповѣ, какъ объ энергичномъ и расторопномъ человѣкѣ, прибавляя, что какъ ни велико будетъ для него горе лишиться Трепова, но что Петербургу теперь онъ нужнѣе, чѣмъ Варшавѣ. Государь приказалъ вызвать Трепова. Треповъ прибылъ изъ Варшавы и представился Государю. Государь ему предложилъ быть оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ.

Треповъ на это предложеніе имѣлъ гражданское мужество отвѣчать Государю, что онъ согласенъ принять это мѣсто, но подъ однимъ условіемъ.

— Подъ какимъ?—спросилъ Государь.

— Быть единственнымъ хозяиномъ полиціи въ Петербургѣ.

— То-есть какъ же?

— Быть независимымъ отъ генералъ-губернатора во всѣхъ отношеніяхъ и отвѣчать только передъ Вашимъ Величествомъ за безопасность, порядокъ и тишину?..

Государь насупилъ брови.

Подумавши, Онъ гнѣвно отвѣтилъ Трепову, что Онъ такихъ условій не принимаетъ, а требуетъ отъ Трепова принять эту должность, какъ она есть.

— Слушаю-съ, Ваше Величество,—отвѣтилъ Треповъ,— Ваше приказаніе будетъ исполнено, я приму должность, но я предупреждаю Ваше Величество, что отвѣтственность за Петербургъ я принять не могу. Пусть она остается на генералъ-губернаторѣ. Треповъ и въ дальнѣйшемъ показалъ свою гражданскую доблесть, ибо отъ Государя отправился къ князю Суворову и передалъ ему содержаніе своего разговора съ Государемъ.

Князь Суворовъ и тутъ оказался вѣренъ себѣ и своей

жалкой личности: вмѣсто того, чтобы оцѣнить лойальность поведенія Трепова, онъ пришелъ въ негодованіе и объявилъ ему, что онъ во всемъ будетъ ему изъ мести препятствовать.

Но такая уже черезъ край непростительная безтактность Суворова была, къ счастью, причиною его политическаго паденія. Графъ Шуваловъ взялъ на себя рѣшимость добиться, во что бы то ни стало, освобожденія Петербурга отъ суворовскаго генералъ-губернаторства; раза три онъ представлялъ Государю о необходимости, въ интересахъ порядка, упразднить петербургское генералъ-губернаторство, но Государь все уклонялся отъ рѣшенія вопроса и отвѣчалъ: Я все готовъ сдѣлать, но этого никогда. Наконецъ, на четвертый приступъ графъ Шуваловъ увидѣлъ, что Государь слушалъ его спокойнѣе и безъ всякаго раздраженія. Когда графъ Шуваловъ кончилъ свое четвертое представленіе объ этомъ вопросѣ, Государь не отвѣтилъ ни единаго слова. Нѣсколько дней спустя Государь поѣхалъ на охоту въ Лисино, на тетеревей, и пригласилъ съ собою князя Суворова. Послѣ охоты и послѣ утренняго сна, Государь позвалъ князя Суворова въ другую комнату: всѣ замѣтили, какъ гордо и самодовольно князь Суворовъ послѣдовалъ за Государемъ, но какъ совсѣмъ инымъ онъ вышелъ изъ этой комнаты.

Когда они остались вдвоемъ, Государь сказалъ князю Суворову, что онъ призналъ необходимымъ для объединенія управленія Петербургомъ упразднить генералъ-губернаторскій постъ, поблагодарилъ его за вѣрную службу и назначилъ его генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты. Вотъ тутъ князь Суворовъ выказалъ себя во всей своей непривлекательной наготѣ. Имъ овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ Государю, и выйдя

изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного придти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и Государя и ѣдетъ въ свое новгородское имѣнье, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ 1-мъ.

Такою траги-комедіею закончило свое существованіе давнишнее учрежденіе петербургскаго генералъ-губернаторства. Князь Суворовъ всѣхъ рельефнѣе изобразилъ собою вредъ этого учрежденія, и когда онъ дѣйствительно уѣхалъ въ свою новгородскую деревню, разсказывали въ Петербургѣ, что розыски муравьевской комиссіи обнаружили, между прочимъ, что канцелярія генералъ-губернатора служила, между прочимъ, въ роли пріюта для нѣсколькихъ сильно скомпрометированныхъ вольнодумцевъ.

Треповъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ Петербурга, и всѣ вздохнули свободнѣе подъ его желѣзною, но разумною властью.

Въ заключеніе остается, для полноты характеристики князя Суворова и параллели между имъ и княземъ В. А. Долгоруковымъ, прибавить, что когда 4 апрѣля князь Долгоруковъ сказалъ князю Суворову по-французски: «дорогой князь, намъ обоимъ долгъ чести велитъ подать въ отставку отъ нашихъ должностей, мотивируя ее нашею неспособностью», князь Суворовъ всталъ въ рыцарскую позу, и по-французски же отвѣтилъ:—«Какъ, мнѣ бросить въ такую минуту—никогда!» Отвѣтъ былъ достоинъ актера. Глядя со стороны, и не зная, какъ вреденъ былъ князь Суворовъ на своемъ посту, и какъ много онъ помогъ 4 апрѣлю и дальнѣйшему ходу политической пропаганды

своею игрою въ популярность и либерализмъ, такой отвѣтъ могъ бы показаться благороднымъ.

Три недѣли спустя, комедія съ ея послѣдствіями обнаружилась. Князь Долгоруковъ ушелъ въ ореолѣ славы и чести, а князя Суворова пришлось почти насильно лишить генералъ-губернаторской должности. Князь Долгоруковъ остался вѣрнымъ другомъ Государя. Князь Суворовъ послѣ увольненія рѣшился сказать громко, упавши до уровня капризнаго ребенка, что онъ отнынѣ врагъ Государя. Положимъ, что вскорѣ потомъ онъ успокоился, но тогда всѣ поняли, что онъ потому не послушалъ совѣта князя Долгорукова, что ему нравилась его должность, какъ игрушка его легкомысленнаго самолюбія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя мнѣ пришлось свидѣться съ глазу на глазъ съ этимъ самымъ, недавно казавшимся мнѣ ненавистнымъ, княземъ Суворовымъ, и мнѣ, скажу откровенно, стало его искренно жаль, до того онъ, сломанный событіями и горечью своего политическаго паденія, измѣнился, а какъ будто смирился.

— Что противъ меня имѣли, — добродушно говорилъ недавній хозяинъ Петербурга, — кажется, я не былъ ни золъ, ни деспотъ, какъ вашъ Муравьевъ?

— Извините меня,—отвѣтилъ я князю,—вотъ этого то Муравьева противъ васъ имѣли всѣ русскіе люди: мы не могли забыть, что вы съ Валуевымъ его топили въ такую минуту, когда онъ былъ нуженъ для блага Россіи.

— А что же, онъ теперь открылъ что-нибудь, ни шиша.

— За это васъ и обвиняютъ, князь,—сказалъ я,— вы распустили Петербургъ; говорятъ, что вы за всякаго либерала стояли горою...

— Ce sont des cerveaux fèlés,—сказалъ князь,—mais de bons diables, ces libèraux.

— Вы заблуждаетесь, князь; либералы партіи вовсе не cerveaux fèlés, и вовсе не bons diables, они отлично владѣютъ своимъ умомъ, и очень злого нрава...

— Вы а-ла Катковъ, говорите,—отвѣтилъ мнѣ князь,—въ нынѣшнее время нельзя жить по николаевскимъ уставамъ...

Фраза эта меня поразила. Ее и все предшествовавшее я записалъ тогда въ свой «Дневникъ», какъ характерныя рѣчи...

Въ концѣ свиданія князь сказалъ: впрочемъ, я рѣдко говорю, и сержусь по старой привычкѣ, теперь я ничего, никто моего мнѣнія не спрашиваетъ. И эта характерная фраза были сказана безъ злобы. Помню, что послѣ того случайнаго свиданія я предался размышленіямъ. Кто это со мною говорилъ? Извергъ или какой-нибудь Аракчеевъ въ отставкѣ? Нѣтъ! Это не былъ ни извергъ, ни дурной человѣкъ или злодей. Это былъ интересный типъ того времени, типъ enfant terrible слитый въ одно съ типомъ enfant gâté, не признававшій для своихъ проявленій воли, мысли и чувствъ никакихъ преградъ, никакихъ рамокъ, и эту избалованность принявшій къ своей натурѣ въ придворной атмосферѣ любимца и баловня съ раннихъ лѣтъ. Онъ игралъ самыми серіозными предметами совершенно также, какъ балованное дитя игрушками, то тѣшась ими, то неистовствуя и ломая ихъ въ дребезги въ припадкахъ злости. А рядомъ съ этимъ, какъ тотъ же enfant gâté, онъ боялся до невозможнаго размѣра за свое положеніе баловня и любимца, и ненавидѣлъ всякаго соперника.

Думая о немъ, невольно приходила въ голову мысль: какъ подчасъ придворная сфера расходится съ государ-

ственною. Избалованный первою, какъ князь Суворовъ, былъ противъ своей воли, вреденъ въ государственной сферѣ. Нелюбимый въ придворной сферѣ, какъ былъ полезенъ въ государственной Муравьевъ. А между тѣмъ, положа руку на сердце, если заглушить свои чувства къ Суворову, доходившія подчасъ до ненависти, я долженъ признать, что какъ человѣкъ, онъ заслуживалъ снисхожденія потому, что всѣ недостатки, всѣ причины, заставлявшія ненавидѣть Суворова, въ сущности происходили отъ одного крупнаго качества: отъ полной его откровенности, отъ отсутствія въ немъ всякой скрытности, отъ полнѣйшаго неумѣнія быть хитрымъ и актеромъ; когда онъ являлся актеромъ, когда онъ, какъ выше я описывалъ, лилъ слезы направо и налѣво, и ругался, и выливалъ свою любовь, и изливалъ свою ненависть—все это вырывалось у него до такой степени не въ попадъ, но au naturel, что ребенокъ могъ понять всю подноготную его неискусной игры. И этотъ самый человѣкъ, который во власти своею непризнававшею никакой дисциплины несдержанною натурою такъ много вреда надѣлалъ Россіи въ эти послѣднія 10 лѣтъ, не разъ бывалъ въ своихъ проявленіяхъ столько же добрымъ внѣ сферы своей власти, сколько явился злючкою въ сферѣ власти.

Этюдъ надъ государственнымъ человѣкомъ, прошедшимъ, какъ ураганъ легкомыслія, черезъ государственную жизнь шестидесятыхъ годовъ, меня заинтересовалъ потому, между прочимъ, что я, который осуждалъ его такъ безпощадно тогда, и осуждаю его теперь, 30 лѣтъ спустя,—года два, три спустя послѣ описываемыхъ мною событій, я проходилъ en petit черезъ тѣ же психическія перепетіи, которыя въ предыдущей главѣ описывалъ, по поводу 4-го апрѣля, въ князѣ Суворовѣ. Я не

имѣлъ натуры черезчуръ на-распашку князя Суворова, дошедшаго въ своей досадѣ до увѣренія, что онъ врагъ Государя, но я живо припоминаю, какъ придворныя опасенія соперниковъ, разные воображаемые уколы самолюбія, словомъ, разныя личныя впечатлѣнія до того вліяли на душу, что бывали минуты, когда, забывая главное, духовную сущность и цѣль моихъ придворныхъ отношеній, я доходилъ до дурныхъ чувствъ къ тому, кому я служилъ своею преданностью. Это отвратительныя психическія явленія придворнаго духовнаго міра, то отнимающія покой у души и ясность ума, то извращающія хорошее дѣло, то портящія характеръ, а когда характеръ безъ того дуренъ, какъ былъ у меня, то легко понять, какъ я бывалъ себѣ противенъ въ такія минуты. Вотъ, что значитъ придворная жизнь. Умѣвшихъ себя ею не испортить я мало видалъ: запомнилъ изъ покойныхъ графа Александра Адлерберга, который потому не испортился, что онъ никакого другого міра, кромѣ придворнаго, не зналъ; князя Василія Андреевича Долгорукова и графа Дмитрія Андреевича Толстого, который свою лорисовскую опалу перенесъ съ тѣмъ же стоицизмомъ, съ какимъ онъ принялъ свое вторичное возвышеніе 2 года спустя.

Но возвращаюсь къ событіямъ.

Печальный фактъ, что Каракозовъ оказался изъ дворянъ, значительно усугубилъ нравственное впечатлѣніе отъ событія 4 апрѣля. Немедленно нашлись люди, которые этимъ фактомъ воспользовались, чтобы пускать въ обращеніе слухъ о связи Каракозова съ дворянскимъ сословіемъ, потому, что онъ являлся исполнителемъ и орудіемъ мести дворянъ за освобожденіе крестьянъ. Валуевъ и графъ Шуваловъ не чаяли получить о такомъ слухѣ донесенія изъ провинціи съ свѣдѣніями о распространяе-

мыхъ въ кабакахъ и трактирахъ нарочно слухахъ, что на Государя покушеніе было сдѣлано по *заговору* всего дворянства. Удивляться этому было невозможно, ибо такіе слухи распространялись въ темныхъ и легковѣрныхъ массахъ народа. Но нельзя было не удивляться тому, что эти же слухи ходили и въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества. Одному изъ главарей либеральной партіи—приписывали слѣдующія слова, во Дворцѣ сказанныя: кто же кромѣ дворянъ на такую мерзость способенъ? Другой представитель либеральной партіи Н. А. Милютинъ, при мнѣ говорилъ въ одной гостиной: удивляюсь, что такъ много ищутъ; нечего сказать: дворянинъ виноватъ, значитъ дворянство виновато.

4-го апрѣля Петербургъ пережилъ извѣстные страхи. Во-первыхъ, распространился слухъ о томъ, что будто въ Литовскомъ замкѣ открытъ заговоръ, по которому до 500 арестантовъ должны были вырваться на улицу и взывать къ рѣзнѣ дворянъ въ отместку за 4 апрѣля, а во-вторыхъ, появились подметныя письма, предостерегавшія Государя объ опасности ему угрожающей во время иллюминаціи. Государь на иллюминацію не выѣзжалъ, но пріѣхалъ въ каретѣ въ Большой театръ, гдѣ ему сдѣлана была невообразимо восторженная манифестація.

Ходили слухи и о томъ, что муравьевское слѣдствіе открыло развѣтвленіе политическихъ кружковъ и въ Москвѣ, и что будто бы предостереженія графа Шувалова отстранили поѣздку Государя въ Москву, гдѣ его ждали послѣ покушенія съ восторженнымъ нетерпѣніемъ.

Все это были тревожные слухи.

Но одинъ фактъ первенствуетъ по своему значенію надъ всѣмъ, это сохранившееся спокойствіе въ Россіи послѣ 4-го апрѣля. Божья охрана поразительно чудесно

является надъ Россіею во второй разъ. Въ первый разъ— послѣ 19 февраля 1861 года, когда реформа объявлена была по всей Россіи, при 3 полицейскихъ чинахъ въ каждомъ уѣздѣ, и нигдѣ не тронулся Русскій народъ, и теперь, когда по всѣмъ кабакамъ шелъ слухъ о заговорѣ дворянъ противъ Царя, и никто не тронулся изъ крестьянъ вслѣдствіе этого слуха.

III.

(1866 годъ.).

Походъ Валуева противъ Каткова.—Рескриптъ на имя Валуева.

Пока всѣ эти событія слѣдовали одно за другимъ, роковыми послѣдствіями 4 апрѣля, рядомъ съ ними въ кабинетѣ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, подготовлялась и разыгрывалась контръ-партія, какъ бы для возстановленія равновѣсія, нарушеннаго въ пользу антилиберальной партіи такими важными фактами, какъ удаленіе отъ должности Головнина, и упраздненіе генералъ-губернаторства въ С.-Петербургѣ.

Эта контръ-партія имѣла предметомъ своимъ Каткова... Какъ я писалъ, Катковъ былъ столь же инстинктивно ненавистенъ Валуеву, сколько князю Суворову и, затѣмъ, всѣмъ оффиціознымъ либераламъ того времени... Имъ пріобрѣтенный съ 1863 года политическій авторитетъ, съ которымъ мирился и Зимній Дворецъ, не давалъ Валуеву покоя, и по странной случайности, новыя цензурныя правила предостереженій, по образцу Наполеоновскихъ, введенныя съ передачею цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, должны были, подъ вліяніемъ ненависти къ Каткову Валуева, найти первое примѣненіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», органу убѣжденной борьбы за самодержавіе и единодержавіе Русскаго Госу-

даря... Съ своей стороны, Катковъ не скрывалъ ни своихъ чувствъ, ни въ особенности своихъ обличительныхъ мыслей относительно Валуева, и не упускалъ случая въ своихъ вдохновенныхъ и энергичныхъ статьяхъ угощать Валуева щелчками настолько, насколько это было возможно, ловкими намеками, избѣгая цензурныхъ преступленій... Слѣдовательно, ненависть къ Каткову росла въ Валуевѣ постоянно и, должно быть, была дѣйствительно сильна, если такое важное событіе, какъ 4 апрѣля со всѣми его послѣдствіями, не могло помѣшать Валуеву помышлять о нанесеніи Каткову удара мести за все, начиная съ его героической роли въ польскомъ вопросѣ въ 1863 году и кончая его передовыми статьями по адресу петербургскихъ сановниковъ-космополитовъ.

Этотъ замыселъ противъ Каткова началъ осуществляться послѣ появленія въ книжкѣ 15 марта «Revue des deux mondes» статьи о Россіи знаменитаго тогда талантливаго писателя Mazade. Въ этой статьѣ, написанной съ коварною тенденціозною цѣлью, Mazade посвящаетъ нѣсколько страницъ спеціально Каткову и его вліянію на русскую государственную жизнь. Вліяніе это Mazade называетъ всемогущимъ, говоря, что ему подчиняются не только министры Государя, но и самъ Государь. Ненависть къ полонизму и блистательныя побѣды, одержанныя надъ нимъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, Mazade приписываетъ исключительно Каткову, какъ создателю въ Россіи тѣхъ новыхъ тенденцій, которыя и Mazade и другой политическій писатель, Шедо-Феррота, именуютъ ультра-патріотическимъ настроеніемъ. Изъ числа государственныхъ дѣятелей, зараженныхъ духомъ катковскаго антиполонизма и антинигилизма, Mazade исключаетъ двухъ министровъ Государя, Головнина и Валуева.

При этомъ обоихъ Mazade ставитъ на пьедесталъ не только самостоятельныхъ государственныхъ людей, но и предводителей партіи—прогресса и европейской политической цивилизаціи. Статья эта надѣлала много шума, и вездѣ ее стали приписывать непосредственному вдохновенію Валуева. Во всякомъ случаѣ Валуевъ, говорилъ объ этой статьѣ съ фразами восхищенія, называя ее une revélation lumineuse. Но Валуеву торжествовать пришлось не долго. Катковъ написалъ въ «Моск. Вѣд.» свой отвѣтъ на статью Mazade'a и этотъ отвѣтъ блестяще удался его таланту. Опровергая шагъ за шагомъ Mazade'a въ его доводахъ, и вдохновляясь тѣмъ, что статью Mazade'a приписывали вліянію Валуева, Катковъ искусно и ловко привлекъ къ отвѣту и Валуева, и ѣдкою насмѣшкою сквозь строкъ отдѣлалъ его такъ безпощадно, что Валуевъ почувствовалъ себя больно ужаленнымъ, и поклялся всѣми фибрами своего существа, во что бы то ни стало, отомстить Каткову. Орудія мести были въ его рукахъ и, къ сожалѣнію, ненависть къ Каткову такъ въ немъ была сильна, что онъ отступился отъ преданій джентльмена, которымъ любилъ слѣдовать, чтобы месть свою надъ Катковымъ осуществить въ неровномъ бою и изъ-за угла. И вотъ, первый выстрѣлъ раздался. Въ «Сѣверной Почтѣ» появляется первое предостереженіе «*Московскимъ Вѣдомостямъ*», но не за отвѣтъ Mazade'у разумѣется, а за статью, никѣмъ не замѣченную и совсѣмъ неповинную появившуюся пять дней до печатанія отвѣта Mazade'у. Катковъ отказался принять предостереженіе и не напечаталъ его въ «Моск. Вѣд.», объявивъ, что такъ какъ, всѣ его статьи одинаково пишутся съ тою же цѣлью и въ тѣхъ же мысляхъ, то онъ не признаетъ себя обязаннымъ подчиниться требованіямъ закона

о печати, а предпочитаетъ признанію себя неблагонамѣреннымъ готовность платить ежедневно штрафъ въ 25 рублей въ день за ненапечатаніе предостереженія, и послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ прекращаетъ изданіе вовсе. Валуевъ въ первую минуту смутился, ибо съ одной стороны не ожидалъ такого рипоста со стороны Каткова и не подготовился къ нему, а съ другой стороны со всѣхъ сторонъ доходили до него слухи и толки, полныя сочувствія къ Каткову, и между этими слухими доносился и тотъ, будто въ Зимнемъ Дворцѣ тоже высказываются по отношенію къ Каткову сочувственно. Я даже помню, что Тютчевъ говорилъ, не стѣсняясь, въ присутствіи самого Валуева, что шансы боя неизвѣстны, и легко можетъ быть, что Государь, призванный быть верховнымъ судьею этого поединка, предпочтетъ Каткова Валуеву. Валуевъ поникъ головою, и въ его антуражѣ стали шептаться о томъ, что лучше было бы, если Валуевъ этого боя не начиналъ. Такъ продолжалось это нѣсколько дней. Затѣмъ, вдругъ вѣтеръ подулъ съ другой стороны, небо просвѣтлѣло надъ Валуевымъ, его лицо просіяло, онъ почуялъ близость нежданной побѣды. Увы, ему явился вдругъ союзникъ, въ лицѣ графа Шувалова, и вѣсы вдругъ перетянули на сторону Валуева. Валуевъ имѣлъ аудіенцію у графа Петра Андреевича Шувалова, въ которой онъ излагалъ ему свое горе, и графъ Шуваловъ, тоже изъ недруговъ Каткова, и тоже принадлежавшій къ партіи космополитовъ, взялся помочь Валуеву. Онъ говорилъ съ Государемъ, и затѣмъ сказалъ Валуеву, что благопріятная почва для его слѣдующаго доклада изготовлена. Валуевъ, ободренный протекціею Шувалова, явился къ Государю съ своимъ проектомъ мести надъ Катковымъ и попросилъ санкціи Государя на то, чтобы дать Каткову два

предостереженія подрядъ и затѣмъ прекратить газету на два мѣсяца. Государь согласился, и вотъ Валуевъ собираетъ экстренное засѣданіе совѣта по дѣламъ печати и, къ общему членовъ удивленію, является самъ на немъ предсѣдательствовать. Засѣданіе это можно было назвать историческимъ по цѣли, которую оно имѣло: сломить власть надъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ человѣка, посвятившаго свой талантъ на борьбу съ главными врагами Государя и государства, въ угоду ненависти къ нему одного министра, и для удовольствія всѣхъ антирусскихъ политическихъ партій. Оно было историческое также потому, что всѣ члены смолчали и преклонились передъ волею предсѣдателя министра, открывшаго засѣданіе объявленіемъ, что они созваны съ цѣлью *санкціонировать легальными путями* рѣшеніе правительства закрыть «*Московскія Вѣдомости*». Всѣ, да, за исключеніемъ *одного*.

Этотъ одинъ былъ предсѣдатель комитета иностранной цензуры, Ф. И. Тютчевъ, который объявилъ въ совѣтѣ, что онъ ни съ требованіемъ министра, ни съ рѣшеніемъ совѣта согласиться не можетъ, затѣмъ всталъ и вышелъ изъ засѣданія, потряхивая своею бѣловолосою головою и, вернувшись домой, написалъ и послалъ Валуеву свою отставку.

Засѣдавшій тутъ же писатель, И. А. Гончаровъ, всталъ и, подойдя къ Тютчеву, пожалъ ему съ волненіемъ руку и сказалъ: Федоръ Ивановичъ, преклоняюсь передъ вашей благородною рѣшимостью и вполнѣ вамъ сочувствую, но для меня служба—насущный хлѣбъ старика.

Каткову дано было второе предостереженіе, затѣмъ третье, съ промежуткомъ 3 дней, и газета закрыта на 2 мѣсяца. Большого труда стоило подбирать изъ прошлаго

статьи, за которыя слѣдовало формулировать предостереженія экспромтомъ.

Мѣры необычайной строгости, принятыя противъ Каткова, произвели, какъ и слѣдовало ожидать, сильное впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ. Впечатлѣнія эти были различныя, но, во всякомъ случаѣ, они были съ обѣихъ сторонъ настолько сильны, что по нимъ нельзя было не признать эти валуевскія мѣры важнымъ политическимъ событіемъ.

Партія петербургскихъ либераловъ, то-есть чиновниковъ и космополитовъ, съ *„Голосомъ“* во главѣ, весьма обрадовалась этому гоненію на Каткова и увидала въ немъ новое торжество либерально-космополитической политики... Вся, такъ называемая ультра-русская партія, наоборотъ, испытала весьма тяжелое впечатлѣніе.

Явился вопросъ: куда же мы идемъ, если главный органъ печати, отстаивающій интересы самодержавія и единодержавія, признается сверху единственнымъ неблагонадежнымъ въ Россіи?

Подробности этого событія стали расходиться по всѣмъ слоямъ общества въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и впервые вездѣ заговорили о сильномъ вліяніи, пріобрѣтенномъ на Государя сразу графомъ Шуваловымъ... такъ или иначе, но, во всякомъ случаѣ, ему достаточно было одного разговора съ Государемъ, чтобы склонить Его къ тому, чего такъ неуспѣшно добивался въ своихъ неоднократныхъ разговорахъ Валуевъ.

Ропотъ и смущеніе, вызванные въ русскомъ обществѣ этимъ veto, наложеннымъ на „Московскія Вѣдомости“, были настолько громки, что они доходили до Государя нѣсколькими путями, и тогда въ общемъ совѣщаніи князя Гагарина, предсѣдателя комитета министровъ, гр. Шува-

лова и Валуева рѣшено было сдѣлать что-нибудь такое, что могло бы успокоить умы и опровергнуть мнѣніе о торжествѣ либеральствующей партіи, а съ другой стороны, явиться, вообще, успокоительнымъ признакомъ реакціи послѣ 4-го апрѣля. Это „что-то“ было придумано въ формѣ рескрипта Государя на имя князя Гагарина.

Рескриптъ появился. Онъ былъ длинный, почти въ два столбца „Сѣверной Почты“. Въ немъ было сказано, по адресу всѣхъ министровъ и начальниковъ частей, о твердомъ намѣреніи Государя охранять всѣ права собственности и состояніе своихъ подданныхъ и всѣ нравственныя и религіозныя основы русскаго общественнаго строя отъ всякихъ покушеній на нарушеніе ихъ со стороны внутреннихъ враговъ Россіи. Въ этомъ же рескриптѣ упоминалось о ложномъ толкованіи правительственныхъ намѣреній со стороны состоящихъ на государственной службѣ лицъ.

Появленіе рескрипта вызвало много толковъ. Прежде всего занялись критикою его стиля, и, дѣйствительно, перо, его писавшее, было не талантливо; а затѣмъ пошли толки по поводу рескрипта. Почти во всѣхъ сферахъ приписывали его появленіе, главнымъ образомъ, вліянію гр. Шувалова, который, будто бы, хотѣлъ послѣ 4 апрѣля произвести успокаивающее дѣйствіе на умы, и въ то же время ослабить удручающее впечатлѣніе, произведенное гоненіемъ на Каткова. Либералы же говорили, усмѣхаясь: этотъ рескриптъ до насъ не относится; онъ говоритъ о нравственныхъ и о христіанскихъ основахъ общественнаго строя, а наше дѣло—это политическія основы. А когда, на основаніи этого рескрипта, пришлось прочесть многорѣчивый и громкозвучный циркуляръ Валуева къ губернаторамъ, тогда получилось впечатлѣніе, что весь этотъ

эпизодъ скорѣе всего фейерверкъ словъ, чѣмъ государственное событіе, ибо положительно изъ того, что написалъ Валуевъ для губернаторовъ, никакъ нельзя было понять главнаго: что именно онъ хотѣлъ сказать существеннаго, ибо, очевидно, нельзя было назвать существеннымъ право губернатора подходить къ кресту въ соборѣ раньше начальника дивизіи.

Приблизительно въ это же время заволновались и сферы политики внѣшней. Князь Горчаковъ насупилъ брови, принялъ озабоченную физіономію и говорилъ съ вдохновенною физіономіею: mon cher, nous sommes à la veille d'une guerre...

Тревогу вызвалъ Бисмарковскій кандидатъ изъ Гогенцоллерновъ для княжества молдаво-валахскаго, въ лицѣ принца Карла,—прямо противорѣчившаго постановленіямъ парижскаго конгресса. Турція протестовала. Въ Парижѣ составилась конференція, которая приняла протестъ Турціи „ad referendum“... Мы, то-есть Россія, будто бы тоже заявили протестъ, но Бисмаркъ тогда уже былъ всемогущимъ хозяиномъ европейской политики не только у себя въ Берлинѣ, но и у насъ въ Россіи, и великій, хотя и новый, принципъ du fait accompli былъ провозглашенъ во всемъ своемъ практическомъ всемогуществѣ. Бисмарковскій кандидатъ остался молдаво-валахскимъ княземъ, при чемъ говорили, что Пруссія въ этомъ вопросѣ клонила Наполеона дѣйствовать съ нею за-одно. Мрачныя предсказанія князя Горчакова не сбылись, и онъ просвѣтлѣлъ, ничуть и ни на минуту не задумываясь надъ вопросомъ: не былъ ли этотъ гогенцоллернскій эпизодъ столь дерзкаго нарушенія Пруссіей одного европейскаго трактата первымъ шагомъ къ дальнѣйшей политикѣ Пруссіи и протестъ Россіи въ 1866 году не могъ ли тогда получить значеніе

событія, имѣвшаго возможность помѣшать въ зародышѣ осуществленію плановъ Бисмарка?

Въ концѣ мая Государь и Императрица вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и Его братьями отправились на 3 дня въ Москву. Пріемъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ восторженный. Государь былъ глубоко тронутъ проявленіемъ къ Нему любви Москвы всѣхъ сословій и всѣхъ возрастовъ. Пребываніе Ихъ Величествъ въ Москвѣ длилось три дня. Какъ бы въ гармоніи съ общимъ безоблачнымъ настроеніемъ Москвы, Государь подошелъ къ Каткову въ одномъ изъ собраній, протянулъ ему руку и сказалъ ему, что старые грѣхи предаетъ забвенію, а помнитъ только его заслуги передъ Россіею и прекращаетъ дѣйствіе наложенія на его газету запрещенія.

Послѣ Москвы Ихъ Величества переѣхали въ новое имѣніе Императрицы, купленное у Голицыныхъ, село Ильинское, гдѣ пробыли около шести недѣль.

Здѣсь, Государь, послѣ испытанныхъ Имъ волненій, отдавался всею душою тишинѣ и покою. Онъ былъ и веселъ, и беззаботенъ. Одно, какъ мнѣ тогда разсказывали, сердило Государя, это появленіе впервые переодѣтыхъ агентовъ Шуваловской охраны вездѣ, гдѣ Государь гулялъ... Но графъ Шуваловъ, взявшись за свое дѣло серьезно, не смутился этимъ первымъ впечатлѣніемъ Государя, и завелъ, дѣйствительно, умную полицію... Достаточно припомнить, что при немъ, пока онъ былъ шефомъ-жандармовъ, покушенія на Государя не было...

Въ началѣ лѣта рѣшено было, что Цесаревичъ поѣдетъ въ Копенгагенъ на десять дней. Онъ сѣлъ на „*Штандартъ*“ и предпринялъ Свое путешествіе... Состояніе души Его было свѣтлое и ясное... Передъ глазами не поблѣднѣла картина умиравшаго брата, соединившаго въ по-

слѣднюю минуту сознанія руку своего любимаго брата съ полюбленною Имъ невѣстою, и, слѣдовательно, что кромѣ желанія вернуться изъ Даніи женихомъ принцессы Дагмары могло сопутствовать Его въ этой поѣздкѣ, тѣмъ паче, что желаніе это раздѣляли и Государь, и Императрица, и всѣ русскія сердца...

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Копенгагенъ, прибыло въ Петербургъ извѣстіе о помолвкѣ Цесаревича, и затѣмъ Онъ вернулся въ Петербургъ женихомъ... Пріѣздъ Его невѣсты былъ назначенъ къ концу осени, а бракосочетаніе въ концѣ осени.

Я засталъ жениха въ его маленькомъ домѣ въ Александріи, въ свѣтломъ, но съ оттѣнкомъ новаго настроенія духѣ. Это новое было какъ бы предвкушеніемъ счастья семейной жизни, которую Онъ считалъ лучшимъ счастьемъ и благомъ въ жизни... „Я такъ радъ“, говорилъ Онъ просто и правдиво, „что перестану чувствовать себя скитальцемъ и найду пристань и домъ свой“, и мнѣ показалось тогда, что дѣйствительно, въ свидѣтельство правды Его словъ, что-то совсѣмъ спокойное и серьезное вошло въ Его душевную жизнь... Къ концу лѣта была рѣшена 3-недѣльная поѣздка по Россіи.

IV.

(1866 годъ).

Поѣздка Цесаревича по Россіи.

Къ назначенному для отъѣзда дню всѣ участвующіе въ поѣздкѣ Цесаревича и его брата Великаго Князя Владиміра Александровича по Россіи должны были къ вечеру собраться въ Петергофѣ. Къ участію былъ приглашенъ и я, и на меня возложена была обязанность вести подробный дневникъ путешествія для Государя. Приглашены были прежніе спутники покойнаго Цесаревича: К. П. Побѣдоносцевъ, профессоръ политической экономіи Бабстъ и художникъ Боголюбовъ... Затѣмъ былъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Затѣмъ, адъютанты Цесаревича, князь Барятинскій и Козловъ, перешедшіе къ нему отъ покойнаго Брата, состоявшій при Великомъ Князѣ Оомъ и докторъ Гиршъ. Во дворцѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ и, затѣмъ, мы собрались на поѣздъ, гдѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ. Маршрутъ былъ слѣдующій: Тверь, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, Нижній и Казань и обратно въ Петербургъ черезъ Москву.

Такъ какъ на все путешествіе назначено было безъ малаго двѣ недѣли, то, само-собою разумѣется, пребываніе въ каждомъ городкѣ было кратковременное.

Интересъ этой поѣздки заключался только въ томъ фактѣ, что это была первая поѣздка молодого Цесаревича по Россіи, и первое, такъ сказать, свиданіе съ нимъ Россіи. Въ то же время путешествіе это, недавно послѣ 4 апрѣля, получило краснорѣчивый характеръ сбиранія для Государя Его сыномъ проявленій народной радости и народной любви.

Дѣйствительно, эти проявленія народной любви съ минуты, какъ мы попали на Волгу, представляли собою грандіозную картину безбрежнаго моря русскаго люда, отовсюду собиравшагося поклониться Царскимъ сыновьямъ. Первая остановка была въ Твери. Въ ней мы пробыли день. Симпатичныя впечатлѣнія Цесаревичъ вынесъ отъ губернатора князя Багратіона и отъ губернскаго предводителя дворянства князя Бориса Васильевича Мещерскаго. Первый былъ умный, тонкій и хорошій человѣкъ; второй былъ умный, хорошій и съ открытою и прямою русскою душою человѣкъ. Тутъ же Великіе Князья познакомились съ милымъ старичкомъ поэтомъ Ф. Н. Глинкою и съ ветераномъ-декабристомъ Муравьевымъ-Апостоломъ, въ мирномъ уединеніи Твери доживавшимъ свой долгій вѣкъ. Изъ Твери мы поѣхали въ Рыбинскъ, гдѣ пробыли тоже день и гдѣ знакомились съ знаменитымъ канатнымъ заводомъ Журавлева. Тутъ же купечество угостило Цесаревича обѣдомъ на славу. Плавая по Волгѣ, мы останавливались и въ маленькихъ городахъ, выходили на берегъ, чтобы войти въ церковь. Такъ сдѣлали и въ Угличѣ, но не безъ нѣкотораго опасенія. Мы постигли, что значитъ огромная толпа народа... Когда Цесаревичъ поднялся по лѣстницѣ на берегъ, Онъ вдругъ очутился буквально въ морѣ десятковъ тысячъ народа; все это восторженно зашевелилось и заревѣло... Цеса-

ревичъ сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ соборъ; но не тутъ то было: лошади, испуганныя толпою, стали подниматься на дыбы. Цесаревичу пришлось выйти и идти пѣшкомъ; двое полицейскихъ съ неимовѣрнымъ трудомъ прокладывали тропинку, и кое-какъ удалось добраться до церкви, а народу все прибывало... Толпы начали пытаться пробираться въ соборъ: желѣзныя рѣшетки ломались подъ напоромъ народныхъ массъ.

Въ виду этого, протоіерей собора посовѣтовалъ Цесаревичу не идти на пароходъ обратнымъ путемъ, въ виду страшныхъ размѣровъ толпы, опасаясь совершенно основательно скопленія народа на самомъ берегу, надъ оврагомъ, не столько для Великихъ Князей, сколько для толпы людей, которая могла при этомъ напорѣ сорваться въ обрывъ.

Вмѣсто прежняго пути протоіерей предложилъ таинственный ходъ подземельемъ прямо изъ церкви на Волгу, и при свѣтѣ фонарей мы отправились обратно на пристань, куда прибыли благополучно, лишившись возможности, вслѣдствіе слишкомъ большой толпы, осмотрѣть историческія примѣчательности Углича.

Въ Ярославлѣ и въ Костромѣ мы пробыли по 2 дня. Затѣмъ, въ Нижнемъ пробыли три дня и два дня въ Казани. На всѣхъ пріемахъ Цесаревичъ являлся оживленнымъ и веселымъ и, видимо, старался на каждаго произвести хорошее впечатлѣніе. Главные разговоры велись за обѣдомъ; тутъ Великій Князь внимательно разспрашивалъ и внимательно слушалъ, и впечатлѣнія, получавшіяся отъ этихъ застольныхъ бесѣдъ, были тѣмъ пріятны, что ему говорили съ охотою, съ оживленіемъ и откровенностью.

До самой послѣдней минуты своего путешествія Це-

саревичъ былъ веселъ и въ духѣ, и разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе своей поѣздки высказывалъ ту мысль, что ничто такъ не полезно, какъ ѣздить по Россіи и разговаривать съ живыми людьми. Очень просто и наглядно онъ высказалъ дважды эту мысль въ такихъ словахъ: вотъ земство, напримѣръ, — говорилъ Великій Князь, — я откровенно долженъ сказать, что слышалъ о немъ въ Петербургѣ, но имѣлъ самое смутное о немъ представленіе, а понялъ я его суть только теперь, изъ разговоровъ на мѣстѣ съ мѣстными людьми. Отчасти подъ впечатлѣніемъ невообразимой давки толпы, даже въ губернскихъ городахъ, Цесаревичу приходилось не разъ высказывать удивленіе, какъ мала вездѣ полицейская сила. На это ярославскій губернаторъ, умный адмиралъ Унковской, очень вѣрно отвѣтилъ Великому Князю, что полиція въ Россіи имѣетъ назначеніе чисто символическое: она ничего не охраняетъ, потому что не можетъ ничего охранять, а она существуетъ лишь для свидѣтельствованія о силѣ русскаго Бога надъ Россіей и надъ каждымъ ея уголкомъ... Какъ сила, полиція есть только насмѣшка надъ силою, это такая же полиція, какъ та, которая фигурируетъ въ иныхъ пьесахъ въ театрахъ... но, въ то же время, чѣмъ же держится благоустройство въ Россіи, чѣмъ охраняются права жизни, собственности, какъ не силою русскаго Бога!

Я постарался, насколько это было возможно при быстротѣ передвиженія, выяснить себѣ: какія существенныя нужды жизни въ эту минуту высказывались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали, и пришелъ къ заключенію, что въ слышанныхъ нами разговорахъ повторялись двѣ главныя ноты: одну можно было назвать либеральною, другую — консервативною, хотя пришлось слышать и о

томъ, что земство будто бы слишкомъ стѣснено въ своихъ правахъ и въ своихъ аттрибутахъ, и что хорошо было бы дать ему болѣе широкія полномочія... Въ этой нотѣ явственно слышались запоздалые отголоски либеральныхъ рѣчей въ земскихъ собраніяхъ Петербурга и Москвы 1860 года. Въ представителяхъ второй ноты слышались сѣтованія на полную безурядицу въ деревенской жизни, на разгулъ деревенскихъ безпорядковъ и т. п. Меня интересовалъ также вопросъ о вліяніи знаменитаго валуевскаго циркуляра на провинцію, состоявшагося вслѣдствіе рескрипта Государя къ князю Гагарину. Отъ двухъ губернаторовъ, ярославскаго и казанскаго (Скарятинъ), я слышалъ приблизительно одно и то же; оба сказали, что циркуляръ этотъ ихъ удивилъ главнымъ образомъ потому, что не они, губернаторы, въ немъ нуждались, а нуждается въ немъ само министерство внутреннихъ дѣлъ, которое ни одному представленію губернатора объ усиленіи порядка не даетъ ходу. И это было вѣрно, какъ явленіе тогдашнихъ нравовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, согласовавшихся съ политикою laissez faire Валуева, который говорилъ: le gouvernement ne doit jamais s'imposer, mais toujours se faire désirer.

Но все это были подробности.

Въ общемъ и главномъ, когда мы вернулись изъ путешествія, душа была полна воспоминаніями того очевиднаго и несомнѣннаго, что проникало ее благоговѣйными чувствами: это отсутствіе всякой комедіи, всякаго притворства и всякой оффиціальности въ проявленіяхъ тѣхъ чувствъ преданности и любви къ Государю, которыхъ вездѣ рѣшительно, въ большихъ и малыхъ центрахъ жизни, намъ пришлось быть свидѣтелями.

Это было глубокое и могучее впечатлѣніе.

Когда по возвращеніи мы представлялись послѣ благодарственнаго молебствія о благополучномъ путешествіи Ихъ Величествамъ, Государь поблагодарилъ меня за веденіе «Дневника» и сказалъ мнѣ, что я писалъ его очень интересно; тогда я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать Государю о впечатлѣніяхъ, наполнявшихъ душу отъ проявленій любви къ Нему во всѣхъ сословіяхъ.

— Я очень радъ, что эти чувства проявились надъ Моимъ Наслѣдникомъ. Это хорошее благословеніе для Его свадьбы.

Вскорѣ затѣмъ состоялся пріѣздъ принцессы Дагмары.

V.

(1866 годъ).

Графъ П. А. Шуваловъ — новый шефъ жандармовъ. — Бракосочетаніе Цесаревича.—Юбилей Карамзина. — Елка у Цесаревича. — Изъ міра земства.

30-го августа, въ числѣ высшихъ наградъ, орденъ св. Андрея былъ пожалованъ покойнику. Покойникъ этотъ былъ, увы, графъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ! Посланная ему Царская милость въ деревню — застала его въ гробу. Разумѣется, немедленно послѣ кончины этого великаго государственнаго человѣка начались толки по поводу его смерти, совсѣмъ неожиданной для всѣхъ тѣхъ, которые недавно его видѣли работавшимъ надъ политическимъ слѣдствіемъ по дѣлу Каракозова, и самымъ распространеннымъ изъ слуховъ былъ толкъ о томъ, что его отравили злоумышленники политической партіи, дабы прекратить его дѣятельность по вскрытію политическихъ тайнъ. Погребеніе его въ Невской лаврѣ было торжественное, и русскія чувства получили удовлетвореніе въ томъ фактѣ, что на погребеніе графа Муравьева прибылъ Государь во главѣ всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи.

По странному совпаденію, товарищъ графа Муравьева по общему дѣлу, графъ Бергъ, получилъ въ этомъ же году фельдмаршальскій жезлъ и присутствовалъ въ Вар-

шавѣ на выѣздѣ изъ края Николая Милютина и его сподвижниковъ; а въ Вильнѣ въ это время смѣнялся Кауфманъ съ должности генералъ-губернатора, для замѣны его графомъ Эдуардомъ Барановымъ, и уходилъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ Милютинымъ его другъ и главный гражданскій дѣятель въ Царствѣ Польскомъ, князь Владиміръ Черкасскій. По этому поводу тоже пошли слухи въ разныхъ политическихъ сферахъ о какой-то перемѣнѣ въ направленіи и въ образѣ мыслей правительства относительно польскаго вопроса. Я задалъ этотъ вопросъ Валуеву, пришедшему со смертью графа Муравьева въ болѣе *свѣтлое* настроеніе,—но только не на долго,—и онъ мнѣ на это сказалъ, что такъ какъ этотъ вопросъ задаютъ многіе и въ томъ числѣ Европа, то, вкупѣ съ княземъ Горчаковымъ, рѣшено, на русскомъ и французскомъ языкахъ напечатать «un communiqué», въ которомъ будетъ сказано, что никакой перемѣны въ политикѣ правительства по Западному краю и по Царству Польскому не слѣдуетъ ни предвидѣть, ни ожидать. Про графа Баранова Валуевъ говорилъ, что это безпристрастный и спокойный умъ,—что было совершенно вѣрно,—qui saura toujours garder l'équilibre entre le trop et le trop peu!.. Къ принятію этой должности графомъ Барановымъ, котораго считали лѣнивымъ и не охотникомъ до трудныхъ политическихъ должностей,—побудилъ всего болѣе графъ Петръ Шуваловъ.

Новый шефъ жандармовъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ начиналъ уже, съ первыхъ же своихъ шаговъ на новой и высокой своей должности, пріобрѣтать репутацію всесильнаго руководителя внутренней политики. Я зналъ этого человѣка съ первыхъ лѣтъ моей молодости, когда онъ былъ въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстеромъ,

а я служилъ въ полиціи стряпчимъ. Въ этотъ промежутокъ времени, про него можно было, безъ преувеличенія, сказать, что онъ готовился и зрѣлъ къ ожидавшему его зениту его служебной карьеры. Это былъ дѣйствительно замѣчательный и блестящій государственный человѣкъ царствованія Александра II. Наружность его соотвѣтствовала его властолюбивому замыслу быть первымъ. Красивая, чуть-чуть задѣтая сѣдиною голова его всегда держалась высоко; въ лицѣ его умномъ, съ чертами, отражавшими твердость, всегда привѣтливость соединялась съ тонкимъ, слегка хитрымъ взглядомъ, но въ то же время всегда прямымъ и открытымъ, и затѣмъ, что составляло его главное обаяніе, это невозмутимое спокойствіе и выраженіе полнаго владѣнія собою никогда ему не измѣнявшія.

Таковы были черты его физіономіи. Что касается его духовной личности, то и съ этой стороны онъ былъ очень богатъ. Его спокойствіе и самообладаніе давали ему то, что такъ рѣдко приходится встрѣчать въ нашихъ государственныхъ людяхъ,—умѣнье слушать и задавать вопросы, а это на постѣ шефа-жандармовъ, очевидно, было главное. Слушая внимательно, онъ схватывалъ главныя мысли очень быстро, и на вопросы давалъ отвѣты ясные, точные и опредѣленные, и въ этомъ смыслѣ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы дѣлалъ то же, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, избѣгая уклончивости и фальшивыхъ положеній.

Вступивъ на этотъ высокій и ближайшій къ Государю постъ, гдѣ онъ могъ ежедневно находить причины видѣть Государя, графъ Петръ Андреевичъ провелъ строго опредѣленную грань между своимъ политическимъ или государственнымъ положеніемъ и придворнымъ. На пер-

вомъ онъ настойчиво хотѣлъ быть первымъ; на второмъ, въ сферахъ придворныхъ, онъ дорожилъ правомъ быть послѣднимъ, и этимъ послѣднимъ въ ряду придворныхъ умѣлъ съ изяществомъ и кокетствомъ всегда оставаться.

Вслѣдствіе этой демаркаціонной линіи, имъ проведенной между Дворомъ и постомъ, и съ его тактомъ, всегда строго соблюдавшимся, графъ П. А. Шуваловъ не зналъ никакихъ придворныхъ интригъ, ни у кого никогда не заискивалъ и являлся въ кабинетъ Государя Его главнымъ совѣтникомъ, всегда съ гордостью и самолюбіемъ своего независимаго и ни въ чемъ ненуждавшагося положенія. Я думаю, что въ этомъ была главная причина его обаятельнаго на Государя вліянія. Онъ давалъ своимъ отношеніямъ къ Государю атмосферу и характеръ увѣренности и спокойствія, которыя отвѣчали потребности до извѣстной степени недовѣрчивой и подозрительной натуры Государя, а такъ какъ при этихъ чертахъ Государь не особенно любилъ инициативу, то и тутъ властолюбивыя цѣльность и твердость шуваловскаго характера должны были быть для него удобными.

При этихъ условіяхъ очень понятно, что въ созвѣздіи своихъ коллегъ государственныхъ людей, Шуваловъ, какъ говорятъ французы, faisait tableau, то-есть красиво выдѣлялся; большая часть этихъ государственныхъ людей не умѣла и не могла отдѣлять независимости своего настроенія отъ того, какъ Государь взглянетъ, какъ Онъ приметъ ту или другую мысль, что произведетъ та или другая сплетня, тогда какъ Шуваловъ умѣлъ проявлять не только полнѣйшее равнодушіе къ этимъ мелочамъ придворныхъ политическихъ сферъ, но даже презрѣніе ко всему, что не составляло сущность его государственныхъ обязанностей и служебнаго долга, такъ, какъ онъ его по-

нималъ. Опасенія сломать себѣ шею и немилость его нисколько не тревожили и не вліяли на его образъ дѣйствій, и оттого, вѣроятно, онъ оказался съ самаго начала такъ наглядно первенствующимъ изъ равныхъ и съ положеніемъ перваго министра, которое послѣ него никто не сумѣлъ пріобрѣсть.

Но, какъ у всякаго человѣка, и у Шувалова была обратная сторона медали. Графъ П. А. Шуваловъ былъ блестящимъ и способнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ своего времени, но онъ былъ въ то же время слишкомъ мало русскимъ.

Его воспитаніе, его среда, его вкусы, его нравы, все вмѣстѣ держало его въ отдаленіи отъ русской жизни, особливо народной, и это отдаленіе отъ русской жизни, влекшее за собою ея непониманіе, имѣло послѣдствіемъ его пассивныя отношенія ко всѣмъ тѣмъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, которые, въ видѣ реформъ относились до внутренней жизни Россіи. Аграрные вопросы онъ понималъ скорѣе съ точки зрѣнія нѣмецкаго барона или англійскаго ландлорда: русская деревня для него была мертвою буквою; русскій мужикъ представлялся ему какимъ то существомъ conventionnel, безъ всякаго психическаго міра; земство ему казалось какими то говорильнями на воздухѣ, внѣ всякой органической связи съ бытомъ провинціальной жизни, и такъ далѣе. Оттого, не взирая на все важное политическое значеніе, начавшееся въ то время, у него не было подъ ногами главнаго—почвы знанія и пониманія Россіи. И если я говорю объ этомъ, то потому именно, что приходилось не разъ жалѣть о томъ, что графу Шувалову не удалось во все время своей первенствующей во внутренней политикѣ роли имѣть то консервативное и сдерживающее вліяніе,

на которое онъ имѣлъ право по своимъ способностямъ и своимъ дарованіямъ, но которое ему не далось именно вслѣдствіе его незнанія и непониманія Россіи. Не понимая, не зная Россіи, онъ не понималъ непригодности для нея такихъ дѣятелей, какъ Валуевъ, и еще менѣе могъ понимать всю непереваримость и либеральную путаницу, которыя вселили въ жизнь реформы, столь спѣшно и столь мало соображаясь съ нуждами Россіи вводимыя. Онъ не могъ ни исправлять, ни направлять политику реформъ. А по дарованіямъ онъ могъ бы это сдѣлать, если-бъ былъ духовно-русскій человѣкъ. Впослѣдствіи все это оказалось нагляднѣе и яснѣе.

Отъ сентября до конца октября Дворъ былъ всецѣло завоеванъ свѣтлымъ событіемъ, прибытіемъ въ Царское Село и пребываніемъ въ немъ невѣсты Цесаревича, принцессы Дагмары, по муропомазаніи нареченной Великой Княжною Маріею Ѳеодоровною.

Послѣ муропомазанія, 28 октября, въ церкви Зимняго Дворца состоялось вѣнчаніе Цесаревича, вслѣдъ за которымъ былъ обычный торжественный обѣдъ и куртагъ, то-есть кратковременный балъ въ мундирахъ.

Послѣ свадьбы я зашелъ къ Цесаревичу, пребывавшему еще тогда въ своихъ комнатахъ Зимняго Дворца, чтобы его поздравить.

— Да,—сказалъ Онъ,—вы можете меня поздравить, я у пристани.

Онъ былъ веселъ и счастливъ и, при этомъ, какъ всегда, невозмутимо-спокоенъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы былъ для нашей семьи праздникъ, это празднованіе въ академіи наукъ столѣтія со дня рожденія нашего дѣда, великаго русскаго исторіографа Н. М. Карамзина. Представителями семьи въ жи-

выхъ были при праздникѣ два его сына, Александръ, помѣщикъ Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда, и Владиміръ, младшій сынъ, сенаторъ, и двѣ дочери: младшая—фрейлина Елизавета Николаевна, и старшая—моя мать.

Старѣйшимъ представителемъ русской литературы, и какъ бы знаменщикомъ праздника былъ князь П. А. Вяземскій. Государь удостоилъ насъ внуковъ Своей милости въ этотъ день: сестра моя пожалована была въ фрейлины, братъ мой, офицеръ преображенскаго полка, пожалованъ въ флигель-адъютанты, а мнѣ пожалована пенсія въ 1,500 рублей.

Когда братъ мой представился впервые Государю, чтобы Его благодарить, Государь ему сказалъ дорогія слова: прежде чѣмъ тебя назначить, Я навелъ о тебѣ справку въ полку, и поздравляю тебя съ тѣмъ, что и отъ начальниковъ и отъ товарищей ничего, кромѣ хорошаго, не слыхалъ.

Ко дню свадьбы своей Цесаревичъ назначенъ былъ Членомъ государственнаго совѣта. Въ то же время Государь высказалъ желаніе, чтобы Цесаревичъ присутствовалъ на докладахъ министровъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Цесаревичъ позвалъ меня къ себѣ завтракать въ свое новое жилище, въ Аничковъ Дворецъ. Не забылъ Его сіявшаго тогда счастьемъ лица, и того настроенія духа, въ которомъ Его засталъ въ это утро. Мнѣ казалось, что Его большой угловой кабинетъ, выходившій на Невскій проспектъ, былъ залитъ весеннимъ солнцемъ—въ одинъ изъ мрачныхъ ноябрьскихъ дней, и тѣ два часа, проведенныхъ съ нимъ съ глаза на глазъ, остались у меня въ памяти, какъ отвѣтъ на вопросъ: бываютъ ли на землѣ минуты

полнаго счастья?—Да, бываютъ. Цесаревичъ ихъ тогда переживалъ.

На Рождественскихъ праздникахъ я сказалъ Цесаревичу: Вашъ домъ—жилище счастья, сдѣлайте его жилищемъ счастья для несчастныхъ, устройте елку для бѣдныхъ дѣтей. Цесаревичъ съ радостью откликнулся на эту мысль, молодая Цесаревна привѣтствовала ее горячо Своимъ молодымъ добрымъ сердцемъ и оба счастливые супруга рѣшили—позвать къ себѣ 100 бѣдныхъ дѣтей на елку въ залъ Дворца. Мнѣ было поручено озаботиться доставленіемъ дѣтей и пріобрѣтеніемъ подарковъ. Подарки заключались въ обуви и въ теплой одеждѣ, въ бѣльѣ и въ платьѣ; каждому мальчику предназначался полушубокъ, сверхъ того, на каждую семью отпускалось въ видѣ подарка по 1 сажени дровъ. Наканунѣ, всѣ дѣти были отправлены въ баню и вымыты и, затѣмъ, на другой день потянулась эта вереница нищихъ-дѣтей съ крикомъ и шумомъ по великолѣпной лѣстницѣ Аничкова Дворца...

Трудно описать то впечатлѣніе, которое пришлось испытывать, глядя, какъ эти молодые Счастливцы радушно приняли въ свои палаты этихъ дѣтей нищеты и скорби... Ихъ молодыя лица сіяли ласкою и добротою, болѣе того, нѣжностью; дѣти были, какъ въ волшебномъ снѣ, въ этой ярко освѣщенной залѣ, передъ громадною елкою и, наэлектризованныя этимъ сномъ, этими подарками, бѣгали между Цесаревичемъ и Цесаревною съ возгласами: дядя, мама, съ сіявшими отъ радости глазами, какъ къ роднымъ, то цѣлуя руку, то прижимаясь съ нѣжностью, какъ къ матери, и радостямъ не было конца. Послѣ угощенія, праздникъ нищихъ-дѣтей окончился тѣмъ, что Цесаревичъ велѣлъ повалить елку, и дѣти бросились обирать елку; минуты черезъ три все дерево было очи-

щено... Затѣмъ они бросились благодарить Добрыхъ Хозяевъ за свои радости и, прибывши во Дворецъ въ лохмотьяхъ или въ чужомъ одѣяніи, вышли изъ него одѣтыя въ полушубки и въ теплое платье и въ теплой обуви... Послѣ этого дня Ихъ Величества пожелали, чтобы ежегодно устраивалась такая елка для бѣдныхъ дѣтей.

Въ концѣ года въ мірѣ внутренней политики произошло событіе, которое послужило доказательствомъ того, какъ легкомысленно и необдуманно такіе государственные люди, какъ Валуевъ да и самый государственный совѣтъ, вводили капитальныя реформы. Земство въ этомъ году было введено во всѣхъ 36 губерніяхъ. Но одновременно вдругъ всѣ спохватились и испугались сдѣланнаго при составленіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ промаха. Сначала спохватились купцы и фабриканты, потомъ губернаторы, потомъ министерство финансовъ и, наконецъ, самъ Валуевъ. Да и было съ чего испугаться: оказалось, что на основаніи земскаго положенія земскія собранія получили право облагать всѣхъ и все въ предѣлахъ своихъ губерній—безъ ограниченія размѣровъ, то-есть получили такое право, которое даже не имѣетъ правительство.

Характерно при этомъ отмѣтить, что всѣхъ громче завопили купцы и фабриканты. И дѣйствительно, было съ чего: каждое земство получило право — потребовать свѣдѣнія о доходѣ, и облагать этотъ доходъ, сколько ему угодно... Положимъ, что въ такомъ же печальномъ положеніи очутились землевладѣльцы, то-есть помѣщики, такъ какъ земству предоставлено было право облагать землю въ какихъ ему угодно размѣрахъ. Но купцы и фабриканты закричали «караулъ», бросились къ губернаторамъ, бросились къ министру финансовъ, а помѣщики оказались вѣрны себѣ, яко овцы, передъ стригущими ихъ без-

гласны... Въ слѣдующемъ году я много сталъ ѣздить по Россіи, и тогда я понялъ, почему дворяне-землевладѣльцы оказались безгласными и такъ дорого за это поплатились...

Оказалось, что почти въ каждомъ земскомъ собраніи большинство съ перваго же раза составили бараны, подъ главенствомъ и кулаками нѣсколькихъ либераловъ, и большинство это имъ подчинялось, не смѣя пикнуть насчетъ своихъ интересовъ и въ безмолвномъ подчиненіи праву собранія облагать ихъ земли въ какихъ угодно размѣрахъ долженъ былъ по требованію этихъ либераловъ заключаться культъ либерализма. Это былъ оригинальный, совсѣмъ уже доморощенный культъ либерализма: въ качествѣ земскихъ гласныхъ самого себя разорять обложеніемъ земли, какъ дворянина-землевладѣльца...

И результаты вышли en consèquence. Крики купцовъ и фабрикантовъ возымѣли свое дѣйствіе, ибо вышло правительственное распоряженіе, во исполненіе котораго отнималось у земства право облагать купеческіе капиталы, фабрики и заводы по доходности, и сохранялось только право облагать фабрику по цѣнности зданія, и купца въ извѣстномъ размѣрѣ процента со свидѣтельства. Но зато сохранилось въ цѣлости, очевидно, въ угоду либеральному культу господъ *земскихъ дворянъ* право земствъ облагать земли въ размѣрѣ *неограниченномъ*...

Тогда нѣкоторыя земства взбунтовались противъ ограничительныхъ распоряженій правительства, и во главѣ ихъ земство петербургское, явились ораторы, требовавшіе въ самыхъ безцеремонныхъ рѣчахъ либеральныхъ и даже вольнодумныхъ петиціи на имя высшаго правительства; и кончили все это тѣмъ, что петербургское земство, какъ разъ къ январю 1867 года, взяли да и закрыли, въ пол-

номъ смыслѣ слова, то-есть закрыли не только собранія, но и управы...

Лучше было поменьше давать земству правъ при его учрежденіи, чѣмъ, давши много, отнимать часть даннаго, раздражая умы. Но этой предусмотрительности никогда тогда не придерживались, и горько за это пришлось расплачиваться позже.

VI.

(1867 годъ).

Голодъ.—Роль Цесаревича.—Увольненіе Валуева.—Его преемникъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ.—Новый министръ юстиціи графъ Паленъ.—Мое сближеніе съ Катковымъ.—Москва.—Кончина моей матери.

Наступилъ невеселый 1867 годъ.

Уже въ началѣ его стали проникать разными окольными путями въ Петербургъ слухи о наступающемъ быстро голодѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, такъ, напримѣръ: Смоленской, Новгородской и т. д. Слухи эти стали намеками поступать въ печать, но, къ роковому для Валуева ослѣпленію, одно министерство внутреннихъ дѣлъ не обращало на нихъ вниманія, и всякимъ толкамъ объ угрожающемъ голодѣ противопоставляло полную сладостнаго квіетизма улыбку Валуева, который говорилъ, что все это раздутые cris d'alarme, и ни откуда нѣтъ основаній предвидѣть угрозы голода.

Говорили и о томъ, что введенное во всѣхъ этихъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, земство, отъ непривычки-ли или отъ нерадѣнія, застигнуто было врасплохъ и, потерявши головы, не знало, какъ начать борьбу съ наступившею безхлѣбицею, и все это вмѣстѣ взятое рисовало картину будущаго въ весьма мрачныхъ краскахъ.

Разными путями эти тревожныя вѣсти доходили и до Цесаревича. При немъ былъ адъютантомъ, какъ я гово-

рилъ, бывшій кирасиръ П. А. Козловъ. Это былъ съ горячею кровью и воспламенительнымъ ко всему доброму и хорошему сердцемъ прекрасный молодой человѣкъ.

Прислушиваясь къ этимъ тревожнымъ извѣстіямъ, онъ немедленно возъимѣлъ мысль — заинтересовать въ этомъ вопросѣ отзывчивое сердце Цесаревича. Это и удалось до такой степени, что въ Цесаревичѣ загорѣлась мысль стать во главѣ благотворительнаго предпріятія въ пользу страдальцевъ неурожая. Само собою разумѣется, что Цесаревичъ съ самою искреннею энергіею принялся за немедленное осуществленіе своей мысли, и вотъ закипѣло въ Аничковомъ Дворцѣ дѣло о помощи голодающимъ... Цесаревичъ испросилъ у Государя согласіе начать это дѣло. Я написалъ воззваніе въ *„Русскомъ Инвалидѣ“* о пожертвованіяхъ, принимаемыхъ Цесаревичемъ въ Аничковомъ Дворцѣ, и деньги стали приливать потокомъ. Въ тоже время, такъ какъ завѣдываніе этимъ дѣломъ требовало опытнаго хозяина, Цесаревичъ пригласилъ тогдашняго предсѣдателя губернской земской управы въ Новгородѣ, Н. А. Качалова и пригласилъ его именно къ себѣ въ помощники... Тогда дѣло, ставши на свои ноги, перешло уже въ государственное дѣло, ибо Государь, сочувствуя иниціативѣ Цесаревича, поручилъ Ему составить комиссію подъ Его предсѣдательствомъ, съ приглашеніемъ въ товарищи предсѣдателя генералъ-адъютанта Н. В. Зиновьева, и на эту комиссію возложено было не только завѣдываніе поступавшими пожертвованіями, но и снабженіе хлѣбомъ голодающихъ, которые тутъ-же были названы *пострадавшими отъ неурожая*...

Вотъ тутъ-то приглашеніе съ самаго начала такого практически умнаго человѣка, какъ Качаловъ, и оказалось въ высшей степени полезнымъ... Качаловъ, въ свою

очередь прямо сказалъ Цесаревичу, что для успѣха дѣла мало имѣть расторопныхъ распорядителей, а надо имѣть торговаго человѣка, практически знакомаго съ дѣломъ хлѣбной торговли, и указалъ на своего земляка, череповецкаго купца Н. А. Милютина. Цесаревичъ немедленно пригласилъ Милютина, который съ восторгомъ отдался весь этому святому дѣлу. Тогда комиссія выработала съ огромною быстротою цѣлый планъ помощи для нуждающихся въ хлѣбѣ.

Планъ этотъ былъ ясенъ, простъ и весьма разуменъ.

Главные дѣятели комитета представили Великому Князю, что помощь хлѣбомъ отнюдь не должна быть даровая; что раздача даровaго хлѣба гораздо болѣе причинитъ вреда, чѣмъ принесетъ пользы, такъ какъ можетъ пріучить крестьянъ къ мысли, что бояться неурожая нечего, все равно, накормятъ и, слѣдовательно, можетъ отдалить его отъ главной обязанности — работать для пріобрѣтенія хлѣба... По ихъ мнѣнію, цѣль комитета должна заключаться въ томъ, чтобы нуждающемуся въ хлѣбѣ населенію продавать его по обычной, доступной цѣнѣ, и вездѣ этою низкою цѣною принуждать хлѣботорговцевъ не поднимать цѣнъ на хлѣбъ, а продавать его по той-же цѣнѣ, по какой продаетъ его комитетъ...

Итакъ, дѣло выходило сразу огромное: не только поставлять хлѣбъ, но бороться съ такими гигантами, какъ хлѣбные торговцы, державшіе въ рукахъ все хлѣбное дѣло въ Россіи. Цесаревичъ одобрилъ все представленіе комитета, и затѣмъ поставилъ вопросъ: какъ это сдѣлать?

Качаловъ прямо отвѣтилъ: прежде всего, надо соблюсти весь планъ дѣйствій въ строжайшей тайнѣ, дабы до закупокъ хлѣба никто изъ хлѣботорговцевъ не зналъ о

намѣреніи комитета покупать хлѣбъ, во-вторыхъ, надо все дѣло закупки хлѣба поручить одному лицу, опять-таки для того, чтобы не разгласить дѣло закупки, также и для того, чтобы единство мѣропріятій по этой трудной операціи могло помочь успѣху дѣла, и въ-третьихъ, надо немедленно-же просить у казны 1 милліонъ рублей, для закупки хлѣба на наличныя деньги, заимообразно, съ тѣмъ, чтобы послѣ операціи осенью этотъ милліонъ вернуть казнѣ...

Цесаревичъ поѣхалъ къ Государю и выпросилъ этотъ милліонъ, затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ Милютина и поручилъ ему заняться всѣмъ дѣломъ закупки хлѣба. Милютинъ на другой-же день выѣхалъ и сталъ появляться, какъ изъ земли выроставшая тѣнь колоссальнаго капиталиста, закупавшаго для себя всѣ имѣющіяся между Москвою и Петербургомъ партіи хлѣба. Тайна и быстрота операцій были до того строго соблюдены, что только тогда, когда главная часть партіи хлѣба была закуплена Милютинымъ, кулаки-хлѣботорговцы вдругъ узнали объ этихъ огромныхъ закупкахъ, чуть-ли не одновременно въ разныхъ мѣстахъ сдѣланныхъ.

Цесаревичъ не любилъ дѣлать свое дѣло кое-какъ или мѣшкая. Буквально въ его комитетѣ кипѣла работа и, комитетъ, благодаря не только сильной энергіи Цесаревича, но и его любви къ дѣлу, на него возложенному, творилъ буквально чудеса.

Но одновременно съ этимъ непосредственное завѣдываніе этимъ дѣломъ Цесаревичемъ было причиною послѣдняго часа, пробившаго для 7-лѣтней дѣятельности Валуева на должности министра внутреннихъ дѣлъ. Но надо сказать правду: Валуевъ ушелъ джентльменомъ. Какъ

только огласился фактъ учрежденія комитета подъ предсѣдательствомъ Цесаревича для пособія голодающимъ. Валуевъ сказалъ Государю, что видитъ въ этомъ событіи, совершившемся безъ его вѣдѣнія, прямое доказательство Государева къ нему недовѣрія и считаетъ своимъ долгомъ просить объ его увольненіи... Государь принялъ его прошеніе объ увольненіи, войдя въ трудное и щекотливое положеніе Валуева, и въ рескриптѣ на его имя выразилъ ему самыя лестныя вещи...

Для замѣщенія этой трудной и важной отвѣтственной должности выборъ палъ на генералъ-адъютанта Тимашева. Почему именно на него — никто не зналъ, но толки городскіе приписывали это назначеніе мысли графа Шувалова, назвавшаго, вѣроятно, Тимашева, какъ одного изъ своихъ.

Послѣдняя должность его была начальника штаба при шефѣ жандармовъ князѣ В. А. Долгоруковѣ. Во дни оны, при Императорѣ Николаѣ, была плеяда красивыхъ, ловкихъ въ танцахъ, элегантныхъ и не глупыхъ флигель-адъютантовъ. Таковы были: графъ Шуваловъ, Альбединскій и также Тимашевъ. Съ красивыми манерами, съ элегантною наружностью, съ умѣньемъ говорить остроумно и умно, Тимашевъ двигался и, достигъ, какъ его товарищи по плеядѣ, до генералъ-адъютантства и до репутаціи государственнаго человѣка. Съ большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, съ бойкимъ умомъ и съ умѣньемъ сказать мѣткое слово направо и налѣво, А. Е. Тимашевъ, не задумываясь, принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ нельзя храбрѣе, и ко дню своего торжественнаго входа въ министерство и шествія по его комнатамъ, принялъ физіономію серьезную, озабоченную и импозантную, такъ что мы, всѣ чиновники, подумали, что тихій зефиръ въ

лицѣ Валуева смѣнилъ грозный вѣтеръ въ лицѣ Тимашева.

Но вскорѣ мы увидѣли и поняли, что такъ какъ у Тимашева былъ одинъ изъянъ, незнаніе Россіи и, вообще, административнаго дѣла, то въ сущности ничего не измѣнилось. Тимашеву сразу понадобились люди, за него знающіе дѣло, и всѣ главныя дѣйствовавшія лица при Валуевѣ остались, болѣе чѣмъ когда-либо нужными, при Тимашевѣ.

Это невѣдѣніе своей области не помѣшало ему начать съ округленія своего министерства посредствомъ присоединенія къ нему почтъ и телеграфовъ. Одною изъ выгодъ этого была возможность бросить домъ министерства у Александринскаго театра и устроить себѣ прекрасное помѣщеніе въ почтовомъ зданіи на Большой Морской, тамъ, гдѣ когда-то останавливались мальпосты.

Послѣ министерства внутреннихъ дѣлъ очередь дошла и для министерства юстиціи. И въ день, когда узнали въ Петербургѣ о томъ, что выборъ новаго министра юстиціи, вмѣсто Замятина, палъ на графа Палена, бывшаго псковскимъ губернаторомъ, тогда всѣ поняли, какое сильное политическое вліяніе пріобрѣлъ П. А. Шуваловъ на своемъ посту шефа жандармовъ. Едва онъ успѣлъ подсказать выборъ генералъ-адъютанта Тимашева, какъ на постъ, столь важный въ то время, при началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, постъ министра юстиціи, онъ указалъ, отступая смѣло отъ всѣхъ традицій, въ лицѣ гр. Палена, во-первыхъ, молодого, а во-вторыхъ, совсѣмъ чужого вѣдомства человѣка.

Это назначеніе сопровождалось и удивленіемъ и комментаріями. Ихъ было не мало, но существеннѣйшимъ

изъ нихъ было предположеніе, что выборъ, по совѣту графа Шувалова, остзейца и лютеранина, какъ разъ въ это время, во главу министерства юстиціи долженъ былъ имѣть смыслъ реакціоннаго шага противъ излишка либерализма, введеннаго въ жизнь судебными уставами. Это былъ отголосокъ той минуты изумленія и досады, которую пережилъ Александръ II, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до этого Ему министръ юстиціи Замятинъ докладывалъ, послѣ неприличной рѣчи одного сенатора въ петербургскомъ земскомъ собраніи, что Онъ, Государь, *не имѣетъ права* безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должностей.

Но не это одно могло вызвать въ Государѣ намѣреніе реагировать противъ новыхъ судовъ. До Государя не могли не доходить наполнявшіе Петербургъ въ то время разсказы и легенды объ умышленно либеральномъ образѣ дѣйствій вновь учрежденныхъ мировыхъ судей, сразу поставившихъ себѣ ребяческую задачу обратить на себя вниманіе умышленнымъ проявленіемъ неуваженія къ лицамъ мало-мальски знатнымъ или имѣющимъ право на извѣстный почетъ и уваженіе. Ходили и разсказы о томъ, какъ мировые судьи, требуя къ себѣ въ камеры генераловъ, сановниковъ, позволяли себѣ ихъ заставлять сидѣть на скамьяхъ вмѣстѣ съ ихъ лакеями; о томъ, какъ они этимъ лакеямъ и дворникамъ говорили: господинъ, а князя называли просто по фамиліи, и тому подобные анекдоты. Что толки эти имѣли свое основаніе, я въ этомъ лично убѣдился, когда меня по иску моего слуги, съ котораго я удержалъ изъ жалованья 3 рубля за разбитую посуду, потребовалъ къ себѣ въ камеру знаменитый своею шумною игрою въ либерализмъ старикъ мировой судья Трофимовъ. Я вошелъ прямо съ улицы въ его камеру, гдѣ

сидѣли въ шубахъ простолюдины. Увидавъ меня, онъ мнѣ крикнулъ: снимите шубу.

— Здѣсь всѣ сидятъ въ шубахъ, — отвѣтилъ я, — и холодно.

— Если будете разсуждать, я васъ оштрафую...

Съ этого началось мое свиданіе съ любезнымъ старикомъ Трофимовымъ, про котораго говорили: онъ добрый старикъ, былъ всегда консерваторъ; а когда его избрали въ мировые судьи, онъ вдругъ помѣшался на томъ, что надо быть дерзкимъ и грубымъ относительно всякаго, похожаго съ вида на барина. Разумѣется, онъ меня присудилъ къ возврату 3 рублей и къ *судебнымъ издержкамъ*.

Какъ бы то ни было, но, какъ я сказалъ, забота графа Шувалова о томъ, чтобы на мѣсто министра юстиціи назначенъ былъ человѣкъ не изъ судебнаго вѣдомства, прямо свидѣтельствовало о недовѣріи своемъ къ этому новому вѣдомству, и объяснялось желаніемъ охладить либеральный пылъ этого вѣдомства.

Говорили въ гостиныхъ: недавній губернаторъ, имѣвшій уже возможность помять себѣ бока объ новую судебную монархію, и остзейскій ландлордъ, слѣдовательно консерваторъ,—что же можетъ быть лучше, какъ тормазъ для задора либеральнаго новаго судебнаго вѣдомства!

Въ этомъ году была парижская выставка. Государь съ Великими Князьями поѣхалъ въ Парижъ. Давнишнее желаніе Наполеона III увидѣть у себя гостемъ Русскаго Императора осуществлялось. Но отвѣтомъ на эту любезность Александра II былъ выстрѣлъ въ него, попавшій въ лошадь шталмейстера,—изъ пистолета въ Булонскомъ лѣсу, пущенный полякомъ Березовскимъ, и глупый и дерзкій возгласъ: Vive la Pologne! молодого адвоката Флоккэ

въ залѣ pas perdus, зданіи суда, когда Государь его осматривалъ.

Наполеонъ III, сидѣвшій рядомъ, во время покушенія, въ коляскѣ съ Государемъ, сконфуженно извинялся передъ своимъ Гостемъ, а Государь совершенно спокойно ему отвѣтилъ, что предвидѣть такихъ злоумышленниковъ столь же невозможно, какъ сумасшедшихъ людей.

Какъ бы въ согласіи съ этою мыслью, Государь, возвращаясь въ Россію, остановился въ Варшавѣ для торжественныхъ пріемовъ и для смотра войскамъ, и такую же остановку сдѣлалъ въ Вильнѣ, чтобы показать, что покушеніе Парижа Онъ считаетъ внѣ всякой связи съ польской народностью. Въ Петербургѣ Онъ былъ встрѣченъ изъявленіями самаго искренняго восторга.

Вѣсть о покушеніи на Государя я узналъ въ одномъ изъ селъ Владимірской губерніи. Съ весны я отправился въ командировку по разнымъ губерніямъ, начиная съ Тверской, для изслѣдованія крестьянскаго самоуправленія, но главнымъ образомъ для того, чтобы въ подробныхъ письмахъ знакомить Цесаревича съ тогдашнею жизнью внутри Россіи.

Въ то же время я писалъ большія письма, въ видѣ очерковъ, для «Русскаго Инвалида».

Жизнь тогда въ Россіи была дѣйствительно интересна, потому что въ ней было много новаго. Съ одной стороны, была земская суета, съ другой стороны—установляли свое царство новыя судебныя учрежденія. Отъ обѣихъ вѣяло либеральными теченіями, и странная вещь: вовсе не изъ предвзятыхъ идей противъ либерализма, а именно вслѣдствіе моихъ поѣздокъ по разнымъ уѣздамъ и губерніямъ Россіи у меня возстановились первыя, такъ сказать, зачатки недовѣрія къ либерализму, какъ убѣжде-

ніе. Оно бралось прямо изъ жизненныхъ фактовъ. Факты эти показывали, что тамъ, гдѣ земство занималось своими дѣлами серьезно и добросовѣстно, тамъ помину не было о либерализмѣ, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Тверской губерніи, главное въ земствѣ были либеральныя затѣи, тамъ собственно земское дѣло шло прескверно. Въ Новгородской губерніи, наоборотъ, гдѣ подъ энергичнымъ руководительствомъ предсѣдателя губернской управы Н. А. Качалова, земство работало какъ волъ, тамъ никто не говорилъ о либерализмѣ. Я писалъ тогда Цесаревичу, что земскій либерализмъ есть нѣчто несерьезное потому, что оно не только не производительно, но мѣшаетъ земству работать, а въ то же время смѣшное, потому что отъ самихъ земцевъ приходилось слышать, какъ они про себя говорятъ: что прикажете дѣлать, на верху, въ бель-этажѣ нашего дворянскаго дома, когда мы собираемся для дворянскаго дѣла, мы консерваторы,— внизу, когда мы собираемся для земскаго дѣла, мы либералы. Мало того, смѣшное въ этомъ земскомъ либерализмѣ доходило до того, что, какъ мнѣ сами говорили помѣщики, собираясь въ качествѣ гласныхъ въ земское собраніе, они стали избирать себѣ мировыхъ судей до того краснаго направленія, что потомъ, они же, какъ помѣщики болѣе всего отъ этихъ же мировыхъ судей страдали, благодаря ихъ мужиколюбію и дворянофобіи. Поприщъ для либерализма тогда было два: одно—сношенія съ губернаторомъ, съ которымъ непремѣнно земство должно было быть въ пикантеріяхъ, и въ постоянно враждебномъ настроеніи, и второе поприще—земскія школы, гдѣ и учителя и учебныя программы во многихъ уѣздахъ направляемы были въ духѣ прямо революціонномъ. Я присутствовалъ при зарожденіи знаменитыхъ системъ нагляд-

наго обученія въ самой грубой формѣ, которыми хотѣли тогдашніе земцы и тогдашніе педагоги ихъ выбора знакомить крестьянскихъ дѣтей съ анатоміею и физіологіею предпочтительно передъ закономъ Божіимъ, который въ иныхъ мѣстахъ прямо выгонялся изъ сельской земской школы... Все это оживляло пейзажъ провинціальной жизни, ибо сопровождалось все-таки борьбой двухъ элементовъ, консервативнаго и либеральнаго, хотя долженъ сказать, что почти вездѣ консервативный элементъ оказывался слабѣе либеральнаго.

Но было и другое оживленіе, здоровое и отрадное; въ знаменитомъ селѣ Ивановѣ, Владимірской губерніи, гдѣ я пробылъ около недѣли, и просто наслаждался зрѣлищемъ развитія фабричныхъ работъ и общеніемъ съ фабрикантами, въ числѣ послѣднихъ нашелъ, какъ, напримѣръ, въ братьяхъ Гарелиныхъ, въ тейковскомъ купцѣ Каретниковѣ,—почтенныхъ и симпатичныхъ людей, образованныхъ на столько, насколько этого требовало ихъ дѣло, и не промѣнявшихъ свои семейныя преданія на глупыя попытки дѣлаться европейцами. Но въ каждой фабрикѣ директоръ былъ англичанинъ, а главный художникъ изъ Эльзаса.

Во время моихъ поѣздокъ по Россіи въ это время мнѣ приходилось не разъ бывать въ Москвѣ и тамъ я имѣлъ случай сблизиться съ М. Н. Катковымъ.

Добираться до него было довольно трудно. Его жилище, столь извѣстное подъ именемъ Страстного бульвара, представляло что-то въ родѣ неприступной крѣпости, внутри которой, гдѣ-то, зарытый въ своихъ бумагахъ всѣхъ видовъ и закрытый для всѣхъ глазъ, сидѣлъ отшельникъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей» и велъ оживленную бесѣду съ шумѣвшимъ около него міромъ...

Съ параднаго подъѣзда, если позвонить и спросить Михаила Никифоровича, то выбѣгавшій лакей непремѣнно смотрѣлъ на посѣтителя съ удивленіемъ, говорившимъ вамъ: какъ тебѣ могла въ голову придти мысль звонить и спрашивать Михаила Никифоровича Каткова? И отвѣтъ: дома нѣтъ—былъ неизбѣженъ. На дворѣ, въ углу, почти спрятанная въ какой-то полвѣка неремонтированной стѣнѣ было отверстіе въ видѣ двери, изъ нея вы входили въ темную, узкую и совсѣмъ черную лѣстницу, и почти ощупью подчасъ, когда закоптѣвшая лампочка не давала почти свѣта, вы добирались до какой-то двери, на половину обитой лоскутами клеенки и на половину обнаженной, отворяли ее и входили въ какія-то полутемныя сѣни, гдѣ, въ невѣдѣніи—куда идти, приходилось выжидать, пока вслѣдъ за какою-либо юркою кошкою высунется откуда-то полусонный сторожъ и спроситъ: что вамъ угодно?

На вопросъ: дома-ли Михаилъ Никифоровичъ? онъ неизмѣнно отвѣчалъ: а не знаю! и, въ случаѣ настоянія съ вашей стороны, предлагалъ отправиться въ дверь направо. Тамъ вы входили въ то же никогда не ремонтировавшуюся комнату, съ столами и стульями, на которыхъ сидѣли два человѣка, изображавшіе собою контору редакціи; они были безмолвны и на вопросъ: какъ увидѣть издателя? — дѣлали жестъ по направленію слѣдующей двери, за порогомъ которой передъ вами являлась фигура великаго Воскобойникова, секретаря Каткова, и тогда уже рѣшался вопросъ: предстанете-ли вы или не предстанете передъ *нимъ самимъ*.

Такъ какъ онъ здѣсь назывался тремя буквами, составлявшими слово: «*онъ*», и произносившимися съ какимъ-то таинственнымъ и въ то же время священнымъ

благоговѣніемъ: *онъ* сказалъ, *онъ* пишетъ, *онъ* занятъ, *онъ* зоветъ и т. д., — говорилось въ конторѣ. И вотъ, Воскобойниковъ идетъ къ «*нему*», и черезъ нѣсколько минутъ вы узнаете, что васъ просятъ, или *его* дома нѣтъ.

Пройдя какой-то темный лабиринтъ, вы входили, наконецъ, въ кабинетъ Каткова. Прежде всего въ этомъ большомъ кабинетѣ вы замѣчали отсутствіе всякаго удобства, всякаго комфорта и всякой роскоши; въ немъ пахло книгами и газетами. У письменнаго стола, въ простомъ, старомъ суконномъ халатѣ, сидѣлъ Катковъ, съ гранками передъ нимъ на столѣ.

Пока живъ былъ его alter ego, Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, доступъ къ Каткову облегчался тѣмъ, что прямо можно было приходить къ Леонтьеву и онъ вводилъ васъ къ своему другу. Леонтьевъ казался любезнѣе Каткова, глядѣвшаго скорѣе угрюмо и застѣнчиво, чѣмъ любезно, но по мѣрѣ сближенія съ обоими я постигъ, что Леонтьевъ былъ любезенъ, но себѣ на умѣ, съ хитрецою и не искрененъ, а Катковъ казался не любезенъ, но былъ искрененъ.

Каткова я никогда не заставалъ спокойнымъ и апатичнымъ, но всегда подъ вліяніемъ какой-нибудь доминантной ноты и въ настроеніи увлеченномъ. Это была одна изъ его прелестей для собесѣдника: вы никогда не могли, сидя съ Катковымъ, быть въ положеніи ищущаго предмета разговора—живой интересъ бесѣды закипалъ въ мигъ, когда вы садились передъ нимъ. Предметъ данной минуты имъ овладѣвалъ вполнѣ и въ этомъ была сила и опять-таки прелесть его передовыхъ статей, гдѣ каждая была отраженіемъ всей имъ переживавшейся минуты и цѣлаго, такъ сказать, вдохновенія. Въ редакціи его было много чернильницъ и перьевъ, но былъ только одинъ

источникъ вдохновенія,—это Катковъ самъ, и было одно только перо,—это его перо.

Поздно вечеромъ къ нему приносились гранки завтрашняго номера «Московскихъ Вѣдомостей». И вотъ тутъ-то, глядя на то, что онъ съ ними дѣлалъ, я уразумѣлъ, что двухъ перьевъ въ радакціи не было. Онъ бралъ гранку, съ перомъ въ рукахъ пробѣгалъ и налету быстрыми движеніями или вычеркивалъ, или вставлялъ свои каракули (почеркъ у него былъ бѣдовый и этимъ я объяснялъ себѣ, почему наборщики его типографіи, въ школѣ его почерка, набирали мои каракули — еще хуже катковскихъ—съ легкостью изумительною), и нѣсколькихъ такихъ вставокъ было достаточно, чтобы дать статьѣ силу и колоритъ катковскаго пера. Свои собственныя статьи онъ то же подвергалъ неумолимой передѣлкѣ, что то же объясняло ихъ совершенство и ихъ силу.

Я часто слышалъ, что про Каткова говорили, что онъ былъ прежде либералъ, гегеліанецъ и поклонникъ англійскаго парламентаризма и, будто бы, измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ молодости. Достаточно было двухъ, трехъ часовъ бесѣды съ Катковымъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ могъ измѣнить свои убѣжденія, но *измѣнить имъ*, т. е. отступить отъ нихъ неискренно и неразубѣжденнымъ,—Катковъ не могъ.

Катковъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и фанатичныхъ обладателей умственной жизни, какихъ я встрѣчалъ на своемъ вѣку. Онъ обожалъ мысль въ себѣ и въ другихъ. Что удивительнаго, если молодой онъ своимъ чуткимъ и воспріимчивымъ умомъ принимался обожать какого-нибудь философа или какой-нибудь политическій строй, какъ политическій идеалъ; но въ день, когда онъ зашелъ въ свою келью редактора «Московскихъ Вѣдомо-

стей», Катковъ всѣмъ своимъ умомъ до такой степени почувствовалъ себя и созналъ себя не только въ Москвѣ, но и въ Россіи, что сразу воспріялъ всѣ политическіе идеалы ея жизни. Его къ тому пришпорило, такъ сказать, сумбурное въ своемъ глупомъ поклоненіи пошлому либерализму время, и, съ жаждою борьбы за порядокъ въ мысляхъ, онъ всего себя отдалъ на борьбу за порядокъ въ жизни.

Про Каткова говорили, что онъ былъ деспотъ мысли. Никогда я этого впечатлѣнія не имѣлъ. Напротивъ, я любилъ бесѣды съ Катковымъ потому, что рѣдко въ очень умномъ человѣкѣ встрѣчалъ такого воспріимчиваго, даже такого довѣрчиваго къ чужой мысли, къ чужому впечатлѣнію, какимъ былъ Катковъ: онъ не только слушалъ васъ,—что такъ рѣдко у насъ, — но онъ иногда увлекался вашими впечатлѣніями, его умъ работалъ надъ вашею мыслью, и никогда слово Каткова не могло бы имѣть той чарующей силы, какую оно имѣло, если бы его умъ не питался ежедневно мыслями и впечатлѣніями отъ жизни и отъ людей.

Какъ живой человѣкъ и какъ борецъ, Катковъ не могъ не быть и страстнымъ, и пристрастнымъ, и непокорнымъ, и нетерпѣливымъ, и рѣзкимъ, но развѣ все это могло не быть въ человѣкѣ, который, какъ Катковъ, все время жилъ умственною боевою жизнью, и способенъ былъ, не будь у него жены, забывать, что есть и домашній людской обиходъ и есть многосложный матеріальный міръ.

Два человѣка, похожихъ одинъ на другого въ этомъ отношеніи, запомнилъ я на своемъ вѣку: Тютчева и Каткова. Тютчевъ весь жилъ впечатлѣніями поэта и мечтателя. Катковъ весь жилъ умомъ. И тотъ и другой

были способны въ разныя минуты жизни забывать, что есть на свѣтѣ такія прозаическія вещи, какъ ѣда, сонъ.

Москва въ то время доживала послѣдніе дни своего барскаго вѣка. Еще оставалось нѣсколько барскихъ домовъ со стариками и со старухами. Еще мелькали типичные москвичи, но въ гостиныхъ Москвы говорили уже о старой Москвѣ, какъ о временахъ безслѣдно и давно минувшихъ. Изъ старыхъ домовъ оставались живыми: домъ старухи княгини Щербатовой, въ которомъ развился и окрѣпъ, тогда уже выступившій на арену публичной жизни, симпатичный боецъ, князь Александръ Алексѣевичъ Щербатовъ; домъ стариковъ князя Михаила и княгини Луизы Голицыныхъ, пользовавшійся благоговѣйнымъ уваженіемъ въ Москвѣ; домъ старыхъ дѣвицъ Мухановыхъ, гдѣ жизнь протекала между тремя сестрами въ какомъ-то свѣтломъ мирѣ, никогда не откликавшемся на бури людскія, шумѣвшія вокругъ, и гдѣ Богъ казался на дѣлѣ болѣе достойнымъ любви и почитанія, чѣмъ все, что въ суетѣ люди любили и чему въ суетѣ кланялись болѣе, чѣмъ Богу; стараго сенатора князя Трубецкаго, всегда любившаго говорить о временахъ, когда онъ былъ губернаторомъ; домъ старухи графини Анны Егоровны Толстой, славившейся въ Москвѣ безпредѣльною добротою къ горькимъ нуждамъ жизни; домъ старушки Сушковой, съ которою жила ея племянница фрейлина Екатерина Ѳедоровна Тютчева, дочь поэта, славившаяся своею духовною прелестью ума и сердца, благодаря которымъ гостиная Сушковой всегда была сосредоточіемъ всѣхъ корифеевъ ума въ Москвѣ, и еще нѣсколько домовъ. Въ этихъ домахъ сохранялся духъ московской старины, а духъ этотъ заключался въ гостепріимствѣ и въ благородной, полной уваженія къ своему достоинству самобытности,

отличавшейся отъ петербургскаго тѣмъ, что онъ не вѣдалъ ни низкопоклонства, ни куртизанства, хотя Царь и Дворъ въ этой старой боярской средѣ чтились, но чтились по-старому. Мнѣ припоминается того времени характерный разсказъ о томъ, какъ одинъ вельможа-старикъ при Николаѣ I принималъ приглашеніе ко Двору, и по немъ можно судить о характерѣ барства того времени. Фамиліи этого старика-вельможи я не помню, но помню, что когда Дворъ пребывалъ въ Москвѣ, то каждый почти вечеръ этого старика пріѣзжалъ звать на вечернее собраніе царскій скороходъ, и всякій разъ повторялась таже сцена. Старикъ, полуразбитый параличемъ, сидѣлъ въ своемъ креслѣ и курилъ трубку, окруженный своею семьею. Въ назначенномъ часу пріѣзжалъ посланецъ Царя, и его впускали къ старику-боярину. Тогда сыновья его приподнимали, и онъ выслушивалъ стоя приглашеніе Царя въ слѣдующихъ словахъ: Ихъ Императорскія Величества приглашаютъ ваше сіятельство пожаловать къ нимъ на чай въ вечернее собраніе. Выслушавъ приглашеніе, старикъ отвѣчалъ: доложите Ихъ Императорскимъ Величествамъ, что моя болѣзнь не позволяетъ мнѣ имѣть счастіе явиться на милостивый Ихъ зовъ. И всякій разъ эта сцена возобновлялась.

Изъ типовъ истыхъ москвичей pur sang запомнилъ я тогда извѣстнаго Свиньина, друга всѣхъ генералъ-губернаторовъ, своего рода мецената, одного изъ столповъ англійскаго клуба по кулинарной части, жившаго интересами коллекціонера и театрала; затѣмъ С. М. Сухотина, всегда милаго и утонченно любезнаго человѣка, наслаждавшагося жизнью въ видѣ положенія друга многихъ домовъ въ Москвѣ, гдѣ онъ обѣдалъ и проводилъ вечера, и между которыми онъ жилъ, дѣля свой день и свое

сердце и посвящая ихъ интересамъ свѣтской жизни каждой минуты.

Въ это же время въ Москвѣ начиналось блестящее цареніе въ генералъ-губернаторскомъ домѣ князя Владиміра Андреевича Долгорукова и война его съ однимъ изъ персонажей Москвы, оберъ-гофмейстеромъ княземъ Николаемъ Ивановичемъ Трубецкимъ. Война эта, не лишенная комизма, имѣла смыслъ рѣшенія вопроса: кто важнѣе въ Москвѣ, князь Долгоруковъ, или князь Трубецкой, изображавшій собою, несмотря на маленькій ростъ и свое прозваніе nain saune, всѣ величественныя преданія знаменитаго главаря Москвы, князя Сергія Михайловича Голицына, или, по крайней мѣрѣ, претензію на таковое изображеніе. Князь Долгоруковъ, съ своей стороны, изображалъ собою не одного только генералъ-губернатора, но и князя Долгорукова, богатаго, знатнаго и самобытнаго вельможу, оттого уступать ему своему сопернику не приходилось, и оттого всѣ усилія князя Трубецкого быть первымъ изъ двухъ оказались безуспѣшными.

Князь Николай Ивановичъ Трубецкой былъ очень типичный гранъ-сеньоръ. Его возвелъ въ этотъ рангъ князь Сергѣй Михайловичъ, у котораго онъ былъ въ послѣдніе годы его жизни помощникомъ. По смерти князя Голицына, на него были возложены всѣ обязанности и функціи князя Голицына какъ по опекунскому совѣту, такъ и по придворной части. Съ маленькою фигурою онъ придавалъ себѣ особенную важность, и жилъ въ почитаніи своего оффиціальнаго культа. Благотворительно воспитательная часть, перешедшая къ нему по наслѣдству отъ князя Голицына, его мало интересовала: къ ней, какъ ко всему серьезному, онъ относился довольно легко. За такое отношеніе слегка ему разъ даже досталось отъ

гнѣва Николая Павловича, какъ онъ самъ разсказывалъ о томъ не безъ комизма. Императоръ посѣтилъ воспитательный домъ въ Москвѣ. Князь Голицынъ былъ нездоровъ и не могъ сопутствовать Государю. Его замѣнялъ князь Трубецкой. Входитъ Государь въ одинъ изъ громадныхъ залъ дома, гдѣ у своихъ кроватей стояли выстроенными кормилицы. Ободренный тѣмъ, что Императоръ Николай былъ въ веселомъ расположеніи духа и при видѣ этихъ кормилицъ сказалъ: ай, да бабы!—князь Трубецкой осмѣлился добавить: совсѣмъ гвардейцы... Но едва онъ вымолвилъ эти слова, какъ вдругъ онъ видитъ, что голова Николая Павловича обернулась къ нему, изъ глазъ сверкнула молнія, и этотъ взглядъ сверху спустился до его маленькой фигуры, и голосъ Государя произнесъ одно слово: *что?*..—Никогда не забуду этого взгляда и этого тона,—говорилъ князь Трубецкой,—я почувствовалъ во всемъ своемъ существѣ такой страхъ, что подкосились ноги, почувствовалъ, что въ животѣ сдѣлалось что-то опасное, и, вѣроятно, такъ измѣнился въ лицѣ, что Императору стало меня жаль, и Онъ, вдругъ, улыбнувшись, сказалъ: помни, что сравненія бываютъ неудачны... Съ этой минуты,—прибавилъ князь,—я возненавидѣлъ моихъ кормилицъ... Зато въ культѣ тонкой кухни онъ былъ въ Москвѣ авторитетъ безъ соперниковъ, и его московскіе обѣды считались въ Москвѣ знаменитыми. Балетъ и тонкій обѣдъ были главными заботами этого маленькаго великаго человѣка. Я помню вдохновенное счастье, сіявшее на его лицѣ въ ту минуту, когда онъ говорилъ, что сдѣлалъ одно изъ величайшихъ открытій и одинъ изъ труднѣйшихъ *подвиговъ* въ кулинарномъ дѣлѣ, подавши ко Двору, на 20 персонъ, des oeufs brouilles aux truffes...

Какъ я сказалъ, хотя и соперникъ его, князь Долгоруковъ куда крупнѣе былъ князя Трубецкого... По всему, что я за годы управленія Москвою князя Долгорукова слышалъ и лично могъ наблюдать, онъ мнѣ представляется идеаломъ именно московскаго генералъ-губернатора... Необыкновенно пріятный и любезный въ обращеніи, на все глядя en grand и съ извѣстной грансеньерской высоты, проходя всегда мимо мелочей и дрязгъ людской жизни, ни передъ кѣмъ не заискивая и никого не признавая для себя слишкомъ мелкимъ, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ сумѣлъ дать своей личности и своему положенію престижъ, авторитетъ и обаяніе. Не взирая на преклонные годы, неутомимый, онъ бывалъ вездѣ, онъ во все входилъ, что могло интересовать Москву, а главное, одаренный большимъ тактомъ, онъ умѣлъ въ трудныхъ положеніяхъ—конфликтовъ ли съ думою, или студенческихъ безпорядковъ,—всегда выходить не только съ честью, но съ соблюденіемъ главнаго: достоинства правительственнаго авторитета... Его одинаково любили—высшее общество, именитое московское купечество и студенты университета, потому что вездѣ онъ проявлялъ и сердечное участіе къ людямъ, и полное хладнокровіе, и безупречный тактъ...

Я его помню разъ во время студенческихъ безпорядковъ. Едва ему объ нихъ донесли, какъ онъ велѣлъ закладывать карету, чтобы ѣхать на мѣсто безпорядковъ, въ университетъ... Его уговаривали не ѣхать, пугая его опасностями безпорядковъ... Выслушавъ предостереженія, онъ съ кроткою улыбкою отвѣтилъ: князь Долгоруковъ, московскій генералъ-губернаторъ, не можетъ никого и ничего бояться, и когда подали карету, сѣлъ и поѣхалъ одинъ въ университетъ.

Подмогою ему въ его вліяніи на молодежь служила и его доброта. Онъ ежедневно, такъ же тихо и просто, какъ дѣлалъ все, творилъ много добрыхъ дѣлъ, и кому могъ изъ молодыхъ людей помочь, помогалъ щедро и всегда съ сердечнымъ участіемъ.

Въ началѣ ноября семейное горе прервало мои путешествія по Россіи. Телеграмма изъ Парижа увѣдомила меня объ опасномъ состояніи моей матери и я немедленно туда поѣхалъ. Боже, что это за ужасная для души пытка, трое съ половиною сутокъ летѣть по желѣзной дорогѣ и ни на минуту не прекращать повторенія все одного и того же вопроса: поспѣю-ли? Въ особенности эта пытка была мучительна на нашей дорогѣ, гдѣ запаздываніе поѣзда происходитъ безъ всякой уважительной причины, и гдѣ мнѣ говорили, что въ эту пору года легко можетъ поѣздъ не поспѣть ко времени эйдкуненскаго поѣзда, и тогда еще на день отсрочивается пріѣздъ въ Парижъ. И въ правду, за часъ до Вержболова я увидѣлъ по часамъ, что мы почти на часъ опаздываемъ, и, я молилъ Бога тогда, чтобы въ теченіе этого часа не случилось что-нибудь съ поѣздомъ. Богъ сжалился и мы захватили эйдкуненскій поѣздъ.

Въ эту унылую и мрачную ноябрьскую погоду чего-чего съ самаго ранняго дѣтства не перевспоминалъ я о моей матери, сидя такъ одиноко посреди веселыхъ и равнодушныхъ въ вагонѣ. Какъ солнце, казалось мнѣ ея свѣтлое видѣніе на темномъ фонѣ моихъ думъ, и мракъ этотъ тѣснилъ мнѣ больно сердце, ибо въ немъ неумолимо говорило предчувствіе, что солнце это уходитъ и грѣть перестанетъ, и свѣтить перестанетъ. Таинство предчувствія ощущалось какъ-то сильнѣе. Мнѣ припомнился мой отъѣздъ весною изъ Петербурга и послѣдній

мой завтракъ въ квартирѣ моихъ родителей. Какъ послѣ завтрака я прощался съ ними, какъ отецъ и мать меня благословляли по обыкновенію, какъ я уходилъ изъ ихъ гостиной и ничего особеннаго не испытывалъ, и какъ я вышелъ на лѣстницу и вдругъ вижу, какъ моя мать выходитъ за мною на лѣстницу, чего раньше она никогда не дѣлала и, затѣмъ, идетъ по лѣстницѣ внизъ, провожая меня до подъѣзда, и какъ лицо ея выражало что-то грустное и въ то же время что-то особенно нѣжное, въ ея взорѣ я прочелъ какую-то потребность меня проводить, какъ никогда не провожала, и когда затѣмъ меня еще разъ обняла и увидѣлъ на лицѣ ея слезу, вдругъ въ душу запала такая небывалая по силѣ тоска, что, уѣзжая, я цѣлые дни находился подъ ея гнетомъ и мучился вопросомъ: что значило это прощаніе, что значили эти проводы?

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, опять въ вагонѣ одинъ, но уже не весною, а въ самую мрачную осень, — неотвязчиво врывался въ душу зловѣщій отвѣтъ на этотъ весенній вопросъ; вотъ что это значило, шептало мнѣ предчувствіе въ каждомъ звукѣ окружавшей меня жизни и я ѣхалъ и ѣхалъ по направленію къ Парижу какимъ-то отупѣвшимъ ко всему, кромѣ приговора для сердца, человѣкомъ. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Парижъ. Въ вокзалѣ встрѣтилъ меня старшій братъ. Въ его объятіяхъ я узналъ, что не опоздалъ. Тяжелъ былъ пріѣздъ въ маленькій отель Кэнтерберри на углу Rue de la Paix и Оперной площади, по контрасту между ураганомъ людской жизни и таинственною торжественною тишиною предсмертной скорби, которую я засталъ въ маленькой квартирѣ моихъ родителей. Узнаю, что недавно, за нѣсколько дней предъ симъ, моей матери вдругъ стало

какъ будто лучше, она повеселѣла, улыбнулась какъ будто жизни, но для того лишь, чтобы дать, такъ сказать, священному огню ея прекрасной жизни еще разъ воспламениться во всей красѣ и во всей силѣ ея христіанской вѣры: она пожелала исповѣдываться и причаститься святыхъ тайнъ. Прекрасный отецъ Прилежневъ ей преподалъ таинства, и теплыми словами поддержалъ ея воспрянувшій духъ на нѣсколько часовъ; а на другой день она какъ будто вся ушла въ сосредоточеніе смерти. Мучительно тихій день провелъ я по пріѣздѣ, между печальною тишиною въ нашей квартирѣ и шумомъ людскимъ на одномъ изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ Парижа. Ночью этотъ контрастъ какъ будто щемилъ еще сильнѣе. На другой день умиравшая пожелала всѣхъ насъ увидѣть, чтобы со всѣми проститься. Ликъ ея былъ спокоенъ, голосъ, какъ во всю ея жизнь, звучалъ твердостью убѣжденія и теплотою чувства. Взоръ ея былъ ясенъ, какъ отраженіе ея совѣсти и всей ея жизни. Впервые въ моей жизни мнѣ пришлось стоять у постели умирающаго, и при мысли, что этотъ первый умирающій была моя мать, легко понять, что душа переживала въ эти минуты. Ея слова ко мнѣ звучатъ 30 лѣтъ спустя, какъ живые въ устахъ: она меня просила сдѣлать мой характеръ мягче и быть къ людямъ привѣтливѣе, и затѣмъ старшему брату, сестрѣ моей и мнѣ поручила нашего отца. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ тихаго сосредоточенія, она заснула вѣчнымъ сномъ, и помню, ея послѣднее дыханіе смолкло въ тотъ мигъ, когда пронзительные крики раздавались на улицѣ Парижа.

Да, именно для нашей семьи солнце его зашло навсегда, и именно холодно стало, и именно темно стало. Въ ней угасла настоящая дочь Карамзина, огонь и свѣ-

точъ ума, любви къ Россіи, правда и благородство сразу потухли для насъ съ ея кончиною.

Слова, сказанныя ею въ смертный часъ мнѣ, я, разумѣется, воспринялъ въ душу, какъ святѣйшій изъ завѣтовъ. И если я вношу эти подробности въ свои воспоминанія, то дѣлаю это при мысли о тѣхъ изъ читателей моихъ, которыхъ эта интимная сторона человѣческой жизни можетъ интересовать какъ тема для размышленій, подчасъ полезныхъ и для его жизни. Блаженъ, кто въ жизни слышитъ предсмертные совѣты любимой имъ матери, ибо самое трудное изъ трудныхъ дѣлъ жизни, самоисправленіе, благодаря этимъ вѣчно громкимъ въ душѣ звукамъ становится легче... Да, они вѣчно громки въ душѣ моей эти слова и только имъ я обязанъ тѣмъ, что работалъ надъ своимъ характеромъ, сколько могъ, и если мало, быть можетъ, сдѣлалъ для его улучшенія, все же не далъ ни жизни, ни событіямъ и людямъ сдѣлать его хуже. И сколько разъ послѣ въ минуту, когда, подвластный своей природѣ, я собирался съ первыхъ ея размаховъ быть съ человѣкомъ непривѣтливымъ, вдругъ припоминался мнѣ предсмертный голосъ, полный любви и кротости моей матери, и я дѣлался привѣтливымъ. И эти отдѣльныя, разовыя усилія въ борьбѣ съ своею натурою не пропадаютъ безслѣдно,—вотъ то отрадное убѣжденіе, которое они мнѣ дали; они исподволь и незамѣтно улучшаютъ общій строй духовной личности, и фактъ, что предсмертный голосъ матери не далъ мнѣ стать характеромъ хуже,—что въ жизни такъ естественно, — и есть доказательство того общаго дѣйствія на духовный организмъ, который могутъ имѣть отдѣльныя и разовыя попытки къ самоисправленію.

Тѣло моей матери, положенное въ гробъ, было въ за-

крытомъ фургонѣ перевезено въ нашу церковь. Тяжела смерть въ гостиницѣ для близкихъ умершаго. Этотъ страхъ, чтобы она, пугая другихъ, не принесла убытокъ, эта необходимость молиться въ полголоса, эта поспѣшность увозить тѣло, эта враждебность всей окружающей васъ атмосферы къ таинству смерти, все это вмѣстѣ прибавляетъ къ печали много горькаго и тяжелаго...

Послѣ отпѣванія я повезъ гробъ на вокзалъ, и съ нимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Берлинѣ я былъ утѣшенъ найденнымъ въ посольствѣ письмомъ Цесаревича ко мнѣ, написаннымъ для того, чтобы высказать мнѣ свое сочувствіе по случаю постигшаго меня горя... Въ этомъ письмѣ я нашелъ столько душевнаго чувства, столько деликатности въ обращеніи съ этимъ чувствомъ, и такое отсутствіе *принятой фразы*, что съ одной стороны я понялъ, что молодая душа счастливаго Цесаревича уже глубоко познакомилась съ таинствомъ печали о смерти, а съ другой стороны, какъ будто развернулась новая складка въ его мірѣ чувствъ, на видъ казавшемся такъ часто скупымъ...

Въ моемъ первомъ предположеніи я не ошибся, ибо когда, по возвращеніи въ Петербургъ, я свидѣлся съ Цесаревичемъ, Онъ сказалъ мнѣ: Я узналъ въ Ниццѣ, какъ ужасна эта тоска послѣ смерти любимаго существа, которая вдругъ охватываетъ...

Два брата моей матери, Карамзины, и второй братъ мой, преображенецъ, и друзья и близкіе встрѣтили дорогой гробъ и проводили его до Невской лавры...

На другое утро состоялось погребеніе.

Старику князю Вяземскому, дядѣ моей матери, я передалъ, что, умирая, она послала ему и женѣ его прощальный привѣтъ.

— Да,—сказалъ старикъ,—это была женщина сердца и правды... достойная дочь своего великаго отца...

И у подножія безсмертнаго отца она слегла въ свою могилу.

VII.

(1867—1869 года).

Мои вечернія бесѣды.—Цесаревичъ въ Ниццѣ.—Выборъ гофмаршала Цесаревичемъ.—Моя поѣздка въ Сѣверо-Западный край съ порученіемъ Цесаревича.—Школьное дѣло.—П. Н. Батюшковъ.—Потаповскій coup d'état.

Въ эту зиму на 1868 годъ я предложилъ Цесаревичу устраивать въ его честь маленькія бесѣды за чашкою чая съ такими людьми, которые были Ему симпатичны, и между которыми живая бесѣда о вопросахъ русской жизни могла быть для Него занимательна. Цесаревичъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и аккуратно удостоивалъ эти скромныя собранія Своимъ присутствіемъ. Бесѣды за самоваромъ длились отъ девяти до двѣнадцати. Къ двѣнадцати подавался ужинъ. Затѣмъ, бесѣда продолжалась до двухъ часовъ, а иногда Цесаревичъ такъ увлекался разговорами, такъ заинтересовывался вопросами и спорами, что оставался и до 3 часовъ утра... Собесѣдниками бывали: К. П. Побѣдоносцевъ, князь С. В. Урусовъ, князь Дм. А. Оболенскій, князь В. А. Черкасскій, графъ А. К. Толстой, Н. А. Качаловъ, Галаганъ, Катковъ и Аксаковъ, когда они бывали въ Петербургѣ, и адъютанты Цесаревича. Изъ этого перечня именъ можно видѣть, что сходились тутъ умные люди разныхъ, такъ сказать, направленій, и именно это различіе во взглядахъ и придавало бесѣдамъ тотъ живой интересъ спора по вопро-

самъ, который такъ любилъ Цесаревичъ, любилъ, какъ Онъ говорилъ, по двумъ причинамъ: во-первымъ, потому, что Онъ наслаждался оживленіемъ рѣчи, и во-вторыхъ, потому, что Онъ, прислушиваясь къ этимъ спорамъ, съ своимъ здравымъ, простымъ и чуткимъ умомъ, составлялъ себѣ о вопросахъ мнѣніе, котораго ни въ дѣлахъ, ни въ книгахъ никакъ нельзя было бы найти...

Съ благоговѣйною памятью ко многимъ, уже давно уснувшимъ въ могилѣ изъ тогдашнихъ собесѣдниковъ, я невольно вспоминаю о томъ тактѣ, который царилъ на этихъ бесѣдахъ, и къ коему вдохновляли то обаяніе и та любовь, которыя къ себѣ внушала прелестная личность Цесаревича.

Во имя этого такта никогда вопросы не ставились на почву либеральнаго увлеченія, никогда никто не забывалъ, что присутствіе Цесаревича обязывало къ строгому уваженію высшаго правительства тамъ, гдѣ обсуждались мѣры его; всѣ имѣли въ Сынѣ Отца и Отца въ Сынѣ...

Но не взирая на то, мнѣ скоро пришлось убѣдиться съ грустью, что въ этомъ, какъ и во всемъ, находятся люди, заинтересованные портить подозрѣніями самое невинное и самое хорошее. Какъ-то разъ, при случайной встрѣчѣ со мною, графъ П. А. Шуваловъ, съ своею тонкою дипломатическою улыбкою спросилъ меня: не заходятъ ли подчасъ слишкомъ далеко нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ въ своихъ политическихъ сужденіяхъ?.. Я на это ему отвѣтилъ, что никогда, и въ этомъ отношеніи не боялся бы самыхъ чуткихъ ушей какого-угодно агента тайной полиціи. Нѣсколько времени спустя, одинъ очень близкій къ Государю человѣкъ говоритъ мнѣ, что Государю передавали, будто на моихъ вечернихъ бесѣ-

дахъ ведутся неправительственныя бесѣды; на мой вопросъ: неужели же Государь можетъ вѣрить такимъ заявленіямъ? Нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ этотъ человѣкъ,—но все-таки примите это къ свѣдѣнію...—А самое лучшее, знаете что,—говорю я ему, пріѣзжайте сами на такой вечеръ, послушайте, и затѣмъ передайте Государю ваше впечатлѣніе. Хорошо,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—и, дѣйствительно, онъ пріѣхалъ и пробылъ цѣлый вечеръ до 2½ часовъ.

Ну, что?—спросилъ я его.—Я скажу Государю,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—что испыталъ большое наслажденіе и революціонныхъ рѣчей не слыхалъ. Благодаря этому наши бесѣды перестали быть подозрительными.

Съ конца февраля мѣсяца по средину апрѣля я пробылъ съ отцомъ моимъ въ Ниццѣ, когда къ 12 апрѣля прибыли Цесаревичъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ для присутствованія при открытіи часовни на томъ мѣстѣ въ бывшей виллѣ Бермонъ, гдѣ скончался покойный Цесаревичъ. Мнѣ было поручено Цесаревичемъ приготовить ему помѣщеніе въ гостиницѣ, и вообще все, что до его пріѣзда въ Ниццу могло относиться, и уѣзжая, Цесаревичъ съ ласковою улыбкою сказалъ мнѣ, что остался своимъ походнымъ гофмаршаломъ вполнѣ доволенъ. Церемонія освященія была сдѣлана елико возможно торжественно, со всѣми военными мѣстными почестями. Въ Ниццѣ Цесаревичъ пробылъ около двухъ дней. Странное дѣйствіе производитъ Ницца. Графъ Перовскій, сопровождавшій Цесаревича, жаловался на полную безсонницу съ минуты, какъ онъ пріѣхалъ въ Ниццу, я-же съ утра до вечера испытывалъ небывалую сонливость.

Къ концу апрѣля я вернулся въ Петербургъ.

6-го мая у Цесаревича родился первый сынъ въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ.

Въ третьемъ часу дня я вошелъ въ его кабинетъ, ожидая его появленія съ понятнымъ волненіемъ. Дверь отворилась и онъ вошелъ, буквально сіявшій счастьемъ. Выразительнымъ въ своихъ чувствахъ онъ никогда не былъ, но на этотъ разъ счастье, такъ сказать, насильно вырывалось наружу, и не забуду того выраженія, того звучнаго сладостнаго тона, съ которымъ онъ сказалъ мнѣ: если бы вы могли понять мое счастье, вы бы, пожалуй, позавидовали мнѣ. Цесаревичъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ прогуляться въ Павловскъ... По обыкновенію, онъ сѣлъ на козлы въ свой англійскій экипажъ, чтобы править самому, а я сѣлъ рядомъ, и мы отправились въ Павловскъ... Павловскій паркъ былъ любимымъ мѣстомъ гулянья Цесаревича и его покойнаго Брата, съ самаго ранняго дѣтства...

Съ каждымъ уголкомъ, съ каждою аллеею было связано какое-нибудь дѣтское воспоминаніе.—День былъ прелестный, майское солнце грѣло весело и тепло, на душѣ счастливаго Отца было такъ легко, такъ весело, что мнѣ казалось, слушая его поэтическія воспоминанія, его привольныя изліянія молодой наслаждающейся души, что Его рѣчи сливались съ пѣніемъ обрадовавшихся веснѣ птичекъ въ одинъ аккордъ...

Это поэтично счастливое настроеніе духа у Цесаревича продолжалось все лѣто и переселилось въ Петергофъ, куда, послѣ поправленія Цесаревны, совершился переѣздъ въ іюлѣ...

Въ это время Цесаревичу понадобился гофмаршалъ для Его двора, взамѣнъ В. Д. Скарятина. Мысль Его тогда остановилась на генералъ-адъютантѣ Ахматовѣ,

бывшемъ извѣстное время оберъ-прокуроромъ святѣйшаго сунода, и къ которому Цесаревичъ сохранилъ симпатію.

Ахматовъ тогда жилъ въ своемъ имѣніи въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, и Цесаревичъ поручилъ мнѣ къ нему съѣздить въ деревню, чтобы отвести ему его письмо съ предложеніемъ. Я поѣхалъ съ предчувствіемъ неудачи, такъ какъ зналъ о болѣзненномъ состояніи Ахматова. Пріѣхавши къ нему въ деревню, увы, я убѣдился, что дѣйствительность хуже того, что я ожидалъ, ибо я засталъ бѣднаго Ахматова въ очень тяжеломъ періодѣ чахотки, при которомъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи даже о передвиженіи его куда бы то ни было. Пришлось съ этимъ печальнымъ non possumus вернуться, и тогда выборъ Цесаревича остановился на Василіи Васильевичѣ Зиновьевѣ, который въ этой должности оставался до своей смерти...

Кстати о Зиновьевѣ. Въ 1868 году кончилъ свою блестящую и поистинѣ чудотворную дѣятельность комитетъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ братьевъ Зиновьевыхъ, Николая Васильевича. Когда кончалъ комитетъ свое дѣло,—громадное и святое,—тогда Цесаревичъ поручилъ Н. В. Зиновьеву составить всеподданнѣйшій докладъ о награжденіи всѣхъ членовъ комитета достойнымъ образомъ, причемъ прямо сказалъ, чтобы награды были даны по заслугамъ, а не по порядку, какъ очередныя награды, такъ какъ заслуги главнѣйшихъ дѣятелей онъ признавалъ выходившими изъ ряда. Н. В. Зиновьевъ поступилъ такъ, какъ ему приказалъ Цесаревичъ, и тогда, по желанію Цесаревича, препроводилъ докладъ о наградахъ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву для доклада Государю. Тимашевъ желалъ показать себя въ этомъ

дѣлѣ, и, вмѣсто доклада, представилъ Государю, что такъ какъ всѣ, испрашиваемыя Цесаревичемъ награды совсѣмъ выходили изъ ряда обыкновенныхъ, то не слѣдуетъ ли весь этотъ докладъ передать въ комитетъ министровъ для соглашенія его съ существующими о наградахъ правилами. На это послѣдовало Высочайшее согласіе. Цесаревичъ глубоко оскорбился такимъ болѣе чѣмъ страннымъ поступкомъ Тимашева, и приказалъ Зиновьеву потребовать представленіе о наградахъ назадъ, сказавши, что если такъ, то онъ отказывается отъ представленія къ наградамъ своихъ сотрудниковъ. Такъ дѣло и остановилось. Но, не за долго до 30 августа, Н. В. Зиновьевъ поѣхалъ къ Государю въ Царское Село, и, разсказавъ Ему все дѣло и насколько Цесаревичъ былъ оскорбленъ судьбою своего доклада, просилъ Государя утвердить первоначальный докладъ, что Государь немедленно и сдѣлалъ.

Въ Вильну послѣ преемниковъ графа Муравьева столь серьезныхъ, какъ были генералы Кауфманъ и графъ Барановъ, выборъ на должность генералъ-губернатора палъ на генералъ-адъютанта Потапова...

Потапова по семейнымъ отношеніямъ къ Оболенскимъ я зналъ чуть ли не съ дѣтства, и всегда помнилъ его въ видѣ очень маленькаго человѣчка, который изъ кожи лѣзъ, чтобы восполнить свой недостаточный ростъ избыткомъ важности для своей внѣшней фигуры; онъ до страсти любилъ, какъ говорятъ нѣмцы, sich wichtig zu machen, и нерѣдко потому казался смѣшнымъ. Вотъ почему, когда началось видимое повышеніе Потапова, въ должности петербургскаго оберъ-полиціймейстера, потомъ помощника шефа жандармовъ, и затѣмъ наказнаго атамана Войска Донского, и генералъ-губернатора въ Западномъ краѣ, казалось непостижимымъ: какая-де такая

особенно счастливая звѣзда ведетъ такъ быстро этого маленькаго человѣчка въ великіе люди...

Когда его назначили въ Вильну, Потаповъ какъ будто возымѣлъ мысль ѣхать туда для свершенія какой то особенной русской православной миссіи.

Я упоминаю объ этомъ потому, что никогда на своемъ вѣку не приходилось слышать о такой противоположности между тѣмъ, что человѣкъ собирается сдѣлать, и тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, какъ въ томъ, что случилось съ Потаповымъ...

Слушая его до отъѣзда въ Вильну, можно было предвидѣть, что никогда русскому дѣлу не будетъ такъ хорошо въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ съ минуты пріѣзда Потапова въ этотъ край... Изъ устъ его текли медовыя рѣчи... Но мало этого: онъ поспѣшилъ нѣкоторыми личными выборами главныхъ должностныхъ лицъ показать, что его слова не расходятся съ дѣломъ. Къ такимъ назначеніямъ слѣдуетъ отнести назначеніе Помпея Николаевича Батюшкова, извѣстнаго ревнителя православія и русской церковной старины, въ попечители виленскаго учебнаго округа, а затѣмъ предложеніе, сдѣланное вице-адмиралу Шестакову, имѣвшему репутацію энергичнаго и умнаго русскаго человѣка, принять постъ виленскаго губернатора. Шестаковъ принялъ этотъ постъ.

Кстати здѣсь сказать, что Шестаковъ, одна изъ свѣтлыхъ личностей нашего флота, былъ не единственный опытный и способный морякъ, котораго новыя вѣянія во флотѣ, преимущественно тѣ, которыя собою олицетворилъ Краббе, человѣкъ не глупый и даровитый, но совсѣмъ чужой семьѣ нашихъ моряковъ разлучили съ флотомъ. Изъ флота ушелъ въ губернаторы тоже изъ

лучшихъ моряковъ адмиралъ Унковскій, какъ ушелъ и адмиралъ Лихачевъ.

Нужда въ дѣлѣ побудила Шестакова идти, подобно Унковскому, въ губернаторы.

Но увы, не долго длились розовыя надежды, возложенныя на Потапова русскими людьми, и золотыя мечтанія, съ которыми такіе доблестные люди, какъ Батюшковъ и Шестаковъ, взялись за свое дѣло.

Очень скоро оказалось, что Потапову нужно было произвести извѣстное впечатлѣніе выборомъ такихъ лицъ, какъ Батюшковъ и Шестаковъ, и что на дѣлѣ они ему вовсе не были нужны, какъ самостоятельные дѣятели.

Мелочность Потаповской личности стала сказываться съ самаго начала. Едва только заговорили въ краѣ о дѣятельности новаго виленскаго губернатора, и о томъ, какъ сразу полюбили въ виленскомъ учебномъ округѣ новаго попечителя, Потаповъ сталъ хмуриться, въ немъ заговорила мелочная зависть, и онъ сталъ испытывать уколъ своему самолюбію во всемъ, что было знакомъ сочувствія къ его сотрудникамъ. Рядомъ съ этимъ явилось вліяніе на Потапова прекраснаго пола польскихъ красавицъ, и само собою разумѣется, что въ этой средѣ, гдѣ съ успѣхомъ прелести польки соединяется и умъ поляка, не мало было охотниковъ эксплуатировать эту ревность по власти Потапова относительно своихъ сослуживцевъ, возбуждая разными сплетнями недовѣріе и подозрительность къ нимъ Потапова.

А между тѣмъ, дѣло народной школы въ Вильнѣ, начатое и поставленное И. П. Корниловымъ прекрасно, шло столь же прекрасно при Батюшковѣ. Я получилъ возможность въ этомъ лично убѣдиться. Батюшковъ меня

пригласилъ къ себѣ въ округъ взглянуть на школы. Когда о моей поѣздкѣ узналъ Цесаревичъ, очень любившій и уважавшій Батюшкова, онъ пожелалъ дать ему доказательство своего сочувствія, и поручилъ мнѣ отвезти въ молодечанскую учительскую семинарію отъ себя и отъ цесаревны большую икону, съ изображеніемъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Кромѣ того, онъ послалъ туда же портреты Цесаревны и свой. На своемъ портретѣ онъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «учитесь и учите въ духѣ любви къ нашей православной вѣрѣ, къ нашему возлюбленному Царю, и дорогой нашей Руси»; затѣмъ, допущенный передъ отъѣздомъ къ аудіенціи у Императрицы, я попросилъ у Нея позволенія раздавать отъ Ея Имени маленькія фотографическія карточки Государя и Ея лучшимъ ученикамъ народныхъ школъ. Императрица съ удовольствіемъ на это изъявила Свое согласіе. Я очень далекъ былъ тогда отъ мысли, что столь отрадное для дѣла народной школы въ Западномъ краѣ проявленіе къ нему участія свыше—превратится потомъ въ цѣлую бурю политическихъ инцидентовъ, благодаря Потапову и его духовнымъ свойствамъ.

Впрочемъ, по гримасѣ, которую я встрѣтилъ на лицѣ Потапова, бывшаго тогда въ Петербургѣ, когда я передъ отъѣздомъ пріѣзжалъ къ нему, по долгу оффиціальной вѣжливости, и передалъ ему о драгоцѣнныхъ знакахъ Царскаго вниманія, которые везу съ собою, я могъ догадаться, что въ Потаповѣ найду недоброжелателя. Эта гримаса усилилась, когда на милостивое приглашеніе Потапова остановиться въ Вильнѣ у него въ замкѣ, я отвѣтилъ благодарностью и сказалъ, что остановлюсь у Батюшковыхъ, такъ какъ они мнѣ предложили свое гостепріимство.

Поѣздка эта была преисполнена самыхъ отрадныхъ впечатлѣній. Въ Молодечнѣ, въ ста съ лишнимъ верстахъ отъ Вильны, мы застали дѣйствительно прекрасный разсадникъ молодыхъ народныхъ учителей изъ мѣстныхъ крестьянъ, то-есть изъ лучшихъ учениковъ мѣстныхъ школъ, съ глубоко симпатичными личностями учебнаго персонала, начиная съ директора и кончая священникомъ. Я здѣсь впервые понялъ на дѣлѣ, что значитъ духовное или умственное развитіе, чудесно совершаемое такою школою—гдѣ церковь, наука и любовь къ ученикамъ соединяются въ одно цѣлое воспитательное образованіе. Я здѣсь впервые постигъ, какая бездна отдѣляетъ развитіе въ смыслѣ нашей интеллигенціи, сухое, безсердечное, холодное и мертвое отъ этого теплаго, живого и именно развивающаго всю духовную личность ученика развитія. Веселые, открытые взгляды, откровенность и прямота, честность въ духовномъ настроеніи и благородная свобода въ проявленіяхъ своей личности — вотъ тѣ черты, которыя меня здѣсь столь пріятно поразили и повтореніе коихъ я нашелъ въ каждой видѣнной мною здѣсь народной школѣ.

Затѣмъ, столь же сильны и пріятны были воспоминанія отъ дружнаго единенія, связывавшаго весь педагогическій персоналъ округа въ одну семью, жившую однимъ и тѣмъ же убѣжденіемъ, однимъ и тѣмъ же чувствомъ и, слѣдовательно, однѣми цѣлями, однѣми заботами и однѣми радостями. Округъ изображалъ собою кишащій жизнью улей, гдѣ все работало не казенною, а душевною работою. Нужно ли говорить, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ были приняты дары Цесаревича и Его Супруги въ молодечанской семинаріи, и съ какимъ чувствомъ безпредѣльной радости лучшія крестьянскія дѣти въ шко-

лахъ принимали даренные имъ царскіе портреты и, принявши, ихъ цѣловали.

Но по пріѣздѣ въ Петербургъ пришлось, какъ отъ волшебнаго сна, вернуться къ печальной дѣйствительности. Оказалось, что Потаповъ, вѣрный своимъ маленькимъ чувствамъ зависти и самолюбія, вознегодовалъ и на то, что Батюшкову оказано было Цесаревичемъ такое сочувственное вниманіе, и на меня за то, что я съ своею частною поѣздкою дерзнулъ соединить такія проявленія Царской милости къ народной школѣ въ Западномъ краѣ, и онъ отправился жаловаться Государю, съ одной стороны, на то, что Батюшковъ является проводникомъ какой то русско-мужицкой политики въ Западномъ краѣ народныхъ школъ, а съ другой стороны—на меня за то, что, дескать, царскіе портреты, которые даются самымъ высшимъ сановникамъ, какъ высшій знакъ милости, я позволяю себѣ раздавать какимъ то босоногимъ крестьянскимъ мальчишкамъ. Разумѣется, буря эта ничѣмъ не кончилась, но она была началомъ войны между Потаповымъ и Батюшковымъ, и разъ навсегда устранила возможность повторенія такой драгоцѣнной для народной школы Царской милости, какъ раздача царскихъ портретовъ лучшимъ ученикамъ.

Іезуитскія толкованія Потапова возымѣли свое дѣйствіе.

Въ первой половинѣ 1869 года разыгрался потаповскій coup d'état въ Вильнѣ, надѣлавшій въ Петербургѣ много шуму, и окончившійся, противно всѣмъ ожиданіямъ. торжествомъ Потапова.

Скандалъ этотъ былъ вызванъ знаменитыми потаповскими *циркулярами*. Циркуляры эти были ni plus, ni moins, какъ замѣчательныя по дерзости своей попытки Пота-

пова—все шестилѣтнее дѣло его предшественниковъ на почвѣ крестьянскаго вопроса и урегулированія отношеній къ нимъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ — свести на нѣтъ. Для этого Потаповъ издалъ циркуляры, въ силу которыхъ онъ требовалъ отъ губернаторовъ Западнаго края пріостановить повсемѣстно дѣло выкупныхъ операцій, съ цѣлью, какъ онъ, впрочемъ, самъ того не скрывалъ, выговорить панамъ-помѣщикамъ болѣе выгодныя условія противъ тѣхъ, которыя положены были въ основу прежними генералъ-губернаторами.

Получивши эти циркуляры, виленскій губернаторъ Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Шестаковъ отказался ихъ принять къ исполненію, и сообщилъ о томъ Потапову. Потаповъ отвѣтилъ на такое представленіе Шестакова категоричнымъ подтвержденіемъ. Шестаковъ тогда сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ. Тогда поединокъ перенесся въ Петербургъ, куда прибыли Потаповъ и Шестаковъ. И вотъ, тогда-то случилось то, что всѣхъ въ то время и удивило и смутило. Главный крестьянскій комитетъ, согласно *представленію* Шестакова, положилъ свое veto на потаповскіе циркуляры, которые были признаны не законными и non avenues, Потаповъ оказался кругомъ виноватымъ, а слетѣлъ съ своего мѣста Шестаковъ. Мало этого, въ безсиліи бороться съ навѣтами, на него взведенными Государю Потаповымъ, ко всеобщему смущенію честныхъ людей, Шестакову пришлось дать собою небывалое зрѣлище—свиты Государя контръ-адмирала, выходящаго въ отставку и надѣвающаго штатское платье... Тогда торжествующій Потаповъ, чтобы дать своей побѣдѣ еще болѣе полноты и еще болѣе блеску, добился того, чтобы вынудить и Батюшкова, ставшаго ему своею честностью и стойкостью ненавистнымъ, просить объ уволь-

неніи отъ должности попечителя учебнаго округа. Но и этого оказалось мало для удовлетворенія тщеславія и жалкаго самолюбія этого злого генія Западнаго края. Вернувшись тріумфаторомъ въ Вильну, онъ предпринялъ цѣлую razzia противъ мировыхъ посредниковъ, будто бы виновныхъ въ томъ, что слишкомъ проникнуты были Муравьевскимъ духомъ, и по щучьему велѣнію Потаповскихъ креатуръ край сталъ наводняться такими мировыми посредниками, которые въ угоду Потапову поспѣшили доказать свое усердіе топтать въ грязь знамя русскаго человѣка...

Не могу при этомъ, для характеристики эпохи, не вспомнить, какимъ глубокимъ огорченіемъ отозвалось въ сердцѣ Цесаревича это печальное политическое событіе. Оставаться простымъ зрителемъ этого эпизода не позволяли ему ни его русское сердце, ни его личныя чувства уваженія къ Батюшкову и къ Шестакову, ни его благородный правдолюбивый характеръ, и Онъ явился защитникомъ обоихъ передъ лицомъ своего Родителя-Государя, но защитники Потапова оказались сильнѣе, сильнѣе тѣмъ, что они не отступили передъ клеветою, а на такой почвѣ Цесаревичу бороться съ сторонниками Потапова не приходилось, и русское дѣло въ Западномъ краѣ въ торжествѣ Потапова получило ударъ, отъ котораго оно, въ сущности, не оправилось доселѣ.

Это былъ самый мрачный моментъ въ исторіи Западнаго края. Съ одной стороны, весь край зналъ, откуда, изъ какихъ виленскихъ салоновъ и изъ какихъ сѣтей исходила политика русскаго генералъ-губернатора, политика, направленная противъ всего, что носило характеръ муравьевской эпохи, а съ другой стороны, какъ я сказалъ выше, край сталъ наполняться русскими людьми

такого подбора, которые, кромѣ того, что срамили русское имя, являлись всюду русскими представителями какого-то разстлѣвающаго пресмыканія передъ капризами виленскаго деспота, и уничтожали почву, на которой съ 1863 года работали генералъ-губернаторы для умиротворенія и упорядоченія края. Лозунгомъ въ краѣ было равнодушіе къ русской политикѣ, и русскій, произносившій имя Муравьева съ уваженіемъ, былъ признаваемъ вреднѣе и неблагонадежнѣе поляка, произносившаго съ восторгомъ имя Огрицко или Сѣраковскаго.

Здѣсь долженъ съ грустнымъ упрекомъ остановиться на фигурѣ тогдашняго всемогущаго историческаго дѣятеля, шефа-жандармовъ, графа Шувалова.

Прекрасную роль могъ-бы въ потаповскомъ эпизодѣ сыграть графъ Шуваловъ, роль безпристрастную и спокойно-безличную, которая, несомнѣнно, привела бы его совѣтовать Государю большую осторожность въ довѣріи къ Потапову, но, къ сожалѣнію, роль, сыгранная гр. Шуваловымъ въ этомъ вопросѣ, оказалась совсѣмъ противоположною. Онъ руководствовался только симпатіями товарища къ Потапову и отчасти никогда не смолкавшими въ немъ симпатіями польскими и, насколько могъ, помогъ потаповской побѣдѣ.

VIII.

(1869—1870 годъ).

Столѣтіе Георгіевскаго праздника.—Берлинскія симпатіи.—Наша дипломатія.—Европа до войны 1870 года.—Новое назначеніе министра путей сообщенія.—Характеристика времени около графа Бобринскаго.—Проснувшаяся комиссія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Провалъ тимашевскаго проекта.—Его квіетизмъ. — Иной характеръ пріемовъ и отношеній къ дѣлу у гр. Д. А. Толстого.

Въ концѣ 1869 года имѣло мѣсто военно-патріотическое торжество, которое тоже явилось поводомъ задѣть за живо русскія чувства. Торжество это было празднованіе столѣтія Георгіевскаго ордена 26 ноября. Нечего и говорить, какъ патріотично и благородно были настроены въ этотъ день всѣ наполнявшіе залы Зимняго Дворца русскіе люди, во главѣ которыхъ самое почетное мѣсто занимало множество съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи кавалеровъ Георгія, героевъ этого дня. Фактъ, что Государь, какъ гросмейстеръ Георгіевскаго ордена, надѣлъ на себя Георгіевскую ленту, — всѣмъ пришелся по душѣ... Передъ нами явились давно забытые образы славныхъ севастопольцевъ, давшихъ празднику, такъ сказать, колоритъ и отпечатокъ героической святости. Словомъ, всѣ были прекрасно и высоко настроены, какъ вдругъ разнеслось извѣстіе, что старикъ Вильгельмъ, король прусскій, пожалованъ въ георгіевскіе кавалеры 1-й степени... Одинъ кавалеръ Русскаго Георгія 1-й степени на землѣ—

прусскій король! Больно и обидно стало за Суворовыхъ, Потемкиныхъ, Кутузовыхъ, носившихъ эту славную ленту!

Впечатлѣніе это нашло для себя подготовленную почву, ибо послѣднія пять лѣтъ нашей иностранной политики,— всецѣло посвященной культу Пруссіи, старика Вильгельма и Бисмарка, находили мало симпатій въ русскомъ обществѣ, въ особенности съ той поры, когда Берлинъ сталъ отъ насъ требовать чуть ли не одобренія возмутительныхъ дѣйствій насилія и захвата, предпринятыхъ Бисмаркомъ въ Даніи и затѣмъ войны Пруссіи съ Австріею. Всѣ помнили, какъ на лондонской конференціи изъ-за голштинскаго вопроса нашъ посолъ Бруновъ безсильно протестовалъ противъ вопіющаго цинизма Бисмарковскихъ вызововъ; всѣ помнили, какъ двѣ арміи, прусская и австрійская, ворвались въ Данію и праздновали свою побѣду надъ *грознымъ* и *сильнымъ* противникомъ, и какъ Россія на все это смотрѣла глазами нейтралитета; наконецъ, всѣ помнили, какъ послѣ Кенигсреца Россія потребовала конгрессъ для разрѣшенія австро-прусскаго и итальянскаго недоразумѣнія, и какъ въ отвѣтъ на это Бисмаркъ позволилъ себѣ не только отклонить конгрессъ, но даже высказать по адресу Россіи дерзкія угрозы, и вотъ когда 26 ноября Вильгельму послѣ всего, что помнили, данъ былъ Георгіевскій орденъ первой степени, естественно, всѣ съ грустью въ сердцѣ восприняли это извѣстіе, всѣ поняли, также, что дерзкій отказъ Пруссіи созвать конгрессъ послѣ Кенигсреца великодушно прощался. Двѣнадцать лѣтъ спустя Бисмаркъ потребовалъ Россію на конгрессъ въ Берлинъ...

Немедленно это событіе было оглашено въ печати появленіемъ въ ней текста телеграммъ, именно по слу-

чаю Георгіевскаго праздника обмѣнивались оба монарха Были двѣ телеграммы: отъ Вильгельма и одна отъ нашего Государя.

Первая телеграмма отъ Вильгельма была слѣдующая:

«Приношу Вамъ мое поздравленіе съ сегодняшнимъ прекраснымъ праздникомъ, за которымъ я слѣжу мысленно, съ часу на часъ. Полковникъ Вердеръ только-что сообщилъ мнѣ о великой чести, коей Вы его удостоили, и я благодарю Васъ за это изъ глубины сердечной».

Затѣмъ, послѣдовала телеграмма Государя къ Вильгельму:

«Благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское письмо ваше, присланное съ Альбрехтомъ (принцъ Альбрехтъ прибылъ на Георгіевскій праздникъ), и въ минуту отправленія на военное торжество позвольте предложить вамъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ св. Георгія первую степень этого ордена, принадлежащую вамъ по праву. Мы всѣ будемъ гордиться, видя васъ украшеннымъ ею. Желаю, чтобы вы усмотрѣли въ ней новое доказательство соединяющей насъ дружбы, зиждущейся на воспоминаніяхъ вѣчно памятной эпохи, когда обѣ наши арміи сражались за святое дѣло. Я позволилъ Себѣ дать крестъ четвертой степени вашему адъютанту Вердеру».

На это Вильгельмъ отвѣчаетъ:

«Глубоко тронутый, со слезами на глазахъ, обнимаю васъ, благодарю за честь, на которую не смѣлъ разсчитывать, но вдвойнѣ осчастливленъ я способомъ, коимъ вы мнѣ объ ней сообщаете. Безъ сомнѣнія, я вижу въ ней новое доказельство нашей дружбы и память о великой эпохѣ, когда наши обѣ арміи сражались за одно святое дѣло. Во имя этой самой дружбы и того же вос-

поминанія осмѣливаюсь просить васъ принять мой орденъ pour le mérite. Армія моя будетъ гордиться, видя васъ носящимъ этотъ орденъ. Да хранитъ васъ Богъ»...

Телеграммы эти читались въ гостинныхъ петербургскаго свѣта, и коментировались на всѣ лады. Все, что жужжале около Горчакова, находило эти изліянія трогательными и умилялось; нѣмцы и ихъ единомышленники видѣли въ этомъ новый знакъ торжества Берлина, и только неоффиціальные русскіе, высказывали свои размышленія въ видѣ aparte, не ладившаго съ оффиціальнымъ настроеніемъ минуты. Въ своей телеграммѣ Государь первый заговорилъ о воспоминаніяхъ 1812 года и нашего братства по оружію. Но какое же это было братство, когда уничтоженная до основанія Пруссія и король безъ государства были возвращены къ жизни только заступничествомъ у Наполеона Русскаго Императора, и немедленно послѣ этого Пруссія одновременно вела двойные переговоры съ Франціею, измѣняя Россіи, и такіе же переговоры вела съ Россіею, измѣняя Франціи? И вотъ, пятьдесятъ лѣтъ спустя, та же Пруссія, благодаря исключительно Россіи, получаетъ возможность уже сдѣлаться самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ, подъ ея главенствомъ объединяется Германія въ одну вооруженную силу, и не задолго до обмѣна этими телеграммами, въ благодарность Россіи за все, что она сдѣлала для Пруссіи, Бисмаркъ, какъ я говорилъ выше, двукратно самымъ дерзкимъ образомъ объявляетъ Россію *лишенною права* вмѣшиваться въ политику захватовъ и военныхъ насилій, осуществляемую Бисмаркомъ, кончившуюся передѣлкою европейской карты по приказу и по капризу одного Бисмарка. При этихъ условіяхъ легко понять, какою злою ироніею отзывались въ мысляхъ русскихъ лю-

дей тѣ изліянія дружбы и братства, которыми такъ щедро надѣлялъ притворно добродушный старикъ Вильгельмъ своего благодѣтеля Русскаго Монарха. Въ этомъ отношеніи роль иностранной политики Россіи совсѣмъ была непостижима. Въ 1807 году, когда Наполеонъ рѣшаетъ уничтожить прусское королевство, какіе русскіе интересы могли побудить Александра I уступками насчетъ Россіи спасать прусскаго короля,—никто понять не могъ. Еще менѣе кто-либо могъ понять, какіе интересы русскіе могли побудить 8 лѣтъ спустя на вѣнскомъ конгрессѣ весь свой авторитетъ и весь свой престижъ употребить только на усиленіе маленькой Пруссіи. Въ 1848 году для всѣхъ осталось тайною, какіе русскіе интересы могли побудить Николая спасать Пруссію отъ революціи. Наконецъ, теперь, въ шестидесятыхъ годахъ, какъ могъ русскій умъ понять свое согласіе на ограбленіе Даніи въ пользу Германіи, и на пражскій трактатъ послѣ пораженія Австріи,—превратившій Пруссію въ громадную Германію! Вѣдь, послѣдуй только въ 1864 году одинъ энергичный протестъ Россіи противъ Бисмарка, и Бисмаркъ никогда бы не посмѣлъ тогда идти на датскій разбой.

Въ протестахъ, кстати здѣсь вспомнить, со стороны русской дипломатіи недостатка за это время не было, но одного въ нихъ недоставало,—того именно, что въ изобиліи было у Бисмарка, энергіи, и именно спеціальность политики нашей дипломатіи заключалась въ комической маніи протестовать и, затѣмъ, потерпѣвши фіаско, раскланиваться и уходить. По критскому вопросу Горчаковъ храбро повелъ иниціативу Россіи, съ цѣлью склонить Порту къ уступкѣ въ пользу возставшихъ критянъ. Во главѣ европейскаго концерта, онъ требуетъ или отдачи

Крита Греціи или, *по меньшей мѣрѣ*, автономіи Крита. Графъ Игнатьевъ торжественно вручаетъ коллективную ноту Портѣ; Порта ее беретъ, разсматриваетъ, отвѣчаетъ отказомъ наотрѣзъ не только на большую, но и на *меньшую* мѣру предъявленныхъ къ ней требованій, и русскій дипломатъ расшаркивается и отходитъ, протестуя во имя непроизводительной справедливости. Начинается датско-голштинскій конфликтъ. Русскій дипломатъ опять вскакиваетъ на своего Пегаса и ведетъ армію дипломатовъ европейскаго концерта въ Лондонъ на конференцію. Тамъ онъ выступаетъ съ требованіями по адресу Пруссіи и Австріи. Бисмаркъ ихъ выслушиваетъ и говоритъ: je m'èn f... Князь Горчаковъ протестуетъ во имя непроизводительной справедливости: соленыя улыбки тогдашнихъ конферентовъ ему отвѣчаютъ: salve, и опять русскій дипломатъ расшаркивается и уходитъ. Пруссія у стѣнъ Вѣны: она диктуетъ новую карту центра Европы. Русскій дипломатъ опять на Пегаса и опять въ походъ во имя протеста. Онъ протестуетъ и требуетъ конгресса. Бисмаркъ ему опять отвѣчаетъ: je m'en f... и опять, умывъ руки во имя непроизводительной справедливости русской дипломатіи, расшаркивается и отходитъ.

Таковы были подвиги нашей дипломатіи за эти годы, предшествовавшіе 1870-му. И если въ концѣ 1869 года князь Горчаковъ могъ приходить въ умиленіе отъ столь сомнительныхъ изліяній по адресу Русскаго Государя старика Вильгельма, то это ясно доказывало, что онъ не понималъ, какой печальный для всей дальнѣйшей политики Россіи смыслъ получилъ этотъ, повидимому, небольшой и семейный эпизодъ 26 ноября 1869 года.

Не даромъ Бисмаркъ поддавалъ, вдохновляя своего монарха, сентиментальнаго жару въ телеграммахъ къ Рус-

скому Императору по случаю Георгіевскаго праздника. Не даромъ зашла рѣчь о воспоминаніяхъ братства по оружію обѣихъ армій для одного святого дѣла. Эти воспоминанія о прошломъ и эти изліянія въ настоящемъ— въ его умѣ уже готовились къ предъявленію къ учету, ибо не сегодня, такъ завтра предстояло Бисмарку заручиться нейтралитетомъ Россіи въ войнѣ Германіи съ Франціею. Школа была пройдена, опыты были сдѣланы; оставалось только послѣднее: уничтожить Наполеона; нейтралитетъ Россіи пригодился для подготовленія къ этому послѣднему; Германія сплотилась въ одну армію, пусть же опять нейтралитетъ Россіи поможетъ Германіи совершить то, для чего она сплотилась и объединилась. И вотъ, маленькое съ виду событіе Георгіевской ленты 26 ноября 1869 года потомъ получило громадное историческое значеніе послѣдняго экзамена, выдержаннаго блистательно Бисмаркомъ на званіе будущаго властелина Европы. Во всякомъ случаѣ въ концѣ 1869 года для всей Европы было ясно, что управленіе международною политикою всецѣло перешло въ Берлинъ. Желѣзный канцлеръ съ ключемъ и съ мечемъ сидѣлъ въ Берлинѣ. Любезный канцлеръ съ перомъ и съ иллюзіями сидѣлъ въ Петербургѣ.

Въ 1869 году состоялось назначеніе министра совсѣмъ новаго типа. Когда старый, Клейнмихельскаго времени, инженеръ-путеецъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ призналъ себя уже не въ силахъ справляться съ министерствомъ путей сообщенія, тогда на вопросъ: кому быть преемникомъ?—произнесено было симпатичное имя графа В. А. Бобринскаго...

Графу Бобринскому было тогда 45 лѣтъ; онъ представлялъ собою блестящаго, умнаго и полнаго жизни и

энергіи военнаго человѣка, на котораго Мельниковъ еще въ 1867 году обратилъ вниманіе и которому онъ предложилъ быть товарищемъ при немъ. Хотя графъ В. А. Бобринскій (съ исключеніемъ дунайской и крымской войны, и севастопольской осады, гдѣ онъ былъ участникомъ), управляя заводомъ своего отца, въ Смѣлѣ, Кіевской губ., успѣлъ пріобрѣсти большую опытность въ дѣлахъ управленія значительными и сложными предпріятіями и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, тѣмъ не менѣе, его первымъ движеніемъ былъ отказъ отъ предложеннаго ему министерскаго портфеля. Но Государь настойчиво потребовалъ отъ своего флигель-адъютанта исполненія его желанія, и графъ Бобринскій, волею-неволею, долженъ былъ подчиниться Царскому велѣнію, и на Пасху 1869 года назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ. Но, принявши эту должность, благородный графъ Бобринскій, вѣрный завѣтамъ Бобринскихъ, сказалъ Государю, что въ день, когда онъ признаетъ себя неспособнымъ къ такой должности, онъ уйдетъ...

Сказать эти слова сумѣлъ, сколько помню, на своемъ вѣку, не одинъ графъ Бобринскій, но сдержать свое слово сумѣлъ только онъ: въ самую очевидную пору своей неспособности—обѣщавшіе уходить добровольно, крѣпче, чѣмъ когда либо, прицѣплялись къ министерскому посту и доходили до фанатичнаго увѣрованія въ свою необходимость и въ свою способность; графъ же Бобринскій, несмотря на свои блестящія способности, на свою молодость и силы, очень скоро послѣ назначенія, увидѣлъ себя неспособнымъ справиться съ этимъ министерствомъ и сдержалъ свое слово, прійдя къ Государю, чтобы сказать: я неспособенъ и прошу меня уволить...

Министерство это было трудно не столько по своей

технической спеціальности, но потому, что въ то время оно представляло главный пунктъ, гдѣ тогда сосредоточивалась вся вакханалія желѣзнодорожной горячки во всемъ ея разгарѣ и гдѣ, слѣдовательно, приходилось имѣть дѣло со всѣми видами громадныхъ аппетитовъ къ наживѣ. Тогда уже произносились имена желѣзнорожныхъ монтекристо, вчера нищихъ, а сегодня милліонеровъ, а такъ какъ всѣ эти монтекристы желѣзнодорожной вакханаліи имѣли своихъ союзниковъ, друзей и покровителей на разныхъ іерархическихъ вершинахъ, то естественно, что должность министра путей сообщенія, кромѣ сложнаго дѣла, повидимому, требовала и постоянныхъ дипломатическихъ отношеній къ тому или другому антрепренеру по той или другой концессіи. А такъ какъ сферы этихъ дипломатическихъ отношеній были и мутны, а подчасъ и прямо нечисты, то не трудно понять, какъ все это приходилось не по душѣ такой чистой и честной личности рыцаря, какимъ былъ В. А. Бобринскій. Уходъ графа Бобринскаго опечалилъ всѣхъ честныхъ людей, но обрадовалъ всѣхъ, кому мѣшали честность и энергія графа Бобринскаго легкой наживѣ. Между прочимъ, въ короткій періодъ его управленія, графу Бобринскому энергіею и настойчивостью удалось сломить такого гиганта, какъ знаменитаго контрагента николаевской желѣзной дороги Уайенса, и уничтожить его знаменитый контрактъ.

Эта желѣзнодорожная вакханалія была курьезомъ тогдашнихъ общественныхъ правовъ потому, что главными воротилами являлись люди, про которыхъ всякій прежде спрашивалъ: что общаго между ними и желѣзными дорогами?

И дѣйствительно, никто не могъ понять, почему такіе люди, какъ Мекъ, Дервизъ, Губонинъ, Башмаковъ и проч.

и проч., которые не имѣли, во-первыхъ, ни гроша денегъ, а во-вторыхъ, никакихъ инженерныхъ познаній, брались за концессіи какъ ни въ чемъ не бывало, и въ два, три года дѣлались милліонерами... Казалось бы, знающему и ловкому инженеру могла быть въ то время лафа браться за любыя желѣзнодорожныя линіи, но нѣтъ: инженеры только пристраивались къ концессіонерамъ, а брали концессіи люди, какъ я сказалъ, такіе, про которыхъ спрашивали: почему Карлъ Федоровичъ, а не Федоръ Карловичъ, почему Павелъ Григорьевичъ, а не Григорій Павловичъ?.. Я помню младшаго брата Дервиза, моего товарища, Ивана, бѣднымъ чинушкою въ сенатѣ, а затѣмъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, и этотъ бѣдный чинушка меня принимаетъ въ своемъ роскошномъ палаццо у Красныхъ воротъ, во всемъ блескѣ своего желѣзнодорожнаго величія, и въ роли кесаря рязанской желѣзной дороги... Какъ тогда говорили, среднимъ числомъ концессіи выдавались по такой цѣнѣ за версту, что въ карманъ входило около 50 тысячъ рублей чистыхъ на каждую версту... Ну а 500,600 верстъ концессіи, это—кромѣ процентовъ дохода—составляло *маленькіе* капиталы въ 25, 30 милліоновъ рублей въ видѣ запасовъ на черные дни.

Вопросъ, который, какъ я сказалъ выше, могъ всякій задавать: почему Иванъ, а не Семенъ получаетъ эти концессіи,—вызывалъ и другой вопросъ: почему, если такъ легко наживались въ то время милліоны на желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, никому въ голову не приходило расширять кругъ конкурренціи, и вслѣдствіе этого сбавлять цѣны на постройку съ версты? Но на этотъ столь естественный вопросъ въ то время отвѣта не было, а не было именно потому, что для съуживанія раіона конкурентовъ—концессіонеры прибѣгали, разумѣется, къ круп-

нымъ взяткамъ, и эти-то взятки и были главною причиною крупныхъ и баснословныхъ наживъ...

Историкъ той эпохи, несомнѣнно, остановится на этой курьезной желѣзнодорожной эпопеѣ, но онъ долженъ будетъ остановиться также и на другой странности эпохи, которая эту желѣзнодорожную эпопею дѣлаетъ еще курьезнѣе; онъ долженъ будетъ остановиться на томъ сопоставленіи, которое мы тогда дѣлали,—этой вакханаліи легкой наживы и взятокъ съ широко выступившею тогда въ русскую жизнь плеядою честныхъ дѣятелей въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ...

Симпатій къ этому вѣдомству и къ новымъ судебнымъ уставамъ я никогда не питалъ; уже съ самаго начала введенія новыхъ судебныхъ учрежденій я не могъ понять, какъ можно было восхищаться такимъ нововведеніемъ, какъ судъ присяжныхъ, подходившимъ къ русской жизни, какъ къ коровѣ сѣдло; съ самаго начала я находилъ крайне несимпатичнымъ тотъ духъ либерализма, который побуждалъ судебное вѣдомство съ отправленіемъ правосудія соединить какую-то политическую и соціальную пропаганду началъ равенства и, въ то же время, неуваженія къ разнымъ преданіямъ власти и соціальныхъ отличій; но долженъ сказать, что первые годы введенія и дѣйствія новыхъ судебныхъ учрежденій были блестящими страницами честныхъ нравовъ во всей области русской Ѳемиды: это былъ какой-то весенній воздухъ, гдѣ ободряюще вѣяли ароматы честности, и гдѣ каждый изъ насъ въ то время чувствовалъ, что этотъ, часто накрахмаленный, часто педантичный, часто либеральный новый слуга юстиціи исполнялъ задачу честности, на себя принятой собственнымъ вдохновеніемъ. Это былъ какой-то праздникъ честности.

Это былъ своего рода steeple-chase честности, гдѣ каждый хотѣлъ перещеголять другого ея проявленіями, и вотъ эту-то тогдашнюю нравственную черту въ цѣлой судебной корпораціи приходилось сопоставлять съ другимъ steeple chase'омъ, съ желѣзнодорожной вакханаліей, гдѣ каждый хотѣлъ перегнать другого выгодными пунктами концессіи и сорилъ взятками на-право и на-лѣво, и въ этомъ сопоставленіи находить поразительную странность той эпохи.

Къ этой же эпохѣ надо отнести послѣдніе, такъ сказать, широкіе розмахи доѣдавшихъ на жизненныхъ пирахъ свои выкупныя свидѣтельства дворянъ-помѣщиковъ, и вотъ, поставленная между ними и между широчайшими розмахами желѣзнодорожныхъ кутилъ строгая честность новаго судейскаго сословія получала особенную цѣну.

Но искушенія среды должны были, увы, свершить свое роковое дѣло. Этотъ судейскій золотой вѣкъ презрѣнія къ золотому тельцу былъ, какъ весна, кратковременъ. Пришли года, когда, разъѣзжая по Россіи, я началъ уже слышать не жалобы на безчестность судебныхъ лицъ, но разсказы о томъ, какъ этотъ дѣлалъ долги, какъ тотъ велъ компанію съ желѣзнодорожниками, какъ третій велъ сильную игру, какъ четвертый покривилъ душою въ такомъ-то дѣлѣ, словомъ, стали ходить въ провинціи толки, которыхъ въ первые годы я никогда не слыхалъ, въ родѣ тѣхъ, которые начинаютъ ходить про дѣвицу, дающую поводъ ее заподозрѣвать въ лишеніи дѣвственной чистоты... Можетъ быть, она дѣвственна,— говорятъ про нее, но атмосфера, ее окружающая, будто уже не дышетъ прежнею чистотою. Ваалъ, какъ будто, уже имѣлъ право входа въ святой храмъ Ѳемиды.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я продол-

жалъ служить въ роли чиновника особыхъ порученій при министрѣ, была вѣчная комиссія, носившая названіе комиссіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Я помню эту комиссію съ 1861 года. Девять лѣтъ спустя она еще существовала въ министерствѣ, напечатала массу томовъ своихъ работъ, но въ то же время изображала собою меланхолическую неподвижность.

Впрочемъ, эта неподвижность была отличительною чертою министерства внутреннихъ дѣлъ. Приглядываясь къ нему близко, нельзя было не испытывать страннаго впечатлѣнія: масса департаментовъ, отдѣленій, столовъ, чиновниковъ, а между тѣмъ, ничто такъ не казалось отдаленнымъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ внутреннія дѣла, или, говоря проще, какъ сама Россія. Ни для кого не было секретномъ, что самое безпомощное въ Россіи дѣло—ея внутреннее управленіе: губернаторъ съ 3,000 рублями жалованья, вице-губернаторъ съ 600 рублями больше исправника, уѣздный исправникъ со своими двумя-тремя становыми,—составляли весь персоналъ губернскаго и уѣзднаго управленія въ Россіи, а такъ какъ такое состояніе безпомощности внутренняго управленія считали неудобнымъ оставить, то основана была эта знаменитая комиссія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, съ цѣлью разработать новый строй внутренняго управленія, но тотъ фактъ, что комиссія эта почти 10 лѣтъ засѣдала и работала, и работала что то безъ всякихъ результатовъ,—достаточно свидѣтельствовало, что на самомъ дѣлѣ министерству внутреннихъ дѣлъ совершенно было безразлично: жалка ли и ничтожна ея дѣйствующая сила въ провинціи, или она удовлетворительна.

Но вдругъ, въ одинъ прекрасный день въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всполошились. Отъ Тимашева,

обыкновенно болѣе принимавшаго къ сердцу свое искусство ваятеля и свои успѣхи умнаго человѣка въ свѣтѣ, чѣмъ министерскія заботы, вдругъ исходитъ приказаніе заняться поскорѣе проектомъ реформы губернской администраціи, и сладкимъ сномъ спавшая комиссія закипѣла работою. И губернатору надо прибавить содержаніе, и усилить надо его власть, и преобразовать надо губернское управленіе, и усилить надо уѣздную полицію, словомъ, вдругъ вспомнилъ, что Россія велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ и понадобилась всеобщая реформа.

Странное тогда было по неопредѣленности правительственной политики время. Казалось бы, если вдругъ вѣчно равнодушный Тимашевъ возгорѣлъ ревностью совершить губернскую административную реформу, онъ приступилъ къ этому дѣлу по меньшей мѣрѣ если не по приказанію, то съ согласія или съ вѣдѣнія Государя. А между тѣмъ, дальнѣйшій ходъ реформы показалъ совсѣмъ другое.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ зимы 1869 — 1870 года министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ министровъ проектъ реформы губернскаго управленія. А въ началѣ 1870 года, къ немалому удивленію министерства внутреннихъ дѣлъ и бѣдныхъ губернаторовъ, которымъ Тимашевъ все говорилъ въ ободреніе: вотъ, погодите, реформа придетъ и вы будете довольны,— узнали, что весь проектъ провалился, не найдя себѣ въ комитетѣ министровъ никакого сочувствія.

Какъ это могло случиться, узнать съ точностью было невозможно; одни говорили, проектъ онъ не могъ провалить, такъ какъ Тимашевъ въ комитетѣ министровъ вмѣсто того, чтобы его защищать и отстаивать, отнесся къ нему съ равнодушіемъ посторонняго человѣка, другіе

говорили, что проектъ былъ плохо разработанъ и не выдерживалъ критики со стороны его внутренней отдѣлки, третьи говорили, что проекту этому явилась оппозиція со стороны либеральной партіи, не признававшей никакой нужды усиливать правительственную власть въ губерніи, но фактъ тотъ, что проектъ Тимашева провалился, и все осталось по старому въ томъ безпомощномъ состояніи, въ какомъ находится губернское управленіе понынѣ.

Самое вѣроятное истолкованіе печальной судьбы проекта реформы губернской администраціи было то, что Тимашевъ отнесся къ нему равнодушно. Большаго квіетизма въ министрѣ я ни въ комъ никогда не встрѣчалъ.

У Валуева было decorum иллюзій: говорившій съ нимъ уносилъ, по крайней мѣрѣ, музыкальныя воспоминанія его красивыхъ фразъ. Но у Тимашева и того не было. Оттого его пріемы производили меланхолическое впечатлѣніе. Онъ избѣгалъ пріемовъ съ глазу на глазъ, чтобы и въ этомъ себѣ облегчить свой денной трудъ и выходилъ къ просителю въ пріемную, съ ледянымъ, безжизненнымъ, а иногда и сердитымъ выраженіемъ лица и съ стереотипнымъ вопросомъ: что вамъ угодно? и меланхоличность этого пріема заключалась въ томъ, что сосѣдъ не могъ не видѣть, что грозный министръ, пока проситель ему излагалъ свое дѣло, думалъ совсѣмъ о другомъ и въ заключеніе проговаривалъ другую стереотипную фразу: очень хорошо-съ, что можно, будетъ сдѣлано...

Характерною иллюстраціею того квіетизма и того нежеланія слушать, которые проявлялись въ Тимашевѣ, былъ одинъ прелестный разсказъ, ходившій по министерству и безусловно историческій.

Министру внутреннихъ дѣлъ нижегородскій губернаторъ Одинцовъ сдѣлалъ представленіе о преобразованіи знаменитаго села Лыскова въ городъ. Представленіе это, по прибытіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, раскололось на двѣ части: одна часть, по устройству полиціи направилась въ департаментъ полиціи исполнительной, другая, по хозяйственной части, очутилась въ хозяйственномъ департаментѣ. И вотъ, по истеченіи извѣстнаго времени, въ промежутокъ *двухъ дней*, происходитъ у министра два доклада: одинъ по департаменту хозяйственному: согласно представленію губернатора составить проектъ городскихъ учрежденій въ Лысковѣ; затѣмъ черезъ два дня докладъ по департаменту полиціи исполнительной: въ представленіи нижегородскаго губернатора *отказать*. Оба доклада были утверждены министромъ, а такъ какъ одинъ противорѣчащимъ былъ другому, то ясно, что онъ ни тотъ, ни другой не слушалъ. Нижегородскій губернаторъ получаетъ затѣмъ за подписью министра внутреннихъ дѣлъ на обѣихъ бумагахъ два отвѣта по своему представленію о селѣ Лысковѣ: одинъ—съ согласіемъ, другой—съ отказомъ. Легко себѣ представить его смущеніе. Нечего дѣлать, онъ пишетъ опять, но уже двѣ бумаги: одну въ хозяйственный департаментъ, другую въ департаментъ полиціи, съ просьбою разъяснить недоразумѣніе? Тогда оба директора департаментовъ сходятся и исповѣдуютъ другъ другу свой промахъ и свое критическое положеніе. Затѣмъ, они рѣшаютъ: идти вмѣстѣ съ повинною къ министру внутреннихъ дѣлъ и, чистосердечно покаявшись въ своей оплошности, спросить: какое изъ двухъ рѣшеній слѣдуетъ признать окончательнымъ. Идутъ они и докладываютъ. Послѣ доклада министръ имъ говоритъ: ну, вотъ, я всегда говорилъ, что Одинцовъ, кромѣ

глупостей, ничего не дѣлаетъ. Оба директора такъ и обалдѣли. Оказалось, по ихъ предположенію, что министръ не слушалъ сущности дѣла, а только услыхалъ имя Одинцова, и сдѣлалъ затѣмъ смѣлую догадку, что Одинцовъ выкинулъ глупость. Пришлось снова доложить, въ чемъ дѣло. Отвѣтъ былъ: отказать, и такъ село Лысково остается селомъ поднесь.

Совсѣмъ противоположный Тимашевскому характеръ имѣли пріемы у графа Дмитрія Андреевича Толстого. Такого пріема я никогда не видалъ ни прежде, ни послѣ него. Онъ принималъ 1 разъ въ недѣлю по обѣимъ должностямъ: по сунноду и по министерству народнаго просвѣщенія. Казалось бы мало: а между тѣмъ, всѣ были имъ принимаемы и *всѣ* были выслушиваемы. Причемъ, онъ принималъ у себя въ кабинетѣ каждаго наединѣ. Я разъ какъ то явился къ нему просителемъ. Смотрю, пріемная полна. Впалъ въ уныніе. Записали меня, и что же я вижу; по часамъ maximum просителю дается 2 минуты аудіенціи. Дошла очередь до меня, впустили. Графъ всталъ, далъ руку, указалъ мѣсто противъ себя и спросилъ: что нужно? Лицо его выражало двѣ вещи: вниманіе, и нетерпѣливое желаніе поскорѣе спихнуть просителя. Я, какъ проситель, понялъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, въ ту минуту что times is money и до нельзя сжато и кратко передалъ сущность просьбы. Тогда графъ всталъ, сказалъ: хорошо, постараюсь исполнить, протянулъ руку, и я выскочилъ въ началѣ третьей минуты. Но самое интересное было то, что ровно черезъ 5 дней моя просьба была исполнена, а графъ, между тѣмъ, ничего не записалъ, а все переданное ему запомнилъ между многими другими просьбами, и далъ дѣлу разрѣшеніе. Какъ онъ это могъ дѣлать, такъ я никогда не понялъ, ибо, кромѣ

поразительнаго умѣнья концентрировать вниманіе надъ просителемъ, надо было имѣть какую то нечеловѣческую память. Просителей въ тотъ день оказалось 36 человѣкъ.

IX.

(1870 годъ).

Указъ о воинской повинности.—Объявленіе франко-германской войны.—Посолъ Флери и Государь.—Исходъ войны.—Роль Государя.—Наша декларація.

1870 годъ для Россіи имѣлъ важное историческое значеніе—обнародованіе указа объ общей воинской повинности и объ учрежденіи запасовъ арміи, а для Европы онъ имѣлъ громадное значеніе франко-прусской войны, окончившейся окончательнымъ уничтоженіемъ военной силы Франціи, низложеніемъ наполеоновской династіи и учрежденіемъ германской имперіи, съ упроченіемъ главенства въ европейской политикѣ окончательно за Берлиномъ.

Война Франціи съ Германіею вспыхнула вдругъ и для всѣхъ неожиданно. Не только въ началѣ года, но за нѣсколько дней до ея объявленія, войну эту никто не предвидѣлъ. Государь преспокойно отправился въ началѣ лѣта въ Эмсъ на лѣченіе; туда же прибылъ императоръ Вильгельмъ тоже для лѣченія, и хотя, кромѣ обоихъ друзей монарховъ, приглашены были и оба канцлера, графъ Бисмаркъ и князь Горчаковъ, но присутствіе ихъ мотивировалось переговорами объ общемъ положеніи Европы, и какъ канцлеры, такъ и монархи, послѣ четы-

рехъ-недѣльнаго пребыванія въ Эмсѣ, разстались далекими отъ всякой мысли о надвигавшейся грозѣ.

Гроза эта явилась по поводу кандидатуры на испанскій престолъ. Племянникъ императора Вильгельма предсталъ этимъ кандидатомъ. Наполеонъ энергично протестовалъ, и дѣло было уладилось добровольнымъ отреченіемъ самого кандидата. Король прусскій, желая дать Наполеону доказательство своего миролюбія, счелъ себя обязаннымъ высказать оффиціально свое одобреніе племяннику за его отреченіе.

Но вотъ тутъ то и вспыхнула совсѣмъ непредвидѣнно и совсѣмъ непостижимо для всѣхъ война. Она вспыхнула отъ какой-то укусившей Наполеона III мухи, и вмѣсто того, чтобы удовлетвориться совершившимся фактомъ, Наполеонъ III поручилъ своему послу потребовать лично отъ короля письменнаго обязательства въ томъ, что кандидатура племянника никогда возобновлена Пруссіею не будетъ. Тутъ разомъ наносились ни съ того, ни съ сего престарѣлому королю Вильгельму два оскорбленія: во-первыхъ, въ видѣ личнаго черезъ посла отъ короля требованія, и во-вторыхъ, въ видѣ заявленія недовѣрія къ его слову. Разумѣется, этого было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы на столь дерзкое оскорбленіе отвѣтить отказомъ принять посла и продолжать переговоры и. затѣмъ, объявленіемъ войны. Пришлось въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ рѣшительно и такъ торопливо, что не успѣло предложеніе русскаго кабинета, принявшаго на себя роль посредника съ согласія другихъ державъ, прійти къ королю Пруссіи, какъ война была объявлена.

Нельзя было въ этомъ необдуманно поспѣшномъ, и какъ бы мальчишескомъ образѣ дѣйствій Наполеона III не признать какое-то историческое fatum, ибо онъ такъ

мало былъ похожъ и на характеръ и на политику Наполеона III, всегда медленные, всегда много разъ обдуманные.

Россія объявила строгій нейтралитетъ; но странно, съ минуты объявленія войны, не взирая на то, что вызовъ и нападеніе сдѣланы были Франціею, и она кругомъ виновата, всѣ симпатіи въ петербургскомъ обществѣ высказались на сторонѣ Франціи. Странность эта, надо полагать, нашла себѣ объясненіе въ той иностранной политикѣ, которую велъ петербургскій кабинетъ и про которую я говорилъ выше; политика эта сводилась къ какому-то преклоненію передъ Берлиномъ, къ какому-то прямому сотрудничеству Россіи къ возвеличенію Пруссіи, а такъ какъ такая политика была русскимъ не по душѣ, и казалась для русскаго достоинства оскорбительною, то, какъ бы въ видѣ выраженія этихъ русскихъ чувствъ,—симпатіи къ французамъ явились при объявленіи ими войны Германіи какъ бы демонстраціей противъ недавно пожалованнаго Георгіемъ 1-й степени прусскаго монарха.

А такъ какъ немедленно послѣ начатія войны начались побѣды прусскихъ войскъ, то эти симпатіи къ французамъ стали расти по мѣрѣ ихъ пораженія.

Историческій рокъ противъ Франціи тогда сказывался въ томъ непостижимомъ ослѣпленіи, въ которомъ находились тогда не только Наполеонъ III съ его кликою крайне неспособныхъ министровъ и военныхъ людей, но, можно сказать, вся Франція.

Когда дѣло дошло до послѣдней минуты, и законодательному корпусу, то-есть палатѣ представителей, предстояло рѣшить вопросъ: быть или не быть войнѣ,—то на сотню человѣкъ, не только требовавшихъ войны, но въ

изступленіи кричавшихъ: à Berlin,—одинъ только человѣкъ, предвидя безсиліе своей страны, поднялъ голосъ противъ войны,—это старикъ Тьеръ.

Посломъ тогда Наполеона при нашемъ Дворѣ былъ ближайшій другъ Наполеона III, генералъ Флери. И вотъ, прислушиваясь къ нему, можно было тогда составить себѣ печальное представленіе о той роковой повязкѣ на глазахъ Франціи, которая не только отняла у Наполеона зрѣніе, но даже разсудокъ.

Флери говорилъ о силѣ французской арміи, о ея непобѣдимости, о пораженіи нѣмцевъ—съ тономъ пророка и авторитета—до перваго пораженія французской арміи. Потомъ онъ спустилъ тонъ, но не надолго; недѣли три спустя, онъ снова заговорилъ о томъ, что теперь настанетъ пора для Франціи одерживать побѣды... Къ этому именно времени относится его знаменитый діалогъ съ нашимъ Государемъ, который, въ бесѣдѣ съ Флери съ глазу на глазъ, сказалъ ему, что онъ опасается, какъ бы Наполеону не угрожала болѣе опасность отъ враговъ позади его, то-есть, отъ французовъ, чѣмъ впереди—отъ непріятеля. На это безъ малѣйшаго смущенія, а даже съ апломбомъ Флери отвѣтилъ Государю, что его опасенія напрасны, такъ какъ недавній плебесцитъ доказалъ всю преданность французскаго народа императору, и армія вся, какъ одинъ человѣкъ, за Наполеона, а что касается Парижа, то императрица Евгенія имѣетъ достаточно преданныхъ императору государственныхъ людей, чтобы держать Парижъ въ спокойствіи и въ повиновеніи. На это Государь ему отвѣтилъ, что такія же точно завѣренія онъ слышалъ про Парижъ и про Францію въ 1848 году, за нѣсколько дней до паденія Луи-Филиппа и, при всемъ

желаніи, чтобы слова его оказались ошибкою, Онъ боится, чтобы они не были ошибкою.

Только послѣ Седана злосчастный Флери припомнилъ слова Императора Александра II и воскликнулъ: Государь былъ пророкомъ!

Въ концѣ этой войны Государю пришла мысль—отчасти подсказанная Ему ходившими о томъ въ общественныхъ сферахъ толками,—воспользоваться событіями, чтобы снять съ Россіи тяготѣвшее надъ нею условіе парижскаго мира насчетъ ограниченія ея правъ на военный флотъ въ Черномъ морѣ. Минута была дѣйствительно удобна; съ одной стороны, можно было разсчитывать на благодарное за нейтралитетъ отношеніе Пруссіи, а съ другой стороны, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, можно было не опасаться вѣроятнаго протеста одной Англіи. И вотъ, Государь созываетъ въ Царскомъ Селѣ совѣщаніе, въ которомъ участвовали Великій Князь Константинъ Николаевичъ, военный министръ Милютинъ и князь Горчаковъ, и предлагаетъ имъ на обсужденіе Свою мысль о декларацiи, въ силу которой Россія уничтожаетъ пунктъ парижскаго трактата о черноморскомъ флотѣ. При этомъ Государь сказалъ, что, рѣшаясь на такой шагъ Онъ долженъ предвидѣть всѣ его послѣдствія, и желаетъ знать мнѣніе о вооруженной способности Россіи. Какъ Генералъ-Адмиралъ, такъ и военный министръ высказались за возможность, при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ, для Россіи поддержать оружіемъ свою декларацію, но князь Горчаковъ высказался въ другомъ тонѣ, въ тонѣ совѣта воздержаться отъ декларацiи, изъ опасенія войны съ Англіею, которая можетъ заручиться союзомъ съ Австріею и Италіею. Тѣмъ не менѣе, Государь настоялъ на своемъ, сказавши, что такая минута не повторится, и

поручилъ князю Горчакову немедленно составить декларацію.

Князь Горчаковъ жилъ тогда въ Царскосельскомъ дворцѣ. Онъ вернулся къ себѣ въ дурномъ расположеніи духа, но, тѣмъ не менѣе, приступилъ къ составленію, сообща съ своими обычными совѣтниками, Гамбургеромъ и Жомини, проекта текста декларації.

Когда проектъ декларації былъ готовъ, князь Горчаковъ его предъявилъ Государю. Государь одобрилъ, и затѣмъ декларація была отправлена по адресу кабинетовъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

Съ этой минуты, по свидѣтельству одного моего пріятеля, состоявшаго въ числѣ приближенныхъ князя Горчакова, началась для него душевная мука. Канцлеръ, какъ будто, весь отдался мысли, что Англія, немедленно по полученіи декларації Россіи, объявитъ ей войну, и чтобы ни говорили противъ этой мысли, онъ никого не слушалъ и дошелъ до такого нервнаго состоянія, что на четвертый день, потерявши аппетитъ и сонъ, вздрагивалъ отъ каждаго звонка у дверей, въ увѣренности, что сейчасъ придетъ депеша и въ ней будетъ объявленіе войны...

Въ минуту, когда, дѣйствительно, пришла шифрованная депеша изъ Лондона, приближенные князя все время, пока не разобрана была депеша, боялись за жизнь стараго князя, — до того онъ былъ взволнованъ, но когда онъ прочиталъ депешу и увидѣлъ въ ней признаніе совершившагося факта, и опасность войны улетучилась, какъ ужасный кошмаръ, тогда князь помолодѣлъ, повеселѣлъ, и въ пріятномъ состояніи до того расплылся въ своемъ удовольствіи, что забылъ все недавнее прошлое,

сталъ говорить о томъ, какъ удачно была выбрана минута, какъ умно поступилъ петербургскій кабинетъ.

Любопытно было узнать нѣсколько дней спустя, что самое сильное озлобленіе вызвала наша декларація вовсе не въ Англіи, а въ сердцѣ именно *вѣрнаго друга* и союзника, въ Пруссіи...

Декларація прибыла въ Версаль въ самый разгаръ провозглашенія германской имперіи, и апогея славы Бисмарка...

Прежде всего она поразила своею неожиданностью...

Потомъ, по словамъ необузданнаго въ своихъ выраженіяхъ и въ своихъ впечатлѣніяхъ Бисмарка, она поразила своею дерзостью...

Сразу Бисмаркъ два преступленія вмѣнилъ въ вину петербургскому кабинету: первое, что онъ смѣлъ что-либо предпринять, не посовѣтовавшись съ нимъ и не заручившись его *милостивымъ* согласіемъ, а второе, что Россія позволила самовольно объявить уничтоженнымъ цѣлый пунктъ международнаго трактата,—собственною иниціативою... Разсказывали, что, прочитавъ эту декларацію, Бисмаркъ до того пришелъ въ ярость, что швырнулъ бумагу, сказавши: какая дерзость! Разсказывали также, что онъ излилъ свое негодованіе передъ своимъ старцемъ-монархомъ и посовѣтовалъ ему взять на себя иниціативу отвѣтить Императору Александру обиженнымъ тономъ, и предложить рѣшеніе вопроса конгрессу, но что новый германскій императоръ на этотъ разъ не послушался своего совѣтника и сказалъ: «Я слишкомъ многимъ обязанъ Русскому Императору, чтобы въ этомъ вопросѣ Ему противодѣйствовать», и что, будто бы, на это Бисмаркъ ему отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, *выходка* петербургскаго кабинета во всякомъ случаѣ несвоевременна, такъ какъ

было бы гораздо корректнѣе, если бы онъ дождался минуты болѣе благопріятной и тоже самое получилъ по иниціативѣ Германіи...

Затѣмъ разсказывали также, что лондонскій кабинетъ, по полученіи декларації, немедленно поручилъ своему послу при берлинскомъ дворѣ вызвать коллективный протестъ со стороны Германіи и Англіи, но что попытка эта не удалась, такъ какъ князь Бисмаркъ получилъ приказаніе отъ императора Вильгельма уклоняться отъ общаго дѣйствія по этому вопросу съ Англіею, и что вслѣдствіе этого лондонскій кабинетъ, оставшійся одинъ, рѣшился преклониться предъ совершившимся фактомъ.

Во всякомъ случаѣ, эти маленькія подробности очень интересны тѣмъ, что онѣ рисуютъ, до какого самопревозношенія дошелъ въ эту эпоху Бисмаркъ, и до какой степени, въ ослѣпленіи своими успѣхами, онъ дошелъ до полнаго забвенія, на какую значительную долю въ этихъ баснословныхъ успѣхахъ его политики помогла ему честная и безмѣрная дружба къ Вильгельму Русскаго Императора. Въ этомъ ослѣпленіи онъ до того свыкся съ мыслью, что петербургскій кабинетъ есть только филіальное отдѣленіе берлинскаго, что когда получена была декларація Россіи, — то, что его всего болѣе привело въ бѣшенство, это необходимость допустить, что петербургскій кабинетъ могъ что-либо сдѣлать собственною волею, и помимо его, Бисмарка, санкціи.

Но Бисмаркъ въ долгу не остался. Онъ сумѣлъ, съ свойственною ему практичностью, сообразить, что разъ волею-неволею пришлось примириться съ фактомъ декларації Россіи, то это вынужденное согласіе надо рано или поздно дисконтировать, и онъ предвидѣлъ тотъ случай, когда на этотъ учетъ можно будетъ разсчитывать. Слу-

чай этотъ не замедлилъ представиться въ ту минуту, когда Тьеръ взялъ на себя тяжелую миссію хлопотать о смягченіи участи Франціи въ рукахъ берлинскихъ побѣдителей.—Бисмаркъ предвидѣлъ, что сочувствіе къ несчастной Франціи въ Россіи должно будетъ побудить Русскаго Государя принять на себя роль ходатая за интересы Франціи передъ побѣдителемъ Седана, и воспользовался декларацією Россіи, чтобы дать понять князю Горчакову, что разъ Россія обязана ему не только согласіемъ берлинскаго кабинета на декларацію, но и предупрежденіемъ всякаго протеста другихъ европейскихъ государствъ. то онъ, Бисмаркъ, взамѣнъ этой услуги, оказанной германскимъ императоромъ Россіи, въ правѣ ожидать, что Русскій Государь не будетъ мѣшать Германіи извлечь изъ своихъ побѣдъ ту пользу для себя, на которую она имѣетъ право, и щекотливыхъ для германскаго самолюбія требованій для Франціи предъявлять къ Германіи не будетъ... Горчаконъ не нашелъ нужнымъ отвѣтить Бисмарку, что благодарность Германіи къ Россіи за все, чѣмъ она ей обязана, слишкомъ велика, чтобы она могла исчерпаться мелочью, какъ согласіемъ на декларацію, и что, слѣдовательно, за Россіею остается право ожидать отъ Германіи другихъ услугъ, а, напротивъ, нашелъ соображенія Бисмарка основательными и сразу поставилъ себя въ обязательныя къ Бисмарку отношенія именно въ ту минуту, когда пріѣхалъ старикъ Тьеръ въ Петербургъ ходатайствовать о помощи у Русскаго Государя въ пользу Франціи...

Вотъ почему, едва Тьеръ успѣлъ войти въ кабинетъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, какъ князь Горчаковъ ему прямо сказалъ, что онъ долженъ предвидѣть со стороны Россіи только готовность ходатайствовать у

германскаго императора о смягченіи условій мира для Франціи, но больше ничего, и настаивать на своемъ ходатайствѣ Россія не признаетъ себя въ правѣ, отдавая судьбу чести и цѣлости Франціи въ распоряженіе великодушія германскаго императора. Приблизительно то же самое старику Тьеру сказалъ Государь, принявшій его не только любезно, но радушно, и обѣщавшій написать императору Вильгельму. Обѣщаніе свое Государь исполнилъ немедленно: Онъ отправилъ письмо собственноручное къ императору Вильгельму и Тьеръ вслѣдъ затѣмъ былъ принятъ въ Версалѣ Бисмаркомъ для выслушанія условій мира. Въ главномъ, о чемъ могла быть рѣчь,— въ успѣхѣ Державнаго Ходатая за Францію, т. е. въ умѣренности условій мира, Бисмаркъ, разумѣется, отказалъ Россіи и предложилъ Тьеру такія условія, отъ которыхъ онъ долженъ былъ отказаться, и переговоры были прерваны.

Вторымъ важнымъ событіемъ въ этомъ году—спеціально русскимъ—было, какъ я сказалъ, обнародованіе указа о всеобщей воинской повинности. Достойно вниманія, что въ этомъ году изъ разныхъ концовъ Россіи стали поступать адреса на имя Государя... Дворянства по губерніямъ отправляли то же адреса; они были вызваны деклараціею по черноморскому вопросу; но отъ нѣкоторыхъ дворянствъ стали поступать тоже адреса по случаю всообщей воинской повинности. Помню, что тогда даже и въ придворныхъ сферахъ нашлись скептики, приходившіе въ удивленіе отъ благодарственныхъ адресовъ дворянства за всеобщую воинскую повинность, его сравнившую со всѣми другими сословіями. Эти удивленные скептики говорили и, мнѣ кажется, не безъ основанія, что можно понять готовность дворянства, въ виду государственной обороны,

подчиниться этому новому закону, но за что благодарить,—это понять трудно. Старики ворчали противъ военной реформы, предвидя и предвѣщая паденіе старой дисциплины и исчезновеніе стараго духа долгосрочнаго прежняго солдата.

Но не слѣдуетъ думать, что порваніе нами парижскаго трактата, относительно Чернаго моря, обошлось безъ санкціи Европы.

Въ 1871 году пришлось этому факту предстать на обсужденіе и утвержденіе Европы. Правда, что это было исполненіе формальности, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что самый фактъ лондонской конференціи изображалъ собою исполненіе того. что пожелалъ Бисмаркъ, и на что Россія дала свое согласіе. Въ этомъ отношеніи конференція являлась подтвержденіемъ того, что я говорилъ выше о характерѣ хозяина. который присвоилъ себѣ Бисмаркъ въ Европѣ вообще, и относительно Россіи въ частности.

Самая мысль о конференціи принадлежала Бисмарку. Любопытно констатировать, что она, почти минута въ минуту, совпала съ непосредственнымъ предложеніемъ изъ Петербурга, сдѣланнымъ Вильгельму въ пользу несчастной Франціи. На наше вмѣшательство въ вопросъ о мирѣ Германіи съ Франціею намъ было отвѣтствовано Бисмаркомъ: не ваше дѣло; а въ тоже самое время, когда англійская дипломатія обратилась, послѣ декларація Россіи о черноморскомъ флотѣ, съ жалобою къ Бисмарку, послѣдній взялъ на себя склонить Россію вопросъ передать на обсужденіе конференціи. Интересно, что когда Бисмаркъ предложилъ мѣстомъ конференціи Петербургъ, англійскій дипломатъ отвѣчалъ: ни за что, и согласился съ Бисмаркомъ тогда только, когда онъ сказалъ: ну тогда Лондонъ. Послѣ

этого вопросъ перешелъ, такъ сказать, цѣликомъ въ руки Бисмарка. Вѣрный своей политикѣ, являться покровителемъ Россіи, Бисмаркъ писалъ въ Петербургъ, что онъ, какъ *вѣрный другъ Россіи*, успокоилъ и умирилъ Англію, собиравшуюся воевать съ Россіею, и достигъ этого двумя способами: 1) тѣмъ, что на вопросъ Англіи: на чьей сторонѣ будетъ Германія въ случаѣ войны Англіи съ Россіей, Бисмаркъ отвѣтилъ: это будетъ зависѣть отъ интересовъ Германіи и моего императора, и этимъ озадачилъ Англію и окатилъ ее холодною водою, а 2) тѣмъ, что взялъ на себя быть посредникомъ между Россіею и Европою. И вотъ, теперь то это посредничество онъ реализируетъ въ видѣ предложенія конференціи и онъ надѣется, что, взамѣнъ *имъ* оказанной новой услуги Россіи, она приметъ это посредничество. Князь Горчаковъ поспѣшилъ растаять передъ своимъ великимъ другомъ и не только согласился на конференцію, но трудъ и хлопоты по созыву конференціи предоставилъ Бисмарку, такъ что приглашенія на лондонскую конференцію были посланы германскимъ канцлеромъ.

X.

(1871 годъ).

О внутренней политикѣ.—Ея неожиданный характеръ.—Моя бесѣда съ графомъ Н. А. Шуваловымъ. — Князь А. Н. Барятинскій какъ проекторъ.—Общій характеръ проектовъ и проекторовъ тогдашняго времени.

Въ 1871 году мнѣ пришлось имѣть бесѣду о внутренней политикѣ съ тогдашнимъ ея главнымъ руководителемъ, графомъ Н. А. Шуваловымъ.

Въ то время довольно трудно было выяснить себѣ, какого въ сущности направленія держалось во внутренней политикѣ правительство. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось слышать изъ устъ моего министра Тимашева политическія мысли, я слышалъ, что онъ употреблялъ слово *красный*, въ примѣненіи къ своимъ политическимъ противникамъ, но кто были эти противники, я не могъ себѣ опредѣленно выяснить: Аксаковъ ли, съ своимъ русскимъ направленіемъ и съ своими статьями за общинное начало, или нигилисты или либералы европейскаго пошиба.

Вопросъ этотъ былъ тогда умѣстенъ потому, что у того самаго Тимашева, который говорилъ о красныхъ, какъ о своихъ врагахъ, и который въ гостиныхъ представлялъ собою *консерватора*, во главѣ земскаго отдѣла, то есть всего крестьянскаго міра сидѣлъ Барыковъ, одинъ

изъ самыхъ красныхъ—и убѣжденно красныхъ—людей, котораго я когда-либо встрѣчалъ между нашими красными тайными совѣтниками. Барыковъ ненавидѣлъ дворянина-помѣщика, ненавидѣлъ всѣ старыя политическія преданія, и съ остроуміемъ и съ цинизмомъ говорилъ безъ малѣйшаго стѣсненія о своихъ принципахъ завѣдыванія тогда крестьянскимъ дѣломъ въ архи-красномъ направленіи. Всего менѣе могъ быть въ иллюзіи насчетъ Барыкова его начальникъ, Тимашевъ, и вотъ почему я и говорю, припоминая то время, о моемъ недоумѣніи понять, противъ какихъ красныхъ ополчался, будто бы, Тимашевъ—если не на дѣлѣ, то на словахъ, когда главнѣйшій и умнѣйшій изъ красныхъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ его подчиненныхъ. И по этому поводу я не согрѣшу противъ истины, если скажу, что тогда мнѣ казалось, что совершенно такъ же, какъ это было при Валуевѣ, честный и глубоко преданный Государю Аксаковъ въ сущности казался Тимашеву болѣе краснымъ, чѣмъ европейскій архилибералъ Барыковъ. Я это яснѣе понялъ, когда въ зиму 1871 года услыхалъ объ идеѣ похода противъ общины, предпринятаго въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, о всесословной волости, о политической роли земства и т. п. Тогда Барыковъ являлся рельефно уже какъ правительственный человѣкъ, а Аксаковъ какъ красный... Но объ этомъ послѣ.

Теперь пока хочу сказать, что такое же недоумѣніе, относительно вопроса о характерѣ внутренней политики создавалъ во мнѣ и другихъ графъ П. А. Шуваловъ. Я не могъ выяснить себѣ ни его консерватизма, ни его либерализма. Недоумѣніе это, прежде всего, являлось при видѣ тѣхъ широкихъ размаховъ, съ которыми его избранный и его, такъ сказать, союзникъ, министръ юстиціи

графъ Паленъ, все сильнѣе и сильнѣе расширялъ либерализмъ въ сферѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, и вдохновлялъ ихъ если не прямо противъ администраціи, то, во всякомъ случаѣ, къ разобщенію съ нею. Въ то время много говорили въ салонахъ о состоявшемся, по иниціативѣ графа Шувалова, нововведеніи, въ силу коего прокуроръ былъ приглашаемъ участвовать въ дознаніяхъ, производимыхъ по политическимъ дѣламъ жандармскимъ управленіемъ... Въ сферахъ Шувалова эту мѣру называли ловкимъ способомъ, будто бы придуманнымъ шефомъ жандармовъ, чтобы имѣть въ сферѣ своего вліянія гордое судебное вѣдомство, но въ сферахъ судебныхъ эту самую мѣру признавали ловкимъ способомъ обрѣзать крылья жандармеріи, посредствомъ пріобщенія къ ней прокуратуры; послѣднее казалось вѣроятнѣе, потому что въ публикѣ и въ средѣ людей, безпристрастно судившихъ эту мѣру, она имѣла характеръ именно опыта со стороны судебнаго вѣдомства подчинить своему контролю, дотолѣ пользовавшееся полною независимостью въ политическихъ дознаніяхъ, III отдѣленіе...

Въ то время у меня бродила въ головѣ мысль объ изданіи журнала, и вопросъ о характерѣ правительственной политики меня сильнѣе интересовалъ, чѣмъ прежде, тѣмъ болѣе, что кромѣ тѣхъ поводовъ къ недоумѣнію, которые я сейчасъ привелъ, былъ еще одинъ самый существенный, заключавшійся въ томъ, что хозяинъ Аничкова дворца въ то время, непонятно почему, считался въ такихъ правительственныхъ сферахъ, какъ Шуваловскія и Тимашевскія, представителемъ *особаго* политическаго образа мыслей, будто бы несогласнаго съ правительственнымъ, тогда какъ на дѣлѣ Цесаревичъ имѣлъ свои собственные на многіе вопросы взгляды, но никогда не

являлся главою какой-либо партіи, а тѣмъ менѣе антиправительственной...

Бесѣда съ графомъ Шуваловымъ, въ отношеніи всѣхъ этихъ недоразумѣній, меня мало удовлетворила. Я могъ убѣдиться изъ нея еще разъ, что онъ очень умный, тонкій и пріятный государственный человѣкъ, что онъ самостоятеленъ и независимъ, какъ нравственная личность, въ томъ мірѣ, гдѣ придворныя чары огромное большинство людей лишаютъ этой независимости и прицѣпляютъ къ постамъ, но я главнаго не могъ уяснить себѣ, чего въ сущности хочетъ правительство, противъ кого оно борется и за кого и за что оно стоитъ.

Шуваловъ говорилъ въ области нюансовъ, то-есть оттѣнковъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ области опредѣленныхъ образовъ и цвѣтовъ, и это-то мѣшало мнѣ выкарабкиваться изъ міра недоумѣній.

Прежде всего, я нашелъ въ немъ признаки какого-то политическаго, но европейскаго фатализма: мнѣ показалось, что онъ вѣруетъ въ непреодолимую силу либеральнаго режима для Россіи въ области внутренней политики. Онъ какъ будто исповѣдывалъ, что правительство въ Россіи обязано *ходомъ вещей* идти по извѣстному либеральному пути, и что время, то-есть наступающая данная эпоха, получаетъ для правительства силу какого-то непреодолимаго закона, коему оно не можетъ не повиноваться. Услыхавъ въ словахъ моего собесѣдника эту мысль, я задалъ ему вопросъ: да гдѣ же предѣлы этого подчиненія правительства эпохѣ?

— Вотъ въ этомъ-то все дѣло. — сказалъ графъ,— знать мѣру, въ которой мы должны идти по духу времени.

— Да,— отвѣтилъ я графу,—но кто можетъ гарантировать, чтобы эта мѣра не шла слишкомъ далеко?

— Самою лучшею гарантіею, — сказалъ графъ, — это самъ Государь, который по своимъ сокровеннымъ убѣжденіямъ вовсе не расположенъ къ либеральнымъ увлеченіямъ.

— И вы тоже, графъ, сколько мнѣ извѣстно, не красны.

— Боже меня сохрани, я питаю отвращеніе къ краснымъ, но въ то же время я полагаю, что прогрессъ нуженъ во всемъ, въ наукахъ, въ искусствахъ и въ политикѣ внутренней. Въ послѣднемъ отношеніи онъ имѣетъ не мало дѣла впереди... Я далекъ отъ мысли о какой-нибудь конституціи, но я, напримѣръ, думаю, что прогрессъ требуетъ большаго расширенія мѣстнаго самоуправленія, дворянство должно было бы имѣть болѣе значенія въ губерніи, какъ сословіе, чѣмъ оно его имѣетъ, земство могло бы имѣть очень важныя экономическія задачи для разрѣшенія, хотя бы, напримѣръ, этотъ варварскій вопросъ общины...

— А вы не думаете, что трогать такой вопросъ теперь еще слишкомъ рано?

— Нѣтъ, потому что я его считаю азбукою нашего экономическаго положенія...

— Но вы забываете, что вся крестьянская реформа основана на общинномъ началѣ, что всѣ платежи основаны на круговой порукѣ...

— Я знаю, но что же изъ этого? Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и очень пора устроить болѣе европейскій порядокъ землевладѣнія, при которомъ была бы мыслима сельскохозяйственная культура и раціональное хозяйство...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ мужицкимъ царствомъ, или вѣрнѣе съ обширною мужицкою коммуною, гдѣ никакой экономическій прогрессъ немыслимъ.

Я схватилъ à peu prés въ идеяхъ моего собесѣдника, но долженъ сознаться, что я не чувствовалъ подъ ними почвы хозяина. Мнѣ казалось, что въ этихъ идеяхъ было болѣе неопредѣленнаго, чѣмъ опредѣленнаго, и что эта неопредѣленность столько же относилась въ умѣ умнаго графа къ сельской общинѣ, сколько къ земству.

Вслѣдствіе этой неопредѣленности борьбу съ общиною онъ считалъ менѣе трудною, чѣмъ она могла быть и была на самомъ дѣлѣ, а съ другой стороны, вслѣдствіе той же неопредѣленности въ понятіяхъ о дѣйствительности онъ считалъ земство болѣе способнымъ къ серьезной работѣ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ было.

Въ этомъ же разговорѣ я коснулся и щекотливаго вопроса.

— Несомнѣнно, — сказалъ я, — вы имѣете извѣстное представленіе объ анти-правительственныхъ образахъ мыслей. Для меня не секретъ, что мои вечернія собранія, которыя я устраиваю у себя для Цесаревича, въ вашемъ умѣ въ какомъ то отношеніи заподозрѣваются. Я бы очень желалъ уяснить себѣ съ какой точки зрѣнія заподозрѣнъ образъ мыслей Цесаревича и его приближенныхъ? Вотъ это для меня полнѣйшая тайна.

Припертый къ стѣнѣ моимъ вопросомъ, графъ, со своею тонкою и умною улыбкою, отвѣтилъ мнѣ, что въ качествѣ шефа жандармовъ онъ обязанъ знать не только то, что говорится около Цесаревича, но то, что думаютъ и говорятъ по поводу политическихъ воззрѣній Цесаревича, дабы всегда быть въ состояніи разнымъ нелѣпостямъ, доходящимъ до Государя, — противопоставлять

одну только правду. Положеніе Наслѣдника Престола, начиная съ извѣстнаго возраста, всегда дѣлается самымъ труднымъ положеніемъ въ государствѣ. Но еще болѣе затрудняется тѣмъ, что есть люди, заинтересованные эксплуатировать щекотливость этого положенія и извлекать выгоды посредствомъ искусственнаго возбужденія тѣней между Государемъ и Наслѣдникомъ. Я не принадлежу къ этимъ людямъ, но я долженъ знать, что они есть и что они дѣйствуютъ, хотя бы для того, чтобы въ извѣстный моментъ помогать Наслѣднику не дѣлаться жертвою этихъ интригъ... Въ этомъ отношеніи я думаю, что служу его интересамъ болѣе, чѣмъ онъ думаетъ...

Я попытался перевести вопросъ на болѣе конкретную почву, и задалъ графу вопросъ: не принадлежитъ ли онъ къ тѣмъ, которые ставятъ Цесаревича во главѣ какой то русской партіи, и эту русскую партію противопоставляютъ политикѣ правительства...

— Я знаю, что Цесаревичъ,—отвѣтилъ графъ, — не жалуетъ нѣмцевъ и очень ревностно стоитъ за самолюбіе русской національности, я знаю также, что есть люди, которые хотятъ во что бы то ни стало дѣлать изъ Цесаревича начальника политической русской партіи, но въ тоже время я долженъ сказать, что нельзя съ большимъ тактомъ держать себя, и быть безупречнымъ въ своемъ трудномъ положеніи, и въ способѣ проявленія своихъ симпатій и своихъ убѣжденій, чѣмъ это проявляетъ Цесаревичъ, и я никогда не упускалъ случая на это обращать вниманіе Государя. А что касается русской партіи, какъ политической партіи, то, откровенно говоря, я не признаю ея прелестей, и думаю, что пока она не изобрѣла цивилизацію болѣе умную и прочную, болѣе чѣмъ

европейская, отъ нея ждать толку по меньшей мѣрѣ рискованно.

— Да, — отвѣтилъ я графу, — но въ тоже время не совсѣмъ безопасно слишкомъ далеко уходить въ погоню за Европою, тамъ, гдѣ ея мысли, гдѣ ея понятія, гдѣ ея историческое прошлое совсѣмъ расходятся съ русскими. Я, признаюсь, не представляю себѣ никакой политической партіи подъ названіемъ русской, но я въ тоже время по предчувствію думаю, что если какой-нибудь образъ мыслей могъ бы быть разумною срединой между нашими европофилами и нашими руссофилами, то правда была бы на его сторонѣ. Въ сущности мы слишкомъ подражаемъ Европѣ и слишкомъ мало знаемъ Россію.

Вотъ приблизительно содержаніе моей бесѣды съ тогдашнимъ руководителемъ внутренней политики.

Интереснаго въ ней по отношенію къ будущему оказалось то, что слова мои *о разумной срединѣ* между европофилами и руссофилами—оправдались въ послѣдующемъ царствованіи Александра III самымъ замѣчательнымъ образомъ.

Его спокойный и благородный патріотизмъ именно создалъ эту разумную средину въ его политикѣ, какъ въ главномъ, такъ и въ подробностяхъ, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ. Онъ сумѣлъ своимъ чутьемъ къ правдѣ воздать Россіи — русское, Европѣ — европейское, и всѣмъ вѣсомъ разумной средины, коей онъ былъ обладателемъ и истолкователемъ, онъ стоялъ на стражѣ противъ увлеченій въ ту или другую крайность.

Очень любопытно, что въ это время явился на политической сценѣ внутренней новый претендентъ на вліяніе. Это кавказскій герой, фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.

Князь Барятинскій въ это время, уступивши свое блестящее мѣсто Великому Князю Михаилу Николаевичу, находился на закатѣ своихъ дней безъ дѣла, слишкомъ великій по своему званію фельдмаршала, чтобы принять какую-либо должность, и въ тоже время недостаточно старый, чтобы отказаться отъ политическаго значенія. Его новая жизнь проходила въ путешествіяхъ и въ пребываніи при Дворѣ, при Государѣ...

Тутъ, группируя около себя разныхъ лицъ изъ административнаго міра, онъ прислушивался къ разнымъ мыслямъ и толкамъ въ области внутренней политики и дѣлился ими съ Государемъ или прямо въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, или передавалъ Государю отдѣльныя записки по тому или другому вопросу. Это былъ интересный типъ того времени. Его долгая жизнь на Кавказѣ, въ послѣдніе годы въ роли полубога, пріучила его къ необыкновенно высокому мнѣнію о себѣ, и въ тоже время къ царенію безъ соперниковъ въ политическомъ мірѣ, а такъ какъ рядомъ съ этимъ онъ былъ отъ природы и уменъ, и даровитъ, и по душѣ вельможа, то изъ всего этого, съ придачею не малой доли опыта и образованія, выходилъ оригинальный типъ, не имѣвшій около Государя себѣ подобнаго, типъ государственнаго совѣтника, слишкомъ лѣниваго, чтобы входить въ подробности какого-нибудь вопроса, слишкомъ избалованнаго фортуной, чтобы себя провѣрить другими и, въ тоже время не стѣснявшагося никакими личными соображеніями, чтобы говорить Государю только то, что считалъ по совѣсти и по убѣжденію правдою. Вслѣдствіе этого, по тому или другому вопросу услужливые его царедворцы снимали съ молока сливки и подносили ему, а онъ съ сливками вопроса являлся въ роли Государева совѣтника.

А проекторовъ тогда въ области внутренней политики было въ Петербургѣ сколько угодно, начиная съ мечты о всесословной волости и кончая земскою конституціею. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, что въ гостиную фельдмаршала, расположеннаго, отъ нечего дѣлать, повозиться съ проектами реформъ, пробиралось не мало людей, прежде всего мечтавшихъ, разумѣется, посредствомъ протекціи князя-фельдмаршала и самаго близкаго лица при Государѣ, сдѣлать карьеру, а затѣмъ кстати что-нибудь присочинить для блага дорогого отечества.

И вотъ писались проекты, писались записки и представлялись они княземъ Барятинскимъ Государю. Государь, въ свою очередь, былъ настолько остороженъ, что не принималъ на себя ни малѣйшей инициативы по этимъ проектамъ, а передавалъ ихъ на прочтеніе то министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву, то шефу жандармовъ, графу Шувалову. Эта осторожность Государя относительно своего друга князя-фельдмаршала порождала въ немъ скрытое неудовольствіе, которое и выражалось въ томъ, что князь Барятинскій иногда жаловался передъ своими приближенными на свою безполезность и на свое положеніе ненужнаго человѣка, и напоминалъ своими словами разочарованія красавицу въ минуту, когда она чуетъ свой отцвѣтъ, но не хочетъ ему сдаваться.

И странное тогда было относительно проектовъ реформъ время. Какъ я говорилъ выше, самымъ нужнымъ въ то время, для всякаго мало-мальски знакомаго съ провинціею, было преобразованіе въ уровень потребностямъ времени всего губернскаго и уѣзднаго управленія. Какъ оно было тогда, послѣ реформъ, гдѣ подумали обо всѣхъ и обо всемъ, забывши только администрацію, оно похоже было на старую лошадь, брошенную на покой, безъ зубовъ,

чтобы жевать, и безъ ногъ—чтобы бѣгать. И волею-неволею пришлось выработать проектъ реформы губернскаго и уѣзднаго управленія; даже такой легкій человѣкъ, какъ Тимашевъ, убѣдился въ ея необходимости, и именно этотъ-то проектъ реформы взяли и похерили. И на этомъ Тимашевъ, точно дѣло сдѣлавши, успокоился. А такими проектами, какъ всесословная волость, какъ отмѣна сельской общины, стали заниматься, думая, что они нужнѣе усиленія и упорядоченія правительственной власти въ провинціи.

Почему это было такъ, я постараюсь объяснить.

Во-первыхъ, въ средѣ тогдашнихъ министровъ либеральное направленіе брало верхъ надъ такими консервативными заботами, какъ престижъ администраціи и сила ея въ провинціи. А брало оно верхъ потому, что хотя либеральныхъ министровъ было тогда не особенно много, но они были молоды и дѣятельны, тогда какъ правительственная партія въ консервативномъ смыслѣ была скорѣе неподвижна. Графъ Толстой въ двойной роли министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода мало вмѣшивался въ сферы политики другихъ министерствъ, и этимъ покупалъ себѣ ихъ невмѣшательство въ его сферы; Тимашевъ, какъ я говорилъ, дальше самаго платоническаго отношенія къ правительственнымъ интересамъ своего министерства не шелъ; графъ Шуваловъ воздерживался отъ всякой консервативной инициативы, а въ иныхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о земствѣ, былъ скорѣе на сторонѣ либеральной партіи и ея мечтаній для нея мѣстами болѣе активной роли. Этимъ въ сущности исчерпывался весь персоналъ консервативныхъ силъ, если не считать, прежде мною названнаго, князя С. Н. Урусова, который говорилъ про себя: я консерваторъ, но я не имѣю храбрости имъ быть. Совсѣмъ

другое представляли собою либералы въ министерскомъ кругу, имѣвшіе за себя прежде всего предсѣдателя государственнаго совѣта Великаго князя Константина Николаевича. Тутъ былъ способный, умный и спокойный военный министръ Милютинъ, всегда подававшій голосъ за все, что пахло либерализмомъ; былъ тутъ молодой министръ юстиціи графъ Паленъ, фанатично преслѣдовавшій, какъ я говорилъ выше, культъ судебнаго самодержавія и пренебреженія къ губернской административной власти; былъ тутъ, появившійся на горизонтѣ и сразу пожалованный въ геніи, желчный и преисполненный ненависти ко всему, что издалека даже пахло консерватизмомъ, умный Татариновъ, создатель новаго государственнаго контроля; былъ тутъ либеральный министръ финансовъ Рейтернъ, подобно Татаринову, презиравшій и ненавидѣвшій все, что носило характеръ тормаза прогресса во имя консервативныхъ преданій. Ихъ было не больше, если не считать совсѣмъ ставшаго политически спокойнымъ и безучастнымъ Валуева въ креслѣ министра государственныхъ имуществъ, и государственнаго канцлера князя Горчакова, который, впрочемъ, предпочиталъ подавать голосъ за либеральныхъ коллегъ и консерваторомъ никогда не былъ ни въ мысляхъ, ни на словахъ.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что этой короткой и бѣглой характеристики тогдашняго правительственнаго состава достаточно, чтобы понять, почему проектъ административной провинціальной реформы, представленной по желанію Государя на утвержденіе, провалился и потерпѣлъ фіаско, вмѣсто того, чтобы быть утвержденнымъ. Если прибавить къ сдѣланной мною номенклатурѣ либеральныхъ министровъ того самаго фельдмаршала князя Барятинскаго, который не прочь былъ играть роль поли-

тическаго центра, но все-таки съ оттѣнками западнаго либерализма, то само-собою разумѣется, что перевѣсъ въ средѣ правительственной партіи либераловъ надъ консерваторами былъ несомнѣненъ.

Это была одна сила либеральная; а другая—широко и, пожалуй, безбрежно расползалась повсюду въ тогдашнихъ сферахъ русской людской жизни, начиная съ «Голоса» Краевскаго, смѣнившаго диктатуру Герцена для большей части мыслящаго люда и для всего чиновнаго міра въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ губернскихъ городахъ, а пожалуй и въ уѣздныхъ, если подъ эту рубрику чиновнаго міра подвести неопредѣленнаго типа земскихъ гласныхъ *изъ грамотныхъ*... То была вторая армія либераловъ, многочисленная и разношерстная, гдѣ всякая консервативная мысль вызывала нервныя судороги отвращенія, а всякая либеральная идея—до конституціи включительно, и даже до республики—находила массу лабораторій въ человѣческихъ мозгахъ и массу лаборантовъ между людьми всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній.

Конкретный же центръ, около котораго вертѣлись всѣ эти либеральныя мысли того времени, было земство. И вертѣлись эти мысли очень разнообразно. Вертѣлись они у шефа-жандармовъ, напримѣръ, и у фельдмаршала князя Барятинскаго, когда они обмѣнивались въ задушевныхъ бесѣдахъ мечтаніями возложить на земство работу уничтоженія общины или созданія всесословной волости, причемъ они мечтали имѣть волостного старшину въ лицѣ русскаго ландлорда, а мягкошляпный нигилистъ мечталъ эту должность занять самъ для просвѣщенія народа. Затѣмъ, около этого же земства вращались либералы «Голоса» и «Вѣстника Европы», съ мечтаніями рано или поздно изъ земства провинціальнаго сдѣлать земство

центральное или что-нибудь въ родѣ земскаго собора, или земской палаты...

И что же изъ этого всего выходило?

Выходило то, о чемъ я говорилъ выше,—реформаторская работа около земства въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ и во многихъ головахъ тогдашняго интеллигентнаго люда...

Къ числу такихъ работъ принадлежали проекты отмѣны общины и созданія всесословной волости, но почему именно они? А потому, что именно они имѣли магическое свойство всѣ рѣшительно либеральныя теченія около себя группировать и собою заинтересовывать, но, разумѣется, съ разными горизонтами и задними мыслями впереди... Князь Барятинскій мечталъ объ уничтоженіи общины съ безкорыстіемъ отдыхающаго на лаврахъ магната, который хотѣлъ бы къ славѣ покорителя Кавказа прибавить славу иниціатора новой экономической и соціальной реформы въ Россіи и для нея призвать земство, какъ послушное орудіе для своихъ замысловъ, ну, а подальше отъ князя Барятинскаго, въ сѣрыхъ и темныхъ тайникахъ интеллигенціи говорили себѣ: толкайте вопросъ объ отмѣнѣ общины, его дадутъ на обсужденіе земствъ на мѣстѣ, а потомъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, очень легко будетъ пригласить въ Петербургъ земскихъ депутатовъ, а затѣмъ до земскаго собора одинъ только шагъ...

Все это говорилось тогда громко...

XI.

(1871—1872 г.г.).

Мои приготовленія къ изданію «*Гражданина*». — Разговоръ по этому поводу съ Цесаревичемъ.—Начало изданія.—Осуществленіе проекта ремесленнаго училища.

Осенью этого года я началъ серьезно собираться издавать журналъ «*Гражданинъ*».

Въ моей жизни это былъ рѣшительный и важнѣйшій шагъ ея.

Прежде всего я совѣтовался, разумѣется, съ моимъ отцомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что разъ я къ тому чувствую влеченіе, и дѣло достойно сочувствія, въ смыслѣ патріотическаго дѣла, онъ меня на эту рѣшимость благословляетъ, но при этомъ напоминаетъ мнѣ, что съ этою рѣшимостью связывается и другое: отказаться отъ служебной карьеры и порвать къ ней всѣ дороги. Надъ этимъ соображеніемъ я немного призадумался, далъ мелькнуть въ тиши своего уединенія блестящимъ грезамъ этой служебной карьеры, но рѣшительнаго дѣйствія этихъ грезъ не испыталъ, и отъ замысла изъ-за нихъ не отошелъ ни на іоту.

Но почему я рѣшился на такой шагъ, разбивавшій всю мою карьеру, по молодости-ли, вслѣдствіе увлеченій, или по убѣжденію, развившемуся въ душѣ спокойно? — Второе было вѣрнѣе. Вездѣ въ то время въ сферахъ, гдѣ

я вращался, я слышалъ негодующіе отзывы о вредномъ дѣйствіи печати на молодежь въ особенности и на общество вообще. Главными дѣятелями въ печати въ этомъ вредномъ смыслѣ были два петербургскіе органа: «*Голосъ*» Краевскаго и «*С.-Петербургскія Вѣдомости*», казенное изданіе академіи наукъ, въ арендѣ у Корша, гдѣ, съ самымъ либеральнымъ задоромъ, тогда царилъ, зарождавшійся подъ именемъ «Незнакомецъ», А. С. Суворинъ въ своихъ фельетонахъ. «*Голосъ*» проводилъ анти-правительственную политику; Суворинъ скорѣе шальную нигилистическую. Обѣ нравились во многихъ общественныхъ сферахъ, и въ сферахъ петербургскихъ сановниковъ въ особенности; учащаяся молодежь или восхищалась и вдохновлялась, и такъ какъ направленія противоположнаго, то-есть консервативнаго, въ петербургской печати представителя не было, то я и возымѣлъ мысль основать органъ консервативный въ защиту церковнаго авторитета, самодержавія и въ обличеніе всѣхъ увлеченій либерализмомъ.

Дѣло было не легкое.

Прежде всего я сознавалъ, что выступалъ на путь, который, по сложившимся о немъ въ верхахъ понятіямъ, считался чѣмъ-то непризнаннымъ, чѣмъ-то неопрятнымъ и къ моему положенію неподходящимъ. При Дворѣ хотя слабѣе, чѣмъ прежде, но все-же держалось предубѣжденіе противъ всего, что пишетъ, и во всякомъ случаѣ, между моимъ представленіемъ, что, вступая въ журналистику съ охранительными боевыми задачами, я считаю себя совершенно одинаковымъ слугою моего государства и моего Государя, какъ любой служащій и дѣлающій служебную карьеру въ департаментѣ, и тѣмъ отношеніемъ къ печати, которое имѣли при Дворѣ, была цѣлая бездна. Какъ го-

ворятъ французы, je dèrogeais à quelque chose, промѣнивая положеніе чиновника на званіе журналиста, такъ что въ этомъ отношеніи моя рѣшимость браться за журнальное дѣло была чѣмъ то въ родѣ воспріятія гражданской или карьерной смерти. Я думаю, что когда я умру, даже мои недоброжелатели должны будутъ вмѣнить мнѣ въ патріотическую заслугу этотъ моментъ моей жизни, когда для служенія убѣжденіямъ, для борьбы за нихъ, на которую менѣе всего меня звали тѣ, которыхъ я считалъ жертвами либеральнаго направленія, я пренебрегъ всѣми благами и прелестями міра сего, и вмѣсто улыбавшейся мнѣ тогда болѣе, чѣмъ кому-либо изъ сверстниковъ, карьеры служебной предпочелъ не только неблагодарный, но тернистый и даже страдальческій путь, и предпочелъ сознательно и хладнокровно. Въ тонѣ, съ которымъ Государь спросилъ: ты идешь въ писаки?—я услыхалъ не только отсутствіе чего-либо похожаго на поощреніе, но отголосокъ насмѣшливаго пренебреженія, и во всякомъ случаѣ полное признаніе ненужности того дѣла, съ Его точки зрѣнія, на которое я рѣшился посвятить мою жизнь. Впрочемъ, это не было для меня неожиданностью. Тогда уже во мнѣ было живымъ грустное воспоминаніе о томъ, какъ мало цѣнили, напримѣръ, такого почтеннаго и чистаго слугу своего отечества въ печати, какъ И. С. Аксакова, слышался этотъ полунасмѣшливый и полупренебрежительный тонъ, съ которымъ отзывались объ его чистомъ вдохновеніи, и въ глазахъ оставалась картина, какъ какой-нибудь пошлый, бездарный и вздутый своимъ эгоизмомъ и чванствомъ сановникъ считался чѣмъ-то нужнымъ и почти священнымъ сравнительно съ Аксаковымъ, считавшимся чѣмъ-то заштатнымъ и какимъ–то жалкимъ мономаномъ. Поэтому я не могъ не говорить

себѣ: чего же мнѣ ждать на этомъ полѣ—битвы, мнѣ, лишенному Аксаковской чистоты и Аксаковскаго таланта.

Въ то же время я зналъ и предвидѣлъ, какого рода пріемъ меня ждетъ въ той петербургской журналистикѣ, куда я собирался входить непрошеннымъ гостемъ. Моя репутація консерватора—тогда быть консерваторомъ значило одно и то-же, что быть мошенникомъ,—успѣла уже въ разныхъ сферахъ петербургской интеллигенціи установиться, и вездѣ, въ этихъ сферахъ, я былъ въ немилости; это одно. А затѣмъ, могъ-ли я не понимать тогда, какимъ немилымъ пришельцемъ долженъ былъ быть камергеръ князь Мещерскій въ средѣ, гдѣ корифеи и князья слова, сознавая себя плебеями, чувствовали и сознавали въ тоже время торжество этого плебеизма и всемогущество своего вліянія на общество и на правительство — вліянія именно демократическаго общеѣтва и плебейскаго его вліянія безъ соперниковъ.

Старикъ князь Вяземскій, подъ впечатлѣніемъ злѣйшихъ отзывовъ злого и злораднаго Никитенки, говорилъ мнѣ: ты начнешь свою карьеру публициста прогулкою сквозь строй.

Ф. И. Тютчевъ говорилъ мнѣ: дорогой князь, я привѣтствую ваше намѣреніе, но я впередъ соболѣзную вашимъ испытаніямъ. Вы входите въ среду, гдѣ вамъ все простятъ—и ваши промахи пера, и ваши ошибки стиля, и ваши заблужденія,—но одного не простятъ, что вы князь Мещерскій.

Въ началѣ осени, въ саду его обители я велъ бесѣду съ глубоко-симпатичнымъ и очень умнымъ московскимъ викаріемъ преосвященнымъ Леонидомъ—объ этомъ самомъ предметѣ.

Я пріѣзжалъ къ нему принять его благословеніе на предпринимаемое мною дѣло.

— Я слышалъ о немъ,—сказалъ мнѣ архипастырь своимъ мягкимъ и задушевнымъ голосомъ,—и много думалъ о вашемъ начинаніи, и о вашей рѣшимости. Дѣло трудное.

Подумали-ли вы о томъ что, избираемый вами, желаемый путь, ведетъ васъ на Голгофу? Готовы-ли вы къ нему? Васъ ждутъ враги всѣхъ видовъ. Васъ ждутъ ненависть и клевета враговъ; васъ ждетъ малодушіе друзей; васъ ждетъ страданіе отъ равнодушія; а хорошаго васъ ничего не ждетъ. Правду никто вамъ не проститъ, ни тѣ, которымъ она нужна, ни тѣ, которымъ она вредитъ: обоимъ она ненавистна. А разъ вы вышли на этотъ путь, помните, что уходить съ него нельзя: бросать несомый крестъ и бѣжать отъ него нельзя...

Надъ этимъ всѣмъ—думали-ли вы?

— Да, владыко, надъ всѣмъ этимъ я думалъ, и много думалъ.

— И не боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь...

— Такъ да поможетъ вамъ Сердцевидѣцъ-Богъ, — сказалъ мнѣ архипастырь.—Съ молитвою за васъ, я васъ благословлю...

И онъ благословилъ меня въ этотъ тихій осенній вечеръ, при свѣтѣ заходившаго солнца, въ саду, и затѣмъ обнялъ меня.

Затѣмъ я поговорилъ о моемъ намѣреніи съ Цесаревичемъ. Онъ смотрѣлъ иначе на это дѣло, чѣмъ относились къ нему при Дворѣ. Онъ прямо мнѣ сказалъ, что признаетъ это дѣло хорошимъ и полезнымъ, и вполнѣ ему сочувствуетъ.

— Если печать имѣетъ вредное вліяніе на нашу жизнь,—сказалъ мнѣ, между прочимъ, Цесаревичъ,—то надо надѣяться, что она можетъ тоже приносить пользу.

Но при этомъ я сказалъ Цесаревичу, что меня смущаетъ одно: это мысль, что всѣ меня будутъ ругать, и что тогда явится вопросъ: не будетъ-ли это Ему непріятно въ виду тѣхъ отношеній, которыя судьба между имъ и мною создала?..

На что Цесаревичъ мнѣ отвѣтилъ: когда человѣкъ честно исполняетъ свой долгъ, какое мнѣ дѣло до того, ругаютъ ли его или хвалятъ...

Затѣмъ, я явился къ своему министру, генералу Тимашеву, и просилъ его о дозволеніи мнѣ предпринять изданіе журнала.

Тимашевъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ противъ моего замысла ничего не имѣетъ, но находитъ, что я, какъ чиновникъ особыхъ порученій при немъ, не могу быть редакторомъ журнала, а потому я долженъ себѣ подыскать отвѣтственнаго редактора.

Отыскать редактора—явилось первымъ затрудненіемъ. Затѣмъ явилось и второе. Даже для скромнаго еженедѣльнаго изданія надо было имѣть, чтобы начинать его, какія-нибудь денежныя средства, а у меня ихъ не было.

По этому поводу интересно вспомнить, какъ тогда даже про деньги можно было сказать: Богъ послалъ,—до того полученіе ихъ въ нужную минуту явилось неожиданнымъ и, такъ сказать, совсѣмъ внѣ предвидѣнія и разсчетовъ.

Я встрѣтилъ въ Москвѣ купца и фабриканта изъ села Иванова, почтеннаго и добрѣйшаго человѣка С. Н. Г. Познакомился я съ нимъ въ самомъ Ивановѣ въ 1869

году. Тогда мы показались другъ другу симпатичными, много бесѣдовали и разошлись друзьями.

Потомъ свидѣлись на нижегородской ярмаркѣ. И вотъ въ концѣ осени 1871 года я встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ, поѣхали мы въ Эрмитажъ обѣдать; тамъ, между прочимъ, въ разговорѣ зашла рѣчь о моемъ будущемъ изданіи. Онъ высказалъ горячее сочувствіе дѣлу и, между прочимъ, спросилъ меня: имѣю-ли я на дѣло средства? Я ему отвѣтилъ, что на счетъ средствъ уповаю, что Богъ ихъ пошлетъ, если дѣлу суждено идти, и на этомъ разговоръ нашъ кончился.

На другое утро онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ гостиницу Дюссо и, вынимая изъ кармана пакетъ, отдаетъ мнѣ его...

— Что это?—спрашиваю я его.

— А вотъ, Богъ вамъ посылаетъ на начало дѣла,— отвѣчаетъ онъ мнѣ, улыбаясь.

Оказалось, что въ этомъ пакетѣ было 6,000 рублей...

Я имѣлъ право всѣмъ сердцемъ оцѣнить это приношеніе моего Ивановскаго друга, ибо, за всѣ годы моихъ съ нимъ отношеній, онъ никогда ничего для себя не просилъ и только мнѣ оказывалъ услуги.

Явилось нѣсколько другихъ жертвователей, разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, но тоже изъ сочувствія къ предпринимаемому дѣлу и, такимъ образомъ, второе препятствіе было на предстоящій годъ устранено...

Первое препятствіе устранилось тоже въ концѣ года. Я нашелъ редактора въ лицѣ прибывшаго тогда изъ Кіева Г. К. Градовскаго (потомъ Гамма), но не скажу, какъ про тѣ деньги, что Богъ мнѣ его послалъ...

Впрочемъ, тогда молодой Градовскій знакомился со мною если не при дѣйствительномъ, то, во всякомъ случаѣ, при казавшемся единомысліи; даже болѣе того: онъ

не въ наймиты шелъ по чужому дѣлу, онъ, казалось мнѣ, шелъ изъ сочувствія къ цѣли и къ стремленіямъ новаго изданія, и какъ будто относился къ нему, какъ къ своему дѣлу. Во всякомъ случаѣ, при обмѣнѣ мыслями диссонансовъ никакихъ между нами не проявлялось...

Вступилъ я въ этотъ новый для меня міръ далеко не одинокимъ, а, напротивъ, окрыленный цѣлымъ кружкомъ такихъ существенно цѣльныхъ и крупныхъ воспріемниковъ для будущаго дѣтища, что и съ этой духовно существенной стороны я могъ смѣть думать, что Богъ не оставлялъ Своею милостью дѣло...

Воспріемниками были К. П. Побѣдоносцевъ, А. Н. Майковъ, Ф. М. Достоевскій, Ф. И. Тютчевъ, Н. И. Страховъ, М. О. Кояловичъ, Б. М. Маркевичъ.

Тогда же основались мои среды...

Онѣ назывались литературными. Но вѣрнѣе ихъ было назвать политическими, ибо главными предметами бесѣдъ и споровъ, главною причиною оживленія была политика дня въ жизни государственной и въ жизни печати...

Органъ признавался всѣми воспріемниками его нужнымъ. Слѣдовательно, съ этой стороны сомнѣнія въ его пользѣ не было.

Но сомнительнымъ, и въ видѣ вопросительнаго знака былъ я, ибо съ дѣломъ, за которое я брался, соединялись для меня почти мои первые шаги въ литературной дѣятельности... По этой части формуляръ былъ очень бѣденъ...

По части газетной полемики я имѣлъ только одну статью когда-то въ «Сѣверной Пчелѣ», затѣмъ одинъ сатирическій эпизодъ, подъ названіемъ: «Россія подъ перомъ замѣчательнаго человѣка» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и «Мои очерки общественной жизни въ Россіи», печатавшіеся въ «Русскомъ Инвалидѣ»...

Впрочемъ, при такой собственной скудости я былъ богатъ духовнымъ міромъ моихъ воспріемниковъ. Отъ Побѣдоносцева я получать могъ цензуру мысли, отъ Майкова—вдохновеніе мысли, отъ Достоевскаго—огонь и задоръ для мысли, отъ Страхова—страхъ подпасть подъ его добродушную иронію, отъ Маркевича—тонъ, интонаціи и указанія злобъ дня. Въ сотрудники, для украшенія изданія, попытался было идти и товарищъ мой по училищу, А. Н. Апухтинъ, впервые послѣ долгаго перерыва, наступившаго послѣ печатанія его стихотвореній въ «Современникѣ». Но попытка длилась недолго. Едва успѣлъ Апухтинъ напечатать два-три прелестныхъ своихъ стихотворенія, какъ его выругали современные критики газетъ за одно съ «*Гражданиномъ*», и онъ такъ испугался этихъ разбойниковъ пера и мошенниковъ печати, что сразу замолкъ и спрятался навсегда.

Въ числѣ гостей моихъ былъ и прелестный графъ А. К. Толстой, другъ Б. М. Маркевича. Рѣдко къ кому могло примѣняться это слово: прелестный, какъ къ графу А. К. Толстому...

Онъ именно прельщалъ своею своенравною, гордою въ смыслѣ независимости, и въ то же время своею богатою поэзіею, чистотою, искренностью и красотою мотивовъ душою... Но онъ не былъ изъ воспріемниковъ моего будущаго «*Гражданина*», ибо одинаково искренно ненавидѣлъ двѣ вещи: службу чиновника и полемику газетъ и журналовъ...

Помню его, съ оттѣнкомъ тонкой насмѣшливости, пристально въ меня устремленный недоумѣвающій взглядъ, когда я ему говорилъ о своихъ журнальныхъ мечтаніяхъ. Взглядъ его такъ ясно и такъ искренно говорилъ мнѣ:

вотъ дуракъ!—что я почти чувствовалъ себя передъ нимъ сконфуженнымъ...

Да и не поэтому одному графъ А. К. Толстой относился къ моему предпріятію съ скептицизмомъ и недоумѣніемъ. Фанатизмъ, съ которымъ онъ оберегалъ самобытность своего я, былъ такъ силенъ и глубокъ, что графъ Толстой не сопричислялъ себя ни къ какому лагерю: онъ дорожилъ правомъ не думать, какъ другіе, какъ лучшимъ благомъ своей свободы, а такъ какъ культъ духовной свободы онъ ставилъ выше всего, то мнѣ казалось, что онъ при всей своей оригинальности—скорѣе клонился къ либераламъ, чѣмъ въ нашу сторону, гдѣ онъ не симпатизировалъ слишкомъ опредѣленнымъ рамкамъ вѣрованій.

Это была странная въ своей огромной даровитости русская натура. Трудно было бы представить себѣ болѣе русскаго человѣка, чѣмъ былъ графъ А. К. Толстой. Но въ то же время, какъ только его мысль переходила въ область политической жизни, слышалось или, вѣрнѣе, чуялось, что его духъ русскаго богатыря не роднится со всѣми русскими преданіями и нравами государственной жизни, а льнетъ куда-то за море, въ чужія страны, и къ чужимъ народамъ Запада. Когда я съ нимъ говорилъ о своихъ журнальныхъ идеяхъ, я понималъ, что онъ—не то, что не сочувствовалъ мнѣ, или во враждѣ съ моими стремленіями; нѣтъ, онъ, чуялось мнѣ, не вѣрилъ безусловно въ возможность въ жизненной практикѣ осуществлять идеальность консервативныхъ стремленій. Онъ какъ будто признавалъ, что перенесенныя въ область реальнаго, эти идеальныя стремленія консерватизма обратятся въ холопскій культъ Держиморднаго кулака и чиновничьяго пера, и въ то же время, глядя на время, онъ исповѣдывалъ невозможность и безполезность ему мѣшать

свершать свои задачи. И то, и другое объяснило мнѣ, что, при всемъ добромъ ко мнѣ расположеніи, онъ скорѣе, какъ я сказалъ, былъ мыслями съ увлекавшимися свободою, чѣмъ съ тѣми, которые, во имя консерваторскаго культа, мечтали эту свободу тогдашняго времени обуздывать. Онъ отрицалъ пользу такой узды для самихъ идеаловъ, и предсказывалъ, что она будетъ идти только на помощь произволу чиновника.

Но, при всемъ томъ, онъ обѣщалъ мнѣ самое для меня цѣнное: свое уваженіе и, въ доказательство его, свое сотрудничество.

И вотъ, послѣ молебствія въ первое воскресенье 1872 года вышелъ первый №-ръ «*Гражданина*», еженедѣльнаго изданія, въ томъ самомъ форматѣ, въ какомъ онъ выходитъ доселѣ.

Казалось бы, можно было ожидать отъ опытныхъ и возмужалыхъ органовъ петербургской печати хотя бы немного снисходительности къ первому шагу юнаго собрата, хотя бы изъ порядочности, если не изъ христіанскаго снисхожденія, но не тутъ-то было. Всѣми газетами этотъ первый шагъ былъ встрѣченъ весьма недружелюбно, и съ той минуты по какому-то лозунгу рѣшительно все, что появлялось въ «*Гражданинѣ*», было предаваемо осмѣянію или брани.

Я выступилъ съ 1.000 съ чѣмъ-то подписчиковъ, и въ теченіе года набралъ еще около 800... Эта цыфра доказала, что судьба «*Гражданина*» была рѣшена съ перваго дня его появленія, и его удѣломъ стало быть въ немилости у, такъ называемаго, общественнаго мнѣнія, или, другими словами, не имѣть успѣха. Этотъ неуспѣхъ, къ которому былъ присужденъ «*Гражданинъ*», былъ слишкомъ незаслуженъ, чтобы казаться случайнымъ: ибо

въ «*Гражданинѣ*» съ самаго начала участвовали сотрудники, по качествамъ своихъ произведеній, призванные вызвать, напротивъ, сочувствіе образованной части общества, но дружный походъ противъ «*Гражданина*» всей печати не позволилъ этимъ образованнымъ людямъ быть въ оцѣнкѣ «*Гражданина*» ни безпристрастными, ни самостоятельными, и съ перваго же раза со всѣхъ сторонъ пришлось имѣть дѣло съ людьми—они то и составили главную причину неуспѣха «*Гражданина*» навсегда,—которые признавали постыднымъ читать такое ретроградное изданіе, и которые ругали его, никогда не глядя на него, такъ сказать, по принципу, чтобы казаться на высотѣ либеральнаго вѣка...

Какъ знаменіе времени, относительно «*Гражданина*», это было пустякъ; и въ самомъ дѣлѣ, какую важность могъ имѣть вопросъ: милость или немилость общественнаго мнѣнія къ журнальчику князя Мещерскаго? Но явленіе это получаетъ значеніе собственно потому, что оно въ маломъ видѣ было ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ того несравненно болѣе крупнаго явленія, въ силу коего въ ту эпоху большинство образованныхъ людей малодушно стыдились проявлять все то, что могло бы свидѣтельствовать объ ихъ правительственномъ настроеніи, а о консерватизмѣ подавно.

Нѣсколько лѣтъ спустя мы, консерваторы, поняли, что то, что въ маленькомъ видѣ было въ 1872 году проявлено какъ малодушіе общества относительно «*Гражданина*», то въ болѣе крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ проявилось въ колоссальномъ успѣхѣ, которымъ почтило общество въ Петербургѣ героиню дня Засуличъ, за свой подвигъ покушенія на жизнь градоначальника, и въ отреченіи почти всѣхъ отъ этого градоначальника.

Главный контингентъ подписчиковъ «*Гражданина*» составляли духовенство и представители высшаго общества. Въ придворныхъ сферахъ «*Гражданинъ*» имѣлъ скорѣе неуспѣхъ. Изъ Членовъ Императорской Фамиліи его читателями были только Цесаревичъ и Великій Князь Николай Николаевичъ, но, несмотря на этотъ придворный неуспѣхъ, неизвѣстно почему, «*Гражданину*» присвоили значеніе придворнаго органа. При встрѣчѣ симпатичный Великій Князь Николай Николаевичъ говорилъ мнѣ: молодчина «*Гражданинъ*», не унывай... А когда я спросилъ Цесаревича: не непріятно ли Ему, что я вызвалъ своимъ появленіемъ въ журналистикѣ такую ужасную противъ себя брань? Онъ показалъ мнѣ на маленькую кучу вырѣзокъ изъ газетъ, лежавшую на Его столѣ, и сказалъ: вотъ ежедневная порція ругательствъ на васъ, которую мнѣ по почтѣ доставляетъ какой-то, очевидно, вашъ *закадычный другъ*,—прибавилъ онъ, смѣясь.—Но это надо было предвидѣть и смущаться не стоитъ...

Эпизодъ съ *точкою* вызвалъ противъ меня цѣлый ураганъ.

Онъ заключался въ фразѣ, которую я дерзнулъ тогда сказать въ одномъ изъ первыхъ №-ровъ «*Гражданина*» о необходимости поставить къ либеральнымъ реформамъ *точку*. Съ этимъ словомъ все для меня кончилось, какъ будущность, и анаѳема надо мною произнесена была полная.

Одни признали преступленіемъ государственнымъ это смѣть думать, другіе—ставили меня къ отвѣту за то, что я смѣлъ это сказать, говоря: можно это думать, но не слѣдуетъ это говорить.

Характерное тогда было знаменіе времени.

Появилась въ театрѣ Буффъ, въ бывшемъ циркѣ Новосильцева, вблизи Александринскаго театра и Аничкова дворца, знаменитая французская пѣвица Шнейдеръ. Она выбрала для своего репертуара знаменитую оперетку Оффенбаха, «*Герцогиня Герольдштейнъ*». Въ Петербургѣ извѣстіе это произвело сенсацію. Стали ходить толки, что ей не позволятъ давать эту оперетку, такъ какъ всѣ знали, что въ ней героиней въ весьма неидеальномъ видѣ выведена Императрица Екатерина II. Одинокіе старики основательно волновались, говоря: помилуйте, не позволяютъ выводить на сценѣ въ серьезномъ видѣ Петра I,— неужели же дозволятъ въ опереткѣ выводить Екатерину II. Большинство же оспаривало этихъ пуристовъ и говорило: что за вздоръ, во всей Европѣ даютъ эту оперетку, она прелестна, смѣшно ее запрещать у насъ! Къ тому же, кружокъ обожателей въ высшихъ сферахъ у г-жи Шнейдеръ былъ такъ великъ, что нельзя было не предвидѣть побѣды общественнаго мнѣнія надъ цензурными соображеніями, и дѣйствительно, въ афишахъ появился анонсъ знаменитой оперетты, только, съ заглавіемъ «*Сабля моего отца*». Въ одинъ моментъ всѣ мѣста были разобраны въ театрѣ, и въ первое представленіе, кромѣ всего фешенебельнаго общества, было много придворныхъ особъ.

По поводу этого представленія gala, я написалъ возмущеннымъ духомъ статью, находя грустнымъ знаменіемъ времени, что оперетка, въ которой осмѣивается русская монархиня, создавшая для Россіи періодъ славы, и осмѣивается русскій солдатъ, можетъ привлекать къ себѣ въ зрители такое блестящее въ Петербургѣ общество. Я сказалъ тоже, что этотъ примѣръ профанаціи сверху того, что всѣ должны чтить, и почитаніе чего—есть нравствен-

ная сила въ государствѣ,—рано или поздно отзовется опасными признаками общественной деморализаціи...

Тутъ опять произошло курьезное явленіе времени... Печать на меня накинулась съ насмѣшкою, рисуя меня смѣшнымъ Донъ-Кихотомъ; это было въ порядкѣ вещей и не неожиданно; но неожиданно было для меня то, что меня чуть-чуть не привлекли къ отвѣтственности за мою статью, до того въ иныхъ придворныхъ сферахъ она возбудила противъ меня негодованіе. При всемъ своемъ индифферентизмѣ, Тимашевъ не могъ не отвѣтить, требовавшимъ кары противъ «*Гражданина*», что неловко давать предостереженіе за отстаиваніе престижа Монарха и солдата, хотя бы въ рѣзкой формѣ.

Но меня все-таки пригласили для объясненій къ самому Тимашеву, который сказалъ мнѣ, что *объ такихъ вопросахъ лучше не писать*...

Я наивно на это ему отвѣтилъ: что, мнѣ кажется, лучше было бы въ интересахъ русскаго монархизма и всего, что каждому изъ насъ дорого съ дѣтства, такой пьесы не давать, на что Тимашевъ мнѣ, съ обычнымъ своимъ квіетизмомъ, отвѣтилъ: можетъ быть, вы и правы, но не мы съ вами распоряжаемся театральными репертуарами и въ этомъ, какъ и во всемъ ne soyons pas plus royalistes que le roi.

Во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ былъ очень характеренъ въ то время именно, какъ знаменіе времени и какъ картина всеобщей распущенности... Только нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ говорили: вы тогда были правы,—но тогда находить меня правымъ никто не смѣлъ.

Въ этомъ году Богъ помогъ мнѣ совершить другое крупное дѣло, но только съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ

дѣло «*Гражданина*», это окончательное осуществленіе проекта ремесленнаго училища Цесаревича Николая.

Въ 1866 году послѣ почившаго своего брата, Цесаревичъ принялъ въ наслѣдство отъ него маленькій дѣтскій пріютъ, которымъ онъ лично завѣдывалъ. Пріютъ этотъ, для нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, находился у Калинкина моста въ небольшомъ помѣщеніи съ садикомъ, и управлялся почтенною старушкою, севастопольскою сестрою милосердія Щедриною. Этотъ пріютъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, назначивъ меня попечителемъ, и вотъ изъ этого то зернышка разрослось, благодаря сердечной иниціативѣ Цесаревича и участію многихъ лицъ, привлеченныхъ мною именемъ Цесаревича въ радѣтели этого дѣла,— разрослось широкое дѣло.

Расширеніе это шло постепенно. Вначалѣ у меня было только два помощника, старикъ купецъ Быковъ и купецъ Карали; года черезъ два помощниковъ и радѣтелей было человѣкъ десять... Года черезъ два послѣ моего вступленія, удалось мнѣ перевести пріютъ, увеличивъ его личный составъ призрѣваемыхъ, на 5 линію Васильевскаго острова въ сравнительно большой деревянный домъ. Тутъ, два года спустя, удалось на пожертвованія устроить очень милую церковь, благодаря даровому труду тогда извѣстнаго архитектора Гребенки. Познакомился я тогда съ симпатичнымъ и даровитымъ человѣкомъ Н. А. Ермаковымъ, служившимъ тогда вице-директоромъ департамента мануфактуръ въ министерствѣ финансовъ; сразу мы сблизились, и вотъ объектомъ этого сближенія явилась мысль— изъ этого пріюта, получившаго названіе дома призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, сдѣлать двѣ вещи: для мальчиковъ ремесленное училище, для дѣвочекъ рукодѣльную и воспитательную школу; мысль эту я представилъ Цесаревичу.

Онъ съ сердечною теплотою ее одобрилъ, и вотъ мы начали тогда созидательную работу. Начали мы сначала потихоньку, сперва выработали мы уставъ нашего дома призрѣнія, во главу котораго поставленъ былъ совѣтъ. Я былъ назначенъ предсѣдателемъ этого совѣта. Ермаковъ моимъ товарищемъ; право быть членомъ совѣта давалъ ежегодный взносъ 300 рублей, или личный трудъ по завѣдыванію домомъ... И прежде, чѣмъ выработать проектъ грандіознаго ремесленнаго училища, мы ввели уже въ скромныхъ размѣрахъ обученіе столярному дѣлу въ домѣ призрѣнія, и къ 1870 году совѣтъ дома призрѣнія имѣлъ уже болѣе 20 членовъ. Затѣмъ поступилъ къ намъ въ члены талантливый и симпатичный архитекторъ Макаровъ и онъ принялся разработывать планъ будущаго ремесленнаго училища. Вести и подвигать дѣло было не трудно. Талисманомъ было имя Цесаревича и не потому, что Онъ былъ Наслѣдникъ Престола, но потому, что былъ вездѣ и всѣми любимъ, и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца своею простотою и ласковостью въ обращеніи съ людьми. Оттого и деньги и люди являлись отовсюду, и самая мысль о созданіи столь нужнаго для Петербурга ремесленнаго училища вызвала всеобщее сочувствіе. Я обратился къ тогдашнему городскому головѣ Н. И. Погребову, по порученію Цесаревича, съ просьбою объ участіи города въ нашемъ дѣлѣ; онъ созвалъ экстренное собраніе думы, на которомъ почти единогласно дума постановила и на счетъ отвода земли для будущаго ремесленнаго училища и на счетъ участія города въ самомъ дѣлѣ. Обратился я тоже къ министру финансовъ М. Х. Рейтерну, и тамъ нашелъ полнѣйшую готовность содѣйствовать успѣху дѣла, энергически предпринятаго Цесаревичемъ.

И дѣло росло такъ скоро и такъ успѣшно, что въ 1872 г. лѣтомъ уже состоялась закладка будущаго зданія на землѣ, отведенной совѣту на углу 1-й роты Измайловскаго полка и Обуховскаго проспекта, — въ присутствіи Цесаревича, окруженнаго многочисленнымъ уже совѣтомъ дома призрѣнія...

XII.

(1872—1873 гг.).

Мое сближеніе съ Достоевскимъ.—Его характеристика.

Къ концу перваго года изданія моего «*Гражданина*» мнѣ пришлось разочароваться въ моемъ alter ego, Градовскомъ, или, говоря вѣрнѣе, убѣдиться въ томъ, что онъ не моего прихода, и послѣ нѣсколькихъ маленькихъ стычекъ, чтобы избѣгнуть болѣе крупныхъ недомолвокъ, мы пришли къ мысли, что союзъ нашъ долженъ расторгнуться по взаимному соглашенію, и что съ будущаго года я долженъ искать себѣ другого издателя-редактора.

Положеніе было критическое... Гдѣ искать такого сотоварища?

И въ эту то трудную минуту, въ одну изъ средъ, когда за чашкою чая мы говорили объ этомъ вопросѣ, никогда не забуду, съ какимъ добродушнымъ и въ тоже время вдохновеннымъ лицомъ—Ѳ. М. Достоевскій обратился ко мнѣ и говоритъ мнѣ: хотите, я пойду въ редакторы?

Въ первый мигъ мы подумали, что онъ шутитъ, но затѣмъ явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевскій рѣшился на это изъ сочувствія къ цѣли изданія...

Но этого мало. Рѣшимость Достоевскаго имѣла свою

духовную красоту. Достоевскій былъ, не взирая на то, что онъ былъ Достоевскій,—бѣденъ; онъ зналъ, что мои личныя и издательскія средства ограничены, и потому сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ для себя только самого нужнаго гонорара, какъ средствъ къ жизни, самъ назначивъ 3,000 рублей въ годъ и построчную плату.

Горизонтъ «*Гражданина*», потускнѣвшій къ концу года, прояснился съ этимъ отраднымъ фактомъ и, понятно, явились надежды на успѣхъ «*Гражданина*», благодаря имени Достоевскаго.

Но Достоевскій оказался пророкомъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ, —не предавайтесь иллюзіямъ, мое имя вамъ ничего не принесетъ: ненависть къ «*Гражданину*» сильнѣе моей популярности; да и какая у меня популярность? У меня ея нѣтъ, меня раскусили, нашли, что я иду противъ теченія.

И онъ оказался правъ.

Что то холодное, что то злое привѣтствовало Достоевскаго во всей тогдашней печати въ его новой роли хозяина «*Гражданина*». Его признали виновнымъ съ совершеніи гнуснаго дѣла и не заслуживающимъ никакого снисхожденія. Нападенія на «*Гражданинъ*» стали злѣе и интенсивнѣе, а результатомъ было то, что подписка 1873 года обнаружила количество самое незначительное, приблизительно сотни на двѣ увеличенія числа подписчиковъ.

Это уже было несомнѣнное знаменіе времени. Первый годъ можно было объяснить неуспѣхъ «*Гражданина*» моею глупостью или бездарностью, я это охотно допускалъ; но когда во второй годъ умомъ и душою изданія сдѣлался Достоевскій, и все же успѣха не было, что прямо уже значило, что ненависть къ консервативному изданію была искусственно привита тому громадному

стаду, которое тогда носило грандіозное названіе современнаго образованнаго общества.

Въ началѣ второго года открылся новый молодой талантъ въ рукописяхъ «*Гражданина*». Однажды приходитъ ко мнѣ Достоевскій и съ восторгомъ сообщаетъ объ очеркахъ съ сѣвера нѣкоего Немировича-Данченки. Завязалась переписка съ талантливымъ авторомъ. Онъ оказался молодымъ сосланнымъ въ Архангельскую губернію. Несомнѣнность его таланта и чувства, которыми полны были его прекрасныя письма въ минуты испытанія и наказанія,—побудили насъ общими силами хлопотать объ его участи. Графъ Паленъ, тогдашній министръ юстиціи, отнесся сочувственно къ этимъ хлопотамъ, и молодой талантъ былъ помилованъ.

Радость Достоевскаго, когда онъ нападалъ на слѣдъ или на признаки таланта, была трогательна и характерна.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и съ сіяющимъ лицомъ возвѣстилъ, что нашелъ второго Гоголя, копаясь въ ворохѣ рукописей. Дѣйствительно, въ маленькомъ разсказѣ «*Сапоги*» оказался громадный комическій талантъ. Мы добыли автора, скромненькаго чинушку, жившаго на Охтѣ, и начали съ нимъ возиться. Но, по странной игрѣ случая, такъ дальше этого разсказа его творчество не пошло, и то, что онъ сталъ писать послѣ, къ его и къ нашему горю не стоило ни гроша.

Достоевскій былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ людей, видѣнныхъ въ моей жизни.

Въ самой исторіи его жизни было крупное недоразумѣніе, изъ самыхъ необыкновенныхъ и оригинальныхъ: это разжалованіе его и ссылка въ Сибирь за политическую неблагонадежность, даже болѣе того,—за участіе въ

какомъ то будто заговорѣ противъ Николая I!.. Я не видѣлъ на своемъ вѣку болѣе полнаго консерватора, не видѣлъ болѣе убѣжденнаго и преданнаго своему знамени монархиста, не видѣлъ болѣе фанатичнаго приверженца самодержавія, чѣмъ Достоевскій, и этотъ Достоевскій попалъ въ Сибирь и на каторгу за политическія преступленія!

Какъ это могло случиться, я никогда не могъ понять, и изъ всего, что я могъ узнать отъ него о томъ печальномъ событіи его жизни, когда молодымъ офицеромъ-инженеромъ онъ былъ замѣшанъ и схваченъ въ такъ называвшейся тогда исторіи Петрашевскаго, я вынесъ убѣжденіе, что главная причина такого драматическаго эпизода въ жизни Достоевскаго была его гордая и цѣльная натура, неподдававшаяся ни на какіе компромиссы, ни на какія уступки, вслѣдствіе которой онъ пальцемъ не двинулъ, чтобы себя выгораживать, и ужъ, разумѣется, ни звукомъ не выдалъ кого-либо изъ тѣхъ, которые его вовлекли въ это драматическое недоразумѣніе.

Тѣмъ же гордымъ въ своей бѣдѣ онъ былъ на каторгѣ, и уже послѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ, мнѣ пришлось слышать отъ товарищей Достоевскаго на каторгѣ, что тамъ, на мѣстѣ его мукъ, авторъ «Записокъ Мертваго Дома» изображалъ между каторжниками и ссыльными самого фанатическаго апостола завѣтовъ преданности Русскому Государю и самодержавію, и эти проповѣди его производили сильное и благотворное дѣйствіе на молодыя, пошатнувшіяся и блуждавшія во тьмѣ души.

Оттого къ чувству благодарности и дружбы, которыя я питалъ къ Достоевскому, всегда присоединялось во мнѣ самое искреннее благоговѣніе къ этому гордому мученику

рокового недоразумѣнія, которому все давало право если не быть злобнымъ, то хотя бы съ горечью глядѣть на жизнь и на людей, и который вмѣсто того, отъ незаслуженной каторги, на всю жизнь подорвавшей его физическій организмъ, вынесъ душу, пылавшую огненною преданностью къ Русскому Царю, и тверже, чѣмъ когда-либо, закаленную во всѣхъ самыхъ строгихъ принципахъ консерватизма.

Такого цѣльнаго и полнаго консерватора я никогда не видѣлъ и не встрѣчалъ... Мы всѣ были маленькими передъ его грандіозною фигурою консерватора... Апостолъ правды во всемъ, въ крупномъ и въ мелочахъ, Достоевскій былъ какъ аскетъ строгъ, и какъ неофитъ фанатиченъ въ своемъ консерватизмѣ... И тутъ какая оригинальность въ сопоставленіи того, чѣмъ Достоевскій былъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ слылъ для массы русскаго интеллигентнаго люда, искавшаго въ немъ, благодаря его эпохѣ, какого-то фетиша либеральной революціонной партіи.

Этихъ то своихъ поклонниковъ Достоевскій ненавидѣлъ. Достоевскій *умѣлъ* ненавидѣть, это была черта его духовной личности, которую я вообще встрѣчалъ въ людяхъ рѣдко, а въ консерваторахъ подавно... Такое *умѣнье* ненавидѣть политическою ненавистью я встрѣчалъ только въ двухъ людяхъ, въ одинаковой мѣрѣ, но въ совершенно противоположныхъ образахъ мыслей: это въ Ю. Ф. Самаринѣ и Ф. М. Достоевскомъ. Самаринъ ненавидѣлъ, напримѣръ, русскаго дворянина всѣми фибрами своего существа; Достоевскій ненавидѣлъ съ тою же силою души русскаго революціонера. Но различіе было большое въ качествѣ души... Я рѣдко встрѣчалъ такую богатую въ то же время любовью къ идеаламъ душу, любовью къ человѣку, какъ у Достоевскаго... У Сама-

рина избытокъ ненависти происходилъ отъ недостатка любви; у Достоевскаго ненависть, какъ у всѣхъ апостоловъ, была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ избытка любви къ идеаламъ и къ правдѣ. Оттого тою же ненавистью дышала его душа ко всякому виду неправды и лжи... Въ ненависти къ революціонерамъ Достоевскаго было два двигателя: ненависть къ нимъ за вредъ, который они приносятъ русскому народу, и ненависть за ложь въ ихъ проповѣдничествѣ...

Не было человѣка добрѣе Достоевскаго... Онъ готовъ былъ все, и жизнь, и послѣдній грошъ отдать на помощь другому: но какъ часто я слышалъ, что никто такъ не казался злымъ человѣкомъ, какъ онъ... И дѣйствительно, бывало, на моихъ вечерахъ, пока всѣ сидѣвшіе съ нимъ были близкіе, Достоевскій бывалъ очарователенъ и разсказами, и остроуміемъ, и своею оригинальною по смѣлости логикою. Но едва только входилъ гость ему мало или вовсе незнакомый, сразу Достоевскій входилъ, какъ улитка, въ свою раковину, и превращался въ молчаливаго и злого на видъ истукана, и продолжалось это до тѣхъ поръ, пока этому незнакомцу не удастся произвести на Достоевскаго симпатичнаго впечатлѣнія... И бѣда была, если, не дождавшись этого впечатлѣнія, незнакомецъ рѣшится заговорить съ Достоевскимъ: непремѣнно приходилось ждать со стороны Достоевскаго злую физіономію и какую-нибудь грубую реплику.

Достоевскій былъ врагъ современнаго женскаго вопроса, тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, принимавшаго смѣшное олицетвореніе въ стриженыхъ дѣвахъ, въ синихъ очкахъ и тому подобныхъ наружныхъ проявленіяхъ... А между тѣмъ эти стриженыя и синеочковыя дѣвы, не

подозрѣвая ненависти къ нимъ Достоевскаго, постоянно къ нему лѣзли, какъ къ *своему*, будто бы, учителю.

Не разъ приходилось мнѣ присутствовать при такихъ комическихъ qui pro quo:

Входитъ современная женщина. Не замѣчая злую физіономію Достоевскаго, и не прислушиваясь къ тому рѣзкому и строгому тону, съ какимъ онъ встрѣчаетъ ее словами: что вамъ нужно? она, вся полна своими современными мотивами, сразу начинаетъ ими захлебываться всласть и съ горящими глазами, съ пылающими щеками выпаливаетъ свои причитанія...

Достоевскій ее слушаетъ и внимательно, и нервно, и я вижу по лицу его, что каждая черта принимаетъ какой-то острый характеръ, что внутри кипитъ вулканъ, чувствую, какъ онъ сдерживается, и вотъ въ ту минуту, когда, выпаливъ свой зарядъ современныхъ мотивовъ по женскому вопросу, несчастная стриженая ждетъ отъ *своего* Достоевскаго одобрительное слово — неумолимый врагъ женскаго вопроса обращается къ ней съ вопросомъ: вы кончили?..

— Кончила, — отвѣчаетъ стриженая.

— Такъ вотъ что, слушайте меня, я буду кратче васъ, вы много болтали... а я вамъ вотъ что скажу: все, что вы говорили пошло и глупо, понимаете вы, глупо: наука безъ васъ можетъ обойтись; а семья, дѣти, кухня безъ женщины не могутъ обойтись... У женщины одно призваніе — быть женою и матерью... Другого призванія нѣтъ, общественнаго призванія никакого нѣтъ и не можетъ быть, все это глупости, бредни, вздоръ... И все, что вы мнѣ разсказывали — вздоръ, слышите, вздоръ... Больше я вамъ ничего не скажу.

Вотъ разговоръ, который мнѣ пришлось слышать и который я запомнилъ.

И такимъ неумолимымъ и несговорчивымъ Достоевскій былъ во всѣхъ модныхъ либеральныхъ вопросахъ, онъ ихъ ненавидѣлъ изъ-за ихъ фальши...

И сила убѣжденности была такъ велика и глубока, что къ концу года моихъ ежедневныхъ отношеній съ Достоевскимъ я понялъ, какъ я былъ юнъ до встрѣчи съ нимъ въ своемъ консерватизмѣ, и почувствовалъ, какъ я, благодаря ему, укрѣпился и развился въ своемъ консерватизмѣ. Его вліяніе на меня было глубочайшее и рѣшающее на всю мою жизнь.

XIII.

(1872—1873 гг.).

Политика внѣшняя.—Усиленіе германской дружбы.—Пріѣздъ германскаго императора.—Смерть Наполеона III.

Къ числу главнѣйшихъ событій этого времени, въ сферѣ европейской политики, слѣдуетъ отнести—новые и крупные шаги, сдѣланные нами на пути того сближенія съ Берлиномъ, которое поставило насъ еще до войны въ полную зависимость отъ бисмарковскаго всемогущества.

Тутъ было что-то роковое, ибо, казалось бы, послѣ той безцеремонности, съ которою этотъ самый Бисмаркъ позволялъ себѣ проявлять свое пренебреженіе къ петербургскому кабинету до, во время и послѣ войны 1870 года, глумясь надъ его попытками посредничества, должно было ожидать скорѣе охлажденія къ Берлину, чѣмъ влеченія.

Но судьбѣ угодно было вести событія иначе.

Объясненіе этого страннаго qui pro quo въ то время нѣкоторые наблюдательные умы находили въ одномъ маленькомъ психическомъ явленіи, въ томъ наркотичномъ дѣйствіи, которое имѣло на князя Горчакова волшебное возвышеніе своего коллеги князя Бисмарка.

Эта бисмарковская эпопея величія, эта бисмарковская слава не давали бѣдному русскому канцлеру покоя ни

днемъ, ни ночью. Онъ завидовалъ ему всѣми фибрами своего существа, и все, рѣшительно все, въ чемъ онъ натыкался на это прославленіе Бисмарка, было для него остріемъ меча въ сердце. Я помню, какъ разсказывали про то, съ какимъ огнемъ накидывался князь Горчаковъ тогда, когда кто-нибудь при немъ произносилъ слова: le chancelier, и подъ этими двумя словами разумѣлъ Бисмарка. Quel chancelier, восклицалъ, сердясь, князь, il y a deux chanceliers Bismarcq et moi! Въ такомъ психическомъ положеніи относительно своего соперника, казалось бы, князь Горчаковъ долженъ былъ бы все дѣлать, чтобы проявить къ нему свое пренебреженіе и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы доказывать Бисмарку: qu'il y a deux chanceliers en Europe. Это было бы по меньшей мѣрѣ естественно.

Но по волѣ судебъ не тутъ-то было, и всякій разъ, когда бѣдный Тютчевъ выходилъ изъ кабинета князя Горчакова, онъ громко стоналъ и глубоко вздыхалъ отъ увидѣнныхъ или услышанныхъ имъ въ князѣ Горчаковѣ проявленій культа къ князю Бисмарку. На третьемъ словѣ у князя Горчакова былъ всегда Бисмаркъ и, въ милонаивномъ предположеніи кому-нибудь отвести глаза, онъ всегда приплеталъ Бисмарка къ разговору о событіи или фактѣ такъ, чтобы его собесѣдникъ могъ подумать, что Бисмаркъ отъ него получилъ указаніе, съ нимъ совѣщался, его послушался. Этимъ онъ себя тѣшилъ, поддерживалъ свою зависимость отъ Бисмарка и свое поклоненіе ему, и на самомъ дѣлѣ весь жилъ мыслями въ Берлинѣ, несравненно болѣе, чѣмъ въ своемъ министерскомъ кабинетѣ. А Бисмаркъ, который отлично понималъ свое значеніе въ Петербургѣ и свой престижъ въ душѣ русскаго канцлера, очень искусно поддерживалъ это психи-

ческое его состояніе, то вызывая, какъ кокетливая красавица, припадки въ немъ ревности, то очаровывая его волшебными ласками. Для этихъ цѣлей онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень искуснаго обольстителя, въ лицѣ перваго германскаго посла въ Петербургѣ, смѣнившаго прежняго прусскаго посланника, молодого умнаго и обворожительнаго принца Рейса. Онъ сразу сумѣлъ совсѣмъ очаровать старика-канцлера, и вся соль этого обольщенія заключалась въ томъ, что принцъ Рейсъ во время давалъ ощущать князю Горчакову, что не Бисмаркъ, а онъ ведетъ политику Европы, и князь Горчаковъ ему вѣрилъ, то-есть хотѣлъ всему вѣрить, чтобы испытать пріятное ощущеніе.

Но вдругъ въ одинъ печальный для князя Горчакова день ясное чело его отуманилось; онъ сталъ хмуриться и озабочиваться. Появился третій канцлеръ въ Европѣ, о которомъ заговорили,—молодой, красивый, умный, богатѣйшій изъ богатыхъ, сразу ставшій героемъ дня,—это былъ графъ Андраши, новый австрійскій премьеръ.

А нахмурился нашъ бѣдный канцлеръ по той же причинѣ, по которой этотъ Андраши сталъ сразу героемъ дня: опять-таки изъ ревности, ибо первое движеніе, которое сдѣлалъ Андраши, вступивши въ должность главы австрійскаго кабинета,—былъ глубокій поклонъ князю Бисмарку и, затѣмъ, полетъ въ его могучія объятія. Горчакова защемила ревность друга; онъ увидѣлъ соперника на груди Бисмарка, и чтобы помочь новому горю, принялся ухаживать за своимъ новымъ соперникомъ... Кабинетъ русскаго канцлера сталъ оглашаться именемъ Андраши такъ же часто, какъ прежде именемъ Бисмарка; князь Горчаковъ ему сталъ писать пылавшія любезностью письма; Андраши, разумѣется, принималъ эти новыя ласки

отъ маститаго коллеги съ наружнымъ благоговѣніемъ, и князь Горчаковъ началъ было успокаиваться въ своихъ тревогахъ политической ревности, какъ вдругъ опять поводъ къ тревогѣ и на этотъ разъ болѣе серьезный.

Графу Андраши понадобилось для блеска своихъ первыхъ шаговъ свиданіе съ Бисмаркомъ въ торжественной обстановкѣ европейскаго событія, и для этого, сообща съ Бисмаркомъ, онъ придумалъ свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ—австрійскаго и германскаго. Этому свиданію предназначалось быть своего рода назиданіемъ для всей Европы и, пожалуй, даже для Россіи.

Князь Горчаковъ пришелъ въ болѣе тревожное состояніе отъ этого извѣстія, чѣмъ въ ту ночь 1870 года, когда онъ ждалъ отвѣта отъ Англіи на декларацію о черноморскомъ флотѣ.

Но этотъ фактъ, кромѣ смысла укуса для ревности князя Горчакова по Бисмаркѣ, имѣлъ свое важное политическое значеніе, и если не было въ интересахъ Россіи закабаливать себя въ роли наперсницы Берлинскаго кабинета, то еще менѣе могло быть въ ея интересахъ допускать соглашеніе Австріи съ Германіею на началахъ отстраненія отъ него Россіи.

Вотъ почему, съ точки зрѣнія этихъ русскихъ интересовъ, надо отдать справедливость князю Горчакову, что онъ piquè au vif сумѣлъ, тѣмъ не менѣе, хладнокровно повести очень ловко контръ-интригу противъ Андраши, результатомъ которой явилось свиданіе уже не двухъ, а трехъ императоровъ въ Берлинѣ.

Для этой контръ-мины князь Горчаковъ не пожалѣлъ самыхъ энергичныхъ словъ и дѣйствій... Началъ онъ съ колкостей по адресу австрійскаго посла, давая ему понять, что Государь съ неудовольствіемъ видитъ въ этомъ сви-

даніи интригу Андраши. Затѣмъ, по адресу принца Рейса, князь Горчаковъ не поскупился на упреки въ неблагодарности и неделикатности со стороны Берлинскаго двора, и въ заключеніе такъ настроилъ своими мотивами самого Государя, что Онъ рѣшилъ при личномъ свиданіи съ принцемъ Рейсомъ сказать ему знаменитыя слова: il paraît qu'on ne veut pas de moi à Berlin... Разумѣется, эти слова возымѣли дѣйствіе сто тысячъ разъ больше, чѣмъ слова князя Горчакова. Дѣйствіе ихъ было магическое. Принцъ Рейсъ, разумѣется, немедленно передалъ ихъ своему императору. Въ Берлинѣ они произвели необыкновенно сильное дѣйствіе. Въ старикѣ императорѣ Вильгельмѣ слова Державнаго Племянника нашли, разумѣется, самый искренній отголосокъ; онъ просто имъ обрадовался, какъ сердечной для него отрадной вѣсти, и немедленно поспѣшилъ о томъ сообщить императору австрійскому, который въ свою очередь сдѣлалъ видъ, что очень обрадовался свиданію съ Русскимъ Императоромъ, и даже поспѣшилъ отправить въ Петербургъ одного изъ своихъ племянниковъ, эрцгерцоговъ, чтобы получить отъ Императора Александра указанія насчетъ времени свиданія. Менѣе обрадовались этой вѣсти князь Бисмаркъ и его новый другъ графъ Андраши, ибо, съ прибытіемъ Императора Русскаго, берлинское проектированное свиданіе двухъ Императоровъ лишалось своего политическаго сепаратнаго характера... Но князь Бисмаркъ отъ своей первоначальной спеціальной цѣли берлинскаго свиданія не отказался, и, не смотря на то, что въ концѣ августа съѣхались одновременно два Императора съ ихъ министрами иностранныхъ дѣлъ, и три Императора всѣ четыре дня проводили неразлучно вмѣстѣ, не смотря на то, что политическіе разговоры велись между тремя канцлерами, князь Бисмаркъ,

какъ узнали объ этомъ послѣ, успѣлъ въ эти 4 дня заключить секретный договоръ съ Австріею, съ цѣлью взаимнаго обезпеченія себя союзомъ на случай войны одного изъ двухъ государствъ... Ясно стало, когда объ этомъ было узнано, что Германія себя заручила Австріею въ виду Франціи, а Австрія заручила себя Германіею въ виду Россіи...

Уѣзжая изъ Берлина наканунѣ дня своихъ имянинъ, Государь получилъ отъ своего Державнаго Дяди обѣщаніе, что увидитъ Его въ Петербургѣ на Георгіевскомъ праздникѣ. Но обѣщаніе это старецъ-императоръ исполнить не могъ, такъ какъ, оступившись, онъ повредилъ себѣ ногу за нѣсколько дней до 26 ноября. Вмѣсто того, императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи князя Бисмарка, пріѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1873 года, и пробылъ нашимъ гостемъ почти 2 недѣли.

Эти двѣ недѣли носили названіе германской недѣли. Всѣ поражались бодростью, неутомимостью и подвижностью стараго императора. Онъ, буквально, цѣлый день былъ на ногахъ и въ эти двѣ недѣли осмотрѣлъ Петербургъ во всѣхъ его подробностяхъ, интересуясь каждою изъ нихъ, какъ молодой человѣкъ, начинающій жить. И кромѣ того, онъ былъ самымъ свѣтскимъ человѣкомъ во все это время, дѣлая визиты, принимая приглашенія на завтраки, обѣды и вечера. Само собою разумѣется, что всѣ находились подъ обаяніемъ его чаръ любезности, вниманія и даже ласковости.

Князь Бисмаркъ, въ этомъ отношеніи, вторилъ своему императору. Онъ все время былъ въ самомъ розовомъ состояніи духа, и расточалъ любезности по адресу всякаго, какъ влюбленный и счастливый молодой человѣкъ.

Не только при каждомъ случаѣ онъ говорилъ о своихъ

русскихъ симпатіяхъ, но однажды, въ разговорѣ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, онъ съ извѣстнымъ одушевленіемъ сказалъ даже слѣдующую громкозвучную фразу: если я когда-либо что-нибудь сдѣлаю противъ Россіи и Государя, я буду считать себя измѣнникомъ. Во всѣхъ гостиныхъ по адресу Вильгельма и Бисмарка только и слышалось: il est charmant, и ни единое маленькое облачко не омрачало горизонта этихъ Вильгельмовскихъ двухъ недѣль.

Помню, какъ я навѣстилъ одну изъ почтеннѣйшихъ русскихъ старушекъ, С. П. Апраксину, знавшую еще смолода императора Вильгельма, какъ разъ послѣ визита его у нея...

Послѣ воспоминаній о прошломъ, умная старуха перешла въ разговорѣ съ своимъ сверстникомъ къ новѣйшей эпохѣ, и вынесла глубокое впечатлѣніе отъ смиренія и скромности этого старца-агамемнона. Въ задушевной бесѣдѣ съ нею, старецъ-императоръ всю свою необыкновенную по славѣ судьбу приписывалъ волѣ Провидѣнія, а себя признавалъ только исполнителемъ его судебъ... Я очень радъ,—говорилъ добродушно старикъ,—что не чувствую себя гордящимся, а только благодарнымъ Богу... Не менѣе добродушенъ былъ Вильгельмъ въ своей скромности относительно своихъ сподвижниковъ. Долгъ человѣческой славы и успѣха онъ имъ воздавалъ безъ остатка, ничего не отнимая отъ нихъ въ свою пользу. Это была замѣчательная черта Вильгельма: стоять около человѣка, своего подданнаго, и говорить ему: я кланяюсь твоему величію, безъ малѣйшей зависти...

Помню разсказъ, какъ однажды въ Эмсѣ, гуляя по саду, Императоръ Вильгельмъ и Нашъ Государь сѣли на скамейку, причемъ Государь сказалъ своему дядѣ: здѣсь

мы уйдемъ отъ поклоновъ. Едва они сѣли, какъ показался въ аллеѣ Бисмаркъ. Увидѣвъ его, Вильгельмъ сказалъ: вотъ тотъ, который насъ освободитъ отъ поклоновъ и заберетъ ихъ всѣ себѣ...

Эти двѣ недѣли пребыванія Вильгельма въ Петербургѣ имѣли характеръ чисто семейный и сердечный, а потому политическаго значенія не имѣли. Да и не о чемъ было тогда вести политическіе разговоры, такъ какъ все было спокойно на европейскомъ горизонтѣ.

1873 годъ начался печальнымъ дѣломъ Нечаева, а кончился знаменитымъ рескриптомъ 1 января 1874 г. на имя графа Д. А. Толстого. Нечаевское дѣло явилось, увы, прологомъ будущей эпохи подвиговъ анархистовъ и террористовъ. Въ 1869 году въ ноябрѣ Нечаевъ, студентъ Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ, въ роли коновода шайки анархистовъ, собралъ трехъ сподвижниковъ, и подчинивъ ихъ своей желѣзной волѣ— убилъ студента Иванова изъ ненависти къ нему за то, что тотъ не подчинялся его авторитету. Затѣмъ онъ бѣжалъ за границу, и только два года спустя выданъ былъ швейцарскимъ правительствомъ Россіи, какъ убійца. Его судили въ московскомъ окружномъ судѣ съ присяжными засѣдателями. На судѣ Нечаевъ держалъ себя дерзко, даже нагло, прерывалъ рѣчи прокурора и предсѣдателя суда; дѣлалъ революціонные возгласы и угрозы, и въ заключеніе присужденъ былъ, къ общему удивленію, только къ 20-лѣтней каторгѣ. Нашлись смягчающія обстоятельства для этого мерзавца. И съ этого дня Нечаевъ сталъ героемъ для всей революціонной молодежи, и мы поняли, что судъ церемонится съ «Нечаевыми».

1-го января 1874 года состоялся, какъ я сказалъ, очень знаменательный актъ въ области внутренней поли-

тики. Это рескриптъ Государя на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Толстаго, объ участіи дворянства въ дѣлѣ народнаго образованія.

Прежде всего являлся вопросъ: чѣмъ собственно могъ быть вызванъ этотъ рескриптъ? По поводу этого вопроса надо замѣтить, что Государь не переставалъ въ себѣ чувствовать извѣстное, такъ сказать, чувство должника относительно дворянства. Не разъ окружавшіе его слышали изъ устъ его сознаніе, что дворянство сильно пострадало отъ реформъ и что оно нуждается въ поддержкѣ. Но такъ какъ это чувство могло находить отголосокъ только развѣ въ одномъ или двухъ изъ приближенныхъ къ Государю изъ государственныхъ лицъ, въ графѣ Шуваловѣ, напримѣръ, и въ графѣ Толстомъ,—послѣдній могъ быть ограниченъ въ своемъ вліяніи, ибо видѣлся съ Государемъ только одинъ разъ въ недѣлю за докладомъ,—то само собою разумѣется, что стремленія Государя что-либо сдѣлать для дворянства далѣе желаній не шли. Вопросъ о народной школѣ въ это время занималъ правительство потому, что, не смотря на строгую дисциплину, введенную графомъ Толстымъ въ свое министерство народнаго просвѣщенія, и не взирая на то, что у него въ рукахъ, какъ у оберъ-прокурора святѣйшаго синода, было духовенство, собственно народная школа шла очень неудовлетворительно: отчасти вслѣдствіе либеральнаго вліянія земства, а главнымъ образомъ вслѣдствіе духа времени, тогда царившаго, сельская школа дѣлалась прямо ареною самой безцеремонной нигилистической пропаганды, гдѣ, подъ предлогомъ новыхъ системъ наглядnаго обученія, культа естественныхъ наукъ и т. п., изгонялась изъ школы религія со всѣми спутниками ея въ видѣ старыхъ преданій сельской школы.

Въ виду этого графу Шувалову пришла мысль заинтересовать дворянство въ этомъ дѣлѣ, мысль эту онъ сообщилъ графу Толстому, который ее принялъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и вотъ сообща они выработали рескриптъ, который Государь, какъ говорили тогда, подписалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и появленіе котораго произвело въ Петербургѣ много оживленныхъ толковъ въ обоихъ направленіяхъ. Въ лагерѣ петербургскихъ либераловъ рескриптъ былъ принятъ злорадно; пожимали плечами и говорили: что за воззваніе къ сословію, умѣвшему только проѣдать свои имѣнія? Въ маленькомъ лагерѣ консерваторовъ была радость, и что-то въ родѣ проснувшейся на что-то надежды.

Привожу главныя мѣста этого замѣчательнаго рескрипта, относящіяся до народной школы:

«Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благого просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, я повелѣлъ учредить институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое, вслѣдствіе сего, значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніи, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова, съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга. Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы,

при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклониться отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собралась, крѣпла и возвеличилась Россія. Какъ лицо, призванное моимъ довѣріемъ къ осуществленію моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите, всегда васъ отличавшее, рвеніе къ тому, чтобы, положенныя въ основу общественнаго воспитанія, начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе. Дѣло народнаго образованія, въ духѣ религіи и нравственности, есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предложить о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ, къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ мое довѣріе, я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ

школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію».

Въ отвѣтъ на этотъ рескриптъ, какъ водится, посыпались благодарственные адреса отъ дворянствъ многихъ губерній.

Но замѣчательнымъ было то, что произошло послѣ.

А произошло вотъ что:

1) Ни въ одномъ дворянскомъ собраніи не раздался вопросъ: въ чемъ же должны заключаться участіе дворянства и его роль въ вопросѣ народной школы? и

2) послѣ объявленія рескрипта, никто въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія не задалъ себѣ вопроса: въ чемъ же можетъ проявиться участіе дворянства въ народной школѣ?

Такъ, съ самаго начала, дѣло, увы, обратилось въ слово и таковымъ осталось поднесь...

1873 годъ начался извѣстіемъ о смерти Наполеона III, въ своемъ уединеніи изгнанника въ Англіи. Съ этимъ событіемъ, не произведшимъ въ Петербургѣ никакого особеннаго дѣйствія, для меня связалось одно тяжелое впечатлѣніе,—это начало предсмертной болѣзни, унесшей нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ могилу дорогого и милаго поэта Ф. И. Тютчева.

Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ. Сразу я замѣтилъ необычное въ немъ состояніе: какую-то лихорадочность въ движеніяхъ и какое-то взволнованное состояніе, столь рѣзко различавшееся отъ обычнаго невозмутимаго внѣшняго и внутренняго спокойствія прелестнаго поэта. Войдя, онъ сказалъ мнѣ, что принесъ стихотвореніе на смерть Наполеона III. Затѣмъ онъ досталъ, какъ всегда, клочекъ бумаги, на которомъ каракулями были изображены стихи, и началъ читать.

Во время чтенія, съ нимъ, очевидно, сдѣлался пер-

вый ударъ: онъ не могъ уже разбирать своего почерка, и затѣмъ не могъ уже плавно произносить слова...

Чтеніе прервалось; я испугался его состоянія, усадилъ его, успокоилъ, онъ немного какъ будто очнулся; но при этомъ сказалъ: mauvais présage. Затѣмъ его усадили на извозчика и онъ вернулся домой... Увы, это было началомъ его кончины... Лѣтомъ его не стало...

Стихотвореніе это было послѣднимъ стихотвореніемъ Тютчева.

Вотъ его главныя строки:

И ты свершилъ свой подвигъ роковой,
Великихъ силъ двусмысленный наслѣдникъ,
Мужъ не судебъ, а мужъ случайности слѣпой,
Ты сфинксъ разгаданный—и пошлою толпой!
Но правды Божьей, неземной,
Неотразимый проповѣдникъ,
Ты міру доказалъ, какъ шатко все, въ чемъ нѣтъ
Той правды внутренней! И доказалъ на дѣлѣ:
Ты, волновавшій міръ безъ цѣли,
Всѣ эти двадцать бурныхъ лѣтъ,—
Ты много, много лжи посѣялъ
И много бурь ты возрастилъ,
И уцѣлѣвшаго развѣялъ,
И собраннаго расточилъ!
Народъ, взложившій на тебя вѣнецъ,
Ты ложью развратилъ и погубилъ въ концѣ,
И, вѣрный своему призванью,
Оторопѣвшій міръ игрой своей смутя,
Какъ неразумное дитя,
Ты предалъ долгому шатанью!

Спасенья нѣтъ въ насильи и во лжи—
Какъ ни орудуй ими смѣло—
Для человѣческой души,
Для человѣческаго дѣла!
Знай, торжествующій (кто-бъ нынѣ ни былъ онъ!)
Во всеоружіи насилья и обмана,—
Прійдетъ и твой чередъ, и поздно или рано,
Ты ими-жъ будешь побѣжденъ!

XIV.

(1873 годъ).

Кончина Ѳ. И. Тютчева.—Его оцѣнка.

Оцѣнкѣ Тютчева, скончавшагося въ іюлѣ 1873 года, я посвятилъ въ «*Гражданинѣ*» того года задушевныя строки, которыя считаю умѣстнымъ 24 года спустя помѣстить въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Прочитавшіе ихъ тогда забыли, а новые читатели не посѣтуютъ на меня за попытку воскресить образъ прелестнаго поэта въ ихъ умѣ...

Вотъ что я писалъ 24 іюля 1873 года:

«Думаемъ, что никто не станетъ возражать намъ, если скажемъ, что съ кончиною Ѳ. И. Тютчева мы лишились великаго русскаго поэта! Уже съ этою одною мыслью не мирится скорбящая по немъ душа! Въ наше время много преданій точно совсѣмъ исчезло о такихъ началахъ человѣческаго общества, которыя прежде, казалось, были у насъ даже жизненными. Къ числу такихъ утраченныхъ нами преданій, увы! слѣдуетъ отнести преданіе о поэтѣ и поэзіи. Теперь всѣ почти пришли къ прозаическому убѣжденію, что быть поэтомъ — значитъ писать въ извѣстномъ размѣрѣ и съ риѳмами все о томъ же, о чемъ пишутъ безъ размѣровъ и риѳмъ всѣ пишущіе и печатающіе просто въ прозѣ и о дѣлѣ; что риѳмы,

стало быть, одна только смѣшная и пустая забава. Ѳ. И. Тютчевъ писалъ стихи точно самъ того не вѣдая; они слагались въ его мысли, въ данную минуту, подъ вліяніемъ извѣстнаго сильнаго впечатлѣнія. Ихъ записывали, они быстро расходились между почитателями поэта, и хотя на нѣсколько минутъ заставляли жить въ мірѣ изящнаго, прекраснаго, поднимающаго духъ и, въ особенности, назидательнаго. Стихотворенія эти разбросаны по журналамъ разныхъ эпохъ; вышелъ однажды томикъ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева, но гдѣ найти все имъ написанное—сказать нелегко, ибо менѣе всего о томъ зналъ самъ поэтъ.

Сказавши, что въ кончинѣ Ѳ. И. Тютчева мы оплакиваемъ утрату великаго русскаго поэта, сказали-ли мы слишкомъ много? Возьмите стихотворенія Ѳ. И. Тютчева какой угодно эпохи, вы въ нихъ найдете разные предметы, вы въ нихъ почерпнете разныя впечатлѣнія, но въ каждомъ изъ нихъ вы найдете одно неизмѣннымъ: зеркало души его. До послѣдняго издыханія онъ былъ человѣкомъ своего времени, своей эпохи; но въ теченіе полустолѣтія его поэтической дѣятельности никто не могъ обидѣть его названіемъ *современнаго поэта* въ томъ смыслѣ этого наименованія, въ какомъ оно понимается теперь. Неисчерпаемый содержаніемъ, духъ его не переставалъ ни на минуту чувствовать, что все прекрасное и великое въ человѣческомъ обществѣ—есть вѣчное, и что все, что этого чувства вѣчности душѣ его не даетъ, все то—не есть то прекрасное, которое создаетъ поэта и поэзію. Поэзія Тютчева никогда не была къ услугамъ сильныхъ міра сего, кто бы они ни были, и гдѣ бы они ни были — на тронѣ или въ литературѣ; но во всякую пору жизни окружавшаго его общества, все прекрасное

въ литературѣ, все прекрасное на тронѣ воспринималось душою поэта во всей его цѣлости и безъ всякой примѣси чего-либо чуждаго, временнаго, условнаго, со всею осторожностью и вѣрностью тонкаго поэтическаго чувства, и составляло предметъ его пѣсни. Въ освобожденіи крестьянъ онъ воспѣвалъ освободившаго ихъ, но въ этой пѣснѣ слышалось вдохновеніе тѣмъ, что восхищало его душу: сочетаніе духа свободы съ духомъ царства; въ этой пѣснѣ слышались такіе же по временамъ звуки, какъ и другихъ поэтовъ его времени, но онъ воспѣвалъ свободу русскаго человѣка, а они все еще пѣли нескончаемыя пѣсни про тираніи помѣщиковъ, про оборванныхъ мужиковъ, про лапти и деготь, про плети и розги, все еще мечтая быть современными. Не было русскаго чувства радости или печали, которое не побывало въ душѣ Тютчева, не содрогнуло его глубоко, не вызвало въ немъ отклика, точь въ точь такого, какъ и у всякаго истинно русскаго человѣка; но ни разу эта лира не оскорбила даже атомомъ звука кого бы то ни было, ибо черпала свое вдохновеніе не тамъ, гдѣ люди сходятся во имя страсти, но тамъ, гдѣ всѣхъ людей, иногда помимо ихъ воли, въ силу какого-то неизбѣжнаго порыва, соединяетъ въ одно—обожаніе чего-то прекраснаго, хотя бы на одинъ только мигъ.

Будучи поэтомъ нашего времени, въ высокомъ и чистомъ значеніи этого слова, Ѳ. И. Тютчевъ, какъ мыслитель, былъ одинъ изъ немногихъ дѣйствительно чтущихъ свободу русскихъ людей! Въ эпоху крѣпостного права онъ слылъ то за вольнодумца, то за славянофила; въ наше время онъ являлся, среди массы мыслящихъ безпорядочно и лихорадочно-свободно людей, какъ будто отсталымъ и во всякомъ случаѣ какъ передовой человѣкъ весьма

блѣднымъ. Но на самомъ дѣлѣ Ѳ. И. Тютчевъ обширнымъ умомъ и поэтическою душою чтилъ свободу одинаково тогда и теперь, но чтилъ и ее какъ нѣчто великое,—возвышающее, а не унижающее, просвѣщающее, а не затемняющее, облагораживающее, а не заражающее страстью, нравственное, согласное съ религіею, а не исключающее ее! Оттого, среди петербургскаго общества онъ всегда занималъ какъ бы одинокое, ему одному только принадлежавшее положеніе. Ѳ. И. Тютчевъ не могъ быть съ тѣми, которые въ свободѣ видѣли что-то красное, ни съ тѣми, когорые, изъ боязни этихъ лжечтителей свободы, считали нужнымъ обуздывать свободу, — свободу русской жизни, русской мысли, свободу движенія впередъ человѣческой мысли!

Не смотря на то,—странная вещь, — Ѳ. И. Тютчевъ былъ, вѣроятно, одинъ въ своемъ родѣ изъ крупно выдававшихся впередъ въ обществѣ мыслителей, про котораго можно было сказать: *у него нѣтъ враговъ*. Это уваженіе, которымъ онъ пользовался именно какъ мыслитель, это ощущеніе людьми мысли прелестей его ума, поэтическаго вдохновенія и остроумія—были какъ будто наградою его еще на землѣ за то, что въ теченіе всей долголѣтней своей жизни онъ никогда не воспользовался своими чудными духовными дарованіями, какъ оружіемъ вреда противъ кого бы то ни было. Онъ вѣрилъ въ безусловное и непосредственное всемогущество истины и красоты на землѣ, считая оскорбленіемъ того и другого какое бы то ни было проявленіе насилія внѣ области мысли. «Оставьте ихъ въ покоѣ!—часто говаривалъ онъ, когда рѣчь заходила о нашихъ радикалахъ прессы,—эти люди слишкомъ лгутъ, чтобы не залгаться, и чѣмъ больше заболтаются, тѣмъ скорѣе сами же себя обезоружатъ».

Къ тому же вспомнимъ, что Ѳ. И. Тютчевъ прекрасною стороною мысли или чувства могъ принадлежать даже ко всякому лагерю, въ той степени, въ какой находилъ тамъ мысль, или хоть искру истины; вотъ почему, въ сущности, онъ никогда не принадлежалъ ни къ какой особливой партіи и не могъ имѣть враговъ, не имѣя партіи. Съ неисчерпаемымъ поэтическимъ чувствомъ, онъ былъ неисчерпаемо-остроуменъ, но это остроуміе было потому всегда обаятельно и прелестно, что оно скорѣе было добродушно, чѣмъ ѣдко-зло, и всегда являлось какъ бы блестящимъ и удачнымъ выраженіемъ для самаго простого сужденія или душевнаго чувства, особенно понятнаго въ данную минуту; никогда не было натяжки или усилія въ его остроуміи, никогда рѣчи на показъ, никогда ничего похожаго на фейерверкъ возбужденной мысли. Добродушіе это было такъ естественно, что онъ не только забывалъ нерѣдко о своемъ остроумномъ словѣ, сейчасъ же послѣ того, какъ оно, негаданно и нечаянно, бывало имъ высказано. но иногда хвалилъ остроуміе того, кто, уже потомъ, а иногда и какъ свое, повторялъ въ его присутствіи имъ же когда-то высказанное мѣткое и остроумное слово.

Владѣя обширными познаніями, пополнявшимися постояннымъ чтеніемъ, Ѳ. И. Тютчевъ стоялъ во главѣ образованныхъ людей нашего общества. Политика и исторія были любимымъ занятіемъ его ума и жизни; опираясь на исторію, онъ являлся убѣдительнымъ, логичнымъ и часто весьма строгимъ судьею времени и его событій и личностей; вдохновляясь заботами настоящаго, любовью къ человѣчеству и къ своему народу въ особенности, онъ вносилъ въ это обсужденіе событій ту свободу мысли, тотъ пылъ и жаръ души, которые прида-

вали его логикѣ столько краснорѣчія и съ тѣмъ вмѣстѣ столько прелести. Онъ любилъ споръ и спорилъ, какъ мало людей умѣютъ спорить: съ смиреніемъ къ своему мнѣнію и съ уваженіемъ къ чужому, хотя узкій взглядъ, предвзятое мнѣніе и деспотическое своеволіе мысли всегда заставляли его страдать.

Политика и поэзія, въ самомъ широкомъ значеніи этихъ двухъ понятій, были сущностью его жизни,—политика міровой всецѣлой жизни человѣчества, и политика—какъ совокупность вопросовъ, живо и горячо затрогивающихъ интересы Россіи и устраивающихъ ея будущность. На ряду же съ политикой стояла и поэзія, являвшаяся чѣмъ-то родственнымъ политикѣ въ духовномъ существѣ его; и въ ней, какъ въ мирной пристани, онъ находилъ себѣ утѣшеніе отъ людей, которые дѣлали политическія ошибки, и успокоеніе отъ событій, тревожившихъ его душу.

Но у Ѳ. И. Тютчева былъ одинъ врагъ: врагъ этотъ была практическая жизнь. Въ практической жизни онъ былъ несвѣдущъ и неопытенъ какъ дитя. Небольшого роста, съ походкою небрежною, переваливающеюся, онъ внѣшнимъ образомъ какъ будто выражалъ внутренняго человѣка; въ этой внѣшней личности было что-то похожее на небрежность ко всему, что не было духовно, а было вещественно; самое его тѣло словно казалось ему тягостью, которую онъ осужденъ влачить. Находясь, по своему положенію и связямъ, постоянно въ высшихъ слояхъ общества, онъ инстинктивно не умѣлъ проявлять въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ какое бы то ни было, даже въ оттѣнкахъ, различіе, если даже они по условіямъ общественнаго положенія стояли и выше его. Онъ былъ тотъ же съ подчиненными ему чиновниками ино-

страннаго цензурнаго вѣдомства, коего былъ начальникомъ, какъ и съ высшими государственными людьми, съ которыми постоянно сходился. Во дворцѣ онъ былъ также смиренъ и также скромно и переваливаясь прокрадывался между людьми, какъ въ каждомъ домѣ частнаго человѣка, но въ то же время также мало занятъ былъ и величіемъ міра сего съ его безчисленными практическими сторонами. Вездѣ и всякому онъ говорилъ то, что думалъ и, не смотря на то, что стоялъ во главѣ обширнаго отдѣла цензуры, не любилъ стѣсненія мысли, чуть только она была искренна и сколько-нибудь благородна».

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ эти строки, прошло много лѣтъ...

Въ эти четверть вѣка, съ памятью о немъ въ благодарномъ сердцѣ, какъ послѣ всякой понесенной въ это время крупной утраты, я повторялъ все чаще и чаще, глядя на людей, глядя на жизнь кругомъ: гдѣ Тютчевъ, гдѣ тотъ, кто его напоминаетъ?

Въ томъ же году скончалась Великая Княгиня Елена Павловна. И вотъ, 24 года приходилось повторять, глядя на жизнь кругомъ, гдѣ Великая Княгиня Елена Павловна, гдѣ та, которая ее напоминаетъ?..

И такъ съ каждою той эпохи смертью...

Тютчевъ, въ свое время, имѣлъ тоже нѣчто въ родѣ своей политической роли, вслѣдствіе дружбы, связывавшей его съ княземъ Горчаковымъ и вслѣдствіе близости его старшей дочери Анны Ѳедоровны, потомъ Аксаковой, къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ... У обоихъ эта историческая роль Тютчева могла быть уподоблена стражу, никогда не засыпавшему, ходившему взадъ и впередъ и отъ времени до времени вскрикивавшему тревогу... Князь Горчаковъ, какъ умный и воспріимчивый че-

ловѣкъ, любилъ бесѣду Тютчева и въ то же время воспринималъ отъ него вдохновеніе въ ту или другую трудную минуту: вѣрную ноту онъ всегда находилъ въ Тютчевѣ, хотя не всегда, къ сожалѣнію, благодаря другимъ вліяніямъ, подчинялся этой вѣрной нотѣ... Въ Зимній дворецъ Тютчевъ приходилъ къ своей дочери, когда ему приходилось не въ моготу отъ душившихъ его антирусскихъ кошмаровъ въ политикѣ, и къ дочери своей обращался какъ къ рупору, чрезъ который его патріотическія впечатлѣнія должны были доходить до Царскаго слуха.

XV.

(1873 годъ).

Великая Княгиня Елена Павловна.

Въ началѣ января въ этомъ году еще одна смерть произвела сильное впечатлѣніе, это кончина Великой Княгини Елены Павловны.

Имя это принадлижитъ русской исторіи, и по ея уму, и по ея сердцу.

Чтобы о ней дать читателямъ моихъ «Воспоминаній» вѣрное представленіе, я привожу здѣсь писанное въ «*Гражданинѣ*» немедленно послѣ ея кончины.

Вотъ что написано было мною.

«Во вторникъ, 9 января, въ два часа пополудни, послѣ непродолжительной болѣзни, тихо угасла, окруженная Ихъ Величествами и всѣми членами Царской Семьи, Великая Княгиня Елена Павловна, на 68-мъ году своей жизни.

Россіи этой жизни принадлежало 50 лѣтъ; и много, много есть что сказать объ этихъ 50 годахъ жизни покойной Великой Княгини въ Россіи и для Россіи; мы надѣемся въ скоромъ времени познакомить читателей съ подробностями этой жизни, а теперь скажемъ о ней лишь то, что знали и успѣли узнать.

Кончина Великой Княгини Елены Павловны есть для Россіи потеря незамѣнимая.

Въ ней угасла послѣдняя представительница эпохи старой, но въ то же время и гораздо чувствительнѣе умираетъ въ ней одна изъ самыхъ живыхъ, самыхъ плодотворныхъ для добра носительницъ великихъ идей Россіи новой, Россіи свободной, Россіи современной!

Эти прожитые покойною Великой Княгинею 50 лѣтъ въ Россіи были не только посвящены ей всецѣло и исключительно, но были прекраснымъ примѣромъ для подражанія и полнымъ великаго смысла служеніемъ своему новому отечеству.

Въ основу своихъ 50 лѣтъ жизни въ Россіи покойная Великая Княгиня положила мысли, которыя исторія должна почтить безсмертіемъ.

Положеніе русской Великой Княгини не есть преимущество, не есть право наслаждаться тѣмъ, чего другіе не имѣютъ, а *трудная и великая должность* передъ престоломъ и государствомъ, для исполненія которой нѣтъ предѣловъ въ усиліяхъ и любви къ Россіи.

Вотъ мысль, лежавшая въ краю угла этой угасшей жизни, лежавшая потому, что положена была Великою Княгинею сознательно. И если мы вспомнимъ, что эти мысли были ею сознаны и примѣнены къ жизни полъвѣка назадъ, то-есть, тогда, когда Великой Княгинѣ было 17 лѣтъ, то мы поймемъ, сколько нравственнаго богатства пріобрѣла она себѣ въ собственность въ эти 50 лѣтъ, поймемъ и то, почему всякое дѣло, всякое учрежденіе—и дѣлъ и учрежденій этихъ было много,—носившее печать мысли и имя Великой Княгини Елены Павловны, связывались съ этою мыслью и съ этимъ именемъ не случайно, а подъ вліяніемъ потребности Ея

прекрасной души и умѣнья. Ея даровитой природы создать дѣло, вдохновить его жизнью, практически обставить, пустить въ ходъ и посвятить пользѣ Россіи.

Покойная Великая Княгиня, дочь принца Павла Вюртембергскаго, воспитывалась до 16 лѣтъ въ одномъ изъ парижскихъ пансіоновъ, въ самой скромной и простой обстановкѣ.

Въ 1823 году принцесса Вюртембергская пріѣзжаетъ въ Россію. Въ Гатчино, на послѣднемъ привалѣ Ея долгаго путешествія и въ первомъ мѣстѣ пребыванія ея въ Россіи, встрѣчаетъ Ее весь Дворъ, съ Императоромъ Александромъ I и вдовствующею Императрицею Маріею Ѳеодоровною во главѣ. Здѣсь же производитъ первое сильное впечатлѣніе будущая Великая Княгиня Россіи. Къ величайшему изумленію и всеобщему очарованію молодая Принцесса въ каждомъ изъ тѣхъ, кто Ей представляется.— встрѣчаетъ какъ будто знакомаго и съ каждымъ говоритъ о томъ, что она успѣла о немъ узнать. Представлены Ей были Кутузовъ, Милорадовичъ, Карамзинъ. Послѣдняго молодая Принцесса привѣтствуетъ, какъ исторіографа своего новаго отечества, и говоритъ ему: «прошу знать, что я уже читала исторію вашу по-русски».

Здѣсь начинается новая эра воспитанія Великой Княгини. Одна изъ свѣтлѣйшихъ личностей въ русской исторіи, Императрица Марія Ѳеодоровна, была во многомъ воспитательницею и нравственною руководительницею молодой Великой Княгини. Это счастливое для Нея событіе объясняетъ многое въ прекрасной жизни ученицы Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и есть одна изъ причинъ развитія нравственной личности Великой Княгини въ томъ прекрасномъ, искренно русскомъ и высоко человѣчномъ духѣ, который собою проникъ Ея жизнь.

Такъ начала Великая Княгиня Елена Павловна свое служеніе Россіи, и можно безъ преувеличенія сказать, что съ поры этого начала въ теченіе полвѣка ни одна минута Ея жизни не пропала даромъ.

Кончина Императрицы Маріи Ѳеодоровны раздѣлила святое и прекрасное ея наслѣдство—благотворительныя и воспитательныя учрежденія—между Императрицею Александрою Ѳеодоровною и Великою Княгинею Еленою Павловною, въ удѣлъ которой достались Маріинскій институтъ, повивальный институтъ съ родильнымъ госпиталемъ и завѣдываніе капиталомъ, завѣщаннымъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною на пенсіи бѣднымъ вдовамъ офицеровъ. Затѣмъ Великая Княгиня получаетъ въ свое завѣдываніе училище для взаимнаго обученія, переименованное въ училище св. Елены; нѣсколько лѣтъ спустя принимаетъ въ свое вѣдѣніе Елисаветинскую дѣтскую больницу, во время Крымской войны учреждаетъ Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, затѣмъ послѣ упраздненія общества посѣщенія бѣдныхъ—беретъ подъ свое непосредственное покровительство Максимиліановскую лѣчебницу и, наконецъ, въ послѣдніе годы, принявъ подъ свое покровительство русское музыкальное общество, даетъ ему новую жизнь.

Вотъ перечень отъ нея получившихъ жизнь и непосредственное руководство учрежденій. Но дѣло не въ перечнѣ, а въ томъ, какъ мы сказали, что каждому изъ этихъ учрежденій Она посвящала не досужное, а *все* свое время, каждую минуту этого времени.

И среди этихъ заботъ, самая чудная, самая высокохристіанская и глубоко патріотическая—выразилась въ учрежденіи сестеръ милосердія во время Крымской войны. Спросите у этихъ сестеръ милосердія изъ оставшихся въ

живыхъ, и вы узнаете, что въ тѣ минуты, когда Она создавала это учрежденіе, Великая Княгиня являлась имъ какъ будто въ ореолѣ святости. Мало того, что Она возъимѣла мысль учрежденія, Она сама выбирала каждую изъ сестеръ милосердія изъ многихъ, Она сама входила въ ихъ душу, цѣлые дни съ ними проводила въ наставленіяхъ и руководительныхъ бесѣдахъ, каждую осыпала ласками, укрѣпляла вѣрою, вдохновляла любовью, благословляла какъ мать и какъ сестра, и послѣ всѣхъ этихъ чудныхъ минутъ и заботъ возъимѣла утѣшеніе увидѣть, какъ на бастіонахъ Севастополя и у одра севастопольцевъ-героевъ показали себя эти ангелы любви, посланные Ею къ солдатамъ и морякамъ!

Война кончается. Расцвѣла жизнь отъ мира и новаго царствованія. И здѣсь наступаетъ еще новая прекрасная минута въ жизни Великой Княгини Елены Павловны. Едва только новый Государь произноситъ слово освобожденія крестьянъ, Великая Княгиня проситъ позволенія это слово осуществить въ своемъ имѣніи и надъ своими крестьянами. Въ 1859 году, получивъ это дозволеніе, она вводитъ въ своемъ имѣніи Карловкѣ то положеніе для крестьянъ, которое 2 года послѣ составило сущность положенія 19 февраля 1861 года. Но этимъ Она не ограничилась. Великая Княгиня является какимъ-то живымъ средоточіемъ духовныхъ интересовъ этого дѣла для всѣхъ, кого довѣріе Государя и закипѣвшая реформа призывали въ ея дѣятели. Вокругъ Нея, если можно такъ выразиться, происходила та часть работы по крестьянскому дѣлу, которая была одною изъ главнѣйшихъ,—работа душевная, во имя свободной мысли и любви къ Россіи... Здѣсь Она являлась во всемъ блескѣ умной женщины и, давая каждому свободу высказываться, пользовалась

своимъ умомъ, чтобы сглаживать различныя мнѣнія и примирять ихъ представителей. Съ тѣхъ поръ почти по день ея кончины Великая Княгиня не переставала быть этимъ живымъ средоточіемъ новыхъ потребностей русской жизни!

Наконецъ, ясное пониманіе силы искусства въ дѣлѣ развитія народной жизни—побуждаетъ Великую Княгиню взять подъ свое покровительство русское музыкальное общество, но не какъ нибудь и не для формы, а, какъ Она сама говорила, для того, чтобы учрежденіе это было крѣпко и здорово въ своихъ основахъ, и богато жизненнымъ содержаніемъ для полнаго своего развитія. Именно эта-то цѣль самыми настойчивыми усиліями и ежеминутными заботами Великой Княгини была достигнута, и вполнѣ достигнута, ибо музыкальное общество съ его консерваторіями—одно изъ самыхъ живыхъ и успѣшно идущихъ учрежденій въ семьѣ учрежденій свободныхъ и самостоятельныхъ.

Все ли мы сказали о ея дѣлахъ?

Нѣтъ, далеко не все! У покойной Великой Княгини, среди многихъ прекрасныхъ чертъ ея личности, была черта высоко-симпатичная. Великая Княгиня любила, такъ сказать, заставлять иностранцевъ любить Россію и оцѣнивать ея прекрасныя стороны. Зная Россію и людей такъ, какъ мало знаютъ ихъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, Великая Княгиня, если можно такъ выразиться, прилагала къ ознакомленію иностранцевъ съ Россіею особенную ревность и умѣлость; Она умѣла имъ показать людей и дѣла ихъ съ самой привлекательной стороны. Но этого мало: Она всею своею возвышенною душою сумѣла понять то, что составляетъ лучшее достояніе и богатство ея—вѣру и церковь; такъ, оцѣнивъ

всю красоту и прелесть нашихъ молитвъ, Она поручила переводить всѣ лучшія книги и собранія молитвъ на иностранные языки. Ея заботами переведены между прочими: литургія, канонъ Андрея Критскаго и молитвословъ.

А теперь, въ день Ея кончины, сколько узнано было добрыхъ дѣлъ, о которыхъ Она одна знала; Ея казна была подобна Ея сердцу,—неизчерпаемымъ источникомъ помощи для всякаго, кто къ Ней обращался, и помощи всегда полной, сознательной и отъ Нея исходящей,—но никогда не банальной!

Это отвращеніе отъ всего похожаго на банальность, на общія мѣста, уваженіе къ людямъ за ихъ личность и требованіе того же отъ нихъ для Себя, глубокое презрѣніе ко всему похожему на царедворство, во всѣхъ его проявленіяхъ, удивительное умѣнье людей узнавать и людей заставлять говорить съ Нею откровенно и о дѣлѣ, близкомъ ихъ уму и сердцу, свѣтлый и живой умъ, горячо воспринимающее сердце, пониманіе жизни человѣка вообще и русскаго въ особенности, доступность для всякаго, кто въ Ней нуждался, и, наконецъ, что выше всего было,—любовь къ добру и къ добру для Россіи—таковы были главныя черты привлекательной личности покойной Великой Княгини, съ помощью которыхъ Ея высокое положеніе не только никогда не понижалось, но все выше, все ярче, все нравственно сильнѣе становилось среди окружавшей Ее жизни, и чѣмъ выше, тѣмъ все доступнѣе, тѣмъ благотворнѣе, тѣмъ полезнѣе для людей!

Да! Съ закрытіемъ могилы надъ такою русскою Великою Княгинею мириться не легко, ибо послѣ Нея что остается кромѣ памяти тысячей людей, Ее знавшихъ и Ею подвинутыхъ на все доброе, полезное и благородное?

Остаются эти люди, остаются дѣла и учрежденія, умомъ, сердцемъ и средствами Великой Княгини созданныя и духомъ Ея вдохновенныя! Остается исторія.

Да! Все это остается! Но Ея нѣтъ!

Награды здѣсь Она не приняла; жизнь Ея не была ни особенно счастлива, ни особенно свѣтла беззаботностью! Она утѣшала себя тѣмъ, что столько людей сдѣлала счастливыми и столько укрѣпила людей своимъ никогда не падавшимъ и никогда не смущавшимся духомъ.

Слѣдовательно, если есть утѣшеніе, то оно заключается въ томъ, что награда Ея, здѣсь не полученная, ждетъ Ее тамъ, гдѣ Царство Спасителя, сказавшаго міру: «да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте!»

Затѣмъ, вотъ что еще цѣннѣе, какъ описаніе личности Великой Княгини Елены Павловны, это мысли К. П. Побѣдоносцева, напечатанныя въ томъ же «*Гражданинѣ*».

9 января 1873 года.

Свѣтлая звѣзда скатилась съ нашего небосклона. Многіе осиротѣли у насъ, точно дѣти, потерявшія мать,— ищутъ и не находятъ и плачутъ. Великая Княгиня Елена Павловна преставилась въ вѣчность.

Благословенна память Ея во всей Россіи; но Ею облагодѣтельствованные будутъ носить въ сердцѣ свѣтлый Ея образъ, покуда живы, со скорбью, что потеряли Ее, съ любовью и благодарнымъ сознаніемъ, что знали Ее и видѣли въ жизни.

Въ нынѣшнемъ году, въ сентябрѣ, исполнится 50 лѣтъ съ того дня, какъ она въѣзжала въ Россію молодою Принцессой, и началась ея многообразная и плодотворная дѣятельность для Россіи. Съ этого дня огонь, тепливший-

ся въ душѣ 15-лѣтней дѣвицы, живой, воспріимчивой, впечатлительной, сталъ разгораться и зажигать около себѣ, вверху и внизу, другіе огни; завязавшаяся въ Ней мысль стала входить въ силу и возбуждать мысль всюду, гдѣ только мѣсто мысли живой и дѣятельной. Ея красота, физическая, умственная и нравственная, съ умѣньемъ обласкать, приблизить къ себѣ, одушевить, стала безсознательно очаровывать всѣхъ, кого вводила она въ кругъ своей мысли. Кто зналъ и не любилъ Ея? Кто, искавшій у Нея помощи на дѣло добра, былъ ею отринутъ? Кто, входя въ кругъ Ея, не подчинялся Ея обаянію и не чувствовалъ себя возбужденнымъ и подвергнутымъ въ глубинѣ доховной своей природы? Вся Она исполнена была жизни и мысли: возбуждая все около Себя, Она сама отовсюду искала и принимала живыя впечатлѣнія, стремясь всякую истинную и плодотворную мысль превратить въ дѣло и на всякое дѣло поставить людей, разумѣющихъ его и по немъ ревнующихъ. Окруженная блескомъ и роскошью двора и восторженною преданностью многихъ, но много испытавшая борьбы и горя, она ни на минуту не отдавалась нѣгѣ своего положенія, ни на минуту *духа не утишала въ себѣ*—до послѣдняго дня своей жизни. И, по-истинѣ, у смертнаго одра Ея просится на уста, въ поученіе живымъ, апостольское слово: *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе.*

Испытавшіе жизнь знаютъ, какъ много значитъ, сколько можетъ распространить добра около себя подобная натура и въ обыкновенномъ общественномъ положеніи.

Сила творитъ силу, сила вызываетъ силу, сила отъ силы зачинается въ мірѣ духовныхъ соотношеній. Но Усопшая стояла въ жизни на внѣшней высотѣ, на широкомъ мѣстѣ, откуда всѣмъ было Ее видно, и откуда

Ея вліяніе могло распространяться на широкомъ полѣ. И подлинно, въ лицѣ Ея объявлялось и оправдывалось предо всѣми высокое и благодѣтельное общественное значеніе *сана*. Она носила свой санъ достойно и праведно, и все богатство души и внѣшнихъ благъ, дарованное ей Промысломъ, расточила не Себѣ, но людямъ и дѣлу, которому служила.

Еслибъ можно было припомнить и вызвать всѣхъ Ею облагодѣтельствованныхъ, какой многочисленный сонмъ сталъ бы у Ея гроба! Сколько талантовъ отыскала Она, ободрила, воспитала, вывела на свѣтъ и въ дѣятельность! Много сыщется именъ, славныхъ или извѣстныхъ въ наукѣ и искусствѣ,—связанныхъ съ Ея именемъ, выросшихъ подъ Ея покровительствомъ. Стоило Ей только услышать, что въ томъ или другомъ безвѣстномъ углу проснулось дарованіе и нуждается въ поддержкѣ, въ средствахъ къ образованію, какъ уже рука Ея готова была дать, а главное, готово было въ сердцѣ Ея нетерпѣливое желанье призвать, увидѣть, разспросить человѣка, живымъ словомъ своимъ ободрить его, поднять его на высоту и отпустить возбужденнаго, веселаго, съ вѣрою въ свое признаніе, съ отраднымъ сознаніемъ сочувственной силы! Сколько найдется общественныхъ и государственныхъ дѣятелей послѣдняго 25-ти-лѣтнія, которыхъ Она первая узнала, приблизивъ ихъ къ Себѣ, и вывела на дѣло Своимъ покровительствомъ и Своимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ. Сколько разъ—обиженнымъ, оклеветаннымъ, несчастнымъ помогала Она своимъ высокимъ вліяніемъ и заступничествомъ возстановить правду свою и найти доступъ къ милости! Наконецъ, сколько бѣдныхъ благословляли и благословляютъ имя Ея за вѣдомыя Единому Богу личныя Ея благодѣянія!

Но Она не довольствовалась личными благодѣяніями. Благотворительность Ея проникнута была мыслью утвердить доброе дѣло, провесть его въ общество, положить въ немъ зерно прочнаго, непрерывно дѣйствующаго общественнаго учрежденія, поставить его *разумно*. И когда, по мысли Ея, дѣйствіемъ Ею самою выбранныхъ и возбужденныхъ людей возникало учрежденіе, съ какимъ неутомимымъ вниманіемъ слѣдила Она за ходомъ его, вникая во всѣ подробности, осматривая, разспрашивая, поддерживая во всѣхъ дѣятеляхъ силу духовную!

Нерусская по рожденію, Она положила сердце въ новомъ своемъ отечествѣ и посвятила Россіи всю свою дѣятельность. Всѣ великія событія внѣшней и внутреней жизни Русскаго государства отзывались у Ней въ сердцѣ глубоко, вызывали въ Ней живое, дѣятельное участіе, и со многими изъ нихъ, въ самыя знаменательныя эпохи новѣйшей исторіи, связано Ея имя.

Стоитъ припомнить, въ эпоху восточной войны и осады Севастополя, съ какой неутомимою ревностью двинулась Она на помощь раненымъ и больнымъ, посредствомъ Ею созданной и одушевленной Крестовоздвиженской общины; и когда-нибудь безпристрастная исторія обнаружитъ вполнѣ, какая доля участія принадлежитъ Ей въ успѣшномъ приведеніи къ концу великаго дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Для общества Она была свѣтлымъ центромъ умственнаго одушевленія, и собранія, бывшія въ Ея гостиныхъ, на долго останутся въ памяти всѣхъ, кто ищетъ въ бесѣдѣ свѣтлаго, праздничнаго возбужденія мысли, отрезвленія отъ будничной жизни. У Нея можно было встрѣтить всѣхъ пріѣзжающихъ изъ внутренней Россіи или изъ-за границы людей, чѣмъ либо замѣчательныхъ въ служебной

и общественной дѣятельности, въ наукѣ, въ искусствѣ. Всякаго Она умѣла приблизить къ себѣ, всякаго Она поднимала на свою высоту, со всякимъ умѣла вести рѣчь именно о томъ, въ чемъ онъ полагалъ свое дѣло; всякій уходилъ отъ Нея съ сознаніемъ Ея высокаго достоинства и не съ приниженнымъ, но съ возвышеннымъ самосознаніемъ. Въ Ея кругу, около Нея свѣтло было, духовно и чисто. Многіе на Нее *озирались*. Многіе про себя думали: что Она подумаетъ? какъ Ей покажется? Для многихъ и то уже великое горе, если послѣ Нея не на кого будетъ озираться!

И Ея уже нѣтъ! Еще такъ недавно, въ концѣ декабря, въ день Ея рожденья, собравшись къ Ней, старые друзья и слуги видѣли привѣтливый взглядъ, слышали Ея привѣтливое слово. Еще можно было обманываться и надѣяться, еще видна была въ Ней, сквозь болѣзненную усталость, прежняя Ея живость, казавшая Ее молодою передъ старыми Ея сверстниками. И вотъ, 9 января судилъ Богъ тѣмъ же людямъ собраться въ слезахъ и въ таинственномъ молчаніи у бездыханнаго Ея тѣла.

Горькая потеря! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ менѣе станутъ выступать для насъ достоинства Усопшей—и все, что мы потеряли въ Ней. Она уже *взята отъ земли;* но какъ сложились, по кончинѣ, въ ровную, спокойную красоту черты лица Ея, живыя и подвижныя, такъ сложится на вѣчную Ей память милый Ея образъ, величавый, сіяющій мыслью, и *всѣхъ привлечетъ къ себѣ.*

XVI.

(1873 годъ).

Прекращеніе моихъ отношеній къ Цесаревичу.—Анализъ и разъясненіе этого событія въ моей жизни.

1873-й годъ въ моей жизни былъ годомъ достопамятнымъ. Въ этомъ году прекратились мои отношенія къ Цесаревичу, и я, какъ говорили тогда въ придворныхъ кругахъ, сломалъ себѣ шею.

Для меня это было, сколько я могъ судить, важнѣйшимъ событіемъ моей жизни, но не въ одномъ, а въ двухъ отношеніяхъ. Въ одномъ оно было весьма горькое и печальное, ибо всякій понималъ, легко ли могло быть, послѣ 12 лѣтъ постоянно близкихъ отношеній съ такой привлекательной и свѣтлой личностью, какъ былъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, вдругъ почувствовать всѣ эти отношенія прерванными и себя выброшеннымъ, такъ сказать, изъ той его живой атмосферы, гдѣ къ личнымъ отношеніямъ симпатіи и пріязни, къ цѣлому міру воспоминаній общаго прошлаго присоединилось столько святыхъ и благородныхъ двигателей, истекавшихъ изъ его настоящаго положенія, какъ подготовленіе къ великому будущему?

Въ другомъ отношеніи это было важнымъ пробнымъ камнемъ для моей жизни, въ видѣ вопроса: какъ я спра-

влюсь съ этимъ ударомъ для сердца и, отчасти, для самолюбія, ибо человѣкъ прежде всего человѣкъ, то-есть, эгоистъ, въ жизни котораго личныя впечатлѣнія и личные интересы призваны брать верхъ надъ высшими и отвлеченными обязанностями поклоненія идеаламъ.

Въ этомъ отношеніи перенести, что, говорятъ, переносится всего труднѣе,—придворную опалу,—мнѣ много помогла моя рѣшимость прошлаго года вступить въ міръ печати. Годъ спустя я понялъ, что долженъ былъ за этотъ шагъ, казавшійся тогда многимъ дикимъ, благодарить Бога, какъ за событіе, которое оказалось огромною помощью для перенесенія отчасти удара тому, что въ свѣтѣ называется карьерою, въ особенности нравственныхъ тяжелыхъ ощущеній.

Будь я, какъ всѣ, въ обыкновенныхъ условіяхъ чиновничьяго положенія, разумѣется, эта не достаточно занятая для ума и для души жизнь, съ примѣсью свѣтскихъ впечатлѣній,—мало дала бы мнѣ нравственной поддержки въ такую минуту, когда я не могъ бы не знать, что съ моимъ придворнымъ крахомъ должно было соединяться и паденіе моихъ акцій во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ люди чтутъ гораздо болѣе положеніе человѣка, чѣмъ его самого, и въ этомъ положеніи нельзя предвидѣть, какую перемѣну къ худшему во всемъ характерѣ человѣка можетъ произвести такая сильная метаморфоза въ его свѣтской жизни.

Моя дѣятельность журналиста въ этомъ случаѣ послужила мнѣ благодѣтельнымъ громоотводомъ, претупивъ ударъ судьбы во всемъ томъ, чѣмъ онъ могъ повліять на мою нравственную личность дурно, и оставивши мнѣ цѣлый духовный міръ мыслей, чувствъ и заботъ, въ которомъ я могъ найти и облегченіе для сердечнаго горя, и

противоядіе противъ всѣхъ уколовъ самолюбія, честолюбія и всѣхъ другихъ любій, неизбѣжныхъ спутниковъ такого событія...

Впрочемъ, тутъ умѣстно и то сказать, что самый переходъ мой въ карьеру журналиста былъ уже какъ бы подготовленіемъ къ тому, что относительно моей карьеры люди могли считать ея погибелью послѣ постигшей меня опалы, ибо, понятно, съ этимъ переходомъ я уже очень мало могъ ожидать въ области честолюбивыхъ мечтаній карьериста.

Но тутъ отрадно вспомнить, что было еще обстоятельство, помогшее мнѣ выдержать смиренно и покорно постигшее меня несчастіе; это было участіе ко мнѣ нѣсколькихъ лицъ, пожелавшихъ именно въ эти тяжелыя минуты доказать мнѣ, что міръ не безъ добрыхъ людей, и проявившихъ ко мнѣ особенно дружеское расположеніе, не намекнувши на то, что этотъ избытокъ участія въ нихъ вызывается постигшимъ меня горемъ.

Но, возвращаюсь къ самому факту моего придворнаго краха. Былъ ли онъ для меня неожиданностью?

Нисколько. Отъ времени до времени я его предвидѣлъ, или, вѣрнѣе, его предчувствовалъ, какъ неизбѣжное роковое послѣдствіе, съ одной стороны моего сквернаго характера, а съ другой стороны, — того полнаго неумѣнія оріентироваться въ придворномъ мірѣ, которое еще 10 лѣтъ раньше покойный графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ замѣтилъ и охарактеризовалъ словами: «вы будете никуда не годнымъ царедворцемъ».

Самъ Цесаревичъ, скажу по чистой совѣсти, былъ менѣе всего виновникомъ этого наступившаго разрыва, ибо должно признаться, что если въ чемъ-либо я могъ быть ему полезнымъ, я заставлялъ Цесаревича дорого за

это платить кротостью и терпѣливостью къ моему, всегда придирчивому, всегда подозрительному и всегда неуживчивому характеру. Сколько разъ, вслѣдствіе этого, въ нашихъ отношеніяхъ наступали шквалы, и если я, подчасъ въ нихъ каялся, то чаще меня къ умиренію способствовалъ самъ Цесаревичъ своею любящею терпимостью, своимъ искреннимъ желаніемъ доказывать цѣну, которую онъ придавалъ нашимъ долголѣтнимъ отношеніямъ. И вотъ, пришла, однако, минута, когда онъ нашелъ меня невыносимымъ и непростительнымъ, и сказалъ мнѣ, что намъ лучше, на время, не видѣться вовсе. Но и тутъ, въ этомъ актѣ нетерпѣнія, онъ явилъ свою прекрасную душу, сказавши мнѣ въ письмѣ, что признаетъ это единственнымъ средствомъ спасти главное, — наши хорошія другъ къ другу чувства. Такой ссоры, въ этихъ именно психологическихъ условіяхъ, я ни съ кѣмъ не имѣлъ въ жизни, а потому долженъ сказать, что это проявленіе и тутъ деликатности со стороны Цесаревича, въ минуту, когда, казалось со стороны, ударъ имъ наносился мнѣ грубо и со всего плеча, было главною причиною, почему я не только не испыталъ ухудшающихъ мой нравственный міръ перемѣнъ, но вышелъ изъ этого испытанія какъ изъ купели возрожденія.

Главною причиною тѣхъ ссоръ, которыя привели къ печальной развязкѣ наши 12-лѣтнія отношенія, было то, что, по словамъ Данте, моститъ подземелья ада,—добрыя намѣренія, но, къ сожалѣнію, никогда не соображаемыя съ тѣмъ придворнымъ міромъ, гдѣ я имѣлъ только двухъ доброжелателей, Цесаревича Самого и Его адъютанта П. Козлова, и постоянно это забывалъ съ весьма неблагоразумною безпечностью. Въ 1873 году меня глубоко потрясло событіе, вслѣдствіе котораго я лишился второго

своего доброжелателя и союзника; это внезапно поразившая П. А. Козлова душевная болѣзнь, подъ гнетомъ которой, для меня незамѣтно, характеръ мой, вѣроятно, еще болѣе сталъ безпокоенъ и раздражителенъ. Съ тою или другою политическою или общественною заботою минуты въ душѣ, я продолжалъ разныя идеальныя желанія предъявлять къ Цесаревичу, конечно, недостаточно соображая, что въ его положеніи многое, что мнѣ могло казаться ожиданіемъ отъ него естественнымъ, должно было быть подчинено тысячамъ условій такта, политики и т. д., и вотъ откуда исходили постоянныя недоразумѣнія; то я плакался, то вступалъ въ самозванную роль совѣтника, то расточалъ упреки, то видѣлъ и чуялъ интриги, и въ концѣ-концовъ расходился такъ, что одинъ изъ многихъ шкваловъ превратился въ ураганъ, и мой одинокій челнъ разбился о камни, которые я самъ себѣ на своемъ узкомъ и скалистомъ фарватерѣ громоздилъ.

Въ эту критическую минуту я могъ себѣ сказать: по дѣломъ, и почти сказалъ себѣ это, ибо натура, характеръ и душа Цесаревича были такими, что всегда можно было быть выслушаннымъ и понятымъ, избѣгая битья стеколъ и не насилуя его отзывчивой на все хорошее и благородное, прекрасной души. Я натянулъ струну и она порвалась.

Я помню послѣдній вечеръ, проведенный у меня Цесаревичемъ въ эту печальную для меня зиму. Онъ пріѣхалъ въ 9 часовъ и пробылъ до 5 часовъ утра, до такой степени онъ интересовался оживленною бесѣдою, кипѣвшею вокругъ него.

Когда, въ шестомъ часу утра, Цесаревичъ сказалъ: однако, пора и честь знать, я суевѣрно почувствовалъ, что этотъ поздній часъ никѣмъ не будетъ мнѣ прощенъ

и что эта ночь была для моихъ собраній лебединая пѣснь. Оно такъ и случилось. Дышавшей жизнью бесѣдѣ Цесаревича съ единомышленниками о Россіи данъ былъ смыслъ политической сходки, и это подбавило масла въ огонь противъ меня моихъ многихъ недоброжелателей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, увы, я получилъ свою отставку или, вѣрнѣе, свой безсрочный отпускъ. Говорю: безсрочный отпускъ, ибо, въ концѣ года я имѣлъ удовольствіе получить доказательства, что добраго своего расположенія ко мнѣ Цесаревичъ не перемѣнилъ. Однажды, когда обо мнѣ заговорилъ съ нимъ одинъ изъ моихъ немногихъ доброжелателей, Цесаревичъ спросилъ: ну, что онъ дѣлаетъ? А когда тотъ отвѣтилъ, что груститъ по васъ, онъ улыбнулся и сказалъ ласковымъ голосомъ: пусть придетъ когда-нибудь...

Тутъ настала опять трудная психическая для меня минута.

Важность этого психическаго момента для меня, очевидно, заключалась въ вопросѣ: долженъ ли я былъ или не долженъ я былъ воспользоваться милостивымъ зовомъ Цесаревича, какъ удобнымъ случаемъ для попытки возобновить прерванныя отношенія? Совѣсть, разумъ и сердце мнѣ сказали: нѣтъ, и я съ грустною покорностью подчинился ихъ велѣніямъ. Какъ ни странно, но всего сильнѣе заговорило сердце. Эти нѣсколько мѣсяцевъ положенія, въ которомъ я и на свое прошлое, и на дорогой мнѣ Аничковъ дворецъ могъ глядѣть только уже со стороны, какъ чужой, дали мнѣ возможность спокойно обсудить двѣ вещи: во-первыхъ, самого себя по отношенію къ Цесаревичу и, во-вторыхъ, Цесаревича какъ личность. Первое привело меня къ неумолимому приговору надъ самимъ собою за все, что прежде я въ себѣ, благодаря пребы-

ванію въ придворномъ мірѣ, не успѣвалъ достаточно замѣтить и что теперь ясно разглядѣлъ: скверный характеръ мой обрисовался мнѣ со всѣхъ его сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ; при чемъ я долженъ былъ и осудить, и обвинить себя въ томъ, что мое самомнѣніе въ связи съ скверномъ характеромъ, должны были à la longue превратить меня въ бремя для Цесаревича. А второе—оцѣнка личности Цесаревича, когда я могъ ее дѣлать издали и со стороны, скажу откровенно, такъ его ставила высоко, что главною сердечною заботою человѣка, преданнаго Цесаревичу, но съ отвратительнымъ характеромъ, должно было быть опасеніе и страхъ, какъ бы не приносить собою вредъ этой личности.

Теперь, когда все это стало давнимъ прошлымъ, когда взглядомъ старика я гляжу на это прошлое совсѣмъ спокойно, я говорю себѣ: пригодилась ли кому-нибудь или чему-нибудь моя жизнь,—не мнѣ объ этомъ судить, но одно только могу сказать по отношенію къ описываемой мною теперь тогдашней минутѣ: Богъ далъ мнѣ полюбить Цесаревича настолько свято, что я могъ свою мизерную личность тогда подчинить этому чувству, чтобы не предпочесть отрады Его видѣть и быть съ Нимъ въ общеніи, риску своимъ дурнымъ характеромъ Ему приносить вредъ.

И вотъ тогда я понялъ, что мой долгъ былъ въ уединеніи работать надъ своимъ характеромъ денно и нощно, чтобы удостоиться довѣрія Цесаревича, если суждено ему было вернуться, а не соваться въ среду, гдѣ я обнаружилъ свою негодность, и этому долгу, признанному ясно и громко сердцемъ, я и внялъ—спокойно, покорно, естественно, безъ лицемѣрія и безъ всякихъ признаковъ аффектаціи. И уже много лѣтъ спустя, когда мнѣ при-

шлось заговорить объ этомъ именно прошломъ съ Хозяиномъ Аничкова Дворца, я имѣлъ отраду узнать отъ Него, что Онъ одобрялъ тогдашній мой образъ мысли и дѣйствія.

XVII.

(1873 годъ).

Новое проявленіе внутренней политической агитаціи.—Цюрихъ.—Русскія женщины. — Новый постъ Валуева. — Голодъ въ Самарской губерніи.— «Складчина».

1873 годъ имѣлъ свое печальное историческое значеніе въ сферѣ политическихъ злыхъ умысловъ. Замѣчательно, что очагомъ тогда этихъ замысловъ была Швейцарія, гдѣ въ Цюрихѣ и въ другихъ городахъ сконцентрировались главные русскіе дѣятели революціи, съ Лавровымъ во главѣ, и гдѣ, кромѣ того, былъ центръ новой категоріи подпольныхъ агентовъ — русскихъ женщинъ, перебравшихся туда подъ предлогомъ высшаго образованія.

Дѣйствительно, наука оказалась для этихъ русскихъ передовыхъ женщинъ, по большей части, изъ дворянскихъ семействъ, перебравшихся туда изъ провинціальной глуши, только предлогомъ, а главное ихъ занятіе заключалось въ дѣятельномъ веденіи политической агитаціи.

Объ этомъ оффиціально заявилъ въ своемъ сообщеніи въ 1873 году «*Правительственный Вѣстникъ*». Надъ этимъ сообщеніемъ, я помню, долго и много думали наши тогдашніе хозяева внутренней политики, министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, шефъ жандармовъ гр. Шуваловъ, и отчасти гр. Толстой въ качествѣ министра народнаго

просвѣщенія. А долго думали они потому, что они хотѣли въ этомъ сообщеніи соединить двѣ вещи: во-первыхъ, заботу о томъ, чтобы заговорить строго, во имя интересовъ порядка, осудить и пригрозить, а во-вторыхъ, заботу о томъ, чтобы все-таки не показаться черезъ-чуръ отсталыми, а наоборотъ, показаться à la hauteur de siècle, и сказать нѣсколько милыхъ словъ по адресу современной ученой женщины... Результатомъ этой двойной заботы явилось въ маѣ 1873 года правительственное сообщеніе, надѣлавшее много шуму и освѣтившее довольно ярко тогдашній курьезъ нравовъ. Небезъинтересно, 25 лѣтъ спустя, прочесть эти строки. Привожу изъ сообщенія двѣ выписки: одну, описывающую уродливое явленіе, а другую—обнаруживающую заботу правительства объ этомъ самомъ высшемъ женскомъ образованіи, въ которой, къ слову сказать, никто въ то время, во имя науки, серьезно не нуждался:

Вотъ первая выписка:

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ *цюрихскомъ университетѣ*.

«Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ, до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возстановленіемъ числа русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія броса-

лись для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секція интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года»—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно

принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей».

А вотъ и вторая выписка:

«Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то, тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ, въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта, на 4 года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ.

«Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ по-

требности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества».

Какъ выяснилось потомъ, это правительственное сообщеніе не оказало желаннаго дѣйствія. Цюрихскія русскія бабенки предпочли остаться въ ореолѣ изгнанія за какое-то, по ихъ мнѣнію, великое дѣло будущаго и, вмѣстѣ съ мужчинами того же лагеря, вели революціонную пропаганду въ Россіи изъ Цюриха очень энергично и не безъ успѣха.

Не мало было мое удивленіе, когда въ деревенской глуши, въ имѣніи, гдѣ я жилъ лѣтомъ, въ 60 верстахъ отъ Николаевской желѣзной дороги, я узналъ, что въ мѣстное волостное правленіе попалъ цѣлый тюкъ прокламацій къ народу, печатавшихся въ Швейцаріи; мужички, по прочтеніи совсѣмъ новой для нихъ ерунды, доставили эти прокламаціи по начальству въ уѣздный городъ, поняв ши изъ нихъ только одно, что посланіе это звучало не ладно. Русскому народу говорилось, что настало время Русскому народу возстать противъ власти, и искать своего счастья въ дружномъ содѣйствіи швейцарскимъ *друзьямъ* Русскаго народа въ его задачѣ побороть правительство. Такія же прокламаціи были разосланы массами въ университетскіе города, по адресу студентовъ, но, къ счастью, не вызвали въ университетахъ никакихъ сочувственныхъ демонстрацій.

Любопытно при этомъ отмѣтить тотъ фактъ, что, подъ вліяніемъ этой усиленной пропаганды разрушительныхъ идей, наводнявшей тогда Россію прокламаціями, и спеціальной пропаганды женскаго вопроса, въ Петербургѣ въ разныхъ сферахъ стали говорить о проектѣ женскаго университета, готовомъ, будто бы, осуществиться. Проектъ

этотъ не осуществился, но думаю, что онъ родилъ знаменитые Бестужевскіе высшіе женскіе курсы, куда съ какою-то яростью бросились самые фанатичные и, надо правду сказать, самыя уродливыя физически передовыя дѣвицы, стриженыя, съ синими очками, въ мужскихъ пиджакахъ, и гдѣ опять-таки высшая наука была только вывѣска, подъ прикрытіемъ которой эти передовыя женщины сходились съ самыми фанатичными студентами для разговоровъ о преобразованіи государственнаго и общественнаго строя.

Въ этомъ году Валуевъ, послѣ 6 лѣтъ отдыха отъ министерскихъ трудовъ, вернулся снова къ министерскому посту. Объ немъ вспомнили или, вѣрнѣе, онъ о себѣ напомнилъ, когда умеръ министръ государственныхъ имуществъ, почтенный и всѣми любимый и уважаемый генералъ-адъютантъ Зеленый, и явился вопросъ: кого назначить?.. Любопытно, что, принимая этотъ постъ, Валуевъ соединилъ въ себѣ двѣ противоположности: одна—сознаніе того, что онъ ровно ничего не смыслилъ въ какой бы то ни было отрасли сельскаго хозяйства, а другая—сразу въ немъ заговорившее стремленіе предпринять *аграрныя* реформы въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, то есть реформы и улучшенія въ той области, гдѣ онъ не могъ отличить овса отъ пшеницы... Кромѣ того, принимая министерство, Валуевъ сразу пожелалъ его округлить, и для этой цѣли присоединилъ къ нему лѣсной департаментъ и государственное коннозаводство. То и другое было присоединеніемъ раціональнымъ по ихъ связи съ земледѣліемъ, входящимъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, но присоединеніе коннозаводства къ себѣ именно Валуевымъ показалось смѣшнымъ, ибо Валуевъ ни малѣйшаго понятія не имѣлъ о лошади вообще, и о коннозаводствѣ въ особенности.

Въ этомъ же году въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особливо въ Самарской губерніи, оказался голодъ. По этому поводу въ нашемъ литературномъ мірѣ свершилось симпатичное дѣло. Всѣ литературныя партіи и всѣ газетные кружки соединились въ одно, чтобы издать въ пользу голодающихъ книгу.

Книга эта названа была «*Складчиною*». Устроили комитетъ для изданія, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ литераторовъ Краевскаго. Избранный въ число членовъ комитета, я познакомился съ моимъ главнымъ антагонистомъ, и такъ какъ комитетъ собирался у него, то видѣлись мы довольно часто; намъ подавали элегантно сервированный чай, и въ сношеніяхъ съ нимъ мнѣ пришлось убѣдиться, что онъ былъ пріятный человѣкъ, очевидно, потому, что никогда ни однимъ звукомъ не обмолвился насчетъ вопросовъ, требовавшихъ приложенія къ нимъ нашихъ политическихъ убѣжденій. Книга «*Складчина*» вышла большая, пущена была по 3 рубля и, сколько помню, дала около 10 тысячъ рублей чистаго сбору. Отмѣчаю этотъ фактъ, потому, что никогда послѣ не было повторенія факта соединенія всѣхъ литераторовъ во имя какого-нибудь добраго дѣла.

XVIII.

(1874 годъ).

Манифестъ о воинской повинности.—Назначеніе А. А. Абаза.—Бракосочетаніе Вел. Кн. Маріи Александровны. — Паденіе гр. П. А. Шувалова.—Переходъ его въ послы въ Лондонъ.—Потаповъ.—Выходъ книги «*Складчина*».—«Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости».

1874 годъ начался длиннымъ манифестомъ о введеніи всеобщей воинской повинности, появившимся 3 января. Его ждали перваго, и весь Петербургъ волновался, ибо пустили слухъ, что реформа отложена. То былъ день тріумфа военнаго министра Дмитрія Ананьевича Милютина, осуществленіе его главнаго дѣла царствованія. Всѣ говорили о военномъ принципѣ равенства всѣхъ подъ знаменами, о томъ, что отнынѣ жирный купецъ не будетъ откупать своего сына отъ солдатской службы, но кстати припомнить, что упоеніе духомъ времени было такъ сильно, что никто и пикнуть не смѣлъ о томъ, что въ сей день, 3 января 1874 года, уничтожалось одно изъ главныхъ правъ русскаго дворянства. Мало того, что о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи русскаго дворянства никому въ голову не приходило вспомнить, какъ при изданіи судебныхъ уставовъ никто не вспомнилъ, что дворянство получило навсегда право быть судимымъ только дворянами, и это право судебными уставами уничтожа-

лось, но, какъ я раньше говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, нашлись такія дворянскія собранія, которыя составили и представили благодарственные адресы за *честь* уравненія ихъ со всѣми другими сословіями Россіи относительно отбыванія воинской повинности.

1-го января всѣ заговорили о крупномъ назначеніи А. А. Абазы предсѣдателемъ департамента экономіи государственнаго совѣта. Старики съ ужасомъ говорили: только Анна 1-й степени и такое мѣсто! Въ началѣ января умеръ графъ Бергъ. За 3 дня до смерти онъ, говоря о проектированномъ упраздненіи намѣстничества въ Варшавѣ, сказалъ: это будетъ послѣ моей смерти, а я хочу еще пожить.

Такъ какъ въ январѣ этого года совершилось бракосочетаніе Великой Княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, то Государь въ началѣ лѣта, впервые въ Свое царствованіе, предпринялъ поѣздку въ Англію и пробылъ тамъ гостемъ королевы цѣлые десять дней. Были торжества при дворѣ, былъ парадный пріемъ въ Гильдхаллѣ отъ лорда-мэра, были рѣчи о симпатіи Англіи къ Россіи и т. д., и вѣрная своимъ традиціямъ, Англія именно въ этомъ году поспѣшила заявить, какъ она лжетъ, говоря о симпатіяхъ Россіи, и воспользовалась для этого брюссельскою конференціею, чтобы не только сдѣлать намъ гадость, но возстановить противъ русской иниціативы почти всю Европу. Бѣдному князю Горчакову не везло. На досугѣ имъ придуманъ былъ проектъ цѣлой великодушной реформы военныхъ правъ во время войны. Ему мерещилась слава его имени, связаннаго съ однимъ изъ величайшихъ событій, какъ онъ говорилъ, въ исторіи человѣчества, и для осуществленія этой мечты онъ предложилъ всѣмъ государствамъ Европы,

избравъ Брюссель, какъ нейтральный центръ, прислать своихъ представителей въ этотъ городъ, чтобы обсудить и утвердить его новый проектъ международныхъ отношеній относительно веденія войны. Идея канцлера была принята и конференція началась; но едва только началось разсмотрѣніе по пунктамъ проекта русскаго правительства, какъ англійскій представитель началъ вести противъ иниціативы русскаго кабинета закулисную интригу, и кончилась эта интрига тѣмъ, что рыцарскимъ и гуманнымъ мыслямъ князя Горчакова, создавшимъ проектъ международной конвенціи, противопоставлена была большинствомъ представителей европейскихъ государствъ, то-есть того человѣчества, во имя котораго русскій канцлеръ выступалъ со своими человѣколюбивыми предположеніями,—другая мысль,—мысль, подсказанная Альбіономъ, что проектъ князя Горчакова есть не столько замыслъ человѣколюбія, сколько попытка парализовать оборонительныя средства воюющихъ государствъ, а потому въ цѣломъ разсмотрѣна быть не можетъ. Мысль эта взяла верхъ, и брюссельская конференція кончилась фіаско. Для приличія было рѣшено, по собраніи дополнительныхъ свѣдѣній, собраться вновь въ Петербургѣ, но на дѣлѣ вопросъ канулъ въ Лету, и конференція въ Петербургѣ никогда не была созвана.

Во внутренней политикѣ Россіи случилось весьма крупное событіе, это паденіе графа Шувалова, какъ шефа жандармовъ, послѣ 8-лѣтняго управленія, и назначеніе его на новую, никогда имъ не практикованную, дипломатическую карьеру, въ должности посла въ Лондонъ...

Это было и паденіе графа Шувалова, и удаленіе его изъ области внутренней политики...

Причинъ этого паденія крупнѣйшаго тогда въ Россіи

государственнаго человѣка исподволь подготовлялось много, и въ числѣ ихъ, разумѣется, не малую роль играли подкопы его мелочныхъ враговъ и отчасти либеральной партіи, пускавшей въ дѣйствіе старую пружину: воздѣйствіе на Государя толками о всемогуществѣ Шувалова, о его чрезмѣрномъ вліяніи на Государя. Но главная причина была собственная вина графа Шувалова, если подъ словомъ «вина» можно разумѣть его самостоятельный и гордо независимый образъ дѣйствій и манеру себя держать посреди тогдашнихъ придворныхъ интригъ...

Осуждая графа Шувалова за нѣкоторыя его космополитическія увлеченія, я не могъ не любоваться имъ, какъ настоящимъ вельможей при Дворѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда на скользкомъ придворномъ пути ему могло предстоять вступать въ компромиссы съ его принципами и правилами порядочности и независимости... Для всѣхъ было видно, въ мелочахъ и главномъ, что онъ служитъ Государю и Россіи, но никогда никому и ничему другому...

Въ этомъ онъ былъ непреклоненъ, и онъ палъ потому, что было два, три случая, когда онъ не боялся громко высказать свое рѣшительное нежеланіе кланяться кумирамъ. Враги, подслушавшіе эти слова честно преданнаго не только Государю, но и чести вельможи, во время сумѣли изъ нихъ сдѣлать оружіе противъ Шувалова настолько дѣйствительное, что ему пришлось пасть, то-есть лишиться своего личнаго высокаго положенія при Дворѣ и въ области внутренняго управленія...

Какъ разъ въ день его паденія мнѣ пришлось съ нимъ увидаться съ глазу на глазъ... Шефскій домъ былъ опустѣлый и безмолвный: ни одного экипажа не стояло у того подъѣзда, гдѣ наканунѣ всегда ихъ тѣснилось

много. Засталъ павшаго великаго человѣка за его письменнымъ столомъ, веселымъ и спокойнымъ, и вскорѣ убѣдился, что это было не игранное спокойствіе, ибо я понялъ, что оно было отголоскомъ совѣсти, сознававшей исполненіе долга; на столѣ бумагъ уже не было, лежалъ только указъ объ его назначеніи посломъ въ Лондонъ.

Первый вопросъ, который я ему задалъ, былъ невольный крикъ любопытства узнать: неужели правда, что его преемникомъ будетъ Потаповъ? Графъ тонко улыбнулся и сказалъ: я думаю, что да! Никогда маленькая фигура Потапова не представлялась столь малою, какъ въ ту минуту, когда ее приходилось приставлять къ крупной, мощной и грандіозной фигурѣ его предшественника. Я сказалъ Шувалову, что должно быть обидно имѣть такого преемника, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ ушелъ при условіяхъ, которыя не много могли ему позволять простора въ разговорахъ о его преемникѣ!

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — Потаповъ честный человѣкъ.

— Да, но время, когда такой маленькій честный человѣкъ вступаетъ на столь трудный и важный постъ, не по немъ, врядъ ли ему справиться. Потаповъ не потому малъ, что онъ только маленькаго роста, а потому, что онъ крупнаго не замѣчаетъ, а все копошится въ мелочахъ...

— Да, но машина мною заведена довольно прочно, ее не легко развинтить. Не думаю, чтобы Потаповъ принялся ее портить.

И дѣйствительно, назначеніе Потапова состоялось.

Не разъ такое несоотвѣтствіе между преемникомъ и предшественникомъ на какой-либо важной должности заставляло призадумываться надъ вопросомъ: какъ нево-

образимо легко эта замѣна крупнаго человѣка маленькимъ дѣлалась, и какъ, должно быть, больно крупному человѣку уходить съ сознаніемъ, что никто не трудился надъ отысканіемъ ему подъ ростъ преемника, а берутъ того, въ выборѣ коего заключалось безмолвное, такъ сказать, умаленіе крупнаго предшественника.

Это назначеніе, маленькаго во всѣхъ отношеніяхъ, Потапова на мѣсто Шувалова было принято вездѣ и почти всѣми меланхолично. Мы знали, что въ теченіе 8 лѣтъ власти графа Шувалова не было ни одного покушенія на Государя; мы знали, что дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, машина была заведена прочно, но въ то же время всѣ знали, что крамола и анархія не дремали ни у насъ, ни за границей, и чѣмъ энергичнѣе и умнѣе были дѣйствія обороны противъ нихъ графа Шувалова, тѣмъ энергичнѣе были усилія враговъ порядка въ борьбѣ съ этою обороною, и вслѣдствіе этого, когда вдругъ III отдѣленіе, при такомъ министрѣ квіетизма и легкомыслія, какимъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, перешло въ руки маленькаго Потапова, всѣ почувствовали, что поле битвы и борьба съ опаснымъ и энергичнымъ врагомъ порядка переходили въ неумѣлыя и немощныя руки, и сразу врагъ получилъ въ этомъ громадные шансы успѣха.

Потаповъ былъ и добрый, и неглупый человѣкъ, и честный человѣкъ; но онъ именно былъ олицетвореніемъ всего мелочного, безъ всякой самостоятельности, безъ всякой иниціативы и съ безграничнымъ по размѣрамъ самолюбіемъ.

Графъ Шуваловъ смѣнялъ въ Лондонѣ самаго стараго русскаго дипломата, барона Бруннова, пожалованнаго въ графы, который кончилъ свою карьеру такъ же ориги-

нально, какъ и все, что онъ дѣлалъ и чѣмъ онъ былъ: онъ просилъ объ увольненіи его въ чистую отставку, чего, очевидно, до него ни одинъ русскій сановникъ не дѣлалъ. Брунновъ цѣлыя 20 лѣтъ представлялъ въ Лондонѣ Россію, ни разу не заглянувши въ нее и не имѣя о ней ни малѣйшаго живого понятія. Это была одна изъ его оригинальностей. У него передъ глазами была какая-то фиктивная Россія, о которой онъ имѣлъ такое же представленіе, какъ слѣпорожденный о внѣшнихъ очертаніяхъ въ мірѣ, и этой воображаемой Россіи онъ служилъ, вполнѣ убѣжденный, что этого болѣе чѣмъ достаточно и что большаго отъ русскаго посла не требуется. А рядомъ съ этимъ, не менѣе оригинально было то, что Брунновъ вовсе не зналъ, что такое русскія чувства. О русскихъ мысляхъ онъ имѣлъ понятіе по газетамъ, но о русскихъ чувствахъ онъ и во снѣ никогда ничего не видалъ, что не мѣшало ему вездѣ и всегда проявлять къ каждому русскому, имѣвшему несчастіе къ нему обращаться, полнѣйшее презрѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ полнѣйшимъ олицетвореніемъ типичнаго и для Россіи унизительнаго типа русскаго дипломата, столь рѣзко и противоположно отличающагося отъ типа иностранныхъ дипломатовъ.

Когда же на его мѣсто назначили графа Шувалова, то говорили въ разныхъ салонахъ, что выборъ этотъ былъ, между прочимъ, вызванъ и тѣми впечатлѣніями, которыя въ свою пользу графъ Шуваловъ умѣлъ произвести въ Лондонѣ, сопровождая Государя. Онъ тамъ, будто, очень понравился своимъ живымъ умомъ, грансеньорствомъ и любезностью. Брунновъ, какъ говорили въ Лондонѣ, успѣлъ безмѣрно надоѣсть, и всѣ въ Лондонѣ жаждали болѣе живого представителя Россіи.

Зато, неизмѣримо много теряло III отдѣленіе и, во-

обще, внутренній государственный міръ отъ ухода Шувалова вовсе изъ Россіи, и отъ замѣны его Потаповымъ.

Какъ я говорилъ выше, время было вовсе не такое, чтобы можно было съ минуты на минуту, на вершинахъ государственнаго управленія, промѣнивать такого крупнаго государственнаго человѣка, какъ Шувалова, на перваго встрѣчнаго, какимъ былъ Потаповъ. Это было тѣмъ менѣе понятно, что Потаповъ уже успѣлъ дать несомнѣнныя доказательства своей непригодности на крупныхъ государственныхъ постахъ, бывши въ Вильнѣ генералъ-губернаторомъ, и ничего другого не сдѣлавши, какъ удачный опытъ разрушенія всего, что сдѣлалъ прочнаго и разумнаго Муравьевъ, и что поддерживали Кауфманъ и Барановъ.

Постъ шефа жандармовъ былъ несомнѣнно труднѣе поста, оставляемаго въ Вильнѣ, и тѣмъ не менѣе его ввѣрили Потапову съ такимъ же довѣріемъ, какъ ввѣрили его 9 лѣтъ назадъ графу Шувалову. За эти 8 лѣтъ постъ этотъ сталъ труднѣе, ибо, какъ я говорилъ выше, умная борьба съ внутренними врагами Россіи—веденная графомъ Шуваловымъ—могла держать, такъ сказать, въ извѣстномъ респектѣ партіи политическихъ агитаторовъ, обуздывать смѣлость ихъ замысловъ и ихъ иниціативы, но не могла съ ними справиться настолько, чтобы отнять у нихъ энергію и вѣрованіе въ лучшее будущее, тѣмъ болѣе, что въ то время—мы всѣ это сознавали и чувствовали—въ окружавшей графа Шувалова политической атмосферѣ онъ имѣлъ, какъ умный консерваторъ, очень много политическихъ враговъ, мѣшавшихъ ему дѣйствовать, а агитаторы, наоборотъ, находили вслѣдствіе этого—если не прямо благопріятныя по сочувствію къ нимъ, то благопріятныя по пассивности и по бездѣйствію вѣянія въ этой самой атмосферѣ.

Вотъ почему въ интересахъ правительства была нужда въ выборѣ для замѣщенія графа Шувалова на постъ шефа жандармовъ, по меньшей мѣрѣ, столь же крупнаго и убѣжденнаго государственнаго человѣка, а когда назначили Потапова,—всѣ поняли, что выборъ палъ на удобнаго человѣка, но о своихъ интересахъ правительство при этомъ не подумало.

Трудность времени была для насъ несомнѣнна и усугублялась въ нашихъ понятіяхъ тѣмъ, что мы по многимъ внѣшнимъ признакамъ догадывались, что эту трудность несравненно менѣе ясно сознавало правительство, ослѣпленное иллюзіями и главнымъ образомъ тѣмъ, что оно, какъ будто, не хотѣло признавать тѣсной связи между разными теченіями въ общественныхъ сферахъ жизни и между подпольными дѣятелями революціи. Назначеніе Потапова шефомъ жандармовъ это доказывало слишкомъ краснорѣчиво, но были и другія тому доказательства, напримѣръ, оригинальное правительственное воззваніе, появившееся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» къ заграничнымъ эмигрантамъ, съ цѣлью ихъ побудить вернуться въ Россію. Столь наивное дѣйствіе не замедлило обнаружить свою несостоятельность; разумѣется, ни одинъ изъ эмигрантовъ-революціонеровъ не внялъ этому воззванію, а въ результатѣ получились только поводъ къ новой бравадѣ заграничныхъ революціонеровъ по адресу русскаго правительства и толки въ Петербургѣ о безсиліи правительства съ наступавшими на него волнами революціи. Толки эти свидѣтельствовали именно о томъ, что правительство какъ будто не замѣчало точекъ соприкосновенія революціонной пропаганды съ разными либеральными лагерями русской общественной жизни, и то, что оно пугало своими зловѣщими признаками ежедневно, то и се-

годня, и завтра, какъ будто, нисколько не замѣчалось въ правительственныхъ сферахъ.

А между тѣмъ, куда ни приходилось заглядывать, вездѣ проявлялись симптомы именно зловѣщіе—сквернаго состоянія умовъ. Само правительство, оглашая политическіе процессы, какъ, напримѣръ, дѣло, производившееся въ этомъ году въ сенатѣ—о цѣлой группѣ схваченныхъ составителей и распространителей возмутительныхъ прокламацій, указывало на эти симптомы; а рядомъ съ этимъ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ — видимо для всѣхъ — образовывались прямо революціонные кружки, съ которыми церемонились только потому, что они пока ограничивались словомъ и проявленіемъ мысли, а не переходили еще къ дѣлу. Женскій вопросъ, въ смыслѣ политической агитаціи, росъ не по днямъ, а по часамъ; вездѣ сходки учащейся молодежи фанатизировались женщинами съ воспаленными мозгами, и эта политическая или, вѣрнѣе, революціонная педагогика до того была въ модѣ, что я помню, какъ въ этомъ году говорили въ нашихъ кружкахъ съ ужасомъ о томъ, что при учительскихъ женскихъ классахъ въ одной изъ женскихъ гимназій, слывшей за образцовую, обнаружено было, что сочиненія, писавшіяся будущими учительницами,—посвящаемы были темамъ въ родѣ слѣдующихъ: семейная жизнь, какъ предразсудокъ; абсурдъ вѣрованія въ безсмертіе души; равноправность женщины въ государствѣ; торжество матеріи и т. п., причемъ, на такихъ сочиненіяхъ красовались отмѣтки учителей. Если это происходило, такъ сказать, оффиціально, открыто, въ правительственномъ учебномъ заведеніи, то легко было себѣ представить, что происходило тайно и крыто въ тогдашнемъ мірѣ учащихся... А рядомъ съ этимъ, въ томъ же

году правительство опубликовало во всеуслышаніе, что цифра, незамѣщенныхъ профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ, доходитъ до небывалыхъ размѣровъ, и именно до 150 съ чѣмъ-то, по поводу которой говорилось въ коментаріяхъ, что всѣ порядочные люди въ рядахъ профессоровъ уходятъ, во-первыхъ, потому, что они не могли мириться съ грандіозными успѣхами распущенности, а во-вторыхъ, потому, что ихъ нарасхватъ разбирали въ постепенно расширявшейся области практической предпріимчивости.

Не забуду тяжелаго впечатлѣнія, вынесеннаго мною отъ перваго свиданія съ новымъ шефомъ жандармовъ въ его кабинетѣ. По женѣ его, княжнѣ Оболенской, мы были съ нимъ въ родственныхъ отношеніяхъ, и я могъ видать и слушать Потапова въ его домашнемъ неглижэ. Послѣ Вильны я нашелъ въ немъ несомнѣнную перемѣну: смѣсь какой то суевѣрной набожности съ какою-то жалкою мелочностью въ впечатлѣніяхъ и заботахъ. Я ничего отъ него не слыхалъ кромѣ мелочныхъ сплетней и дрязгъ: кто что сказалъ, какъ кто ему поклонился, кто противъ кого интригуетъ, и ни разу я не слыхалъ ни одной серьезной мысли въ области государственной. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я могъ убѣдиться изъ словъ самого же Потапова, что эту мелочность, этотъ духъ сплетень и дрязгъ онъ переносилъ и въ свои доклады Государю, и вотъ по какому поводу. Потаповъ сталъ разсказывать, какъ онъ былъ съ докладомъ у Государя, и какъ вслѣдствіе того, что онъ Государю разсказывалъ сплетню про одного государственнаго человѣка, заключавшуюся въ томъ, что онъ что-то сказалъ про Государя, — Его Величество на это къ нему обратился съ вопросомъ: странно, я, кажется, ему ничего не сдѣлалъ хорошаго, за что-же онъ меня бра-

нитъ? Потаповъ на это сентиментально говоритъ: Ваше Величество, неужели вы такого мнѣнія о людяхъ?— Да-я этому научился горькимъ опытомъ жизни, — отвѣтилъ Государь,—чтобы имѣть врага, мнѣ стоитъ только человѣку сдѣлать что-нибудь доброе... — Ваше Величество,— опять говоритъ Потаповъ вкрадчиво и какъ бы навязчиво, — да неужели вы ни для кого не дѣлаете исключенія, это было-бы невыносимо больно?.. Тогда Государь на него посмотрѣлъ и сквозь усмѣшку сказалъ: Mon cher Potapoff, vous savez, que les présents sont toujours exclus. И Потаповъ этимъ удовольствовался.

Я говорилъ выше о симпатичной идеѣ, соединившей литераторовъ и публицистовъ въ Петербургѣ воедино для изданія въ пользу голодающаго населенія Самарской губерніи сборника, получившаго заглавіе «*Складчина*». Въ мартѣ большая книга вышла. Достаточно было переименовать сотрудниковъ этого изданія, чтобы убѣдиться въ томъ, что для составленія книги соединились представители всѣхъ несоединимыхъ направленій или лагерей.

Вотъ этотъ списокъ: В. П. Безобразовъ, экономистъ; М. Богдановичъ, историкъ; князь П. Вяземскій, поэтъ; Н. Гербель, библіографъ; И. Гончаровъ, романистъ; А. Градовскій, профессоръ государственнаго права; Я. Гротъ, профессоръ русской словесности и академикъ; И. Горбуновъ; Ѳ. Достоевскій; П. Ефремовъ, библіографъ; В. Коршъ, публицистъ; Н. Кохановская, романистка; А. Краевскій, издатель «Голоса»; Н. Курочкинъ, поэтъ; Н. Лѣсковъ, романистъ; А. Майковъ; Б. Маркевичъ, романистъ; кн. В. Мещерскій, издатель «Гражданина»; Н. Михайловскій, публицистъ; Н. Некрасовъ, поэтъ; А. Никитенко, профессоръ словесности; А. Островскій, драматургъ; К. Побѣдоносцевъ; А. Плещеевъ; М. Погодинъ; Я. Полонскій; Погоскій,

космо-народный писатель; М. Салтыковъ-Щедринъ; гр. В. Соллогубъ, беллетристъ; М. Стасюлевичъ, издатель «Вѣстника Европы»; И. Страховъ, критикъ; А. Суворинъ; гр. А. Толстой, поэтъ; И. Тургеневъ и Т. Филипповъ.

Шесть типографій въ Петербургѣ изъявили готовность даромъ печатать эту книгу. Подписка на изданіе по 3 рубля была заранѣе открыта и, какъ я сказалъ, дала около 15 тысячъ рублей.

Я помню, что въ то время Катковъ выразилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» опасеніе, какъ бы литературная сторона изданія не оказалась торжествомъ либеральной партіи надъ консервативною, но его опасенія, къ счастью, не оправдались, и, вспоминая объ этомъ изданіи, я именно подчеркиваю въ немъ тотъ замѣчательный тактъ, съ которымъ всѣ участники изданія, изъ уваженія къ цѣли его, избѣгли всякаго малѣйшаго даже намека на какую бы то ни было тенденцію въ доставлявшихся ими литературныхъ вкладахъ...

Двадцать три года прошло съ тѣхъ поръ; перечитывая всѣ эти имена и представляя себѣ, что эти 23 года были, очевидно, періодомъ прогресса, невольно сравниваешь ихъ съ нынѣшнимъ спискомъ литературныхъ именъ, и съ грустью спрашиваешь, гдѣ же замѣстители всѣхъ славныхъ и громкихъ именъ въ русской литературѣ того времени?..

Весьма типичнымъ и, пожалуй, даже оригинальнымъ былъ въ то время у насъ въ печати нашъ главный начальникъ по ея дѣламъ, М. Лонгиновъ, пожалованный въ этомъ году на бракосочетаніи Великой Княжны Маріи Александровны въ статсъ-секретари Его Величества... Имя Лонгинова было весьма извѣстно и даже популярно въ русскомъ обществѣ того времени, но извѣстность эта не

имѣла ничего общаго съ тѣмъ строгимъ призваніемъ, которое на него возложилъ Тимашевъ, предложившій ему изъ орловскаго губернатора превратиться въ начальника управленія по дѣламъ печати. Лонгинова зналъ, какъ своего любимца, московскій англійскій клубъ; Лонгинова знали въ образованномъ обществѣ, какъ остроумнаго и веселаго собесѣдника, какъ бойкаго сочинителя эпиграммъ, какъ образованнаго библіофила, какъ добраго малаго, но, какъ юпитера печати, никто его себѣ представить не могъ. Тѣмъ не менѣе, какъ умный человѣкъ и человѣкъ съ тактомъ, онъ сумѣлъ на этомъ весьма трудномъ для его характера мѣстѣ пріобрѣсти уваженіе и даже авторитетъ, хотя не разъ жаловался друзьямъ своимъ на то, что возня съ печатью для него наказаніе, прямо усиливающее въ немъ болѣзнь печени. Представляя изъ себя типъ московскаго барина, Лонгиновъ, разумѣется, не могъ въ душѣ мириться ни съ петербургскимъ либерализмомъ вообще, ни съ его органами въ печати, въ особенности, но въ то же время, какъ руководитель печати при такомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ Тимашевъ, которому было все равно, могъ ли онъ идти противъ теченія и мѣшать «Голосу» быть органомъ не только петербургскаго, но и россійскаго общественнаго мнѣнія?

Впрочемъ, въ этомъ году въ мірѣ газетной печати произошло событіе, имѣвшее характеръ попытки реагировать противъ либерализма; она явилась въ видѣ состоявшагося правительственнаго рѣшенія, на основаніи котораго «*С.-Петербургскія Вѣдомости*», издававшіяся В. Коршемъ, при главномъ сотрудничествѣ (Незнакомца) А. С. Суворина, отнимались у академіи наукъ и отдавались въ департаментъ министерства народнаго просвѣще-

нія, съ цѣлью составить новую редакцію, болѣе консервативную. «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» при Коршѣ начали было, благодаря бойкому и хлесткому таланту А. Суворина, тогда жившаго въ бѣдности, однимъ только гонораромъ за свои воскресные фельетоны, конкурировать съ «*Голосомъ*», и во всякомъ случаѣ, по либеральному направленію мало отъ него отличались, дѣлая изъ Каткова, а кстати уже и изъ меня мишень для своихъ постоянно злобныхъ нападеній.

И вотъ, вслѣдствіе этой новой комбинаціи, явился на свѣтъ Божій, неизвѣстно какъ и почему, знаменитый тогда Баймаковъ, хозяинъ банкирской конторы, которому сдали вмѣсто Корша «С.-Петербургскія Вѣдомости», а въ редакторы пошелъ къ нему графъ Салліасъ... Безспорно и г. Баймаковъ и гр. Салліасъ представляли собою охранительный элементъ въ печати; послѣдняго очень энергично рекомендовалъ именно въ этомъ смыслѣ покойный Б. М. Маркевичъ, состоявшій при графѣ Толстомъ чиновникомъ особыхъ порученій, но такъ какъ ни Баймаковъ, ни гр. Салліасъ понятія не имѣли объ газетномъ дѣлѣ, то, увы, съ переходомъ въ ихъ руки «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», правда, окончился періодъ либеральныхъ вакханалій въ оффиціозной газетѣ, но за то начался періодъ постепеннаго замиранія этой газеты...

Во всякомъ случаѣ, этотъ coup d'état послужилъ, къ сожалѣнію, къ обнаруженію безсилія консервативнаго лагеря въ газетномъ дѣлѣ, а главнымъ образомъ, послужилъ къ усиленію фондовъ, престижа и авторитета «Голоса», ибо, съ одной стороны, ушелъ съ поля его единственный конкуррентъ, а съ другой стороны, всѣ подписчики «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Корша, съ пе-

ремѣною ихъ редакціи, ихъ направленія, перешли къ газетѣ «*Голосъ*»...

Престижъ этой газеты въ петербургскомъ образованномъ обществѣ и, въ особенности, въ мірѣ сановномъ было тогда явленіемъ нравовъ очень любопытнымъ... Престижъ этотъ былъ чисто политическій... Почти всѣ сановники въ то время считали «*Голосъ*» оракуломъ, и подчиняли его образу мыслей по каждому государственному вопросу свой образъ мыслей — до такой степени рабски, что подчасъ нельзя было разобраться, гдѣ кончается Краевскій и начинается правительство. Всѣ правительственныя учрежденія, начиная съ государственнаго совѣта, доставляли «Голосу» сотрудниковъ по текущимъ свѣдѣніямъ и по государственнымъ вопросамъ, и никому въ голову никогда не приходило находить предосудительнымъ такое сліяніе въ одно канцелярій министровъ съ конторою газеты «Голосъ».

И курьезны бывали проявленія этого страннаго и смѣшного подобострастія сановниковъ къ «Голосу». Такъ, я помню, напримѣръ, дѣйствіе на ихъ умы статей «Голоса», въ которыхъ онъ выступалъ обличителемъ шалившей тогда учившейся молодежи. Въ этомъ году, какъ я помню, была эпидемія безпорядковъ во всѣхъ рѣшительно высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы, начиная съ университета, и вдругъ въ прекрасный день «Голосъ» выступаетъ съ статьями, въ которыхъ прямо говоритъ, что молодежь призвана въ учебныя заведенія только къ тому, чтобы учиться и воспитываться, и всякое другое дѣло, а тѣмъ паче организаціи кружковъ для безпорядковъ и демонстрацій—не могутъ быть терпимы. И вотъ, когда эти статьи появились въ «Голосѣ», курьезно было ихъ дѣйствіе на петербургскихъ сановниковъ.

Одни вдругъ смутились и сбились съ толку: они думали и пребывали въ увѣренности, что «Голосъ» сочувствуетъ этимъ безпорядкамъ, и подъ его гипнозомъ тоже имъ сочувствовали, и вдругъ «Голосъ» ихъ осуждаетъ, значитъ, имъ надо переходить къ осужденію упомянутыхъ безпорядковъ. А другіе наивно такъ говорили: «уже значитъ не хорошо, если «Голосъ» высказывается противъ этихъ безпорядковъ». Сами же сановники собственнаго мнѣнія о безпорядкахъ не смѣли высказать, а когда «Голосъ» заговорилъ противъ, то и они заговорили противъ, но не потому, чтобы кто серьезно и убѣжденно понималъ вредъ этихъ безпорядковъ, а только потому, что такъ велитъ относиться къ нимъ баринъ и оракулъ «Голосъ». Таковы были тогда нравы на вершинахъ петербургскаго общества.

XIX.

(1875 годъ).

Два собранія.—Валуевскій комитетъ изслѣдованія безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.—Циркуляръ графа Толстого, министра народнаго просвѣщенія, къ попечителямъ учебныхъ округовъ.—Аграрный парламентъ.

Въ этомъ году имя Валуева произносилось часто. Онъ былъ представителемъ двухъ важныхъ собраній...

Одно собраніе была комиссія, учрежденная еще въ концѣ 1874 года, въ составъ которой вошли главнѣйшіе сановники того времени — съ цѣлью выяснить причины возникавшихъ въ минувшемъ году безпорядковъ среди учащейся молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и разработать программу мѣропріятій, которыя бы могли устранить причины этихъ безпорядковъ.

Вопросъ, такимъ образомъ, ставился на почву государственнаго вопроса. Но можно ли было ожидать отъ него въ той торжественной обстановкѣ, въ какой онъ былъ поставленъ, какой-нибудь практической пользы? Вопросъ этотъ основательно задавался тогда компетентными, но не спрошенными людьми, которые совершенно справедливо замѣчали, что было бы цѣлесообразнѣе и практичнѣе къ обсужденію этого вопроса призвать совѣщаніе опытныхъ, дѣльныхъ и благонадежныхъ педагоговъ, чѣмъ министровъ, которые въ такомъ вопросѣ могли только имѣть взгляды, позаимствованные изъ салонной болтовни

или изъ газетъ, ибо лично, кромѣ министра народнаго просвѣщенія, что могли они знать о бытѣ учащейся молодежи...

Валуевъ самъ, когда его вопрошали по этому вопросу, говорилъ: мы довольно ясно видимъ признаки болѣзни, но причины ея и средства ее лѣчить для насъ несравненно менѣе ясны, и не выводятъ насъ изъ области «общихъ мѣстъ».

Объ этихъ «*общихъ мѣстахъ*» мы узнали въ январѣ сего года изъ «*Голоса*», который неизвѣстно почему взялъ на себя роль «Правительственнаго Вѣстника» и оповѣстилъ о главныхъ результатахъ Валуевской высшей педагогической комиссіи.

Какъ характеристику оффиціальныхъ взглядовъ того времени и какъ историческій курьезъ, привожу эти строки цѣликомъ.

«Вслѣдствіе безпорядковъ, происшедшихъ осенью прошлаго года въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, была, какъ извѣстно, образована особая комиссія изъ семи министровъ, главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, государственнаго контролера и шефа жандармовъ. Намъ передавали, что комиссія эта, собиравшаяся подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря П. А. Валуева, имѣла пять засѣданій и выработала рядъ общихъ положеній, указывающихъ не только на причины безпорядковъ, но и на мѣры предупрежденія ихъ въ будущемъ. Какъ слышно, главнымъ источникомъ подобныхъ безпорядковъ, повторяющихся по временамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, признаются общіе недостатки внутренняго быта этихъ заведеній, именно: отсутствіе прямой органической связи между учащимися

и учащими; преобладаніе коллегіальнаго начала въ формахъ управленія учебными заведеніями и частные недостатки нынѣшнихъ профессорскихъ коллегій; неправильное примѣненіе различныхъ льготъ, какъ при пріемѣ въ высшія учебныя заведенія (слабость пріемныхъ испытаній), такъ и во время прохожденія курсовъ ученія (освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, и, пособія, стипендіи); затрудненія, проистекающія отъ значительнаго увеличенія числа учащихся; утилитарныя цѣли, привлекающія большинство молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія; наконецъ, отсутствіе семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, которые могли бы оказывать содѣйствіе начальству заведеній при охраненіи надлежащаго порядка. Разсмотрѣвъ въ подробности эти главнѣйшія причины безпорядковъ, комиссія, говорятъ, обратилась къ изысканію мѣръ для устраненія подобныхъ недостатковъ, причемъ, прежде всего, признала, что ею могутъ быть указаны лишь общія руководящія начала, примѣненіе которыхъ должно зависѣть отъ ближайшаго усмотрѣнія подлежащихъ вѣдомствъ и сообразоваться съ сушествующими уже особенностями каждаго вида учебныхъ заведеній. По слухамъ, главнѣйшія мѣры, проектированныя комиссіею, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ пересмотрѣ всѣхъ дѣйствующихъ въ настоящее время уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній; 2) въ ограниченіи автономіи профессорскихъ коллегій изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія дѣлъ административно-полицейскаго свойства и установленіемъ другого порядка назначенія профессоровъ, причемъ, вообще, признано полезнымъ уменьшить составъ коллегій; 3) въ усиленіи правительственнаго контроля за направленіемъ преподаванія, при помощи, въ университетахъ, напримѣръ, учрежденія особыхъ экзаменаціонныхъ

комиссій, по назначенію министра народнаго просвѣщенія и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ; 4) въ усиленіи средствъ инспекторскаго надзора за студентами и охраненія полицейскаго порядка въ стѣнахъ каждаго учебнаго заведенія; 5) въ стѣсненіи, по возможности, дальнѣйшаго притока мало подготовленныхъ, въ научномъ отношеніи, молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія, особенно же необезпеченныхъ матеріально, что можетъ быть достигаемо строгостью пріемныхъ испытаній; 6) въ надлежащемъ вниманіи начальства къ дѣйствительнымъ учебнымъ нуждамъ учащихся, и 7) въ строгомъ и немедленномъ подавленіи всякихъ волненій и безпорядковъ, безъ оказанія какого-либо послабленія и безъ допущенія какихъ-либо переговоровъ, тѣмъ менѣе уступокъ со стороны начальства».

Строки эти интересны и потому, что, не взирая на то, что онѣ написаны 22 года назадъ, если бы онѣ появились теперь, то нисколько не было бы анахронизмомъ, такъ какъ, въ сущности, нельзя сказать, чтобы въ настоящее время во взглядахъ на училищные безпорядки мы ушли далеко отъ этихъ общихъ мѣстъ... Мнѣ кажется даже, что мы сравнительно съ тѣмъ временемъ ушли дальше въ педагогическіе дебри, и то, что тогда основательно считалось серьезною причиною къ безпорядкамъ хроническимъ, теперь таковою не признается: напримѣръ, вопросъ о слишкомъ большомъ скопленіи учащихся въ университетахъ...

Это признавалось неудобствомъ 22 года назадъ при 1,500 студентовъ въ петербургскомъ университетѣ, а теперь ихъ около 3,000, и врядъ-ли почва, на которой эти 3,000 человѣкъ учатся, стала лучше.

Во всякомъ случаѣ, читая эти строки, нельзя не при-

знать, что въ то время, не смотря на несравненно бо́льшій разгаръ либерализма, чѣмъ теперь, извѣстныя требованія строгости назывались и опредѣлялись точнѣе и даже смѣлѣе, чѣмъ теперь: говорилось тогда объ усиленіи правительственнаго контроля за направленіемъ преподаванія, объ усиленіи надзора за студентами и *охраненіи полицейскаго порядка, о строгомъ и немедленномъ подавленіи всякихъ волненій и безпорядковъ, безъ оказанія какого-либо послабленія и безъ допущенія какихъ-либо переговоровъ, тѣмъ менѣе уступокъ со стороны начальства.*

Но какія были послѣдствія на дѣлѣ этихъ высказанныхъ верховною педагогическою комиссіею мыслей, мы въ то время не могли узнать, да и потомъ не узнали, ибо, увы, дальнѣйшія событія показали, что элементы безпорядка и революціи продолжали находить живые отголоски въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ особенности въ университетахъ. Валуевъ, когда его при мнѣ спросили: а что же будетъ дальше съ резолюціями вашей комиссіи?—отвѣтилъ: что будетъ дальше, это не наше дѣло, мы исполнили свое дѣло: мы высказали пожеланія; вопрошенные, мы отвѣтили; а дальнѣйшее зависитъ исключительно отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ приведенныхъ мною выше строкахъ, взятыхъ изъ тогдашняго «*Голоса*», обращалъ на себя вниманіе слѣдующій пунктъ, какъ одно изъ подмѣченныхъ явленій въ быту нашей учащейся молодежи: *отсутствіе семейныхъ и гражданскихъ правовъ, которые могли бы оказывать содѣйствіе начальству заведенія при охраненіи надлежащаго порядка.* Мысль эта, брошенная, такъ сказать, мимоходомъ, намекомъ, въ этомъ же году получила въ

устахъ министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого, болѣе широкое и опредѣленное развитіе и именно въ его циркулярѣ, изданномъ на имя попечителей учебныхъ округовъ.

Циркуляръ этотъ отъ 24 мая 1875 года тоже составляетъ интересный историческій документъ въ лѣтописяхъ нашего учебнаго дѣла и печальное свидѣтельствованіе о той связи, которая продолжала существовать между революціонерными дѣятелями и государственною школою. Но въ особенности интересенъ этотъ циркуляръ тою печальною картиною, которою въ немъ очерчиваются отношенія семьи къ молодежи, именно въ области революціонерной пропаганды.

Привожу этотъ циркуляръ отъ 24 мая цѣликомъ.

«Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1874 г. я препроводилъ къ вашему превосходительству списокъ книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія, съ цѣлью поставить о нихъ въ извѣстность директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, при обозрѣніи ими школъ. Нынѣ министръ юстиціи доставилъ мнѣ печатную записку о преступной пропагандѣ, обнаруженной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи. Посылая при семъ одинъ экземпляръ этой записки, прошу васъ, при личныхъ объясненіяхъ съ начальниками учебныхъ заведеній, сообщить имъ о содержащихся въ ней вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ.

Оказывается, что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды то, что для каждаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка составляетъ предметъ особой заботливости и охраны,—юношество и школу. И понятно: коммунистическія ихъ ученія, клонящіяся къ ниспроверженію всего общественнаго строя и водворенію взамѣнъ его, анархіи, до такой степени нелѣпы и дики,

Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1875 года, послѣ всевозможныхъ дипломатическихъ усилій потушить славянскій пожаръ, и не взирая на всѣ эти усилія, какая-то роковая сила влекла событія къ цѣли, совсѣмъ противоположной этимъ усиліямъ и цѣли европейскаго концерта, и съ театра военныхъ дѣйствій приходили извѣстія о томъ, что инсургенты задались планомъ протянуть военныя дѣйствія всю зиму, съ тѣмъ, чтобы весною слѣдующаго года начать кампанію еще энергичнѣе, причемъ никто не скрывалъ увѣренности въ томъ, что къ этому времени присоединятся и Сербія, и Черногорія, и пожаръ охватитъ весь Балканскій полуостровъ.

Разсчеты и предвидѣнія оказались вѣрными.

Но какъ дали этимъ крошечнымъ въ зародышѣ событіямъ разгорѣться въ такіе громадные размѣры, этого понять тогда никто не могъ. Тутъ было именно что-то исторически-роковое. Петербургскій кабинетъ къ концу 1875 года былъ въ полномъ соглашеніи съ другими европейскими кабинетами и, не взирая на русскія симпатіи въ пользу славянъ, рѣшительно высказывался противъ всякаго вмѣшательства Россіи, и заявлялъ устами князя Горчакова, что, что бы то ни случилось, Россія не нарушитъ европейскаго мира.

XXI.

(1876 годъ).

Смерть моего брата.—Кончина моего отца.

Въ 1875 году 2 февраля скончался въ Парижѣ мой братъ Александръ, флигель-адъютантъ, и въ тотъ же день пришлось ѣхать въ Парижъ, чтобы привести его тѣло въ Петербургъ, гдѣ нѣсколько дней спустя на дебаркадерѣ варшавской желѣзной дороги оно было встрѣчено преображенскимъ полкомъ и товарищами, посреди которыхъ прошла его служба, и гдѣ его имя было любимо и уважаемо всѣми.

Останки его погребены въ Карамзинской церкви Новодѣвичьяго монастыря.

А въ 1876 году, увы, снова смерть явилась за своею жертвою въ нашу семью. Въ мартѣ мы поняли и почувствовали, что отъ насъ уходитъ нашъ отецъ. Хроническая болѣзнь, которою онъ страдалъ много лѣтъ, приняла острыя проявленія, и явилась опасность для жизни, которую, увы, никакія усилія медицины не могли спасти.

Этотъ прекрасный 74-лѣтній старецъ умиралъ почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, тихо, спокойно, свѣтло и безстрашно, какъ умираютъ святые, какъ умираетъ храбрый воинъ на полѣ битвы, безъ страха и безъ сожалѣнія. Окруженный нѣжною любовью многихъ близкихъ и

друзей, онъ постепенно уходилъ отъ насъ, но уходилъ какъ будто незамѣтно, ибо до конца оставался все тѣмъ же — для окружающаго его міра ангеломъ кротости и любви, все тѣмъ же свѣтлымъ христіаниномъ, все тѣмъ же носителемъ яркой чистоты совѣсти, все тѣмъ же свѣточемъ вѣры и любви... Я ужъ не былъ молодъ, когда свершилось таинство смерти моего отца; съ тѣхъ поръ я уже состарился, и возстановляя въ душѣ то, что я тогда понималъ и чувствовалъ у изголовья умирающаго отца, съ тѣмъ, что я пережилъ послѣ, я могу убѣжденно сказать, что не рѣдко приходилось встрѣчать людей, которые словами выдавали и рисовали себя — христіанами, но ни разу не пришлось видѣть на дѣлѣ христіанина по душѣ, по жизни, и по кончинѣ въ такой простой и истинной красотѣ, какъ въ моемъ отцѣ...

Трудно было выразить наши душевныя впечатлѣнія около этого именно одра приближавшейся смерти. Грустно, тоскливо, больно по временамъ сжималось сердце отъ предчувствія и мысли, что *онъ* уходитъ отъ насъ, но въ то же время мы чувствовали, какъ *ему* легка кончина. Этимъ онъ былъ для насъ святой. Смерть обыкновенно даетъ ощущеніе наблюдающимъ за нею, что умирающій всею тяжестью своего грѣховнаго бытія какъ бы въ послѣдній разъ прижимается и прицѣпляется къ землѣ, и эта тяжесть тѣлесная производитъ мучительную борьбу жизни со смертью, не хотящей разстаться съ землею; а здѣсь, въ скромной квартирѣ 3 этажа, въ небольшой комнатѣ на Фурштадтской улицѣ, намъ казалось, что умиравшій отецъ сталъ легче маленькой птички, по отсутствію чего-либо грѣховнаго и тѣлеснаго, и вотъ-вотъ сейчасъ сорвется съ тонкой вѣточки, на которой колыхался, и улетитъ. Да, оно именно такъ было: такая

сложная и тяжелая вещь, какъ 74 года земной жизни въ омутѣ петербургской жизни, ничему другому не могла по отсутствію плотской тяжести уподобляться, какъ тончайшей вѣточкѣ, на которой присѣла мимолетная птичка, чтобы покачаться раза два, три—и улетѣть. Ни одного дурного дѣйствія, ни одного дурного слова, ни одной дурной мысли не было на совѣсти этого умиравшаго человѣка, послѣ 74 лѣтъ жизни, въ теченіе которыхъ онъ жилъ, любя человѣка, любя людей, любя жизнь и никогда не бывши ни на секунду ни моралистомъ, ни обличителемъ, ни судьею другихъ; всякимъ дыханіемъ своей души прославлялъ Бога, любилъ ближняго, и себя съ удовольствіемъ забывалъ для тѣхъ, кого любилъ.

И вотъ, въ томъ самомъ смиренномъ сіяніи своей душевной красоты, въ какомъ онъ жилъ, въ томъ самомъ умиралъ.

Онъ, какъ будто, заботился о томъ только, чтобы легче было окружающимъ бремя его послѣдней болѣзни и испытываемой о немъ скорби, и улыбка участія и привѣта не сходила со страдальческаго лица.

И съ тою-же улыбкою онъ отвѣчалъ докторамъ, утѣшавшимъ его надеждою: нѣтъ, не обманете, все кончено, и затѣмъ, чтобы равнодушіемъ не огорчить собесѣдника, онъ прислушивался, будто интересуясь его разсказами и впечатлѣніями отъ шумѣвшей вокругъ него жизни.

Пасхальная заутреня была вечеромъ пропѣта ему въ отраду и въ утѣшеніе наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія; затѣмъ, онъ сподобился радостнаго пріобщенія Св. Тайнъ и, совсѣмъ приготовившись душою къ разлукѣ съ землею, сталъ уже серьезнѣе и сосредоточеннѣе. 14 апрѣля онъ съ каждымъ изъ насъ простился, каждаго изъ насъ простилъ и каждаго благословилъ, а 15 утромъ, когда во-

шелъ докторъ, онъ съ кроткою улыбкою сказалъ ему: еще смерти нѣтъ, а предвѣстники ея всѣ на лицо, скоро, скоро... 15-го, въ ночь на 16-е, начался медленный параличъ легкихъ и онъ тихо скончался. Семью представляли тогда мой старшій братъ и я, моя сестра, ея мужъ, нынѣ покойный, графъ Клейнмихель, послѣдняя изъ сестеръ моего отца, княжна Софья Ивановна Мещерская, и отъ семьи Карамзиныхъ—два сына исторіографа, Александръ и Владиміръ, и одна незамужняя дочь Елизавета Николаевна Карамзина.

Закрылся гробъ его, и закрылся навсегда тотъ домъ Мещерскихъ въ Петербургѣ, гдѣ десятки лѣтъ, преемственно отъ преданій карамзинскаго дома, такъ много перебывало людей хорошихъ, честныхъ и даровитыхъ, приходившихъ въ него отводить душу отъ треволненій жизни и запасаться чистымъ вдохновеніемъ мысли, добра и правды, коихъ хозяева этого дома были свѣточами.

Похоронили его мы на Невскомъ кладбищѣ, возлѣ его дорогой супруги, нашей матушки, возлѣ милыхъ ему Карамзиныхъ.

На отпѣваніи никто не сказалъ надгробнаго слова. Да и что было говорить: онъ былъ не богатъ, и не имѣлъ ни одного ордена и не свершилъ ни одного подвига. Какъ соткать рѣчь изъ такихъ простыхъ мыслей: умеръ когда-то бывшій лучшій помѣщикъ для своихъ крестьянъ, лучшій изъ мужей, лучшій изъ отцовъ и лучшій изъ людей...

XXII.

(1876 годъ).

Славянскій пожаръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. — Характеристика настроенія умовъ.—Статья «Гражданина», его закрытіе.

Весною этого года уже въ полномъ разгарѣ былъ у насъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ славянскій пожаръ...

Желанія повстанцевъ и вожаковъ ихъ на Дунаѣ сбылись и блестяще оправдались. Зимою кое-какъ протянулось глухое движеніе повстанія, а съ лучами весенняго солнца оно вспыхнуло съ новою силою, и уже зажглось въ Сербіи. И сербы заголосили про турецкія звѣрства, и неизвѣстно почему — пока славянское дѣло изображали собою герои и храбрецы, какъ герцеговинцы, у насъ симпатіи къ ихъ защитѣ были довольно слабы; но какъ только завопили сербы и болгары, представлявшіе собою только сомнительные элементы, мы всѣ, чуть ли не поголовно, стали страстными славянофилами и воскликнули: къ оружію, россіяне. И въ заключеніе, въ подтвержденіе этой поразительной несправедливости судебъ и странной случайности, Сербія получила королевство, Болгарія княжество, а герои Герцеговины и Босніи австрійскаго генералъ-губернатора...

Дипломаты Европы, между тѣмъ, сходились и все толковали; чуть ли не ежедневно послы in corpore, или

по одиночкѣ сходились въ кабинетѣ князя Горчакова для придумыванія способа потушить славянскій пожаръ, и чѣмъ больше они говорили, тѣмъ сильнѣе и шире разгорался славянскій пожаръ на Дунаѣ, и разгорались страсти на Невѣ и на Москвѣ-рѣкѣ... Читая газеты и прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что тогда происходило въ главныхъ центрахъ Россіи, въ видѣ славянофильскихъ воинственныхъ демонстрацій, послы Европы выходили изъ себя, и, совсѣмъ сбитые съ толку, приходили къ старому канцлеру съ вопросомъ: да что же это значитъ, вся Россія въ пожарѣ, вы затѣваете войну? А Горчаковъ отвѣчалъ имъ, не безпокойтесь, это все платоническія демонстраціи, которыя правительство терпитъ, но съ которымъ оно вовсе не солидарно, Россія не двинетъ пальцемъ въ пользу славянскихъ повстанцевъ, и въ этомъ, какъ во всемъ, будетъ держаться только европейскаго концерта...

Но послы не успокоивались, и писали своимъ правительствамъ самыя минорныя донесенія, въ коихъ звучали такія изрѣченія: Россія въ бреду, правительство безсильно, мы ничего не понимаемъ...

И было съ чего повергаться въ недоумѣніе: вчера Горчаковъ говорилъ посламъ: будьте спокойны, правительство тутъ не при чемъ, а сегодня по Гостинному двору торжественно, съ краснымъ придворнымъ лакеемъ позади, ходятъ придворныя дамы и сбираютъ на *пользу раненыхъ славянъ Балканскаго полуострова*, и ужаленный этимъ зрѣлищемъ англійскій посолъ летитъ говорить Горчакову: развѣ можетъ придворная дама такъ открыто сбирать деньги по городу, если нѣтъ сочувствія сверху? На это ему отвѣчаетъ Горчаковъ: это сочувствіе въ пользу больныхъ и раненыхъ, а вовсе не въ пользу дерущихся...

И дѣйствительно было такъ... Правительства лозунгъ былъ sauver les apparences, а потому цензура вычеркивала вездѣ слова: въ пользу славянъ Балканскаго полуострова, а писала на ихъ мѣстѣ: въ пользу раненыхъ и больныхъ и т. д. Вообще, роль руководящей силы тогда правительства напоминала страуса, который, спрятавши глаза за камушекъ, думаетъ, что его не видятъ... Въ Москвѣ народнымъ диктаторомъ сталъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, взявшій въ свои руки все дѣло славянскаго движенія, а въ Петербургѣ его единоличную роль, дѣйствительно всемогущую, исполнялъ коллегіально славянскій комитетъ, и въ концѣ-концовъ явился кличъ къ добровольцамъ въ ряды сербской арміи, кличъ, получившій огромную силу главнымъ образомъ потому, что всѣ узнали о томъ, что генералъ Черняевъ поѣхалъ въ Сербію, съ цѣлью командовать сербскою арміею, а имя Черняева, благодаря его азіатскимъ лаврамъ, было въ высшей степени популярно въ Россіи.

И вотъ, къ концу лѣта все въ Россіи было отставлено на второй планъ, и только одинъ славянскій вопросъ завладѣлъ всѣми умами до такой степени, что не было уголка Россіи, гдѣ бы не горѣлъ славянскій вопросъ... Сборы, добровольцы, славянскіе комитеты — все пошло въ дѣло...

Славянофильское движеніе, охватившее умы въ началѣ лѣта этого года, было, дѣйствительно, весьма интереснымъ событіемъ; интересъ его заключался въ общности этого настроенія и въ особенности въ его популярности: чѣмъ ниже былъ общественный слой, тѣмъ сильнѣе проявлялся этотъ Drang на дунайскій востокъ. Въ особенности народность этого настроенія замѣтна была въ Москвѣ. Мнѣ случилось быть на одномъ пріемѣ у

И. С. Аксакова. Помню, что голова закружилась отъ этой массы людей всякаго званія, какъ потокъ, нахлынувшей въ его пріемную, и какъ сердце усиленно билось и умилялось отъ безчисленныхъ проявленій народнаго энтузіазма. Какъ вчера, помню этихъ старушекъ и стариковъ, на видъ убогихъ, приходившихъ вносить свои лепты для славянскихъ братій, въ какомъ-то почти религіозномъ настроеніи и въ этой толпѣ замѣтилъ одну старушку, на видъ старую, долго разворачивавшую грязненькій платокъ, чтобы достать изъ него билетъ въ 10 тысячъ рублей. И дѣйствительно, деньги лились рѣкою...

Собирались онѣ на раненыхъ и больныхъ братушекъ, а шли онѣ на вооруженіе и отправку въ Сербію добровольцевъ. Отправка эта производилась славянскими комитетами, какъ я говорилъ выше, но, кромѣ того, и главный штабъ принималъ въ этомъ дѣлѣ оффиціальное участіе, ибо къ нему обращались офицеры, состоявшіе на службѣ и получавшіе временной отпускъ для поступленія въ Черняевскую сербскую армію. Улицы стали наполняться маленькими группами русскихъ офицеровъ въ сербскихъ костюмахъ, и на поѣздахъ варшавской дороги не хватало мѣстъ для посадки ѣхавшихъ черезъ Вѣну на Дунай добровольцевъ.

Очки, черезъ которые мы глядѣли тогда на добровольцевъ, надо признаться, были очень розовые... Для меня этотъ періодъ розовыхъ очковъ длился недолго, до поѣздки моей въ августѣ въ Сербію; но пока онъ длился, мнѣ, какъ и всѣмъ, казалось, что эти добровольцы были герои, носители какой-то святой идеи, и новый видъ крестоносцевъ, шедшихъ умирать за свободу угнетенныхъ братьевъ... И чрезъ эти розовые очки мы не замѣчали или, вѣрнѣе, не хотѣли видѣть, какая сволочь шла въ

ряды добровольцевъ, и какое меньшинство составляли порядочные люди, бросавшіе спокойную жизнь дома, чтобы ѣхать на войну за славянскую братію... Потомъ я понялъ, что это большинство составляли люди, которымъ нечего было проигрывать и которые ампошировали русскія деньги славянскихъ комитетовъ, чтобы пускаться въ авантюру, и отъ Петербурга до Дуная покрывали стыдомъ русское имя... Самыми симпатичными въ этой массѣ были отставные солдаты, шедшіе въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно изъ идеи, ими просто воспринятой, и охотно готовые подраться съ турками...

До какой степени были очки у насъ розовые, доказывали отдѣльные эпизоды, напримѣръ, пріѣздъ въ это лѣто одного изъ адъютантовъ Черняева... Онъ явился въ фантастической формѣ, шутомъ какимъ-то: головной уборъ—кепи съ плюмажемъ, мундиръ съ золотыми аксельбантами, штаны съ широкими красными лампасами, и вотъ, разъѣзжая по Петербургу въ щегольской коляскѣ, этотъ молодецъ сбиралъ деньги вездѣ, ибо всѣ ему давали, безъ малѣйшаго недовѣрія, даже безъ вопроса, кто онъ, не мазурикъ-ли, и вотъ на эти деньги онъ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ въ модныхъ ресторанахъ, шампанское разливалъ потоками, кутилъ съ красавицами, и всѣ это видѣли, и какъ ни въ чемъ не бывало продолжали ему давать деньги... Потомъ, узнавши, сколько тысячъ рублей онъ себѣ прикарманилъ, я задавалъ себѣ вопросъ: отчего такъ мало явилось именно такихъ молодцовъ? Это доказывало, въ сущности, что на крупныя продѣлки архи-грандіозныхъ мошенниковъ-самозванцевъ—охотниковъ было немного, не взирая на то, что опытъ такого адъютанта Черняева доказалъ, какъ можетъ быть выгодна и въ то же время безопасна такая роль.

Пожалуй, эту особенность можно было занести въ активъ тогдашняго русскаго общества въ оцѣнку его нравственности.

Не лишенною характеристики и даже комизма была въ эту лихорадочную минуту, охватившую всѣхъ, фигура министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, того самаго Тимашева, который къ разгрому въ комитетѣ министровъ своего грандіознаго проекта реформъ самоуправленія въ Россіи отнесся какъ къ выпитому стакану воды, а ужъ къ славянофильству, волновавшему всю Россію, относился какъ къ мухамъ, гдѣ-то жужжавшимъ. Это движеніе, охватившее умы, онъ считалъ какимъ-то ребячествомъ и негодовалъ, на сколько умѣлъ, на то, что, не взирая на всѣ препоны цензуры, славянскій пожаръ все сильнѣе разгорался во всей русской печати. Помню, какъ я тогда его вмѣстѣ со всѣми осуждалъ и бранилъ за его бездушіе къ этому святому дѣлу, какъ помню и то, какъ потомъ я сознавалъ ясно, что на этотъ разъ и въ этомъ случаѣ Тимашевъ былъ одинъ изъ немногихъ, который былъ глубоко правъ, осмѣивая этотъ энтузіазмъ и пророча отъ него для Россіи бѣды.

О томъ, какъ великъ былъ энтузіазмъ, я могъ убѣдиться изъ фактовъ моей личной иниціативы въ то время.

Провелъ я іюль мѣсяцъ въ Ревелѣ. Ожидать мнѣ въ этой чухляндіи славянскаго энтузіазма было трудно, тѣмъ не менѣе я рѣшился пощупать эту модную струну и здѣсь, и взялся устраивать народный праздникъ въ пользу славянскихъ раненыхъ и больныхъ, какъ тогда предписывалось говорить на афишахъ. Главными дѣятелями моей затѣи были офицеры-моряки стоявшей въ Ревелѣ учебной артиллерійской эскадры, и сообща мы рѣшили устроить праздникъ-monstre.

Программа должна была поразить своимъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, и, въ видѣ громадной афиши на трехъ языкахъ: русскомъ, эстонскомъ и нѣмецкомъ, пущена была и расклеена повсюду въ громадномъ количествѣ экземпляровъ; изъ Петербурга я выписалъ раешниковъ, нѣсколько шарманокъ съ петрушками, затѣмъ устроили лотерею и, отдѣльно отъ народнаго, дѣтскій праздникъ. Цѣну за входъ на народный праздникъ совѣтовали намъ назначить наименьшую, а я настаивалъ на томъ, что цѣна должна быть назначена наивысшая, во-первыхъ, въ виду цѣли, а, во-вторыхъ, въ виду того, что такой праздникъ является новинкою въ нравахъ ревельцевъ.

Оказалось, что я былъ правъ. Народу прибыло множество и именно потому, что этотъ праздникъ со всѣми его аксессуарами былъ совсѣмъ новымъ зрѣлищемъ для чухонцевъ. Но прежде чѣмъ дожить до успѣха, мы пережили ужасныя минуты. Просыпаемся утромъ того воскресенья, когда въ полдень долженъ былъ начаться праздникъ, и о, ужасъ, небо совсѣмъ заволокло, дождь идетъ мелкій; ужасъ нами овладѣлъ, все пропадетъ: и иллюминація, и фейерверкъ, и сборъ... Пришла мысль отмѣнить праздникъ; но моряки, мои товарищи по устройству, сказали мнѣ, что, по ихъ наблюденіямъ, къ полдню погода должна проясниться, и, дѣйствительно, около полудня, о чудо, о радость, небо начало проясняться, а въ полдень начали расходиться тучи и солнце зацарило на синемъ небѣ, и мы видѣли, что со всѣхъ сторонъ стали набѣгать другія тучи,—то были радостныя людскія толпы, такъ что около 2 часовъ дня Екатериненталь переполнился народомъ и валило его столько, что пришлось устраивать двѣ входныя кассы; и все это былъ простой

народъ, эстонскіе мужики, съ ихъ семьями, въ праздничныхъ одеждахъ, съ удовольствіемъ платившіе по 40 копѣекъ за входъ.

Дворяне, съ своей стороны, примкнули къ публикѣ съ предводителемъ во главѣ, съ шикомъ заплатившимъ 100 рублей за чашку чая, затѣмъ все пріѣзжее русское общество, весь военный персоналъ, всѣ моряки, и, въ концѣ-концовъ, оказалось, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, я послалъ въ Петербургъ, въ распоряженіе Краснаго Креста, для славянскаго дѣла около 5,000 р., полученныхъ въ томъ самомъ Ревелѣ, гдѣ никогда выручка за праздникъ не превышала и 500 руб.

Затѣмъ, мое славянофильское лихорадочное состояніе до того усилилось, что я попалъ даже въ агитаторы. Все это настроеніе я, разумѣется, изливалъ потоками въ «Гражданинѣ». «Гражданинъ» я сталъ пропагандировать для славянскаго дѣла между моряками; моряки, въ свою очередь, стали проявлять массовое сочувствіе, стали звать къ себѣ на суда, а когда появилась моя знаменитая статья «Славянская лѣтопись», вызвавшая всеобщій энтузіазмъ, съ одной стороны, и запрещеніе «Гражданина» съ другой, — то я сталъ уже въ глазахъ моряковъ своего рода героемъ и вдругъ на военныхъ судахъ, въ отвѣтъ на мою статью, всѣ молодые офицеры стали заявлять командиру о своемъ желаніи идти въ Сербію. Офицеры устроили у себя трапезу въ мою честь, а командиръ пріѣзжаетъ ко мнѣ упрашивать меня, чтобы я на этой трапезѣ ничего не говорилъ возбуждающаго умы, такъ какъ безъ того, по его словамъ, я сбилъ съ толку всѣхъ его офицеровъ и всполошилъ славянскимъ духомъ до *чортиковъ*. Я ему далъ слово и трапеза прошла благополучно; спичи говорили воспламененные офицеры, но

я ничего не говорилъ; пили за Черняева, за сербовъ, за добровольцевъ, и все кончилось благополучно.

Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, въ Сербію поѣхало нѣсколько морскихъ офицеровъ.

Исторія моей знаменитой статьи была интересна какъ эпизодъ того времени.

Для одержимаго бѣсомъ братушколюбія, какъ я, событія въ Европѣ, создавшіяся при участіи нашей дипломатіи, казались до такой степени въ разладѣ съ тогдашнимъ чисто воинственнымъ общественнымъ настроеніемъ въ Россіи, что я готовъ былъ въ эти минуты объявить врагомъ Россіи всякаго, кто не хотѣлъ, какъ я, и войны, и освобожденія всѣхъ славянъ, и за-одно взятія Константинополя.

Какъ я говорилъ выше, князь Горчаковъ со своими дипломатами всѣ усилія своего ума и искусства напрягалъ къ тому, чтобы достигать двухъ противоположныхъ цѣлей: одна цѣль была соглашеніе и ладъ съ Австріею, съ Германіею и съ Англіею для какого-то плана общаго воздѣйствія на Турцію и на славянъ, а другая цѣль была—мазать по губамъ русскихъ славянофиловъ, чтобы не идти въ разрѣзъ съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Во исполненіе первой задачи явилось свиданіе нашего Государя съ императоромъ австрійскимъ въ Рейхштадтѣ въ началѣ лѣта. Что именно на этомъ свиданіи было рѣшено, намъ было, разумѣется, неизвѣстно, но по ходившимъ о немъ слухамъ можно было догадываться, что цѣлью этого свиданія было соглашеніе на счетъ роли Австріи въ восточномъ вопросѣ на случай войны Россіи съ Турціею. По этому поводу говорили, что Австрія за свой нейтралитетъ потребовала себѣ Боснію и Герцего-

вину, а Россія, будто бы, обязалась не брать Константинополя.

И вотъ, возбужденный всѣми этими слухами, представлявшими Россію въ печальной зависимости отъ европейской антиславянской коалиціи, я пріѣхалъ въ Ревель, поселился въ маленькой дачѣ тогдашняго вице-губернатора Манжоса въ Екатериненталѣ, и, не взирая на миръ, и усладу, дышавшіе на берегу моря, я пришелъ въ такой воинственный и славянофильскій азартъ, что въ одинъ присѣстъ накаталъ длинную статью, подъ заглавіемъ: «Славянская лѣтопись», гдѣ напомнилъ преданія измѣны и коварства Австріи, и доказывалъ, что есть для Россіи нѣчто хуже и опаснѣе войны, это—роль прислужницы Европы, и миръ, купленный цѣною русскаго позора.

Написавъ эту статью, послалъ ее въ Петербургъ немедленно, и на другой день получаю отъ редактора «Гражданина» Пуцыковича телеграмму, въ которой онъ меня увѣдомляетъ, что хотя чуетъ бѣду, но статья моя такъ сильна и хороша, что онъ рѣшилъ ее помѣстить цѣликомъ. И помѣстилъ!

А затѣмъ пришла вторая телеграмма, извѣстившая, что «Гражданинъ» пріостановленъ на два мѣсяца... за явное и рѣзкое порицаніе отношеній правительства къ политическимъ событіямъ на Востокѣ.

Разумѣется, при тогдашнемъ настроеніи умовъ эта мѣра, принятая относительно «Гражданина», послужила къ его прославленію и создала ему ореолъ, котораго никогда бы не было, если №-ръ съ сею статьею вышелъ и прошелъ безъ вниманія къ нему цензуры. №-ръ 27 сталъ раскупаться нарасхватъ, и, смѣшно сказать, за послѣдніе оставшіеся экземпляры платили 5, 10 и даже 25 рублей.

что они могутъ найти успѣхъ развѣ между дѣтьми, недоучившимися юношами и неразвитыми простолюдинами. Но, къ сожалѣнію, эти дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобы найти въ окружающей ихъ средѣ и въ своихъ семействахъ отпоръ преступнымъ увлеченіямъ и политическимъ фантазіямъ, встрѣчаютъ иногда, напротивъ того, ободреніе и поддержку; только этимъ и можно объяснить распространеніе соціалистическихъ теорій, давно осужденныхъ здравою наукою; въ 37 губерніяхъ, какъ обнаружило судебное изслѣдованіе, нѣкоторые отцы и матери подбивали къ нимъ своихъ дѣтей. Это явленіе въ моихъ глазахъ гораздо прискорбнѣе самой пропаганды: оно показываетъ до какой степени поверхностна и, скажу, невѣжественна извѣстная часть нашего общества; оно же еще болѣе подкрѣпляетъ меня въ убѣжденіи, что у насъ нерѣдко не семья поддерживаетъ школу, а школа должна воспитывать семью, чего нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, и что значительно усложняетъ и безъ того не легкую задачу воспитанія. Министръ юстиціи весьма вѣрно характеризуетъ это положеніе слѣдующими словами: «Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ, — такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается». Пусть же наставники замѣнятъ въ этомъ случаѣ родителей, — это ихъ прямое

призваніе, пусть, при случаѣ, и когда, по ихъ мнѣнію, встрѣтится надобность, они разскажутъ болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ, что несчастные политическіе фанатики, недоученые юноши, затѣваютъ провести въ народъ свои несбыточныя фантазіи, не гнушаясь при этомъ, какъ тоже обнаружено слѣдствіемъ, ни воровствомъ, ни грабежемъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ. Этого будетъ достаточно для честной молодежи, все болѣе и болѣе нынѣ трудящейся, для того, чтобы со временемъ сдѣлаться полезными гражданами. Истина не боится свѣта; потому я не только не нахожу основанія скрывать это печальное явленіе въ нашей общественной жизни отъ наставниковъ юношества, но, напротивъ того, поручаю вашему превосходительству передать отъ меня начальникамъ учебныхъ заведеній, что ихъ я уполномочиваю разсказать о немъ преподавателямъ и наставникамъ.

Государь Императоръ изволилъ прилагать столько великодушныхъ попеченій объ упроченіи и развитіи нашего отечественнаго просвѣщенія, что не только прямой нашъ долгъ, но и совѣсть обязываютъ насъ приготовить для службы Его Императорскаго Величества и страны вѣрноподданныхъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, людей достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, которые сознательно поддерживали бы государственный порядокъ и осмысленно противодѣйствовали всякимъ нелѣпымъ ученіямъ, откуда бы они ни происходили».

Итакъ, вотъ, въ чемъ было горе, и вотъ, въ чемъ было дѣйствительно критическое и даже, серьезно говоря, безвыходное положеніе нашего учившагося тогда юношества. Министръ народнаго просвѣщенія, глава государственной школы, обвинялъ русскія семьи въ томъ, что онѣ не школѣ

помогали въ ея руководительной задачѣ, а революціонерамъ въ ихъ разрушительной задачѣ. Но въ то же время всѣ мы знали, и знали это со словъ самихъ родителей учащейся молодежи, что сама школа могла противопоставлять духу революціонной пропаганды тогдашняго времени самый ничтожный элементъ самостоятельнаго и убѣдительнаго противодѣйствія, такъ какъ большинство нашихъ тогдашнихъ профессоровъ и даже учителей гораздо болѣе сочувствовали либеральнымъ идеямъ времени, чѣмъ строго-консервативнымъ идеямъ ихъ начальника, министра народнаго просвѣщенія.

Второе собраніе, гдѣ предсѣдательствовалъ Валуевъ, былъ его знаменитый агрономическій парламентъ, имъ придуманный и имъ созданный подъ предлогомъ *рабочаго аграрнаго вопроса*... Это тоже былъ своего рода историческій курьезъ по отношенію къ нынѣшнему времени, ибо если 22 года назадъ Валуевъ этотъ рабочій вопросъ возбудилъ, то надо отдать справедливость, что 22 года спустя въ настоящее время онъ еще дальше отошелъ отъ какого-либо просвѣта для бѣднаго сельскаго хозяйства въ его тьмѣ, чѣмъ въ 1875 году.

Эту Валуевскую комиссію назвали тогда аграрнымъ парламентомъ, во-первыхъ, потому, что она составлена была изъ приглашенныхъ изъ разныхъ концовъ Русской земли представителей землевладѣнія и сельскаго хозяйства, въ лицѣ нѣсколькихъ дворянскихъ предводителей и отдѣльныхъ крупныхъ именъ извѣстныхъ помѣщиковъ-агрономовъ, а во-вторыхъ, потому, что главное занятіе этой комиссіи заключалось въ *говореніи*...

Валуевъ не ограничивался однимъ рабочимъ вопросомъ, онъ открывалъ широкое поле за столомъ засѣданій для

разговоровъ о всякихъ аграрныхъ вопросахъ, и вызывалъ самые оживленные диспуты.

Но, увы, результатъ этой комиссіи мало отличался отъ результатовъ верховной педагогической комиссіи.

Объ ней тогда говорили: много было сказано, но очень мало было сдѣлано... Характернѣе всего былъ исходъ рабочаго вопроса: онъ прямо указывалъ, что уже тогда въ средѣ земельнаго дворянства царилъ тотъ духъ либерализма, который и теперь такъ рѣзко дѣлитъ земельное дворянство на партіи дворянскую и антидворянскую и мѣшаетъ этому несчастному дворянству сплотиться въ одну единомыслящую сословную семью. Рабочій вопросъ, оказалось, создалъ при обсужденіи его два мнѣнія, безъ всякой возможности ихъ согласить: яблокомъ раздора явился вопросъ о *рабочей книжкѣ*. Одни помѣщики настоятельно и основательно требовали введенія рабочей книги, обязательной, какъ узды для своеволія всякаго рабочаго, уже тогда нанимавшагося на работу, бросавшаго ее, когда онъ находилъ гдѣ нибудь плату болѣе для себя выгодную; другіе говорили: рабочая книжка вещь хорошая *въ принципѣ*, но дѣлать ее обязательною для рабочаго неудобно, такъ какъ она могла бы явиться *посягательствомъ* на личную свободу крестьянина и ставитъ его въ *слишкомъ* обязательныя отношенія къ помѣщику–нанимателю, а потому лучше предоставить употребленіе рабочей книжки обоюдному соглашенію между нанимателемъ и рабочимъ. Это мнѣніе, разумѣется, какъ либеральное, взяло верхъ, и какъ остроумно тогда выразился одинъ изъ членовъ Валуевскаго парламента—рѣшено было такъ: *ввести рабочую книжку тамъ, гдѣ она не нужна*, ибо, очевидно, тамъ, гдѣ по взаимному соглашенію между хозяиномъ и рабочимъ вводилась рабочая книжка, тамъ она не была

нужна, ибо ея дѣйствіе и ея силу замѣняло гораздо вѣрнѣе—взаимное согласіе между нанимателемъ и рабочимъ, основанное на хорошихъ отношеніяхъ.

XX.

(1875 годъ).

Внѣшнія политическія событія. — Спасаемая Императоромъ Александромъ II Франція.—Первые признаки пожара на Балканскомъ полуостровѣ.

Весною въ этомъ году происходили въ европейской политикѣ событія громадной важности, о которыхъ ни одного звука не проникло въ печать. Событія эти произвели спасеніе Франціи отъ новаго германскаго погрома, въ которомъ главную роль спасителя сыграла Россія.

Во Франціи тогда президентомъ республики былъ симпатичный маршалъ Макъ-Магонъ.

Имя это было боевое, а такъ какъ оно привлекало къ себѣ всѣ симпатіи французскихъ патріотовъ и тѣмъ давало болѣе силы процессу возрожденія порядка во Франціи, и такъ какъ, съ другой стороны, все это вмѣстѣ неизбѣжно придавало болѣе энергіи и военному вѣдомству въ его задачѣ вооруженія Франціи, то въ Берлинѣ такіе симптомы возрожденія Франціи стали не только занимать, но и волновать умы во всѣхъ сферахъ военно-политическихъ партій.

И хотя французы не проявляли никакого боевого пыла и никакихъ лозунговъ во имя revanche не провозглашали, но, тѣмъ не менѣе, берлинская военная партія, съ Мольтке во главѣ, очень громко стала говорить объ

угрожающихъ, со стороны Франціи, Германіи вооруженіяхъ и даже ставила вопросъ: не слѣдуетъ ли именно эту минуту признать удобною для объявленія войны Франціи подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Князь Бисмаркъ, прислушиваясь къ этимъ воинственнымъ голосамъ, находившимъ отголосокъ и въ придворныхъ сферахъ, воспользовался ими, чтобы внести въ парламентъ проектъ дополнительнаго военнаго кредита на вооруженіе германской арміи, а такъ какъ для этого нужно было поддерживать въ умахъ воинственное настроеніе, то онъ давалъ волю всякимъ наускиваніямъ общественнаго мнѣнія противъ Франціи.

Такова была политическая минута въ Европѣ въ началѣ весны 1875 года. Берлинскія демонстранціи прямо испугали французское правительство, и вотъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ написалъ французскому послу въ Петербургѣ, генералу Лефло, взволнованное письмо, въ которомъ поручалъ ему, во что бы то ни стало, добиться отъ Русскаго Императора его предстательства за Францію передъ берлинскимъ кабинетомъ. Къ счастью для Франціи генералъ Лефло былъ весьма симпатичною личностью, пользовавшеюся въ Петербургѣ расположеніемъ общества и, что было всего важнѣе, личными симпатіями къ нему Государя. Лефло началъ свою миссію съ князя Горчакова, передавши ему содержаніе письма герцога Деказа. Горчаковъ, съ своимъ тяготѣніемъ къ Берлину вообще, и къ Бисмарку въ особенности, очутился въ трудномъ положеніи: онъ зналъ, что принять на себя активную роль въ защиту Франціи значило бы вооружить противъ себя своего друга Бисмарка; это были ощущенія его личнаго культа къ Бисмарку; а сверхъ того, такъ какъ въ ту пору уже начинали загораться

герцеговинскіе пожары на Балканскомъ полуостровѣ, то Горчаковъ очень добродушно вѣрилъ уже тогда въ обѣщаніе Бисмарка поддерживать Россію въ Восточномъ вопросѣ, въ которомъ, кстати сказать, Бисмаркъ уже вступилъ относительно Россіи въ роль няньки, добродушно дающей дитятѣ поиграть съ игрушкою до поры, до времени, и вотъ вслѣдствіе чего Горчаковъ ограничился при свиданіи съ Лефло нѣсколькими общими сочувственными фразами и поспѣшилъ, какъ онъ это дѣлалъ въ трудныя минуты, тяжесть вопроса перевесть отъ себя на Государя, обѣщавъ Лефло выпросить для него у Государя аудіенцію.

Это оказалось счастливою случайностью для французскаго дѣла. Государь принялъ французскаго посла въ особой аудіенціи и, внимательно его выслушавъ, долго съ нимъ говорилъ, и въ заключеніе сказалъ ему, что Онъ не допускаетъ возможности со стороны берлинскаго кабинета начать войну съ Франціей безъ серьезнаго къ тому повода со стороны послѣдней, что повода къ войнѣ Франція не даетъ, что вооруженіе Франціи Онъ признаетъ для нея необходимостью, и что если за всѣмъ тѣмъ Германія рѣшилась бы на войну съ Франціею, то она бы несла за нее ту же отвѣтственность передъ Европой, какую на себя принялъ Наполеонъ III въ 1870 году, вызвавъ Германію на войну съ Франціею. Но главное, что Государь сказалъ при этомъ свиданіи съ генераломъ Лефло, было обѣщаніе личнаго объясненія Его съ императоромъ Вильгельмомъ, при проѣздѣ Его черезъ Берлинъ, и если будетъ Франціи предстоять какая либо опасность, — прибавилъ Государь,—то знайте, что я первый васъ предупрежу. Страхъ войны съ Германіею былъ такъ великъ во Франціи, что герцогъ Деказъ не успокоился,

получивъ отъ своего посла подробный отчетъ объ его свиданіи съ Государемъ, и онъ снова ему написалъ длинное посланіе, въ которомъ высказывалъ ту мысль, что въ Берлинѣ могутъ скрыть отъ Русскаго Императора воинственное настроеніе Германіи, и лишить Государя возможности предупредить Францію объ опасности своевременно. Лефло снова явился къ Горчакову съ вторымъ посланіемъ къ нему герцога Деказа. Горчаковъ опять почувствовалъ себя въ непріятномъ положеніи, и чтобы изъ него выйти, et se donner, какъ говорятъ французы, une contenance, сдѣлалъ видъ обиженнаго недовѣріемъ Франціи къ Россіи, и упрекнулъ ея посла въ томъ, что его правительство, подъ впечатлѣніемъ fausses alarmes, недостаточно даетъ вѣры словамъ Русскаго Государя. Впрочемъ, прибавилъ канцлеръ, я все передамъ своему Государю. Государь, вѣроятно, тоже почувствовалъ неумѣстность такого вторичнаго обращенія къ нему французской дипломатіи, послѣ данныхъ Имъ послу завѣреній, и ограничился на представленіе князя Горчакова словами: что Онъ подтверждаетъ все сказанное Имъ ранѣе французскому послу.

Но въ то же время Онъ свято исполнилъ, данное Имъ французскому правительству, обѣщаніе. Въ маѣ, проѣздомъ, въ Германіи, Государь пробылъ два дня въ Берлинѣ, и въ эти два дня имѣлъ объясненіе съ глазу на глазъ съ своимъ дядей, императоромъ Вильгельмомъ, въ которомъ послѣдній далъ Русскому Государю торжественное завѣреніе, что Германія не помышляетъ ни о войнѣ съ Франціею, ни о нарушеніи европейскаго мира. Послѣ этого объясненія совершилось главное политическое событіе въ Европѣ той эпохи, въ видѣ телеграммы князя Горчакова

ко всѣмъ русскимъ посламъ изъ Берлина, въ которой заявлялось объ упроченіи европейскаго мира.

Въ самомъ Берлинѣ это событіе вызвало большое волненіе, ибо оно совершилось внѣ всякаго общенія съ княземъ Бисмаркомъ, и даже безъ его вѣдѣнія. Князь Горчаковъ не упустилъ при этомъ случая похвастаться своею политическою ролью въ Европѣ въ данную минуту, и результатомъ этого была бесѣда между двумя канцлерами, на которой князь Бисмаркъ не поскупился на колкости, и изъ которой выяснилось, что князь Бисмаркъ принялъ совершившееся въ Берлинѣ политическое событіе, какъ личную для себя обиду. На этомъ tête-à-tête двухъ канцлеровъ въ Берлинѣ Бисмаркъ, съ свойственною ему беззастѣнчивостью, сказалъ своему другу, что его démarche, то-есть его знаменитая успокоительная телеграмма не имѣла никакой raison d'être, такъ какъ никто, ни императоръ, ни онъ, не помышляли о какой либо войнѣ, а все сводилось къ партійнымъ воинственнымъ стремленіямъ, приписывавшимся всегда нѣмому Мольтке, между тѣмъ, образъ дѣйствій русскаго правительства въ данную минуту былъ таковъ, что оно вмѣсто того, чтобы дать Германіи засвидѣтельствовать свою миролюбивую политику propriо-motu, принимаетъ себѣ передъ Европою заслугу укрощенія, будто бы, воинствующей Германіи угрозами, и что такія дѣйствія нельзя назвать дружескими... Князь Горчаковъ, тѣмъ не менѣе, уѣхалъ изъ Берлина въ сладостномъ признаваніи себя тріумфаторомъ, не предвидя, что 4 года спустя ему придется въѣхать въ Берлинъ, какъ въ Каноссу, и горько заставить поплатиться Россію за его тріумфъ 1875 года. Только тогда пришлось понять, что коварная роль Бисмарка съ 1875 года,

во все время турецкой войны и до берлинскаго конгресса—была мщеніемъ за 1875 годъ.

Очевидно, князю Горчакову легко было, въ интересахъ своей собственной политики, а въ особенности въ интересахъ Россіи, повести дѣла въ Берлинѣ въ эти два дня пребыванія Государя въ 1875 году такъ, чтобы не оскорблять самолюбіе Бисмарка безъ всякой въ томъ нужды, а, напротивъ, пріобщить его къ событію настолько, чтобы и волки сыты были и овцы цѣлы, а декларацію европейскаго мира сдѣлать сообща съ берлинскимъ кабинетомъ. Достоинство Россіи отъ этого нисколько бы не умалилось въ своемъ спасительномъ значеніи для Франціи, но за то мы бы не имѣли за спиною замысла въ Берлинѣ намъ отомстить на Востокѣ.

Во всякомъ случаѣ, если весною 1875 года Франція была спасена Россіею, то въ то же время, съ 1875 года, при самыхъ дружескихъ отношеніяхъ обоихъ императоровъ, дяди и племянника, мы вступили въ такой фазисъ политическихъ отношеній къ Берлину, гдѣ главнымъ двигателемъ по отношенію къ Россіи былъ скрытый замыслъ Бисмарка вредить Россіи, елико возможно.

Самою удобною и благодарною для него почвою былъ Восточный вопросъ, начинавшій, какъ я сказалъ, разгораться тогда въ видѣ событій въ Герцеговинѣ.—Мы не будемъ воевать съ Франціей, но за то мы втравимъ Россію въ войну съ Турціею,—сказалъ себѣ Бисмаркъ,—а потомъ увидимъ.

Въ разгарѣ лѣта 1875 года, на политическомъ европейскомъ горизонтѣ появилась маленькая тучка, и телеграфъ принесъ извѣстіе о столкновеніи между герцеговинцами и турецкими солдатами. Это было въ іюнѣ. И вотъ, эта маленькая тучка начала расти, расти, и изъ

нея уже выросло цѣлое возстаніе, въ 1876 году охватившее и Сербію, и Болгарію, и Черногорію.

Исторія возростанія этой маленькой тучки въ цѣлую грозу происходила въ 1875 году на нашихъ глазахъ и была очень интересна по фазисамъ, черезъ которые это сперва незначительное, а потомъ разроставшееся событіе проходило, благодаря радѣнію о турецкихъ христіанахъ европейскаго концерта.

Самымъ интереснымъ въ то время было явное безсиліе Турціи справиться съ горстью возставшихъ герцеговинцевъ и босняковъ; къ концу 1875 года уже знали въ Европѣ о рядѣ побѣдъ, одержанныхъ инсургентами надъ турецкими войсками, и, сопоставляя этотъ фактъ борьбы горсти инсургентовъ, длившейся цѣлый годъ съ Турецкою имперіею и съ турецкою арміею, съ цѣлымъ годомъ борьбы нашихъ военныхъ силъ съ турецкими безъ результатовъ, пока на второй годъ мы не добились наконецъ успѣха,—приходишь въ недоумѣніе. Горсть инсургентовъ въ 1875 году одержала рядъ побѣдъ надъ турецкими войсками, а намъ потребовалось два года, чтобы добиться побѣдъ.

Но возвращаюсь къ событіямъ.

Когда началось возстаніе, въ Петербургѣ сразу почувствовалось что-то въ родѣ симпатическаго этому возстанію теченіе мыслей. Оно настолько усилилось, что уже мѣсяцъ спустя послѣ возстанія не только правительство разрѣшило подписки въ газетахъ въ пользу нуждающихся семействъ герцеговинцевъ, но и «*Красный Крестъ*» сталъ принимать пожертвованія въ пользу семействъ инсургентовъ, бѣжавшихъ изъ Герцеговины въ Черногорію, а самъ Государь далъ на эту цѣль изъ своихъ средствъ личныхъ десять тысячъ рублей.

Всѣ дипломаты Европы, особливо англійскіе и австрійскіе, засуетились. Взоры невольно обращались къ Петербургу, съ ожиданіемъ, какую позицію приметъ русская дипломатія. Князь Горчаковъ, несмотря на холодъ, наступившій въ его отношеніяхъ къ князю Бисмарку послѣ берлинскаго свиданія, позондировалъ берлинскій кабинетъ, и тамъ нашелъ, въ отличіе отъ Вѣны, гдѣ кипѣла тревога по восточному вопросу, равнодушное настроеніе къ событіямъ въ Герцеговинѣ, потомъ объяснившееся тѣмъ, что князь Бисмаркъ, какъ я сказалъ выше, задался уже тогда коварною мыслію, притаившись въ восточномъ вопросѣ, этимъ самымъ поощрять Россію быть смѣлѣе въ иниціативѣ и какъ можно далѣе заходить въ дебри восточнаго вопроса на Балканскомъ полуостровѣ.

Этотъ коварный лозунгъ «laissez faire» по отношенію къ Россіи, принятый Бисмаркомъ въ Восточномъ вопросѣ въ самомъ началѣ, пришелся по вкусу князю Горчакову, который, не подозрѣвая того, что въ немъ было коварнаго, увлекся мыслью опять играть роль иниціатора и вождя въ политическихъ затрудненіяхъ, и сталъ дѣйствовать съ извѣстною развязностью. Съ одной стороны, его обольщала эта политическая роль, съ другой стороны — ему хотѣлось быть популярнымъ въ той русской средѣ, гдѣ загорѣлись такъ демонстративно славянскія симпатіи.

И вотъ, мы узнаемъ въ то время, что русскій кабинетъ выступаетъ съ предложеніемъ по адресу турецкаго султана—даровать Босніи и Герцеговинѣ тѣ же политическія права, какія имѣла Сербія; но, увы, едва это предложеніе было заявлено, какъ пришлось ему потерпѣть фіаско, и не отъ отказа со стороны Турціи, которая въ то время, въ отличіе отъ слѣдующаго года, была довольно покладиста, а отъ вѣнскаго кабинета, энергично

протестовавшаго противъ такого предложенія Россіи. Но затѣмъ явилось другое предложеніе, ставшее уже европейскимъ концертомъ: настоять у Порты, чтобы она отправила на мѣсто возстанія своего верховнаго комиссара, разбирать недоразумѣнія, и установить modus vivendi, который могъ бы затушить мятежъ. Но и это предложеніе осталось безъ послѣдствія, такъ какъ мятежъ въ Герцеговинѣ все усиливался, турецкія войска начинали терпѣть пораженіе, и Порта поняла, что съ комиссаромъ на мѣстѣ возстанія далеко не уѣдешь. Тогда, по совѣту Англіи, турецкій султанъ вдругъ разрѣшился отъ бремени торжественнымъ *ирадэ*, въ которомъ всѣ подданные турецкаго султана осчастливливались сразу, не исключая и герцеговинцевъ и босняковъ, какими-то новыми правами мѣстнаго самоуправленія и даже выборомъ своимъ уполномоченныхъ для центральнаго правительства.

Этотъ фейерверкъ, что-то въ родѣ конституціи, пущенный въ минуту, когда уже кровь лилась на поляхъ Герцеговины за права жизни и свободы, зажегся, нашумѣлъ и потухъ. Всѣ поняли, что если Турція не въ силахъ справиться съ горстью повстанцевъ, то какую силу можетъ имѣть ея готовность вводить конституціонныя льготы, и, въ отвѣтъ на это «*ирадэ*», повстанцы повели свое дѣло еще энергичнѣе.

Тогда явилось въ «*Правительственномъ Вѣстникѣ*» у насъ «Правительственное Сообщеніе», уже какъ результатъ знаменитой entente européenne, въ которомъ говорилось, что европейскія государства согласились общими усиліями поддержать европейскій миръ, и тѣми же общими усиліями достигнуть разрѣшенія недоразумѣній между возставшими провинціями и Турецкою имперіею и прекращенія кровопролитія.

Дѣйствіе этого правительственнаго сообщенія, какъ и слѣдовало ожидать, было ничтожное, и ровно никого не успокоило, ибо фактъ постепенно разжигавшагося пожара возстанія въ Турціи прямо доказывалъ безсиліе этихъ европейскихъ коллективныхъ усилій дипломатіи. Изъ газетъ, и изъ частныхъ толковъ, да и въ самыхъ дипломатическихъ сферахъ Петербурга всѣ знали и говорили о томъ, что, не взирая на то, что европейскій концертъ потребовалъ въ началѣ возстанія отъ Сербіи и Черногоріи соблюденія полнаго нейтралитета, и Черногорія, и Сербія къ концу года оказывались безсильными совладать съ воинствующимъ броженіемъ умовъ въ народныхъ массахъ, знали, что турецкія войска сами начинаютъ нарушать территоріальную неприкосновенность Сербіи и Черногоріи, этимъ усиливая воинственный пылъ въ Черногоріи и Сербіи, знали также еще и то, что и въ Черногоріи, и въ Сербіи составлялись вооруженныя шайки *инкогнито*, и переходили въ Герцеговину для подкрѣпленія инсургентовъ, знали все это и, тѣмъ не менѣе, ни въ Петербургѣ, ни въ Европѣ никто ничего не могъ сдѣлать, чтобы помѣшать развитію славянскаго пожара.

Явилась даже одна минута тревожная, когда Австрія сдѣлала конфиденціальное предложеніе занять возставшія провинціи по уполномочію Европы и, разумѣется, этимъ вызвала переполохъ въ Петербургѣ, а затѣмъ и энергичный отпоръ князя Горчакова. Князю Бисмарку все это было какъ нельзя болѣе съ руки, и не совсѣмъ далеки были отъ правды тѣ, которые тогда говорили, что, съ цѣлью усилить смуту и скорѣе втравить Россію въ активную роль на Балканскомъ полуостровѣ, мысль о занятіи Австріею войсками возставшихъ турецкихъ провинцій была подсказана въ Вѣнѣ княземъ Бисмаркомъ.

Затѣмъ, стали меня заваливать привѣтственными телеграммами и письмами. И. С. Аксаковъ мнѣ прислалъ краснорѣчивое по сочувствію привѣтственное письмо, а самое замѣчательное, какъ результатъ было то, что къ слѣдующему году количество подписчиковъ сразу удвоилось. И сразу самый непопулярный и антипатичный для большинства лицъ органъ сталъ какъ будто популяренъ. И странно, какъ потомъ я узналъ, что статья моя всего болѣе озлила Тимашева, а Государя, которому ее показывали, не разсердила. Онъ сказалъ, что она черезчуръ горяча и необузданна, но что въ ней есть вѣрныя мысли...

Во всякомъ случаѣ, гнѣвъ Тимашева рѣшилъ мою участь по службѣ, ибо, благодаря ему, оказалось, что я славянскому вопросу принесъ самую большую жертву: свою служебную карьеру и сломанную шею. Впрочемъ, грозный Тимашевъ поступилъ совершенно лойяльно; по возвращеніи изъ отпуска, онъ призвалъ меня и сказалъ мнѣ, что мои политическія убѣжденія до такой степени рѣзко расходятся съ его взглядами, что онъ ставитъ мнѣ категорически вопросъ: хочу-ли я оставаться при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и тогда замолчать въ печати, или предпочитаю я говорить въ печати и тогда оставить мѣсто при немъ. Само собой разумѣется, что въ тогдашнемъ увлеченіи, или, вѣрнѣе, въ тогдашнемъ бреду славянофильской горячки, я, не долго думая, предпочелъ второе и, лишившись мѣста и жалованья около 4,000 руб., перешелъ къ графу Толстому въ министерство народнаго просвѣщенія безъ мѣста и безъ содержанія.

Кара, постигшая «Гражданинъ», была вторая за этотъ годъ, и замѣчательно, что обѣ кары были вызваны моими статьями, преимущественно направленными противъ Австріи, такъ что заграничныя газеты прямо мотивиро-

вали кары, постигшія «Гражданинъ», его нападками на Австрію и ея правительство.

Весною «Гражданинъ» былъ закрытъ на 1 мѣсяцъ, въ началѣ осени на 2 мѣсяца, итого, значитъ, 3 мѣсяца запрещенія, т.-е. такая кара, которой по строгости не удостоилось никакое изданіе въ Россіи, кромѣ «Современника» въ 1862 году за явнореволюціонныя статьи.

XXIII.

(1876 годъ).

Моя поѣздка въ Сербію.—Первыя впечатлѣнія.—Бѣлградъ.—Добровольцы и сербы.—Делиградъ и Черняевъ.

Чтобы дѣвать куда-нибудь свой славянофильскій пылъ, я воспользовался наступившимъ для «Гражданина» молчаніемъ, чтобы ѣхать въ Сербію, взглянуть на пожаръ собственными глазами.

Поѣхалъ я на Вѣну. Со мною въ поѣздѣ ѣхали добровольцы, и пѣсни, и крики: живіо! раздавались на поѣздѣ до самой Вѣны. Въ вагонѣ 1-го класса я замѣтилъ одну русскую фигуру, мнѣ знакомую, но, судя по которой, впослѣдствіи я понялъ, какова была сволочь, отправлявшаяся на Дунай подъ именемъ добровольца. Фигура эта—былъ молодой человѣкъ, съ какою-то фатальною и блѣдною физіономіею красиваго прохвоста. Я его помнилъ въ мундирѣ гвардейскаго кавалерійскаго полка, изъ котораго его протурили, и вотъ штатскимъ франтомъ я его вижу въ вагонѣ 1-го класса ѣдущимъ въ Сербію. Двѣ недѣли спустя, отъ знаменитаго тѣлохранителя Черняева, московскаго Хлудова, приходится услыхать жалобы на *мазуриковъ*-добровольцевъ, и узнать, между прочимъ, что этотъ самый спутникъ мой до Вѣны, красавецъ-прохвостъ, укралъ у него цѣнныя вещи, былъ имъ вздутъ и прогнанъ.

Въ Вѣнѣ на гремѣвшихъ своими саблями русскихъ добровольцевъ толпа смотрѣла съ любопытствомъ, а полиція—съ подозрительнымъ вниманіемъ. За то на пароходѣ, везшемъ насъ къ Бѣлграду по Дунаю, добровольцы рисовались уже во всю ширь русской натуры въ своей самодовольной роли освободителей и спасителей, и вели себя, надо имъ было отдать справедливость, съ непристойностью, не знавшею удержу. Въ Бѣлградѣ на пристани они были приняты съ криками живіо горланившими мальчуганами, а я, направившись въ гостиницу, засталъ тамъ за столами на террасахъ цѣлые кружки добровольцевъ, между которыми нашелъ весьма порядочныхъ молодыхъ людей, недовольныхъ тѣмъ, что приходилось сидѣть и брататься со всевозможными проходимцами. Любителей на чужой счетъ ѣсть и пить между этими героями оказалось не мало, и нѣкоторые изъ нихъ только этимъ, какъ я лично убѣдился, ограничили свой подвигъ добровольцевъ.

Въ Бѣлградѣ, познакомившись съ главными дѣйствующими лицами, я сразу получилъ холодную ванну, ибо убѣдился по впечатлѣніямъ, которыя они на меня произвели, что и князь Миланъ, и митрополитъ Михаилъ, и знаменитый премьеръ Ристичъ,—все это были болѣе или менѣе искусные *актеры*, разыгрывавшіе сообща комедію возстанія и, въ особенности, комедію эксплуатированія добродушной въ своемъ энтузіазмѣ Россіи. Симпатичное впечатлѣніе вынесъ только отъ молодой княгини Наталіи, въ которой, въ контрастъ со всѣми остальными, все показалось мнѣ искренно, правдиво и просто. Милана здоровенный и широкоплечій видъ мясника мало гармонировалъ съ тѣмъ, что разсказывали про его духовныя свойства.

Разсказывали, что по вечерамъ онъ игралъ въ макао съ извѣстнымъ кружкомъ болѣе элегантныхъ и состоятельныхъ добровольцевъ, и золотые лились потокомъ по зеленому полю, а по ночамъ онъ храбро вынималъ изъ ноженъ саблю, чтобы ею обшаривать полъ подъ кроватью и искать, не скрыты-ли подъ нею *убійцы*. Ристичъ мнѣ показался, съ своимъ холоднымъ, разсчетливымъ и въ глаза не глядѣвшимъ лицомъ—обтесаннымъ по-европейски комми-вояжеромъ, а въ митрополитѣ Михаилѣ я болѣе замѣчалъ его хитрые, бѣгавшіе глаза, чѣмъ сентиментальныя изліянія. Доминантною нотою всѣхъ троихъ было неудовольствіе на Россію, что она слишкомъ мало дѣлаетъ для Сербіи, и, не рѣшаясь объявить войны, ограничивается только присылкою *сброда* добровольцевъ-скандалистовъ и деньгами, которыхъ, кстати прибавляли они, шлютъ слишкомъ мало, причемъ я услышалъ ноту неудовольствія на Черняева за то, что ему шлютъ больше денегъ, чѣмъ Милану и Михаилу, занимавшемуся тогда устройствомъ кавалеріи. И все это я услыхалъ въ ту минуту, когда, пріѣхавъ въ Бѣлградъ, я думалъ застать всѣхъ отъ мала до велика въ настроеніи умиленія и благодарной любви къ Россіи.

И, вспоминая, какъ иные русскіе несли въ славянскіе комитеты свои кровные гроши, здѣсь сразу окунулся въ міръ, гдѣ между добровольцами шелъ разговоръ о томъ, сколько золотыхъ проиграно или выиграно Миланомъ во время ночной оргіи.

Въ итогѣ Бѣлградъ со всѣми своими оффиціальными лицами произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Я думалъ въ немъ найти патріотическую температуру на нѣсколько градусовъ выше противъ петербургской, которая была высока, но нашелъ совсѣмъ противоположное.

Безъ преувеличеній скажу, что въ отличіе отъ того, что я оставилъ за собою въ Россіи, я не услыхалъ здѣсь въ сербскихъ сферахъ ни одного сердечнаго тона, ни одной ноты чувства. Наоборотъ, вездѣ я слышалъ только холодные отголоски разсчета, самолюбія, честолюбія и мыслишекъ эгоистичнаго холоднаго ума.

Въ этомъ разочарованіи пришлось волею неволею искать утѣшенія въ обществѣ соотечественниковъ-добровольцевъ. Какъ я сказалъ, ими полна была гостиница, гдѣ я остановился; перезнакомившись со всѣми, я звалъ ихъ на трапезы, и тутъ, не углубляясь въ изслѣдованія личностей, съ которыми судьба меня сталкивала, я отдавался иллюзіямъ, насколько могъ, и велъ бесѣды съ добровольцами, оживленныя идеею спасенія братушекъ отъ какого-то ужаснаго ига. По временамъ между ними звучала странная нота,—это отзывы критики по адресу Черняева, который, будто бы, не оправдывалъ чьи-то надежды и предпочиталъ сидѣніе въ бездѣйствіи—ряду блестящихъ побѣдъ, странною эта нота была, очевидно, потому, что эти осуждавшіе Черняева добровольцы только вчера прибыли въ Сербію и ни малѣйшаго представленія не имѣли о театрѣ войны. Да къ тому же, между этими военными критиками были штатскіе люди, уже совсѣмъ къ военнымъ сужденіямъ непригодные. Нѣсколько добровольцевъ показались мнѣ порядочными и симпатичными людьми: ихъ ничего не повлекло сюда, кромѣ идеи, и, въ бесѣдѣ съ ними, увлекаясь впечатлѣніями и стремленіями, мы взбирались на такія духовныя вершины, съ высоты которыхъ мы себя представляли самымъ искреннимъ образомъ вдохновенными вершителями историческаго подвига.

Изъ матеріальныхъ впечатлѣній я запомнилъ, уѣзжая

изъ гостиницы, два: необыкновенную дешевизну всѣхъ предметовъ жизни, и отличное неготинское бѣлое вино, въ 30 копѣекъ.

Затѣмъ, поѣхалъ я въ коляскѣ на почтовыхъ въ Делиградъ, въ главную квартиру Черняева. Шоссе было прекрасное: лошади отъ станціи до станціи везли великолѣпно, но на каждой почтовой станціи пришлось снова испытывать дѣйствіе холодныхъ душъ. Пріѣздъ коляски сбиралъ народъ на станціонный дворъ, и пока закладывали лошадей, я вступалъ съ мирными поселянами въ разговоръ, ожидая отъ нихъ патріотическихъ изліяній. Но вездѣ мои ожиданія не сбылись. Отъ каждаго крестьянина я слышалъ все одну и ту же мысль: жилось имъ хорошо, никто ихъ не обижалъ, о туркахъ не было ни слуха, ни духа, и вдругъ наѣхали сюда русскіе, берутъ съ нихъ контрибуціи, раззоряютъ подводами, а иные такъ даромъ возить заставляютъ и лошадей загаиваютъ. И, глядя на повсемѣстныя окрестныя довольства и благополучія, на общіе и повсемѣстные признаки такого благосостоянія, въ которомъ народъ все имѣетъ, ничего не желаетъ и ни на что не жалуется, я начиналъ понимать, что эти дѣйствовавшіе на меня, какъ холодные души, народныя рѣчи были отголосками живой правды... Самое странное было то, что нигдѣ я не слышалъ даже малѣйшихъ проявленій той ненависти къ туркамъ, которою мы на берегахъ Невы такъ кипѣли.

По дорогѣ, какъ контрастъ съ этими прозаическими рѣчами сербскихъ мирныхъ и счастливыхъ поселянъ, я встрѣчаю партіи новобранцевъ-добровольцевъ, шедшихъ къ Черняеву, оглашая воздухъ веселыми русскими пѣснями. Прислушиваясь къ нимъ, я на минуты снова возвращался къ экзальтированному состоянію, и такъ, то падая, то

поднимаясь духомъ, я проѣхалъ въ какомъ-то странномъ нервномъ состояніи тѣ 200 съ чѣмъ-то верстъ, которыя меня отдѣляли отъ Алексинаца и Делиграда.

Съ минуты прибытія въ Делиградъ, то-есть въ лагерь Черняевской арміи, я очутился въ мірѣ совсѣмъ новыхъ и до-нельзя странныхъ впечатлѣній, гдѣ драма постоянно шла рядомъ съ комизмомъ, гдѣ серьезное постоянно сталкивалось съ опереткою, и гдѣ самое тяжелое было ощущеніе и сознаніе какого-то непреодолимаго безсилія...

Часа два послѣ прибытія въ этотъ міръ, изъ-за котораго вся громадная многомилліонная Россія зажглась святымъ огнемъ и полна была проявленій самаго чистаго духовнаго свойства, я понялъ, что онъ представляетъ собою какую-то квази-военную коммуну, гдѣ все жило и двигалось въ непониманіи не только строгой дисциплины, но единой власти и единой воли. Это было самое непріятное впечатлѣніе.

Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, гдѣ жилъ Черняевъ и гдѣ онъ любезно мнѣ предложилъ гостепріимство, я сразу вошелъ въ Шекспировскую драму... Достаточно было нѣсколько минутъ общенія съ этимъ человѣкомъ, чтобы получить убѣжденіе, что Черняевъ былъ созданъ, чтобы быть легендарнымъ народнымъ героемъ: его свѣтлая и честная вѣра въ свое призваніе этой исторической минуты, его дѣтская искренность и правдивость, его высоко-нравственная честность, его горячія и пылкія чувства, его безграничное самозабвеніе и, наконецъ, изъ всѣхъ его духовныхъ поръ, выступавшая боевая храбрость все это вмѣстѣ очаровывало васъ, притягивало васъ къ нему, держало васъ во власти его обаянія и наполняло васъ къ нему любовью, уваженіемъ и упованіемъ... Но потому-то, что такъ сильны были эти впечатлѣнія отъ

Черняева, вы сразу начинали за него страдать, и какъ сильны были ваши страданія... Страданія эти были слабыми откликами его страданій; а его страданія были страшно тяжелыя: сердце его билось въ унисонъ съ тою частью экзальтированной Россіи, которая ему посылала и свою вѣру въ него, и свои благословенія, и свои надежды на него, и свои деньги, и своихъ сыновъ, но тамъ, въ Россіи, весь этотъ міръ энтузіазма разгорался отъ волшебной силы иллюзіи, а здѣсь, наоборотъ, онъ долженъ былъ гаснуть отъ безпощадно разочаровывающей дѣйствительности, отъ рокового безсилія, дѣлавшаго изъ Черняева богатыря, съ горѣвшимъ сердцемъ и съ живою мощью,—съ связанными руками и ногами, обреченнаго на бездѣйствіе.

И такимъ именно я его засталъ. Вокругъ него были люди; но между этими людьми, во-первыхъ, не было ни одной выдающейся личности, а, во-вторыхъ, между этими людьми ничего не было связующаго и животворящаго. Замѣтилъ я здѣсь съ глубокомысленною физіономіею—точно рѣшающаго какія-то головоломныя задачи, и, напускавшаго на себя много важности—Комарова, начальника Черняевскаго штаба, но, увы, ничего изъ этой важности, кромѣ вздохообразныхъ звуковъ,—не выходило; и одинъ, всегда одинъ, бѣдный Черняевъ долженъ былъ свою душу героя влагать въ разыгрываніе роковой комедіи, быть архистратигомъ безъ воинства, быть героемъ эпоса безъ сподвижниковъ...

Я засталъ Черняева въ нервномъ настроеніи отъ вопроса, недававшаго ему ни днемъ, ни ночью покоя: почему турки не аттакуютъ его, и не разносятъ всѣ эти призраки сербской арміи. Турки были въ двухъ верстахъ; они были во сто разъ сильнѣе; день проходитъ за днемъ:

у Черняева нѣтъ настоящихъ войскъ, нѣтъ артиллеріи, нѣтъ кавалеріи, и нѣсколько выстрѣловъ было достаточно, чтобы всю эту сербскую армію разнести въ прахъ, и очистить свободный доступъ къ Бѣлграду для турецкой арміи. И все-таки турки не двигаются, и призрачный сербскій лагерь продолжаетъ существовать... Какъ я писалъ въ своихъ письмахъ изъ Сербіи тогда, ночью, когда все стихало вокругъ, Черняевъ выскакивалъ изъ своей комнаты на свѣжій воздухъ, потому что ему слышалась стрѣльба, возвѣщавшая наступленіе турокъ, но турецкій лагерь крѣпко спалъ, и эти галлюцинаціи слуха повторялись ежедневно...

Чтобы убѣдиться, насколько положеніе Черняева было драматично и его нервные страхи основательны, стоило только перейти въ окружавшій его военный міръ и побывать въ немъ, что я и сдѣлалъ, и, увы, побывши въ атмосферѣ этихъ сподвижниковъ Черняева нѣсколько часовъ, я понялъ печальную суть этой крупной иллюзіи. Что именно были храбрецы подъ иными палатками, въ этомъ не было и не можетъ быть сомнѣнія; но, съ одной стороны, эти отдѣльные храбрецы находились вблизи сербскихъ солдатъ, которые къ Черняеву питали скорѣе нехорошее, чѣмъ хорошее чувство, а съ другой стороны— бокъ-о-бокъ тутъ же тѣснилась какая-то русская интеллигенція добровольцевъ, составленная изъ всякаго вида дряни. Оттого, когда я вошелъ въ этотъ міръ, я былъ дальше, чѣмъ гдѣ-либо, отъ войны и ея вдохновляющихъ заботъ и треволненій; я слышалъ разсказы о томъ, какъ этотъ подрался съ тѣмъ-то, тотъ укралъ то-то у того то, этотъ напился пьяный и наскандалилъ и т. п., а въ промежуткахъ между такими разговорами интеллигентская критика на Черняева рѣзала мнѣ ухо. Симпа-

тичный московскій купецъ Хлудовъ сталъ отводить мнѣ свою душу, переполненную горькихъ впечатлѣній, и въ обожаніи Черняева, котораго знавалъ еще съ хивинскаго похода, кручинился за него, но въ то же время обвинялъ его въ томъ, что онъ, не вѣря въ свою звѣзду и въ мощь своего имени, не рѣшается идти на турокъ?..

— Да вы же сами говорили, что сербы драться не будутъ, а болѣе половины добровольцевъ — сволочь, съ кѣмъ же Черняевъ пойдетъ; вѣдь турецкая армія, какъ вы говорите, и дисциплинирована и вооружена?

— Это что! Я совѣтую Михаилу Григорьевичу сдѣлать ночную аттаку: турки ея не ждутъ, испугаются и бросятся бѣжать, а мы въ догонку.

— А если не испугаются?

— Ну, тогда пишите: пропало,—отвѣчалъ чудакъ-Хлудовъ.

Убѣдиться, насколько турецкая армія была близка, и въ то-же время насколько она была добродушна, было не трудно. Двое изъ штабныхъ Черняева предложили мнѣ съ ними поѣхать верхомъ, осматривать позиціи турокъ. Мнѣ дали бѣлую лошадь, и мы поскакали по холмамъ и доламъ; ровно четверть часа спустя, мы очутились на гребнѣ холма, съ котораго открылся видъ турецкаго лагеря въ долинѣ. Здѣсь впервые я познакомился съ чувствомъ несовсѣмъ пріятнымъ, или, вѣрнѣе, съ подобіемъ того чувства, которое, по словамъ Хрулева, севастопольскаго героя, долженъ неизбѣжно испытывать всякій при первомъ личномъ ознакомленіи съ боевыми выстрѣлами. Храбрые, какъ Хрулевъ, называли это чувство страхомъ, трусы называютъ это инстинктомъ самосохраненія, но дѣло въ томъ, что одинъ изъ моихъ компаньоновъ сказалъ мнѣ: вотъ, теперь, увидя вашу бѣлую лошадь, турки

станутъ стрѣлять по этому открытому мѣсту, если хотите вернемся. Не скажу, чтобы это сообщеніе было пріятно, но повернуть казалось еще непріятнѣе, то-есть постыдно, и мелкою рысью мы двинулись дальше, и, дѣйствительно, минуту спустя, въ долинѣ блеснулъ огонекъ, вспыхнулъ дымокъ, раздался выстрѣлъ, и граната куда-то полетѣла, и это, признаюсь, было зрѣлище не изъ пріятныхъ по ощущенію. Такихъ выстрѣловъ было пущено пять, гдѣ-то въ воздухѣ послышались звуки шипѣнья, но этимъ и кончилось; какъ я сказалъ, удалось познакомиться и съ громаднымъ лагеремъ турецкой арміи, и съ ея добродушіемъ. Она могла подняться и, какъ полчища Атиллы, ринуться, и все разнести, а вмѣсто этого она мирно сидѣла и забавлялась пусканіемъ снарядовъ или гранатъ по направленію бѣлыхъ коней.

Я назвалъ сейчасъ Хрулева. Помню его севастопольскіе разсказы однажды вечеромъ въ одномъ домѣ въ Петербургѣ. Рѣчь шла о храбрости и о трусости. Хрулевъ говорилъ своею простою рѣчью, что въ началѣ героевъ нѣтъ, всѣ трусы, а потомъ трусовъ ужъ нѣтъ ни одного, всѣ герои. Когда онъ командовалъ отдѣленіемъ въ Севастополѣ, во время осады, онъ ежедневно продѣлывалъ съ новыми опредѣляющимися въ гарнизонъ офицерами одну и ту-же сцену: онъ приказывалъ къ себѣ являться въ 10 часовъ утра на позицію, а для того надо было проходить всю линію огня, подъ выстрѣлами вражьихъ бастіоновъ; и вотъ ежедневно и со всякимъ повторялась та-же сцена: офицеръ выступаетъ храбро, дѣлаетъ пять шаговъ, начинаетъ вздрагивать, оглядываться, еще 5 шаговъ, и назадъ. Хрулевъ это видѣлъ и къ слѣдующему дню велѣлъ снова являться; на слѣдующій день та же исторія, но только съ 20 шагами, и опять назадъ; на

третій день та же сцена, но тогда офицеръ дѣлаетъ полдороги и все-таки поворачиваетъ и идетъ назадъ. Тогда Хрулевъ ему говоритъ: вы несообразительны, вы сдѣлали полдороги и вернулись, не проще ли было эту вторую половину шаговъ сдѣлать впередъ; попробуйте! И вотъ, на четвертый день, офицеръ проходитъ всю линію, и съ этой минуты онъ былъ севастопольскимъ героемъ.

У Черняева я прогостилъ четыре дня, въ теченіе которыхъ присутствовалъ при сценѣ, какъ отрядъ добровольцевъ явился въ количествѣ 200 человѣкъ къ Черняеву; по большей части это были отставные солдаты. Черняевъ къ нимъ вышелъ, ласково ихъ принялъ и затѣмъ сказалъ имъ, что надѣется ихъ увидѣть молодцами въ бою за святое дѣло. Они крикнули ура! и разошлись...

Вернулся я въ Бѣлградъ, и дорогою чувствовалъ и думалъ о томъ, что съ иными совсѣмъ впечатлѣніями на душѣ ѣду обратно; не то грусть, не то досада, не то тоска лежали камнемъ на душѣ, и весь этотъ чудный сонъ, въ которомъ я жилъ еще такъ недавно, разрушенъ былъ горькою и прозаическою дѣйствительностью... Я чувствовалъ и сознавалъ, что видѣлъ жалкую комедію, и возвращался, какъ изъ театра возвращается зритель, ожидавшій наслажденій и ничего не испытавшій, кромѣ разочарованія.

Пока я былъ въ Бѣлградѣ, пришла вѣсть съ посланнымъ изъ Делиграда отъ Черняева о новой комедіи, тамъ разыгравшейся: черняевскіе бойцы, вѣроятно, отъ скуки и отъ нечего дѣлать — взяли собрались и провозгласили ни съ того, ни съ сего *храбраго* князя Милана, не рѣшившагося пріѣхать и привѣтствовать черняевскую армію, *королемъ Сербіи*. Узналъ я объ этомъ отъ самого Милана, который такимъ эпизодомъ, какъ онъ самъ го-

ворилъ, былъ не столько польщенъ, сколько озадаченъ и даже испуганъ, ибо прежде всего онъ воскликнулъ, поднявши свои жиромъ заплывшіе глаза къ небу: что скажетъ Австрія, что скажетъ Европа! Но такъ какъ этотъ шутовскій, неприличный эпизодъ затушенъ былъ въ началѣ, то Европа ничего не сказала.

Главное, что было грустно, какъ впечатлѣніе, — это отсутствіе чего бы то ни было похожаго на патріотическое настроеніе во всѣхъ сербахъ, на спасеніе которыхъ явился Черняевъ и являлись сотни и тысячи русскихъ добровольцевъ. А уже объ отсутствіи братскаго сочувствія къ русскимъ и говорить нечего; я его нигдѣ не нашелъ въ Сербіи. О храбрости же сербовъ шли всякіе разсказы, изъ которыхъ одинъ меня поразилъ: говорили, что нѣсколько тысячъ молодыхъ сербовъ порѣзали себѣ пальцы, чтобы не идти въ солдаты и, сверхъ того, какъ послѣ уже я слыхалъ, нѣсколько тысячъ солдатъ-сербовъ разбѣжались въ октябрѣ во всѣ стороны.

Тѣмъ не менѣе, три арміи въ Сербіи были сформированы: одна Черняевская, другая и барская, подъ начальствомъ отставного русскаго генерала Новоселова и третья исключительно сербская, дринская армія. Драться онѣ принялись въ октябрѣ.

XXIV.

(1876 годъ).

Ходъ событій въ Россіи.—Правительственное сообщеніе и его дѣйствіе.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Его рѣчь.—Восторги.—Роль Тимашева.—Новая кара «Гражданина».

Въ Петербургѣ я засталъ ту же возвышенную славянофильскую воинственную атмосферу. Она стала усиливаться, когда начали приходить телеграммы объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ. Эти военныя дѣйствія на трехъ линіяхъ продолжались нѣсколько дней. Благодаря русскимъ добровольцамъ, волею-неволею сербскія войска должны были драться, и, несмотря на превосходство турецкихъ войскъ численностью, въ началѣ сербскія войска оказывались почти равными турецкимъ; то турки одерживали верхъ, то сербы, но это длилось недолго. Турецкія войска должны были взять верхъ, и перешли вездѣ въ наступленіе. Вотъ тогда получаться стали изъ Сербіи такія телеграммы: «Русскіе добровольцы умоляютъ спасти ихъ и Сербію, сдѣлавшихъ уже все, что было въ ихъ силахъ: жертвъ нашихъ недостаточно. Нужна помощь дѣятельная; помогите намъ во имя общаго дѣла». Эта телеграмма получена была въ Москвѣ 11 октября.

Въ это время Дворъ находился въ Крыму, а нашъ посолъ въ Турціи, гр. Игнатьевъ, находился въ Констан-

тинополѣ. Когда я оставлялъ Петербургъ, чтобы ѣхать въ Сербію, я зналъ, что въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, несмотря на все, что дозволялось въ пользу славянскаго пожара твердо рѣшились далѣе этихъ видовъ сочувствія славянскому дѣлу не идти, и слова князя Горчакова: все, кромѣ войны,—повторялись вездѣ.

Помню, какъ тогда мы недоумѣвали: какъ согласить эти слова съ тѣмъ, что дозволялось правительствомъ дѣлать въ Россіи въ пользу славянскаго возстанія, и какъ объяснить эту странную и въ то же время слѣпую непослѣдовательность; и говорили мы тогда это потому, что всѣми испытывалось убѣжденіе, что разъ правительство пошло такъ далеко по пути своихъ симпатій къ славянскому мятежу открыто, оно, очевидно, не будетъ въ силахъ устоять противъ напора событій, влекущаго Россію на войну. Замѣчательно, что тоже самое думали въ Берлинѣ, и Бисмаркъ писалъ князю Горчакову, что онъ не понимаетъ, почему вмѣсто добровольцевъ Россія не посылаетъ свои войска въ помощь сербамъ, чтобы кончить войну въ началѣ...

Наши предчувствія скоро сбылись.

Напоръ воинственныхъ вѣяній все усиливался, и телеграммы объ опасномъ положеніи сербскихъ армій, читавшіяся нами, читались тоже въ Ливадіи. Игнатьевъ, съ своей стороны, подливалъ масло въ огонь своими представленіями о необходимости прямого и активнаго вмѣшательства Россіи, и вотъ раздался первый выстрѣлъ, пущена была первая бомба...

20-го октября появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе слѣдующаго содержанія: «18 октября Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы генералъ-адъютантъ Игнатьевъ объявилъ Портѣ, что въ слу-

чаѣ, если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на шесть недѣль или на два мѣсяца, и если не дастъ немедленно приказанія пріостановить военныя дѣйствія, то онъ со всѣмъ посольствомъ выѣдетъ изъ Константинополя, и дипломатическія сношенія будутъ прерваны».

Сообщеніе это произвело необычайное дѣйствіе: оно возбудило нервы общества до высшаго патріотическаго и славяно-фильскаго настроенія. Всѣ поняли, что это сигналъ къ войнѣ. И дѣйствительно, въ анналахъ дипломатіи никогда еще не было слышно о такомъ рѣшительномъ, энергичномъ и даже повелительномъ требованіи одной державы къ другой, ей равной.

Всѣ мы понимали, что въ этой формѣ—былъ вызовъ, и всѣ были увѣрены, что Порта отвѣтитъ на это требованіе войною.

Но 23 октября мы узнали, что Порта изъявила черезъ нашего посла генералъ-адъютанта Игнатьева согласіе на двухмѣсячное перемиріе, и дала приказанія всѣмъ начальникамъ войскъ пріостановить военныя дѣйствія на всемъ театрѣ войны.

Торжество Россіи было полное. Казалось, послѣ этого оставалось ожидать переговоровъ русской дипломатіи съ Портою, для прекращенія мятежа и войны, и для окончательнаго выясненія, на какихъ условіяхъ положеніе христіанскихъ народовъ, подвластныхъ Турціи, могло-бы быть улучшено и упрочено.

Но такой исходъ всего менѣе могъ нравиться нашимъ братьямъ-славянамъ. Они замышляли получить главное, что для нихъ было нужно, это втянуть Россію въ войну съ Турціею за нихъ, ибо тогда имъ не придется драться, а драться за нихъ будетъ Россія, и затѣмъ то, что они

могутъ для себя добыть отъ войны Россіи съ Турціею несравненно будетъ больше, чѣмъ то, что они получили-бы безъ войны Россіи съ Турціею, путемъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи или Европы съ Турціею.

Разумѣется, главнымъ послѣдствіемъ того рѣшительнаго и энергичнаго шага, который сдѣлалъ Государь въ Ливадіи по турецко-славянскому вопросу, была немедленная забота, по иниціативѣ Англіи, изъ всѣхъ государствъ Европы составить концертъ и начать дипломатическія совѣщанія въ самомъ Константинополѣ, съ цѣлью придти къ возстановленію мира на Балканскомъ полуостровѣ...

Австрія и Англія очень дѣятельно и съ жаромъ взялись за это дѣло. Менѣе искренне и совсѣмъ хладнокровно, даже почти à contre coeur, приступилъ къ европейскому концерту берлинскій кабинетъ, ибо, какъ я писалъ прежде, князь Бисмаркъ признавалъ для германскихъ интересовъ несравненно выгоднѣе втравить Россію въ войну съ Турціею, чѣмъ дать конфликту между Россіею и Турціею уладиться съ помощью усилій европейскихъ дипломатовъ, и все, что отъ него исходило въ это время по адресу русскаго правительства, дышало воинственнымъ пыломъ, которымъ онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, вдохновить русское правительство... Пользуйтесь минутою, Европа не въ состояніи будетъ противодѣйствовать, Германія будетъ не только соблюдать строжайшій нейтралитетъ, но сдерживать Австрію и Италію своимъ вліяніемъ, Франція безсильна, идите смѣло и заставьте оружіемъ султана подчиниться всѣмъ вашимъ требованіямъ, Англія же одна не рѣшится дѣйствовать противъ Россіи открыто...—вотъ что приблизительно нашептывалъ другъ Россіи Бисмаркъ князю Горчакову, и

что черезъ него проникало въ высшія правительственныя сферы.

И вотъ, Государь на возвратномъ пути изъ Ливадіи останавливается въ Москвѣ...

Всѣ ждали какого-нибудь Царскаго слова для просвѣтлѣнія всѣхъ томившей неизвѣстности...

Оно тѣмъ болѣе являлось потребностью, что за нѣсколько дней до этого, въ Лондонѣ, на обѣдѣ у лорда мэра въ Гильдхаллѣ премьеръ Англіи лордъ Биконсфильдъ произнесъ рѣчь, въ которой Европа услыхала угрозу по адресу Россіи *войною Англіи съ нарушителями мира.* Въ этой рѣчи заклятый и давнишній врагъ Россіи, англійскій премьеръ заявилъ, что первая цѣль, преслѣдуемая англійскимъ правительствомъ, есть сохраненіе мира, и лучшимъ средствомъ, по его мнѣнію, достигнуть этой цѣли, это держаться трактатовъ. А такъ какъ парижскій трактатъ 1856 года торжественно возобновленъ въ 1871 году на основѣ неприкосновенности Турціи, то Англія признала нужнымъ отвергнуть и проектъ занятія Босніи и Герцеговины Австріей, проектъ занятія Болгаріи Россіею, равно какъ проектъ отсылки судовъ всѣхъ державъ въ Константинополь (предложенный, если не ошибаюсь, княземъ Горчаковымъ). Вторая цѣль, по мнѣнію Биконсфильда, — это улучшеніе участи турецкихъ христіанъ. Англія взяла на себя починъ предложенія конференціи, участвовать въ которой обѣщали всѣ державы. Въ заключеніе англійскій премьеръ сказалъ: «всѣ государственные люди того мнѣнія, что миръ, котораго слѣдуетъ добиваться на конференціи, находитъ лучшую гарантію для себя въ поддержаніи трактатовъ, такъ какъ сохраненіе цѣлости Турціи можетъ быть достигнуто только подъ условіемъ существованія правительства, заботящагося о

благѣ населенія. Онъ надѣется, что этотъ результатъ достижимъ безъ войны. Если же, все-таки, война возникла бы, то Англія наилучшимъ образомъ къ ней подготовлена. Англія будетъ воевать только за справедливое дѣло, но, въ такомъ случаѣ, ужъ до тѣхъ поръ, пока справедливости не дано будетъ полнаго удовлетворенія». Этотъ конецъ рѣчи былъ принятъ какъ дерзкій вызовъ, брошенный Россіи,—вызовъ, въ которомъ Англія признавала себя независимою отъ всей Европы, одну—верховнымъ судьею справедливости въ Восточномъ вопросѣ.

При этихъ впечатлѣніяхъ очень было понятно горячее настроеніе русскихъ умовъ, сосредоточившихся въ Москвѣ, дабы услыхать голосъ Русскаго Государя.

Съѣздъ въ Москвѣ былъ небывалый.

28 октября, вечеромъ, Государь и Императрица прибыли въ Москву. Ихъ проѣздъ почти шагомъ отъ курскаго вокзала до Иверской былъ какимъ-то волшебнымъ шествіемъ въ морѣ многихъ тысячъ народа, гдѣ ни на секунду не смолкало какое-то необыкновенное «ура», постепенно усиливавшееся и на Кремлевской площади обратившееся въ какой-то громкій громовой гулъ.

29 октября былъ выходъ изъ дворца съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ. Залы дворца не могли вмѣстить массы съѣхавшихся русскихъ людей, такъ что для прохода Ихъ Величествъ по заламъ оставалась лишь узкая тропинка.

Когда Государь съ Императрицею, при торжественномъ безмолвіи тысячей людей, подошли къ московскому городскому обществу, и городской голова поднесъ, по обычаю, хлѣбъ-соль, Государь принялъ хлѣбъ-соль, и затѣмъ громкимъ голосомъ заговорилъ.

«Благодарю васъ, — сказалъ Государь, — господа, за

чувства, которыя вы желали Мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому Я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась Моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со Мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится—и Я увижу, что Мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что Мы вправѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что, въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ».

Нѣсколько разъ, во время рѣчи Государя, проносился

трепетъ по залѣ, вѣщавшій про восторгъ, охватившій всѣ сердца. А когда Государь сказалъ слова: «Я увѣренъ, что вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ», молчать стало всѣмъ не подъ силу, и въ залахъ грянуло «ура», но такое, что даже страшно стало; буквально задрожалъ полъ, задрожали стекла.

Наконецъ, по мановенію руки Государя все смолкло.

Тогда Государь сказалъ послѣднія слова.

«Я увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Тогда «ура» грянуло еще сильнѣе, еще страшнѣе.

По лицу Императрицы покатились слезы... Многіе плакали...

Въ тотъ же день дворянское собраніе собралось для составленія адреса Государю, и для той же цѣли собралась московская городская дума. На улицахъ цѣловались.

Полчаса послѣ выхода слова Государя передавались по телеграфу всему міру.

Но въ Петербургѣ съ ними случился курьезный эпизодъ.

Когда министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ получилъ телеграмму со словами Государя, для напечатанія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», онъ не захотѣлъ вѣрить этому тексту и сказалъ: «не можетъ быть, чтобы Государь это сказалъ, это переврано»... Какъ я писалъ Тимашевъ былъ безусловно противъ славянофильскаго движенія, и вслѣдствіе этого нашелъ текстъ Государевыхъ словъ нецензурнымъ. Тогда онъ телеграфировалъ министру Двора графу Адлербергу свое сомнѣніе и просилъ его ему передать настоящій текстъ Государевой

рѣчи, и къ ужасу Тимашева оказалось, что этотъ текстъ было слово въ слово повтореніемъ перваго текста, ему посланнаго изъ Москвы. Нечего было дѣлать, пришлось Тимашеву смириться и послать рѣчь печатать въ «*Правительственный Вѣстникъ*».

Не лишено пикантности, что на меня, маленькаго человѣчка, Тимашевъ вскорѣ обрушилъ гнѣвъ свой по поводу громаднаго историческаго событія, совершившагося въ Москвѣ. Я описалъ, какъ свидѣтель, все, что происходило въ Москвѣ, и написалъ съ энтузіазмомъ въ «*Гражданинѣ*». Тимашевъ вознегодовалъ на мою московскую лѣтопись и приказалъ управляющему по дѣламъ печати воспользоваться *первымъ* случаемъ придраться къ какой-нибудь статьѣ и закатить мнѣ второе предостереженіе. Сказано—сдѣлано. За корреспонденцію изъ Москвы о студенческихъ безпорядкахъ мнѣ дали второе предостереженіе, мотивированное тѣмъ, что въ немъ *непочтительно* говорилось о московской полиціи.

Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати мнѣ сказали, что кара не за это, а за мой славянофильскій пылъ въ моихъ письмахъ изъ Москвы о пребываніи Государя, помѣщенныхъ въ томъ же №-рѣ, гдѣ была статья объ университетскихъ безпорядкахъ. О всякомъ предостереженіи писали тогда Всеподданнѣйшій докладъ. И вотъ, черезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили изъ управленія по дѣламъ печати подъ секретомъ копію со словъ Государя, написанныхъ на докладѣ о предостереженіи «*Гражданину*»: «*Жаль, что эта статья совпадаетъ съ прелестною статьею того же «Гражданина» о нашемъ послѣднемъ пребываніи въ Москвѣ*»...

XXV.

(1876 годъ).

Новое настроеніе умовъ въ Петербургѣ.—Нападки на Черняева.—Отливъ къ концу 1876 года.

Слова Государя, сказанныя въ Москвѣ, какъ оказалось вскорѣ послѣ, были апогеемъ того патріотическаго настроенія, въ которомъ пребывали умы образованныхъ слоевъ Россіи съ начала весны 1876 года.

По странной исторической случайности, съ этой минуты натянутая струна начала растягиваться, вода пошла на убыль, и ни разу уже послѣ, во все время войны, это высшее патріотическое настроеніе не повторялось.

Дворъ вернулся въ Царское Село. Въ Константинополѣ начались переговоры, про которые всѣ знали, что они ни къ чему не приведутъ, въ воздухѣ наступало мрачное предзимнее ненастье, съ мѣста войны на Дунаѣ приходили извѣстія, доказывавшія рѣшимость славянскихъ народовъ во что бы то ни стало заставить Россію за нихъ идти на войну съ Турціею, и именно въ это-то время на берегахъ Невы, когда для всѣхъ стало ясно, что война неизбѣжна, умы, вчера ее всѣми нервами и всѣми чувствами призывавшіе, стали какъ будто холодѣть, и въ общемъ хорѣ начали слышаться диссонансы, появилось то, чего прежде не было, явились критики и явились скептики.

И должно сказать, что этотъ скептицизмъ и этотъ пессимизмъ сталъ получать некрасивыя проявленія.

Прежде всего въ петербургской печати, служившей отголоскомъ того, что говорилось и думалось въ разныхъ умственныхъ сферахъ петербургскаго общества, появились не только критики, но и хулители бѣднаго Черняева. Стали появляться газетныя статьи не только съ осужденіемъ его образа дѣйствій какъ военноначальника, но всю сербскую эпопею, со всѣми окружавшими Черняева дѣятелями, предавали осмѣянію, хулѣ и не скупились на комки грязи, чтобы забрасывать ими все то, что такъ еще недавно называлось святымъ и благороднымъ.

Въ «*Гражданинѣ*», въ концѣ октября, по этому поводу я писалъ слѣдующія, между прочимъ, строки:

Благо вамъ, честь вамъ, доблестные учители общества, профессора чести и патріотизма!

Но, какъ бы вы—въ дѣлѣ закидыванія грязью людей, неспособныхъ защищаться такимъ оружіемъ, какъ ваше, ни были мастера, не мѣшало бы вамъ, подчасъ, перечитывать ваши собственныя статьи, дабы не краснѣть отъ стыда—не за безчестность ихъ, отъ нея вамъ не краснѣть,—а за нелѣпость ихъ, за безсмысліе ихъ и за поводъ, который вы сами даете противъ себя къ обвиненію васъ въ безчестности вашими собственными словами.

Вотъ что вы сами пишете, г. анонимъ, въ вашей гнусной статьѣ противъ Черняева:

„Но на совѣсти каждаго изъ редакторовъ газетъ долженъ лежать тяжелый камень. Мы должны признаться, что передавали читателямъ далеко не всѣ извѣстія, доходившія до насъ изъ Бѣлграда и изъ тимокско-моравской арміи. Мы считали нужнымъ не ронять авторитета г. Черняева среди русскаго общества въ тотъ моментъ, когда имя его было одною изъ приманокъ для сбора пожертвованій и для наплыва добровольцевъ“.

Хорошо собственное признаніе въ подгасовкѣ извѣстій! Хорошо понятіе о русскомъ обществѣ, дававшемъ деньги и добровольцевъ на славянское дѣло! Хороши понятія о храбрости! Такъ вы полагали, что русское общество посылало своихъ сыновей сражаться и умирать за славянъ потому, что ни оно, ни его добровольцы не знали, что борьба черняевской арміи съ турками есть неравный, страшный и опасный для каждаго добровольца бой?..

Вы полагали, что если бы вы не скрыли отъ вашихъ читателей, что положеніе черняевской арміи безпредѣльно трудно, что лишенія тамъ страшныя, что убитыхъ русскихъ много, то эти читатели струсили бы и не рѣшились бы идти, въ качествѣ добровольцевъ, сражаться подъ начальствомъ Черняева?

Вы полагали, что деньги пересталъ бы жертвовать русскій человѣкъ на славянское дѣло, если бы вы ему сказали, что въ арміи Черняева есть безпорядки...

Или, можетъ быть, вы этимъ хотите сказать, что вы скрывали отъ читателей нѣчто худшее: разныя сплетни и клеветы на самого Черняева?

И вы думали, что эта грязь запачкала бы кого-нибудь другого, кромѣ васъ самихъ, такъ какъ, повторяю, Черняевъ потому и привлекъ къ себѣ довѣріе общества, что онъ утвердилъ за собою прочно и неотъемлемо три вещи: честное имя, храбрость и любовь русскаго солдата!

Вы могли бы клеветать и бросать въ него грязью, сколько вамъ угодно; думать, что отъ грязи, брошенной въ Черняева органомъ г. Полетики, остановилась бы дающая рука русскаго народа, и русскій человѣкъ испугался бы идти дѣлить солдатскую жизнь съ Черняевымъ, значитъ—черезчуръ уже оскорблять русскій народъ, значитъ, слишкомъ уже цинично доказывать, что вы, господа, о чести этого народа не имѣете даже дѣтскаго понятія!..

Нѣтъ, господа обвинители Черняева, переведите вашъ паѳосный и фальшиво-негодующій, за русскую, кровь, языкъ на болѣе обыденный прозаическій и къ вамъ подходящій тонъ, и скажите просто:

Пока Черняевъ былъ въ славѣ и подавалъ надежды на побѣды, мы писали ему хвалы и скрывали отъ читателей нападенія на него потому, что эти похвалы и это умалчиванье насчетъ недостатковъ его были для насъ выгодны: мы эксплоатировали эту жилку, какъ эксплоатировали и будемъ эксплоатировать все на свѣтѣ.—а когда мы увидѣли, что сербы разбиты въ пухъ и прахъ, что надежды больше на успѣхъ не имѣется, что Черняевъ несчастнѣе всѣхъ, ибо на немъ легла отвѣтственность за бѣдствія, въ которыхъ виновны другіе... ну, тогда мы поняли, что нечего намъ доить эту славянскую корову,—отдоили ее, давай ругать Черняева, давай хулить все, чего прежде мы хулить не смѣли.

Вѣдь, лежачаго бить безопасно, подчасъ даже и выгодно!

Но, впрочемъ, довольно... васъ ли, господа, убѣдить?..

Я удовлетворилъ только желанію сказать вамъ въ глаза то, чего вы заслуживаете, такъ какъ Черняевъ самъ, оклеветанный и обруганный вами, защищаться не можетъ—на вашемъ полѣ битвы... и съ меня довольно!

Мой товарищъ, А. Апухтинъ, далеко не раздѣлявшій моихъ тогдашнихъ славянофильскихъ увлеченій и моего воинственнаго пыла, тѣмъ не менѣе, не слабѣе меня со-

знавалъ, сколько было подлаго и гадкаго въ нападкахъ русскаго пера на Черняева, когда онъ сталъ не нуженъ, когда звѣзда счастья ему измѣнила, и прислалъ мнѣ для напечатанія въ «*Гражданинѣ*» нѣсколько стиховъ, очень мѣтко выразившихъ этотъ моментъ нравственнаго міра, которые я здѣсь привожу, такъ какъ, кажется мнѣ, они не вышли въ собраніи стихотвореній покойнаго поэта.

Едва побѣдный кликъ враговъ
Раздался надъ вождемъ печальнымъ,
И легіонъ клеветниковъ
Врагамъ ужъ вторитъ эхомъ дальнимъ:
Не понимая торжества
Тобой прославленной идеи,
Вокругъ израненнаго льва
Шипятъ озлобленныя змѣи...
О, тотъ герой, кто въ морѣ бѣдъ
Держалъ такъ твердо знамя наше...
Иной уронъ славнѣй побѣдъ,
Иныя раны лавровъ краше!
И вѣрь—другой есть легіонъ:
Онъ заглушитъ слова пустыя,
Въ тебя, какъ прежде, вѣритъ онъ,
И легіонъ тотъ—вся Россія!

Но затѣмъ явилось еще болѣе гадкое проявленіе въ настроеніи тогдашняго общества.

По мѣрѣ того, какъ политическія событія неуклонно влекли насъ къ войнѣ, въ разныхъ сферахъ Петербурга начали говорить о томъ, готовы ли мы къ войнѣ?

Эта мысль, въ видѣ сомнѣнія, въ видѣ вопроса стала ходить по гостинымъ и клубамъ, стала просачиваться въ разныя щели газетныхъ текстовъ и, затѣмъ, стала проникать въ военный міръ.

Явились военные умные люди особаго рода, которые принимали глубокомысленныя и даже вдохновенныя физіономіи и говорили: что намъ *рискованно* и *опасно* идти *противъ турокъ*, такъ какъ турецкія войска *подгото-*

вленнье нашихъ (sic), такъ какъ *артиллерія у нихъ лучше нашей* (sic), такъ какъ мусульманскій фанатизмъ удесятеритъ турецкія силы, а у насъ никакого *энтузіазма не будетъ*... Все это говорилось, повторяю, въ военныхъ кружкахъ, а такъ какъ все, что говорилось въ Петербургѣ, рано или поздно доходило отголосками до Дворца, то-есть до средоточія русской жизни, то легко себѣ представить, какъ въ эти, безъ того трудныя для Государя минуты—ему было тяжело и горько прислушиваться къ этимъ отзвукамъ малодушія. Тѣмъ не менѣе, событія шли своимъ роковымъ ходомъ. Послы въ Константинополѣ разсуждали. Бисмаркъ изъ Берлина понукалъ князя Горчакова въ неуступчивости передъ европейскимъ концертомъ и все сильнѣе насъ подзадоривалъ къ войнѣ. Начался рядъ военно-походныхъ подготовительныхъ правительственныхъ мѣръ. Главно-командующій Великій Князь Николай Николаевичъ въ началѣ зимы выѣхалъ въ Кишиневъ устраивать тамъ свою главную квартиру. Его отъѣздъ вызвалъ проявленіе народнаго восторга въ низшихъ слояхъ общества, но въ высшихъ, въ отвѣтъ на все, что предпринималось и готовилось къ войнѣ, слышалось въ гостиныхъ не то уныніе, не то сомнѣніе, не то даже проявленіе страха. Воскрешали Севастополь и говорили: будетъ тоже, что въ 1854 году; зачѣмъ намъ война? что намъ за дѣло до славянъ? мы не готовы; Европа пойдетъ противъ насъ; словомъ, какъ въ маѣ дышало жаждою войны, такъ въ декабрѣ все дышало страхомъ войны.

И вотъ, что въ концѣ 1876 года пришлось мнѣ писать въ «Гражданинѣ»:

Съ ужасомъ припоминается евангельская притча о десяти дѣвахъ мудрыхъ и десяти дѣвахъ юродивыхъ, и говоришь себѣ:

Въ минувшій годъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда мы, то-есть Россія, захотѣли пробужденіемъ въ себѣ идеи и чувства своей народности доказать міру, что мы готовы идти на бракъ вслѣдъ за женихомъ, мы зажгли свои свѣтильники яркимъ свѣтомъ и въ его освѣщеніи явились другимъ и показались самимъ себѣ полными жизни, полными силъ.

Мы съ восторгомъ сказали себѣ: вотъ, вотъ сейчасъ женихъ прійдетъ, и, увидя насъ въ полномъ блескѣ приготовленій къ его встрѣчѣ, похвалитъ насъ за мудрость, и введетъ насъ торжественно на пиръ.

Мы горѣли нетерпѣніемъ, и горѣли въ то же время избыткомъ жизни и увѣренности, что хватитъ нашего восторга на безконечное время.

Но женихъ опаздываетъ.

Мало по малу стихаетъ горячее сердце, холодѣетъ горячая кровь, блѣднѣютъ разгоравшіяся щеки, тускнутъ восторгомъ блиставшіе глаза, а въ рукахъ свѣтильники начинаютъ горѣть уже не ровно, вотъ проснется точно пламя, вотъ уменьшается, вотъ колеблется, а тамъ смотришь всѣ заснули, и свѣтильники угасали, угасали и угасли...

Вотъ трепетъ приближенія жениха.

Все заснувшее вскакиваетъ и о горе! мы видимъ себя во мракѣ отъ погасшихъ въ нашихъ рукахъ свѣтильниковъ...

Мы бросаемся зажечь ихъ снова, но ужасъ нами овладѣваетъ, ибо свѣтильникъ не горитъ, не горитъ, потому что нѣтъ больше масла, все вышло!

Кончая нынѣшній годъ, не слишкомъ ли больно и живо приходится намъ примѣнять эту страшную притчу Спасителя къ самимъ себѣ, по поводу событій на Востокѣ?

Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ я писалъ: „но продлятся ли эти чувства, продлится ли эта вѣра? Не безсильные ли и не безплодные ли это порывы?“

Недолго пришлось ждать отвѣта на эти вопросы.

Въ декабрѣ истекающаго года, то-есть четыре мѣсяца спустя, приходится вписывать въ лѣтопись нашей жизни; да, это были безсильные и безплодные порывы, это были дѣтскія или женскія увлеченія—и ничего болѣе...

Послѣ этихъ женскихъ порывовъ, напоминающихъ восторги любви нашихъ институтокъ, насталъ періодъ бабьихъ сплетенъ и криковъ, въ морѣ которыхъ мы затопили и заглушили все, что считали святымъ, все, чѣмъ связывали народное и историческое значеніе этого рокового Восточнаго вопроса.

Да, русское общество.—возымѣемъ смѣлость себѣ это сказать, возымѣемъ смѣлость на эту гадкую картину взглянуть.—когда то представлявшее собою людей, будто бы убѣжденныхъ, людей, будто бы носителей какой-то идеи, людей, будто бы готовыхъ все жертвовать за эту идею людей, будто бы представляющихъ собою Россію десяти вѣковъ и сотней

поколѣній, вдругъ теперь обратилась въ кучу старыхъ бабъ, съ криками, ругательствами и дрожаніемъ отъ трусости во всѣхъ членахъ, считающихъ сколько у насъ не хватаетъ грошей, разбито посуды, и волнующихся отъ того, что такой-то пилъ шампанское, такой-то съѣлъ то-то, такой-то сказалъ то-то...

Отвратительная картина, по истинѣ.

И если не всѣ между нами ее видятъ, или хотятъ ее видѣть, то да знаютъ же тѣ, которые ея не видятъ, что уже за границею объ ней говорятъ и люди и газеты, прибавляя, „что уваженіе, которое они (нѣмцы) постоянно привыкли питать къ Россіи, не позволяетъ имъ вѣрить, чтобы возможна была та картина всеобщаго безсилія и разочарованія Россіи, которую рисуютъ съ полнымъ забвеніемъ своего народнаго достоинства и народной гордости сами же русскіе, кто на словахъ, кто на письмѣ“...

Да, вотъ до чего мы дожили къ концу 1876 года...

Изъ подъ сѣни своихъ домашнихъ очаговъ, со столбцевъ нашихъ газетъ, мы перенесли позоръ и грязь свою за границу, и не только германскія, но даже нѣкоторыя французскія газеты считаютъ себя вынужденными говорить намъ, въ устрашеніе Турціи и въ одобреніе намъ: что мы-де не такъ безсильны, не такъ растлѣны и не такъ трусы, какъ сами себѣ и другимъ говоримъ!

Да, можно положительно сказать за себя и за своихъ предковъ: никогда еще русскіе, имѣющіе очи, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать и сердце, чтобы чувствовать—не переживали такой ужасной годины, какова нынѣшняя!

Затѣмъ, въ той-же статьѣ я писалъ:

Къ тяжелому чувству души, при видѣ зрѣлища нашего перехода отъ паѳоса увлеченія идеею къ состоянію повальнаго унынія, повальнаго невѣрія и повальной трусости, присоединяется и другое тяжелое чувство, которое чуть ли не тяжеле перваго.

Чувство это захватываетъ душу ужасною болью, и является сто разъ въ день при мысли: что должно испытывать въ эти ужасныя минуты сердце Царево? Если мы, отдѣльныя лица, носящія отвѣтственность только за себя, страдаемъ душою, когда слышимъ толки русскихъ людей о томъ, что у насъ денегъ нѣтъ, что у насъ военныхъ средствъ нѣтъ, что насъ побьютъ турки, что народъ не хочетъ войны, и все это въ минуту, когда идетъ рѣчь о чести Россіи,—то подъ бременемъ какой сверхъестественной, ужасной, никогда еще въ исторіи Россіи не посѣщавшей Царево сердце мукой должно изнемогать сердце Царя, двадцать лѣтъ бившееся только однимъ чувствомъ—любовью къ Россіи, подвигавшей Его къ ея благу, и теперь призванное нести отвѣтственость за 80 милліоновъ своихъ подданныхъ...

Изъ всѣхъ концовъ Россіи шлются адресы Царю о спокойной вѣрѣ въ его просвѣщаемую и вдохновляемую Богомъ мудрость въ рѣшеніи вопроса о чести Россіи.

И въ то же самое время со всѣхъ сторонъ переполняютъ воздухъ бабьи вопли и стоны о томъ, что мы ничего не можемъ, ничего не должны смѣть, и обречены на безсиліе и безмолвіе государства, неимѣющаго ни чести, ни задачи.

Кому же долженъ Государь нашъ вѣрить?

Такъ окончился 1876 годъ.

XXVI.

(1876 годъ).

Кончина Ю. Ф. Самарина.—Его характеристика.

Въ этомъ 1876 году умеръ въ Россіи одинъ изъ умнѣйшихъ ея людей,—Юрій Федоровичъ Самаринъ, о которомъ хочется, припоминая прошлое, сказать то, что могло бы для потомства казаться интереснымъ, какъ освѣщеніе этой замѣчательной личности мыслителя и государственнаго дѣятеля.

Съ именемъ Самарина связаны преданія о золотыхъ дняхъ славянофильства, связана вся исторія великой крестьянской реформы, связаны всѣ опыты нашего правительства къ обрусѣнію на нашихъ окраинахъ, наконецъ, связана вся эпоха нашего умственнаго прогресса въ шестидесятыхъ годахъ.

По странной случайности, Самаринъ, этотъ энергичный боецъ за русскую народность противъ нѣмецкой, умеръ въ мартѣ 1876 года въ одной изъ больницъ Берлина, при трехъ свидѣтеляхъ соотечественникахъ, при совѣтникѣ русскаго посольства, при одномъ изъ братьевъ своихъ и при женѣ его, и умеръ далеко не достигши старости. Ему, кажется, не было шестидесяти лѣтъ.

Ю. Ф. Самаринъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и интересныхъ людей, которыхъ мнѣ пришлось

встрѣчать въ жизни, если не самымъ оригинальнымъ. Его имя прогремѣло въ ореолѣ славы не только въ Россіи, но и въ Европѣ, его нельзя было не признавать однимъ изъ столповъ и свѣточей русской мысли въ эпоху царствованія Александра II, но въ тоже время его оригинальность и интересъ его личности заключались въ томъ, что съ умомъ и дарованіями его никто такъ много не былъ призванъ сдѣлать великаго и полезнаго для своего отечества, и никто въ тоже время не сдѣлалъ такъ мало, въ смыслѣ благотворнаго, какъ этотъ самый Ю. Ф. Самаринъ, цѣлою головою стоявшій выше своихъ современниковъ. Почему это такъ, я объясню въ своихъ воспоминаніяхъ такъ, какъ я понялъ эту оригинальную личность.

Мои воспоминанія о Ю. Ф. Самаринѣ начинаются съ ранней юности, чуть ли не съ дѣтства, такъ какъ самаринская семья была издавна дружна съ карамзинскою и съ семьею моихъ родителей, и молодой Самаринъ въ это время былъ у моей бабушки Карамзиной на положеніи сына въ домѣ, другомъ ея сыновей, и вотъ, въ ту пору, я помню, Самаринъ производилъ на насъ, дѣтей, впечатлѣніе *страшно* умнаго человѣка, именно страшно умнаго, ибо мы его боялись, боялись его богатаго проявленіями ума лица, боялись потому, что онъ какъ будто никогда не нисходилъ до насъ, дѣтей, а дѣти, какъ извѣстно, именно боятся тѣхъ большихъ, которые до нихъ не нисходятъ. Объ этой, повидимому, мельчайшей подробности я упоминаю потому, что когда я выросъ и сталъ глядѣть на Самарина глазами развитого ума, я понялъ, отчего мы боялись его дѣтьми: оттого, что въ Самаринѣ всегда говорилъ и проявлялся умъ большой и блестящій, критическій и насмѣшливый, но никогда не слышалось

сердца. Дѣтское мое впечатлѣніе было вѣрно: въ дѣтскомъ возрастѣ цѣнятъ сердце и его проявленія, но когда его дѣти въ человѣкѣ не видятъ, они получаютъ къ нему какое то чувство страха.

И въ этомъ была разгадка той тайны въ жизни Ю. Ф. Самарина, почему съ такимъ свѣтлымъ и большимъ умомъ, съ такою необыкновенною даровитостью онъ многаго не сдѣлалъ, что могъ сдѣлать, и многое испортилъ изъ того, что сдѣлалъ.

Въ семьѣ моей я помню рѣчи о томъ, какъ печалилась о сынѣ своемъ мать Ю. Ф. Самарина, одна изъ почтеннѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ женщинъ старой Москвы; материнская печаль относилась къ двумъ сторонамъ духовной жизни даровитаго и, уже въ студенческомъ мундирѣ, блестящаго умомъ сына: къ его духу возмущенія противъ всего, что имѣло характеръ оффиціальнаго авторитета и, во-вторыхъ, къ недостатку въ немъ любви и смиренія, или, другими словами, къ недостатку сердца.

И, увы, не даромъ чудная мать Ю. Ф. Самарина надъ этимъ горевала, ибо эти двѣ черты его жизни и были причинами, почему черезъ всю жизнь Самарина, отданную благу Россіи, не прошла та благодать любви, которая одна способна оплодотворять творчество ума и ставить его на путь жизненной правды...

Въ лицѣ Самарина, кромѣ очень умнаго и пріятнаго выраженія, я съ молодости помнилъ раздувавшіяся ноздри; послѣ я сталъ бояться этой примѣты у людей въ лицѣ, ибо у Самарина всегда ноздри раздувались, когда онъ вдохновлялся въ какомъ-нибудь вопросѣ ненавистью къ тому, противъ кого, или противъ чего онъ говорилъ. Это случалось часто, но зато долженъ сказать,

что никогда его не видалъ или говорящимъ кротко и снисходительно, или умиляющагося, или, еще того меньше, вдохновляющимся любовью къ чему-либо... У него была выразительная и очаровательная улыбка: иногда она была насмѣшлива, иногда она была искривлена ненавистью, и всегда, глядя на нее, я понималъ, что онъ обожаетъ свой необыкновенный умъ, и прислушивается къ музыкѣ его мыслей, но я не запомнилъ улыбки сердечной.

По странной случайности, Самаринъ, какъ молодой москвичъ, былъ отличенъ между многими Императоромъ Николаемъ I въ бытность его въ Москвѣ, и по личному его указанію переведенъ въ Петербургъ камеръ-юнкеромъ, для службы при графѣ Блудовѣ... Его умъ, его фигура понравились Николаю; при этихъ условіяхъ карьера государственной службы, при умѣ и дарованіяхъ Самарина, должна была повести его далеко и высоко, но на бѣду Николай I со всѣмъ его міровоззрѣніемъ не понравился молодому Самарину, и онъ для своего критическаго ума сталъ искать дѣятельности внѣ Петербурга, и побывалъ на двухъ провинціальныхъ поприщахъ, въ Кіевѣ, при Д. Г. Бибиковѣ, гдѣ съ жаромъ принялся помогать ему въ дѣлѣ введенія инвентарей, то-есть первой попытки ограничить власть помѣщиковъ относительно крестьянъ въ Юго-Западномъ краѣ, и гдѣ страстная натура молодого Самарина получила удовлетвореніе въ двухъ его стремленіяхъ: идти противъ барства и помѣщика и противъ польскаго элемента въ Юго-Западномъ краѣ, объединившагося съ помѣщичьимъ... Второе поприще его была Рига. Здѣсь при Головинѣ онъ съ большей еще страстью началъ работать умомъ противъ остзейскаго барона, какъ нѣмца, и противъ него же, какъ дворянина, и увлекся этою двойною ненавистью такъ далеко, что ему пришлось

оставить край, а затѣмъ бросить и службу, такъ какъ онъ не желалъ подчиняться внушеніямъ умѣренности, отцовски ему преподававшимся самимъ Николаемъ I-мъ. Плодомъ его пребыванія въ Остзейскомъ краѣ была его знаменитая книга *Окрайны*, гдѣ каждая страница блистала умомъ и дышала ненавистью къ нѣмецкому элементу Остзейскаго края, но въ то же время, все разрушая своимъ громаднымъ умомъ, что онъ ненавидѣлъ, Самаринъ въ своихъ твореніяхъ ничего не задумывалъ, ничего не создавалъ, ничего не проектировалъ во имя любви къ Россіи. Это была отличительная черта Самаринской умственной политической дѣятельности. Онъ не ненавидѣлъ изъ любви къ тому, что такъ страстно, казалось, онъ отстаивалъ, но ненавидѣлъ онъ прямо въ удовлетвореніе потребности его критическаго ума извѣстные предметы ненавидѣть.

Вернувшись въ Москву, Самаринъ, казалось, принадлежалъ душою къ прекрасному, по душевнымъ свойствамъ, кружку славянофиловъ тогдашней эпохи. Но это только казалось. На самомъ дѣлѣ, Самарина ума боялись его друзья славянофилы, какъ я боялся его ума, будучи отрокомъ, ибо и Хомяковъ, и Аксаковы жили больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, въ своемъ духовномъ мірѣ славянофиловъ, а Самаринъ пребывалъ въ немъ только своимъ крупнымъ умомъ, и потому въ ореолѣ большей противъ нихъ умственной силы онъ царилъ надъ ними своимъ холоднымъ, критическимъ разумомъ, подсмѣивался надъ ихъ увлеченіями сердца и держалъ ихъ въ какомъ то страхѣ и духовными рабами передъ собою... Никто не смѣлъ отдаваться всей своей душой горячо и безгранично при Самаринѣ, и еще менѣе кто-либо изъ славянофиловъ смѣлъ бы ему ставить въ вину его избытокъ

ненависти къ многому, и его недостатокъ любви и снисходительности къ чему-либо въ духовной области.

Въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ, предпринятомъ въ началѣ царствованія Александра II, случилось то же, что въ Москвѣ съ славянофилами, только въ несравненно большихъ размѣрахъ; всѣ приглашенные въ сотрудники по этому дѣлу соединились въ этомъ дѣлѣ двумя связями: одна — государственный интересъ предпринимаемаго дѣла, другая—поклоненіе уму Самарина. Никто не смѣлъ во имя этого поклоненія не только думать иначе, какъ онъ, но никто не смѣлъ вносить въ дѣло что-либо иное, кромѣ той ненависти къ дворянству, которая пронизывала насквозь душу Самарина, и благодаря которой вопросъ о томъ, какъ было бы лучше крестьянамъ,—сталъ второстепеннымъ сравнительно съ вопросомъ, какъ бы было похуже помѣщикамъ... Усмѣшка презрѣнія надъ всякимъ дворянскимъ интересомъ не сходила съ умнаго лица Самарина во все время, пока длились работы новаго крестьянскаго комитета, а ненависть къ дворянству не переставала быть главнымъ психическимъ двигателемъ тѣхъ, которые подъ опекою ума Самарина работали надъ крестьянскимъ дѣломъ...

Это диктаторство Самарина въ области крестьянскаго вопроса, во имя ненависти къ дворянству, брало свою причину бытія не только въ томъ, что Самаринъ былъ умнѣе всѣхъ другихъ его товарищей по дѣлу, но и въ томъ, что онъ изображалъ собою, кромѣ либерала, крупнаго помѣщика... Этотъ фактъ ему придавалъ значеніе эксперта и авторитета практическаго для тѣхъ, которые не желали увлекаться одною либеральною идеею эмансипаціи. А другой элементъ, дававшій силу анти-дворянскому диктаторству Самаринскаго ума, было тогдашнее

поклоненіе либеральнымъ идеямъ... Сила Самаринской ненависти къ дворянству, о которую, какъ о бездушную скалу, разбивались всѣ отдѣльные голоса одинокихъ людей, просившихъ у правительства болѣе безпристрастія и немного сердца въ пользу помѣщиковъ, заключалась именно въ томъ, что эта ненависть находила сочувствіе во всѣхъ либеральныхъ лагеряхъ...

XXVII.

(1877 годъ).

До войны —Дипломатическая робость. — Турецкое настроеніе. — Миссія Н. П. Игнатьева.—Объявленіе войны.

Наступившій 1877 годъ имѣлъ до весны довольно странный, по своимъ колебаніямъ и по своей неопредѣленности, характеръ.

Главнокомандующій въ Кишиневѣ уже назывался главнокомандующимъ *дѣйствующей* арміи, подъ ружьемъ мобилизація поставила около полмилліона войскъ; усиленные займы на военные расходы были сдѣланы, а между тѣмъ политическій барометръ въ Петербургѣ постепенно дѣлалъ въ своихъ указаніяхъ погоды крупные скачки, переходя отъ воинственнаго настроенія къ миролюбивому иногда въ теченіе одного дня. Старикъ князь Горчаковъ былъ въ то время самымъ выразительнымъ изображеніемъ этого барометра. То его приближенные слышали отъ него такія слова: mon cher, la paix avant tout, il faut éviter la guerre á tout prix, то, подъ вліяніемъ полученнаго имъ изъ Берлина письма Бисмарка, онъ къ вечеру того дня, когда утромъ говорилъ о paix à tout prix, говорилъ: mon cher, la guerre est imminente... Но и въ самомъ воинственномъ настроеніи этого живого барометра того времени бывали колебанія. То князь Горчаковъ говорилъ о томъ, что надо

покончить съ Восточнымъ вопросомъ и подписывать миръ въ Константинополѣ, то онъ говорилъ: да, война неизбѣжна, но наша задача ее ограничить самымъ малымъ раіономъ военныхъ операцій и самымъ ограниченнымъ количествомъ боевыхъ силъ.

Но самое интересное и любопытное было то, что пока у насъ жили въ колебаніяхъ и въ рѣзкихъ даже переходахъ отъ мира, во что бы то ни стало, къ войнѣ во что бы то ни стало, — въ Константинополѣ настроеніе было несравненно болѣе опредѣленное, и въ началѣ января мы узнали, что послѣ 10 засѣданій европейской конференціи Турція категоричнымъ образомъ отказалась принять предложенный ей всею Европою ультиматумъ и всѣхъ огорошила своимъ энергичнымъ «non possumus». Тогда произошла большая демонстрація противъ Порты. Всѣ послы, съ нашимъ посломъ Игнатьевымъ во главѣ, отрясли прахъ отъ ногъ своихъ на порогѣ Константинополя и выѣхали, отозванные своими правительствами.

Едва эта демонстрація произошла, какъ Порта какъ-будто испугалась своей собственной храбрости и послала циркулярную ноту съ оповѣщеніемъ, что хотя она не соглашалась принять условій въ той формѣ, въ какой они были ей предложены европейскою конференціею, но что, тѣмъ не менѣе, она признала себя обязанною сдѣлать для своихъ подвластныхъ христіанъ не только все то, что требуетъ отъ нея Европа, но даже гораздо болѣе.

Тогда опять усилились миролюбивыя теченія.

Въ Петербургѣ отказъ Порты усилилъ шансы войны настолько значительно, что заговорили даже о немедленномъ началѣ похода, не взирая на зиму... Какъ ни казался такой рѣшительный шагъ рискованнымъ, но потомъ явилось основаніе понять, что эта мысль двинуть войска

тогда же, была самою лучшею, ибо Турція, не готовая къ войнѣ и застигнутая врасплохъ, приняла бы тогда какія угодно условія мира съ воюющими княжествами, и война Россіи съ Турціею была бы устранена. Потомъ поняли, что отказъ Порты въ началѣ января былъ только однимъ изъ маневровъ ея хитрой политики, къ которому она прибѣгла исключительно для того, чтобы затянуть дѣло и протянуть время, дабы успѣть приготовиться къ войнѣ, что ясно обнаружилось въ апрѣлѣ, когда на новыя предложенія, ей сдѣланныя отдѣльно Россіею и отдѣльно Англіею, она отвѣтила категорическимъ отказомъ только потому, что считала себя уже подготовленною къ войнѣ съ Россіею.

Но хитрѣе Порты былъ князь Бисмаркъ, и во всякомъ случаѣ коварнѣе... Порта призвана была хитрить изъ-за собственной судьбы, изъ-за собственной шкуры, а князь Бисмаркъ хитрилъ съ исключительною цѣлью повредить Россіи, подъ личиною сочувствія къ ея интересамъ... Князь Бисмаркъ, какъ я уже писалъ, принималъ, можно сказать, къ сердцу интересы нашего достоинства горячѣе, чѣмъ мы сами, но дѣлалъ онъ это потому, что его главная цѣль въ восточномъ вопросѣ была, во что бы то ни стало, насъ втравлять въ войну. Едва только онъ получалъ изъ Петербурга свѣдѣнія о томъ, что барометръ поднимается къ миру, какъ немедленно онъ писалъ князю Горчакову, сообщавшему, разумѣется, его письма Государю: что вы колеблетесь, никогда такой удобной минуты рѣшить Восточный вопросъ мечемъ для Россіи не представится, не упускайте его; переговоры ни къ чему не приведутъ. Въ другой разъ онъ писалъ въ Петербургъ о томъ, что имъ употребляются всѣ усилія къ тому, чтобы Австрію *вынудить* принять относительно Россіи самый

благосклонный нейтралитетъ (neutralité bienveillante), а затѣмъ, когда Порта въ началѣ января отвѣтила европейской конференціи отказомъ, тогда Бисмаркъ пишетъ князю Горчакову: неужели же Россія не рѣшится на войну теперь, когда ея честь уже прямо затронута? Мало того, въ одномъ изъ своихъ сообщеній въ Петербургъ онъ пишетъ о томъ, что Россія подчинится по необходимости миролюбивому рѣшенію своего Государя избѣжать войны и уладить дѣло миромъ, но она этого оскорбленія все-таки не забудетъ, и надо опасаться внутреннихъ проявленій неудовольствія противъ правительства. Въ парламентѣ тотъ же князь Бисмаркъ о Восточномъ вопросѣ даетъ тотъ же провокантный по адресу Россіи характеръ. Онъ говорилъ о нейтралитѣ Германіи, но, въ тоже время, о сочувствіи своемъ благородной задачѣ Россіи даровать свободу ея собратамъ на Балканскомъ полуостровѣ, хотя бы цѣною войны.

Тѣмъ не менѣе, доброе миролюбіе брало верхъ надъ коварными воинственными внушеніями, исходившими изъ Берлина, и нота Порты послужила канвою для новыхъ по ней вышиваній миролюбивыхъ узоровъ.

Игнатьевъ, оказавшійся свободнымъ послѣ торжественнаго выѣзда нашего посольства изъ Константинополя, былъ посланъ во всѣ главныя столицы европейскихъ державъ, чтобы заручиться, такъ сказать, санкціею всей Европы на новый примирительный шагъ петербургскаго кабинета, и получить нравственное обязательство державъ, чтобы, въ случаѣ отказа Турціи отъ новыхъ предложеній, Россія могла считать свои руки развязанными Европою для единоличной уже расправы съ Турціею. Миссія Игнатьева увѣнчалась тѣмъ платоническимъ успѣхомъ, котораго только и можно было отъ нея ожидать,

и даже лондонскій кабинетъ изъявилъ свою готовность содѣйствовать миролюбивымъ стремленіямъ Россіи вліяніемъ на турецкое правительство. Составлено было даже два протокола, одинъ за подписью нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, другой за подписью лорда Дерби, англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. для представленія ихъ Портѣ. Австрія приняла на себя тоже примирительную миссію, но кончились всѣ эти переговоры, тянувшіеся цѣлыхъ три мѣсяца, какъ я сказалъ выше, тѣмъ, что Порта самымъ безцеремоннымъ образомъ наотрѣзъ отказалась принять предложеніе Англіи и Россіи, и такимъ образомъ дѣлала для Россіи объявленіе ей войны неизбѣжнымъ.

Оно и послѣдовало 12 апрѣля 1877 года, — но надо сказать, что послѣдовало оно при настроеніи общественномъ уже совсѣмъ иномъ, чѣмъ то, которое, подобно пожару, охватывало всѣ слои общества ровно годъ передъ этимъ. Объявленіе войны послѣдовало въ Кишиневѣ, передъ фронтомъ дѣйствующей арміи, въ видѣ манифеста, прочитаннаго архіепископомъ Павломъ, въ присутствіи Государя. Послѣ объявленія войны Государь отправился въ Москву, гдѣ былъ встрѣченъ Императрицею, и тамъ на выходѣ въ Кремлѣ, передъ всею собравшеюся въ немъ Москвою, сказалъ слѣдующія слова: «шесть мѣсяцевъ назадъ въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго, родного кремля, я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до-нельзя щадить дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія,

какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ, и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ Государынею Императрицею благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ, и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ въ бой за вѣру, Царя и Отечество».

Нечего и говорить, что эти истинно прекрасныя слова встрѣчены были взрывомъ восторга всей Москвы.

Дѣло, про которое говорилъ Государь, столь порадовавшее Его и даже удивившее Его своими размѣрами, было пожертвованіе городомъ Москвою 1 милліона. Если вспомнить, что въ 1854 году одинъ Яковлевъ пожертвовалъ милліонъ, то невольно подумаешь, что Москва могла бы дать и больше; но дѣло въ томъ, что съ той поры, какъ это пожертвованіе было заявлено, я никогда не могъ узнать, было ли оно сдѣлано на самомъ дѣлѣ, а, напротивъ, я слышалъ не разъ въ Москвѣ, что этотъ милліонъ будто бы давно числился въ недоимкѣ. Правда ли это — не знаю. Вернувшись въ Петербургъ, Государь тоже принялъ адреса отъ города и дворянства при пожертвованіяхъ, и сказалъ депутаціямъ приблизительно то же, что въ Москвѣ. При пріѣздѣ въ Петербургъ Государь былъ встрѣченъ не поддѣльнымъ, а искреннимъ энтузіазмомъ.

Объявленіе войны принято было всѣми кабинетами Европы спокойно. Исключеній было два. Одно представлялъ берлинскій кабинетъ, который въ лицѣ Бисмарка

отнесся къ этому событію *особенно* сочувственно и не скупился на выраженія этого сочувствія въ своихъ сообщеніяхъ по адресу русскаго государственнаго канцлера; другой исходилъ отъ лондонскаго кабинета, и, наоборотъ, носилъ характеръ не только не сочувствующій Россіи, но прямо враждебный и даже дерзкій... Первое заявленіе, сдѣланное лордомъ Дерби черезъ нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, произвело въ Петербургѣ сенсацію; ибо и по формѣ своей, и по сущности оно имѣло характеръ дерзкаго выговора, объявляемаго англійскимъ правительствомъ нашему за то, что оно, во-первыхъ, не сдержало своего слова, и, во-вторыхъ, отступивъ отъ европейскаго концерта, дозволило себѣ объявленіе войны Турціи, не заручившись впередъ *согласіемъ на то* европейскихъ державъ. Нота эта по своей дерзости требовала или такого же дерзкаго отвѣта по адресу лондонскаго кабинета съ предвидѣніемъ дальнѣйшихъ послѣдствій, какъ-то: отозванія нашего посла изъ Лондона и прекращенія дипломатическихъ сношеній, или же оставленіе ея безъ отвѣта, съ признаніемъ non avenue... За первое не было подано ни одного политическаго голоса... Князь Горчаковъ посовѣтовалъ Государю второе; совѣтъ этотъ былъ принятъ и дерзкій выговоръ, объявленный Россіи Англіею, былъ оставленъ безъ вниманія и безъ послѣдствій. Но Англія этимъ не ограничилась. Въ Петербургъ пріѣзжаетъ нашъ лондонскій посолъ графъ Шуваловъ и привозитъ съ собою новую ноту сенъ-джемскаго кабинета, въ которой онъ категорично пересчитываетъ всѣ тѣ пункты неприкосновенности, которыхъ Англія требуетъ отъ Россіи подъ угрозою, въ случаѣ несогласія Россіи, признавать каждое изъ нарушеній этихъ перечисленныхъ пунктовъ за casus belli.

Пункты эти были слѣдующіе: Суэцкій каналъ, Египетъ, Дарданеллы и Босфоръ, Константинополь и, въ заключеніе, Персидскій заливъ.

Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на эту новую дерзкую выходку англійскаго кабинета князь Горчаковъ поступилъ непослѣдовательно, и, опасаясь разрыва съ Англіею, поступился достоинствомъ Россіи. Такъ казалось просто, согласно съ образомъ дѣйствія Россіи послѣ первой ноты, въ которомъ было именно соблюденіе своего достоинства со стороны русскаго правительства, или ничего не отвѣчать, или отвѣчать, что Россія будетъ дѣйствовать такъ, какъ этого требуетъ согласованіе ея интересовъ съ интересами каждаго изъ европейскихъ государствъ, и этимъ прекратить всякое со стороны Англіи вмѣшательство въ наши дѣла. Но князь Горчаковъ счелъ нужнымъ отвѣтить лондонскому кабинету длиннымъ посланіемъ, въ которомъ уже безъ всякаго соображенія съ достоинствомъ Россіи, по каждому пункту отдѣльно, давалъ обязательство Англіи за Россію признавать ихъ обязательными...

Англія признала себя этою декларацією Россіи удовлетворенною, но, увы, не могли быть ею удовлетворены интересы Россіи; напротивъ, они были давно попраны именно по отношенію къ главному: къ свободѣ нашего образа дѣйствій въ войнѣ съ Турціею... Эта декларація была Ахиллесовою пятою для Россіи въ предпринятой ею войнѣ, и все то, что 2 года спусти произошло для Россіи печальнаго и унизительнаго подъ стѣнами Царьграда сперва, и въ Берлинѣ на конгрессѣ послѣ, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой несчастной декларації, сдѣланной княземъ Горчаковымъ при объявленіи войны.

Это было прямо установленіемъ принципа опеки не-

только Европы, но и лично Англіи надъ Россіею въ ея войнѣ съ Турціею.

Отчасти, надо полагать, именно этимъ печальнымъ эпизодомъ въ исторіи нашихъ дипломатическихъ отношеній къ Европѣ вообще, и къ Англіи въ особенности въ началѣ войны и слѣдуетъ объяснить то знаменитое слово: *военная прогулка*, которое, сколько разъ я слышалъ, было произносимо въ первый періодъ войны и которое, съ одной стороны, какъ легкомысленность, стоило намъ такихъ страшныхъ кровавыхъ и невознаградимыхъ жертвъ, а съ другой стороны такъ мало согласовалось со всѣми страстными тогда проявленіями военнаго патріотизма въ газетныхъ статьяхъ, въ поэтическихъ произведеніяхъ, въ военной пѣсни, гдѣ лозунгомъ былъ Царьградъ и св. Софія.

Въ кабинетѣ князя Горчакова разсуждали такъ: Россія войдетъ съ своими нѣсколькими корпусами въ Болгарію, ей не нужно содѣйствія ни сербскихъ, ни румынскихъ войскъ, ни болгарскаго народа; русскія войска дойдутъ къ концу лѣта до Балканъ, и Турція предложитъ намъ миръ, который мы и примемъ... Надо-де стараться не устрашать Европу слишкомъ большимъ количествомъ русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ, и въ то же время не привлекать къ военнымъ дѣйствіямъ славянскихъ войскъ, во избѣжаніе славянскаго пожара,— вотъ что приблизительно повторяли наши дипломаты въ ту минуту, когда тронулась наша армія къ Дунаю.

Планы войны были также скромны, какъ условія мира, которыя были приготовлены нашими дипломатами на случай, если султанъ, напуганный нашествіемъ нашихъ войскъ, попроситъ о мирѣ при приближеніи ихъ къ Балканамъ.

Условія эти были слѣдующія: Болгарія будетъ уподоблена Сербіи, т.-е. сдѣлается вассальнымъ Турціи княжествомъ, съ правомъ автономіи во внутреннемъ управленіи. Сербія и Черногорія получатъ приращеніе территоріи. Южные болгары и другія христіанскія народности получатъ *улучшенное* управленіе и улучшеніе Босніи и Герцеговины будетъ предоставлено Австріи. Вотъ тѣ скромныя условія, которыя готовилась русская дипломатія преподнесть Турціи, послѣ удачной *военной прогулки* по Болгаріи, стоившей намъ потерь нѣсколькихъ десятковъ тысячъ русскихъ солдатъ и милліарда денегъ. При этомъ надо припомнить, что въ текстѣ этихъ разработанныхъ предварительно въ кабинетѣ князя Горчакова условій будущаго мира вездѣ прибавлялись слова: *подъ ручательствомъ Европы, съ согласія Европы*; такъ что по смыслу всѣхъ этихъ условій, мы не только приступали къ войнѣ съ Турціею подъ опекою Европы, но мы какъ будто эту войну предпринимали по довѣренности всей Европы... За нами оставались страшныя жертвы, а за Европою только главное: согласіе на то, что мы предложимъ Турціи въ видѣ условій мира. Именно тѣмъ объясняется та неимовѣрная политическая странность, что, обнаживъ мечъ, во избавленіе болгарскихъ братушекъ отъ ига Турціи, мы перомъ отдаемъ подъ иго Австріи два народа героевъ, Боснію и Герцеговину.

Для подъема духа и для нравственнаго настроенія при началѣ войны въ особенности очень много значило имя главнокомандующаго.

Можно безошибочно сказать, что выборъ Государя въ главнокомандующіе дѣйствующей арміи Великаго Князя Николая Николаевича былъ подсказанъ ему всею Россіею, ибо онъ былъ любимецъ не только въ войскахъ, но и во

всѣхъ слояхъ русскаго народа, чему, кромѣ его глубоко симпатическихъ качествъ простоты, прямоты, честности и привѣтливости, много способствовала его обаятельная наружность, напоминавшая всѣмъ во многомъ величественный образъ Николая I. Благодаря этому имени, духъ войскъ былъ превосходный, и въ томъ, что касается личности боевыхъ подвиговъ русскаго богатыря-солдата, никто не сомнѣвался.

Но, увы, это прекрасное настроеніе, вызванное симпатіями всѣхъ къ личности Великаго Князя главнокомандующаго, пострадало съ самаго начала отъ несчастливыхъ выборовъ, сдѣланныхъ имъ немедленно по назначеніи своихъ ближайшихъ помощниковъ. Пронеслись по Россіи два имени, многихъ удивившія и многимъ пришедшіяся не по душѣ, эти имена были: Непокойчицкій и Левицкій. Оба были поляки. Первый получилъ самый важный и отвѣтственный постъ начальника штаба, второй—постъ его помощника. Оба имени были безупречны и почтенны. Оба генерала были личности, противъ которыхъ никто не могъ произнесть малѣйшаго обвиненія, и даже набросить хотя малѣйшую тѣнь, это были честные, преданные и хорошіе люди, но все было въ національности. Выбрать начальника штаба поляка не значило-ли сказать, говорили тогда, что между русскими генералами достойнаго занять этотъ важный постъ не нашлось; ибо не могла же случайность сдѣлать, что изъ огромнаго большинства русскихъ генераловъ не нашлось ни одного, а изъ скромнаго меньшинства поляковъ взяты оба: и начальникъ штаба, и его помощникъ.

Затѣмъ, какъ только начались военныя дѣйствія, явился вопросъ: ѣхать-ли или не ѣхать Государю въ дѣйствующую армію? Болѣе чѣмъ понятно, что Государя

влекло туда, гдѣ должны были драться съ непріятелемъ его войска, гдѣ будутъ раненые и умирающіе. Къ тому же, примѣръ императора-старца Вильгельма, неотлучно находившагося во всѣхъ послѣднихъ войнахъ при своей арміи, могъ дѣйствовать и на его державнаго Племянника.

XXVIII.

(1877 годъ).

Вопросъ о поѣздкѣ Государя въ армію. — Эпизодъ послѣ взятія Никополя съ генераломъ Толстымъ — Плевна.—Вызовъ гвардіи.

Такимъ образомъ, личное желаніе Государя, въ связи съ дѣйствіемъ на него примѣра императора Вильгельма рѣшили вопросъ о поѣздкѣ Его на театръ войны. Да впрочемъ и вопроса, въ сущности, не было, ибо голоса, который бы заключалъ въ себѣ мнѣніе противоположное, подано не было.

Я упоминаю объ этомъ потому, что годъ спустя, когда я имѣлъ случай отъ разныхъ военныхъ лицъ слышать сужденіе объ эпизодахъ войны, не отъ одного, а отъ многихъ пришлось слышать мысли, приписывавшія неудачу цѣлаго долгаго перваго періода войны именно тому обстоятельству, что на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи были двѣ главныя квартиры, а слѣдовательно, два теченія, два вліянія и двѣ воли, руководившія походомъ. Въ главномъ штабѣ главнокомандующаго, какъ потомъ мнѣ разсказывали компетентные люди, извѣстіе о прибытіи Государя на Дунай произвело смущеніе; самъ главнокомандующій, при всей своей безграничной любви къ Государю, боялся, разумѣется, не Его, а окружавшихъ Государя лицъ, которыя навѣрно

захотятъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, хотя бы отъ нечего дѣлать, но, къ сожалѣнію, свои всѣ смущенія Великій Князь затаилъ въ себѣ, и не имѣлъ духу ихъ высказать Государю настолько откровенно и прямо, чтобы убѣдить Его отказаться отъ пріѣзда въ дѣйствующую армію.

Николай Павловичъ, именно для того, чтобы не вліять своею волею на главнокомандующаго, не ѣздилъ на театръ войны. У Шильдера, въ его исторіи Александра I, прекрасно описанъ тотъ историческій моментъ войны 1812 года, когда, движимые исключительно патріотизмомъ, люди, близкіе Александру I, рѣшились просить Его не исполнять своего намѣренія быть при дѣйствующей арміи. Императоръ Александръ I былъ уже въ центрѣ арміи, и съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ послалъ къ адмиралу Шишкову, находившемуся при немъ, проектъ приказа по арміи, который оканчивался словами: «Я всегда буду съ вами, и никогда отъ васъ не отлучусь». Слова эти смутили честнаго Шишкова. Его русское сердце чуяло, что пребываніе Императора въ дѣйствующей арміи можетъ погубить весь исходъ войны, и онъ рѣшился все сдѣлать, чтобы помѣшать осуществленію желанія Императора. Подчеркнувъ эти слова въ проектѣ приказа, ему присланномъ только для просмотра, Шишковъ сказалъ Чернышеву: донесите Государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ, и что Онъ не можетъ то обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова, и въ то же время онъ оставилъ проектъ у себя и рѣшился послать Государю письмо, уже ранѣе имъ написанное подъ вліяніемъ томившей его мысли объ опасности для Россіи отъ пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи. Но, не признавая себя

одного достаточно сильнымъ авторитетомъ въ глазахъ Государя, онъ обратился къ Балашеву и къ Аракчееву и просилъ ихъ обоихъ подписать вмѣстѣ съ нимъ это письмо. Тѣ согласились, и вечеромъ въ тотъ же день письмо это было положено на ночной столикъ у кровати Александра I. Съ волненіемъ ждалъ Шишковъ результатовъ, и какова его радость была, когда на другое утро Государь сказалъ Аракчееву: «Я читалъ ваше письмо», и къ слѣдующему дню приказалъ изготовить коляски для отъѣзда въ Петербургъ черезъ Москву.

Къ сожалѣнію, въ 1877 году уже Шишковыхъ и Балашевыхъ при Русскомъ Государѣ не было, и хотя иные изъ преданныхъ Государю говорили между собою о томъ, что они предвидятъ много усложненій отъ поѣздки Государя на театръ войны, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ мужества сказать свое мнѣніе Государю открыто и честно.

Пріѣздъ Государя въ армію первоначально, разумѣется, такъ воодушевилъ войска, что начало военныхъ дѣйствій было рядомъ блестящихъ подвиговъ нашей арміи, начиная съ перехода черезъ Дунай у Зимницы и кончая взятіемъ Никопольской крѣпости. Всѣ были въ упоеніи, и впереди, казалось, ничего насъ не ждало, кромѣ скораго конца войны послѣ ряда побѣдъ.

Тутъ кстати вставить одинъ крошечный эпизодъ, который послѣ послужилъ наглядымъ доказательствомъ того, какъ это присутствіе Государя на театрѣ войны не тѣмъ могло вредить ходу военныхъ дѣйствій, что Государь былъ лично при своихъ войскахъ, а только тѣмъ, что около Государя былъ тотъ самый муравейникъ, съ мыслями и съ претензіями на авторитетъ, изъ опасенія

коего въ 1812 году Шишковъ умолялъ Государя уѣхать изъ арміи.

Прибываетъ послѣ взятія Никополя въ Императорскую квартиру Свиты Е. В. генералъ И. Н. Толстой, неотлучно бывшій при войскахъ во время штурма Никополя, и пріѣзжаетъ съ плѣннымъ пашею и знаменами, посланными отъ генерала Крюденера. Пріѣздъ его съ трофеями славнаго дѣла усиливаетъ радостное настроеніе Императорской квартиры, но радость эту не раздѣляетъ одинъ генералъ Толстой, который и Государю, и всѣмъ приближеннымъ говоритъ не о прошедшемъ, а взволнованный и озабоченный говоритъ о будущемъ и впервые произнося имя «*Плевна*», онъ съ какимъ то фанатическимъ предвидѣніемъ повторяетъ только одно: займите Плевну, а то турки ее займутъ, и намъ плохо будетъ...

Слова эти въ окружающихъ Государя звучали скорѣе какъ бредъ, какъ возгласъ галлюцинаціи, чѣмъ какъ серьезная мысль, и не только не вызвали никакого разсужденія о нихъ, но когда Толстого отправили съ трофеями въ Петербургъ, всѣ вздохнули свободно, отдѣлавшись отъ мономана, мѣшавшаго своимъ предчувствіемъ будущаго радоваться настоящему. Черезъ нѣсколько дней Плевна была занята Османомъ-пашею безъ выстрѣла, и печальная судьба второго періода войны съ ея кровавыми ужасами была рѣшена. Я упоминаю объ этомъ эпизодѣ именно потому, что онъ доказалъ вліяніе свиты Государя на военные вопросы и, слѣдовательно, на присутствіе второй воли въ дѣлѣ, гдѣ весь успѣхъ могъ зависѣть только отъ одной воли. Маленькія причины производятъ большія послѣдствія, это въ исторіи доказывается ежечасно. И кто знаетъ, если бы тотъ же признанный

въ Императорской квартирѣ мономаномъ Толстой пріѣхалъ къ главнокомандующему со своимъ предчувствіемъ, не пройдя черезъ ироническій ареопагъ Императорской квартиры, онъ достигнулъ бы, можетъ быть, иныхъ результатовъ.

Какъ бы то ни было, но со взятіемъ Никополя началась печальная пора неудачъ на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Генералъ Гурко съ кавалеріею предпринялъ военную прогулку до Казанлыка, и почти не встрѣчая непріятеля, побѣдоносно завоевываетъ турецкую Болгарію и, быть можетъ, даже иные подъ его начальствомъ молодцы мечтали на ихнихъ коняхъ доскакать до Царьграда, но мечты разбились объ сильную турецкую армію за Казанлыкомъ, и такъ же скоро, какъ генералъ Гурко доскакалъ до Казанлыка, такъ же скоро долженъ былъ вернуться.

И этотъ эпизодъ, подобно плевненскому,— послѣ, когда кампанія стала разъясняться разсказами, явился очень курьезнымъ эпизодомъ тогдашняго страннаго порядка вещей. Ссылаясь на разсказчиковъ послѣ войны, надо полагать, что, пройдя Дунай и вступивъ на болгарскую территорію, мы находились въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ и какія войска находятся у турокъ. Другого объясненія военные люди не могли дать знаменитому набѣгу Гурко и появленію какъ, deus ex machina, Османа-паши въ Плевнѣ.

Это незнаніе, гдѣ находятся непріятельскія арміи, и какія ихъ силы, по мнѣнію военныхъ людей, могло бы дорого намъ стоить, если турки, въ свою очередь, не застряли на своихъ позиціяхъ, раздѣлившись, вмѣсто того, чтобы двинуться съ трехъ сторонъ на нашу армію, и соединенными силами насъ принудить или принять рѣ-

шительное сраженіе, или отступить за Дунай. Такъ ли это было или не такъ, я не знаю, но я разсказываю здѣсь то, что въ 1878 году мною было записано со словъ военныхъ людей, и говорю объ этомъ только для того, чтобы припомнить главный фактъ: появленіе всей нашей арміи съ двумя главными квартирами на театрѣ военныхъ дѣйствій, безъ точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находятся непріятельскія главныя силы.

Послѣ двухъ плевненскихъ, отбитыхъ турками, штурмовъ, стоившихъ намъ нѣсколько тысячъ солдатскихъ жизней, явились двѣ мысли: одна—приступить къ тому, съ чего надо было, какъ говорили военные люди, начать, къ блокированію и къ правильной осадѣ Плевны, а другая—о походѣ на Балканы, для котораго рѣшено было вызвать изъ Петербурга гвардію, съ тѣмъ, чтобы ее поручить генералу Гурко. Увы, первая мысль, столь благоразумная, была замедлена въ своемъ осуществленіи. Партія нетерпѣливыхъ, во главѣ которой былъ Скобелевъ, хотѣла еще разъ испытать счастье штурмомъ, съ мыслью къ 30 августа поднести взятую Плевну въ имянинный подарокъ Царю. Но, увы, третій штурмъ Плевны былъ еще ужаснѣе, по своимъ потерямъ, двухъ предыдущихъ, и оказался столь же безполезнымъ. Бѣдному Государю вмѣсто радости поднесли мучительное горе, въ видѣ многихъ тысячъ раненыхъ и убитыхъ, и только послѣ этого ужаснаго урока началась правильная блокада, которая длилась до конца октября. Гвардія быстро поспѣла на театръ войны.

XXIX.

(1877 годъ).

Моя поѣздка на Кавказъ.—Тифлисъ. — Александрополь.—Карсъ.—Ночной штурмъ и взятіе Карса.

Послѣ невеселаго лѣта, проведеннаго подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ нашихъ военныхъ неудачъ на обоихъ театрахъ войны, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, я рѣшился позднею осенью, сдавши «Гражданинъ» въ руки редактора В. Ф. Пуцыковича, поѣхать на театръ войны съ тѣмъ, чтобы къ холодному времени привезти раненымъ и больнымъ чай, сахаръ, теплыя вещи, и началъ мою поѣздку съ Кавказа...

Собралъ я нѣсколько тысячъ рублей, накупилъ, что могъ, и отправился черезъ Москву на Кавказъ.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда со мною случилось два эпизода, про которые я имѣлъ право сказать, что они отрадно коснулись моей сердечной жизни.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ секретарь Цесаревны Ф. А. Оомъ и сообщаетъ мнѣ, что Ея Высочество, узнавши о моемъ отъѣздѣ на Кавказъ, пожелала меня увидѣть до моего отправленія въ путь. Я отправился къ Цесаревнѣ и въ теченіе получаса удостоенъ былъ бесѣды, послѣ которой Она пожелала мнѣ добраго пути и успѣха въ моемъ предпріятіи.

Два дня спустя я получилъ извѣщеніе, что меня приметъ Императрица... Императрица тоже меня приняла благосклонно и въ теченіе четверти часа, которыя я у Нея пробылъ, я могъ убѣдиться, насколько и Она, подобно Цесаревнѣ, страдаетъ отъ печалей этого тяжелаго періода войны... Когда, выйдя отъ Нея, я былъ уже на лѣстницѣ, раздался какой-то голосъ, я оглянулся, оказалось, что это звалъ меня камердинеръ Государя, говоря мнѣ, что Государь меня зоветъ...

Я вернулся въ гостиную Императрицы и тамъ засталъ Государя, который ласково сказалъ мнѣ, что Онъ пожелалъ меня увидѣть, чтобы со мною проститься передъ моею поѣздкою... Поразспросивъ меня о подробностяхъ моего маршрута, Государь меня обнялъ и благословилъ, и легко понять, въ какомъ душевномъ состояніи я вышелъ изъ Зимняго Дворца, чувствуя, какъ воспоминанія прошлаго, нынѣшнія печали и тревоги и ласка Государя встрѣчались разомъ, и заволновали безъ того взволнованную душу.

Въ концѣ октября въ самую ненастную погоду я отправился въ путь... Послѣ Москвы, гдѣ пробылъ два дня и гдѣ обѣщалъ Каткову сообщать свѣдѣнія, я остановился въ Владикавказѣ. Тутъ пріютившись на два дня въ хорошей гостиницѣ, содержимой французомъ, и началъ уже знакомство съ преддверіями Кавказа. Засталъ я тутъ довольно большой военный міръ, и первый сборный пунктъ для раненыхъ... Какъ настроеніе я засталъ здѣсь конецъ унынія и начало періода оживленнаго ободренія, который предшествовалъ знаменитому и славному авліарскому дѣлу... Это ободреніе я слышалъ въ разговорѣ со всѣми и съ каждымъ отдѣльно, и впечатлѣнія я испытывалъ такія,

что какъ будто солнце засвѣтило, хотя небо было свинцовое, и о солнцѣ на немъ не было и помину...

Въ эту скучную погоду, холодную и сырую, я совершилъ путь до Гадаура, то-есть до перевала, сквозь туманъ знакомясь съ красотами военно-грузинской дороги. Оживленіе на этой дорогѣ напоминало московскую Никольскую улицу: на каждомъ шагу обозы съ лошадьми, обозы съ верблюдами, колонны солдатъ, повозки съ ранеными, почтовые экипажи...

Не забуду поэтическихъ впечатлѣній того часа времени, въ теченіе котораго спирально поднимаешься на высоты Гадаура; начался путь въ туманѣ, съ тучами надъ головою, а полчаса спустя эти тучи были подъ ногами, а надъ головою синее небо, ярко блиставшая луна, разливавшая свой свѣтъ на высокія вершины Казбека, и морозъ настолько чувствительный, что пришлось закутаться въ шубу. Потомъ сталъ я спускаться, и еще черезъ полчаса очутился въ тепломъ почти воздухѣ, съ темною зеленью южной растительности, посреди которой суровая зима, только что мною пережитая, казалась мелькнувшимъ сномъ, а утромъ сквозь тучи блеснуло солнце, и я почувствовалъ его теплые лучи. Въ этомъ тепломъ воздухѣ и въ этой зелени я ѣхалъ до Тифлиса. Тифлисъ засталъ ликующимъ и обрадованнымъ авліарской побѣдой, имѣвшей значеніе выиграннаго генеральнаго сраженія.

Въ Тифлисѣ я представился Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоронѣ, супругѣ Намѣстника, и впервые увидавъ ее близко, испыталъ чары ея ума, ея живой личности, и ея теплаго сердца. Она вся жила впечатлѣніями отъ войны, раздѣленная съ мужемъ и съ театромъ событій двухъдневнымъ разстояніемъ, вся горѣла этими событіями, и успокоеніе находила только въ тѣ часы, которые еже-

дневно проводила между ранеными, размѣщенными въ лучшихъ мѣстностяхъ за городомъ. Въ Тифлисѣ я узналъ яснѣе, о чемъ прежде зналъ смутно, что если тамъ, на театрѣ войны, такъ вяло и такъ неудачно шли долгое время событія, то главною тому причиною былъ разладъ между главными военными личностями, окружавшими Великаго Князя Намѣстника. Другою причиною считали— нерѣшительность Лорисъ-Меликова, въ своей роли командующаго войсками.

Изъ Тифлиса я и отправился на театръ военныхъ дѣйствій подъ Карсомъ. Дорога опять раздѣлялась, относительно погоды, на двѣ половины. До Андижана я находился въ климатѣ юга, въ мягкомъ и почти тепломъ воздухѣ; затѣмъ въѣхалъ въ климатъ холодный, и остановился въ Александрополѣ, гдѣ былъ главный пунктъ для больныхъ и раненыхъ.

Здѣсь я пережилъ интересныя психическія минуты. Въѣзжая въ Александрополь, я испыталъ два сильныя и одинаково непріятныя впечатлѣнія. Первое—отъ цѣлой вереницы покойниковъ, которыхъ везли изъ больницъ на кладбище; а второе—ужасный смрадъ отъ какого-то запаха, который, какъ я потомъ узналъ, происходилъ отъ больничнаго зараженія. Явившись къ коменданту, милому старичку Зедергольму, я узналъ отъ него, что Александрополь насквозь пропитанъ госпитальнымъ тифомъ, отъ котораго несчастные раненые и больные мрутъ какъ мухи, и мретъ ихъ столько, что едва успѣваютъ ихъ хоронить. Долженъ признаться, что когда я все это узналъ отъ старика генерала Зедергольма, и когда вдобавокъ онъ мнѣ посовѣтовалъ поменьше оставаться въ Александрополѣ, я просто-на-просто струхнулъ, и почувствовалъ себя очень нехорошо въ этомъ городѣ смерти и вони. А когда

одинъ изъ военныхъ врачей къ разсказамъ Зедергольма присоединилъ свою характеристику госпитальнаго тифа и назвалъ его подобіемъ чумы, то я почувствовалъ себя еще хуже.

Состояніе это продолжалось часа два. Затѣмъ наступила крайняя минута: нѣчто въ родѣ нравственнаго кризиса и остраго боя между страхомъ за свою шкуру и между разумомъ, доказывавшимъ мнѣ мой долгъ. Результатомъ этого было то, что на третій часъ я уже входилъ въ одинъ изъ госпиталей, и тамъ, просиживая на кроватяхъ больныхъ и раненыхъ по нѣсколько минутъ, я пробылъ болѣе двухъ часовъ времени. Съ этой минуты я позабылъ, что госпитальный тифъ страшенъ, и прожилъ въ Александрополѣ 6 дней, не миновавъ ни одного госпиталя, и нравственныя ощущенія, которыя дано мнѣ было испытывать отъ созерцанія того удовольствія, которое доставляло бѣднягамъ больнымъ маленькое проявленіе живого участія, подарки, и въ особенности раздача евангелій были настолько сильны, что на седьмой день моего пребыванія въ Александрополѣ мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ этого города смерти и смрада, до того страдавшіе въ немъ стали мнѣ близки. Мнѣ все виднѣлись тѣ слезы и тѣ улыбки, которыми несчастные больные отвѣчали на каждую ласку. Интересно это психическое явленіе: та бездна, которая отдѣляетъ первоначальное состояніе страха смерти отъ того состоянія, когда не только ничего не боишься, но съ какимъ-то безпокойствомъ задаешь себѣ вопросы: да не окаменѣли ли нервы, не притупилась ли чувствительность сердца. Бывало, я не могъ выносить вида раны, а тѣмъ паче вида операціи. Тутъ, на пятый день, главный хирургъ Рейеръ, потомъ ставшій знаменитостью, пригласилъ меня къ себѣ въ операціонныя па-

латки: подъ навѣсомъ, на открытомъ воздухѣ, несчастные раненые оперировались на столѣ. Я простоялъ на 5 операціяхъ, и не только не дрогнулъ, но почти чувствовалъ окаменѣніе, испугавшее меня, ибо операціи были столь же ужасны, какъ стоны несчастныхъ раненыхъ. Но пришлось уѣхать. Я простился съ моимъ милымъ комендантомъ, и когда черезъ 3 недѣли я вернулся въ Александрополь, увы, пришлось узнать, что заразился отъ госпитальнаго тифа и похороненъ на холмѣ славы комендантъ Зедергольмъ. Я направился къ Визенкеву, къ послѣдней станціи до Карса.

Путь мой отъ Александрополя до главной квартиры главнокомандующаго шелъ по каменистой мѣстности, гдѣ начинался уже кряжъ горъ, и гдѣ я впервые познакомился съ *невидимыми* селеніями. Особенно меня это поразило, когда, въ позднюю вечернюю пору, мой экипажъ остановился и ямщикъ мнѣ сказалъ, что мы пріѣхали на военную станцію какого-то селенія, и я, въ недоумѣніи оглядываясь кругомъ, ничего не вижу, кромѣ камней, лежащихъ на землѣ. Оказалось, что все селеніе было въ подземельѣ, и взойдя въ какое-то отверстіе, гдѣ пришлось спуститься, я очутился въ просторномъ помѣщеніи станціи, гдѣ засталъ, кромѣ офицера, начальника поста, пылающій весело каминъ и нѣсколько проѣзжихъ офицеровъ. На всемъ пути встрѣчались транспорты съ больными и ранеными. Ихъ везли знаменитыя фуры молоканъ; я говорю знаменитыя потому, что никто изъ мѣстнаго населенія не оказалъ такихъ существенныхъ услугъ, какъ эти молокане, своими громадными и удобными фургонами, своими крѣпкими лошадьми и своими честными, трезвыми и надежными людьми, а между тѣмъ на этихъ самыхъ молоканъ, еще недавно, подъ предлогомъ ихъ

сектантства, взводились обвиненія чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

Пріѣздъ мой въ Визникевъ никогда не забуду. Это было вечеромъ; небо было ясно, мѣсяцъ на немъ ярко блестѣлъ, въ чистомъ воздухѣ чувствовался порядочный морозъ, и едва я пріѣхалъ въ жилище начальника военной станціи, какъ узналъ, что всѣ на горѣ и смотрятъ на штурмъ Карса. И я туда отправился. На пути явственно слышалась канонада; она напоминала шумъ тяжелыхъ обозовъ по замороженному шоссе: то долго длившаяся трескотня ружейной пальбы, то одинокіе громко-величественные выстрѣлы пушекъ, повторявшіеся гдѣ-то звучнымъ эхо. На горѣ зрѣлище открылось необыкновенное. Гора и вся отдаленная мѣстность со всѣхъ сторонъ были покрыты снѣгомъ; снѣгъ этотъ блисталъ подъ яркимъ блескомъ луны; въ отдаленіи какія-то очертанія высотъ и, затѣмъ, какіе-то фантастическіе зигзаги движущихся мелькавшихъ огней: то были штурмовавшія колонны, надвигавшіяся на нижнія укрѣпленія Карса. Минуты проходили за минутами; въ какомъ-то лихорадочномъ напряженномъ состояніи мы всѣ стояли передъ этою необыкновенною картиною; прислушиваясь къ этимъ страшнымъ звукамъ и горя желаніемъ узнать сквозь эту бѣлую даль, что тамъ происходитъ—побѣда или отступленіе, потому что по временамъ вдругъ потухали кое гдѣ линіи ружейныхъ огней, и какъ будто стихала трескотня выстрѣловъ, и между глядѣвшими на эту картину, вокругъ меня раздавались слова: отбили, подлецы, наши отступаютъ; что-то падало внутри, въ области сердца, замиралъ духъ, а потомъ вдругъ опять линіи огней какъ будто подвигались впередъ, опять усиливалась ружейная трескотня и опять разгоралась въ душѣ надежда, что наши идутъ впередъ.

Помню, какъ одинъ молоденькій офицеръ, глядѣвшій съ нами на этотъ штурмъ, вдругъ сказалъ; нѣтъ, не въ силахъ — бросился куда то, исчезъ и, затѣмъ, минуты черезъ двѣ показался уже на лошади и, прямо спустившись съ горы, полетѣлъ по направленію къ Карсу. Сколько мы стояли—не помню, но помню, что настала торжественная минута затишья: почти вездѣ смолкли звуки штурма, и мы ушли на отдыхъ въ подземное жилище. Но не до отдыха было въ эту минуту нервамъ. Я ждалъ, лежа съ открытыми глазами, ясно видѣвшими все ту же картину, — на ярко бѣломъ снѣгѣ наступающія колонны — и, опять прислушиваясь къ этимъ раскатамъ выстрѣловъ, ждалъ свѣта, чтобы ѣхать далѣе... Явился, наконецъ, дневной свѣтъ. Я сѣлъ въ повозку и поѣхалъ въ Веранъ-Кала, гдѣ была главная квартира... Дорога шла все время кругомъ Карса... Ясно и красиво передо мною рисовались Карскія высоты съ фортами, и тишина была полная... По дорогѣ встрѣчались пѣшіе солдатики, встрѣчались повозки... Каждому живому человѣку мы задавали вопросъ: что Карсъ? и каждый отвѣчалъ намъ свое неумолимое: не знаемъ... Наконецъ, я подъѣхалъ къ палаткамъ, къ баракамъ, гдѣ виднѣлась суета, и прямо передомною опять-таки глядѣлъ величественный Карсъ; у палатокъ вертѣлись какіе-то чиновники въ походной формѣ... Я попалъ на почту и, выскочивъ, подбѣжалъ къ этимъ чиновникамъ и спросилъ: ну, что Карсъ? И здѣсь странный отвѣтъ: Богъ ихъ знаетъ,—говоритъ одинъ; говорятъ, что взять,—говоритъ другой; а кто говоритъ, что отбить штурмъ,—сообщаетъ третій... Я обратился въ другія палатки, но тамъ натыкался только на деньщиковъ, ибо никого изъ *господъ* не было дома: всѣ были еще на штурмѣ... Узналъ только, что былъ штурмъ, но взять ли

Карсъ, глядѣвшій на насъ въ своемъ грандіозномъ безмолвіи, я не могъ узнать. Вдругъ раздался звукъ военнаго сигнальнаго рожка. Я бросился по его направленію, и вижу — издали приближается огромная куча всадниковъ... То было возвращеніе Великаго Князя... Когда они приблизились и можно было разглядывать лица, я сталъ жадно-вопросительно на нихъ глядѣть. Увидѣлъ на лицѣ Великаго Князя полное спокойствіе, но сіянія радости не видѣлъ; посмотрѣлъ и на другія лица: тоже не видѣлъ радости и опять душа погрузилась въ невѣдѣніе... Минутъ двадцать спустя появилась другая, меньшая группа всадниковъ: то былъ Лорисъ-Меликовъ съ своимъ штабомъ; онъ ѣхалъ къ Великому Князю, и на лицѣ его была скорѣе озабоченность, чѣмъ что бы то ни было радостное. Вскорѣ послѣ того я опять увидѣлъ Лориса-Меликова, съ своимъ штабомъ выѣзжающаго отъ Великаго Князя. Въ тотъ же день я узналъ разгадку этой неопредѣленности въ физіономіяхъ главныхъ дуйствующихъ лицъ кавказской арміи. Оказалось по расказамъ, что Великій Князь возвращался домой съ своимъ штабомъ съ отраднымъ чувствомъ, что Карсъ взятъ, но, съ одной стороны, присущее ему смиреніе, а съ другой стороны—*все* пережитое имъ въ эту ночь, вѣроятно, не давали еще мѣста той безграничной радости побѣдителя, отпечатка которой мы такъ жадно искали на его лицѣ; но, когда вернувшись къ себѣ, онъ захотѣлъ послать депешу Государю о взятіи Карса, предсталъ передъ нимъ осторожный Лорисъ-Меликовъ и сказалъ: надо подождать, я поѣду и осмотрю позиціи, чтобы узнать повѣрнѣе, взятъ ли Карсъ. Великій Князь будто бы отложилъ перо, и рѣшился ждать возвращенія съ осмотра позицій Лориса-Меликова... Черезъ полтора часа Лорисъ-Меликовъ вернулся и доложилъ Великому Князю,

что Карсъ взятъ,—все это мнѣ разсказывали въ этотъ день,—и только тогда началось ликованіе... въ мірѣ оффиціальномъ. Но запомнилъ я отъ этого дня, что ликованіе о побѣдѣ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ — произвело на меня особенное впечатлѣніе, какъ совсѣмъ новый психическій міръ, своими контрастами и рѣзкими переходами отъ торжествующихъ минутъ жизни къ ужасамъ смерти. Эти переходы проявлялись во всѣхъ кружкахъ. Человѣкъ говоритъ, захлебываясь, такъ сказать, впечатлѣніями пережитой славы: глаза его горятъ, сердце бьется сильно, въ какомъ-то героическомъ вдохновеніи онъ расказываетъ дѣло, и потомъ вдругъ обрывается громкій и звучный голосъ, въ глазахъ тухнетъ — огонь: этотъ палъ убитымъ, этотъ смертельно раненъ и разсказчикъ и его собесѣдники, двумя минутами вдругъ наступившей тоски,—справляютъ тризну по убитымъ товарищамъ. Цѣлый день я испытывалъ и слышалъ эти переходы отъ восторга побѣдителя къ тоскѣ по убитымъ, и когда вечеромъ, съ душою, полною этихъ животрепещущихъ разсказовъ о подвигахъ героизма, я очутился на морозѣ, на сборномъ пунктѣ раненыхъ, гдѣ сотни солдатъ стонали въ судорогахъ страданій и холода, о, тогда все веселое было забыто, и все славное превратилось въ ужасное.

Черезъ одного изъ приближенныхъ Великаго Князя я былъ ему представленъ въ той большой палаткѣ, гдѣ собиралась свита для завтраковъ и обѣдовъ, и получилъ постоянное приглашеніе къ завтраку и къ обѣду отъ Августѣйшаго хозяина. Здѣсь я мигомъ обратилъ себя въ пчелу, а всѣхъ окружавшихъ меня въ цвѣты, и я сталъ отъ одного къ другому переходить съ разспросами объ совершившемся великомъ событіи. Въ первый разъ въ жизни пришлось дѣлать работу военнаго корреспондента. Работа

была трудная: во-первыхъ, надо было умѣть спрашивать, затѣтъ слушать, затѣмъ все систематизировать и связывать и, наконецъ, помнить. Могу похвастаться, работа эта мнѣ удалась. Заручившись впередъ дозволеніемъ Великаго Князя, я въ два часа времени настолько овладѣлъ предметомъ, что поѣхалъ на походный телеграфъ, тамъ сѣлъ за столъ, и сталъ писать безконечную реляцію о штурмѣ Карса по адресу Каткова экспромтомъ, и по мѣрѣ того, какъ исписывалъ страницу, передавалъ ее на телеграфъ. Она прибыла ночью въ Москву, а на другой день появилась въ газетѣ. Это было первое подробное извѣстіе о штурмѣ Карса, и въ «Рускомъ Инвалидѣ» первая реляція была эта самая моя депеша; она же изъ Москвы передана была во всѣ города Европы. За этимъ первымъ завтракомъ Великій Князь былъ очаровательно веселъ, очарователенъ, благодаря простотѣ и скромности этого веселія. Изъ физіономій самыя интересныя были у Лорисъ-Меликова, у Лазарева и у князя Мирскаго.

Не стану описывать подробностей этого великаго боевого подвига кавказскихъ войскъ, такъ какъ много разъ онъ былъ описанъ. Я буду говорить только о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Побывши день между военными людьми, я вынесъ убѣжденіе, что взятіе Карса, да еще ночнымъ штурмомъ, для всѣхъ было событіе совсѣмъ неожиданное: оттого, когда то, что цѣлые долгіе мѣсяцы считалось невозможнымъ, осуществилось, всѣ были въ томъ состояніи, которое побудило Лорисъ-Меликова сказать Великому Князю: подождите телеграфировать Государю, я поѣду убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ взятъ Карсъ. Всѣ были какъ бы въ дурманѣ, какъ бы подъ давленіемъ вопроса: сонъ ли это, или дѣйствительность? Въ этотъ же день я увидѣлъ самаго счастливаго въ военной

семьѣ храбрецовъ, окружавшей Великаго Князя, это молодого конногвардейскаго офицера, С. И. Бибикова, котораго Великій Князь избралъ курьеромъ для отправленія къ Государю, и котораго, очевидно, ждали флигель-адъютантскіе вензеля. Это не былъ выборъ по протекціи, это былъ выборъ, павшій на одного изъ храбрѣйшихъ и достойныхъ.

На основаніи слышанныхъ мною разсказовъ, я составилъ себѣ о событіи штурма такое представленіе. Послѣ послѣдней Авліарской побѣды осторожный Лорисъ-Меликовъ высказалъ мнѣніе, что теперь, въ виду наступившей зимы, слѣдуетъ войскамъ отойти отъ Карса и перейти на зимнія стоянки, то-есть, другими словами, отложить военныя дѣйствія до весны и дать турецкимъ войскамъ отдохнуть, оправиться и укрѣпиться. Мнѣніе это нашло сочувствіе въ однихъ и протестъ въ другихъ. Всѣхъ рѣшительнѣе протестовалъ любимецъ войскъ, генералъ Лазаревъ, который настаивалъ на томъ, что Карсъ можно взять, и что именно теперь, послѣ нанесенныхъ туркамъ послѣднихъ пораженій, самая удобная минута для рѣшительныхъ дѣйствій. Великій Князь созвалъ военный совѣтъ. На немъ, какъ разсказывали, когда Лорисъ-Меликовъ спросилъ у Лазарева: гдѣ же его планъ штурмованія Карса? — онъ взялъ листъ бѣлой бумаги и, отдавъ Лорисъ-Меликову, сказалъ: вотъ мой планъ. На этомъ совѣтѣ убѣжденность и энергія Лазарева взяли верхъ надъ всѣми другими соображеніями, и Великій Князь поручилъ Лазареву повести этотъ штурмъ. Когда это было рѣшено, и начальство надъ штурмомъ отдано было Лазареву, многіе говорили, что половина дѣла уже сдѣлана, — до того вѣра войска въ Лазарева и любовь къ нему были велики. Мысль о ночномъ штурмѣ тоже вы-

звала въ средѣ военнаго совѣта оживленные споры, но и тутъ Великій Князь далъ перевѣсъ голосу Лазарева, считавшаго ночь однимъ изъ главныхъ условій успѣха.

Тутъ надо отмѣтить фактъ, сдѣлавшій огромную честь кавказской арміи. Тайна штурма была строжайше соблюдена, и только когда начался штурмъ, турки про него узнали. Они до того были застигнуты врасплохъ, что когда наши штурмующія войска начали въ образцовомъ порядкѣ свое наступательное движеніе противъ нижнихъ фортовъ, турецкій комендантъ спалъ сладкимъ сномъ и былъ разбуженъ криками его свиты: русскіе идутъ на штурмъ. Этому сладкому сну способствовало и то обстоятельство, что всѣ турецкія военныя власти пребывали въ полномъ убѣжденіи, что Карсъ взять штурмомъ нельзя,— убѣжденіе, которое, по странной случайности, раздѣлилъ столь же искренно Лорисъ-Меликовъ, ссылаясь на лѣтнія неудачи, и на отбитые штурмы въ 1814 году. Какъ извѣстно, судьба штурмовавшихъ колоннъ была иная, чѣмъ судьба обходной колонны генерала Комарова. Смѣшно сказать, но надо признать, что наивное объясненіе, которое тогда давали этому различію судебъ, самые серьезные люди признавали правдою. Объясненіе было такое: турки признавали взятіе Карса съ фронта штурмомъ невозможнымъ: форты, какъ Карадахъ, Аракъ, Гафисъ, считались неприступными; въ обходъ же они боялись штурма; оттого колонны, штурмовавшія Карсъ съ фронта, подъ непосредственнымъ начальствомъ Лазарева, взяли одинъ за другимъ всѣ форты Карса, встрѣтивъ сравнительно меньше сопротивленія и воспользовавшись ужасомъ и паникою, овладѣвшими турками, а обходная колонна генерала Комарова, встрѣтивъ огромныя силы турокъ, на мѣстѣ, гдѣ турки ждали штурма, должны были, не смотря

на геройство Комарова и его войска, отступить вслѣдствіе страшныхъ потерь отъ убійственнаго турецкаго огня. Случилось вслѣдствіе этого, какъ мнѣ разсказывали, нѣчто совсѣмъ необыкновенное. Лазаревъ уже вступалъ въ цитадель Карса, когда въ обходной колоннѣ Комарова раздался сигналъ къ отступленію. Лорисъ-Меликовъ получилъ донесеніе объ отступленіи Комарова, но ничего не зналъ о ходѣ штурма у Лазарева, и вслѣдствіе этого послалъ адъютантовъ къ генералу Лазареву, съ приказаніемъ *отступить*. Многіе говорили, что когда адъютантъ Лорисъ-Меликова, прискакавъ черезъ взятыя позиція, доскакалъ до Лазарева, онъ засталъ его уже въ цитадели и получилъ въ отвѣтъ отъ Лазарева такія слова: скажите командующему корпусомъ, что отступить некуда, Карсъ взятъ и я въ цитадели. Вслѣдствіе этого, какъ разсказывали, Великій Князь почти одновременно—получилъ отъ посланца Лазарева, храбраго офицера Кутаисскаго полка Тхоржевскаго, взявшаго лично съ командою охотниковъ фортъ Аракъ, донесеніе, что Карсъ взятъ, а Лорисъ-Меликовъ привозитъ извѣстіе объ отбоѣ и отступленіи русскихъ войскъ.

Изъ разсказовъ мнѣ стало ясно, почему Лазаревъ такъ убѣжденно и такъ увѣренно взялся за штурмъ Карса. Оказывается, что, ровно за 10 дней до этого, славный Кутаисскій полкъ 40-й дивизіи, входившій въ отрядъ Лазарева, предпринялъ, подъ начальствомъ храбраго своего командира Фадѣева, — рекогносцировку къ нижнимъ укрѣпленіямъ Карса и, во время этой рекогносцировки атаковалъ одинъ изъ фортовъ и взялъ его штурмомъ, и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся назадъ. Этотъ подвигъ кутаисскихъ баталіоновъ произвелъ на Лазарева настолько сильное впечатлѣніе, что онъ немед-

ленно задумалъ планъ ночного штурма всего Карса, совершенно такъ же, какъ произвелъ рекогносцировку и завладѣлъ фортомъ Фадѣевъ.

Хотя и Лазаревъ, и Лорисъ-Меликовъ были армяне, но трудно было найти болѣе противоположные два типа, какъ эти оба армяне. Лорисъ-Меликовъ, съ своимъ выразительно-умнымъ лицомъ, гдѣ прежде всего бросалась въ глаза хитрость, хотѣлъ казаться прямымъ, откровеннымъ, добродушнымъ и энергичнымъ, то-есть тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, и какъ онъ ни игралъ своею физіономіею, онъ могъ только въ первую минуту произвести на собесѣдника впечатлѣніе откровеннаго и добродушнаго человѣка; на вторую минуту хитрость вступала въ свои права, и вы сразу и навсегда уже чувствовали, что имѣете дѣло съ умнымъ актеромъ. Что же касается харатера и энергіи, то вся минувшая до того времени кампанія, томившая всѣхъ своею неопредѣленностью и бездѣйствіемъ,— слишкомъ явно доказала, что у Лорисъ-Меликова не было ни энергіи, ни характера, и въ то же время не было рѣшимости.

Лазаревъ, наоборотъ, съ перваго взгляда на него держалъ всякаго, подходившаго къ нему, подъ обаяніемъ сильной воли и прямодушія. Эта прямота его личности была одною изъ главныхъ причинъ его популярности въ войскѣ. Очень высокаго роста, съ поднятою головою, въ которой было что-то львиное, онъ могъ казаться страшнымъ, но съ перваго же слова, съ перваго же взгляда на страшнаго на видъ генерала вы получали впечатлѣніе, что передъ вами тотъ русскій боевой легендарный герой, котораго русскій солдатъ такъ любитъ и такъ чтитъ. И при этомъ, какъ неотъемлемая принадлежность этого легендарнаго типа, простота и скромность: ни-

когда ни слова о себѣ, всегда о другихъ — то для похвалы, то для ободренія.

Третья крупная личность былъ генералъ-адъютантъ, помощникъ Великаго Князя, князь Мирскій. Это былъ совсѣмъ европейскій типъ, но весьма привлекательный. На его красивомъ, пріятномъ и умномъ лицѣ виднѣлось оживленіе, какъ постоянное отраженіе его бойкаго ума и горячаго сердца; онъ говорилъ пріятно и убѣжденно, говорилъ съ вдохновеніемъ, и несмотря на то, что въ немъ виднѣлась страстная натура, въ немъ было какое-то спокойное владѣніе собою. Я провелъ два часа въ вечерней бесѣдѣ съ Лорисъ-Меликовымъ съ глаза на глазъ въ его палаткѣ. Его рѣчь была интересна, его разсказы оригинальны и бойки, но послѣ этихъ двухъ часовъ я подумалъ, имѣя передъ глазами его хитрый, бѣгающій взглядъ: вотъ человѣкъ, которому слѣдовало бы быть нашимъ посломъ въ Константинополѣ. Послѣ бесѣды съ княземъ Мирскимъ я подумалъ: вотъ человѣкъ, которому слѣдовало бы быть министромъ. Судьба рѣшила иначе. Князь Мирскій далъ себя забыть на Кавказѣ, а Лорисъ-Меликовъ далъ себя увлечь въ сферу внутренней политики, на которую у него не было никакихъ данныхъ.

На третій день послѣ взятія Карса Великій Князь Намѣстникъ, во главѣ огромной свиты, дѣлалъ верхомъ торжественный въѣздъ въ Карскую цитадель при яркомъ солнцѣ, озарявшемъ грандіозную живопись этой, столь долго считавшейся неприступною твердыни. Кромѣ величественности укрѣпленій, кромѣ великолѣпія видовъ, меня поразило то добродушіе, съ которымъ жители Карса, безъ различія пола и возрастовъ, встрѣчали побѣдоноснаго Главнокомандующаго. Измученные осадою, они встрѣчали, забывши свой національный и свой религіозный фана-

тизмъ, въ русскомъ войскѣ избавителя отъ долгихъ лишеній и страданій. Разставленный кучками многочисленный турецкій гарнизонъ Карса, своею покорностью и измученнымъ видомъ, внушалъ всѣмъ глубокое сожалѣніе, и сталъ оживать отъ русскаго провіанта, раздававшагося щедрою рукою.

Прислушиваясь къ военнымъ отзывамъ направо и налѣво во время объѣзда Карса Главноначальствующимъ, я вывелъ убѣжденіе, что укрѣпленія Карса оказались таковыми, что взять его можно было только такъ, какъ задумалъ этотъ штурмъ Лазаревъ, предположеніемъ застигнуть гарнизонъ врасплохъ ночнымъ штурмомъ. Инженеры говорили, что, будь штурмъ днемъ, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, онъ былъ бы отбитъ, какъ былъ отбиваемъ прежде. Въ цитаделѣ былъ сервированъ роскошный завтракъ. Потоки шампанскаго смѣнили потоки крови. Настроеніе было ликующее. Часть нашей арміи была послана къ Эрзеруму настигать послѣднія силы турокъ, и вѣсть о послѣднемъ сраженія при Девя Бойно, у Эрзерума,—была послѣднимъ побѣднымъ извѣстіемъ съ кавказскаго театра войны, заканчивавшимъ столь неудачно начатую и столь блестяще оконченную кампанію нашихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны.

Послѣ парада войскамъ, на которомъ Великій Князь благодарилъ героя русскаго солдата за побѣду, главная квартира перенесена была въ Карсъ, и всѣ обрадовались возможности жить въ теплыхъ каменныхъ домахъ, послѣ долгаго пребыванія на морозѣ въ палаткахъ.

Грѣшной плоти въ теплыхъ квартирахъ стало хорошо, успокоенному духу тоже, и началась нормальная жизнь, при которой, признаюсь пришлось, заносить въ свой дневникъ невеселыя впечатлѣнія. Многочисленная главная

квартира, размѣстившись удобно по квартирамъ, обратилась въ большой придворный муравейникъ, гдѣ вчерашній воинъ сталъ сегодняшнимъ царедворцемъ, и гдѣ на веселомъ досугѣ всякій давалъ волю языку и притаившемуся на время червячку самолюбія и зависти. Начались другъ противъ друга сплетни и интриги. Всякому было непріятно слышать отзывъ похвалы о другомъ, и всякій изобрѣталъ какую нибудь ложь, чтобы чернить того, про котораго говорили, что онъ былъ молодцомъ или героемъ. Вся Ревизоровская сцена съ безсмертнымъ: да и тотъ свинья,—разыгрывалась на полномъ просторѣ, и именно тотъ, кто меньше всего участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, громче и злѣе всѣхъ осуждалъ и бранилъ дѣйствительныхъ участниковъ войны, и никто никого не щадилъ. Герои Карса превратились въ виндзорскихъ кумушекъ, и поневолѣ, слушая ихъ сплетни, я возвращался къ себѣ въ удиненіе съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ, съ ощущеніемъ чего-то гадкаго, пережитаго душою, жаждавшей въ эти минуты героическихъ впечатлѣній.

Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ усилій улавливать правду изъ кучи сплетенъ я могъ составить себѣ извѣстные образы. Такъ, напримѣръ, мнѣ удалось усвоить себѣ убѣжденіе, что царями и героями славнаго кавказскаго войска оказались двѣ дивизіи, кавказская гренадерская, и пришедшая изъ Саратова на Кавказъ 40-я дивизія генерала Алхазова. Малорослые крѣпыши 40-й дивизіи творили чудеса подвижности и выносливости, не говоря о храбрости, которая была присуща всѣмъ войскамъ. Ее Лазаревъ полюбилъ по-отцовски и полагался на нее, какъ на каменную гору, онъ ей далъ во время штурма главную дѣйствующую роль, и она блестяще оправдала увѣренность въ нее своего отца-командира.

Пресыщенный муравейникомъ сплетенъ, я безъ сожалѣнія выѣхалъ изъ Карса и, пробывъ два дня снова въ Александрополѣ, гдѣ эпидемія госпитальнаго тифа, вслѣдствіе новаго наплыва раненыхъ, усиливалась, и два дня пробывъ въ Тифлисѣ, гдѣ передалъ всѣ мои впечатлѣнія Великой Княгинѣ Супругѣ Намѣстника, я вернулся въ Петербургъ налегкѣ, раздавши свой огромный багажъ приношеній для раненыхъ по госпиталямъ.

XXX.

(1877 годъ).

Петербургъ.—Поѣздка въ Константинополь.—Свиданіе съ германскимъ посломъ.—Встрѣча съ русскими войсками.—Санъ Стефанское сидѣніе.

Въ Петербургѣ я сталъ собираться въ поѣздку въ дѣйствующую армію въ Европейской Турціи съ тою же цѣлью, и собравъ разныя приношенія, въ январѣ направился на югъ, думая совершить путь черезъ Румынію и Болгарію. Но въ это время уже готовилось подписаніе перемирія, и когда я прибылъ въ Одессу, то узналъ, что перемиріе подписано, и что наши войска подходятъ къ Константинополю. Бывшій тамъ градоначальникъ Одессы, графъ Левашевъ, мнѣ подалъ мысль отправиться прямо въ Константинополь, такъ какъ, вслѣдствіе перемирія, первый пароходъ «Messagerie Maritime» прибылъ въ Одессу изъ Константинополя за транспортомъ быковъ, и поѣздку потому въ Константинополь очень легко осуществить. Дѣйствительно, оказалось, что французскій пароходъ черезъ два дня идетъ въ Константинополь и старый капитанъ-французъ съ большимъ удовольствіемъ предложилъ меня принять въ пассажиры. Тогда я телеграфировалъ германскому послу въ Константинополь, принцу Рейсу, о своемъ выѣздѣ, прося его покровительства, и въ солнечный день по морю, гладкому, какъ зеркало, прямо отпра-

вился съ своимъ багажемъ въ Константинополь, куда прибылъ на другой день.

На пристани въ Босфорѣ я встрѣченъ былъ кавасами германскаго посольства, и благополучно доставленъ въ гостиницу въ Пера, стоявшую рядомъ съ нашимъ опустѣлымъ посольствомъ. Я носилъ на головѣ придворную фуражку съ кокардою, и упоминаю объ этомъ потому, что благодаря ей я съ первой минуты вступленія въ Константинополь проходилъ черезъ самыя для меня неожиданныя впечатлѣнія. При встрѣчѣ съ этою фуражкою, къ величайшему моему изумленію, турки узнавали во мнѣ русскаго чиновника и очень привѣтливо со мною раскланивались. Въ объясненіе этого удивительнаго для меня явленія на улицахъ Стамбула старикъ-хозяинъ гостиницы сказалъ мнѣ, что русскіе между турками стали симпатичны, и что послѣдніе готовятъ русскимъ войскамъ торжественную встрѣчу въ Константинополѣ. Готовили ли эту торжественную встрѣчу или не готовили,—я не могъ провѣрить, но одно отмѣчу, что когда я два дня спустя посѣтилъ большой базаръ, турки-купцы стали на меня накидываться, звали наперерывъ къ себѣ въ лавки, и самымъ гостепріимнымъ образомъ угощали кофеемъ, вареньемъ и кальяномъ, увѣряя меня, что они съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія русскихъ войскъ въ Константинополѣ.

Черезъ три дня по главной улицѣ Пера я замѣтилъ—начали постройки какихъ-то эшафодажей; я спросилъ: что это строятъ? Мнѣ отвѣчали, что строятъ трибуны для публики ко дню вступленія русскихъ войскъ въ Константинополь.

Послѣ визита къ принцу Рейсу, котораго я не засталъ дома, я получилъ приглашеніе къ нему обѣдать.

Тутъ разъяснился вопросъ о русскихъ войскахъ въ видѣ характерной и интересной сцены.

За обѣдомъ, кромѣ матери посла и членовъ посольства, были два посла, итальянскій и австрійскій. Послѣ обѣда мужчины отправились въ кабинетъ принца курить, и здѣсь посолъ мнѣ сообщаетъ пріятное извѣстіе, что я скоро увижу моего зятя, графа Клейнмихеля, командовавшаго тогда Императорскими стрѣлками.

— Гдѣ же?—спрашиваю я его.

— А здѣсь,—отвѣчаетъ принцъ.

— Какъ здѣсь?—спросилъ я.

— Да, на-дняхъ русскія войска входятъ въ Константинополь,—сказалъ посолъ,—это рѣшено, а такъ какъ вашъ зять въ авангардѣ, то онъ войдетъ однимъ изъ первыхъ.

Я смотрю на обоихъ пословъ, и вижу на ихъ лицѣ тревожное изумленіе.

— То-есть, какъ войдутъ, — спросилъ австріецъ,— частнымъ образомъ?

— Нѣтъ, самымъ оффиціальнымъ.

— Какъ, съ оружіемъ въ рукахъ?

— Да, съ оружіемъ въ рукахъ.

— Такъ это взятіе Константинополя? — спросилъ австріецъ.

— Да, взятіе Константинополя. Я полагаю, что русскіе имѣютъ на то полное право,—замѣтилъ принцъ.

— А Европа,—почти торжественнымъ голосомъ сказалъ итальянскій посолъ,—а Англія?

Принцъ усмѣхнулся.

— Мой дорогой коллега,—отвѣтилъ онъ,—вы знаете, что Европа, а, слѣдовательно, и Англія признаютъ принципъ совершившагося факта (du fait accompli).

Послы пришли въ явное смущеніе.

Я вышелъ изъ германскаго посольства въ какомъ-то радостномъ настроеніи.

Наконецъ-то,—подумалъ я,—давнишняя русская мечта становится дѣйствительностью!..

Но ровно два дня спустя, проходя черезъ улицу Пера, я увидѣлъ рабочихъ, разламывающихъ амфитеатръ. Я подошелъ къ постройкѣ, и черезъ своего каваса спросилъ, отчего ломаютъ постройку.

— Приказано ломать,—отвѣчали мнѣ.

— Отчего приказано?—спросилъ я.

— Оттого приказано, — былъ отвѣтъ, — что русскія войска входить въ Константинополь не будутъ.

Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, я поѣхалъ къ г. Ону, находившемуся тогда въ Константинополѣ, узнавать, въ чемъ дѣло, и узналъ отъ него, что, дѣйствительно, въ теченіе этихъ двухъ дней произошла важная перемѣна, и главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ получилъ приказаніе изъ Петербурга остановить войска въ Санъ-Стефано, и въ Константинополь съ ними не входить.

Разумѣется, отвѣта на вопросъ: отчего?—я тогда получить не могъ, но замѣчательно, что послѣ и такъ до сего времени мнѣ не удалось на этотъ вопросъ получить ясный отвѣтъ, и во всемъ, что писалось объ этой эпохѣ войны, и во всемъ, что разсказывалось о ней,—вопросъ: что именно побудило дать приказаніе изъ Петербурга остановить наши войска у воротъ Царьграда, оставался и остается безъ точнаго отвѣта. Когда пришелъ въ Санъ-Стефано штабъ Великаго Князя, я узналъ, что этимъ распоряженіемъ обязаны были вліянію графа Шувалова, тогдашняго нашего посла въ Лондонѣ, представившаго

будто бы неизбѣжнымъ занятіе англійскимъ флотомъ Дарданеллъ и начатіе новой войны, если только наши войска займутъ Константинополь, но подтвержденія яснаго и точнаго факта этого я никогда не находилъ послѣ, и дипломатическій этотъ фактъ остался прикрытымъ непроницаемою тайною.

Въ ожиданіи подступавшихъ къ Санъ-Стефано нашихъ войскъ, я поѣхалъ отъ нечего дѣлать въ одно засѣданіе Краснаго Полумѣсяца, на которое, неизвѣстно почему, меня пригласили, и которое запомнилъ потому, что единственный разъ въ моей жизни видѣлъ дѣловое совѣщаніе, на которомъ подъ звуки докладчика, правда, довольно монотонные, почтенные члены, турецкіе сановники такъ сладко спали въ своихъ удобныхъ позахъ на диванахъ...

Я, разумѣется, тогда смѣялся надъ этими спавшими сладостно турецкими пашами и эффенди. Но мѣсяцъ спустя я сталъ понимать, что это состояніе сладкаго соннаго оцѣпенѣнія есть какъ бы послѣдствіе вліянія мѣстнаго воздуха, ибо мнѣ пришлось уже надъ самимъ собою смѣяться, такъ какъ я чувствовалъ все время, съ одной стороны, полную невозможность не только работать, читать, писать, но даже думать серьезно и долго объ одномъ предметѣ, а съ другой стороны—непреодолимое желаніе или смотрѣть въ пространство, ни о чемъ не думая, или сладко дремать. Это дѣйствіе Босфорнаго воздуха до того произвело на меня сильное впечатлѣніе, что я самымъ искреннимъ образомъ сталъ фанатически вѣрить, что воздухъ Босфора несомнѣнно изнѣжилъ и убилъ могучую расу турокъ, и что, несомнѣнно, то же дѣйствіе будетъ и на могучее русское племя, если когда-нибудь мы устроимъ центръ русской жизни на Босфорѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе этой изнѣживающей и раз-

слабляющей атмосферы испытывалъ далеко не я одинъ. Мнѣ казалось, что наши герои-войска, усѣвшись въ Санъ-Стефано, у воротъ Царьграда, увы, похожи были на Руслана въ замкѣ Наины, отдаваясь чарамъ изнѣженной истомы и теряя волю, энергію и иниціативу.

Когда я узналъ, что нашъ авангардъ приближается къ Санъ-Стефано, я нанялъ коляску и поѣхалъ въ Санъ-Стефано, а оттуда въ поле ожидать появленія нашихъ войскъ.

Послѣ двухъ часовъ ожиданія, я завидѣлъ въ полѣ вдали конныя фигуры, и на пригоркѣ встрѣтился съ двумя передовыми офицерами стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона, открывавшими шествіе войскъ; этотъ баталіонъ открывалъ шествіе, такъ что полчаса спустя я могъ уже обнять моего зятя, графа Клейнмихеля. Онъ помѣстился съ своими офицерами въ двухъ-этажной дачѣ въ полѣ, близъ Санъ-Стефано... Боже, какой у нихъ видъ былъ послѣ этого страшно усиленнаго труднаго похода: измученные, усталые, почти голодные и нравственно убитые извѣстіемъ о томъ роковомъ «*стой*», которое судьба произнесла въ тотъ мигъ, когда они вынесли всѣ невзгоды, всѣ тяжести похода, съ надеждою все забыть въ стѣнахъ взятаго Царьграда... Получивъ деньги въ Петербургѣ отъ жертвователей въ свое распоряженіе на нужды на мѣстѣ войны, я часть этихъ денегъ посвятилъ на раненыхъ и больныхъ, а другую часть призналъ своимъ священнымъ долгомъ употребить на угощеніе баталіона послѣ его похода, и на другой день въ поѣздѣ по желѣзной дорогѣ привезъ въ Санъ-Стефано провіанта, о которомъ въ теченіе мѣсяцевъ похода они совсѣмъ забыли.

Тутъ началась новая жизнь нашей гвардіи. Она рас-

положилась лагерями около Санъ-Стефано, и получила отдыхъ и приволье. Но не веселы были этотъ отдыхъ и это приволье. Внезапный переходъ отъ героическихъ подвиговъ небывалаго въ исторіи міра перехода черезъ Балканы, съ лазаньемъ по горамъ и переходами по шею черезъ рѣки,—къ бездѣйствію въ мягкомъ воздухѣ Босфора имѣлъ губительное дѣйствіе на наши войска и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Сразу между войсками, гдѣ не было больныхъ на сказочныхъ вершинахъ Балканъ, появился тифъ, сразу стали наполняться госпитали, а рядомъ съ этимъ, цѣлый день, чтобы изгнать тоску, люди ѣли, пили, играли, дремали до вечера, когда вездѣ открывались гостепріимныя двери кафе-шантановъ и, одурѣлые отъ дневного бездѣйствія, люди въ полудремотѣ слушали пахабныя шансонетки.

Проводя въ военныхъ кружкахъ долгіе часы, я, понятно, жаждалъ разсказовъ о боевыхъ подвигахъ; но вскорѣ понялъ, что состояніе духа, въ которомъ были наши вчерашніе герои-богатыри, мѣшало имъ даже увлекаться и жить свѣжими впечатлѣніями прошлаго: они были именно въ состояніи какого-то полусна или оцѣпенѣнія, безъ энергіи для жизни и даже для разсказовъ...

Какъ вчера, помню сильное впечатлѣніе, которое на меня произвела картина одного изъ многихъ дѣйствій этой атмосферы на молодого офицера, еще недавно давшаго своему имени ореолъ героизма. Я принялся его искать въ Санъ-Стефано между офицерами, чтобы его увидѣть, ему поклониться, его послушать... И вотъ, нахожу его жилище, стучусь въ дверь, деньщикъ отворяетъ, впускаетъ меня въ комнату, и я застаю моего героя у окна, съ видомъ на море, съ глазами, устремленными

вдаль, и съ неизбѣжною содовою водою съ коньякомъ подъ руками на столикѣ...

Я бросился къ нему въ порывѣ энтузіазма... Мы обнялись... Но затѣмъ, послѣ первыхъ минутъ радостной встрѣчи, я сталъ испытывать странныя впечатлѣнія, глядя на усталое, скучное и безжизненное выраженіе лица, глаза точно дремлющіе, рѣчь лѣнивая, съ постоянными перерывами, и четверти часа было, увы, достаточно, чтобы придти къ убѣжденію, что всѣ эти внѣшнія впечатлѣнія были отраженіемъ того тоскливаго и апатичнаго душевнаго состоянія, въ которомъ вчерашній герой столь же безсмысленно глядѣлъ на жизнь, какъ на стаканъ съ своимъ содо-брэнди...

Что я ни дѣлалъ, чтобы разбудить въ немъ дремлющаго льва вопросами и разспросами, я не могъ ничего добиться, кромѣ общихъ фразъ, дышавшихъ скукою и разочарованіемъ, и послѣ часовой квази-бесѣды я вышелъ съ самыми тяжелыми впечатлѣніями въ душѣ.

19 февраля нарушило общую спячку въ Санъ-Стефано. На этотъ день назначенъ былъ парадъ войскамъ, для торжественнаго объявленія о заключенномъ мирѣ.

Переговоры насчетъ мира велись очень дѣятельно въ Санъ-Стефано, подъ руководствомъ бывшаго нашего посла въ Константинополѣ Г. А. Игнатьева. Про эти переговоры шли разные толки. Я запомнилъ, между прочимъ, одинъ толкъ, чрезвычайно характерный. Разсказывали, что нашъ главный уполномоченный настоятельно требовалъ уступки Россіи турецкаго флота, на что турецкіе уполномоченные ему отвѣтили самымъ энергичнымъ: non possumus, прибавляя къ тому, что султанъ скорѣе предпочтетъ *сжечь всѣ свои корабли*, чѣмъ уступить хоть одинъ изъ нихъ Россіи... Что султанъ давно уже сжегъ всѣ свои корабли

въ аллегорическомъ смыслѣ, въ этомъ ни малѣйшаго не было сомнѣнія, но чтобы такой аргументъ со стороны турецкихъ уполномоченныхъ могъ подѣйствовать настолько убѣдительно на нашихъ уполномоченныхъ, что они отказались отъ требованія флота, того, очевидно, никто не могъ ожидать. Но этого мало: съ присущимъ туркамъ лукавствомъ, уполномоченный Порты — сталъ говорить: вмѣсто флота требуйте земли, побольше земли, вотъ карта,—сталъ онъ говорить, развертывая карту Европейской Турціи, и тыкая пальцами по благодатной Болгаріи, — берите, что хотите: этого вамъ мало, берите вотъ это; а если и этого мало, берите еще вотъ это, и такимъ образомъ чуть ли не цѣлую Турцію предлагали въ распоряженіе нашихъ уполномоченныхъ.

Хитрый маневръ удался, какъ нельзя лучше. У нашихъ уполномоченныхъ стали течь слюнки и разбѣгаться глаза отъ лакомыхъ кусочковъ, любезно предлагаемыхъ турецкими лисами, такъ что они сразу позабыли про турецкій флотъ и стали съ веселымъ аппетитомъ кроить, забирая земли за землями, цѣлую громадную Болгарію.

А потомъ турки говорили промежъ себя, смѣясь: все равно, Европа отберетъ назадъ эти земли и намъ возвратитъ, пускай тѣшатся теперь и забираютъ, что хотятъ, а флотъ останется у насъ.

Штука удалась...

XXXI.

(1878 годъ).

Подписаніе мира.—Парадъ.—Впечатлѣнія.

Ужасный день былъ этотъ день 19 февраля въ Санъ-Стефано. Все время тихая погода вдругъ разсердилась, и впервые явилась во всей ярости своего гнѣва. Съ утра сталъ шумѣть ужаснѣйшій вѣтеръ, море заволновалось, по небу неслись темныя тучи, и въ этой-то холодной и мрачной обстановкѣ войска стали сбираться на парадъ, на полѣ возлѣ Санъ-Стефано.

Собрались войска; прошло полчаса, прошелъ часъ, прибылъ Главнокомандующій Великій Князь со свитою. И онъ сталъ передъ войсками въ выжидательную позу. А люди зябнутъ отъ ужасныхъ порывовъ бушевавшаго урагана и думаютъ объ одномъ: какъ бы скорѣе пытка кончилась.

Всѣ взоры обратились туда, вдаль, вправо, къ бѣлому дому, на краю Санъ-Стефано, гдѣ происходили переговоры о мирѣ. Оказалось, что переговоры еще тянулись передъ подписаніемъ договора.

Въ ожиданіи этого конца произошелъ эпизодъ, который забыть трудно... Невинный и маленькій этотъ эпизодъ заключалъ въ себѣ всю сущность конца свершеннаго героями гигантскаго похода.

Великій Князь подъѣхалъ къ первымъ шеренгамъ войскъ и сказалъ солдатикамъ: ребята, оглянитесь назадъ, вонъ Святая Софія. Солдаты оглянулись назадъ.

— Вотъ отсюда, съ пригорка вамъ лучше будетъ видно,—сказалъ Великій Князь, указывая на мѣсто, гдѣ онъ находился.

И солдатики подбѣжали къ этому возвышенному мѣсту и оттуда стали смотрѣть въ темную даль, гдѣ съ трудомъ, благодаря мчавшимся по небу тучамъ, можно было разглядѣть куполъ какой-то мечети.

Помню, какъ у меня въ эту минуту болѣзненно сжалось сердце.

Такъ вотъ, для чего были всѣ эти побѣдные и братскіе клики; вотъ, для чего десятки тысячъ лучшихъ сыновъ нашего народа легли на вѣки на полѣ битвы; вотъ, для чего тысячи и тысячи солдатъ лежали, томясь въ страданіяхъ отъ ранъ и болѣзней,—думалъ я, и думали, вѣроятно, всѣ до единаго стоявшія на семъ санъ-стефанскомъ полѣ русскія войска,—чтобы взбѣжать на пригорокъ подъ стѣнами Константинополя, и оттуда взглянуть черезъ туманную даль, будто бы, на куполъ Св. Софіи.

Я стоялъ близко отъ Великаго Князя, когда онъ обратился къ солдатамъ съ этими словами, и я увидѣлъ, какъ, пока онъ говорилъ, его доброе, привѣтливо-открытое лицо какъ будто приняло грустно-насмѣшливое выраженіе, и мнѣ казалось, что подъ этою грустною усмѣшкою скрывалось душевное ощущеніе, какъ больно и какъ жутко въ эту минуту русскому человѣку, и въ немъ—именно въ немъ—эти тяжелыя ощущенія каждаго русскаго должны были быть сильнѣе, ибо онъ ближе всѣхъ видѣлъ

героизмъ нашихъ войскъ, и страданія и лишенія, ими переживаемыя...

Да, въ этомъ эпизодѣ была почти комическая развязка 2 года длившейся драмы...

Да, въ этомъ эпизодѣ обращалась въ дымъ и улетала, чтобы изчезнуть въ висѣвшихъ надъ головами нашими тучахъ, та идея, которою мы два года жили, въ лихорадочномъ сознаніи, что свершаемъ историческій и народный подвигъ...

Но, увы, въ этомъ же комическомъ эпилогѣ ужасной драмы заключалось начало новой, еще болѣе ужасной драмы, духовнаго внутренняго переворота, какъ роковой реакціи, и перехода отъ пережитаго идейнаго состоянія къ состоянію тупого и тоскливаго разочарованія, сдѣлавшаго атмосферу душною, и подвергнувшаго всѣхъ въ какое-то зловѣщее состояніе недовольства и чего-то неудовлетвореннаго...

Годъ спустя, я уже припоминалъ эту минуту, когда солдатики, добродушно смѣясь, смѣялись какъ будто надъ самими собою на пригоркѣ, чтобы взглянуть на Св. Софію, и припоминалъ потому, что между этою минутою и тѣмъ состояніемъ умовъ, которое и слышалъ и понималъ вокругъ себя потомъ, я находилъ роковую связь послѣдствія съ своей причиною.

Но вотъ завидѣли вдали, направо, у бѣлаго домика, что-то вродѣ движенія, раздалась команда: смирно, и мы увидѣли ѣдущую, направляясь къ фронту войска, коляску съ тройкой лошадей, въ которой, съ бумагами въ рукахъ, сидѣлъ главный уполномоченный, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Онъ ѣхалъ и держалъ бумагу свою высоко, точно торжественно и словно ее возносилъ надъ тысячами героевъ-солдатъ, стоявшихъ въ строю подъ своими про-

стрѣленными знаменами, точно онъ говорилъ: вотъ, ребята, плодъ вашего героизма и дѣло вашей крови!

И затѣмъ прочитано было объявленіе Санъ-Стефанскаго мира.

Раздалось «ура»...

Ураганъ, заглушавшій это «ура»,—былъ сильнѣе звуковъ солдатской груди, а такъ же холоденъ, какъ ея крикъ!

Но лицо у главнаго представителя нашей дипломатіи было сіяющее, и этотъ контрастъ между сіяніемъ вѣстника мира и между разочарованіемъ войскъ, которымъ онъ о немъ объявлялъ, я запомнилъ.

Затѣмъ всѣхъ поразила торжественность минуты, когда провозглашена была на этомъ полѣ вѣчная память войскамъ, животъ свой положившимъ за вѣру, Царя и отечество, и когда всѣ войска въ эту минуту преклонили колѣна, подъ звуки молитвеннаго пѣнія, сливавшіеся съ плачемъ шумящаго вѣтра...

Потомъ все кончилось церемоніальнымъ маршемъ, и войска стали расходиться съ вопросомъ: когда же вернемся домой?..

Но этому желанію не скоро суждено было сбыться.

Начался новый періодъ стоянія подъ Константинополемъ, отличавшійся отъ перваго: въ первомъ періодѣ что-то поддерживало духъ въ видѣ отдаленной надежды на почетный миръ; во второмъ періодѣ эта надежда угасла; сознаніе, что всѣ эти жертвы Русскаго народа были принесены для созданія какой-то громадной Болгаріи, и такъ какъ войска стояли въ Санъ-Стефано уже съ ощущеніемъ омерзенія къ этимъ братушкамъ, требовавшимъ деньги даже за стаканъ свѣжей воды для утоленія предсмертной жажды русскаго солдата, то нельзя было себѣ предста-

вить, какъ мало нравственнаго удовлетворенія внеслось въ душу русскаго солдата послѣ объявленія санъ-стефанскаго мира, и какъ много вселилось въ нее горькаго разочарованія.

Около этого времени мнѣ пришлось познакомиться со Скобелевымъ въ самой оригинальной обстановкѣ, въ Константинополѣ, въ одномъ изъ многихъ кафе-шантановъ, за бутылкою шампанскаго и съ одною изъ французскихъ пѣвицъ въ придачу. Тутъ я дѣйствительно познакомился съ этою оригинальною историческою личностью, ибо увидалъ его забывающимъ въ самомъ безшабашномъ и даже грубо проявляемомъ разгулѣ все то духовное, съ чѣмъ онъ пришелъ въ Санъ-Стефано, и все то, что онъ перенесъ въ себѣ. Скобелевъ, какъ говорятъ, открыто возсталъ противъ дипломатическаго рѣшенія стать у воротъ Константинополя и любоваться волшебною картиною Св. Софіи; онъ требовалъ немедленнаго похода на Галлиполи и занятія этого портоваго города съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать англичанамъ войти въ Дарданеллы; была одна минута, когда все зажглось около Скобелева его рѣшимостью и смѣлостью, и обрадовалось возможности промѣнять ужасное сидѣнье въ Санъ-Стефано на походъ на Галлиполи; но это была минута; изъ Петербурга прибыло строжайшее veto, и Скобелеву сказали: успокойтесь. А когда въ придачу къ этому впечатлѣнію, или, вѣрнѣе, къ этому удару пришлось испытать общее впечатлѣніе отъ мира, давшаго такъ много Болгаріи и такъ мало Россіи, Скобелевъ вошелъ въ еще болѣе возмущенное состояніе духа, и вотъ въ такую-то минуту я съ нимъ познакомился, когда въ промежуткахъ между цинизмомъ и грубостью его рѣчи съ француженкой онъ возвращался къ извѣстному спокойному положенію, когда по его нервному

тону я узнавалъ, какъ онъ негодуетъ, какъ онъ оскорбленъ всѣмъ, что заключаетъ въ себѣ это санъ-стефанское сидѣнье для Россіи печальнаго.

Да, въ этотъ странный, по своей дикой обстановкѣ, часъ, между бутылкою шампанскаго и кокоткою, я могъ узнать и понять Скобелева—въ безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ его необыкновенно-оригинальной личности. Второго, ему подобнаго, человѣка я никогда не встрѣчалъ. Эти быстрые и всегда неожиданные переходы отъ бездушной и циничной грубости, въ которыхъ легко было себѣ представить того же Скобелева бездушнымъ, какъ камень на войнѣ для смерти и для солдата, къ состоянію нервной женщины, съ трепетомъ въ голосѣ и со слезами на глазахъ; отъ полнаго хладнокровія и крѣпкаго обладанія собою къ полному отданію этой могучей за минуту до того своей личности въ рабство сильному ощущенію; отъ горячей и даже пламенной иллюзіи къ самой прозаической разочарованности,—такіе внезапные переходы составляли сущность его личности, избалованной счастьемъ и никогда не бывавшей въ серьезной школѣ нравственной дисциплины, столь нужной для образованія цѣльнаго и крупнаго характера. Все время въ теченіе этого часа я любовался Скобелевымъ, какъ интереснымъ героемъ жизни, но все время тоже я слышалъ и сознавалъ въ немъ не характеръ, а капризы нервнаго и дурно воспитаннаго баловня судьбы, который долженъ былъ внѣ часовъ командованія солдатами на войнѣ быть тяжелымъ для людей по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по отсутствію въ немъ любви къ кому бы то ни было, и во-вторыхъ, по отсутствію въ немъ уваженія къ людямъ; а рядомъ съ этимъ, хотя онъ свою жизнь въ бою цѣнилъ дешевле гроша, онъ внѣ боевого огня любилъ себя съ кокетствомъ и съ сочувствіемъ къ

тѣмъ декораціямъ, которыя онъ придавалъ своей личности, рисуясь и раскрашивая себя нравственными бѣлилами и румянами.

Я увидѣлся съ принцемъ Рейсомъ, германскимъ посломъ, и напомнилъ ему его слова о вступленіи русскихъ войскъ въ Константинополь.

— У васъ есть дипломаты,— сказалъ онъ,—болѣе европейцы, чѣмъ Европа, и менѣе русскіе, чѣмъ Россія.

Въ Санъ-Стефано за завтракомъ въ ресторанѣ—пришлось мнѣ узнать про драматическій эпилогъ одного интереснаго эпизода, случившагося со мною въ предыдущемъ году.

Однажды, въ 1877 году, приходитъ ко мнѣ дама, очень порядочная на видъ, и не желая себя назвать, выразила желаніе меня видѣть... Остановившись у дверей моего кабинета, она мягкимъ и пріятнымъ голосомъ задаетъ мнѣ вопросъ: думаю ли я и чувствую ли я то, что я пишу, а когда я ей на это отвѣтилъ, что я только тогда пишу, когда хочу выразить то, что думаю, и то, что чувствую, она вошла въ кабинетъ и, съ прикрытымъ вуалью лицомъ, сѣла на диванъ и заговорила.

Рѣчь ея оказалась началомъ исповѣди ея бурнаго прошлаго. Я началъ слушать ее внимательно, но когда исповѣдь начала проникать уже въ черезчуръ интимныя тайны ея жизни, я ее остановилъ, сказавши, что я не довольно старъ, чтобы слушать такія исповѣди и давать совѣты, и думаю, что она должна искать болѣе достойнаго исповѣдника... Тогда она мнѣ отвѣтила, что, читавши мой романъ «Женщины петербургскаго большого свѣта», она нашла во мнѣ, какъ авторѣ, глубокое пониманіе женскаго сердца, и обратилась ко мнѣ съ мыслью, что, можетъ быть, я могу дать совѣтъ: что дѣлать съ

жизнью... Я ей повторилъ, что считаю себя слишкомъ дурнымъ человѣкомъ, чтобы давать совѣты, рѣшающіе участь чьей-либо жизни и требующіе, притомъ, самой сокровенной исповѣди...

— Но что же мнѣ дѣлать?—сказала она,—вѣдь отца Іоанна нѣтъ же на свѣтѣ, нѣтъ?

Отецъ Іоаннъ былъ священникъ, изображенный мною въ романѣ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—есть.

— Какъ? — воскликнула она. — вашъ отецъ Іоаннъ существуетъ, и онъ въ Петербургѣ?

— Да,—говорю я,—онъ въ Петербургѣ. Я его назвалъ отцемъ Іоанномъ, но онъ носитъ другое имя.

— Бога Самого ради, укажите, гдѣ я могу его найти?

Я далъ ей адресъ священника и, затѣмъ, мы разстались.

При прощаніи она себя назвала и приподняла вуаль. По лицу это была бальзаковская женщина, по глазамъ видно было, что она много плакала: на лицѣ сохранились еще глубокіе слѣды замѣчательной красоты.

Прошло нѣсколько недѣль. Я успѣлъ забыть про этотъ таинственный визитъ. Однажды утромъ эта дама пріѣзжаетъ ко мнѣ снова.

Но, Боже, какая метаморфоза. Лицо ея было свѣтло и свѣжо, какъ майское утро. Оно было спокойно и ясно.

Изъ ея словъ я узналъ, что она обратилась къ моему отцу Іоанну, и нашла въ немъ именно того духовнаго отца, какого она искала, какой ей былъ нуженъ, и именно такимъ, какимъ я его описалъ въ своемъ романѣ.

— Онъ мнѣ указалъ мою дорогу,—сказала она,—и я по ней пойду; я уже пошла по ней, и съ тѣхъ поръ чувствую въ душѣ какое то невыразимо-благодатное, спокойствіе.

Дорога, ей указанная, оказалась миссіею сестры милосердія на войнѣ. Она рѣшилась ѣхать въ дѣйствующую армію и, прощаясь со мною, поблагодарила меня за то, что я ей указалъ спасителя ея жизни, оттолкнувшаго ее съ любовью отъ пропасти и излѣчившаго губившую ее тоску.

Прошелъ весь 1877 годъ.

Однажды сижу я въ веселой компаніи, за завтракомъ, въ Санъ-Стефано; вблизи меня завтракалъ мой хорошій знакомый Н., бывшій тогда однимъ изъ уполномоченныхъ Краснаго Креста. Онъ что то разсказывалъ, только-что вернувшись изъ филиппопольскаго отряда.

Вдругъ я слышу знакомое имя.

Я прислушиваюсь, и вспомнилъ, что это знакомое имя была фамилія моей таинственной собесѣдницы весны прошлаго года.

Н. разсказывалъ про чудесную смерть одной сестры милосердія въ филиппопольскомъ госпиталѣ, только-что имъ видѣнную; и то была смерть этой самой дамы...

Разсказъ меня глубоко поразилъ, и всѣхъ насъ умилилъ. Она заразилась при уходѣ за больными тифомъ, и умирала въ госпиталѣ, гдѣ была любимою сестрою милосердія. Умирала она свѣтло и спокойно, окруженная любовью и благодарностью: любовь къ ней выражали ея сподвижницы милосердія; благодарность выражали нѣсколько выздоравливающихъ раненыхъ; и тѣ и другіе окружали ея постель, иные на колѣняхъ, съ лицами, по

которымъ текли тихія и горячія слезы. Умиравшая ихъ утѣшала и ободряла.

Потомъ она сказала: умирать не страшно и не трудно, но одно ужасно: не вѣдать, простилъ ли мнѣ Богъ... О, если бы я могла благословить моего сына передъ смертью, какъ я была бы счастлива, это значило бы, что Богъ меня простилъ!

Прошло четверть часа послѣ этихъ словъ; царило таинственное молчаніе, какъ вдругъ послышался конскій топотъ. Всѣ вздрогнули. Потомъ раздался ясно молодой мужской голосъ. Умиравшая открыла глаза, приподняла голову; дверь отворилась; вдругъ она вскрикнула, то былъ ея сынъ, успѣвшій прибыть изъ своего полка во-время.

Свиданіе съ матерью было зрѣлищемъ, неподдающимся описанію.

— Теперь я совсѣмъ счастлива, Боже, благодарю Тебя!—сказала она, съ сіявшимъ какъ-будто лицомъ, и не прошло минуты, какъ, держа руку сына, она глубоко вздохнула и скончалась.

Подходила Страстная недѣля, а войска наши все продолжали свое тоскливое сидѣніе подъ Константинополемъ.

Я жилъ между Императорскими стрѣлками въ Санъ-Стефано, и воспользовался свободными деньгами, чтобы выписать изъ Одессы пароходомъ розгавливанье для всего баталіона: привезли бочки творогу, сдѣлали пасхи, и въ звѣздную теплую ночь, на полѣ, передъ домомъ, батальонъ выстроенъ былъ въ карэ, и началась пасхальная заутреня, прекрасно спѣтая пѣвчими батальона. Свѣтлый праздникъ только этимъ и отличился отъ другихъ дней, и въ Свѣтлое Воскресенье продолжалась, какъ вчера и прежде, та же отвратительная по бездѣйствію и безсмыслію жизнь.

Боже, что это была за жизнь, и вездѣ — на огромномъ протяженіи всего лагеря она была одинакова. Самую печальную картину представляли собою офицеры въ полкахъ. Отъ бездѣйствія день и ночь дѣлились между пошлыми кутежами въ константинопольскихъ кафе-шантанахъ и разныхъ игорныхъ трипо и между игрою у себя за бутылкою вина, пива или водки.

Жалко и больно было смотрѣть на это зрѣлище; у каждаго почти офицера была тамъ, на родинѣ, семья; каждый офицеръ привезъ въ Санъ-Стефано капиталецъ, составленный благодаря походнымъ сбереженіямъ и лишеніямъ; казалось бы, отчего эти деньги не поберечь до возвращенія домой или послать въ свою семью? Но не тутъ то было: санъ-стефанское сидѣніе дѣйствовало притупляющимъ и одуряющимъ образомъ на духовный организмъ молодого офицера; въ этой атмосферѣ все, что должно было быть близкимъ сердцу, забывалось, и всѣ деньги у офицера уходили на карточныя игры и на кутежи, безъ остатковъ, такъ что значительная часть офицеровъ не только ничего не привезли съ собою, но вернулись домой безъ гроша денегъ или, что еще хуже, съ долгами.

Послѣ Пасхи я собрался въ обратный путь, и никогда не забуду того тяжелаго душевнаго состоянія, съ которымъ прощался съ батальономъ и со всѣми пріятелями, оставляя за собою среду, гдѣ духъ былъ такъ низко упавшимъ, гдѣ все великое и священное отъ недавней героической эпопеи давно было не то, что забыто, а какъ-будто осмѣяно, развѣнчано, уныніемъ обращено въ ничто! Когда я уѣзжалъ, уже всѣ знали, что санъ-стефанскій договоръ былъ кассированъ и опротестованъ Европою. Здѣсь, подъ стѣнами Константинополя, съ

массою раненыхъ на мѣстѣ и съ массою убитыхъ, оставшихся позади, всѣ эти вчерашніе герои, русскія войска, получили роковой смыслъ тѣней, декорацій, а жизнь и центръ ея переходили въ Берлинъ, гдѣ надлежало Россіи-побѣдительницѣ выступить передъ европейскимъ ареопагомъ въ роли смиренной подсудимой, и гдѣ ее ждало быть побѣжденною перомъ.

И не было солдата, и не было офицера, который въ то время не чувствовалъ, что русскія войска въ позорномъ плѣненіи у Европы передъ воротами Константинополя. Вотъ чувство, съ которымъ я выѣхалъ изъ Константинополя.

Не легче были чувства, которыя я началъ испытывать, вступивъ на русскую почву. Какою то тоскою, горечью и грустью повѣяло кругомъ, и вспоминая недавнее прошлое, я испытывалъ впечатлѣніе вродѣ того, которое заволакиваетъ душу на свѣжемъ пепелищѣ послѣ пожара, гдѣ обгорѣлые, безмолвные останки напоминаютъ то время, когда все было здѣсь полно жизни, веселья и свѣтлыхъ призраковъ будущаго...

Въ Петербургѣ я нашелъ первыя проявленія весны въ природѣ, но въ людской атмосферѣ дышалось такъ же тяжело и грустно, какъ осенью, и куда ни пойдешь, съ кѣмъ ни заговоришь, вездѣ болѣзненно звучала нота разочарованія, нота глухого протеста противъ судьбы, сдѣлавшей изъ героическихъ подвиговъ русскаго войска, и изъ тысячей труповъ русскихъ воиновъ — подножіе и ореолъ для новаго торжества Бисмарка, Берлина, Германіи.

XXXII.

(1878 годъ).

Дипломатическій походъ противъ Россіи.—Невыгодное положеніе Россіи.—Заслуги графа П. А. Шувалова.

Со дня подписанія санъ-стефанскаго договора началась въ Европѣ дипломатическая война противъ Россіи, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, главными дѣйствующими силами были кабинеты вѣнскій, съ Андраши во главѣ, и кабинетъ великобританскій, съ Биконсфильдомъ и лордомъ Салисбери, весьма недружелюбно относившимися къ факту русскаго военнаго торжества.

Условія, при которыхъ начался этотъ дипломатическій походъ противъ Россіи, были для нея самыя неблагопріятныя. Прежде всего, какъ я о томъ писалъ выше, главная причина фальшиваго положенія, въ которомъ очутилась Россія передъ Европою, заключалась въ самомъ санъ-стефанскомъ договорѣ, гдѣ лживая готовность турецкихъ уполномоченныхъ идти навстрѣчу наивному замыслу генералъ-адъютанта Игнатьева создать изъ $^3/_4$ Балканскаго полуострова какую то единую Болгарію къ тому именно и была направлена, чтобы на другой же день вызвать въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ категорическій протестъ, основанный на совершенно естественномъ предположеніи, что эта громадная Болгарія будетъ не чѣмъ

инымъ, какъ русскою областью... И въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ не могли, разумѣется, никакъ думать, что Россія собиралась свое великодушіе довести до такихъ гигантскихъ размѣровъ, чтобы сто тысячъ русскихъ жизней и два милліарда денегъ пожертвовать на то, чтобы создать противъ себя анархическую республику подъ именемъ болгарскаго княжества, всѣ думали, что Россія de facto сдѣлаетъ изъ Болгаріи свое покорное и ею управляемое княжество, и потому, очень естественно, прежде всего требовали, чтобы эта освобожденная Болгарія была размѣрами какъ можно менѣе. Турки въ Санъ-Стефано отлично это предвидѣли, но не предвидѣлъ этого одинъ лишь нашъ уполномоченный генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. И вотъ, какъ протестъ противъ Болгаріи, раздутой Игнатьевымъ въ область больше самой Европейской Турціи, — началась, какъ я сказалъ, дипломатическая война Европы противъ Россіи.

Вторымъ невыгоднымъ условіемъ для Россіи было согласіе, послѣдовавшее на требованіе Англіи—не входить въ Константинополь и не занимать Галлиполи. На мѣстѣ было ясно, что если бы до начала переговоровъ о мирѣ Россія потребовала бы, какъ залога, предоставленія ей турецкаго флота, входа въ Константинополь и занятія Галлиполи, и все это было бы совершено быстро, то Англія лишена была бы возможности войти въ Дарданеллы иначе, какъ съ объявленіемъ намъ войны и съ рискомъ потерять три четверти своей эскадры, при попыткѣ прорвать Дарданеллы... Какъ говорилъ тогда германскій посолъ—великій принципъ du fait accompli получилъ бы свое торжественное и несокрушимое для Россіи примѣненіе. Но мы сдѣлали совсѣмъ наоборотъ: мы дали англійскому флоту подойти къ Дарданелламъ, мы не за-

няли ни Константинополя, ни Галлиполи, отказались съ перваго же слова отъ взятія турецкаго флота и... начали опереточные переговоры о созданіи чудовищно-великой Болгаріи. Такимъ образомъ, обманывая самихъ себя,—мы начали переговоры о мирѣ, и эти переговоры привели къ такому тексту договора, который насъ обязательно ставилъ прямо подъ угрозу войны съ Австріею и Англіею одновременно. Третье существенно невыгодное для насъ условіе было тогдашнее состояніе нашего канцлера иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова: его преклонныя лѣта лишали его въ это время двухъ главныхъ нужнѣйшихъ качествъ: прозорливости и энергіи, они же дѣлали его слабымъ и апатичнымъ—съ одной стороны, а съ другой стороны—рождали въ немъ какую то лихорадочную жажду власти и какое то слѣпое упрямство... Въ этомъ печальномъ состояніи онъ былъ уступчивъ во всемъ, что касалось тѣхъ нашихъ интересовъ, гдѣ неуступчивость могла угрожать международными осложненіями, и былъ неуступчивъ лишь въ отстаиваніи всякихъ прерогативъ своего поста, къ которому прицѣплялся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе слабѣло его когда то даровитое самообладаніе.

Вотъ почему послѣдній остатокъ своихъ силъ онъ положилъ на то, чтобы всѣми силами поддержать приписывавшійся тогда графу Шувалову, нашему лондонскому послу, совѣтъ не входить въ Константинополь; вотъ почему онъ подалъ голосъ противъ занятія Галлиполи, и вотъ почему, едва былъ подписанъ санъ-стефанскій договоръ, и завопили въ Вѣнѣ и Лондонѣ противъ него, — князь Горчаковъ, смущенный этими шумными протестами, поспѣшилъ съ каждымъ кабинетомъ отдѣльно вступить въ переговоры, и, начавши оные, такъ же поспѣшно предложилъ отдать санъ-стефанскій договоръ на судъ

европейскаго конгресса, изъявляя впередъ свою готовность подчиниться его приговору...

Все это наносило ударъ за ударомъ нашему Главнокомандующему у стѣнъ Константинополя, такъ, что убитый нравственно, больной физически, послѣ ряда нанесенныхъ русскимъ интересамъ и его самолюбію пораженій во всѣхъ случаяхъ, когда на его прямыя рѣшительныя предложенія слѣдовало неумолимое veto изъ Петербурга, онъ долженъ былъ просить объ увольненіи его отъ должности и вернуться въ Петербургъ, уступивъ свою власть генералу Тотлебену, и фельдмаршальскій жезлъ, данный ему въ утѣшеніе и награду и кавказскому Главнокомандующему, являлся, увы, эмблемою его слабости передъ всемогущимъ перомъ дипломатіи.

Какъ бы то ни было, но переговоры съ вѣнскимъ и лондонскимъ кабинетами тянулись дни, тянулись недѣли, тянулись мѣсяцы, и ни къ какому исходу не приводили, а войска наши продолжали находиться въ тоскѣ и таять отъ болѣзней у Константинополя. Россія продолжала вооружаться и раззоряться... Положеніе становилось все тяжелѣе и острѣе...

Въ эту то трудную для Россіи минуту сыгралъ видную историческую роль и оказалъ Россіи большую услугу нашъ лондонскій посолъ графъ Шуваловъ, и если, какъ тогда говорили, на него легла тяжелая отвѣтственность за совѣтъ, данный не брать Константинополя и не занимать Галлиполи, то три мѣсяца спустя своею энергичною и умною иниціативою онъ искупилъ свою вину недавняго прошлаго. Графъ Шуваловъ былъ тогда единственнымъ крупнымъ по уму русскимъ дипломатомъ въ Европѣ. Отъ этого крупнаго и тонко-прозорливаго ума не могли укрыться всѣ тѣ огромныя по вреду своему для Россіи

послѣдствія, которыя угрожали ей отъ образа дѣйствій нашей дипломатіи, не только ведшей отдѣльно переговоры съ Австріей и Лондономъ, безъ успѣха и безъ всякаго шанса на успѣхъ, но готовой въ этомъ начальномъ и неподготовленномъ видѣ отдать все дѣло на судъ европейскаго конгресса, и рѣшился принять на себя инициативу, чтобы найти выходъ для Россіи, сколь возможно, менѣе тягостный изъ создавшагося положенія, безусловно безвыходнаго.

Графъ Шуваловъ понялъ двѣ вещи: 1) что одновременные переговоры съ Австріею и Англіею ведутъ только къ ухудшенію положенія Россіи, ибо даютъ Австріи силу проявлять смѣлость, которая происходила отъ сознаванія себя какъ бы въ союзѣ съ Англіею, и въ возможности въ случаѣ войны съ Россіею разсчитывать на этотъ союзъ, и что, слѣдовательно, надо было, прежде всего, порвать солидарность между Австріею и Англіею, и 2) что идти въ томъ положеніи, какъ того хочетъ князь Горчаковъ, на судъ европейскаго конгресса—не только ни въ чемъ не прійдя къ соглашенію или къ какому-либо компромиссу, но прямо подъ вліяніе на конгрессѣ—Англіи, соединившейся съ Австріею, значило бы впередъ согласиться на отданіе чести и интересовъ Россіи въ полное распоряженіе анти-русской лигѣ на конгрессѣ, и понявъ эти двѣ вещи, онъ началъ дѣйствовать скоро, рѣшительно и умно.

Его планъ былъ простъ: Австрію оставить въ сторонѣ, прекративъ съ нею всякіе переговоры, и вести переговоры только съ однимъ лондонскимъ кабинетомъ, чтобы затѣмъ уже заручиться отдѣльнымъ соглашеніемъ съ Германіею, и спеціально съ княземъ Бисмаркомъ. Графъ Шуваловъ, съ согласія Государя, сдѣлалъ лорду Биконс-

фильду предложеніе секретныхъ переговоровъ, и получилъ согласіе подъ условіемъ веденія дѣла въ тайнѣ отъ всей Европы. Тайна эта была такъ строго соблюдена, что не только переговоры графа Шувалова съ лордомъ Салисбери велись съ глазу на глазъ, но рѣшено было ничего не писать, а вести все дѣло на словахъ. Разумѣется, все вниманіе лондонскаго кабинета сосредоточилось надъ Игнатьевскою Болгаріею. Лордъ Салисбери потребовалъ ея раздѣленія на двѣ части, съ тѣмъ, чтобы южная оставалась турецкою провинціею, подъ властью христіанскаго генералъ-губернатора, а сѣверная за Балканами образовала сепаратное княжество. Графъ Шуваловъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, какъ мало значенія можно было придавать Игнатьевской Болгаріи, и полною сговорчивостью на этомъ пунктѣ купилъ неотъемлемость пунктовъ пріобрѣтенія, прямо касавшихся Россіи, дунайскихъ устьевъ, и въ Азіи Батума. Самъ Государь, когда ему было доложено о требованіи Англіи насчетъ разъединенія Игнатьевской Болгаріи, сказалъ: вотъ уже мнѣ все равно, пусть ее дѣлятъ, на сколько угодно частей.

Такимъ образомъ, окончивъ въ нѣсколько дней переговоры съ Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ, графъ Шуваловъ заручился согласіемъ Биконсфильда на сообщеніе результатовъ переговоровъ въ Берлинѣ Бисмарку, и проѣздомъ въ Петербургъ остановился въ Берлинѣ; князь Бисмаркъ изумился быстротѣ и содержанію переговоровъ, и сказалъ: ну, если вы главнаго достигли, соглашенія съ Англіею, то остальное пустяки; Германія присоединяется къ вашему соглашенію, значитъ, Австрія одна воевать не рѣшится. Въ Петербургѣ результатъ переговоровъ былъ принятъ Государемъ одобрительно, и такимъ образомъ главная цѣль графа Шувалова была достигнута; Австрія

была отброшена отъ Англіи, а на конгрессѣ Россія могла уже предстать не для выслушиванія условій, имѣющихъ измѣнить Санъ-Стефанскій договоръ, ей неизвѣстныхъ, а для объявленія своихъ условій—послѣ опредѣленныхъ на то соглашеній съ Англіею и Германіею, на которыя остальнымъ державамъ оставалось только отвѣтить согласіемъ. Итакъ, заслуга передъ Россіею графа Шувалова заключалась въ томъ, что онъ спасъ отъ ожидавшей ее позорной роли подсудимой передъ Европой, являющейся выслушивать неизвѣстныя рѣшенія европейскихъ державъ.

XXXIII.

(1878 годъ).

Внутренніе безпорядки въ Россіи.—Усиленіе революціонной пропаганды.—Краткій очеркъ этой пропаганды.—Приговоръ 193.—Актъ помилованія.—Послѣдствія.—Дѣло Засуличъ.—Убійство шефа-жандармовъ.—Мѣры правительства.—Два назначенія.

По возвращеніи въ Петербургъ изъ Санъ-Стефано, къ веснѣ 1878 года, пришлось переживать новаго рода тяжелыя впечатлѣнія отъ всего того, что слышалъ и узналъ о проявленіяхъ анархистской пропаганды.

Пропаганда эта принимала все большіе размѣры, и распространяла свои корни все глубже въ жизнь по многимъ причинамъ.

Главнѣйшая причина была на виду у всѣхъ: она заключалась въ неумѣлости правительственныхъ органовъ ей энергично противодѣйствовать, и съ нею умно бороться.

Къ числу же причинъ, способствовавшихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ распространенію анархизма, безъ сомнѣнія, должно было относить то глубоко деморализованное и разочарованное состояніе умовъ, про которое я говорилъ, и которое овладѣло всѣми слоями общества съ самаго конца военнаго періода 1877 и 1878 года. Благодаря этому нравственному настроенію—все, что въ низшихъ слояхъ общества предпринималось съ цѣлью всту-

пить въ борьбу съ правительственными учрежденіями, во имя соціализма и коммунизма,—встрѣчало только слабое противодѣйствіе не только въ высшихъ слояхъ общества, но даже въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, и вотъ это-то деморализованное и малодушное отношеніе разнообразныхъ представителей власти къ своему долгу и было однимъ изъ благопріятныхъ условій для пропаганды анархизма, ибо она нигдѣ не встрѣчала нужнаго энергичнаго отпора.

Въ этомъ смыслѣ исходъ войны, съ его неудовлетворенными стремленіями и чувствами, имѣлъ роковое значеніе въ исторіи русской внутренней государственной жизни за послѣдніе годы царствованія Александра II. И если въ началѣ войны, вслѣдствіе извѣстнаго подъема духа, многіе вѣрили въ ослабленіе анархической пропаганды, то, увы, тѣмъ сильнѣе унынie и деморализація въ концѣ войны и въ эпоху дипломатическаго дѣйствія—привели къ ужасной реакціи въ 1878 году, выражавшейся не только въ общемъ упадкѣ духа, но и въ состояніи какого-то всеобщаго глухого недовольства и недомоганія...

Это угнетенное состояніе у общества было потому роковымъ, что оно дало силу анархическому движенію въ Россіи перейти изъ хроническаго состоянія въ острое, и при этомъ воспользоваться для своего успѣшнаго развитія всѣми благопріятными для него условіями. Не будь этого печальнаго исхода войны, анархическое движеніе у насъ оставалось бы попрежнему хроническимъ недугомъ въ умственной жизни Россіи и не нашло бы почвы для себя, чтобы перейти въ состояніе острое и къ дерзкому походу противъ государственнаго порядка.

Неумѣлость правительственной политики отпора крамолѣ обнаружилась съ уходомъ гр. Шувалова съ поста

шефа жандармовъ. Нельзя сказать, чтобы при гр. Шуваловѣ крамола бездѣйствовала и признавала себя побѣжденною, но она не смѣла переступать извѣстныхъ предѣловъ своей тайной области, и тотъ фактъ, что во время начальствованія III отдѣленіемъ графа Шувалова не было ни одного покушенія, ни одного дерзкаго открытаго проявленія крамолы, доказываетъ, что государственная полиція въ борьбѣ съ крамолою находилась въ умныхъ и мощныхъ рукахъ.

Этой умѣлости не стало послѣ ухода гр. Шувалова. и въ рукахъ такого шефа жандармовъ, какъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, III отдѣленіе превратилось въ какое-то средоточіе множества мелочей, сплетень и интригановъ, благодаря которымъ всѣ кружки крамолы могли дружно объединиться, почувствовать себя сильнѣе и переходить къ той системѣ террора, которая въ 1878 году явилась уже въ полномъ своемъ разгарѣ.

Еще въ 1874 году въ Саратовѣ обнаруженъ былъ громадный заговоръ главнѣйшихъ кружковъ партій соціалистовъ и анархистовъ, и около тысячи человѣкъ было привлечено къ судебной отвѣтственности. Дѣятельныя усилія полиціи привели къ дальнѣйшимъ открытіямъ, но затѣмъ вплоть до 1877 года—наступила эпоха новаго послабленія полицейскаго надзора, и присмирѣвшіе было кружки крамолы стали размножаться и ободряться, чему, между прочимъ, не мало способствовала странная система административныхъ высылокъ въ разныя мѣста Россіи подъ надзоръ полиціи лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ соціалистической пропагандѣ, но не уличенныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ,—система, которая имѣла своимъ практическимъ послѣдствіемъ зажиганіе революціонерной пропаганды въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, куда

ссылались поднадзорные соціалисты для жительства. Умственная болѣзнь Потапова покончила его политическую жизнь; на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Мезенцевъ, человѣкъ честный, умный, но скорѣе мягкій, чѣмъ строгій, при которомъ крамола продолжала усиливаться, и его самого сдѣлала жертвою этого усиленія въ этомъ роковомъ 1878 году...

Дѣйствительно, этотъ годъ былъ роковымъ въ исторіи Россіи и царствованія Александра II...

Онъ начался знаменитымъ объявленіемъ приговора сената 193 обвиняемымъ, въ январѣ.

Приговоръ этотъ имѣлъ растлѣвающее дѣйствіе, и послужилъ лозунгомъ, такъ сказать, для перехода, какъ я сказалъ, анархическаго движенія умовъ изъ хроническаго въ острое. Онъ послужилъ доказательствомъ, съ одной стороны, слабости уголовнаго правосудія, а съ другой стороны—зловѣщимъ признакомъ той террористической силы, которую имѣла тогда крамола.

Сущность помянутаго приговора надъ 193 обвиняемыми и уличенными анархистами заключалась въ томъ, что сенатъ не посмѣлъ обвинять такое значительное число лицъ въ государственныхъ преступленіяхъ, и для большей части изъ нихъ нашелъ предлоги, принявъ во вниманіе ихъ долгое заключеніе во время слѣдствія, длившееся три года, зачислить въ наказаніе арестное время и, затѣмъ, ихъ освободить.

Насколько эти освобожденные, съ одной стороны, не заслуживали этого проявленія къ нимъ милосердія верховнаго судилища, а съ другой стороны—насколько они оцѣнили этотъ актъ милосердія, доказалъ рядъ послѣдовавшихъ годовъ, въ теченіе которыхъ почти всѣ они, по освобожденіи отъ суда, вернулись къ анархическимъ сво-

имъ кружкамъ, и создали изъ себя ту среду, изъ которой потомъ выходили всѣ политическіе преступники до 1 марта включительно.

Въ этомъ смыслѣ печальный актъ помилованія большинства 193 преступниковъ, совершенный сенатомъ въ январѣ 1878 года, получилъ роковое значеніе одной изъ главныхъ причинъ ужаснаго злодѣянія 1 марта. Не будь этого фальшиваго акта милосердія, вызваннаго не чѣмъ инымъ, какъ малодушіемъ и вліяніемъ на судей террористическаго либерализма, всѣ будущіе крамольники находились бы не на свободѣ, а на каторгѣ, и никогда не хватило бы ни матеріальной, ни нравственной силы вести эту упорную войну съ государственнымъ порядкомъ и этотъ рядъ покушеній съ 1878 года по 1881 г.

Главную роль въ слѣдствіи надъ саратовскими анархистами-обвиняемыми игралъ тогда одинъ изъ умнѣйшихъ и лучшихъ представителей прокуратуры въ Россіи, прокуроръ палаты, С. С. Жихаревъ, явившійся въ этомъ дѣлѣ настоящимъ Баярдомъ безъ страха и безъ упрека.

Но Баярды тогда были не по вкусу, и если я упоминаю объ этомъ фактѣ, и называю это имя, то потому, что съ судьбою этого замѣчательнаго дѣятеля, которымъ должно было гордиться судебное вѣдомство, связано одно изъ характерныхъ знаменій того печальнаго времени. Кто могъ подумать, что этотъ свѣтлый и мѣткій умъ, эта желѣзная воля, эта строгая спартантская честность и это геройское безстрашіе слуги Государя, отданные всецѣло на исполненіе долга во всей его полнотѣ,—были причиною его немилости и сломали ему шею, только потому, что въ высшихъ тогда сферахъ, несшихъ отвѣтственность за жизнь Государя, нашли, что Жихаревъ слишкомъ строго и слишкомъ серьезно относился къ своему дѣлу, и что

изъ 1,000 заподозрѣнныхъ привлекать 193 обвиняемыхъ было уже черезчуръ. Это «черезчуръ» было вмѣнено въ вину Жихареву, и уже ранѣе, чѣмъ сенатъ своимъ приговоромъ даровалъ свободу доброй сотнѣ отчаянныхъ анархистовъ, Жихаревъ долженъ былъ, какъ опальный, искать убѣжища въ уединеніи деревни...

Съ грустью и отвращеніемъ приходится припоминать эти печальные и позорные дни малодушія и трусости Царевыхъ слугъ, готовившихъ новыя катастрофы для Россіи и для Царя, хотя и теперь даже, послѣ столькихъ лѣтъ, съ трудомъ вѣрится, что такой фактъ, какъ освобожденіе уличенныхъ въ анархизмѣ преступниковъ и одновременно опала надъ геніальнымъ ихъ обличителемъ, былъ возможенъ въ благоустроенномъ государствѣ...

Какъ бы то ни было, но фактъ свершился...

Но событія заговорили громче испуганныхъ и смущенныхъ слабостью, трусостью и малодушіемъ правительственныхъ слугъ людей, и первая заговорила съ пистолетомъ въ рукахъ Вѣра Засуличъ.

Какъ я сказалъ, непосредственнымъ результатомъ сенатскаго приговора надъ политическими преступниками, проникнутаго скорѣе малодушіемъ, чѣмъ основательною снисходительностью, было покушеніе съ револьверомъ въ рукахъ Вѣры Засуличъ на жизнь петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Трепова.

Покушеніе это совершилось чуть ли не на слѣдующій день послѣ объявленія сенатскаго приговора. Оно замѣчательно было не только по дерзости исполненія, но по дерзости мотивовъ, побудившихъ эту женщину совершить свое преступленіе не только безбоязненно, но даже съ фанатическимъ сознаніемъ исполняемой ею миссіи, свидѣтельствовавшимъ явно о томъ, каково было тогдашнее

настроеніе политическихъ преступниковъ, и какова ихъ была коллективная сила. Вѣра Засуличъ, въ опасной связи съ тогдашними кружками крамолы, явилась исполнительницею какого-то приговора правосудія надъ петербургскимъ градоначальникомъ за то, что онъ, при посѣщеніи дома заключенныхъ, какъ тогда говорили, велѣлъ подвергнуть тѣлесному наказанію одного арестанта, позволившаго себѣ дерзкое съ нимъ обращеніе! Рана, произведенная выстрѣломъ почти въ упоръ, была тяжелая; пуля засѣла въ нижнюю часть брюшной полости. Государь въ тотъ же день посѣтилъ своего вѣрнаго слугу, но, къ сожалѣнію, малодушные совѣтники поспѣшили дать Государю роковой совѣтъ: согласиться на уходъ съ должности градоначальника генерала Трепова, а это-то имѣло вліяніе на усиленіе крамолы несравненно сильнѣйшее, чѣмъ самое преступленіе Вѣры Засуличъ: для всѣхъ фактъ увольненія генерала Трепова признанъ былъ равносильнымъ новому признаку не только торжествующей силы крамолы, но правительственнаго передъ нею страха. Во всякомъ случаѣ, выстрѣлъ Засуличъ послужилъ началомъ для ряда политическихъ преступленій, уже не прерывавшихся до самаго 1881 года.

Въ Одессѣ, почти вслѣдъ за покушеніемъ Засуличъ, полиція встрѣтила на одномъ обыскѣ цѣлое вооруженное противодѣйствіе шайки анархистовъ, и должна была прибѣгнуть къ помощи войска. Въ Ростовѣ-на-Дону одинъ заподозрѣнный крамольниками въ доносѣ на нихъ чернорабочій присуждается приговоромъ суда анархистовъ къ смертной казни, и онъ убивается среди бѣлаго дня, не найдя защиты въ мѣстной полиціи для своей судьбы. Впрочемъ, можно ли было тогда ожидать защиты какому нибудь чернорабочему, когда само правительство такъ

мало думало о своей защитѣ, въ лицѣ ея органовъ полиціи. Съ одной стороны, побѣги политическихъ арестантовъ изъ мѣстъ заключенія не только въ Россіи, но и въ Сибири стали нормальнымъ явленіемъ; съ другой стороны, начался рядъ дерзкихъ преступленій въ лагерѣ анархистовъ, который прямо доказывалъ ихъ твердое намѣреніе усиливать терроръ смертными казнями уже не надъ беззащитными рабочими-доносчиками, а надъ главными дѣятелями полиціи. Въ февралѣ начинаются политическія волненія въ Кіевѣ, въ которыхъ принимали даже участіе нѣсколько кружковъ мѣстныхъ студентомъ университета. Дерзость злоумышленниковъ доходитъ до такихъ размѣровъ, что они расклеиваютъ по городу объявленія своихъ смертныхъ приговоровъ и вступаютъ въ драку съ мѣстною полиціею, препятствовавшею этой расклейкѣ. Въ числѣ смертныхъ приговоровъ обнародывается присужденіе къ смерти представителя прокуратуры Котляревскаго, и жандармскаго офицера барона Гейкинга, дѣятельно ведшаго борьбу съ политическими преступниками. Въ Котляревскаго стрѣляли, но неудачно; а въ маѣ отъ кинжала падаетъ убитымъ баронъ Гейкингъ.

Въ мартѣ оправдательный приговоръ надъ Вѣрою Засуличъ является событіемъ, открывающимъ не только силу крамолы, но даже извѣстное право на поддержку со стороны общества, и этимъ то и объясняется та новая сила дерзости, съ которою кіевскіе анархисты дѣйствовали въ Кіевѣ.

Торжественное оправданіе Вѣры Засуличъ происходило какъ будто въ какомъ-то ужасномъ кошмарическомъ снѣ... Никто не могъ понять, какъ могло состояться въ залѣ суда самодержавной Имперіи такое страшное глумленіе надъ Государевыми высшими слугами, и столь

наглое торжество крамолы; но въ то же время въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи всѣ молчали, и никто не смѣлъ громко протестовать... Такъ, промежъ себя, нѣкоторые русскіе люди говорили, что если бы, въ отвѣтъ на такое прямо революціонное проявленіе правосудія, Государь своею властью кассировалъ рѣшеніе суда, и весь составъ суда подвергъ изгнанію со службы, и проявилъ бы эту строгость немедленно и всенародно, то весьма вѣроятно развитіе крамолы было бы сразу пріостановлено.

Но все, что происходило по дѣлу Засуличъ, къ сожалѣнію, носило характеръ рокового малодушія и слабости передъ крамолою. Такъ, дали на улицахъ разжечь цѣлую громадную демонстрацію въ честь оправданія Засуличъ, вызвавшую открытый бой толпы съ полиціею, и рядомъ съ тѣмъ ходили по городу разсказы о томъ, что не только вся зала суда рукоплескала Засуличъ въ минуту ея оправданія, но что даже присутствовавшіе въ залѣ высшіе сановники Государя явились во главѣ этихъ рукоплескателей... Потомъ стали отрицать этотъ фактъ, но, очевидно, дѣло было не въ томъ, апплодировали ли сановники или не апплодировали Вѣрѣ Засуличъ, а въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, среда высшей интеллигенціи въ Петербургѣ была въ то время такъ настроена, что за правительство и за Государя никто не смѣлъ высказываться, а сочувствіе къ крамолѣ и къ крамольникамъ, по трусости однихъ и по убѣжденію въ другихъ, высказывалось громко, и никого не ставила къ суду совѣсть передъ вопросомъ: не есть ли это малодушіе въ ту минуту подлость, и не граничитъ ли оно съ умышленною измѣною?

Насколько почва была въ правительственныхъ сфе-

рахъ шатка подъ ногами, насколько извращены были представленія о долгѣ—съ одной стороны, и объ опасности, угрожавшей правительственнымъ интересамъ,—съ другой, послужили наглядным доказательствомъ тѣ мѣропріятія, которыя въ эту минуту были приняты правительствомъ для борьбы съ возраставшею крамолою.

Несомнѣнный фактъ быстраго рѣшительнаго усиленія крамолы ясно указывалъ на двѣ вещи: во-первыхъ, на необходимость и, притомъ, безотлагательную необходимость приступить къ ряду самыхъ строгихъ мѣръ пресѣченія зла наказанія злоумышленниковъ, дабы строгость наказанія и предупрежденія преступленій явилась сильнѣе преступнаго терроризма, и свидѣтельствовала объ энергіи правительства, и во-вторыхъ, указывала на ту безусловную истину, что усиленіе крамолы явилось послѣдствіемъ слабости всѣхъ предшествовавшихъ правительственныхъ мѣропріятій.

Но, къ сожалѣнію, въ этомъ странномъ состояніи деморализаціи и оцѣпенѣнія эти двѣ вещи были упущены изъ виду и оставлены безъ вниманія въ правительственныхъ сферахъ настолько, что когда Государь поручилъ министрамъ разработать программу противодѣйствія крамолѣ, то безъ преувеличенія можно сказать, что они предпочли заняться своего рода схоластикою въ этомъ роковомъ вопросѣ, и ограничились разработкою новыхъ правилъ о ссылкѣ и о заключеніи политическихъ преступниковъ, находя въ своемъ ослѣпленіи, что измѣненіе въ чемъ либо, хотя бы въ болѣе строгомъ смыслѣ инструкцій полиціи о поднадзорныхъ и ссыльныхъ, и инструкціи смотрителямъ тюремъ скорѣе могли бы въ это время подѣйствовать устрашающимъ образомъ на группы лицъ, успѣхомъ своихъ преступленій доведенныхъ до признанія

себя въ силѣ самому высшему правительству бросить перчатку для вызова его на смертный поединокъ.

Такой же характеръ обличенія своей слабости имѣло послѣдовавшее подъ вліяніемъ оправданія Засуличъ измѣненіе въ порядкѣ производства судебныхъ политическихъ дѣлъ. На основаніи новыхъ законовъ извѣстныя политическія дѣла перешли въ вѣдѣніе судебной палаты съ сословными представителями, другія въ вѣдѣніе особыхъ верховныхъ комиссій, съ отнятіемъ изъ вѣдѣнія общихъ судовъ преступленій, заключающихся въ покушеніяхъ на жизнь должностныхъ лицъ.

Всѣ поняли, когда эти новые законы были изданы, что правительство, недовѣряя вѣрноподданнической преданности не только общества, поставляющаго присяжнаго засѣдателя, но и самого судебнаго вѣдомства, поставлено въ необходимость, для самообороны, всѣ политическія преступленія отдавать на судъ особенныхъ, не причастныхъ къ судебному вѣдомству лицъ; а разъ всѣ это поняли, то естественное представленіе о слабости и о растерянности правительства должно было усилиться, а вслѣдствіе этого дерзость преступниковъ должна была постоянно и пропорціонально увеличиваться. Были тогда голоса, имѣвшіе дерзость находить, что совсѣмъ противоположнаго результата достигло бы правительство въ томъ случаѣ, если оно просто предупредило судебное вѣдомство, что оно отвѣтственно за оправдательные приговоры надъ политическими преступниками, и энергично принялось осуществлять эти предостереженія на дѣлѣ. Но громко совѣтовать правительству предпочесть энергичныя и строгія мѣры не только противъ преступниковъ, но и противъ недобросовѣстныхъ чиновниковъ никто не смѣлъ.

Какъ бы то ни было, но результаты новыхъ проявленій правительственной слабости не заставили себя долго ждать.

Въ августѣ уже не жандармскіе офицеры и не чернорабочіе падаютъ жертвами анархическихъ казней. Утромъ, во время прогулки, совершается покушеніе на жизнь самого шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева, и черезъ нѣсколько часовъ онъ умираетъ.

Убійство шефа-жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева, совершенное съ такою дерзостью и, притомъ, съ исчезновеніемъ даже слѣда убійцъ, повергло въ новый ужасъ правительственныя сферы, обнаруживъ съ большею еще ясностью, съ одной стороны, силу ассоціаціи крамолы и слабость противодѣйствія со стороны правительства...

Для всѣхъ было очевидно, что если шефъ-жандармовъ могъ быть убитъ въ центрѣ города во время прогулки, то, значитъ, ни онъ, ни подвѣдомственная ему тайная полиція ничего не знали объ замыслахъ подпольныхъ преступниковъ, а если послѣ совершенія преступленія злодѣи могли такъ легко укрыться, то, значитъ, въ самой петербургской полиціи ничего не было подготовлено къ борьбѣ съ преступными замыслами крамольниковъ...

И дѣйствительно, мы всѣ слышали ежедневно о появлявшихся повсюду печатныхъ прокламаціяхъ тайнаго революціоннаго комитета, несомнѣнно, дѣйствовавшаго въ самомъ Петербургѣ, объ его угрозахъ, объ его приговорахъ, но о мѣрахъ строгости противъ нихъ и объ какихъ-либо дѣятельныхъ розыскахъ полиціи мы, увы, ничего не слыхали.

Послѣднее преступленіе, однако, вызвало въ прави-

тельствѣ рѣшимость къ болѣе энергичному образу дѣйствій. Эти мѣры явились какъ бы отвѣтомъ на распространившійся по Петербургу манифестъ революціоннаго комитета, въ которомъ онъ объявлялъ правительству свое намѣреніе пріостановить свою террористическую дѣятельность, но подъ условіемъ, чтобы правительство, съ своей стороны, объявило амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, находящимся въ его власти, и прекратило всякіе политическіе розыски и аресты.

Мѣры, принятыя правительствомъ въ августѣ 1878 года, заключались въ слѣдующемъ: во-первыхъ, изданы были новыя правила для производства дознанія по политическимъ преступленіямъ, на основаніи которыхъ права арестованія распространены были на всякаго жандармскаго офицера и на всякаго чина полицейскаго управленія; во-вторыхъ, изданъ былъ указъ сената, на основаніи котораго всѣ политическіе обвиняемые предавались военному суду, и, въ третьихъ, издано было въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, имѣвшее характеръ воззванія къ обществу, съ цѣлью вызвать въ немъ нравственное, такъ сказать, содѣйствіе правительству для борьбы съ разроставшеюся крамолою, причемъ конецъ этого воззванія былъ обращенъ непосредственно къ учащейся молодежи, которая призывалась къ повиновенію, къ порядку и къ недовѣрію проповѣдямъ подстрекателей къ безпорядкамъ и къ неповиновенію.

Къ сожалѣнію, надо, припоминая то время, свидѣтельствовать, что всѣ эти мѣры, даже имѣвшія видъ строгости, какъ преданіе военному суду всѣхъ политическихъ обвиняемыхъ, являлись, во-первыхъ, запоздавшими, а во-вторыхъ, слабыми по своему дѣйствительному значенію, вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, общество,

на которое правительство возлагало надежды на содѣйствіе, было въ то время настолько глубоко даморализовано и отравлено революціоннымъ либерализмомъ, что не могло отвѣтить правительству на его призывъ не чѣмъ инымъ, какъ равнодушіемъ, а съ другой стороны, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ политика главныхъ лицъ была настолько апатична и вяла, что даже мѣрамъ строгости, принимавшимся по волѣ Государя, суждено было оставаться мертвою буквою, не говоря уже о томъ, что между министрами, какъ скоро сіе обнаружилось, не было ни общаго плана дѣйствія, ни даже единомыслія. Характеръ и настроеніе тогдашняго общества слишкомъ, увы, краснорѣчиво выразилъ печальный и роковой эпизодъ оправданія Вѣры Засуличъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что насъ, страшно возмущенныхъ этимъ ужаснымъ актомъ нарушенія правосудія, было въ то время въ Петербургѣ весьма немного; мы составляли значительное меньшинство, причемъ, надо сказать, что въ высшей сановной іерархіи, до сената и государственнаго совѣта включительно, оправдательный приговоръ, почтившій Вѣру Засуличъ, былъ принятъ одними съ громкимъ восторгомъ, другими съ тихимъ одобреніемъ, но почти всѣ сочувственно, и я помню, какъ лица, которыя потомъ при Александрѣ III говорили объ этомъ оправданіи съ громкимъ негодованіемъ, совсѣмъ забывая, что въ 1878 году они самымъ малодушнымъ образомъ пріобщились къ тѣмъ сановникамъ, которые, услыхавъ объ оправданіи Засуличъ, въ семьяхъ своихъ и въ клубахъ дерзали кричать «ура» и поднимать бокалы *за торжество правосудія.*

Легко понять, что не чѣмъ инымъ могло отозваться правительственное воззваніе къ такому обществу, какъ

политическимъ равнодушіемъ. Погруженное въ развратное оцѣпенѣніе, это общество имѣло роковую глупость думать, что удары, наносимые русскому правительству въ лицѣ его главныхъ представителей власти, касались только правительства, не касаясь общества, не касаясь аккуратно получавшихъ 20-го числа жалованье сановниковъ.

При такомъ общественномъ настроеніи мягкія увѣщевательныя слова, обращенныя правительствомъ къ учащейся молодежи, получили для серьезныхъ и преданныхъ правительству лицъ значеніе крупной ошибки, сдѣланной правительствомъ въ такую минуту, когда молодежь, сбитая съ толку революціонною пропагандою, между прочимъ, обращавшеюся къ ней, какъ къ политическому элементу борьбы съ правительствомъ и съ порядкомъ, только и мечтала о томъ, что она не только умственная, но и политическая общественная сила. Ясно, что, обращаясь въ такой торжественной формѣ и въ политическомъ актѣ, всенародно объявленномъ къ учащейся молодежи, правительство этимъ показывало, что и оно, подобно революціонерамъ, считаетъ учащуюся молодежь какою-то дѣйствующею въ государствѣ если не силою, то стихіею, играющею роль въ политическихъ безпорядкахъ. Вся разница заключалась въ томъ, что революціонеры эту стихію призывали въ сотрудники своему дѣлу разрушенія, а правительство къ ней обращалось съ словами вразумленія, чтобы привлечь эту молодежь на свою сторону; но оба соединялись во-едино, въ признаніи, какъ я сказалъ, учащейся молодежи какою-то дѣйствующею въ государствѣ стихіею! Такова была ошибка, сдѣланная тогда правительствомъ. Слова увѣщанія должны и могли быть сказаны по адресу молодежи, но въ

классахъ учебныхъ заведеній ихъ прямыми начальниками и воспитателями, и тамъ же, какъ съ дѣтьми, должны были быть принимаемы мѣры дисциплинарнаго взысканія за дурное поведеніе, съ причисленіемъ всякихъ политическихъ проступковъ къ категоріи строго наказуемыхъ дѣтскихъ шалостей, но всенародно обращаться къ участію молодежи отъ лица правительства прямо значило съ нею считаться, какъ съ политическою фракціею общества.

Люди, строго судившіе ошибку правительства, не ошиблись. Горькій опытъ это немедленно доказалъ. Едва успѣло это воззваніе правительства къ учащейся молодежи появиться, какъ разомъ начали вспыхивать мятежи во всѣхъ почти высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Воззваніе правительства явилось какъ бы сигналомъ для общаго движенія въ университетахъ, и ясно стало, что учащаяся молодежь, именно потому, что она составляла массу дѣтей, потому и бросалась въ политическія приключенія, что почувствовала себя польщенною важнымъ значеніемъ, ей приданнымъ всенародно правительствомъ, и такъ какъ отъ семей, гдѣ кричали «ура» и пили за здоровье Засуличъ, трудно было ожидать правильнаго воздѣйствія на умы молодежи, то увлеченіе молодежи соблазнительною ролью политическихъ преступниковъ явилось и зажглось, какъ порохъ, отъ одной искры.

Въ концѣ августа Государь отправился въ Ливадію. Тамъ состоялись два важныхъ назначенія. Одно было назначеніе шефа жандармовъ, павшее на прекраснаго и честнѣйшаго человѣка, генералъ-адъютанта Дрентельна, а другое было назначеніе на мѣсто генералъ-адъютанта Тимашева министромъ внутреннихъ дѣлъ Т. С. Макова, бывшаго его товарища.

Послѣднее назначеніе было встрѣчено въ Петербургѣ съ недоумѣніемъ.

Много горя принесло въ послѣднее время Россіи— беззаботное и даже безпечное управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генерала Тимашева, который какъ будто менѣе другихъ давалъ себѣ отчета въ опасныхъ свойствахъ послѣднихъ годовъ его управленія, и не отступая отъ своего принципа: laissez faire, laissez passer. и обращаясь съ самыми серьезными вопросами легко и какъ бы шутя, онъ ничего и не подозрѣвалъ, что такая политика квіетизма явилась однимъ изъ главныхъ благопріятныхъ условій для усиленія крамолы въ Россіи.

XXXIV.

(1878—1879 годъ).

Чума въ Ветлянкѣ.—Гр. Лорисъ-Меликовъ.—Убійство князя Кропоткина.—Покушеніе Соловьева.—Новыя мѣропріятія правительства.—Характеръ ихъ.

Я назвалъ недоумѣніемъ то чувство, которое испытала Россія при назначеніи новаго министра внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ бывшаго товарища Г. А. Тимашева, Л. С. Макова. Недоумѣніе это было искренне и основательно, ибо трудно было найти меньше соотвѣтствія между тогдашнимъ свойствомъ времени, требовавшимъ на труднѣйшій тогда постъ въ Россіи государственнаго человѣка съ авторитетомъ, съ опытомъ, съ знаніемъ Россіи и съ именемъ, способнымъ обозначать энергію, и между почтеннымъ товарищемъ Тимашева, Маковымъ, котораго знали всѣ за любезнаго человѣка, за отличнаго начальника канцеляріи, за хорошаго составителя дѣловой бумаги. Самый фактъ, что указаніе такого, легко смотрѣвшаго на свое время и на свое мѣсто бывшаго министра, какъ Тимашевъ, себѣ преемника, могло быть принято во вниманіе, казался печальнымъ знаменіемъ времени. Маковъ могъ быть хорошимъ товарищемъ министра, но быть министромъ, съ значеніемъ первенствующей и важнѣйшей тогда политической роли,—онъ и во снѣ не думалъ и не могъ быть, и потому ничего не было удивительнаго.

что, со вступленіемъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, Макова, престижъ этого поста поблекъ, и политическая роль министерства внутреннихъ дѣлъ сведена была до блѣднѣйшаго и пассивнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій...

Для довершенія печальной картины того времени слѣдуетъ припомнить ужасъ, охватившій Петербургъ, никогда не отличавшійся храбростью, и Россію, вообще, при вѣсти о появленіи на Волгѣ азіатской чумы...

Была ли эта вдругъ открывшаяся болѣзнь въ с. Ветлянкѣ, Самарской губерніи, дѣйствительно чума, или была ли она болѣзнью, похожею на чуму, вопросъ этотъ остался не разрѣшеннымъ... Но фактъ тотъ, что въ Петербургѣ въ оффиціальномъ мірѣ это зловѣщее слово—чума—было произнесено, и рѣшено было принять самыя энергическія мѣры. При этомъ слѣдуетъ сказать, что на сей разъ энергическія мѣры были приняты весьма обдуманно и цѣлесообразно, вслѣдствіе чего исходъ этого зародившагося на Волгѣ бѣдствія, грозившаго перекинуться далѣе, оказался весьма благополучнымъ. Невольно тогда приходила въ голову мысль въ видѣ вопроса: отчего правительство, столь умѣло и энергично поступившее съ чумою, не могло ту же умѣлую энергію проявить въ борьбѣ съ духовною чумою, свирѣпствовавшею тогда подъ именемъ крамолы во всей Россіи?.. Вопросъ этотъ былъ не трудный и, увы, получалъ въ тогдашней жизни, какъ окружавшей, свой роковой отвѣтъ. Мы понимали тогда, что силъ и умѣнья въ избыткѣ хватило бы у правительства для борьбы съ крамолою и для подавленія ея, но дѣло было въ томъ, что то, что сумѣло бы и могло правительство сдѣлать для пораженія крамолы въ ея корнѣ, того оно не *смѣло* дѣлать; въ этомъ заключался печальный роковой отвѣтъ.

Деморализованное общество создало въ ту пору атмосферу, въ которой сверху до низу правительственные люди думали, что надо съ *чѣмъ-то* считаться въ обращеніи съ крамолою такимъ, что обязывало къ извѣстной сдержанности относительно каждаго мерзавца, шедшаго на какое угодно преступленіе, въ особенности относительно всего, будто бы, либерально настроеннаго интеллигентнаго общества. Со времени, когда министры Государя читали Герцена съ *благоговѣйною* трусливостью,—мы въ 1878 году оказались сдѣлавшими большой путь въ политическомъ своемъ прогрессѣ, или, вѣрнѣе, въ своемъ политическомъ растлѣніи. Герценъ былъ въ то время воспоминаніемъ о чемъ-то дѣтскомъ въ сравненіи съ тѣми авторами отдѣльныхъ манифестовъ, воззваній, судебныхъ приговоровъ, предостереженій, которыя разбрасывались въ столицахъ и въ провинціи, и читались не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ точно такъ же, какъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ читали Герцена съ благоговѣйною трусливостью. Малодушные Государевы слуги не смѣли черезъ-чуръ негодовать на эти проявленія дерзости крамолы, но трусливо исповѣдовали въ ней какую-то силу, какой-то авторитетъ, и вотъ почему въ людяхъ, окружавшихъ Государя, не раздавались голоса, которые посмѣли бы относительно крамолы потребовать такой же умѣлой энергіи, какъ та, которая была проявлена и оказалась столь дѣйствительною относительно ветлянской чумы.

Какъ бы то ни было, но мѣры относительно чумы были приняты безотлагательно, обдуманно и толково. Но фактъ этотъ получилъ важное историческое для Россіи значеніе, ибо въ немъ зародилась слава Лорисъ-Меликова, какъ администратора, которая потомъ такъ много при-

несла съ собою неожиданныхъ послѣдствій для бѣдной Россіи.

Явилась, при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ мѣръ противъ чумы, мысль о необходимости послать на мѣсто человѣка съ неограниченными полномочіями министра-диктатора. Лорисъ-Меликовъ былъ тогда въ Петербургѣ, кто-то произнесъ его имя, кто-то его повторилъ, и этого оказалось достаточно, чтобы внушить Государю мысль поручить ветлянское дѣло Лорисъ-Меликову, и онъ былъ назначенъ.

На вопросъ: почему именно Лорисъ-Меликова?—можно было тогда отвѣтить: потому что этотъ въ высшей степени ловкій и искусный человѣкъ успѣлъ до извѣстной степени обворожить новизною своего типа. Дѣйствительно, ни до, ни послѣ въ Петербургѣ не было второго Лорисъ-Меликова, генерала съ очень умнымъ лицомъ, съ кавказскими манерами развязности и отваги, съ запасомъ сладкой рѣчи по мѣрѣ надобности и, вдобавокъ, съ престижемъ боевого генерала. Я помню, какъ однажды, утромъ, въ эту зиму, этотъ Лорисъ-Меликовъ предсталъ предъ мною въ моемъ скромномъ жилищѣ, со словами: кавказскій солдатъ явился отдать русскому князю визитъ, и какъ цѣлые полчаса онъ говорилъ, словно на сценѣ, политическіе монологи, повѣтствуя съ самыми на видъ добродушными мыслями критика о событіяхъ дня. Больше, чѣмъ когда-либо, слушая его рѣчи и глядя на его бойкую и хитрую физіономію, я думалъ о томъ, о чемъ думалъ при первомъ свиданіи съ нимъ въ палаткѣ подъ Карсомъ: какой онъ былъ бы идеальный посолъ въ Константинополѣ?—но историческая судьба въ своихъ капризахъ думала иначе, и вскорѣ за этимъ я услышалъ имя Лориса произнесеннымъ по поводу ветлянской чумы. Че-

резъ нѣсколько дней я его встрѣтилъ на балу въ Дворянскомъ собраніи. Онъ уже былъ ветлянскимъ диктаторомъ, и на лицѣ, и въ манерахъ носилъ отпечатокъ новой своей миссіи, что-то серьезное, озабоченное, что-то сдержанное въ словахъ и въ игрѣ лица, и выраженіе какой-то покорности передъ павшимъ на него жребіемъ.

Онъ быстро составилъ себѣ цѣлый штабъ сподвижниковъ и, надо сказать, въ большинствѣ хорошихъ, и отправился на Волгу, гдѣ сразу вселилъ къ себѣ довѣріе своимъ спокойнымъ и твердымъ авторитетомъ, такъ что не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Петербургъ вздохнулъ свободно, узнавши, что бѣдствіе на Волгѣ побѣждено. Этотъ успѣхъ не только сразу поставилъ Лорисъ-Меликова въ первый рядъ среди государственныхъ дѣятелей, но сдѣлалъ его даже популярнымъ въ Россіи, хотя слѣдуетъ припомнить, что уже тогда въ Петербургѣ ходила очень увѣренно распространившаяся молва о томъ, что въ Ветлянкѣ никакой чумы не было, а было острое проявленіе тифа, чему способствовалъ не мало покойный профессоръ С. П. Боткинъ, захотѣвшій пошумѣть около одного петербургскаго больного, въ коемъ онъ нашелъ будто бы всѣ признаки чумного зараженія и съ которымъ нянчился, какъ съ излюбленнымъ дѣтищемъ своего пылкаго воображенія, говоря, что то былъ чумный больной и онъ выздоровѣлъ.

Невольно этотъ эпизодъ показался для всѣхъ фарсомъ, и невольно покончившаяся ветлянская чума подъ вліяніемъ этого эпизода показалась тоже легендою о чумѣ.

Это было въ началѣ 1879 года.

Увы, избавившись отъ страшной угрозы чумы, Россія не только не освободилась отъ угрозъ крамолы, но все сильнѣе подпадала подъ ужасный гнетъ ея террора и ея торжествующихъ злодѣяній.

Къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ прибавился новый театръ дѣйствій для крамолы: тюрьма. Разомъ въ нѣсколькихъ губернскихъ тюрьмахъ стали вспыхивать тюремные мятежи, обнаружившіе связь, установившуюся между подпольными главарями и руководителями революціи извнѣ—и между ихъ соумышленниками, схваченными и посаженными въ тюрьмы, и вступившими въ роль поджигателей къ бунту арестантовъ. Харьковская тюрьма явилась однимъ изъ главныхъ центровъ политическаго и упорнаго мятежа. Энергичный и прекрасный губернаторъ свиты Государя князь Крапоткинъ сталъ принимать строжайшія мѣры въ стѣнахъ тюрьмы, вслѣдствіе чего онъ получилъ отъ подпольнаго комитета свой смертный приговоръ. Въ началѣ февраля этотъ приговоръ исполняется. Россія съ ужасомъ узнаетъ, что князь Крапоткинъ убитъ. Нѣсколько дней спустя среди бѣлаго дня на Дворцовой набережной лихой наѣздникъ догоняетъ карету шефа-жандармовъ генералъ-адъютанта Дрентельна и стрѣляетъ почти въ упоръ, но не задѣваетъ свою намѣченную жертву.

Замѣчательно, что это новое проявленіе дерзкаго умысла со стороны крамолы застало общество чуть ли не въ состояніи равнодушія. Покушеніе не удалось, говорили кругомъ, и слава Богу, а испугаться той силы организаціи, которая такъ умно и такъ безпрепятственно дѣйствовала въ своей подпольной атмосферѣ—никому не приходило въ голову.

Но не прошло мѣсяца послѣ покушенія на шефа жандармовъ, кстати сказать, не раскрытаго, какъ 2 апрѣля весь Петербургъ поневолѣ содрогнулся... Утромъ, совершая свою ежедневную прогулку и входя въ Милліонную улицу, Государь видитъ, какъ навстрѣчу ему идетъ человѣкъ

подозрительной наружности въ чиновничьей фуражкѣ, и какъ въ разстояніи отъ него нѣсколькихъ шаговъ онъ преспокойно вынимаетъ изъ-подъ пальто револьверъ и стрѣляетъ въ Государя. Государь дѣлаетъ движеніе направо, преступникъ стрѣляетъ вторично направо, Государь переходитъ на лѣвую сторону, преступникъ стрѣляетъ въ третій разъ, и въ третій разъ Богъ чудеснымъ образомъ охраняетъ Своего несчастнаго Помазанника, и только тогда полиція успѣваетъ схватить преступника, оказавшагося сельскимъ учителемъ изъ исключенныхъ изъ университета, Александромъ Соловьевымъ, дѣйствовавшимъ по порученію все того же таинственнаго революціоннаго комитета.

Опять глубокое смущеніе охватило русскихъ людей. Первая мысль, которая у всѣхъ вырывалась наружу, была изумленіе, какъ могла разставленная по всѣмъ направленіямъ полиція явная и тайная допустить, чтобы могъ первый встрѣчный идти навстрѣчу на Государя и почти въ упоръ въ него стрѣлять. Изумленіе это было духовною скорбью болѣе чѣмъ естественною надъ такимъ плохимъ устройствомъ полиціи, и всѣ поняли тогда, что не даромъ анархисты крамолы посредствомъ выстрѣла въ генералъ-адъютанта Трепова захотѣли достигнуть, чтобы во-главѣ петербургской полиціи не было такого энергичнаго и умнаго человѣка, какъ Треповъ, и чтобы вслѣдствіе этого общій характеръ дѣятельности полиціи сталъ слабѣе и растерянѣе, чѣмъ прежде. Покушеніе Соловьева вызвало и другой вопросъ: да когда же эта крамола будетъ обезоружена и обезсилена!

Къ сожалѣнію, этого дождаться не было намъ суждено при Александрѣ Второмъ. Въ концѣ мая Соловьевъ былъ повѣшенъ, по приговору верховнаго уголовнаго

суда, но эта казнь являлась новымъ зловѣщимъ свидѣтельствомъ безсилія полиціи и администраціи въ борьбѣ съ крамолою, ибо доказала, что, не взирая на всѣ усилія, не взирая на то, что самъ Соловьевъ призналъ себя орудіемъ, слѣпымъ исполнителемъ революціоннаго комитета, слѣдствіе не напало ни на какой слѣдъ сообщниковъ, и ничего не открыло въ области подпольной организаціи крамолы.

Послѣ покушенія всѣ министры были призваны Государемъ въ его кабинетъ для обсужденія вопроса: какія мѣры предпринять для борьбы съ крамолою?

Послѣ обмѣна мыслей — одиногласно было постановлено: учредить повсемѣстно должности генералъ-губернаторовъ, для нѣсколькихъ губерній по одному, начиная съ Петербурга, съ предоставленіемъ имъ обширныхъ полномочій власти и права не стѣсняться тѣми постановленіями и формальностями, которыя введены были вмѣстѣ съ судебными уставами, и носили характеръ ограниченія административной и полицейской властей. Средоточіемъ для этихъ новыхъ генералъ-губернаторскихъ постовъ были избраны университетскіе города, а выборъ лицъ былъ сдѣланъ самимъ Государемъ. При этомъ были избраны главные дѣятели войны. Въ Петербургъ назначенъ былъ генералъ Гурко, въ Харьковъ — Лорисъ-Меликовъ, въ Одессу—генералъ Тотлебенъ. Мысль о такихъ генералъ-губернаторахъ съ диктаторскими полномочіями была одобряема одними, и осуждаема—другими. Первые ее одобряли, какъ проявленіе правительственной энергіи; вторые ее осуждали, какъ признакъ признанія самимъ правительствомъ слабости своей нормальной власти.

Во всякомъ случаѣ, практика съ ея послѣдствіями обнаружила весьма скоро безпомощность и безсиліе и

этой мѣры, состоявшія въ томъ, противъ чего генералъ-губернаторы не имѣли и не могли имѣть никакой роли,— въ глубоко деморализованной и развращенной до мозга костей интеллигентной средѣ русскаго общества, а среду эту составляли столько же праздные люди, сколько чиновный людъ и весь почти поголовно личный составъ нашей государственной школы; даже жандармы и полицейскіе и тѣ были заражены либерализмомъ до такой степени, что считали себя *обязанными* дѣйствовать утонченно, небрежно и снисходительно въ сферѣ сношеній съ политическими неблагонамѣренными людьми. И потому, что удивительнаго, если диктаторы генералъ-губернаторы, явившись въ свои центры дѣятельности, прежде всего имѣли въ нихъ общество скорѣе къ нимъ враждебное, чѣмъ сочувствующее, и полицейскую власть, распущенную и либерально-равнодушную къ успѣхамъ крамолы, и рядомъ съ этимъ призваны были считаться съ судебною и съ прокурорскою властями, въ то время настроенными во имя того же либерализма тоже же весьма недовѣрчиво къ новой политической власти генералъ-губернатора. И если прибавить къ этому, что храбрость и высшая распорядительность боевыхъ генераловъ на поприщѣ имъ родномъ и близко знакомомъ могли вовсе не сходиться съ столь трудными обязанностями гражданской власти въ сферѣ новыхъ людей, новыхъ идей и новыхъ совсѣмъ затрудненій,—что именно и случилось, — то легко себѣ представить, почему эта мѣра учрежденія генералъ-губернаторовъ, съ широкими полномочіями власти, на дѣлѣ не привела ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, и дѣйствія крамолы нигдѣ не остановила. Въ существѣ власть, которая должна была имѣть въ центрѣ Россіи отвѣтственнаго хозяина всѣхъ дѣйствій противъ крамолы,

раздѣлилась на нѣсколько отдѣльныхъ представителей, но вовсе не соединенныхъ между собою генералъ-губернаторовъ, и неизбѣжно отъ этого раздѣленія стала слабѣе. Сразу эти генералъ-губернаторы, какъ незнакомые ни съ мѣстностью, ни съ администраціей, подпали подъ власть своихъ правителей канцелярій, и какъ это скоро, увы, показалъ печальный опытъ, стали болѣе примѣнять свои диктаторскія права къ *не*подчиненію себя камертону изъ Петербурга, чѣмъ въ строгихъ дѣйствіяхъ противъ всякихъ проявленій крамолы. Въ Петербургѣ мы это ясно видѣли на яву. Очень скоро послѣ назначенія генерала Гурко генералъ-губернаторомъ со всѣхъ сторонъ раздаваться стали недоумѣвающіе вопросы: да въ чемъ же проявляется сильная и энергичная правительственная власть? Тайныя типографіи продолжали печатать свои прокламаціи, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ продолжалось дѣйствіе революціонной пропаганды, газеты продолжали свою либерально-демократическую проповѣдь и въ чиновничьихъ сферахъ продолжалъ царствовать тотъ же духъ анти-монархическаго либерализма.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ, отъѣзжая съ Императрицею въ Ливадію, Государь призвалъ Валуева, бывшаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ, и сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи учредить немедленно подъ его предсѣдательствомъ особое совѣщаніе изъ министровъ, для обсужденія причинъ внутренняго безпорядка и мѣръ, которыя могли бы способствовать возстановленію порядка.

Въ совѣщаніе это вошли, по указанію Государя, членами: министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, министръ финансовъ Грейгъ, военный министръ графъ Милютинъ, министръ юстиціи Набоковъ, министръ народнаго просвѣ-

щенія графъ Толстой и шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ.

Первый шагъ этого совѣщанія сопровождался эпизодомъ, какъ нельзя болѣе характеризовавшимъ тогдашнюю деморализацію въ самой высшей правительственной средѣ, какъ отраженіе террористическаго дѣйствія, которое имѣли на умы подпольныя ассоціаціи революціонеровъ и цареубійцъ. Совѣщаніе состояло изъ министровъ, лично Государемъ назначенныхъ. Но, между тѣмъ, когда предсѣдатель совѣщанія, Валуевъ, вошелъ въ комитетъ министровъ съ докладомъ, въ которомъ онъ представилъ ему, такъ сказать, на благоусмотрѣніе программу будущаго совѣщанія, то произошло невѣроятное событіе. Комитетъ министровъ, коего большую часть составляли члены совѣщанія, почти единогласно призналъ, что въ виду тревожнаго времени онъ находитъ *неудобнымъ* и даже *опаснымъ* возлагать на совѣщаніе обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которыхъ разглашеніе могло бы усилить раздраженіе умовъ противъ существующаго порядка, а потому предлагаетъ отложить разсмотрѣніе программы совѣщанія до болѣе удобнаго времени. Другими словами, комитетъ министровъ призналъ себя изъ трусости передъ анархистами въ правѣ не принять къ немедленному исполненію воли Государевой.

Когда Государь получилъ это малодушное и въ тоже время непокорное постановленіе комитета министровъ, онъ немедленно повелѣлъ тому же комитету министровъ въ точности исполнить Его волю, и комитетъ министровъ, во исполненіе вторично выраженной Государевой воли, приступилъ къ обсужденію разработанныхъ совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, соображеній и мѣропріятій...

По правдѣ сказать, случилось съ этимъ проектомъ мѣропріятій то, что слѣдовало ожидать отъ такого мягкаго и нерѣшительнаго человѣка, какимъ былъ Валуевъ: гора родила мышь, и когда мнѣ случилось познакомиться съ содержаніемъ того, что совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Валуева могло признать дѣйствительными мѣрами противодѣйствія неунимавшейся крамолѣ, я не могъ даже найти главнаго: близкой практической связи съ образомъ дѣйствій крамолы, и непосредственнаго на нее дѣйствія, а нашелъ лишь самую отдаленную и почти отвлеченную связь, такую же, какъ, напримѣръ, мысль объ усиленіи количества дыма могла бы имѣть съ мыслью произвести тучи, а изъ тучи вызвать искусственный дождь... Но и тѣ даже отдаленныя отъ прямой цѣли и почти отвлеченныя мѣропріятія совѣщанія не были единогласны, и вызвали въ средѣ самого совѣщанія отдѣльныя по вопросамъ разногласія.

Всѣ мѣропріятія, проектированныя совѣщаніемъ, дѣлились на двѣ главныя категоріи: одну составляли мѣры немедленныя и, такъ сказать, административно-законодательныя; другую категорію составляли даже не мѣры, а соображенія въ области народнаго образованія...

Мѣропріятія первой категоріи, въ свою очередь, дѣлились на два вида: одни касались учрежденій, другія извѣстныхъ частей населенія; но отъ обоихъ вѣяло наивностью. И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть наивнѣе въ эпоху, когда ассоціаціи террористовъ столь дерзко и настойчиво проявили свою скрытую силу рядомъ злодѣяній, державшихъ въ страхѣ и въ оцѣпенѣніи всю Россію, принимать такія мѣры, какъ, напримѣръ, отнимать у мировыхъ судей право давать предписанія полиціи; или постановленіе о томъ, чтобы писецъ опредѣлялся въ

земскую или городскую управу не иначе, какъ съ согласія губернатора; или постановленіе объ изданіи болѣе строгихъ законовъ о періодической печати и т. п. Наивность эта тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что въ аргументаціи совѣщанія было торжественно и черезчуръ преувеличенно сказано, что *Россіи грозитъ серьезная опасность* отъ революціонной пропаганды, и на ряду съ этимъ, какъ бы въ подтвержденіе этой грозящей опасности, тутъ же заявлялось, что агенты революціи дѣйствовали (значитъ, допускалось) въ должностяхъ городской и земской службы... Единственное мѣропріятіе, которое имѣло серьезный характеръ въ этой категоріи, было постановленіе о необходимости усилить полицію въ Россіи, которая количествомъ съ 1863 года оставалась при своихъ временныхъ, въ видѣ опыта введенныхъ штатахъ, но и эта мѣра оказалась на половину отвлеченностью, такъ какъ ничего не произвела кромѣ миніатюрнаго по своему значенію учрежденія нѣсколькихъ урядниковъ по уѣздамъ.

Вторая категорія мѣропріятій являлась еще болѣе отдаленною, какъ средство борьбы съ крамолою, отъ главной задачи, и тоже носила болѣе отвлеченное, чѣмъ практическое значеніе. Таковыми являлись мысли о необходимости облегчить положеніе раскольниковъ, чтобы ихъ неподдававшаяся революціонной пропагандѣ среда могла, сблизившись съ православною, быть дѣйствительною, какъ сила противодѣйствія и отпора попыткамъ соціалистовъ проникать въ народъ. Во имя той же идеи совѣщанія признано нужнымъ снять съ польскаго населенія нашихъ окраинъ главныя бремена, на него наложенныя правительствомъ въ 1864 году послѣ мятежа; причемъ, такого рода мысль подкрѣплялась соображе-

ніемъ, что въ польской средѣ не являлось причастныхъ къ заговору анархистовъ... То и другое развѣ не поражало своею легкомысленностью и отсутствіемъ серьезнаго государственнаго взляда, и не проявляло ли оно именно растерянное отъ страха опасности состояніе правительства, которое отмѣняетъ извѣстныя бремена съ милліоновъ народа только въ минуту для него опасную, и только потому, что въ нихъ не было послѣдователей крамолы...

Какъ бы то ни было, но всѣ эти проектированныя мѣропріятія были въ главныхъ чертахъ одобрены комитетомъ министровъ, и затѣмъ приняты къ руководству подлежащими министерствами, но въ большей ихъ части только платонически, такъ какъ на дѣлѣ не появилось ни новыхъ законовъ о печати, ни новыхъ штатовъ для полиціи, ни пересмотра устава мировыхъ судей, ни облегченія положенія раскольниковъ и католиковъ.

Затѣмъ, по вопросу о народномъ образованіи въ совѣщаніи и въ комитетѣ министровъ произошло существенное разногласіе между министрами. Вопросы, создавшіе это разномысліе, были въ высшей степени интересны. Нѣкоторые изъ министровъ заявили и, кстати сказать, весьма основательно, что однѣми изъ главныхъ причинъ усиленія революціонной пропаганды въ Россіи и привлеченія къ ней учащейся молодежи слѣдуетъ считать: 1) слишкомъ широкій и легкій доступъ къ высшему образованію лицъ, по своему рожденію и по своей средѣ вовсе къ нему не подготовленныхъ, и 2) печальное состояніе нашей народной школы, раздѣленной, какъ и теперь, между тремя вѣдомствами и лишенной вслѣдствіе этого искренняго руководительства церкви и непосредственнаго съ нею общенія. Въ виду перваго пункта ми-

нистры предлагали ограничить доступъ въ высшія учебныя заведенія, какъ относительно образовательнаго, такъ и относительно матеріальнаго ценза; въ виду второго— они предлагали народную школу отдать въ полное завѣдываніе духовенства при церковныхъ приходахъ.

Графъ Толстой, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, явился энергичнымъ антагонистомъ противъ обоихъ мнѣній. По первому—онъ признавалъ все зло исходящимъ не отъ излишняго количества учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а отъ неудовлетворительности учебныхъ уставовъ, и потому обязался возстановить порядокъ, если будетъ утвержденъ проектъ его новаго университетскаго устава, и если всѣ стипендіи будутъ сосредоточены въ его рукахъ, съ правомъ неограниченнаго ими распоряженія; а относительно второго графъ Толстой настаивалъ на томъ, что, не отвергая въ принципѣ важнаго вліянія церкви на школу, онъ, тѣмъ не менѣе, видитъ исходъ только въ воспитаніи посредствомъ учительскихъ семинарій особо подготовленныхъ свѣтскихъ народныхъ учителей.

Комитетъ министровъ, обсудивъ эти разногласія по существу,—избралъ въ нихъ средину и постановилъ соединить задачу учительскихъ семинарій съ задачею вліянія церкви на народную школу.

Такъ или иначе, но, читая всѣ эти оффиціальныя бумаги того времени, нельзя удержаться отъ удивленія, что въ столь острую минуту, когда привительство нуждалось въ энергическихъ рѣшеніяхъ, и въ особенности въ энергическихъ мѣрахъ, весь высшій личный составъ этого правительства могъ свести задачу къ такимъ жалкимъ пародіямъ на мѣропріятія и къ академическимъ преніямъ на тему: въ какой мѣрѣ можетъ быть допущено

вліяніе церкви на народную школу? Читая эти журналы комитета министровъ, человѣкъ получалъ убѣжденіе, что къ наступавшей грозовой развязкѣ съ одинаковою силою вели дерзость враговъ правительства и непростительная слабость его слугъ. Несомнѣнно, не такихъ мѣропріятій могъ ожидать отъ нихъ Государь, поручая Валуеву руководить совѣщаніемъ, и если бы, въ оправданіе ожиданій Государя, совѣщанія пришли къ принятію ряда неумолимо строгихъ и энергичныхъ мѣръ, и законнымъ терроромъ отвѣтили бы на терроръ крамолы,—ходъ анархіи былъ бы остановленъ. Вѣдь, легко было бы губернаторовъ снабдить полномочіями особенной власти въ это время для борьбы съ крамолою; но предпочли генералъ-губернаторамъ въ 4 пунктахъ Россіи дать диктаторскія полномочія въ средѣ, гдѣ они были чужды, и гдѣ все для нихъ было ново, и оставить губернаторовъ въ ихъ безсиліи и въ ихъ рабской зависимости отъ Петербурга и отъ судебной конституціи у себя на мѣстѣ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ тогда правительствомъ подъ вліяніемъ утвержденныхъ комитетомъ министровъ предписаній Валуевскаго совѣщанія, оживленные тогда толки вызвало появившееся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, о томъ, что никакихъ прирѣзокъ и новыхъ нарѣзовъ по крестьянскимъ надѣламъ не будетъ.

Мѣру эту, благонамѣренную по существу, люди благоразумные и правительству преданные назвали въ то время не счастливою, по причинѣ ея несвоевременности. По этому поводу говорили и, казалось мнѣ, не безъ основанія, что не такую минуту, когда всѣ усилія террористовъ были направлены къ тому, чтобы распространять

проповѣдь соціализма въ народѣ, надо было избрать, чтобы вызывать въ крестьянскомъ населеніи такія земельныя волненія, которыя неизбѣжно дурную часть населенія въ каждой деревнѣ ставили прямо подъ вліяніе сновавшихъ по деревнямъ народниковъ, и давали имъ въ руки Высочайшія повелѣнія, съ правомъ, указывая на нихъ, говорить крестьянамъ: вотъ видите, Царь хотѣлъ вамъ дать земли, но господа Ему помѣшали и т. д... Эта критика правительственнаго заявленія о прирѣзкахъ земли по отношенію его несвоевременности оказалась, къ сожалѣнію, основательною, ибо именно то, что они предвидѣли, случилось. Правительственное заявленіе никого не успокоило, но въ то же время дѣйствительно послужило для террористовъ оружіемъ въ ихъ рукахъ, которымъ они во многихъ мѣстахъ воспользовались, чтобы вызвать въ крестьянскомъ населеніи безпокойство и смуту.

Но, увы, самое знаменательное въ то время было то, что вся совокупность этихъ правительственныхъ мѣропріятій, въ связи съ дѣйствіями новыхъ генералъ-губернаторовъ, носившими характеръ энергическихъ будто бы мѣръ,—шла рядомъ съ возраставшимъ успѣхомъ дѣйствія террористовъ и анархистовъ, постепенно пріобрѣтавшихъ новыхъ адептовъ, расширявшихъ раіоны своей дѣятельности и усиливавшихъ, такъ сказать, дерзость своихъ замысловъ.

Читателю, судящему объ этомъ злосчастномъ періодѣ того времени издалека, должно казаться не только страннымъ, но и непостижимымъ это постепенное усиленіе подпольной революціонной и террористической ассоціаціи, какъ разъ въ то время, когда правительство приступало къ энергичной борьбѣ со своими давнишними врагами Престола и порядка. И дѣйствительно, кому могло быть

понятно, чтобы правительство въ Россіи со своими многочисленными органами власти—могло оказаться безсильнымъ не только справиться съ нѣсколькими горстями крамольниковъ, но даже мѣшать ихъ усиленію и даже не знать: кто ихъ дѣятели?

Увы, и въ то время этотъ вопросъ глубокаго и скорбнаго недоумѣнія исходилъ со дна души у многихъ изъ насъ, и больно вспомнить, какой отвѣтъ давала жизнь въ разъясненіе этого вопроса, тогда казавшагося неразъяснимымъ и непостижимымъ недоразумѣніемъ.

Невольно я припомнилъ тогда начало семидесятыхъ годовъ, когда по поводу разрѣшенной на сценѣ герцогини Герольдштейнъ я говорилъ, что боюсь не пьесы, а того шага къ распущенности, который признаетъ приличнымъ то, что прежде признавалось безусловно неприличнымъ: насмѣшку надъ русскою великою монархинею и надъ русскимъ солдатомъ, боюсь послѣдствій этого шага, и когда, въ отвѣтъ на это, одинъ изъ умнѣйшихъ главарей тогдашняго либеральнаго движенія отвѣтилъ мнѣ на это въ одной гостиной: какое тебѣ дѣло мѣшать правительству само себя обезсиливать? Съ этого времени по 1879 годъ, увы, только это и происходило; правительство само себя обезсиливало, и результатомъ этого являлось постепенное усиленіе распущенности во всѣхъ рѣшительно слояхъ правительственнаго и общественнаго строя. И когда въ довершеніе несчастный исходъ для русскаго самолюбія войны 1878 года вселилъ въ разные слои общества какое-то горькое разочарованіе, тогда эта распущенность стала постепенно доходить до какихъ-то уже острыхъ проявленій небрежности въ исполненіи служебнаго долга. Вотъ эта-то острая небрежность въ исполненіи служебнаго долга и была тотъ талисманъ, благодаря

которому революціонная пропаганда въ Россіи, невзирая на всѣ мѣропріятія правительства, только росла и усиливалась, ибо вездѣ находила если не сочувствіе, то полное бездѣйствіе и несопротивленіе тамъ, гдѣ она должна была встрѣтить энергическій отпоръ и противодѣйствіе.

До чего доходили эта небрежность и это равнодушіе въ исполненіи служебнаго долга, я случайно въ то время узналъ съ ужасомъ изъ случайнаго разговора съ однимъ жандармскимъ офицеромъ. Его слова открыли мнѣ ключъ къ пониманію тогда непонятнаго, и потомъ уже, послѣ разыгравшихся драмъ, всѣ они, увы, математически вѣрно оправдались. Этотъ жандармскій офицеръ сказалъ мнѣ не много, но въ этомъ немногомъ какая страшная заключалась драма...

— Что вы хотите,—сказалъ онъ мнѣ,—когда нѣтъ той мѣры, той секретной бумаги, той шифрованной депеши, о которыхъ не знали бы анархисты иногда раньше того должностного лица, котораго онѣ касаются... У анархистовъ нашихъ агентовъ нѣтъ, а у нихъ есть свои агенты въ Ш отдѣленіи, есть въ петербургской полиціи, есть въ управленіи генералъ-губернатора здѣсь, въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ, Кіевѣ, есть въ каждомъ министерствѣ... Все то, что я вамъ сказалъ, я знаю навѣрное, но то, что я вамъ теперь скажу, я сообщаю какъ догадку: у нихъ въ Зимнемъ Дворцѣ должны быть свои гнѣзда.

Совершенно естественно,—я ему на это сказалъ,—да если вы такъ это увѣренно знаете, отчего же вы не говорите этого высшему начальству, не кричите объ этомъ?

— А вы думаете,—сказалъ онъ мнѣ,—что я объ этомъ не говорилъ. Говорилъ не разъ, а нѣсколько разъ,

и знаете, что произошло: вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ я устраненъ отъ политической части, и занимаюсь вопросами общественной нравственности.

Его послѣднія слова были: очнутся, но поздно будетъ...

Содержаніе этого случайнаго разговора, не называя лица, я передалъ черезъ близкихъ имъ лицъ тогдашнему шефу-жандармовъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Первый по этому поводу сказалъ, будучи слишкомъ честнымъ самъ, чтобы допустить что-либо очень безчестное: это преувеличенные толки, у страха глаза велики; второй сказалъ: все это догадки, а фактовъ нѣтъ... Увы, это напомнило мнѣ тогда, какъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ, въ отвѣтъ на мои предостереженія на счетъ Огрицко, добрѣйшій и милѣйшій тогдашній шефъ жандармовъ В. А. Долгоруковъ отвѣтилъ мнѣ по-французски: что вы станете дѣлать, когда канцелярія Суворова кишитъ разными «огрицками».

Я привелъ эти воспоминанія именно потому, что при освѣщеніи, отъ нихъ, какъ бы они малы ни были, становится понятнымъ тотъ чудовищный успѣхъ, съ которымъ шло дальнѣйшее движеніе крамолы. Какъ бы въ доказательство этого чудовищнаго успѣха подпольной революціи, слѣдуетъ припомнить тотъ фактъ, что главными центрами дѣятельности анархистовъ оказались именно тѣ пункты, куда были назначены съ своими диктаторскими полномочіями новые генералъ-губернаторы, а именно: Харьковъ, Одесса и, разумѣется, Петербургъ...

XXXV.

(1879—1880 гг.).

Характеръ дѣятельности крамольниковъ.—Съѣзды.—Двѣ партіи.—Планы партіи террора.

Время, считая съ лѣта 1879 года до весны 1881 года, было, какъ оказалось послѣ, самымъ оживленнымъ періодомъ въ исторіи анархистовъ въ Россіи, въ теченіе котораго составлялись провинціальные съѣзды, независимо отъ собранія въ Петербургѣ, издавались программы и манифесты, объявлявшія впередъ дѣйствіе террора, и въ теченіе котораго, кромѣ того, въ самой партіи дѣйствія произошли извѣстныя внутреннія перемѣны весьма характернаго свойства. И все это дѣлалось безпрепятственно въ разныхъ концахъ Россіи, при чемъ слѣдуетъ вспомнить, что за все это время не было сдѣлано ни одного крупнаго ареста, и не было принято ни одной мѣры къ воспрепятствованію ряду задуманныхъ противъ Государевой жизни покушеній... Перемѣна, о которой я говорю, заключалась въ томъ, что на общемъ съѣздѣ анархистовъ, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Воронежѣ, называвшихся обществомъ «Земля и воля», состоялось раздѣленіе общества на двѣ отдѣльныя группы. Одна, меньшая часть, какъ оказалось послѣ, состоявшая не болѣе, какъ изъ двадцати главныхъ сообщниковъ,—объявила своею

программою цареубійство. Другая группа, въ видѣ большинства, назвала себя обществомъ «Чернаго передѣла» и признала своею программою революціонерное дѣйствіе среди народа, безъ проявленій террора.

Эти двѣ политическія партіи, о которыхъ я выше сказалъ, партія народниковъ, и партія террористовъ, хотя существенно отдѣлялись одна отъ другой и средствами къ достиженію единой цѣли: ниспроверженія государственнаго порядка въ Россіи и демократической революціи,—дѣйствовали тѣмъ не менѣе сообща, и этимъ-то отчасти и объясняется та сила, съ которою въ совокупности вся революціонная организація—разросталась и расширяла районъ своей подпольной дѣятельности. Дѣйствуй партія террористовъ одна, она не находила бы, само собою разумѣется, ни въ комъ и ни въ чемъ какой бы то ни было видъ содѣйствія, но разъ террористы имѣли своими союзниками партію, такъ сказать, спокойной революціи, то, благодаря этому, она пользовалась тѣми рессурсами, которыя партія народниковъ находила отчасти въ недалекихъ отъ нея кругахъ крайнихъ либераловъ, фигурировавшихъ тогда и между правительственными чиновниками, отчасти въ той массѣ равнодушныхъ интеллигентныхъ людей, которые это равнодушіе проявляли столько же въ дѣлѣ отстаиванія правительственныхъ интересовъ и порядка, сколько въ дѣлѣ противодѣйствія всякой противоправительственной агитаціи.

Какъ бы то ни было, но въ августѣ 1879 года состоялось собраніе террористовъ въ Петербургѣ, которое учредило свой исполнительный комитетъ, для приведенія въ исполненіе постановленія собранія—во что бы то ни стало добиться цареубійства...

До какой степени велика была наглая смѣлость этихъ

дѣятелей, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что постановленіе свое и извѣстіе о полномочіяхъ, принятыхъ отъ собранія исполнительнымъ комитетомъ, были напечатаны въ Петербургѣ въ тайной типографіи общества террористовъ, въ органѣ, носившемъ названіе «*Народная Воля*».

Немедленно вслѣдъ за постановленіемъ начались и дѣйствія. Сразу было приступлено къ четыремъ планамъ покушенія на Государеву жизнь.

Три плана были примѣнены къ желѣзной дорогѣ, съ цѣлью взорвать Царскій поѣздъ при обратномъ слѣдованіи Государя изъ Крыма въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; четвертый планъ сосредоточивался въ Зимнемъ Дворцѣ, и тогда сбылась зловѣщая догадка жандармскаго офицера, предвидѣвшаго, что анархисты имѣли своихъ агентовъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

Для осуществленія первыхъ трехъ плановъ избраны были исполнительнымъ комитетомъ три пункта: Одесса, Александровскъ и Москва.

Въ каждый изъ этихъ пунктовъ были отправлены техники для устройства подземныхъ минъ и всѣхъ приспособленій къ взрыву во время прохожденія Царскаго поѣзда. Въ Одессѣ заговорщики раздѣлили между собою роли: главный исполнитель нанялся въ дорожные сторожа на 15 верстѣ отъ Одессы, а другіе поселились въ Одессѣ, а ночью они сходились для подземныхъ работъ. Въ Александровскѣ заговорщики преспокойно заняли домъ возлѣ желѣзной дороги, объявивъ о своемъ намѣреніи построить на этомъ мѣстѣ кожевенный заводъ, а въ Москвѣ еще спокойнѣе они заняли цѣлое большое помѣщеніе близъ линіи курской дороги и цѣлою партіею приступили къ подземнымъ работамъ, о серьезности коихъ

можно судить потому, что глубина подземныхъ ходовъ доходила до 2 саженей...

Государь черезъ Одессу не проѣхалъ, но проѣхалъ черезъ Александровскъ. За нѣсколько часовъ до проѣзда Царскаго поѣзда два злоумышленника прибыли въ тарантасѣ къ мѣсту взрыва, осмотрѣли всѣ приспособленія, и затѣмъ приняли мѣры къ соединенію электрическихъ токовъ мины въ минуту проѣзда поѣзда. Поѣздъ прошелъ, токи были соединены, но взрыва не послѣдовало, и поѣздъ ушелъ, не подозрѣвая, какой опасности онъ избѣгъ. Въ Москвѣ взрывъ удался, но Богу угодно было, чтобы первымъ поѣздомъ, шедшимъ по линіи, былъ дополнительный, а второй былъ Царскій. Царь спасенъ и невредимъ прибылъ въ Москву. Разумѣется, проявленіямъ радости о вновь спасенномъ Царѣ не было конца, но, увы, и это ужасное покушеніе, столь дерзко приведенное въ исполненіе, и надъ которымъ работали 3 цѣлыхъ мѣсяца, осталось тоже не открытымъ...

Оставался четвертый планъ.

Исполненіе его началось съ сентября мѣсяца, когда одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, подъ видомъ столярнаго рабочаго, съ фальшивымъ паспортомъ, нанялся въ рабочую команду при дворцѣ, и на этомъ положеніи получилъ помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ Зимняго Дворца, какъ разъ подъ комнатами Государевыхъ покоевъ...

Здѣсь онъ ежедневно приносилъ въ свое помѣщеніе извѣстное количество динамита, и носилъ его въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ—до дня, когда принесеннаго динамита оказалось 6 пудовъ, и заговорщики признали это количество достаточнымъ для совершенія взрыва.

5 февраля 1880 года былъ назначенъ взрывъ въ 6

часовъ вечера, то-есть въ часъ, когда Государь садится за обѣденный столъ: комната же въ подвалѣ, гдѣ былъ приготовленъ взрывъ, находилась какъ разъ подъ столовою, и раздѣлена была отъ нея главною гауптвахтою въ 1 этажѣ. Новое чудо спасло Государя. Въ шесть часовъ послѣдовалъ страшный взрывъ, отъ котораго убито и ранено было больше половины караула финляндскаго полка, но Государя въ столовой не было, ибо въ этотъ день Государь ожидалъ съ варшавскаго поѣзда принца Александра Гессенскаго и обѣдъ былъ назначенъ на полчаса позже...

Такимъ образомъ, четыре покушенія на жизнь Государя чудесно обезсиленныя, совершились въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Легко себѣ представить, какое было настроеніе въ Петербургѣ въ это время, за нѣсколько дней до празднованія всею Россіею двадцатипятилѣтія этого самаго Государя, который видѣлся намъ подъ чудесною охраною Провидѣнія стоящимъ надъ нами въ видѣ мишени для какихъ-то таинственныхъ, все учащающихся въ своей злобѣ изверговъ... Ужасное было время: мы видимъ удары, но кто ихъ наноситъ, никто—ни мы, ни обязанная это знать полиція—не знаетъ...

Это безсиліе, эта умственная немощь охранительныхъ органовъ власти давила всѣхъ насъ своимъ мучительнымъ бременемъ.

И дѣйствительно, если припомнить подробности этого времени съ сентября по февраль, то ужасъ проникнетъ душу отъ всего, что мы узнавали послѣ. Не говоря уже о томъ, что мѣсяцы могли безпрепятственно готовиться четыре плана цареубійства, такъ сказать подъ носомъ у генералъ-губернаторовъ, назначенныхъ для уничтоженія крамолы, и даже въ Зимнемъ Дворцѣ, вздрагиваешь, при-

поминая, что даже тогда, когда случайность наталкивала представителей охраны на преступниковъ и на признаки преступленія, даже и тогда продолжалось это роковое бездѣйствіе, это роковое безсиліе... Такъ, когда стало извѣстнымъ заговорщикамъ, что Государь не проѣдетъ черезъ Одессу, одинъ изъ одесскихъ террористовъ былъ захваченъ на желѣзной дорогѣ между Одессою и Александровскомъ съ цѣлою кладью динамита, казалось бы— этого достаточно должно было быть, чтобы немедленно устроить осмотръ всей линіи до Москвы передъ проѣздомъ Государя; но нѣтъ, преступникъ былъ схваченъ, онъ ничего не показалъ, и оба взрыва въ Александровскѣ и въ Москвѣ преспокойно продолжали подготовляться. Но еще поразительнѣе было то, что мы узнали послѣ покушенія 5 февраля: мы узнали, что за 2 мѣсяца до этого было арестовано, опять таки случайно, три анархиста, у одного изъ нихъ былъ найденъ планъ той части Зимняго Дворца, гдѣ были Государевы покои, и на этомъ планѣ мѣсто будущаго взрыва въ подвальномъ этажѣ было показано особымъ знакомъ, и, не смотря на то, никто не призналъ себя обязаннымъ сдѣлать осмотръ подвальнаго помѣщенія и обыскъ у жившихъ въ немъ лицъ. Мнимый столяръ продолжалъ ежедневно приносить свой динамитъ, и въ день взрыва исчезъ безъ слѣда...

Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ.

XXXVI.

(1880 годъ).

Послѣдствія взрыва.—Новое совѣщаніе министерствъ.—Голосъ Цесаревича.—Рѣшеніе Государя.—Верховная комиссія.—Выборъ графа Лориса-Меликова.—Его первыя дѣйствія.—25-ти-лѣтіе царствованія.

Разумѣется, взрывъ динамита въ Зимнемъ дворцѣ сопровождался взрывомъ негодованія и ужаса не только въ Петербургѣ, но во всей Россіи. Всѣ поняли, что даже жилище Царя, подобно улицѣ, подобно полотну желѣзной дороги, подвержено неумѣнію охранять отъ горсти преступниковъ правительственными слугами...

Увы, въ правѣ былъ это понять прежде всего Государь...

Только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вступили въ свои диктаторскія права новые генералъ-губернаторы, и, между прочимъ, генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ, и въ результатѣ три покушенія на желѣзной дорогѣ и одно въ Зимнемъ дворцѣ, въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Вопросъ: что дѣлать?—былъ у всѣхъ на умѣ и на устахъ. Онъ явился и у Государя...

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ учредились во дворцѣ Великаго Князя Константина Николаевича, по повелѣнію Государя, совѣщанія изъ министровъ, для обсужденія темы: какими мѣрами остановить несомнѣнно возраставшій успѣхъ крамолы... Совѣщаніе это получило громадное

значеніе историческаго событія, но значеніе это было роковое...

Кромѣ министровъ въ немъ принялъ участіе и Цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Послѣ открытія этого совѣщанія нѣсколькими вступительными словами предсѣдателя, начался обмѣнъ мыслей. Мысли эти не выражали ничего новаго, вращаясь въ сферѣ разныхъ полумѣръ, перебывавшихъ уже въ головахъ министровъ на всѣхъ прежнихъ совѣщаніяхъ. Къ тому же, совѣщаніе стояло передъ тѣмъ дѣйствительнымъ фактомъ, что, повидимому, все возможное было сдѣлано для противодѣйствія крамолѣ: учреждены были съ неограниченною почти властью генералъ-губернаторы; губернаторамъ даны были тоже усиленныя полномочія: всѣ политическія преступленія отданы были подъ военный судъ; всѣ пружины и струны строжайшаго полицейскаго надзора доведены до maximum'а напряженія... Что же еще оставалось дѣлать?... Поднятъ былъ снова вопросъ объ отношеніяхъ школы къ крамолѣ, но, во-первыхъ, графъ Толстой, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, увѣрялъ, что имъ приняты были всѣ нужныя мѣры къ прекращенію зла, а, во-вторыхъ, время-ли было въ такую острую минуту, когда дѣйствовать надо было немедленно — приступать къ сложному вопросу пересмотра нашей системы и нашихъ учрежденій народнаго образованія.

Тѣмъ не менѣе, прижатое къ стѣнѣ возложеннымъ на него Государемъ порученіемъ, совѣщаніе посвятило себя обсужденію разныхъ мѣропріятій, предлагавшихся министрами, и имѣвшихъ характеръ усиленія надзора, охраны и проявленій власти, но, къ сожалѣнію, какъ тогда говорили скептики, и весьма основательно, ничего

не предвѣщавшихъ, кромѣ усиленія переписки и пререканій между разными вѣдомствами...

Вотъ въ эту то минуту, когда, казалось, исчерпаны были въ головахъ государевыхъ совѣтниковъ всѣ мѣры, по ихъ мнѣнію, способныя улучшить безпомощное положеніе правительства, раздался голосъ Наслѣдника Цесаревича.

Тогда то и наступила та важная историческая минута, про которую я сейчасъ сказалъ...

Голосъ Наслѣдника раздался потому, что онъ одинъ былъ внутренно несогласенъ съ тѣмъ, что говорилось около него, и онъ одинъ признавалъ жизненную правду во всей ея печальной наготѣ.

Когда предсѣдатель совѣщанія обратился къ Наслѣднику Цесаревичу, молчаливо слушавшему всѣ происходившіе обмѣны мыслей, съ вопросомъ объ его мнѣніи насчетъ всего, въ совѣщаніи проектированнаго, Цесаревичъ сказалъ, что онъ не ожидаетъ особеннаго успѣха отъ предложенныхъ мѣропріятій, такъ какъ видитъ, что главное зло, мѣшающее правительству быть дѣйствительно сильнымъ въ борьбѣ съ крамолою и, вообще, съ безпорядками, заключается, по его мнѣнію, не въ отсутствіи мѣропріятій, которыхъ очень много, а въ разрозненности вѣдомствъ между собою, въ отсутствіи солидарности между ними, во внутреннемъ разладѣ между ними, и что вслѣдствіе этого онъ полагаетъ, что единственная мѣра, которая могла бы положить конецъ такому печальному порядку вещей, есть подчиненіе всѣхъ вѣдомствъ одному руководителю, отвѣтственному передъ Государемъ въ данную минуту за востановленіе порядка, съ тѣмъ, чтобы по всѣмъ вопросамъ государственной внутренней безопасности министры обязаны были дѣйствовать сообща,

подчиняясь волѣ одного лица. Таковъ былъ приблизительно отвѣтъ Цесаревича.

Нужно ли говорить, что этотъ голосъ Наслѣдника Престола, столь прямо и столь мудро указавшій на главное больное мѣсто всего нашего тогдашняго строя, всѣхъ поразилъ своею неожиданностью. Нужно ли прибавлять, что въ тоже время главная мысль этого мнѣнія пришлась не по вкусу всѣмъ поразившимся имъ министрамъ и создала общую министерскую гримасу.

Но искреннимъ, какъ всегда оказался только предсѣдатель, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Раздѣлялъ ли онъ мнѣніе своего Племянника, или не раздѣлялъ, никто знать того не могъ, но, воспріимчивый и умный, онъ сразу сталъ на подобавшую этой минутѣ патріотическую высоту.

Выслушавъ мнѣніе Наслѣдника Престола, Великій Князь сказалъ, что такъ какъ мысль его Царственнаго Племянника выходитъ по своей сущности изъ предоставленныхъ ему Государемъ полномочій, то онъ не считаетъ себя въ правѣ ее подвергать обсужденію, но въ то же время считаетъ своимъ долгомъ ее повергнуть на благоусмотрѣніе Государя, и надѣется, что Цесаревичъ не откажется съ своей стороны эти мысли высказать своему Державному Родителю. На это Цесаревичъ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ на себя эту обязанность.

И дѣйствительно, какъ Цесаревичъ, такъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ при докладѣ Его Величеству о протоколахъ совѣщанія довели до свѣдѣнія Государя и о мысли, высказанной Наслѣдникомъ въ совѣщаніи...

Государь ее призналъ не только достойною вниманія, но требующею немедленнаго осуществленія. Для этой

цѣли Государь,—какъ разсказывали тогда,—созвалъ совѣтъ министровъ въ присутствіи Цесаревича, и прямо предложилъ совѣту на обсужденіе Свое твердое намѣреніе осуществить мысль Наслѣдника, и назначить одно главное лицо во главѣ всѣхъ вѣдомствъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной безопасности... Министры, скрѣпя сердце, подчинились этому рѣшенію Государя безъ особеннаго противодѣйствія; проектирована была комиссія для составленія наказа этому новому государственному лицу, съ полномочіями диктатора, какъ тогда его назвали, и затѣмъ явился вопросъ: кого назначить на эту трудную и отвѣтственную должность?..

Былъ ли этотъ вопросъ предложенъ на обсужденіе совѣта министровъ, или рѣшилъ его Государь самъ, не знаю; одни говорили, что Государь предложилъ министрамъ назвать кандидата на эту должность, и что будто бы почти единогласно всѣ назвали Лорисъ-Меликова, ссылаясь на его успѣшное диктаторство въ Ветлянкѣ; другіе говорили, что выборъ Лорисъ-Меликова былъ сдѣланъ самимъ Государемъ, но, такъ или иначе, въ этомъ именно выборѣ сказалось то роковое для судьбы Россіи, которое геніальной по своей правдѣ и простотѣ мысли Цесаревича дало столь гибельныя для самого Государя и для Россіи послѣдствія...

Въ извѣстныхъ кружкахъ тогда говорили, и не безъ основанія, что въ минуту, когда явилась мысль Цесаревича, требовавшая для ея осуществленія особенно достойнаго лица,—выборъ такого лица между тогдашними государственными людьми былъ болѣе чѣмъ затруднителенъ, вслѣдствіе отсутствія такой выдающейся личности; прибавляли также, что самое выдѣленіе изъ среды государственныхъ лицъ одного, для возложенія на него

диктаторскихъ полномочій, было въ принципѣ неудобно и практически трудно осуществимо въ смыслѣ полезности, ибо должно было вызвать въ призванныхъ подчиниться ему министрахъ завистливыя и неискреннія отношенія, и что вслѣдствіе этого самымъ естественнымъ и правильнымъ казалось тогда эту диктатуру возложить на то единственное лицо въ Россіи, которое по своему положенію могло стать выше всѣхъ, не возбуждая ни въ комъ зависти, то-есть на самого Цесаревича. Но мысль эта Государю не пришла, и выборъ Лорисъ-Меликова былъ рѣшенъ безповоротно.

Выборъ, павшій на графа Лорисъ-Меликова, состоялся уже тогда, когда въ петербургскомъ обществѣ онъ уже менѣе былъ загадочною личностью, чѣмъ при назначеніи его, послѣ ветлянскаго диктаторства харьковскимъ генералъ-губернаторомъ. И, къ сожалѣнію, всѣ приходившія изъ Харькова, въ теченіе зимы 1879—1880 года, свѣдѣнія о графѣ Лорисъ-Меликовѣ успѣли въ серьезныхъ кружкахъ общества настолько развѣнчать эту нелегендарную фигуру, что когда появился Высочайшій указъ объ учрежденіи верховной распорядительной комиссіи по охраненію государственнаго порядка и о назначеніи графа Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ этой комиссіи, имя Лорисъ-Меликова произвело мало ободряющаго дѣйствія на безпокойные и встревоженные умы. О немъ знали, что въ Харьковѣ онъ искалъ популярности въ интеллигентныхъ кружкахъ до университета включительно, знали, что онъ былъ руководимъ и вдохновляемъ весьма извѣстнымъ по своему либерализму прокуроромъ судебной палаты; знали про его злосчастный пріемъ харьковскаго дворянства, которое къ нему, въ день выборовъ, явилось съ губернскимъ предводителемъ дворянства во главѣ, въ

мундирахъ, и къ которому графъ Лорисъ-Меликовъ вышелъ въ халатѣ, съ длинною трубкою въ рукахъ; знали, наконецъ, что онъ ни одной энергической мѣры не принялъ, и зная все это, что могли мы предвидѣть новаго отъ появленія его уже на самой вершинѣ управленія, съ полномочіями всероссійскаго диктатора... Даже прославившаяся въ 1879 году ветлянская диктатура успѣла въ теченіе этого года, подъ вліяніемъ разныхъ узнанныхъ подробностей, развѣнчаться настолько, что стали говорить, что, когда Лорисъ-Меликовъ поѣхалъ въ Ветлянку, чумы уже не было, но что, тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ создать себѣ ореолъ славы изъ всего, что до него было тихо и скромно сдѣлано людьми на мѣстѣ. Правда ли это было такъ или неправда, я не могъ провѣрить, но привожу всѣ эти толки во свидѣтельство того, что назначеніе гр. Лорисъ-Меликова было встрѣчено въ иныхъ кружкахъ недовѣрчиво.

Какъ бы то ни было, но Лорисъ-Меликовъ принялъ предложенную ему должность. Но тутъ же, съ воспоминаніями того времени въ рукахъ, я долженъ сіе сказать, онъ сразу взялъ ту фальшивую ноту, которая оправдала всѣ приходившіе изъ Харькова слухи объ его игрѣ въ популярность. Сразу онъ создалъ для себя помостки, и выступилъ на нихъ гораздо болѣе актеромъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, обремененнымъ такою страшно отвѣтственною должностью. Роль его заинтересовала болѣе чѣмъ сущность его задачи, и въ день его назначенія я записывалъ въ свои замѣтки слѣдующее: «Лорисъ-Меликовъ дѣлаетъ видъ жертвы, покоряющейся своей судьбѣ, и какъ будто извиняется передъ людьми въ томъ, что ему дали такъ много власти, и уже сегодня тѣмъ, которые говорили ему о необходимости строжайшихъ мѣръ, онъ отвѣчалъ обѣщаніями дать бомбошки либерализма»

Указъ 12 февраля подчинилъ графу Лорису-Меликову всю полицію въ Имперіи и всѣ вѣдомства по вопросамъ государственной безопасности, сдѣлавъ его по всѣмъ ихъ дѣламъ единственнымъ докладчикомъ у Государя, и право отмѣны его и комиссіи распоряженій предоставилъ только ему и, разумѣется, Государю. Въ то же время уничтожилась генералъ-губернаторская власть въ Петербургѣ. Но любопытно здѣсь вспомнить, что при составленіи этого указа о верховной комиссіи забыты были генералъ-губернаторы съ ихъ диктаторскими полномочіями, такъ что вскорѣ послѣ начала дѣятельности верховной комиссіи возникъ вопросъ: подчинены ли ей генералъ-губернаторы?.. Для отвѣта на этотъ вопросъ генералъ-губернаторы были созваны въ Петербургъ, и на особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ гр. Лориса-Меликова, установлено было, что генералъ-губернаторы не подчинены верховной комиссіи, а должны только о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ увѣдомлять предсѣдателя верховной комиссіи.

Такимъ образомъ, получилось странное политическое положеніе, при которомъ министры были подчинены по вопросамъ внутренней безопасности гр. Лорису-Меликову, а генералъ-губернаторы, по общимъ законамъ подчиненные министру внутреннихъ дѣлъ, не подчинялись предсѣдателю верховной комиссіи, такъ что, въ сущности, вся чрезвычайная власть гр. Лорисъ-Меликова, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ Петербургѣ.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что я набросалъ въ своихъ замѣткахъ о первомъ днѣ Лорисовской диктатуры, мы вскорѣ узнали двѣ вещи: первую, что гр. Лорисъ-Меликовъ, при выборѣ себѣ членовъ въ верховную комиссію, прежде всего озаботился подборомъ *мягкихъ* людей; и вторую, что немедленно онъ сталъ говорить о *необходимости*

успокоить общественное мнѣніе насчетъ смысла своего назначенія, дабы не могли подумать, какъ онъ говорилъ, что онъ явится какимъ-то *тираномъ* и мстителемъ. Членами комиссіи были назначены т. с. *Побѣдоносцевъ*, *Кохановъ*, *Ковалевскій*, *Шамшинъ*, генералы *Черевинъ* и *Батьяновъ*, и затѣмъ оберъ-прокуроръ сената Марковъ, и правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ *Перфильевъ*. Изъ этихъ членовъ о троихъ говорили, какъ о представителяхъ энергическаго образа дѣйствій: о Побѣдоносцевѣ, о Черевинѣ и о храбромъ боевомъ генералѣ, Батьяновѣ.

Первымъ дѣломъ графа Лорисъ-Меликова явилось его воззваніе къ *жителямъ столицы*. Воззваніе это не произвело иного дѣйствія, какъ коментаріи и толки на тему о немъ; успокоительнаго же дѣйствія оно не имѣло по той простой причинѣ, что это воззваніе слишкомъ явно носило слѣды сочинительства, и не имѣло того характера сильнаго волею и убѣжденіемъ слова, которое производитъ глубокое дѣйствіе на массы и на отдѣльные умы. Въ немъ были двѣ части: одна, первая, говорила о мѣрахъ строгости; другая была обращеніемъ къ поддержкѣ общества, въ концѣ котораго цѣлью было поставлено «*возвращеніе отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія*». Гораздо внушительнѣе этого академическаго воззванія, гдѣ не было ни одной сердечной ноты, оказалось дѣйствіе Лориса-Меликова пять дней спустя, когда анархисты признали нужнымъ на воззваніе его отвѣтить выстрѣломъ въ него одного изъ своихъ агентовъ, въ минуту, когда графъ входилъ въ свой домъ на углу Большой Морской и Почтамтскаго переулка. Выстрѣлъ далъ промахъ, но преступникъ былъ схваченъ, и графъ Лорисъ-Меликовъ велѣлъ его немедленно отдать подъ военный судъ, и черезъ три дня онъ былъ повѣшенъ. Такой

образъ дѣйствій новаго диктатора возвысилъ его въ общественномъ мнѣніи, но, къ сожалѣнію, такъ случилось, что это былъ единственный разъ, когда графъ Лорисъ поступилъ энергично. Послѣ этого о новыхъ мѣрахъ строгости мы уже не слыхали, и анархисты продолжали свое дѣло попрежнему.

Въ этомъ невеселомъ настроеніи пришлось Россіи праздновать 19 февраля двадцатипятилѣтіе царствованія Александра II...

Бѣдному Государю могло ли быть въ такія тяжелыя минуты до праздниковъ въ честь его царствованія, когда, съ одной стороны, столько упорной и фанатической ненависти къ нему проявлялось въ этой подпольной крамолѣ, а съ другой стороны, правительственный строй оказался столь безсильнымъ, послѣ всѣхъ великихъ реформъ, Государемъ сдѣланныхъ, охранить въ Россіи порядокъ и безопасность самого Царя...

День этотъ начался большимъ военнымъ музыкальнымъ привѣтствіемъ на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ, потомъ начался большой пріемъ въ Зимнемъ Дворцѣ и молебенъ въ придворномъ соборѣ. На душѣ у всѣхъ было тяжело. Вблизи отъ Бѣлой залы, всѣ знали, тихо умирала въ это время Императрица, вѣрная спутница Царя-юбиляра въ это истекшее 25-лѣтіе, а когда Государь, обратившись къ представителямъ войска, сказалъ: когда меня не будетъ, я надѣюсь, что вы такъ же вѣрно будете служить моему Сыну,—у многихъ выступили на глаза слезы, у всѣхъ стѣснилось больно и очень больно сердце, и невольно всѣ взоры устремились на стоявшаго возлѣ Государя Его Наслѣдника, и увидѣли, какъ его всегда свѣтлое лицо глубоко омрачилось грустью, какъ сдвинулись его брови, и какъ въ глазахъ его грустный

взоръ заволокли слезы. Оба привѣтствія — отъ государственнаго совѣта, прочитанное Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и отъ сената, — были прекрасно изложены, и въ отвѣтъ на каждое изъ нихъ Государь послѣ благодарности выразилъ надежду, что скоро окончатся печальные дни... Увы, намъ всѣмъ тогда было грустно потому, что этой надежды на скорый конецъ этихъ безпорядковъ мы не испытывали. Днемъ Государя на улицахъ восторженно привѣтствовали, а вечеромъ Петербургъ былъ залитъ огнями.

XXXVII.

(1880 годъ).

Мое свиданіе съ графомъ Лорисомъ-Меликовымъ.—Мои впечатлѣнія.—Мое письмо къ нему.—Уходъ генералъ-адъютанта Дрентельна.—А. А. Абаза.

Когда графъ Лорисъ-Меликовъ переѣхалъ въ нанятый для него большой домъ Бутурлина, по Мойкѣ, противъ реформатской церкви, мнѣ пришлось его посѣтить. Доступъ къ нему сопровождался необходимостью пройти черезъ небывалый въ какой-либо передней подборъ множества хранителей, въ видѣ околоточнаго, жандарма, казака, швейцара, помощника и курьеровъ, и ужъ пройдя черезъ этотъ авангардъ величія и силы, я очутился въ крошечной гостиной, гдѣ меня принялъ диктаторъ. Пробылъ я у него минутъ двадцать, и вынесъ отъ этого свиданія странное впечатлѣніе. Я почти не говорилъ, а говорилъ Лорисъ. Говорилъ онъ прежде всего о томъ, какъ онъ изнемогаетъ подъ бременемъ на него свалившейся власти, какъ она, кромѣ того, ему не по душѣ, какъ ему трудно держать разумную средину между двумя крайностями, между *полиціею* и *общественнымъ мнѣніемъ*, а когда я ему дерзнулъ сказать, что по-моему теперь главная нужда—не разумная средина, а строгая и твердая политика власти, строгой для всѣхъ,—Лорисъ меня прервалъ, и началъ говорить о томъ, что одною стро-

гостью не возьмешь, а надо такъ вести дѣло, чтобы имѣть за себя и общественное мнѣніе, которое тоже возбуждено противъ правительства, и, если хотите,—прибавилъ Лорисъ, — имѣетъ основаніе быть недовольнымъ скачками то назадъ, то впередъ въ правительственной политикѣ...

— Теперь время такое, — продолжалъ Лорисъ, — что нельзя не прислушиваться къ общественному мнѣнію: нельзя допускать крамолы, но надо тоже избѣгать проявленій деспотизма...

Я отвѣтилъ Лорису-Меликову, что на деспотизмъ власти никто не жалуется, кромѣ анархистовъ, но всѣ жалуются, напротивъ, на недостатокъ власти, на отсутствіе въ правительствѣ общей энергіи и...

Опять Лорисъ-Меликовъ меня прервалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, какъ будто съ одушевленнымъ убѣжденіемъ,—не на это жалуются; жалуются на то, что всю нашу учебную молодежь душатъ въ тискахъ классицизма и формализма: вотъ откуда идетъ главное революціонное движеніе: тутъ вы съ полиціею не справитесь.

— Можетъ быть, и давятъ классицизмомъ болѣе, чѣмъ нужно, — сказалъ я, — но объ этомъ ли теперь, когда всѣ умы возбуждены и воспламенены, говорить: теперь нужна твердая рука для водворенія вездѣ порядка; прежде всего надо сильную власть, а все остальное послѣ...

— Это вы а ля-Катковъ изволите разсуждать... А я съ этимъ несогласенъ; кулакомъ теперь ничего не возьмешь; теперь нужно, прежде всего, возстановить спокойствіе, а чтобы этого достигнуть, надо отнимать поводы къ неудовольствію, надо *смягчать* общественное мнѣніе...

Потомъ Лорисъ-Меликовъ какъ будто подъ вліяніемъ внезапно прервавшей ходъ его размышленій мысли, сказалъ: ну да это что, а главное вотъ что: армяшка Лорисъ-Меликовъ совсѣмъ не годится въ диктаторы, такая у васъ тутъ въ Питерѣ кутерьма, что и не разберешься.

По взгляду не то хитрому, не то лукаво-вопросительному, съ которымъ меня фиксировалъ диктаторъ, я понялъ, что эта неожиданная фраза была сказана имъ съ цѣлью узнать, что я на это отвѣчу.

Но я только усмѣхнулся и ничего не сказалъ.

А ничего не сказалъ я потому, что почувствовалъ дѣланность и комедію этой фразы.

Приблизительно на этомъ и кончилась наша краткая бесѣда.

Проходя снова черезъ строй хранителей въ швейцарской разнаго сорта, я невольно подумалъ: какъ много здѣсь внизу аттрибутовъ власти, а тамъ, на верху, какъ мало ея сознанія, и вышелъ на улицу съ тяжелымъ ощущеніемъ.

Я подумалъ, что если бы я вышелъ не изъ кабинета Лорисъ-Меликова, а изъ кабинета Краевскаго, издателя «Голоса», я, вѣроятно, испытывалъ бы то же самое, ибо, вѣроятно, то же самое пришлось бы слушать. До моего свиданія таилась во мнѣ какая то иллюзія, теперь она исчезла и я вернулся къ себѣ съ тоскою на душѣ, понявъ, что не только нечего ждать чего либо новаго, но что предвидѣть надо много худшаго, ибо я понялъ, что диктатура была дана человѣку, который не сознаетъ ея цѣли, и понималъ ее, такъ сказать, по передовымъ изъ газеты «*Голосъ*».

Что я подумалъ тогда о «Голосѣ», въ томъ ничего не было удивительнаго, такъ какъ всѣ стали говорить,

что «Голосъ» сдѣлался органомъ графа «*Лориса-Меликова*». Отчасти этотъ толкъ объясняется именемъ Скальковскаго, которое носилъ бывшій въ Харьковѣ начальникъ канцеляріи у Лориса-Меликова, братъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ «*Голоса*», а отчасти и тѣмъ, что въ своихъ рѣчахъ, на которыя, кстати, сказать, графъ не былъ скупъ, въ разговорахъ направо и налѣво, дѣйствительно, многіе слышали отзвуки вдохновенія «Голоса», заклятаго врага графа Толстого и классицизма, и борца за правовый порядокъ и за то какое то общественное мнѣніе, про которое такъ часто говорилъ Лорисъ-Меликовъ.

Во всякомъ случаѣ, подъ впечатлѣніемъ моего свиданія съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ я въ тотъ же вечеръ написалъ ему письмо.

Въ этомъ письмѣ, совершенно искренно говоря о моемъ желаніи ему блага, я ему высказалъ, какъ бы по поводу его фразы о петербургской безурядицѣ, что, по отношенію къ нему и къ его будущей дѣятельности, боюсь дѣйствія на него трехъ элементовъ той самой петербургской безурядицы, которые и отдѣльно каждый, и всѣ вмѣстѣ могутъ, по моему искреннему убѣжденію, имѣть на него самое гибельное вліяніе. Три эти элемента слѣдующіе: петербургскій чиновникъ, петербургская печать и петербургская женщина...

Общаго между этими тремя элементами то, что всѣ они имѣютъ подъ собою фантастическую и искусственную жизненную почву и, живя на ней, ничѣмъ не могутъ вдохновляться инымъ, какъ только фальшью и ложью, съ одной стороны, а съ другой стороны,—что еще хуже,—полнымъ пренебреженіемъ къ жизненной правдѣ во всѣхъ русскихъ государственныхъ вопросахъ.

О чиновникѣ я писалъ Лорисъ-Меликову, что онъ прежде всего либераленъ, но что либерализмъ его вреднаго свойства тѣмъ, что онъ одинаково пренебрегаетъ интересами той власти, которой онъ служитъ и отъ которой получаетъ жалованье, и интересами народа, для удовлетворенія которыхъ онъ служитъ; а подъ народомъ я разумѣю всѣ рѣшительно виды частныхъ интересовъ; пренебреженіе къ интересамъ власти въ немъ проявляется, какъ культъ либерализма, а пренебреженіе къ интересамъ народа, какъ культъ бездушнаго эгоизма, и въ такомъ настроеніи единственное, что вліяетъ на сего чиновника,— это погоня за популярностью въ либеральной печати. За похвалу въ ней онъ отступится отъ какихъ угодно интересовъ—не только власти вообще, но и Государевыхъ...

На счетъ печати я писалъ Лорисъ-Меликову, что особенно боюсь ея вліянія на него. Она его держитъ въ атмосферѣ ѳиміама и похвалъ, очевидно, не для его прекрасныхъ глазъ, а потому, что разсчитываетъ его этими похвалами держать у себя въ повиновеніи, и вести его постепенно такъ, чтобы онъ, подъ предлогомъ успокоенія общественнаго мнѣнія, работалъ для успѣховъ либерализма и подготовлялъ почву для дальнѣйшихъ либеральныхъ реформъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти реформы умаляли авторитетъ и престижъ государственной власти.—Изъ двухъ-трехъ колкихъ словъ, вырвавшихся у Лориса-Меликова въ разговорѣ со мною о Катковѣ,—писалъ я ему,—я уже могъ увидѣть, что въ этомъ отношеніи наша печать свое вліяніе на него, Лориса-Меликова, имѣла, ибо я могъ понять, что у него совсѣмъ сбившіяся о печати понятія; у Каткова могутъ быть свои недостатки, но нельзя отрицать, что онъ одинъ въ печати стоитъ за сильную Государеву власть, а пе-

тербургская печать, наоборотъ, стоитъ за ослабленіе этой власти; какъ же можно мириться съ тѣмъ, чтобы государственный человѣкъ, призванный Государемъ возстановлять порядокъ и авторитетъ власти, стоялъ за печать либеральную, и противъ печати порядочной...

Что касается третьяго пункта, петербургской женщины, то я о ней заговорилъ потому, что уже въ ту пору въ извѣстныхъ политическихъ салонахъ петербургскаго либеральнаго оттѣнка появились дамы, которыя спеціально занялись ухаживаніемъ за старикомъ Лорисомъ-Меликовымъ, чтобы изъ этихъ ухаживаній сдѣлать политическое воспитаніе Лориса-Меликова въ либеральномъ направленіи.

Кончилъ я свое письмо моленіемъ — прислушаться только къ голосу совѣсти солдата, которая вѣрнѣе чиновника, печати и петербургскихъ дамъ ему скажетъ, что теперь для спасенія Россіи надо спасти Государя, а спасти Государя можетъ только одно: твердая строгость со всѣми и во всемъ...

Увы, очень скоро слова мои о трехъ элементахъ оказались пророчествомъ, поразительно осуществившимся.

По странному, но, увы, роковому—въ смыслѣ неизбѣжности—совпаденію, прежде чѣмъ верховная распорядительная комиссія, съ Лорисомъ во главѣ, успѣла открыть хотя бы одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей подпольной крамолы, отставленъ былъ отъ своей дѣятельности и отдаленъ былъ отъ Государя, по настоянію Лориса, *честнѣйшій* въ то время изъ государственныхъ людей и изъ ближайшихъ государевыхъ слугъ,—шефъ-жандармовъ генералъ-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ...

Такой фактъ сразу произвелъ деморализирующее дѣйствіе на ту среду, гдѣ честные люди понимали разницу

между честными слугами Престола и между тѣми, которые изображали собою разные оттѣнки оппортюнизма и карьеризма...

Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ былъ для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, именно идеаломъ честнаго человѣка, и всѣ честные и преданные русскіе люди отлично понимали, что если борьба съ крамолою шла такъ неуспѣшно для правительства, то вовсѣ не потому, что шефъ-жандармовъ генералъ Дрентельнъ не былъ на высотѣ своего положенія, а потому, главнымъ образомъ, что этотъ высокочестный шефъ-жандармовъ встрѣчалъ противодѣйствія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ—въ глубоко-деморализованномъ тогдашнемъ высшемъ строѣ государственныхъ дѣятелей, доведшихъ разъединеніе вѣдомствъ и различіе въ главныхъ воззрѣніяхъ до предѣловъ полнаго безпорядка, который имѣлъ послѣдствіемъ полную невозможность для Государя держаться единаго плана дѣйствій и единаго взгляда на тогдашнее положеніе Россіи. Наглядным проявленіемъ этого безпорядка вверху—послужило кратковременное генералъ-губернаторство самого Лорисъ-Меликова въ Харьковѣ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до своего назначенія въ диктаторы, онъ все время дѣйствовалъ наперекоръ шефу-жандармовъ генералъ-адъютанту Дрентельну, и своимъ единственнымъ руководителемъ въ управленіи призналъ тогдашняго прокурора судебной палаты Мечникова, составившаго себѣ имя своимъ весьма развязнымъ политическимъ либерализмомъ.

Оттого легко было понять, что первою потребностью для Лорисъ-Меликова диктатора явилось удаленіе отъ Государя, какъ совѣтника по политическимъ внутреннимъ дѣламъ, того самаго генерала Дрентельна, который своимъ

личнымъ обаяніемъ высокой честности не могъ не имѣть на Государя нравственнаго вліянія. Говоря откровеннѣе, Дрентельнъ былъ слишкомъ прямою и несложною личностью для той сутолочи, которую создалъ въ своемъ полномъ непониманіи и незнаніи государственной Русской жизни около себя Лорисъ-Меликовъ, какъ политическую атмосферу.

Замѣстителя для этого свѣтлаго честностью человѣка въ роли шефа-жандармовъ Лорисъ-Меликовъ, разумѣется, нашелъ въ самомъ себѣ, ни на секунду не задумавшись надъ тѣмъ, что, принимая на себя эту отвѣтственную должность въ такое трудное время съ такимъ легкомысліемъ, онъ сразу дѣлалъ безплодною свою диктатуру, ибо въ своемъ лицѣ ставилъ въ одно и тоже время—и во главѣ управленія, и во главѣ политическаго розыска и борьбы съ крамолою—человѣка, не имѣвшаго никакого понятія ни о Россіи, ни объ эпохѣ, ни объ условіяхъ жизни, въ которыхъ текла тогдашняя государственная жизнь.

Я назвалъ сутолочью тогдашнюю атмосферу, создавшуюся около Лорисъ-Меликова, ибо дѣйствительно она именно тѣмъ и была... Такъ какъ Лорисъ-Меликовъ ничего не зналъ о жизни политической Россіи, то вмѣстѣ съ диктатурою и обязанностями дѣйствовать для водворенія въ Россіи порядка соединялась для него необходимость учиться понимать Россію, и начинать это ученіе съ азбуки, а потому всѣ его совѣтники призваны были быть въ тоже время его учителями. То, что произошло въ Харьковѣ, произошло и въ Петербургѣ... Лорисъ-Меликовъ сталъ искать вліянія на себя и руководительства прежде всего въ сферѣ судебнаго вѣдомства, находя въ его либерализмѣ то, что, по близорукости своей, онъ для

себя считалъ главнымъ: почетъ и популярность и заигрываніе съ либералами, будто бы съ цѣлью успокаивать и разоружать общественное мнѣніе... Вторую категорію учителей, какъ я уже раньше говорилъ, Лорисъ-Меликовъ съ большимъ еще непониманіемъ избралъ себѣ въ газетной печати, и именно въ печати либеральной, вступивъ въ непосредственно близкія отношенія съ газетою «Голосъ» и съ ея главными сотрудниками. Картина губернаторовъ и даже министровъ, ожидавшихъ въ пріемной Лорисъ-Меликова,—пока изъ его кабинета выйдетъ приглашенный для бесѣды либеральной журналистъ «Голоса», стала сразу возможною и нормальною въ обиходѣ диктатора, и ни малѣйшаго въ томъ не было сомнѣнія, что Лорисъ-Меликовъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ былъ убѣжденъ, что такія ухаживанія за либералами печати, хотя бы въ явный ущербъ достоинству правительства, были проявленіями очень мудрой политики. Третьимъ учителемъ и руководителемъ Лориса-Меликова въ то время былъ А. А. Абаза. Александръ Аггѣевичъ Абаза представлялъ собою весьма интересный типъ государственнаго дѣятеля.

Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и даже великолѣпныхъ типовъ политическаго оппортюнизма въ то время въ Россіи, какъ метеоръ, пролетѣвшій по государственному горизонту Россіи... Первымъ шагомъ въ жизненной карьерѣ этого интереснаго человѣка была его женитьба на дочери знаменитаго въ пятидесятыхъ годахъ богача-откупщика Н. Д. Бенардаки. Красивый, изящный и умный молодой Абаза сумѣлъ изъ большого приданаго своей жены сдѣлать себѣ блестящую обстановку для жизни, и мало-по-малу сталъ выдвигаться впередъ въ рядахъ представителей блестящаго мужского пола, при-

чемъ его успѣхи въ петербургскомъ свѣтѣ росли одновременно съ его состояніемъ... Я помню первый золотой вѣкъ А. А. Абазы; это былъ вѣкъ его славы, вѣкъ очаровательнаго игрока. Въ новомъ элегантномъ клубѣ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ полубога, про широкіе розмахи его въ карточной игрѣ говорили тогда съ какимъ-то благоговѣніемъ. Всегда спокойный, всегда пріятный, всегда очаровательный и элегантный, Абаза ставилъ надъ картою сто-тысячные куши съ легкостью зефира, и проигрывалъ ихъ съ такимъ же изящнымъ и красивымъ равнодушіемъ, съ какимъ ихъ выигрывалъ, вставалъ со стула, когда проигрышъ доходилъ до maximum'а, изящно извиняясь передъ партнеромъ въ томъ, что его средства не позволяютъ ему проигрывать болѣе, причемъ всѣ знали, что на другой день, къ обѣденному часу, дворецкій клуба будетъ передъ началомъ обѣда разносить пакеты съ проигранными деньгами А. А. Абазы, по адресу каждаго выигравшаго.

Затѣмъ, насталъ второй золотой вѣкъ: это былъ вѣкъ придворныхъ и салонныхъ успѣховъ А. А. Абазы. Великая Княгина Елена Павловна его пригласила въ гофмаршалы своего блестящаго двора, и здѣсь, въ центрѣ, гдѣ издавна сходились всѣ умнѣйшіе люди Петербурга, и гдѣ умъ былъ въ почетѣ, Александръ Аггѣевичъ съ своимъ природнымъ умомъ, съ своими пріятными отношеніями къ людямъ, составилъ себѣ очень скоро положеніе, въ которомъ его цѣнили уже какъ умнаго и талантливаго человѣка; его репутація изящнаго игрока отошла на задній планъ, и объ Абазѣ стали говорить, какъ о кандидатѣ на государственныя должности. Эта репутація росла, и въ прекрасный день, когда открылась вакансія государственнаго контролера,—выборъ Государя остано-

вился на А. А. Абазѣ. Единственнымъ препятствіемъ была его репутація игрока. Государь объ этомъ препятствіи заговорилъ, и тогда, какъ разсказывали въ Петербургѣ, съ А. А. Абазы взято было, по желанію Государя слово, что онъ кончитъ навсегда съ крупною игрою за зеленымъ столомъ, и затѣмъ А. А. Абаза былъ назначенъ на министерскую должность. Съ этою должностью, при своей даровитости, онъ справлялся блестяще, и ничего не было удивительнаго, когда позже явился вопросъ о замѣщеніи должности министра финансовъ, то совершенно такимъ же порядкомъ, какимъ Абаза наслѣдовалъ Грейгу въ государственномъ контролѣ, онъ унаслѣдовалъ тому же Грейгу въ управленіи министерствомъ финансовъ. Вотъ этотъ государственный человѣкъ и явился главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ Лориса-Меликова.

XXXVIII.

(1880 годъ).

Докладъ графа Лориса-Меликова.—Графъ Толстой.—Его характеристика.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ диктаторства, гр. Лорисъ-Меликовъ счелъ себя въ правѣ представить цѣлый общій докладъ о положеніи вещей въ Россіи, отъ имени верховной комиссіи, коей онъ былъ предсѣдателемъ. Докладъ этотъ на имя Государя заключалъ въ себѣ двѣ части: указаніе всѣхъ слабыхъ сторонъ государственнаго строя и его жизни, и затѣмъ указаніе мѣръ, необходимыхъ для поправленія зла.

Докладъ этотъ былъ характернымъ знаменіемъ тогдашняго времени. Его прежде всего можно было сравнить съ протоколомъ консиліума врачей, случайно сошедшихся у изголовья больного, или мало, или совсѣмъ имъ незнакомаго, гдѣ первую часть составлялъ діагнозъ, поставленный больному, а вторую часть—перечень цѣлительныхъ мѣръ. Написанъ онъ былъ языкомъ газеты *„Голосъ“* скорѣе, чѣмъ государственнымъ языкомъ, и заключалъ въ себѣ все то, что думали либеральные совѣтники Лориса все то, что въ разныхъ перефразировкахъ сто разъ высказывала газета *„Голосъ“*, но о томъ, что высказывала, какъ нужду, сама жизнь, не было, разумѣется, и рѣчи—по той простой причинѣ, что то главное, что нужно было

тогда Россіи, режимъ и система сильной власти, считалось всѣми совѣтниками и сотрудниками Лориса не либеральнымъ.

Нелѣпое и призрачное въ этомъ докладѣ смѣшивалось съ яснымъ и вѣрнымъ; отвлеченное—съ практическимъ; предвзятая мысль—съ указаніемъ опыта; и въ общемъ получалось впечатлѣніе именно діагноза надъ больнымъ, врачемъ незнакомымъ, гдѣ послѣдствія признавались причинами и подробности отвлекали отъ главнаго, причемъ средства спасенія весьма схожи были съ тѣми мѣрами лѣченія, которыя предписываетъ консиліумъ врачей, вродѣ, напримѣръ, *полнаго спокойствія* для больного, коего самая жизнь есть источникъ непрестаннаго безпокойства.

Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ общей рѣчи о власти докладчикъ-диктаторъ говоритъ о разъединеніи ея, но не объ ослабленіи ея въ угоду либерализму, и вслѣдствіе этого въ минуту, когда вся Россія изнемогала подъ гнетомъ безсилія и малодушія власти, графъ Лорисъ-Меликовъ предлагалъ Государю объединить власть подъ *руководительнымъ* вліяніемъ того самаго министерства юстиціи и той самой прокуратуры, которыя такъ рѣзко въ это время проявляли свое отчужденіе отъ правительственной власти, и даже свое пренебреженіе къ ней. Рядомъ съ этимъ докладъ указывалъ на необходимость привлеченія земствъ и городовъ къ болѣе вліятельному участію въ обсужденіи ихъ мѣстныхъ нуждъ.

Болѣе и больнѣе всего въ этомъ докладѣ доставалось министру народнаго просвѣщенія графу Дмитрію Андреевичу Толстому, коего управленіе и политика по веденію классицизма изображены были главными причинами неудовольствія и раздраженія какъ въ школѣ, такъ въ

семьѣ и въ общественномъ мнѣніи, и даже, какъ говорилось въ докладѣ, между высшими сановниками.

Результаты этого доклада были двояки: политическіе и реальные.

Къ первымъ должны быть отнесены всѣ циркуляры и инструкціи, которые разосланы были Лорисомъ-Меликовымъ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ цѣлью объединить вѣдомства, ускорить дѣлопроизводство, изслѣдовать степень благонадежности и т. п., и которые рѣшительно никакого дѣйствія на русскую жизнь и на успокоеніе умовъ не имѣли.

Къ реальнымъ результатамъ доклада должно быть отнесено увольненіе графа Толстого отъ двухъ его должностей, министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго сѵнода.

Чисто ребяческая радость, съ которою въ эти дни Лорисъ говорилъ о своемъ торжествѣ надъ сваленнымъ гр. Толстымъ, „*я* его свалилъ, я его низвергъ“, и говорилъ это направо и налѣво, принимая поздравленія отъ дамъ, отъ Краевскаго, отъ сановниковъ,—усилило во мнѣ меланхолическое представленіе о несерьезности Лориса въ столь серьезныя минуты, и объ отсутствіи въ немъ государственнаго ума... Даже, болѣе того, мнѣ казалось, что въ этой ребяческой радости было что-то личное, что-то въ родѣ удовлетвореннаго личнаго возмездія за то, что графъ Толстой былъ тогда единственнымъ министромъ, который не только не преклонялся передъ временщикомъ, но проявлялъ къ нему пренебреженіе, и внутреннее чувство говорило мнѣ, что если бы тотъ же графъ Толстой съ его крупными недостатками, какъ министръ народнаго просвѣщенія и какъ оберъ-прокуроръ сѵнода, унизился

до пресмыканія передъ Лорисомъ и его сателлитами, ни онъ, ни классицизмъ не были бы признаны Лорисомъ и его верховною комиссіею главными причинами анархіи въ Россіи.

Отсутствіе же государственнаго ума въ Лорисѣ въ этомъ фактѣ было несомнѣнно. Будь у него этотъ умъ, онъ понялъ бы, что удаленіе гр. Толстого, если оно было необходимо, могло послѣдовать послѣ успокоенія умовъ и послѣ водворенія порядка, но никакъ не въ самый разгаръ безурядицы и безпорядка, царившихъ въ школѣ и въ жизни, такъ какъ при этихъ условіяхъ оно было бы принято только какъ новый признакъ слабости правительства, какъ новая уступка, сдѣланная властью въ угоду элементамъ безпорядка, и не имѣло бы другихъ послѣдствій, какъ усиленіе безпорядка. Замѣчательно, что именно это-то и случилось. Съ увольненіемъ графа Толстого анархія въ университетахъ и даже въ гимназіяхъ стала усиливаться... Нельзя было это яснѣе понять въ тотъ печальный день, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ торжественномъ собраніи университета, послѣ долгаго оглушительнаго свиста, раздававшагося съ хоровъ университетской залы, гдѣ были студенты, одинъ изъ нихъ, подъ аккомпаниментъ привѣтствій товарищей, сошелъ внизъ и нанесъ сильный ударъ новому и мягкому министру народнаго просвѣщенія А. А. Сабурову. Его возгласъ въ эту минуту, послѣ событія, не бывавшаго по дерзости въ стѣнахъ университета: *„это совсѣмъ неожиданно“*, — былъ историческимъ словомъ: онъ выразилъ собою все добродушіе режима того времени, но для насъ онъ былъ зловѣщимъ, ибо мы всѣ понимали, что ударъ, нанесенный однимъ изъ тѣхъ тысячей студентовъ, для успокоенія которыхъ поднесли имъ въ даръ увольненіе

графа Толстого, не могъ быть неожиданностью, а былъ послѣдствіемъ необдуманнаго совѣта...

Но съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ какимъ я преклонялся передъ графомъ Толстымъ въ тѣ минуты, когда съ такимъ великолѣпнымъ достоинствомъ и съ такимъ благородствомъ вельможи стараго закала онъ держалъ себя передъ Лорисомъ-Меликовымъ, и принялъ свое увольненіе, я долженъ здѣсь сказать, что назначеніе графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго сѵнода было одною изъ крупнѣйшихъ ошибокъ царствованія Александра II, ибо врядъ ли можно было подыскать для этихъ двухъ должностей менѣе подходящаго человѣка, какъ графа Толстого. Будь онъ обыкновенный, дюжинный человѣкъ, фактъ, что графъ Толстой не подходилъ къ потребностямъ двухъ должностей, ему ввѣренныхъ, былъ бы незначительнымъ фактомъ, однимъ изъ многихъ ему подобныхъ; но такъ какъ графъ Толстой былъ крупною и цѣльною личностью, головою выше стоявшею многихъ своихъ современниковъ, то этотъ самый фактъ сталъ по своимъ послѣдствіямъ важнымъ государственнымъ событіемъ тогдашней эпохи.

Несомнѣнно, его недостатки и духовныя особенности мирились со всякою дѣятельностью, со всякою должностью, за исключеніемъ именно тѣхъ двухъ, на которыя онъ былъ назначенъ и для которыхъ они должны были быть препятствіями непреодолимыми и безусловными.

Въ этомъ отношеніи судьба Россіи сыграла злую шутку съ графомъ Толстымъ.

Пади на него во цвѣтѣ лѣтъ, съ его обширнымъ всеобщимъ и политическимъ образованіемъ, съ его знаніемъ русской жизни, съ его энергіею и волею, съ его свѣтлымъ, быстрымъ и чуткимъ большимъ умомъ, выборъ

Александра II для министерства внутреннихъ дѣлъ такъ же мѣтко, какъ палъ на него уже въ старости выборъ Александра III, и будь графъ Толстой министромъ внутреннихъ дѣлъ въ тѣ 14 лѣтъ, которые онъ посвятилъ народному просвѣщенію и сѵноду, — царствованіе Александра II получило бы несомнѣнно совсѣмъ другое продолженіе и совсѣмъ другой конецъ, и никогда Россія этой ужасной эпохи торжества безвластія и анархіи не видала бы!

Увы, совершенно противоположное изобразилъ собою графъ Толстой въ тѣхъ двухъ должностяхъ, которыя ему выпали въ удѣлъ. Въ области отношеній къ церкви графъ Толстой, какъ человѣкъ, изображалъ собою деиста, философа, все, что хотите, но только не убѣжденнаго православнаго христіанина, слѣдовательно, почва, на которой этотъ необыкновенный умомъ и образованіемъ государственный человѣкъ могъ дѣйствовать, какъ оберъ-прокуроръ сѵнода, была только почва дѣловая, оффиціальная и формальная, на которой въ каждомъ вопросѣ и въ сношеніи съ каждымъ лицомъ могли участвовать его умъ, его степень знанія, но гдѣ его душевное, а тѣмъ паче его сердечное участіе совсѣмъ отсутствовали; оттого духъ индеффирентизма къ живой и главенствующей роли церкви сталъ, такъ сказать, руководительнымъ началомъ его политики оберъ-прокурора сѵнода, и вслѣдствіе этого то, что могло быть случайно до него,—давленіе оберъ-прокурора на духовную самостоятельность сѵнода—при графѣ Толстомъ стало окончательно установившимся порядкомъ вещей, и одновременно обезсилило церковь и обезличило ея іерарховъ.

Я живо припоминаю, съ какимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ я выходилъ изъ пріемной гр. Толстого въ велико-

лѣпномъ нарышкинскомъ палаццо, по Литейной, ставшимъ домомъ оберъ-прокурора сѵнода, всегда переполненной толпою представлявшихся, такъ какъ на пріемъ лицъ по обоимъ вѣдомствамъ назначался *одинъ часъ* въ недѣлю. Тяжелое это впечатлѣніе происходило отъ зрѣлища тѣхъ архіепископовъ и епископовъ, которые ожидали въ пріемной рядомъ съ разными учителями и чиновниками, и одинаково ждали своей очереди, такъ что нерѣдко архіепископу приходилось входить въ кабинетъ графа послѣ какого-нибудь надворнаго совѣтника... Помню и то, какъ иному запоздавшему архіепископу неумолимый курьеръ говорилъ: опоздали, приходите на будущей недѣлѣ; помню, наконецъ, и то, что получить свиданіе внѣ этого часа въ недѣлю было безусловно невозможно, какой бы важный къ тому поводъ ни былъ. Эта неизбѣжная особенность въ оффиціальной жизни графа Толстого, не допускавшая особеннаго почитанія къ іерархамъ церкви, именно и выражала характеръ отношеній гр. Толстого къ церкви и, практикуемая столько лѣтъ, вездѣ распространила убѣжденіе, что церковь въ лицѣ ея высшихъ представителей въ Петербургѣ въ пренебреженіи...

Что же касается графа Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія, то слѣдуетъ сказать, что онъ то хорошее, что сдѣлалъ своею энергіею и своею настойчивостью, къ сожалѣнію, обезплодилъ своими личными свойствами и своею исключительно внѣшнею политикою.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія послѣ періода его шатанія и броженія, въ погонѣ за какою-то *популярною* системою образованія, графъ Толстой въ два, три года энергичнаго управленія, дѣйствительно, прекратилъ это шатаніе и это броженіе государственной школы, введя извѣстную въ ней дисци-

плину, но въ то же время изумительное равнодушіе къ вопросу: кто его исполнители, кто его помощники и сотрудники въ духовномъ отношеніи,—погубило все дѣло народнаго образованія и, пожалуй, сдѣлало его хуже тѣмъ, что подъ маскою внѣшней дисциплины, изъ страха ея, вогнало внутрь всѣ пороки нашей несчастной школы, и развило повсюду лицемѣріе и чиновничью выслужливость...

Я никогда не забуду, что одного изъ своихъ попечителей учебнаго округа графъ Толстой при другихъ никогда не упускалъ случая называть *подлецомъ*, и все-таки держалъ его на этомъ самомъ высокомъ и отвѣтственномъ посту, какъ ни въ чемъ не бывало. Этого факта достаточно, чтобы характеризовать душевныя отношенія графа Толстого къ своему вѣдомству и къ своему призванію.

Можетъ быть, если бы графу Толстому пришлось продолжать прежде установившійся режимъ, всѣ тѣ душевныя свойства не имѣли бы такого глубокаго и сильнаго вліянія на судьбы русской школы, но именно потому, что на него палъ жребій вводить цѣлую новую систему средняго образованія и классическую гимназію, несравненно строже Уваровской, его душевныя свойства дали учебной реформѣ при ея введеніи, и въ ея поддерживаніи тотъ характеръ бездушнаго внѣшняго формализма, который, въ свою очередь, привелъ къ двумъ непоправимо-печальнымъ послѣдствіямъ: 1) къ самому неудовлетворительному подбору личнаго состава для новаго дѣла и 2) къ превращенію всего дѣла изъ живого въ безжизненное, изъ внутренняго во внѣшнее. Ни звука любви не было проронено, ни капли любви не было вложено въ это дѣло, и, къ радости нигилистовъ и либераловъ, учебная

реформа благодаря равнодушію къ душевной сторонѣ дѣла—къ подбору лицъ—получила характеръ насильственнаго примѣненія классической системы образованія.

Умысла къ тому въ графѣ Толстомъ не было, но случилось это потому, что съ перваго дня вступленія на поприще дѣятельности, для него совсѣмъ новой, графъ Толстой, какъ весьма мало знакомый съ предметомъ выпавшей на его долю задачи, волею неволею подпалъ подъ опеку и подъ руководительство извѣстнаго кружка знатоковъ классицизма, которые съ фанатизмомъ схватились за это дѣло, и съ перваго раза вложили въ него болѣе ненависти къ прошлому, чѣмъ любви къ юношеству, призванному войти въ классическую школу. У этихъ людей страхъ, чтобы графъ Толстой не подпалъ иному вліянію, и что-нибудь не упустилъ изъ программы реформы, ими разработанной, ставилъ на весьма отдаленный планъ вопросы психическаго міра и заботу о томъ, чтобы юношеству внушить прежде всего любовь къ новой школѣ, а потомъ уже страхъ ея дисциплины, и вотъ почему все свелось къ тому, чтобы побольше собирать въ школьное дѣло личностей, которыя бы фанатично и слѣпо взялись за исполненіе учебнаго дѣла, причемъ, разумѣется, вопросъ: не притворенъ-ли этотъ фанатизмъ, не притворно-ли это внѣшнее усердіе,—оставленъ былъ безъ всякаго вниманія.

Душою, то есть разумомъ и двигателемъ всего дѣла былъ покойный М. Н. Катковъ. У него, какъ у источника, зажигались эта энергія и этотъ фанатизмъ. Его большому уму, его знаніямъ, его энергіи были подъ силу всѣ трудности и всѣ требованія задачи, но, къ сожалѣнію, стоя головою выше своего штаба, Катковъ могъ только созидать, вдохновлять, направлять дѣло, но его

проводить и вести съ подобавшими дѣлу даровитыми и вдохновленными сотрудниками и исполнителями онъ не могъ, ибо, во-первыхъ, ихъ не было въ тогдашней педагогической средѣ, а, во-вторыхъ, эту-то задачу—искать способныхъ и преданныхъ дѣйствительно людей—графъ Толстой, поступившій подъ руководительство Каткова, на себя принялъ, какъ я сказалъ, только съ формальной стороны. Въ его природѣ не было потребности вопрошать душу педагога, онъ на него смотрѣлъ, какъ на чиновника, и болѣе, чѣмъ отъ чиновника, не требовалъ. Такимъ образомъ, графъ Толстой пренебрегъ двумя важнѣйшими на него возлагавшимися тогда задачами. Онъ не принялъ на себя личною иниціативою, личнымъ участіемъ къ внутренней судьбѣ новаго дѣла смягчать все то, что въ фанатизмѣ и въ настойчивости его вдохновителей могло быть безъ пользы для дѣла слишкомъ педантично, слишкомъ деспотично, слишкомъ жестко, и, дорожа сущностью и основами дѣла, не приравнивать ее къ мелочнымъ деталямъ служебнаго обихода и къ формальной сторонѣ дѣла. А, во-вторыхъ, онъ пренебрегъ, какъ я сказалъ, задачею быть строго умомъ и сердцемъ, разборчивымъ въ выборѣ лицъ для новаго дѣла и въ оцѣнкѣ качествъ, для его успѣха нужныхъ. Въ этомъ отношеніи, слушая совершенно одинаково прекраснаго человѣка, говорившаго отзвуками души, и, засыпавшаго отъ собственной скуки во время рѣчи, классика-чеха,—принимая съ удовольствіемъ въ подчиненные прекраснаго человѣка, потому что онъ прекрасенъ, и тутъ же говорящаго про негодяя подчиненнаго; чортъ съ нимъ, пускай сидитъ—графъ Толстой былъ поистинѣ непостижимъ.

Какъ бы въ подтвержденіе всего того, что я говорю изъ воспоминаній той эпохи о графѣ Толстомъ, какъ о

министрѣ народнаго просвѣщенія, случилось нѣчто на практикѣ, что краснорѣчивѣе всякаго слова доказало, что вся учебная реформа, введенная гр. Толстымъ, не была бы безплодна, если онъ тѣ двѣ задачи, на которыя я сейчасъ указалъ, исполнялъ, вмѣсто того, чтобы ими пренебречь...

Катковъ, желая какъ будто на дѣлѣ показать достоинства классицизма, коего на словахъ онъ былъ главный творецъ въ Россіи, учредилъ въ Москвѣ классическій лицей Цесаревича Николая. Сразу этотъ лицей пошелъ прекрасно, и сразу сталъ образцовымъ. Но почему? Оказалось, потому именно, что при его учрежденіи и при веденіи его строжайше были соблюдены Катковымъ всѣ тѣ главныя условія, которыми пренебрегъ графъ Толстой въ своей реформѣ. Во-первыхъ, все было введено для успѣха сущности дѣла, и все мелочное и формальное было признано учредителемъ лицея второстепеннымъ; во-вторыхъ, съ особеннымъ тщаніемъ были выбраны всѣ учителя и всѣ воспитатели; къ нимъ предъявлены были Катковымъ требованія сердца, ума, нравственности и знанія; любовь къ юношеству поставлена была во главѣ условій для будущаго педагога Катковскаго лицея; и въ-третьихъ, на лицей Цесаревича Николая возложена была задача не только учить, не только развивать, но и воспитывать...

Оттого для такой наивысшей педагогической задачи— выборъ педагогическаго персонала въ лицей былъ сдѣланъ Катковымъ столь строго и столь удачно, что, впрочемъ, было легче Каткову, чѣмъ гр. Толстому, такъ какъ Катковъ прислушивался охотнѣе къ отзвукамъ души, чѣмъ къ холоднымъ рѣчамъ мозга.

Глядя на Катковскій лицей, мы понимали, что графъ Толстой равнодушно отнесся къ той сторонѣ дѣла, кото-

рую Катковъ признавалъ главною, — къ воспитательному призванію школы.

Все это, къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать главною ошибкою графа Толстого. Онъ принялъ русскую школу расшатанною умственно и исковерканною нравственно. Съ его ли умомъ было не понять, что одною учебною классною реформою нельзя было повліять на духовный міръ молодежи съ цѣлью его упорядоченія, а что главная помощь должна была прійти отъ воспитательной задачи школы, тѣмъ болѣе нужной, что школа была именно потому исковеркана до графа Толстого, что его предшественники поставили себѣ либеральною задачею уничтожить воспитательное значеніе гимназіи, и закрыли почти до послѣдняго всѣ гимназическіе воспитательные пансіоны. Ясно, что графу Толстому прежде всего слѣдовало этотъ ударъ, нанесенный школѣ, отмѣнить. Но графъ Толстой именно оставилъ то худшее, что было сдѣлано его пре емникомъ въ школѣ, и не сдѣлалъ, что сдѣлалъ Катковъ съ своимъ лицеемъ,— не возстановивъ воспитательной миссіи гимназіи, онъ ограничился одною учебною реформою, и изъ своего министерства сдѣлалъ вѣдомство внѣшняго школьнаго міра, совсѣмъ устранивъ заботы о его внутреннемъ мірѣ. Оттого ему показалось легко учредить гимназіи, прогимназіи и реальныя училища десятками и сотнями, ибо, разъ воспитательной задачи не было, подборъ учебнаго персонала являлся только формальнымъ и поверхностнымъ, и принципъ: лучше поменьше школъ, но получше воспитательный личный составъ,—не примѣнялся.

Педагогическій персоналъ подбирался отовсюду: требовалось только внѣшнее усердіе,—и не прошло двухъ лѣтъ послѣ вступленія графа Толстого министромъ на-

роднаго просвѣщенія, какъ обозначился очень рельефно характеръ и духъ этого личнаго состава школы: наружная исправность, фанатическая требовательность для формы и буквы устава, бездушное отношеніе къ молодежи и холопское пресмыканіе и заискиваніе передъ начальствомъ.

Увы, все это вмѣстѣ и привело къ тому печальному явленію, что школа при графѣ Толстомъ явилась однимъ изъ гнѣздъ политическаго растлѣнія—сильнѣе, чѣмъ при его либеральныхъ предшественникахъ.

XXXIX.

(1880 годъ).

Смерть Императрицы Маріи Александровны.

Пока вокругъ Зимняго Дворца въ началѣ 1880 года суетливо кипѣла политическая жизнь, съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ, направленная къ достиженію не столько порядка, сколько призраковъ порядка,—въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ тихо заканчивалась жизнь вѣрной спутницы Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, привезенной въ концѣ января изъ Каннъ, юга Франціи, по настоятельному ея желанію вернуться домой, чтобы умирать не на чужбинѣ, а на родинѣ...

И вотъ, три мѣсяца она тихо угасала въ своемъ печальномъ уединеніи, чужая уже Двору, чужая уже свѣту, чужая шумѣвшему около нея политическому новому міру, сосредоточившись мыслями и молитвами надъ дорогимъ Своимъ Супругомъ и злополучнымъ Императоромъ...

Въ эти дни послѣдняго прощанія съ жизнью—страданія Ея души должны были быть сильнѣе страданій тѣлесныхъ. По тому, что я могъ узнавать объ этихъ минутахъ отъ лицъ, имѣвшихъ вѣрныя свѣдѣнія о предсмертномъ состояніи души Императрицы Маріи Александровны, можно было догадываться, что болѣзненнѣе всего ее тѣснили душевныя предчувствія. Источникомъ

ея предчувствія была ея сильная любовь къ Государю-Супругу. Я запомнилъ въ то время тѣ замѣчательныя слова, которыя не задолго до кончины Императрицы-Страдалицы, вмѣстѣ съ тихими слезами, кативщимися по ея безжизненному лицу, вылились изъ ея души и сказаны были одной изъ ближайшихъ къ ней особъ, не отходившей отъ нея во все время послѣдней болѣзни...

— Я не боюсь смерти для себя,—сказала Императрица,—я вѣрую, что Богъ надо мною сжалится, но я боюсь своей смерти потому, что пока я жива, я молюсь день и ночь за Государя, и пока я молюсь, мои молитвы его сохраняютъ... А когда я умру...—умиравшая Царица не договорила, однѣ слезы, покорныя и тихія, досказали ея пророческую мысль... И дѣйствительно, какимъ пророчествомъ поразительнымъ были эти слова. Пока Императрица была жива—ни одно покушеніе, самое неизбѣжное, казалось, и не устранимое, никогда не удавалось; когда ея не стало,—первое покушеніе оказалось смертельнымъ. Какъ всегда, былъ конвой, была полиція, былъ увѣренный, благодаря своимъ мѣрамъ, въ безопасности Государя Лорисъ-Меликовъ, но не было одного: молитвъ Императрицы, и преступленіе совершилось.

Въ маѣ, съ расцвѣтомъ природы, Императрица тихо и безболѣзненно скончалась...

При ея жизни—я помню, какъ часто задававшійся вопросъ—кто она была, какъ личность и какъ характеръ,—оставался безъ удовлетворительнаго отвѣта. Надъ закрывшеюся надъ ея прахомъ могилою вопросъ: кто была она, эта спутница 25-лѣтія царствованія Александра II, остался столь же труднымъ къ разрѣшенію. Безспорно, это была женщина далеко не изъ обыкновенныхъ по уму, по прелестямъ ея обаянія, по душевнымъ своимъ

свойствамъ, но все это принадлежало совсѣмъ оригинальной и самобытной личности, въ которой, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, было таинственное сочетаніе трехъ существъ, женщины, женщины-христіанки, въ строгомъ и чистомъ значеніи этого слова, и, наконецъ, женщины, напоминающей легендарные типы средне-вѣковыхъ принцессъ... Это сліяніе въ одной умной и прекрасной женщинѣ трехъ личностей дѣлало ее непонятною для большинства людей, непонятною вслѣдствіе полнаго отсутствія въ ней чего-либо банальнаго, непонятною и потому, что она, казалось, только скользила по поверхности жизненной прозы и проявляла предпочтеніе своему внутреннему міру мыслей и чувствъ, для всѣхъ закрытому, но въ то же время дававшему ея уму особенную прозорливость, особенную дальновидность и особенную чуткость къ предчувствіямъ...

Что же касается ея политическаго вліянія, то, повидимому, съ годами оно слабѣло по двумъ причинамъ... Въ ней были два повелѣвавшія ея личностью чувства: она свято блюла слова апостола: жена, да боится своего мужа, и въ тоже время она была горда какъ супруга, и гордость ея была искренняя и высокаго свойства; эти два чувства, постепенно усиливаясь, обязывали ее избѣгать всего, что могло быть похожимъ на заискиваніе вліянія, и могло наводить на мысль, что она ищетъ вмѣшательства въ дѣла... Она предпочитала быть въ данную минуту забытою, чѣмъ показывать кому-либо, что она о себѣ напоминаетъ... А такъ какъ въ придворномъ мірѣ неизбѣжно, по законамъ человѣческимъ, вліянію чистому и гордому пособниковъ всегда находится гораздо меньше, чѣмъ для вліянія корыстнаго или эгоистичнаго, во имя личной интриги или личнаго интереса,

то само собою такъ дѣлалось, что, чѣмъ больше расширялся при Дворѣ кругъ интересовъ личныхъ, тѣмъ меньше было простору, то-есть времени и случая, для вліянія чистаго и высокаго; Императрица, какъ я сказалъ, была слишкомъ горда, чтобы заискивать себѣ это вліяніе, и боялась своего мужа въ апостольскомъ смыслѣ слова, и вотъ почему ея вліяніе, которое въ началѣ было благодатно своею силою, мало-по-малу начало слабѣть... Она не нисходила до спора съ кѣмъ-либо объ этомъ вліяніи, и вслѣдствіе этого должна была покориться передъ ходомъ обстоятельствъ съ порядкомъ вещей слагавшимся изъ случайностей...

Покорная судьбѣ по христіанскому долгу и по гордости, она незамѣтно переходила отъ активной роли къ пассивной, и, я думаю, что не будь этого, а будь наоборотъ, то-есть, прими она отъ обстоятельствъ и отъ людей, съ своимъ умомъ и съ своими нравственными силами, съ своимъ тонкимъ чутьемъ въ пониманіи людей, борьбу за свое вліяніе, многаго не случилось бы въ судьбѣ Императора Александра II, что затруднило и затуманило безъ того уже трудную его жизнь.

XL.

(1880 годъ).

Дальнѣйшая дѣятельность графа Лориса-Меликова.—Цѣлый планъ.—Ревизія и уничтоженіе III-го отдѣленія.—Закрытіе верховной комиссіи.—Графъ Лорисъ-Меликовъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

Событія, между тѣмъ, шли своимъ роковымъ чередомъ. Съ кончиною Императрицы, Лорисъ-Меликовъ къ своей роли государственнаго человѣка присоединилъ роль придворнаго домашняго человѣка въ новой обстановкѣ жизни Государя, и съ страннымъ кокетствомъ всякому встрѣчному говорилъ *отъ души*, что придворная его жизнь отнимаетъ у него столько времени отъ государственнаго дѣла. Государственное же дѣло, какъ казалось Лорисъ-Меликову, шло какъ по маслу. Случайно захваченный знаменитый Гольденбергъ, убійца харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, сдѣлалъ много разоблаченій относительно прошлаго, какъ будто для того, чтобы яснѣе стало безсиліе полиціи что либо узнать собственными средствами, но тотъ не открылъ ни кого изъ своихъ сообщниковъ, и полиція продолжала искать попрежнему вождей крамолы, и попрежнему никого не находила, не взирая на то, что крамола продолжала дѣйствовать попрежнему, съ изумительною наглостью, располагая своею типографіею въ Петербургѣ для прокламацій, и своими агентами по всей Россіи. Но такъ какъ дѣя-

тели крамолы рѣшили пріутихнуть, являя затишье передъ грозою, то Лорисъ-Меликовъ легкомысленно приписалъ это умышленное затишье за признакъ своей побѣды надъ крамолою, и не переставалъ въ томъ увѣрять Государя.

Впрочемъ, благодаря своему легкомыслію, онъ прежде всего увѣрилъ себя самого въ томъ, что его *мудрое* управленіе побѣдило крамолу, и вслѣдствіе этого отставя на второй планъ вопросъ о безопасности Государя и заботы тайной полиціи, онъ отдался въ сообществѣ съ своими друзьями, Абазою, Каховскимъ, Ковалевскимъ и друг., вопросамъ государственной внутренней политики.

Результатомъ этихъ бесѣдъ явился планъ возобновленія въ Россіи сенаторскихъ ревизій. Это былъ любопытный эпизодъ его диктаторства, любопытный тѣмъ, что эти сенаторскія поѣздки оказались въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣми, которыя въ Николаевскія времена предпринимались, и которыя для Лорисъ-Меликова послужили образцомъ подражанія. Сенаторскія ревизіи прежняго времени ожидались, какъ грозы, тѣми, которые ея боялись какъ Немезиды, но съ благословеніями ожидались тѣми, которые знали по опыту, что ревизующій сенаторъ ни одной малѣйшей просьбы самаго маленькаго обиженнаго человѣка не оставитъ безъ послѣдствій. Но политическаго характера эти ревизіи имѣли весьма мало. У Лорисъ-Меликова въ головѣ составился, наоборотъ, цѣлый планъ политическихъ сенаторскихъ изслѣдованій, которыя должны были достигнуть двухъ главныхъ цѣлей: во-первыхъ, проповѣди какого-то тона для провинціи, тона либеральнаго, тона, дающаго понять, что губернаторъ и вообще администрація—это трынъ-трава, а главное—это сила общественнаго мнѣнія, а во-вторыхъ, приведенія

въ ясность настроенія умовъ въ провинціи, какъ оказалось потомъ, для того, чтобы создать себѣ почву для дальнѣйшихъ плановъ государственной внутренней политики... Самый выборъ людей для этихъ ревизій былъ прежде всего направленъ къ тому, чтобы будущіе апостолы были не только умными людьми, но и либеральными.

Почти одновременно съ составленіемъ плана сенаторскихъ ревизій, на основаніи котораго четыремъ сенаторамъ, Ковалевскому, Шамшину, Мордвинову и Половцеву, предоставлено было по двѣ губерніи, графъ Лорисъ-Меликовъ задумалъ поднести на утвержденіе Государя еще болѣе важный актъ: это проектъ упраздненія Верховной комиссіи, коей онъ былъ предсѣдателемъ.

Въ состоявшемся по этому поводу Высочайшемъ повелѣніи сказано было, что верховная распорядительная комиссія закрывается по достиженіи ея главной цѣли: объединенія всѣхъ вѣдомствъ для борьбы съ крамолою.

Причина эта была подсказана Государю самимъ Лорисъ-Меликовымъ въ томъ докладѣ, гдѣ онъ испрашивалъ утвержденіе Государя на закрытіе верховной комиссіи, и потому какъ все, что въ видѣ государственныхъ мыслей исходило отъ гр. Лорисъ-Меликова, носило прежде всего характеръ смѣлой фантазіи, но въ то же время было неискренно, такъ какъ являлось предлогомъ, подъ прикрытіемъ котораго таилась другая побудительная причина.

Изъ случайнаго и краткаго весьма разговора, который мнѣ удалось схватить на лету при встрѣчѣ съ Лорисъ-Меликовымъ, я услышалъ отъ него слѣдующія слова: мое положеніе меня тяготитъ, и оно не симпатично общественному мнѣнію.

Эта послѣдняя фраза была искренна, и она то была

главною побудительною причиною для Лорисъ-Меликова искать перваго повода, чтобы сложить съ себя оффиціальную диктатуру, не отказываясь отъ всѣхъ ея прерогативъ,—сложить съ тѣмъ, чтобы привлечь себѣ симпатіи либеральнаго общественнаго мнѣнія и заставить про себя сказать: какой либеральный человѣкъ Лорисъ-Меликовъ: третьяго дня онъ уничтожилъ III отдѣленіе, вчера онъ свалилъ графа Толстого, сегодня онъ слагаетъ съ самого себя полномочіе диктатора...

И вотъ, онъ дѣлается министромъ внутреннихъ дѣлъ, присоединяя къ себѣ званіе и должность шефа-жандармовъ и сохраняя главное руководительство надъ всѣми дѣлами, неоконченными въ Верховной комиссіи, что въ тоже время сохраняло за нимъ извѣстное право вмѣшательства въ дѣла другихъ министерствъ...

Такимъ образомъ, все, что льстило его самолюбію,—осталось за новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но все, что могло не нравиться либеральному общественному мнѣнію, было убрано съ политической сцены. Что же касается политической серьозной стороны этого новаго преобразованія, то слѣдуетъ сказать, что все дѣло Верховной комиссіи по отношенію къ главной ея цѣли, къ борьбѣ съ крамолою, было настолько несерьезно, настолько легкомысленно и лишено главнаго—единства дѣйствія и одного плана для нихъ,—что составлявшееся по новой реформѣ созданіе департамента государственной полиціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ сосредоточіемъ въ немъ всей полиціи въ Россіи, представляло значительное улучшеніе въ задачѣ правительственной борьбы со всѣми элементами крамолы. Явилась почва подъ ногами, которою министръ внутреннихъ дѣлъ болѣе серьезный, чѣмъ былъ Лорисъ-Меликовъ, могъ воспользоваться

для того, чтобы вести дѣйствительную борьбу съ партіею анархіи и цареубійцъ.

Стоило только войти въ невзрачную пріемную новаго министра внутреннихъ дѣлъ въ зданіи министерства у Чернышева моста, чтобы убѣдиться, во-первыхъ, въ несерьезности его новаго положенія и, во-вторыхъ, въ томъ, что роль премьера за отставнымъ диктаторомъ осталась попрежнему...

Я разъ зашелъ въ эту пріемную. Графъ Лорисъ-Меликовъ, даже въ мелочахъ желавшій щеголять популярностью, избралъ своимъ кабинетомъ грязненькій и маленькій кабинетъ вице-директора департамента общихъ дѣлъ, у двери котораго величественными аргусами стояли чуть ли не полдюжины курьеровъ и чиновниковъ. Пріемная была переполнена ожидавшими, какъ въ купели Силоамской больные и хромые,—движенія воды; но по качеству этой толпы просителей можно было судить о томъ, что за роль игралъ тогда тотъ, кто сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ въ своемъ грязненькомъ кабинетѣ; впереди стояли два министра, почтительно ожидавшіе зова его сіятельства графа, за ними одинъ генералъ-губернаторъ, товарищъ министра, три директора съ докладными портфелями, человѣкъ десять губернаторовъ, столько же предводителей, нѣсколько генераловъ, нѣсколько сенаторовъ и т. д.

Почему же два министра могли ожидать въ пріемной?—невольно задалъ я себѣ вопросъ.

Оказалось, что они ждали потому, что графъ Лорисъ-Меликовъ какъ разъ въ эту минуту изволилъ на-скоро завтракать въ своемъ кабинетѣ, за неимѣніемъ времени позавтракать дома, и наскоро закусывалъ принесенный изъ *трактира* фриштикъ! Не трудно было понять, что

такой театральный завтракъ, какъ все остальное, былъ разсчитанъ на эффектъ въ публикѣ; съ одной стороны, министры ждутъ министра внутреннихъ дѣлъ въ пріемной наравнѣ съ просителями, съ другой стороны—къ вечеру всѣ будутъ знать, что бѣдный Лорисъ-Меликовъ такъ обремененъ занятіями, что не успѣваетъ даже позавтракать...

Но вотъ, завтракъ торжественно выносится на подносѣ изъ графскаго кабинета, и курьеръ подходитъ къ одному изъ министровъ и милостиво приглашаетъ войти въ святая святыхъ, пока другой министръ ожидаетъ смиренно своей очереди.

Разумѣется, безразсудно было надѣяться простому смертному дождаться своей очереди быть принятымъ, и потому я удалился, но интересно было то, что почти всегда этотъ комичный пріемъ прерывался въ самую неожиданную минуту появленіемъ фельдъегеря съ требованіемъ гр. Лорисъ-Меликова къ Государю, и тогда графъ Лорисъ-Меликовъ, принимая утомленный видъ, выходилъ изъ кабинета и громко говорилъ: что прикажете дѣлать, не даютъ мнѣ покоя, и уѣзжалъ во дворецъ, гдѣ подъ разными предлогами оставался по нѣсколько часовъ днемъ, независимо отъ того, что почти каждый вечеръ ѣздилъ къ Государю на вечернюю партію въ ералашъ.

Такимъ образомъ, явились двѣ самыя затруднительныя вещи въ Петербургѣ: для всякаго нуждавшагося въ томъ увидѣть Лорисъ-Меликова, а для ЛорисъМеликова заняться серьезно дѣломъ.

Обыкновенно, часъ занятій наступалъ для графа Лориса-Меликова около двѣнадцати часовъ ночи, когда, дѣйствительно утомленный сутолокою цѣлаго дня, онъ возвращался къ себѣ домой и тамъ заставалъ цѣлые мон-

бланы докладовъ и, сверхъ того, должностныхъ лицъ, ожидавшихъ графа по самымъ экстреннымъ дѣламъ... и, сверхъ того, лицъ, которымъ самъ Лорисъ назначалъ ночное время для какихъ нибудь разговоровъ.

Нужно ли прибавлять, что при такихъ условіяхъ была немыслима для графа Лориса-Меликова какая бы то ни было послѣдовательная и серьезная работа. Съ его живымъ и бойкимъ умомъ онъ схватывалъ, не взирая на утомленіе, главныя верхушки дѣлъ и вопросовъ, а все остальное предоставлялъ директорамъ департаментовъ, которые при немъ были дѣйствительно диктаторами въ области своего департамента, гораздо болѣе, чѣмъ ихъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ.

Насколько несерьезно было тогда отношеніе къ дѣлу со стороны его хозяина по министерству внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствовалъ одинъ отвѣтъ, данный Лорисомъ губернатору на вопросъ послѣдняго объ общемъ направленіи, котораго онъ долженъ былъ держаться, и запомненный мною, какъ въ высшей степени характерный.

— Дѣлайте такъ, чтобы объ васъ какъ можно менѣе было слышно,—отвѣтилъ Лорисъ-Меликовъ,—вотъ самая лучшая политика для губернатора.

Другому онъ сказалъ: общество настолько созрѣло, что въ помочахъ не нуждается.

По этимъ брошеннымъ мимоходомъ Лорисомъ фразамъ можно судить, каково было тогдашнее настроеніе общества и каковы были отношенія къ нему правительственной власти.

Всѣхъ болѣе ими былъ обманутъ бѣдный Государь. Успокоенный полными самообольщенія докладами Лориса-Меликова, Государь уѣхалъ въ августѣ въ Ливадію. Тамъ въ августѣ былъ подписанъ задушевный рескриптъ на

имя гр. Лориса-Меликова, при которомъ ему былъ пожалованъ Андрей Первозванный, и въ которомъ сказано было, что послѣ 6 мѣсяцевъ гр. Лорисъ-Меликовъ «*достигъ такихъ успѣшныхъ результатовъ, что нынѣ Россія можетъ вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія*». Этотъ рескриптъ и эти слова дали Лорису ободрительный толчекъ, и такъ какъ въ то же время состоялось назначеніе А. А. Абазы министромъ финансовъ, то вмѣстѣ съ нимъ Лорисъ принялся обдумывать дальнѣйшіе планы «*мирнаго развитія Россіи*», не подозрѣвая, что крамола сильнѣе, чѣмъ когда либо, разрабатывала свои планы развитія.

XLI.

(1880—1881 г.).

Ослѣпленіе графа Лорисъ-Меликова.—Планъ собиранія представителей земствъ въ реформаторскія комиссіи въ Петербургѣ.—Его осуществленіе.—1 марта.

И дѣйствительно, пока графъ Лорисъ-Меликовъ занимался, такъ называемыми, внутренними вопросами, подъ вліяніемъ все усиливавшейся въ немъ иллюзіи достигать порядка посредствомъ либеральныхъ поблажекъ обществу, главные дѣятели крамолы съѣзжались массою въ Петербургъ, чтобы снова обсудить вопросъ о цареубійствѣ... Лорисъ-Меликовъ именно этого-то и не подозрѣвалъ; схваченъ былъ одинъ изъ коноводовъ крамолы, Михайловъ; Лорисъ-Меликовъ думалъ, что этимъ арестомъ онъ добивалъ кружокъ злоумышленниковъ, а между тѣмъ, тутъ же въ Петербургѣ, немедленно по арестѣ Михайлова, на его мѣсто выступаетъ Желябовъ и съ большею, чѣмъ когда-либо, энергіею злоумышленники не только разрабатываютъ свои планы покушенія на жизнь Государя, но производятъ усиленную пропаганду между учащеюся молодежью, имѣя въ своемъ распоряженіи свою типографію, свой органъ печати и своихъ агентовъ...

И вотъ, когда Государь въ концѣ ноября вернулся въ Петербургъ, уже цѣлый планъ дѣйствій въ лагерѣ террористовъ былъ готовъ къ осуществленію.

Такому успѣху анархіи не мало способствовала роковымъ образомъ политика Лориса-Меликова и его сотрудниковъ...

Едва Государь вернулся въ Петербургъ, какъ поднесенъ былъ ему новымъ министромъ финансовъ Абазою къ подписанію указъ объ отмѣнѣ акциза съ соли... Лорисъ-Меликовъ восторженно говорилъ объ этой мѣрѣ, какъ о великомъ благодѣяніи для Русскаго народа, имѣющемъ будто-бы произвести самыя благія послѣдствія въ смыслѣ усиленія Государевой популярности... Въ этомъ онъ убѣдилъ Государя, но въ обществѣ въ это время мало раздѣляли энтузіазмъ Лориса-Меликова, говоря основательно, что тягость акциза на соль была слишкомъ ничтожна для каждой крестьянской семьи, чтобы съ отмѣною его она почувствовала какое-нибудь существенное матеріальное улучшеніе въ своемъ быту, и что слѣдовательно на эту мѣру скорѣе слѣдовало смотрѣть, какъ на либеральный фейерверкъ, подъ аккомпаниментъ искусственно подогрѣтыхъ газетныхъ статей въ честь новаго министра финансовъ.

Гораздо нужнѣе была въ это время усиленная дѣятельность для противодѣйствія крамолѣ; но, какъ я сказалъ, въ томъ то и заключалась роковая дѣятельность Лорисъ-Меликова, что, думая только о какомъ то дѣйствіи на общественное мнѣніе, онъ съ изумительною, непостижимою легкомысленностью относился къ своимъ обязанностямъ верховнаго начальника полиціи, вслѣдствіе чего обнародованіе указа объ отмѣнѣ соляного налога совпадало съ устроеніемъ въ Петербургѣ главнаго революціоннаго комитета...

Мало того, подходя близко къ Лорису-Меликову, можно было замѣчать въ немъ какое-то пренебреженіе къ поли-

цейскимъ своимъ функціямъ, вызванное ребяческою мыслью что полиція есть грубая и слѣпая сила, а что надо дѣйствовать на общество интеллигентными способами...

Только этимъ можно было объяснить, что градоначальникомъ въ С.-Петербургѣ въ это самое тревожное и опасное время Лорисъ-Меликовъ назначилъ какого-то всѣмъ неизвѣстнаго, полицейскаго полковника Федорова, который не имѣлъ ни ума, ни положенія, ни опыта, ни авторитета, ни престижа и, какъ будто, для того и былъ возведенъ въ должность градоначальника города и его полиціи, чтобы на себѣ свидѣтельствовать о томъ пренебреженіи, въ которомъ, по непостижимому заблужденію, Лорисъ-Меликовъ держалъ всю полицію вообще. Такимъ образомъ, эпоха въ концѣ 1880 года, когда партія крамолы, находившаяся въ Петербургѣ, была сильнѣе, чѣмъ когда-либо, какъ разъ совпадала съ фактомъ доведенія полиціи въ Петербургѣ до небывалаго разслабленія...

И вотъ, вѣрный своимъ иллюзіямъ, вѣрный своимъ роковымъ заблужденіямъ, Лорисъ-Меликовъ представляетъ въ началѣ 1881 года докладъ Государю, въ которомъ онъ рѣшается убѣдить Государя въ *благотворныхъ послѣдствіяхъ* принятой правительствомъ системы возвращенія жизни къ ея правильному теченію; при этомъ онъ говоритъ Государю объ удовлетворенныхъ стремленіяхъ благомыслящей части общества, и о томъ, что поколебленное довѣріе къ силѣ и прочности правительственной власти возстановлено и укрѣплено въ народѣ. Всѣ эти отрадныя явленія въ русской жизни Лорисъ-Меликовъ приписываетъ волшебному дѣйствію *имъ принятыхъ мѣръ*...

А писалъ онъ объ этомъ потому, что вслѣдъ за изложеніемъ отрадныхъ явленій своей власти и своихъ мѣропріятій слѣдовала главная часть доклада: первая часть

доклада была, такъ сказать, вступленіемъ, послѣ котораго Лорисъ-Меликовъ заявлялъ передъ Государемъ, что дальнѣйшее успокоеніе Россіи впереди, и легко можетъ быть осуществлено расширеніемъ, такъ сказать, общественной самодѣятельности. По мысли Лорисъ-Меликова *возстановленнымъ* спокойствіемъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобы заняться разработкою внутреннихъ реформъ въ томъ, въ чемъ онѣ недодѣланы, но при этомъ слѣдуетъ въ подражаніе тому, какъ сдѣлано было при крестьянской реформѣ, приглашать представителей земствъ и городовъ на участіе въ совѣщаніяхъ отдѣльныхъ комиссій, имѣющихъ разработать дальнѣйшія реформы и мѣропріятія.

Достойно вниманія, что въ этомъ докладѣ Лорисъ-Меликовъ, съ свойственнымъ ему добродушіемъ, даетъ понять, что онъ врагъ западнаго народнаго представительства, дабы нельзя было предлагаемыя имъ приглашенія земскихъ экспертовъ принять за попытки вводить конституцію.

Но и съ этими украшеніями Лорису-Меликову не удалось сразу склонить Государя на свою сторону. Изъ разговоровъ того времени я запомнилъ, что Государю приписывали слова, обращенныя съ Лорису-Меликову, въ которыхъ онъ прямо упрекалъ Лориса-Меликова въ желаніи проводить конституцію. Въ кружкахъ около Лориса-Меликова только объ этомъ докладѣ и говорилось, и въ одной изъ дамскихъ политическихъ гостиныхъ того момента, гдѣ средоточіемъ былъ Абаза, велись оживленные разговоры на тему конституціи, причемъ болтливый Лорисъ-Меликовъ представлялъ себя очень умнымъ политикомъ, когда говорилъ, перефразируя слова Александра II объ освобожденіи крестьянъ, что лучше революцію вводить сверху, чѣмъ давать ей подниматься снизу...

Придавая особенно важное значеніе имъ придуманному, сообща съ политическими друзьями, плану либеральныхъ реформъ, Лорисъ-Меликовъ неоднократно съ нимъ обращался къ Государю, и по странной случайности достигъ въ своихъ стараніяхъ лишь 1 марта 1881 года... Государю былъ преподнесенъ проектъ правительственнаго сообщенія. Государь начерталъ на немъ свое согласіе, повелѣвъ лишь, чтобы прежде обнародованія оно было прочитано въ совѣтѣ министровъ, который назначался 4 марта.

Но пока Лорисъ-Меликовъ съ такою ребяческою страстностью добивался отъ Государя его согласія на созывъ въ комитетъ земскихъ представителей, ни онъ, ни поставленный имъ во главу Петербурга градоначальникъ, понятія не имѣли о томъ, какія крупныя и рѣшительныя мѣры принимали заговорщики для осуществленія цареубійства.

Чтобы судить о томъ, какъ въ этомъ отношеніи былъ непостижимо слѣпъ графъ Лорисъ-Меликовъ, достаточно припомнить, что наканунѣ 1 марта Государь пріобщался св. тайнъ, и когда его поздравляли, то онъ говорилъ съ сіяющимъ лицомъ: поздравьте меня вдвойнѣ: Лорисъ мнѣ возвѣстилъ, что послѣдній заговорщикъ схваченъ, и что травить меня уже не будутъ!..

Когда же говорилъ эту ужасную ложь своему Государю Лорисъ-Меликовъ?—Какъ разъ въ то время, когда Кобызевъ, послѣ долговременной работы въ подвалѣ дома на Малой Садовой, оканчивалъ съ своими сотрудниками мину, имѣвшую быть взорванною въ минуту проѣзда Государя 1 марта, и когда Перовская подготовляла къ тому же дню трехъ человѣкъ съ бомбами, имѣвшихъ быть разставленными по набережной Екатерининскаго канала.

Полиція не только не знала о двухъ покушеніяхъ, подготовленныхъ къ 1 марту, но не мѣшала Кобызеву цѣлыя ночи устраивать въ двухъ шагахъ отъ Невскаго проспекта свою мину въ подвалѣ...

Первое покушеніе на Малой Садовой не осуществилось, такъ какъ Государь не проѣхалъ по той улицѣ. Но на Екатерининскомъ каналѣ Богу угодно было дать цареубійству совершиться.

По насмѣшкѣ судьбы, заговорщики знали о возможности проѣзда Государя по набережной Екатерининскаго канала, и три преступника были поставлены съ бомбами въ рукахъ на свои посты, пока Перовская на другой сторонѣ улицы—съ платкомъ въ рукахъ давала сигналы; а полиція не только не знала о томъ, что три бомбы ждутъ русскаго Государя на набережной Екатерининскаго канала, но не могла знать и того, что Государь можетъ проѣхать по этой набережной.

Перовская съ своими тремя исполнителями ждала Государя на набережной, гдѣ ни одного не было полицейскаго!..

Несмотря на душную и тревожную атмосферу, въ которой мы жили въ это время, безъ увѣренности въ руководящей нами власти, катастрофа для всѣхъ насъ была ужасною неожиданностью: по появлявшимся прокламаціямъ, по броженію умовъ въ университетѣ мы догадались, что партія террористовъ бодрствуетъ, но мы не подозрѣвали, что полиція была доведена Лорисомъ до такой степени безсилія и неспособности, что покушеніе на жизнь Государя среди бѣлаго дня стало доступно всякому первому встрѣчному.

Во многихъ мѣстахъ Петербурга взрывъ двухъ бомбъ былъ слышенъ и принятъ былъ за одинокіе какіе то вы-

стрѣлы. Лорисъ, какъ мнѣ разсказывали, во время взрыва находился въ кабинетѣ министра государственныхъ имуществъ Валуева; и весело болталъ: однако, услыхавъ эти звуки взрыва, онъ смутился невѣдѣніемъ ихъ причинъ и немедленно уѣхалъ. Я жилъ въ это время на Захарьевской, и былъ дома, ничего не подозрѣвая. Только въ четвертомъ часу дня прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ служащихъ съ ужасною вѣстью, что на Государя было смертельное покушеніе, и что его умирающимъ повезли въ Зимній Дворецъ...

Немедленно одѣвшись въ галунный мундиръ, я поѣхалъ на площадь Зимняго Дворца... Увы, при взглядѣ на толпы, безсознательно-тоскливо двигавшіяся на площади, или стоявшія въ какомъ-то оцѣпенѣніи, при видѣ уже массы экипажей сомнѣнія не могло быть: что-то случилось. Почти немедленно по пріѣздѣ пришлось пережить страшное душевное сотрясеніе...

Раздался первый ударъ исаакіевскаго благовѣста къ вечерней службѣ, и едва онъ раздался, какъ изъ двери собственнаго подъѣзда Зимняго Дворца, съ обнаженною головою, вышелъ старикъ князь Суворовъ и сквозь рыданія сказалъ: Государь скончался!

Это была ужасная минута. Ни одной подобной не пережилъ ни до сего, ни послѣ. Сразу припомнились пророческія слова Императрицы, годъ назадъ сказанныя о значеніи ея молитвы, какъ охраны Государевой жизни. Она скончалась, и первое покушеніе было смертельно. И сразу всѣ мы очутились передъ какою то темною и мучительною неизвѣстностью. Мы были всѣ такъ далеки отъ идеи новаго царствованія, вдругъ наступившаго, и еще дальше были отъ новаго царствованія, начавшагося цареубійствомъ.

Съ первой минуты свершающагося въ нашихъ глазахъ историческаго событія, съ перваго взгляда на площадь стало для каждаго ясно, что народнаго безпорядка, какъ немедленнаго послѣдствія катастрофы, нельзя было ждать. Негодованіе къ преступленію, ужасъ совершившагося событія и состраданіе къ несчастному монарху, павшему жертвою преступленія,—эти три чувства сливались въ каждомъ человѣкѣ въ эту минуту на площади; малѣйшій проблескъ не только сочувствія преступленію, но равнодушіе въ комъ либо схватывались людьми изъ народа, какъ поводъ искать мести за пролитую кровь, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ площади мы видѣли сцены расправы народа съ заподозрѣнными личностями, народъ ихъ хваталъ и велъ къ полиціи, во дворѣ главнаго штаба образовался внезапно какой то пріемный постъ, и туда народъ волочилъ каждаго, кто ему казался подозрительнымъ. Я упоминаю объ этомъ фактѣ, какъ о важномъ историческомъ свидѣтельствѣ, насколько пылкая удача задуманнаго преступленія была безумна и безцѣльна, какъ политическое событіе, разсчитанное, очевидно, на народные безпорядки... Чувства, которыя испытывалъ народъ въ эти минуты, были сильны и глубоки, но даже подъ вліяніемъ подозрѣнія, вдругъ зарождавшагося въ немъ къ тому или къ другому лицу, народъ не позволялъ себѣ дать волю своимъ чувствамъ, и велъ схваченнаго къ полицейской власти. Начали съѣзжаться маршъ-маршемъ отряды казаковъ, но мы чувствовали и сознавали, глядя на тысячи и тысячи пораженнаго скорбью народа, что эти казаки были не нужны, и народъ самъ былъ въ эту минуту надежнѣйшею охраною и опорою полнѣйшаго порядка.

Еще яснѣе мы это увидѣли и поняли въ ту минуту,

когда въ открытыхъ парныхъ саняхъ проѣхали среди этихъ тысячей народа Новый Государь съ Супругой изъ Зимняго Дворца къ себѣ въ Аничковъ Дворецъ. Легко понять, что прочитали на заплаканномъ лицѣ Государя Александра III тысячи глазъ, на него устремленныхъ, и то благоговѣніе, съ которымъ вся эта громадная толпа разступалась и, обнажая головы, крестилась, глядя на Него, крестила Его и сквозь слезы изображала собою море благословляющихъ Новаго Царя русскихъ людей, все это съ какою то сверхъестественною силою обличало безумную безполезность цареубійства и безуміе упованій, на него возложенныхъ тѣми, которые въ невѣдѣніи народа могли мечтать о безпорядкахъ среди народа.

Съ площади я отправился въ Зимній Дворецъ. Тамъ все было полно пріѣзжающихъ со всѣхъ концовъ Петербурга узнать о случившемся. Въ комнату, гдѣ лежалъ Государь, никого не пускали: тамъ были врачи и хирурги. Дежурнымъ при Государѣ камердинеромъ оказался Костинъ, бывшій камердинеромъ при покойномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Опять ужасъ смерти насъ сталкивалъ, опять мы обнялись въ порывѣ скорби и воспоминаній. Я попросилъ его мнѣ дать что-нибудь на память о Государѣ; онъ вынесъ мнѣ съ его письменнаго стола гусиное перо, гладко обстриженное, сказавши: вотъ перо, которымъ въ послѣдній разъ Государь писалъ, — и далъ мнѣ тоже окровавленное перо отъ султана каски. Быть можетъ, этимъ перомъ бѣдный Государь подписалъ Свое согласіе на злосчастномъ докладѣ Лориса-Меликова о созывѣ земскихъ представителей въ реформатскую комиссію.

Въ корридорѣ я наткнулся на Лориса. Не забуду его физіономіи. Блѣдный, изнуренный и какъ бы убитый,

онъ стоялъ, прижатый къ стѣнѣ, и съ кѣмъ то говорилъ. Невольно, глядя на эту роковую историческую фигуру, я слышалъ, какъ душа задавала вопросъ: что выражаетъ это лицо въ эту минуту? Ужасъ угрызеній, смертный приговоръ надъ собою, какъ надъ государственнымъ дѣятелемъ, слишкомъ поздно сознавшимъ свою неспособность, свои заблужденія, или того же легкомысленнаго Лориса, растерянаго и ошеломленнаго отъ того, что сейчасъ онъ провожалъ до подъѣзда новаго Государя, и этотъ новый Государь ни звука ему не сказалъ?.. Тогда на вопросъ не было отвѣта; но, увы, черезъ два дня я припомнилъ этотъ вопросъ вечера 1 марта, и понялъ, что тогда передо мною стоялъ озабоченный подозрѣніемъ немилости царедворецъ. Смерть его благодѣтеля–Государя явилась для него не тѣмъ, чѣмъ должна была быть, причиною его конца, но случайнымъ эпизодомъ, подъ ударомъ котораго онъ даже не почувствовалъ и не понялъ роковой связи съ своею политическою ролью. Бѣжать съ поста, бросивъ власть, онъ, разумѣется, въ эту минуту не могъ. Но онъ могъ, забывъ о себѣ, ужаснуться своей отвѣтственности за полную безпомощность полиціи въ минуту, когда всѣ поняли, что эта безпомощность полиціи являлась угрозою надъ новымъ Государемъ. Объ этомъ онъ не подумалъ; но о продолженіи разговоровъ, прерванныхъ минутою 1 марта, на тему либеральныхъ реформъ, Лорисъ уже думалъ въ вечеръ съ 1 на 2 марта, и политическія гостиныя, гдѣ онъ черпалъ свое вдохновеніе и слушалъ либеральныя рѣчи, какъ ни въ чемъ не бывало, уже 3 марта манили къ себѣ Лориса-Меликова.

Настало утро 2 марта. Назначенъ былъ торжественный выходъ для вступавшаго на престолъ Императора Александра III.

Не запомню за все время моей придворной службы такого многолюднаго выхода во Дворцѣ, какъ въ это утро. Буквально всѣ залы были переполнены съѣхавшимися лицами. Не взирая на эту толпу, во всѣхъ залахъ царило какое-то торжественно-печальное безмолвіе... Не только не раздавалось нигдѣ разговоровъ, не было нигдѣ даже разговора шепотомъ или въ полголоса. И о чемъ въ эти минуты можно было говорить?

Когда двери открылись, и мы увидѣли грядущаго Государя, молчаніе стало еще торжественнѣе. Съ Императрицею подъ руку Государь вышелъ въ залъ. Войдя, Онъ остановился и заговорилъ... На первыя два слова хватило у него власти надъ душевнымъ состояніемъ, но не болѣе, голосъ порвался, все лицо преисполнилось душевной скорби, и слезы брызнули изъ глазъ. Преодолѣвъ снова порывъ печали, Государь продолжалъ и отчеканивалъ свои слова, заключавшія въ себѣ обращеніе къ каждому изъ насъ, съ увѣренностью найти содѣйствіе трудному дѣлу, на Него возлагаемому Богомъ въ такія ужасныя минуты...

Затѣмъ мы отправились большимъ выходомъ на молебствіе въ Большую церковь Зимняго Дворца.

Въ городѣ царилъ полнѣйшій порядокъ, нигдѣ никѣмъ не нарушившійся. И какъ наканунѣ, такъ и въ этотъ день восшествія на престолъ новаго Государя главнымъ охранителемъ порядка вездѣ былъ народъ...

Подробности ужаснаго событія 1 марта были уже всѣмъ извѣстны... Главная изъ нихъ набрасывала прекрасный свѣтъ на образъ Царя-Мученика въ послѣднюю минуту Его жизни. Когда первая бомба только повредила карету, въ которой Онъ ѣхалъ, кучеръ сказалъ Государю, что довезетъ Его благополучно; но Государь не захотѣлъ

бѣжать отъ опасности и забылъ о себѣ потому, что были ранены въ Его конвоѣ люди. И Онъ направился ихъ осмотрѣть, и тогда была пущена въ него вторая бомба прямо подъ ноги...

Такимъ образомъ, свою смерть Русскій Государь соединилъ съ подвигомъ героизма и съ заботою сердца о другихъ, пострадавшихъ за него.

XLII.

(1881 годъ).

Императоръ Александръ II.

Сотни тысячъ народа начали наполнять собою Петропавловскій соборъ, гдѣ лежало тѣло убитаго Царя, посвятившаго 26 лѣтъ царствованія тѣмъ преобразованіямъ, которыя, по мнѣнію его совѣтниковъ, должны были обезпечить благосостояніе Россіи и счастье народа...

Нѣтъ сомнѣнія, что между этими сотнями тысячъ набожно прощавшагося съ своимъ Государемъ народа — не мало было лицъ, предававшихся у этого гроба размышленіямъ надъ этимъ Царемъ, надъ этимъ царствованіемъ и надъ этою кончиною...

Въ числѣ этихъ многихъ, погружавшихся въ глубокое раздумье у гроба почившаго Государя, былъ и я; мнѣ тогда было 42 года, — возрастъ, при которомъ я могъ сознательными и отчетливыми воспоминаніями прослѣдить это драматическое царствованіе, и составить себѣ представленіе о личности самого Государя и объ отношеніяхъ ея къ историческимъ событіямъ царствованія...

Какъ человѣкъ, Императоръ Александръ II былъ добрый, мягкій и чувствительный — чувствительный сердцемъ и чувствительный умомъ; легко воспріимчивый къ мыслямъ и впечатлѣніямъ, онъ въ то же время легко

схватывалъ вопросы, съ которыми знакомился, но не любилъ надъ ними призадумываться и въ нихъ углубляться. Любившій и цѣнившій съ молодости общество умныхъ людей, Императоръ Александръ II еще Цесаревичемъ многое зналъ въ области общаго, такъ сказать, образованія, и вступилъ на престолъ весьма образованнымъ человѣкомъ. Нѣкоторые увѣряли, что Наслѣдникъ Николая I находился до самой кончины отца въ его опекѣ и былъ ограниченъ въ свободѣ своего духовнаго развитія. Это безусловно невѣрно. Николай I давалъ полную свободу духовному міру своего Наслѣдника, и основывалъ ее на полнотѣ къ нему своего довѣрія. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ думалъ о государственныхъ вопросахъ, какъ хотѣлъ, и даже могъ дозволять себѣ прямое противодѣйствіе министрамъ своего отца, нисколько не возбуждая ни подозрѣнія, ни недовѣрія своего отца-Государя. Когда я былъ близокъ ко двору Александра II, я ясно видѣлъ, что Онъ менѣе довѣрчивъ къ духовному міру своего наслѣдника, чѣмъ къ нему былъ довѣрчивъ Николай I. Когда живъ былъ покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ, мы всѣ замѣчали въ послѣдніе два года его жизни, что Государь, его Родитель, не разъ отдавалъ себя подъ власть впечатлѣній, похожихъ на оттѣнки подозрительности. Когда Наслѣдникомъ сдѣлался его братъ Александръ Александровичъ, считавшійся любимымъ сыномъ своего отца, эта особенная привязанность къ нему не помѣшала Александру II тоже быть по отношенію къ нему въ извѣстныхъ случаяхъ подозрительнымъ. Цесаревичъ Александръ это чувствовалъ, и отношенія Государя къ Наслѣднику оттого иногда бывали щекотливы и усложнены... Совсѣмъ противоположное было въ отношеніяхъ Николая I къ своему Наслѣднику... Я помню, напримѣръ,

курьезное проявленіе этой полной самостоятельности Наслѣдника Николая I, въ томъ видѣ, въ какомъ его передавалъ моимъ родственникамъ бывшій при Николаѣ I его послѣднимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибиковъ. Николай I поручилъ Бибикову составить примѣнительно къ имъ сдѣланной работѣ инвентарій по Юго-Западному краю, когда онъ былъ въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ, общій для всей Россіи проектъ инвентарей, какъ главную подготовительную работу для освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Наслѣдникъ, прямо и открыто противодѣйствовавшій Бибикову при введеніи инвентарей въ Юго-Западномъ краѣ, еще болѣе прямо и рѣшительно сталъ въ оппозицію Бибикову, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, для этой общей работы, и, будучи тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта, объявилъ категорично Бибикову, что онъ все сдѣлаетъ отъ него зависящее, чтобы помѣшать его проекту инвентарей пройти въ государственномъ совѣтѣ... И онъ сдержалъ слово. Не то, что такой фактъ, но десятая часть такого личнаго проявленія самостоятельности была бы и во снѣ даже немыслима при Александрѣ II въ его Наслѣдникѣ, но при Николаѣ I, основанная на его безграничномъ довѣріи къ Наслѣднику, она была естественнымъ явленіемъ.

Благодаря этой самостоятельности, Александръ II, вступивъ на Престолъ, не былъ ни минуты застигнутымъ въ расплохъ новизною своего положенія: Онъ давно былъ такъ сказать, освященъ довѣріемъ къ нему своего Отца, давно былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, давно посвященъ во всѣ мельчайшія тайны Самодержавія самымъ убѣжденнымъ его представителемъ. Къ тому же до самаго конца своей жизни Императоръ Николай свою семейную жизнь

не отдѣлялъ ни какою стѣною отъ государственной. При женѣ и при дѣтяхъ онъ говорилъ о государственныхъ дѣлахъ всегда. Слѣдовательно, не только кабинетъ, но семья Государя были государственною школою для его наслѣдника. Но, не взирая на то, въ двухъ важныхъ областяхъ Александръ II оказался въ день своего вступленія на престолъ малосвѣдущимъ: это внутренняя жизнь Русскаго государства со всѣми ея историческими, бытовыми и политическими деталями, а вторая область была весь почти западно-европейскій міръ либеральныхъ доктринъ, на который, немедленно послѣ смерти Николая I, всѣ почти умные люди той эпохи накинулись не только какъ на Америку для Россіи, но какъ на якорь ея спасенія и источникъ ея врачеванія отъ тѣхъ многихъ недуговъ, которые тогда всѣ приписывали замкнутому будто бы и личному Самодержавію Николая I, и которыми легкомысленно объясняли наши тогдашнія военныя неудачи въ Крыму.

Это малое знаніе внутренней русской жизни объясняло то странное упорство, съ которымъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ пошелъ противъ геніальной мысли инвентарей, порученной Николаемъ I осуществленію Бибикова, и это же самое незнаніе русской жизни объяснило впослѣдствіи ту легкость, съ которою тотъ же Александръ, но уже Императоромъ, отдался вліянію зачинщиковъ крестьянской реформы, безъ малѣйшей критики ихъ смѣлыхъ замысловъ съ точки зрѣнія потребностей внутренняго государственнаго строя.

Усвоивши себѣ, можно сказать, безсознательно всю твердыню Самодержавія въ такой школѣ, какъ царствованіе Николая I, Онъ, Александръ II, ни на мгновеніе не сомнѣвался въ правѣ и въ силѣ сдѣлать все, что Онъ

захочетъ, но въ тоже время это безсознательное усвоеніе себѣ Николаевскаго Самодержавія и это незнаніе русской жизни произвели то, что Онъ не могъ провѣрить пристрастныя и лживыя обвиненія, взводимыя либералами на царствованіе своего Отца, не отличавшія случайности и мелочи отъ тѣхъ устоевъ, учрежденій и началъ, которыя составляли не только силу Его державы, но были потребностями Его народа, и эти то основы русскаго строя Онъ не умѣлъ отстаивать, какъ неприкосновенныя, въ ту минуту, когда либералы захотѣли все царствованіе Николая и весь внутренній строй государства сдѣлать отвѣтственными за разные случайные недуги русской жизни...

Оттого съ самаго начала почти царствованія Александра II случилось роковое qui pro quo, которое рѣшило судьбу всего царствованія, и привело его ко всѣмъ печальнымъ событіямъ расплаты за безпочвенный либерализмъ; Александръ II отдалъ Свое Самодержавіе въ руки тѣхъ, которые имъ воспользовались, какъ единственнымъ средствомъ это Самодержавіе поколебать и обезсилить... Александръ II не понималъ, что, принимая на себя инициативу въ либеральномъ походѣ противъ великаго царствованія своего отца, онъ въ то же время, не зная, какъ я сказалъ, ни внутренней жизни Россіи, ни органическихъ твердынь этого царствованія, давалъ ломы тѣмъ, которые, подъ предлогомъ устраненія злоупотребленій, ломали весь фундаментъ русской государственной крѣпости.

Знай онъ внутреннюю жизнь Россіи, знай онъ внутренній смыслъ царствованія своего отца, Александръ II, съ своею воспріимчивостью ко всему прекрасному, съ своимъ здравымъ смысломъ и съ своею способностью

быстро усваивать себѣ предметъ, явился бы хозяиномъ своего реформаторскаго дѣла, умѣлъ бы отличать устои и принципы отъ деталей и злоупотребленій, умѣлъ бы въ массѣ заграничнаго либеральнаго реформаторскаго хлама разобраться, отстраняясь отъ негоднаго для Россіи, и изъ царствованія своего отца создалъ бы твердый фундаментъ для обновленія русла старинной русской жизни. Тогда бы ему не пришлось отдавать Самодержавіе напрокатъ тѣмъ, которые изъ него сдѣлали ломъ противъ старой самодержавной Россіи, подъ предлогомъ, что это была Николаевщина, а, наоборотъ, онъ подчинилъ бы всѣхъ своихъ сотрудниковъ по реформамъ дисциплинѣ Николаевскаго Самодержавія, и всѣ реформы могли бы совершиться такъ же просто и хорошо, какъ построена была Николаемъ I николаевская желѣзная дорога.

И вотъ, началась эра реформъ на третьемъ году Александровскаго царствованія. Чтобы ее повести разомъ и успѣшно, нѣкоторыми изъ реформаторовъ той первоначальной эпохи, былъ задуманъ своего рода психическій планъ, на дѣйствіе котораго былъ разсчитанъ гладкій путь для всей реформаторской работы.

Психическій этотъ планъ заключался въ томъ, что Государю представили, въ самомъ началѣ его царствованія, всю тогдашнюю дворянскую Россію, которая составляла, въ сущности, $^9/_{10}$ всего русскаго образованнаго общества, какою то скрытою противъ него оппозиціонною силою.

Планъ этотъ имѣлъ важную практическую цѣль. До своего вступленія на престолъ Александръ II, какъ Цесаревичъ, не только не находился въ либеральной средѣ, а тѣмъ паче подъ ея вліяніемъ, но, напротивъ, какъ я тому приводилъ доказательство въ рѣзкомъ ан-

тагонизмѣ Цесаревича съ Д. Г. Бибиковымъ по вопросу объ инвентаряхъ, скорѣе принадлежалъ къ средѣ—если не консервативной, то, во всякомъ случаѣ, высшей аристократической, гдѣ либеральнымъ вѣяніямъ доступа было весьма мало.

Только по вступленіи на престолъ Императору Александру II—поневолѣ пришлось прислушиваться къ либеральнымъ голосамъ, такъ какъ, принявши Россію въ самый острый періодъ Крымской войны, и раздавленный, такъ сказать, ея бременемъ, онъ сталъ слышать съ одной стороны объясненіе нашихъ военныхъ неудачъ политическимъ режимомъ своего отца, а съ другой стороны, указаніе исхода изъ этого положенія только въ либеральныхъ внутреннихъ реформахъ...

Но такъ какъ по привычкамъ, по вкусамъ, по убѣжденіямъ Александръ II пребывалъ въ общеніи, какъ я сказалъ, съ высшимъ дворянскимъ обществомъ, и такъ какъ въ началѣ своего царствованія, по примѣру его отца, его домашняя жизнь сливалась съ государственною въ томъ смыслѣ, что Государь былъ весьма общителенъ, по вечерамъ приглашалъ своихъ близкихъ, давалъ обѣды и прислушивался къ разнымъ мнѣніямъ и къ разнымъ голосамъ, то либералы не имѣли подъ ногами почвы, на которой они могли бы дѣйствовать, и могли всегда опасаться, что ихъ вліянію будетъ противодѣйствовать та анти-либеральная среда, въ которой по привычкѣ и по вкусамъ Александръ II былъ въ постоянномъ общеніи... Изъ этой среды могъ раздаться голосъ, предупреждающій Государя о замыслѣ подчинить его вліянію либераловъ, а такъ какъ Государь былъ въ этомъ отношеніи очень самолюбивъ и врядъ ли желалъ показать себя подъ чьимъ-либо вліяніемъ, то, разумѣется, либералы имѣли полное

основаніе опасаться той среды высшаго общества, гдѣ Государь былъ у себя дома по вкусамъ.

И тогда они прибѣгли къ тому, чего вправѣ были опасаться отъ своихъ политическихъ противниковъ противъ себя: они понемногу, исподволь начали говорить о томъ, что анти-либеральная дворянская или аристократическая партія разсчитываетъ своимъ вліяніемъ на Государя удерживать его отъ либеральныхъ реформъ, столь нужныхъ для блага Россіи и для славы его царствованія, и что это вліяніе для нихъ тѣмъ болѣе доступно, что въ ближайшей придворной средѣ эта дворянская партія имѣетъ своихъ вліятельныхъ представителей...

Этотъ планъ сталъ удаваться и, какъ всегда у насъ это бываетъ, осуществленію его помогли всего болѣе тѣ, противъ которыхъ была направлена интрига, своимъ покорнымъ и безгласнымъ поведеніемъ: ни атома борьбы не проявилось съ самаго начала между вступающими на поле дѣятельности либералами и между смирявшимися и смолкавшими передъ возбуждавшимся противъ нихъ подозрѣніемъ консерваторами, и въ прекрасный день Государь Александръ II оказался всецѣло подъ вліяніемъ либераловъ не по убѣжденію, не по симпатіямъ къ нимъ, но въ сознаніи необходимости показать свою волю противъ какой-то дворянской оппозиціи, никогда не существовавшей, но нарисованной его воображенію ловкими либералами...

Эта политика либераловъ длилась все время, и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. До вступленія на престолъ Александръ II былъ антипатично настроенъ даже къ идеѣ сервитутовъ. На второй годъ своего царствованія онъ сталъ уже говорить о необходимости начать крестьянскую реформу сверху, чтобы предупредить ее снизу, но при

этомъ онъ еще не допускалъ мысли объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Два года спустя, когда либералы ему представили, что дворянская партія будто бы не допускаетъ даже мысли освободить крестьянъ съ землею,— чего на самомъ дѣлѣ не было,—Государь рѣшилъ, что освобожденіе будетъ сдѣлано съ землею, и на одномъ совѣщаніи, ударивъ по столу рукою, сказалъ, что освобожденіе будетъ съ землею, потому что такова его воля, а другой воли онъ не признаетъ. Очевидно, эта энергичная рѣшимость была направлена все противъ той же несуществовавшей дворянской оппозиціи, по заказу либераловъ ставшей на горизонтѣ какимъ то угрожающимъ фантомомъ. Я помню, какъ въ началѣ царствованія даже такая скромная и такая глубоко преданная Государю гостиная, какъ моихъ родителей, гдѣ царили карамзинскія преданія, была имъ заподозрѣна въ фрондерскомъ и въ оппозиціонномъ характерѣ только потому, что въ ней говорилось открыто объ опасностяхъ, угрожающихъ Государю и государству отъ всемогущества либераловъ.

Но всего выразительнѣе и печальнѣе была та перемѣна, которая произошла въ самой домашней жизни Государя, и которая заключалась въ томъ, что однажды принятая традиція Николая I, сливавшаго свою гостиную и своихъ близкихъ съ кабинетомъ и съ государственными людьми, вдругъ прекратилась, и государство, переставъ быть предметомъ разговора въ гостиной Государя, изолировалось только въ его кабинетѣ и въ разговорахъ съ министрами и съ государственными людьми.

Отчего же это могло произойти?

Тутъ объясненіе кроется въ тѣхъ душевныхъ тайнахъ, которыми сопровождалось ризвитіе въ Государѣ, его личности реформатора, и въ борьбѣ, которая въ немъ

одномъ сосредоточилась между его личными взглядами, вкусами и принципами, и между внушенными ему подозрѣніями противъ всего тогдашняго дворянскаго общества. Такъ что уже въ началѣ его царствованія было много драматичнаго въ этомъ духовномъ мірѣ Александра II, по натурѣ вовсе не готовившагося и не созданнаго для такой сложной духовной борьбы. Государь чувствовалъ себя во власти глухого раздраженія противъ попытокъ, какъ я сказалъ, сочиненной либералами дворянской оппозиціи; въ тоже время аристократической и сентиментально-утонченной натурѣ Государя были антипатичны демократическіе пріемы и инстинкты призванныхъ имъ къ политической дѣятельности либераловъ, и, наконецъ, въ третьихъ, его прельщала до извѣстной степени роль великаго реформатора, все шире и славнѣе развертывавшаяся на сценѣ не только русской, но и всемірной жизни.

И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ трехъ одинаково сильныхъ, но совсѣмъ различныхъ двигателей, Александръ II дошелъ, совершенно понятно, до минуты, когда гостиная рѣчь о государственныхъ дѣлахъ для него стала прямо непріятною, подвергая его необходимости или услыхать какое-нибудь обвиненіе по адресу руководителей тогдашней политики либераловъ, или пробудить въ немъ упрекъ самому себѣ при затрогиваніи симпатичныхъ, но обреченныхъ на безмолвіе струнъ, или же опасеніе въ немъ вызвать въ какомъ-либо вопросѣ борьбу его личныхъ мыслей съ тѣми, которымъ онъ покорно подчинялся, или же, наконецъ, пробудить въ немъ чувство противорѣчія съ самимъ собою. Несомнѣнно, все это вмѣстѣ повліяло на рѣшеніе Государя изолировать государственное дѣло въ тайникахъ своего кабинета и рѣзко дѣлить свою жизнь на двѣ никогда не сходившіяся половины,—жизнь

Государя съ министрами и жизнь частнаго человѣка съ семьею и со всѣми, въ разговорахъ обо всемъ, кромѣ государства. Никогда не забуду навсегда врѣзавшагося во мнѣ впечатлѣнія, еще съ юныхъ дней, когда при малѣйшемъ словѣ, сказанномъ кѣмъ-либо въ гостиной Государя о государственномъ вопросѣ, вдругъ на лбу Государя показывались складки, и лицо его принимало недовольное, даже раздраженное выраженіе...

Десять лѣтъ спустя послѣ начала царствованія, къ этимъ двигателямъ его души, создавшимъ для него тяжелую духовную жизнь, присоединилась четвертая глубокая черта, еще тяжелѣе другихъ: это сознаніе неблагодарности людей и неискренности воспѣваемыхъ въ его честь похвалъ.

Тогда уже въ немъ несомнѣнно явилось разочарованіе къ роли реформатора, и какое-то невѣріе во всѣ тѣ акты, которые онъ подписывалъ, будто бы, ко благу Россіи.

Обманутый, недовѣрчивый, разочарованный, Государь вошелъ въ такую эру своей жизни, гдѣ отдавалъ уже себя подъ власть не столько людей, сколько какого-то рока, и тогда сталъ понятенъ тотъ полный Шекспировскаго драматизма историческій моментъ, про который я разсказывалъ со словъ покойнаго шефа-жандармовъ, генерала Потапова, когда онъ обратился къ нему съ словами: «я, кажется, ему не сдѣлалъ ничего добраго, за что же онъ противъ меня»?..

Таковъ былъ человѣкъ въ этомъ Государѣ, и таково было вліяніе этого человѣческаго въ немъ за все его царствованіе...

Добрый, нѣжный, чувствительный, воспріимчивый ко всѣмъ оттѣнкамъ деликатности, переполненный самыхъ

благихъ намѣреній, какъ могъ бы онъ насладиться своимъ царствованіемъ, если къ нему пріобщены были всѣ вліянія серьезныя, вмѣсто одного лживаго вліянія либераловъ, потребовавшихъ отъ него, кромѣ безпочвенныхъ реформъ, насилія надъ его прекрасною и деликатною душою, и сдѣлавшихъ его узникомъ своихъ собственныхъ страданій.

Оттого тяжелая отвѣтственность передъ исторіею своего народа ложится за царствованіе Александра II и за его конецъ на нашихъ либераловъ. Они—и только они—сдѣлали изъ Александра II мученика, страдавшаго и царившаго въ мірѣ, гдѣ ни онъ не понималъ народъ, и гдѣ народъ его не понималъ.

Оглавленіе второй части.

I. (1865 годъ).—Присяга Цесаревича.—Его мысли.—Его чувства 1

II. (1866 годъ).—4 апрѣля и его послѣдствіе.—Коммиссаровъ. 15

III. (1866 годъ).—Походъ Валуева противъ Каткова.—Рескриптъ на имя Валуева 45

IV. (1866 годъ).—Поѣздка Цесаревича по Россіи 55

V. (1866 годъ).—Графъ П. А. Шуваловъ, новый шефъ-жандармовъ.—Бракосочетаніе Цесаревича.—Юбилей Карамзина.—Елка у Цесаревича.—Изъ міра земства. 61

VI. (1867 годъ).—Голодъ.—Роль Цесаревича.—Увольненіе Валуева.—Его преемникъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ.—Новый министръ юстиціи графъ Паленъ.—Мое сближеніе съ Катковымъ.—Москва.—Кончина моей матери 73

VII. (1867—1869 годъ). Мои вечернія бесѣды.—Цесаревичъ въ Ниццѣ.—Выборъ гофмаршала Цесаревичемъ.—Моя поѣздка въ Сѣверо-Западный край съ порученіемъ Цесаревича.—Школьное дѣло.—П. Н. Батюшковъ.—Потаповскій coup d'état 99

VIII. (1869—1870 годъ).—Столѣтіе Георгіевскаго праздника.—Берлинскія симпатіи.—Наша дипломатія.—Европа до войны 1870 года.—Новое назначеніе министра путей сообщенія.—Характеристика времени около графа Бобринскаго.—Проснувшаяся комиссія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Провалъ тимашевскаго проекта.—Его квіетизмъ.—Иной характеръ пріемовъ и отношеній къ дѣлу у гр. Д. А. Толстого 113

IX. (1870 годъ).—Указъ о воинской повинности.—Объявленіе франко-германской войны.—Посолъ Флери и Государь.—Исходъ войны.—Роль Государя.—Наша декларація 131
X. (1871 годъ).—О внутренней политикѣ.—Ея неожиданный характеръ.—Моя бесѣда съ графомъ Н. А. Шуваловымъ.—Князь А. Н. Барятинскій какъ проекторъ.—Общій характеръ проектовъ и проекторовъ тогдашняго времени. 143
XI. (1871—1872 годъ). — Мои приготовленія къ изданію «*Гражданина*».—Разговоръ по этому поводу съ Цесаревичемъ. — Начало изданія. — Осуществленіе проекта ремесленнаго училища 157
XII. (1872—1873 годъ).—Мое сближеніе съ Достоевскимъ.—Его характеристика. 175
XIII. (1872—1873 годъ).—Политика внѣшняя.—Усиленіе германской дружбы.—Пріѣздъ германскаго императора.—Смерть Наполеона III. 183
XIV. (1873 годъ).—Кончина Ѳ. И. Тютчева.—Его оцѣнка. . . 197
XV. (1873 годъ).—Великая княгиня Елена Павловна 205
XVI. (1873 годъ).—Прекращеніе моихъ отношеній къ Цесаревичу.—Анализъ и разъясненіе этого событія въ моей жизни. 217
XVII. (1873 годъ).—Новое проявленіе внутренней политической агитаціи.—Цюрихъ.—Русскія женщины.—Новый постъ Валуева. — Голодъ въ Самарской губерніи.—«Складчина». 225
XVIII. (1874 годъ).—Манифестъ о воинской повинности.—Назначеніе А. А. Абаза.—Бракосочетаніе Вел. Кн. Маріи Александровны.—Паденіе гр. П. А. Шувалова.—Переходъ его въ послы въ Лондонъ.—Потаповъ.—Выходъ книги «*Складчина*».—«Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости». 233
XIX. (1875 годъ).—Два собранія.—Валуевскій комитетъ изслѣдованія безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.—Циркуляръ графа Толстого, министра народнаго просвѣщенія, къ попечителямъ учебныхъ округовъ.—Аграрный парламентъ 251
XX. (1875 годъ).—Внѣшнія политическія событія.—Спасаемая Императоромъ Александромъ II Франція.—Первые признаки пожара на Балканскомъ полуостровѣ . . . 263
XXI. (1876 годъ).—Смерть моего брата.—Кончина моего отца. 275
XXII. (1876 годъ).—Славянскій пожаръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ.—Характеристика настроенія умовъ.—Статья «Гражданина», его закрытіе. 279

СТРАН.

XXIII. (1876 годъ).—Моя поѣздка въ Сербію.—Первыя впечатлѣнія.—Бѣлградъ.—Добровольцы и сербы.—Делиградъ и Черняевъ 291
XXIV. (1876 годъ).—Ходъ событій въ Россіи.—Правительственное сообщеніе и его дѣйствіе.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Его рѣчь.—Восторги.—Роль Тимашева.—Новая кара «Гражданина». 303
XXV. (1876 годъ).—Новое настроеніе умовъ въ Петербургѣ.—Нападки на Черняева.—Отливъ къ концу 1876 года. . 313
XXVI. (1876 годъ).—Кончина Ю. Ф. Самарина.—Его характеристика 321
XXVII. (1877 годъ). — До войны. Дипломатическая робость — Турецкое настроеніе.—Миссія Н. П. Игнатьева.—Объявленіе войны. 329
XXVIII. (1877 годъ).—Вопросъ о поѣздкѣ Государя въ армію.—Эпизодъ послѣ взятія Никополя съ генераломъ Толстымъ.—Плевна.—Вызовъ гвардіи 341
XXIX. (1877 годъ).—*Моя поѣздка на Кавказъ*.—Тифлисъ.—Александрополь.—Карсъ.—Ночной штурмъ и взятіе Карса. 347
XXX. (1877 годъ).—Петербургъ. — Поѣздка въ Константинополь.—Свиданіе съ германскимъ посломъ.—Встрѣча съ русскими войсками.—Санъ-Стефанское сидѣніе 367
XXXI. (1878 годъ).—Подписаніе мира.—Парадъ.—Впечатлѣніе. 377
XXXII. (1878 годъ).—Дипломатическій походъ противъ Россіи.—Невыгодное положеніе Россіи.—Заслуги графа П. А. Шувалова 389
XXXIII. (1878 годъ).—Внутреннія безпорядки въ Россіи.—Усиленіе революціонной пропаганды.—Краткій очеркъ этой пропаганды.—Приговоръ 193.—Актъ помилованія.—Послѣдствія.—Дѣло Засуличъ.—Убійство шефа-жандармовъ.—Мѣры правительства.—Два назначенія 397
XXXIV. (1878—1879 годъ).—Чума въ Ветлянкѣ.—Гр. Лорисъ-Меликовъ.—Убійство князя Кропоткина.—Покушеніе Соловьева.—Новыя мѣропріятія правительства. — Характеръ ихъ 415
XXXV. (1879—1880 годъ).—Характеръ дѣятельности крамольниковъ.—Съѣзды.—Двѣ партіи.—Планы партіи террора. 435
XXXVI. (1880 годъ).—Послѣдствія взрыва. — Новое совѣщаніе министерства.—Голосъ Цесаревича — Рѣшеніе Государя.—Верховная комиссія.—Выборъ графа Лориса-Меликова.—Его первыя дѣйствія.—25-ти-лѣтіе царствованія. 441
XXXVII. (1880 годъ).—Мое свиданіе съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ.—Мои впечатлѣнія.—Мое письмо къ нему.—Уходъ генералъ-адъютанта Дрентельна.—А. А. Абаза. 453

XXXVIII. (1880 годъ).—Докладъ графа Лориса-Меликова.—Графъ Толстой.—Его характеристика. 465
XXXIX. (1880 годъ).—Смерть Императрицы Маріи Александровны. 479
XL. (1880 годъ).—Дальнѣйшая дѣятельность графа Лориса-Меликова.—Цѣлый планъ.—Ревизія и уничтоженіе III-го отдѣленія.—Закрытіе верховной комиссіи.—Графъ Лорисъ-Меликовъ министръ внутреннихъ дѣлъ 483
XLI. (1880—1881 годъ). — Ослѣпленіе графа Лорисъ-Меликова.—Планъ собранія представителей земствъ въ форматорскія комиссіи въ Петербургѣ.—Его осуществленіе.—1 марта. 491
XLII. (1881 годъ).—Императоръ Александръ II. 503

Кн. В. П. Мещерскій.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1881—1894 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Фото-цинко-хромо-лито-типографія Ф. Кройсъ.
1912 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

(1881 годъ).

Личность новаго Императора.

Началось новое царствованіе. Но въ эти первые дни могла ли быть не то что рѣчь, но и мысль о новой эпохѣ? Само собою, что нѣтъ. Все духовное было слишкомъ подавлено, слишкомъ поражено разыгравшеюся драмой, чтобы освободиться изъ подъ этого ужаснаго гнета и думать свободно о завтрашнемъ днѣ. Съ 1 марта начали тянуться какіе-то тяжелые и мрачные дни, во мракѣ которыхъ тихо говорили о томъ, что было, но никто не рѣшался говорить о томъ, что будетъ. Кровавая картина стояла передъ глазами у всѣхъ, застилая собою видъ на грядущую даль, и стояла какъ нагрянувшій вопросъ: есть ли это ужасная случайность или эпилогъ долго длившейся драмы, неизбѣжное роковое послѣдствіе многихъ причинъ, составлявшихъ недоразумѣніе царствованія и ошибки режима? Объ этомъ мы всѣ говорили, подъ гнетомъ безсилія давать рѣшительный отвѣтъ на томившіе насъ вопросы.

Помню, что ужасное событіе 1 марта, во время

обмѣна мыслей, ставилось почти каждымъ изъ насъ въ роковой связи съ тѣми зловѣщими признаками ослабленія власти, которые поражали насъ тѣмъ, что они въ области полиціи въ столицѣ были уже черезчуръ безцеремонны въ своей небрежности. Появленіе такого начальника города и полиціи, какъ Федоровъ, неподготовленнаго, безъ энергіи и безъ опыта, послѣ преданій объ энергичномъ Треповѣ, казалось намъ просто безцеремоннымъ обращеніемъ съ такимъ вопросомъ, какъ полиція въ Петербургѣ, въ такое время, когда, казалось намъ, графъ Лорисъ-Меликовъ былъ обязанъ отыскать и выставить во главѣ Петербургской полиціи самаго умнаго и самаго энергичнаго человѣка въ Россіи. А такъ какъ рядомъ съ этимъ мы за послѣдніе дни, до 1 марта, только и слышали толки о какихъ-то попыткахъ того же Лориса къ введенію какихъ-то либеральныхъ новшествъ, то само собою разумѣется, что въ первые дни послѣ 1 марта мы не могли освободиться отъ впечатлѣнія, что событіе 1 марта находилось въ роковой связи съ тою связью, которая была между полнымъ пренебреженіемъ къ такой важной отрасли власти, какъ полиція, и либеральными затѣями въ области высшей политики, и это насъ угнетало.

Разумѣется, бремя этого гнета, подъ которымъ мы жили въ первые дни новаго царствованія, усиливалось всякій разъ, когда мы переносились мыслями въ Аничковъ дворецъ, гдѣ вся эта драма въ ея двойномъ значеніи, семейномъ и государственномъ, такъ безпощадно глубоко врѣзывалась въ центръ самой жизни и потрясала всѣ ея нервы. Вопросъ: что Государь?—былъ у всѣхъ на устахъ, и, думая о томъ, что онъ переживаетъ въ эти дни, мы терялись въ наступившемъ мракѣ

въ исканіи просвѣта и въ пріисканіи отвѣта на вопросъ: что теперь будетъ?

Здѣсь умѣстно остановиться на личности Государя въ томъ приблизительно видѣ, въ какомъ его застала неожиданная катастрофа, возведшая его на престолъ.

Государю тогда было 36 лѣтъ. Но духовнымъ возрастомъ онъ, несомнѣнно, былъ старше, старше въ смыслѣ жизненнаго закала. Этому закалу много способствовала его жизнь въ роли вождя Рущукскаго отряда во время войны, гдѣ, отдѣленный отъ семьи, въ постоянномъ сосредоточеніи, онъ переживалъ всѣ впечатлѣнія одинъ передъ самимъ собою, и затѣмъ его тоже одинокая политическая жизнь послѣ войны въ тѣ тяжелые годы 79, 80 и 81-й, когда опять-таки въ себѣ самомъ онъ долженъ былъ таить столько тяжелыхъ впечатлѣній отъ слышанной роли зрителя и участника въ ходѣ внутренней политики, гдѣ далеко не всегда его голосъ прямоты и здраваго смысла имѣлъ силу проводить то, что онъ считалъ нужнымъ, и мѣшать тому, что онъ признавалъ вреднымъ. Положеніе его въ эти послѣдніе годы царствованія своего Отца затруднялось еще тѣмъ, что характеръ Государя становился все нервнѣе и недовѣрчивѣе, а рядомъ съ этимъ общій ходъ высшаго управленія отражалъ на себѣ какую-то апатію и усталость его Вождя и создавалъ положеніе, когда тотъ или другой государственный человѣкъ обращался къ Наслѣднику престола съ надеждою на его вліяніе, и ставилъ его въ трудную и щекотливую необходимость одновременно помогать дѣлу и щадить свои отношенія къ Государю-Отцу. Такъ или иначе, но все то, вмѣстѣ взятое, было, какъ я сказалъ, тѣмъ закаломъ, черезъ который проходилъ молодой Цесаревичъ въ послѣдніе

годы царствованія его Отца, и благодаря которому онъ приготовлялся къ престолу гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ прежде, и въ тоже время. 36-ти лѣтъ вступая на престолъ, оказался гораздо старше духовнымъ возрастомъ своихъ лѣтъ.

Но можно-ли быть 36-ти лѣтъ старше душой своего возраста и быть закаленнымъ къ жизненному служенію, не пройдя въ тоже время черезъ извѣстную реакцію разочарованія. Съ характеромъ новаго Государя,—и въ особенности съ его міромъ главныхъ воззрѣній на окружавшую его жизнь, этотъ процессъ разочарованія былъ неизбѣжнѣе, чѣмъ въ комъ-либо иномъ. Въ основѣ его характера крѣпко были ему присущи три главныя черты: правда, честность и прямота. Не ошибусь, если скажу, что именно благодаря этимъ тремъ главнымъ чертамъ его духовной личности, дѣлавшимъ ее по истинѣ прекрасною,—разочарованіе начало проникать въ его душу еще тогда, когда она была совсѣмъ молода, а такъ какъ, увы, съ каждымъ шагомъ впередъ расширялась сфера его дѣятельности, а съ этимъ умножались отношенія къ людямъ, и такъ какъ, увы, правда, прямота и честность соединяются въ людяхъ гораздо рѣже, чѣмъ брилліанты съ жемчугами на женскихъ нарядахъ, то что удивительнаго, если ранняя зрѣлость, ранній закалъ въ немъ совпадали съ раннимъ разочарованіемъ. Но разочарованіе это было, такъ сказать, въ немъ пассивное, а не активное, то есть оно не вліяло на его духовную личность настолько, чтобы вооружить его противъ людей броней принципіальнаго, такъ сказать, недовѣрія, или вложить въ его душу зачатки апатіи. И это безсиліе разочарованія надъ его духовнымъ существомъ было послѣдствіемъ

его прекрасной души, самостоятельно владѣвшей своими чудными качествами.

Чтобы нагляднѣе охарактеризовать это безсиліе на душу новаго Государя разочарованія вслѣдствіе свойства его духовной личности, я прибѣгну къ сравненію его съ дѣйствіемъ разочарованія на духовный міръ его Отца. Натура Императора Александра Второго была совсѣмъ иная: она была гораздо сложнѣе и въ тоже время замкнутѣе натуры его Сына. Въ ней были проявленія извѣстной хитрости, извѣстнаго своенравія въ отношеніяхъ къ людямъ и къ вопросамъ, и въ особенности извѣстной мнительности въ проявленіяхъ образа мыслей и чувствъ, которую многіе считали недовѣріемъ, и вотъ, при этихъ свойствахъ его духовной личности, скоро пришедшее разочарованіе въ людяхъ имѣло именно активное дѣйствіе на духовный міръ Императора Александра II настолько сильное, что за вторую половину его царствованія разочарованіе въ людяхъ стало, такъ сказать, владычествующею чертою его къ нимъ отношеній, и въ извѣстный моментъ, подъ вліяніемъ событій, дѣйствительно оправдывавшихъ своею горечью и своею черною людскою неблагодарностью это недовѣріе къ людямъ, перешло въ невольную апатію.

II.

(1881 годъ).

Люди при новомъ Государѣ и около него.

Теперь перейду къ вопросу, весьма важному въ историческомъ отношеніи: кѣмъ былъ окруженъ въ минуту вступленія на престолъ новый Государь, и были-ли у него наготовѣ свои люди?

Когда вступалъ на престолъ его Отецъ, онъ имѣлъ около себя, такъ сказать, цѣлую политическую партію своихъ людей, и немедленно, по вступленіи, могъ ими замѣщать всѣ тѣ должности, на которыя онъ признавалъ нужными имѣть новыхъ людей...

Про молодого Императора Александра III этого сказать нельзя было. По странной случайности онъ былъ окруженъ хорошими людьми въ лицѣ своихъ адъютантовъ, но эти хорошіе и высоко честные люди по своимъ вкусамъ и по своимъ характерамъ держали себя внѣ политическихъ сферъ, и представляли собою только чистую духовную атмосферу около будущаго Государя во все время, когда онъ былъ Наслѣдникомъ, но политикою, какъ я сказалъ, не занимались.

Такъ что въ политическомъ отношеніи можно достовѣрно сказать, что будущій Государь былъ одинъ въ своемъ Аничковомъ дворцѣ. Изъ государственныхъ людей, по давнишнимъ къ нему отношеніямъ, былъ близкимъ къ нему одинъ К. П. Побѣдоносцевъ, тогда уже оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, бывшій когда то его профессоромъ, а по военной части ближе другихъ былъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, котораго строевая служба приблизила къ Цесаревичу во время его командованія гвардейскимъ корпусомъ. Адъютантами его были генералъ Васильковскій, графъ Олсуфьевъ, графъ Шереметьевъ, князь В. С. Оболенскій и князь Барятинскій, старѣйшій изъ адъютантовъ, состоявшій при немъ съ 1865 года и перешедшій къ нему отъ Брата его, Цесаревича Николая Александровича.

Я сказалъ выше о чистой атмосферѣ, окружавшей будущаго Государя. Да это было благовѣстное предисловіе къ царствованію Александра III. Я не стану описывать отдѣльно каждую личность изъ состава его свиты и Двора, но скажу, что каждый изъ нихъ отдѣльно и всѣ вмѣстѣ составляли собою эту чистую атмосферу около будущаго Вѣнценосца, въ которой всякій находилъ для благого дѣла, для благой мысли сочувствіе и мостъ къ Хозяину Аничкова дворца, но никогда никто не находилъ себѣ доступа для интриги, для сплетни или для какого-нибудь своекорыстнаго предпріятія. Въ этой же атмосферѣ, благодаря ея чистотѣ и честности, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, никакого доступа не находила себѣ политическая интрига. Опять таки изъ своихъ молодыхъ воспоминаній во мнѣ сохранились былые разсказы о томъ, какое широкое мѣсто при Дворѣ

Цесаревича Александра Николаевича имѣли политическія партіи, несмотря на строгость тогдашняго Николаевскаго режима, и о томъ, что, благодаря этой политической роли, Дворъ Цесаревича находился какъ бы въ оппозиціи съ иными изъ главныхъ государственныхъ людей эпохи... Вѣроятно, по воспоминаніямъ того времени, Императоръ Александръ II былъ очень чувствителенъ ко всякому намеку на зарожденіе политической интриги около своего Наслѣдника, и еще въ первые годы послѣ его брака я, напримѣръ, былъ подвергнутъ подозрѣнію именно съ этой точки зрѣнія, не столько лично Государемъ, сколько его приближенными, только потому, что дѣлалъ попытки къ сближенію молодого Цесаревича съ разными живыми и способными людьми непридворнаго круга. Но какъ я на своей душѣ не имѣлъ ни малѣйшаго грѣха по части политической интриги, такъ и всѣ окружавшія Наслѣдника близкія ему лица по своему оффиціальному положенію были чисты отъ всякой попытки къ политической интригѣ. Но главнымъ виновникомъ этой чистой политической атмосферы въ Аничковомъ дворцѣ былъ самъ его хозяинъ. Отчасти потому, что въ первые годы его отдѣльной жизни онъ увидѣлъ попытки его представлять центромъ какой то глухой оппозиціи со стороны нѣкоторыхъ приближенныхъ Императора Александра II, а главнымъ образомъ потому, что все похожее на интригу, было инстинктивно противно прямой и высокочтимой его душѣ, Цесаревичъ Александръ Александровичъ, съ каждымъ годомъ все очевиднѣе для всѣхъ, политическій міръ ограничивалъ самимъ собою, но въ своемъ дворцѣ его не имѣлъ, и благодаря этому, насколько это было возможно,

пользовался при своемъ Отцѣ ничѣмъ не нарушавшимся довѣріемъ въ области государственнаго управленія. Цесаревичъ присутствовалъ при всѣхъ министерскихъ докладахъ, съ Цесаревичемъ Государь совѣтовался наединѣ, затѣмъ у себя въ своемъ дворцѣ Цесаревичъ дѣлился своими мыслями только въ тѣсномъ домашнемъ кругу своихъ адъютантовъ, но гостиной у него не было, и обихода постороннихъ собесѣдниковъ въ области политики у него тоже не было...

Затѣмъ, кто же были главные государственные дѣятели въ ту минуту, когда Александръ III вступилъ на престолъ. Первымъ былъ Генералъ-Адмиралъ, его дядя, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, можно сказать, самый даровитый изъ всѣхъ сотрудниковъ угасшаго царствованія, но съ которымъ, съ самой ранней молодости, никогда его племянникъ, Александръ Александровичъ, до минуты его воцаренія, не имѣлъ случая близко сходиться, не взирая на весьма дружескія взаимныя отношенія внѣшнія. Разумѣется, не было основанія ожидать, чтобы это сближеніе началось послѣ смерти Императора Александра II, когда послѣдніе годы царствованія его возлюбленнаго брата такъ истомили и обезсилили впечатлительную натуру его главнаго сподвижника, и когда на морской его постъ столь естественно получилъ право братъ новаго Государя. Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Вторымъ лицомъ былъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Въ то время онъ былъ, по вліянію своему на почившаго Государя, главнымъ изъ близкихъ къ нему лицъ, и, какъ читатели помнятъ изъ моихъ предшествующихъ воспоминаній, къ возведенію его на это необыкновенно высокое, близкое и вліятельное положеніе, по странной слу-

чайности, способствовалъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, подавшій, на совѣщаніи у Великаго Князя Константина Николаевича, мысль о назначеніи надъ министрами, такъ сказать, одного отвѣтственнаго передъ Государемъ довѣреннаго лица съ высшими полномочіями. Государь послушался смѣлаго совѣта Своего Наслѣдника, а изъ тогдашнихъ генералъ-адъютантовъ выдвинуты были два кандидата: Дрентельнъ и графъ Лорисъ-Меликовъ; выборъ палъ на графа Лорисъ-Меликова, и говорили тогда, что будто за него подалъ голосъ Наслѣдникъ. Во всякомъ случаѣ, графъ Лорисъ-Меликовъ, обладавшій искусствомъ нравиться, сумѣлъ своими пріемами прямоты упрочить къ себѣ расположеніе Наслѣдника настолько, что, какъ ниже будетъ видно, отчасти это, и отчасти затрудненіе найти сразу готоваго министра внутреннихъ дѣлъ—были причинами, что графъ Лорисъ-Меликовъ на начало новаго царствованія могъ не смотрѣть, какъ на конецъ своей политической карьеры.

Третьимъ выдающимся лицомъ былъ графъ Милютинъ, военный министръ. Онъ былъ слишкомъ дѣйствующимъ лицомъ, главнымъ лицомъ минувшаго царствованія и по своему положенію, и по своему духу его политики, чтобы можно было ожидать, чтобы строго корректныя и наружно любезныя отношенія къ нему тогдашняго Цесаревича могли перейти и преобразоваться въ близкія отношенія постояннаго сотрудничества. Въ концѣ царствованія Александра Втораго образовалось въ правительственныхъ сферахъ нѣчто вродѣ тройственнаго союза или тріумвирата, центромъ коего былъ графъ Лорисъ-Меликовъ съ двумя другими сочленами: графомъ Милютинымъ и Абазою.

Слѣдовательно вопросъ о дальнѣйшей политической роли графа Милютина представлялся со стороны въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ вопроса, что станетъ съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ.

Наконецъ, четвертымъ главнымъ лицомъ минувшаго царствованія былъ министръ финансовъ А. А. Абаза. Абаза былъ прежде всего главнымъ руководителемъ политики графа Лорисъ-Меликова и постояннымъ его совѣтникомъ. Никогда не маскируя свои политическія убѣжденія, Абаза былъ, такъ сказать, душою либерализма въ правительствѣ Императора Александра Втораго и ни съ какой стороны не подходилъ къ охранительному спокойствію, царившему въ Аничковомъ дворцѣ. Оттого онъ самъ болѣе другихъ, съ началомъ новаго царствованія, глядѣлъ на себя, какъ на уходящаго съ политической сцены дѣятеля.

Таковы были главныя дѣйствующія лица, застигнутыя у власти ужасною катастрофою 1 марта.

Но, кто же въ то время могъ собою изображать подборъ, выдающихся личностей, изъ людей иного лагеря менѣе либеральнаго и болѣе консервативнаго. Помню какъ мы въ тѣ дни сбирались для бесѣды и задавались именно этимъ вопросомъ, и помню, какъ наши мысли блуждали въ пространствѣ, ища людей и какъ мы возвращались домой съ печальною думою, что людей нѣтъ. И дѣйствительно, ни на комъ тогда выдающемся не останавливалась мысль.

Главная причина этого явленія заключалась очевидно въ томъ, о чемъ я говорилъ выше въ той строгой и настойчивой честности, съ которой Наслѣдникъ Александра Втораго, чтобы не возбуждать противъ себя какихъ-бы то ни было политическихъ подозрѣ-

ній въ своемъ Отцѣ, закрылъ доступъ политики въ своемъ дворцѣ, и никогда не задавался мыслью подбирать около себя людей сановныхъ своего направленія. Второю причиною была та особенность, что всѣ близко стоявшіе къ Цесаревичу лица его свиты, избѣгали, какъ я сказалъ, заниматься политикою и къ этомъ смыслѣ не имѣли возможности подготовить себя въ школѣ къ государственной дѣятельности. Наконецъ, третья причина безлюдія въ государственныхъ людяхъ иного направленія, чѣмъ либеральнаго, само собою разумѣется заключалась въ томъ, что во все продолженіе минувшаго царствованія, спросъ на людей не либеральнаго направленія безусловно отсутствовалъ, а слѣдовательно, за неимѣніемъ спроса огромное большинство государственнаго люда подготовлялось въ либеральной школѣ эпохи, гдѣ тотъ рѣдкій дѣятель, который не сочувствовалъ либеральному режиму, въ своемъ консерватизмѣ не шелъ далѣе пассивнаго отрицательнаго или скептическаго отношенія къ либеральному направленію.

Три только крупныя государственныя личности стояли на этомъ красномъ фонѣ политической сцены, въ опредѣленныхъ очертаніяхъ своей консервативной самостоятельности. То былъ старикъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Первый, къ сожалѣнію, былъ слишкомъ старъ и болѣзненъ для активной государственной роли въ эту наступившую для новаго Государя трудную минуту. Онъ могъ только служить ему совѣтами своего свѣтлаго ума и обширнаго запаса государственнаго опыта.

Графъ Д. А. Толстой тогда представлялъ собою свѣжаго опальнаго, живую трофею недавняго торжества всемогущаго гр. Лорисъ-Меликова, слѣдовательно, казалось естественнымъ на него взирать съ надеждами для новаго царствованія, но онѣ разрушались объ тотъ фактъ, про который всѣ знали, что новый Государь будучи наслѣдникомъ не только не симпатизировалъ пріемамъ и формамъ, въ которыя облекалъ графъ Толстой свою дѣятельность министра народнаго просвѣщенія и реформатора школы, но даже при увольненіи графа Толстого высказалъ, какъ оповѣстилъ всѣхъ гр. Лорисъ-Меликовъ свое сочувствіе этой побѣдѣ Лориса. Затѣмъ, что касается К. П. Побѣдоносцева, то признанный замѣнить въ концѣ минувшаго царствованія гр. Толстого на должности оберъ-прокурора Св. Синода, онъ слишкомъ всецѣло былъ отданъ своему новому дѣлу, изображавшему для него любимый и желанный идеалъ своихъ духовныхъ стремленій, а съ другой стороны, слишкомъ былъ одинъ по образу мыслей въ кругу своихъ коллегъ около гр. Лорисъ-Меликова, по настояніямъ котораго состоялось его назначеніе, чтобы выступать съ какою-нибудь собственною политическою ролью.

И вотъ при обстановкѣ этихъ условій наступило послѣ грозы 1 марта внезапное затишье, въ которомъ всякій задавалъ себѣ вопросъ, что будетъ? Но никто именно этого не зналъ, ибо съ затишьемъ наступила и политическая неподвижность.

Это затишье и эта неподвижность были торжественною и интересною минутою въ жизни русскаго государства. Каждый изъ насъ это понималъ и чувствовалъ. Каждый по себѣ судя понималъ, что подъ этимъ покровомъ

политическаго затишья усиленно работала мысль въ обдумываніи прошлаго и въ гаданіяхъ надъ будущимъ, и усиленно билось сердце отъ каждаго порыва мысли, переносившаго его въ ту траурную тишину Аничкова дворца, гдѣ русскому Государю, одному съ своими чувствами, съ своими мыслями предстояло начинать свое царствованіе послѣ 1 марта, съ сосредоточенія надъ событіемъ, отъ котораго съ ужасомъ и омерзѣніемъ отталкивали его всѣ фибры и чувства души сыновней и царевой.

Въ этомъ кровавомъ мракѣ надо было искать свѣта, въ этомъ апофеозѣ безумія надо было искать и найти руководящій разумъ. При этихъ условіяхъ могло-ли быть затишье въ душѣ Царя?

Могло-ли быть затишье около Него въ кругу государственныхъ людей, остающихся у власти, но съ окровавленнымъ бременемъ на плечахъ и на совѣсти отвѣтственности за 1 марта. Доклады начались у новаго Государя министровъ Александра Втораго, точно ничего ихъ не прерывало. Сходились они между собою и вели въ полголоса бесѣду на тему, что же дальше? А мы простые смертные сбирались тоже между собою и говорили тогда: неужели Лорисъ не падетъ къ стопамъ новаго Государя и не скажетъ ему отъ себя и за своихъ: мы не достойны Твоего и Россіи довѣрія, пріими Государь наше моленіе объ отставкѣ.

Но, сходясь для тихой бесѣды съ товарищами о будущемъ, графъ Лорисъ очевидно не объ этомъ думалъ. Онъ не задавалъ себѣ вопроса, ему ли уходить? А томился другимъ вопросомъ: удержатся ли онъ и вмѣстѣ съ нимъ его политика и его программа? Его постъ министра внутреннихъ дѣлъ со всѣми его крупными

полномочіями, со всею его громадною отвѣтственностью обратился для него въ обсерваціонный квази астрономическій постъ, на которомъ, глазами, устремленными въ полумракъ Аничкова дворца, онъ ежедневно пытался разглядѣть каждое движеніе своего новаго Государя, чтобы угадывать положеніе барометра относительно себя и своего положенія то есть степени своей прочности. Но, какъ безпристрастный лѣтописецъ тѣхъ дней, я долженъ прибавить, что не личные интересы его побуждали такъ безпокоиться за прочность своего положенія, а главнымъ образомъ увлеченіе его политическою ролью и его политическими мечтаніями. Что все это такъ было, въ томъ не могло быть для насъ сомнѣнія и разъ мы это знали, мы съ грустью по этому факту дѣлали заключеніе, что если эти барометрическія наблюденія были главною его заботою, то увы, мало оставалось для него ума, времени и вниманія обдумывать, какъ всѣ мы это дѣлали, роковую связь между 1 марта и политикою, ему предшествовавшею и всю силу исходившихъ отъ этой связи назиданія и предостереженія для такого лица, какъ Лорисъ, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой предшествовавшей 1 марта политикѣ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ, мы это знали навѣрное, этою связью не только не мучился, но даже доходили вѣрные отголоски о томъ, что съ его безпокойною заботою остаться у власти самымъ искреннимъ образомъ соединялась мысль о необходимости продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, прерванную 1 марта политику убитаго Государя.

III.

(1881 годъ).

Назначеніе Н. М. Баранова.—Временная побѣда гр. Лорисъ-Меликова.

При этихъ условіяхъ текущія дѣла стали идти обычнымъ порядкомъ.

Первою перемѣною въ личномъ составѣ въ новое царствованіе явилось назначеніе молодого прокурора судебной палаты В. К. Плеве, во главѣ новаго департамента государственной полиціи, вмѣсто ушедшаго по болѣзни барона Вельо.

Но затѣмъ второе назначеніе сразу перемѣнило успокоившееся настроеніе графа Лорисъ-Меликова, и въ первую минуту принято было имъ, какъ зловѣщее memento mori; то было совсѣмъ неожиданное назначеніе ковенскаго, если не ошибаюсь, губернатора, генерала Николая Михайловича Баранова, Петербургскимъ градоначальникомъ, вмѣсто генерала Федорова. Условія, при которыхъ узналъ объ этомъ назначеніи министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, были дѣйствительно, до того экстраординарны, что не могли не ошеломить графа Лорисъ-Меликова. Въ прекрас-

ный день докладываютъ ему о губернаторѣ генералѣ Барановѣ. Графъ Лорисъ его принимаетъ, и на вопросъ: что скажете? получаетъ въ отвѣтъ: имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что вызванный въ Петербургъ по Высочайшему повелѣнію, я имѣлъ счастье представиться Его Величеству, и Государю угодно было мнѣ объявить о моемъ назначеніи Петербургскимъ градоначальникомъ и приказать о томъ увѣдомить ваше сіятельство.

Легко себѣ представить, съ какимъ выраженіемъ лица и съ какимъ впечатлѣніемъ графъ Лорисъ-Меликовъ,—послѣ 2 лѣтъ ничѣмъ неограниченнаго всемогущества,—принялъ этотъ рапортъ своего подчиненнаго, въ подробностяхъ котораго такъ почувствовалось паденіе съ горной высоты... Пришлось смириться.

Впрочемъ надо сказать, что такимъ чувствительнымъ для своего самолюбія уколомъ графъ Лорисъ-Меликовъ обязанъ болѣе всего самому себѣ, а именно тому непостижимому легкомыслію, съ которымъ послѣ 1 марта онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ держать во главѣ петербургской полиціи такого поразительно неспособнаго человѣка, какимъ былъ генералъ Федоровъ. Пойми это графъ Лорисъ-Меликовъ немедленно и смѣни онъ Федорова на другой день новаго царствованія, вѣроятно Государь при докладѣ о томъ графа Лорисъ-Меликова, указалъ бы ему на того же Баранова, и назначеніе его состоялось нормальнымъ путемъ ,ничѣмъ не задѣвая самолюбія министра внутреннихъ дѣлъ.

Назначеніе Баранова было дѣломъ личнаго выбора новаго Государя .Еще съ шестидесятыхъ годахъ, бывши Цесаревичемъ, онъ съ нимъ познакомился благо-

даря рекомендаціи адъютанта Цесаревича П. А. Козлова, по вопросу о новыхъ ружьяхъ, и такъ какъ Барановъ былъ безспорно не только умный человѣкъ, но человѣкъ съ дарованіями, съ изумительнымъ умѣніемъ сразу завладѣвать сперва вниманіемъ, а потомъ довѣріемъ къ себѣ, и съ характеромъ откровенности въ своей рѣчи и съ горячимъ участіемъ ко всякому дѣлу, за которое онъ принимался, то весьма естественно онъ пріобрѣлъ постепенно довѣріе Цесаревича въ молодые годы, когда онъ любилъ знакомиться съ людьми внѣ придворныхъ сферъ. Въ тѣ времена и я познакомился съ Н. М. Барановымъ, но долженъ признаться, что послѣ первыхъ впечатлѣній, которыми онъ меня очаровалъ своими рѣчами, дышавшими жаждою борьбы за правду и добро и проявленіями какой-то особенной заботливости, похожей на вкрадчивость—быть любезнымъ со мною и подчеркивать эту любезность, я понемногу сталъ къ нему охлаждаться психическимъ чутьемъ, ибо уже тогда невольно колебался въ своемъ довѣріи къ тѣмъ, которые при каждомъ словѣ говорили о своей честности, о своей преданности, словомъ обо всемъ, что цѣнятъ въ человѣкѣ, когда видишь сіе въ его дѣйствіяхъ, но не слышишь объ этомъ на словахъ. Какъ-бы то ни было, но въ молодомъ Цесаревичѣ сердце уже съ ранней юности лежало къ морякамъ, а Барановъ былъ морякъ и Барановское ружье стало интереснымъ предметомъ въ военномъ мірѣ, и такъ какъ Цесаревичъ принялъ это ружье подъ свое покровительство, то частныя сношенія съ Барановымъ приблизили его настолько къ Цесаревичу, что онъ навсегда остался въ его памяти въ благопріятномъ освѣщеніи. Этимъ и объясняется, почему столь естественно, когда

понадобился болѣе энергичный и болѣе умный градоначальникъ въ Петербургѣ, выборъ Цесаревича остановился на Н. М. Барановѣ.

Но паденіе духа въ графѣ Лорисъ-Меликовѣ длилось недолго. Признавъ въ назначеніи Баранова, при вышеописанныхъ условіяхъ, проявленіе къ себѣ недовѣрія, графъ Лорисъ-Меликовъ, послѣ совѣщанія съ своимъ другомъ А. А. Абазою, рѣшился сказать новому Государю, что отвѣтственность за 1 марта, его слишкомъ давитъ своимъ гнетомъ передъ лицомъ Государя, что недовѣріе къ нему новаго Государя неизбѣжно должно связаться съ тою отвѣтственностью, и что назначеніе Баранова является тому доказательствомъ, и что вслѣдствіе всего этого онъ считаетъ, что ему нужно уходить.

Было-ли это заявленіе, сдѣланное по совѣту такого дипломата, какимъ былъ А. А. Абаза, со стороны гр. Лорисъ-Меликова искреннимъ, или было оно расчитано, какъ попытка удержаться на посту, на милость и душевныя свойства новаго Государя, высоко благородныя и глубоко деликатныя, благодаря которымъ ближайшій слуга Александра II, могъ надѣяться, что, отдавая себя въ руки сына его, какъ изнемогающаго подъ гнетомъ отвѣтственности за 1 марта, онъ найдетъ въ Немъ реакцію великодушія въ свою пользу,—сказать никто не могъ, но какъ оказалось, именно это прикрытое смиреніемъ и сокрушеніемъ о своей отвѣтственности за 1 марта, вызвало въ прекрасной душѣ новаго Государя ту реакцію въ пользу графа Лорисъ-Меликова, которая совсѣмъ неожиданно его снова не только окрылила спокойствіемъ за свое положеніе, но и усилила увѣренность въ своей

прочности. Можно было подумать, что у новаго Государя, въ отвѣтъ на минуту, когда графъ Лорисъ-Меликовъ отдавалъ въ руки Его не только свою отставку, но и свою судьбу, свои, такъ сказать страданія, въ Государѣ явилось желаніе ободрить и утѣшить стараго слугу Своего отца особеннымъ къ нему вниманіемъ, особенными знаками очевиднаго къ нему довѣрія.

Эти знаки довѣрія, которыми, съ обычною для его натуры легкомысленностью и развязностью, графъ Лорисъ-Меликовъ принялся немедленно, послѣ плачевныхъ причитаній о своей горькой долѣ, побѣдоносно хвастаться, явились немедленно послѣ непринятой Государемъ отставки гр. Лориса-Меликова.

Первымъ знакомъ этого довѣрія и первою побѣдою гр. Лориса-Меликова въ новое царствованіе, явилось назначеніе новаго министра народнаго просвѣщенія, на мѣсто подавшаго просьбу объ увольненіи Т. С. Сабурова. Кандидатомъ въ преемники ему самымъ вѣроятнымъ считался тогда И. Д. Деляновъ, но гр. Лорисъ-Меликовъ, извѣстный врагъ Делянова, по своимъ кавказскимъ воспоминаніямъ, остановился на баронѣ Николаи, игравшемъ видную роль при намѣстникѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, умномъ и энергичномъ человѣкѣ, и предложилъ его Государю... Государь отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ предложенію гр. Лорисъ-Меликова, и баронъ Николаи былъ назначенъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Но еще болѣе крупнымъ признакомъ упроченія графа Лорисъ-Меликова въ своемъ прежнемъ положеніи, явилось объявленное ему Государемъ согласіе, вернуться къ прерванному 1 мартомъ, въ своемъ ходѣ

проекту гр. Лориса-Меликова, о призывѣ земскихъ уполномоченныхъ для участія въ совѣщаніяхъ по законодательнымъ работамъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Вслѣдствіе этого у Государя собрано было совѣщаніе министровъ подъ его предсѣдательствомъ, на которомъ былъ прочтенъ проектъ гр. Лорисъ-Меликова. Проектъ этотъ, послѣ его прочтенія, вызвалъ пренія. Главнымъ аппонентомъ гр. Лорису-Меликову явился старикъ графъ С. Строгановъ; послѣ него и вдохновенный имъ произнесъ сильную и умную рѣчь противъ проекта тогдашній министръ почтъ и иностранныхъ исповѣданій Л. С. Маковъ.

И вотъ, это-то обстоятельство вызвало въ графѣ Лорисъ-Меликовѣ мщеніе, успѣхъ котораго самымъ рѣшительнымъ образомъ доказалъ его всемогущество. Ровно черезъ 4 дня послѣ этого совѣщанія, на которомъ Маковъ осмѣлился выступить противъ гр. Лорисъ-Меликова и его проекта, онъ былъ уволенъ отъ своей министерской службы. Графъ Лорисъ-Меликовъ, не скрывая своихъ торжествующихъ впечатлѣній и ободренный ими, сталъ готовиться къ дальнѣйшему шествію впередъ, хотя на совѣщаніи, послужившемъ причиною удаленія Макова, никакого рѣшенія окончательнаго принято не было.

IV.

(1881 годъ).

Уходъ графа Лорисъ-Меликова.

Итакъ, графъ Лорисъ-Меликовъ представлялъ себя упроченнымъ на своемъ мѣстѣ, и какъ я сказалъ, дѣлился своими сладостными впечатлѣніями со всѣми. Мало того, ему улыбалось впереди осуществленіе имъ, вмѣстѣ съ А. А. Абазою, разработаннаго проекта, о которомъ говорили въ городѣ, — совѣта министровъ подъ его предсѣдательствомъ, въ которомъ ему должна была принадлежать власть перваго министра, то-есть докладчика по дѣламъ всѣхъ министерствъ.

Такъ длилось это состояніе до конца апрѣля.

Если не ошибаюсь, 1 мая, я выхожу изъ дому на улицу и въ ту минуту вижу—подъѣзжаетъ къ дому нынѣ покойный Б. М. Маркевичъ, съ ярко сіяющимъ лицомъ.

— Лорисъ уволенъ, поздравляю!—крикнулъ онъ сидя на своемъ извощикѣ.

Мы поцѣловались.

Что же произошло?

Что именно произошло, сказать въ точности не сумѣю и теперь послѣ 20 лѣтъ, истекшихъ съ того времени, такъ какъ ни тогда, ни послѣ не могъ отъ лицъ, игравшихъ роль въ совершившемся переворотѣ, узнать свѣдѣнія, точныя и полныя настолько, чтобы составить себѣ послѣдовательный разсказъ обо всемъ, что случилось.

На 28 апрѣля былъ назначенъ Государемъ майскій парадъ.

На 29 апрѣля графомъ Лорисъ-Меликовымъ, было назначено у него въ домѣ совѣщаніе всѣхъ министровъ для обсужденія вопроса о предстоящихъ реформахъ и, между прочимъ, о проектѣ созыва свѣдущихъ земскихъ выборныхъ для участія въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта.

29-го же апрѣля появился манифестъ объ утвержденіи самодержавія.

Такимъ образомъ 28, утромъ, графъ Лорисъ-Меликовъ еще ничего не зналъ о томъ, что случилось 29 апрѣля, и значитъ, онъ ничего не зналъ о томъ. что происходило 26 и 27 апрѣля въ Царскомъ Дворцѣ.

По одной версіи, въ эти знаменательные дни произошло слѣдующее: будто бы Катковъ, испуганный планами упрочившагося въ своемъ положеніи гр. Лорисъ-Меликова, пріѣхалъ въ Петербургъ и отправился къ К. П. Побѣдоносцеву, съ которымъ имѣлъ долгую бесѣду о политическомъ положеніи, и что затѣмъ К. П. Побѣдоносцевъ поѣхалъ будто бы къ Государю и имѣлъ съ Нимъ въ свою очередь долгую бесѣду, послѣ которой, убѣжденный сильными и ясными доводами своего вѣрнаго слуги. Государь рѣшилъ положить конецъ недоразумѣніямъ и смутамъ, водворявшимся повсюду

вслѣдствіе слуховъ о какихъ то новыхъ либеральныхъ замыслахъ гр. Лорисъ-Меликова.

Но эту версію сколько мнѣ извѣстно, опровергаетъ въ нѣкоторыхъ ея частяхъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ. По другой же версіи Государь сталъ получать отъ преданныхъ Ему лицъ письменныя заявленія, въ которыхъ ему съ полною откровенностью представляемы были возраженія противъ попытки либеральныхъ уступокъ гр. Лорисъ-Меликова и высказывалась потребность для успокоенія умовъ и возвращенія жизни къ порядку въ утвержденіи главнаго: Самодержавія. Въ числѣ этихъ писемъ было письмо Каткова. Вѣроятно допустить, что подъ вліяніемъ этихъ писемъ Государь много размышлялъ надъ тогдашнимъ положеніемъ Россіи, надъ минувшимъ царствованіемъ, надъ своими въ эту минуту обязанностями и съ своею чистою, какъ чистѣйшимъ кристаломъ душею, отдавалъ свои мысли на судъ своей высоко правдивой совѣсти и своей любви къ Россіи, и затѣмъ пришелъ къ рѣшенію. Когда это рѣшеніе въ немъ состоялось, онъ пригласилъ къ себѣ К. П. Побѣдоносцева и бесѣдовавъ съ нимъ, поручилъ ему написать манифестъ для объявленія всѣму своему народу своего рѣшенія. Все это произошло 25 или 26 апрѣля. Манифестъ былъ написанъ, одобренъ Государемъ, подписанъ и затѣмъ посланъ 27 апрѣля министру юстиціи Набокову для напечатанія въ сенатской типографіи.

Какъ я сказалъ, объ этомъ не знали ни графъ Лорисъ-Меликовъ, никто другой въ городѣ,—еще на канунѣ появленія манифеста. Узналъ же онъ объ этомъ, 28 утромъ самымъ неожиданнымъ для себя образомъ. Пригласивъ къ себѣ В. К. Плеве, графъ Лорисъ-

Меликовъ далъ ему порученіе съѣздить къ министру юстиціи Набокову по дѣлу и, между прочимъ, напомнить ему о вечернемъ у него засѣданіи совѣта министровъ, причемъ графъ Лорисъ-Меликовъ былъ веселъ и бодръ, какъ никогда. Плеве отправился къ министру юстиціи и засталъ его за чтеніемъ корректуры манифеста. Министръ юстиціи прочиталъ ему текстъ манифеста по корректурному оттиску и поручилъ передать графу Лорису его содержаніе.

Минута была историческая. Надо думать, что слушая этотъ манифестъ изъ устъ министра юстиціи и получая порученіе передать, содержаніе его—кому-же? графу Лорисъ-Меликову—еще считавшемуся первымъ министромъ,—посланецъ графа Лорисъ-Меликова понялъ сразу, что великій властитель палъ, ибо если онъ бы не палъ, то, вѣроятно министръ юстиціи не этотъ избралъ бы путь, чтобы увѣдомить графа Лорисъ-Меликова о манифестѣ, а поѣхалъ бы къ нему самому. Какъ бы то ни было, но директору департамента полиціи Плеве пришлось твердо врѣзать въ память главныя мѣста ему прочитаннаго манифеста и пріѣхать къ гр. Лорисъ-Меликову въ настроеніи со всѣмъ иномъ чѣмъ то, съ которымъ онъ отъ него выѣхалъ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ встрѣтилъ добрымъ и веселымъ.

— Ну, что?—спросилъ его графъ.

— Прежде всего я долженъ доложить вашему сіятельству о важномъ событіи.

Вѣроятно лицо директора было настолько серьезно, что графъ Лорисъ-Меликовъ вопросъ: что такое?—задалъ ему уже съ внезапно измѣнившимся лицомъ.

Директоръ департамента передалъ ему содержаніе манифеста и вѣсть, что завтра онъ объявится.

Графъ Лорисъ-Меликовъ слушалъ этотъ роковой докладъ стоя къ концу его, когда изъ устъ докладчика прозвучали главныя слова манифеста объ утвержденіи самодержавія, гр. Лорисъ-Меликовъ опустился на стулъ, предъ которымъ стоялъ, и погрузился въ глубокое раздумье.

Потомъ легенда говоритъ, что послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія графъ всталъ, и у него вырвались слова: они Его погубятъ. Слова эти были историческою минутою и доказывали насколько съ одной стороны былъ далекъ отъ пониманія государственной жизненной правды умный кавказскій генералъ, попавшій въ диктаторы Россіи, и насколько въ то же время онъ былъ искрененъ въ своемъ заблужденіи. Въ этомъ искреннемъ заблужденіи онъ помнилъ только свои разыгравшіеся въ немъ либеральныя мечтанія, но говоря: «они его погубятъ» утвержденіемъ самодержавія, онъ совсѣмъ забывалъ, что 1 марта было ужаснымъ эпилогомъ того ряда либеральныхъ уступокъ, которыя ослабляя Самодержавіе, усиливали и расширяли только область безбрежныхъ стремленій его враговъ...

Но все же вечеромъ этого дня состоялось заранѣе устроенное засѣданіе у графа Лорисъ-Меликова. Всѣ министры съѣхались, и по лицу хозяина дома, и по лицамъ собравшихся министровъ видно было, что вѣсть о манифестѣ завтрашняго дня была уже узнана.

На этомъ засѣданіи, какъ разсказывалъ мнѣ потомъ одинъ пріятель со словъ одного изъ участниковъ. совсѣмъ отдѣльную картину представлялъ собою

К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ былъ спокоенъ и ясенъ и представлялъ собою контрастъ съ лицами тѣхъ министровъ, которые группировались около графа Лорисъ-Меликова и лица которыхъ выражали весьма наглядно безпокойное состояніе. Само собою разумѣется, что засѣданіе длилось не долго, такъ какъ имѣвшее совершиться завтра государственное событіе дѣлало сомнительными и судьбу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію совѣщанія и прочность положенія его предсѣдателя. Я слышалъ потомъ, что на этомъ совѣщаніи три министра—военный гр. Милютинъ, внутреннихъ дѣлъ графъ Лорисъ и финансовъ Абаза,—согласились послѣ появленія манифеста подать прошенія объ увольненіи ихъ отъ должности.

На другой день появился манифестъ, онъ былъ замѣчателенъ своею силою, своею ясностью и своею краткостью. Дѣйствіе его было очень сильное.

Послѣ майскаго парада на завтракѣ у принца Ольденбурскаго, Государь былъ съ графомъ Лорисомъ очень любезенъ и внимателенъ.

V.

(1881 годъ).

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

Въ день майскаго парада, какъ разсказывали тогда, между тремя министрами: военнымъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, состоялось соглашеніе подать прошенія объ увольненіи отъ должности.

Дѣйствительно подали прошеніе двое: графъ Лорисъ-Меликовъ и А. А. Абаза. Графъ Милютинъ прошеніе не подавалъ.

Немедленно на прошеніе графа Лориса-Меликова послѣдовалъ отвѣтъ Государя. Въ немъ было сказано, что Государь понимаетъ затруднительное положеніе графа Лориса-Меликова и принимаетъ его отставку. Не взирая на полный спокойствія тонъ Царскаго отвѣта, графъ Лорисъ-Меликовъ немедленно послѣ полученія, вѣроятно подъ вліяніемъ слишкомъ личныхъ впечатлѣній, писалъ А. А. Абазѣ, что отставка его принята, и что въ отвѣтѣ сквозитъ раздраженіе. На это А. А. Абаза ему отвѣтилъ, что въ отвѣтѣ полученномъ имъ на его просьбу объ увольненіи не скво-

зитъ, а прямо выражено неудовольствіе. Въ этомъ отвѣтѣ было сказано, что Государь принимаетъ отставку министра финансовъ, но сожалѣетъ, что его министръ для подачи прошенія объ увольненіи избираетъ день утвержденія Самодержавія.

Такъ пала знаменитая диктатура сердца. Графъ Лорисъ-Меликовъ, распатанный въ своемъ здоровьѣ физически и потрясенный нравственно множествомъ пережитыхъ имъ, въ короткій срокъ времени, разнообразныхъ впечатлѣній, отошелъ совсѣмъ отъ государственной сцены и отправился за границу. Съ его уходомъ вдругъ кончился тотъ волшебный двухлѣтній сонъ, который умнаго, хорошаго и честнаго человѣка кавказскаго генерала, не знавшаго ни Россіи, ни государственной жизни, ни Петербурга, вынесъ на какую-то фантастическую высоту и подчинилъ ему всѣ судьбы Россіи.

Явился вопросъ объ его преемникѣ. Въ первую минуту новой наставшей для него эпохи, графъ Лорисъ, какъ я говорилъ выше, ни малѣйшимъ образомъ не сомнѣвался въ томъ, что его преемникомъ долженъ быть его товарищъ д. т. с. Кохановъ и каждому, кто его спрашивалъ объ его преемникѣ, онъ отвѣчалъ: кто? разумѣется, никто другой, какъ Михаилъ Семеновичъ. Его же онъ, какъ говорили, рекомендовалъ Государю. Но Государь объ Кохановѣ, какъ оказалось, не думалъ. Его выборъ остановился на генералъ-адъютантѣ графѣ Николаѣ Павловичѣ Игнатьевѣ, главномъ дѣятелѣ при заключеніи Санъ-Стефанскаго мира съ Турціею. Былъ-ли этотъ выборъ кѣмъ либо подсказанъ, тогда не знали, но помню, что когда, въ день появленія указа объ его назначеніи, я встрѣ-

тилъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ въ одной частной гостиной, я его нашелъ хотя и сіяющимъ и бодрымъ, но очень озабоченнымъ вдругъ на него свалившеюся трудною задачею.

Дѣйствительно, задача предстояла ему трудная.

Графъ Н. П. Игнатьевъ былъ очень извѣстнымъ и въ нѣкоторыхъ сферахъ русской образованной жизни популярнымъ человѣкомъ, способности и дарованія его были несомнѣнны, но вся его политическая жизнь, главнымъ образомъ, была дипломатическая, а съ внутреннею жизнью Россіи онъ былъ знакомъ только, какъ крупный помѣщикъ, наѣзжавшій въ свои имѣнія жить по нѣсколько мѣсяцевъ. Собственно съ механизмомъ государственнаго управленія онъ былъ такъ-же мало знакомъ, какъ его предшественникъ и еще меньше зналъ личный составъ государственнаго люда. Но назначеніе его было принято симпатично... Его близкія связи и симпатія къ славянскому міру, его роль сполна, такъ сказать, славянофильскаго направленія сближавшая его съ Москвою, гдѣ это направленіе имѣло свои гнѣзда и такихъ яркихъ людей, какъ Аксаковъ, все это вмѣстѣ придавало ему ореолъ не только славянофила, но представителя русской политики, и именно, этимъ послѣднимъ соображеніемъ объяснялся выборъ Государя, которому молва приписывала стремленіе къ народной русской политикѣ.

Это послѣднее обстоятельство, то есть тѣсныя связи духовнаго міра новаго министра внутреннихъ дѣлъ, съ духовнымъ міромъ московско-славянскаго, такъ сказать, лагеря или теченія имѣло весьма важное и даже рѣшающее вліяніе на судьбу новаго хозяина внутренней политики.

Чтобы это понять, надо припомнить, что графъ Игнатьевъ своимъ внутреннимъ міромъ, благодаря своему прошлому, былъ гораздо ближе къ той безбрежной и неопредѣленной области мечтаній и стремленій народно-славянскихъ, коихъ, напримѣръ, Аксаковъ былъ столь симпатичный и высокочтимый, но совсѣмъ не практичный мечтатель и поклонникъ, чѣмъ къ области той государственной прозы, которая передъ нимъ стояла въ видѣ сложныхъ и неотложныхъ задачъ водворенія порядка требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, а тѣмъ паче, чѣмъ къ Петербургскому чиновнику.

Очень можетъ быть, что если немедленно по вступленіи въ должность министра внутреннихъ дѣлъ преемника Александра II, тонкій умомъ и способный государственный человѣкъ, обладавшій даромъ привѣтливымъ обращеніемъ къ себѣ располагать людей сразу, онъ себя совсѣмъ выдѣлилъ изъ прежняго духовнаго міра его стремленій и симпатій, и сразу поставилъ передъ громаднымъ реальнымъ міромъ государственныхъ нуждъ внутренней политики, съ людьми, между которыми были и даровитые и способные понять потребу, наступившей политической минуты, графъ Игнатьевъ со своими способностями могъ-бы стать во главѣ энергичной политики упорядоченія всего строя государственной жизни, твердыми и положительными мѣропріятіями и безъ всякихъ уклоненій и увлеченій, шагъ за шагомъ привести въ равновѣсіе и въ порядокъ весь ея механизмъ.

Но случилось иное.

Мѣсяца два спустя послѣ его назначенія, мнѣ пришлось случайно познакомиться съ маленькою по раз-

мѣрамъ и по личному составу, но характерной по свойству дѣйствовавшихъ лицъ, сферою, окружавшею новаго министра внутреннихъ дѣлъ, и я вернулся домой подъ впечатлѣніемъ какихъ-то странныхъ ощущеній и воспоминаній отъ свиданія съ людьми, которые, не взирая на свои симпатичныя личныя свойства, не могли помѣшать мнѣ удивиться отсутствію въ нихъ не только опредѣленнаго взгляда на главныя задачи ихъ начальника, но даже дѣлового, такъ сказать, обращенія съ вопросами служебнаго обихода.

Мнѣ показалось, что судьба меня перекинула въ какой-нибудь уютный и привѣтливый домикъ особнякъ московскаго бульвара, и что я чувствую въ бесѣдѣ съ милыми и любезными руссофилами, разговаривающими о томъ, о чемъ имъ мечталось на сладостномъ досугѣ бездѣлія и что бумаги, разбросанныя по столамъ, играли роль созвучія народо-любивыхъ симфоній... Эти лица съ шевелюрами, презиравшими роскошь туалета, эти бороды au naturel, эти пиджаки, смѣнившіе стиль вицъ-мундира, эти звучавшія въ разговорѣ нотки недовѣрія и пренебреженія къ реальнымъ задачамъ государственнаго дѣлового механизма, — все это вмѣстѣ, какъ эмблемы рѣзкаго разлада съ временемъ требовавшимъ всеобщей подтяжки я привезъ съ собою въ уединеніе, какъ цѣлый калейдоскопъ совсѣмъ неожиданныхъ и странныхъ видѣній и когда рядомъ съ этимъ я припоминалъ въ томъ же домѣ видѣнную мною фигуру директора департамента государственной полиціи Плеве, не взирая на сравнительную молодость, въ вицъ-мундирѣ изображавшаго собою серьезно погруженнаго въ раздумье надъ дѣлами, умнаго, спокойнаго и ободряющаго своимъ видомъ государствен-

наго человѣка, говорящаго о томъ, что знаетъ и знающаго чего онъ хочетъ, и сравнилъ его невольно съ этими милыми любителями дѣлового чиновнаго дѣла, плывущими по волнамъ своего безбрежнаго моря мечтаній, чистыхъ, честныхъ, идеальныхъ, это правда, но совсѣмъ не на почвѣ дѣла,—я невольно почувствовалъ, что поѣздъ русской жизни еще на рельсы не возвращенъ.

Одна фраза у меня осталась и жужжала въ ушахъ, производя непріятныя нервныя ощущенія. На мой вопросъ: отчего вы не издаете дышащіе твердостью циркуляры, одинъ изъ мечтателей въ пиджакѣ мнѣ отвѣтилъ: трудно, надо согласовать идеальное стремленіе народнаго духа съ требованіями департаментскаго механизма.

Я понялъ звукъ, но не могъ понять смысла этого отвѣта. И это-то меня стало мучить досадою, ибо я такъ искренно желалъ графу Игнатьеву успѣха и добра.

VI.

1881 годъ.

Графъ Игнатьевъ.

Первые мѣсяцы послѣ назначенія новаго министра внутреннихъ дѣлъ, все шло тихо и жизнь начала входить въ свои берега. Наступленіе лѣта тому способствовало отчасти, а главнымъ образомъ, тому способствовало наступившее состояніе реакціи, какъ неизбѣжное послѣдствіе 1 марта, и затѣмъ появленіе 29 апрѣля второго манифеста новаго Государя. Чувствовалось, что у всѣхъ сдались нервы, многіе почувствовали истому и умы, находившіеся до 1 марта въ какомъ то тупомъ оцѣпѣненіи, начали пробуждаться въ проявленіяхъ самостоятельной работы—обдумываніи событій въ связи съ увлеченіями прошлаго.

Еще въ молодые годы засѣла во мнѣ мысль слышанная мною отъ умныхъ людей не разъ, что удѣлъ Россіи учиться и расти отъ бѣды до бѣды. Въ то время всѣ ссылались на неудачи нашей крымской компаніи и признавали ихъ главною причиною того сильнаго движенія къ обновленію Россіи, которое проя-

вилось съ самого начала царствованія преемника Николая I. Пережили мы его славу, пережили и его невзгоды, пережили и его великія дѣла, пережили и его ошибки, и вотъ когда разразился надъ Россіею ужасъ 1 марта, нельзя было не припомнить мысли объ участи Россіи учиться бѣдами разуму, и нельзя было не замѣтить, что дѣйствительно это такъ на самомъ дѣлѣ, и многіе въ этомъ бѣдствіи почерпнули урокъ, надъ которымъ добросовѣстно призадумались.

Сильнѣе всего подѣйствовало на многіе умы то, что произошло немедленно послѣ 1 марта, то есть совершенно противоположенное тому, что ожидали преступные безумцы, рѣшившіеся на злодѣянія и извѣстная часть общества: ожидали огромныхъ народныхъ безпорядковъ, которыхъ исходъ напряженнымъ нервамъ и увлеченнымъ до ослѣпленія умамъ представлялся настолько неизвѣстнымъ, что могъ вызвать предвидѣнье самыхъ коренныхъ переворотовъ въ русской государственной жизни. Могли быть расчеты, основанные на дѣйствіи испуга и ужаса, расчеты на днѣ которыхъ таились смутныя ожиданія измѣненія, на примѣръ, образа правленія и т. п. Но послѣ перваго сильнаго удара, по нервамъ нанесеннаго 1-мъ мартомъ, вторымъ сильнымъ ударомъ было, какъ я сказалъ, въ полную противоположенность ожиданіямъ,—отсутствіе всякаго малѣйшаго даже безпорядка въ жизни, какъ въ самый день ужаснаго событія, такъ и послѣ. Всѣ сразу должны были понять, что удавшееся гнуснѣйшее изъ преступленій было безцѣльно и ничего кромѣ омерзѣнія не произвело. Это всѣми воспринятое откровеніе, этотъ отвѣтъ жизни на безуміе революціонныхъ мечтаній многихъ образумилъ настолько, что,

именно, этимъ слѣдуетъ объяснить не только тотъ фактъ, что мудро задуманный манифестъ 29 апрѣля палъ на отзывчивую почву, но и тотъ еще болѣе важный историческій фактъ, что царствованіе Александра III получало для своего дальнѣйшаго успѣха большую силу подмоги, и сразу въ настроеніи умовъ получило попутный вѣтеръ...

Первое марта одновременно уменьшило количество равнодушныхъ къ политикѣ и количество увлеченныхъ либеральными доктринами и утопіями, а рядомъ съ этимъ оно значительно увеличило комплектъ разочарованныхъ и утомившихся людей. Этимъ не сомнѣннымъ фактомъ слѣдуетъ объяснить, что расчетъ, основанный на призывѣ къ порядку и къ успокоенію, нашелъ съ первой минуты новаго царствованіи гораздо больше сочувствія, чѣмъ политика либеральнаго фанатизма тѣхъ отдѣльныхъ либеральныхъ круговъ, которыхъ не только 1 марта не отрезвило, но напротивъ, подстрекнуло, такъ сказать, признать убѣдительнымъ въ пользу неотложной необходимости либеральныхъ органическихъ государственныхъ реформъ.

Ошибочно было бы думать, что эта политическая партія съ лозунгомъ «конституція» у насъ тогда была слаба и въ ту историческую минуту. Она была значительно поубавлена количествомъ приверженцевъ, это несомнѣнно, но силою умственною она была далеко не слаба.

Стоитъ только припомнить тѣ подробности, которыя я передавалъ въ предыдущихъ главахъ о политическомъ настроеніи въ которомъ совершенно добросовѣстно пребывалъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и благодаря которому, пока вокругъ него широко раскидывался и въ Петербургѣ и въ Россіи ла-

герь разочарованныхъ и истомленныхъ жаждавшихъ покоя, онъ самымъ искреннимъ образомъ признавалъ единственнымъ якоремъ спасенія и Престола и Россіи путь, идущій къ конституціи. Это убѣжденіе было въ немъ почти фанатическое, доказательствомъ чего служитъ тотъ знаменитый голосъ изъ глубины души: «они Его убьютъ», которымъ отвѣтилъ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ минуту когда онъ узналъ, что вмѣсто пути къ конституціи—появился манифестъ 29 апрѣля объ утвержденіи Самодержавія. Этотъ крикъ былъ ни комедія, ни поза: это былъ отзвукъ искренняго и фанатическаго убѣжденія, которое, очевидно, графъ Лорисъ-Меликовъ не сочинилъ собственнымъ умомъ, а получилъ отъ кружка окружавшихъ его и вліявшихъ на него государственныхъ лицъ съ одной стороны, и изъ либеральнаго духа тѣхъ органовъ печати, которые графъ Лорисъ тоже совершенно искренне принималъ за голосъ русскаго общественнаго мнѣнія.

Графъ Лорисъ-Меликовъ тихо, спокойно съ замѣчательнымъ тактомъ и деликатностью по отношенію къ новому Государю, отошелъ отъ государственной сцены, но политическіе кружки съ умомъ двигаемымъ исключительно въ либерально прогрессивной атмосферѣ, остались, и слѣдовательно дѣйствіе ихъ на жизнь хотя значительно съуженое въ своемъ районѣ и въ своей интенсивности, продолжалось.

Какъ я выше говорилъ, когда графъ Н. П. Игнатьевъ очутился на трудномъ посту преемника графа Лорисъ-Меликова, онъ при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, при несомнѣнномъ умѣ и при умѣніи нравиться, имѣлъ Ахиллесову пяту: это малое знакомство съ внутреннею государственною жизнью, вслѣдствіе чего онъ невольно

подобно графу Лорису-Меликову, легче воспринималъ вліяніе окружавшихъ его людей, чѣмъ отдаленныхъ отзвуковъ нуждъ русской государственной жизни.

Это далеко не фраза.

Уже въ началѣ его дѣятельности, въ минуты, такъ сказать, приступа къ ней, собесѣдникъ графа Игнатьева, радовавшійся его назначенію подступалъ къ нему съ чувствомъ и сознаніемъ, что, внимая голосу русской народной жизни, этотъ вполнѣ русскій государственный человѣкъ, не мудрствуя лукаво, примется за самое нужное— за приведеніе въ порядокъ и умовъ и государственнаго механизма, имѣя для этой работы благодарную почву въ огромномъ большинствѣ умовъ, охладѣвшихъ къ либеральнымъ увлеченіямъ и жаждущихъ успокоенія, и паче всего въ спокойномъ и твердомъ настроеніи новаго Государя.

Но слышать явственно голосъ народной жизни въ Петербургѣ, очень не легко посреди всевозможныхъ жужжаній политическихъ мірковъ—человѣку, не глубоко знакомому съ внутреннимъ міромъ русской жизни: въ этомъ не на минуту не прерывающемся жужжаніи онъ часто совсѣмъ заглушается.

Этимъ объяснялось, что собесѣдникъ, подходившій къ графу Игнатьеву, въ увѣренности найти въ немъ полный ладъ съ своимъ настроеніемъ, замѣчалъ, что графъ скорѣе снисходительно, скорѣе разсѣянно, чѣмъ внимательно прислушивался къ голосу, ничего не признававшему нужнымъ, кромѣ твердаго управленія, и недовѣрчиво относившемуся ко всякой новинкѣ и приходилъ къ догадкѣ, что у новаго министра въ головѣ мысли работаютъ надъ исканіемъ чего-то иного, чѣмъ осуществленіе простой задачи твердаго успокоенія.

Есть люди, которые поставленные у власти не испытываютъ потребности, что-либо творить собственною иниціативою творчества, чѣмъ-нибудь себя проявлять новымъ, произвести эффектъ, какъ есть люди, наоборотъ, любящіе этотъ эффектъ и эту иниціативу творчества. Графъ Н. П. Игнатьевъ со своею подвижною, живою, даровитою и воспріимчивою натурою, принадлежалъ ко второй категоріи лицъ. Задачи только твердо управлять, только упорядочить внутреннюю жизнь могли очень естественно неудовлетворить его жажды дѣятельности, и миражъ чего-либо новаго могъ его прельщать.

VII.

(1881 годъ).

Нежданное.

Это было лѣтомъ 1881 года.

Я поѣхалъ вечеромъ навѣстить министра внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева. Онъ жилъ на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Какъ всегда, засталъ въ гостиной любезной хозяйки нѣсколько гостей. Послѣ чая, графъ Игнатьевъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ садъ. Тутъ онъ мнѣ сообщилъ нѣчто совсѣмъ неожиданное. Это неожиданное было имъ высказанное мнѣ желаніе, чтобы я въ слѣдующемъ номерѣ «Гражданина» помѣстилъ статью о земскомъ соборѣ.

Я совсѣмъ опѣшилъ.

— О соборѣ?—повторилъ я.

— Да, да, о земскомъ соборѣ, который, вѣроятно состоится если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году.

— Но вѣдь намъ нельзя писать ни о какомъ соборѣ.

— Я знаю; но если я вамъ говорю, это значитъ, что писать можно.

— Но вы отъ кого-же это говорите: отъ себя или отъ кого-нибудь выше васъ?

— Я имѣю уполномочіе свыше вамъ высказывать это желаніе,—отвѣтилъ графъ.

— Но, о какомъ-же соборѣ идетъ рѣчь?

— О земскомъ соборѣ вообще...

— Я понимаю; но какія же будутъ условія его обстановки, какія причины къ его созыву, о чемъ будетъ на соборѣ рѣчь?

— Пока детали еще не опредѣлены; я только желалъ бы, чтобы вы пустили мысль о соборѣ, не входя ни въ какія подробности...

Вотъ такъ фунтъ,—подумалъ я, когда прекратилась наша прогулка въ теплый лѣтній вечеръ по саду. — Не было печали—черти накачали,—говорилъ я себѣ, входя въ гостиную, гдѣ около привѣтливой хозяйки велась мирная и простая бесѣда, гдѣ такъ же было спокойно, какъ было въ то время спокойно во всей Россіи, и гдѣ мысль о соборѣ была для всѣхъ такъ-же далека, какъ мысль о революціи...

Нечего было дѣлать. Съ мыслью о соборѣ, какъ съ вбитымъ въ голову коломъ, вернулся я домой и принялся писать передовую статью о соборѣ.

Помню, что никогда, ни прежде, ни послѣ, не находился умственно и нравственно въ такомъ странномъ состояніи, обдумывая статью, какъ въ тѣ минуты, когда я писалъ статью о соборѣ. Я всегда писалъ статью или подъ вліяніемъ охватывавшаго душу чувства, или для того, чтобы высказать по вопросу свое убѣжденіе, или для того, чтобы съ кѣмъ-либо вступить объ интересовавшемъ меня вопросѣ въ споръ. Впервые мнѣ пришлось писать что-то серьезное,

во-первыхъ, для меня совсѣмъ не ясное, во-вторыхъ, мнѣ совсѣмъ не симпатичное, и въ третьихъ, съ моимъ политическимъ міровоззрѣніемъ совсѣмъ не согласное. Мысль складывалась какъ-то несвязно, а душевное состояніе было тяжело, потому что я никакъ не могъ себѣ уяснить, какимъ образомъ писать о соборѣ приходится во исполненіе желанія, исходившаго свыше.

Однако написалъ и пустилъ въ печать.

Утромъ, когда вышелъ номеръ, въ одиннадцатомъ часу утра, получаю записку отъ К. П. Побѣдоносцева, краткую, но за то убійственную, съ словами: что вы, съ ума, что-ли, сошли, съ вашею статьею о соборѣ! Я полетѣлъ къ нему и разсказалъ, въ чемъ была тайна этой статьи. На это получилъ отъ него категорическое завѣреніе, что ни о какомъ соборѣ на верхахъ не помышляютъ.

Положеніе мое стало глупѣйшее.

Я бросился разузновать и разгадывать эту загадку. Оказалось, что тутъ было крупное недоразумѣніе. Оно заключалось въ томъ, что оба лица, между которыми я очутился, какъ между Харибдою и Сциллою, были и правы и неправы. Гр. Игнатьевъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что онъ докладывалъ покойному Государю мысль о соборѣ и, не встрѣтивъ въ немъ никакого отпора, принялъ вниманіе, съ какимъ Государь слушалъ объ этомъ рѣчь своего министра, ничего не возражая, какъ бы за сочувствіе самой мысли. Второй, то-есть К. П. Побѣдоносцевъ, повидимому, въ то время не былъ посвященъ въ тайны этого вопроса, или же, наоборотъ, посвященъ былъ въ тайны его больше графа Игнатьева, въ томъ смыслѣ, что онъ или слышалъ

отъ Государя мнѣніе насчетъ этого проекта собора, или самъ высказался въ видѣ энергическаго возраженія, и такъ или иначе вопросъ предназначенъ былъ заглохнуть.

Но, онъ не заглохъ въ канцелярской лабораторіи министра внутреннихъ дѣлъ, а, напротивъ, разрабатывался очень усердно такими любителями фантастическихъ работъ, какими были его начальникъ канцеляріи Воейковъ и московскій тогдашній ораторъ, поступившій къ гр. Игнатьеву на службу, Голохвастовъ. При этомъ очень курьезно было различіе въ пониманіи цѣли собора. Одинъ говорилъ, что онъ нуженъ былъ, какъ волшебное средство успокоить смуту; другой говорилъ, что соборъ нуженъ для утвержденія Самодержавія; третій говорилъ, что соборъ нуженъ, какъ красивая декорація для коронаціи. Но, не менѣе курьезно было то, что когда мнѣ приходилось къ этимъ таинственнымъ строителямъ будущаго собора обращаться съ вопросомъ: да кто же будетъ составлять соборъ?—то я получалъ въ отвѣтъ такую фразу: это подробность, мы еще ею не занимались. А для характеристики отсутствія серьезности взгляда на эту затѣю, я не могу не привести воспоминаніе слѣдующихъ словъ, однимъ изъ главныхъ соборомечтателей сказанныхъ въ разговорѣ о томъ, кто будетъ составлять соборъ: въ крайнемъ случаѣ, сказалъ онъ, мы можемъ изъ дворниковъ составить народъ, какъ членовъ собора.

Но всего замѣчательнѣе, какъ легкомысліе въ обращеніи съ государственными вопросами, столь свойственное нашему государственному люду, было именно незнаніе цѣли, для которой признавался нужнымъ соборъ. Когда говорилось объ утвержденіи Самодержа-

вія, какъ о цѣли собора, то зачинщикамъ этой затѣи основательно возражали, что печальное событіе 1 марта и затѣмъ апрѣльскій манифестъ Государя сдѣлали ненужнымъ своими впечатлѣніями утвержденіе Самодержавія; когда они говорили о соборѣ, какъ о средствѣ побороть смуту, имъ основательно возражали, что смута прекратилась, и что соборъ можетъ имѣть послѣдствіемъ ея пробужденіе: но всѣ эти возраженія не убѣждали мечтателей собора.

Но вотъ, что было характерно. Апрѣльскій манифестъ и потрясеніе отъ 1 марта такъ сильно и глубоко всѣхъ приблизили къ престолу въ жаждѣ успокоенія и твердой власти, что соборъ, какъ мысль, дальше канцеляріи министра и нѣсколькихъ салоновъ не шелъ, никуда не проникалъ и ничей не нарушалъ покой, никого не обольщалъ и никого не возбуждалъ. Онъ уже былъ мертвымъ въ первой стадіи своего зачатія.

VIII.

(1881—1882 годы).

Министерская кухня.

Любопытно было, что послѣ эпизода съ моею статьею о соборѣ въ «Гражданинѣ», написанною по внушенію гр. Игнатьева, онъ, при свиданіяхъ, ни звукомъ не обмолвился о немъ, точно никогда между нами объ этомъ не было разговора.

Тѣмъ не менѣе, въ политической болтовнѣ при дворѣ графа Игнатьева,—а ея было немало въ то время,—и въ петербургскихъ салонахъ толки о соборѣ упорно поддерживались. Объ этомъ дворѣ, графа Игнатьева, я уже говорилъ: его характерною чертою была особенная нервозность. Входя въ его атмосферу, вы сразу ощущали, что вошли въ какой-то міръ не дѣловой, а фантастической работы, гдѣ каждый устремлялся въ область народно-либеральныхъ проектовъ, передъ которыми хлѣбъ насущный, то-есть реальная проза управленія, въ смыслѣ удовлетворенія жизненныхъ нуждъ и возстановленія порядка, блѣднѣлъ и казался въ пренебреженіи. Самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, хотя былъ

темперамента спокойнаго и нервности своихъ ближайшихъ сотрудниковъ не проявлялъ, но зато, глядя со стороны, казалось, что его болѣе интересовалъ проливной дождь записокъ и проектовъ, на него изливавшійся, чѣмъ прозаическая работа надъ дѣлами вседневнаго обихода.

Что касается проекта собора, то, хотя, какъ я сказалъ, онъ продолжалъ кипѣть въ лабораторіяхъ министерской канцеляріи, но самъ графъ, какъ мнѣ казалось и на сколько я могъ судить по отзывамъ его приближенныхъ, относился къ нему довольно легкомысленно. Я получилъ это впечатлѣніе отъ переданнаго мнѣ однимъ изъ habitués игнатьевскаго салона отзыва гр. Игнатьева, который, въ разговорѣ о соборѣ, на возраженія, ему высказанныя собесѣдникомъ, отозвался будто бы такъ: да, но это нужно какъ coup de théâtre; мы наберемъ побольше москвичей, сварганимъ соборъ, а затѣмъ, чуть что, мы его разгонимъ. Сказалъ-ли это графъ Игнатьевъ, я не знаю, но то, что мнѣ приходилось слышать отъ него объ этомъ предметѣ въ болѣе общихъ и мягкихъ фразахъ, очень подходило, по легкомыслію въ обращеніи съ предметомъ, на приписанныя ему слова.

Послѣ переѣзда на зимнюю квартиру, въ домъ шефа жандармовъ на Фонтанкѣ, у графа Игнатьева начались вечерніе пріемы по воскресеньямъ. Графиня, умная и, когда того хотѣла, очень любезная хозяйка дома, сидѣла у самовара и бесѣдовала съ дамами, графъ же бесѣдовалъ съ мужчинами. Пріемъ этотъ былъ весьма хорошимъ нововведеніемъ въ мірѣ сановниковъ. Со временъ Валуева, у министра внутреннихъ дѣлъ не бывало пріемовъ вечернихъ, но у Валуева эти пріемы

были многолюдными раутами, на которыхъ мало-мальски серьезныя бесѣды были немыслимы; а у графа Игнатьева воскресный вечерній пріемъ былъ тѣмъ симпатиченъ, что на немъ никогда не было много пріѣзжихъ, и графъ-хозяинъ имѣлъ полную возможность бесѣдовать со своими гостями, что для провинціальныхъ гостей, какъ губернаторы и предводители, имѣло большую цѣну.

На одномъ изъ этихъ пріемовъ, я замѣтилъ стоявшаго у окна, между другими, статнаго мужчину, съ большими бакенбардами, статскаго, во фракѣ, но съ выправкою военнаго, и на вопросъ: кто это? — мнѣ сказали, что это екатеринославскій губернаторъ Дурново. А обратилъ я на него вниманіе потому, что онъ въ разговорѣ необыкновенно привѣтливо улыбался. Къ концу вечера онъ выразилъ желаніе со мною познакомиться, и съ этой минуты у насъ завязались отношенія многолѣтнія, порвавшіяся за нѣсколько лѣтъ до его смерти. Вскорѣ затѣмъ я узналъ, почему такъ была сіяюща улыбка на устахъ екатеринославскаго губернатора: оказалось, что ему графъ Игнатьевъ предложилъ постъ товарища министра.

Мы обмѣнялись визитами, и послѣ первой бесѣды съ этимъ новымъ сотрудникомъ графа Игнатьева я вынесъ самыя симпатичныя впечатлѣнія отъ его консервативныхъ убѣжденій и интенсивной любезности... Но оригинальнаго и самобытнаго, какъ, напримѣръ, въ Плеве, въ И. Н. Дурново я ничего не нашелъ.

Что же дѣлалось въ министерской кухнѣ?

Зимою оказалось, что въ этой кухнѣ застряпался еврейскій вопросъ; надо полагать, что, съ одной стороны, это была вѣрная оказія къ чему-либо реальному

примѣнить народный характеръ политическаго credo графа Игнатьева, а съ другой стороны, какъ помѣщикъ юго-западнаго края, графъ Игнатьевъ носилъ въ утробѣ своей сильную антипатію къ евреямъ; такъ или иначе, но первою крупною мѣрою, принятою графомъ Игнатьевымъ, былъ знаменитый законъ о воспрещеніи евреямъ селиться въ деревняхъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, который существуетъ доселѣ.

Я запомнилъ одинъ изъ моихъ разговоровъ, нѣсколько времени спустя послѣ его водворенія на новой должности, съ И. Н. Дурново по поводу политики графа Игнатьева и спеціально по поводу его idée fixe насчетъ собора. Я высказалъ ему мое недоумѣніе по поводу того, что политика графа Игнатьева, какъ будто вращается въ какихъ-то заоблачныхъ высотахъ и не только не входитъ въ область внутреннихъ вопросовъ жизни, но даже поверхностно ихъ не касается. А между тѣмъ, нужда не въ соборѣ, а въ упорядоченіи жизни на мѣстахъ, въ губерніяхъ, гдѣ благодаря графу Лорисъ-Меликову, царитъ полная распущенность, полное незнаніе губернаторами, на какой ногѣ плясать, и полное неудовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей мѣстной жизни. Мой собесѣдникъ далъ мнѣ отвѣтъ дипломатическій. Насчетъ собора онъ мнѣ сказалъ, что, по его догадкамъ, надо полагать, что никакого собора не будетъ, такъ какъ въ Гатчинѣ этой мысли не симпатизируютъ и о ней иначе не говорятъ, какъ о безразсудной затѣѣ; а что касается внутренней политики, то онъ думаетъ, что графъ ею займется, когда покончитъ съ другими вопросами.

— Да другихъ-то вопросовъ, кромѣ еврейскаго, я до сихъ поръ, не вижу; вѣдь графъ Лорисъ-Меликовъ

все и всѣхъ сбилъ съ толку, надо же возстановлять порядокъ.

— А вопросы политической охраны вы ни за что не считаете?—отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Надо сперва тутъ привести въ порядокъ.

Какъ-то разъ о томъ же заговорилъ я съ покойнымъ Воейковымъ, директоромъ канцеляріи министра.

— Э, батенька, да мы объ этомъ давно думаемъ: вотъ цѣлая кипа проектовъ о земской реформѣ. Земство надо приподнять, окрылить, изъ плѣненія вавилонскаго высвободить.

— Это потомъ,—прежде всего надо поставить твердо и опредѣленно губернаторскую власть: земство должно войти въ общую губернскую реформу.

— Нѣтъ, батенька, отъ того, что мы губернатору дадимъ больше власти, толку мало будетъ: наши губернаторы такіе, что, прибавь имъ власти, сейчасъ душить станутъ земство; а надо прежде устроить земство такъ, чтобы его не могли душить губернаторы.

IX.

(1881—1882 годы).

Новыя министры.

Странное было тогда время. Всѣ какъ будто ждали чего-то отъ графа Игнатьева, какъ преемника графа Лорисъ-Меликова, и похожи были на заключенныхъ сказки «Синяя борода», которые восклицали: Sœur, ma sœur Anne, ne vois tu rien venir, и ничего не видѣли на горизонтѣ ни яснаго, ни опредѣленнаго, а самъ графъ Игнатьевъ, съ неизмѣнно сладкою улыбкою на устахъ, какъ будто повторялъ всѣмъ слова одной французской пьесы, гдѣ антрепренеръ театра говорилъ своей публикѣ: vous allez voir ce que vous allez voir. Такъ тянулось всю зиму 1881—1882 года.

Знали только, что графъ Игнатьевъ, piquè par une mouche, какъ говорили тогда кумушки, заподозривъ недовѣріе къ себѣ Государя, призналъ нужнымъ написать ему письмо, заключавшее въ себѣ просьбу объ его увольненіи, и что на это письмо Государь ему отвѣтилъ, что онъ не находитъ поводомъ отнимать у него данное довѣріе, и къ этому заявленію добавилъ,

что если эти поводы явятся, то онъ первый его о томъ извѣститъ. Какъ-бы то ни было, но слухи объ этомъ письмѣ и объ этомъ отвѣтѣ на него Государя стали проникать въ разныя сферы общества и вызвали молву о томъ, что прямыя слова Государя выражаютъ собою, что прочность положенія графа Игнатьева, какъ обусловленная возможностью поводовъ утратить довѣріе Государя, сомнительна.

Обновленіе состава министровъ не заставило себя ждать. Оно коснулось военнаго министра, министра финансовъ, министра Двора и, наконецъ, министра народнаго просвѣщенія.

Назначеніе вмѣсто графа Милютина генерала Ванновскаго военнымъ министромъ не было неожиданностью: всѣ это предвидѣли, такъ какъ въ должности начальника штаба въ Рущукскомъ отрядѣ 3 года назадъ, коимъ командовалъ Государь, бывши Цесаревичемъ, онъ крѣпко къ нему привязался и цѣнилъ въ немъ энергію и культъ военной дисциплины. Помню, что въ этомъ смыслѣ я напечаталъ ему привѣтствіе и, совсѣмъ неожиданно для меня, впервые увидѣлъ его тогда, когда мнѣ пришли доложить: «генералъ Ванновскій», и въ кабинетъ вошелъ съ очень умнымъ и энергичнымъ лицомъ, въ очкахъ, новый военный министръ. Припоминаю эту неожиданную любезность ко мнѣ генерала Ванновскаго, оказанную мнѣ въ отвѣтъ на мое ему привѣтствіе, потому, что она была единственною въ теченіе всей его жизни, ибо послѣ, неизвѣстно почему, я впалъ у него въ немилость. Никто эти капризы милости и немилости министровъ не испытывалъ такъ часто, какъ я: стоило сказать одно прямое и искреннее слово не только въ печати, но и на своемъ средномъ

собраніи, противъ той или другой высокопревосходительной личности—и готово, я впадалъ въ немилость. Повороты дѣлались круто. Съ Ванновскимъ я имѣлъ тогда случайныя отношенія по незначительному эпизоду. Я принялся за изданіе для солдатъ и для крестьянъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго изданія «Воскресенье» и отправился къ Ванновскому, просить его благосклоннаго соизволенія на рекомендацію сего изданія по войскамъ. Это было еще въ эпоху его милости ко мнѣ. Онъ мнѣ сказалъ: «непремѣнно поддержу ваше изданіе», и, дѣйствительно, не прошло нѣсколькихъ дней, какъ появилась въ приказахъ по главному штабу самая милостивая рекомендація для моего изданія. Я счелъ себя обезпеченнымъ въ прочности моего изданія, но прошелъ годъ, и, несмотря на то, что Государь мнѣ высказалъ за этотъ годъ изданія Свое одобреніе, я отъ самого Ванновскаго узнаю, что мое изданіе, по мнѣнію комитета (кажется, ученаго), недостаточно приноровлено къ военному быту. По справкамъ оказалось, что этой неожиданной перемѣной въ оцѣнкѣ моего скромнаго изданія я былъ обязанъ вовсе не тому, что въ видѣ предлога мнѣ высказалъ Ванновскій, а исключительно тому обстоятельству, что мое изданіе явилось конкуррентомъ изданіямъ для войскъ вліятельныхъ корифеевъ главнаго штаба, подведшихъ подъ меня мину, которой Ванновскій не счелъ нужнымъ противодѣйствовать.

Не менѣе ожиданнымъ было назначеніе министромъ Двора графа Воронцова-Дашкова, хотя, какъ говорили тогда, для графа Адлерберга оно было неожиданностью. Совершилось оно очень просто. Графу Воронцову Государь далъ щекотливое порученіе поѣхать къ мини-

стру Двора графу Адлербергу и объявить ему отъ имени Государя, что ему повелѣно вступить въ должность министра Двора. Графа Воронцова я зналъ съ лѣтъ его отрочества. Отчасти благодаря своему семейному положенію, отчасти благодаря его замѣчательно изящной и обаятельной наружности и отчасти благодаря его широкой, доброй и размашистой натурѣ, онъ сдѣлалъ блестящую военную карьеру и сблизился съ Государемъ, когда онъ, Цесаревичемъ, командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, а графъ Воронцовъ былъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ (кажется, финляндскаго). При своей добротѣ и мягкости, графъ Воронцовъ былъ и уменъ. Но для трудной въ хозяйственномъ отношеніи должности министра Двора ему не доставало двухъ весьма важныхъ условій: твердаго характера и административныхъ способностей Вслѣдствіе этого, волею-неволею, ему пришлось съ самаго начала подчиняться докладывавшимъ, и если дѣло шло наружно благополучно, то, главнымъ образомъ, благодаря симпатіямъ, которыя министръ Двора умѣлъ внушать своимъ добрымъ характеромъ подчиненнымъ. Во всякомъ случаѣ, новый министръ Двора произвелъ въ своемъ министерствѣ дѣйствіе совсѣмъ противоположное тому, которое произвелъ въ своемъ дѣйствіи новый военный министръ. Графъ Воронцовъ мягкою рукою распустилъ вожжи, а Ванновскій жесткою рукою армейскаго служаки, крѣпко подтянулъ вожжи въ своемъ вѣдомствѣ, что показалось невкуснымъ всѣмъ тѣмъ, которые привыкли столько лѣтъ къ изысканной деликатности графа Милютина, доходившей до такихъ размѣровъ, что отъ нея страдала дисциплина.

Никто, я думаю, никогда не страдалъ такъ сильно отъ назначенія въ министры, какъ страдалъ Николай Христіановичъ Бунге, кіевскій отшельникъ и труженикъ науки, когда Государь упросилъ его принять на себя завѣдываніе финансами. Одна необходимость покинуть скромный кабинетъ труженника и переселиться въ палаццо министра финансовъ, какою была для него пыткой, а затѣмъ покинуть свою науку, въ которую онъ былъ влюбленъ всѣми фибрами своего скромнаго существа, ничего отъ нея не требуя, кромѣ платоническаго удовольствія, съ тѣмъ, чтобы вдругъ отъ этой науки и отъ своей совѣсти и отъ своего ума потребовать управленія финансами Россіи, послѣ блестящаго Абазы,— какая страшная пытка!

X.

(1881—1882 годы).

Н. М. Барановъ.

Изъ новыхъ людей на горизонтѣ появился Николай Михайловичъ Барановъ, призванный къ должности петербургскаго градоначальника. Барановъ былъ однимъ изъ близкихъ лицъ къ Государю, и сблизился онъ съ Нимъ еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда, бывши Наслѣдникомъ, Онъ заинтересовался новымъ типомъ ружья, который Барановъ принялся съ свойственною ему энергіею проводить и рекомендовать. Въ то время я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться и нашелъ его очень интересною и типичною личностью по уму, сильной воспріимчивости, по огромному запасу энергіи, но симпатичнымъ я не могъ его находить, какъ ни старался, потому что въ сношеніяхъ съ человѣкомъ онъ видимо старался казаться искреннимъ, а это всегда является признакомъ неискренности. Во время войны Барановъ отличился на своемъ кораблѣ «Веста» и получилъ, если не ошибаюсь, георгіевскій крестъ. Послѣ войны начался скандалъ изъ-за «Весты», затѣянный бывшимъ сослуживцемъ Баранова на «Ве-

стѣ», Рожественскимъ, и заключавшійся въ томъ, что послѣдній явился обвинителемъ Баранова въ томъ, что онъ извратилъ правду въ донесеніи своемъ о дѣлѣ «Весты» и приписалъ себѣ подвигъ боя съ турецкимъ броненосцемъ, котораго никогда не было. Скандальное это дѣло кончилось морскимъ судомъ, на которомъ Барановъ былъ оправданъ. Тѣмъ не менѣе, шумъ изъ-за этого дѣла былъ поднятъ большой, и моряки раздѣлились на двѣ партіи: барановцевъ и рождественцевъ, хотя большинство ставило въ вину Рожественскому самый фактъ созданія такого скандала во флотѣ и обвиненія, недостаточно доказаннаго, взводимаго на товарища по службѣ. Послѣ этого суда Барановъ держалъ себя вдали отъ двора, и это затишье его длилось до минуты, когда Государь, по вступленіи на престолъ, вызвалъ его къ себѣ, чтобы предложить ему мѣсто петербургскаго градоначальника. Барановъ съ восторгомъ принялъ. Я говорю: съ восторгомъ, потому что, я никогда не видѣлъ человѣка, вступающаго на предложенную должность въ такомъ восторженномъ состояніи, какое я нашелъ въ Барановѣ на третій день послѣ его назначенія. Помолодѣвъ на десять лѣтъ и просіявъ лицомъ, онъ, показалось мнѣ, наслаждался не тѣмъ, что онъ попалъ въ градоначальники, а какъ будто тѣмъ, что онъ сдѣлался всемірнымъ королемъ. Тутъ опять я нашелъ его личность весьма интересною: каждое его слово точно горѣло, каждая его мысль была цѣлою поэмою увлеченія, но въ то же время, послѣ перваго свиданія съ нимъ, я вернулся домой и записалъ въ свой дневникъ: «Видѣлъ Баранова; онъ внѣ себя отъ восторга, но боюсь, чтобы увлеченія его фантазіи не отнесли его отъ прозы его обязанностей».

Любопытно, что кратковременное пребываніе Баранова на посту градоначальника именно тѣмъ и объяснилось, что онъ больше отдался увлеченіямъ своей фантазіи, чѣмъ будничной прозѣ градоначальничьихъ обязанностей. Началъ онъ хорошо, пріискивая себѣ порядочныхъ и проворныхъ людей и составивъ подборъ исполнителей его воли, которыхъ онъ сумѣлъ оживлять и даже вдохновлять своимъ духомъ до такой степени, что они были готовы за него пти въ огонь и воду. Но, на бѣду, этою волею завладѣли увлеченія, быстро въ немъ рождавшіяся подъ вліяніемъ разговоровъ съ людьми; а такъ какъ видѣлъ онъ множество людей, и въ этомъ множествѣ были люди воображенія и доктрины, то послѣ второго свиданія съ Барановымъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ перваго, я уже засталъ его пылающимъ заботами не о возстановленіи порядка и безопасности, а о какой-то общественной иниціативѣ въ дѣлѣ поддержанія порядка. Вскорѣ потомъ разъяснилось, что означала эта мечта объ общественной иниціативѣ, которую вначалѣ я не могъ себѣ уяснить въ реальномъ видѣ. Оказалось, что Барановъ принялся за постройку цѣлаго воздушнаго замка, получившаго на практикѣ значеніе какого-то городового парламента, то-есть сборища избранныхъ людей, на обсужденіе которыхъ предлагались вопросы вѣдѣнія градоначальника. Едва эта фантазія начала осуществляться, какъ пошла по городу молва объ этой затѣѣ, получившей кличку «барановскій парламентъ». При новомъ свиданіи съ Барановымъ я, узнавъ отъ него въ общихъ очертаніяхъ, въ чемъ дѣло, рѣшился его предостеречь отъ увлеченія, говоря ему, что на немъ лично лежитъ слишкомъ реальная и тяжелая отвѣтственность передъ Го-

сударемъ за порядокъ въ Петербургѣ, чтобы ее дѣлить съ людьми, сбираемыми de facto съ улицы, за которыхъ онъ отвѣчать не можетъ; но изъ увертливо-успокоительныхъ отвѣтовъ Баранова я понялъ, что мои прозаическія предостереженія на него не имѣли убѣдительнаго дѣйствія. Такъ шли дни, и я убѣждался, что Барановъ все болѣе и болѣе уносился въ эмпиреи своихъ либеральныхъ увлеченій идеею сліянія общественности съ полиціею, расчитывая, очевидно, на твердую поддержку Государя. Расчетъ этотъ ободрялъ его еще и потому, что Государь жилъ безвыѣздно въ Гатчинѣ, и, слѣдовательно, съ одной стороны, не выступали съ такою настойчивостью заботы объ охранѣ, а съ другой стороны, ежедневная волна городскихъ толковъ, сплетенъ и слуховъ не могла доходить до Государя. Но расчеты его не оправдались, такъ какъ, учитывая свои шансы на прочность и успѣхъ, Барановъ совсѣмъ забывалъ считаться со своими врагами, а ихъ было много до его назначенія и стало очень много послѣ его назначенія, и стало еще больше когда по клубамъ и по кабинетамъ разныхъ потентовъ стали его разносить за его квази-либеральныя затѣи.

Курьезная вещь: примѣръ Баранова былъ не первый на моей памяти человѣка съ репутаціею энергичнаго, котораго вслѣдствіе этой репутаціи назначали на отвѣственный за порядокъ постъ, который при первомъ же словѣ выпаливаетъ: я имъ задамъ, я имъ покажу!—причемъ съ гримасою энергіи на лицѣ сжимаетъ символически кулакъ, и который затѣмъ, послѣ извѣстнаго періода времени, не только перестаетъ быть твердымъ и энергичнымъ, но подпадаетъ подъ вліяніе

крайнихъ либераловъ гораздо болѣе, чѣмъ люди безъ всякой претензіи на энергію. Какъ-бы то ни было, но волна петербургскихъ толковъ перекинула обвинительные слухи противъ Баранова черезъ 40 верстъ, отдаляющія Петербургъ отъ Гатчины, и по Петербургу пошли ходить толки о томъ, что будто въ Гатчинѣ произнесены были слова: Барановъ начинаетъ дурить,—и, разумѣется, отъ этихъ толковъ до слуховъ объ его уходѣ было недалеко. Физіономистъ могъ бы догадываться о достовѣрности этихъ слуховъ, такъ какъ при свиданіи съ Барановымъ бросались въ глаза перемѣны въ его физіономіи, въ его тонѣ рѣчи, въ его словахъ. Я услыхалъ отъ него намеки на непрочность судьбы человѣческой, на печальную необходимость разочаровываться въ людяхъ и заключилъ изъ этого, что его восторгъ быть градоначальникомъ смѣнился опасеніемъ перестать имъ быть... И дѣйствительно, наступилъ день, когда бѣдный Барановъ получилъ назначеніе на должность архангельскаго губернатора. Про періодъ его петербургской дѣятельности можно было сказать въ видѣ итога: онъ быстро прогорѣлъ.

XI.

(1881—1882 годы).

И. Д. Деляновъ.

Послѣ неудачи назначенія Н. М. Баранова градоначальникомъ, вторая неудача оказалась въ выборѣ министра народнаго просвѣщенія въ лицѣ барона Николаи. Я имѣлъ случай только разъ бесѣдовать съ барономъ Николаи, во время его управленія министерствомъ, и, признаюсь, все время, пока сидѣлъ у него, доискивался въ его разговорѣ узнать: кто онъ по убѣжденіямъ своимъ, и такъ и не могъ доискаться. Это впечатлѣніе врѣзалось мнѣ въ память, какъ нѣчто рѣдкое, ибо трудно себѣ представить въ роли министра человѣка, про котораго нельзя сказать, какихъ онъ убѣжденій. Словоохотливымъ онъ не былъ, но все же говорилъ и высказывалъ мысли; по временамъ казалось, что онъ будто не изъ либераловъ того времени, а потомъ скажетъ что-то такое, что свидѣтельствуетъ объ его неохотѣ быть консервативнаго направленія. Его уволили въ началѣ 1882 года, и на его мѣсто назначенъ былъ всѣмъ извѣстный и симпатичный

Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, человѣкъ не новый для вѣдомства, такъ какъ онъ долго былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Еще за долго до его назначенія я видѣлся съ нимъ послѣ моей бесѣды съ барономъ Николаи и высказалъ ему мои впечатлѣнія объ этомъ человѣкѣ. Деляновъ тонко-насмѣшливо меня слушалъ и затѣмъ съ своимъ мѣткимъ юморомъ опредѣлилъ барона Николаи такъ: «онъ умный человѣкъ, все понимаетъ, и благонамѣренный, но, какъ бы вамъ сказать, онъ не умѣетъ быть министромъ». Затѣмъ, когда назначили Делянова министромъ на мѣсто барона Николаи, я къ нему явился и, припомнивъ нашъ разговоръ о Николаи, говорю ему: ну, а вы, Иванъ Давыдовичъ, сумѣетѣ быть министромъ?

— Ну, не знаю,—отвѣтилъ милый старикъ,—попробую; вѣдь критиковать министра легко, а быть министромъ трудно, особливо просвѣщенія... Ну, какое у насъ нынче просвѣщеніе, тьма кромѣшная повсюду, да либеральная слякоть... Вѣдь Лорисъ-Меликовъ и школу-то всю испакостилъ, людей съ панталыку сбилъ. Надо съ азбуки начинать... Ну, Богъ дастъ, какъ-нибудь справимся.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ лакея.

— Что?

— Студентъ ваше выс—ство желаетъ видѣть.

Министръ сморщился.

Скажи, что я утромъ принимаю.

— Онъ говоритъ, что очень нужно.

— Ну, пускай подождетъ въ гостиной, приду къ нему.

Припоминаю эту сцену потому, что въ ней вылился весь милый, добрый и простой Деляновъ. Ну, какой бы

министръ принялъ какого-то студента въ четвертомъ часу дня? А онъ, какъ сказали: очень нужно,—сейчасъ же принялъ.

Самая обстановка Ивана Давыдовича отличалась своей простотой отъ обстановокъ всѣхъ другихъ министровъ. Во-первыхъ, у него не было даже пріемной комнаты, а просители принимались въ гостиной. Затѣмъ не было курьера, а когда уходилъ лакей, то пришедшій входилъ въ кабинетъ министра прямо безъ доклада, и изъ глубины кабинета раздавалось удивленное, но всегда гостепріимное, ласковое: «А!». Кабинетъ представлялъ узкую комнату въ одно окно, выходящее на дворъ, гдѣ посрединѣ стоялъ письменный столъ, у окна кресло, въ которомъ сидѣлъ спрятанный имъ министръ, два-три стула, шкапы съ книгами, масса книгъ, разбросанныхъ по столамъ и на полу, и больше ничего.

Бывало, войдешь къ нему и застанешь картину: за столомъ сидитъ министръ, передъ нимъ стоитъ студентъ или курсистка.

— Здравствуйте,—говоритъ онъ входящему.—Вотъ пишу записку рекомендательную, не знаю, выйдетъ-ли прокъ, а все-таки пишу.

И такихъ записокъ онъ писалъ десятки въ день, никогда никому не отказывая.

Потомъ бывала такая сцена. Одинъ изъ важныхъ лицъ въ министерствѣ былъ Георгіевскій. Министръ пишетъ ему записку и даетъ ее просителю.

— Ну вотъ, идите; онъ бѣдовый, и я даже его боюсь,—говорилъ улыбаясь министръ про своего подчиненнаго,—но, Богъ дастъ, смилуется.

Тутъ кстати припомнить прелестный эпизодъ съ однимъ студентомъ, пришедшимъ къ министру просить

о помилованіи, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ университета.

— А за что васъ исключили?—спросилъ министръ.

— Право, не знаю, ваше в—ство.

— Ужъ чѣмъ-нибудь да провинились?

— Ей-Богу, не помню...

— Ну, припомните хорошенько; можетъ быть, вы были въ компаніи товарищей, весело поужинали, развязался языкъ и, когда къ слову пришлось, вашего министра старымъ дуракомъ назвали?

Когда министръ кончилъ свои слова, передъ нимъ уже стояло другое лицо, въ видѣ бѣлой мраморной статуи, у которой единственными признаками жизни были капли холоднаго пота, выступившія на лбу.

Студентъ схватилъ себя за голову...

— Ваше в—ство... простите... Ваши слова во мнѣ вдругъ пробудили совсѣмъ забытое воспоминаніе: да, я былъ, однажды, пьянъ и говорилъ что-то противъ васъ... я смутно помню... Да, это было... Простите...

— Ну вотъ, видите, мораль та, что лучше слишкомъ много не пить. А вѣдь я могъ бы обидѣться,— прибавилъ добродушно-лукаво улыбаясь министръ,— потому пословица говоритъ: «что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ».

— Простите. Больше ничего не могу сказать, — прошепталъ студентъ, возвращенный къ жизни добротою министра.

— Ну, идите, я васъ велю принять въ московскій университетъ...

И такихъ жизней много спасъ на своемъ вѣку Иванъ Давыдовичъ Деляновъ и какъ попечитель округа, и какъ министръ народнаго просвѣщенія.

Оттого назначеніе Делянова министромъ народнаго просвѣщенія было встрѣчено съ огромнымъ сочувствіемъ во всѣхъ слояхъ общества. Либералы одни поморщились, потому что Деляновъ былъ другомъ Каткова, а Катковъ изображалъ собою двойной столпъ: консерватизма и классицизма.

Но, радуясь назначенію Делянова, никто изъ знавшихъ его не дѣлалъ себѣ иллюзій и не ждалъ отъ него ни крутыхъ и крупныхъ дѣйствій, ни подвиговъ энергіи.

XII.

(1883 годъ).

Графъ С. Г. Строгановъ.

Въ началѣ 1883 года умеръ одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ людей двухъ предшествовавшихъ царствованій, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Онъ умеръ въ то время, когда, казалось, онъ былъ внѣ опасности послѣ остраго періода болѣзни, и умеръ, какъ онъ говорилъ при жизни, что человѣкъ долженъ умирать не на постели, а на полу, ближе къ землѣ, найденный мертвымъ на полу въ своемъ кабинетѣ. Объ этой личности я говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Его лебединою пѣснью была рѣчь, имъ произнесенная 8-го марта въ томъ знаменательномъ засѣданіи, которое состоялось семь дней послѣ смерти Александра II и имѣло цѣлью обсудить вопросъ: дать или не дать ходъ проекту графа Лорисъ-Меликова о созывѣ представителей для участія въ законодательной дѣятельности правительства, какъ извѣстно, получившему въ день смерти Александра II Его согласіе. Въ своей рѣчи, краткой, но сильной графъ Строгановъ

самымъ энергичнымъ образомъ высказался противъ проекта графа Лорисъ-Меликова, признавая въ немъ замыслъ, сдѣлать первый шагъ къ введенію конституціи въ Россіи.

Послѣ этой рѣчи графъ Строгановъ жилъ въ уединеніи, не участвуя въ государственной политикѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до его предсмертной болѣзни я имѣлъ съ нимъ бесѣду, во время которой могъ убѣдиться, что, невзирая на его преклонные года, онъ сохранилъ полную свѣжесть и силу ума. Мы говорили о современной минутѣ. Старикъ-графъ относился къ ней весьма скептически. «Я жалѣю бѣднаго Государя,— говорилъ графъ,—поставленнаго между Побѣдоносцевымъ, который всегда отлично знаетъ, что не надо, но никогда не знаетъ того, что надо, и между Игнатьевымъ, который всего хочетъ, но ничего не можетъ. А человѣка съ головою, способнаго создать планъ и его осуществлять, какъ-будто не находится».

— Вы его не знаете?—спросилъ онъ меня шутя.

— Нѣтъ, не знаю.

— И я тоже не знаю. Но не примите меня за куртизана, если я вамъ признаюсь, что я болѣе уповаю на здравый смыслъ нашего Александра Александровича,—такъ онъ всегда Его называлъ во дни Его дѣтства,—чѣмъ на государственный умъ Его министровъ.

— Вы Его не видите?—спросилъ меня графъ, послѣ паузы.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Жаль. Вы всегда были очень плохимъ куртизаномъ, значитъ можете быть хорошимъ совѣтникомъ.

Эти слова врѣзались мнѣ въ память, потому что

получили для меня символическое значеніе предвѣстника вскорѣ затѣмъ возобновившихся отношеній къ новому Государю.

— Интереснѣе знать,—сказалъ я,—видите-ли вы Государя.

— Рѣже рѣдкаго, — отвѣтилъ старикъ. — Во-первыхъ, я едва влачу ноги, во-вторыхъ, я вышелъ изъ курса дѣлъ, а въ третьихъ, Государю нужны менѣе старые совѣтники; у стариковъ есть преимущество опыта, но зато у нихъ нѣтъ главнаго двигателя въ жизни—вѣры въ нее, энергіи и иллюзіи отъ этой вѣры, безъ которыхъ нельзя ни итти впередъ, ни творить. Совѣтъ, какъ справочная книга, я даю, но вмѣшиваться въ административную кухню я не хочу.

Про Бунге, тогдашняго министра финансовъ, я записалъ его прелестное по остроумію слово:

— Это честнѣйшій изъ честныхъ людей, но для министра финансовъ у него громадный недостатокъ: онъ вѣритъ всѣмъ теоріямъ и всѣмъ ученымъ финансистамъ, но одному не вѣритъ—самому себѣ!

Про Островскаго я записалъ тоже его мѣткое слово. «Его физіономія,—сказалъ графъ съ тонкою усмѣшкою,—выражаетъ всегда трудные роды его мысли».

Въ разговорѣ о недавнемъ прошломъ мы коснулись и графа Лорисъ-Меликова. Я нашелъ въ отзывѣ графа извѣстный оттѣнокъ снисходительности, которой, впрочемъ, Лорисъ-Меликовъ въ то время, какъ больной на чужбинѣ, заслуживалъ.

— Исторія разберется въ дѣлахъ и мысляхъ Лорисъ-Меликова,—говорилъ графъ Строгановъ.—Я его осуждаю только за непомѣрное легкомысліе въ обращеніи съ государственными вопросами и объясняю это

его полнымъ незнаніемъ Россіи. Съ такимъ незнаніемъ Россіи ставить людей во главу правительства неразумно и опасно. А главное, въ чемъ онъ виноватъ, это въ томъ, что онъ не имѣлъ мужества сказать Государю: Ваше Величество, я не способенъ управлять Россіею.

Какъ я сказалъ, это была моя послѣдняя бесѣда съ этимъ однимъ изъ крупнѣйшихъ Николаевскихъ людей.

Когда онъ умеръ, то оказалось, что, по волѣ его: процессія выноса его тѣла изъ великолѣпнаго его дома у Полицейскаго моста, похожа была на выносъ очень бѣднаго человѣка, до такой степени она была проста, Это было послѣднее проявленіе личности вельможи. имѣвшаго около милліона дохода, который въ продолженіе всей своей жизни презиралъ роскошь и суету свѣта.

Приблизительно въ это же время умирали политическою смертью герои знаменитаго оренбургскаго дѣла. Это дѣло было въ теченіи долгаго времени главнымъ предметомъ разговоровъ въ гостиныхъ и въ кабинетахъ государственныхъ людей. Оно разразилось какъ страшный ударъ грома въ сановной и чиновной средѣ, привыкшей жить въ блаженной вѣрѣ, что нажива на счетъ казны не Богъ вѣсть, что за преступленіе. Этой вѣры, какъ оказалось, держались тогда и бывшій генералъ-губернаторъ, генаралъ-адъютантъ Крыжановскій съ нѣсколькими его сотрудниками, и, движимые ею, они устроили очень выгодное предпріятіе покушки казенныхъ земель въ Оренбургской губерніи, по дешевымъ цѣнамъ. Государь получилъ объ этомъ донесеніе, велѣлъ разслѣдовать, и, когда разслѣдованіе подтвердило факты хищенія, Онъ, впервые какъ Го-

сударь, далъ волю своему гнѣву и проявилъ неумолимую строгость, уволивъ со службы генерала Крыжановскаго и его сотрудниковъ. Но тѣмъ судъ Царя не ограничился. Всѣ взоры были обращены тогда на князя Ливена, управлявшаго министерствомъ государственныхъ имуществъ, съ вопросомъ: а съ нимъ что будетъ, вѣдь земли не могли отчуждаться безъ его согласія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не долго заставилъ себя ждать. Въ одинъ изъ дней мы узнали, что князь Ливенъ уволенъ по прошенію отъ должности. Такъ кончилась эта драма. Любопытно было ея психическое дѣйствіе. Безспорно, она устрашила чиновный міръ, но сквозь страхъ слышалось недоумѣніе въ видѣ вопроса: не ужели же нельзя будетъ больше красть? И вслѣдъ за недоумѣніемъ зажигалась надежда: авось это только новая метла.

XIII.

Князь Горчаковъ.—Гирсъ.

Весною 1882 года однообразіе петербургской жизни было нарушено двумя событіями различнаго характера. Первое событіе было увольненіе престарѣлаго князя Горчакова отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ, состоявшееся на Пасхѣ, и назначеніе на его мѣсто товарища его Гирса. Про князя Горчакова можно было сказать, что онъ былъ однимъ изъ блестящихъ государственныхъ людей царствованія Александра II и однимъ изъ баловней судьбы. До конца этого царствованія ему улыбалось счастье въ томъ отношеніи, что ни разу за многіе годы съ медовыхъ его устъ не сходила улыбка самодовольства, и хотя далеко не молодымъ онъ вступилъ въ управленіе иностранными дѣлами, но счастливая способность скользить по поверхности событій, не ломая себѣ голову и не внося въ нихъ душу, не покидала его ни на минуту и поддерживала его молодость. Хотя онъ себя мысленно, а иногда и въ интимномъ кругу своихъ обожателей и

называлъ Талейраномъ и Меттернихомъ, и даже подчасъ самымъ искреннимъ образомъ представлялъ себя равнымъ по силѣ Бисмарку гладіаторомъ на аренѣ дипломатіи, но уваженіе къ правдѣ обязываетъ сказать, что князь Горчаковъ, какъ дипломатъ, былъ полнѣйшимъ антиподомъ Меттерниховъ и Талейрановъ. Онъ былъ дипломатомъ своей собственной школы, коей отличительною чертою было неумѣніе, что-бы то ни было скрывать, неумѣніе быть хитрымъ и неумѣніе вести какую-нибуть интригу. Одною изъ причинъ этой особенности его личности, какъ дипломата, была никогда не покидавшая его слабость къ прекрасному полу; его постоянною потребностью было обожать какую-нибудь даму и ее обольщать своими рѣчами; понятно, что разъ у князя Горчакова была эта слабость, ничего не было легче дипломатамъ Петербурга узнавать тайны горчаковскаго ума, ибо нѣтъ и не было женщины на свѣтѣ, которая могла-бы хранить дипломатическія тайны, слетавшія съ устъ ея обожателя. Второю причиною, почему князь Горчаковъ никогда не могъ быть ни Талейраномъ, ни Меттернихомъ, была его падкость на лесть. Стоило только умно польстить князю Горчакову, чтобы добиться отъ него того, что хотѣлось льстицу узнать. Повторю мною разсказанный когда-то эпизодъ лести, сдѣлавшей карьеру одного изъ его чиновниковъ канцеляріи. Князь Горчаковъ проходитъ въ халатѣ, съ шапочкой на головѣ по комнатамъ канцеляріи и видитъ у окна одного изъ чиновниковъ, останавливается передъ нимъ и затѣмъ говоритъ ему: «Jeune homme, vous ne faites rien, vous vous perdez» (молодой человѣкъ, вы ничего не дѣлаете, вы себя губите).—«Je me perds, oui,—отвѣчаетъ чиновникъ.—

mais dans la foule, mon prince, de vos admirateurs» (да, я пропадаю, но въ толпѣ, князь, вашихъ поклонниковъ). Лицо князя просіяло, и счастливый льстецъ получилъ вскорѣ назначеніе и затѣмъ быстро пошелъ въ гору. Никто этою слабостью къ лести князя Горчакова такъ не пользовался, какъ Бисмаркъ.

Окружавшій князя кружокъ его довѣренныхъ подчиненныхъ, отъ старшаго до младшаго, изображалъ собою сонмъ жрецовъ, обожавшихъ въ князѣ свое солнце, и служба въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ самое блестящее время князя Горчакова, изображала собою культъ его сіятельства канцлера несравненно болѣе, чѣмъ служенія Россіи. Оттого, если можно было сказать, что князь Горчаковъ былъ баловнемъ судьбы, лелѣявшей его своими ласками, и съ устъ его никогда не сходила улыбка,—увы, того же нельзя было сказать про судьбу нашего положенія и нашего престижа въ Европѣ за все время царствованія Александра II. И если главную роль въ капитальномъ измѣненіи положенія Европы сыгралъ князь Бисмаркъ своимъ желѣзнымъ геніемъ, то слѣдуетъ къ этому историческому изреченію прибавить, что главною помощью Бисмарку въ осуществленіи его гигантскихъ замысловъ была русская дипломатія, начиная съ Парижскаго конгреса 1856 года и кончая еще болѣе позорнымъ для насъ конгрессомъ Берлинскимъ. Безъ этой помощи немыслимы были войны съ Даніею, съ Австріею и съ Франціею 1870 года, объединеніе Германіи и всѣ его послѣдствія, и даже въ 1870 году, когда Императоръ Александръ II, по собственной иниціативѣ, рѣшилъ воспользоваться войною, чтобы уничтожить пунктъ Парижскаго контракта относительно черноморскаго

флота, всего болѣе протестовала изъ опасенія ослажненій и гнѣва Англіи русская дипломатія.

Но исторія, какъ судьба, имѣетъ своихъ любимцевъ. Престарѣлый князь Горчаковъ уходилъ со своего поста такъ-же нетронутый упреками ея, какъ вступилъ.

Назначеніе Гирса, скромнаго и тихаго старика, въ преемники блестящему князю-канцлеру всѣхъ удивило своею скромностью и блѣдностью. Въ отвѣтъ на это удивленіе органъ министерства, французская петербургская газета, далъ офиціозную статью ключъ къ уразумѣнію этой загадки. Газета пояснила, что отнынѣ единственною заботою Государева правительства, будетъ внутреннее устроеніе государства, и невмѣшательство въ иностранные дѣла до тѣхъ поръ, пока честь Россіи не будетъ затронута.

Вторымъ событіемъ, нарушившимъ монотонность петербургской жизни, было появленіе впервые въ залѣ Государственнаго Совѣта *свѣдующихъ* людей. Характерно, что первый Государственный вопросъ, вызвавшій эту новинку, былъ питейный. Свѣдущіе люди были приглашены для обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса, какъ лучше устроить водочную продажу. По этому поводу выписываю, какъ характеристику этого событія, строки изъ моего дневника того времени, 15 апрѣля 1882 года.

«Сегодня же было второе засѣданіе соединеннаго присутствія департамента законовъ и экономіи по вопросу питейному, въ присутствіи свѣдущихъ людей. Изъ свѣдущихъ людей участвуютъ члены редакціонной комиссіи. Между ними двѣ партіи: большинство за ограниченіе кабаковъ; меньшинство за обществен-

ные кабаки. Въ меньшинствѣ было, кажется, 3 или 4 человѣка. Свѣдущіе люди сидятъ особо. За ними слушатели. Въ числѣ слушателей былъ августѣйшій предсѣдатель общаго собранія Государственнаго Совѣта. Предсѣдательствовалъ замѣчательный по хладнокровію, опыту, умѣнью предсѣдательствовать—графъ Эдуардъ Барановъ. Назначеніе свѣдущихъ людей—только отвѣчать на вопросы. Но не разъ члены Совѣта вступали съ ними въ пренія. Вступали въ пренія и члены большинства съ членами меньшинства. Каждый изъ свѣдующихъ людей имѣлъ свою задачу—отвѣчать на извѣстный вопросъ. По поводу того, какъ трудно бываетъ между живыми людьми одного и того же умственнаго уровня, дѣлить ихъ на имѣющихъ и неимѣющихъ право голоса, мнѣ припоминается расказанный мнѣ эпизодъ во время суда надъ декабристами, Великій Князь Михаилъ Павловичъ до того увлекся сущностью политическихъ вопросовъ, что сталъ спорить съ несчастнымъ Рылѣевымъ. Предсѣдателю пришлось напомнить Великому Князю, что передъ нимъ государственный преступникъ. Здѣсь приходилось предсѣдателю напоминать членамъ, что передъ ними *только свѣдующіе люди*.

Всѣхъ рѣзче въ нападкахъ на работу свѣдующихъ людей, говорилъ членъ Государственнаго Совѣта Гротъ, тотъ самый, который, вмѣстѣ съ присужденнымъ въ 1863 году къ повѣшанію Іосафатомъ Огрызкою, составлялъ нынѣшній питейный уставъ.

Такъ былъ имъ заданъ свѣдующимъ людямъ вопросъ: почему они измѣнили терминологію устава: напримѣръ, назвали харчевнею то, что въ уставѣ называется ренсковымъ погребомъ, съ правомъ питейнаго заведенія. На это одинъ изъ свѣдущихъ людей отвѣ-

тилъ: а потому, что крестьянинъ скажетъ другому: «пойдемъ въ харчевню», а не скажетъ: «пойдемъ въ ренсковый погребъ съ правами питейнаго заведенія».

Интересенъ былъ вопросъ о разстояніи питейныхъ отъ разныхъ мѣстъ: отъ дворцовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. *Всего менѣе* уважило министерство финансовъ *церковь*. Для нея оно признало нужнымъ, вопреки мнѣнію свѣдущихъ людей приблизить кабакъ на 40 саж. Свѣдущіе люди позаботились также о томъ, чтобы удалить кабаки отъ фабрикъ. Но министерство финансовъ и тутъ отмѣнило постановленія экспертовъ.

На вопросъ о томъ одного свѣдущаго человѣка, отвѣтъ былъ простъ: для министерства финансовъ необязательно постановленіе свѣдущихъ лицъ.

Но все это ничего въ сравненіи съ самымъ грустнымъ. Большинство свѣдущихъ людей было того мнѣнія, что надо возвысить акцизъ на водку и установить таксу для питейной продажи, дабы доходъ отъ увеличенія акциза шелъ въ казну, и цѣловальники не могли эксплоатировать народъ посредствомъ установленія произвольныхъ надбавокъ на водку. Министерство финансовъ и это отвергло. Таксы не будетъ, и если въ одинъ прекрасный день крестьяне разнесутъ кабакъ въ случаѣ повышенія цѣнъ на розничную водку цѣловальниками, то плохо будетъ и казнѣ.

Былъ одинъ очень дѣльный и умный свѣдущій человѣкъ, старообрядецъ-купецъ Марокинъ. Онъ уже уѣхалъ. У него былъ свой языкъ краткій, но живописный и мѣткій.

Онъ говорилъ такъ: «Я паду Царю въ ножки да скажу: Ваше Величество, какъ бы намъ въ отвѣтѣ

передъ Тобою не быть: мы постановили одно, а Твой министръ финансовъ все переиначилъ».

Въ Гатчинѣ, когда въ числѣ свѣдущихъ лицъ представлялся и онъ, то онъ подалъ Государю бумагу совсѣмъ неожиданно.

Государь спрашиваетъ его о содержаніи бумаги, а Марокинъ все отвѣчаетъ: «Прочти, Государь, и увидишь».

Государь развернулъ бумагу. Въ ней заключалось благодарное заявленіе Царю насчетъ того, что дворяне, свѣдущіе люди, во все время засѣданій отлично обращались съ нимъ, купцомъ Марокинымъ, о чемъ онъ съ радостью своему Царю и заявляетъ.

Государь разсмѣялся.

Послѣ-завтра въ субботу, будетъ послѣднее заключительное засѣданіе по питейному вопросу.

Въ сущности, увы, предвидится мало изнѣненій противъ прежняго. Вопросъ остался, чѣмъ бы лъ главнымъ источникомъ Государственнаго дохода.

XIV.

Въ числѣ крупныхъ личностей, выдвинутыхъ впередъ личнымъ выборомъ новаго Государя, былъ адмиралъ И. А. Шестаковъ. Личность эта, дѣйствительно, была изъ крупныхъ: это былъ, по увѣренію авторитетныхъ моряковъ, морякъ старой школы, по завѣтамъ и преданіямъ, и въ то же время зорко слѣдившій за развитіемъ морского дѣла, невзирая на то, что обстоятельства его жизни такъ сложились, что онъ въ предшествовавшее царствованіе былъ отдаленъ отъ морской службы. Причиною его немилости былъ его разладъ съ морскими министрами той эпохи и, слѣдовательно, съ великимъ княземъ генералъ-адмираломъ. Будучи уже адмираломъ, онъ принялъ должность виленскаго губернатора и на ней проявилъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ — умнымъ, энергичнымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ, вслѣдствіе чего, разумѣется, пришлось ему не ладить съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ тѣ времена я познакомился съ

Шестаковымъ въ Петербургѣ и имѣлъ съ нимъ бесѣды, интересныя тѣмъ, что въ нихъ онъ высказывалъ, кромѣ ума и образованія, свою горячо любившую Россію душу. Больнымъ мѣстомъ въ его бесѣдахъ былъ нашъ бѣдный флотъ; онъ сокрушался надъ его судьбою, какъ надъ самымъ дорогимъ для него существомъ и одною изъ причинъ его бѣдъ признавалъ то фальшивое и прямо губительное для интересовъ флота положеніе, которое представлялъ собою съ одной стороны всемогущій управляющій морскимъ министерствомъ, а съ другой стороны—совсѣмъ безотвѣтственный подъ безотвѣтственностью генералъ-адмирала. Я вспоминаю объ этомъ потому, что когда Императоръ Александръ III предложилъ Шестакову взять на себя должность управляющаго морскимъ министерствомъ, и онъ согласился, то ему пришлось стать въ то самое фальшивое положеніе, которое онъ такъ мѣтко осуждалъ, будучи не у дѣлъ въ эпоху предыдущаго царствованія. Вся разница была въ томъ, что генералъ-адмираломъ сталъ, вмѣсто Вел. Кн. Константина Николаевича, Вел. Князь Алексѣй Александровичъ. И замѣчательно, что, вступивши въ управленіе морскимъ министерствомъ, адмиралъ Шестаковъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, при встрѣчѣ съ препятствіями, которыя ему пришлось преодолѣвать для выполненія своей программы возрожденія флота, жаловался въ кругу своихъ близкихъ на тотъ міръ интригъ въ вѣдомствѣ, который вездѣ, гдѣ могъ, мѣшалъ его иниціативѣ. Такимъ образомъ, если прежде какой-нибудь управляющій морскимъ министерствомъ, въ родѣ Краббе (очень умный и хорошій человѣкъ, но болѣзненно ревнивый за свое полновластіе), мѣшалъ осуществленію самыхъ благихъ мыслей,

доходившихъ до Великаго Князя генералъ-адмирала Константина Николаевича сторонними путями, то при Шестаковѣ, наоборотъ, его мыслямъ и его стремленіямъ къ обновленію флота, мысли, доходившія до новаго генералъ-адмирала сторонними путями, являлись препятствіями, для дѣятельности управляющаго морскимъ министерствомъ. Откуда являлись эти мысли? Въ сущности, онѣ не были мыслями со стороны, ибо почти всегда онѣ исходили изъ нѣдръ самого морского министерства. Новыми въ этомъ вѣдомствѣ были два лица: генералъ-адмиралъ, преисполненный самыхъ благихъ намѣреній, но характера слабаго, мягкаго и мирнаго, избѣгавшаго всякаго крутого рѣшенія, всякаго рѣшительнаго дѣйствія и, вслѣдствіе этого, представлявшаго собою противоположность съ характеромъ управляющаго морскимъ министерствомъ, характеромъ твердымъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ; но вѣдомство en gros et en détails оставалось старымъ, и про него говорилъ Шестаковъ, что въ каждой щели его стѣнъ, въ каждой складкѣ каждаго штабного мундира ютилась та старина прежняго режима, для которой онъ, Шестаковъ, былъ чужой человѣкъ, и всякая его мысль являлась вѣдомству противъ шерсти его преданій, его привычекъ и взглядовъ, его многолѣтней рутины. И вотъ это-то вѣдомство находило разные окольные пути, чтобы свою глухую оппозицію новшествамъ Шестакова въ видѣ интригъ доводить до новаго генералъ-адмирала.

Не лишено было интереса сопоставленіе двухъ генералъ-адмираловъ и отношеній къ нимъ ихъ вѣдомства, которое мнѣ пришлось слышать изъ устъ Шестакова. Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ темперамента воспламеняющагося: онъ имѣлъ быстро

схватывающій умъ и столь-же быстро, даже огненно, давалъ себя охватывать впечатлѣнію, такъ что морскому вѣдомству, въ лицѣ управлявшихъ морскимъ министерствомъ, всегда выпадала задача охлаждать порывы воспріимчивости генералъ-адмирала, расхолаживать его предпріимчивость и порывамъ его живой мысли противопоставлять мертвечину рутины и бюрократіи. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, наоборотъ, былъ темперамента безстрастнаго и неподвижнаго, и охотнѣе подпадалъ подъ вліяніе спокойнаго темпа рутины, чѣмъ подъ вліяніе всего того, что отъ него требовало подъема духа, энергической борьбы, твердой рѣшимости, горячей иниціативы, и вслѣдствіе этого роль такого управляющаго морскимъ министерствомъ, какимъ былъ Шестаковъ, заключалась въ нелегкой задачѣ постоянно нарушать квіетизмъ своего шефа.

Но, не въ однихъ этихъ обстоятельствахъ встрѣчалъ Шестаковъ препятствія къ осуществленію задачъ, за которыя онъ взялся со священнымъ огнемъ въ душѣ. Его главная задача заключалась въ томъ, чтобы во что-бы то ни стало сломить ту долголѣтнюю рутину, которая изъ морского министерства сдѣлала инструментъ постояннаго атрофированія нашего флота посредствомъ сокращенія до minimum'а заграничнаго плаванія судовъ, вслѣдствіе чего постепенно исчезали изъ флота моряки, а мѣста ихъ занимали сладководные, береговые и салонные офицеры, которые, въ свою очередь, портили поколѣнія матросовъ. Съ этою цѣлью адмиралъ Шестаковъ рѣшилъ немедленно приступить къ широкому осуществленію плана заграничныхъ плаваній... Но, увы... онъ забылъ отшельни-

ка Мойки, тихаго и добраго министра финансовъ Н. Х. Бунге, который во всемъ былъ ангеломъ кротости и доброты, кромѣ вопроса о выдачѣ денегъ. Тутъ этотъ человѣкъ, казавшійся на видъ безсильнымъ бороться съ мухою, превращался въ Геркулеса желѣзной воли и не только министру, но Государю неумолимо говорилъ свое «non possumus» въ отвѣтъ на просьбу денегъ. И вотъ это «non possumus» Бунге было тѣмъ роковымъ подводнымъ камнемъ, о который разбились всѣ мечты Шестакова о возрожденіи флота. Съ минуты, когда онъ понялъ свое безсиліе побѣдить это препятствіе, въ этомъ энергичномъ и желѣзномъ морякѣ, какъ говорится, упало сердце, въ немъ замеръ богатырь, и онъ сдѣлался простымъ и обыкновеннымъ управляющимъ морскимъ министерствомъ. Онъ работалъ урывками и проблесками духа, но творцомъ цѣльнаго дѣла онъ быть уже не могъ. Всего болѣе, разумѣется, этому обрадовалось морское вѣдомство.

XV.

Исторія царствованія Императора Александра II для народа.

Со дня кончины Императора Александра II меня все озабочивала мысль: какъ-бы его великую и свѣтлую память сдѣлать живою и вѣчною въ той русской деревнѣ, которую онъ озарилъ лучами свободы, какъ бы его сроднить съ крестьянскимъ очагомъ и дѣтей нынѣшнихъ крестьянъ ознакомить съ этимъ русскимъ Царемъ. И, когда я сталъ ощущать, что съ каждымъ днемъ, отдалявшимъ насъ отъ 1 марта, жизнь около новаго царствованія, по законамъ человѣческаго естества, все привлекала къ себѣ и все увлекало собою, моя забота усиливалась, тѣмъ болѣе, что отъ времени до времени доходили до меня толпой изобрѣтаемые глупые слухи, что новый Государь будто несочувственно настроенъ къ минувшему царствованію своего Отца. Уже одинъ этотъ слухъ, столь явно и грубо ложный, казался мнѣ достаточнымъ поводомъ желать, чтобы мысль о прославленіи памяти почившаго Царя-Освободителя въ крестянской избѣ исходила отъ его

державнаго Сына. И вотъ, послѣ долгихъ размышленій я пришелъ къ мысли издать отъ Царева имени простую и ясную, украшенную картинами исторію царствованія Императора Александра Второго. Сердцу отрадно было, что именно эта забота во славу Императора Александра II, котораго я такъ глубоко любилъ, была первымъ поводомъ снова приблизиться къ его Сыну, ставшему Царемъ. И вотъ, съ моими мыслями, чувствами и съ планомъ изданія я поѣхалъ къ графу Воронцову-Дашкову, въ его палаццо на Англійской набережной. Засталъ его въ его большомъ кабинетѣ тѣмъ же изящно-спокойнымъ квіетистомъ, коимъ заставалъ его конно-гвардейскимъ офицеромъ въ разгарѣ его и моей молодости, и, изложивъ ему подробно мотивы моей мысли и планъ ея осуществленія, просилъ его принять на себя трудъ доложить мою краткую записку Государю, причемъ приложилъ тоже краткую смѣту приблизительной стоимости изданія и прибавилъ отъ себя, что смѣю дорожить тѣмъ, чтобы этотъ расходъ Государь принялъ именно на свой собственный счетъ, дабы крестьяне видѣли въ этомъ изданіи дань благоговѣнія Царя-Сына къ Царю-Отцу.

Невозмутимо выслушавъ мой докладъ, графъ Воронцовъ мнѣ отвѣтилъ словами, которыя мнѣ пришлись по душ

— Я вполнѣ сочувствую твоей мысли, — сказалъ онъ; — она очень симпатична; но я не вижу, почему тебѣ нуженъ для осуществленія этого дѣла мой докладъ, когда ты можешь прямо съ этимъ проектомъ обратиться къ Государю.

Я объ этомъ думалъ,—отвѣтилъ я,—прежде чѣмъ къ тебѣ обратиться, но такъ какъ я ничего не знаю

о Государѣ въ его отношеніи ко мнѣ и не считаю себя въ правѣ прямо и непосредственно къ нему обращаться, то я, обдумавши, рѣшилъ обратиться къ тебѣ.

— Напрасно. И если я тебѣ совѣтую, прямо обратиться къ Государю, то вовсе не потому, чтобы я не желалъ взять на себя докладъ по этому дѣлу, а именно потому, что я знаю навѣрное, что Государь приметъ съ сочувствіемъ твое прямое обращеніе къ нему, въ особенности по такому симпатичному дѣлу.

— Хорошо,—сказалъ я,—я сдѣлаю по-твоему.

Вернувшись домой, я написалъ письмо къ Государю, съ подробнымъ изложеніемъ моей мысли, и бросилъ оное въ почтовый ящикъ. Оказалось, что тогда этотъ путь достигалъ своей цѣли. Ровно черезъ четыре дня послѣ этого я получилъ записку отъ гр. Воронцова, просившаго меня къ нему пріѣхать. При свиданіи онъ сообщилъ мнѣ, что Государь принялъ весьма сочувственно мою мысль и передалъ ее ему для совмѣстнаго со мною осуществленія. Я выработалъ подробный планъ изданія, подробную смѣту и немедленно приступилъ къ изданію. Приложилъ я къ нему всѣ усилія и старанія, пригласилъ хорошихъ художниковъ и, когда окончилъ свой трудъ и представилъ его Государю, получилъ черезъ графа Воронцова увѣдомленіе, что Государь поручилъ ему высказать мнѣ отъ своего имени одобреніе и признательность. Мѣсяца два спустя послѣ разсылки этого дарового изданія во всѣ волостныя правленія, я сталъ получать изъ деревенской глуши крестьянскія письма, которыя мнѣ доказали, что я былъ правъ, увѣряя Государя, что такой вдвойнѣ дорогой подарокъ, какъ знакъ почитанія Царемъ-Сыномъ памяти Царя-Освободителя, и какъ знакъ

милостиваго вниманія къ крестьянамъ, глубоко ихъ трогаетъ. Меня завалили изъ деревень требованіями этой книги.

Зимою и весною 1882 года всѣ говорили о предстоящей въ этомъ году коронаціи какъ о фактѣ рѣшенномъ. Съ этимъ же событіемъ соединялось открытіе промышленной выставки въ Москвѣ. Говорили о нанимавшихся въ Москвѣ помѣщеніяхъ, о приготовленіяхъ по придворному вѣдомству... А между тѣмъ министръ Двора, на вопросъ: будетъ ли коронація, отвѣчалъ: не знаю; а между приближенными Государя на тотъ же вопросъ отвѣчали: ничего не извѣстно...

Но въ маѣ я узналъ, что представленіе московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, имѣло послѣдствіемъ рѣшеніе Государя отложить коронованіе до будущаго года. Потомъ я узналъ, что Государь поспѣшилъ воспользоваться этимъ представленіемъ князя Долгорукова, чтобы отдалить на одинъ годъ торжества коронаціи, такъ какъ ему тяжело было только годомъ отдѣлять отъ 1 марта отъ увеселеній, связанныхъ съ коронаціей. Но любопытно, что сама выставка была устроена въ Москвѣ съ мыслью соединить ее съ коронованіемъ Государя. Представленіе же князя Долгорукова Государю было вызвано соображеніями о громадныхъ затрудненіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, соединить выставку въ Москвѣ съ торжествами коронованія, а потому онъ усиленно просилъ Государя отдалить время для коронаціи.

А выставка, увы, оказалась неудачною не вслѣдствіе ея недостатковъ, а вслѣдствіе малаго прилива посѣтителей. Это надо было предвидѣть. Добрѣйшій и почтеннѣйшій Николай Христіановичъ, какъ я тогда

величалъ въ своихъ дневникахъ министра финансовъ Бунге, какъ прятался самъ, такъ пряталъ все, что въ его вѣдомствѣ отъ него зависѣло. Къ тому же у него тогда не было ни одного человѣка предпріимчиваго, энергичнаго, и дѣятельнаго. Успѣхъ выставки требовалъ усиленной рекламы, расходовъ на нее, словомъ, агитаціи, но на всякое представленіе о томъ или другомъ расходѣ въ помощь устроителямъ выставки и для рекламы Бунге неизмѣнно отвѣчалъ: денегъ нѣтъ—и сейчасъ же затѣмъ прятался. Разумѣется, это мертвое отношеніе министерства финансовъ къ московской выставкѣ имѣло вліяніе на охлажденіе къ ней участія публики.

XVI.

(1882 годъ).

Уходъ гр. Игнатьева. Назначеніе гр. Дмитрія Андреевича Толстого.

Маленкія причины производятъ большія событія.

Это было въ маѣ 1881 года. Политическая атмосфера, въ которой мы жили въ то время, была неспокойная и тяжелая. Каждый изъ насъ понималъ, что дѣло не клеилось, и не клеилось, именно, въ верхахъ, отъ разлада между главою государства, съ одной стороны, и между дававшимъ тонъ внутренней политикѣ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Игнатьевымъ. Тогда было два выдававшихся органа печати, «Голосъ» и пятилѣтній младенецъ «Новое Время»; первый, старикъ «Голосъ», продолжалъ либерально ворчать въ роли отставного органа графа Лорисъ-Меликова и его либеральной политики; второй—слылъ за органа графа Игнатьева, и, пока «Голосъ» раздувалъ своими старыми мѣхами либеральныя стремленія въ средѣ интеллигенціи и бюрократіи, «Новое Время» старалось проповѣдывать то, что оно понимало, какъ политику графа Игнатьева,—что то русское, но

въ видѣ смѣси чего то консервативнаго, чего то приноравливавшагося къ образу мыслей Побѣдоносцева, игравшаго скрыто на первой скрипкѣ въ правительственномъ оркестрѣ, и чего то либеральнаго, но народно-либеральнаго; но это что то проповѣдывалось настолько смутно и не опредѣленно, что консервативная часть общества не находила для себя ни свѣтлой руководящей звѣзды, ни прочно-успокоительнаго тона. Идея народно-либеральная, воплощавшаяся все въ томъ же земскомъ соборѣ, отъ котораго, невзирая на разные признаки холоднаго отношенія къ ней на верху, графъ Игнатьевъ и его окружающіе не отступали, гуляла по петербургу, однихъ—меньшинство—очаровывая, другихъ—большинство—тревожа своею полною неопредѣленностью. Рядомъ съ этимъ, стали бродить по Петербургу слухи о томъ, что въ Гатчинѣ слышится нота недовольства политикою гр. Игнатьева, и что Побѣдоносцевъ начинаетъ поднимать руки къ небесамъ, говоря о ней; все это вмѣстѣ объясняло, почему мы жили въ отмосферѣ ощущенія, что то наверху не ладно и не клеится. Особенно это предчувствіе неладнаго усиливалось при встрѣчѣ съ пріѣзжавшимъ изъ провинціи губернаторомъ, на лицѣ котораго и въ глазахъ котораго, даже послѣ аудіенціи у гр. Игнатьева, выражалось полное недоумѣніе отъ непониманія, въ чемъ, послѣ манифеста Государя 27 апрѣля прошлаго года и послѣ назначенія преемника гр. Лорисъ-Меликову, должна опредѣленно и ясно заключаться новая политика правительства. Отвѣта на тотъ вопросъ никто не находилъ ни въ гр. Игнатьевѣ, ни въ Побѣдоносцевѣ. Первый вѣщалъ туманно, съ видимою заботою не столько выяснить положеніе, сколько про-

извести сладостное впечатлѣніе улыбкою и словцомъ; второй, какъ всегда, мѣтко и умно обличалъ дефекты положенія, но дать ясные и опредѣленные образы той твердой власти, о которой онъ говорилъ какъ авторъ манифеста 27 апрѣля, онъ не умѣлъ и не могъ. Такъ шли дни, ничего не предвѣщая успокоительнаго и ободряющаго; какъ вдругъ пронеслась вѣсть, что графъ Игнатьевъ уходитъ. Что произошло — въ точности я никогда не могъ узнать. Припомнить надо, что когда графъ Игнатьевъ, еще въ началѣ своего управленія, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, просилъ увольненія, то Государь, со свойственными ему прямотой и правдою, написалъ графу Игнатьеву, что онъ ему прямо выскажетъ свой разладъ съ его образомъ мыслей, когда явится къ нему уважительный поводъ. И вотъ, поводъ, повидимому, явился, и вѣрный своему слову, Государь письменно же выразилъ графу сожалѣніе о наступившемъ между ними разладѣ. Этому письму предшествовало совѣщаніе у Государя, про которое всѣ говорили въ петербурскихъ гостиныхъ, и на которомъ, въ присутствіи нѣсколькихъ министровъ, Государь высказалъ графу Игнатьеву свое неудовольствіе.

Вотъ тогда явился жгучій и важный вопросъ: кого же назначить вмѣсто гр. Игнатьева. Первое имя, которое произносили бюрократы, было имя Островскаго, стоявшаго тогда, если не ошибаюсь, во главѣ министерства государственныхъ имуществъ. Это имя смутило и испугало многихъ, главнымъ образомъ потому, что оно принадлежало государственному человѣку, про котораго всѣ знали, что, какъ бюрократъ до мозга костей, онъ не могъ бы, при всемъ желаніи, быть, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, представителемъ поли-

тики твердой власти и былъ бы менѣе пригоденъ, чѣмъ его предшественникъ, тѣмъ, что тотъ былъ прежде всего не чиновникъ и имѣлъ, все-таки, извѣстныя консервативныя традиціи.

И вотъ, пока всѣ большіе люди ломали себѣ голову надъ вопросомъ, кому быть преемникомъ графа Игнатьева, и называли имена бюрократовъ, — я, маленькій человѣкъ, считалъ себя тоже въ правѣ ломать себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, но съ тою лишь разницею, что я ее не ломалъ, а прямо подумалъ о такомъ кандидатѣ, который въ ту пору мнѣ одному пришелъ въ голову, и имени котораго никто не произносилъ въ эту минуту кризиса.

Имя это было — графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, бывшій министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода при Александрѣ II, въ концѣ его царствованія уволенный отъ обѣихъ должностей въ угоду гр. Лорисъ-Меликову. А пришло мнѣ это имя въ голову потому, что графъ Толстой рѣзко выдѣлялся изъ среды государственныхъ людей, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не былъ бюрократъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что былъ единственный государственный человѣкъ съ твердою волею, съ большимъ умомъ, съ большимъ образованіемъ и съ самостоятельными консервативными убѣжденіями.

Но какъ провести такого остраго и непопулярнаго кандидата, ètant donnèe моя микроскопическая политическая величина?

Я придумалъ слѣдующую штуку: вложить это имя мимоходомъ въ уста одной изъ кумушекъ моего дневника въ «Гражданинѣ». И что же? Въ день выхода номера «Гражданина» съ этою штукою, встрѣчаю я въ

Лѣтнемъ саду Побѣдоносцева и слышу отъ него слѣдующія слова, отъ которыхъ я чуть не запрыгалъ отъ радости:—А вѣдь ваша мысль о графѣ Толстомъ—хорошая мысль.

Что случилось послѣ, я не знаю, но знаю, что послѣ этой встрѣчи съ Побѣдоносцевымъ, въ слѣдующіе дни, имя графа Толстого начало произноситься въ петербургскихъ гостиныхъ, какъ кандидата въ министры внутреннихъ дѣлъ, одними съ возгласомъ: «quelle horreur», а другими со словами одобренія и сочувствія.

А затѣмъ, 30 мая я записывалъ въ свой дневникъ слѣдующія строки:

«... Въ 8-мъ часу вбѣгаетъ другой пріятель.

«— Знаете новость?

«— Нѣтъ. Игнатьевъ уходитъ?

«— Игнатьевъ уходитъ, и на его мѣсто Островскій.

«— Рѣшено?

«— Рѣшено. Я это знаю изъ достовѣрнаго источника. Министерство дѣлится на два министерства. Министерство полиціи отдаютъ Черевину.

«Цѣлый вечеръ до поздняго часа бесѣдовали на тему: что будетъ изъ этой перемѣны?

«Въ бесѣдѣ съ третьимъ пріятелемъ узналъ, что была рѣчь о графѣ Дмитріи Толстомъ, какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ».

А 31 мая я занесъ въ дневникъ слѣдующее:

«Маленькій листочекъ прибавленія «Прав. Вѣстника» помѣстилъ громадной ваппости событіе сегодня 31 мая. Заснулъ я съ мыслью, что Островскій будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а проснувшись—увидѣлъ въ прибавленіи «Правит. Вѣстника» указъ о назначеніи графа Дмитрія Андреевича Толстого».

Итакъ, понадобилось 12 дней, чтобы кумушкину слуху о графѣ Толстомъ превратиться въ совершившійся фактъ и появиться въ «Прав. Вѣстникѣ», такъ какъ по справкѣ въ «Гражданинѣ», оказалось, что имя гр. Толстого появилось въ моемъ дневникѣ 18 мая.

Очевидно, этому назначенію способствовалъ всего болѣе Побѣдоносцевъ.

XVII.

(1882 годъ)

Графъ Д. А. Толстой.

Назначеніе графа Д. А. Толстого, того самаго отставкою котораго два года передъ тѣмъ гр. Лорисъ-Меликовъ обусловилъ успѣхъ своей задачи спасать Россію, по своему дѣйствію можно было только сравнить съ сильнымъ громовымъ ударомъ, разразившимся въ душномъ затишьѣ и сразу очистившимъ воздухъ на столько, что легче стало дышать. Это было самое сильное по своему жизненному значенію событіе за все царствованіе Александра III. Прежде, всего оно именно очистило воздухъ и облегчило дыханье, ибо во все предшествовавшее игнатьевское время именно тяжело дышалось отъ ощущенія какой то немощи въ правительствѣ, какого то неумѣнья самому стать твердо на ноги и, подавно, общество поставить на твердую почву, давши каждому понимать, что хочетъ правительство, и чувствовать, что къ тому, чего оно хочетъ, оно твердо идетъ.

И при этомъ, какъ всегда, впрочемъ, при прояв-

леніи ясно для всѣхъ твердой воли, произошло интересное явленіе въ психическомъ мірѣ либеральной части общества. Я видѣлся съ нѣкоторыми изъ умныхъ ея представителей, а потому считаю себя въ правѣ сказать, что пишу en connaissance de cause. То, чего можно было ожидать въ либеральномъ лагерѣ, сильное и ожесточенное озлобленіе, то не проявилось; разумѣется, всѣ были въ этой части общества недовольны, но, въ то же время, не преувеличу, если скажу, что большая часть либеральныхъ людей была довольна по крайней мѣрѣ тѣмъ, что на политическомъ горизонтѣ, благодаря появленію такой крупной личности, какъ графъ Толстой, обозначалось нѣчто ясное и опредѣленное. По характерному выраженію одного умнаго либерала, лучше было это, чѣмъ топтанье на одномъ мѣстѣ, между какими то фантастическими видѣніями миражнаго собора и между разными движеніями то влѣво, то вправо, то назадъ. Всѣ были увѣрены, что берется за власть очень умный и очень твердый человѣкъ, и этой увѣренности было достаточно, чтобы очистить умственную атмосферу отъ всѣхъ міазмъ невѣдѣнія, куда идемъ.

О графѣ Толстомъ мнѣ уже пришлось говорить въ моихъ воспоминаніяхъ времени Александра II, какъ о инистрѣ народнаго просвѣщенія и какъ объ оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода. Сопоставляя тѣ назначенія съ тѣмъ, которое было сдѣлано Александромъ III, нельзя не высказать по этому поводу лишній разъ мысли о томъ, какъ судьба въ области нашей внутренней политики капризно играетъ своими фантазіями.

Графъ Толстой былъ такой государственный человѣкъ, что, будь онъ назначенъ при Александрѣ II не

министромъ народнаго просвѣщенія, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, не было бы ни печальнаго конца великаго царствованія Александра II и не было бы ужаса 1 марта. Но судьба пошутила въ своемъ капризѣ и дала Россіи графа Толстого въ роли министра такого вѣдомства, гдѣ онъ ничего не могъ произвести, кромѣ огромнаго вреда, только потому, что онъ все имѣлъ для этого поста, кромѣ одного, а это одно было главное—пониманіе молодежи. Этотъ міръ былъ для него совсѣмъ закрытъ, онъ былъ въ немъ и слѣпъ, и глухъ, вслѣдствіе чего вся проведенная имъ учебная реформа дала внѣшніе признаки порядка и извѣстнаго наружнаго строя, но зато безпощадно опустошила и развратила внутренній міръ всей нашей школы сверху до низу. Сдѣлавъ внѣшнимъ ригоризмомъ ненавистнымъ классицизмъ, онъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ молодежи ненавистную школу. И вредъ этотъ былъ такъ великъ и, въ особенности, глубокъ, что всѣ явленія болѣзни въ нашей школѣ, доведшія ее до нынѣшняго состоянія агоніи, были его проявленіями и періодами его постепеннаго разрушительнаго дѣйствія.

Но тотъ же графъ Толстой былъ, можетъ быть, единственный изъ государственныхъ людей того времени, который для поста министра внутреннихъ дѣлъ, кромѣ ума и твердой воли, имѣлъ главное, чего не имѣли его конкуренты,—пониманіе и знаніе организма русской жизни, какъ государственной, такъ и народной. Но шутки и капризы рока были неумолимы, и потративъ лучшіе годы своего ума на поприщѣ, гдѣ онъ только вредилъ, графъ Толстой, въ маѣ 1882 года очевидно, вступалъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, для которой онъ былъ созданъ, съ большимъ

запозданіемъ, ибо не могъ онъ не состариться отъ долгихъ годовъ во главѣ народнаго просвѣщенія и отъ того удара, который ему былъ нанесенъ такъ безцеремонно нервнымъ капризомъ Лорисъ-Меликова. Онъ запоздалъ даже и тѣмъ, что не былъ назначенъ министромъ внутреннимъ дѣлъ прямо послѣ Лорисъ-Меликова и немедленно послѣ манифеста 27 апрѣля, который по духу и смыслу своему именно требовалъ во главы внутренней политики графа Толстого. Въ 1882 г. онъ уже чувствовалъ себя больнымъ человѣкомъ. Но, тѣмъ не менѣе, когда Государь ему предложилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ его принялъ, забывъ старые счеты и свѣжія раненія своего самолюбія.

Тутъ, говоря объ этихъ раненіяхъ самолюбія и называя личность графа Толстого крупною, я считаю далеко не лишнимъ отмѣтить, что за долгій свой вѣкъ я не запомню человѣка, который бы съ такимъ достоинствомъ, съ такою гордостью настоящаго вельможи принялъ и носилъ нанесенное ему, въ его годы и въ его положеніи, оскорбленіе. Что онъ сильно его почувствовалъ, всѣ могли видѣть на его лицѣ, но ни однимъ звукомъ голоса онъ этого никому не повѣдалъ и, веселый на видъ, перешолъ отъ Георгіевскаго и Делянова къ изученію царствованія Императрицы Екатерины II безъ малѣйшей даже гримасы.

Но въ этомъ серьезномъ событіи назначенія графа Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ не обошлось безъ комизма. Комизмъ заключался въ дѣйствіи, которое произвелъ этотъ громовой ударъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ своею наружностью отражалъ добраго и радушно-привѣтливаго человѣка, но въ то же время онъ былъ самымъ

рельефнымъ изобразителемъ чего то мягкаго. Вотъ это то мягкое въ его министерствѣ приняло характеръ какого то студня, гдѣ ничего не двигалось какъ будто изъ страха развалиться, и гдѣ царила безконечная дремота въ противоположность канцеляріи графа, гдѣ каждый изъ дѣятелей изображалъ собою самоваръ, кипѣвшій бреднями своей отсебятины. Оттого, когда грянулъ громъ назначенія графа Толстого, все министерство проснулось вдругъ отъ спячки, чтобы затѣмъ впасть въ состояніе оцѣпенѣнія, и на днѣ каждой чиновничьей души вдругъ заговорилъ какой то драматическій страхъ. Видъ этотъ былъ комиченъ. Но состояніе душевное дѣятелей канцеляріи было даже драматично. Самовары вдругъ потухли, замерли всѣ мечтанія и стремленія въ области фантастическихъ народныхъ мотивовъ, и горѣвшіе жизнью глаза вдругъ померкли передъ мрачную завѣсою, затемнившей свѣтлѣвшее будущее.

XVIII.

(1882 годъ).

Начало дѣятельности гр. Д. А. Толстого.

Графъ Толстой жилъ на Моховой улицѣ, когда былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Вступленіе его въ должность совершилось безъ малѣйшаго шума, безъ рѣчей, безъ программы. Графъ Толстой вошелъ, сѣлъ за письменный столъ и началъ принимать доклады. Больше ничего не произошло. Пріемъ былъ назначенъ два раза въ недѣлю.

Однажды я поѣхалъ къ гр. Толстому на его квартиру въ Моховой улицѣ. Пріемъ начинался въ 11 часовъ утра. Графъ уже жилъ на министерской дачѣ Аптекарскаго острова. Пріѣхалъ я за пять минутъ до 11-ти, и, секунда въ секунду, въ 11 часовъ карета графа Толстого подъѣзжала къ дому.

Я засталъ его помолодѣвшимъ на цѣлыхъ десять лѣтъ и не только бодрымъ, но даже въ свѣтломъ настроеніи. Такъ какъ я пріѣхалъ только выразить графу свою радость по случаю его назначенія и высказать ему пожеланія, то, разумѣется, принятъ былъ очень любезно. Свиданіе продолжалось нѣсколько минутъ, но все-же я успѣлъ составить себѣ представленіе, что

минувшіе два года его бездѣйствія ни на іоту не измѣнили простоту и естественность его личности, какъ министра, и не привили ему никакого пессимизма.

Назначеніе министромъ свалилось на него какъ снѣгъ на голову; онъ считалъ себя уже сданнымъ въ архивъ человѣкомъ. Государь такъ любезно и такъ настойчиво его просилъ, что онъ не считалъ себя въ правѣ въ такое время и думать уклоняться отъ предложенной ему обузы, и такъ какъ Государь ему обѣщалъ свое полное довѣріе, то онъ принялъ должность. Положеніе не легкое, вслѣдствіе его неопредѣленности и отсутствія ясной программы. Онъ постарается ее дать почувствовать не на словахъ, а на дѣлѣ, ничего, впрочемъ, не обѣщая, кромѣ твердаго и законнаго управленія своимъ министерствомъ, и думаетъ, что когда всѣ его подчиненные это увидятъ, то будутъ дѣлать то же самое, и тогда постепенно водворится порядокъ. Но ломать ничего не надо.

Вотъ, приблизительно, что графъ успѣлъ высказать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Приходя и уходя, я замѣтилъ, какъ недавно пустынная передняя была заполнена многолюднымъ штатомъ жандармовъ, полицейскихъ, курьеровъ, а въ первой комнатѣ уже сидѣлъ у своего стола, по наслѣдію отъ гр. Лорисъ-Меликова. тотъ всѣмъ извѣстный симпатичный Романченко, который пробылъ при графѣ до его кончины и, начавъ при графѣ Шуваловѣ свою карьеру писаремъ, возвысился при гр. Толстомъ до превосходительнаго чина, неперестовая быть все тѣмъ же скромнымъ и полнымъ такта высокопорядочнымъ человѣкомъ.

По странной случайности, первымъ проявленіемъ политики твердаго и законнаго управленія явился цир-

куляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ по еврейскому вопросу. Онъ вызванъ былъ еврейскими погромами и произвелъ сильное впечатлѣніе тѣми ясностью и твердостью, съ которыми гр. Толстой, опираясь на законъ, предписалъ всѣмъ подчиненнымъ ему властямъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, не допускать повторенія такихъ безпорядковъ. Циркуляръ этотъ возымѣлъ магическое дѣйствіе надолго. И если я объ этомъ припоминаю, то дѣлаю сіе потому, что въ этомъ эпизодѣ въ началѣ дѣятельности гр. Толстого очень наглядно сразу обрисовались его авторитетная политическая личность и дѣйствіе ея на умы. Дѣло въ томъ, что, послѣ появленія этого циркуляра, евреи вообразили себѣ, что министра-юдофоба замѣнилъ министръ-юдофилъ въ лицѣ гр. Толстого, и сейчасъ-же стали объ этомъ трубить направо и налѣво. Графъ тотчасъ-же объ этомъ узналъ и сейчасъ-же сталъ пользоваться и губернаторами, при свиданіи съ ними, и всякимъ другимъ случаемъ, чтобы расхолаживать возгорѣвшіяся мечты евреевъ и проникать ихъ убѣжденіемъ, что онъ не потому не допускаетъ покушеній на собственность и жизнь евреевъ, чтобы питалъ къ нимъ симпатіи, а потому, что онъ непотерпитъ никакихъ нарушеній чьихъ-либо законныхъ правъ, какой бы національности ни были жертвы и виновники безпорядковъ. Очень скоро, безъ всякихъ новыхъ циркуляровъ, всѣ это поняли въ Россіи, и поняли это евреи, и жизнь внутри Россіи стала успокаиваться подъ магическимъ дѣйствіемъ проникавшаго въ нее сознанія режима твердой и законной власти, чего, именно, не успѣлъ, при всѣхъ его лучшихъ намѣреніяхъ, достигнуть мягкій и нерѣшительный режимъ графа Игнатьева.

Съ назначеніемъ гр. Толстого явился вопросъ: кто будутъ его ближайшіе сотрудники.

Впервые явился вопросъ: какъ будетъ съ положеніемъ шефа жандармовъ, которое гр. Лорисъ-Меликовъ, съ уничтоженіемъ III-го отдѣленія, соединилъ въ своемъ лицѣ со званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Впервые являлся шефъ жандармовъ въ видѣ статскаго сановника.

Тутъ простая личность гр. Толстого и отсутствіе въ немъ всякаго честолюбія высказались очень выразительно. Графъ Толстой сразу захотѣлъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ по рецепту Александра Македонскаго, отказавшись вовсе и отъ званія шефа жандармовъ и отъ завѣдыванія полиціею, и онъ первый высказалъ мысль объ учрежденіи министерства полиціи. Какъ поклонникъ всего легальнаго, онъ высказалъ именно эту мысль. Но охотниковъ до нелегальнаго во всякихъ сановныхъ сферахъ всегда много было и до гр. Толстого, и при немъ, и послѣ него; и едва только гр. Толстой заикнулся о своемъ желаніи отдѣлиться отъ жандармеріи и отъ полиціи, какъ заговорили охотники нелегальныхъ комбинацій. Свѣжо еще было преданіе обольстительнаго для всякаго потентата III отдѣленія съ его грознымъ, внѣ закона, всемогущимъ шефомъ жандармовъ. И вотъ опять заговорили въ высшихъ сферахъ о возстановленіи независимаго и самостоятельнаго шефа жандармовъ, и сейчасъ-же было произнесено имя генерала Трепова. Но гр. Толстой на эту комбинацію, зная слишкомъ хорошо, по опыту не одного десятка лѣтъ, какое обоюдоострое оружіе представляетъ собою учрежденіе самостоятельнаго шефа жандармовъ, самостоятельнаго именно потому, что оно

внѣ закона, отвѣтилъ рѣшительнымъ и категорическимъ veto. Тогда явилась новая комбинація, новая и довольно сложная: учрежденіе должности генералъ-полицмейстера съ подчиненіемъ ему департамента государственной полиціи и съ возстановленіемъ вновь упраздненнаго департамента полиціи исполнительной. Въ основу этой комбинаціи ложилась мысль—политическую полицію отдѣлить отъ министра внутреннихъ дѣлъ и, вмѣстѣ съ жандармами, сдать генералъ-полицмейстеру, а министру внутреннихъ дѣлъ отдать общую полицію. Для такой комбинаціи называли сперва генерала Черевина, а потомъ генерала Оржевскаго. Тѣмъ временемъ успѣлъ побывать въ Петербургѣ вызванный генералъ Треповъ, съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ предложенныхъ ему новыхъ должностей министра полиціи, до veto графа Толстого, и генералъ-полицмейстера. Графъ Толстой былъ въ нерѣшительности, какъ выйти изъ этого труднаго положенія. Помогли ему выйти изъ него, какъ мнѣ тогда говорили, два человѣка: директоръ департамента государственной полиціи Плеве и товарищъ министра П. Н. Дурново. Первый убѣдилъ графа Толстого въ томъ, что, по нынѣшнимъ временамъ, нельзя быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, то-есть отвѣчать за порядокъ, не имѣя въ своихъ рукахъ всѣ органы полиціи, государственной и общей, а второй далъ практическій совѣтъ ничего не измѣнять и, благо подвернулся Оржевскій, назначить его товарищемъ министра, завѣдующимъ полиціею, и командиромъ жандармскаго округа. А министру внутреннихъ дѣлъ быть, попрежнему, шефомъ жандармовъ. Такъ и было сдѣлано.

XIX.

(1882 годъ).

Иванъ Николаевичъ Дурново.

Вопросъ о томъ, кто будетъ главнымъ помощниковъ графа Толстого, явился, разумѣется, тотчасъ по его назначеніи. Ушедшій министръ оставилъ своему преемнику двухъ товарищей, Готовцева и И. Н. Дурново. По этому поводу мнѣ припоминается интересный разсказъ Плеве, бывшаго тогда директоромъ департамента государственной полиціи. Послѣ назначенія гр. Толстого является къ нему И. Н. Дурново и, съ лицомъ, выражающимъ тревогу и волненіе, повѣряетъ ему свои прощальныя впечатлѣнія, или, вѣрнѣе, свои прощальныя предчувствія. Завтра его первое свиданіе съ гр. Толстымъ, и несомнѣнно, онъ скажетъ ему въ заключеніе: ищите себѣ мѣсто. Плеве на это ему говоритъ, смѣясь: «А я, Иванъ Николаевичъ, пророчу вамъ другое: вы очаруете собою графа Толстого, и онъ вамъ скажетъ: «оставайтесь» самымъ любезнымъ образомъ». «Пророчество мое сбылось,—прибавилъ Плеве:—Иванъ Николаевичъ воспользовался всѣми своими чарами такъ

искусно, что когда, въ заключеніе перваго свиданія, онъ заикнулся о своемъ будущемъ, то графъ Толстой ему на это сказалъ: «По нашей долгой съ вами бесѣдѣ, вы могли догадываться, что я не только далекъ отъ мысли съ вами разстаться, но что я буду просить васъ остаться, какъ о личномъ для меня одолженіи, если только съ вашей стороны къ тому нѣтъ препятствій». Этою первою бесѣдою Иванъ Николаевичъ Дурново не только упрочилъ при графѣ Толстомъ свое положеніе незыблимо, но упрочилъ себѣ и для будущаго перспективу быть его преемникомъ.

Я убѣжденъ, что это такъ было... И. Н. Дурново былъ, въ смыслѣ обладателя чаръ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ. Не обладая ни большимъ умомъ, ни умѣніемъ говорить, онъ умѣлъ чудеса творить, обольщая своею манерою говорить, своимъ подборомъ выраженій, своимъ искусствомъ играть физіономіею, глазами, улыбкою, интонаціями голоса, своимъ умѣніемъ, какъ говорится, влѣзать въ душу, такъ-что я не встрѣчалъ человѣка, который бы могъ не поддаваться этимъ чарамъ... Этимъ же объясняется, что онъ былъ много лѣтъ любимымъ губернскимъ предводителемъ дворянства и много лѣтъ губернаторомъ, и въ какое же время!—въ разгаръ либеральныхъ вѣяній. Шутка сказать, быть популярнымъ предводителемъ и потомъ популярнымъ губернаторомъ, то-есть умѣть одновременно очаровывать и лѣвыхъ и правыхъ, и затѣмъ, въ теченіи часа обворожить при Александрѣ III кого же? — графа Толстого, самаго холоднаго и неподатливаго ни на какія впечатлѣнія фанатика консерватизма.

И съ этой минуты онъ сдѣлался правою рукою гр.

Толстого. Послѣдній оставилъ за собою только руководительную дѣятельность по всѣмъ департаментамъ министерства, вѣдѣніе политическихъ дѣлъ и доклады по главнымъ вопросамъ, а всю текущую часть отдалъ сразу въ полное и безотчетное распоряженіе своего товарища. Другой же товарищъ, Готовцевъ, улетучился немедленно и вернулся въ свою Ривьеру, откуда былъ похищенъ графомъ Игнатьевымъ. И вотъ съ тѣхъ поръ создалась многозначащая фигура въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которую никто не называлъ ни товарищемъ министра, ни Дурново, но всегда Иваномъ Николаевичемъ. Графъ Толстой сто разъ въ день произносилъ это имя, ибо изъ 10 вопросовъ, по которымъ къ нему обращались, 9 разъ онъ говорилъ: «обратитесь къ Ивану Николаевичу». И надо сказать правду, что лучшаго выбора товарища, именно, графъ Толстой сдѣлать не могъ. Графъ Толстой имѣлъ качества крупнаго государственнаго дѣятеля, которыми не обладалъ И. Н. Дурново, но всѣ они были цѣнны для веденія дѣла въ смыслѣ политики, но для сношеній съ людьми онъ не имѣлъ ни одного нужнаго качества изъ тѣхъ, которыми былъ богатъ его товарищъ,—умѣнія обольщать, заговаривать зубы, когда нужно, ободрять, проявлять наружное участіе, словомъ, на всѣхъ производить пріятное впечатлѣніе, даже тогда, когда приходилось человѣку отказывать въ его просьбѣ.

Но зато, рядомъ съ этимъ у графа Толстого въ отношеніяхъ къ людямъ было качество, котораго не только не было у его товарища, но котораго ни до него, ни послѣ него я не находилъ ни въ одномъ государственномъ человѣкѣ. Качество это было—обѣщанное исполнять. Разъ гр. Толстой васъ выслушалъ и,

признавъ, что вы правы, сказалъ вамъ: я сдѣлаю то-то,— вы могли быть увѣрены, что никакія препятствія не помѣшаютъ ему сдѣлать то, что онъ обѣщалъ. Если, наоборотъ, онъ скажетъ: нѣтъ,—то, кто бы ни просилъ, какая бы протекція ни являлась, все сокрушалось объ его неумолимое рѣшеніе. Такимъ образомъ, всемогущій Иванъ Николаевичъ гармонично дополнялъ своею любезною натурою неумолимо-холодную натуру всемогущаго графа Толстого. И все въ министерствѣ шло какъ по маслу.

Всѣхъ болѣе приходилъ въ невыразимое и въ то же время комическое изумленіе отъ совсѣмъ новаго образа быть министромъ, который создалъ гр. Толстой въ своихъ привычкахъ и въ заведенномъ имъ порядкѣ, состоявшій при немъ по преемству Романченко. Графъ Толстой начиналъ свой день съ семи часовъ утра и требовалъ, чтобы къ восьми всѣ входящія бумаги были на его письменномъ столѣ. Онъ просматривалъ всѣ бумаги и, такъ какъ память у него была поразительная, то, полагая на разныхъ бумагахъ, болѣе важныхъ, свои резолюціи, онъ помнилъ каждую изъ нихъ и принималъ уже докладъ по исполненію его резолюціи, отлично помня обстоятельства дѣла, изложенныя въ бумагѣ, на которой онъ клалъ резолюцію. «Затѣмъ,— говорилъ какъ-бы въ благоговѣйномъ изумленіи Романченко,—къ одиннадцати часамъ утра на письменномъ столѣ было чисто, какъ на полу,—ни единой бумажонки, ни одного конверта. А давно-ли было время, когда по три раза въ день мы вносили въ кабинетъ министра цѣлые вороха докладовъ и конвертовъ!». Днемъ гр. Толстой принималъ доклады, а вечеромъ переставалъ быть министромъ и предавалъ министерство полному забвенію.

Совсѣмъ новымъ явился также пріемъ просителей и должностныхъ лицъ для всѣхъ привыкшихъ видѣть на пріемахъ министра внутреннихъ дѣлъ безалаберность и недоразумѣніе: то одинъ сидитъ четверть часа, то другому даютъ три минуты, когда ему нужно цѣлыхъ десять, то пріемъ затягивается такъ долго, что окончаніе откладывается до слѣдующаго дня. У графа Толстого введены были порядки его прежней министерской практики. Онъ принималъ два раза въ недѣлю, и въ теченіе этого часа всѣ были приняты, но каждый оставался у министра лишь столько, сколько нужно было, чтобы быть выслушаннымъ и получить отвѣтъ. Губернаторамъ онъ задавалъ нѣсколько существенныхъ вопросовъ, а если губернаторъ имѣлъ надобность въ болѣе пространномъ докладѣ, графъ Толстой отсылалъ его къ Ивану Николаевичу, говоря: «передайте ему все подробно, а онъ мнѣ доложитъ». Я нѣсколько разъ бывалъ на этихъ пріемахъ и подмѣтилъ двѣ черты: страхъ, овладѣвавшій губернаторомъ передъ пріемомъ, и отзывы удовольствія и даже иногда восторга отъ того пріема на нѣсколько минутъ, которыя отпускалъ министръ просителю, но во время которыхъ графъ Толстой плѣнялъ просителя своимъ вниманіемъ и своими категорическими отвѣтами.

XX.

(1882 годъ).

Святая дружина.—Генералъ Грессеръ.

Весною 1882 года заговорили о какой-то «святой дружинѣ».

Родилась эта мысль, очевидно, какъ рефлексъ 1 марта, и заключалась въ задачѣ устроить тайную боевую организацію противъ революціонеровъ и, въ то же время, охранительную. Кто былъ учредителемъ этой организаціи, не знаю, но знаю, что, когда я услыхалъ о ней, она уже, какъ модная идея, гуляла по гостинымъ Петербурга и связывалась съ именами гр. Воронцова, генерала Черевина, кн. Бѣлосельскаго и др. въ томъ-же родѣ, такъ что, судя по этимъ именамъ можно было догадаться, что главные дѣятели этой дружины принадлежали къ придворнымъ и свитскимъ сферамъ.

Однажды заговорилъ со мною объ этой дружинѣ одинъ изъ пріятелей моихъ, баронъ Р., флигель-адъютантъ, и, послѣ краснорѣчиваго очерка, сдѣланнаго имъ патріотическому и полезному значенію такой организаціи, онъ предложилъ мнѣ въ нее войти. Въ по-

дражаніе нѣкоторымъ революціоннымъ тайнымъ организаціямъ, и эта дружина представляла собою тройки, въ которыхъ учредитель каждой такой тройки зналъ того, кто его ввелъ въ дружину, и больше никого не зналъ, ни кверху, ни книзу. Разумѣется, таинственность много придавала охоты вступить въ эту организацію. Столь-же таинственною была программа членовъ этого общества, о которой отъ своего пріятеля, барона Р., я никакихъ точныхъ свѣдѣній получить не могъ. Всѣ его указанія ограничивались только тѣмъ, что, вступая въ эту дружину, я отдаю себя въ распоряженіе того главнаго комитета, который можетъ черезъ него, барона Р., въ порядкѣ подчиненности, возложить на меня извѣстное дѣло или извѣстное порученіе. Не могъ я также узнать отъ моего таинственнаго дружинника, въ чемъ, собственно, должна была и могла заключаться боевая охранительная дружина, но изъ того, что онъ мнѣ высказалъ, я вывелъ смутное заключеніе, что дружина не исключаетъ изъ своихъ задачъ дѣйствія контръ-террора, хотя впослѣдствіи оказалось, что никакихъ тайныхъ экзекуцій она себѣ не дозволяла.

Когда мой пріятель баронъ Р., меня увѣрилъ, что я могу, по его убѣжденію, принести пользу цѣлямъ дружины, я согласился поступить въ нее и прошелъ черезъ подобіе какой-то присяги, но засимъ отъ обязательства устраивать тройку безусловно отказался, такъ какъ могу отвѣчать за себя въ дѣлѣ политическихъ убѣжденій, но за кого-либо принимать на себя отвѣтственность не могу. Послѣ этого я ничего не слыхалъ объ этой дружинѣ, по отношенію къ своей роли, и уже въ слѣдующемъ году узналъ, что эта святая дру-

жина утратила свое таинственное значеніе боевой политической организаціи, и ограничила свою сферу дѣятельности исключительно охранительными полицейскими функціями, и къ коронаціи приняла на себя охраненіе порядка въ Москвѣ, въ каковомъ дѣлѣ главную роль играли московскіе старообрядцы. Послѣ коронаціи толки о святой дружинѣ смолкли, такъ какъ и она замерла.

Для Петербурга, во всякомъ случаѣ, сторонняя помощь любителей, въ родѣ святой дружины, сдѣлалась ненужною, потому что тамъ появился въ видѣ главы полиціи знаменитый Грессеръ. Очень интересно было появленіе этого человѣка на петербургскую арену. Петръ Аполлоновичъ Грессеръ былъ одинъ изъ многихъ сѣренькихъ людей, ничѣмъ не отличавшихся, который, благодаря протекціи князя Дондукова-Корсакова, попалъ въ харьковскіе губернаторы. Тамъ онъ пріобрѣлъ репутацію плохенькаго губернатора, но энергичнаго полицейскаго. И вотъ, въ одинъ прекрасный для него день, этому плохенькому губернатору генералъ Оржевскій, бывшій товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающимъ полиціею, предлагаетъ постъ петербургскаго оберъ-полицмейстера. Грессеръ, разумѣется, принимаетъ, и вдругъ на улицахъ Петербурга появляется громаднаго роста, съ весьма опредѣленною и твердою наружностью, съ энергическими движеніями генералъ, который въ скоромъ времени сталъ популярнѣе одного изъ своихъ предшественниковъ, покойнаго генерала Трепова. Это былъ очень интересный типъ человѣка. Уже одно то, что плохенькій губернаторъ въ Харьковѣ оказался чуть ли не идеальнымъ начальникомъ полиціи и градоначальни-

комъ въ Петербургѣ—въ высшей степени курьезное явленіе. Фактъ тотъ, что ни до Грессера, ни послѣ Грессера Петербургъ не имѣлъ подобной, по энергіи и здравомыслію, личности во главѣ города. Легко могло быть, что онъ оказался плохимъ губернаторомъ, потому-что я рѣдко видѣлъ человѣка столь чуждаго внутренней политики, столь далекаго отъ нея и столь недалекаго для нея, какъ Грессеръ; но за то никогда не видѣлъ человѣка, какъ будто созданнаго для извѣстнаго поста, какимъ оказался Грессеръ относительно своего петербургскаго поста.

Я познакомился съ Грессеромъ вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ и изумлялся тому спокойствію, тому хладнокровію, съ которыми онъ обращался со своимъ положеніемъ въ столицѣ, куда онъ попалъ изъ захолустья и гдѣ онъ ровно никого не зналъ и не имѣлъ никакой протекціи. Потомъ я еще болѣе удивлялся тому, какъ онъ постепенно собственнымъ здравымъ смысломъ, собственнымъ тактомъ росъ на своемъ посту, никого не задѣвая, никому не кланяясь и ни у кого не заискивая. Въ разговорѣ о политикѣ, о литературѣ, о великосвѣтскихъ злобахъ дня, о придворномъ мірѣ—онъ казался менѣе свѣдущъ и наивнѣе своего вѣстового; но когда вы входили въ область его служебной дѣятельности, этотъ человѣкъ вдругъ преображался не только въ страстнаго любителя, но въ генія своего дѣла; всегда на видъ ледяной, онъ загорался какимъ-то огненнымъ энтузіазмомъ и прямо васъ очаровывалъ. На своихъ утреннихъ пріемахъ онъ напоминалъ графа Д. А. Толстого краткостью своихъ діалоговъ и точностью своего отвѣта: да или нѣтъ, средины у него не было; мягко, ровно онъ говорилъ:

будетъ сдѣлано,—и дѣло было сдѣлано; или говорилъ: нельзя. Всего сильнѣе было впечатлѣніе отъ его обращенія со студентами. Въ 1882 году начались безпорядки въ Казанскомъ университетѣ, которые быстро перекинулись въ Петербургъ. Начались форменные безпорядки, сходки, возбудительныя рѣчи, сопротивленіе ректору и т. д., потребовавшіе вмѣшательства полиціи. Впервые Грессеру пришлось имѣть дѣло съ тысячами бушующихъ студентовъ. Онъ подъѣхалъ къ университету одинъ, одинъ вошелъ въ университетъ, спокойно и хладнокровно, одинъ появился среди студентовъ и самымъ ровнымъ, мягкимъ, но твердымъ голосомъ обратился къ нимъ съ дружескими, но, въ то же время, авторитетными совѣтами прекратить безпорядки, ни къ чему иному, какъ къ ухудшенію ихъ участи, не ведущіе,—и рѣчи его имѣли магическое дѣйствіе только потому, что Грессеръ взывалъ къ благоразумію и къ порядочности студентовъ. Студенты успокоились и начали расходиться. И вотъ что замѣчательно: эта первая встрѣча лицомъ къ лицу Грессера со студентами была причиною, почему Грессеръ, съ тѣхъ поръ, до самой своей смерти былъ между студентами популяренъ, но не въ ущербъ своему авторитету и не потому, что онъ искалъ этой популярности, а именно сохраняя и усиливая свой нравственный авторитетъ честнымъ, прямымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ молодежи.

XXI.

(1882 годъ).

Дѣйствіе на Русскую жизнь—управленіе гр. Толстого.

Единственнымъ событіемъ, нарушившимъ однообразіе жизни Двора въ этомъ году, была поѣздка въ концѣ лѣта Ихъ Величествъ въ Москву для посѣщенія промышленной выставки. Поѣздка эта продолжалась всего четыре дня. Встрѣча, сдѣланная Москвою новому Государю, была, какъ говорили мнѣ лица, видѣвшія ее, необыкновенна по проявленіямъ сердечныхъ чувствъ во всѣхъ безъ исключенія сословіяхъ. Двѣ причины объясняли сердечность этого пріема: свѣжія еще воспоминанія 1 марта, и другая, заключавшаяся въ томъ, что еще съ молодыхъ лѣтъ, будучи наслѣдникомъ, личность Александра III была особенно симпатична москвичамъ. Когда эти симпатіи проявились такъ демонстративно, тогда, по возвращеніи ихъ Величествъ изъ Москвы, подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній о поѣздкѣ, начала гулять молва о переѣздѣ Двора въ Москву, какъ бы въ отвѣтъ на зовъ «домой», не разъ раздававшійся на страницахъ аксаковскихъ изданій,

Откуда брала свое начало эта молва, я не могъ понять потому-что всего менѣе она могла исходить изъ сферъ окружавшихъ Государя и отъ Государя самого. По догадкѣ, можно было влеченіе къ переѣзду въ Москву объяснить въ Государѣ глубоко засѣвшею въ немъ послѣ 1 марта антипатіей къ Петербургу; но дѣло въ томъ, что онъ слишкомъ привязался къ своему гатчинскому затвору въ маленькихъ комнатахъ гатчинскаго дворца, слишкомъ привыкъ къ нимъ и къ создавшейся обстановкѣ своей новой жизни, чтобы онъ могъ думать промѣнять ихъ на жизнь въ московскомъ кремлѣ, въ городѣ, гдѣ такъ мало было для него личныхъ знакомствъ и такъ мало жизненныхъ воспоминаній. Помню, что какъ-то въ бесѣдѣ съ Государемъ зашла рѣчь объ этой идеѣ переѣзда въ Москву, и когда Государь по этому поводу перевелъ вопросъ на практическую почву и въ нѣсколькихъ цифрахъ очертилъ, что за колоссальный расходъ представляло бы собою осуществленіе этого переѣзда, независимо отъ всякихъ неудобствъ, то пришлось ужаснуться и согласиться съ нимъ, что этотъ переѣздъ неосуществимъ. По приблизительному подсчету выходило, что при переѣздѣ Двора въ Москву для долговременнаго пребыванія потребовалось бы на разныя приспособленія болѣе 5 милліоновъ. Сумма, сама по себѣ, большая, но для Императора Александра III, который съ ранней молодости былъ для всякихъ расходовъ на себя неумолимо скупъ, такая цифра должна была показаться ужасающею.

Торжество коронаціи, послѣ неоднократныхъ обсужденій, между которыми допущено было предположеніе возможности ее совершить зимою, окончательно было

назначено на май 1883 года. Этому рѣшенію содѣйствовалъ графъ Толстой, который высказывалъ увѣренность, что къ тому времени можно будетъ ожидать болѣе прочнаго успокоенія и водворенія порядка въ Россіи. Назначеніе графа Толстого уже къ концу 1882 года, послѣ 6 мѣсяцевъ его спокойнаго и твердаго управленія, обнаружило огромные результаты въ смыслѣ этого успокоенія и этого водворенія порядка. Нѣкоторые изъ губернаторовъ, съ которыми мнѣ приходилось видѣться, говорили мнѣ, что они сами не понимаютъ, какимъ образомъ въ столь сравнительно короткое время могли быть достигнуты такіе результаты, такъ какъ гр. Толстой никакихъ демонстративныхъ проявленій своей власти не дѣлалъ, ни къ какимъ мѣрамъ крутой репрессіи не прибѣгалъ; но фактъ тотъ, что состояніе умовъ стало неузнаваемо въ томъ смыслѣ, что прекратилось шатаніе мыслей, прекратилось это исканіе власти, и вездѣ люди начали проявлять самостоятельное уваженіе къ порядку. Въ этомъ отношеніи дѣйствіе на жизнь духа, такъ сказать, управленіе гр. Толстого было, дѣйствительно, въ высшей степени интереснымъ явленіемъ; въ этомъ дѣйствіи было что-то не то магическое, не то таинственное; переписка не усилилась, полиція не усилилась, губернаторы въ большинствѣ были все тѣ же, но тотъ фактъ, что въ теченіе 3—4 часовъ ежедневно сидѣлъ въ кабинетѣ министръ внутреннихъ дѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, графъ Толстой, и не пропускалъ мимо ушей ни одного слова, и не говорилъ ни одного лишняго слова, и не допускалъ возможности его приказанію быть не исполнительнымъ, какимъ-то безпроволочнымъ телеграфомъ сообщался всѣмъ и каждому въ провин-

ціи и производилъ повсемѣстно одно и тоже ободряющее дѣйствіе. И то, что говорили губернаторы объ умственной метаморфозѣ въ Россіи, то самое повторяли тѣ многіе пріѣзжіе изъ губерній помѣщики, съ которыми я видѣлся.

Но, кромѣ того, я лично имѣлъ въ своемъ маленькомъ мірѣ доказательства правдивости этихъ отзывовъ людей изъ провинціи. Барометромъ политической погоды служилъ мнѣ всегда мой «Гражданинъ»: когда усилилось либеральное броженіе и, вслѣдствіе этого, ослаблялся порядокъ въ жизни,—уменьшалось подписка на «Гражданинъ». И вотъ, въ концѣ 1882 года оказалось, что подписка на «Гражданинъ» поднялась до цифры, до которой она ни когда не доходила, причемъ многія письма подписчиковъ заключали въ себѣ цѣлыя исповѣданія вѣры, въ наступившее время успокоенія и упорядоченія жизни.

Это была поучительная эпоха въ исторіи Россіи, хотя, при отсутствіи у насъ самостоятельной и безпристрастной исторической критики, отрезвляющій смыслъ этой эпохи, какъ тогда, такъ послѣ, подъ вліяніемъ либеральнаго пристрастія, не былъ ни достаточно выясненъ, ни даже признанъ. Ее охарктеризовали опошлившимся и шаблоннымъ словомъ «реакція», причемъ, разумѣется, дѣйствіе твердой и разумной власти на жизнь было названо тоже опошлившимся словомъ репрессивнаго гнета на общество, тогда какъ, вспоминая то время безпристастно и свободно отъ всякихъ предвзятыхъ или личныхъ мыслей, нельзя не признавать, что отличительнымъ его признакомъ было, именно, отсутствіе репрессивнаго гнета. Что это значило? Это значило, что авторитетное дѣйствіе правительствен-

ной твердой власти ясно и строго отдѣляло общество и сословія государства отъ боевыхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кружковъ и, вслѣдствіе этого не допускало, чтобы отъ мѣръ противодѣйствія послѣднимъ могли страдать первыя, то-есть общество и сословія государства. Если бы правительство при графѣ Толстомъ исходило изъ мысли дѣлать отвѣтственною Россію за порядокъ вещей, приведшій къ 1 марту, то, разумѣется, всѣ мѣры репрессіи и всѣ проявленія его власти не могли бы дать провинціи возможности свободнаго ощущенія на себѣ благотворнаго дѣйствія твердой власти, и ощущеніе себя подъ гнетомъ мѣшало бы ощущенію возврата жизни къ порядку. Уваженіе къ авторитету власти и ненависть къ насилію были присущи духовной личности графа Толстого, и они не только отражались въ его политикѣ, но были ея руководящими и отличительными чертами. Съ одной стороны, отсутствовало въ этой политикѣ лицемѣріе, а съ другой стороны, проявлялось уваженіе къ обществу, къ личности человѣка, къ правамъ народа и къ законности.

XXII.

(1883 годъ).

Коронованіе Государя было назначено на 15 мая.

Съ этимъ всенароднымъ событіемъ связалось для меня самое важное событіе моей жизни.

Когда Дворъ, переѣхавъ въ Москву, поселился въ Петровско-Разумовскомъ дворцѣ для говѣнія, я написалъ Государю письмо. Душевныхъ побужденій къ тому было не мало и всѣ они были естественны. Въ этомъ письмѣ я сообщалъ ему, такъ какъ ни одна минута изъ этого далекаго прошлаго — прошлаго дорогого и ему и мнѣ, прошлаго его молодости, его подготовленія къ наступившей сегодня великой минутѣ—во мнѣ не перестаетъ быть живою, то онъ, вѣроятно, пойметъ, что перенестись теперь къ нему всѣми мыслями и всѣми чувствами моего существа—для моей души есть непреодолимая потребность. Пишу, чтобы ничего не просить кромѣ права быть мысленно при немъ въ эти самые святые дни его жизни и молиться съ тѣми, которые искренно призываютъ на главу его благосло-

веніе Божіе. И если въ немъ не угасли воспоминанія нашей общей поры молодости, то надѣюсь, что въ нихъ его сердце найдетъ причину принять, какъ когда-то, ласково мое сегодняшнее привѣтствіе.

Черезъ два дня я получилъ черезъ К. П. Побѣдоносцева письмо отъ Государя, которое, кромѣ радости, вызвало во мнѣ слезы, ибо въ немъ Государь, говоря о воспоминаніяхъ своей молодости и назвавъ ихъ дорогими, во имя этихъ воспоминаній предавалъ забвенію то, что насъ разъединило послѣ, и создавалъ для меня новыя къ себѣ отношенія во имя стараго довѣрія къ моей ему преданности. Въ заключеніе письма онъ звалъ меня на свиданіе съ нимъ по возвращеніи въ Петергофъ.

Свиданіе это состоялось вскорѣ по возвращеніи Двора въ Петергофъ.

Признаюсь, не безъ волненія я ступалъ по ступенямъ той деревянной лѣстницы петергофскаго коттеджа въ Александріи, по которымъ, когда-то, молодымъ, входилъ такъ беззаботно. Камердинеръ открылъ мнѣ дверь кабинета, и я очутился, въ первый разъ, передъ Александромъ III—Государемъ. Онъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и, протянувъ руку. обнялъ меня, Разумѣется, это безмолвіе первой минуты свиданія, послѣ многихъ лѣтъ, было краснорѣчивѣе всякаго слова.

Затѣмъ Государь сѣлъ на диванъ, передъ столомъ, и пригласилъ меня сѣсть передъ собою; мы пробесѣдовали болѣе часа.

Эта была одна изъ самыхъ необыкновенныхъ, если не самая необыкновенная, бесѣдъ въ моей жизни по психическому состоянію, въ которомъ я находился. Все пережитое и перечувствованное за эти годы рва-

лось со дна души и хотѣлось высказать, и въ то же время, все, что безлично ему, какъ Государю, хотѣлось высказать, тоже рвалось наружу и какъ плотина, не давала прохода первому потоку впечатлѣній. Сначала мы заговорили о коронаціи. Глубокое впечатлѣніе на меня произвела та чистая и благоговѣйная простота, съ которою, Государь высказалъ имъ испытанное впечатлѣніе отъ совершившагося торжества. Никакими словами—говорилъ, сколько помню, Государь,—нельзя выразить всѣ эти впечатлѣнія. Это, именно, были святыя минуты—и къ Богу близко и къ народу близко.

Потомъ со мною въ разговорѣ произошелъ инцидентъ, изъ котораго я никакъ не могъ благополучно выбраться. Государь вдругъ спросилъ меня:

— Отчего же вы не были на моемъ коронованіи?

Застигнутый врасплохъ этимъ вопросомъ, я долженъ былъ что-то отвѣтить не совсѣмъ удовлетворительное и затѣмъ поспѣшилъ перейти къ другому предмету разговора. Прошло минутъ двадцать; наступилъ мигъ молчанія, и Государь снова сказалъ:

— А все-таки интересно, почему вы не были на моемъ коронованіи.

Тогда я рѣшилъ повѣдать Государю голую истину.

— Государь, я не былъ потому, что не могъ быть, а не могъ быть потому, что мундиръ мой недостоенъ, по своей вѣтхости, такого торжества. Когда ваше письмо мнѣ сказало, что я не чужой буду на вашемъ торжествѣ, я бросился искать новый мундиръ, но увы, ни за какія деньги не могъ ни достать, ни заказать.

Когда мы приступили къ разговору о нынѣшнемъ положеніи внутренней политики, Государь высказался спокойно, твердо и, въ то же время, съ тѣмъ личнымъ

смиреніемъ, которое въ молодости было отличительною и обаятельною, въ то же время чертою.

— Я надѣюсь, — говорилъ онъ, что мнѣ удастся успокоить Россію и водворить порядокъ, безъ котораго, что ни дѣлай, все будетъ безъ проку. Графъ Толстой взялся за дѣло спокойно и безъ всякихъ фокусовъ, и, насколько я могу судить, онъ ведетъ свое дѣло честно и не гоняется за популярностью.

— Да,—сказалъ я — въ этомъ отношеніи графъ Толстой приноситъ вамъ большую пользу. Самое трудное для Государя — это уходить отъ искушенія смѣшивать популярность съ любовью и довѣріемъ народа. Лорисъ-Меликовъ эту разницу поразительно доказалъ на дѣлѣ: онъ былъ искренно убѣжденъ, что популярность и любовь народа—это одно и то же, и въ результатѣ получилось, что народъ остался при всей его тяжелой жизни и драма 1 марта.

— Меня могутъ осуждать, критиковать, но двухъ вещей про меня не могутъ сказать: чтобы я искалъ популярности и чтобы я не любилъ Россію и русскій народъ, за популярность я пятачка не далъ бы; а любви къ Россіи—худо или хорошо, не мнѣ судить—я отдаю всю мою жизнь.

Вотъ приблизительно слова Государя.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ Императрицы.

Услыхалъ отъ нея, что она очень рада меня снова видѣть.

Черезъ нѣсколько минутъ она ушла и мы окончили бесѣду.

Я спросилъ у Государя, неужели онъ не вернется жить въ Царское.

Государь отвѣтилъ мнѣ, что пока нѣтъ: онъ привыкъ къ своимъ маленькимъ комнатамъ въ Гатчинѣ, гдѣ нашелъ успокоеніе послѣ 1 марта, а Царское слишкомъ полно воспоминаній о покойномъ отцѣ.

Прощаясь, Государь сказалъ мнѣ слова, которыя дали смыслъ 11 годамъ моей жизни, до конца его царствованія.

Надѣюсь будемъ видѣться, когда понадобится вамъ меня видѣть, напишите мнѣ, а такъ же пишите мнѣ обо всемъ, что заслуживаетъ моего вниманія.

Съ волненіемъ я пришелъ, съ волненіемъ и уходилъ; но только второе волненіе ужъ было другое: то было волненіе отъ неизвѣстнаго, а это было волненіе отъ всего, что узналъ; а узналъ я о новомъ назначеніи моей жизни—о святой возможности быть въ общеніи съ Государемъ и приносить ему посильную пользу.

Тутъ съ особенною силою во мнѣ пробудились всѣ впечатлѣнія тѣхъ годовъ, когда близкія отношенія съ тогдашнимъ Наслѣдникомъ престола проникнуты были одною цѣлью и одною заботою—жить для подготовленія его къ престолу, и свиданіе, сейчасъ бывшее, наполнило душу ощущеніемъ, или вѣрнѣе предчувствіемъ, что все прошлое подготовило въ немъ Монарха достойнаго своего народа; а я уходилъ послѣ перваго свиданія съ этимъ Монархомъ съ задачею помогать ему въ трудномъ дѣлѣ царствованія, такъ-же честно и непримѣтно, какъ помогалъ ему во дни его молодости готовиться къ престолу.

XXIII.

(1883 годъ).

Мой кабинетъ.—И. С. Тургеневъ.

Послѣ того, что я имѣлъ свиданіе въ Петергофѣ съ Государемъ, и объ этомъ начали узнавать люди, интересующіеся человѣкомъ прежде всего съ точки зрѣнія вопроса, каковы его придворные фонды,—въ моемъ кабинетѣ стали появляться *пріятели* новой формаціи, то-есть люди, едва кланявшіеся прежде мнѣ на улицѣ, съ любезною улыбкою на губахъ, съ вопросомъ, какъ я поживаю, и съ будто-бы сердечнымъ возгласомъ: сто лѣтъ не видѣлись!

Съ этой поры мой кабинетъ сталъ уподобляться морскому прибрежью, тѣмъ, что въ немъ происходилъ постоянный приливъ и отливъ—*друзей,* разумѣется, въ весьма ироническомъ смыслѣ. Одновременно стали появляться новые подписчики на «Гражданинъ», не стыдившіеся говорить мнѣ съ какою-то убѣжденною интонаціею, что они только-что познакомились съ моимъ журналомъ и нашли его очень интереснымъ. И съ минуты на минуту мой кабинетъ, благодаря *новымъ*

друзьямъ, сталъ очень интересною маленькою сценкою для вѣчной комедіи человѣческой подлости. Какъ вчера помню одного государственнаго человѣка, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но обыкновенныхъ. Онъ вдругъ говоритъ разъ мнѣ:

— Не знаете ли вы, князь, отчего я васъ такъ люблю?

Про-себя я далъ ему отвѣтъ: знаю, потому что я пробылъ часъ у Государя,—но ему я отвѣтилъ: право, не знаю. Затѣмъ пришелъ зовъ къ нему къ обѣду вечеромъ, запросто, когда вздумается. И помню также, какъ нѣсколько дней послѣ смерти Государя, этотъ же самый государственный человѣкъ, уже министръ, зная, что при новомъ дворѣ мои фонды—ноль, говоритъ мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Моя жена не совсѣмъ здорова, такъ что обѣденный день у насъ прекращается.

А я обѣдалъ у него по понедѣльникамъ. И съ тѣхъ поръ ни разу онъ не звалъ меня на обѣдъ. Въ разныхъ видахъ, сколько разъ такіе психическіе инциденты разыгрывались въ моемъ кабинетѣ!

И все являлись консерваторы. Откуда ихъ берется такъ много?—задавалъ я себѣ вопросъ, припоминая, какъ два года назадъ ихъ оказывалось такъ мало. Даже болѣе того: въ моемъ кабинетѣ появлялись, въ теченіе этого года, въ видѣ консерваторовъ люди, которыхъ года три назадъ я зналъ какъ либераловъ, и одинъ изъ нихъ, князь Х., на мой, будто бы наивный вопросъ, съ которыхъ поръ онъ читаетъ «Гражданинъ», съ цинизмомъ отвѣтилъ: съ тѣхъ поръ, что измѣнилось теченіе—я терпѣть не могу итти противъ теченія!

Такъ или иначе, но эти появленія новыхъ *друзей*

придавали моему кабинету новый колоритъ оживленія и разнообразія, который былъ очень интересенъ. Изъ консерваторовъ новой формаціи были и такіе, которые, въ порывахъ своего консервативнаго усердія, хотѣли меня перещеголять и даже укоряли въ недостаточномъ консерватизмѣ. Помню, напримѣръ, какъ одинъ изъ лорисцевъ заходилъ ко мнѣ съ цѣлью, какъ онъ сказалъ, поздравить съ праздникомъ для консерваторовъ.— Съ какимъ-такимъ праздникомъ?—спрашиваю я.—Съ закрытіемъ поганаго «Голоса»,—отвѣтилъ онъ мнѣ чуть ли не съ сіяніемъ на лицѣ.

Надъ «Голосомъ» въ этомъ году стряслась бѣда. Газета Краевскаго получила третье предостереженіе и была закрыта, съ предоставленіемъ ей права послѣ срока закрытія выходить подъ предварительною цензурою. Старикъ Краевскій, которому оторваться отъ редакторскаго стола было равносильно смерти, рѣшился итти на предварительную цензуру, но вскорѣ она оказалась до того невкусною, что онъ прекратилъ изданіе газеты. Я всегда былъ врагомъ этой газеты, но долженъ признаться, что никогда не могъ сочувствовать мѣрамъ насилія надъ органами печати, даже такими, какъ «Голосъ», тѣмъ болѣе, что эти мѣры преслѣдованія «Голоса» носили несимпатичный характеръ личной мести гр. Толстого, на котораго «Голосъ» нападалъ въ то время, когда онъ былъ уволеннымъ при Лорисъ-Меликовѣ министромъ народнаго просвѣщенія. Оттого на заявленіе моего ликующаго консерватора я отвѣтилъ, что это праздникъ не консерваторовъ, а «Новаго Времени», которое заберетъ себѣ и подписчиковъ «Голоса», и его покойниковъ, и его кухарокъ. На это мой консерваторъ новой формаціи мнѣ сказалъ:

неужели вы не радуетесь?—Нѣтъ, не радуюсь,—отвѣтилъ я.

Въ эту осень въ Буживалѣ, возлѣ Парижа, скончался Тургеневъ, и смерть эта явилась предлогомъ для нашихъ либераловъ перетащить уже мертваго старца въ свой лагерь. Манифестаціи въ этомъ духѣ начались въ Парижѣ, гдѣ около гроба скончавшагося великаго писателя произносили рѣчи самые передовые ораторы русской архи-либеральной колоніи, и затѣмъ перенеслись въ Москву и въ Петербургъ. У меня въ «Гражданинѣ» того времени приведены, какъ образецъ прославленія Тургенева, слѣдующія строки одного петербургскаго органа печати. Вотъ что было напечатано:

«Великое, неизъяснимо-обидное горе постигло русское общество.

«Смерть разбойническою рукою увела въ могилу дивнаго писателя, дивнаго гражданина и дивнаго человѣка. Нѣтъ болѣе Тургенева. Нѣтъ возвышеннаго кумира русской современности. Закатилась русская гордость, померкла русская слава. Исчезъ лучшій и вѣрнѣйшій другъ нашего общества. Онъ любилъ его превыше всего, онъ жилъ душою въ немъ, онъ мучился, страдалъ и болѣлъ за него. Онъ былъ огнемъ, который согрѣвалъ, и кротостію, которая смиряла и врачевала. Онъ и самъ не зналъ, какъ онъ святъ и дорогъ для насъ, потому что мы ему поклонялись и на него молились. Онъ сіялъ надъ нами своею чистотою, своимъ геніемъ, своею всѣхъ обнимавшею любовію. Онъ былъ для насъ нравственною надеждою и общественною вѣрою.

«Да будетъ проклята смерть, отнявшая у нищаго послѣднее его утѣшеніе!..»

Но въ pendant къ этому является очень характернымъ, то, что́ одновременно мой вѣнскій корреспондентъ писалъ по поводу оцѣнки Тургенева знаменитымъ тогда въ Европѣ критикомъ Брандесомъ, сотрудникомъ вѣнской «Neue Freie Press». Вотъ что онъ пишетъ:

«Сегодня въ «N. Fr. Presse» очень интересный фельетонъ знаменитаго Брандеса, перваго нынѣ литературнаго критика въ Европѣ, — по случаю смерти Тургенева. Очень любопытно и очень поучительно для сужденія о Тургеневѣ съ русской точки зрѣнія. Брандесъ прекрасно оцѣниваетъ его какъ художника. Но для западнаго человѣка, и притомъ для представителя крайняго отрицательнаго направленія въ критикѣ, слѣдовательно для ненавистника Россіи, — заманчиво въ Тургеневѣ и бросается ему въ глаза отрицательное отношеніе Тургенева къ русской жизни и къ русской исторіи. Смотрите, какъ онъ его выводитъ: Тургеневъ скорбѣлъ о Россіи и сомнѣвался въ ея будущности. Русскіе, которые вѣрятъ въ ея будущность, суть или наивные люди или невѣжды. Тургеневъ не принадлежитъ къ таковымъ. Прошедшее Россіи (т. е. ея исторіи) представлялось ему мелкимъ, низкимъ, ничтожнымъ. Обозрѣвая всемірную выставку, отъ съ грустью думалъ (и будто бы гдѣ-то выразилъ въ своихъ сочиненіяхъ): «мы, русскіе, увы, ничего не создали кромѣ кнута». Онъ любилъ племя, къ коему принадлежалъ, хотя былъ о немъ столь невысокаго мнѣнія и такъ мало ему вѣрилъ. Его убѣжденіе было таково, что въ Россіи ничто не удается, все проваливается, что это—страна всеобщаго крушенія».

Затѣмъ изъ Парижа въ то время я получилъ относительно Тургенева слѣдующее интересное письмо:

«Здѣшнія газеты полны хвалебныхъ отзывовъ о покойномъ Тургеневѣ, который, какъ извѣстно, пользовался здѣсь въ нѣкоторыхъ кружкахъ большою популярностью, —и, какъ всегда это бываетъ у французовъ, хватаютъ черезъ край и переслащаютъ до оскомины. При этомъ вранья не мало. Такъ, напримѣръ, покойнаго называютъ лучшимъ другомъ—l'ami le plus intime—кого бы вы думали?—Пушкина (вотъ, что называется хватили!), котораго, какъ гдѣ-то напечатано самимъ Тургеневымъ, онъ «въ первый и единственный разъ въ жизни» видѣлъ въ гробу. Говорится также о «тюремномъ заключеніи» Тургенева въ 1852 г. за напечатаніе въ Москвѣ непропущенной петербургскою цензурою статьи о смерти Гоголя. Эпизодъ этотъ прежде всего относится не къ 1852 г., а къ 1851 г. (въ декабрѣ), а затѣмъ никакого «тюремнаго заключенія», какъ извѣстно, не было. Государь Николай Павловичъ просто велѣлъ посадить его на (сенатскую, если не ошибаюсь) гауптвахту, гдѣ онъ просидѣлъ весьма не долго. По этому случаю мнѣ вспоминается одна мало кому извѣстная, но совершенно достовѣрная подробность. О прощеніи арестанта очень сильно хлопоталъ покойный гр. Ал. Конст. Толстой у бывшаго тогда Наслѣдника Александра Николаевича (о чемъ, къ чести Тургенева, онъ упомянулъ въ письмѣ своемъ по поводу смерти поэта, напечатанномъ въ 1876 году въ «Вѣстникѣ Европы»); но ходатайство Цесаревича передъ строгимъ отцомъ не имѣло въ первую минуту успѣха. Выпускомъ своимъ съ гауптвахты покойный обязанъ былъ, въ сущности, Александрѣ Осиповнѣ Смирновой (рожденной Россетъ), извѣстной умницѣ и красавицѣ, воспѣтой Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и

Хомяковымъ, другу Жуковскаго и Гоголя, которую кн. Вяземскій назвалъ «Notre Dame en chef de la littérature». Пользуясь большою милостью у Николая Павловича и Императрицы Александры Оеодоровны, у которой была въ дѣвушкахъ любимою фрейлиною, она выпросила у Государя прощеніе Тургеневу, разжалобивъ его тѣмъ страшнымъ безпокойствомъ, которое должна была испытывать, узнавъ о случившемся, престарѣлая мать этого бѣднаго молодого человѣка (съ которою, впрочемъ, Иванъ Сергѣевичъ не былъ никогда въ нѣжныхъ отношеніяхъ). Государь смилостивился и приказалъ «выпустить арестанта и приказать ему ѣхать къ матери». Тутъ произошелъ довольно забавный эпизодъ. Тургеневъ пріѣхалъ на другой день благодарить Александру Осиповну. Вдругъ въ это время докладываютъ ей: «Государь». Молодой человѣкъ такъ испугался встрѣчи съ грознымъ Монархомъ, что выбѣжалъ заднимъ ходомъ и забился въ швейцарскую, о чемъ лукавая хозяйка передала Государю, и чему онъ очень смѣялся. Услугу, оказанную ему въ этомъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ, впрочемъ, весьма скоро позабылъ, такъ какъ эту же Александру Осиповну Смирнову выставилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, подъ каррикатурнымъ образомъ пожилой провинціальной меценатки Ласунской въ «Рудинѣ». Какъ смягчающее обстоятельство, можно привести развѣ то, что, ходатайствуя за него, умная женщина вмѣстѣ съ тѣмъ относилась довольно строго къ характеру Тургенева, котораго называла «козеромъ», и что Тургеневъ зналъ это...».

Тургенева я узналъ въ гостиной моихъ родителей и составилъ себѣ о немъ такое представленіе: это былъ истый, чистокровный русскій помѣщикъ стариннаго

типа, благоговѣвшій передъ европейскою цивилизаціею. Въ его словахъ, кромѣ остроумія и прелестной образами рѣчи обо всемъ, слышались нотки бѣлоручки въ обращеніи съ литературнымъ творчествомъ и не то боязни нашихъ доморощенныхъ демократовъ, не то тайнаго презрѣнія къ нимъ. Либералы, очевидно, его считали своимъ по праву, ибо одно изъ первыхъ дивныхъ твореній Тургенева, «Записки охотника», послужила однимъ изъ сильныхъ психическихъ двигателей къ возбужденію вопроса объ освобожденіи крестьянъ; но къ нечистымъ и неумѣреннымъ либераламъ Тургеневъ питалъ отвращеніе.

Въ Парижѣ, при отбытіи тѣла Тургенева, либеральную рѣчь говорилъ знаменитый Ренанъ. Тѣло Тургенева привезли въ Петербургъ для погребенія на Волковомъ кладбищѣ. Явились двѣ версіи. По одной, Тургеневъ при жизни высказалъ желаніе быть погребеннымъ въ семейномъ склепѣ въ своемъ имѣніи, Орловской губерніи; по другой, онъ, будто бы, желалъ быть погребеннымъ рядомъ съ Бѣлинскимъ на Волковомъ кладбищѣ. Либералы эту легенду привели въ исполненіе, но не совсѣмъ, ибо возлѣ могилы Бѣлинскаго мѣста не было,—и вышло странно, почему Тургенева пришлось хоронить гдѣ-то на Волковомъ кладбищѣ. Въ погребальномъ шествіи отдѣльною группою шли, одѣтые въ «нѣмецкое» платье, штатскіе, которыхъ всѣ газеты *въ 1883 году* назвали: *крестьяне Тургенева.*

XXIV.

(1883 годъ).

Грессеръ — Болгарскій инцидентъ. — Эпизодъ съ пьесою Б. Маркевича „Чадъ жизни".

Ко времени коронованія Государя состоялось назначеніе въ Петербургъ новаго градоначальника, генерала П. А. Грессера, переведеннаго, какъ я выше говорилъ, изъ Харькова, гдѣ онъ былъ губернаторомъ.

Первымъ случаемъ для Грессера показать себя явились уличныя безпорядки въ первый день коронаціи, на Невскомъ проспектѣ, во время вечерней иллюминаціи. Безпорядки эти имѣли характеръ не столько политическій, сколько затѣи кружковъ молодежи—творить для своего удовольствія всевозможныя скандалы и безчинства на улицахъ. Несомнѣнно, они явились именно какъ результатъ того безначальнаго состоянія, въ которомъ пребывалъ Петербургъ нѣсколько лѣтъ, и, очень естественно, оно-то и ободрило группы подростковъ и мальчугановъ воспользоваться слабостью полицейской власти, чтобы дать волю своимъ хулиганскимъ затѣямъ. Эти скандалисты разошлись до

того, что останавливали экипажи и заставляли дамъ и стариковъ выходить на мостовую, но тутъ-то они и встрѣтились впервые съ Грессеромъ и познакомились съ его спокойною, но желѣзною энергіею настолько близко, что на другой день на томъ же Невскомъ проспектѣ, иллюминованномъ, какъ наканунѣ, мы увидѣли что и скандалисты исчезли, и съ глазъ полиціи сошло бѣльмо. И когда всѣ увидѣли импозантную фигуру Грессера на конѣ, безъ всякой свиты, спокойно и съ свѣтлымъ лицомъ тихо ѣдущаго посреди гуляющихъ по улицамъ толпъ, всѣ поняли, что Петербургъ получилъ въ его лицѣ градоначальника съ волею съ властью, съ энергіею и съ увѣренностью въ своей силѣ.

Съ Государемъ онъ былъ неизмѣнно правдивъ и никогда не пользовался свободнымъ къ нему доступомъ и скоро пріобрѣтеннымъ. Государевымъ благорасположеніемъ, чтобы доклады переводить на почву личныхъ и частныхъ интересовъ и интригъ. Съ всемогущимъ гр. Толстымъ онъ былъ почтителенъ, но въ то же время красиво достойнымъ и самостоятельнымъ. Съ подчиненными, съ каждымъ просителемъ, безразлично, какого званія, высшаго или низшаго, онъ всегда былъ не только учтивъ, но любезенъ и внимателенъ, и дѣлу отдавался не просто съ интересомъ, а съ любовью и иногда съ фанатизмомъ.

Въ концѣ лѣта 1883 года, одновременно съ лигою мира, затѣянною княземъ Бисмаркомъ съ цѣлью привлечь въ нее всѣ государства Европы, вдругъ заговорили о Болгаріи и о князѣ Александрѣ, нашемъ ставленникѣ. Князь Александръ Болгарскій присутствовалъ на коронованіи Государя въ Москвѣ и произвелъ на всѣхъ симпатичное впечатлѣніе своею скром-

ностью, своею манерою держаться, своимъ почтительнымъ отношеніемъ къ Государю; и не прошло затѣмъ двухъ мѣсяцевъ, какъ, ни съ того ни съ сего, онъ вдругъ выкидываетъ какой-то coup d'état, коего колоритъ и подкладка явились прямо вызывательными по отношенію къ Россіи и къ ея Монарху. Coup d'ètat заключался въ отмѣнѣ дѣйствовавшей конституціи и въ замѣнѣ ея прежнею, отмѣненною по совѣту Россіи, вслѣдствіе избытка ея демократизма. Затѣмъ съ тою же быстротою, князь Александръ настоялъ на отставкѣ кабинета, главою котораго былъ нашъ генералъ Соболевъ, и гдѣ военнымъ министромъ былъ нашъ генералъ Каульбарсъ, съ тѣмъ, чтобы составить новый кабинетъ, исключительно болгарскій и экстра-либеральный. Какая муха укусила князя Болгарскаго, никто въ то время не могъ понять, и единственное объясненіе, которое давали этому инциденту, заключалось въ догадкѣ, что князь Болгарскій, побывавъ, послѣ поѣздки въ Россію, въ Австріи, получилъ тамъ внушеніе стать къ Россіи въ менѣе зависимыя отношенія. Во всякомъ случаѣ, это былъ прологъ той драмы, которая потомъ разыгралась съ судьбѣ князя Александра Болгарскаго и такъ рано привела къ концу его политическую карьеру.

Государь принялъ это извѣстіе съ обычнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ и, какъ я тогда слышалъ отъ приближенныхъ къ нему, сказавъ только шутливымъ тономъ: насильно милъ не будешь,—приказалъ отозвать генераловъ Соболева и Каульбарса, а потомъ и состоявшихъ при князѣ Болгарскомъ двухъ адъютантовъ, русскихъ офицеровъ гвардіи. Любопытно, что не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ этого инцидента,

какъ князь Болгарскій пришелъ къ сознанію крупнаго проступка, имъ сдѣланнаго, и принесъ повинную; но было поздно, и пришлось князю Болгарскому убѣдиться, что съ русскимъ Государемъ не шутятъ, и что разъ довѣріе обмануто дѣйствіемъ, словами его не вернешь. Государь согласился только дать дозволеніе генералу Власову, варшавскому оберъ-полиціймейстеру, принять предложенный ему княземъ Болгарскимъ постъ военнаго министра.

Осенью того же года мы всѣ, друзья талантливаго Б. Маркевича, пришли въ негодованіе отъ акта варварскаго произвола, коимъ тогдашній театральный комитетъ при Александринскомъ театрѣ нанесъ оскорбленіе нашему общему другу, признавъ литературно негодною его пьесу «*Чадъ жизни*», выбранную г-жею Савиною къ ея бенефису. Это была характерная картинка нравовъ.

Тогдашній комитетъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ А. Потѣхина, изъ драматурговъ-писателей, вродѣ Виктора Александрова, которые присвоили себѣ и своимъ привиллегію поставлять пьесы въ Александринскій театръ. И въ этомъ заключалось объясненіе того совсѣмъ невѣроятнаго, факта, что пьеса чужого, да еще изъ лагеря консерваторовъ, писателя была признана негодною — чуть ли не по безграмотности. И много потомъ понадобилось хлопотъ, настойчивыхъ усилій и шума, чтобы побудить покойнаго Всеволожскаго, тогдашняго директора театровъ, настоять на вторичномъ болѣе безпристрастномъ, чтеніи пьесы, которая въ концѣ-концовъ появилась на сценѣ и имѣла большой успѣхъ.

XXV.

(1883 годъ).

А. К. Гирсъ, нашъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ.

Въ концѣ февраля въ Баденѣ скончался государственный канцлеръ, бывшій въ продолженіи всего царствованія Александра II-го министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

Его мѣсто занялъ, бывшій въ Стокгольмѣ посланникомъ, А. К. Гирсъ. Онъ вступилъ на этотъ важный государственный постъ такъ же тихо и скромно, какъ тиха и скромна была вся пройденная имъ жизнь. Я не запомню такого сильнаго контраста между двумя министрами, ушедшимъ и входящимъ въ тотъ же кабинетъ, какой представляли собою свѣтлѣйшій князь Горчаковъ и его преемникъ Гирсъ. Первый, хотя и началъ свою министерскую карьеру со словъ «la Russie ne boude pas, mais se recueille» (Россія не будируетъ, но сосредоточивается), но я не запомню министра, который бы такъ далекъ былъ отъ роли изобразителя этого recueillement Россіи, какъ князь Горчаковъ. Всегда въ суетѣ, всегда себя слушающій, всегда собою

любующійся, — когда онъ ходилъ, какъ-будто двери, передъ нимъ открывшіяся, казались ему недостаточно для его фигуры высокими, когда онъ говорилъ, какъ-будто показывалъ, что слишкомъ мало ушей его слушаютъ, когда онъ занимался дѣлами своего вѣдомства, онъ электризовывалъ себя ощущеніемъ, что его слушаетъ не докладчикъ, а вся Европа, — словомъ, онъ жаждалъ около себя побольше свѣтовыхъ эффектовъ, побольше шума дипломатической суеты, и упоеніе своимъ положеніемъ подчасъ доводилъ до такого fortissimo moestoso, что Бисмарка называлъ ni plus ni moins какъ polisson'омъ. И при этомъ онъ всегда говорилъ языкомъ блестящихъ и остроумныхъ иногда изреченій и очень любилъ, слушая другихъ, музыку восхваленія и лести.

Канцелярія князя-министра была при немъ въ высшей степени интересною и любопытною академіею культа той фразы, бойкой и красивой, которая слетала съ устъ министра и во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ звучала въ устахъ каждаго изъ его ближайшихъ посланниковъ и чиновниковъ его канцеляріи. Тамъ простая, скромная рѣчь никогда не раздавалась, такъ какъ никто ея не зналъ.

Оттого, когда бѣдный больной князь-канцлеръ долженъ былъ уступить свое кресло министру Гирсу, слегка согбеннымъ, тихо и скромно въ него сѣвшему, создалось пикантное сопоставленіе новаго министра съ канцеляріею его предшественника—пикантное потому, что простою и скромною рѣчью говорилъ одинъ Гирсъ, а фразою кн. Горчакова говорили всѣ чиновники канцеляріи.

Нечего было дѣлать: новый министръ не зналъ и знать не хотѣлъ языка своей канцеляріи и, въ осо-

бенности, языка лести, а канцелярія не знала языка преемника кн. Горчакова. Пришлось каждому въ этой канцеляріи какъ можно скорѣе учиться языку простой дѣловой рѣчи. Въ этой канцеляріи у меня были друзья. Одинъ изъ нихъ мнѣ высказывалъ свое мнѣніе о новомъ начальникѣ слѣдующими словами: c'est un vrai brave homme, mais il se montre trop sans dents et sans griffes (Онъ настоящій хорошій человѣкъ, но слишкомъ себя показываетъ безъ зубовъ и безъ когтей). Съ этими словами въ памяти я познакомился съ А. К. Гирсомъ и, послѣ получасовой бесѣды, вынесъ впечатлѣніе, что характеристика моего пріятеля была не вѣрна, въ томъ отношеніи, что хотя дѣйствительно Гирсъ казался человѣкомъ безъ малѣйшихъ признаковъ задора и воинственности, но за то онъ производилъ впечатлѣніе тѣмъ, что онъ обладалъ чѣмъ-то поцѣннѣе зубовъ и когтей для иностранной политики, а именно; удивительно спокойнымъ и ясно владѣющимъ предметами, о которыхъ онъ говорилъ, умомъ и вѣрнымъ пониманіемъ своей трудной задачи.

Объ этомъ свиданіи съ Гирсомъ въ мой конфиденціальный дневникъ я записалъ слѣдующія строки:

«Свиданіе мое сегодня съ преемникомъ блестящаго князя-канцлера вызвало во мнѣ къ нему симпатіи, тѣмъ болѣе пріятныя, что, подъ впечатлѣніемъ того, что мнѣ говорили о немъ мои пріятели изъ знаменитой канцеляріи министра, я представлялъ его себѣ безцвѣтнымъ и безличнымъ. Именно онъ представился мнѣ не безличнымъ, именно онъ не былъ безцвѣтенъ, онъ говорилъ съ сознаніемъ своего авторитета, исходившимъ изъ очевиднаго знанія того предмета, о которомъ онъ говорилъ. Въ немъ ни разу я не услы-

халъ отзвука неувѣренности, неяснаго пониманія или неполнаго усвоенія. Такъ же пріятно поразило меня, что я не услыхалъ ни одной фразы, то-есть созвучія словъ, пущенныхъ для эффекта, что дѣлало его полнымъ контрастомъ съ его предшественникомъ, у котораго на пять фразъ, не выражавшихъ *ничего*, приходилась одна мысль. Гирсъ говорилъ мнѣ, что его задача не легка, но ему облегчаетъ ее значительно твердость и прямота взглядовъ и принциповъ иностранной политикѣ въ Государѣ. Онъ не ожидалъ встрѣтить въ немъ столь твердо усвоеннаго и столь ясно опредѣленнаго взгляда. А когда я спросилъ его, въ чемъ заключается взглядъ Государя на иностранную политику, онъ мнѣ далъ слѣдующій отзывъ. Взглядъ Государя, сказалъ онъ, очень простъ и, по моему, весьма мудръ: дорожить прежде всего достоинствомъ Россіи и миромъ, а для этого избѣгать политики авантюръ, какъ можно менѣе вмѣшиваться въ чужія дѣла, чтобы не давать повода другимъ вмѣшиваться въ наши, и стараться быть со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ; уважать другихъ, чтобы уважали насъ. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, основы иностранной политики Государя, высказанныя мнѣ Гирсомъ; и тогда я убѣдился, что дѣйствительно, какъ онъ сказалъ, эта политика проста и мудра. Но я понялъ тоже, что она и трудна, какъ сказалъ Гирсъ, ибо требуетъ постояннаго напряженія умственныхъ силъ, чтобы избѣгать фальшивыхъ положеній, чтобы стремленія къ миру не могли колебать достоинства государства. При этомъ, въ разговорѣ, Гирсъ высказалъ интересную мысль относительно Бисмарка. Заговоривъ о немъ, онъ сказалъ, что въ данную минуту успѣху политической программы Государя

въ немалой мѣрѣ помогаетъ Бисмаркъ: онъ облегчаетъ намъ нашу задачу своею настойчивою программою блюденія мира, которую поддерживаетъ старецъ императоръ Вильгельмъ. «Недавно нашъ Государь далъ Европѣ убѣдительное проявленіе своей политики, — сказалъ Гирсъ,—въ болгарскомъ инцидентѣ. Я имѣю основаніе думать, что Австрія расчитывала, подъ предлогомъ этого инцидента, насъ втравить, какимъ-либо дѣйствіемъ прямого и активнаго вмѣшательства, въ трясину балканскаго вопроса, но Государь ограничился только отозваніемъ русскаго военнаго персонала и не только строго воздержался отъ всякаго дѣйствія съ характеромъ вмѣшательства, но не проронилъ ни единаго слова, въ надеждѣ, что князь Болгарскій остановится на пути его coup de tête».

Вотъ, приблизительно, то, что я вынесъ изъ бесѣды съ преемникомъ князя Горчакова. И то, что я отъ него узналъ, убѣдило меня, что, во всякомъ случаѣ, наше положеніе будетъ лучше въ области иностранной политики, чѣмъ при Горчаковѣ, тѣмъ, что Гирсъ не скажетъ никогда, какъ говаривалъ Горчаковъ: «я имъ задамъ, я имъ покажу», чтобы потомъ очутиться на скамьѣ не только ученической, но и подсудимыхъ, какъ въ Берлинскомъ конгрессѣ.

XXVI.

(1883 годъ).

О Каховской комиссіи.

При свиданіи съ Государемъ я испросилъ у него позволеніе писать ему письма и пересылать оныя, минуя почту, (которая, какъ я зналъ, очень любопытна бывала къ содержанію моихъ писемъ), черезъ генерала Васильковскаго, бывшаго при Государѣ адъютантомъ и въ то время завѣдывавшаго конторою его дѣтей. Хотя я старался писать какъ можно лучше, зная, какъ мой почеркъ неразборчивъ, но все же, послѣ третьяго или четвертаго письма, ко мнѣ зашелъ Васильковскій и прочиталъ мнѣ отрывокъ изъ письма къ нему Государя, въ которомъ онъ поручаетъ Васильковскому передать мнѣ его благодарность за мои письма, которыя его очень интересуютъ, но въ то же время проситъ, чтобы я, въ личное ему одолженіе, писалъ болѣе четко, такъ какъ, прибавлялъ Государь, «читать его письма, доставляетъ мнѣ удовольствіе, а времени у меня все меньше и меньше». Тогда я уже сталъ писать такъ, какъ когда-то писалъ на урокахъ каллиграфіи, и послѣ

написанія дорисовывалъ извѣстныя буквы. По прошествіи нѣкотораго времени, я получилъ отъ Государя, черезъ Васильковскаго, благодарность его за «мое стараніе», какъ онъ выразился. Кстати, чтобы не забыть, по поводу моего почерка приведу одинъ, не лишенный комизма, эпизодъ. Я написалъ съ извѣстнымъ стараніемъ письмо къ одному лицу, съ ходатайствомъ за одного обиженнаго судьбою. Получаю отъ него отвѣтъ: «Многоуважаемый князь Владиміръ Петровичъ. Получилъ ваше письмо, догадываюсь, что вы о чемъ-то просите, и радъ былъ бы эту просьбу исполнить, если бы могъ знать, въ чемъ она заключается». А тогда пишущихъ машинъ, увы, не было.

Писать мнѣ было разрѣшено, разумѣется обо всемъ, не стѣсняясь никакими соображеніями политическими или опасеніями за высказываемую прямо правду. Объ одномъ можете не писать,—сказалъ мнѣ Государь:—о сплетняхъ и дрязгахъ, такъ какъ онѣ меня не интересуютъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ моихъ первыхъ писемъ была сводка всего, что до меня доходило отъ людей, знакомыхъ съ дѣломъ, о знаменитой Кахановской комиссіи. Эта комиссія была наслѣдіемъ прошлаго царствованія и, спеціально, учредителя ея, графа Лорисъ-Меликова. Покойный графъ возымѣлъ очень хорошую мысль,—послать по Россіи нѣсколько выдававшихся сенаторовъ, съ цѣлымъ штабомъ чиновниковъ, тоже изъ отборныхъ, не только для ревизіи всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, но и для изслѣдованія состоянія умовъ, настроенія провинціи и нуждъ населенія, въ предѣлахъ возможнаго. Дѣло это было прервано смертью покойнаго Государя, но тѣмъ не менѣе матеріала было

собрано очень много; и вотъ, для разработки этого матеріала и для выработки изъ него проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго строя и была, въ самомъ началѣ новаго царствованія, учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго при гр. Лорисъ-Меликовѣ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ ст.-секретаря Каханова, одного изъ даровитѣйшихъ людей царствованія Александра II, начавшаго свою служебную школу подъ особымъ покровительствомъ знаменитаго государственнаго секретаря Буткова. Покойный Кахановъ, кромѣ того, что онъ былъ даровитый сановникъ, былъ прекрасный человѣкъ, всѣми любимый и уважаемый, но направленія онъ былъ либеральнаго и такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ характера несамостоятельнаго, но, наоборотъ, мягкаго и податливаго, то онъ всегда изображалъ собою медъ, къ которому такъ и льнули либеральныя мухи всѣхъ степеней, и онъ всегда находился подъ ихъ вліяніемъ. И вотъ почему и личный составъ комиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ Каханова, подобранный имъ, и все направленіе, принятое ею, и духъ этой комиссіи съ самаго уже начала получили характеръ не просто, а тенденціозно-либеральный. Оттого, со вступленіемъ гр. Толстого на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, сразу обозначалось, что Кахановская комиссія была новому министру не по вкусу. Между нею и гр. Толстымъ частенько пробѣгала черная кошка, но тѣмъ не менѣе гр. Толстой давалъ комиссіи полную свободу доводить ея дѣло до конца, не позволяя себѣ никакого вмѣшательства, изъ уваженія къ личности Каханова.

Горемычна была судьба этой губернской и уѣздной реформы. Когда я, въ первые годы моей службы, бы-

валъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ 60-хъ годахъ, уже въ то время я видѣлъ тамъ цѣлую комнату со шкапами, переполненными работами и матеріалами по губернской и уѣздной реформѣ. Но какъ тогда, такъ и послѣ всѣ эти собранные матеріалы оставались всѣми забытые, и Кахановская комиссія приступила къ своимъ работамъ,—какъ я узналъ отъ одного изъ членовъ—даже безъ всякаго понятія о томъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ хранятся цѣлыя сотни томовъ драгоцѣннаго матеріала для ея работъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ частью этихъ, всѣми забытыхъ, работъ и, сравнивая ихъ съ работами Кахановской комиссіи, я ясно видѣлъ бросавшееся въ глаза различіе въ характерѣ обѣихъ: первая работа была чисто-объективная и исключительно дѣловая, тогда какъ вторая, наоборотъ, имѣла характеръ работы подчиненной извѣстнымъ предвзятымъ идеямъ и тенденціямъ. Идеи эти и тенденціи были исключительно либеральныя и притомъ не жизненно-либеральныя, а доктринерски-либеральныя.

Вотъ по поводу этой тенденціозности работъ въ подкомиссіяхъ главной комиссіи было, что сказать въ письмахъ, которыя я писалъ Государю, такъ-какъ, благодаря ей, вносились въ работы такіе руководительные взгляды, которые, не принося никакой пользы дѣлу благоустроенія провинціальной жизни, наоборотъ, являлись, съ безпристрастной и практической точекъ зрѣнія, существеннымъ препятствіемъ къ дѣйствительному упорядоченію мѣстнаго строя. Во главѣ такихъ тенденціозныхъ руководительныхъ взглядовъ въ Кахановской комиссіи стояли два пункта, чистѣйшаго бюрократическаго либерализма: первый—объ умаленіи и ограни-

ченіи губернаторской власти посредствомъ усиленія правъ, вліянія и дѣятельности коллегіальныхъ учрежденій, и второй—объ ослабленіи въ мѣстной жизни вліянія земельнаго дворянства, такъ-какъ, по мнѣнію комиссіи, дворянство, сравнительно съ прошлымъ, значительно утратило свою матеріальную состоятельность и, вслѣдствіе этого, свое политическое значеніе.

Вотъ объ этихъ-то двухъ пунктахъ я и писалъ Государю, указывая на то, что такіе взгляды не потому ложны, что они либеральны, но потому, что они практически, то-есть жизненно, безусловно невѣрны. Что дворянство утратило немало своей матеріальной состоятельности, это, къ сожалѣнію, истина неоспоримая, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы земельное дворянство, въ его нынѣшнемъ видѣ, признавать безсильнымъ въ смыслѣ главнаго дѣятеля на аренѣ губернской и уѣздной жизни. Не говоря уже о томъ, что всѣ почти земскія учрежденія въ Россіи дѣйствуютъ при главномъ личномъ составѣ изъ мѣстнаго дворянства, и хотя не мало этихъ земскихъ дворянъ дѣйствуетъ въ духѣ либеральномъ, но именно потому, что эти либералы—мѣстные помѣщики, а не безпочвенные интеллигенты, ихъ либерализмъ, за немногими исключеніями (напримѣръ, въ Тверской губ.), не проявляется въ революціонномъ образѣ мыслей. А затѣмъ нельзя, приглядываясь къ мѣстной жизни, отрицать, что большая часть предводителей дворянства, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, представляетъ въ губерніи не только консервативную силу, но дѣятельную и для интересовъ народа и правительства весьма серьезную помощь, и притомъ—что возвышаетъ ихъ авторитетъ—безкорыстную помощь. Къ тому же, нельзя забывать, что зе-

мельное дворянство есть единственное сословіе въ Россіи, имѣющее живую связь съ крестьянскимъ сословіемъ на почвѣ общихъ земельныхъ интересовъ. Затѣмъ, что касается губернаторской власти, то и тутъ воззрѣнія Кахановской комиссіи не согласовались съ жизнью, такъ какъ жизнь, наоборотъ, рѣшительно во всемъ высказывала необходимость не колебанія, а, напротивъ, усиленія губернаторской власти настолько, насколько новыя положенія о земскомъ и городскомъ самоуправленіи ее ограничивали въ области насущныхъ матеріальныхъ нуждъ населенія, и насколько это усиленіе губернаторской власти нужно было для охраненія собственности и безопасности и для предупрежденія преступленій,—что вовсе не исключало примѣненія къ провинціальной жизни усиленія дѣятельности коллегіальныхъ учрежденій, проектировавшагося Кахановской комиссіей.

Когда, при свиданіи съ гр. Толстымъ, я затрагивалъ эти темы, онъ мнѣ говорилъ: я знаю провинціальную жизнь лучше Ликурговъ Кахановской комиссіи, и пока я на своемъ посту, я не дамъ проводить въ жизнь тѣ ея либеральныя новшества и затѣи, которыя нуждамъ провинціальной жизни безусловно противорѣчатъ.

XXVII.

(1883 годъ).

О врачахъ при Государѣ.

Осенью мы пережили тревогу, небольшую, но все же тревогу, ибо по Петербургу распространился слухъ, что Государь на охотѣ выпалъ изъ саней и вывихнулъ себѣ плечо. Дѣло было такъ. Государь въ саняхъ ѣхалъ по лѣсу. Подъ снѣгомъ кучеръ не замѣтилъ препятствія, сани опрокинулись, и Государь, вывалившись изъ саней, ударился о землю плечомъ. На кучера жаль было смотрѣть, до того онъ былъ въ отчаяніи, когда, бросившись на колѣни, сталъ просить прощенія. Но Государь быстро поднялся, съ доброю улыбкою успокоилъ кучера и поѣхалъ продолжать охоту, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, какъ потомъ онъ сознался, что испытывалъ сильную боль. Три дня онъ переносилъ эту боль со свойственнымъ ему стоицизмомъ, но боль до того усилилась, явилось лихорадочное состояніе и показалась такая сильная опухоль, что пришлось обратиться къ врачебной помощи.

Врачемъ у Государя былъ эстонецъ Гиршъ. Онъ былъ добрякъ, какъ человѣкъ, но какъ докторъ онъ не могъ внушать особеннаго довѣрія, главнымъ образомъ потому, что какъ до поступленія на должность при Государѣ, когда онъ еще былъ Наслѣдникомъ, такъ и потомъ онъ имѣлъ очень мало врачебнаго опыта, а въ глазахъ своего царственнаго паціента не имѣлъ авторитета. Вопросъ о докторахъ при Дворѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ близко придворное житье-бытье, меня всегда удивлялъ своею странностью, какъ явленіе, которое ни въ какомъ частномъ домѣ немыслимо. Вездѣ ищуть доктора, составившаго себѣ имя и, хотя бы по молвѣ, заслуживающаго довѣрія. При Дворѣ издавна, повидимому, практиковалось совсѣмъ иное отношеніе къ врачу. Тамъ какой-нибудь родной человѣкъ добивался помѣстить при царственной особѣ или своего родственника или своего протеже на должность врача, не столько для того, чтобы этой особѣ было отъ такого врача хорошо, сколько для того, чтобы врачу было хорошо и удобно. Я помню врача, напримѣръ, при Императорѣ Александрѣ II, Карреля. Это былъ милѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, но такъ какъ Государь былъ хорошаго здоровья и не нуждался во врачѣ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда у него объявилась астма, то Каррелю не приходилось обнаруживать, что, какъ докторъ, онъ былъ уже потому неавторитетенъ, что не имѣлъ практики и призванъ былъ, такъ сказать, на здоровомъ Государѣ совершенствовать свои познанія. Потомъ видѣлъ я, какъ по протекціи того же Карреля попалъ во врачи при покойномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ докторъ Шестовъ, тоже очень хорошій и веселый человѣкъ,

но еще менѣе, чѣмъ Каррель, авторитетный и знающій человѣкъ. Увы, въ этомъ пришлось убѣдится, когда у Цесаревича появились первые признаки недуга, унесшаго его безпощадно въ расцвѣтѣ лѣтъ, въ могилу. Изъ разговоровъ съ Шестовымъ я видѣлъ, что онъ ничего не понималъ въ проявленіяхъ болѣзни Цесаревича, и, зная, что его царственный паціентъ за годъ до признаковъ болѣзни упалъ съ лошади и ударился о землю головой, ни разу не задумался надъ возможностью связи между этимъ паденіемъ и признаками болѣзни. Когда, менѣе чѣмъ за годъ до его кончины, я видѣлъ ежедневно Цесаревича въ Скевенингѣ, куда его Шестовъ привезъ для морскихъ купаній, имѣвшихъ роковое вліяніе на ухудшеніе и осложненіе болѣзни, я съ болью въ душѣ говорилъ съ графомъ Строгановымъ и съ Рихтеромъ о томъ, что надо обратиться къ аворитетамъ въ медицинѣ для леченія Цесаревича, ибо онъ видимо съ каждымъ днемъ таетъ. Оба, невзирая на то, что великій князь былъ имъ дороже сына, не могли рѣшиться выйти изъ-подъ гнета культа придворныхъ преданій о врачѣ при царственной особѣ и проявить къ Шестову недовѣріе, хотя бы настолько, чтобы потребовать отъ него консиліума. Бѣдному страдальцу дали поѣхать въ Данію обручаться, дали поѣхать въ Италію, прибыть въ Ниццу, и только тогда, когда болѣзнь была уже смертельна и неизлечима, въ острой формѣ менингита мозгового и спинного, прибѣгли къ тѣмъ консультаціямъ которыя, быть можетъ, годъ назадъ могли бы спасти Цесаревича. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорили авторитетные врачи.

Съ новымъ Наслѣдникомъ престола относительно

выбора врача случилось то же, что съ его покойнымъ братомъ, Лейбъ-медикъ Каррель поставилъ на это мѣсто своего родственника Гирша, не столько съ заботою дать Цесаревичу надежнаго врача, сколько для того, чтобы родственника своего пристроить какъ можно лучше и открыть ему путь къ блестящей карьерѣ. А такъ какъ здоровье царственнаго паціента во врачѣ не нуждалось долгое время, то ничто не мѣшало всѣмъ приближеннымъ къ Цесаревичу сперва и къ Государю, потомъ и самому паціенту довольствоваться тѣмъ, что лейбъ-медикъ Царя былъ очень хорошій и добрый человѣкъ. Лишь десять лѣтъ спустя самъ Гиршъ, который былъ безусловно честный и преданный Государю человѣкъ, понялъ, что онъ не имѣетъ права на себя одного полагаться, когда, послѣ катастрофы въ Боркахъ, начали проявляться у Государя признаки болѣзни почекъ; но тогда же я уже слышалъ вопросъ: не поздно ли? — точь-въ-точь какъ при Шестовѣ во время болѣзни покойнаго Цесаревича.

По этому поводу мнѣ припоминаются приблизительно слѣдующія слова одного очень умнаго и авторитетнаго врача: «Грѣшно,—говорилъ онъ,—назначать къ такимъ лицамъ, какъ Государь или какъ Наслѣдникъ престола, такого врача, который долженъ на нихъ учиться. Къ такимъ лицамъ, какъ бы они здоровы ни были, непремѣнно надо выбиратъ во врачи такого, у котораго кромѣ ума и знаній есть большая практика, то-есть то, что для врача есть его главный талисманъ,—практическій опытъ, дабы, въ случаѣ болѣзни его царственнаго паціента, онъ не могъ оказаться неопытнымъ въ разслѣдованіи и въ пониманіи признаковъ болѣзни».

Съ другой стороны, какъ бы до извѣстной степени въ оправданіе покойнаго Гирша, надо сказать, что съ юныхъ лѣтъ его царственный пацієнтъ принималъ доктора, какъ человѣка, всегда любезно, но какъ отъ доктора, онъ всегда отъ него отворачивался, какъ въ случаѣ съ сильнымъ ушибомъ плеча, вслѣдствіе котораго у Государя сдѣлалось восполеніе надкостницы; онъ героически выносилъ самыя нестерпимыя страданія, ни на минуту не прерывая занятій и даже шутя съ собесѣдниками, но къ доктору обратиться для него было мучительнѣе и тяжелѣе всякой сильнѣйшей боли.

Въ концѣ года Петербургъ, предававшійся беззаботному веселью и уже успокоившійся въ смыслѣ политическомъ, вдругъ заволновало извѣстіе о томъ, что застрѣленъ жандармскій полковникъ Судейкинъ. Извѣстіе это заволновало потому, что многіе знали, что Судейкинъ былъ однимъ изъ главныхъ, если не самый главный, руководителей въ области политическаго сыска и пользовался репутаціею талантливаго, фанатично преданнаго своему дѣлу руководителя сыска. На графа Толстого это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе. Онъ обратился немедленно къ прокурору судебной палаты Н. В. Муравьеву (потомъ министру юстиціи) съ просьбою взять на себя руководство слѣдствіемъ, которое Муравьевъ поручилъ лучшему, по его мнѣнію, судебному слѣдователю Ашанину. Похороны несчастнаго Судейкина были торжественны. Во главѣ присутствовавшихъ, переполнявшихъ церковь, стояли принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и министры: графъ Толстой, народнаго просвѣщенія Деляновъ и министръ юстиціи Набоковъ. Государь по докладу гр. Толстого, желая по-царски въ лицѣ семьи

убитаго почтить его память и его заслуги, назначилъ вдовѣ 5,000 руб. пенсіи и трехъ дѣтей велѣлъ на казенный счетъ размѣстить въ учебныхъ заведеніяхъ. Слѣдствіе открыло, что убійца былъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Судейкина по сыску. Дегаевъ, котораго убитый взялъ, оцѣнивъ его способности и слѣпо довѣрившись ему, изъ политическихъ преступниковъ.

XXVIII.

(1884 годъ).

Ѳаддеевъ и Черняевъ.

Уже съ раннихъ лѣтъ моей служебной и писательской дѣятельности я съ какимъ-то тяжелымъ удивленіемъ замѣчалъ, что самое трудное въ Россіи для дѣятеля государственнаго и общественнаго—быть *русскимъ*, русскимъ въ мѣру и русскимъ въ почетѣ. Уже въ то время я выражалъ это удивленіе въ сопоставленіи нашего жизненнаго быта съ заграничнымъ. Ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни въ Италіи, нигдѣ въ Европѣ, а въ Америкѣ подавно, нельзя было услыхать фразы: онъ слишкомъ нѣмецъ, онъ слишкомъ англичанинъ, онъ слишкомъ американецъ. У насъ же эти слова я слышалъ нерѣдко, въ примѣненіи къ тому или другому общественному человѣку, въ видѣ упрека и даже иногда въ видѣ повода признавать его благонадежность сомнительною. Помню, при Дворѣ, напримѣръ, были двѣ русскія женщины, про которыхъ говорили самымъ серьезнымъ тономъ: да, но онѣ слишкомъ русскія. То были фрейлины А. О. Тютчева (потомъ г-жа Аксакова) и фрейлина графиня Блудова. Про покойнаго Ивана Сергѣевича всегда говорили: да,

но онъ черезчуръ русскій; про прелестнаго поэта Ѳ. И. Тютчева я слышалъ, какъ покойный Валуевъ говорилъ: oui, mais il est trop russe. Покойному графу Муравьеву не могли простить, что онъ былъ слишкомъ русскій. Покойному П. Н. Батюшкову, который былъ прекраснѣйшимъ попечителемъ учебнаго округа въ Западномъ краѣ и былъ бы въ свое время выдающимся министромъ народнаго просвѣщенія, пришлось угаснуть въ тиши забвенія. Эта печальная черта въ нашей жизни была до такой степени сильна своимъ вліяніемъ на политическую ея область, что даже при покойномъ Александрѣ III, который всегда былъ и въ молодости, какъ наслѣдникъ престола и какъ Царь, глубоко русскимъ по чувствамъ и по мыслямъ, его могучее «я» не могло быть сильнѣе этой печальной черты. При его отцѣ, Императорѣ Александрѣ II, проявленія этой черты были понятнѣе, ибо что-то,—а что именно, я не могъ никогда узнать,—правило его духовной личности какое-то ослабленіе того народнаго самосознанія, которое въ его отцѣ, Николаѣ I, было такимъ сильнымъ и чуть ли не главнымъ двигателемъ его царской дѣятельности.

Въ Александрѣ II это ослабленіе народнаго самосознанія было именно необъяснимымъ, такъ какъ воспитателемъ его былъ Жуковскій, а супругою его была Императрица Марія Александровна, въ которой, невзирая на ея нѣмецкое происхожденіе, всѣ мысли, даже всѣ инстинкты были глубоко русскіе, и она, въ противность всѣмъ окружавшимъ ее придворнымъ людямъ, цѣнила въ человѣкѣ прежде всего то, что онъ былъ русскій, въ патріотическомъ смыслѣ этого слова.

Однимъ изъ друзей Александра II съ молодыхъ лѣтъ былъ прекрасный поэтъ графъ Алексѣй Толстой.

Это былъ прелестнѣйшій и рыцарски благороднѣйшій человѣкъ; но иногда, прислушиваясь къ нему, я задавалъ себѣ вопросъ: не онъ ли чарами своего ума и своей личности возымѣлъ на своего царственнаго друга это понижающее русскую температуру вліяніе,—такъ какъ единственнымъ недостаткомъ гр. Толстого было какое-то, затаенное въ немъ, недружелюбіе къ русскому существу.

Во дни моей молодости было то, чего теперь и слѣдъ простылъ,—было много типовъ. Помню братьевъ Жемчужниковыхъ; я зналъ трехъ изъ нихъ. Каждый былъ свой собственный типъ. Я встрѣчалъ ихъ въ гостиной одного изъ самыхъ чисто-русскихъ прекрасныхъ людей—графа Бориса Алексѣевича Перовскаго, который былъ ихъ дядей. Помню одного изъ нихъ, самаго оригинальнаго изъ трехъ, и его рѣчи о себѣ самомъ. «Лѣтомъ я люблю Россію,—говаривалъ онъ,—въ деревнѣ, но не между ея жителями, а на чистомъ, вольномъ воздухѣ, въ полѣ. Я надѣваю свое деревенское платье—длинное платье, съ цвѣточками и бабочками по бѣлому фону—и, съ сѣткою въ рукахъ, ловлю бабочекъ; это лѣтомъ. А зимою я переѣзжаю въ мою милую Англію, дѣлаюсь англичаниномъ и забываю между англичанами, что я русскій».

А прелестный былъ человѣкъ.

Но возвращаюсь къ эпохѣ описываемой. Въ концѣ 1883 года и въ началѣ 1884 года два цѣнныхъ русскихъ человѣка, два страдальца за то, что были слишкомъ русскими, сошли съ поприща службы Россіи: одинъ, сойдя въ могилу, другой—сломавъ себѣ шею. Первый былъ Ѳаддеевъ, второй былъ М. Г. Черняевъ. Оба были генералы русской арміи, но Ѳаддеевъ, кромѣ того, былъ замѣчательно даровитый и умный мысли-

тель и писатель. Въ началѣ 60-хъ годовъ, будучи на Кавказѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе своими «*Письмами съ Кавказа*», въ которыхъ онъ далъ не только яркій очеркъ покоренія Кавказа, но мудрые совѣты управленія имъ, изъ коихъ иные были приняты и примѣнены къ дѣлу. Въ 1863 году онъ вернулся въ Петербургъ къ разгару шумныхъ военныхъ реформъ Д. А. Милютина. Пораженный несоотвѣтствіемъ такой реформы, какъ введеніе округовъ, съ боевыми требованіями арміи и съ исторически сложившимися понятіями о военномъ строѣ, онъ выступилъ съ замѣчательнымъ трудомъ «*Вооруженныя силы Россіи*». Сочиненіе это не только произвело шумъ у насъ и за границею, но составило эру въ русскомъ военномъ мірѣ. Въ то же время книга эта вызвала борьбу—продолжающуюся, увы, доселѣ—между живымъ военнымъ и между военнымъ-теоретикомъ и бюрократомъ. Въ Германіи газеты называли Ѳаддеева der kluge Russe Faddeeff. Затѣмъ свой блестящій умъ Ѳаддеевъ направилъ на общественную и государственную жизнь, подвинутый къ тому всѣми либеральными преувеличеніями и увлеченіями. Первою въ этой области трудовъ была его книга «*Что намъ быть?*», вызвавшая сильнѣйшее негодованіе во всѣхъ красныхъ лагеряхъ и органахъ печати. Надъ Ѳаддеевымъ они изрекли анаѳему. Но затѣмъ его вторая книга, въ концѣ царствованія Александра II изданная, подъ заглавіемъ: «*Письма о современномъ состояніи Россіи*», получила значеніе крупнаго политическаго событія. Эта книга переведена была на всѣ иностранные языки, а въ Россіи читалась запоемъ; но несмотря на то, что многія главы ея были прямо chef d'œvr'ами политиче-

скаго ума и знанія Россіи, и книга эта должна была быть настольною книгою для каждаго государственнаго человѣка, она окончательно погубила Ѳаддеева въ огромномъ либеральномъ мірѣ; а такъ какъ правительственный бюрократическій міръ, былъ, до извѣстной степени, въ тѣ времена подъ кличкою либеральнаго, то само собою разумѣется, что это послѣднее произведеніе крупнаго ума Ѳаддеева, гдѣ все было яркою жизненною правдою и по адресу либеральныхъ увлеченій и по адресу правительства, заградило ему путь къ повышенію. Либералы не могли ему простить его политическаго credo, изъ котораго ясно было видно, что онъ не понималъ иной политической жизни для Россіи, какъ подъ условіемъ признаванія всѣми Царскаго Самодержавія и силы законовъ, а правительство не могло простить, что съ этой точки зрѣнія онъ громилъ нечестныхъ и лукавыхъ царскихъ слугъ. Помню, какъ вчера, съ какою грустью, съ какою обидою за свое отечество я глядѣлъ на бѣднаго Ѳаддеева, сидѣвшаго на скамейкѣ Лѣтняго сада и читавшаго книжку, по обязанности члена совѣта по дѣламъ печати. Дальше этого мизернаго поста не пошелъ одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ умовъ въ Россіи, который давно во всякомъ государствѣ былъ бы министромъ; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ русскій, ему бросили подъ старость лѣтъ, больному и обиженному, какъ голодной собакѣ, кость, чтобы она не умерла съ голоду, въ видѣ мѣста, на которомъ я видѣлъ дураковъ. И вотъ, далеко еще не дряхлый, въ концѣ 1883 года Ѳаддеевъ умеръ въ нищетѣ. А между тѣмъ, Императоръ Александръ III его цѣнилъ, читалъ и уважалъ. Но сила бюрократической ненависти къ умамъ чисто-русскимъ, свободнымъ

и не холопствующимъ, была слишкомъ всемогуща и не допустила Ѳаддеева быть слугою Государя на высшихъ должностяхъ.

Съ бѣднымъ Черняевымъ случилось то, что всѣ его друзья предвидѣли. Александръ III, не взирая на сильнѣйшую оппозицію въ военномъ мірѣ, до военнаго министра включительно, назначилъ Черняева генералъ-губернаторомъ въ Туркестанскій край 1883 году. Въ 1884 году онъ былъ отозванъ и назначенъ на покой въ званіи члена Совѣта. За что?—спрашивали всѣ въ изумленіи,—укралъ онъ, измѣнилъ своему долгу? Нѣтъ, его сразу полюбили всѣ въ краѣ, а полюбили за то, что онъ грѣшилъ въ интересахъ края и его населенія противъ законовъ и святынь централизаціи и бюрократическаго катехизиса. Онъ позволялъ себѣ быть черезчуръ самостоятельнымъ и независимымъ отъ Петербурга. Казалось бы, на такіе грѣхи можно было смотрѣть сквозь пальцы, разъ грѣшилъ не кто-нибудь, но *Черняевъ*. Но нѣтъ, все, что противилось назначенія Черняева, зорко слѣдили за каждымъ его шагомъ, и, уловивъ два-три *преступныхъ* отклоненія Черняева отъ святыни бюрократическаго евангелія, представили Государю, что пребываніе Черняева на ташкентскомъ посту грозитъ опасностями для Россіи,—и Черняевъ былъ уволенъ. А между тѣмъ, Черняевъ былъ такой человѣкъ, что очень легко было давать ему руководительныя указанія тамъ, гдѣ они были нужны, и которыя онъ принималъ очень охотно. Но нѣтъ, Черняевъ былъ слишкомъ русскій — лучше его было убрать. И убрали навсегда. Ѳаддеевъ умеръ естественною смертью, а Черняевъ—политическою.

XXIX.

(1884 годъ).

Преобразованіе комиссіи прошеній. — Передача петербургскихъ больницъ въ вѣдѣніе города.—Графъ Э. Т. Барановъ.

---

13 іюня 1884 года появился Высочайшій указъ о преобразованіи комиссіи прошеній.

Онъ встрѣченъ былъ многими съ удивленіемъ, многими съ глубокою грустью, но либералами зато съ извѣстнымъ сочувствіемъ, какъ реформа, въ которой, къ прискорбію, Верховная власть сдѣлала уступку либеральной доктринѣ или, вѣрнѣе, духу бюрократіи, ослабляющую ее въ лучшемъ и наинужнѣйшемъ для подданныхъ ея атрибутѣ — въ области милосердія, искони бывшаго для русскаго Царя *неограниченнымъ*.

По изданному же 13 іюня указу оказались сдѣланными слѣдующія два существенныя измѣненія. Во-первыхъ, отнято у комиссіи прошеній право самостоятельнаго обсужденія каждаго дѣла, на основаніи поданнаго черезъ нее на Высочайшее имя прошенія, на предметъ представленія Государю на благоусмотрѣніе проекта рѣшенія комиссіи по тому или другому дѣлу, комиссіею разсмотрѣнному. Второе, тоже важное, огра-

ниченіе царскаго милосердія заключалось въ томъ, что всѣ сенатскія рѣшенія, въ касаціонныхъ департаментахъ состоявшіяся, не могли быть обжаловаемы черезъ комиссію прошеній, хотя бы они были явно противозаконны.

Одновременно съ этимъ упраздненъ былъ весь личный составъ комиссіи прошеній; всѣ ея члены были или уволены въ отставку или опредѣлены въ другія должности, и осталась только канцелярія съ главнымъ начальникомъ комиссіи и его помощникомъ.

Это упраздненіе коллегіальнаго учрежденія въ комиссіи прошеній имѣло весьма важныя, къ сожалѣнію, послѣдствія, тоже въ смыслѣ ограниченія области царскаго милосердія и царскаго вниманія къ огромной семьѣ несчастныхъ и обиженныхъ, обращающихся къ комиссіи прошеній, какъ къ послѣдней надеждѣ, какъ къ якорю спасенія. Коллегіальный строй упраздненной прежней комиссіи прошеній имѣлъ назначеніе внимательно разбирать всѣ подаваемыя прошенія и изыскивать всѣ пути и способы къ проявленію царскаго милосердія къ просителю, того заслуживающему, не стѣсняясь соображеніями о томъ, какъ то или другое министерство отнесется ко взгляду на данное дѣло комиссіи прошеній, сочувственно или несочувственно.

При новомъ устройствѣ комиссіи прошеній отношенія ея къ министерскимъ и ко всякимъ вѣдомствамъ существенно измѣнились въ томъ отношеніи, что комиссія, лишенная коллегіальнаго совѣщанія членовъ, должна была всю эту прежнюю сложную работу членовъ комиссіи возложить или на главнаго начальника, или на помощника его, или на канцелярію. Пришлось радикально измѣнить порядокъ дѣлоотправленія и вслѣд-

ствіе сего, установленъ былъ слѣдующій упрощенный порядокъ. Поступающія прошенія, или непосредственно по указанію главнаго начальника и его помощника или по докладу о семъ канцеляріи, раздѣлялись на двѣ категоріи: одна, главная, заключалась въ препровожденіи прошенія на усмотрѣніе того министерства, до котораго по своему содержанію оно относилось, и вторая, для меньшей части прошеній, которыя по своему содержанію признавались подлежащими особому всеподданнѣйшему докладу; на этомъ докладѣ испрашивалось утвержденіе Государемъ проекта рѣшенія главноначальствующаго, и когда сіе утвержденіе имѣло мѣсто, тогда вмѣстѣ съ Высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ прошеніе препровождалось къ подлежащему министру для особаго доклада Государю.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, преобразованіе комиссіи прошеній по указу 13 іюня 1884 года.

При первой встрѣчѣ съ О. Б. Рихтеромъ, который разработалъ преобразованіе комиссіи прошеній и былъ первымъ начальникомъ этого преобразованнаго учрежденія, я его спросилъ: что собственно побудило его совершить надъ собою эту операцію подрѣза крыльевъ?

— Вѣдь не ваши же по этой должности личные интересы и не интересы же Государя?—сказалъ я.

Изъ его отвѣта я узналъ, что двѣ главныя причины способствовали этому преобразованію: учрежденіе было дѣйствительно устарѣвшее въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало, съ его старичками, которые цѣлые часы сидѣли надъ однимъ дѣломъ и мало были свѣдущи въ законахъ. Его надо было обновить — это одна причина; а другою причиною была необходимость поставить это учрежденіе въ большее согласованіе съ

нѣкоторыми новыми требованіями административнаго и судебнаго міра. Въ сущности своей учрежденіе не измѣнено, но измѣнены его формы и нѣкоторыя детали.

На это я сказалъ, что, мнѣ кажется, требованія административныя и судебныя менѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ требованіе жизни и притомъ жизни тѣхъ несчастныхъ, страдальцевъ и мучениковъ, которые направляютъ въ комиссію свои, окапанныя слезами, прошенія. Вы говорите, сказалъ я, судебныя требованія. Судебные уставы изданы въ 1864 году; вѣдь могла же существовать, безъ малѣйшаго вреда для Россіи, 20 лѣтъ комиссія прошеній безъ всякаго ограниченія ея правъ по судебному вѣдомству. Затѣмъ, по части администраціи, можно ли отвергать, что для всякаго министра старая комиссія прошеній была бѣльмомъ на глазу, ибо черезъ нее во всякое время Государь могъ узнавать о злоупотребленіи властью, совершенномъ каждымъ изъ министровъ. А что касается старичковъ членовъ, про которыхъ говорилъ Рихтеръ, то что̀,—сказалъ я ему,—можетъ мѣшать вамъ составить коллегіальное совѣщаніе при комиссіи прошеній изъ подбора наилучшихъ по нравственнымъ качествамъ и по способностямъ государственныхъ людей и изъ выдающихся свѣтилъ судебнаго вѣдомства и поставить это учрежденіе вблизи Престола, какъ верховное судилище и какъ верховное пристанище для обиженныхъ и для достойныхъ царскаго милосердія?

Помню, какъ милый и прекрасный душою О. Б. Рихтеръ, играя, по обыкновенію, своими красивыми сѣдыми усами, взглянулъ на меня такимъ душевнымъ и свѣтлымъ взглядомъ и сказалъ мнѣ:

— Не всегда дѣлается то, чего хочется.

Нѣчто похожее на то идеальное учрежденіе, про которое я сейчасъ сказалъ, было устроено при Государственномъ Совѣтѣ, въ видѣ особаго совѣщанія для разбора судебныхъ сенатскимъ дѣлъ. Оно, безспорно, было полезно, но, увы, это не было то верховное судилище, которое у самого Престола произносило бы рѣшенія не только по законамъ, но по совѣсти, по сердцу и по разуму.

Въ этомъ же году совершилась другая реформа, тоже, увы, вызванная не потребностями жизни, а какъ бы въ угоду духу времени. Реформа эта касалась только Петербурга и заключалась въ томъ, что всѣ петербургскія больницы, за исключеніемъ Маріинской были переданы изъ вѣдѣнія учрежденій Императрицы Маріи въ вѣдѣніе городской думы и городского самоуправленія. И когда объ этомъ переходѣ всѣ узнали изъ «Правительственнаго Вѣстника», тогда всякій какъ и послѣ обнародованія реформы комиссіи прошеній, задавалъ въ недоумѣніи вопросъ: кому сіе нужно и чѣмъ это будетъ лучше? Больницъ въ Петербургѣ было мало, но, сравнительно, состояніе ихъ было удовлетворительное и былъ надъ ними постоянный не только служебный, но сердечный строгій надзоръ, было кому жаловаться и т. д. Съ переходомъ же больницъ въ вѣдѣніе города всѣ знали (кромѣ членовъ думы, разумѣется), что городское управленіе, неспособное справляться съ имѣющимся у него дѣломъ, и не въ силахъ будетъ совладать съ возлагаемымъ на него громаднымъ новымъ дѣломъ и въ немъ, какъ во всѣхъ ему подвѣдомственныхъ дѣлахъ, не будетъ отвѣтственно ни передъ кѣмъ за какія бы то ни было злоупотребленія. Любопытно при этомъ сопоставленіе. На мой вопросъ,

покойному Грессеру заданный: неужели вы не могли помѣшать этому переходу больницъ въ вѣдѣніе города? — вопросъ, похожій на тотъ, который я задалъ покойному Рихтеру относительно комиссіи прошеній,— я получилъ отъ Грессера почти такой же отвѣтъ, какой получилъ отъ Рихтера: ничего не подѣлаешь, сила солому ломитъ.

И въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, какъ во многихъ другихъ, мнѣ пришлось сказать себѣ: есть сила зла, невидимая и неосязаемая, но всемогущая, которая ведетъ и направляетъ, помимо лучшихъ желаній, и сильныхъ властью.

Государь и всѣ высшіе круги проявили—что рѣдко въ этихъ кругахъ бываетъ—искреннюю печаль, когда изъ-за границы пришло извѣстіе о смерти графа Эдуарда Трофимовича Баранова, занимавшаго тогда должность предсѣдателя департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ. Графъ Эдуардъ Барановъ былъ для меня какою-то легендарною личностью. Это единственный человѣкъ, про котораго со времени командованія Преображенскимъ полкомъ до назначенія на высшій постъ въ Имперіи—предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта, никто не сказалъ дурного слова, потому что не было человѣка, знавшаго его хотя немного, который бы его не уважалъ. Это искреннее всеобщее уваженіе было спутникомъ всей жизни гр. Баранова. Въ немъ было такое гармоничное сочетаніе большого ума, огромнаго такта, твердой воли, чистаго сердца и внѣшней красоты, даже въ старые годы, какого я никогда ни въ комъ не встрѣчалъ. Однимъ изъ его главныхъ дѣлъ, сдѣлавшимъ имя гр. Баранова историческимъ, было его предсѣдательство-

ваніе въ комитетѣ по изученію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Предсѣдательствуя въ дѣлѣ, которое онъ принялъ послѣ изученія его, онъ предсталъ передъ членами этого комитета въ какомъ-то ореолѣ ума и пониманія своей задачи, и съ тѣхъ поръ труды Барановскаго комитета въ области желѣзныхъ дорогъ стали не только историческимъ памятникомъ, но книгою практической премудрости для всякаго инженера. Во всякомъ случаѣ, послѣ такой долгой прекрасной жизни гр. Баранова, неудивительно, что на похоронахъ его въ Сергіевской пустыни мнѣ пришлось посреди несмѣтнаго количества лицъ всѣхъ положеній, съ Государемъ во главѣ, не разъ, а сотню разъ слышать слова: второго Баранова мы не увидимъ.

XXX.

(1884 годъ).

Скерневицкое свиданіе.

Крупнѣйшимъ событіемъ въ европейской жизни 1884 года, несомнѣнно, явилось свиданіе трехъ императоровъ въ Скерневицахъ, во дворцѣ нашего Государя, не далеко отъ Варшавы. Какую цѣль и какое значеніе имѣло это свиданіе, всего менѣе можно было уяснить себѣ въ ту минуту, когда оно происходило. Въ этомъ смыслѣ оно имѣло какъ будто характеръ скорѣе неподготовленнаго и неожиданнаго европейскаго дипломатическаго событія. Это характерно выразилось, напримѣръ, въ тѣхъ нѣсколькихъ словахъ, которыми печатный органъ князя Бисмарка охарактеризовалъ свиданіе. Газета Бисмарка сказала, что «на первомъ планѣ въ скерневицкой поѣздкѣ русскаго Императора слѣдуетъ поставить *воѣнно-инспекторскія цѣли* (!!). Но затѣмъ, какъ бы опомнившись, газета прибавила, что однако присутствіе на свиданіи министровъ иностранныхъ дѣлъ даетъ основаніе на этомъ свиданіи предвидѣть обсужденіе общеевропейскихъ вопросовъ.

Какіе это были общеевропейскіе вопросы, нигдѣ въ печати о томъ не было намека; всѣ главные органы ограничивались лишь общими фразами,—объ укрѣпленіи европейскаго міра;—и будетъ ли, съ появленіемъ новаго принца Кобургскаго, обсуждаться вопросъ балканскій, никто не зналъ вокругъ главныхъ дипломатическихъ сферъ. Лишь значительно позже самого свиданія въ Скерневицахъ отъ одного изъ моихъ пріятелей, изъ близкихъ къ Гирсу нашихъ дипломатовъ, я узналъ, что свиданіе съ Скерневицахъ было дѣломъ заботы Бисмарка. Не разъ онъ высказывалъ свой взглядъ на Императора Александра III. Онъ считалъ его, какъ онъ выражался, mehr als Klug, благодаря особенной чистотѣ и ясности его политическаго глаза, позволявшей ему всегда видѣть отчетливо предметъ. Въ эти годы, въ виду старости императора германскаго и самого Бисмарка, онъ искалъ сближенія съ Александромъ III болѣе, чѣмъ прежде. И эти-то мысли руководили имъ въ заботѣ устроить свиданіе трехъ монарховъ.

Для читателей выписываю изъ «Дневника» того времени подробности скерневицкаго свиданія.

«Сегодня, 3 сентября, Ихъ Величества, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, выѣхали изъ Новогеоргіевска и прибыли въ Скерневицы. Завтра ожидается пріѣздъ обоихъ императоровъ. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ тронулся изъ своего Гатчинскаго уединенія и поѣхалъ въ Варшаву; такимъ образомъ, свиданію трехъ Императоровъ будетъ соотвѣтствовать свиданіе трехъ министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Знаменательно, что за нѣсколько дней до свиданія

императоръ Вильгельмъ пожаловалъ князю Бисмарку орденъ «pour le mèrite», за заслуги, — единственное украшеніе, котораго еще не было на груди канцлера. При этомъ въ рескриптѣ императоръ говоритъ: «Я такъ хорошо знаю въ васъ сердце и духъ солдата, что надѣюсь доставить вамъ радость орденомъ, который съ гордостью носили многіе изъ вашихъ предковъ; самому себѣ я доставлю успокоеніе — пожаловать человѣку, который милостивою волею Бога данъ мнѣ въ помощники и такъ много сдѣлалъ для отечества, вполнѣ заслуженный знакъ признательности!»

Сегодня въ два часа прибылъ въ Скерневицы императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ, въ сопровожденіи графа Кальноки, военной свиты и австрійскаго посла въ Петербургѣ Волькенштейна, нашего посла въ Вѣнѣ князя Лобанова и нашего военнаго агента Каульбарса. Почетный караулъ на станціи былъ выставленъ отъ Австрійскаго Кексгольмскаго гренадерскаго полка. На вокзалѣ находились для встрѣчи: Ихъ Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ Старшій. Государь и великіе князья были въ австрійскихъ мундирахъ и въ Австрійскихъ лентахъ св. Стефана. Выйдя изъ вагона подъ звуки австрійскаго гимна, императоръ австрійскій, въ русскомъ мундирѣ своего полка (35-й драгунскій Бѣлгородскій), съ Андреевскою лентой, подошелъ къ Государю. Монархи три раза дружески поцѣловались, и затѣмъ императоръ, подойдя къ Императрицѣ, поцѣловалъ ей руку. Засимъ Государь представилъ императору свою свиту, а императоръ австрійскій представилъ Государю свою свиту. Во дворецъ Императрица поѣхала съ императоромъ ав-

стрійскимъ въ коляскѣ. Государь за ними въ коляскѣ.

«Два часа спустя подходилъ поѣздъ съ императоромъ германскимъ. На станцію прибыли для встрѣчи оба Императора, русскій и австрійскій. Императрица, великіе князья и всѣ лица обѣихъ свитъ. Почетный караулъ былъ отъ гренадерскаго Петербургскаго Прусскаго полка. Оба Императора были въ прусскихъ мундирахъ, съ прусскими лентами Чернаго Орла. При звукахъ прусскаго гимна вышелъ изъ вагона маститый императоръ германскій. Встрѣча державнаго дѣда съ державнымъ внукомъ была глубоко сердечная. Императоры нѣсколько разъ поцѣловались, и, поцѣловавъ руку Императрицы, маститый монархъ обнялъ съ особеннымъ чувствомъ юнаго Наслѣдника Цесаревича, стоявшаго возлѣ родителей въ мундирѣ прусскаго офицера. Затѣмъ императоръ Вильгельмъ подошелъ къ императору австрійскому; монархи поцѣловались два раза. Послѣ представленія свиты императоръ германскій поѣхалъ во дворецъ съ Императрицею, Государь въ коляскѣ съ императоромъ австрійскимъ. Князь Бисмаркъ прибылъ съ обоими своими сыновьями, Гербертомъ и Вильгельмомъ. Это введеніе канцлеромъ своихъ сыновей на видную, уже политическую сцену, въ блескѣ свиданія трехъ императоровъ, не можетъ не обратить на себя вниманія... Уже не князь Бисмаркъ просто, а князь Бисмаркъ съ сыновьями...

«Въ тотъ же день у Государя былъ обѣдъ на 30 персонъ: для императоровъ, великихъ князей и главныхъ лицъ свиты. Послѣ обѣда былъ большой спектакль-балетъ. Между прочими танцами были исполнены: мазурка, краковякъ и венгерскій чардашъ!

«Вообще царитъ веселое и свѣтлое настроеніе. Погода лѣтняя.

«Сегодня утромъ въ Скерневицахъ посвящено было параду войскъ; послѣ парада былъ завтракъ, а послѣ завтрака охота въ звѣринцѣ. Затѣмъ обѣдъ и вечеромъ спектакль.

«Большой дворецъ, въ которомъ остановились три императора, представляетъ собою двухъ-этажное зданіе, съ церковью. Дворецъ находится въ саду; передъ главнымъ подъѣздомъ, въ куртинѣ цвѣтовъ, бьетъ фонтанъ; надъ главнымъ подъѣздомъ крытый балконъ. Во вторникъ, 4 сего сентября, въ двѣнадцатомъ часу утра, передъ дворцомъ происходилъ парадъ батальона С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III и батальона Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полковъ. Войска были построены развернутымъ фронтомъ по садовымъ дорожкамъ. Въ ожиданіи выхода Ихъ Величествъ къ войскамъ у главнаго подъѣзда дворца собралась свита трехъ императоровъ. Тутъ находились: князь Бисмаркъ, графъ Кальноки, министръ Императорскаго Двора графъ Воронцовъ-Дашковъ, статсъ-секретарь Гирсъ, варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко, генералъ-адъютантъ Рихтеръ, послы: германскій—генералъ Швейницъ и австрійскій — Волькенштейнъ и много другихъ лицъ. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица вышли вмѣстѣ изъ дворца съ ихъ императорскими величествами императорами германскимъ и австрійскимъ и великою княгинею Маріею Павловной. Великіе князья Владиміръ Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Петръ Николаевичъ вышли изъ дворца

нѣсколько ранѣе. Государыня Императрица и великая княгиня Марія Павловна остановились на подъѣздѣ и оттуда смотрѣли на парадъ. Императоры Вильгельмъ и Францъ-Іосифъ были въ мундирахъ своихъ полковъ, отъ которыхъ на парадѣ находились два батальона. Отъ подъѣзда Ихъ Величества направились къ батальону Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка; три императора слѣдовали по фронту войскъ рядомъ. Государь Императоръ былъ посреди ихъ величествъ; императоръ австрійскій былъ первымъ къ батальону Кексгольмскаго полка; музыка играла австрійскій гимнъ. Затѣмъ Ихъ Императорскія Величества прошли по фронту батальона С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, причемъ императоръ германскій былъ первымъ къ батальону своего полка, музыка играла прусскій гимнъ. Послѣ Высочайшаго обхода войскъ Ихъ Императорскія Величества приблизились къ Государынѣ Императрицѣ, и начался церемоніальный маршъ. Войска проходили повзводно одинъ разъ, причемъ австрійскій императоръ шелъ съ первымъ взводомъ батальона своего полка, а императоръ Вильгельмъ также съ первымъ взводомъ своего полка. Государь Императоръ во время слѣдованія церемоніальнымъ маршемъ шелъ позади сперва австрійскаго, а затѣмъ германскаго императоровъ. По окончаніи парада знамена были отнесены во дворецъ, куда прослѣдовали Ихъ Величества и ихъ высочества. Затѣмъ во дворцѣ происходилъ завтракъ, на которомъ присутствовали: Государь Императоръ, Государыня Императрица, императоры германскій и австрійскій; великій князь Владиміръ Александровичъ, великая княгиня Марія Павловна, великіе князья Николай Нико-

лаевичъ Старшій и Петръ Николаевичъ, герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій, статсъ-дама княгиня Кочубей, фрейлины: графиня Апраксина и Орлова; князь Бисмаркъ, графъ Кальноки, австрійскій генералъ-адъютантъ графъ Мондель, австрійскій посолъ графъ Волькенштейнъ, генералъ Альбедиль, графъ Лендорфъ, князь Радзивиллъ, германскій посолъ Швейницъ, генералъ Вердеръ, министры: Императорскаго Двора — графъ Воронцовъ-Дашковъ, иностранныхъ дѣлъ — статсъ-секретарь Гирсъ, внутреннихъ дѣлъ—графъ Толстой, варшавскій генералъ-адъютантъ Гурко, генералъ-адъютантъ Рихтеръ, князь Витгенштейнъ, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ и князь Лобановъ-Ростовскій. Вскорѣ послѣ завтрака Ихъ Величества и ихъ высочества отправились въ звѣринецъ на охоту. Императоръ Францъ-Іосифъ ѣхалъ въ экипажѣ съ Государынею Императрицею; за ними слѣдовали Государь Императоръ съ императоромъ Вильгельмомъ; далѣе великій князь Владиміръ Александровичъ съ великою княгинею Маріею Павловной. Собравшійся у рѣшетки дворца во множествѣ народъ восторженно привѣтствовалъ Ихъ Величества и державныхъ гостей восторженнымъ «ура». На пути слѣдованія у тріумфальной арки ученицы скерневицкаго женскаго начальнаго училища, одѣтыя въ бѣлыя платья, держали въ рукахъ цвѣты, которыми усыпали путь Ихъ Величествъ.

«Въ продолженіе обѣда играли два хора военной музыки, помѣщавшейся въ саду. Въ 9 часовъ вечера въ театральномъ зданіи начался парадный спектакль. Театральная зала—полукруглая: въ первомъ ряду поставлены золоченные стулья, съ палевыми шелковыми сидѣньями, а въ остальныхъ четырехъ рядахъ—стулья,

такъ-называемые, вѣнскіе, съ голубыми сидѣньями. По бокамъ, наверху, устроены двѣ ложи въ видѣ хоръ; лѣвая ложа была отведена корреспондентамъ русскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, всего около 20 человѣкъ. Въ исходѣ 9 часа вошли въ залу приглашенныя на спектакль дамы, многія изъ которыхъ пріѣхали изъ Варшавы; въ числѣ прибывшихъ дамъ была супруга варшавскаго генералъ-губернатора, г-жа Гурко, и многія изъ польскаго варшавскаго высшаго общества. По указанію оберъ-гофмаршала князя Трубецкаго дамы заняли нѣсколько стульевъ въ первомъ ряду и весь второй и третій ряды; затѣмъ начали прибывать лица свиты трехъ императоровъ; русскіе мундиры смѣшивались съ австрійскими и германскими. Въ началѣ 10 часа въ залу вошли Ихъ Величества и Ихъ Высочества. Императоръ Вильгельмъ шелъ подъ руку съ Государыней Императрицею; онъ былъ въ мундирѣ 37-го драгунскаго Военнаго Ордена полка. За Ихъ Величествами слѣдовали императоръ австрійскій съ великою княгинею Маріею Павловною. Императоръ Францъ-Іосифъ былъ въ мундирѣ 35-го драгунскаго Бѣлгородскаго полка. Государь Императоръ и великіе князья Владиміръ Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ были въ прусскихъ мундирахъ. Государыня Императрица изволила занять мѣсто въ первомъ ряду; по правую руку Ея Величества занялъ мѣсто австрійскій императоръ, а по лѣвую — императоръ Вильгельмъ; рядомъ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ сидѣла великая княгиня Марія Павловна, далѣе изволилъ занять мѣсто Государь Императоръ. Рядомъ съ императоромъ Вильгельмомъ, по лѣвую руку его, сидѣла

статсъ-дама княгиня Кочубей. Въ первомъ ряду помѣщались великіе князья Владиміръ Александровичъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, князь Бисмаркъ, графъ Кальноки, послы германскій и австро-венгерскій, г-жа Гурко и другія лица. Въ театрѣ присутствовали министры: графъ Воронцовъ-Дашковъ, графъ Толстой, статсъ-секретарь Гирсъ, генералъ-адъютанты Ванновскій и Посьетъ. Спектакль состоялъ изъ трехъ отдѣленій балетныхъ танцевъ. Въ спектаклѣ участвовала балетная труппа варшавскихъ театровъ. Ихъ Величества аплодировали нѣкоторымъ исполнителямъ; въ антрактахъ между вторымъ и третьимъ отдѣленіемъ Ихъ Величества и ихъ высочества выходили въ фойэ театра, гдѣ былъ сервированъ чай, и для присутствующихъ находился буфетъ съ винами, фруктами и холодной закускою. Послѣ спектакля Ихъ Величества съ ихъ высочествами отбыли во дворецъ.

«Сегодня, 5-го сентября, въ 9 часовъ утра, выѣхалъ изъ Скерневицъ по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ его величество императоръ германскій Вильгельмъ. На станцію желѣзной дороги императоръ германскій пріѣхалъ въ экипажѣ съ Государыней Императрицей; за ними слѣдовали: Государь Императоръ и императоръ австрійскій, великій князь Владиміръ Александровичъ съ супругою, великою княгинею Маріею Павловной, великіе князья: Николай Николаевичъ Старшій, Михаилъ Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Михаилъ и Георгій Михаиловичи. На дебаркадерѣ находились министры и свита, а также офицеры батальона С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка. Императоръ Вильгельмъ при прощаніи обнялъ Государя Императора. Ихъ Величества

поцѣловались три раза; у Государыни Императрицы императоръ Вильгельмъ поцѣловалъ руку; съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ императоръ Вильгельмъ поцѣловался два раза. Затѣмъ простившись съ великими князьями, императоръ Вильгельмъ вошелъ въ вагонъ, остановился при входѣ у двери и, обращаясь къ офицерамъ и другимъ присутствующимъ на проводахъ его величества, сказалъ по-русски: «Прощайте». Въ это время къ императору Вильгельму вошелъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, ѣдущій въ Берлинъ вмѣстѣ съ его величествомъ. Ихъ Величества императоръ Вильгельмъ и Государь Императоръ еще разъ обмѣнялись сердечными пожеланіями, и поѣздъ тронулся въ путь при крикахъ «ура» офицеровъ названнаго выше батальона, пришедшихъ проводить своего августѣйшаго шефа. Съ императоромъ Вильгельмомъ уѣхали, кромѣ великаго князя Михаила Николаевича, великія князья Михаилъ и Георгій Михаиловичи, командующій главной Императорской квартирою генералъ-адъютантъ Рихтеръ, ѣдущій по Высочайшему повелѣнію въ Германію на маневры войскъ и приглашенный императоромъ Вильгельмомъ въ его поѣздъ, а также состоявшіе при его величествѣ во время пребыванія въ Россіи: генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ 2-й, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Корфъ, флигель-адъютантъ графъ Бергъ. Князь Бисмаркъ съ двумя сыновьями, графами Гербертомъ и Вильгельмомъ Бисмарками, отправился съ этимъ же поѣздомъ. Проводивъ императора Вильгельма, Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами возвратились во дворецъ. При проводахъ Государь Императоръ, великіе князья Владиміръ Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій

и Михаилъ Николаевичъ были въ прусскихъ мундирахъ; императоръ Вильгельмъ и императоръ австрійскій—въ русскихъ.

«Сегодня же, спустя часъ послѣ отъѣзда императора германскаго, въ 10 часовъ утра, выѣхалъ изъ Скерневицъ императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ. Его величество прибылъ на станцію желѣзной дороги въ экипажѣ съ Государынею Императрицею. За Ихъ Величествами слѣдовали Государь Императоръ, великая княгиня Марія Павловна, великіе князья Николай Николаевичъ Старшій и Петръ Николаевичъ. Въ саду, у станціи, Государь Императоръ и Государыня Императрица простились съ лицами свиты императора австрійскаго, а императоръ Францъ-Іосифъ простился съ русскою свитою. Затѣмъ императоръ Францъ-Іосифъ, подъ-руку съ Государынею Императрицею, вышелъ на платформу, гдѣ находились офицеры батальона Кекскгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, съ полковымъ командиромъ во главѣ; императоръ австрійскій былъ въ русской формѣ, а Государь Императоръ и великіе князья—въ австрійской. Прощаясь съ Государемъ Императоромъ, императоръ австрійскій поцѣловался три раза, а у Ея Величества поцѣловалъ руку. Простившись съ Высочайшими Особами, императоръ австрійскій прослѣдовалъ въ вагонъ, войдя въ который его величество остановился у двери, противъ которой находились Государь Императоръ и Государыня Императрица; поѣздъ двинулся при кликахъ «ура» офицеровъ батальона Кекскгольмскаго полка, явившихся проводить своего августѣйшаго шефа. Съ императоромъ австрійскимъ выѣхали состоявшіе при немъ на время пребыванія его Величества въ Россіи:

генералъ-адъютантъ князь Витгенштейнъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Пушкинъ и флигель-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, а также графъ Кальноки, австро-венгерскій посолъ при петербургскомъ Дворѣ и свита его величества. Послѣ отъѣзда императора австрійскаго многіе изъ отъѣзжающихъ сегодня изъ Скерневицъ въ Варшаву и Петербургъ лицъ откланивались Ихъ Величествамъ. Затѣмъ Ихъ Величества съ ихъ высочествами прослѣдовали во дворецъ, гдѣ въ началѣ перваго часа пополудни былъ сервированъ завтракъ, послѣ котораго Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Высочества отправились на охоту».

XXXI.

(1884 годъ).

Мое первое драматическое произведеніе—комедія „Болѣзни сердца".

Въ 1884 году я написалъ комедію въ 5 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ «Болѣзни сердца». Когда я ее окончилъ, я прочиталъ ее вслухъ, у себя въ кабинетѣ, пріятелямъ-судьямъ. Представителями критики были: покойный нынѣ Тертій Ивановичъ Филипповъ, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ и Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ. Меня слушали внимательно, и я убѣдился, что слушали съ интересомъ. Я пришелъ въ восторгъ, когда послѣ одной сцены услыхалъ слова Майкова:

— Безусловно талантливая вещь.

И вотъ, въ ноябрѣ 1884 года я предсталъ предъ грозное судилище драматическаго комитета. Тогда этотъ комитетъ имѣлъ два отдѣленія. Когда я узналъ, что моя пьеса попала въ отдѣленіе А. Плещеева, мнѣ сказали, что я долженъ этому радоваться, такъ какъ Плещеевъ относится къ дѣлу мягче и безпристрастнѣе. Я

со страхомъ вошелъ въ судилище. Оно помѣщалось въ большомъ залѣ, гдѣ посрединѣ стоялъ столъ, покрытый сукномъ, и гдѣ было и темно и холодно. Я представился каждому члену отдѣльно. Представителями артистами были: г-жа Дюжикова и г. Давыдовъ. Представителемъ критики былъ, почему-то казавшійся мнѣ страшнымъ, Боборыкинъ. Передъ началомъ чтенія вошелъ, съ таинственнымъ видомъ, Григоровичъ, обошелъ всѣхъ присутствующихъ, со всѣми рукопожимался и затѣмъ, какъ будто что-то понюхавъ, ушелъ. Тогда меня пригласили начать чтеніе. Читалъ я три часа, надо правду сказать, плоховато; тѣмъ не менѣе, меня слушали все время внимательно и съ интересомъ, что меня весьма ободрило. Вечеромъ я узналъ, что моя пьеса принята для представленія въ Александринскомъ театрѣ.

Довольно характерно припомнить, что всегда любезная ко мнѣ печать, по поводу чтенія моей пьесы, съ утонченнымъ тактомъ поспѣшила коснуться пьесы, о которой ничего не знала, съ извѣстными по моему адресу уколами и неблагопріятными для пьесы отзывами.

Потомъ наступилъ самый интересный періодъ; это— вся эпоха постановки пьесы, начинающаяся распредѣленіемъ ролей.

25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но когда припоминаю эту эпоху постановки моей комедіи «Болѣзни сердца» въ 1885 году и невольно сравниваю ее со всѣми послѣдующими періодами Александринскаго театра, относительно личнаго состава труппы, по настоящее время, тогда я понимаю, что на мою долю выпало большое счастье и что въ сравненіи съ тогдашнею

эпохою личнаго состава труппы всѣ нынѣшніе эпохи жалки и бѣдны.

Вотъ составъ артистовъ для комедіи «Болѣзни сердца»: г-жа Жулева, г-жа Савина, г-жа Абаринова; гг. Давыдовъ, Сазоновъ, Петипа, Далматовъ, Свободинъ.

Не угодно ли вамъ въ данную минуту подобрать такой личный составъ для одной пьесы въ Александринскомъ театрѣ. Помню, какъ меня очаровала г-жа Савина. Я ее представлялъ себѣ капризною и зазнавшеюся, но при первомъ же свиданіи нашелъ ее очень милою, естественною и вовсе не зазнавшеюся, хотя капризы слышались въ отзвукахъ ея личности, но кому же имѣть и раво быть капризною, какъ не г-жѣ Савиной.

Своего рода историческій интересъ получилъ затѣмъ главный періодъ исторіи моей пьесы; это—самое представленіе.

— Ну, Владиміръ Петровичъ, задали же вы мнѣ хлопотъ своею пьесою, говоритъ мнѣ градоначальникъ Грессеръ.

— А что?

— Помилуйте, противъ васъ готовятся итти всѣ верхи съ цѣлыми коллекціями свистковъ.

— Ну, что-жъ, пускай себѣ.

— Вамъ это легко говорить: пускай; а мнѣ-то каково. Развѣ я могу допустить скандалъ въ театрѣ въ присутствіи Государя?

— Развѣ Государь будетъ?—спросилъ я.

— Говорятъ.

О свисткахъ будущаго я, разумѣется, забылъ, но вѣсть о присутствіи Государя на первомъ представленіи моей пьесы меня зажгла радостью.

Въ вечеръ представленія я взялъ себѣ съ нѣсколь-

кими пріятелями ложу внизу. Газеты, вѣрныя прежнимъ традиціямъ безпристрастія ко мнѣ, чуть ли не ежедневно возбуждали публику противъ меня и моей пьесы. Тѣмъ не менѣе, театръ оказался переполненнымъ. Изъ любопытства я взглянулъ на верхи. Зрѣлище было интересное, по разнообразію типичныхъ физіономій: одну часть этихъ типичныхъ фигуръ изображали собою переодѣтые городовые, а другую часть изображали мои политическіе враги, и между ними студенты и курсистки. Большая боковая царская ложа оказалась полною. Во главѣ сидѣвшихъ въ ней были Ихъ Величества. Весь бель-этажъ былъ занять представителями большого свѣта, а партеръ, какъ я замѣтилъ, разглядывая лица, былъ составленъ изъ благопріятствующихъ мнѣ лицъ. Послѣ перваго акта борьба лѣвыхъ и правыхъ началась съ маленькой попытки, прекратившейся въ зародышѣ: раздалось нѣсколько аплодисментовъ, имъ тотчасъ же отвѣтило шиканье, и затѣмъ все смолкло.

Послѣ второго акта вспышка перешла въ маленькое сраженіе съ двухъ сторонъ, но черезъ нѣсколько минутъ и оно смолкло. Но послѣ третьяго акта произошелъ горячій бой: событіе преобразилось въ непобѣдимый скандалъ. Когда аплодисменты и вызовы раздались по всей залѣ, и весь партеръ, стоя, сталъ меня привѣтствовать, тогда наверху буквально раздался цѣлый ураганъ свистковъ и шиканья, и чѣмъ онъ становился громче, тѣмъ сильнѣе раздавались привѣтствія. Борьба достигла апогея, когда я вышелъ въ директорской ложѣ раскланиваться съ публикой, и тутъ правая одержала окончательно побѣду надъ лѣвою, такъ что, когда послѣ 4-го акта снова раздались громкіе

привѣтствія и вызовы, протестующій шумъ лѣвой былъ значительно слабѣе.

Когда я вернулся въ свою ложу, послѣ выхода въ директорской ложѣ въ антрактѣ между 3 и 4 актомъ, въ ложу вошелъ камеръ-лакей и доложилъ мнѣ, что Государь меня зоветъ въ свою ложу.

Когда я вошелъ, Государь, веселый и любезный, протягивая мнѣ руку, сказалъ:

— Я хотѣлъ васъ привѣтствовать съ успѣхомъ вашей пьесы, которая мнѣ очень понравилась, и затѣмъ я хочу васъ благодарить за то, что благодаря вамъ я получилъ въ первый разъ въ моей жизни возможность видѣть въ натурѣ скандалъ въ театрѣ и слышать такой концертъ свистковъ.

Государь пригласилъ меня пить чай. Ложа была полна великихъ князей и великихъ княгинь.

Я запомнилъ, что въ одномъ изъ антрактовъ я встрѣтилъ въ корридорѣ А. С. Суворина.

— Для меня было сюрпризомъ, что аплодисменты и «браво» преодолѣли свистки,—говорю я Суворину.

— Что же удивительнаго,—отвѣчаетъ онъ,—когда пьеса талантлива.

Я порадовался этому слову. Но не надолго: на другой день въ «Нов. Времени» пьеса моя была охаяна!

Послѣ представленія артисты у меня ужинали; царило всеобщее веселье.

Одинъ изъ пріятелей, придя ко мнѣ изъ театра, передалъ мнѣ интересное слово, подслушанное въ группѣ студентовъ и курсистокъ: «Однако, — сказалъ одинъ изъ нихъ, —надо сознаться, что у Мещерскаго хорошая гвардія».

Такъ кончился мой день драматическаго автора.

XXXII.

(1884 годъ).

О Кахановской комиссіи.—Пазухинъ—ея дѣтище.

Очень интересна и любопытна была исторія Кахановской комиссіи, пронесшейся кометой на нашемъ политическомъ небосклонѣ въ теченіе краткаго періода времени отъ 1880 года до первой половины 80-хъ годовъ и прошедшей такую метаморфозу, которая мыслима только при русскомъ Богѣ въ русской странѣ.

Какъ извѣстно, Кахановская комиссія—дитя самыхъ либеральныхъ родителей 70-хъ годовъ и самыхъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II. Родоначальникомъ ея былъ гр. Лорисъ-Меликовъ, возымѣвшій мысль отрядить нѣсколько сенаторовъ въ разные раіоны Россіи, съ большими штабами чиновниковъ, для ревизіи, а главнымъ образомъ для изслѣдованія состоянія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ политическомъ. Эти сенаторы, разъѣзжавшіе по Россіи и тамъ застигнутые громовою вѣстью о мученической кончинѣ великаго Царя-Освободителя, вернувшись въ Петербургъ, привезли съ собою огромное количество мате-

ріаловъ, и вотъ этотъ-то матеріалъ послужилъ причиною для созданія, подъ предсѣдательствомъ Каханова одного изъ умнѣйшихъ тогда государственныхъ людей, изъ бюрократовъ, бывшаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова, — комиссіи для разработки проекта внутренней реформы въ Россіи. Комиссія эта, отчасти благодаря сенаторамъ, доставившимъ собранный ими на мѣстахъ матеріалъ, отчасти благодаря предсѣдателю ея Каханову, отчасти членамъ ея, получила съ самаго начала либеральный характеръ. При преемникѣ гр. Лорисъ-Меликова, графѣ Н. П. Игнатьевѣ, Кахановская комиссія какъ бы притихла, такъ какъ создался около гр. Игнатьева новый реформаторскій вулканъ, съ новыми, игнатьевскими людьми, который пустилъ въ свѣтъ Божій идею о земскомъ соборѣ, и увлеченнымъ этою идеею было не до Кахановской комиссіи съ ея программою внутреннихъ реформъ. При графѣ Д. А. Толстомъ курьезная судьба Кахановской комиссіи обнаружилась весьма наглядно. Какъ я говорилъ, гр. Толстой къ Кахановской комиссіи относился несочувственно и недовѣрчиво, но тѣмъ не менѣе онъ далъ ей полную свободу работать по своей первоначальной программѣ. Это былъ первый фазисъ отношеній къ ней гр. Толстого. Затѣмъ наступилъ второй періодъ этихъ отношеній. Гр. Толстой въ одинъ прекрасный день взялъ и превратилъ Кахановскую комиссію въ маленькій парламентъ, въ который вошли и мѣстные представители дворянства, въ лицѣ нѣсколькихъ предводителей дворянства, и нѣсколько представителей земства. Программа этой преобразованной комиссіи осталась та же: выработать проекты внутренней реформы.

Но дальше послѣдовалъ еще большій курьезъ. Кто бы могъ подумать, что эта, такъ недавно еще бывшая архилиберальною, комиссія начнетъ умирать при гр. Толстомъ, но, умирая, родитъ создателя самаго антилиберальнаго учрежденія — земскихъ начальниковъ— Пазухина. Онъ былъ графомъ Толстымъ избранъ въ члены Кахановской комиссіи, въ качествѣ уѣзднаго предводителя Симбирской губерніи, и въ роли члена Кахановской комиссіи началъ разрабатывать проектъ учрежденія власти надъ крестьянами, съ идеею сдѣлать ее имъ близкою, изъ котораго вылился проектъ будущаго земскаго начальника. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ, по волѣ русскаго Бога, случился самый любопытный и крупный курьезъ: Кахановская комиссія, созданная съ цѣлью чуть-чуть не привести къ конституціи, ничего, въ заключеніе нѣсколькихъ лѣтъ работы, не произвела, кромѣ Пазухинскихъ работъ и учрежденія земскаго начальника—такого ненавистнаго либераламъ учрежденія.

Само собою разумѣется, какъ теперь, такъ и тогда либералы въ оцѣнкѣ нуждъ мѣстной жизни вообще и крестьянской въ особенности всего меньше руководствовались именно этими нуждами, но гораздо болѣе своими собственными, чисто-идейными и теоретическими, воззрѣніями на мѣстные вопросы. Оттого совершился за періодъ существованія Кахановской комиссіи такой крупный и рѣзкій разладъ между началомъ Кахановской комиссіи, въ видѣ цѣлаго большого проекта либеральной мѣстной реформы, и между послѣднимъ ея издыханіемъ, когда взяла верхъ практическая мысль Пазухина, что необходимо, прежде чѣмъ совершать мѣстную реформу, обезпечить и упрочить

крестьянамъ такую надъ ними власть, чтобы она была близка къ нимъ по разстоянію, по разуму ея функцій, по сердцу и по доступности. И практика немедленно доказала, что не либералы были правы, требуя прежде всего сложной мѣстной реформы всего строя, а консерваторъ Пазухинъ, такъ какъ нигдѣ не былъ слышанъ вопль, взывавшій къ мѣстной либеральной реформѣ, но съ появленіемъ земскаго начальника крестьянскій міръ сразу успокоился и почувствовалъ заботу о себѣ, вдругъ ставшую ему близкою.

Тѣмъ не менѣе работы Кахановской комиссіи представляли собою цѣлые переполненные шкафы матеріаловъ и цѣлые фоліанты разработанныхъ по нимъ записокъ. И всѣ эти работы,—со многими изъ нихъ я имѣлъ случай познакомиться,—были великолѣпно изложены, читались съ интересомъ, многими даже съ увлеченіемъ, какъ талантливо написанные трактаты, въ которыхъ открывалась Америка. А между тѣмъ, для человѣка съ глазомъ, привыкшимъ отличать фантазію теорика и бюрократа отъ картинъ дѣйствительной жизни, все это красивое изображеніе преобразованной чудотворными реформами русской провинціи казалось химерой фантазіи, которая навѣрное подняла бы вверхъ дномъ всю почву русской жизни въ губерніи, но врядъ ли создала бы нужные органы власти и самодѣятельности.

Таковы были главные мотивы реформы, выработанные Кахановской комиссіей. Нужды крестьянской жизни оставлены безъ вниманія, нужда въ улучшеніи волостныхъ учрежденій оставлена безъ вниманія, нужды населенія уѣзда тоже оставлены безъ вниманія; земскія дѣйствительныя нужды тщательно не изслѣдованы,

о дворянскихъ и говорить нечего; безвластіе и разновластіе въ уѣздѣ даже не замѣчены. Но зато появились проекты: объ устраненіи дворянства отъ прямого и активнаго участія въ губернскомъ и уѣздномъ строѣ, о подчиненіи уѣзда представителю отъ земства, объ ограниченіи губернаторской власти усиленіемъ земскаго самоуправленія и коллегіальными учрежденіями и т. д. Словомъ, вся главная работа Кахановской комиссіи сводилась къ тому, чтобы уѣздъ сосредоточить въ рукахъ земства, чтобы ослабить всякую активную роль дворянства въ губерніи и въ уѣздѣ, чтобы губернатора обезсилить, чтобы земство усилить и т. д. Все это было широко задумано, увлекательно, какъ я сказалъ, изложено на бумагѣ и со дня на день должно было примѣняться.

Но русскій Богъ однимъ движеніемъ Своей воли все измѣнилъ. Проекты Кахановской комиссіи замираютъ, замираетъ и Кахановская комиссія, и изъ нея, какъ я сказалъ, рождается авторъ проекта будущихъ земскихъ начальниковъ. И вмѣсто ожидавшагося внутри Россіи урогана либеральнаго переворота — все стало тихо.

Развѣ это не интересное историческое событіе? Только одинъ земскій начальникъ консервативнаго духа явился на Божій свѣтъ, какъ дѣтище, выброшенное на русскую почву деревни вулканомъ 5-лѣтнихъ работъ Кахановской комиссіи,—и вмѣсто богатыря урагана либерализма. является ребенокъ — проектъ земскаго начальника,—и водворяется тишина.

XXXIII.

(1885 годъ).

Афганская тревога.—Юбилей дворянской грамоты.

Первая половина 1885 года была тревожна, такъ какъ мы жили все время въ атмосферѣ угрозы войною съ Англіею изъ-за афганскаго вопроса. Передвиженія нашихъ войскъ на афганской границѣ, вызванныя передвиженіями афганскихъ войскъ, явились причиною или, вѣрнѣе, предлогомъ для англійскаго правительства заподозрѣвать насъ въ стремленіяхъ къ Индіи, и, невзирая на всю нелѣпость этого подозрѣнія, оно получало извѣстный вѣсъ въ Лондонѣ, благодаря настойчивымъ антирусскимъ внушеніямъ тогдашняго вице-короля Индіи, врага Россіи, лорда Дефферина. Дошло до дипломатическихъ запросовъ по адресу русскаго правительства, съ тѣмъ тономъ, съ которымъ англійскіе руководители иностранной политики при Биконсфильдѣ и при Пальмерстонѣ разговаривали съ русскими дипломатами. Тонъ этотъ тѣмъ болѣе былъ удивителенъ, что, съ одной стороны, во главѣ правительства Англіи въ то время находился миролюбивый Глад-

стонъ, котораго считали симпатизирующимъ Россіи, а съ другой стороны, на самомъ дѣлѣ Россія никакого серьезнаго повода къ какимъ бы то ни было претензіямъ къ ней Англіи не давала.

Вотъ тутъ сказалось достоинство выбора, сдѣланнаго Александромъ III, такого министра иностранныхъ дѣлъ, какимъ оказался Гирсъ. Тонъ, съ которымъ Гирсъ отвѣчалъ на запросы англійскаго форейнъ-офиса, оказался для послѣдняго новымъ. По прежнимъ традиціямъ нашей дипломатіи, мы расшаркивались и извинялись передъ англійскимъ правительствомъ, въ отвѣтахъ же своихъ, какъ отраженіе величественнаго спокойствія своего Монарха, Гирсъ проявлялъ одинаковую твердость въ отстаиваніи миролюбивыхъ интересовъ и въ отстаиванія достоинства и полнаго спокойствія, и этимъ тономъ сразу повліялъ на англійское правительство настолько, что въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ тонъ англійскихъ сообщеній сталъ мягче и отражалъ большее уваженіе къ своему оппоненту. Только этимъ, между прочимъ, обстоятельствомъ можно было объяснить тотъ фактъ, что грандіозное и совсѣмъ неожиданное для нашего Государя и для Англіи пораженіе афганскихъ войскъ при Кушкѣ, 18 марта, не привело ни къ какимъ острымъ осложненіямъ въ отношеніяхъ Англіи къ Россіи, невзирая на сильное возбужденіе умовъ, вспыхнувшее, благодаря торійскимъ газетамъ, въ Англіи. Я говорю «между прочимъ» потому, что, кромѣ того, не малое вліяніе на измѣненіе тона для англійскаго правительства имѣло столь неожиданное и крупное пораженіе афганскихъ войскъ русскими. Въ телеграммѣ генерала Кокорева было сказано, что вслѣдствіе явно

враждебныхъ и вызывающихъ дѣйствій афганцевъ онъ вынужденъ былъ 18 марта атаковать укрѣпленныя ихъ позиціи по обоимъ берегамъ рѣки Кукши; афганскій отрядъ, силою въ 4,000 человѣкъ, при 8 орудіяхъ, былъ разбитъ и разсѣянъ, потерявъ до 500 человѣкъ убитыми, всю артиллерію, два знамени и весь лагерь съ запасами и съ обозомъ. У насъ былъ убитъ 1 офицеръ, ранено 4, нижнихъ чиновъ убито было 10, ранено 29. По полученіи затѣмъ подробнаго разъясненія дѣла правительство обнародовало дополнительное сообщеніе, которое имѣло послѣдствіемъ успокоеніе умовъ какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи, гдѣ это сообщеніе, опять-таки съ достоинствомъ и спокойствіемъ составленное, имѣло именно успокоительное дѣйствіе. Но тѣмъ не менѣе, невзирая на продолжавшіеся переговоры между Англіей и Россіею, англійское правительство самымъ демонстративнымъ и активнымъ образомъ пыталось насъ запугивать своими воинственными мѣрами: собирались войска для отправки въ Индію, парламентъ единогласно голосовалъ 11 милліоновъ фунтовъ кредита, заговорили о занятіи англичанами острова Гамильтонъ въ Японскомъ морѣ, о переговорахъ съ Турціею относительно пропуска въ Черное море англійскаго флота и т. д. Но, невзирая на всѣ эти угрозы, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, не измѣняя своему хладнокровію и миролюбію, самымъ твердымъ, но любезнымъ образомъ отклонилъ всѣ непріемлемыя требованія англійскаго правительства и взамѣнъ предложилъ свои, какъ гарантіи мира на границахъ афганской и индійской, которыя англійскій кабинетъ принялъ за основу соглашенія, выведшаго оба государства изъ критической минуты военнаго столкновенія.

Къ концу апрѣля переговоры приняли характеръ рѣшительно мирный; Англія отмѣнила всѣ свои подготовительныя мѣропріятія, и какъ разъ въ это время, по поводу маленькаго инцидента при разсмотрѣніи бюджета, кабинетъ Гладстона подалъ въ отставку и на его мѣсто вступилъ кабинетъ торіевъ, коего главою былъ избранъ и назначенъ лордъ Салисбюри.

Настроеніе наше во все это тревожное время было спокойное и замѣчательно отражало въ себѣ то спокойствіе, честное и неустрашимое, которымъ все время отвѣчалъ Государь на провокаторскіе пріемы англійской печати и которое такъ искусно и умно умѣлъ высказывать Гирсъ въ своихъ сообщеніяхъ. Въ этомъ настроеніи ходили легенды и слухи. Одна изъ такихъ легендъ была мною тогда записана въ мой «дневникъ». Она повѣствовала о минутѣ, когда возможность разрыва съ Англіею казалось близкою, и когда пришлось Государю совѣщаться съ министрами о возможности войны, и когда, будто бы, въ отвѣтъ на заявленіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ о недостаткѣ въ деньгахъ, какъ о препятствіи къ войнѣ, Государь сказалъ, высоко поднявъ чело Самодержца, какъ бы призывая Бога во свидѣтели искренности своего вдохновенія: «Честь моего народа есть вопросъ его жизни; если денегъ не хватаетъ у казны, я всѣ свои деньги, всѣ деньги своего сына отдамъ, и я твердо увѣренъ, что я не одинъ это сдѣлаю въ Россіи». Легенду эту я записалъ потому, что я ее слышалъ тогда въ народѣ.

21 апрѣля праздновался столѣтній юбилей дворянской грамоты, дарованной Екатериною II. Интересно, что до наступленія этого дня среди московскаго и петербургскаго дворянства возбуждался вопросъ о пред-

ставленіи Государю адреса съ изложеніемъ желаній дворянства. Главныя желанія были слѣдующія: 1) отмѣна права полученія дворянства чиномъ или орденомъ, 2) пожалованіе дворянства исключительно какъ царской милости; предоставленіе дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ права хадатайствовать о Высочайшемъ пожалованіи дворянства за особыя заслуги отечеству или выдающіеся поступки: 4) предоставленіе дворянскимъ предводителямъ и депутатскимъ собраніямъ суда чести надъ дворянами; 5) предоставленіе суду чести права, послѣ трехъ предостереженій, исключать дворянина изъ родословной книги и лишать его дворянскаго званія, и тому же подвергать дворянъ, трижды удаленныхъ изъ дворянскаго собранія; 6) уничтоженіе для дворянъ обязательности воинской повинности, въ виду того, что и безъ принужденія дворяне считаютъ за честь служить въ рядахъ войска; 7) предоставленіе права дворянину въ нижнемъ чинѣ носить особый знакъ отличія; 8) избавленіе дворянъ отъ суда присяжныхъ, съ замѣною его судомъ дворянскимъ, и 9) дешевый кредитъ, долгосрочный и краткосрочный, для помѣщиковъ.

Таковы были высказанныя пожеланія московскаго и петербургскаго дворянствъ; но такъ какъ по поводу отдѣльныхъ желаній стали высказываться въ средѣ каждаго дворянства разномыслія, и такія же разногласія сейчасъ же сказались между дворянствами разныхъ губерній, и общаго ходатайства составить было немыслимо; а съ другой стороны, какъ я слышалъ, такъ какъ гр. Толстой, при всемъ сочувствіи этому юбилею дворянской грамоты, высказывалъ сомнѣніе насчетъ пріемлемости большей части этихъ дворян-

скихъ желаній, то они такъ и замерли въ тайникахъ дворянскихъ мыслей и чувствъ и дальше не пошли.

Зато въ этомъ же году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ видѣ бомбошки для бѣдныхъ земельныхъ дворянъ, состоялось открытіе давно желаннаго и мечтаннаго дворянскаго земельнаго банка. Но, увы, бомбошка оказалась горькою для вкушавшаго ее. Покойный Государь Александръ III хотѣлъ непремѣнно, чтобы дворянскій банкъ имѣлъ цѣлью давать заемщикамъ возможность, благодаря облегченнымъ условіямъ займа, сохранять свои имѣнія, но, къ сожалѣнію этого не хотѣли ни тогдашній министръ финансовъ, коему было поручено разработать уставъ этого банка, ни тѣ главные дѣятели. Картавцевъ и Жуковскій, коимъ министръ финансовъ поручилъ эту разработку. И въ результатѣ получился банкъ, который отличался отъ тогдашняго тяжелаго банка взаимнаго поземельнаго кредита только тѣмъ, что на $\frac{1}{2}\,\%$ взималъ менѣе съ заемщика. Кромѣ того, въ основу, какъ главный принципъ новаго банка, его учредителями вложенъ былъ лозунгъ: держаться исключительно общебанковаго взгляда на дѣло, безусловно безличнаго и строго подчиненнаго уставу, исключая всякую мысль о возможности тому или другому заемщику облегчать условія платежей, изъ уваженія къ его особенно тягостному положенію.

Въ этомъ духѣ началъ дѣйствовать дворянскій банкъ, сразу всѣхъ обманувшій и ослабившій своею бездушною политикою формы и буквы. Но эти злыя чувства усилились тогда, когда, съ самыхъ первыхъ уже шаговъ, дворянскій банкъ обнаружилъ еще болѣе

предосудительную черту, чѣмъ формализмъ и бездушіе; это — вопіющій произволъ и лицепріятіе. Для людей съ протекціями и съ положеніемъ дворянскій банкъ холопски дѣлалъ уступки и отступалъ отъ устава, а для лицъ безъ протекцій онъ всегда былъ неумолимъ.

XXXIV.

(1885 годъ).

Бесѣда съ Государемъ.—Финалъ Кахановской комиссіи.

Въ первой половинѣ года я имѣлъ удовольствіе быть позваннымъ въ Гатчину Государемъ и имѣть бесѣду сперва съ Императрицей, а потомъ съ Государемъ.

Я пришелъ въ изумленіе, когда, пройдя всѣ залы, всѣ гостиныя и спустившись внизъ по лѣстницѣ въ какой-то корридоръ, остановленъ былъ скороходомъ у одной двери и услышалъ отъ него, что эта дверь въ кабинетъ Императрицы. Я постоялъ у двери, пока скороходъ пошелъ увѣдомить камердинера Императрицы, и затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, дверь отворилась, и я вошелъ въ маленькую комнату, гдѣ засталъ Императрицу въ обстановкѣ, гдѣ не было замѣтно малѣйшаго признака роскоши и гдѣ никакъ нельзя было себѣ представить жилище русской царицы. Послѣ ауді-енціи у Императрицы тѣмъ же корридоромъ я былъ проведенъ скороходомъ до комнатъ Государя. По пріемной, въ которую меня ввели, я увидѣлъ тѣ же малень-

кія комнаты и ту же полнѣйшую простоту, а когда вышедшій ко мнѣ камердинеръ мнѣ сказалъ: «Государь васъ проситъ», и я вошелъ въ кабинетъ русскаго Государя, мнѣ показалось, что я въ комнатѣ скромнаго по положенію и по средствамъ жильца въ хорошо содержимомъ домѣ. Я засталъ государя любезнымъ и въ свѣтломъ настроеніи, невзирая на то, что тогда бродили еще надъ нимъ угрожающія боевыя тучи. Невольно въ разговорѣ пришлось коснуться этого тревожнаго вопроса — отношеній къ Англіи, и то, что Государь мнѣ сказалъ, доказало мнѣ, какимъ самостоятельнымъ, собственнымъ и глубокимъ государственнымъ умомъ онъ смотритъ на англичанъ. Я сказалъ въ разговорѣ, что меня интересуетъ вопросъ: ошибаюсь ли я, считая нынѣшнія проявленія англійскихъ чувствъ къ Россіи не столько правительственными демонстраціями, сколько національными.

— Разумѣется,—отвѣтилъ мнѣ Государь,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Англичане, какъ отдѣльныя личности, очень симпатичны, но какъ нація—они инстинктивно насъ не любятъ, и не любятъ потому, что боятся насъ изъ-за Индіи. Это у нихъ idée fixe, которую вы ничѣмъ изъ головы не выбьете. А забилъ англичанамъ въ головы эту idée fixe Павелъ Петровичъ. Съ минуты, какъ Павелъ I выронилъ слова «походъ на Индію», слова эти засѣли въ англичанахъ навсегда. И отсюда непріязнь къ Россіи.

Слова эти меня поразили потому, что я тутъ же живо припомнилъ, какъ въ молодости я былъ интименъ въ семьѣ прелестнаго человѣка, англійскаго посла лорда Непира, и какъ однажды, въ разговорѣ съ нимъ и съ милѣйшею женою его объ отношеніяхъ Англіи къ

Россіи, лордъ Непиръ сказалъ: «Въ исторіи вашей есть фактъ, о которомъ жалѣешь всякій разъ, когда думаешь объ отношеніяхъ Англіи къ Россіи: фактъ этотъ — замыселъ Императора Павла итти на Индію. Онъ врѣзался въ жизнь англійскаго народа и, какъ это ни смѣшно, но англичанинъ не любитъ и вашъ автократическій режимъ, потому что, пока онъ существуетъ, ему всегда мерещится фантазія русскаго Императора предпринимать походъ на Индію.

Я разсказалъ это воспоминаніе Государю, который замѣтилъ:

— Это совершенно вѣрно. А доказательствомъ того, что это антирусское движеніе умовъ въ Англіи чисто національное, является фактъ паденія министерства Гладстона. Какъ ни говори, а такого крупнаго государственнаго человѣка лишиться въ эту минуту, потому что нашли, что онъ не довольно воинственъ и слишкомъ мягко насъ атакуетъ,—можно только потому, что общественное мнѣніе Англіи этого требуетъ.

Я высказалъ надежду, что новый премьеръ не дастъ себя увлечь слишкомъ далеко.

Я тоже думаю, что Англія дальше демонстрацій не пойдетъ. Не думаю, чтобы она хотѣла ими меня запугать; эти демонстраціи ей нужны для удовлетворенія и успокоенія возбужденныхъ умовъ въ Англіи.

Въ разговорѣ я коснулся Каховской комиссіи.

Государь по поводу ея сказалъ, что онъ до извѣстной степени познакомился съ ея проектами реформъ.

— Въ нихъ, — сказалъ онъ,—есть много весьма дѣльнаго, но есть много и несвоевременнаго и неподходящаго, но во всякомъ случаѣ съ минуты на минуту

начанать ломку губерніи неудобно: надо прежде разобраться въ этой массѣ проектовъ и матеріаловъ. Мнѣ пришлось о ней говорить съ большею частью тѣхъ лицъ, которыя были приглашены графомъ Толстымъ въ составъ Кахановской комиссіи изъ провинціи и я очень радъ былъ отъ нихъ узнать, что они мое мнѣніе раздѣляютъ и находятъ, что прежде чѣмъ приступать къ ломкѣ внутреннихъ учрежденій надо утвердить вездѣ прочный порядокъ.

По поводу Кахановской комиссіи я высказалъ мысль, что, на мой взглядъ, самое лучшее было бы эту комиссію закрыть, потому что она, съ одной стороны, возбуждаетъ рознь между представителями мѣстной жизни, въ ней засѣдающими, а черезъ нихъ и съ самою провинціею, и между членами-представителями идеи коренной либеральной ломки, а съ другой стороны, создаетъ и поддерживаетъ въ жизни разныя мечтанія, коихъ неудовлетвореніе немедленно приводитъ къ возбужденію искусственнаго неудовольствія.

На эту мысль Государь ничего не сказалъ, но по этому поводу онъ высказалъ интересную другую мысль.

— Жаль,—сказалъ онъ:— вотъ уже много лѣтъ, какъ я замѣчаю, что между петербургскими умными государственными людьми и умными людьми въ провинціи постоянное разномысліе по существенно важнымъ вопросамъ. Меня это очень часто затрудняетъ, а главное, какъ сильно отъ этого страдаетъ бѣдная Россія.

— Да,—сказалъ я, — но есть еще одна грустная особенность, это—развращающее дѣйствіе Петербурга на человѣка, пріѣзжающаго изъ провинціи, чтобы получить здѣсь мѣсто. Сюда онъ пріѣзжаетъ полный жизни, энергіи, любви къ родинѣ и къ роднымъ ну-

ждамъ, съ убѣжденіями, за которыя онъ готовъ стоять, и что же? Смотришь, черезъ годъ или два этотъ человѣкъ неузнаваемъ: онъ уже смотритъ чуть-ли не съ презрѣніемъ на того самаго пріѣзжаго изъ провинціи, какимъ онъ самъ былъ, и ничего не признаетъ святого, кромѣ своихъ бумагъ и своего высшаго начальства.

Высказывая эту мысль, я невольно припомнилъ (разумѣется, про-себя) покойнаго нынѣ Н. А. Качалова, одного изъ почтеннѣйшихъ людей, въ карьерѣ котораго я игралъ извѣстную роль. Въ концѣ 60-хъ годовъ я ѣздилъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ Валуева по Россіи для осмотра волостныхъ учрежденій и попалъ, между прочимъ, въ Новгородъ, гдѣ познакомился съ предсѣдателемъ губернской земской управы Н. А. Качаловымъ настолько близко, что могъ въ немъ, глядя на все, что онъ проводилъ въ области земской самодѣятельности, признать выходящаго изъ ряда администратора. Я писалъ о немъ въ своихъ очеркахъ, печатавшихся въ «Русскомъ Инвалидѣ», и говорилъ очень горячо тогдашнему Наслѣднику, будущему Александру III. Результатомъ было то, что Наслѣдникъ позвалъ его въ свою комиссію по продовольствію неурожайныхъ губерній и далъ въ ней просторъ иниціативѣ Качалова, а затѣмъ его позвалъ къ работѣ бывшій директоръ департамента внѣшней торговли князь Д. А. Оболенскій и, послѣ своего ухода, отдалъ Качалову мѣсто директора. И вотъ тутъ-то я увидѣлъ, какъ мѣняетъ самаго лучшаго человѣка атмосфера петербургскаго бюрократа. Черезъ года два Качаловъ, живой, горѣвшій энергіею, независимый, сталъ петербургскимъ директоромъ департамента. И съ грустью

онъ самъ мнѣ говорилъ: «потяжелѣлъ». Да, у богатыря Петербургъ подрѣзалъ крылья.

Уходя отъ Государя, ласково меня принявшаго и ласково, послѣ часовой бесѣды, меня отпустившаго, я вынесъ впечатлѣніе, что у Государя и жизнь и Россія слиты воедино.

XXXV.

(1885 годъ).

Осложненія на Балканахъ.

Не успѣлъ кое-какъ уладиться англо-русскій конфликтъ изъ-за Афганистана, какъ осенью загорѣлся и разгорѣлся опять болгарскій вопросъ. Любопытно, что этому, вдругъ возникнувшему, пожару предшествовало свиданіе въ Кремзирѣ императора австрійскаго съ нашимъ Государемъ, при участіи обоихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, нашего—Гирса и австрійскаго—гр. Кальноки. Свиданіе это было интересно своею неожиданностью и своею полною таинственностью. Никогда европейское событіе дипломатическаго свойства не было такъ утаено и упрятано отъ публики и отъ печати, какъ это кремзирское свиданіе. Бросался въ глаза тотъ комизмъ, съ которымъ самыя авторитетныя газеты, какъ англійскій «Times» или австрійская «Neue Freie Presse», маскировали громкими, но пустозвонными фразами свое полное незнаніе дипломатическаго секрета, а газета «Hamb. Nachrichten», органъ кн. Бисмарка, молчала, точно это событіе ее вовсе не интересовало. Что касается дипломатовъ, то у нихъ свой особый

языкъ, чтобы высказывать что-то похожее на нѣчто, а затѣмъ, при разборѣ, оказывающееся пустозвономъ. У меня былъ пріятель въ министерствѣ Гирса, который обладалъ особенно блестящимъ талантомъ, говорить этимъ языкомъ иносказательно, и когда я къ нему, какъ всегда въ случаяхъ дипломатическихъ инцидентовъ, обратился съ вопросомъ: что предвѣщаетъ кремзирское свиданіе, — онъ, не задумавшись, началъ мнѣ выкладывать фразы, изъ которыхъ съ первой минуты какъ-будто что-то выходило понятное, а какъ вдумаешься, получалось ничто.

«Какъ всякое дипломатическое государственное событіе — началъ онъ мнѣ объяснять по-французски, — кремзирское свиданіе, именно потому, что оно есть свиданіе только двухъ монарховъ, требуетъ блюденія извѣстной тайны. Тѣмъ не менѣе я могу тебѣ сказать, что есть полное основаніе предполагать, что на этомъ свиданіи будутъ обсуждаться тѣ частичные вопросы главнаго восточнаго вопроса, которые касаются исключительно интересовъ Австріи и Россіи, то-есть ставятъ ихъ мирное разрѣшеніе въ зависимость отъ взаимнаго и прочнаго соглашенія между этими двумя государствами. Это то, что называется, въ отличіе отъ questions générales,—des questions de couleur locale».

Свиданіе въ Кремзирѣ было въ августѣ, а филиппопольское возстаніе, во имя объединенія съ Болгаріею, вспыхнуло въ сентябрѣ: значитъ, можно было полагать, что въ предвидѣніи филиппопольскаго возстанія Австрія признала нужнымъ сговориться съ Россіею. Такъ казалось бы, но на дѣлѣ, когда послѣдовало румелійское возстаніе, и турецкій генералъ-губернаторъ былъ въ своемъ дворцѣ арестованъ, и затѣмъ

когда бѣдовый князь Александръ провозгласилъ соединеніе Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ,—все это оказалось полною неожиданностью и для Австріи какъ, увѣряли австрійскіе газеты и дипломаты, и для Россіи, и даже, какъ наивно въ донесеніи русскому Государю сіе увѣрялъ князь болгарскій, для самой Болгаріи.

Во всякомъ случаѣ, было ли на кремзирскомъ свиданіи предвидѣно филиппопольское событіе или нѣтъ, этого мы не знали и узнать не могли, но дальнѣйшія событія доказали, что между Австріею и Россіею, по отношенію этого нашумѣвшаго осложненія, единомыслія не существовало. Россія, вѣрная традиціямъ корректности и добросовѣстности, обязывала себя (и того же ожидала отъ другихъ державъ) примѣнять къ факту Берлинскій трактатъ, а Австрія, какъ вскорѣ оказалось, сепаратно вела свою любимую политику возбужденія одной славянской народности противъ другой и воспользовалась даннымъ случаемъ, чтобы возбуждать противъ Болгаріи Сербію, подъ предлогомъ, что присоединеніе къ Болгаріи Восточной Румеліи явится огромнымъ ударомъ, наносимымъ Сербіи. Такимъ образомъ, фактъ румелійскаго возстанія противъ турецкой верховной власти ставилъ Болгарію въ положеніе безконечно острое и безвыходное, такъ какъ она одновременно вооружала противъ себя Турцію, Россію и Сербію на мѣстѣ, не говоря уже о давнишней ненависти Греціи. Казалось бы, князь Александръ, съ его несомнѣнно большимъ умомъ, могъ бы понять, что для выхода изъ труднаго положенія ему слѣдовало прежде всего отдѣлить себя безусловно отъ партіи революціонеровъ въ Румеліи и отдать себя и создавшіеся вопросы на рѣшеніе державамъ, подписавшимъ Берлин-

скій трактатъ, а въ ближайшихъ подробностяхъ руководствоваться совѣтами русскаго Государя. Но болгарскій князь именно этого не сдѣлалъ, а предпочелъ положиться на свой собственный умъ, чтобы въ этомъ трудномъ положеніи изворачиваться и вилять, не предпринимая никакого рѣшительнаго шага. Оттого онъ одновременно подписываетъ прокламацію, санкціонирующую независимость Восточной Румеліи, и почтительное оправдательное донесеніе русскому Государю и посылаетъ пословъ для объясненій въ любви къ турецкому султану. И въ результатѣ что же получается? Турецкій султанъ мобилизуетъ войска на границѣ Болгаріи; Австрія, со свойственною ей ловкостью и подпольною интригою, возбуждаетъ въ Сербіи воинственный пылъ и воинственныя увлеченія противъ Болгаріи, кончившіеся войною, которую съ минуты на минуту, совсѣмъ неожиданно, Сербія объявила Болгаріи. Австрія ликовала, такъ какъ первыя дѣйствія быстро наступившихъ и вступившихъ въ Болгарію сербскихъ войскъ были рядомъ успѣховъ для сербовъ; но ликованія Сербіи и Австріи длились недолго: не прошло двухъ недѣль съ начала войны, какъ болгарскія войска на всѣхъ пунктахъ явились побѣдителями сербовъ и стали твердою ногою на сербскую территорію; и храбрый король сербскій, знаменитый Миланъ, который не смѣлъ изъ трусости командовать арміею въ бою даже во время побѣды, бѣжалъ изъ арміи и спрятался въ своемъ конакѣ въ Бѣлградѣ, готовый подписать всѣ условія мира, которыя были бы ему предложены Болгаріею. Обольщенный побѣдою надъ своими собратьями сербами, князь болгарскій меньше, чѣмъ прежде, отдавалъ себѣ отчетъ въ фаль-

шивости и въ опасности своего положенія, съ одной стороны, а съ другой стороны, въ непрочности имъ добытаго успѣха. Онъ всего менѣе проявилъ ума въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи и обращался съ нею непочтительнѣе, чѣмъ съ турками. Онъ хотѣлъ не считаться съ ударомъ, нанесеннымъ ему въ сентябрѣ русскимъ Государемъ, исключившимъ его изъ русской арміи, а между тѣмъ именно это постепенно развѣнчивало князя болгарскаго въ глазахъ самихъ болгаръ и особливо болгарскихъ войскъ, питавшихъ къ русскому войску больше симпатіи, чѣмъ питалъ ихъ болгарскій народъ. Его авторитетъ колебался въ странѣ и войскѣ и затѣмъ, соотвѣтственно этому, ослабѣлъ и въ Константинополѣ. И вотъ съ этой-то поры надо считать начало паденія князя болгарскаго. Ни побѣды надъ сербами, ни милости, которыми онъ пользовался при англійскомъ дворѣ отъ королевы Викторіи, такъ какъ его братъ былъ зятемъ королевы,—ничто не могло помочь князю Александру выбраться благополучно изъ сложнаго и даже глупаго положенія, къ которому его привело его легкомысленное честолюбіе; и пришлось ему подчинить свою судьбу тѣмъ рѣшеніямъ, въ которыхъ, въ общеніи съ Турціею и съ державами, подписавшими Берлинскій трактатъ, Россіи до извѣстной степени принадлежала иниціатива.

Созванная въ Константинополѣ по болгарскимъ дѣламъ конференція, по иниціативѣ Россіи, очень дѣятельно урегулировала румелійскій вопросъ, не допустивъ соединенія Восточной Румеліи съ Болгаріею и сохранивъ надъ Румеліею верховную власть султана,— и къ концу года на Балканскомъ полуостровѣ было возстановлено спокойствіе.

Достойно вниманія, что на этотъ разъ, когда на Балканахъ вспыхнула война между Болгаріею и Сербіею и румелійская революція, русское общественное мнѣніе отнеслось къ этимъ вопросамъ съ небывалымъ равнодушіемъ. Къ войнѣ англичанъ съ бурами куда больше было интереса въ Россіи, чѣмъ къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 1885 году, шесть лѣтъ спустя послѣ Санъ-Стефанскаго мира. Генералъ П. П. Дурново, бывшій тогда предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго общества, сказалъ въ торжественномъ собраніи общества, воинственную славянофильскую рѣчь. Она прозвучала и замерла; и когда появился въ газетахъ указъ, объявлявшій генералу Дурново отъ Государя выговоръ за эту рѣчь, то всѣ подумали, что дѣйствіе и значеніе рѣчи Дурново были слишкомъ ничтожны, чтобы стоить Высочайшаго выговора.

XXXVI.

(1885 годъ).

Новый министръ юстиціи Манасеинъ.

Въ концѣ 1885 года совершилось назначеніе, про которое давно всѣ въ чиновныхъ сферахъ говорили, это—назначеніе Манасеина.

Министерство юстиціи уже давно нуждалось въ новомъ министрѣ. Про это говорили всѣ и вездѣ, даже въ самомъ судебномъ вѣдомствѣ. Но для покойнаго Государя Александра III смѣна министра являлась подъ-часъ непріятнымъ дѣломъ, потому что онъ во всемъ, а слѣдовательно и въ этомъ вопросѣ, обязывалъ себя быть строго добросовѣстнымъ и не прежде смѣнять министра, какъ съ увѣренностью его замѣнить лучшимъ. Какъ-то разъ я передалъ ему слова покойнаго поэта Ѳ. И. Тютчева, полныя грустнаго юмора, насчетъ одного назначенія. Однажды въ гостиной моей покойной матери говорили о назначеніи новаго министра, какъ объ отрадномъ фактѣ. Тютчевъ на это сказалъ: «Не спѣшите радоваться, чтобы не такъ скоро пришлось плакать надъ его преемникомъ». Го-

сударь, тогда еще Наслѣдникъ, засмѣялся и потомъ сказалъ: «А вѣдь какъ иной разъ выходитъ вѣрно».

Какъ нарочно, назначеніе Набокова, взамѣнъ графа Палена, заставило вспомнить слова Тютчева. Едва состоялось это назначеніе, какъ многіе изъ тѣхъ, которые увѣряли, что хуже гр. Палена не можетъ быть министра юстиціи, стали находить, что надо жалѣть объ уходѣ графа (гр. Паленъ имѣлъ свои слабыя стороны, но всѣ его цѣнили за высокую честность en gros и en détails, и за живое участіе къ каждому дѣлу). При покойномъ Государѣ Александрѣ II, надо правду сказать, назначенія министровъ дѣлались очень легко въ смыслѣ необдумыванія. Я какъ-то разсказывалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о назначеніи въ товарищи министра юстиціи гр. Панина сенатора Замятнина, по той причинѣ, что онъ подходилъ къ росту гр. Панина, и этотъ самый Замятнинъ потомъ былъ назначенъ министромъ юстиціи и вводилъ судебную реформу. Набоковъ дѣлалъ блестящую карьеру благодаря великому князю Константину Николаевичу, который его ввелъ въ кружекъ своихъ избранниковъ. По странной случайности, всѣ избранники были выдающагося ума и способностей, и единственный, который ровно ничѣмъ не выдавался, кромѣ доброты и любезности, былъ Д. Н. Набоковъ. Тѣмъ не менѣе великій князь Константинъ Николавичъ его двигалъ и довелъ до сравнительно высокаго поста по тогдашнему управленію Царства Польскаго, въ началѣ 60-хъ годовъ, со званіемъ уже статсъ-секретаря. Въ 1865 года въ Скевенингѣ, гдѣ купался въ морѣ покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ, однажды, во время утренней съ нимъ прогулки по берегу моря, мы встрѣтили

Набокова. Поговоривъ минуты двѣ съ нимъ Цесаревичъ отошелъ. «Это одинъ изъ будущихъ нашихъ министровъ,—сказалъ онъ мнѣ,—увидите». Его поразительно мѣткое пророчество сбылось. Въ день, когда я узналъ про назначеніе Набокова, я вспомнилъ пророчество покойнаго Цесаревича, но въ то же время, какъ всѣ, и я задавалъ себѣ вопросъ: что общаго между министерствомъ юстиціи и Набоковымъ? И вотъ—шутка сказать—онъ пробылъ министромъ юстиціи, въ самые безпокойные и трудные послѣдніе годы царствованія, при немъ разыгралась судебная драма оправданія Засуличъ, имѣвшая для нашей революціи значеніе взятія Бастиліи для французской, при немъ свершилось «первое марта», и затѣмъ онъ оставался на своемъ посту цѣлыхъ четыре года! Увы, особливо въ первые годы своего управленія министерствомъ юстиціи, Набоковъ не мало содѣйствовалъ своимъ либерализмомъ — вѣрнѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ—извращенію нравственнаго уровня въ личномъ составѣ своего вѣдомства. Въ то же время онъ съ какимъ-то фанатизмомъ, который казался добродушнымъ, отстаивалъ безотвѣтственность каждаго чина своего вѣдомства, находя оправданіе даже для такихъ молодцовъ, которые изъ суда дозволяли себѣ дѣлать арену революціонной пропаганды. Въ минуту такого фанатическаго преклоненія передъ своимъ вѣдомствомъ Набоковъ прославилъ себя, какъ авторъ знаменитаго *стекляннаго колпака,* подъ прикрытіемъ котораго ярко видны для каждаго красота и совершенства этого учрежденія.

Къ его преемнику нельзя было примѣнять слова поэта О. И. Тютчева. Манасеинъ выступалъ на государственную арену крупною личностью, какъ относи-

тельно ума, такъ и относительно нравственности. Побѣдоносцеву принадлежитъ главная роль въ карьерѣ Манасеина. Онъ его указалъ Государю и онъ же на немъ настаивалъ, какъ на лицѣ, способномъ повести столь трудное дѣло, какъ введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ Остзейскомъ краѣ. Дѣло это требовало кромѣ знанія, практическаго ума, громаднаго такта, для того, чтобы отъ насажденія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Остзейскомъ краѣ отстранить всякій малѣйшій поводъ къ возбужденію политической розни или нарушенію бытовыхъ основъ и, наоборотъ, сразу подчинить край благопріятному впечатлѣнію отъ реформы. Все столь нужное для такого труднаго дѣла имѣлъ Манасеинъ и имѣлъ еще то, что́ тоже имѣло большое значеніе. Я помню его еще съ эпохи правовѣдской скамьи, когда онъ былъ изъ большихъ, а я былъ изъ маленькихъ въ классѣ по возрасту; помню его лицо: какъ очень умное, оно всегда обращало на себя вниманіе, но иногда оно внушало извѣстный страхъ, а иногда, когда на умномъ лицѣ его заигрывалъ лучъ солнца, въ видѣ улыбки и свѣтлаго, привѣтливаго взгляда, это лицо внушало очарованіе. Когда его назначили въ Остзейскій край, я подумалъ: коли онъ явится туда только съ тѣмъ лицомъ, которое освѣщаютъ улыбка и взглядъ, онъ покоритъ весь Остзейскій край. Оказалось, что мое желаніе сбылось. Манасеинъ, со свойственнымъ ему умомъ и пониманіемъ возложенной на него Царемъ задачи, сдѣлалъ подборъ лицъ для предстоящаго дѣла особенно внимательный, и не прошло двухъ недѣль послѣ прибытія *грознаго* Манасеина (его тогда такъ звали) въ Остзейскій край, какъ нѣмецкіе бароны и интеллигенты безъ всякаго само-

ограниченія перешли отъ настроенія недовѣрчиваго къ самому благопріятному и стали глядѣть на Манасеина не сверху внизъ, а снизу вверхъ. Этимъ, возложеннымъ на него Царемъ, порученіемъ Манасеинъ вызвалъ въ Царѣ къ себѣ глубокую признательность, и съ довѣріемъ къ нему онъ назначилъ его министромъ юстиціи.

Странная вещь: вѣдь въ сущности и Манасеинъ былъ либеральнымъ человѣкомъ по своимъ политическимъ взглядамъ, но его либерализмъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ либерализмомъ напрокатъ и сезоннымъ, которымъ запасались люди для добыванія грошовой популярности. Манасеинъ былъ либераломъ отъ юности своей, но необыкновенно высокая честность этого человѣка до гробовой доски не дозволила ему либерализмъ благороднаго закала промѣнять на безшабашность демагога: его либерализмъ мирился съ всепреданною и всевѣрною службою Царю, но строго обязывалъ къ честности, и это-то давало его личности столько обаянія и столько силы. Онъ сіялъ, какъ алмазъ, между многими, называвшими его гордую самостоятельность чуть-ли не демагогизмомъ. Его пребываніе во главѣ вѣдомства, увы, продлилось слишкомъ недолго. Рокъ не любитъ такихъ монолитовъ. Пришло переутомленіе, потомъ пришли болѣзнь и преждевременная кончина. Но, умирая, Манасеинъ могъ сказать, что онъ не даромъ прожилъ, ибо поднялъ нравственный уровень своего вѣдомства, облагородилъ его и сдѣлалъ менѣе глупо либеральнымъ.

XXXVII.

(1885—1886 годы).

Взглядъ Государя на свободу печати.—Конкевичъ и Чихачевъ.

Въ 1885 г. я получилъ первое предостереженіе за статью Конкевича, подъ псевдонимомъ Бѣломора, о морскомъ цензѣ. Почти годъ спустя, гуляя по Невскому, я узнаю, при встрѣчѣ съ тогдашнимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистовымъ, что мнѣ даютъ второе предостереженіе, и тоже за статью Конкевича, по морскому вопросу. Отъ Ѳеоктистова тутъ же узналъ, что эти кары на меня низводитъ управляющій морскимъ министерствомъ.

Это второе предостереженіе сопровождалось обстоятельствами весьма интересными, требующими своего мѣста въ исторіи тогдашней эпохи. Какъ-то утромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ курьеръ отъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Толстого.

Я его зову въ кабинетъ и спрашиваю о причинѣ пріѣзда.

— Его сіятельство министръ внутреннихъ дѣлъ,— докладываетъ мнѣ курьеръ,—проситъ ваше сіятельство прибыть къ нимъ немедленно.

Небывалый зовъ къ министру въ 10-мъ часу утра, да еще къ какому министру: къ тому, который никогда никого къ себѣ не требовалъ! Все это я думаю про-себя и начинаю испытывать невольный страхъ.

Сижу на извозчикѣ и вдругъ въ ужасъ прихожу, припоминая, что видѣлъ сонъ, будто вырываютъ у меня зубъ. Ну, вотъ и начинается бѣда! думаю.

Пріѣзжаю и, вмѣсто успокоенія, еще болѣе встревожился, глядя на испуганное лицо почтеннаго Романченки,—безотлучнаго охранителя всѣхъ шефовъ жандармовъ, со времени графа Петра Шувалова,—который меня встрѣтилъ совсѣмъ растерянным отъ непониманія такого экстраординарнаго событія, какъ вызовъ меня къ себѣ графомъ Толстымъ.

— Помилуйте,—говоритъ онъ мнѣ, — вѣдь въ это время графъ всегда въ халатѣ и рѣшительно никого не принимаетъ, и вдругъ онъ посылаетъ за вами и совсѣмъ одѣлся!

Это встревоженное состояніе Романченки усилило мой страхъ, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что за причина побудила гр. Толстого совершить такое небывалое событіе, какъ вызовъ меня утромъ черезъ курьера.

— Развѣ какое-нибудь назначеніе?—рѣшился выговорить вполголоса осторожный Романченко.—Пойду доложить.

Тутъ ужъ я буквально затрепеталъ, въ ожиданіи страшной минуты.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Романченко со словами: «графъ васъ проситъ».

Съ первой минуты, войдя въ кабинетъ, я успокоился, ибо увидѣлъ, что у графа было веселое лицо.

— Я васъ попросилъ пріѣхать ко мнѣ, — сказалъ гр. Толстой,—потому, что долженъ исполнить миссію, данную мнѣ Государемъ. Его Величество поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ головомойку за статьи по морскимъ вопросамъ. При этомъ долженъ прибавить, что, давая мнѣ это порученіе, Государь прибавилъ: «Я его на дняхъ увижу и лично его побраню».

— Да неужели же статьи по морскимъ вопросамъ въ «Гражданинѣ» такія преступныя?—говорю графу.

— Я въ этомъ вопросѣ не судья, а судьею является морской министръ. Онъ и мнѣ пишетъ жалобы, и Государю представляетъ, что статьи «Гражданина» подрываютъ довѣріе къ морскому вѣдомству и къ авторитету его высшаго начальства.

— Ну, что? — съ напряженнымъ любопытствомъ спросилъ меня Романченко, когда я вышелъ изъ кабинета графа.

— Ничего, уцѣлѣлъ,—отвѣтилъ я и передалъ Романченкѣ причину моего вызова.

— Ишь, какой морской министръ,—не безъ юмора сказалъ Романченко:—кусать кусаетъ, только чужими зубами.

Прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ, черезъ моего вѣрнаго друга, генерала Васильковскаго, получаю увѣдомленіе, что Государь меня приметъ въ такое-то время въ Гатчинѣ.

Государь принялъ меня не только любезно, но ласково. Послѣ разговора о нѣсколькихъ предметахъ, я сказалъ, что мнѣ, какъ говорилъ гр. Толстой, предстоитъ получить отъ Государя головомойку за статьи Конкевича. Государь засмѣялся.

— Да, статьи Конкевича приводятъ въ ярость морского министра.

— Меня, Государь, этотъ вопросъ волнуетъ въ томъ смыслѣ,—сказалъ я, — что я совсѣмъ не могу себѣ уяснить, что̀ можно и чего нельзя писать о морскихъ вопросахъ. Я не желалъ бы, чтобы «Гражданинъ» имѣлъ характеръ какого-то предвзятаго злоумышленника противъ морского министра, но въ то же время мнѣ кажется, что статьи Конкевича могутъ во многомъ быть полезны морскому вѣдомству. Но какъ сдѣлать, чтобы согласить то и другое — я не знаю, и оттого очень былъ бы вамъ, Государь, благодаренъ, если бы вы соблагоизволили мнѣ указать въ точности, о чемъ можно писать по морскимъ вопросамъ и о чемъ нельзя?

— Писать можно обо всемъ,—отвѣтилъ мнѣ Государь:—критиковать можно всякую мѣру, хотя бы мною утвержденную, но подъ однимъ условіемъ — чтобы не было ни личной брани ни неприличія.

— Точнѣе и яснѣе нельзя рѣшить вопроса,—сказалъ я,—но мнѣ кажется, что не такъ либерально и широко смотритъ на свободу слова морской министръ. Во всякомъ случаѣ, вы позволите мнѣ, Государь, сказать морскому министру про вашъ взглядъ на вопросъ, о чемъ можно писать по морскимъ вопросамъ?

— Ничего не имѣю противъ,—отвѣтилъ Государь.

— А въ остальномъ вы довольны «Гражданиномъ?»—спросилъ я.

— Да, я много въ немъ нахожу очень интереснаго, а иногда и полезнаго, и вы стали себя сдерживать,— съ улыбкою прибавилъ Государь.

— Радъ стараться,—отвѣтилъ я.

На другой день я поѣхалъ къ морскому министру. Рѣшилъ, что лучше не передавать ему словъ Государя о томъ, что̀ можно писать о морскихъ вопросахъ, —

а узнать его взглядъ на это. Съ этимъ вопросомъ я и приступилъ къ разговору.

— Можно обо всемъ писать, — сказалъ мнѣ морской министръ, — но нельзя итти противъ мѣръ морского вѣдомства. Напримѣръ, можно писать о типѣ корабля...

— Однако, ваше — ство, «Гражданинъ» получилъ второе предостереженіе по вашему требованію за статью противъ типа броненосца.

— Да, противъ типа, Высочайше утвержденнаго, писать нельзя.

— Такъ значитъ и о типахъ судовъ нельзя писать, и противъ мѣропріятій по морскому вѣдомству нельзя писать—о чемъ же можно писать? Очевидно, писать не о чемъ.

— Нельзя ронять авторитетъ морского начальства.

Пришлось убѣдиться въ безполезности дальнѣйшаго разговора.

Я всталъ и просилъ извиненія, что обезпокоилъ его высокопревосходительство.

Адмиралъ проводилъ меня до дверей. У дверей онъ остановился.

— Знаете что́,—сказалъ онъ мнѣ въ заключеніе,— скажите Конкевичу: пусть совсѣмъ не пишетъ, а я ему дамъ мѣсто у себя въ министерствѣ.

Вотъ предложеніе, поразившее меня своею неожиданностью!

Вернувшись домой, я написалъ Государю:

«Я счелъ нужнымъ, при свиданіи съ морскимъ министромъ, не сообщать ему Вашего взгляда на права печати по морскимъ вопросамъ, и хорошо сдѣлалъ, какъ оказалось, ибо вотъ что въ отвѣтъ на мой вопросъ:

о чемъ можно писать, отвѣтилъ мнѣ министръ (я привелъ его слова). Не изволите ли признать, что я былъ правъ, предвидя, что между Вашимъ благородно-широкимъ взглядомъ на свободу печатнаго слова о морскомъ дѣлѣ и между взглядомъ морского министра цѣлая бездна? Постараюсь все-таки, думая о Васъ, его больше не раздражать злою критикою Конкевича».

XXXVIII.

(1885—1886 годы).

О дворянскомъ банкѣ и Картавцевѣ. — Разговоръ съ министромъ финансовъ Бунге.

Въ описываемое мною время нашу иностранную политику велъ лично Императоръ Александръ III, пользуясь совѣтами всегда спокойнаго и всегда осторожнаго Гирса. Въ это время, кромѣ дипломатовъ общаго типа—дипломатовъ звучной и красивой фразы, равнодушія къ Россіи и преклоненія передъ Европою—были и выдававшіеся по своимъ способностямъ и по своимъ осмысленнымъ патріотическимъ взглядамъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ привожу записанную мною въ «Дневникъ» того времени мою бесѣду съ однимъ изъ нашихъ дипломатовъ значительнаго вѣса, котораго не называю, такъ какъ онъ еще здравствуетъ.

Вотъ что я записалъ въ 1885 году:

«—Вы думаете, — говорилъ онъ мнѣ, — что насъ удивляютъ или обижаютъ нападки на насъ въ печати? Нисколько! Не удивляютъ онѣ насъ потому, что каждый изъ насъ отлично помнитъ, какъ въ молодые годы онъ самъ горячо увлекался самыми высокими по идеализму и безкорыстію идеями о задачахъ Россіи на

востокѣ, и, увы, только постепенное прохожденіе жизненной и служебной карьеры, съ одной стороны, вноситъ въ человѣка разочарованіе, а съ другой стороны, неизбѣжно пріучаетъ къ осторожности и предупредительности... И не обижаемся мы потому, что мы слишкомъ хорошо знаемъ, что эти нападки исходятъ изъ нетерпѣливыхъ увлеченій идеальными стремленіями, а не изъ личныхъ къ намъ чувствъ непріязни, причемъ увлекающіеся забываютъ, что у насъ есть то, чего у нихъ нѣтъ: отвѣтственность. Мы же и сознаемъ отвѣтственность, и несемъ ее, и связаны ею.

«—Я помню,—продолжалъ дипломатъ,—мое былое время, когда мнѣ приходилось служить на Балканскомъ полуостровѣ. Господи, какъ теперь помню, сколько грезъ шевелилось и горѣло во мнѣ, когда я, не прикасаясь къ дѣйствительности, думалъ о призваніи Россіи. Но я долженъ съ грустью сознаться, что практика тамъ, то-есть сношенія съ людьми, которыхъ идеально я хотѣлъ любить самыми высокими чувствами, знаете къ какому меня привела убѣжденію? А вотъ къ какому: Боже сохрани терять историческіе идеалы, берегите ихъ, но не дѣлайте изъ несвоевременныхъ увлеченій ими себѣ повязки на глаза и цѣпи на руки и ноги. Активная политика безкорыстнаго освобожденія для нашихъ интересовъ всегда невыгоднѣе политики покровительства. Освобождать, какъ мы освобождали нашихъ братушекъ, значило на практикѣ разводить себѣ подъ ногами злыхъ шавокъ, которыя и кусать насъ готовы, и ходить намъ мѣшаютъ, и вездѣ и всегда находятся поперекъ нашихъ ногъ. Политика покровительства мнѣ всегда казалась умнѣе и желательнѣе, по той простой причинѣ, что когда въ

насъ нуждаются—насъ и слушаютъ, и чѣмъ мы нужнѣе, тѣмъ сильнѣе можетъ быть наше вліяніе. И думаю, что наши братушки лучше это знаютъ, чѣмъ мы: они не хотятъ нашего вліянія, они не хотятъ зависѣть отъ насъ; они хотятъ, чтобы мы за нихъ дѣлали черную и трудную работу освобожденія ихъ, а потомъ насъ прочь... Не думаю, чтобы это было въ интересахъ и въ выгодахъ Россіи. Вѣдь надо помнить, что у насъ на Востокѣ есть интересы и цѣли свои собственные, къ достиженію которыхъ мы не должны затруднять и загромождать себѣ дорогу экскурсіями въ области филантропіи! Не правда ли? Намъ даже надо помнить пословицу: «tout vient à point, qui sait attendre» (все приходитъ въ пору тому, кто умѣетъ выжидать). Три начала руководятъ нашею политикою, если можно такъ выразиться: хладнокровіе, терпѣливость и сознаніе отвѣтственности передъ Богомъ и народомъ. Ни одно изъ этихъ началъ не можетъ ни ослѣпить, ни маскировать интересы Россіи, ни мѣшать ихъ пониманію; вотъ что важно, тогда какъ политика увлеченій, порывовъ—вы слишкомъ это хорошо знаете—она прежде всего можетъ связывать насъ и прежде всего можетъ ослѣпить насъ... Дѣлать подвиги въ политикѣ посредствомъ войнъ и жертвъ народа не трудно; но надо помнить, что теперь ни одинъ изъ такихъ подвиговъ не покупается иначе, какъ обязательствомъ передъ другимъ государствомъ; а эти обязательства благодарности послѣ войны могутъ быть невыгоднѣе лавръ и успѣховъ войны... Мудрѣе, мнѣ кажется, быть всѣмъ,— что касается достоинства и интересовъ своего государства,—обязаннымъ собственному благоразумію и собственной предусмотрительности... Россіи не годъ

жить... Берегите свои идеалы, берегите свои цѣли,— придутъ минуты и для нихъ, — но не увлекайтесь... Правда, эта политика менѣе блестяща... но, знаете, я довольно старъ, чтобы имѣть право на нѣкоторое довѣріе къ моей опытности, довольно близокъ къ вершинамъ управленія, чтобы имѣть право сказать: эта политика, въ данное время, исходитъ изъ самаго глубокаго патріотизма... Никогда еще эпоха въ Европѣ не была такъ тревожна, какъ теперь, и такъ постоянно тревожна, слѣдовательно никогда еще не была такъ сильна, какъ теперь, нужда въ хладнокровіи при веденіи иностранной политики. Оно-то, и только оно, вѣрьте мнѣ, ни малѣйшаго интереса Россіи не продастъ и не продаетъ».

Въ 1885 году совершилось, какъ я выше писалъ, важное событіе въ исторіи нашего земельнаго дворянства. Состоялось открытіе Дворянскаго земельнаго банка, коего управляющимъ назначенъ былъ знаменитый Картавцевъ.

Я называю Картавцева знаменитымъ потому, что это было своего рода роковое лицо, которое съ первой минуты открытія дѣятельности Дворянскаго банка проявило взглядъ на его будущее дѣло, совсѣмъ противоположный тому, какой имѣлъ Императоръ Александръ III на это учрежденіе въ минуту, когда онъ приказывалъ этотъ банкъ создать министру финансовъ Бунге.

Въ этомъ выборѣ для управленія Дворянскимъ банкомъ Картавцева, сдѣланномъ министромъ финансовъ, было именно что-то роковое, похожее на замыселъ противопоставить идеѣ Государя—помогать земельному дворянству, съ цѣлью сберегать его земельную собственность—идею отрицанія всякаго особеннаго участія къ участи отягощенныхъ долгами дворянъ-

помѣщиковъ. Дворяне ждали съ надеждою и свѣтлымъ упованіемъ открытія Дворянскаго банка, а Картавцевъ какъ будто для того вступилъ въ управленіе банкомъ, чтобы съ перваго же шага на свѣтлыя надежды отвѣтить разочарованіемъ и безусловно безсердечнымъ отношеніемъ къ судьбѣ земельнаго дворянства. Лозунгомъ было объявлено строго и исключительно законное и дѣловое отношеніе къ положенію каждаго заемщика Дворянскаго банка.

Къ тому же, въ обращеніи съ дворянами, являвшимися въ банкъ искать спасенія своихъ имѣній, этотъ Картавцевъ былъ подчасъ и грубъ и рѣзокъ, и на всякое ходатайство напоминалъ, что Дворянскій банкъ не благотворительное учрежденіе, а, на общихъ основаніяхъ, земельный банкъ, никакихъ отступленій отъ своего устава не допускающій. Во всей своей полнотѣ и горечи началъ проявляться для бѣдныхъ заемщиковъ Картавцевъ, когда начались сроки платежей и когда никакихъ, самыхъ уважительныхъ, причинъ къ отсрочкѣ платежа Картавцевъ не допускалъ, хотя въ то же время самыя незаконныя послабленія тотъ же Картавцевъ дѣлалъ по ходатайству высокопоставленныхъ лицъ. Бѣдные дворяне начали оглашать Петербургъ своими сѣтованіями на Картавцева, толпились въ пріемной холоднаго министра финансовъ Бунге, но такъ какъ все это были помѣщики безъ всякой протекціи, то вопли и стоны ихъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Хотя никакой благоразумный и здравомыслящій помѣщикъ не требовалъ, чтобы Дворянскій банкъ былъ благотворительнымъ учрежденіемъ, но все же, зная цѣль, съ которою Государь повелѣлъ учредить этотъ банкъ для дворянъ, всякій въ правѣ былъ ожи-

дать чего-либо бо̀льшаго отъ этого банка, чѣмъ уменьшеніе на полпроцента платежа сравнительно съ Взаимнымъ поземельнымъ банкомъ, и это большее ему представлялось въ видѣ близкаго и разумнаго участія къ судьбѣ помѣщика, живущаго въ своей усадьбѣ и, по уважительнымъ причинамъ, поставленнаго въ необходимость просить отсрочки платежа. И вотъ, съ самаго начала дѣятельности Дворянскаго банка началось то безобразіе, которое потомъ длилось годы и такъ повліяло на быстрое разореніе именно той части дворянства, которая всего болѣе требовала помощи и сохраненія,—дворянъ, сидѣвшихъ на землѣ и составлявшихъ на мѣстахъ и дворянскую и земскую силу. Безобразіе заключалось въ томъ, что дворяне, тратившіе деньги на праздную жизнь въ столицѣ и жившіе свыше своихъ средствъ, и прибѣгавшіе къ разнымъ придворнымъ и сановнымъ протекціямъ, добивались всевозможныхъ льготъ, даже незаконныхъ, чтобы избѣгнуть молотка, а дворянамъ, жившимъ въ своихъ имѣніяхъ, Дворянскій банкъ отказывалъ въ льготахъ, и они обрекались на продажу своихъ имѣній. И все это, когда подумаешь, только потому, что Картавцевъ былъ изъ «красныхъ» и не скрывалъ своихъ враждебныхъ чувствъ къ земельному дворянству.

Помню мою бесѣду по этому поводу съ покойнымъ Бунге, вызванную попыткою ходатайствовать за одного беззащитнаго заемщика Дворянскаго банка. Я очень наивно и прямо обратился къ Бунге съ недоумѣніемъ въ видѣ вопроса: какъ объяснить себѣ, что Государь приказалъ учредить Дворянскій земельный банкъ съ цѣлью прійти на помощь земельному дворянству и спасать его имѣнія отъ разоренія и отъ продажи, а

Дворянскій банкъ въ рукахъ Картавцева, какъ-будто наперекоръ волѣ Государя, является только добрымъ къ придворнымъ князьямъ и графамъ, а помѣщикамъ, живущимъ безвыѣздно на своей землѣ, тотъ же Картавцевъ отказываетъ въ помощи?

— Это не совсѣмъ такъ,—отвѣтилъ мнѣ Бунге:— все зависитъ отъ взгляда на вопросъ. Вы смотрите на дворянство, какъ на сословіе, которому можно вернуть его состоятельность и его самостоятельность имущественную и отчасти политическую, а я смотрю на дворянство, какъ на сословіе вымирающее. Рѣчь можетъ быть объ отдѣльныхъ дворянскихъ имѣніяхъ и объ отдѣльныхъ дворянахъ, но не о сословіи. Вотъ почему Дворянскій банкъ помогаетъ не всякому, а тому, кто представляетъ своимъ имѣніемъ извѣстную надежду на возможность его сохраненія. Такому мы и помогаемъ. Но всякому мы помогать не можемъ. Никакой банкъ такой безграничной благотворительной кредитной операціи не выдержитъ.

Въ заключеніе онъ мнѣ сказалъ:

— Я передамъ ваше ходатайство Картавцеву; можетъ-быть, онъ что-нибудь признаетъ возможнымъ сдѣлать.

— Но только, Бога ради, не говорите, что ходатайство это отъ меня: я такъ ругаю Картавцева въ «Гражданинѣ», что онъ, узнавъ, что ходатайство отъ меня, неизбѣжно откажетъ.

Бунге, который всегда былъ добръ, обѣщалъ мое имя не называть и передалъ записку Картавцеву который, вѣроятно, потому, что она пришла къ нему, отъ Бунге, мало, но все-таки кое-чѣмъ облегчилъ положеніе заемщика.

XXXIX.

(1885—1886 годы).

П. С. Ванновскій.

Одною изъ крупнѣйшихъ личностей царствованія Александра III былъ, несомнѣнно, военный министръ Петръ Семеновичъ Ванновскій. Но въ то же время про эту личность нельзя не сказать, что это была одна изъ курьезнѣйшихъ личностей. Одинъ мой пріятель, по возвращеніи осенью изъ-за границы, говорилъ мнѣ, чуть ли не за годъ до назначенія Ванновскаго военнымъ министромъ, о своихъ впечатлѣніяхъ отъ совмѣстнаго пребыванія на какомъ-то курортѣ съ Ванновскимъ, и впечатлѣнія эти были просто очарованіемъ его личностью во множествѣ имъ приведенныхъ деталей. Любопытно констатировать, что это былъ первый человѣкъ, отъ котораго пришлось услышать такой почти восхищенный отзывъ о Ванновскомъ, но еще любопытнѣе, что вторымъ человѣкомъ, мнѣ лично знакомымъ, который пришелъ въ восхищеніе отъ Ванновскаго, былъ я самъ, но мое восхищеніе

явилось послѣ перваго свиданія съ нимъ, когда онъ уже былъ военнымъ министромъ.

Объ этомъ первомъ свиданіи я уже говорилъ выше. Оно было совсѣмъ неожиданно. Не помню, по поводу чего, по поводу ли назначенія его или по какому-нибудь другому случаю, мнѣ пришлось высказать свои мысли о Ванновскомъ, и такъ какъ онѣ были вдохновлены слышанными мною отъ участниковъ похода 1878 года воспоминаніями о Ванновскомъ какъ о начальникѣ штаба при Цесаревичѣ, командовавшемъ рущукскимъ отрядомъ, то по адресу новаго военнаго министра онѣ оказались симпатичными. И вотъ однажды утромъ, вскорѣ послѣ появленія моей статьи, мнѣ докладываютъ: генералъ Ванновскій. Я такъ мало ожидалъ визита военнаго министра, никогда мною не видѣннаго, что, сказавъ: «проси», я думалъ, что это какой-нибудь другой Ванновскій. Но съ удивленіемъ я увидѣлъ входящаго Петра Семеновича. Еще болѣе удивился, узнавъ отъ него, что онъ пришелъ ко мнѣ выразить свою благодарнось за «дневникъ» о немъ, мною написанный. Бесѣда наша продолжалась около получаса, и какъ въ началѣ ея, такъ до самаго ея конца я видѣлъ передъ собою очень умную фигуру собесѣдника, но въ то же время до того привѣтливую, что она казалась благожелательной. Онъ говорилъ о своихъ задачахъ тономъ человѣка твердо убѣжденнаго, но не рѣзко и не самоувѣренно, и въ разговорѣ высказалъ мысль, что задача его потому, между прочимъ, трудна, что войска послѣ войны немного избалованы и требуютъ дисциплинарнаго ремонта. Словомъ, мы разстались чуть-ли не пріятелями, и когда онъ ушелъ я про себя задалъ вопросъ: отчего всѣ

говорятъ про Ванновскаго, какъ про злого и грубаго человѣка, причемъ всякій прибавлялъ эпитетъ «бурбонъ?»

Два-три года спустя, по всему, что пришлось узнать достовѣрнаго о Ванновскомъ и лично воспріять, какъ новыя впечатлѣнія пришлось измѣнить мою оцѣнку этой личности.

Когда состоялось назначеніе Ванновскаго, говорили въ военныхъ и политическихъ сферахъ, что выборъ исходилъ всецѣло и исключительно отъ самого Государя. Оно оказалось, какъ мнѣ потомъ разъяснили, такъ, но не совсѣмъ. Мысль о Ванновскомъ, какъ о преемникѣ гр. Милютина, впервые была высказана самимъ гр. Милютинымъ, въ отвѣтъ будто бы на вопросъ, который задалъ Государь Александръ III гр. Милютину послѣ того, что имъ было высказано желаніе оставить должность военнаго министра. Гр. Милютинъ былъ всегда умный человѣкъ, всегда любезный человѣкъ и всегда тонкій дипломатъ. Во всѣхъ отношеніяхъ гр. Милютинъ и Ванновскій были антиподами и паче всего по военнымъ и политическимъ взглядамъ. Гр. Милютинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова либералъ, но не въ смыслѣ пошлаго или демократа-либерала, а въ смыслѣ убѣжденнаго прогрессиста и противника николаевскаго режима, и этотъ либерализмъ вносилъ и въ сферу своего военнаго дѣла. Ванновскій, напротивъ, былъ фанатическій воспитанникъ николаевскаго режима, и либерализма въ военномъ дѣлѣ не допускалъ. Слѣдовательно было совершенно естественно думать, что внутри себя ни графъ Милютинъ къ Ванновскому, ни Ванновскій къ графу Милютину не питали симпатій. Но гр. Милютинъ зналъ отлично, что въ Рущукѣ, во время командова-

нія отрядомъ, Цесаревичъ Александръ, вообще мало демонстративный въ проявленіи симпатій и довѣрія, сблизился съ генераломъ Ванновскимъ настолько, что всѣ еще въ Рущукѣ говорили о немъ, какъ о военномъ министрѣ въ будущее царствованіе. И вотъ почему, съ дипломатическимъ чутьемъ, ему всегда присущимъ, гр. Милютинъ былъ увѣренъ, что, назвавъ своимъ преемникомъ Ванновскаго, онъ сдѣлаетъ большое удовольствіе Государю тѣмъ, что дастъ ему право опереть свой выборъ Ванновскаго ссылкою на рекомендацію гр. Милютина. Зналъ ли это Ванновскій или не зналъ, не знаю, но одно несомнѣнно: Ванновскій не любилъ, вѣроятно, быть благодарнымъ, ибо за все время своего управленія военнымъ министерствомъ онъ нелюбилъ все, что имѣло запахъ духа графа Милютина.

Принявшись за изданіе иллюстрированнаго общедоступнаго изданія «Воскресеніе», я обратился къ военному министру съ ходатайствомъ о допущеніи этого изданія къ распространенію въ войскахъ. Къ удивленію моему, резолюція военнаго министра превзошла милостями всѣ мои ожиданія: каждой части было предписано выписывать мое изданіе по количеству ротъ, эскадроновъ и т. д., такъ что я немедленно сталъ предметомъ самыхъ ярыхъ проявленій зависти разныхъ издателей брошюрокъ для войскъ въ главномъ штабѣ. Благодаря имъ-то и, главнымъ образомъ, благодаря моей неосмотрительности, праздникъ моего изданія продолжался очень не долго. На второй годъ рекомендація главнаго штаба была значительно сокращена и обобщена, а на третій годъ, благодаря прекратившейся рекомендаціи, и подписка въ войскахъ почти прекратилась. А вина моя заключалась въ томъ, что я имѣлъ

наивность повѣрить увѣреніямъ въ благорасположеніи ко мнѣ Ванновскаго. Оказалось, что вскорѣ послѣ услуги, оказанной мнѣ Ванновскимъ, я статью «Гражданина» объ уродованіи военнаго обмундированія, особливо гвардейскаго, навлекъ на себя гнѣвъ моего вчерашняго благодѣтеля, и онъ не только лишилъ меня своего милостиваго сочувствія, но повѣрилъ, даже не заглянувъ въ изданіе, явно ложнымъ доносамъ на меня чинушекъ главнаго штаба, желавшихъ повредить доброму имени изданія. Я отправился къ Ванновскому съ цѣлью защитить мое «Воскресеніе» отъ злобы доносчиковъ, но такъ какъ главное, что взяло верхъ надъ всѣми остальными впечатлѣніями, былъ его стеклянный, равнодушный взглядъ, на меня направленный, то я счелъ излишнимъ говорить съ Ванновскимъ въ защиту своихъ интересовъ и правъ и ушелъ, порвавъ свиданіе вѣжливымъ поклономъ. Когда я разсказалъ о моей эпопеѣ въ двухъ дѣйствіяхъ одному штабному генералу, онъ засмѣялся и говоритъ мнѣ: можете утѣшать себя тѣмъ, что и не такими любезными пріемами Ванновскій себя тѣшитъ, напримѣръ, когда, по прочтеніи какого-нибудь безыменнаго доноса, принимаетъ, не провѣривъ доноса, обвиняемаго генерала и публично оскорбляетъ его ругательствами. Правда, что иногда ложь такъ монструозна, что правда обнаруживается, и военный министръ извиняется, но запачканный доносомъ назначенія не получаетъ. А ихъ не мало. Любимымъ чтеніемъ Ванновскаго были доносы и пасквили. Онъ упивался ими. А вѣдь подъ своею грубою корою, — прибавилъ генералъ,—онъ недурной и честный человѣкъ.

Месть до такой степени входила въ духовный орга-

низмъ Ванновскаго, что онъ въ дѣйствіяхъ каждаго видѣлъ противъ себя месть и ничѣмъ инымъ, какъ местью противъ себя, не объяснялъ какое-нибудь осужденіе его по должности. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда онъ оказался министромъ народнаго просвѣщенія, а я писалъ въ «Гражданинѣ» обвинительные противъ него «дневники» за его выгораживаніе студентовъ неосновательными обвиненіями противъ полиціи. Въ ту пору онъ одному изъ моихъ близкихъ сказалъ, что я пишу эти «дневники» противъ него изъ мести за «Воскресеніе». И вотъ тутъ, подъ самый конецъ долгой службы Царю и отечеству, всегда честный и прямой передъ Богомъ и совѣстью, въ какомъ съ нею диссонансѣ оказался онъ съ мелкою заботою искать популярности между студентами, обвиняя беззащитную полицію! И это въ генералѣ, всю жизнь отдавшемъ долгу въ духѣ священныхъ завѣтовъ николаевскаго времени.

Да, все это были его крупные и видные недостатки. Ихъ не мало было. Но въ то же время совѣсть и уваженіе къ заслугамъ Ванновскаго обязываютъ сказать, что послѣ гр. Толстого, Ванновскій былъ самою крупною личностью царствованія Александра III и, невзирая на всѣ свои недостатки, на свою всегда суровую и жесткую даже наружность, онъ много сдѣлалъ для боевого и духовнаго укрѣпленія нашего войска, вернулъ военной массѣ воинскій духъ и военную дисциплину, ослабилъ различіе между гвардіею и арміею, улучшилъ положеніе солдата и офицера и, какъ военный министръ, ни разу на службѣ Царю Небесному и царю земному не измѣнилъ, служа мамонѣ.

XL.

(1885 годъ).

Закрытіе Кахановской комиссіи.—Пазухинъ.—Кремзирское свиданіе.

Въ маѣ 1885 года совершилось окончательное закрытіе Кахановской комиссіи. Что ея существованіе признавали всѣ непрочнымъ какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ интеллигентныхъ, это мы всѣ знали, а потому закрытіе ея было встрѣчено безъ малѣйшаго удивленія и врядъ ли для кого-либо могло быть неожиданностью; но интересенъ былъ вопросъ, о которомъ велись въ сановныхъ сферахъ оживленные толки: основательно или неосновательно поступало правительство, закрывая учрежденіе, имѣвшее смыслъ реформеннаго для всего внутренняго строя аппарата? Добрая половина Государственнаго Совѣта, состоявшая изъ либераловъ въ духѣ Каханова и его сателлитовъ, открыто заявляла свое неодобреніе закрытію Кахановской комиссіи, признавая въ этомъ проявленіе реакціонерной рѣшимости не приступать разомъ къ осуществленію обширнаго плана всеобщей губернской и уѣздной реформы, составленнаго Кахановскою комиссіею.

Другіе, болѣе спокойные и умѣренные люди, находили, что, закрывая комиссію и откладывая осуществленіе внутреннихъ реформъ, правительство проявляло не реакцію и не ретроградную политику, а извѣстную предосторожность, исходя изъ мысли,—которую я слышалъ и въ устахъ гр. Толстого,— что лучше прежде подготовить внутренній строй Россіи къ реформамъ, болѣе или менѣе кореннымъ, чѣмъ на неподготовленной почвѣ строить новыя учрежденія.

Но слѣдовало ли сдать всю работу Кахановской комиссіи въ архивъ, какъ въ могилу? Мнѣ казалось, что въ работахъ ея было столько цѣннаго и важнаго матеріала, которымъ грѣшно было бы не воспользоваться, что не могло быть рѣчи о преданіи вѣчному забвенію всей работы Кахановской комиссіи. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, именно это-то и случилось, но не благодаря гр. Толстому, который скончался, успѣвъ только кончить законодательное проведеніе земскихъ начальниковъ, а благодаря преемникамъ гр. Толстого, изъ которыхъ Дурново и Горемыкинъ не касались вовсе внутренней реформы, а нынѣшнее министерство внутреннихъ дѣлъ, П. А. Столыпина, довѣренное относительно реформъ товарищу министра Крыжановскому, сочиняетъ свойпроектъ реформъ по непосредственному вдохновенію, предпочитая сіе огромной работѣ изученія цѣнныхъ матеріаловъ, собранныхъ для Кахановской комиссіи.

Еще молодымъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ я глядѣлъ съ меланхолическою проніею на заставленные шкафами комнаты, гдѣ лежали годами никѣмъ не читаемые работы разныхъ комиссій для переустройства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Матеріалы для Кахановской

комиссіи требовали цѣлые дома для помѣщенія, въ дополненіе къ трудамъ въ теченіе 30 лѣтъ работавшихъ до нея комиссій. И что же? Какъ была Россія при Валуевѣ, въ 60-хъ годахъ, такова она, за нѣсколькими измѣненіями, относительно внутренняго строя, и теперь.

Про Кахановскую комиссію нельзя сказать, что гора родила мышь. Она родила Пазухина, а Пазухинъ родилъ земскаго начальника.

Мнѣ очень симпатичнымъ показался образъ, какимъ изъ маленькихъ людей поднялся въ большіе Пазухинъ. Въ этомъ подъемѣ все было такъ чисто, такъ достойно поднимавшаго и поднимаемаго: не было ни протекціи, ни холопства. Пазухинъ, появившись въ Петербургѣ въ числѣ чиновъ Кахановской комиссіи, уже составилъ себѣ имя своею сильною и талантливою статьею въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—о тогдашнемъ положеніи внутренней жизни въ Россіи, и въ теченіе зимы 1885 г. въ Кахановской комиссіи, явившись молодымъ копьеносцемъ противъ рати сильныхъ опытомъ, авторитетомъ и іерархическимъ положеніемъ сановниковъ либеральнаго лагеря, заставилъ о себѣ говорить.

Прочитавъ статью Пазухина, пригласивъ его къ себѣ для бесѣды и слѣдя съ участіемъ за его боевую дѣятельностью въ Кахановской комиссіи, гр. Толстой сразу оцѣнилъ этого молодого силача ума и труда, въ которомъ главная прелесть заключалась въ отсутствіи всякаго бюрократическаго элемента, и отъ котораго вѣяло правдою жизни, имъ добытой въ изученіи уѣзда,— и предложилъ ему мѣсто, на которомъ онъ могъ одновременно быть сильною подмогою для него и полезнымъ для всякой жизненной нужды, доходившей до

министра и имѣвшей надобность въ его вниманіи и помощи.

Съ перваго же знакомства съ Пазухинымъ мнѣ пришлось испытать къ нему симпатію, прежде всего благодаря его скромности, и затѣмъ, благодаря чертѣ, которая тоже рѣдка въ чиновныхъ и сановныхъ людяхъ: полное несуществованіе для себя и полное отданіе своего бытія только тѣмъ идеаламъ, и государственнымъ задачамъ, которымъ онъ посвящалъ свой умъ и свое правдиво патріотическое сердце.

Въ этой первой бесѣдѣ съ нимъ я услыхалъ отъ него тѣ мысли, которыя, между прочимъ, были главными причинами, подвинувшими его къ разработкѣ имъ излюбленнаго учрежденія—земскаго начальника.

— Жизнь въ уѣздѣ, — говорилъ мнѣ Пазухинъ,— меня убѣдило въ томъ, что самое нужное теперь—это не реформа всего губернскаго и уѣзднаго строя. Работы и проекты Кахановской комиссіи, безспорно, заключаютъ въ себѣ много дѣльнаго и полезнаго, но есть нѣчто нужнѣе этихъ реформъ: это — положеніе нашего крестьянина; оно въ полномъ смыслѣ безпомощное; крестьянинъ буквально заваленъ властями: всѣ приказываютъ, всѣ требуютъ, но нѣтъ никого, кто бы представлялъ собою для крестьянина власть, близкую его нуждамъ, власть, заботящуюся о немъ. А между тѣмъ, пролѣзаютъ въ деревню люди, которые хотятъ его сбивать съ толку, его отдалить отъ церкви, его возбуждать противъ Власти,—противъ этой пропаганды онъ безпомощенъ, какъ безсиленъ противъ злоупотребленій его собственныхъ избранныхъ властей—старостъ, старшинъ, судей. И вотъ почему я и говорю, что самое нужное теперь—это поставить крестьянина въ деревнѣ

такъ, чтобы у него былъ исключительно для крестьянъ начальникъ и защитникъ.

Вотъ, приблизительно, тѣ мысли, которыя привели Пазухина къ проекту учрежденія земскаго начальника, сыгравшаго такую важную роль въ первые годы его дѣятельности и возбудившаго затѣмъ столько шуму и столько ненависти къ себѣ только потому, что по мысли Пазухина, принятой гр. Толстымъ, этотъ земскій начальникъ, этотъ представитель власти, близкій народу, назначался изъ мѣстнаго земельнаго дворянства. Разумѣется, если бы вмѣсто пазухинскаго земскаго начальника былъ сочиненъ земскій начальникъ безсословный, хотя бы изъ ссыльныхъ мѣщанъ или поднадзорныхъ интеллигентовъ, то вся печать такого земскаго начальника торжественно взяла бы подъ свою защиту, и общественное мнѣніе было бы его попутнымъ вѣтромъ.

— Бѣдный гр. Толстой, — говорилъ мнѣ Пазухинъ: — онъ хочетъ энергично взяться за проведеніе проекта, но я боюсь, выдержитъ ли его здоровье: вѣдь на него накинутся чуть ли не три четверти Государственнаго Совѣта, какъ бѣшеные.

Я помню эти времена. Какіе между этими бѣшеными врагами гр. Толстого, готовыми его растерзать, были хорошіе люди, внѣ этого вопроса! Это было дѣйствіе какого-то гипноза, исходившаго отъ интеллигентнаго либерализма на все русское общество и отнимавшаго силу разсудка. Вѣдь почти каждый изъ этихъ бѣшено порицавшихъ гр. Толстого за его проектъ земскихъ начальниковъ отлично сознавалъ про-себя, что гораздо надежнѣе мѣстный помѣщикъ, какъ земскій начальникъ, чѣмъ съ городской улицы явившійся въ деревню интеллигентъ, но все-таки, подъ гипнозомъ

этого же интеллигента въ массѣ, онъ не смѣлъ давать предпочтеніе дворянину громко.

Въ августѣ, неожиданно для всѣхъ, состоялось всѣхъ заинтриговавшее, въ области внѣшней политики, свиданіе Государя съ австрійскимъ императоромъ въ Кремзирѣ, близъ Ольмюца. Записалъ остроумныя слова, приписываемыя Бисмарку, которыя мнѣ привелъ въ разговорѣ Гирсъ. На вопросъ: á quoi pensez vous donc?— заданный Бисмарку, онъ будто отвѣтилъ: je pense à faire une Autriche slave et une Russie allemande (я думаю, какъ бы сдѣлать славянскую Австрію и нѣмецкую Россію).

XLI.

(1885 годъ).

О столѣтнемъ юбилеѣ дворянской грамоты.

---

21 апрѣля 1885 г. минуло столѣтіе со дня изданія императрицею Екатериною II дворянской грамоты.

Въ этотъ день появился въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» прекрасно написанный рескриптъ Государя на имя россійскаго дворянства. Въ городѣ авторомъ этого рескрипта называли Побѣдоносцева, хотя онъ, по обыкновенію, отрицалъ свое участіе.

Привожу этотъ рескриптъ цѣликомъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

благородному россійскому дворянству.

Въ день 21-го апрѣля 1785 года приснопамятная Прабабка Наша Императрица Екатерина II признала за благо жалованною грамотой положить основаніе въ ряду сословій Россійскаго Государства благородному сословію Дворянства, пріявшему начало свое отъ служилыхъ издревле родовъ, кои, «обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли своему потомству, нарицаніе благородное». При семъ Монархиня всенародно свидѣтельствовала Свою признательность Дворянству за за-

слуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Россійскимъ, оказанныя въ наисмутнѣйшія времена какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира.

Нынѣ исполнилось сто лѣтъ со дня пожалованія грамоты. Дворянство Россійское, слѣдуя завѣту предковъ—служитъ вѣрой и правдой Государеву службу и полагать благородство въ вѣрности и честь свою въ правдѣ,—неуклонно служило Царямъ земли Русской главною опорой въ управленіи Государствомъ и въ оборонѣ отъ враговъ внѣшнихъ; въ трудные же дни испытаній съ безпримѣрнымъ одушевленіемъ, какъ одинъ человѣкъ, отзывалось на призывъ Отечества. Сердцу Нашему пріятно признать сіе и Царскимъ словомъ Нашимъ засвидѣтельствовать.

И въ недавнее время, когда, по призыву Монарха, Незабвеннаго Нашего Родителя, потребовалось приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права, Дворянство отозвалось на сей призывъ съ готовностью и, понеся при семъ не малыя жертвы въ достояніи своемъ, явило примѣръ великодушія, рѣдкій въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ.

Въ нынѣшній знаменательный день, останавливаясь признательною мыслью на исторіи благороднаго сословія, нераздѣльной съ исторіей Государства и народа Россійскаго, Мы твердо уповаемъ, что сыны доблестныхъ отцовъ, послужившихъ Государству, явятъ себя достойными членами сего сословія на службѣ Отечеству. Попеченіе наше обращено при семъ на то, чтобы облегчить имъ способы и впредь выполнять съ честью столь высокое призваніе. Во вниманіе къ нуждамъ дворянскаго помѣстнаго землевладѣнія, во многихъ мѣстахъ разстроеннаго оскудѣніемъ хозяйствен-

ныхъ средствъ и затрудненіемъ кредита, Мы повелѣли министру финансовъ приступить, на указанныхъ Нами началахъ, къ учрежденію особаго Дворянскаго Земельнаго Банка, дабы дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ имущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія. Не сомнѣваясь, что продолженію сей дѣятельности соотвѣтствовать будутъ доблестные успѣхи и на другихъ поприщахъ, издавна указанныхъ Дворянству исторіею и волею Монарховъ, Мы, для пользы Государства, признаемъ за благо, чтобы Россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія.

Свидѣтельство неизмѣннаго Монаршаго благоволенія на порогѣ наступающаго столѣтія да послужитъ Россія—намъ, принадлежащимъ къ благородному сословію, новымъ возбужденіемъ къ вѣрному усердію въ служеніи своемъ на пользу Государству. Отцы и матери да потщатся воспитывать дѣтей своихъ, будущій родъ Россійскаго Дворянства, въ духѣ вѣры, воспитавшей и утвердившей Россію, въ правилахъ чести, въ простыхъ обычаяхъ жизни, въ неизмѣнной преданности Престолу и истинному благу Отечества.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Данъ въ Гатчинѣ.
Апрѣля 21-го дня 1885 года.

По поводу этого рескрипта было много разговоровъ. И, увы, какъ добросовѣстный лѣтописецъ, я долженъ по поводу этихъ толковъ сказать, что отъ большей ихъ части вѣяло духомъ не то скептицизма, не то меланхолическаго пренебреженія къ бѣдному россійскому дворянству. Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ средѣ главныхъ его мудрецовъ, представлявшихъ собою либеральную партію, какъ мнѣ передавали, слышались такія размышленія: «это—рескриптъ мертвому», или та же мысль въ другихъ словахъ: «красиво-то красиво, только какъ эпитафія» и т. п. И высказывали такія изреченія кто же?—Потомственные дворяне, которымъ большіе оклады казеннаго жалованья давали ощущеніе права считать себя трупомъ, какъ частицу злополучнаго дворянства!

А вѣдь всего прошло сто лѣтъ со дня объявленія дворянской грамоты. Много ли эти сто лѣтъ въ исторіи тысячелѣтняго государства? Очень небольшой историческій періодъ, а между тѣмъ, если въ высшемъ государственномъ учрежденіи Россіи въ день этого столѣтія раздавались такіе презрительные отзывы о дворянскомъ сословіи, то очевидно это означало увѣренность, что ни изъ какого угла не выйдетъ богатырь дворянинъ требовать къ отвѣту за оскорбленіе сословія того сановника, который себѣ это оскорбленіе считалъ не только дозволеннымъ, но какъ бы согласующимся съ духомъ вѣка. Уже давно въ разговорномъ языкѣ въ образованныхъ сферахъ, по разнымъ случаямъ, повторялась фраза, означавшая извѣстное политическое дѣйствіе; фраза эта была трехсложная: «плевать на дворянство». Подчасъ ее произносилъ извѣстнаго цвѣта сановникъ, а ужъ объ интеллигенціи

и говорить нечего: она всегда плевала на дворянство. Но горше всего то, что эту фразу произносили извѣстные россійскіе дворяне въ своихъ дворянскихъ задушевныхъ à parte на собраніяхъ.

Москва была всегда средоточіемъ самаго многочисленнаго дворянскаго собранія, и въ этомъ средоточіи очень наглядно выдѣлялись типы дворянъ, плевавшихъ, на дворянство, т.-е. антидворянской партіи. Я помню, какъ долго въ Москвѣ съ этою партіею воевалъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и фанатично преданныхъ историческимъ идеаламъ своего сословія дворянинъ, покойный князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, который, хотя и былъ избираемъ въ губернскіе предводители московскаго дворянства, но долженъ былъ вести со значительною партіею дворянства ожесточенную борьбу, какъ съ личными врагами. Какихъ упорныхъ и героическихъ усилій стоило ему добиться принятія московскимъ дворянствомъ его прекрасной мысли о дворянскомъ пансіонѣ, осуществленіе коей въ настоящее время, въ видѣ цѣлаго большого воспитательнаго учебнаго учрежденія, доказало, какъ полезна была мысль кн. А. В. Мещерскаго.

Послѣ него подобнымъ же предводителемъ дворянства, съ тѣми же идеалами и съ тѣмъ же культомъ дворянскихъ преданій въ душѣ, являлся гр. Сергѣй Дмитріевичъ Шереметевъ, но и онъ, именно потому, что онъ собою изображалъ настоящаго русскаго дворянина, долженъ былъ бороться съ цѣлымъ сонмищемъ враговъ оппозиціи въ средѣ московскаго дворянства. Ту же борьбу я помню въ средѣ дворянства тверского, гдѣ старшій братъ московскаго предводителя, покойный князь Борисъ Васильевичъ Мещерскій дол-

женъ былъ вести борьбы, какъ съ заклятымъ врагомъ, съ цѣлыми уѣздами, являвшимися очагами ненависти дворянъ къ дворянству. Я помню тульское дворянство, гдѣ около графа Бобринскаго группировалась цѣлая фаланга почти демократовъ-соціалистовъ; помню орловское дворянство, гдѣ такого, въ высшемъ значеніи слова, боярина, какъ покойный Викторъ Владиміровичъ Апраксинъ, являлся смѣнять на креслѣ губернскаго предводителя дворянства знаменитый, въ своемъ родѣ, Михаилъ Стаховичъ, который вдохновлялся не столько дворянскою грамотою, сколько стишками вольнаго духа на паточныхъ леденцахъ. Словомъ, почти въ каждой губерніи, гдѣ было русское дворянство, велась борьба Алой и Бѣлой розы, и къ печали и сраму этого дворянства слѣдуетъ сказать, что во времена, когда появился государевъ манифестъ россійскому дворянства, по случаю столѣтняго юбилея дворянской грамоты, почти во всѣхъ губерніяхъ дворянство было матеріально разорено и духовно мертво, вслѣдствіе того, что почти вездѣ побѣда оставалась за партіею либеральною въ дворянствѣ, т.-е. антидворянскою.

Замѣчательны слова государева рескрипта, обращенныя къ отцамъ и къ матерямъ дворянскаго сословія; «*Отцы и матери да потщатся воспитывать дѣтей своихъ, будущій родъ Россійскаго Дворянства, въ духѣ вѣры, воспитавшей и утвердившей Россію, въ правилахъ чести, въ простыхъ обычаяхъ жизни, въ неизмѣнной преданности Престолу и истинному благу Отечества*».

Эти прекрасныя слова, похожія на тѣ, которыя сто лѣтъ раньше высказала создательница дворянской грамоты, заключаютъ въ себѣ указаніе средства, и при-

томъ единственнаго средства, дворянству сдѣлаться и оставаться крѣпкою сословною и государственною силою. Только воспитаніе дѣтей въ духѣ дворянскихъ преданій можетъ создавать и сохранять дворянство, какъ опору Престола и главное руководящее сословіе въ государствѣ. Но, увы, когда раздалось это обращеніе Царя къ отцамъ и матерямъ дворянскаго сословія, минуло столѣтіе съ того момента, когда Великая Екатерина эти же завѣты объявляла обязательными для россійскаго дворянства,—и если сто лѣтъ спустя это дворянство явилось почти уже мертвымъ, то разумѣется главною причиною того было, что отцы и матери дворянскаго сословія въ теченіе минувшаго столѣтія не исполняли завѣтовъ Екатерины и не воспитывали дѣтей своихъ въ духѣ дворянскихъ преданій. Оттого явились орловскіе Стаховичи, московскіе Трубецкіе, тульскіе Бобринскіе, тверскіе соціалисты; ну, а въ 1885 году слова рескрипта россійскому дворянству, о воспитаніи дѣтей, были брошенными на каменистую почву сѣменами, и сегодня—25 лѣтъ спустя—приходится съ безутѣшною печалью свидѣтельствовать, что правы были тѣ, которые въ день появленія рескрипта Александра III россійскому дворянству назвали его воззваніемъ къ мертвецу; ибо за эти двадцать пять лѣтъ отцы и матери дворянскаго сословія еще менѣе, чѣмъ прежде, воспитывали своихъ дѣтей въ духѣ, преподанномъ имъ царскимъ рескриптомъ 21 апрѣля 1885 года.

XLII.

(1886 годъ).

И. С. Аксаковъ.

Начало 1886 года омрачилось весьма печальнымъ событіемъ. 27 января скончался, еще въ полной силѣ своего духа, своего духовнаго творчества, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, отъ болѣзни сердца, которою онъ занемогъ въ послѣдніе годы своей жизни. И всякій кто зналъ этого прекраснаго человѣка, узнавъ о его кончинѣ, понялъ, что гораздо ранѣе, чѣмъ сердце, какъ главный органъ физической жизни, у него заболѣло, болѣло у этого человѣка сердце въ духовномъ смыслѣ, отъ всего, что вокругъ него не только не ладило съ его чувствами, убѣжденіями и его идеалами, но подчасъ оскорбляло ихъ, и что вотъ эти-то постоянныя страданія духовнаго сердца мало-по-малу подготовили роковой исходъ жизни въ видѣ разрыва физическаго сердца.

Много я перевидалъ на своемъ вѣку людей, волно-

вавшихся изъ-за политическихъ вопросовъ, даже кипѣвшихъ изъ-за нихъ, обвинявшихъ и критиковавшихъ, портившихъ себѣ аппетитъ или сонъ изъ-за того или другого министра, изъ-за той или другой мѣры; но очень немного я видѣлъ людей, подобно И. С. Аксакову, у которыхъ жизнь, невзирая на сравнительно свѣтлую обстановку, была постояннымъ страданіемъ за идею, за тѣ идеалы, которымъ онъ служилъ, какъ Богу, съ тою же огненною вѣрою съ дней молодости до дней кончины. Но не этимъ однимъ онъ отличался отъ многихъ, отъ большинства людей, что онъ въ теченіе всей своей жизни былъ страдальцемъ за идеалы чистые и высокіе, но онъ тѣмъ ярко отдѣлялся отъ всякаго изъ насъ, что онъ никогда не зналъ унынія, никогда не сдавался духомъ, никогда ни передъ кѣмъ не капитулировалъ, и никогда не переставалъ вѣрить и бороться съ тою же энергіею духа и тою же любовью сердца.

Про Ивана Сергѣевича Аксакова можно было сказать въ минуту его кончины, что онъ отъ колыбели до могилы, какъ носитель своихъ идей, какъ сынъ своей политической вѣры, остался дѣвственникомъ и никакой суетѣ, никакому житейскому помышленію, никакому стороннему интересу не далъ коснуться своего чистаго культа славянофильства. Оттого онъ и стоялъ такъ высоко надъ своими современниками, что онъ былъ подвижникомъ этой дѣвственности въ продолженіе всей жизни. Въ годы юности я уже знакомъ былъ съ молвою объ аксаковскомъ домѣ въ Москвѣ. Это былъ своего рода Сіонъ особенной славянской Россіи, гдѣ всѣ жили вѣрою въ день славянскаго объединенія, и гдѣ въ поэтическихъ образахъ, какъ въ

священныхъ пѣсняхъ, весь этотъ славянскій міръ былъ красивъ и плѣнялъ вдохновлявшееся имъ воображеніе всякаго, кто въ этомъ домѣ былъ не случайнымъ, а роднымъ гостемъ.

Славянофилъ! Когда умеръ И. С. Аксаковъ и когда во всѣхъ органахъ печати раздались, въ видѣ похоронnаго трезвона, печальныя слова: «*послѣдній славянофилъ сошелъ въ моилу*», мы всѣ понимали смыслъ этихъ словъ, смыслъ этого слова *славянофилъ*. Но съ тѣхъ поръ прошло почти четверть вѣка, и теперь когда я пишу эту главу моихъ воспоминаній, я знаю, что это слово *славянофилъ* означаетъ для русскаго люда что-то вродѣ какого-нибудь вымершаго гдѣ-то въ Америкѣ индійскаго племени. Вотъ почему для моихъ читателей, иного духа, чѣмъ все современное общество, будетъ интересно познакомиться ближе съ былымъ міромъ славянофиловъ. Ихъ родила Москва. Ихъ корифеи — братья Аксаковы, братья Самарины, Хомяковъ, Чижовъ, Кирѣевскій, Т. Филипповъ. И вотъ что о нихъ писалъ, подъ буквами К. П. Побѣдоносцевъ, одинъ изъ почитателей ихъ памяти въ «Гражданинѣ» того времени, по случаю кончины И. С. Аксакова.

«Славянофилы были честные и чистые русскіе люди, родные сыны земли своей, богатые русскимъ умомъ, чуткіе чутьемъ русскаго сердца, любящаго народъ свой и землю и алчущаго и жаждущаго *правды и прямого дѣла* для земли своей. Они были высоко образованы, но близкое знакомство съ наукою и культурой Запада не отрѣшило ихъ отъ родимой почвы, изъ которой почерпаетъ духовную силу земли всякій истинный подвижникъ земли Русской. Перегорѣвъ въ горнилѣ за-

падной культуры, они остались плотью отъ плоти, костью отъ кости русскаго своего отечества, и правду, которую такъ пламенно желали осуществить въ немъ, искали не въ отвлеченныхъ теоріяхъ и принципахъ, но въ соотвѣтствіи вѣчныхъ началъ правды Божіей съ основными условіями природы русскаго человѣка, отразившимися въ историческомъ его бытѣ.

«Они начали съ того же, съ чего начинаетъ каждый искренній искатель истины,—*протеста* противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностей, господствовавшаго въ сознаніи такъ называемаго образованнаго общества, противъ презрительнаго предразсудка, самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что касалось самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Въ 30-хъ годахъ — въ эпоху появленія безсмертной комедіи Грибоѣдова — довольно уже накопилось въ умахъ серьезныхъ и въ сердцахъ простыхъ людей полусознательнаго негодованія противъ уродливыхъ отраженій внѣшней западной культуры—въ жизни и обычаяхъ, во взглядахъ и мнѣніяхъ русскаго общества, въ офиціальномъ строѣ управленія, въ направленіи законодательства. Свѣжа была еще память о томъ цинизмѣ, съ коимъ относились юные реформаторы Россіи къ живому ея организму, къ ея исторіи и къ быту народному въ началѣ царствованія Александра, о презрительномъ отношеніи высшаго петербургскаго круга въ родной церкви, о рабскомъ поклоненіи мнимому величію римско-католическаго культа, мнимому достоинству формъ быта, выросшихъ изъ чуждой намъ исторіи; а недавнія событія 1825 года показали, до какого самообольщенія могутъ дойти самые передовые умы въ русскихъ людяхъ, горячо преданныхъ благу Россіи,

подъ вліяніемъ ложной вѣры въ ложное начало искусственной и чуждой намъ цивилизаціи. Съ другой стороны, внимательный наблюдатель современныхъ событій могъ видѣть, какъ само правительство, въ царствованіе безспорно русскаго по душѣ Николая I, грозное и въ полномъ сознаніи своей силы, безсознательно поступалось русскими интересами во внѣшней и во внутренней политикѣ, оттого что *не знало* своего прошедшаго (вспомнимъ, какъ въ правленіе Паскевича населеніе Холмской Руси безразлично смѣшиваемо было съ польскимъ населеніемъ, безсознательно предоставлялось ополяченію и окатоличенію).

«И вотъ великая заслуга московскаго Аксаковскаго кружка истинно-русскихъ людей: отъ нихъ въ первый разъ явственно и разумно услышало наше сбитое съ толку общество проповѣдь мудрости въ великомъ словѣ: «*познай самого* себя, углубись въ прошедшія судьбы страны своей и своего народа—и узнаешь свой духъ въ его духѣ и свою силу почерпнешь изъ него. Слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ Запада тучи *космополитизма и либерализма:* представителемъ его являлся въ той же Москвѣ другой кружокъ — западниковъ, кружокъ, изъ коего вышелъ и отъ коего отдѣлился впослѣдствіи *Герценъ*. То было критическое время, когда прививались передовымъ умамъ Россіи навѣянныя съ Запада идеи, разъѣдавшія органическое чувство любви *къ родному* краю, чувство патріотизма, во имя отвлеченныхъ либеральныхъ началъ. То было время, когда Арнольдъ Рюге въ Германіи проповѣдывалъ, что слѣдуетъ полагать основною цѣлью совсѣмъ не отечество, какъ-де говорили въ 1813 и 1815 гг., а свободу, и что истин-

ное отечество для ищущихъ свободы людей, есть *партія*. Въ отпоръ этому фальшивому и тлетворному направленію Аксаковскій кружокъ воздвигалъ свою крѣпость здороваго русскаго патріотическаго чувства и разумнаго познанія земли Русской,—крѣпость, къ которой стали примыкать всѣ мыслящіе люди, сохранявшіе въ себѣ здравый инстинктъ русской природы.

«Нечего останавливаться на увлеченіяхъ этой вѣры и этого ученія—увлеченіяхъ, свойственныхъ всякой мѣрѣ и всякому ученію. То были люди, искавшіе въ прошедшемъ своей родины *идеала* для настоящаго устройства и для будущихъ судебъ ея. Немудрено, что, изслѣдуя и разъясняя отдѣльныя черты этого идеала, они нерѣдко обманывались, увлекались въ своихъ обобщеніяхъ, принимали мнимое за дѣйствительное, смѣшивали существенное съ несущественнымъ; но въ существѣ своемъ высоконравственный ихъ идеалъ есть и будетъ истиннымъ народнымъ идеаломъ земли Русской.

«Къ этой же основной мысли присоединялся другой *протестъ*—противъ формальнаго, канцелярскаго, высокомѣрнаго отношенія офиціальнаго міра къ живымъ потребностямъ и къ духовнымъ расположеніямъ народа. Офиціальный міръ чиновничества зараженъ былъ и проникнутъ канцелярскою привычкою—дѣлать и рѣшать все посредствомъ мертвой бумаги, отписки и очистки, и этотъ обычай, простираясь на всѣ сферы управленія и суда, скрывалъ подъ собою массу несправедливостей, злоупотребленій и насилій надъ народной жизнью и бытомъ. Съ другой стороны, въ въ верхнихъ кругахъ управленія господствовало, при полномъ невѣдѣніи страны и ея потребностей, стрем-

леніе установлять легкимъ путемъ регламентаціи, носившей на себѣ слѣды того же канцеляризма, порядки и правила всевозможныхъ отправленій народной и общественной жизни, причемъ принимались во вниманіе готовыя формулы, взятыя изъ чужеземныхъ обычаевъ и законовъ; такіе пріемы носили громкое названіе *цивилизаціи*. Противъ цивилизаціи такого рода ратовалъ всѣми силами Аксаковскій кружокъ и въ живой бесѣдѣ и въ литературѣ. Борьба эта продолжается и донынѣ. Поверхностные умы объясняли и объясняютъ ее національнымъ предразсудкомъ и узкимъ чувствомъ ненависти будто бы къ нѣмцамъ; но разумные патріоты, принимающіе къ сердцу истинное благо отечества, понимаютъ и чувствуютъ, что кружокъ ратовалъ за правду, и заслуга его въ этомъ отношеніи несомнѣнная.

«Наконецъ еще великое значеніе и великая заслуга этихъ людей состоитъ въ томъ, что они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности съ вѣрой и съ православною церковью. Въ обществѣ — до нихъ — это понятіе было смутно и шатко. Они почуяли сердцемъ и дознали живымъ опытомъ, въ исторіи Руси и въ бытѣ народномъ, что въ народѣ (которому интеллигенція склонна присвоивать значеніе лишь грубой невѣжественной массы, подлежащей оживленію свыше), хранится запасъ духовной силы и глубокой вѣры, изъ коего сами учители и просвѣтители народа должны почерпать свою силу и одушевленіе; что у этого темнаго народа связь съ церковью живая и дѣйственная, и что на этой связи стоитъ и будетъ стоять вся наша исторія. Ученіе о церкви и о вѣрѣ давно и вполнѣ

было установлено отцами и учителями церкви; но для общества представлялось оно схематизмомъ догмъ и правилъ, предметомъ изученія болѣе, нежели живого ощущенія. Передовые люди Аксаковскаго кружка, люди глубоко вѣрующіе, со всею горячностью любви преданные родной церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ высокопросвѣщенные наукой, — они первые помогли обществу *осмыслить* и несравненное достоинство православной церкви, и жизненное значеніе ея для народа, и самую любовь къ ней, которую вынесъ народъ изъ всей своей исторіи.

«Вотъ, въ короткихъ словахъ, почему имена этихъ людей такъ любезны въ Россіи и такъ ей дороги: имъ мѣсто знаменитое въ исторіи истиннаго русскаго просвѣщенія. Притомъ неоцѣненное достоинство ихъ и великая нравственная сила состоятъ въ томъ, что они были люди *цѣльные*, не раздвоенные—качество, коимъ не отличались, при всей честности намѣреній своихъ, люди, принадлежавшіе къ кружку западниковъ и тоже искавшіе по-своему истины, къ сожалѣнію, «на непроходныхъ, а не на пути». Люди Аксаковскаго кружка сильны были тѣмъ, что у нихъ слово не расходилось съ дѣломъ, и жизнь ихъ согласовалась съ тѣми началами, въ которыя они вѣровали. Они жили просто,— всѣ стояли внѣ офиціальнаго міра и офиціальныхъ почестей, и не заискивали офиціальной поддержки, желая сохранить духовную независимость въ обществѣ, которому принадлежали; они оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своихъ потребностей; свободно обращаясь къ кругу образованнаго общества, цѣнившаго въ нихъ умъ, образованіе, чистоту и возвышенность мысли, они столь же сво-

бодно и просто относились къ людямъ самого простого званія и быта. Храня неизмѣнно вѣру въ истинныя начала русской жизни и русской исторіи, они не поступались никому ничѣмъ, въ чемъ полагали правду русской жизни и русской исторіи. Люди эти были въ извѣстномъ смыслѣ подвижниками великой идеи, и это, въ соединеніи съ несомнительною чистотою ихъ намѣреній и образа жизни, придавало имъ великую нравственную силу».

О силѣ духа скончавшагося И. С. Аксакова свидѣтельствуетъ громко слѣдующее, одно изъ главныхъ событій его жизни. Принявъ изъ своей Аксаковской и славянофильской семьи первыя дѣтскія впечатлѣнія, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ перевезенъ былъ для полученія воспитанія въ центръ космополитизма, въ Петербургъ, и помѣщенъ въ Императорское училище правовѣдѣнія. Тамъ онъ пробылъ юношескіе годы, до совершеннолѣтія, въ средѣ товарищей и въ атмосферѣ, гдѣ всѣ главные духовные двигатели сосредоточивались около карьеры и около громаднаго міра политическихъ и чиновныхъ интересовъ. И что же? Въ возрастѣ, гдѣ молодость влечетъ сходить съ рельсовъ и извиняетъ всякія увлеченія, И. С. Аксаковъ не только ничему не далъ покуситься на чистоту его дѣвственнаго славянофильства, но вернулся въ Москву какъ бы еще крѣпче закаленнымъ и убѣжденнымъ въ своемъ вѣроисповѣданіи. И когда, въ царствованіе Александра II, блеснули первые лучи свободы слова, Аксаковъ посвятилъ свою жизнь служенію отечеству и славянофильской идеи перомъ журналиста и выпускалъ повременныя изданія, и ежедневныя и еженедѣльныя. Государь Александръ II и Александръ III

его уважали, но его не любила цензура и нещадно карала его предостереженіями. Оттого всегда помню Аксакова съ горькою, но никогда не злою усмѣшкою на лицѣ, повѣствующимъ о своихъ цензурныхъ невзгодахъ, и чистый дѣтскій смѣхъ его, когда, въ отвѣтъ на его сѣтованія, покойный поэтъ Тютчевъ, ставшій его тестемъ, сказалъ ему: «когда же вы, дорогой, убѣдитесь, что для всякаго министра внутреннихъ дѣлъ вы хуже Каракозова?». Помню также сіяніе радости, долго не сходившее съ лица Ивана Сергѣевича Аксакова. Это было въ 1876 году, когда загоралась первая эпопея войны съ Турціею, въ видѣ похода русскихъ добровольцевъ на Дунай подъ начальствомъ Черняева. Аксаковъ былъ тогда буквально Мининымъ въ Москвѣ. Къ нему валили толпы съ приношеніями, какъ къ духовному вождю въ битвѣ за славянъ. Его слово творило чудеса. Толпы юношей приходили за благословеніями.

И какъ онъ тогда наслаждался жизнью и благославлялъ свою идею! Ну, а потомъ я его увидѣлъ, послѣ Берлинскаго трактата, грустнымъ. Потомъ настала ужасная эпоха подготовленія къ первому марта. Помню, что, глядя во время этого ужаснаго трехлѣтія на лица Аксакова и Каткова, такъ наглядно отражавшія ихъ страданія души, я понялъ, что они подточили жизнь этихъ двухъ московскихъ богатырей слова, и что, не будь этого трехлѣтія, они бы прожили долго.

XLIII.

Совѣщаніе министровъ.—Шагъ наверхъ Вышнеградскаго.

Государственный Совѣтъ въ восьмидесятыхъ годахъ продолжалъ быть средоточіемъ либеральнаго направленія. Не разъ приходилось слышать вопросъ: отчего Государственный Совѣтъ при Государѣ и при правительствѣ консервативныхъ является учрежденіемъ, гдѣ большинство членовъ либерально? Главная причина была та, что въ началѣ царствованія Императора Александра III всѣ почти члены Государственнаго Совѣта были назначены на эту должность при Александрѣ II, а такъ какъ при Александрѣ II всѣ почти назначенія дѣлались изъ лагеря либераловъ, а спеціально въ Государственный Совѣтъ назначенія дѣлались по докладу предсѣдателя его, великаго князя Константина Николаевича, то весьма понятно, что въ 80-хъ годахъ большинство членовъ Государственнаго Совѣта было либерально.

Послѣ великаго князя Константина Николаевича предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, при Але-

ксанрѣ III, былъ назначенъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Казалось бы, такъ какъ онъ по своимъ убѣжденіямъ либераломъ никогда не былъ, что и Государственный Совѣтъ начнетъ блѣднѣть, какъ средоточіе либераловъ; но оказалось, что этой перемѣны мы не замѣчали; да и немудрено, такъ какъ съ новымъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта вліяніе, такъ сказать, политическое было замѣтнѣе въ канцеляріи, чѣмъ въ личности предсѣдателя, а подъ канцеляріею надо разумѣть государственнаго секретаря. Въ эти годы на этой должности возсѣдалъ блестящій временщикъ и волшебникъ-карьеристъ А. А. Половцовъ. Это былъ способный чиновникъ, но, кромѣ способностей, его главнымъ талисманомъ былъ бракъ съ единственною наслѣдницею всѣхъ штиглицевскихъ милліоновъ, воспитанницею баронессы Штиглицъ дѣвицею Іюни, такъ названною потому, что она была подкинута въ домъ Штиглица въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ сіяніи этого брака всѣ глядѣли на А. А. Половцова и на его способности въ увеличительное стекло и пророчили ему волшебную карьеру. Она и была волшебною до новаго царствованія, ибо совсѣмъ молодымъ Половцевъ былъ назначенъ на постъ государственнаго секретаря, который въ бюрократическомъ мірѣ считался равнымъ по значенію министерскому. Но царствованіе Александра III оказалось неблагопріятною для карьеры Половцова почвою: она остановилась при немъ, и всѣ попытки его взлетѣть на одинъ изъ министерскихъ постовъ кончились неудачею.

Но, во всякомъ случаѣ, Половцовъ былъ либералъ и не могъ имъ не быть, такъ какъ быть либераломъ считалось однимъ изъ условій движенія кверху. И вотъ,

какъ либералъ, Половцовъ, въ роли государственнаго секретаря, относился весьма непріязненно ко всякимъ представленіямъ въ члены Государственнаго Совѣта людей нелиберальнаго направленія; а такъ какъ вліяніе Половцова на великаго князя предсѣдателя Государственнаго Совѣта было всемогуще, то весьма понятно, что и при Александрѣ III Государственный Совѣтъ продолжалъ имѣть тотъ же характеръ либеральнаго центра. Тутъ очень интересно припомнить, что самое назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта дѣлалось по неизмѣнной рутинѣ, отличительнымъ признакомъ, которой было то, что почти никогда назначеніе не дѣлалось по иниціативѣ и по личному выбору Государя, а почти всегда по представленію предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Сила рутины была такъ велика, что считалось даже потому необходимымъ ее соблюдать, чтобы не обижать предсѣдателя, такъ какъ считалось, что всякое указаніе ему кандидата въ члены Государственнаго Совѣта, помимо его, обидно для великаго князя; а потому, чтобы не обижать его, рутина какъ бы узаконила только одинъ путь въ Государственный Совѣтъ—по выбору предсѣдателя. А такъ какъ предсѣдатель совсѣмъ въ этомъ вопросѣ былъ несвѣдущъ, то, разумѣется, въ Государственный Совѣтъ попадалъ всего чаще избранникъ государственнаго секретаря или, во всякомъ случаѣ, лицо, назначеніе коего государственному секретарю угодно было одобрить.

Все, что я говорю, вовсе не мои предположенія и не мои догадки. Какъ-то разъ я бесѣдовалъ на эту тему съ Государемъ Александромъ III, который, въ разговорѣ по поводу противодѣйствія, встрѣчаемаго графомъ

Толстымъ въ Государственномъ Совѣтѣ, высказался приблизительно такъ: ничего не подѣлаешь, большинство въ Государственномъ Совѣтѣ—либералы. На это я ему отвѣтилъ: отчего вы думаете, Государь, что ничего не подѣлаешь: мнѣ кажется, что стоитъ вамъ только при новыхъ назначеніяхъ въ Государственный Совѣтъ поставить себѣ цѣлью составить большинство консервативное—и ваши министры уже не будутъ постоянно встрѣчать противодѣйствіе.—А какъ это сдѣлать?—возразилъ Государь:—великій князь мнѣ представляетъ своихъ кандидатовъ; онъ обидится, если я ему откажу, а кандидаты его всегда почти изъ либераловъ.—Вначалѣ обидится, а потомъ подчинится новому порядку, то-есть назначенію по вашему выбору. Вѣдь тутъ не въ однихъ либералахъ дѣло: по установившейся рутинѣ, въ Государственный Совѣтъ попадаютъ только сенаторы и извѣстные петербургскіе сановники, а между тѣмъ, какъ было бы хорошо, если вы изъ дѣльныхъ и опытныхъ губернаторовъ, изъ долго служившихъ въ провинціи губернскихъ предводителей дворянства, даже уѣздныхъ, изъ опытныхъ и честныхъ земцевъ, назначали въ Государственный Совѣтъ. Государь ничего не отвѣтилъ, но на Пасхѣ явилось назначеніе, давшее отвѣтъ, а затѣмъ, только шесть лѣтъ спустя, за два года до своей кончины, онъ мнѣ сказалъ, по поводу двухъ назначеній въ Государственный Совѣтъ по своему выбору, что припомнилъ нашъ разговоръ о назначеніи членовъ Государственнаго Совѣта.

Но для присматривавшагося близко къ бюрократическому міру была ясна еще причина, почему въ Государственномъ Совѣтѣ такъ много было либераловъ.

Также въ силу рутиннаго обычая, въ Государственный Совѣтъ попадать стали, со временъ Александра II, по разнымъ причинамъ и нерѣдко противъ желанія, а какъ бы за признаніемъ ихъ къ извѣстному дѣлу непригодными, высшіе сановники, какъ министры и генералъ-губернаторы, и такъ какъ въ этихъ случаяхъ они вступали въ Государственный Совѣтъ недовольные переходомъ хотя и на высшее положеніе, но съ значительною сбавкою содержанія, то они, какъ будирующіе, неизбѣжно зачислялись въ ряды не просто либераловъ, а прямо оппозиціонныхъ либераловъ. Все это были странныя преданія рутины, державшіяся не только противъ здраваго смысла, но вопреки интересамъ государственной службы, ибо очень часто способный, дѣльный и честный сановникъ не могъ попадать въ сенаторы, а увольняемый съ должности, какъ оказавшійся непригоднымъ, сдавался, какъ въ богадѣльню на покой, въ высшее законодательное учрежденіе, гдѣ онъ могъ своимъ голосомъ содѣйствовать провалу самаго важнаго и нужнаго государственнаго мѣропріятія.

И вотъ эти либералы Государственнаго Совѣта не упускали случая при встрѣчѣ съ графомъ Толстымъ задавать ему вопросъ: когда же вы, графъ, внесете къ намъ проектъ мѣстной реформы по работамъ Кахановской комиссіи? Чтобы съ этимъ вопросомъ покончить, графъ Толстой вторично созвалъ совѣщаніе нѣсколькихъ министровъ и посвятилъ нѣсколько засѣданій обсужденію вопроса: своевременно ли въ настоящее время начинать мѣстныя реформы съ губернской и уѣздной, требующихъ коренной ломки. Разногласія не оказалось. Министры единогласно признали, согласно предложенію гр. Толстого, что прежде, чѣмъ приступать къ

внутренней ломкѣ, слѣдуетъ упорядочить главный мѣстный органъ государственной власти—губернатора, какъ относительно его власти, такъ въ смыслѣ болѣе опредѣленныхъ отношеній его къ учрежденіямъ мѣстнаго самоуправленія, къ учрежденіямъ другихъ вѣдомствъ и подчиненнымъ ему учрежденіямъ и лицамъ, и затѣмъ слѣдуетъ учредить, для введенія порядка въ деревнѣ, должность по образцу прежнихъ мировыхъ посредниковъ. Работа эта была поручена директору канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Пазухину, и въ началѣ этого же, 1886 года, она закипѣла. Но оппозиція Государственнаго Совѣта, когда сталъ извѣстнымъ результатъ совѣщанія министровъ, не только объявила себя недовольною, но объявила бойкотъ будущей работѣ гр. Толстого.

Къ Пасхѣ изъ Крыма, гдѣ пребывалъ Государь со своимъ семействомъ, — повторяю, какъ бы въ доказательство того, что назначенія въ Государственный Совѣтъ могутъ и не зависѣть отъ государственнаго секретаря Половцова,—пришло извѣстіе о назначеніи члена совѣта министра народнаго просвѣщенія Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго членомъ Государственнаго Совѣта. Это произвело сенсацію, точно разорвавшаяся бомба. Всѣ преданія,—вопіяли бюрократы,—священной рутины нарушены: несчастный членишка совѣта министра народнаго просвѣщенія прямо назначается членомъ Государственнаго Совѣта!

Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

XLIV.

(1886 годъ).

И. А. Вышнеградскій.

Что можетъ означать назначеніе Вышнеградскаго членомъ Государственнаго Совѣта?—вотъ вопросъ, который въ бюрократическихъ и во всѣхъ финансовыхъ сферахъ задавался много разъ на дню.

И почти всѣ на этотъ вопросъ отвѣчали одно и то же: вѣроятно, это есть подготовительная ступень къ назначенію его министромъ финансовъ.

Но вотъ что при этомъ было интересно. Какъ я узналъ отъ достовѣрныхъ лицъ, это толкованіе назначенія Вышнеградскаго потому получило характеръ правдоподобія, что тѣмъ лицамъ, которыя задавали этотъ вопросъ о назначеніи Вышнеградскаго министру финансовъ Н. Х. Бунге, онъ отвѣчалъ: вѣроятно, онъ меня замѣнитъ. Н. Х. Бунге былъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ, по чистотѣ и честности, государственныхъ людей своего времени; онъ не зналъ ни интриги противъ кого бы то ни было, ни интриги противъ него самого; первое онъ отталкивалъ отъ себя какъ недостойное его, какъ честнаго человѣка, а второе вызы-

вало въ немъ добродушно презрительную улыбку. Къ этому отвѣту одному моему знакомому Бунге прибавилъ еще нѣсколько мыслей, ярко освѣтившихъ его высоко честную личность. «Я уже состарился, новыя мысли мнѣ въ голову не идутъ, а старымъ пробавляться теперь нельзя, время требуетъ новыхъ идей. У Вышнеградскаго онѣ есть. Кромѣ большого ума, у него есть сильныя инициатива и энергія». Я прожилъ 70 лѣтъ и скажу, что единственный разъ, когда пришлось встрѣтить человѣка, который такъ отзывался о называемомъ молвою своемъ преемникѣ, это было вотъ то, что я пишу о словахъ Н. Х. Бунге, коими онъ отвѣчалъ на вопросъ: правда ли, что Вышнеградскаго готовятъ ему въ преемники. Честность этого замѣчательнаго человѣка была такъ велика, что онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, не убоялся въ отчетѣ своемъ по государственной росписи сказать, что онъ признаетъ всѣ рессурсы государства истощенными и не видитъ источниковъ, гдѣ искать увеличенія доходовъ. Эти слова имѣли для него рѣшающее значеніе мотива къ его увольненію отъ должности министра финансовъ, но въ то же время они давали его уходу характеръ чего-то, окружавшаго его личность почетомъ и уваженіемъ.

Но рядомъ съ этимъ характернымъ свѣтлымъ явленіемъ въ лицѣ Бунге и его отношеній къ внезапному возвышенію Вышнеградскаго, не менѣе характерно было, но только въ гадкомъ смыслѣ, дружное ополченіе органовъ печати противъ этого возвышенія. Отчасти это агрессивное отношеніе печати можно было объяснить тѣмъ, что два консервативныхъ органа—«Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ» — привѣствовали прямо и громко назначеніе И. А. Вышнеградскаго, но

главнымъ образомъ нападки на него вызывались присущимъ нашему холопскому нраву обыкновеніемъ не терпѣть выдающихся личностей и непремѣнно закидывать грязью того, кто ярко обнаруживаетъ способности и возможность служить славѣ и благу своего государства. Только неспособные государственные люди пользовались или безмолвіемъ или благорасположеніемъ большинства органовъ печати.

И. А. Вышнеградскій вышелъ изъ духовнаго званія. Два брата въ 50-хъ годахъ выступили на общественную сцену—Николай и Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскіе. Первый на педагогическомъ поприщѣ, а второй сперва тоже на поприщѣ профессора, а потомъ на поприщѣ дѣятеля въ области экономической. Николай Алексѣевичъ былъ моимъ профессоромъ русской словесности въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Наружностью онъ отличался отъ брата своими семинарскими манерами: низко кланялся, говорилъ хорошо, но всегда витіевато, намъ, воспитанникамъ, и начальству онъ одинаковымъ тономъ говорилъ: «простите, пожалуйста», и тѣмъ не менѣе былъ для насъ самымъ очаровательнымъ и интереснымъ профессоромъ. Въ немъ, кромѣ знанія, былъ замѣчательный умъ, замѣчательный даръ передавать свое знаніе увлекательно и съ искреннимъ вдохновеніемъ. Потомъ онъ перешелъ въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи.

Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій похожъ былъ всею фигурою на профессора. Лицо его было необыкновенно умное, изъ-подъ очковъ выглядывали зоркіе и всегда внимательно-вопросительно направлявшіеся на собесѣдника глаза. Я помню три выраженія на его лицѣ: сердитое, задумчивое и озабоченное и веселое.

Чаще всего появлялось настроеніе задумчивое, по той простой причинѣ, что почти всякій, кто къ нему обращался, заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь дѣловомъ вопросѣ, требовавшемъ размышленія.

Долженъ сказать, что при первомъ же свиданіи съ нимъ я былъ очарованъ имъ, какъ собесѣдникомъ. Это былъ крупный типъ умнаго человѣка, одинъ изъ крупнѣйшихъ, встрѣченныхъ мною за свой вѣкъ, обладавшій рѣдкою способностью заинтересовывать своею рѣчью, своимъ живымъ участіемъ къ каждому вопросу и самаго простого человѣка и самаго дѣлового и сложнаго. Онъ не былъ ни педантомъ, ни сухимъ въ обращеніи съ вопросами его спеціальности и съ тѣмъ же оживленіемъ говорилъ съ Иваномъ о литературѣ и съ Петромъ о финансахъ.

Оба брата, какъ говорили тогда, пришли въ Петербургъ изъ захолустья учиться пѣшкомъ и проложили себѣ путь къ карьерѣ собственными трудами. Имя же себѣ составилъ Иванъ Алексѣевичъ сперва какъ профессоръ, а потомъ устройствомъ и веденіемъ водопроводнаго дѣла въ Петербургѣ, какъ администраторъ и какъ финансистъ; затѣмъ ему пришлось быть во главѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ предсѣдатель правленія, и на этой должности онъ составилъ себѣ громкое имя дѣльнаго финансиста. Весьма любопытно вспомнить, что нѣсколько дней послѣ своего назначенія членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту государственной экономіи, ему пришлось вступить въ споръ съ министромъ финансовъ по весьма острому и важному вопросу. Вопросъ этотъ былъ проектъ новаго обложенія желѣзныхъ дорогъ въ пользу казны. По соблюдавшемуся преданію, большинство

членовъ соединеннаго присутствія, изъ уваженія къ Н. Х. Бунге, соглашалось съ его проектомъ. Но на бѣду это засѣданіе было первое, въ которомъ пришлось участвовать новому члену Государственнаго Совѣта. По словамъ одного изъ членовъ этого засѣданія, когда И. А. Вышнеградскій попросилъ слова, смѣшно было смотрѣть, какъ всѣ взгляды устремились на новаго сочлена, одни съ любопытствомъ, другіе съ удивленіемъ, выражавшимъ мысль: какъ, только-что назначенъ и уже производитъ разногласіе! И вотъ своимъ обычнымъ, спокойнымъ, простымъ и дѣловымъ образомъ изложенія, безъ всякаго ораторскаго блеска, безъ малѣйшаго эффекта, новый членъ Государственнаго Совѣта дѣловою логикою принялся доказывать, что это обложеніе желѣзныхъ дорогъ будетъ изображать собою иллюзію, а не доходъ, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, на основаніи данныхъ (имъ приведенныхъ), все, что казна получитъ какъ доходъ съ желѣзныхъ дорогъ, все то она выплатитъ имъ же въ видѣ доплаты гарантіи. Эта первая рѣчь Вышнеградскаго возымѣла магическое дѣйствіе. Большинство принуждено было признать его доводы правильными; и тутъ опять выказалъ себя во всей своей честности министръ финансовъ Бунге. Послѣ окончанія рѣчи Вышнеградскаго и въ заключеніе споровъ министръ финансовъ призналъ своимъ долгомъ согласиться съ мнѣніемъ Вышнеградскаго. Интересно, что послѣ этого засѣданія петербургскія кумушки стали разносить по гостинымъ Петербурга два слуха: одинъ—не только объ уходѣ Н. Х. Бунге, но объ отъѣздѣ его въ путешествіе въ Африку, а другой—о назначеніи Вышнеградскаго на его мѣсто.

XLV.

(1886 годъ).

Болгарскія событія.

Съ августа мѣсяца до самаго конца 1886 года политическія осложненія въ Болгаріи были главнымъ вопросомъ европейской политики для главныхъ государствъ. Разумѣется, важность вопроса была не въ Болгаріи, а въ той роли, которую волею-неволею приходилось играть Россіи, какъ державѣ-покровительницѣ Болгаріи, и которая интересовала Англію, интересовала Австрію настолько, насколько эта роль Россіи могла выдвигать ее на первый планъ, подъ предлогомъ Болгаріи, на Балканскомъ полуостровѣ и усиливать ея вліяніе, помимо другихъ заинтересованныхъ государствъ. Эти осложненія въ Болгаріи разыгрались вдругъ и неожиданно.

Нашъ министръ Иностранныхъ дѣлъ былъ на водахъ за границею. Государь былъ въ Скерневицахъ на охотѣ. И вотъ, 9 августа получается телеграмма изъ Софіи о низложеніи князя Александра Болгарскаго, объ учрежденіи временнаго правительства и объ отъѣздѣ князя Александра. Я сказалъ, что это событіе

явилось совсѣмъ неожиданнымъ, но на самомъ дѣлѣ сомнѣваюсь, чтобы оно могло быть неожиданнымъ послѣ того, что незадолго передъ тѣмъ Государь исключилъ князя Болгарскаго изъ списковъ русскаго войска и этимъ нанесъ ему передъ цѣлымъ міромъ ударъ, коего главная сила была — позоръ. Постигни этотъ ударъ короля Милана, напримѣръ, онъ могъ бы пройти безъ послѣдствій для этого короля авантюры, потому что въ Сербіи и офицеры и войско вообще были скорѣе театральные, чѣмъ настоящіе, а въ Болгаріи, благодаря отчасти вліянію русскихъ офицеровъ и самому духу болгарскаго войска, уже виднѣлись проявленія и слышались отзвуки военной чести, вслѣдствіе чего весьма понятно, что какъ бы ни былъ войскамъ близокъ ихъ князь, какъ бы ни было реально его обаяніе послѣ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ сербскими войсками, все же такой фактъ, какъ исключеніе этого самаго ихъ князя изъ списковъ русскаго войска русскимъ Государемъ, не могъ не подѣйствовать на извѣстную часть офицеровъ болгарской арміи деморализующе, въ смыслѣ удара, нанесеннаго обаянію и авторитету князя Александра. Это сказалось въ томъ печальномъ для князя болгарскаго фактѣ, что въ низложеніи его главную роль играли извѣстные полки болгарской арміи, совмѣстно съ военнымъ министерствомъ, которое за недѣлю до измѣны князю два полка удалило изъ Софіи.

Какъ бы то ни было, но въ ночь на 9 августа свершилось надъ княземъ болгарскимъ тяжкое наказаніе судьбы за то, что онъ, несмотря на свой умъ, до такой степени увлекся мечтаніями самолюбія и славолюбія, подъ гипнозомъ либеральныхъ политическихъ вѣяній, что, съ одной стороны, призналъ возможнымъ

выйти изъ-подъ вліянія мудраго руководительства русскаго Государя, а съ другой стороны, призналъ себя способнымъ къ роли самостоятельнаго и независимаго властелина въ Болгаріи. Самообольщеніе и самоослѣпленіе князя Александра были до такой степени велики, что даже послѣ своего отреченія, въ роковую для него ночь 9 августа, онъ уѣзжалъ изъ своего дворца въ состояніи полнаго непониманія заслуженной имъ кары. Это самоослѣпленіе обнаружилось слишкомъ выразительно, ибо послѣ того, что 9 августа, рано утромъ, онъ выѣзжалъ съ эскортомъ изъ своего дворца, окруженнаго войсками, для слѣдованія за границу,—17 августа князь Александръ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращается въ Болгарію и при этомъ отправляетъ телеграмму къ русскому Государю съ изъявленіемъ покорности и въ то же время отправляется въ Софію, въ надеждѣ возвратить себѣ власть.

Но въ Софіи его ждалъ второй ударъ. Надежды его рушились, ибо онъ получилъ отвѣтную телеграмму отъ нашего Государя слѣдующаго содержанія:

«Я получилъ телеграмму вашего высочества. Не могу одобрить возвращеніе ваше въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременною. Я буду воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока вы будете тамъ оставаться. Вашему высочеству предстоитъ рѣшить, что вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю себѣ судить о томъ, къ чему обязываютъ меня чтимая мною память моего родителя, интересы Россіи и миръ на Востокѣ. *Александръ*».

Только эта телеграмма впервые подѣйствовала на князя Александра въ смыслѣ вразумленія. Онъ понялъ собственнымъ наитіемъ, а затѣмъ подъ вліяніемъ преподанныхъ ему его совѣтниками совѣтовъ, что продолжать эту игру съ русскимъ Государемъ нельзя, и торжественно въ присутствіи дипломатическихъ агентовъ заявилъ о своемъ рѣшеніи отречься отъ своей княжеской власти и покинуть Болгарію. Онъ уѣхалъ, и временное, правительство вступило снова въ свои права.

Затѣмъ съ отъѣздомъ князя Александра изъ Болгаріи, цѣлые почти полгода, до прибытія князя Фердинанда Кобургскаго, въ Болгаріи длилась эпоха, которая отношеніями временнаго правительства къ Россіи была, по враждебности къ ней, гораздо важнѣе отношеній князя Александра, и хотя смѣнялись лица, становившіяся въ ряды членовъ временнаго правительства, ни на полминуты это правительство не переставало быть враждебнымъ къ Россіи, причемъ всякій, кто исповѣдывалъ къ ней симпатіи, не допускался ни во временное правительство, ни на высшіе военные посты. Такое событіе вычеркнуть изъ исторіи освобожденной русскою кровью Болгаріи невозможно и забыть оное нельзя. Что князь Александръ Баттенбергскій, ничего общаго съ Болгаріей не имѣвшій, могъ вести политику, не одобряемую русскимъ Государемъ, можно было жалѣть о томъ для него и для Болгаріи, но строго обвинять его и признавать его образъ дѣйствій преступнымъ нельзя было. Совсѣмъ иной характеръ имѣлъ образъ дѣйствій относительно Россіи временнаго правительства Болгарскаго, состоявшаго изъ чистокровныхъ болгаръ, бывшихъ свидѣтелями героизма рус-

скихъ войскъ въ борьбѣ за свободу Болгаріи. Этихъ людей все обязывало быть честно преданными Россіи— и высоко честная личность Александра III, и инстинкты самообороны, и національный здравый смыслъ, не говоря уже о чувствѣ благодарности; и, слѣдовательно, если за эти мѣсяцы, предшествовавшіе правленію принца Кобургскаго, эти представители временнаго правительства не только тайно, но открыто проявляли свою враждебность къ Россіи, къ русскимъ офицерамъ, пребывавшимъ еще въ Болгаріи, и, наконецъ, къ авторитету русскаго Императора, то такой образъ дѣйствій представителей Болгарскаго народа нельзя было не называть преступнымъ и коварнымъ.

Такой образъ дѣйствій относительно Россіи временнаго болгарскаго правительства тѣмъ болѣе былъ преступенъ, что онъ былъ въ полномъ разладѣ съ чувствами къ Россіи въ большей части войска и въ большей части населенія какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ Болгаріи. Оттого за все почти время, пока длилось междукняжіе въ Болгаріи, въ разныхъ мѣстахъ ея вспыхивали народные и военные протесты противъ оскорбительной для Россіи политики временнаго правительства, и послѣднему вслѣдствіе этого приходилось чуть ли не всю Болгарію держать на осадномъ положеніи. Самымъ наглядымъ проявленіемъ враждебности не только къ Россіи, но и къ ея Монарху явились отношенія временнаго правительства къ посланцу Царя, генералу барону Каульбарсу, на котораго Государемъ была возложена миссія быть истолкователемъ видовъ русскаго Государя и руководителемъ болгарскаго правительства. Съ перваго шага на болгарской территоріи баронъ Каульбарсъ поставленъ былъ вре-

меннымъ правительствомъ не только въ фальшивое, но въ оскорбительное положеніе для пославшаго его русскаго Императора, такъ какъ временное правительство никакихъ требованій, никакихъ совѣтовъ генерала Каульбарса не принимало къ руководству и, кромѣ того, объявило по всей Болгаріи, что служащіе какъ гражданскіе, такъ и военные будутъ исключаемы немедленно изъ службы за какое бы то ни было сношеніе съ барономъ Каульбарсомъ.

Одновременно съ этимъ русскіе въ Болгаріи подвергались насиліямъ и преслѣдованіямъ по указанію тайныхъ агентовъ временнаго правительства, даже кавасы консульскихъ агентствъ избивались на улицахъ, и протесты генерала Каульбарса, съ требованіемъ наказанія для виновныхъ, оставлялись безъ вниманія.

Наша печать, во главѣ съ «Новымъ Временемъ», требовала оккупаціи Болгаріи. Даже «Московскія Вѣдомости» требовали ея. «Гражданинъ» одинъ высказывался противъ, и потому, между прочимъ, что на эту оккупацію, очевидно, съ цѣлью насъ втравить въ болгарскія трясины, изъявляли свое согласіе, кромѣ Бисмарка, такія коварныя государства, какъ Австрія и Англія. Я находилъ политику невмѣшательства и терпѣнія нашего Государя мудрою, а, какъ активное дѣйствіе, посылку двухъ броненосцевъ къ берегамъ Болгаріи я находилъ достаточною опорою для русскихъ интересовъ и для русскаго престижа. Столь же мудрымъ и правильнымъ было финальное, дѣйствіе генерала Каульбарса по повелѣнію Императора. Въ виду того, что болгарское временное правительство всѣ требованія генерала Каульбарса оставляло безъ вниманія и открыло народное собраніе вопреки и наперекоръ

его настояніямъ, по повелѣнію Государя, генералъ Каульбарсъ выѣхалъ изъ Болгаріи вмѣстѣ со всѣми русскими дипломатическими агентами, и всякія сношенія съ болгарскимъ правительствомъ прекратились. Народное собраніе избрало въ князья свои принца Вальдемара Датскаго. На другой же день по полученіи о томъ телеграммы отъ болгарскаго правительства король датскій и сынъ его, принцъ Вальдемаръ отказались отъ избранія. Поставлена была, какъ-будто изъ русскихъ сферъ, кандидатура князя Николая Мингрельскаго, но она хода не получила, и въ концѣ концовъ названа была кандидатура принца Фердинанда Кобургскаго.

XLVI.

(1887 годъ).

Александръ III и Европа къ началу 1887 года—Новое назначеніе 1 января.

Въ высшей степени интересными были конецъ 1886 и начало 1887 годовъ относительно оцѣнки, которую пришлось сдѣлать Европѣ иностранной политикѣ Александра III. Эта оцѣнка касалась его иностранной политики вообще и спеціально политики по балканскому вопросу. Оцѣнка эта, между прочимъ, высказалась весьма выразительно въ словахъ, которыя приписываемы были Бисмарку, будто бы сказавшему въ бесѣдѣ объ Александрѣ III: «за этотъ минувшій годъ онъ выросъ на цѣлую голову, какъ историческая фигура». Во всякомъ случаѣ, эта оцѣнка была замѣчательно вѣрна. Мы всѣ, современники, почувствовали, что своею политикою по болгарскому вопросу за 1886 годъ онъ именно очень выросъ въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ судей міра. Какъ легко было и какъ естественно, казалось, осложненіямъ въ Болгаріи во второй половинѣ 1886 года привести Александра III къ минутѣ, вызывавшей его личное активное дѣйствіе на

Балканскомъ полуостровѣ, притомъ при самыхъ для него благопріятныхъ условіяхъ. Очень недавно передъ этою наступившею минутою активное вмѣшательство Россіи въ болгарскія событія не могло не вызвать враждебнаго противодѣйствія, съ одной стороны, Англіи, съ другой стороны, Австріи, а теперь вдругъ наступила минута, когда Англія если не громко, то шопотомъ заявляла Россіи о томъ, что она ничего не имѣетъ противъ оккупаціи Болгаріи русскими войсками, и когда Австрія, подъ гипнозомъ Бисмарка, тоже заявляла, что она не видитъ препятствій къ этой самой оккупаціи русскими войсками Болгаріи. Казалось бы, повторяю, какъ легко и естественно могло быть русскому Государю воспользоваться этою минутою, чтобы увлечься задачею бряцанія оружіемъ для оккупаціи Болгаріи и даже мечтать о приданіи этой оккупаціи характера, подобнаго тому, какой придала Австрія оккупаціи Босніи и Герцеговины. Стоило только въ то время читать газеты «Новое Время» и «Свѣтъ», чтобы убѣдиться, какъ заманчива и обольстительна была для Россіи вдругъ наступившая роль временной завоевательницы Болгаріи. Обѣ газеты раздували идею оккупаціи всѣми силами своего увлеченія и— что замѣчательно было—придавали согласительнымъ, отношеніямъ Англіи и Австріи къ русской оккупаціи важное и серьезное ободрительное значеніе.

И вотъ единственною историческою личностью, которая этою, съ виду благопріятною для самолюбія Россіи, минутою не только не воспользовалась для перехода отъ политики невмѣшательства къ политикѣ активной иниціативы, но еще строже обязала себя держаться политики невмѣшательства, былъ Алек-

сандръ III. Онъ какъ-будто одинъ понималъ то, что ускользало отъ близорукихъ взглядовъ и дешевыхъ увлеченій такихъ политикановъ, какъ наши славянофильскія газеты,—что это приглашеніе Россіи европейскими державами къ политикѣ прямого вмѣшательства въ болгарскія дѣла было коварною ловушкою, подставляемою Россіи съ цѣлью дать ей завязнуть въ трясинѣ болгарскихъ осложненій и, во всякомъ случаѣ, ослабѣть къ тому моменту, когда европейскія державы признаютъ нужнымъ вмѣшаться и предъявлять Россіи требованія, которыя она будетъ, по необходимости, вслѣдствіе ослабленія, исполнять съ урономъ для своего достоинства.

Все, чего требовало достоинство Россіи, Александръ III сдѣлалъ твердо и мудро. Когда, вопреки обязательствомъ, князь Александръ далъ совершиться присоединенію Румеліи къ Болгаріи, онъ исключилъ князя болгарскаго изъ русскаго войска; когда, послѣ перваго отреченія, князь Александръ вернулся въ Болгарію и послалъ Александру III телеграмму о своей покорности волѣ русскаго Императора, Александръ III ему прямо и категорически отвѣтилъ требованіемъ его удаленія изъ Болгаріи; когда временное правительство болгарское проявило во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и спеціально по отношенію къ посланцу русскаго Государя барону Каульбарсу рядъ дѣйствій ослушанія и неуваженія, Александръ III вызвалъ обратно генерала Каульбарса, повелѣлъ всѣмъ русскимъ консуламъ въ Болгаріи вернуться въ Россію и прекратилъ всякія сношенія съ болгарскимъ временнымъ правительствомъ. И дальше этого Александръ III не пошелъ, чтобы не входить въ политику такихъ дѣйствій, коихъ по-

слѣдствія не могли быть не предусмотрѣны ни предупреждены.

И когда наступилъ 1887 годъ, тогда послѣдствія, образа дѣйствій Александра III доказали, насколько онъ былъ мудръ, ибо они-то и создали ему къ началу 1887 года положеніе въ Европѣ, которое подняло его на огромную высоту. Къ концу 1886 года, въ бесѣдѣ со мною, Н. К. Гирсъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, охарактеризовалъ это положеніе Александра III такъ: «Онъ, оказалось, перехитрилъ Бисмарка, — сказалъ Гирсъ,—строившаго свой коварный планъ на прогулкѣ русскихъ войскъ въ Болгарію, и вотъ положеніе, которое Александръ III своею politique d'abstention создалъ: Англія изолировалась, Австрія, въ восточномъ вопросѣ отпитая Бисмаркомъ отъ Германіи, признала для себя политику полнаго невмѣшательства обязательною и въ то же время признала опасеніе какого-нибудь движенія Россіи къ Балканскому полуострову возможнымъ; Турція съ нами сошлась,—и Россія стала нравственнымъ авторитетомъ сильнѣе всѣхъ европейскихъ державъ. И знаете, — заключилъ министръ,— что я замѣтилъ за послѣднее время: по тону въ разговорахъ европейскимъ пословъ со мною я слышу, какъ выросъ этотъ авторитетъ Государя».

Еще за два дня до 1-го января гадали въ сановныхъ и финансовыхъ сферахъ на тему: кто замѣнитъ Бунге, про котораго было уже извѣстно, что онъ назначается предсѣдателемъ комитета министровъ. Окончательно получился рѣшительный отвѣтъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 1-го января. Онъ такъ заинтересовалъ публику, что номеръ «Правительственнаго Вѣстника» къ полудню уже продовался по 50 ко-

неекъ на Невскомъ проспектѣ, подъ предлогомъ, что весь разошелся. Въ этомъ номерѣ послѣ назначенія Бунге значилось назначеніе Вышнеградскаго управляющимъ министерствомъ финансовъ. Въ этотъ же день я видѣлъ новаго министра финансовъ и, замѣтивъ, что онъ уже былъ въ вицмундирѣ министра, не могъ не удивиться, какъ скоро шьютъ портные мундиры новымъ министрамъ—въ одну ночь. Незадолго до полуночи Вышнеградскій получилъ указъ, а утромъ мундиръ былъ уже на немъ надѣтъ! Лицо новаго министра выражало удовольствіе. И было съ чего; цѣлый рядъ мѣсяцевъ быть предметомъ ожесточенной травли цѣлыхъ шаекъ враговъ въ печати и въ жизни, читать и слышать поношенія и клеветы, и все это только потому, что имя Вышнеградскаго произносилось въ иныхъ сферахъ съ уваженіемъ и съ довѣріемъ, какъ кандидата на должность министра финансовъ, и послѣ этой многомѣсячной травли получить указъ Государя о назначеніи въ преемники Бунге—это не могло не быть для Вышнеградскаго отраднымъ и свѣтлымъ вѣнцомъ его труженической жизни. Друзья его дѣлили съ нимъ отраду его назначенія. Друзья у него были въ самыхъ различныхъ положеніяхъ: прелестный человѣкъ и поэтъ Аполлонъ Майковъ, инженерный генералъ Петровъ, товарищъ государственнаго контролера Т. И. Филипповъ, Катковъ и азъ, грѣшный. Но и враги у него были разнообразны. Запомнилъ, какъ въ одной великосвѣтской гостиной хозяйка дома, по поводу назначенія Вышнеградскаго, обращается ко мнѣ и говоритъ по-французски:

— Правда, что вашъ Вышнеградскій изобрѣлъ геніальный способъ исправить финансы Россіи?

Я ее прервалъ и говорю:

— Не вѣрьте, княгиня, злымъ языкамъ. Могу васъ увѣрить, что онъ еще ничего не успѣлъ изобрѣсть.

— Нѣтъ, изобрѣлъ, — заупорствовала хозяйка дома,—и это средство—банкротъ.

— Неправда,—отвѣтилъ я.

— Это вы говорите, а весь Петербургъ говоритъ, что это правда,—отвѣтила княгиня.

Вотъ образчикъ вражескихъ ухищреній.

XLVII.

(1887 годъ).

Годъ этотъ имѣлъ важное историческое значеніе въ царствованіи Александра III, такъ какъ въ этомъ году началось законодательное обсужденіе проекта Положенія о земскихъ начальникахъ.

Роды этого проекта были долги и тяжелы. Прежде всего, какъ я уже раньше говорилъ, уже зачатіе этого учрежденія во всѣхъ сферахъ правительственныхъ либераловъ, интеллигенціи и во всѣхъ либеральныхъ органахъ печати вызывало къ нему ненависть. Я думаю, что графу Толстому все бы простили, даже если бы онъ собственноручно повѣсилъ человѣкъ сто, но проекта земскихъ начальниковъ не могли ему простить. Но почему? спроситъ читатель. По двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что эти будущіе земскіе начальники предполагались къ назначенію изъ мѣстныхъ земельныхъ дворянъ, а во-вторыхъ, потому, что по проекту, разработанному Пазухинымъ, графъ Толстой осмѣливался покушаться на святость великаго принципа отдѣ-

ленія судебной власти отъ административной. Либераламъ вообще ненавистна была мысль, признававшая земельное дворянство единственною средою, изъ которой могли быть назначаемы земскіе начальники, а все судебное вѣдомство и значительная часть бюрократіи вообще и членовъ Государственнаго Совѣта прямо не допускали мысли о возможности въ лицѣ земскаго начальника увидѣть соединеніе власти административной съ извѣстными атрибутами власти судебной.

А между тѣмъ именно въ этихъ двухъ условіяхъ заключалась возможность сдѣлать это новое учрежденіе власти, близкой къ народу, практически полезнымъ для крестьянской среды. Крестьяне вообще относились и относятся довольно равнодушно къ разнымъ представителямъ власти, но со времени освобожденія крестьянъ одно учрежденіе имъ было, благодаря его хорошему составу и благодаря его доступной и практической полезности, симпатично, это—учрежденіе мировыхъ посредниковъ. Въ то же время слѣдуетъ сказать, что когда это учрежденіе, Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, упразднилось и для крестьянъ замѣнилось учрежденіемъ мировыхъ судей, то единственнымъ учрежденіемъ мѣстнымъ, къ которому крестьянинъ относился не равнодушно, а антипатично, было учрежденіе мирового судьи, и причиною тому было, что мировой судья, въ противоположность мировому посреднику, явился представителемъ бездушнаго формализма въ отношеніяхъ къ крестьянину.

Оттого Пазухинъ, который зналъ во всѣхъ ея подробностяхъ не только деревенскую жизнь, но духовный міръ крестьянъ, разрабатывая проектъ учрежденія земскаго начальника, держался, какъ идеала,

типа мирового посредника и къ нему пріобщалъ, для облегченія крестьянину его жизни, извѣстную судебную власть въ количествѣ, дѣлавшемъ ненужными судебныя функціи мирового судьи для крестьянъ. Но именно это возбуждало во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ противъ проекта и противъ графа Толстого ненависть неумолимую.

Оттого, какъ я сказалъ, роды этого проекта были долгіе и тяжелые. Оказалось, что проекту пришлось проходить дважды черезъ сановную цензуру. Первою инстанціею было совѣщаніе нѣсколькихъ министровъ, созванное по настоянію министра юстиціи Манасеина. Потомъ уже проектъ явился на судъ Государственнаго Совѣта.

Недаромъ Манасеинъ добивался этого перваго суда цензуры надъ пазухинскимъ проектомъ: ему нужна была маленькая сцена, чтобы на ней вступить въ поединокъ съ гр. Толстымъ и добиться отъ него отмѣны того, противъ чего, какъ я говорилъ, съ ожесточеніемъ ополчалось все судебное вѣдомство.

Я помню мою встрѣчу съ бѣднымъ Пазухинымъ въ это время. На немъ лица не было.

— Что съ вами,—спрашиваю я его,—вы нездоровы были?

— Не былъ, а есмь,—отвѣтилъ мнѣ Пазухинъ,—да и есть съ чего заболѣть: больно ужъ пріятно жить!

— А что, случилось что-нибудь нехорошее съ вашимъ проектомъ?—спрашиваю я.

— Да, не хорошо идетъ дѣло. Графъ Толстой сдается на уступки Манасеину.

Въ двухъ словахъ Пазухинъ объяснилъ мнѣ, въ

чемъ дѣло. Оказалось, что гр. Толстой не выдержалъ энергическаго натиска Манасеина и согласился на сохраненіе во всей неприкосновенности института мирового судьи въ уѣздѣ, на ряду съ земскими начальниками, или, другими словами, Манасеинъ добился отнятія у будущаго земскаго начальника судебной власти и сохраненія за нимъ только административной власти. Къ сожалѣнію, и Пазухинъ и я, мы знали, что главная причина уступки, сдѣланной графомъ Толстымъ, заключалась въ его болѣзни, которая отнимала у него энергію въ отстаиваніи своей воли въ тѣхъ размѣрахъ, къ какихъ онъ дѣйствовалъ и проводилъ проекты во дни оны. Графъ Толстой былъ боленъ грудной жабой, и эта болѣзнь сильно вліяла на весь его нервный организмъ. Ужъ и то было много, что онъ, невзирая на эту болѣзнь, стоялъ бодро на стражѣ на своемъ посту и влагалъ, сколько могъ, энергіи въ проведеніе проекта земскихъ начальниковъ. Требовать же отъ больного гр. Толстого, чтобы онъ былъ графомъ Толстымъ былыхъ дней, было невозможно. Манасеинъ это зналъ и оттого такъ неумолимо нападалъ на гр. Толстого, вмѣсто того, чтобы, въ сознаніи, что проектъ этотъ разрабатывается по волѣ Государя, помогать министру внутреннихъ дѣлъ.

Какъ бы то ни было, проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ, послѣ операціи, учиненной надъ нимъ при первыхъ родахъ, въ новомъ видѣ предсталъ передъ Государственнымъ Совѣтомъ. Можно было думать, что, пройдя черезъ такую крупную ампутацію въ совѣщаніи министровъ, въ Государственномъ Совѣтѣ онъ встрѣтитъ болѣе успокоенный и менѣе придирчивый пріемъ. Но нѣтъ: этотъ проектъ — проектъ созданія

представителя сильной власти, да еще близкой къ народу—былъ слишкомъ ненавистенъ либераламъ бюрократамъ Государственнаго Совѣта, чтобы они могли удовольствоваться уступкою, и крупною уступкою, которую гр. Толстой рѣшилъ сдѣлать министру юстиціи. У нихъ была впереди задача такъ расщипать по перышкамъ проектъ, чтобы или отъ него ничего не осталось кромѣ скелета, или чтобы гр. Толстой взялъ назадъ свой проектъ.

Больной, гр. Толстой не хотѣлъ никому изъ товарищей уступить бой за проектъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Его уговаривали поручить одному изъ товарищей отстаивать проектъ, основательно замѣчая, что его личное выступленіе только усилитъ страстность въ либеральной оппозиціи, но гр. Толстой отвѣчалъ: нѣтъ, я умру, защищая проектъ, но замѣстителя для битвы въ Государственномъ Совѣтѣ не допущу. Во главѣ оппозиціи былъ, какъ я раньше писалъ, недавно скончавшійся Борисъ Павловичъ Мансуровъ, человѣкъ горячаго темперамента и очень упорный въ отстаиваніи каждаго своего протеста. Мнѣ разсказывали въ то время, что, послѣ горячаго выпада на него Б. П. Мансурова, гр. Толстой очень спокойно вынулъ изъ кармана склянку съ каплями, прописанными ему Захарьинымъ, и, наливъ ихъ въ рюмку, обратился къ своему противнику со словами:

— Борисъ Павловичъ, пью за ваше здоровье!

Я какъ-то разъ зашелъ къ Б. П. Мансурову, со спеціальною цѣлью узнать, почему онъ является такимъ страшнымъ противникомъ проекта гр. Толстого. Я зналъ, что онъ всегда былъ либеральнаго образа мыслей, но его либерализмъ былъ скорѣе живой, а не

доктринерный, и проектъ гр. Толстого былъ живой, а не доктринерный, такъ что мнѣ казалось естественнѣе видѣть Б. П. Мансурова если не въ числѣ защитниковъ живого проекта, то въ рядахъ непротиводѣйствующихъ ему, но никакъ не въ рядахъ сухихъ и бумажныхъ либераловъ-демагоговъ.

— Или,—прибавилъ я въ бесѣдѣ съ Б. П. Мансуровымъ, — вы сводите съ гр. Толстымъ старые счеты того времени, когда вы вмѣстѣ были подъ командою великаго князя Константина Николаевича?

— Какое, — отвѣтилъ мнѣ съ живостью Борисъ Павловичъ:—я просто потому противъ проекта графа Толстого, что не могу согласиться съ нимъ, чтобы въ царствованіе Александра III созидалось учрежденіе царствованія Николая I-го, то-есть нѣсколько тысячъ деревенскихъ деспотовъ.

Борисъ Павловичъ любилъ отвѣчать неожиданными парадоксами. Я ему на это сказалъ:

— Простите, царствованіе Николая I-го имѣло учрежденія, изъ которыхъ нѣкоторыя очень нужны были бы Россіи теперь: напримѣръ, весь сельскій уставъ графа Киселева—это было геніальное твореніе.

— Ну, и вводите этотъ сельскій Киселевскій уставъ, а вводить теперь деспотовъ въ деревнѣ, гдѣ и безъ того крестьянинъ задушенъ чиновниками, по-моему, совершенно немыслимо.

На почвѣ парадоксовъ споръ казался мнѣ безполезнымъ, и я успокоился.

XLVIII.

(1887 годъ).

Проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ.

Въ числѣ самыхъ близкихъ друзей моихъ былъ человѣкъ, котораго я особенно уважалъ, потому что онъ былъ однимъ изъ рѣдчайшихъ представителей того стараго дворянскаго или боярскаго типа, который выше всякихъ личныхъ и собственныхъ интересовъ ставилъ свое отечество и своего царя. Человѣкъ этотъ былъ Александръ Александровичъ Татищевъ. Молодость свою онъ посвятилъ военной службѣ въ лейбъ-гусарскомъ гвардейскомъ полку, а затѣмъ прямо переселился въ провинцію и въ ней—сперва на службѣ уѣзднаго предводителя въ Новгородской губерніи, а затѣмъ губернаторомъ въ Пензенской губерніи—провелъ бо̀льшую часть своей жизни. Послѣ долгаго пребыванія въ Пензѣ губернаторомъ, онъ поселился въ Петербургѣ, получивъ сенаторское званіе,—и тутъ мы сблизились и чуть ли не ежедневно видѣлись. У него не было ни блестящаго ума, ни дара слова, но я рѣдко встрѣчалъ человѣка, даже изъ государственныхъ, съ такимъ

большимъ запасомъ здраваго смысла и знаніемъ русской жизни, какими владѣлъ покойный А. А. Татищевъ. Этотъ здравый смыслъ и это знаніе мѣстной жизни составляли прелесть бесѣды съ нимъ, и къ нимъ присоединялось еще цѣнное и рѣдкое качество—участіе, совсѣмъ молодое, ко всѣмъ русскимъ вопросамъ, невзирая на пожилые года.

Вопросъ о земскихъ начальникахъ онъ признавалъ важнѣйшею и нужнѣйшею мѣстною реформою, и къ этому убѣжденію его побуждало знаніе нуждъ мѣстной жизни, особливо крестьянской.

А. А. Татищевъ былъ давнишнимъ пріятелемъ графа Д. А. Толстого, и вотъ, благодаря этому, я могъ отъ Татищева узнавать всѣ подробности хода проекта учрежденія земскихъ начальниковъ въ Государственномъ Совѣтѣ; а такъ какъ у Татищева были пріятели и въ Государственномъ Совѣтѣ, то, благодаря имъ, я черезъ него могъ слѣдить за всѣми фазисами этого проекта.

Слѣдить было за чѣмъ, ибо въ каждомъ засѣданіи соединеннаго присутствія Государственнаго Совѣта, послѣ упорной борьбы изъ-за той или другой статьи проекта, приходилось отмѣчать, что соглашеніе между либеральною оппозиціею и гр. Толстымъ составлялось путемъ взаимныхъ уступокъ, которыя—какъ бы незначительны ни были со стороны гр. Толстого—все же портили цѣлость проекта.

И вотъ, отъ времени до времени, заходилъ ко мнѣ А. А. Татищевъ, и по грустному выраженію его лица я сразу догадывался, что дѣло шло не такъ, какъ ему и мнѣ хотѣлось.

— Все уступаетъ, — говорилъ съ досадою Татищевъ.—И не понимаю, чего ему уступать, когда Госу-

дарь сказалъ опредѣленно, что онъ будетъ за него, даже если бы имъ пришлось быть вдвоемъ. Я бы, на мѣстѣ гр. Толстого, ни іоты не уступилъ,—заявлялъ Татищевъ.

Однажды, онъ прямо ко мнѣ пріѣхалъ отъ гр. Толстого съ извѣстіемъ, что графъ ему разсказалъ, какъ Государь его *журилъ*, какъ выразился гр. Толстой, за то, что онъ дѣлаетъ уступки въ Государственномъ Совѣтѣ. Гр. Толстой отвѣтилъ Государю, что уступки незначительныя, а Государь ему на это сказалъ: «все равно, маленькія или большія уступки, я бы на вашемъ мѣстѣ ихъ не дѣлалъ». Но, увы, причина этихъ маленькихъ уступокъ заключалась, какъ я говорилъ уже, въ болѣзненномъ состояніи гр. Толстого, которое, невзирая на леченіе у Захарьина, не только не улучшалось, но ухудшалось.

Такъ или иначе, но въ теченіе зимы 1887—1888 гг. проектъ былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ и представленъ на утвержденіе Государя при двухъ мнѣніяхъ—меньшинства, съ гр. Толстымъ, и большинства оппозиціоннаго, которое выработало проектъ радикальныхъ измѣненій въ проектѣ гр. Толстого.

Вотъ тутъ наступила интересная историческая минута, въ которой и мнѣ выпала хотя и маленькая, но все же дѣйствующая роль. Татищевъ пріѣхалъ ко мнѣ въ возбужденномъ и озабоченномъ состояніи и привезъ мнѣ двѣ интересныя записки: въ одной излагался проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ онъ разработанъ былъ Пазухинымъ первоначально, то есть до измѣненія въ совѣщаніи министровъ, по желанію министра юстиціи, а въ другой—проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, по мнѣнію меньшинства

и гр. Толстого, окончательно былъ разработанъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

— Прочтите оба проекта, и вы увидите дѣло дрянь: отъ пазухинскаго проекта главное отнято и благая мысль Государя—создать близкую народу власть—не будетъ исполнена, потому что по проекту меньшинства и гр. Толстого, благодаря всѣмъ уступкамъ, имъ сдѣланнымъ, земскій начальникъ будетъ полицейскимъ чиновникомъ, но не властью, близкою народу.

— Что же дѣлать?—говорю я.

— А вотъ сперва прочтите обѣ записки, а завтра потолкуемъ,—отвѣтилъ Татищевъ. На этомъ и разстались. На другой день, когда онъ пріѣхалъ, онъ спросилъ:

— Прочитали?

— Прочелъ, но что дѣлать?

— Надо освѣтить все дѣло Государю, чтобы онъ увидѣлъ огромное различіе между первоначальнымъ проектомъ и тѣмъ, который ему представленъ будетъ Государственнымъ Совѣтомъ.

— А кто же за этотъ трудъ возьмется? Я не признаю себя достаточно свѣдущимъ и авторитетнымъ. Быть передаточною инстанціею я могу, но разработка для Государя соображеній должна быть сдѣлана весьма свѣдущимъ лицомъ, да и не однимъ, а по крайней мѣрѣ двумя.

— Двухъ я найду,—сказалъ Татищевъ.

— И отлично; а я попробую поинтриговать у Побѣносцева.

Признаюсь, я только для очищенія совѣсти поѣхалъ къ Побѣдоносцеву, ибо, во-первыхъ, если въ Государственномъ Совѣтѣ онъ такъ индифферентно отнесся

къ гр. Толстому и его проекту, то трудно было ожидать отъ него энергичной инициативы и активнаго дѣйствія въ пользу главной идеи проекта, да еще у Государя; во-вторыхъ, Побѣдоносцевъ ко всему, что соединялось съ дворянствомъ, относился почти непріязненно, а проектъ земскихъ начальниковъ находился въ большой связи съ дворянскимъ сословіемъ; а въ-третьихъ, надо было предвидѣть, что въ этомъ вопросѣ Побѣдоносцевъ неизбѣжно былъ солидаренъ со своимъ ставленникомъ Манасеинымъ.

Мои предвидѣнія сбылись. Какъ всегда, Побѣдоносцевъ замахалъ руками, какъ только я высказалъ мысль объ его активномъ вмѣшательствѣ въ вопросъ о земскихъ начальникахъ въ эту послѣднюю, критическую минуту.

— Куда мнѣ соваться въ это дѣло! Оно въ Государственномъ Совѣтѣ кончено; теперь Государю рѣшать. Да, признаться, кабы и можно было, и то я не вмѣшался бы: потому — по правдѣ сказать, я этому пазухинскому проекту придаю мало значенія. Гдѣ нынче въ дворянствѣ искать людей для должности земскаго начальника! Я свое мнѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ высказалъ, и съ меня довольно. Государю я ни слова не напишу.

Результаты дѣйствій Татищева были счастливѣе моихъ. Черезъ три дня онъ пріѣхалъ и привезъ прекрасно составленную краткую записку, въ которой ясно и убѣдительно была представлена Государю вся важность для успѣха проектированнаго учрежденія сохранить первоначально проектированное упраздненіе для уѣзда должности мирового судьи и извѣстныя судебныя обязанности за земскимъ начальникомъ, безъ ко-

торыхъ онъ не можетъ сдѣлаться носителемъ власти, близкой народу, а будетъ только лишнимъ чиновникомъ въ уѣздѣ. Въ заключеніе соображеній предлагалось: учрежденіе мирового судьи для уѣзда упразднить, а судебныя его функціи раздѣлить между окружнымъ судомъ (гражданскія дѣла), земскимъ начальникомъ и волостнымъ судомъ.

Я спросилъ Татищева, кто писалъ эту записку? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «она составлена двумя государственными людьми, взявшими съ меня честное слово ихъ не называть».

Тогда, перекрестившись, я послалъ,—какъ всегда, черезъ генерала Васильковскаго,—эту записку Государю, при письмѣ, въ которомъ изложилъ вкратцѣ обстоятельства, приведшія къ составленію записки.

Богъ помогъ успѣху этого дѣла.

Черезъ нѣсколько дней весь сановный Петербургъ заволновался, точно революція какая-то совершилась. И было съ чего. Государственный секретарь Половцовъ, съ дрожью въ голосѣ, читаетъ общему собранію Государственнаго Совѣта резолюцію Государя на меморіи Государственнаго Совѣта о проектѣ земскихъ начальниковъ, въ которой сказано, что Государь соглашается съ мнѣніемъ меньшинства, но съ нижеслѣдующими измѣненіями. И затѣмъ въ резолюціи Государя повелѣвается: отмѣнить для уѣзда должность мирового судьи, а судебныя его обязанности раздѣлить между окружнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ и волостнымъ судомъ.

На другой день Татищевъ, сіяя не только радостью, но счастьемъ, разсказалъ мнѣ, со словъ гр. Толстого, какъ совершилось это великое событіе. Государь поз-

валъ къ себѣ гр. Толстого и, съ кротостью въ улыбкѣ, сказалъ ему:

— Графъ, я васъ пригласилъ, чтобы спросить: не будете ли вы что-либо имѣть противъ такой резолюціи моей на меморіи Государственнаго Совѣта по проекту земскихъ начальниковъ. Я нахожу, что вы слишкомъ много уступили противъ первоначальнаго проекта, и боюсь, чтобы, вслѣдствіе этого, учрежденіе не оказалось ни рыбой ни мясомъ. Извольте прочесть.

Государь далъ графу прочесть проектъ резолюціи. Тотъ, прочитавъ резолюцію, сказалъ Государю:

— Если бы я не былъ больной, я бы въ ноги поклонился вамъ, Государь, за эту резолюцію.

И тогда Государь ее начерталъ на меморіи Государственнаго Совѣта.

Волненіе и толки въ средѣ членовъ Государственнаго Совѣта длились нѣсколько дней. Одни были за, а другіе противъ характера резолюціи, находя, что впервые, будто бы, Государь отклонился отъ обычая утверждать одно изъ мнѣній Государственнаго Совѣта безъ измѣненій. Истолкователемъ второго протестующаго мнѣнія взялъ на себя быть государственный секретарь Половцовъ. По этому поводу имѣлъ мѣсто эпизодъ, тоже историческій. Половцовъ, на докладѣ, представилъ Государю о смущеніи членовъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ не было примѣра, чтобы Государь мнѣніе Государственнаго Совѣта замѣнялъ своимъ. Государь улыбнулся.

— Да развѣ есть такой законъ,—сказалъ, улыбаясь, Государь,—который запрещалъ бы Государю измѣнять мнѣніе Государственнаго Совѣта?

Половцовъ въ первую минуту смутился, но потомъ отвѣтилъ:

— Закона нѣтъ, Ваше Величество, но есть преданіе.

— Хорошо, — сказалъ Государь, — пріѣзжайте завтра, въ 11 часовъ, я попрошу гр. Толстого пріѣхать, и мы втроемъ этотъ вопросъ обсудимъ.

На другой день Государь обратился къ гр. Толстому и передалъ ему содержаніе того, что ему представилъ Половцовъ наканунѣ.

— Правда ли, что я нарушилъ незыблемое преданіе Государственнаго Совѣта?—спросилъ въ заключеніе Государь. Гр. Толстой на это отвѣтилъ:

— А. А. Половцовъ ошибается: я могу припомнить случаи, когда Государь измѣнялъ по существу мнѣніе Государственнаго Совѣта.—Тутъ гр. Толстой привелъ на память три такихъ случая.

— Извольте видѣть,—улыбаясь, сказалъ Государь, обращаясь къ Половцову,—я былъ правъ.

Половцовъ сконфуженно удалился.

За эти дни одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта (не называю его, ибо онъ еще живъ) высказалъ по поводу этого событія хорошее слово:

«Не знаю, — сказалъ онъ, — удастся ли найти въ средѣ дворянства нужное количество земскихъ начальниковъ, но одно знаю,—что сперва для насъ, а потомъ на всю Россію Царь заговорилъ языкомъ Самодержавнаго великаго Государя».

Эти слова я поспѣшилъ передать Государю.

XLIX.

Дворянство и земскіе начальники.

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, министръ внутреннихъ дѣлъ Императора Александра III, былъ послѣднимъ изъ крупныхъ государственныхъ людей въ Россіи, который еще вѣрилъ въ русское земельное дворянство, какъ въ извѣстную среду, болѣе способную поставлять людей живыхъ и самостоятельныхъ, чѣмъ среда чиновничья. Послѣ него всѣ министры внутреннихъ дѣлъ этой вѣры не имѣли, и первый изъ нихъ послѣ гр. Толстого, И. Н. Дурново, хотя самъ пробылъ нѣсколько лѣтъ губернскимъ предводителемъ дворянства, даже атома этой вѣры не имѣлъ и представлялъ собою, наоборотъ, полнѣйшаго поклонника культа бюрократіи. Въ теченіе одной — какъ всегда, кратчайшей—аудіенціи, которую мнѣ удалось, въ послѣдній годъ его жизни, получить у гр. Толстого, онъ очень вѣрно сказалъ, что данная минута, по его мнѣнію, самая подходящая, чтобы использовать остающійся въ живыхъ живой матеріалъ въ средѣ живущаго на землѣ дворянства: «откладывать нельзя, скоро по-

здно будетъ, а если теперь поставить на свои мѣста земскихъ начальниковъ изъ мѣстной дворянской среды, то получится образецъ для подражанія и школа практики для тѣхъ будущихъ земскихъ начальниковъ, которыхъ придется назначать за неимѣніемъ ихъ въ мѣстномъ дворянствѣ».

Во всякомъ случаѣ, эта вѣра, что еще есть остатки на землѣ дворянъ, способныхъ быть хорошими представителями власти близкой крестьянамъ, побудила гр. Толстого взяться съ такою энергіею за разработку и проведеніе пазухинскаго проекта земскихъ начальниковъ. Правда, какъ я выше говорилъ, гр. Толстой, по болѣзни, дѣлалъ уступки при законодательной разработкѣ проекта учрежденія земскихъ начальниковъ, но дѣло въ томъ, что только гр. Толстой могъ этотъ проектъ представить въ Государственный Совѣтъ и проводить его: не будь его, врядъ ли нашелся бы другой, и крестьянская среда, оставленная на произволъ судьбы, дала бы съ ужасные годы начала XX-го столѣтія такія картины нравовъ, передъ которыми бывшіе мятежи, поджоги и грабежи оказались бы дѣтскими шутками.

Тогда нашимъ сановникамъ и во снѣ не видѣлись событія, предшествовавшія революціи 1905 года, и оттого они такъ легкомысленно критиковали проектъ гр. Толстого съ точки зрѣнія пренебреженія къ мѣстному дворянству; оттого они находили, что никакого земскаго начальника не нужно, что въ деревнѣ все прекрасно, и что мировой судья нисколько не хуже земскаго начальника.

На моихъ среднихъ собраніяхъ вопросъ о земскихъ начальникахъ вызывалъ очень интересныя мысли. Нѣ-

которыя мною записаны въ дневникъ. Напримѣръ, вотъ что сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ. «Они недобросовѣстны, — сказалъ онъ, — наши либеральные сановники Государственнаго Совѣта, высказывая при обсужденіи этого вопроса не только недовѣріе, но непріязненное чувство къ земельному дворянству. Такое отношеніе къ дворянству понятно и естественно на столбцахъ газеты, гдѣ пишутъ интеллигентные мѣщане и семинаристы, но оно непростительно члену Государственнаго Совѣта, знающему, что на десять земельныхъ дворянъ восемь любятъ и знаютъ крестьянина и честно Царю служатъ». Записалъ и другую мысль. «Пора наконецъ,— сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — кончить воспитаніе русскаго крестьянина становымъ и исправникомъ, которое не сегодня, такъ завтра приведетъ къ скверной развязкѣ; и я потому цѣню учрежденіе земскаго начальника по проекту гр. Толстого, что оно во-время прекращаетъ пагубное воспитаніе десятковъ милліоновъ русскаго народа полиціею и на смѣну ставитъ близко къ этому народу людей, способныхъ, по крови и по душѣ, быть для крестьянъ не только честными начальниками, но хорошими друзьями и надежными защитниками. Разумѣется, будутъ промахи, прорухи въ назначеніяхъ, но они неизбѣжны и не помѣшаютъ главному быть главнымъ въ этомъ дѣлѣ, то-есть крестьянамъ, послѣ многихъ лѣтъ, увидѣть, что Царь имъ послалъ начальниковъ, съ завѣтомъ ихъ любить и о нихъ пещись». Записалъ и третью хорошую мысль. «Царю поклонъ до земли,—сказалъ одинъ пожилой и богатый помѣщикъ-земецъ,—за то, что онъ, прежде чѣмъ подумать о либеральныхъ реформахъ, подумалъ о своемъ забытомъ и заброшенномъ народѣ и

далъ ему родного, по землѣ, пѣстуна, въ видѣ начальника. А разъ они станутъ у народа вѣрными стражами его блага, либеральныя реформы легче будетъ вводить.

Противъ такихъ доводовъ за учрежденіе земскихъ начальниковъ либералы Государственнаго Совѣта продолжали упорно называть земскихъ начальниковъ будущими деспотами, а иные даже не стыдились говорить, что земскіе начальники призваны возстановлять крѣпостное состояніе. Вотъ въ такія-то минуты ярко освѣщались кривда и недобросовѣстность нашихъ либераловъ-бюрократовъ. Имъ рѣшительно было все равно, что крестьяне, три года послѣ ихъ освобожденія, съ упраздненіемъ мировыхъ посредниковъ, отданы были всецѣло въ рабское состояніе мѣстной полиціи и мѣстнаго земскаго избранника—мирового судьи; имъ все равно было, душили ли и презирали ли ихъ эти представители власти; а какъ только Государь захотѣлъ этихъ крестьянъ изъять изъ-подъ гнета полиціи и мировыхъ судей и отдать въ руки избранныхъ изъ дворянскаго земельнаго сословія, тогда у этихъ сановниковъ явилась лицемѣрная забота спасать крестьянъ, вчера ими презиравшихся, отъ деспотовъ и крѣпостниковъ изъ дворянъ!

Во всякомъ случаѣ, въ ту минуту, когда объявлялось съ высоты Престола учрежденіе земскихъ начальниковъ, гр. Толстой имѣлъ въ комъ находить надежную опору и прочное содѣйствіе его цѣлямъ. Они были и во многихъ губернаторахъ того времени, представлявшихъ собою типы не карьеристовъ, не холоповъ, а самостоятельно преданныхъ своему долгу и Государю людей; они оказались и во многихъ дворянахъ, съ радостью взявшихся за должность земскаго начальника.

Былъ въ то время въ Черниговѣ губернаторомъ А. К. Анастасьевъ. Этого крупнаго, по доблести, по энергіи и по самостоятельности, губернатора и слѣдъ исчезъ. Онъ говорилъ мнѣ: «въ моей (Черниговской) губерніи дворянство не миѳъ и не жалкій остатокъ старины; въ немъ много дворянъ; есть либералы честные, есть либеральная дрянь, но есть цѣлая рать чистокровныхъ консерваторовъ, которые пойдутъ въ земскіе начальники, какъ идетъ нашъ солдатъ на царскую службу—съ вѣрою въ Бога, съ любовью къ своему народу и къ своему Царю и съ честью въ крови и въ душѣ».

Въ то время, когда объявлено было Положеніе о земскихъ начальникахъ, и губернаторы пріѣзжали за подробными указаніями, мнѣ привелось видѣть человѣкъ десять изъ нихъ и слышать приблизительно то же самое, что говорилъ такъ энергично Анастасьевъ.

Это было хорошее время, потому что мы всѣ чувствовали въ воздухѣ побѣду чего-то живого, чего-то близкаго къ народу надъ либеральною и мертвою рутиною бюрократизма. Въ воздухѣ вѣяло также сознаніе, что Царь, рѣшая вопросъ о земскихъ начальникахъ, стоялъ ближе къ своему народу, чѣмъ къ либераламъ-бюрократамъ.

Минута историческая для Александра III была прекрасная. Простота и ясность, съ которыми онъ такъ высоко себя поднялъ, какъ Самодержецъ, внутри своего государства, совпадали съ тѣмъ необычайнымъ возвышеніемъ, на которое онъ поднялъ себя и Россію въ области международныхъ отношеній.

По поводу эпизода съ покойнымъ Половцовымъ я получилъ въ высшей степени интересную нижеслѣдующую замѣтку:

«Въ дополненіе къ вашему разсказу объ обращеніи покойнаго А. А. Половцова, при докладѣ, къ Государю съ представленіемъ, что резолюція Его Величества на меморіумѣ общаго собранія Государственнаго Совѣта будто бы не согласовалась съ преданіями Государственнаго Совѣта, считаю нужнымъ сказать, что или покойный Половцовъ не зналъ, что его заявленіе невѣрно. или зналъ, но умолчалъ о фактѣ, категорически и независимо отъ историческихъ примѣровъ, приведенныхъ графомъ Толстымъ, опровергающемъ его протестъ во имя преданій. Дѣло въ томъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ имѣлись формулы, издавна утвержденныя для Государевыхъ резолюцій, и, между прочимъ, была одна—на тотъ случай, когда Государю не угодно согласиться ни съ однимъ изъ представленныхъ въ меморіи мнѣній. Таковъ былъ случай съ проектомъ учрежденія земскихъ начальниковъ. Текстъ формулы былъ такой приблизительно: «Разсмотрѣвъ представленныя въ меморіи Государственнаго Совѣта, по дѣлу такому-то, состоявшіяся по оному мнѣнія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ постановить слѣдующее (прописывается)».

Членъ Государственнаго Совѣта изъ старыхъ.

L.

(1888 годъ).

Крушеніе царскаго поѣзда.

Хотя много лѣтъ прошло со дня крушенія царскаго поѣзда у Борокъ, на Азовской желѣзной дорогѣ, но и теперь, когда вспоминаешь все, что мы пережили въ эти первые дни послѣ 17 октября, получая ежедневно новыя подробности объ этомъ ужасномъ и, въ то же время, отрадномъ событіи, — жутко становится на душѣ отъ припоминанія этихъ многихъ подробностей, изъ которыхъ сложилась эта небывалая по драматизму желѣзнодорожная катастрофа. Драматизмъ этотъ былъ великъ и потрясающъ отъ сочетанія въ эти нѣсколько минутъ катастрофы безпредѣльнаго ужаса, съ точки зрѣнія человѣческой, съ явленіемъ чудеснаго спасенія Царя Александра III и его семьи при условіяхъ, гдѣ спасеніе должно было быть невозможнымъ, и гдѣ это спасеніе поразило каждаго изъ милліоновъ русскихъ, какъ совсѣмъ необыкновенное чудо Промысла. Какъ-будто это было вчера, въ ушахъ моихъ звучатъ слова отдѣльныхъ лицъ, которыя говорили, что чудо въ Боркахъ ихъ сдѣлало вѣрующими въ Бога.

А рядомъ съ этимъ ужасомъ поразило каждаго изъ насъ пониманіе того бездоннаго по безнравственности хаоса, который представлялъ собою инженерный желѣзнодорожный міръ. Когда свершилась на Московско-Курской желѣзной дорогѣ ужасная катастрофа кукуевская, казалось, что дальше безпорядокъ и безнравственная небрежность итти не могли. Но оказалось, что по нѣкоторымъ подробностямъ катастрофа при Боркахъ превзошла кукуевскую преступною небрежностью отвѣтственныхъ за нее лицъ.

17 октября 1888 года, поздно вечеромъ, мнѣ доставили правительственную телеграмму отъ министра Императорскаго Двора со станціи Тарановки, отъ 2-хъ час. дня, которая, по своей краткости и по отсутствію всякаго факта, не могла вызвать особой тревоги. Сказано было только, что царскій поѣздъ сошелъ съ рельсовъ на станціи Борки и что, благодаря Бога, вся Царская семья и всѣ сопровождавшія ее лица невредимы. Только на другой день пришли первыя подробности, заставившія всякаго русскаго человѣка содрогнуться отъ ужаса. Убитыхъ изъ служащихъ оказалось до двадцати, столько же раненыхъ. Два вагона превращены въ щепки. Государь съ Императрицею и со всѣми дѣтьми сидѣлъ въ столовомъ вагонѣ. Въ минуту крушенія, послѣ сильнаго толчка, весь низъ вагона со столомъ свалился на насыпь; въ ту же минуту стѣны вагона отъ сотрясенія сдвинулись, и крыша вагона должна была свалиться и раздавить всѣхъ упавшихъ на насыпь изъ столоваго вагона; но такъ какъ стѣны сдвинулись на извѣстномъ разстояніи, то крыша вагона была ими пріостановлена въ своемъ паденіи и оперлась на одинъ изъ угловъ, образовавшихся отъ сдви-

нувшихся стѣнъ, и повисла надъ всею Царскою семьею, какъ чудесное зрѣлище милости Божіей, въ эту минуту явленной. Гибель всѣхъ была такъ неизбѣжна и сотрясеніе такъ велико, что лакей, подававшій Государю въ минуту катастрофы кофе, свалился убитый на мѣстѣ; той же участи подверглась собака Государя.

И вотъ, когда мы эти подробности прочитали и узнали, что въ столовомъ вагонѣ поѣзда была собрана вся Царская семья, то-есть Государь, Императрица, всѣ три сына и двѣ дочери Государя (третья дочь была въ сосѣднемъ вагонѣ, изъ котораго она была выброшена на нѣсколько шаговъ дальше насыпи и получила только легкій ушибъ), то всѣмъ намъ пришлось долго жить подъ давленіемъ на душу ужаснаго представленія, какая страшная бѣда нависла въ эту драматическую минуту надъ Россіею. Нѣсколько минутъ послѣ катастрофы, всѣ сидѣвшіе на землѣ въ обломкахъ столоваго вагона были неподвижны и безмолвны, потомъ наступила минута, когда всѣ какъ будто опомнились, и затѣмъ у каждаго явился вопросъ, цѣлъ ли онъ и живы ли всѣ дорогіе его окружающіе. «Эта минута,—говорилъ мнѣ потомъ Государь,—не поддается никакому описанію, днемъ и ночью она ко мнѣ возвращается и захватываетъ душу». Когда Государь постигъ, что вся его семья чудесно спасена, онъ выползъ изъ-подъ обломковъ, открывая путь всѣмъ остальнымъ, и появился на пути. Увидѣвъ убитыхъ и раненыхъ, онъ заплакалъ, потомъ снялъ фуражку, набожно и благоговѣйно перекрестился и затѣмъ сталъ главнымъ распорядителемъ во всемъ, думая и заботясь обо всѣхъ и забывая только о себѣ. Да, онъ именно забылъ о себѣ, то-есть о томъ, что онъ тоже пострадалъ отъ крушенія, и

несомнѣнно испытывалъ боли, которыя превозмогалъ со своимъ обычнымъ героизмомъ. Что онъ долженъ былъ страдать, можно было догадываться по тому, что его серебряный портсигаръ въ боковомъ карманѣ былъ отъ удара сплюснутъ въ лепешку, слѣдовательно ударъ долженъ былъ получить и Государь. Но о себѣ онъ не молвилъ ни слова ни тогда ни послѣ. Уже потомъ, пять лѣтъ спустя, когда явились первые признаки болѣзни почекъ, ходить стала молва, исходившая будто бы отъ призваннаго къ Царю московскаго профессора Захарьина, что эта болѣзнь есть послѣдствіе удара въ области почекъ, полученнаго при крушеніи поѣзда.

Императрица, вмѣстѣ со всѣми своими дѣтьми, стала во главѣ ухаживающихъ за ранеными. Они сами приносили воду, дѣлали перевязки, поили чаемъ раненыхъ и ободряли ихъ ласкою и нѣжною заботливостью. Государь приказалъ послать за священникомъ для служенія панихиды по убитымъ и въ то же время, обратившись къ министру Двора, велѣлъ сдѣлать докладъ объ обезпеченіи семьи каждаго убитаго. Посланный за священниковъ разсказывалъ, какъ онъ его нашелъ въ одномъ селѣ, за нѣсколько верстъ, въ постели больнымъ. Когда священникъ узналъ о событіи и о томъ, *кто* его зоветъ, онъ немедленно всталъ съ постели, одѣлся, взялъ облаченіе и, уходя съ посланцемъ, сказалъ ему на крыльцѣ: «страшно мнѣ служить при Государѣ»; но когда, явившись на мѣсто бѣдствія, онъ увидѣлъ Государя и его семью ухаживающими за ранеными, онъ пришелъ въ такое состояніе духа, что служилъ не только безъ страха, но какъ будто забывъ все суетное земли, и каждое слово молитвы произносилъ съ какимъ-то торжественнымъ вдохновеніемъ.

Почти всѣ молившіеся плакали подъ вліяніемъ столь необыкновенныхъ, никѣмъ никогда не испытанныхъ впечатлѣній.

Государь приказалъ измѣнить свой маршрутъ и слѣдовать на Харьковъ и на Москву, чтобы у московскихъ святынь принести благодареніе Богу за чудесное спасеніе его съ семьею.

Когда, по возвращеніи въ Гатчино, Государь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы, побывавъ на могилѣ своихъ родителей въ Петропавловской крѣпости, посѣтить Казанскій соборъ, картина радостнаго восторга въ безчисленно великой толпѣ у Казанскаго собора—и, между прочимъ, всей учащейся молодежи, съ тысячами студентовъ во главѣ—была столь же необыкновенно красива и трогательна, какъ событіе, этотъ восторгъ вызвавшее. Эта картина была выраженіемъ и прообразомъ того, что дѣйствительно случилось: драма 17 октября, всѣми на Руси пережитая, тѣснѣе и теплѣе сроднила и сблизила Александра III съ Россіею и ея народомъ во всѣхъ сословіяхъ, что весьма естественно, ибо милліоны людей уже въ немъ чувствовали не только Божьяго помазанника, но избранника Божьяго чуда. И говорю я это не отъ воображенія, а потому, что много разъ приходилось въ этомъ убѣдиться изъ устъ людей.

Когда улеглись первыя волненія души около Царя и его семьи, тогда всѣхъ озаботилъ вопросъ: кто виновникъ этой катастрофы?

Въ первыя минуты, подъ вліяніемъ картины вагоновъ, превращенныхъ въ щепки, молва создала слухъ о преступномъ замыслѣ, посредствомъ взрыва, на жизнь Государя и его семьи, и явился даже сказъ о какомъ-

то исчезнувшемъ поваренкѣ; но съ первыхъ же шаговъ на пути изслѣдованія наряженною комиссіею въ которой, между прочимъ, участвовалъ Кони, мысль о покушеніи совсѣмъ была устранена, такъ какъ слишкомъ ясно обнаружилось, что виновниками катастрофы были: хозяинъ Азовской дороги, покойный столь извѣстный Самуилъ Поляковъ, его инженеры и инспекція дороги, министерство путей сообщенія и, отчасти, тогдашній министръ путей сообщенія адмиралъ Посьетъ. Поляковъ несъ отвѣтственность потому, что, въ предвидѣніи скорой покупки дороги казной, призналъ выгоднымъ возвышать доходность дороги сокращеніемъ расходовъ на ремонтъ и запустилъ дорогу до такой степени, что ревизовавшій ее за два года до катастрофы товарищъ министра путей сообщенія Шернваль представилъ докладъ министру о запущенномъ состояніе дороги и о необходимости ея ремонта, но на докладъ сей не обращено было вниманія, и даже тогда, когда извѣстенъ сталъ проѣздъ по этой дорогѣ царскаго поѣзда, ни Поляковъ, ни его инженеры, ни инспекція дороги, ни министръ путей сообщенія не признали нужнымъ приступить къ прочному ремонту линіи. Оттого Государь, полчаса послѣ катастрофы, проходя по насыпи, нагнулся и поднялъ съ пути кусокъ гнилой шпалы и показалъ его министру путей сообщенія. Потомъ всѣ проѣзжавшіе черезъ станцію Борки поднимали на мѣстѣ катастрофы куски гнилыхъ шпалъ и привозили съ собой.

Второй обвинительный пунктъ, не менѣе важный, относился прямо къ мѣстнымъ инженерамъ дороги, которые, за неимѣніемъ двухъ одинаковыхъ скороходныхъ локомотивовъ, довели небрежность до такой пре-

ступности, что поставили въ поѣздъ Государя одинъ локомотивъ на 65 верстъ въ часъ, а другой товарный, на 25 верстъ въ часъ, и это было главною причиною той разрушительной силы, съ которою поѣздъ, идя по наклону, сошелъ съ рельсовъ.

Наконецъ третій обвинительный пунктъ предъявленъ былъ къ адмиралу Посьету, за то, что онъ велѣлъ прицѣпить къ царскому поѣзду спереди свой тяжелый и непрочный вагонъ, на опасность для поѣзда и на непрочность коего начальники станцій отъ самаго Севастополя обращали вниманіе Посьета, умоляя его велѣть отцѣпить вагонъ, но Посьетъ не соглашался, несмотря на то, что на каждой почти станціи приходилось чинить этотъ вагонъ и задерживать поѣздъ. А у станціи Борки этотъ вагонъ сталъ разрушаться въ пути, и онъ-то, соскочивъ съ рельсовъ, вызвалъ своею грузностью сходъ съ рельсовъ другихъ вагоновъ съ особенно разрушительною силою. Такимъ образомъ, несомнѣнно выяснилось, что не будь товарный локомотивъ прицѣпленъ къ локомотиву пассажирскому, и не будь впереди поѣзда вагона министра путей сообщенія, не было бы катастрофы 17 октября.

Слѣдствіе было окончено, но, въ виду обнаруженной имъ отвѣтственности министра путей сообщенія, разныя тайныя вліянія привели это слѣдствіе къ забвенію. По странной ироніи судьбы, хозяинъ своего вагона, адмиралъ Посьетъ, благополучно уцѣлѣлъ, будучи во время катастрофы въ царскомъ вагонѣ, а работавшій цѣлый годъ надъ обнаруженіемъ безпорядковъ на Азовской дорогѣ баронъ Шернваль, сидя въ своемъ купэ, получилъ сильныя контузіи и чуть ли не переломъ ноги и былъ вынесенъ

въ опасномъ положеніи изъ вагона, но потомъ поправился.

Въ ноябрѣ того же года адмиралъ Посьетъ былъ уволенъ отъ должности министра путей сообщенія. Ему не везло. Какъ морякъ, онъ командовалъ фрегатомъ «Александръ Невскій», потерпѣвшимъ крушеніе; какъ министръ путей сообщенія, онъ понесъ нравственную отвѣтственность за крушеніе царскаго поѣзда у Борокъ.

LI.

(1888 годъ).

Смерть императора Вильгельма I-го.

День рожденія Государя, 26 февраля, съ утра отуманился пришедшимъ изъ Берлина извѣстіемъ о кончинѣ великаго старца-императора Вильгельма Перваго. Извѣстіе это не было неожиданнымъ. Съ 22 февраля императоръ почувствовалъ слабость и, по совѣту докторовъ, долженъ былъ оставаться въ постели и какъ можно менѣе заниматься дѣлами. Первое 92-лѣтній старецъ соблюлъ, но второму совѣту не подчинился, хотя немедленно призвалъ своего внука, нынѣшняго императора Вильгельма II, и возложилъ на него обязанность вести и рѣшать текущія дѣла. А когда его дочь, принцесса Баденская, за два дня до его кончины умоляла его не заниматься никакими дѣлами, старецъ-императоръ въ отвѣтъ сказалъ замѣчательныя слова: «*Мнѣ нѣтъ уже времени на усталость*». Въ этихъ словахъ сказался весь этотъ великій слуга своего долга. Всего болѣе въ эти послѣдніе дни, въ сознаніи своей близкой кончины, императоръ бесѣдовалъ со своимъ

внукомъ Вильгельмомъ, прозрѣвая его скорое воцареніе, въ виду безнадежной болѣзни его отца, кронпринца Фридриха. Въ одной изъ этихъ бесѣдъ онъ сказалъ своему внуку: «люби и уважай Императора Александра, намъ лучше будетъ отъ добрыхъ отношеній съ Россіею». Слово *великій* въ примѣненіи къ этому монарху не могло быть преувеличеннымъ, совсѣмъ независимо отъ того величія, которымъ судьба прославила его царствованіе рядомъ побѣдъ на поляхъ битвы. Онъ былъ великъ, какъ монархъ, своими высокими нравственными качествами, какъ христіанинъ—своимъ безпредѣльнымъ служеніемъ долгу и своимъ безграничнымъ патріотизмомъ, какъ сынъ своего отечества, и, наконецъ, онъ былъ великъ своимъ смиреніемъ, и если про него можно сказать, что ни одинъ монархъ не имѣлъ такъ много славныхъ дней, то можно также сказать, что ни одинъ монархъ не былъ во славѣ такъ смиренъ, какъ онъ. Равнымъ ему по смиренію былъ одинъ Монархъ на свѣтѣ—это нашъ Александръ III, и замѣчательно, что въ моихъ воспоминаніяхъ сохранились слова, сказанныя Вильгельмомъ I про своего державнаго внука и переданныя мнѣ нашимъ посломъ въ Берлинѣ. Онъ сказалъ по нѣмецки: «онъ такъ смиренъ!»

Какъ одно изъ прекрасныхъ проявленій этого смиренія императора Вильгельма, умѣстно здѣсь повторить маленькій разсказъ покойнаго Императора Александра II про слова своего дяди Вильгельма I, сказанныя въ Эмсѣ. Они сидѣли оба на скамейкѣ въ аллеѣ. Публика собиралась кругомъ, чтобы на нихъ глядѣть. Александръ II высказалъ шутя: «Однако, насъ преслѣдуютъ». Въ это время невдалекѣ показался Бисмаркъ, направлявшійся

по другой аллеѣ. Тогда Вильгельмъ обратился къ Александру II со слѣдующими словами: «Вотъ идетъ Бисмаркъ, теперь ты можешь быть спокоенъ: онъ отберетъ у насъ всю публику». Затѣмъ замѣчательное доказательство высокаго пониманія долга императоръ Вильгельмъ проявилъ въ своей первой молодости на такой почвѣ, гдѣ очень рѣдко добровольно человѣкъ ставитъ долгъ выше самаго сильнаго и чистаго сердечнаго чувства первой любви. Эта первая любовь была весьма поэтична. Въ 1814 году, молодымъ офицеромъ, принцъ Вильгельмъ полюбилъ принцессу Елизавету Радзивиллъ, отецъ которой, князь Антонъ, находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ Гогенцоллернами. Это родство давало принцу Вильгельму надежду назвать принцессу Радзивиллъ своею невѣстою. Король-отецъ Фридрихъ-Вильгельмъ III сочувствовалъ надеждамъ своего любимца второго сына, но опрошенные объ этомъ бракѣ авгуры юрисдикціи дали отзывъ, непризнававшій права принцессы по крови быть неморганатическою супругою принца Вильгельма, и влюбленный принцъ долженъ былъ подчиниться этому рѣшенію, такъ какъ отецъ его король сказалъ ему, что противъ юридическаго рѣшенія вопроса не считаетъ себя въ правѣ итти. Съ этою чистою любовью въ сердцѣ принцъ Вильгельмъ цѣлыя 14 лѣтъ прожилъ въ роли рыцаря, обожавшаго богиню своего сердца, и только въ 1828 году рѣшился просить руки принцессы Августы Веймарнской. При этомъ замѣчательно, что супруга принца Вильгельма, принцесса Августа, какъ бы раздѣляла постоянное обожаніе своего супруга къ принцессѣ Радзивиллъ и была ея лучшимъ другомъ до самой ея смерти. Во всякомъ случаѣ, та-

кая побѣда чувства долга надъ чувствомъ первой любви и превращеніе себя изъ жениха въ рыцари какого-то идеальнаго культа доказали, какъ велика была по благородству личность будущаго императора Вильгельма I.

Для насъ, русскихъ, память Вильгельма I должна быть дорога потому, что изъ королей прусскихъ онъ всѣхъ болѣе и честнѣе любилъ русскихъ Царей и Россію. Я помню, какъ при проѣздѣ черезъ Берлинъ я встрѣчалъ «Подъ липами» старика-императора въ коляскѣ, съ кучеромъ съ бородою, въ русскомъ одѣяніи, и съ парою рысаковъ въ русской упряжи. Одинъ нѣмецъ мнѣ говорилъ: «это маленькая вещь, русская упряжь, но этимъ императоръ показываетъ свои русскія симпатіи». Я помню также, по разсказамъ очевидца, съ какимъ искреннимъ участіемъ и сочувствіемъ къ Россіи онъ слѣдилъ за нашею послѣднею войною въ 1877 году съ Турціею. На столѣ его лежала безсмѣнно карта военныхъ дѣйствій какъ въ Европейской Турціи, такъ и на Кавказѣ, вся размѣченная булавками; одинъ изъ русскихъ, тогда бывшихъ въ officio въ Берлинѣ, мнѣ разсказывалъ, что онъ въ бесѣдѣ съ императоромъ не разъ къ своему стыду обнаруживалъ, что послѣдній лучше зналъ детали, чѣмъ онъ. По этому поводу повторю здѣсь два интересныхъ эпизода.

Слѣдя за движеніемъ къ Добруджѣ генерала Циммермана, одного изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, императоръ Вильгельмъ сердился на него, что онъ не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, и однажды на поданной ему реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ не удержался и начерталъ экспромтомъ ставшую знаменитою фразу: Aber was bummelt der Zimmermann in der Dobrudja herum?».

Затѣмъ, въ октябрѣ 1877 года императоръ Вильгельмъ, при свиданіи съ тѣмъ же русскимъ, о которомъ я вспоминаю, говоритъ ему: «Ну, теперь приходится снимать булавки и закрывать мою карту». — Отчего такъ?—спрашиваетъ русскій. «Оттого, отвѣчаетъ императоръ, что Мольтке мнѣ сказалъ, что переходить Балканы зимою невозможно». — Ваше величество, отвѣчаетъ ему русскій,—для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Перейти черезъ Чертовъ мостъ тоже считалось невозможнымъ; погодите закрывать карту. «Хорошо, отвѣтилъ императоръ,—не закрою». Потомъ, когда въ ноябрѣ взятъ былъ ночнымъ штурмомъ Карсъ, и въ самую суровую пору наши войска переходили побѣдоносно Балканы, императоръ Вильгельмъ, при встрѣчѣ съ русскимъ, говоритъ ему съ сіяющимъ отъ радости лицомъ: «Какъ я радъ, что мой Мольтке ошибся».

Какой двойною драмою была минута кончины императора Вильгельма! Одна драма была его кончина; другая — вступленіе на престолъ умирающаго кронпринца Фридриха II, жившаго въ Санъ-Ремо. Незадолго до послѣдней болѣзни своего отца, больному ракомъ въ горлѣ кронпринцу стало вдругъ такъ худо, что говорили о близости его кончины, но за нѣсколько дней до болѣзни отца состояніе кронпринца улучшилось настолько, что извѣстіе о смерти императора Вильгельма имъ получено было на прогулкѣ съ женою пѣшкомъ. Къ нему подошелъ телеграфистъ съ телеграммою, на которой кронпринцъ прочелъ адресъ: «Императору германскому Фридриху». Новый императоръ, не распечатавъ телеграммы, положилъ ее въ карманъ и разрыдался. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ въ Берлинъ.

За день до кончины императора Вильгельма произошелъ небывалый эпизодъ. Оказалось, что Берлинъ, а изъ него весь свѣтъ, два раза былъ оповѣщенъ о смерти императора Вильгельма: 25 февраля, когда онъ былъ еще живъ, и 26 февраля, когда онъ, рано утромъ, скончался. Оказалось, что 25-го днемъ съ императоромъ сдѣлался такой припадокъ слабости, что какъ-будто прекратилось дыханіе, и сердце какъ-будто перестало биться. Доктора признали, что наступаетъ конецъ. На вопросъ принца Вильгельма, будетъ ли агонія, одинъ изъ докторовъ будто бы отвѣтилъ, что конецъ наступитъ черезъ нѣсколько минутъ. Эти слова были кѣмъ-то подслушаны, и этого было достаточно, чтобы этотъ кто-то вышелъ изъ дворца и бросился на улицу съ извѣстіемъ, что императоръ умираетъ. Другой, вѣроятно, сказалъ: «императоръ скончался», и не прошло часа, какъ по всему Берлину стали разноситься въ траурной каймѣ листки, возвѣщавшіе о кончинѣ императора; о томъ же полетѣли телеграммы по всему міру. А между тѣмъ, часъ спустя послѣ этого припадка, какъ разъ тогда, когда явились печатныя извѣстія о кончинѣ императора, онъ открылъ глаза и снова вернулся къ жизни. Извѣстія о кончинѣ исчезли съ улицъ, посланы были телеграммы, опровергавшія извѣстіе. Въ шесть часовъ утра 26 февраля великій монархъ тихо скончался.

Присутствовать на погребеніи его Государь, за себя и за Россію, поручилъ Сыну, Наслѣднику, нынѣ царствующему Государю, и двумъ фельдмаршаламъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ.

Очень характерно было первое изъявленіе воли

новаго императора, какъ проявленіе того либеральнаго образа мышленія, которое приписывали вліянію его жены, дочери королевы англійской. Это первое выраженіе воли новаго императора высказалось въ отвѣтѣ его на вопросъ, какой срокъ угодно ему назначить для траура, и было формулировано такъ: «Я не хочу издавать никакихъ приказаній на этотъ счетъ. Пусть каждый нѣмецъ выражаетъ, какъ онъ хочетъ, самъ свою печаль по поводу смерти своего монарха, и пусть каждый самъ опредѣлитъ продолжительность своего траура».

Этими словами новый императоръ началъ свое царствованіе разрушеніемъ вѣкового обычая.

LII.

Татищевскіе четверги.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ петербургскихъ сановныхъ и консервативныхъ сферахъ часто раздавалось имя Александра Александровича Татищева. «Вы у Татищева бываете?» слышался часто вопросъ. «Нельзя ли попасть на татищевскіе четверги?» говорили другіе. «Были вчера у Татищева?» или: «Интересная была вчера бесѣда у Татищева?» Этого рода отзывы слышались въ разныхъ гостиныхъ въ теченіе всего зимняго зезона. Но затѣмъ были и другіе отзывы. Они исходили отъ разныхъ накрахмаленныхъ сановниковъ, изъ тѣхъ, которые не допускали, чтобы можно было о государственныхъ вопросахъ разсуждать иначе, какъ въ опредѣленныхъ для сего государственныхъ установленіяхъ, и тѣмъ головамъ, которыхъ вицмундиръ и блестящія декораціи на груди обязываютъ признавать умными и единственными способными имѣть сужденіе о россійскомъ государствѣ. Къ этой категоріи причислялись иные министры, иные члены Государ-

ственнаго Совѣта изъ красныхъ, причемъ, когда при нихъ заговорили о татищевскихъ вечерахъ, эти сановники всегда высказывали свои горько-соленыя размышленія съ ироническою улыбочкою на губахъ. А когда, нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ Татищевъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, тогда эти ироническія улыбочки превратились у этихъ красныхъ сановниковъ въ злыя гримасы. Но объ этомъ послѣ, а пока возвращаюсь къ татищевскимъ четвергамъ.

Кто такой былъ этотъ Татищевъ?

Татищевъ по чиновному положенію былъ сенаторъ, но всего болѣе онъ былъ чистокровнымъ типомъ русскаго барина, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сенаторовъ много было въ Петербургѣ, но Татищевыхъ не только не было много, но не было вовсе, кромѣ того одного, которомъ сохранилось во мнѣ такое яркосвѣтлое воспоминаніе.

И въ то же время это была въ высшей степени оригинальная личность. «Помилуйте, — говорилъ мнѣ про него одинъ либеральный сановникъ, — онъ не умѣетъ ни говорить, ни писать».

И это совершенно было справедливо. Татищевъ не умѣлъ ни говорить, въ смыслѣ изложенія въ рѣчи извѣстнаго вопроса или извѣстной темы, и онъ же не умѣлъ писать, въ смыслѣ составленія дѣловыхъ справокъ, мнѣній, докладовъ.

А между тѣмъ, на двухъ поприщахъ, прежде чѣмъ дойти до сенатскаго sanctum sanctorum, онъ составилъ себѣ имя челóвѣка съ выдающимся здоровымъ смысломъ и способнаго администратора. Первымъ поприщемъ его гражданской службы, послѣ выхода изъ лейбъ-гусарскаго полка, была дворянская служба по

выборамъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, она прошла въ Крестецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, гдѣ онъ, съ фанатическою любовью къ своему призванію, былъ избираемъ единогласно въ предводители дворянства и составилъ себѣ не только въ Новгородской губерніи, но и въ Петербургскихъ дѣловыхъ сферахъ имя образцоваго уѣзднаго предводителя дворянства. Онъ не писалъ и не говорилъ, но, несмотря на то, онъ былъ и головою, и душою, и сердцемъ всего уѣзда: все живое, все честное, все благородное, все преданное Царю и Россіи около него группировалось, какъ около очага лучшихъ мыслей и лучшихъ чувствъ, все приходило къ нему за совѣтомъ, все обращалось къ нему за указаніями, все ему вѣрило какъ человѣку и какъ дворянину, и вслѣдствіе этого съ Татищевымъ случилось, то, что въ тогдашнее время признавалось по чиновничьимъ традиціямъ немыслимымъ. Татищевъ отъ предводительской службы шагнулъ въ губернаторы. Его назначили въ Пензенскую губернію. Здѣсь неумѣющему писать дѣловыя бумаги и неумѣющему говорить рѣчи русскому старозавѣтному барину предстало еще болѣе трудное поприще: тутъ уже пришлось быть на аренѣ, подъ взглядами цѣлой губерніи, министровъ и самого Государя. И не прошло года, какъ о Татищевѣ стали говорить, какъ объ одномъ изъ лучшихъ губернаторовъ. Чѣмъ же онъ этого достигъ?

Тѣмъ же, чѣмъ онъ достигалъ огромнаго авторитета въ своемъ уѣздѣ въ роли предводителя: тѣмъ, что онъ жилъ только для своей губерніи и про себя забывалъ, какъ въ Крестцахъ жилъ только для своего уѣзда. Онъ умѣлъ выбирать людей. У него былъ за-

мѣчательный правитель канцеляріи, котораго онъ позвалъ восполнять его недостатки: онъ прекрасно писалъ доклады и записки и умѣлъ говорить; но суть дѣла заключалась въ томъ, что все прекрасно написанное и высказанное правителемъ канцеляріи исходило, въ главныхъ мысляхъ, всегда отъ самого Татищева. Въ нѣсколькихъ словахъ на письмѣ или устно Татищевъ высказывалъ ему свою мысль. И я не разъ слышалъ, что одними изъ лучшихъ донесеній Государю и министру были донесенія отъ Татищева. А съ виду этотъ человѣкъ казался только добродушнымъ простячкомъ. И много разъ приходилось подумать: о, если бы въ Россіи губернаторами были Татищевы, какъ счастливъ былъ бы русскій народъ! Талисманомъ его былъ огромный запасъ здраваго смысла и сердца. Этотъ запасъ здраваго смысла былъ неистощимъ. Почти ежедневно онъ заѣзжалъ ко мнѣ, и не было дня, когда, уѣхавши отъ меня, онъ не оставлялъ мнѣ, или какъ вдохновеніе или какъ тему для размышленій, какую-либо ярко здравую мысль.

И вотъ, поселившись въ своемъ домѣ въ Петербургѣ, послѣ назначенія сенаторомъ, Татищевъ, вѣрный собесѣдникъ моихъ средъ, возымѣлъ мысль устроить и у себя бесѣды о политическихъ злобахъ дня, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ болѣе академическихъ формахъ. Сталъ онъ звать гостей на чашку чая. Въ обширной столовой большой столъ покрывался сукномъ, раскладывались листы бумаги, карандаши, кругомъ стола разставлялись стулья, и послѣ вступительной общей бесѣды начиналась бесѣда академическая. Всѣ разсаживались вокругъ стола; хозяинъ избиралъ предсѣдателя и затѣмъ предлагались темы для обсужденія.

Каждый, кто желалъ, высказывалъ свое мнѣніе по очереди; загорались оживленные споры; духъ порядочности до такой степени царилъ въ этомъ домѣ, что на этихъ бесѣдахъ и на этихъ спорахъ я видѣлъ то, чего ни прежде ни послѣ никогда не видѣлъ: полное уваженіе къ другому мнѣнію и, вслѣдствіе этого, отсутствіе чего бы то ни было похожаго на личныя препирательства, а еще менѣе нарушеніе приличія или вѣжливости въ обращеніи съ чужимъ мнѣніемъ.

Милый нашъ хозяинъ стоялъ у одной изъ дверей и слушалъ наши бесѣды съ живѣйшимъ интересомъ, но въ бесѣдахъ застольныхъ не участвовалъ. Въ другихъ дверяхъ подчасъ стояли «*предусмотрительные*»: это были сановники, которые пріѣзжали на приглашеніе радушнаго хозяина, но, чтобы не нисходить до общенія съ людьми всякаго ранга и съ *жалкими* любителями государственныхъ вопросовъ и не давать повода сказать, что они участвовали въ вольныхъ бесѣдахъ, они стояли у дверей, то-есть внѣ компроментной для ихъ сановнаго престижа арены. Эти фигуры даже не позволяли себѣ давать своей физіономіи какое-либо выраженіе, по которому можно было бы догадаться не только о сочувствіи высказанной мысли, но даже объ интересѣ, вызываемомъ въ нихъ тѣмъ или другимъ ораторомъ. Тѣмъ не менѣе все болѣе живыхъ и умныхъ людей приливало на эти четверговыя бесѣды, и нерѣдко не хватало для собесѣдниковъ мѣста въ этой импровизированной аудиторіи. А рядомъ съ этимъ нельзя было отрицать того, что эти жизненныя и живыя бесѣды, гдѣ постоянно мысли петербургскаго бюрократическаго міра встрѣчались въ учтивомъ поединкѣ съ мыслями пріѣзжихъ изъ провинціи людей,

постоянно разносились по петербургскимъ гостинымъ и по дѣловымъ сферамъ и мало-по-малу имѣли свое дѣйствіе, какъ вліяніе на эти сферы.

Этимъ четверги Татищева оказали извѣстную пользу времени и не могли не имѣть извѣстнаго вліянія, такъ какъ всякій, и вблизи и вдали, не могъ отрицать главной отличительной черты этой татищевской гостиной: полной самостоятельности и независимости мышленія. И какъ ни иронизировали надъ этими диллетанскими политическими бесѣдами, нельзя было помѣшать, чтобы та или другая живая и независимая рѣчь не получала въ концѣ концовъ, гуляя по Петербургу, извѣстное вліяніе на умы, даже такіе, которые привыкли à la longue считать себя монополистами въ рѣшеніи судебъ Россіи, Разумѣется, въ предусмотрительной осторожности сановниковъ относительно четверговъ Татищева игралъ главную роль, какъ всегда, страхъ попасть въ печать. Одинъ изъ такихъ видныхъ юпитеровъ мнѣ это высказалъ очень просто и ясно: «Неудобно: скажешь *а*— въ газетѣ появится *б*, скажешь два *б*, въ газетѣ появится пять *с*; а опровергать нельзя».

Боже мой, какъ теперь представить въ нашемъ мірѣ однѣхъ сплетенъ, одной рѣзкой брани, однихъ личныхъ интересовъ и страстишекъ татищевскій четвергъ, гдѣ слышались горячая любовь къ Царю, горячая любовь къ Россіи и глубокое уваженіе къ чужому мнѣнію и къ правдѣ. Онъ явился бы въ наши дни сумасшедшимъ домовъ.

LIII.

Франко-русскія демонстраціи.

Очень много шуму надѣлали въ 80-хъ годахъ франко-русскія демонстраціи. Это было явленіе весьма интересное. Надо думать, что ячейкой, изъ которой создались эти шумныя проявленія франко-русскихъ симпатій, былъ тройственный союзъ, изобрѣтенный и заключенный Бисмаркомъ и въ которомъ онъ сумѣлъ двухъ заклятыхъ враговъ, Австрію и Италію, припречь къ Германіи, въ видѣ пристяжекъ. Интереснымъ явленіемъ была также роль, весьма посредственнаго умомъ, но съ огромнымъ запасомъ воспламенительныхъ и сентиментальныхъ элементовъ въ духовномъ существѣ, Деруледа, которой не только во Франціи былъ фанатическимъ пропагандистомъ франко-русскихъ симпатій, но пріѣзжалъ и въ Россію для проповѣди своихъ идей. Зарожденіе этого новаго психическаго элемента въ международной жизни не могло получить характера довольно щекотливаго вопроса. Я лично не раздѣлялъ этихъ франко-русскихъ увлеченій, ибо, съ одной сто-

роны, принимая во вниманіе легкомысленный характеръ французовъ, а съ другой стороны, постоянную непрочность ихъ правительства въ смыслѣ политическихъ убѣжденій, мѣнявшихся съ каждою перемѣною министерства, я не могъ не находить для насъ рискованнымъ осуществленіе того, о чемъ мечтали во Франціи деруледы, а у насъ наши франкофилы,—франко-русскаго союза. Къ тому же, достаточно было пяти минутъ бесѣды съ такимъ фанатикомъ, какъ Деруледъ, чтобы убѣдиться, что эти горячія симпатіи къ Россіи относились вовсе не къ ней, а къ той idée fixe, которую эти soi disant патріоты французскіе преслѣдовали—revanche по адресу Германіи за Седанъ и за Эльзасъ и Лотарингію. Въ фанатическомъ ослѣпленіи эти французскіе патріоты съ изумительнымъ легкомысліемъ признавали возможнымъ создать имперію Буланже и, рядомъ съ этимъ, заключить союзъ франко-русскій противъ Германіи для возвращенія Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Эти двѣ нелѣпости казались деруледамъ осуществимыми, и къ стыду нашему приходится припомнить, что эта idée fixe, легшая въ основу деруледскаго франко-русскаго союза, до извѣстной степени поджигала и нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ и представителей русскаго общества, которыхъ какъ-будто не только не ужасала, но ласкала перспектива такой монструозной нелѣпости, какъ союзъ съ Франціей, съ цѣлью ей помочь вернуть Эльзасъ и Лотарингію, а намъ получить ея мерси и разрушеніе нашей вѣковой традиціи добрыхъ отношеній съ Германіей. Со стороны французскихъ деруледовъ мечта о вовлеченіи насъ въ войну за интересы Франціи была понятна, но чтобы у насъ увлеченіе французской дружбой могло

у иныхъ людей доходить до готовности ставить на карту наше «быть или не быть», это казалось многимъ благонамѣреннымъ людямъ безграничнымъ безуміемъ.

Какъ бы то ни было, но чтобы выяснить себѣ окончательно вопросъ: á quoi s'en tenir, я отправился къ нашему почтенному министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу, съ цѣлью узнать, неужели правда то, что говорили во франкофильскихъ кружкахъ,—что стремленіе къ франко-русскому союзу исходитъ сверху. Гирсъ, какъ всегда, спокойно и ясно освѣтилъ мнѣ положеніе.

— Вы знаете нашего Государя, — сказалъ онъ мнѣ, — и, слѣдовательно, такъ же, какъ и я, можете быть увѣрены, что его, съ его спокойнымъ и здравомыслящимъ умомъ, дѣлать солидарнымъ съ увлеченіями въ политикѣ въ какую-нибудь сторону совершенно немыслимо. Симпатіи къ французскому народу—одно, а политика иностранная, связывающая Россію какими-нибудь интересами другого государства, ничего общаго съ нашими интересами не имѣющими,—другое. Первое Государь допускаетъ въ размѣрахъ платоническихъ демонстрацій, но второго онъ безусловно не допускаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ дорожитъ хорошими отношеніями съ Германіей и съ ея императоромъ и, кромѣ того, находитъ, мнѣ кажется, совершенно основательно, что свобода отъ всякихъ союзовъ есть самое лучшее политическое положеніе для Россіи.

Вотъ, приблизительно, то, что мнѣ передалъ Гирсъ, и я могъ получить желанное успокоеніе. Согласно этимъ словамъ Гирса, разыгравшіяся сперва къ Тулонѣ, а потомъ въ Кронштадтѣ франко-русскія демонстраціи моряковъ съ обѣихъ сторонъ носили именно

платоническій характеръ и, надо отдать имъ справедливость, обѣими сторонами былъ соблюденъ тактъ, благодаря чему ни разу въ эти проявленія взаимныхъ симпатій не проникла политика.

Потомъ, однако, пронеслось тревожное вѣяніе, о которомъ я узналъ изъ политическихъ сферъ до извѣстной степени освѣдомленныхъ, — будто подписанъ франко-русскій союзный договоръ оборонительный и наступательный. Я пришелъ въ смущеніе отъ вопроса: какъ согласить такой тревожный слухъ съ тѣмъ, что Гирсъ недавно мнѣ говорилъ успокоительнаго? Тогда я снова обратился за разъясненіями къ Гирсу и отъ него узналъ, что дѣйствительно что-то было подписано, но это «что-то» было весьма мало похоже на договоръ оборонительнаго и наступательнаго союза. Дѣло въ томъ, что со стороны французской было сдѣлано предложеніе составить нѣчто въ родѣ военнаго соглашенія. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Государя, то Государь будто бы сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ принципіально противъ военнаго соглашенія, но что прежде всего онъ желаетъ видѣть проектъ такого соглашенія. Проектъ былъ разработанъ общимъ соглашеніемъ французскаго и нашего военныхъ вѣдомствъ, скрѣпленъ подписями этихъ представителей и представленъ на разсмотрѣніе Государя. На этомъ оборвалось начатое дѣло о франко-русскомъ союзѣ. Когда, послѣ этой эпохи усиленныхъ франко-русскихъ морскихъ манифестацій, я видѣлся съ Государемъ и съ осторожностью коснулся вопроса объ этой эпохѣ, я могъ изъ того, что Государь мнѣ сказалъ, вывести заключеніе, что съ обѣихъ сторонъ явились хоть и маленькія, но все же препятствія къ тому, чтобы сим-

патіи обѣихъ націй, которымъ Государь сочувствовалъ, вложить въ рамки военнаго союза, а тѣмъ паче политическаго, и онъ призналъ болѣе согласнымъ съ интересами мира быть свободнымъ отъ всякихъ союзныхъ обязательствъ. Здѣсь я опять получилъ возможность встрѣтиться съ простымъ и мудрымъ политическимъ взглядомъ Императора Александра III.

И дѣйствительно, проявленію народныхъ симпатій въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ Государь далъ полный просторъ. Онъ самъ принималъ въ своемъ дворцѣ офицеровъ французской эскадры, онъ посѣтилъ французское адмиральское судно; адмиралъ эскадры Жерве, въ высшей степени симпатичный морякъ стараго французскаго флота, не взирая на то, что онъ далеко не былъ старъ, сталъ героемъ Петербурга, и картина французскихъ моряковъ въ коляскахъ, окруженныхъ громадною толпою публики, бросавшеюся къ нимъ съ проявленіями самого горячаго энтузіазма, картина совсѣмъ новая въ Петербургѣ,—все это, какъ краснорѣчивое проявленіе взаимной дружбы двухъ націй, получало до извѣстной степени характеръ историческаго событія и было цѣнно именно тѣмъ, что происходило на полномъ просторѣ, коего свобода не могла никѣмъ быть признана послѣдствіемъ какого-нибудь дѣланнаго и, слѣдовательно, принудительнаго договора.

Вспоминая объ этомъ, я имѣю причину сказать нѣсколько словъ о моей одинокой, такъ сказать, роли въ печати по вопросу объ этой вспыхнувшей съ двухъ сторонъ горячей симпатіи. Я одинъ строго держался принципа несліянія французскаго народа, симпатіи къ которому могъ раздѣлять со всѣми, съ французскимъ правительствомъ, ибо былъ твердо убѣжденъ, что по-

слѣднее только для формы проявляетъ солидарность съ энтузіазмомъ своихъ моряковъ, и именно потому, что французское правительство, обязанное служить только кумирамъ революціи и соціализма, оно не можетъ искренно сочувствовать братанью моряка, своего республиканскаго флота съ православнымъ морякомъ,вѣрноподданнымъ русскаго Монарха-Самодержца. Потомъ, когда я ежегодно сталъ бывать въ Парижѣ, я убѣдился, насколько я былъ правъ въ своей одинокой роли по отношенію франко-русскихъ отношеній, получившихъ названіе alliance franco-russe. Но и до этого я убѣдился въ своей правотѣ потому, что нашелъ въ фактѣ, что адмиралъ Жерве, который сдѣлался героемъ и любимцемъ Россіи, былъ таинственными силами преданъ немилости и никакого уже шага въ своей карьерѣ сдѣлать не могъ подъ гнетомъ этой немилости.

Произошелъ другой фактъ, который могъ подтвердить то, что я говорилъ всегда въ эпоху французскихъ увлеченій: любить французскій народъ понятно, французскаго моряка и солдата—тѣмъ паче, но вѣрить солидарности французскаго правительства съ этими симпатіями французскаго простого народа—глупо. Фактъ былъ слѣдующій. Небрежное отношеніе къ оцѣнкѣ личности, назначаемаго къ русскому Государю посла выразилось со стороны французскаго правительства въ назначеніи, какъ бы для контраста съ адмираломъ Жерве, другого адмирала (фамилію его забылъ). Этотъ новый посолъ—какъ говорили тогда, изъ демократовъ понятія не имѣлъ о манерахъ себя держать въ свѣтскихъ гостиныхъ и не только въ салонахъ большого свѣта, но во дворцѣ всѣхъ смущалъ своимъ полнымъ незнаніемъ этикета и салонной вѣжливости. Кончи-

лось тѣмъ, что французское правительство должно было его отозвать, послѣ чего былъ довольно долгій періодъ времени, въ теченіе котораго замѣститель не назначался. Въ теченіе этого періода я вызвалъ своего рода дипломатическій инцидентъ, высказавъ въ «Дневникѣ» «Гражданина» слѣдующую мысль: благо, повидимому, такъ трудно найти замѣстителя отозванному адмиралу-послу, то не проще ли будетъ упростить миссію и поручить парикмахеру Моллэ, столь любимому петербуржцами и всѣмъ высшимъ обществомъ, быть агентомъ для дипломатическихъ дѣлъ: онъ пользуется всеобщими симпатіями, знаетъ Петербургъ и манерами куда лучше отозваннаго адмирала. Въ тотъ же день французскій повѣренный въ дѣлахъ поѣхалъ къ Гирсу съ протестомъ; Гирсъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ: министръ послалъ за мною, чтобы дать мнѣ нахлобучку, а во французскихъ газетахъ я былъ объявленъ врагомъ Франціи. Но самое характерное въ этомъ инцидентѣ было то, что одинъ мой пріятель, въ день появленія моего дневника о Моллэ, отправился къ нему и, сказавъ ему, что я его прочу въ дипломатическіе агенты въ Петербургѣ, прочелъ въ переводѣ мои строки. Послѣ чтенія Моллэ погрузился въ раздумье и затѣмъ, сдѣлавъ бравурный жестъ, сказалъ:

— Au fond pourquoi pas? (Отчего нѣтъ?).

Когда я пріѣхалъ въ первый разъ въ Парижъ, въ 1896 году, я убѣдился, что моя репутація врага Франціи прочно укрѣпилась. Я тогда устраивалъ благотворительный базаръ и закупалъ товары. Когда я произносилъ свое имя, сейчасъ же хозяинъ магазина дѣлалъ гримасу и говорилъ:

— Это вы, врагъ Франціи? Я вамъ уступки не сдѣлаю.

Мнѣ стоило большого труда убѣждать каждаго, что я врагъ не Франціи, которую я люблю и всегда любилъ, а французскаго правительства, и, только убѣдивъ каждаго, я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Да, если такъ, тогда простите, я вашъ другъ и сдѣлаю вамъ какую угодно уступку.

LIV.

(1889 годъ).

Мысли о земскихъ начальникахъ.

Если, какъ я писалъ выше, много понадобилось со стороны правительства энергіи, труда и настойчивости, чтобы провести законъ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, то, пожалуй, еще больше труда и энергіи требовалось для проведенія этого новаго учрежденія въ жизнь. И если въ Государственномъ Совѣтѣ большинство членовъ, подъ давленіемъ нѣсколькихъ доктринеровъ-либераловъ, высказалось противъ новаго учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было начертано въ проектѣ графа Толстого, и потребовало измѣненія его въ смыслѣ ограниченія власти и компетенціи будущихъ земскихъ начальниковъ, то само собою разумѣется, что когда началось введеніе этого учрежденія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было радикально измѣнено личною волею Императора Александра III, оппозиція въ интеллигенціи и въ большей части органовъ печати, въ предѣлахъ возможнаго, накинулась на это учрежденіе съ особенною страстностью и, какъ

всегда, съ особеннымъ желаніемъ даже не задумываться надъ благими сторонами этого учрежденія. Главное, съ чѣмъ эта оппозиція не могла мириться, составляли слѣдующіе гріефы (русскаго слова не подберу): 1) упраздненіе излюбленнаго либералами учрежденія мировыхъ судей въ уѣздѣ, 2) соединеніе съ административною земскою властью судебной власти по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и 3) требованіе, чтобы земскіе начальники назначались изъ мѣстныхъ земельныхъ дворянъ.

Появленіе этой оппозиціи во имя вышеозначенныхъ трехъ причинъ нельзя было не назвать печальнымъ знаменіемъ времени, такъ какъ она слишкомъ явно была недобросовѣстна, ибо изъ-за чисто-либеральныхъ теоретическихъ и отвлеченныхъ соображеній, не оправданныхъ ни однимъ практическимъ и жизненнымъ аргументомъ, какъ въ Государственномъ Совѣтѣ, при обсужденіи проекта, такъ потомъ, при его введеніи въ дѣйствіе, въ печати, оппозиція знать не хотѣла тѣхъ жгучихъ нуждъ деревни въ Россіи, которыя столь убѣдительно показывали, насколько учрежденіе земскихъ начальниковъ удовлетворяло именно эти жгучія нужды. Главнѣйшею изъ этихъ нуждъ была полная безпомощность крестьянскаго населенія, обреченнаго прозябать между гнетомъ надъ нимъ безотвѣтственной полиціи и еще болѣе сильнымъ гнетомъ безотвѣтственнаго мирового судьи, доходившимъ въ то время до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что зрѣлище половины населенія, по суткамъ ожидающаго на улицѣ вызова къ суду по дѣлу самому пустому, въ рабочее время или въ морозный зимній день, стало обычнымъ явленіемъ въ уѣздной жизни. До нуждъ и страданій

десятковъ милліоновъ крестьянскаго населенія оппозиціи либераловъ не было дѣла: пускай они будутъ милліонами беззащитныхъ и безправныхъ рабовъ, лишь бы не былъ допущенъ антилиберальный принципъ сліянія судебной и административной власти въ одномъ лицѣ и лишь бы не было дворянство средою, поставляющею такихъ представителей *варварской тиранніи о двухъ властяхъ.*

Вотъ тутъ-то и пришлось оцѣнить личность такого министра внутреннихъ дѣлъ, какимъ былъ графъ Д. А. Толстой. Твердо убѣжденный въ необходимости для крестьянскаго населенія такого учрежденія, какъ земскій начальникъ, близко поставленный къ его нуждамъ, графъ Толстой ни малѣйшимъ образомъ не смущался оппозиціею въ печати и энергично проводилъ учрежденіе. И вотъ тутъ-то, глядя на энергію и желѣзную настойчивость въ исполненіи воли своего Государя, не взирая ни на что, еще, разъ пришлось сознать, какъ мудръ былъ выборъ Александра III, остановившійся на гр. Толстомъ, когда такъ легко было прислушаться къ голосамъ того большинства, которое въ Государственномъ Совѣтѣ явилось противникомъ учрежденія земскихъ начальниковъ, и остановиться на одномъ изъ этого большинства. И тогда Богъ вѣсть что стало бы съ крестьянскимъ міромъ!

Твердость и энергія гр. Толстого съ первой минуты начала введенія новаго учрежденія обезпечивали ему успѣхъ, и мы всѣ могли видѣть, что какъ ни воображали себя сильными элементы оппозиціи, стремившіеся уронить и дискредитировать новое учрежденіе съ самаго перваго его шага, энергія и твердость гр. Толстого оказались куда сильнѣе, ибо волшебнымъ

образомъ проникли собою почти всѣхъ губернаторовъ и почти всѣхъ предводителей дворянства, съ одной стороны, а съ другой стороны, и дворянскую среду во многихъ губерніяхъ; и въ провинціи, въ отвѣтъ на усилія интеллигенціи и лѣвой печати расхолодить умы и унизить новое учрежденіе, по выраженію одного губернскаго предводителя дворянства, почуялся какъ бы заговоръ всѣхъ представителей элементовъ порядка къ наилучшему осуществленію новаго учрежденія.

Настала историческая минута, напомнившая минуту 1861 года, когда всѣ свободныя и лучшія личныя силы земельнаго дворянства вступили въ ряды мировыхъ посредниковъ, но, увы, съ тою разницею, что за истекшія 28 лѣтъ земельное дворянство могло дать только остатокъ своихъ мѣстныхъ личныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ губерніяхъ предводители дворянства оказались въ состояніи завербовать нужное количество земскихъ начальниковъ, между которыми большинство оказалось способными вести новое дѣло и принялось за него съ такимъ же патріотизмомъ, съ какимъ ихъ отцы принялись за дѣло уставныхъ грамотъ. За эту работу принялись представители всѣхъ возрастовъ, и я лично имѣлъ случай познакомиться съ такими почтенными земскими начальниками, которые были мировыми посредниками перваго призыва. Разумѣется, этотъ успѣхъ введенія учрежденія земскихъ начальниковъ—успѣхъ не бумажный, а жизненный, о которомъ свидѣтельствовали нѣсколько мѣсяцевъ спустя сами крестьяне, благословлявшіе царское имя за то, что Царь имъ далъ честныхъ и любящихъ ихъ защитниковъ и радѣтелей объ ихъ нуждахъ, выз-

валъ въ интеллигенціи и въ либеральной печати усиленныя на земскихъ начальниковъ нападки и обычное примѣненіе подлаго пріема пользоваться выуживаемыми отдѣльными случаями неудачнаго назначенія земскаго начальника, чтобы позорить все учрежденіе и всѣхъ его представителей. А между тѣмъ, свѣдѣнія съ мѣстъ жизни ярко обнаруживали всю наглую ложь и недобросовѣстность нападокъ на новое учрежденіе, такъ какъ изъ разговоровъ съ крестьянами выяснилось, что двѣ главныя причины побуждали ихъ относиться къ земскимъ начальникамъ съ довѣріемъ и благодарностью къ Государю: первая причина была именно та, противъ которой ополчались такъ патетически либеральные отцы отечества въ Государственномъ Совѣтѣ, при обсужденіи проекта о земскихъ начальникахъ, и въ союзѣ съ ними либеральная и ультра лѣвая печать,— соединеніе судебной дѣятельности съ административною, а вторая причина заключалась въ томъ, что земскіе начальники большую часть времени посвящали объѣзду селеній своего участка и разбирали жалобы и споры на мѣстахъ, избѣгая, елико возможно, призыва крестьянъ въ свою камеру.

Но то, что было съ учрежденіемъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва, то, къ сожалѣнію, повторилось съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ: его золотой вѣкъ продолжался недолго. Кончина графа Толстого, поразившая и Царя и Россію, должна была отразиться и на его дѣтищѣ, учрежденіи земскихъ начальниковъ, такъ какъ въ немъ былъ главный первный узелъ, руководившій учрежденіями; и хотя преемникъ Толстого, И. Н. Дурново, старался быть твердымъ продолжателемъ завѣтовъ и взглядовъ

своего предшественника, но онъ не могъ быть ни умомъ, ни волею, ни энергіею, ни твердостью графомъ Толстымъ, и нервный узелъ, руководившій земскими начальниками, не могъ не ослабѣвать. Объ этомъ скажу дальше, хотя здѣсь утверждаютъ, что, все же, несмотря на то, что учрежденіе земскихъ начальниковъ, съ теченіемъ времени стало портиться, его крѣпкое и умѣло поставленное близко къ народу учрежденіе осталось, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, учрежденіемъ не только полезнымъ, но нужнымъ крестьянскому населенію, и тѣ, которые силятся его упразднить или преобразовать по шаблону чиновничьему, несомнѣнно хотятъ работать въ пользу разрушенія единственной прочной опоры государства—крестьянства.

Противники учрежденія земскихъ начальниковъ какъ тогда, такъ и теперь были между соціалистами и интеллигенціею и между высшею бюрократіею. Первымъ если не Богъ, то сатана велѣлъ быть врагами учрежденія, которое призвано было ввести порядокъ въ деревнѣ и внушить крестьянину довѣріе къ представителямъ власти, близкой ему разумомъ и сердцемъ и которое такимъ именно оказалось; но какъ объяснить себѣ, что и тогда могли быть и теперь противниками этого учрежденія могутъ быть не только царскіе сановники, но царскіе министры, послѣ истекшихъ 22 лѣтъ, въ теченіе которыхъ угрожавшій Россіи страшнѣйшій деревенскій бунтъ въ 1904 и 1905 гг. оказался неосуществимымъ только благодаря учрежденію земскихъ начальниковъ? Этого объяснить никто не можетъ иначе, какъ ихъ легкомысліемъ и неимѣніемъ изъ-за бумажнаго дѣла, времени вдумываться въ сущность и въ подробности государственнаго вопроса. И

если тогда, въ 1904 и 1905 гг., когда начались деревенскіе мятежи, было для всѣхъ несомнѣнно, что, благодаря уцѣлѣвшему, по твердой волѣ Сына Александра III, учрежденію земскихъ начальниковъ противъ попытокъ къ его уничтоженію, мятежъ въ деревнѣ могъ быть скоро потушенъ и ограниченъ, то столь же несомнѣнно, что и въ настоящее время, если та же твердость Царя не отстоитъ это учрежденіе уже противъ болѣе рѣшительной попытки его изуродовать и свести къ нулю со стороны коалиціи министра юстиціи съ Государственною Думою, посредствомъ проекта мѣстнаго суда,—весь крестьянскій многомилліонный міръ уже никѣмъ не будетъ защищенъ и ничѣмъ не огражденъ отъ возможности чудовищныхъ мятежей.

Скрытые составители проекта министра юстиціи—реформы мѣстнаго суда—этого и хотятъ, но сомнительно, чтобы Царь въ 1911 или въ 1912 году захотѣлъ допустить то, что Онъ столь мудро и твердо не допустилъ десять и шесть лѣтъ раньше.

LV.

К. П. Побѣдоносцевъ и Т. И. Филипповъ.

Съ 60-хъ годовъ у меня установились самыя дружескія отношенія съ покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ, и продолжались эти отношенія до конца 80-хъ годовъ, въ итогѣ длились болѣе двадцати лѣтъ. Въ этихъ отношеніяхъ я цѣнилъ К. П. Побѣдоносцева, какъ собесѣдника, умными и, до извѣстной степени, оригинальными рѣчами коего я всегда наслаждался, и какъ критика моей публицистической дѣятельности съ 1872 года, когда я началъ издавать «Гражданинъ». Какъ человѣкъ, онъ для меня всегда былъ похожъ на барометръ, стоящій на срединѣ между хорошею и перемѣнною погодою; а объяснялъ я себѣ это тѣмъ, что онъ былъ очень личенъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и, надѣляя меня своею дружбою,—я это понималъ и чувствовалъ,—не допускалъ, чтобы я могъ дружить съ тѣми, которыхъ онъ не жаловалъ, а тѣмъ паче не терпѣлъ. Въ то же время въ своихъ credo онъ былъ нетерпимъ. Я помню, что еще покойный Цесаревичъ Николай Александро-

вичъ, котораго онъ обучалъ законовѣдѣнію, говорилъ про него, что, при всѣхъ добрыхъ къ нему чувствахъ, онъ одно въ немъ осуждаетъ, это—нетерпимость.

Какъ государственный человѣкъ, Побѣдоносцевъ представлялъ весьма интересное сочетаніе сильнаго свѣтомъ и логикою критическаго ума съ безпомощностью этого большого ума въ области отвѣтовъ на вопросы: что дѣлать, что предпринять, какъ поправить, какого держаться опредѣленнаго пути. Онъ непреложимо ясно и вѣрно доказывалъ и говорилъ: «вы заблудились, сбились съ пути», но никогда не могъ сказать, какъ же выйти на настоящій путь. Онъ мѣтко критиковалъ мѣропріятія, и покойный Императоръ Александръ III часто пользовался во благо его критикою, но ни разу въ продоженіе его царствованія Побѣдоносцевъ не указалъ Императору на какую-либо нужную государственную мѣру. Велика была заслуга его критическаго ума въ первые дни царствованія Александра III, когда нужно было воспрепятствовать осуществленію либеральной программы покойнаго графа Лорисъ-Меликова не потому, что эта программа была по существу и принципіально непріемлемой, но потому что онъ основательно своимъ большимъ умомъ сознавалъ, что нельзя начинать царствованіе послѣ 1-го марта съ либеральныхъ реформъ, такъ какъ онѣ могли быть истолкованы въ ущербъ, авторитету и нравственной силѣ Царской власти, какъ дѣйствіе, вынужденное злодѣяніемъ перваго марта. Заслуга эта была историческая по своей важности, но въ то же время, ни разу въ теченіе тринадцати лѣтъ царствованія Александра III не только Побѣдоносцевъ не подалъ ему совѣта коснуться государственнаго строя, не въ смыслѣ пошло-

либеральной рутины, но въ смыслѣ ослабленія бюрократическаго гнета и приближенія народа къ Престолу, но всегда являлся неумолимымъ критикомъ всякой мысли, къ этой цѣли направленной, отъ кого бы она ни сходила. Мало того: когда впервые появился на политическомъ горизонтѣ покойный Пазухинъ, съ его мыслью о будущихъ земскихъ начальникахъ, для того, чтобы дать крестьянину защитника и блюстителя порядка въ деревнѣ, близкаго ему по духу, Побѣдоносцевъ, вѣрный традиціямъ своего духовнаго *я,* начиналъ свою рѣчь съ одобренія этой мысли Пазухина, а затѣмъ являлось словечко «но», и начиналась критика этой мысли, такъ что, когда мысль Пазухина преобразилась въ проектъ гр. Толстого, одобренный Государемъ, Побѣдоносцевъ воздержался отъ активной поддержки этого проекта.

Съ тѣмъ же критическимъ и почти отрицательнымъ умомъ относился Побѣдоносцевъ и къ личности человѣка. Въ каждомъ сужденіи о человѣкѣ главную роль почти всегда играло словечко «но», которое неизбѣжно слѣдовало за тѣми словами, которые въ началѣ фразы выражали одобреніе. Помню, какъ однажды заговорили въ присутствіи Побѣдоносцева и покойнаго Тертія Ивановича Филиппова объ одномъ человѣкѣ, противъ котораго никто не могъ сказать ничего дурного, такъ какъ онъ былъ прекрасною личностью, пользовавшеюся всеобщимъ уваженіемъ. Побѣдоносцевъ вмѣшался въ разговоръ, но такъ какъ по первымъ же словамъ его можно было ожидать рокового «но», Т. И. Филипповъ его прервалъ, сказавъ: «Константинъ Петровичъ, неужели вы и его не пощадите?», и Побѣдоносцевъ своего «но» высказать такъ и не рѣшился.

Тутъ кстати повторить воспоминаніе о шекспировскомъ словѣ Побѣдоносцева, выразившемъ его мнѣніе о людяхъ. Къ нему однажды зашелъ Филипповъ, со спеціальной цѣлью задать ему вопросъ: правда ли, что онъ беретъ себѣ въ товарищи такого-то?

— А что?—отзывается Побѣдоносцевъ.

— Да вѣдь онъ подлецъ, — выпаливаетъ Филипповъ.

— А кто нынче не подлецъ!—отвѣчаетъ Побѣдоносцевъ остолбенѣвшему отъ этого слова Филиппову.

Этотъ характерный эпизодъ имѣлъ свое продолженіе, не менѣе характерное.

Филипповъ идетъ къ графу Делянову и передаетъ ему слова Побѣдоносцева.

На это графъ Деляновъ добродушно отвѣчаетъ, въ защиту того лица, которое Филипповъ назвалъ подлецомъ:

— Ну, какой же онъ подлецъ, онъ просто только *двоедушный!*

Во всякомъ случаѣ, какъ въ теченіе болѣе 20-лѣтнихъ дружескихъ отношеній съ Побѣдоносцевымъ мнѣ ни разу не пришлось услыхать отъ него положительнаго указанія въ какой-либо области, что надо сдѣлать взамѣнъ того, что онъ порицаетъ, такъ не приходилось слышать прямо и просто сказаннаго хорошаго отзыва о человѣкѣ. Въ связи съ этою чертою его умственнаго склада была частная неудача въ выборѣ лицъ. Сколько помню, за все время его долголѣтняго пребыванія на вершинахъ іерархической лѣстницы имъ выдвинуты были только двѣ выдававшіяся личности, способныя и самостоятельныя, это — Манасеинъ, благодаря вліянію Побѣдоносцева назначенный

министромъ юстиціи, и Саблеръ, имъ избранный въ товарищи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Его вліянію приписывали назначеніе гр. Д. А. Толстого въ преемники графа Игнатьева, но исторически это не вѣрно, ибо, какъ я писалъ выше въ «Моихъ воспоминаніяхъ», мысль о графѣ Толстомъ была впервые высказана мною въ одномъ изъ дневниковъ «Гражданина», и въ день, когда вышелъ номеръ «Гражданина» съ этимъ дневникомъ, я съ удивленіемъ, при встрѣчѣ съ Побѣдоносцевымъ въ Лѣтнемъ саду, услыхалъ отъ него то, чего никогда отъ него не слышалъ, когда называлъ лицъ, подходящихъ, по моему мнѣнію, къ той или другой должности, — подчеркнутое одобреніе.

Но совсѣмъ другое случилось, когда, въ концѣ 80-хъ годовъ, открылась вакансія государственнаго контролера. Товарищемъ контролера былъ тогда Т. И. Филипповъ. Въ сановныхъ сферахъ считали кандидатомъ на открывшуюся вакансію государственнаго контролера этого самаго Филиппова, такъ какъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучилъ дѣло государственнаго контроля до мельчайшихъ подробностей и, къ тому же, былъ замѣчательно способный работникъ. Но одинъ государственный человѣкъ былъ противъ этой кандидатуры, и этотъ одинъ былъ Побѣдоносцевъ. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ Филиппова и, смѣшно сказать, причиною этой вражды было то, что французы называютъ jalousie du mêtier. Филипповъ считался, и не безъ основанія, лучшимъ знатокомъ церковныхъ вопросовъ и, какъ говорится, мозолилъ глаза Побѣдоносцеву, какъ соперникъ, про котораго нерѣдко говорили: вотъ кому быть оберъ-прокуроромъ Синода. И вотъ, когда заговорили о кандидатурѣ Фи-

липпова на постъ государственнаго контролера, Побѣдоносцевъ съ особенною энергіею возсталъ противъ и, къ удивленію многихъ, въ порывѣ этой энергіи противъ Филиппова дошелъ до того, что принялся проводить человѣка, про котораго сколько разъ я изъ его собственныхъ устъ слышалъ самые нелестные выпады: человѣкъ этотъ былъ знаменитый любимецъ фортуны А. А. Половцовъ. Какъ разъ въ это время я имѣлъ возможность въ бесѣдѣ съ Государемъ коснуться этого вопроса и услыхать отъ него, что дѣйствительно Побѣдоносцевъ проводитъ въ государственные контролеры Половцова, но что онъ не понимаетъ, съ чего онъ придумалъ для этой должности Половцова, совсѣмъ съ этимъ дѣломъ не знакомаго, когда Филипповъ къ ней подготовленъ долголѣтнею практикою. Затѣмъ Государь пригласилъ къ себѣ Филиппова и сказалъ ему почти тоже самое, а черезъ два дня состоялось его назначеніе государственнымъ контролеромъ. И вотъ то событіе разомъ порвало мои двадцатилѣтнія дружескія отношенія съ Побѣдоносцевымъ, и изъ одной ненависти къ Филиппову въ сердцѣ Побѣдоносцева родилась вторая ненависть—ко мнѣ, долго не стихавшая не взирая на то, что я никогда въ эпоху этой ненависти не переставалъ въ немъ уважать все то, что его отличало отъ многихъ государственныхъ людей. И любопытна была причина этой вдругъ вспыхнувшей ненависти: хотя, какъ всегда, я никому не говорилъ о моей бесѣдѣ съ Государемъ, но Побѣносцевъ былъ увѣренъ, что я велъ какую-то подпольную интригу противъ его кандидата Половцова въ пользу Филиппова, и это призналъ достаточнымъ, чтобы разрушить долголѣтнія хорошія отношенія. Какъ бы то ни было,

но въ одно утро у дверей моего кабинета я услыхалъ голосъ Т. И. Филиппова, и такъ какъ онъ любилъ въ извѣстныхъ случаяхъ выражаться витіевато, то и въ эту минуту, входя ко мнѣ, сказалъ: «дозволено ли будетъ войти государственному контролеру»? Эти слова возвѣстили мнѣ его назначеніе.

LVI.

Т. И. Филипповъ.

Тертій Ивановичъ Филипповъ былъ очень интересной и оригинальной личностью въ созвѣздіи нашихъ выдававшихся государственныхъ людей. Рядомъ съ Вышнеградскимъ онъ, подобно ему, сталъ подниматься кверху съ самыхъ скромныхъ, ступеней жизненной лѣстницы. Онъ былъ уроженецъ Ржева, Тверской губ., сынъ, сколько помнится, мѣстнаго аптекаря, и съ перваго до послѣдняго шага своей, поднимавшейся въ гору жизни онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, то-есть труду, энергіи и своимъ способностямъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ нашихъ близкихъ отношеній я не запомню, чтобы хоть разъ Т. И. Филипповъ у кого-нибудь заискивалъ или творилъ себѣ, компромиссами и уступками въ угоду сильнымъ, друзей отъ мамоны. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ онъ жилъ въ бѣдности и поддерживалъ свое существованіе частными уроками и, затѣмъ, литературною работою. На этомъ поприщѣ онъ успѣлъ создать

себѣ имя. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже считался авторитетомъ въ знаніи русской словесности и въ церковныхъ вопросахъ. Знаніе первой ему доставило мѣсто преподавателя въ одной изъ гимназій московскаго учебнаго округа. Потомъ знаніе церковныхъ вопросовъ было причиною начала его карьеры на государственной службѣ. Его успѣлъ узнать и оцѣнить одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени, графъ Александръ Петровичъ Толстой, который, по назначеніи его оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода послѣ генерала Ахматова, пригласилъ Филиппова въ директоры своей канцеляріи. Графъ А. П. Толстой былъ не легкаго характера, и, не взирая на это и на то, что должность начальника канцеляріи при немъ не допускала проявленія иниціативы, Т. И. Филипповъ сумѣлъ своимъ тактомъ и своею ревностью къ интересамъ православной церкви создать себѣ и авторитетное положеніе и имя. Послѣ ухода графа Толстого Т. И. Филипповъ оставилъ службу въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода и перешелъ, по странной случайности, въ вѣдомство, къ которому онъ всего менѣе былъ подготовленъ. Казалось, его призваніемъ было двигаться на службѣ или педагогической или въ вѣдомствѣ церкви, но и съ тою и съ другою областями онъ простился навсегда и пошелъ на зовъ создателя новаго учрежденія—государственнаго контроля—Татаринова, который для своего новаго и труднаго дѣла искалъ, какъ Діогенъ съ фонаремъ, наиболѣе сиособныхъ людей и въ числѣ таковыхъ остановился на Т. И. Филипповѣ. Когда я узналъ отъ Т. И. о поворотѣ его на служебномъ пути, я ему сказалъ: не хочется васъ поздравлять, Тертій Ивановичъ.—Отчего такъ?—спрашиваетъ онъ.—

Оттого, что вы мѣняете столь полныя жизнью поприща дѣятельности для ума и для души—церковь и школу—на мертвыя цифры, для которыхъ всегда найдутся способные люди, а для церкви или для школы вы очень нужны, и Филипповыхъ не скоро найдешь.—Спасибо за ваши слова,—отвѣтилъ мнѣ Филипповъ: — правда, что сердце мое лежитъ къ тѣмъ двумъ вѣдомствамъ, которыя я оставилъ: къ школѣ, съ которой я началъ свою жизненную дѣятельность, и къ церкви, на службѣ которой я отдавалъ всю свою душу, но я иду, куда Богъ ведетъ, и, къ тому же, знаю, что въ тѣхъ двухъ вѣдомствахъ у меня врагъ; врагъ этотъ — мой языкъ, онъ мнѣ не далъ бы тамъ ни простора ни успѣха, а въ государственномъ контролѣ языкъ можно держать за зубами.

Въ Россіи это явленіе не рѣдкое: человѣкъ, подготовленный образованіемъ и призваніемъ къ извѣстной дѣятельности, случайно попадаетъ на поприще совершенно ему чужое. Т. И. Филипповъ былъ призванъ или къ должности оберъ-прокурора Синода или къ должности министра народнаго просвѣщенія, а попалъ въ государственный контроль и дошелъ въ немъ до должности государственнаго контролера. Хорошо, что онъ, съ его способностями, справился и съ этою дѣятельностью, а вѣдь вѣроятнѣе было предвидѣть, что онъ именно потому не справился бы съ дѣятельностью въ совсѣмъ чужомъ ему вѣдомствѣ, что совсѣмъ не былъ къ ней подготовленъ. Въ началѣ своей новой дѣятельности онъ еще настолько былъ духомъ близокъ къ церковному міру, что, во всеоружіи своихъ познаній и вдохновленный догматическою правдою, выступилъ въ печати обличителемъ самовольнаго отдѣленія

болгарской церкви отъ константинопольскаго патріархата и этимъ вызвавъ въ себѣ сочувствіе всѣхъ восточныхъ патріарховъ, болѣе теплое и искреннее, чѣмъ то, съ которымъ отнесся къ его труду нашъ Святѣйшій Синодъ. Этотъ трудъ былъ лебединою пѣснью Т. И. Филиппова въ области церковной, и талантливое перо его, столь ярко проявившееся на зарѣ его жизни въ московской «Бесѣдѣ» славянофиловъ и гораздо позже въ «Гражданинѣ», навсегда перешло къ корректурамъ и къ подписямъ по государственному контролю. На моихъ литературныхъ средахъ Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ и, какъ пріятель Достоевскаго, Майкова, Полонскаго, Писемскаго, Страхова и другихъ моихъ гостей, привѣтствовался ими съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Онъ услаждалъ насъ своимъ остроуміемъ, изумлялъ своею памятью и внушалъ къ себѣ уваженіе своими непоколебимо твердыми убѣжденіями и принципами во всѣхъ вопросахъ, какъ церковныхъ, такъ политическихъ и литературныхъ. И подчасъ, когда онъ уходилъ раньше другихъ моихъ гостей, всѣ въ одинъ голосъ говорили: какъ жаль, что государственный контроль отнялъ у Россіи такой крупный талантъ и такую мощную умственную силу. Сколько бы онъ могъ создать прекраснаго своимъ умомъ, своими знаніями и своимъ талантомъ!

Но, увы, пришла минута, когда іерархическое возвышеніе Филиппова до министерскаго поста начало свое психическое дѣйствіе и на его духовную личность; съ одной стороны, мало-по-малу началъ проникать въ него ядъ самообольщенія отъ власти и отъ поклоненія отъ него зависѣвшихъ людей, а съ другой стороны, у него явилась слабая струна — избытокъ

самолюбивой чувствительности. Онъ обижался отъ каждаго малѣйшаго укола своего самолюбія, даже въ мелочахъ будничныхъ, какъ, напримѣръ, если кто-нибудь слишкомъ неглиже ему поклонится или скажетъ недостаточно почтительное слово. А за оскорбленіе въ служебной сферѣ онъ мстилъ. Помню, какъ вчера, маленькій образчикъ проявленія оскорбленнаго самолюбія въ пустякахъ, во время игры у меня въ винтъ. Одинъ изъ игравшихъ, въ отвѣтъ на довольно жесткій упрекъ Филиппова по адресу его партнэра за неправильный ходъ, отвѣтилъ ему: «Вольно же было вамъ лѣзть». Гляжу: нашъ Тертій Ивановичъ вздрогнулъ, какъ ужаленный въ своемъ величіи этими словами, и мы услыхали, какъ онъ произнесъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: «Позвольте вамъ замѣтить, что государственный контролеръ никогда никуда не лѣзетъ». Его злосчастный партнеръ погибъ въ его глазахъ навсегда. Но, увы, рядомъ съ этимъ комическимъ мимолетнымъ эпизодомъ я запомнилъ цѣлую политическую драму, въ которой палъ одинъ изъ министровъ жертвой мести Филиппова за обиду, имъ нанесенную его самолюбію. Это было въ послѣдніе годы жизни Т. И. Филиппова. Жертвою его мести палъ назначенный Александромъ III министромъ путей сообщенія А. К. Кривошеинъ. Назначенный въ 1892 году, онъ въ концѣ 1894 года былъ удаленъ отъ должности по представленію Филиппова, обвинившаго его въ некрасивыхъ злоупотребленіяхъ властью, между прочимъ въ томъ, что онъ принялъ на себя поставку дровъ изъ своей дачи на одну изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ по возвышенной цѣнѣ. Это обвиненіе не было доказано; впослѣдствіи я узналъ, что данныя, приведен-

ныя въ основу этого обвиненія, были невѣрны, но, само собою разумѣется, въ виду официальнаго представленія государственнаго контролера, увольненіе Кривошеина было неизбѣжно. Такой конецъ краткой дѣятельности Кривошеина въ должности министра я предвидѣлъ рано или поздно и предупреждалъ его объ опасности отъ мести Филиппова, ибо отъ него слыхалъ, что онъ не могъ простить Кривошеину его черезчуръ абсолютное неухаживаніе за нимъ, которое называлъ *игнорированіемъ его личности*. Кривошеинъ былъ способный человѣкъ, онъ успѣлъ сдѣлать не мало хорошаго и полезнаго на посту министра и обѣщалъ многое еще сдѣлать, а въ такомъ грубомъ проявленіи корыстолюбія, какъ то, въ которомъ его обвинилъ Филипповъ, онъ уже потому не могъ быть виновнымъ, что не могъ въ такихъ жидовскихъ аферахъ нуждаться, ибо имѣлъ большое собственное состояніе. Незадолго до смерти Филиппова я съ нимъ видѣлся и сказалъ ему: «На вашей душѣ тяжкій грѣхъ, Тертій Ивановичъ: вы оклеветали Кривошеина».—«Я исполнилъ свой долгъ»—отвѣтилъ онъ. «Нѣтъ,—сказалъ я,—вашъ долгъ былъ провѣрить строго и всесторонне обвиненіе; вы этого не сдѣлали, а основали обвиненіе на непровѣренныхъ данныхъ». Это было одно изъ послѣднихъ моихъ свиданій съ Филипповымъ. Какъ далекъ онъ былъ въ то время отъ Филиппова своей весны!

LVII.

(1889 годъ).

Кончина графа Дмитрія Андреевича Толстого. Его преемникъ, И. Н. Дурново.

1889 годъ принесъ тяжелую утрату для Государя Александра III и для Россіи, въ лицѣ гр. Д. А. Толстого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что семилѣтнее управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ рукахъ гр. Толстого, соединенное съ вліяніемъ его авторитета на ходъ всей внутренней политики въ Россіи, было одною изъ главныхъ причинъ, которыя дали возможность царствованію Александра III, во-первыхъ, успокоить и упорядочить русскую жизнь и, во-вторыхъ, поставить Россію передъ Европою на огромную высоту.

Кончина гр. Толстого не была неожиданною. Въ послѣдніе два года, несмотря на то, что московскій профессоръ Захарьинъ поддерживалъ его больной организмъ и ободрялъ своего паціента надеждами на

поправленіе здоровья, графъ Толстой сознавалъ, что онъ угасаетъ, и съ тою же твердостью и силою духа, которыя были отличительными чертами его личности, на совѣты оставить государственную работу и продлить свою жизнь полнымъ отдыхомъ въ хорошемъ климатѣ отвѣчалъ, что его дѣло—работать, пока есть жизнь, и умереть на своемъ посту. И онъ свято выполнилъ имъ сказанныя слова. Еще за годъ до своей кончины, какъ я говорилъ выше, онъ ѣздилъ отстаивать въ Государственномъ Совѣтѣ свой проектъ земскихъ начальниковъ съ каплями для подкрѣпленія своего слабаго сердца въ боковомъ карманѣ. Въ 1889 году болѣзнь его стала усиливаться, и уже въ январѣ начали распускаться въ Петербургѣ слухи и толки объ уходѣ графа Толстого, по болѣзни, отъ своей должности. «Пускай говорятъ,—шутилъ графъ Толстой, — хоть не надолго, но все же j'y suis et j'y reste». Графъ предполагалъ въ апрѣлѣ отправиться на отдыхъ въ деревню, но долгъ службы его задержалъ въ Петербургѣ долѣе, и, увы, 20 апрѣля онъ простудился и заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, вынести которое его слабое сердце было не въ силахъ, и 25 апрѣля его не стало.

Привожу свой «дневникъ» отъ 25 апрѣля, написанный для «Гражданина» того времени.

«Сегодня, въ четвергъ пятаго дня, графа Дмитрія Андреевича Толстого не стало!

Никакія слова въ данную минуту не могутъ выразить значенія этого событія. Какъ ни ожиданно оно было, минута послѣдняго издыханія графа Толстого такъ смутила всякую душу, любящую Россію, такъ пришибла, такъ сказать, духовнымъ ударомъ мысль,

повергла въ созерцаніе такого тяжелаго, вдругъ создавшагося положенія, что, разумѣется, не теперь говорить о томъ, чѣмъ былъ графъ Толстой и что онъ сдѣлалъ.

Одно только несомнѣнно: онъ умеръ, какъ умирали герои Севастополя на бастіонахъ, хладнокровно глядя угрозѣ смерти въ глаза и въ мигъ, когда пуля въ нихъ попадала, падавшіе, крестясь произносили только слова: я умираю. Смерть графа Толстого представляется еще бо̀льшимъ, если можно такъ выразиться, геронзмомъ. Герои въ бою безстрашно глядятъ въ глаза смерти и падаютъ вмѣстѣ; одному, среди спокойныхъ и въ атмосферѣ, не наэлектризованной военной храбростью, гораздо труднѣе быть подвижникомъ геронзма. Графъ Толстой заболѣлъ три года назадъ. Болѣзнь его была угражающая, но, чтобы избѣгнуть и отдалить ея роковое дѣйствіе, онъ имѣлъ средство: испугаться мысли смерти и, ссылаясь на разстроенное здоровье, посвятить послѣдніе годы свои заботѣ о себѣ самомъ въ мирной обстановкѣ деревенскаго жителя и въ этой жизни для себя удлинить ее на нѣсколько лѣтъ... Съ обыденной точки зрѣнія, не имѣлъ ли онъ полное къ тому право, столько поработавъ и потрудившись на своемъ вѣку? Но графъ Толстой недаромъ писалъ «Исторію Екатерины II», недаромъ идеаломъ государственнаго человѣка считалъ графа Муравьева... И вотъ именно тогда, когда ему врачи сказали, что труды и заботы государственные грозятъ ускоритъ ходъ его болѣзни и приблизить роковой исходъ, онъ рѣшился самымъ энергичнымъ образомъ приступить къ проведенію, по желанію Государя, тѣхъ реформъ, которыхъ жаждала Россія.

Дѣло двинулось и поступило въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь оно встрѣтить должно было много препятствій, въ видѣ разныхъ мнѣній; предстояла борьба, то-есть то именно, чего, подъ страхомъ опаснаго ухудшенія болѣзни, графу Толстому совѣтовали врачи избѣгать прежде всего. Его стали уговаривать не ѣздить въ засѣданія. Но графъ ни одного засѣданія не пропустилъ. На совѣты беречься онъ отвѣчалъ: «я знаю, что это моя смерть, но, что бы ни случилось, я до конца исполню свой долгъ». И онъ его исполнилъ. По временамъ во время засѣданія отъ утомленія сердца его начинало слабѣть; онъ преспокойно принималъ свои капли, возбуждалъ снова дѣятельность сердца и продолжалъ отстаивать свой проектъ противъ оппонентовъ, не всегда кроткихъ. Вотъ въ чемъ былъ изумительный и благородный героизмъ: съ хладнокровнымъ сознаніемъ смертельной опастности отъ излишняго утомленія, забыть о себѣ совсѣмъ и помнить только службу Царю и отечеству. И смерть пришла. Усиленныя занятія всей зимы должны были отозваться роковою реакціею. Передъ Пасхою графъ поѣхалъ въ Москву. Но отдыхъ послѣ напряженія нѣсколькихъ мѣсяцевъ долженъ былъ привести къ реакціи, и по возвращеніи изъ Москвы болѣзнь была настолько подвинута, что достаточно было перваго приступа воспоменія легкихъ, чтобы она стала смертельною. Утомленное сердце не въ силахъ было вынести болѣзни, и графъ скончался отъ паралича сердца въ тотъ мигъ, когда онъ еще давалъ приказанія насчетъ нѣкоторыхъ нужныхъ бумагъ.

Вотъ что въ эту первую минуту мы прежде всего поняли,— мы всѣ, уважавшіе и сознававшіе заслуги

графа Толстого. Онъ хладнокровно совершалъ тотъ подвигъ самозабвенія и самоотданія долгу, который всѣ совершаютъ въ увлеченіи и въ энтузіазмѣ. Выше этого нѣтъ подвиговъ любви и преданности своему Государю и своему государству.

Вечеромъ пришла телеграмма изъ Гатчины отъ Царя къ вдовѣ графа. Въ копіяхъ она ходила по рукамъ.

Она все сказала. Она передала скорбь Царя, она выразила и утрату Россіи».

Затѣмъ 26 апрѣля я писалъ въ «Дневникѣ» слѣдующіе строки:

«Сегодня, 26 апрѣля, на панихидѣ въ два часа было такъ много съѣхавшихся отдать долгъ почитанія покойному графу Толстому, что четыре большихъ помѣщенія не могли вмѣстить и половины. Экипажи стояли отъ Почтамтскаго переулка по Морской вплоть до Поцѣлуева моста. Въ два часа назначена была панихида. Ихъ Величества, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и предсѣдателя Государственнаго Совѣта, прибыли безъ четверти въ два и прошли къ графинѣ, гдѣ оставались до начала панихиды. Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ прибыли изъ Гатчины въ Петербургъ исключительно для посѣщенія графини Толстой и присутствованія на панихидѣ.

Пріемная большая зала, гдѣ поставлено подъ глазетовымъ балдахиномъ тѣло почившаго графа, вся была обита чернымъ и сверху окаймлена широкою бѣлою полосою.

Въ эту ночь тѣло было набальзамировано, такъ что графъ лежитъ какъ живой, уснувшій. Смерть была до того безболѣзненна, до того тиха, что ничего не

дрогнуло на его лицѣ. Таинственныя бываютъ у людей передъ смертью явленія: не то предчувствіе, не то внезапное проявленіе какого-то инстинкта, иногда даже невольное. Графъ Толстой былъ бодръ въ среду и готовился къ своему всеподданнѣйшему докладу слѣдующаго дня. Къ обѣду онъ пришелъ грустный и задумчивый, ни на что не жалуясь; за обѣдомъ почти не ѣлъ. На вопросъ, ему сдѣланный, почему онъ такъ грустенъ, графъ отвѣтилъ, что онъ не грустенъ, но сосредоточенъ; затѣмъ, послѣ минуты молчанія, какъ будто выйдя изъ этого сосредоточеннаго состоянія, онъ сказалъ какъ-то твердо и точно вдохновенно: «что бы со мною ни случилось, мнѣ все равно: дѣло доведено до конца». Часа два спустя начался сильнѣйшій приступъ удушья. Онъ слегъ и не всталъ уже. Очевидно, въ этотъ часъ, предшествовавшій началу послѣдней болѣзни, въ его душѣ произошло какое-то внезапное предчувствіе; и эта грусть, эта молчаливость не выражали ли онѣ, быть можетъ, цѣлый міръ душевныхъ ощущеній, подъ вліяніемъ таинственнаго предчувствія? Человѣкъ, быть можетъ, въ немъ заговорилъ,—жить еще хотѣлось, но государственный умъ думалъ о своемъ проектѣ; всѣ эти потоки мыслей, вѣроятно, сталкивались и томили душу; потомъ, когда онъ сказалъ: «что бы со мною ни случилось, мнѣ все равно», не означали ли эти слова, этотъ твердый голосъ, которымъ они были сказаны, что и въ эту минуту, какъ всегда, мысль о родинѣ взяла верхъ надъ всѣмъ остальнымъ житейскимъ, и екатерининскаго закала государственный человѣкъ заговорилъ, какъ говорили римляне первыхъ временъ.

Я помню живо двѣ важныя минуты въ жизни графа

Толстого: первая, когда онъ ушелъ съ должности министра народнаго просвѣщенія. Это было послѣ празднованія 25-лѣтія прошлаго царствованія. Всѣ министры получили награды, графъ Толстой одинъ былъ позабытъ. Онъ понялъ въ этомъ указаніе на долгъ свой и при первомъ за тѣмъ докладѣ представилъ свою просьбу объ увольненіи. Отставка была принята. Тутъ же, въ Зимнемъ дворцѣ, графъ Толстой сошелъ внизъ къ графинѣ Блудовой и говоритъ ей самымъ добродушнымъ тономъ: «Поздравьте меня, графиня, я въ запасъ зачисленъ». И затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, графъ вернулся домой и принялся укладывать свои вещи, чтобы выбираться изъ казеннаго дома. Лицо его торжествовавшаго тогда врага, Лориса, было сіяющее, но, глядя въ то время на свѣтлое лицо веселаго графа Толстого, нельзя было сказать, сравнивая оба лица, кто былъ побѣдитель, кто побѣжденный? Въ эту минуту я проникся глубокимъ уваженіемъ къ личности графа Толстого. Вторая минута — когда онъ принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ. То же добродушіе, та же естественность, та же правдивость и простота.

— Приказано,—говорилъ графъ, — принялъ и, насколько меня хватитъ, послужу.

И онъ именно такъ поступилъ, — насколько его хватило, отдавшись всецѣло новому министерству, онъ послужилъ.

Я не думаю, чтобы въ наше время кто-нибудь такъ вполнѣ владѣлъ чертою жить для дѣла, а не для слова, какъ графъ Толстой».

Само собою разумѣется, что едва графъ Толстой закрылъ навѣки глаза, какъ на устахъ у всѣхъ явился вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ?

Вопросъ этотъ создавалъ историческую минуту огромной важности.

Проникнутый важностью этой минуты, одинъ изъ вѣрныхъ слугъ Государя написалъ ему письмо, въ которомъ высказывалъ мысль, что, сомнѣваясь въ возможности найти второго графа Толстого для продолженія дѣла имъ веденнаго, столь же твердо и съ такимъ же государственнымъ разумомъ, слѣдуетъ, въ интересахъ какъ его, Государевыхъ, такъ и Россіи, желать, чтобы въ преемники графа Толстого былъ избранъ человѣкъ, который могъ бы подъ Государевымъ руководствомъ, ничего не измѣняя, продолжать фактически режимъ графа Толстого, и при этомъ назвалъ И. Н. Дурново, который былъ товарищемъ министра при графѣ Толстомъ, нѣсколько лѣтъ до назначенія главноуправляющимъ учрежденіями Императрицы Маріи, и близко зналъ всѣ взгляды и всѣ пріемы управленія графа Толстого. На выносѣ гроба графа Толстого, который почтили своимъ присутствіемъ Ихъ Величества, я узналъ отъ И. Н. Дурново, что онъ назначенъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ отпѣванія, тотъ же царскій слуга вторично написалъ Государю письмо, въ коемъ высказалъ мысль, что государственные интересы спокойствія, какъ главнаго условія порядка, требуютъ, чтобы послѣ смерти графа Толстого не было перерыва во власти министра внутреннихъ дѣлъ, и что въ виду этого было бы весьма желательно, опять-таки въ интересахъ Государя и государства, чтобы временное назначеніе управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ эту минуту длилось возможно менѣе, такъ какъ съ должностью управляющаго министерствомъ не можетъ быть соединено представле-

ніе о полнотѣ и прочности власти. Въ то же время я узналъ, что И. Н. Дурново, будто бы, потому назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что на мѣсто министра предназначается графъ А. П. Игнатьевъ, пребывавшій тогда генералъ-губернаторомъ въ Сибири, и что ему уже послана призывная въ Петербургъ телеграмма. Но вскорѣ за тѣмъ я узналъ, что Государь измѣнилъ свое рѣшеніе. И дѣйствительно, когда я посѣтилъ И. Н. Дурново, то засталъ его въ взволнованномъ состояніи, такъ какъ за нѣсколько минутъ до моего пріѣзда онъ получилъ отъ Государя извѣщеніе о назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ, а графъ Игнатьевъ назначенъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Это рѣшеніе Государя оказалось мудрымъ, ибо И. Н. Дурново въ буквальномъ смыслѣ слова ни на іоту не измѣнилъ ни духа, ни буквы управленія графа Толстого и до конца жизни Государя Александра III остался вѣренъ задачѣ и завѣтамъ, имъ на него возложеннымъ. Благодаря этому введеніе учрежденія земскихъ начальниковъ совершилось при И. Н. Дурново въ полномъ и образцовомъ порядкѣ. Память его создателя была почтена.

LVIII.

С. Ю. Витте.

Въ этой главѣ моихъ воспоминаній я говорю о Витте, когда онъ не былъ еще графомъ—о Витте въ царствованіе Императора Александра III.

Я познакомился съ этимъ государственнымъ человѣкомъ, надѣлавшимъ столько шума собою и около себя, въ то время, когда все вокругъ него было тихо, и помню, что въ этой мирной обстановкѣ нашего перваго знакомства ничто не могло предвѣщать той бури, про которую могу сказать, что на моей памяти, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, никто изъ государственныхъ людей собою не создавалъ. Я познакомился съ нимъ въ кабинетѣ министра финансовъ Вышнеградскаго въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вышнеградскій, кромѣ большого творческаго ума, обладалъ способностью находить подходящихъ для его трудной и кипучей работы людей; по каждой части его сложнаго вѣдомства ему нуженъ былъ крѣпкій силами и способный работникъ, и дѣйствительно, Вышнеградскій, благодаря подбору лицъ, завелъ въ своемъ

министерствѣ такую всегда горячую и всегда энергичную работу, которая не только длилась во все краткое время его управленія, но пережила его и продолжается до сего времени, ставши не только преданіемъ, но какъ бы потребностью этого вѣдомства. Витте былъ начальникомъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и жилъ въ Кіевѣ. На этой должности онъ составилъ себѣ имя выдающагося администратора, и Вышнеградскій на немъ остановился, чтобы ему поручить новое учрежденіе департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Витте съ огненною энергіею принялся за порученное ему дѣло и такъ исполнялъ свои обязанности, какъ всѣ начальники частей министерства и какъ самъ Вышнеградскій,—работая, какъ волъ. Вышнеградскій напоминалъ мнѣ одною особенностью министра юстиціи давно минувшихъ дней, графа Панина, находившаго, что самая блестящая работа подчиненнаго есть только исполненіе служебнаго долга, и потому никогда нехвалившаго своего подчиненнаго. Вышнеградскій тоже былъ скупъ на хвалу своимъ подчиненнымъ, и только блестящія способности, проявленныя Витте, дозволили ему въ разговорѣ со мною сказать про него: «да, это хорошая голова». Дальше этого похвала его не пошла. И вотъ съ этою «хорошею головою» мнѣ пришлось познакомиться въ кабинетѣ Вышнеградскаго. Я увидѣлъ передъ собою высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ умнымъ, живымъ и привѣтливымъ лицомъ человѣка, который всего сильнѣе впечатлилъ меня полнымъ отсутствіемъ всякаго подобія чиновническаго типа; это сказывалось наглядно въ отсутствіи двухъ чертъ, отличающихъ одного чиновника отъ другого: дѣланной приниженности и дѣланнаго самопоклоненія.

Витте мнѣ сразу сталъ симпатиченъ своею естественностью, безыскусственностью въ проявленіи имъ своей личности. Въ черномъ сюртукѣ, развязный и свободный въ своей рѣчи и въ каждомъ своемъ дѣйствіи, онъ мнѣ напомнилъ наружностью англійскаго государственнаго человѣка. Я также обратилъ вниманіе на тотъ замѣчательный внимательно-умный взглядъ, съ которымъ онъ слушалъ обращенныя къ нему слова своего министра, и потомъ, въ бесѣдахъ съ нимъ съ глазу на глазъ, этотъ же внимательный слушающій взглядъ, столь рѣдкій на лицѣ нашихъ бюрократовъ, я видѣлъ обращеннымъ ко мнѣ.

Потомъ мы стали видѣться и бесѣдовать. Живо помню наши вечернія бесѣды лѣтомъ на Крестовскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ, и на которыхъ, знакомясь постепенно съ этимъ новымъ для меня по типу человѣкомъ, я испытывалъ большое удовольствіе. Умъ его былъ живой, оригинальный, порою глубокій, порою тонкій и въ то же время любознательный и пытливый. Кромѣ того, въ немъ нельзя было не цѣнить свойство, которое я очень рѣдко встрѣчалъ въ петербургскихъ умныхъ людяхъ: Витте умѣлъ слушать и внимательно слушать, причемъ главная прелесть бесѣды съ нимъ заключалась въ томъ, что онъ необыкновенно быстро схватывалъ высказываемую мысль, и растягивать рѣчь для ея поясненія не было никогда надобности. Порою неожиданность и новизна мысли много придавали прелести бесѣдѣ съ нимъ. Во время бесѣды онъ всегда былъ скроменъ, въ спорѣ всегда проявлялъ уваженіе къ возраженію или къ опроверженію, и никогда не выходилъ изъ спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ вопросу и къ собесѣд-

нику. Мнѣ казалось, что онъ слушалъ, желая поучиться, особливо въ области государственной жизни и Петербурга, которая ему была мало знакома.

Таковъ былъ С. Ю. Витте въ то время, когда онъ начиналъ тихо, скромно свою служебную карьеру въ Петербургѣ. Кругъ его знакомыхъ былъ небольшой, онъ создался для него въ гостиной Вышнеградскаго, и я помню, какъ одинъ изъ моихъ близкихъ пріятелей, прелестный поэтъ Майковъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ высказывалъ свое очарованіе прелестями ума Витте. Но, какъ безпристрастный лѣтописецъ, я долженъ сказать, что эти умственныя прелести Витте исходили отъ ума, въ которомъ слышался самородокъ. Онъ не былъ самородкомъ въ области его знанія желѣзнодорожнаго дѣла, ибо не для насъ, профановъ, а для людей знающихъ это дѣло онъ являлся въ полномъ смыслѣ слова ярко образованнымъ практикою, мышленіемъ и знаніемъ авторитетомъ, но въ то же время въ немъ слышался недостатокъ государственнаго образованія. Онъ очень слабо владѣлъ французскимъ языкомъ, совсѣмъ не зналъ нѣмецкаго и съ европейскимъ умственнымъ міромъ былъ знакомъ только посредствомъ нѣсколькихъ переводныхъ отрывковъ, а литература, кромѣ научной по его спеціальности, литература всего образованнаго міра и русская, міръ искусствъ, знаніе исторіи, все это было для него чужое и очень мало извѣстное; и если, не взирая на это, люди образованные и умные испытывали удовольствіе отъ бесѣды съ нимъ, то это доказывало, какъ даровитъ былъ природный умъ Витте.

Но тѣмъ не менѣе, какъ бы даровитъ ни былъ его умъ, эти крупные пробѣлы въ его образованіи

сказались послѣ, когда онъ занялъ высокое положеніе въ государственной іерархіи и долженъ былъ изъ спеціалиста техника превратиться въ государственнаго человѣка. Сознавая нужду въ государственномъ образованіи не только русскомъ, но и европейскомъ, онъ сталъ урывками заглядывать въ книги, но дѣло служебное лишало его времени для этого государственнаго образованія, даже русскаго, и когда, много лѣтъ спустя, послѣ блестяще пройденнаго имъ пути министра финансовъ, ему пришлось играть первую роль на сценѣ государственнаго управленія, его большой умъ, его дарованія, его энергія не могли помѣшать отсутствію политическаго европейскаго образованія и недостаточному знанію Россіи являться непобѣдимыми препятствіями къ успѣху въ его новой государственной дѣятельности.

Такъ мирно и спокойно предавались мы бесѣдамъ до 1892 года. Въ началѣ этого года петербургскія сферы, въ которыхъ произносилось имя Витте, вдругъ расширились, благодаря тому, что стали ходить толки объ уходѣ съ должности министра путей сообщенія Гюббенета, и въ преемники его стали прочить Витте. Прежде всѣхъ объ этомъ заговаривать сталъ Вышнеградскій. Гюббенетъ былъ хорошій и честнѣйшій человѣкъ, но Государь, какъ мнѣ пришлось узнать изъ его устъ, находилъ его недостаточно энергичнымъ и твердымъ въ исполненіи той задачи, которую онъ хотѣлъ на него возложить,—очистить вѣдомство отъ нѣкоторыхъ дѣятелей, которыхъ онъ считалъ, на основаніи ему извѣстныхъ данныхъ, ненадежными. По этому поводу Государь заговорилъ съ Вышнеградскимъ, и Вышнеградскій ему высказалъ мнѣніе, что Витте,

несмотря на его сравнительно молодой возрастъ, могъ бы быть ему чрезвычайно полезнымъ, какъ знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла и какъ крупный административный умъ. Затѣмъ, послѣ разговора, Государь спрашивалъ меня, знаю ли я Витте. Я ему высказалъ свои впечатлѣнія и прибавилъ, что, не взирая на то, что я искренно уважаю Гюббенета, мнѣ представляется, что ему уже не по силамъ предпринимать какія-либо коренныя измѣненія въ дѣлѣ и въ личномъ составѣ, а Витте, благодаря своей энергіи, своему знанію и своей молодости, представляется мнѣ способнымъ исполнить то, чего нельзя ожидать отъ Гюббенета. Вскорѣ я узналъ отъ Вышнеградскаго, что на докладѣ Государь ему сказалъ о своемъ намѣреніи назначить Витте на мѣсто Гюббенета. И дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ появилось назначеніе Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, а съ Гюббенетомъ Государь разстался съ самыми добрыми чувствами и назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта.

Тутъ опять я долженъ сказать похвальное слово въ честь Витте. Мнѣ онъ очень пришелся по сердцу простотой и скромностью, съ которыми онъ сдѣлалъ этотъ громадный шагъ наверхъ по іерархической лѣстницѣ. Нельзя было принять это повышеніе смиреннѣе, но въ то же время съ удовольствіемъ пришлось замѣтить, что въ немъ сразу послышались энергія и твердая рѣшимость. Безъ преувеличенія можно сказать, что вѣдомство путей сообщенія, подъ вліяніемъ первыхъ же шаговъ новаго своего начальника, точно помолодѣло, подтянулось и вдохновилось живымъ усердіемъ къ работѣ. Получилось впечатлѣніе, что нашелся въ лицѣ Витте хозяинъ вѣдомства и дѣла. Завелись

и новые порядки: явились простота и доступность отношеній подчиненныхъ къ главному начальнику, но не въ ущербъ принципамъ дисциплины. Новый начальникъ всѣхъ по дѣлу выслушивалъ, отъ всякаго требовалъ правды, но не давалъ никому переступать грани, далѣе которой сверчокъ перестаетъ знать свой шестокъ; въ то же время упразднилась одна изъ язвъ вѣдомства—подпольная интрига и разныя собственныя политики. Въ царствованіе Александра III это было третье назначеніе въ министры, которое такъ наглядно и такъ скоро оказывалось блестящимъ по своей удачѣ и по результатамъ: первое было назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, второе —назначеніе Вышнеградскаго министромъ финансовъ и третье—назначеніе Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, невзирая на то, что послѣдній въ бюрократическомъ мірѣ былъ названъ министромъ новаго типа. Но не успѣлъ Витте пробыть нѣсколько мѣсяцевъ насвоемъ посту, какъ случилось печальное неожиданное событіе. Отъ усиленной работы Вышнеградскій заболѣлъ приливомъ крови въ голову, и хотя опасное состояніе миновало, но увы, доктора признали необходимымъ ему отойти отъ ежедневной работы, и къ концу лѣта пришлось Государю искать преемника Вышнеградскому. На послѣднемъ докладѣ своемъ Вышнеградскій счелъ своимъ долгомъ сказать Государю, что онъ другого преемника себѣ не можетъ рекомендовать, какъ Витте. Государь, успѣвшій познакомиться съ яснымъ и дѣльнымъ умомъ Витте, послушался совѣта Вышнеградскаго и назначилъ Витте управляющимъ министерствомъ финансовъ.

Это назначеніе оказалось событіемъ огромной важ-

ности для Россіи, но въ то же время оно получило значеніе важнаго событія въ служебной жизни преемника Вышнеградскаго. Объ его 11-лѣтней дѣятельности на посту министра финансовъ я говорить не буду,— она слишкомъ извѣстна по своимъ громаднымъ дѣламъ и по своимъ блестящимъ результатамъ,— но я хочу только заключить главу моихъ воспоминаній о Витте краткимъ очеркомъ той характерной метаморфозы, которая въ немъ произошла по переѣздѣ изъ дворца министра путей сообщенія въ домъ министра финансовъ на Мойкѣ.

На первомъ министерскомъ посту Витте, по свойству своихъ обязанностей, могъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, имѣя отношенія только къ государственнымъ людямъ по служебнымъ дѣламъ, и изъ тѣснаго дѣлового круга не выходилъ; къ тому же онъ пробылъ на этомъ посту лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Съ петербургскимъ свѣтомъ въ его разнообразныхъ видахъ ему знакомиться не пришлось. Съ назначеніемъ министромъ финансовъ для Витте сразу открылся громадный новый міръ людскихъ личныхъ интересовъ, личныхъ вожделѣній и самыхъ разнообразныхъ поводовъ обращаться къ нему; а рядомъ съ этимъ въ мірѣ государственныхъ людей ему пришлось сразу познакомиться со всѣми тѣми элементами, отношенія къ которымъ должны были устанавливаться въ зависимости отъ его умѣнія пріобрѣтать союзниковъ и помощниковъ, и парализовывать противодѣйствіе ему противниковъ. Словомъ, создалась цѣлая огромная новая школа для человѣка, вступившаго въ нее безъ всякихъ о ней понятій. И вотъ началась двойная жизнь въ судьбѣ Витте, какъ министра финансовъ. Одна жизнь была

жизнь напряженнаго крупнаго ума въ области творчества и труда по министерству финансовъ, а другую жизнь составляли всевозможныя новыя отношенія къ людямъ всякихъ положеній и въ особенности къ такъ называемому большому свѣту, гдѣ охотниковъ до казны всегда было больше, чѣмъ въ другихъ сферахъ. И вотъ эта вторая жизнь постепенно измѣняла духовную личность человѣка въ Витте, по мѣрѣ того какъ для него выяснялось, какой политики онъ долженъ держаться и какими услугами долженъ покупать себѣ связи въ большомъ свѣтѣ и друзей въ государственномъ мірѣ. Школа эта дала ему то и другое — связи въ большомъ свѣтѣ и друзей въ политическомъ мірѣ, но въ то же время то и другое, какъ я сказалъ сдѣлало его другимъ человѣкомъ. Какъ министръ финансовъ, онъ оставался въ своемъ кабинетѣ тѣмъ же даровитымъ труженникомъ и творцомъ идей, но какъ собесѣдникъ, какъ человѣкъ, онъ утратилъ свою прелесть дѣвственной, такъ сказать, простоты и естественной самостоятельности мысли; въ немъ сталъ слишкомъ часто слышаться вопросъ: а что скажетъ «княгиня Марья Алексѣвна»? и все, что значительно позже съ нимъ случилось, въ 1904 — 1905 годахъ, — его подъемъ на огромную высоту и безсиліе на ней удержаться,—явилось финальнымъ послѣдствіемъ той метаморфозы, противъ которой онъ не могъ устоять въ домѣ министра финансовъ и которая влекла его постоянно на путь искушенія грѣшить излишкомъ въ выборѣ себѣ друзей отъ мамоны, вмѣсто того, чтобы искать опоры въ своей самобытности и въ разныхъ другихъ элементахъ своей силы. Судьба его за это наказала и даже слишкомъ строго. Друзья отъ мамоны сказались въ своей

некрасивой наготѣ и создали для него драматическій моментъ.

Больше ничего не могу сказать объ этомъ крупномъ государственномъ человѣкѣ, коего главное несчастіе заключалось въ томъ, что онъ не сумѣлъ остаться самородкомъ, а захотѣлъ украшаться мишурою vanitatum.

LIX.

О введеніи земскихъ начальниковъ.

Событіе введенія земскихъ начальниковъ въ Россіи было весьма интересно, какъ психологическое явленіе.

Едва только мысль объ учрежденіи единоличной власти, близкой крестьянскому міру, съ правами администраціи и суда, впервые высказанная покойнымъ Пазухинымъ, стала извѣстною, какъ изъ всѣхъ ущелій интеллигенціи, точно огненные языки большого пожара, ее охватившаго, зажглись протесты противъ этой идеи. И, какъ я писалъ уже, этотъ протестъ начинался съ низшихъ сферъ интеллигенціи и кончался высшими сферами, то-есть Государственнымъ Совѣтомъ. Протестъ этотъ былъ психическимъ явленіемъ: это было, съ одной стороны, проявленіемъ фанатическаго поклоненія идеѣ, что сліяніе административной власти съ судебною есть преступленіе противъ какого-то божества сильнѣе Бога, сильнѣе отечества, сильнѣе Царя, а съ другой стороны, это было изъ про-

шлаго отзвукомъ той либеральщины, которая вызывала спазматическое противодѣйствіе всякому замыслу правительства создать какой-либо образъ сильной власти. Такимъ образомъ, протестъ противъ идеи, вылившейся потомъ въ учрежденіе земскаго начальника, былъ двойной, какъ вызванный двумя двигателями. Это было одно крупное психическое явленіе. И сила этого протеста была такъ велика, что, разумѣется, она бы одолѣла, если судьбѣ не угодно было, чтобы министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ при зарожденіи этой идеи графъ Д. А. Толстой, то-есть силачъ воли и живого государственнаго разума. Зная русскую деревенскую жизнь, онъ сразу воспринялъ идею Пазухина, какъ практически вѣрную, и затѣмъ представилъ о ней Государю Александру III, который ее одобрилъ всецѣло, сказавъ: «Учрежденіе крестьянскаго начальника будетъ осуществлено» — и оно осуществлялось, невзирая на всѣ подвохи, на всѣ протесты, на всѣ подвиги слова либеральныхъ партій.

Но ни создателю этой идеи, Пазухину, ни графу Д. А. Толстому не было суждено увидѣть ея осуществленіе на дѣлѣ. И тутъ произошло второе крупное психическое явленіе. Официальнымъ осуществителемъ ея былъ преемникъ графа Толстого, И. П. Дурново, но на самомъ дѣлѣ осуществленіе учрежденія земскихъ начальниковъ, то-есть введеніе его въ жизнь, произошло въ обстановкѣ не только спокойствія, но идеальнаго порядка, потому что оно явилось дѣломъ духа графа Толстого, жившаго послѣ его смерти до конца царствованія Александра III. Этотъ духъ проникъ въ духовное существо его преемника и побудилъ его, невзирая на гудѣнье противъ него интеллигенціи, быть

всецѣло исполнителемъ воли своего Государя. А между тѣмъ я не сомнѣвался тогда, что будь на мѣстѣ графа Толстого И. П. Дурново, онъ подчинился бы до извѣстной степени вліянію оппозиціи, и проектъ о земскихъ начальникахъ прошелъ бы черезъ либеральную кастрацію.

Исторія дѣлается этими психическими моментами. Оппозиція проекту земскихъ начальниковъ — я живо это помню—была въ теченіе извѣстнаго времени увѣрена въ своей побѣдѣ, большая часть печати ее поддерживала въ этой иллюзіи, но вдругъ наступаетъ психическій моментъ: воля Государя прямо, ясно и открыто для всѣхъ объявляется въ силѣ, недопускающей никакого сомнѣнія, никакого колебанія — и въ одинъ мигъ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ чудотворно исчезаетъ сомнѣніе, исчезаетъ колебаніе, и огромная часть русскихъ людей земли отвѣчаетъ закону о земскихъ начальникахъ самымъ искреннимъ «добро пожаловать», и положеніе вводится какъ по маслу.

Теперь, когда я пишу эти воспоминанія, у меня въ памяти живо воскресаетъ другой психическій историческій моментъ, еще сильнѣе проявившій чудотворное дѣйствіе силы воли и силы власти, прямо, ясно и твердо проявляемыхъ. Этотъ моментъ имѣлъ мѣсто 16 лѣтъ спустя, въ зловѣщемъ 1905 году: вчера расхлябанные, разнузданные, дряблые, мы говорили о Хрусталевѣ и дрожали лихорадкою трусости передъ кошмарическимъ привидѣніемъ революціи; сегодня раздается по всей Россіи твердое, ясное и непоколебимое приказаніе министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново: прекратить безпорядокъ, — и черезъ нѣсколько

дней хаосъ всеобщей распущенности и всеобщаго страха исчезаетъ, и вчерашніе трусы энергично принимаются за возстановленіе порядка.

Такъ было и въ концѣ 80-хъ годовъ. Вчера говорили: «неоткуда взять людей изъ земельнаго дворянства для должности земскихъ начальниковъ» и впередъ хоронили это учрежденіе, а сегодня почти во всѣхъ губерніяхъ дворянство давало изъ своей среды лучшихъ своихъ представителей для должности земскаго начальника. Но не въ этомъ одномъ сказались успѣхъ новаго учрежденія и торжество идеи Пазухина, ставшей идеей русскаго Монарха. Они сказались въ еще болѣе крупномъ фактѣ—въ томъ сочувствіи, съ которымъ крестьянское населеніе въ деревнѣ очень скоро послѣ введенія учрежденія земскихъ начальниковъ къ нему отнеслось.

Но узнать про успѣхъ или неуспѣхъ новаго учрежденія въ крестьянской средѣ было нелегко, такъ какъ огромное большинство органовъ печати или замалчивало первые шаги этого учрежденія, или пускало въ оборотъ будто бы мѣстные отзывы съ явно предвзятою задачею ронять это учрежденіе въ общественномъ мнѣніи лживыми показаніями или извращенными сказами. Вслѣдствіе этого я долженъ былъ, чтобы узнавать правду о первоначальномъ ходѣ учрежденія земскихъ начальниковъ, непосредственно прибѣгать къ тѣмъ мѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ могъ ожидать имѣть безпартійные и безпристрастные отзывы. И вотъ эти-то отзывы давали мнѣ право радоваться успѣху учрежденія, въ пользу котораго для своего крестьянскаго населенія такъ твердо вѣрилъ Государь, и несомнѣнному обличенію противниковъ идеи земскихъ

начальниковъ въ печати, въ интеллигенціи и въ Государственномъ Совѣтѣ въ неправдѣ и въ неправотѣ ихъ враждебныхъ этому учрежденію мнѣній.

Первые шаги новаго учрежденія и пріемъ, ему сдѣланный крестьянскимъ населеніемъ, краснорѣчиво доказали недобросовѣстность похода противъ идеи земскихъ начальниковъ, то-есть нежеланіе знать, что то, что съ ихъ стороны выставлялось теоретически, какъ одна изъ причинъ несостоятельности новаго учрежденія,—сліяніе административной власти съ судебною въ одномъ лицѣ земскаго начальника, — на дѣлѣ оказалось главною причиною довѣрія, съ которымъ крестьяне къ нему отнеслись, такъ какъ именно это явилось на практикѣ огромнымъ благодѣяніемъ для крестьянскаго населенія. По характерному отзыву одного помѣщика, писавшаго мнѣ въ то время изъ Тамбовской губерніи, крестьяне не хотѣли вѣрить что отнынѣ, съ замѣною мирового судьи, заставлявшаго крестьянъ проходить или проѣзжать десятки верстъ, чтобы ждать сутки и двое, трое сутокъ на дворѣ своей очереди предстать предъ его столомъ, не только въ роли истца или отвѣтчика, но въ роли свидѣтеля, и въ сильный морозъ и въ лѣтнюю горячую рабочую пору, — земскимъ начальникомъ, послѣдній будетъ пріѣзжать къ нему въ село или въ деревню и разбирать дѣло его немедленно, скоро и на мѣстѣ; не вѣрили, а когда повѣрили, то именно за это благословляли Царя. А благословляли они его, понимая, что слова его указа о желаніи дать кретьянамъ *власть близкую народу* такъ отрадно для него осуществлялись».

Затѣмъ вотъ строки изъ письма одного уѣзднаго

предводителя Воронежской губерніи: «Мы справляемъ двойной праздникъ; мы, дворяне, празднуемъ отрадную дѣйствительность, — мы могли дать на службу Царю честныхъ и способныхъ земскихъ начальниковъ изъ своей среды въ ту пору, когда печать пророчитъ неуспѣхъ учрежденію земскихъ начальниковъ, изъ-за отсутствія честныхъ дворянъ для этой должности. А второй праздникъ—это отрадные отзывы крестьянъ, что Царь далъ имъ людей, къ которымъ можно обращаться со своими нуждами». Рядомъ съ этимъ выписываю строки изъ письма ко мнѣ одного училищнаго товарища: «Хоть я принадлежу по службѣ къ тому вѣдомству (судебное), которое не очень-то сочувствуетъ твоему излюбленному земскому начальнику, но, какъ помѣщикъ, долженъ тебѣ сказать, что, познакомившись съ нимъ на мѣстѣ, нахожу это учрежденіе, во-первыхъ, составленнымъ и со здравымъ смысломъ (жизненнымъ) и съ практическимъ знаніемъ среды, для которой оно призвано дѣйствовать. Оттого съ тѣмъ же безпристрастіемъ и тебѣ въ утѣшеніе скажу, что изъ моихъ разговоровъ съ крестьянами я вывелъ заключеніе, что они своимъ земскимъ начальникомъ весьма довольны. Въ началѣ введенія положенія 19 февраля 1861 года отъ мировыхъ посредниковъ исходилъ запахъ теплаго сознанія долга, честнаго отношенія къ дѣлу и сердечнаго влеченія къ великой идеи Царя. Вотъ этимъ самымъ запахло отъ тѣхъ земскихъ начальниковъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть. Это не комплиментъ, а правдивое впечатлѣніе».

И, наконецъ, для полноты впечатлѣній, привожу строки письма одного сельскаго священника Смоленской губерніи, къ которому я обратился съ просьбой

высказать мнѣ, на основаніи его наблюденій, впечатлѣнія, имъ полученныя отъ введенія новаго учрежденія земскихъ начальниковъ, и объ отношеніяхъ къ нему крестьянъ. Вотъ что написалъ мнѣ священникъ: «Спѣшу вамъ дать отвѣтъ по возможности обстоятельный. Дѣйствительно, для насъ, деревенскихъ жителей, это учрежденіе земскаго начальника, доступнаго, такъ сказать, ежеминутно каждому крестьянину своего участка, разъѣжающаго по участку съ тѣмъ, чтобы принимать, выслушивать и разбирать всевозможныя крестьянскія дѣлишки, слушающаго не только со вниманіемъ, но съ участіемъ, съ видимымъ для каждаго желаніемъ помочь, кому въ нуждѣ, кому въ путанномъ вопросѣ,— представляется совсѣмъ новымъ. Тутъ что произошло отраднаго: вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность земскій начальникъ оказался для своего участка близкимъ, роднымъ, своимъ, и это чувство сразу сдѣлало учрежденіе прочнымъ, обезпечило ему успѣхъ и взаимныя отношенія основало на взаимномъ довѣріи. И очень для насъ стало сразу примѣтнымъ различіе между бывшимъ мировымъ судьею и его замѣстителемъ. Про нашего мирового судью ничего дурного не могу сказать за нѣсколько лѣтъ его пребыванія у насъ въ должности, но какъ только мы увидѣли земскаго начальника, нашего сосѣдняго помѣщика, на дѣлѣ, такъ сразу поняли, а главное почувствовали, что мировой судья былъ намъ чужой судебный чиновникъ, а на его мѣсто къ намъ явился свой человѣкъ живой. Вездѣ ли это такъ, не знаю, но у насъ именно въ этомъ сказалась сразу разница между мировымъ судьею и земскимъ начальникомъ. Сказалась она и вотъ въ чемъ. День вступленія въ должность земскій начальникъ

началъ съ посѣщенія церкви ближайшаго къ нему села и съ молебствія, къ которому позваны были всѣ свободные отъ дѣла крестьяне. Послѣ молебствія я сказалъ, какъ умѣлъ, краткое ему привѣтствіе и къ крестьянамъ обратился съ краткимъ объясненіемъ значенія для нихъ новаго должностнаго лица, надъ ними поставленнаго. «Этотъ новый земскій начальникъ,— сказалъ я,—долженъ быть вамъ вдвойнѣ дорогъ: во-первыхъ, какъ прямо отъ Царя вамъ посланный ставленникъ быть близкою къ вамъ властью, и, во-вторыхъ какъ радѣтель о вашихъ нуждахъ». Затѣмъ съ паперти земскій начальникъ сказалъ краткое слово крестьянамъ, простое и теплое, которое, какъ мнѣ передавали крестьяне, пришлось имъ очень по душѣ. Въ общемъ, скажу по совѣсти, это назначеніе земскихъ начальниковъ для крестьянъ было очень хорошею и свѣтлою минутою въ нашей деревенской жизни. Какъ никакъ, а оно намъ повѣдало, что Царь думаетъ и заботится о крестьянской деревнѣ. Сіе тѣмъ важно что не мало времени послѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ и съ учрежденіемъ мировыхъ судей, очень осложнившихъ доступъ къ правосудію для крестьянъ, мы въ деревнѣ чувствовали себя какъ будто забытыми царскимъ сердцемъ».

Съ этимъ письмомъ я поѣхалъ къ члену Государственнаго Совѣта Б. П. Мансурову, лидеру оппозиціи въ Государственномъ Совѣтѣ противъ проекта земскихъ начальниковъ, и прочелъ его ему.

— Что же,—сказалъ онъ мнѣ,—это очень хорошее письмо. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло по совѣсти: я оппонировалъ Толстому по совѣсти, и священникъ пускай по совѣсти будетъ опорою для земскаго началь-

ника. Я буду радъ, если моя оппозиція окажется ошибкою на дѣлѣ и на мѣстѣ.

Такъ говорилъ Б. П. Мансуровъ потому, что онъ былъ хорошій и честный человѣкъ, но не всѣ оппоненты графа Толстого и его проекта такъ добросовѣстно относились къ жизненному успѣху новаго учрежденія. И въ Государственномъ Совѣтѣ и въ печати продолжали брюзжать противъ него и эксплоатировать каждую малѣйшую мѣстную неудачу, чтобы забрасывать хулою все учрежденіе.

Какъ просто было это учрежденіе по своей задачѣ: устроить власть для крестьянъ близкою къ нимъ. Казалось, этой мысли—дать крестьянину не только доступнаго судью, но совѣтника и, вслучаѣ нужды, быстраго распорядителя—всѣ въ Россіи должны были сочувствовать, а между тѣмъ сила либеральной доктрины оказалась настолько великою, что именно это простое благодѣяніе для милліоновъ крестьянъ вызвало либеральный протестъ настолько сильный, что не будь твердой воли Царя, его учрежденіе было бы извращено въ угоду либеральной доктринѣ, но въ то же время съ сознаніемъ, что эта оппозиція и этотъ либеральный протестъ направлены прямо къ лишенію милліоновъ крестьянъ доступнаго суда и близкой о нихъ заботы и къ сохраненію въ силѣ антипатичнаго крестьянину учрежденія мирового судьи, то-есть во вредъ крестьянину.

Я пишу эти строки почти 25 лѣтъ спустя послѣ введенія земскихъ начальниковъ, и что же теперь происходитъ? Невзирая на долголѣтній опытъ, доказавшій огромную пользу учрежденія земскихъ начальниковъ, опять либеральная доктрина силится его

уничтожить, и исходитъ этотъ походъ уже не изъ Государственнаго Совѣта и не изъ печати, а изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ союзѣ съ министерствомъ юстиціи, сообща внесшихъ проектъ воскрешенія мирового судьи и упраздненія земскаго начальника. Кому въ угоду? Либеральной доктринѣ. Кому во вредъ? Всему крестьянскому населенію.

LX.

(1892 годъ).

Новыя назначенія.

Въ концѣ весны 1892 года я имѣлъ свиданіе съ Государемъ, вызванное съ его стороны мотивомъ, который глубоко проникъ въ мою душу. Въ одномъ изъ писемъ къ Государю, имѣвшихъ характеръ дневниковъ о заслуживавшихъ вниманія подробностяхъ жизненнаго обихода, я, между прочимъ, передавалъ ему краткій разговоръ въ Государственномъ Совѣтѣ, во время перерыва, между покойнымъ Ванновскимъ, почтеннымъ членомъ Государственнаго Совѣта Э. Фришемъ, всегда мнѣ сочувствовавшимъ, и тѣмъ третьимъ лицомъ, которое мнѣ объ этомъ разговорѣ передало. Фришъ заговорилъ по поводу одной статьи «Гражданина» одобрительно, на что Ванновскій, меня давно предавшій немилости, отвѣтилъ весьма характерно: «Я вашего Мещерскаго не читаю», сказалъ онъ. «И напрасно», отвѣтилъ Фришъ. «Его Государь уже не слушаетъ и не читаетъ», продолжалъ Ванновскій.—«А я слышалъ напротивъ», сказалъ Фришъ. «Нѣтъ, онъ въ опалѣ»,

заключилъ Ванновскій. Этотъ разговоръ я помѣстилъ въ своемъ дневникѣ, который писалъ для Государя. Черезъ нѣсколько дней я получаю телеграмму отъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, приглашающаго меня, по важному поводу, къ себѣ на дачу на Аптекарскомъ островѣ. Я пріѣхалъ и узналъ отъ Дурново, что Государь ему по телеграфу велѣлъ передать мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нему на слѣдующій день въ Петергофъ въ такомъ-то часу. Государь меня принялъ съ ласковою улыбкою и сказалъ мнѣ, что онъ меня позвалъ для того, чтобы доказать, что я не въ опалѣ и что ничего въ нашихъ отношеніяхъ не измѣнилось. Затѣмъ мы пробесѣдовали около часу. Между прочимъ, мы коснулись въ разговорѣ Государственнаго Совѣта, по поводу воспоминаній объ оппозиціи, имъ проявленной при разсмотрѣніи проекта о земскихъ начальникахъ. Я сказалъ Государю, что эта оппозиція была и есть неизбѣжное послѣдствіе преданія, въ силу котораго члены Государственнаго Совѣта вербуются, главнымъ образомъ, изъ петербургскаго сановнаго люда. Безспорно, большая ихъ часть почтенные и способные люди, но у многихъ есть важный недостатокъ—отсутствіе жизненной и административной школы. Земскіе начальники—это чисто жизненное учрежденіе, вызванное мѣстною нуждою, но не бюрократическое, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что такая жизненная, практическая мысль, какъ соединеніе въ одномъ лицѣ функцій администраціи и суда, встрѣтила отпоръ въ людяхъ, которые извѣстныя бюрократическія доктрины ставятъ выше мѣстныхъ жизненныхъ нуждъ.—Вотъ почему,—сказалъ я,—мнѣ представляется, что весьма было бы разумно и для

дѣла полезно къ нынѣшнему составу заслуженныхъ сановниковъ, засѣдающихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, пріобщать отъ времени до времени людей прямо, такъ сказать, отъ провинціальной жизни, въ видѣ выдающихся губернаторовъ или губернскихъ предводителей дворянства.

— Да,—отвѣтилъ Государь,—я объ этомъ думалъ, я даже намѣтилъ себѣ одного губернатора, онъ, кажется, изъ вашихъ друзей—черниговскій Анастасьевъ.

— Лучшаго нельзя было выбрать изъ губернаторовъ,—сказалъ я.

— А затѣмъ я хочу назначить сенатора Татищева, тоже изъ вашихъ друзей: онъ вѣдь былъ долго губернаторомъ пензенскимъ.

— Да, и былъ идеальнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Новгородской губерніи.

Когда кончилась наша бесѣда, Государь меня обнялъ и сказалъ мнѣ:

— Не обращайте вниманія на сплетни и толки и не смущайтесь ими,—я вамъ вѣрю, и работайте, какъ работали.

Увы, это было мое послѣднее свиданіе съ Государемъ. Вѣрный своему лозунгу — не навязываться ему съ просьбами о свиданіи, я жилъ съ вѣрою въ долгую будущность Государя, говоря себѣ: если не въ этомъ году, то въ будущемъ свидимся; а второй будущій годъ былъ 1894-й!

Назначеніе двухъ новыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, сенатора Татищева и губернатора Анастасьева, поразило весь чиновный и сановный міръ, особенно назначеніе Анастасьева, во-первыхъ, потому, что либералы не выносили этого имени, какъ ультра-

праваго, энергичнаго и умнаго губернатора, а во-вторыхъ, потому, что совершалось въ бюрократическомъ мірѣ небывалое событіе—назначеніе въ Государственный Совѣтъ прямо изъ губернаторовъ.

При свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ И. И. Дурново я убѣдился, что и онъ, подъ вліяніемъ старѣйшихъ столповъ Государственнаго Совѣта, относился къ этимъ двумъ назначеніямъ чуть ли не съ ужасомъ.

— Это ваша интрига,—сказалъ онъ мнѣ съ отзвукомъ горечи въ интонаціи.

— Во-первыхъ, я, никогда не занимаюсь интригами,—отвѣтилъ я,—а во-вторыхъ, не я о нихъ заговорилъ, какъ о кандидатахъ, а Государь мнѣ сказалъ, что онъ ихъ намѣтилъ, на что, разумѣется, я высказалъ восторженное одобреніе.

— Да, но, все-таки, — возразилъ Дурново, — изъ губернаторовъ попасть въ члены Государственнаго Совѣта это небывалая вещь.

— Однако вы попали изъ губернаторовъ въ товарищи министра, а потомъ въ министры, и справляетесь,—отвѣтилъ я,—а почему? Только потому, что вы были и губернскимъ предводителемъ дворянства и губернаторомъ.

Это возраженіе наложило на уста моего собесѣдника печать молчанія. Но вотъ то, что потомъ случилось съ Анастасьевымъ, поразило меня, какъ совсѣмъ неожиданное явленіе.

Когда Анастасьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и мы свидѣлись, я нашелъ его въ какомъ-то почти угнетенномъ настроеніи.

— Что это вы такой грустный?—спросилъ я его.

— Да, я дѣйствительно грустенъ, потому что послѣ

моего новаго назначенія, какъ бы оно ни было лестно и отрадно, какъ знакъ царской ко мнѣ милости, я чувствую себя какъ бы цвѣткомъ, выкопаннымъ изъ своей родной почвы и перенесеннымъ въ другую атмосферу и на другую почву. Тамъ я былъ въ своей сферѣ, тамъ было живое дѣло, мое, отвѣтственное и собственное дѣло, тамъ все, что окружало меня, было живое, тамъ кипѣла народная жизнь, тамъ удовлетвореніе нуждъ зависѣло отъ меня... А здѣсь что я буду дѣлать? Сидѣть и слушать, разъ я не ораторъ, и всѣмъ я буду чужой и мнѣ всѣ будутъ чужіе.

— Полноте. А ваше знаніе жизни, вашъ громадный административный опытъ, вѣдь они дадутъ вамъ голосъ. Зачѣмъ вамъ быть ораторомъ, вы будете высказывать свои мысли, взятыя изъ жизни тогда, когда будетъ раздаваться голосъ безпочвенной доктрины.

— Да кто меня слушать будетъ? Скажутъ: какой-то губернаторъ хочетъ насъ учить...

— Одни это скажутъ, а другіе послушаютъ васъ.

— Воля Божья, будь, что будетъ, — отвѣтилъ Анастасьевъ.

И что же? Послѣ двухъ мѣсяцевъ его пребыванія въ Государственномъ Совѣтѣ пришлось съ грустью сознаться, что онъ былъ правъ, говоря о своихъ зловѣщихъ предчувствіяхъ.

Въ Анастасьевѣ, этомъ недавнемъ богатырѣ губернаторѣ, въ которомъ такъ ярко горѣлъ святой огонь, кипѣла непобѣдимая энергія, которой боялись его политическіе противники, вдругъ погасли и святой огонь, и живой умъ, и непобѣдимая энергія, и я понялъ, что онъ изъ безстрашнаго борца, вдохновленнаго лучшими и высшими идеалами, превратился въ запуган-

наго юпитерами Государственнаго Совѣта человѣка, не дерзающаго ни храбро высказывать свои мнѣнія, ни бороться за правду своего убѣжденія.

Въ то же время съ паденіемъ духа въ Анастасьевѣ началъ страдать и слабѣть, какъ бы по рефлексу, его крѣпкій и бодрый организмъ, и въ возрастѣ еще не старомъ онъ скончался, нѣсколько лѣтъ послѣ своего назначенія въ Государственный Совѣтъ.

Въ то время, обдумывая конецъ карьеры Анастасьева, котораго я искренно любилъ и уважалъ, я пришелъ къ пониманію, что, невзирая на мои 53 года, мнѣ пришлось получить глубоко назидательный урокъ. Обрадовавшись, какъ я выше сказалъ, назначенію Анастасьева прямо изъ губернаторовъ въ члены Государственнаго Совѣта, я не зналъ, несмотря на болѣе чѣмъ полувѣковой опытъ жизни, что умный администраторъ, приносящій огромную пользу въ сферѣ своей дѣятельности, можетъ оказаться совсѣмъ безполезнымъ и немощнымъ въ сферѣ законодательныхъ совѣщаній. Я подумалъ также, что, вѣроятно, если бы тотъ же Анастасьевъ получилъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, онъ оказался бы такимъ же хорошимъ администраторомъ, какимъ былъ на должности губернатора, и въ разгарѣ дѣятельности отвѣтственной и живой нашелъ бы въ себѣ силу не бояться юпитеровъ слова и доктрины.

Пиша эти строки, я невольно переношусь мысленно къ нашей Государственной Думѣ. Кто больше и громче всѣхъ говоритъ въ ней? Человѣкъ доктрины, отсебятины, которому незнаніе жизни даетъ неограниченную смѣлость въ обращеніи со словомъ и столь же неограниченное самоублажаніе. А кто молчитъ въ Государ-

ственной Думѣ, какъ молчалъ въ Государственномъ Совѣтѣ бѣдный Анастасьевъ? Молчатъ люди, знающіе жизнь, люди практическаго знанія, практическаго труда, которые потому не вмѣшиваются въ пренія, что чуютъ полное отсутствіе почвы, на которой они могли бы сходиться или конкуррировать съ представителями доктрины и съ наглостью Гучковыхъ. Оттого такъ мертва, такъ непроизводительна и такъ подчасъ жизненно глупа законодательная работа Государственной Думы.

Почти въ одно время съ этимъ назначеніемъ новыхъ по типу членовъ Государственнаго Совѣта состоялось назначеніе тоже практически умнаго человѣка на должность министра путей сообщенія.

Назначеніе это состоялось послѣ назначенія Витте управляющимъ министерствомъ финансовъ вслѣдствіе болѣзни Вышнеградскаго.

Управляющимъ министерствомъ путей сообщенія былъ назначенъ директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ гофмейстеръ А. К. Кривошеинъ.

Несмотря на свои уже немолодые годы, Кривошеинъ былъ до своего назначенія на постъ министра путей сообщенія іерархически совсѣмъ молодымъ, такъ какъ онъ всего года два былъ директоромъ хозяйственнаго департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а до этого никакой должности не занималъ и былъ только крупнымъ помѣщикомъ. Постъ директора хозяйственнаго департамента ему предложилъ министръ Дурново, который былъ товарищемъ Кривошеина по артиллерійскому училищу. Выборъ этотъ оказался весьма удачнымъ. Кривошеинъ оказался не только весьма умнымъ человѣкомъ, но весьма практичнымъ и

дѣловымъ умнымъ человѣкъ, такъ что послѣ года управленія самымъ труднымъ департаментомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о немъ стали говорить въ бюрократическихъ сферахъ какъ о способномъ государственномъ человѣкѣ. Изъ круговъ его подчиненныхъ исходила о немъ весьма сочувственная молва, характеризовавшая его такъ: онъ совсѣмъ не чиновникъ, онъ знакомится прежде съ людьми, а потомъ съ дѣлами, имъ ввѣренными, онъ быстро схватываетъ суть въ каждомъ вопросѣ, для мелочей не даетъ времени, и разъ онъ познакомился съ личностью своего подчиненнаго и оцѣнилъ его надежность и трудоспособность, онъ ему довѣряетъ вполнѣ, и оттого работа съ нимъ, какъ бы много онъ ея ни требовалъ, не только не тяжела, но пріятна. Вотъ, приблизительно, что мнѣ приходилось слышать изъ устъ подчиненныхъ А.К. Кривошеина, когда онъ управлялъ хозяйственнымъ департаментомъ. Независимо отъ этого, я лично зналъ близко Кривошеина и всегда послѣ бесѣды съ нимъ выносилъ свѣтлое впечатлѣніе отъ его практически умныхъ взглядовъ на государственные вопросы. Помню, что и Витте отзывался о немъ какъ о выдающемся способномъ человѣкѣ, и такъ какъ въ то время въ высшихъ сферахъ держались того мнѣнія, что кандидатовъ на постъ министра путей сообщенія лучше искать между сторонними отъ вѣдомства инженеровъ путей сообщенія, и тому же взгляду сочувствовалъ до извѣстной степени самъ Государь, то кандидатура Кривошеина могла быть серьезною и получить поддержку переходившаго на постъ министра финансовъ Витте. Витте оказался весьма дѣльнымъ министромъ путей сообщенія; онъ не принадлежалъ къ кастѣ инжене-

ровъ путей сообщенія но зналъ на практикѣ желѣзнодорожное дѣло. Однако не это было главною причиною его кратковременнаго успѣха во главѣ вѣдомства путей сообщенія, а главною причиною успѣха его были его практическій большой умъ и отсутствіе всякаго чиновничества въ его служебномъ обиходѣ. Этотъ же практическій крупный умъ былъ одною изъ главныхъ причинъ, почему выборъ преемника Витте остановился на Кривошеинѣ.

Кривошеинъ принялся за свою должность очень просто и скромно, безъ всякихъ рѣчей и безъ всякихъ обѣщаній. Но тѣмъ не менѣе чуялось въ атмосферѣ вѣдомства, что далеко не всѣмъ корифеямъ путейцамъ это назначеніе приходилось по вкусу и не всѣ его привѣтствовали искреннимъ «добро пожаловать». Этими корифеями онъ былъ принятъ какъ вошедшій въ чужой огородъ. Но тотъ фактъ, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя немалая часть этихъ корифеевъ принялась усердно работать подъ руководствомъ новаго начальника и переложила гнѣвъ на милость, доказалъ, что Кривошеинъ умѣлъ тактомъ и обращеніемъ съ людьми завоевать себѣ довѣріе даже въ недовѣрявшихъ ему прежде. Нѣкоторыя назначенія его оказались удачными, хотя съ перваго раза возбуждали толки сомнѣнія. Я помню, напримѣръ, фактъ назначенія покойнаго весьма симпатичнаго М. Н. Бухарина Главнымъ инспекторомъ водяныхъ сообщеній. Кривошеина спрашивали о причинѣ такого выбора. «Я вамъ скажу, почему,—отвѣчалъ Кривошеинъ:—веселое прошлое Бухарина давно ликвидировано, отъ него остался очень умный человѣкъ, жаждущій работы, безупречно честный, съ иниціативой, смѣлостью и энергіей». Эти

слова годъ спустя Бухаринъ блестяще оправдалъ. Долго спавшее вѣдомство буквально проснулося и стало проявлять по иниціативѣ Бухарина живую и производительную дѣятельность. Не менѣе мѣтокъ былъ выборъ Кривошеина, павшій на кн. Хилкова,— въ главные инспекторы желѣзныхъ дорогъ. Эта должность пришлась по немъ, и онъ сразу оказался полезнымъ. Столь же удачнымъ было назначеніе А. Н. Столыпакова въ директоры департамента шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній.

Но въ одномъ Кривошеинъ оказался слабымъ: онъ не умѣлъ творить себѣ друзей отъ мамоны, дѣлать то, что искусно умѣлъ дѣлать Витте, вступивъ на постъ министра финансовъ,—устраивать себѣ въ сановныхъ сферахъ союзниковъ и квази-друзей. Наоборотъ, Кривошеинъ пренебрегалъ даже самыми нужными пріемами дипломатики, и враги, понемногу исчезавшіе изъ его вѣдомства, воздвигались въ кабинетѣ того или другого министра. Помню, какъ я ему говорилъ: «А. К., ухаживайте за Т. И. Филипповымъ и за его супругою, онъ страшно самолюбивъ и не прощаетъ ни одного укола этому самолюбію,—онъ васъ загрызетъ». То же было и съ супругою другого министра. Кривошеинъ въ отвѣтъ только махалъ рукою. И пришелъ день, въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда мое предостереженіе оправдалось для Кривошеина самымъ роковымъ образомъ. Филипповъ въ роли государственнаго контролера прислушался со злорадствомъ къ скверной сплетнѣ, ни на чемъ серьезномъ не основанной, будто Кривошеинъ для своихъ личныхъ выгодъ устраивалъ поставки топлива для желѣзныхъ дорогъ изъ своихъ лѣсовъ, да еще по возвышенной цѣнѣ, и создалъ цѣлый

обвинительный актъ противъ Кривошеина, основанный на никѣмъ не провѣренныхъ данныхъ; для этого дѣла онъ нашелъ поддержку въ одномъ изъ тѣхъ министровъ, къ женѣ котораго Кривошеинъ относился съ недостаточнымъ вниманіемъ,—и въ результатѣ Кривошеинъ долженъ былъ лишиться своей должности, на которой онъ успѣлъ проявить свои администраторскія способности и пріобрѣсть уваженіе своихъ подчиненныхъ.

LXI.

Приливъ среднихъ гостей.—Мои отношенія къ министрамъ,—Черты тогдашняго Витте.

Въ годы 1892 и 1893 снова стали приливать гости на мои среды. Эти гости были, разумѣется, *друзья*, но не отъ сердца, а отъ мамоны, изображавшіе собою людей, которые разсуждали такъ: Мещерскій хорошъ съ Витте, хорошъ съ Кривошеинымъ—слѣдовательно, надо у него бывать: можетъ пригодиться. Благодаря этому обстоятельству, мои средные вечера утратили свой литературный характеръ, да къ тому же, увы, и литераторовъ друзей оставалось мало въ живыхъ. Велика была разница между средами прежними, литературными, и новыми, политическими. На первыхъ я испытывалъ наслажденіе духовное отъ общенія съ лицами, которыя жили, въ свою очередь, въ общеніи прежде всего съ идеалами жизни и, когда отъ литературы переходили къ политикѣ, говорили съ чистыми, безкорыстными двигателями въ душѣ. Слышалась любовь къ Россіи, слышалась естественная забота о будущемъ, слышались отзвуки сердца, даже въ полити-

ческой критикѣ; оттого не слышалось ни пошлости, ни подкладки личнаго интереса, ни желчной ненависти. Какъ покойный Достоевскій, бывало, злился въ своей критикѣ политической жизни, но какъ сильно въ каждомъ его словѣ слышалось, что эта злоба исходила отъ любви не къ себѣ, а къ своему дорогому отечеству! Какъ милый Аполлонъ Майковъ бывалъ симпатиченъ въ своихъ чистодушныхъ увлеченіяхъ политическими вопросами! Увы, пришли другія средныя собранія, ибо на смѣну этимъ чистымъ духомъ собесѣдникамъ явились другіе люди — люди, которымъ нужно было пролѣзать, люди, которымъ нужно было что-нибудь получить, — и какъ иначе чувствовалось душѣ на этихъ сборищахъ людей съ дѣланными улыбками, пошлыми любезностями, фарисейскими патріотическими декламаціями и взглядами, устремлявшимися на дверь съ вопросомъ: не явится ли Витте, не явится ли Кривошеинъ, не явится ли такой-то? Но, разумѣется, не всѣ гости новыхъ среднихъ бесѣдъ подлежали одинаковой оцѣнкѣ: между ними появлялись, особливо изъ пріѣзжихъ, люди живые и порядочные, сближеніе съ которыми доставляло только удовольствіе Но, вспоминая то время и вообще прошлое, я не могу не отмѣтить курьезнаго и печальнаго факта, который, увы, повторялся съ самыми рѣдкими исключеніями.

Фактъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Много дряни перебывало мимолетными птицами въ моемъ кабинетѣ, хотя бывали и достойные люди; но приносилъ я счастье гораздо чаще представителямъ дряни, чѣмъ достойнымъ людямъ, причемъ происходило это всегда безъ всякаго участія моей воли. Случалось это такъ. Дрянной человѣкъ побываетъ у меня разъ, два,

три, потомъ исчезаетъ. Тогда я говорилъ себѣ: ага, видно пристроился, и я сталъ тебѣ не нуженъ. И оказывалось именно такъ: ни дурная репутація, ни антипатичное впечатлѣніе, имъ производимое, не являлись препятствіями для этого дрянного человѣка получить то, чего онъ добивался; онъ почти всегда находилъ протекцію и пролѣзалъ. Достойный и порядочный человѣкъ, особенно когда онъ былъ убѣжденный и честный правый, съ перваго шага натыкался на препятствія, они выростали какъ изъ земли. Конкретно то и другое я могу пояснить такими нерѣдко повторявшимися случаями. «Такой-то у васъ бываетъ»? — спрашиваетъ меня тотъ или другой министръ. — Бываетъ изрѣдка. — «Вы его знаете хорошо»? — Не хорошо, но настолько, чтобы отъ него отворачиваться.—«Неужели»? Послѣ этого «неужели» я получалъ увѣренность, что этотъ мусью, о которомъ меня спрашивалъ министръ, получитъ назначеніе. И почти всегда моя увѣренность оправдывалась. При этомъ потомъ, когда я говорилъ министру: а вы такого-то назначили,—онъ мнѣ отвѣчалъ: «да, за него меня просили, и притомъ онъ несомнѣнно способный, а въ душу человѣка не влѣзешь».

Совсѣмъ другое происходило, когда я убѣжденно и энергично просилъ министра за высоко порядочнаго и способнаго человѣка, за котораго во всѣхъ отношеніяхъ ручался. «Да, онъ производитъ хорошее впечатлѣніе, постараюсь его пристроить», отвѣчалъ мнѣ министръ. Немедленно послѣ этихъ словъ я получалъ увѣренность, что мною рекомендованный человѣкъ ничего не получитъ, или же ему бросятъ, какъ голодной собакѣ, косточку, въ видѣ мѣстечка, и за-

тѣмъ обрекутъ на вѣчное забвеніе, пока пролѣзшій прохвостъ будетъ двигаться по лѣстницѣ карьеры. Объясненіе этого явленія, повторявшагося почти неизмѣнно, было до наивности просто: мои хлопоты о комъ-нибудь даже для министровъ Императора Александра III были всегда mal-venues, потому что исходили отъ человѣка, слишкомъ извѣстнаго своимъ фанатическимъ консерватизмомъ; и кромѣ графа Д. А. Толстого, который не только не боялся скомпрометировать себя открытымъ довѣріемъ къ явному консерватору, я не встрѣчалъ министра, который имѣлъ бы мужество явно показывать вниманіе къ консерватору, рекомендованному княземъ Мещерскимъ. Всякій боялся какого-то бога либерализма и отвѣта передъ нимъ за открытое покровительство человѣку по рекомендаціи «крѣпостниковъ». По этому поводу мнѣ припоминается довольно курьезное сопоставленіе. Я ходатайствовалъ у Витте объ опредѣленіи на должность податного инспектора человѣка способнаго, честнаго и порядочнаго. Роды этого назначенія были долги и трудны, точно я просилъ о назначеніи директора департамента, и долги и трудны потому, что именно я просилъ, причемъ главное препятствіе исходило не прямо отъ Витте, а отъ его субалтерновъ — отъ тѣхъ самыхъ директоровъ и вице-директоровъ департаментовъ, которымъ для рѣшенія вопроса объ опредѣленіи одного изъ *своихъ* на должность податного инспектора maximum нужно было пять минутъ времени, причемъ со стороны министра только тогда было преткновеніе, когда кандидатъ не имѣлъ высшаго образовательнаго ценза. На назначеніе же моего кандидата потребовались мѣсяцы! Но вотъ понадобился Витте, какъ близкій со-

трудникъ, знаменитый В. И. Ковалевскій и ni plus ni moins, какъ на должность директора департамента торговли и мануфактуръ. И вотъ тотъ самый Витте, который не смѣлъ, изъ опасенія не понравиться либераламъ, уважать мои ходатайства о назначеніе достойныхъ людей на скромную должность, въ одинъ прекрасный день обращается ко мнѣ съ просьбою принять В. И. Ковалевскаго, причемъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи его взять въ директоры департамента. А когда я ему отвѣтилъ: да вѣдь Ковалевскій, сколько я слышалъ, не только либералъ, но красный, — Витте мнѣ на это сказалъ: «и Государь того же мнѣнія, а между тѣмъ онъ теперь пересталъ быть краснымъ, и жаль было бы такого способнаго человѣка не утилизировать».—Это ваше дѣло,—отвѣтилъ я,—я тутъ не при чемъ.—«Вы бы съ нимъ познакомились и поддержали бы мое ходатайство у Государя».—Хорошо,—говорю я Витте,—но, entendons nous, только въ томъ случаѣ, если получу послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Ковалевскимъ впечатлѣніе, что онъ не красный, а честный либералъ. Вскорѣ затѣмъ явился ко мнѣ В. И. Ковалевскій. Пробесѣдовали мы добрый часъ времени, и я вынесъ отъ этой бесѣды впечатлѣніе, что Витте говорилъ правду: въ его либерализмѣ нельзя было сомнѣваться, но красноты, то-есть соціалъ-демократическихъ нотъ, я не услыхалъ ни разу. Напротивъ, онъ говорилъ съ увлеченіемъ о каждомъ вопросѣ, но всегда оставался въ рамкахъ строгой дисциплины и притомъ не въ дѣланныхъ, а въ естественныхъ. Затѣмъ неоднократно въ немъ звучали отзвуки извѣстнаго огня, проявленія его ума были красивы, такъ что въ заключеніе онъ произвелъ на меня впечатлѣніе пріятное; а

такъ какъ рѣчь шла о назначеніи Ковалевскаго не на педагогическую должность, а на должность директора департамента торговли и мануфактуръ, то послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ нимъ, въ теченіе которыхъ ни однимъ звукомъ онъ не ослабилъ перваго впечатлѣнія, совѣсть не препятствовала мнѣ въ моихъ дневникахъ-письмахъ къ Государю высказать, что хотя В. И. Ковалевскій несомнѣнно либералъ, но столь же несомнѣнно, что онъ не красный либералъ и производитъ впечатлѣніе способнаго и даровитаго человѣка, который слишкомъ уменъ, чтобы изъ-за какихъ-либо либеральныхъ увлеченій рисковать своею начинающеюся служебною карьерою. Къ этому я прибавилъ, что, разумѣется, никогда бы Витте не желалъ такъ горячо брать въ директоры какого-либо способнаго консерватора, но все же, какъ онъ самъ не позволяетъ себѣ политики либерализма на своей должности, такъ не допуститъ и Ковалевскаго къ этой политикѣ, въ случаѣ его назначенія. Какъ бы то ни было, но назначеніе В. И. Ковалевскаго состоялось.

По этому поводу припоминаю другое весьма интересное сопоставленіе. Однажды съ голосомъ, въ которомъ звучало убѣжденное вдохновеніе, Витте сообщаетъ мнѣ о планѣ, имъ доложенномъ Государю и Государемъ одобренномъ, приступить къ постройкѣ сибирской желѣзной дороги на кредитные билеты. Когда я услыхалъ эти послѣднія слова: *кредитные билеты*, я взглянулъ съ изумленіемъ на Витте и говорю ему: какъ, вы, ученикъ Вышнеградскаго и поклонникъ идеи золотой валюты, сочиняете планъ, который, если бы высказанъ былъ мною вамъ, вы назвали бы бредомъ отсталаго старовѣра?—«Да, я сочинилъ этотъ

планъ, и онъ не въ противорѣчіи съ идеею золотой валюты, но идетъ рядомъ съ нею: золотая валюта— это для Европы, а планъ строить сибирскую желѣзную дорогу на кредитные билеты исходитъ изъ вѣры, что Россія все можетъ».

Признаюсь, въ эту минуту Витте показался мнѣ выросшимъ, не столько отъ сообщеннаго мнѣ плана, сколько отъ убѣжденнаго тона и вдохновенія въ глазахъ, съ которыми онъ говорилъ о своей вѣрѣ, что Россія все можетъ.

Другой разъ я его познакомилъ съ однимъ пріѣзжимъ, который посвятилъ три года энергичныхъ работъ открытію способа получать прямо изъ свекловицы рафинированный сахаръ. Выслушавъ этого пріѣзжаго, Витте опять-таки убѣжденно сказалъ мнѣ, что онъ съ удовольствіемъ будетъ помогать людямъ въ опытахъ изобрѣтеній на пользу промышленности и на эту помощь жалѣть денегъ не будетъ.

И вотъ, вдохновясь этими прекрасными взглядами на свою миссію, Витте моего пріѣзжаго отправилъ къ Ковалевскому. Ковалевскій отнесся къ его опытамъ съ большимъ вниманіемъ и отдалъ ихъ на провѣрку цѣлой комиссіи экспертовъ, которая послѣ внимательнаго изслѣдованія пришла къ заключенію, что мой пріѣзжій заслуживаетъ поощренія, такъ какъ его опыты въ значительной степени подкрѣпляютъ его предположенія. Въ результатѣ этотъ пріѣзжій получилъ на разработку своего дѣла въ широкихъ размѣрахъ 60 тысячъ рублей.

Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя мнѣ привелось увидѣть другого уже Витте. Оказалось, что опыты дальнѣйшаго развитія дѣла, на которое было отпущено

60 тысячъ, не оправдали ожиданій моего пріѣзжаго, и то, что удавалось въ маленькихъ размѣрахъ, оказалось неудовлетворительнымъ въ большихъ размѣрахъ. Словомъ, бѣднаго труженика постигла неудача, и вотъ этой-то неудачи, стоившей 60 тысячъ казенныхъ денегъ, Витте не могъ простить ни тому, кто ихъ получилъ, ни тому, кто ихъ далъ, то-есть самому себѣ. Я его увидѣлъ въ какомъ-то зломъ состояніи духа. Отъ прекрасной мысли не бояться расходовъ для поощренія изобрѣтательности въ области русской промышленности не осталось и атома. «Этотъ первый опытъ, — говорилъ онъ, чуть не скрежеща зубами, — будетъ послѣднимъ, никому никогда больше копейки не дамъ на какіе бы то ни было опыты изобрѣтеній». И онъ сдержалъ свое жесткое и дурное слово. Всякому, кто обращался съ просьбою о помощи для изслѣдованія или опыта съ изобрѣтеніемъ, закрывались двери, ротъ и уши. Грустное впечатлѣніе я вынесъ отъ разговора съ Витте по поводу этого инцидента съ 60-ю тысячами рублей.—Только маленькій человѣкъ можетъ отъ неудачи перваго опыта прійти къ такому рѣшенію, къ какому вы пришли, — говорилъ я своему собесѣднику, а вы вѣдь не маленькій человѣкъ, и вамъ непростительно отъ первой маленькой неудачи приходить въ такое состояніе, точно васъ ограбили на улицѣ,-- «Хороша маленькая неудача,—отвѣтилъ мнѣ Витте:— 60 тысячъ!»—Что такое 60 тысячъ? Это много, если вы думаете, что больше 50 рублей въ годъ на поощреніе изобрѣтеній нельзя давать, но мнѣ представляется, что именно на поощреніе изобрѣтеній русскій министръ финансовъ долженъ ассигновать милліонъ въ годъ, и тогда 60 тысячъ, неудачно израсходованныя, ни васъ,

ни кого другого въ ужасъ не приведутъ. Зато милліонъ, израсходованный на изобрѣтеніе, можетъ дать и Россіи и казнѣ милліоны.—«Это все мечты», отвѣтилъ Витте.

И тотъ же Витте, который такъ плакалъ надъ 60 тысячами, истраченными, на неудавшіеся опыты съ какою свѣтлою и сладкою улыбкою ссужалъ и давалъ сотни тысячъ своимъ друзьямъ отъ мамоны, почти всегда à fonds perdus!

Во всякомъ случаѣ, это — любопытное соединеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ смѣлаго и грандіознаго проекта строить сибирскую желѣзную дорогу на кредитные билеты и состоянія чуть ли не отчаянія отъ потери 60 тысячъ, выданныхъ на неудавшееся химическое предпріятіе.

Эта вдругъ проявившаяся ненависть къ идеѣ помогать широко изобрѣтателямъ, послѣ того, что эта же идея его обольщала,—интересное явленіе психическое, и хотя она въ громадной области его крупныхъ заслугъ, какъ министра финансовъ, мелочь, но все же эта идея была доступна для осуществленія только такой крупной по иниціативѣ личности, какъ Витте, и если бы онъ послѣ первой неудачи не отказался отъ этой идеи, а посвятилъ свое десятилѣтіе управленія финансами Россіи широкому покровительству русскаго даровитаго и подчасъ геніальнаго ума въ области изобрѣтеній, то не одного, а нѣсколько Эдиссоновъ создала бы Россіи въ разныхъ сферахъ науки и техники.

Подходя къ концу моихъ воспоминаній о минувшемъ царствованіи, я не могу, говоря о Витте, какъ о министрѣ финансовъ, не высказать приходившія мнѣ въ голову въ то время, когда такъ блестяще попра-

вились наши финансы, мысли отъ сопоставленія этого періода нашего финансоваго возрожденія съ длившеюся при Бунге эпохою полнаго финансоваго маразма.

Это былъ періодъ именно какого-то безнадежнаго маразма, но маразма официальнаго, наступившаго послѣ минуты, когда всенародно въ отчетѣ свому Государю честный и добросовѣстный Бунге заявилъ объ истощеніи всѣхъ финансовыхъ рессурсовъ Россіи и о невозможности найти новые. Я назвалъ это официальнымъ маразмомъ, ибо въ немъ не было угасанія, такъ сказать, ни народнаго, ни государственнаго организма. Это доказалъ волшебно быстрый ходъ финансоваго поправленія при Вышнеградскомъ; правда, ему пришли на помощь два года урожая, но все же, сопоставляя эпоху маразма при Бунге съ эпохою финансоваго возрожденія при Вышнеградскомъ, продолжавшагося еще болѣе сильнымъ темпомъ при Витте, нельзя не признать, что одною изъ главныхъ причинъ этого быстраго перехода отъ угнетеннаго финансоваго положенія къ хорошему была та вѣра въ гигантскія силы русскаго государственнаго организма, которой не имѣлъ Бунге, вѣровавшій только въ процессъ примѣненія науки къ дѣлу, но имѣли и Вышнеградскій и Витте. Графъ Д. А. Толстой тоже вѣрилъ въ гигантскія силы русскаго организма, оттого и онъ могъ совершить въ теченіе семи лѣтъ чудеса упорядоченія и успокоенія Россіи съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ Вышнеградскій и Витте творили чудеса въ области государственныхъ финансовъ.

LXII.

Послѣдніе дни царствованія Александра III.

Я подхожу въ своихъ воспоминаніяхъ къ драматическому концу 13-лѣтняго царствованія Монарха, получившаго отъ Бога рѣдкій даръ въ исторіи всѣхъ народовъ—мудрость миротворца для возвеличенія своего государства.

Я назвалъ этотъ конецъ драматическимъ потому, что во всей Россіи, привыкшей къ мысли, что ею правитъ богатырь, до 1894 года никому въ голову не могла прійти мысль о смертельномъ его недугѣ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Вѣдь въ 1894 году Императору Александру III было 50 лѣтъ.

Но, увы, смертельный недугъ таился въ его организмѣ уже въ 1893 году. Драматизмъ же этой преждевременной кончины заключался прежде всего въ томъ, что, подобно Петру Великому, подобно Николаю Первому, Александръ III только тогда призналъ для себя возможнымъ обращеніе къ врачебной помощи, когда борьба науки съ недугомъ являлась почти безсильною.

Сила его духа была такъ велика, что страданія тѣлесныя долгое время не могли ее ослаблять, подъ вліяніемъ того необыкновеннаго сознанія долга работать для своего отечества, которое дѣлало его подвижникомъ и мученикомъ этого долга.

Нѣсколько мѣсяцевъ длилось, такъ сказать, состояніе пролога роковой болѣзни, когда первые признаки ея были извѣстны только камердинеру Государя и его врачу, покойному Гиршу; и такъ какъ, къ сожалѣнію, этотъ врачъ не имѣлъ достаточно авторитета въ глазахъ своего державнаго паціента, и признаки болѣзни не были еще угрожающими, то роковымъ образомъ лѣченіе болѣзни въ ея началѣ подъ руководствомъ авторитетнаго врача не имѣло мѣста. Государь лѣчился урывками, палліативными средствами, не мѣняя своего обычнаго режима, не уменьшая своей умственной работы, не задумываясь надъ угрожающими его здоровью опасностями. Всѣ близкіе къ Нему видѣли въ лицѣ его признаки недуга, но въ то же время видѣли Государя такимъ же свѣтлымъ, какъ всегда, такимъ же исполнителемъ всѣхъ малѣйшихъ своихъ обязанностей.

Но пришла минута, когда признаки болѣзни вдругъ усилились. Тогда приглашенъ былъ снова московскій профессоръ Захарьинъ. Я говорю — снова, ибо въ концѣ 1893 года Захарьинъ былъ приглашенъ лѣчить Государя, когда онъ заболѣлъ инфлюэнцей, довольно серьезной. Онъ нашелъ состояніе царственнаго больного весьма серьезнымъ. Вмѣстилищемъ болѣзни были почки. Самъ собой являлся вопросъ: какъ могла эта болѣзнь въ такомъ здоровомъ организмѣ, сильномъ и крѣпкомъ, зародиться въ такіе годы, когда всякому

извѣстна была жизнь Александра III, съ молодости до зарожденія въ Немъ роковой болѣзни никогда не допускавшаго малѣйшаго излишка, малѣйшаго отступленія отъ духовной и физической гигіены.

На этотъ вопросъ мнѣ пришлось слышать два отвѣта. Первый заключался въ предположеніи связи недуга, поразившаго Государя, съ Борковской катастрофой, — предположеніе, допускавшее возможность, что при паденіи дна вагона Государь получилъ ушибъ въ почки; но по поводу этого предположенія, какъ мнѣ передавали, профессоръ Захарьинъ высказался скептически, такъ какъ, по его будто бы мнѣнію, послѣдствія такого ушиба, если онъ былъ, проявлялись бы раньше, ибо катастрофа въ Боркахъ имѣла мѣсто пять лѣтъ до обнаружившейся болѣзни. Другой отвѣтъ мнѣ передавало одно лицо со словъ профессора Захарьина. Первоначальная и главная причина недуга Государя, по словамъ Захарьина, заключалась въ усиленномъ трудѣ, требовавшемъ сидѣнья надъ дѣловою работою не соотвѣтствовавшаго его сильному физическому организму, требовавшему для обмѣна веществъ, для правильнаго пищеваренія гораздо болѣе физическаго движенія, чѣмъ то, которое въ его возрастѣ рядъ лѣтъ разрѣшалъ себѣ Государь. Въ началѣ своего царствованія Государь ходилъ больше, кололъ дрова для моціона, но потомъ физическое движеніе постепенно стало уменьшаться, а, наоборотъ, работа, требовавшая сидѣнія, стала все увеличиваться. А затѣмъ было о снованіе допустить, что зимняя инфлюэнца затронула почки. Мнѣ кажется, что это объсненіе драматической по своей неожиданости и преждевременности кончины Александра III самое правдоподобное.

Единственнымъ удовольствіемъ, которое имѣлъ Александръ III, была тихая семейная жизнь. Внѣ этого Онъ не искалъ удовольствій и развлеченій, и зналъ только одно — трудъ, трудъ и трудъ на благо своей родины, которую Онъ съ раннихъ лѣтъ любилъ, какъ святыню.

И вотъ въ теченіе мѣсяцевъ, длившихся до отбытія больного Государя въ Крымъ, продолжались доклады министровъ попрежнему. На министровъ они производили глубокое впечатлѣніе, ибо они видѣли, что Государь страдаетъ, а между тѣмъ Онъ выслушивалъ каждое дѣло съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ слушалъ во дни, когда былъ здоровъ, Онъ разговаривалъ, шутилъ и улыбался, какъ будто не страдалъ, говорилъ о будущемъ, точно оно Ему представлялось безоблачнымъ, и каждый изъ министровъ долженъ былъ все время имѣть передъ Государемъ свѣтлое лицо и, на вопросъ о здоровьи, выслушивать все тотъ же беззаботный отвѣтъ: «ничего крѣплюсь».

Эта борьба духа съ усиливающимся тѣлеснымъ недугомъ, какъ всѣ мы поняли уже послѣ рокового событія 20 октября, въ своемъ драматизмѣ представляла нѣчто роковое, ибо она, въ сущности, изображала собою положеніе, въ которомъ обыкновенные больные съ хроническимъ недугомъ и съ извѣстными матеріальными средствами не могутъ быть, такъ какъ, при первомъ же ясномъ признакѣ болѣзни, больной по совѣту врачей отправляется въ лѣчебное мѣсто, затѣмъ отдыхаетъ послѣ лѣченія въ какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ воздухъ дѣйствуетъ ободряюще, а зиму проводитъ въ тепломъ или умѣренномъ климатѣ. Въ исторіи же болѣзни Государя Александра III главную и роковую

роль играло не то, что происходитъ съ болѣзнью простого смертнаго, а, какъ я сказалъ, нѣчто особенное и роковое—борьба духа съ недугомъ, при которой лѣченіе получаетъ второстепенное значеніе. И вслѣдствіе этого, чѣмъ сильнѣе была борьба духа съ недугомъ въ царственномъ больномъ, тѣмъ слабѣе могла быть помощь лѣченія, тѣмъ сильнѣе должно было быть разрушительное дѣйствіе недуга.

Въ 1903 году, какъ я сказалъ, Государь заболѣлъ серьезно, и эту болѣзнь назвали инфлуэнцей. Казалось бы, послѣ болѣзни необходимо было конецъ зимы и весну провести въ тепломъ климатѣ, чтобы оправиться отъ послѣдствій зимней болѣзни и въ этомъ климатѣ предпринять лѣченіе противъ признаковъ обнаружившейся болѣзни почекъ. Но Государь, не мѣняя образа жизни и утомительныхъ занятій, оставался въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ, и до такой степени не считался со своимъ здоровьемъ, что въ концѣ августа и сентябрѣ назначилъ два пребыванія для охоты—одно въ Бѣловѣжской пущѣ, а другое въ Спалѣ, въ Привислинскомъ краѣ. Такимъ образомъ, въ Россіи жилось такъ, какъ будто черной тучи, показавшейся и расширявшейся на горизонтѣ, никто не замѣчалъ.

Но вдругъ, 18 сентября 1894 года, въ газетахъ появилось слѣдующее краткое офиціальное извѣстіе: «*Здоровье Его Величества со времени перенесенной Имъ въ прошломъ январѣ тяжелой инфлуэнцы не по правилось совершенно, лѣтомъ же обнаружилась болѣзнь почекъ (нефритъ), требующая для болѣе успѣшнаго лѣченія въ холодное время года пребыванія Его Величества въ тепломъ климатѣ. По совѣту профессоровъ Захарьина и Лейдена, Государь отбы-*

ваетъ въ Ливадію для временнаго тамъ пребыванія». И 18-го же сентября Ихъ Величества съ дѣтьми выѣхали изъ Спалы и направились въ Крымъ.

Съ этой минуты началось тревожное состояніе умовъ въ Россіи, ибо всѣ поняли, что если такой авторитетъ, какъ Захарьинъ, призналъ нужнымъ для себя помощь берлинскаго профессора Лейдена, то болѣзненное состояніе Государя должно внушать опасеніе.

Ровно недѣлю спустя появилась телеграмма изъ Ливадіи, сообщавшая, что Государь присутствовалъ на обѣднѣ въ Ливадійской церкви и днемъ совершилъ прогулку до Айтодора. Она слегка ободрила умы.

Въ теченіе послѣдующихъ десяти дней было получено нѣсколько телеграммъ о прогулкахъ Государя по окрестностямъ Ливадіи, поддерживавшихъ это немного ободренное настроеніе умовъ.

Но 5 октября, какъ первый громовой ударъ, поразила Россію телеграмма о бывшемъ наканунѣ консиліумѣ врачей, профессоровъ Захарьина, Лейдена, Попова, Вельяминова, слѣдующаго содержанія: «*Болѣзнь, почекъ не улучшилась, силы уменьшились.* Врачи надѣются, что климатъ южнаго берега Крыма повліяетъ на состояніе здоровья Августѣйшаго больного».

Увы, повязка спала съ глазъ всѣхъ русскихъ. Всѣ поняли, что всѣ предшествовавшія телеграммы, начиная съ самого отъѣзда Государя изъ Петербурга, были иллюзіями, подъ звуки которыхъ богатырь духа утаивалъ отъ своего народа свою героическую побѣду духа надъ страданіями тѣлесными. Всѣ поняли, что первая часть телеграммы была первымъ предвѣстникомъ приближающейся драмы, а вторая часть была приписана опять какъ иллюзія.

И дѣйствительно, черезъ день появилась телеграмма изъ Ливадіи въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «*Въ состояніи здоровья Государя Императора замѣчается ухудшеніе; общая слабость и слабость сердца увеличились*».

7 октября телеграмма изъ Ливадіи была еще печальнѣе:

«*Ночь на 7 октября прошла почти безъ сна. Утромъ Государь, какъ всегда, вставалъ. Общая слабость и слабость сердца тѣ же. Отекъ ногъ нѣсколько увеличился*».

9 октября телеграмма изъ Ливадіи возвѣстила, что хотя сонъ былъ лучше, и самочувствіе и аппетитъ нѣсколько лучше, но общее состояніе не измѣнилось.

11 октября телеграфный бюллетень извѣщалъ о томъ, что отекъ ногъ нѣсколько увеличился. То же сообщилъ бюллетень 12 октября. Бюллетень 14 октября сообщалъ о хорошемъ снѣ и хорошемъ аппетитѣ, но въ то же время объ увеличеніи слабости и отековъ, дающемъ представленіе о силѣ этого организма въ борьбѣ съ разрушающею его болѣзнью. 15 октября оба бюллетеня говорили о болѣе удовлетворительномъ состояніи сердца, о лучшемъ самочувствіи, объ уменьшеніи слабости. Бюллетени 16 октября кратко сообщали объ отсутствіи перемѣнъ. Увы, 17 октября тонъ бюллетеня уже сталъ грознымъ: онъ говорилъ объ отсутствіи аппетита, о слабости и о появленіи въ мокротѣ, отъ усилившагося кашля, крови.

Телеграммы 18 октября лишили Россію той послѣдней надежды, которая по временамъ вспыхивала отъ малѣйшаго намека на улучшеніе. Возвѣщены были признаки начала воспаленія легкихъ, появилась ли-

хорадка, значительно увеличились отеки ногъ, и произнесены были два ужасныхъ слова: *положеніе опасное.*

19 октября телеграмма лаконически возвѣстила только о большой общей слабости.

20 октября были отправлены въ 9 и въ 11 часовъ утра три послѣднія телеграммы о жизни Государя: первая возвѣстила о положеніи крайне опаснымъ, вторая—о полномъ сознаніи умиравшаго больного, а третья—о томъ, что Онъ пріобщился Святыхъ Таинъ, въ третій разъ, въ полномъ сознаніи.

21 октября появился манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Николая Второго.

Вслѣдъ за манифестомъ сквозь искреннія слезы русскіе люди прочитали слѣдующія строки телеграммы изъ Ливадіи о послѣднихъ минутахъ жизни и царствованіи Царя, имѣвшаго право сказать передъ своею кончиною слова Евангелиста о Христѣ: «возлюбихъ своихъ сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ».

Вотъ эти строки:

«9 и 17 октября Государь пріобщился Святыхъ Таинъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ Государь сказалъ Императрицѣ: *чувствую конецъ, будь покойна. Я совершенно спокоенъ.* И, собравъ всю семью около Себя, пригласилъ духовника своего, о. Янышева, и пріобщился съ великимъ умиленіемъ, произнося вслухъ яснымъ для всѣхъ голосомъ молитву предъ причащеніемъ, сидя въ креслахъ. Послѣ обѣдни Онъ позвалъ отца Іоана Кронштадтскаго и молился съ нимъ, и воспріялъ помазаніе елеемъ. Въ два часа дня усилился пульсъ, и взоръ Царя какъ-будто оживился. Но четверть часа спустя, закрывъ глаза и откинувъ голову, Онъ предалъ духъ«.

Что сказалъ этотъ послѣдній, оживившійся за четверть часа до кончины взглядъ Государя?

Дерзаю отвѣтить, имѣвъ отраду съ 17-лѣтняго возраста Государя знать близко эту чудную душу, то этотъ въ послѣдній разъ оживившійся взглядъ былъ для любимаго имъ русскаго народа и означалъ исторію его царствованія: вступивъ на престолъ, Онъ первый взглядъ Царя далъ Россіи и, умирая, Онъ далъ ей свой послѣдній взглядъ, и въ обоихъ взглядахъ сіяли любовь и благословеніе мира.

За десять дней до кончины Богъ послалъ умиравшему Государю послѣднюю на землѣ радость — радость Отца о своемъ возлюбленномъ Сынѣ Первенцѣ и Наслѣдникѣ, освѣтившую Его страдальческій ликъ въ тотъ моментъ, когда Цесаревичъ Николай Александровичъ подвелъ къ Нему только-что прибывшую изъ Дармштадта Свою Невѣсту Принцессу Алису, нынѣшнюю Императрицу Александру Ѳеодоровну. И если свѣтлое настроеніе Жениха было омрачено въ эти дни тяжелою скорбью Сына, зато эта скорбь облегчалась сознаніемъ, что радость о Немъ являлась послѣднимъ свѣтлымъ лучемъ, озарившимъ кончину возлюбленнаго Родителя и облегчившимъ его предсмертныи страданія.

Когда по всей Россіи раздался колокольный звонъ печали, возвѣстившій о кончинѣ Царя Александра III, тогда въ устахъ тысячей и тысячей людей произносились изъ конца въ конецъ Россіи два слова: *кончина праведника.*

Да, это была въ полномъ смыслѣ слова *кончина праведника,* вѣнчавшая жизнь и царствованіе богатыря духа во образѣ Царя, мудро правившаго, ясно

видѣвшаго, чутко прислушивавшагося къ нуждамъ своего народа, во образѣ человѣка съ юныхъ лѣтъ сіявшаго, какъ чистѣйшій хрусталь, совѣстью и цѣломудреннымъ сердцемъ, любившаго свой народъ и свое отечество съ такою силою, что эта любовь являлась полнымъ осуществленіемъ идеала той любви, которую Христосъ охарактеризовалъ словами: *больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*».

Царь Александръ III именно душу свою положилъ за други, во образѣ своего великаго народа. И смерть Его въ возрастѣ сильномъ и крѣпкомъ явилась прежде времени только потому, что Царь, забывъ о себѣ и о своихъ, отдалъ себя всецѣло на трудъ для своего народа, стоившій ему жизни.

LXIII.

(1894 годъ).

Надъ могилою великаго Царя.

Вотъ и могила закрылась подъ прахомъ великаго Царя.

Я сказалъ: *великій*.

Не преувеличилъ ли я оцѣнку Его свѣтлой личности?

Этотъ вопросъ я задаю своей совѣсти 18 лѣтъ послѣ закрытія могилы надъ гробомъ Александра III, когда не благоговѣйная любовь къ нему ослабѣла отъ напора на душу 18 лѣтъ жизни,—нѣтъ, она угаснетъ вмѣстѣ съ моею жизнью,—но когда ударъ 20 октября по душѣ ослабѣлъ, и прежніе года дали возможность, на минувшее почти 14-лѣтнее царствованіе, глядѣть въ покорномъ и безпристрастномъ настроеніи.

И вотъ окончивъ мои воспоминанія объ этомъ, царствованіи, и объ этомъ Царѣ, 18 лѣтъ послѣ Его кончины, я не боюсь суда исторіи, на вопросъ моей совѣсти: не преувеличиваю ли я историческое значеніе личности и царствованія Александра III, назвавъ ихъ

великимъ я отвѣчаю: нѣтъ, я не преувеличиваю ихъ оцѣнку: Царь Александръ III былъ великимъ Русскимъ Государемъ.

Онъ былъ великъ не громкими и славными дѣлами, Онъ былъ великъ духомъ Своего Царствованія, духомъ Своего служенія Россіи, проникавшимъ постепенно не только во всѣ пути и тропинки духовной жизни Государства, какъ цѣлебное, успокаивающее врачеваніе, но шедшее дальше за предѣлы Россіи, какъ волшебный двигатель и миролюбія, и миротворенія. И сила этого духа была такъ велика, что уже послѣ первыхъ годовъ царствованія Александра III вся Европа, съ Бисмаркомъ, знавшимъ—толкъ въ вопросѣ о величіи, во главѣ, сознавала, что Россія ростетъ государственною мощью, отражая въ себѣ ростъ Своего Монарха.

Историографъ Его призванъ невольно сопоставлять это дѣйствіе Царя, названнаго своимъ народомъ Миротворцемъ, на Европу, и это признаніе Европою роста и возвышенія Россіи отъ роста ея Монарха, съ другимъ Царемъ Александромъ, съ Александромъ I, тоже названнымъ Россіею и Европою великимъ, и сопоставлять, говорю я, для того, чтобы наглядно изобразить различіе между сими двумя великими Александрами.

Первый свое величіе и свою славу въ мірѣ, добылъ во главѣ своего войска торжественнымъ шествіемъ черезъ всю Европу, при громѣ побѣдъ, возвеличавшихъ Побѣдителя величіемъ побѣжденнаго. Но эта побѣда была куплена дорогою цѣною многочисленныхъ жизней героевъ и тяжелымъ ослабленіемъ экономическихъ силъ Государства, надолго ослабившимъ его внутренній ростъ.

Александръ III въ продолженіе Своего Царствованія не вынувъ меча изъ ноженъ, добылъ Свое величіе тоже свершая побѣдоносное шествіе черезъ Европу, но это шествіе и эти побѣды совершалъ волшебно его духъ, и объ этомъ шествіи и объ этой побѣдѣ свидѣтельствуетъ громко лѣтопись всего свѣта, вѣщающая, что благодаря вліянію Русскаго Монарха Александра III, невзвлекшаго меча изъ ноженъ, и въ Европѣ мечи не вынимались изъ ноженъ, и во славу мира ни капли солдатской крови не было пролито.

Но независимо отъ земного величія, царствованіе Александра III имѣло особенный характеръ, который я немогу назвать инымъ словомъ, какъ словомъ: *священный*. Невольно, воспоминая о немъ, я переношусь мыслями къ Царствованію Перваго Царя Романовскаго рода, Царя Михаила Федоровича.

Онъ былъ избранникомъ Русскаго народа, призвавшаго Бога на помощь, въ трудную минуту, и слѣдовательно онъ былъ избранникомъ Божьяго вдохновенія. Императоръ Александръ III былъ тоже явнымъ избранникомъ Божіимъ.

Онъ родился вторымъ сыномъ Своего Родителя Императора Александра II, и до 20-лѣтняго возраста готовился быть помощникомъ своего старшаго брата Цесаревича Николая Александровича. Вся воспитательная энергія была сосредоточена надъ этимъ Старшимъ братомъ, благодаря тому особенно заботливому воспитанію, для котораго даровитая натура Цесаревича Николая Александровича была благодарною почвою, такъ что послѣ 20 лѣтъ онъ представлялъ собою для всѣхъ подходившихъ къ нему, можно сказать идеально подготовленнаго наслѣдника Престола, 21 года

Онъ объявленъ женихомъ Принцессы Датской Дагмаръ. Но 22 лѣтъ онъ тихо умиралъ на берегу Средиземнаго моря, послѣднимъ помысломъ поручая свою невѣсту своему возлюбленному брату и премнику его земныхъ правъ, его земной роли.

Эти слова: *возлюбленный братъ* не фраза: въ нихъ заключенъ былъ смыслъ того, что я сейчасъ сказалъ, назвавъ Александра III избранникомъ Божіимъ. Надъ его судьбою поразительно сбылось давнишнее изреченіе человѣка: человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ. Знавъ близко обоихъ братьевъ, теперь когда прошло съ 1861 года почти полвѣка, я понялъ смыслъ этого драматическаго событія кончины идеально подготовленнаго воспитаніемъ Наслѣдника Александровича на разсвѣтѣ его весны, и замѣны его, его братомъ, воспитаннымъ такъ сказать обыкновеннымъ путемъ, блѣднѣвшимъ передъ Своимъ Старшимъ Братомъ. Я сказалъ про его старшаго брата, что онъ былъ идеально воспитанъ. Да, но въ то же время про это воспитаніе можно было сказать, что Цесаревичъ Николай Александровичъ былъ не только взлелѣянъ этимъ воспитаніемъ, но избалованъ имъ, въ томъ смыслѣ, что эта доведенная, такъ сказать до совершенства, благодаря попечителю его гр. Сергѣю Григорьевичу Строганову, воспитательная школа неизбѣжно ослабляла энергію самовоспитанія, и почти всю дѣятельность его даровитаго ума сосредоточивала надъ работою мысли для задачи разбираться въ массѣ воспринимавшихся имъ знаній, и разнообразныхъ политическихъ взглядовъ. Съ другой стороны натура его была мягкая, впечатлительная, отчасти нерѣшительная, отчасти недовѣрчивая къ себѣ и недовѣрчивая къ дру-

гимъ, и при всѣхъ обаятельныхъ его чарахъ умственныхъ, чувствовалось порою, что онъ недостаточно хозяинъ своего богато одареннаго, и богатовоспитаннаго «я».

Въ роковой день 1 марта 1881 года, то-есть 15 лѣтъ послѣ кончины Цесаревича Николая Александровича, я живо его воскресилъ въ своей памяти, я понялъ припоминая всѣ подробности его прекрасной личности, что Богъ его отозвалъ отъ предстоящей ему судьбы, потому что хотя онъ былъ подготовленъ къ престолу. Онъ не могъ быть на своей натурѣ и по главнымъ чертамъ своей личности готовымъ принять царское наслѣдство *послѣ 1 марта*. Онъ былъ для этой трудной задачи слишкомъ избалованъ воспитаніемъ въ условіяхъ нормальныхъ и спокойныхъ, онъ былъ слишкомъ не довѣрчивъ въ себѣ, и недостаточно хозяиномъ своего духовнаго «я».

Но онъ успѣлъ въ то же время прожить на столько, чтобы годы расцвѣта его весны, его умственнаго развитія, всецѣло посвятить своему возлюбленному брату Александру Александровичу... Когда не стало Цесаревича Николая Александровича, я понялъ, что пока его съ такою заботою готовили къ престолу, какъ бы по вдохновенію отъ Бога, онъ самъ не себя готовилъ къ престолу, а своего возлюбленнаго брата, пріобщая его постоянно къ своему духовному міру. И то что для будущности великаго князя Александра Александровича не давало ему обыкновенное воспитаніе, то восполняла рядомъ лѣтъ дружба его подготовлявшагося къ престолу Старшаго Брата. А въ то же время и понялъ, что это обыкновенное воспитаніе простого великаго князя, такъ сказать не тиранизируя его избыткомъ воспитательныхъ заботъ, давало большій про-

сторъ ему, чѣмъ его брату, для самовоспитанія, то есть для пріобрѣтенія большаго довѣрія къ себѣ въ смыслѣ самопомощи. И если къ этому прибавить, что по счастливому выбору Императора Александра II главное воспитательное вліяніе на второго его сына въ годы юности и первой молодости имѣлъ такой чудной, и чистой русской души человѣкъ, какимъ былъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, то становится понятнымъ почему все это вмѣстѣ получило символическое значеніе подготовленія Божьимъ промысломъ Своего избранника на Русскій престолъ, помимо человѣческихъ предположеній.

Но когда свершилась драма 12 апрѣля 1865 года въ Ниццѣ, и новый Наслѣдникъ престола, по возвращеніи изъ Ниццы сидѣлъ со мною на Елагинскомъ островѣ въ тихій лѣтній вечеръ, на берегу Невы, и сказалъ мнѣ: «я одно только понимаю, что я ничего не понимаю», онъ высказалъ то, что мы всѣ думали, подъ вліяніемъ свершившагося событія, поразившаго не столько неожиданностью, ибо кончина Цесаревича длилась долго, сколько тѣмъ, что оно было непонятно, какъ ударъ воли судебъ.

Но потомъ, когда понемногу, стала утихать скорбь въ душѣ новаго Наслѣдника престола, дума о непонятномъ тоже стала замирать въ его умѣ, и мнѣ пришлось уже быть свидѣтелемъ того святого смиренія, и той безпредѣльной вѣры въ Бога, съ которыми онъ воспріялъ посланный ему Богомъ жребій, вставъ такъ сказать во весь свой ростъ, и собравъ всѣ свои духовныя силы въ одну непобѣдимую энергію, непобѣдимую именно вслѣдствіе вѣры въ Бога, и отдалъ всю свою духовную личность на задачу самовоспитанія для ожидающаго его дѣла.

И основами этого самовоспитанія явились воспитаніе имъ полученное отъ почившаго возлюбленнаго брата и то самовоспитаніе которымъ онъ восполнялъ свое обыкновенное воспитаніе.

И съ той минуты жизнь будущаго Государя сдѣлалась дѣйствительно самовоспитаніемъ, даже болѣе того,—подвигомъ самовоспитанія, ибо съ той минуты Цесаревичъ Александръ Александровичъ, отказался отъ всего того, что называется удовольствіями жизни, и всю свою жизнь отдалъ сближенію съ Россіею, своей службѣ въ войскахъ, и семьѣ. Этотъ подвигъ самовоспитанія длился 16 лѣтъ. Въ теченіе этихъ 16 лѣтъ онъ значительную часть всего дня и своей умственной работы отдалъ слушанію людей. Онъ искалъ людей, чтобы призывать ихъ къ себѣ, ихъ слушать, признавая это слушаніе людей всѣхъ сферъ самымъ лучшимъ средствомъ узнавать Россію. И онъ умѣлъ слушать, какъ умѣлъ слушая учиться... Этимъ путемъ онъ узналъ народныя нужды, новыя мысли, изобрѣтенія ума заслуживающія вниманія, и всякій честный труженикъ, нуждавшійся въ одобреніи и въ помощи для своего труда, находилъ ихъ въ Аничковомъ Дворцѣ. Одно не имѣло никогда доступа въ его жилище, это пустосвѣтская болтовня, сплетни, интриги, клевета и разумѣется лесть. Малѣйшее ея проявленіе, и всегда свѣтлое и привѣтливое лицо будущаго Государя омрачалось, брови сдвигались, и видѣвшіе эту перемѣну въ лицѣ Цесаревича понимали, что приговоръ надъ льстецомъ былъ произнесенъ его правдолюбивою душою.

Но лесть и духъ сплетенъ доходившій до лжи и клеветы, изгнанные изъ Аничковскаго Дворца искали себѣ доступа въ тайникахъ Зимняго Дворца, подкра-

дываясь подъ маскою лицемѣрной преданности, съ намеками на какую то политическую оппозицію, будто бы скрывавшуюся въ отношеніяхъ Цесаревича къ людямъ, которыхъ онъ призывалъ для бесѣдъ по интересовавшимъ его вопросамъ. Въ извѣстныхъ куртизанскихъ кружкахъ, слова: «Аничковъ Дворецъ» звучали какъ синонимъ какого то особаго политическаго лагеря, по сплетнямъ однихъ реакціоннаго, по словамъ другихъ оппозиціоннаго, и хотя Императоръ Александръ II слишкомъ любилъ своего сына и слишкомъ твердо вѣрилъ въ него, чтобы подчиняться вліянію подкрадывавшимся замысламъ клеветы, но все же клевета оставляла à la longue извѣстную горечь въ умѣ Государя, въ видѣ оттѣнковъ безпокойства, которые въ свою очередь огорчали честнѣйшую и всегда открытую думу Цесаревича.

На самомъ же дѣлѣ, не только не было ничего похожаго въ Аничковскомъ Дворцѣ на оппозиціонный лагерь, но нельзя было не благоговѣть передъ тѣмъ огромнымъ и въ то же время тончайшимъ тактомъ, который Цесаревичъ во всемъ, со всѣми и вездѣ проявлялъ и въ отношеніяхъ къ своимъ собесѣдникамъ, и къ своимъ приближеннымъ, въ обсужденіи какихъ бы то ни было политическихъ вопросовъ. Этотъ же тактъ строго соблюдали всѣ близкіе Цесаревичу лица, никогда не позволявшіе себѣ ни въ присутствіи Цесаревича, ни внѣ стѣнъ Аничкова Дворца какихъ бы то ни было проявленій оппозиціи въ сужденіяхъ о Государевой политикѣ. Къ счастью пришла минута, когда одна изъ пущенныхъ въ Аничковъ Дворецъ стрѣлъ побудила Государя заговорить съ своимъ сыномъ съ тою сердечною откровенностью, которая и въ

Цесаревичѣ вызвала объясненія столь же откровенныя, и когда Государь услыхалъ въ словахъ огорченное сына негодованіе его души отъ гнусныхъ попытокъ людей вооружить отца противъ сына, тогда лицо Государя просвѣтлѣло, и обнявъ Своего сына Онъ прекратилъ разговоръ на эту тему, и съ этой минуты ясная погода навсегда установилась между Государемъ и Его Наслѣдникомъ. Благодаря этой ясной погодѣ Государь сталъ обращаться къ Своему сыну, какъ къ совѣтнику по важнымъ государственнымъ вопросамъ, и не принималъ никакихъ рѣшеній по серьезнымъ вопросамъ не посовѣтовавшись съ сыномъ.

Эта роль совѣтника Своего Отца и Государя была послѣднею подготовительною школою Цесаревича по своему царственному просьбою...

И въ ужасный день 1 марта новый Русскій Государь подъ страшнымъ ударомъ, поразившимъ Его и Россію, снова какъ въ 1865 году, но въ минуту еще болѣе тяжелую, не только не упалъ духомъ, но собравъ всѣ силы своей вѣрующей въ Бога и въ Россію душой въ одну мощь энергіи, всталъ во весь свой ростъ и далъ Богу, своему народу и себѣ обѣтъ счастье и силу своего народа основать на водвореніи порядка, а водвореніе порядка основать на власти сильной и честной.

А какъ свято сдержалъ великій духомъ Императоръ Александръ Третій свой обѣтъ, ясно видно изъ моихъ строго правдивыхъ воспоминаній.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	стран.
I. (1881 годъ).—Личность новаго Императора	1
II. (1881 годъ).—Люди при новомъ Государѣ и около него	6
III. (1881 годъ).—Назначеніе Н. М. Баранова.—Временая побѣда гр. Лорисъ-Меликова	16
IV. (1881 годъ)—Уходъ графа Лорисъ-Меликова	22
V. (1881 годъ)—Графъ Н. П. Игнатьевъ	28
VI. (1881 годъ).—Графъ Игнатьевъ	34
VII. (1881 годъ).—Нежданное	40
VIII. (1881—1882 годы).—Министерская кухня	45
IX. (1881—1882 годы).—Новыя министры	50
X. (1881—1882 годы).—Н. М. Барановъ	55
XI. (1881—1882 годы).—И. Д. Деляновъ	60
XII. (1883 годъ).—Графъ С. Г. Строгановъ	65
XIII. Князь Горчаковъ.—Гирсъ	70
XIV. Адмиралъ Шестаковъ	77
XV. Исторія царствованія Императора Александра II для народа	82
XVI. (1882 годъ).—Уходъ гр. Игнатьева. Назначеніе гр. Дмитрія Андреевича Толстого	87
XVII. (1882 годъ).—Графъ Д. А. Толстой	93
XVIII. (1882 годъ).—Начало дѣятельности гр. Д. А. Толстого	98
XIX. (1882 годъ).—Иванъ Николаевичъ Дурново	103
XX. (1882 годъ).—Святая дружина.—Генералъ Грессеръ	108
XXI (1882 годъ).—Дѣйствіе на Русскую жизнь управленіе графа Толстого	113
XXII. (1883 годъ).—Мое свиданіе съ Государемъ	118
XXIII. (1883 годъ).—Мой кабинетъ.—И. С. Тургеневъ	123
XXIV. (1883 годъ).—Грессеръ.—Болгарскій инцидентъ.—Эпизодъ съ пьесою Б. Маркевича „Чадъ жизни“	131
XXV. (1883 годъ).—А. К. Гирсъ, нашъ новый министръ иностр. дѣлъ	135
XXVI. (1883 годъ).—О Кахановской комиссіи	140
XXVII. (1883 годъ).—О врачахъ при Государѣ	146
XXVIII. (1884 годъ).—Ѳаддеевъ и Черняевъ	152
XXIX. (1884 годъ).—Преобразованіе комиссіи прошеній.—Передача петербургскихъ больницъ въ вѣдѣніе города.—Графъ Э. Т. Барановъ	158

XXX. (1884 годъ).—Скерневицкое свиданіе 165
XXXI. (1884 годъ).—Мое первое драматическое произведеніе.—комедія „Болѣзни сердца“ 177
XXXII. (1884 годъ).—О Кахановской комиссіи. — Пазухинъ—ея дѣтище 182
XXXIII. (1885 годъ).—Афганская тревога.—Юбилей дворянской грамоты 187
XXXIV. (1885 годъ).—Бесѣда съ Государемъ.—Финалъ Кахановской комиссіи 194
XXXV. (1885 годъ). —Осложненіе на Балканахъ 200
XXXVI. (1885 годъ)—Новый министръ юстиціи Манасеинъ 206
XXXVII. (1885—1886 годы).—Взглядъ Государя на свободу печати.—Конкевичъ и Чихачевъ 211
XXXVIII. (1885—1886 годы).—О дворянскомъ банкѣ и Картавцевѣ. Разговоръ съ министромъ финансовъ Бунге 217
XXXIX. (1885—1886 годы).—П. С. Ванновскій 224
XL. (1885 годъ).— Закрытіе Кахановской комиссіи. — Пазухинъ.—Кремзирское свиданіе 230
XLI. (1885 годъ).—О столѣтнемъ юбилеѣ дворянской грамоты . 236
XLII. (1886 годъ).—И. С. Аксаковъ 243
XLIII. Совѣщаніе министровъ.—Шагъ наверхъ Вышнеградскаго. 253
XLIV. (1886 годъ).—И. А. Вышнеградскій 259
XLV. (1886 годъ).—Болгарскія событія 264
XLVI. (1887 годъ).—Александръ III и Европа къ началу 1887 г.—Новое назначеніе 1 января 271
XLVII. (1887 годъ).—Заглавіе 277
XLVIII (1887 годъ). Проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ 283
XLIX. Дворянство и земскіе начальники 291
L. (1888 годъ).—Крушеніе царскаго поѣзда 297
LI. (1888 годъ).—Смерть Императора Вильгельма I-го. 305
LII. Татищевскіе четверги 312
LIII. Франко-русскія демонстраціи 318
LIV. (1889 годъ).—Мысли о земскихъ начальникахъ. 326
LV. К. П. Побѣдоносцевъ и Т. И. Филипповъ 333
LVI. Т. И. Филипповъ 340
LVII (1889 годъ).—Кончина графа Дмитрія Андреевича Толстого. Его преемникъ, И. Н. Дурново 346
LVIII. С. Ю. Витте 255
LIX. О введеніи земскихъ начальниковъ 365
LX. (1892 годъ).—Новыя назначенія 375
LXI. Приливъ среднихъ гостей. — Мои отношенія къ министрамъ.—Черты тогдашняго Витте 386
LXII. Послѣдніе дни царствованія Александра III 396
LXIII. (1894 годъ). Надъ могилою великаго Царя 406

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 053617467